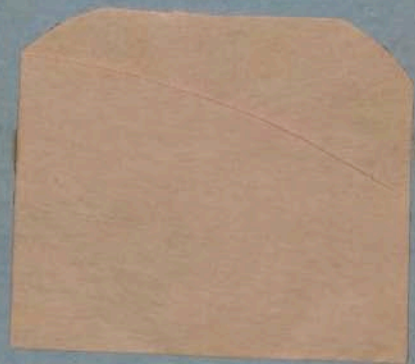

9121
258

02 03
Проверено

409
М. Довнаръ-Запольскій.

9(и)1
А 58

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО

ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО

ПРИ

ЯГЕЛЛОНАХЪ.

Томъ I.

Библиотека
№ 13013
1953 г.
Экономический

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владимира
Акціон. Общ-ва печати, и издат. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская уз.
1901.

М. Довнаръ-Запольскій.

с. Яковлева

19²⁵/_{IV} 02 г.

9/471

906

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО

ОГЛАВЛЕНИЕ
ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО

ПРИ

ЯГЕЛЛОНАХЪ.

Томъ I.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акціон. Общ-ва печати и издат. для Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мериновская ул.
1901.

УЧЕБНИК

ПОСРЕДСТВЕННЫЕ ССЫЛКИ

Печатно-полиграфическое предприятие "Современная типография" г. Москва
 Издано в 1988 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	1
ГЛАВА I. Введение	2 - 9
1. Общие сведения о языке (2-3); 2. Место языка в системе языков (3-4); 3. Цели и задачи курса (4-5); 4. Структура курса (5-6); 5. Методика преподавания (6-7); 6. Литература (7-9).	
ГЛАВА II. Лекция, включающая вопросы культуры, истории и лингвистики	10-12
1. Введение (10-11); 2. История языка (11-12); 3. Место языка в системе языков (12-13); 4. Цели и задачи курса (13-14); 5. Структура курса (14-15); 6. Методика преподавания (15-16); 7. Литература (16-17).	
ГЛАВА III. Углубленные вопросы	18-22
1. Введение (18-19); 2. История языка (19-20); 3. Место языка в системе языков (20-21); 4. Цели и задачи курса (21-22); 5. Структура курса (22-23); 6. Методика преподавания (23-24); 7. Литература (24-25).	
ГЛАВА IV. Вопросы культуры	26-32
1. Введение (26-27); 2. История языка (27-28); 3. Место языка в системе языков (28-29); 4. Цели и задачи курса (29-30); 5. Структура курса (30-31); 6. Методика преподавания (31-32); 7. Литература (32-33).	

9. Высшія таможенные пошлины. Тарифъ (492—510). 10. Льготы и привилегіи населенія по платежу мыта (511—531). 11. Таможня, ея округъ и управление (531—558). 12. Таможенные доходы (558—566). Заключение (566—574).

ГЛАВА V. Монетная реглація 575—583

ГЛАВА VI. Земскія подати и повинности 584—798

Предварительныя замѣчанія (584—586). 1. Формы служилого землевладѣнія (586—630). 2. Отношеніе различныхъ элементовъ общества къ земскому землевладѣнію и земской службѣ (630—657). 3. Повинностный характеръ земской военной службы (657—661). 4. Оклады земской военной службы (661—678). 5. Земскія повинности: подводная, дорожная, замковая, сторожевая и постоинная (678—698). 6. Татарщина, ордынщина, посощина, подымщина, поголовщина, воловщина, серебщина и происхожденіе податка земскаго (698—728). 7. Развѣтліе земскаго обложенія (728—765). 8) Специальныя подати съ евреевъ (765—770). 9. Свѣдѣнія о сборахъ земской подати (770—775). 10. Военная служба мѣщанства и крестьянства (775—789). Заключение (789—798).

ГЛАВА VII. Заключение 799—807

Приложенія I—CXII

1-е. Таблица ивнскихъ дворницъ съ обозначеніемъ количества числящейся при нихъ земли и взимаемыхъ съ нихъ платежей по „старому“ и „новому“ окладамъ III—IV
2-е. Доходы отъ мыта малаго, акцизовъ и пр. V—XI
3-е. Таможенные доходы, солоничные и восковничные XII—XLI
4-е. Нѣкоторыя данныя къ исторіи тарифа XLIII—LXXV
5-е. Росписи справцевъ когоръ мытныхъ по всему вел. кн. Литовскому LXXVI—LXXXVIII
6-е. Къ мыту малому и къ монополиямъ LXXIX—XC
7-е. Къ исторіи монетнаго дѣла XC—XCIV
8-е. Къ исторіи правды подати XCV—CII
Свѣдѣнія о сборахъ податей CIII—CXII

Опечатки.

Разработка экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ сторонъ въ изученіи исторіи. Между тѣмъ русская историческая наука до послѣдняго времени мало удѣлила вниманія именно этимъ вопросамъ, разрабатывая преимущественно темы, поставленныя юридической школой русской исторіографіи. Этотъ недостатокъ съ особенною силою чувствуется въ настоящее время, когда общій взглядъ на историческую науку выдвинулъ на первый планъ вопросы экономики, а вмѣстѣ съ ними и финансовъ. Сказанное выясняетъ тѣ причины, которыя побудили автора настоящей книги остановиться при выборѣ темы именно по исторіи финансоваго хозяйства.

Поставивъ сложную и отвѣтственную задачу изученія строя всего государственнаго хозяйства и на протяженіи всего періода, наиболее характернаго для русской исторіи, авторъ долженъ былъ преодолѣть рядъ затрудненій при выполненіи своей работы, что не могло не отразиться на предлагаемомъ изслѣдованіи.

Финансы — *negvus rei publicae*, какъ говорили въ средніе вѣка. Отсюда понятна тѣсная связь финансовыхъ вопросовъ съ экономической, социально-политической и другими сторонами въ исторіи государства. Хотя по этимъ побочнымъ, по отношенію къ темѣ изслѣдованія, вопросамъ кое-что сдѣлано, но при освѣщеніи архивными данными многіе изъ нихъ потребовали новой переработки и во всякомъ случаѣ проверки. Это обстоятельство затягивало работу, отлекая вниманіе къ побочнымъ вопросамъ, и расширяло ее, побуждая внести нѣкоторые изъ нихъ въ настоящее изслѣдованіе.

Другое затрудненіе заключалось въ состояніи источниковъ, на которыхъ основано настоящее изслѣдованіе. Въ основу его положено

изучение Метрики Литовской, хранящейся нынѣ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Но дѣло въ томъ, что сохранившіеся отдѣлы архива государственной канцеляріи Великаго княжества Литовскаго, представляя собою богатѣйшій матеріалъ для изученія вопросовъ права, частью экономическихъ, для нашей цѣли являются матеріаломъ далеко не достаточнымъ; среди сохранившихся книгъ нѣтъ книгъ и актовъ скарбовой канцеляріи (за исключеніемъ нѣсколькихъ книгъ Публ. Дѣлъ и Переп. Лит.), т. е. основнаго для нашей цѣли источника. Въ сохранившихся книгахъ спорадически встрѣчаются документы финансоваго характера (напр., аренды, залоговые контракты, уставы, универсалы и пр.) только потому, что многіе изъ нихъ проходили черезъ руки канцлера, или заносились въ книги Судныхъ Дѣлъ и Записей, такъ какъ лично исходили отъ господари въ качествѣ уставъ, универсаловъ или судебныхъ рѣшеній; встрѣчаются, правда, спорадически и документы, вышедшіе изъ скарбовой канцеляріи (напр., приходо-расходныя записи), попадавшіе въ книги, очевидно, при переносѣ ихъ въ концѣ XVI в. Отсюда понятно, что мнѣ не удалось съ достаточною полнотою освѣтить нѣкоторые вопросы; въ особенности недостатокъ данныхъ чувствовался тогда, когда приходилось приступать къ обзору количественнаго роста финансовыхъ средствъ.

Предположеніе о томъ, что скарбовыя книги могли сохраниться въ другихъ архивахъ, побудило автора предпринять сложные поиски въ архивахъ и древлехранилищахъ. Такимъ образомъ авторомъ изучены: собраніе Имп. Публичной Библиотеки, Военно-ученый архивъ Главнаго Штаба, собраніе рукописей Библиотеки Главнаго Штаба, Архивъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, Архивъ Варшавской Казенной Палаты, Главный Варшавскій Архивъ, собраніе гр. Красинскихъ въ Варшавѣ (къ сожалѣнію, весьма бѣгло), Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, сдѣланы развѣдки въ двухъ центральныхъ архивахъ Западнаго края, а также въ мѣстныхъ архивахъ Губернскихъ Управленій и Казенныхъ Палатъ ¹⁾ (последнее сдѣлано мною при содѣйствіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, за что приношу Обществу

¹⁾ Къ такимъ поискамъ побуждалъ тотъ фактъ, что въ Гродненской Казенной Палатѣ сохранились книги и акты XVI вѣка, переданные ею въ Виленскую Публичную Библиотеку.

глубокую благодарность). Для моихъ ближайшихъ цѣлей я, какъ мнѣ кажется, ознакомился въ достаточной мѣрѣ съ названными собраніями и многое извлекъ по другимъ вопросамъ. Хотя я и напелъ въ нѣкоторыхъ изъ архивовъ весьма цѣнные данныя, однако мнѣ не удалось отыскать болѣе или менѣе компактнаго подбора документовъ и книгъ скарбовой канцеляріи: еще въ половинѣ XIX в. кое-какія изъ этихъ книгъ хранились въ архивахъ. Знакомство съ книгами польской скарбовой канцеляріи (въ архивѣ Варш. Каз. Пал.) и тотъ фактъ, что онѣ сохранились въ большомъ числѣ до нашего времени, наводятъ на мысль о существованіи аналогичныхъ порядковъ въ литовскомъ скарбѣ, а также и на то, что книги не уничтожались, но хранились при скарбѣ.

Работа надъ архивнымъ матеріаломъ, при всѣхъ своихъ неудобствахъ для автора, имѣетъ свои неудобства и для читателя: такъ какъ надо предполагать почти исключительно читателя, который не будетъ имѣть возможности проверить ссылки на источники, то нельзя избѣжать частыхъ цитатъ. Въ ответственныхъ случаяхъ я старался приводить, въ текстѣ или въ примѣчаніяхъ, цитаты изъ источниковъ: подлинныя слова источниковъ, дѣлая чтеніе книги затруднительнымъ для однихъ читателей, дадутъ другимъ основу для проверки текста ¹⁾.

Указывая на затрудненія, встрѣченныя мною при работѣ, я тѣмъ самымъ хочу подчеркнуть, что я далекъ отъ увѣренности въ томъ, что мною правильно рѣшены поднятые въ книгѣ вопросы. Напротивъ, я полагаю, что дальнѣйшая работа въ томъ же направленіи можетъ многое исправить въ настоящемъ изслѣдованіи. Вотъ почему я съ большимъ вниманіемъ и благодарностью отнесусь къ указаніямъ безпристрастной критики, именно такой, для которой сужденіе о книгѣ— есть пересмотръ поднятыхъ въ ней вопросовъ. Авторъ будетъ считать свою задачу исполненной, если его книга окажется полезной при дальнѣйшемъ изученіи западно-русской и вообще русской исторіи. Утверждая послѣднее, я убѣжденъ въ томъ, что кардинальные вопросы

¹⁾ Невозможно было также издать всего, привлеченнаго мною къ работѣ матеріала. Немногое мною напечатано въ Актахъ Литовско-русскаго государства. Въ приложеніи къ настоящей книгѣ помѣщены акты, имѣющіе ближайшее отношеніе къ нѣкоторымъ страницамъ текста. Кроме того я приступаю къ отдѣльному изданію государскихъ уставъ и вырочковъ, на которыхъ основана 3-я глава.

русской исторіи со временемъ получать должное и вѣрное освѣщеніе только при объединенномъ изученіи соціально-экономической жизни обѣихъ половинъ древней Руси. Быть можетъ, уже въ недалекомъ будущемъ точное изученіе будетъ достижимо; оно, конечно, должно составить предметъ особой работы.

Выпуская въ свѣтъ первый томъ своего изслѣдованія, я считаю нужнымъ указать еще на то, что второй томъ будетъ посвященъ изученію организациі государственнаго хозяйства и, слѣдовательно, будетъ имѣть тѣсную связь съ первымъ. Вотъ почему государственный бюджетъ, данныя для котораго отчасти изложены въ этомъ томѣ, отнесены во второй; равнымъ образомъ туда же отнесены и обзоръ эволюціи, происшедшей въ экономическомъ строѣ государства въ изучаемый періодъ, такъ какъ изученіе этой стороны вопроса тѣсно связано съ исторіей кадастра и городской и сельской общины. Оставляемъ пока также числовыя данныя о размѣрахъ податей безъ перевода на современныя намъ денежныя единицы не только потому, что для этого надо еще произвести сложную работу по исторіи цѣнъ, но также и потому, что эти числовыя показатели налоговой тяготы найдутъ объясненіе въ связи съ изученіемъ экономической жизни.

Въ заключеніе настоящаго предисловія, я считаю прежде всего своимъ долгомъ выразить глубокую благодарность Историко-Филологическому факультету Университета св. Владиміра за разрѣшеніе напечатать эту книгу на страницахъ „Извѣстій“ и профессору Владиміру Степановичу Иконникову, которому принадлежит инициатива въ этомъ отношеніи.

Во время работы надъ своимъ изслѣдованіемъ, мнѣ приходилось неоднократно обращаться ко многимъ лицамъ за указаніями, книгами, и я принишу глубокую благодарность за оказанную мнѣ помощь профессорамъ В. Б. Антоновичу, П. Г. Виноградову, П. В. Голубовскому, В. О. Ключевскому, В. М. Михайловскому, академику Н. О. Дубровину, архивариусамъ В. В. Нечаеву, С. П. Соколову, гг. Рембовскому и Вольскому, хранителямъ бібліотеки гр. Красинскихъ, и П. И. Иванову; весьма многимъ я обязанъ моему другу Д. Э. Шендрику, который провелъ корректуру почти всей книги.

Я храню благодарную память о покойномъ академикѣ А. О. Бычковѣ, который оказалъ мнѣ рядъ цѣнныхъ услугъ во время моихъ занятій въ Петербургѣ.

М. Д. З.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНІЕ.

1. Общія замѣчанія о классификаціи средствъ, шедшихъ на удовлетвореніе потребностей государства.

Система государственнаго хозяйства Литовской Руси не укладывается въ тѣ рубрики, которыя выработаны практикой и наукой въ современномъ хозяйствѣ. Поэтому, какъ происхожденіе, такъ и организацию налоговъ и повинностей Литовской Руси несравненно удобнѣе рассматривать въ томъ видѣ, въ какомъ они явились сложившись. Удержаніе тогдашней системы хозяйства, при ея изложеніи, въ значительной мѣрѣ должно содѣйствовать болѣе отчетливому представленію объ ея историческомъ происхожденіи и усилить многія особенности въ ея организациі. Конечно, сохраненіе системы несколько не можетъ препятствовать вынесенію финансовой и юридической природы къ каждому виду налоговъ или повинностей, такъ и оцѣнкѣ ихъ съ теоретической точки зрѣнія.

Хозяйственная система Литовско-русскаго государства сложилась лишь въ правленіе двухъ послѣднихъ Ягеллоновъ. Но такъ какъ она представляетъ собою органическое слѣдствіе предшествующаго періода государственной жизни, обусловливаемое, конечно, сопутствующимъ процессомъ въ области экономическихъ соотношеній, то корни ея находятся въ самыхъ условіяхъ сложенія государства, воеводи, въ извѣстныхъ случаяхъ, къ до-литовскому періоду русской исторіи. Вотъ почему система, сложившаяся окончательно уже въ послѣдній пе-

рiодъ, подлежащiй изученiю, избираетъ, однако, въ себя и разнообразнiя проявленiя финансовой дѣятельности государства болѣе ранней эпохи. Слѣдовательно, излагая здѣсь, въ самыхъ общихъ чертахъ, классификацю средствъ, шедшихъ на удовлетворенiе разнообразныхъ государственныхъ потребностей, приватую въ периодъ развитiя хозяйственной системы, будемъ помнить, что эта система сдѣжилась постепенно

Литовско-русское государственное хозяйство различало (съ тогдашней точки зрѣнiя) разнообразныя источники, шедшiе на удовлетворенiе государственныхъ потребностей не только по способу или объекту обложенiя или дохода, но объединяло источники обложенiя съ тою конечною цѣлью, на удовлетворенiе которой назначалось обложенiе. Такъ, въ этой системѣ можно различить двѣ большiя группы государственныхъ средствъ; въ первой группѣ слѣдуетъ отнести подати и повинности *земскiя* и многочисленныя доходы *господарскiе*. Отсюда и различiе между скарбами земскимъ и господарскимъ. Подъ понятiе повинностей земскихъ и господарскихъ, скарба земскаго и господарскаго, подходятъ всѣ повинности и платежныя тяготы населенiя. Конечно, различiе между скарбомъ земскимъ и господарскимъ вырабатывается въ государствѣ только съ теченiемъ времени, причѣмъ различiе между повинностями и платежами земскими и доходами господарскими предшествуетъ развитiю понятiя о различii скарбовъ. Но мѣрѣ развитiя идеи государственности выдѣляется и понятiе о личномъ имуществѣ и скарбѣ господаря великаго князя; послѣднiй уже составляетъ вполне частную собственность господаря.

По существу (съ современной точки зрѣнiя), доходы земскiе и господарскiе шли на удовлетворенiе общегосударственныхъ потребностей; различiе же между ними состояло въ цѣляхъ и источникахъ обложенiя, къ чему съ теченiемъ времени присоединяется и различiе въ субъектахъ, имѣющихъ право распоряженiя обложенiемъ для этихъ двухъ скарбовъ.

Къ числу земскихъ „податковъ“ и повинностей относится слѣдующiе: на первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ *земская военная повинность*; имѣя первоначальнымъ источникомъ своимъ землю на правѣ земскою (независимо отъ субъекта владѣнiя), она, съ теченiемъ времени, становится личною повинностью одного владѣтельнаго шляхетства, хотя и распространяется, съ известными ограниченiями, на

земли духовенства и господарскiя. Затѣмъ слѣдуетъ „*податокъ земскiй*“—прямая общегосударственная подать (серебщина, иногда поголовщина). Къ земскимъ повинностямъ относятся еще: *зимковая работа*, *дорожная* и *сторожевая*¹⁾. Всѣ названныя повинности (кроме военной) въ идеѣ, отбывались подданными, какъ частновладѣльческими, такъ и господарскими (относительно владѣнiя духовенства—съ нѣкоторыми ограниченiями). Точно также на подданныхъ всего государства распространялся и *податокъ земскiй*, за весьма рѣдкими исключенiями, когда онъ выдѣ поголовщины платился и лично шляхтою. Военная земская служба отбывается шляхтою лично.

Податокъ земскiй составлялъ основу земскаго скарба, въ который стекались еще иногда *пениси поконевскiе*, *мыта новыя* и нѣкот. др. экстраординарные сборы, взимавшiеся на общегосударственныя нужды.

Размѣры военной службы и податка земскаго, мыта новыхъ и поконевскихъ пенесей вѣнчуются *сеймомъ*; сеймъ же организуетъ сборанiе податка, расходуетъ его черезъ своихъ уполномоченныхъ и контролируетъ сборщиковъ и казначеевъ, совмѣстно съ господаремъ. Остальными земскими повинностями распоряжается господарь.

Такимъ образомъ, всѣ названныя повинности и подати идутъ на удовлетворенiе наиболѣе важныхъ государственныхъ потребностей; это—средства войны и обороны страны. Въ доставленii ихъ участвуетъ все государство, оно же является и верховнымъ распорядителемъ ихъ.

Источники доходовъ, стекавшiеся въ господарскiй скарбъ, а также и повинности, шедшiя въ пользу этого скарба, покоятся на двухъ основанiяхъ—на господарскихъ дѣлахъ (имѣнiяхъ) и прерогативахъ государственной власти великаго князя. Сюда входятъ всѣ многочисленныя подати и повинности съ господарскихъ подданныхъ, доходы отъ эксплуатацiи господарскихъ земель и пр.—все что могло давать землевладѣльческое хозяйство того времени. Въ господарскiй скарбъ сходились также и тѣ немногочисленныя подати и повинности, которыя великiй князь оставлялъ на себѣ при пожалованii земель на одной изъ формъ условнаго владѣнiя. Далѣе, надо имѣть въ виду,

¹⁾ Ср. опредѣленiе въ издавшихъ мною Докум. Москов. Архива Мин. Юст., I, р. 460.

что среди государских повинностей (въ противоположность земскимъ) числились также некоторые виды военной повинности (напр. пушкарская служба, военная служба, осочинковъ, слуга путныхъ и др.), дворная и замковая служба (мастеровые при дворахъ государскихъ и замкахъ) и дворцовая (низшіе дворцовые слуги, какъ то обрусные, одвершие и т. п.).

Прерогативы власти доставляютъ великому князю, во первыхъ, доходы за выполненіе имъ административныхъ функций, напр., стацію (древнее полюдье), судебныя доходы („вины“), подарки. Затѣмъ тѣ же прерогативы власти были основой косвенныхъ доходовъ—съ корчемъ, таможенъ, разнообразныхъ торговыхъ сборовъ, наконецъ, ренталий—монетной и въкот. др., монополій—соляной и восковой и въкот. др.

Наконецъ, государь развиваетъ и свою предпринимательскую дѣятельность, напр., торговлю, что также служитъ источникомъ дохода государскаго скарба.

Изъясненіемъ государскихъ доходовъ и ихъ распоряженіемъ заведывалъ отчасти лично великій князь, отчасти съ согласія и помощію наемъ и радъ.

Государскіе доходы также шли на удовлетвореніе государственныхъ потребностей: содержаніе государя и его двора, постройку замковъ, наемъ пушкарей, закупку военныхъ снарядовъ, наемъ жолнеровъ и пр.; но выдѣленіе изъ этихъ доходовъ, лично велико-княжескихъ, послѣдовало только къ концу изучаемой эпохи, такъ что и его частныя потребности удовлетворялись тѣмъ же источникомъ.

Предмудрѣе строки представляютъ собою скелетъ финансовой системы, выработанной въ Литовско-русскомъ государствѣ при Ягелловыхъ. Историческое развитіе этой системы и ея организація должны составить предметъ послѣдующаго изложенія.

При этомъ необходимо отмѣтить еще и налоги мѣстнаго характера. Къ числу ихъ относятся подати и повинности, шедшія съ населенія въ пользу мѣстной администраціи, и общинныя налоги въ собственномъ смыслѣ. И тѣ и другіе, въ извѣстной мѣрѣ, служили также государственнымъ цѣлямъ, хотя ближайшею ихъ задачею является удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ. Однимъ словомъ, „слѣдуетъ различать въ предметахъ дѣятельности самоуправленія область, порученную ему центральной государственною властью, и область по

природѣ его ему принадлежащую“¹⁾. Налоги на содержаніе администраціи собираются съ населенія извѣстнаго административнаго района ввидѣ корма и въкоторыхъ²⁾ „поплатковъ“, или ввидѣ оплаты за административную дѣятельность правительственныхъ органовъ; эти сборы удовлетворяютъ, въ то же время, и потребности государственныхъ, служа средствомъ содержанія агентовъ, дѣятельность коихъ преслѣдуетъ публичныя цѣли, судъ, взиманіе податей, общественную безопасность³⁾. Такое же значеніе имѣютъ и общинныя налоги. Города на магдебургскомъ правѣ и волости собирали въ своей средѣ налоги для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ (напр., для содержанія церкви, госпиталей, богадѣленъ, школъ, содержанія мѣстной полиціи, общинной администраціи); цѣль этихъ сборовъ—мѣстное благоустройство, но государство уступаетъ этимъ общинамъ извѣстныя права (въ томъ числѣ и право самообложенія) съ тою условіемъ, чтобы онѣ, заботясь о мѣстныхъ нуждахъ, способствовали общимъ цѣлямъ благоустройства государственнаго союза, т. е. и мѣстныя налоги въ идѣе служатъ публичнымъ цѣлямъ. Поэтому, представители финансовой науки тѣсно связываютъ изученіе мѣстнаго обложенія съ общими строемъ государственнаго хозяйства⁴⁾, указывая на крупное значеніе мѣстнаго обложенія въ государственномъ бюджетѣ⁵⁾ и на общность цѣлей, преслѣдуемыхъ тѣмъ и другимъ обложеніемъ.

Однако налоги на администрацію и общинныя не могутъ служить предметомъ детальнаго изученія въ изслѣдованіи, посвященномъ государственному хозяйству, прежде всего потому, что они находятся

¹⁾ Лебедевъ, Мѣстныя налоги. Опытъ изслѣдованія теоріи и практики мѣстнаго обложенія. Спб. 1886, р. 3.

²⁾ На связь кормленія съ государственными нуждами указать еще Алкавовъ въ своемъ разборѣ VI т. Ист. Р. Соловьева. Русск. Бесѣда, 1856, т. 4.

³⁾ Иногда русскіе историки смотрятъ на выдѣленіи корма, какъ на передачу княземъ государственныхъ правъ „въ частное временное пользованіе служилому челобѣцу“ (Лавро-Данилевскій, Орган. вѣвхъ обл., 5; Тичеринъ „Опытъ“, р. 360). Но подобный фактъ передачи налоговъ вовсе не дѣлаетъ его частнымъ сборомъ, потому что возмущающія имъ лица выполняютъ административныя функции. Справедливыя замѣчанія въ этомъ смыслѣ были высказаны П. Н. Милоковымъ, Спорные вопросы, р. 12. Однако, если какой либо сборъ переходитъ въ распоряженіе частнаго лица не въ качествѣ оплаты административныхъ е функций, то онъ легко можетъ совершенно выдѣлиться изъ государственнаго обихода и превратиться въ частноправный.

⁴⁾ Wagner Adolph, Finanzwissenschaft, Dritte Auflage, I, р. 90.

⁵⁾ Paul Leroy-Beaulieu, Traité de la science des finances, Paris, 1888, I, р. 703.

вий распоряженія и контроля государственной власти. Въ подобномъ изслѣдованіи ихъ необходимо только имѣть виду въ двухъ отношеніяхъ,—какъ факторы, отвѣкающій извѣстную часть вѣковоспособности населенія отъ цѣлей общегосударственныхъ и устраниющей заботы государства, а слѣдовательно и расходы съ его стороны объ удовлетвореніи мѣстныхъ мелкихъ нуждъ и оплату дорого стоящей мѣстной администратіи.

Этими общими замѣчаніями определяется послѣдовательность предстоящаго изложенія и полнота отдѣльныхъ частей его. На первомъ мѣстѣ должны стоять земскія повинности и подати, затѣмъ доходы государственнаго скарба и пр. Правда, доходы послѣдшаго рода, какъ имѣющіе частноправное происхожденіе или источникъ, древнѣе обложенія государственнаго; однако, по значенію своему въ государственномъ организмѣ, на первомъ планѣ должно быть поставлено земское обложеніе.

По сравненію съ принятой въ настоящее время группировкою объектовъ государственнаго хозяйства, литовско-русская система отличается тѣмъ, что какъ земское обложеніе, такъ и государскіе источники доходовъ совмѣщаютъ и прямое и косвенное обложеніе; оба скарба смѣшиваютъ объекты обложенія; оба скарба имѣютъ цѣлевое различіе съ точки зрѣнія того времени, но оно не вполне выдержано; зато земское обложеніе и преслѣдуетъ цѣли общегосударственныя и въ числѣ своихъ источниковъ имѣетъ исключительно объекты государственнаго вѣствованія; государскій же скарбъ пользуется источниками какъ публичнаго, такъ и частноправнаго характера. Оба скарба, съ точки зрѣнія современной финансовой науки, преслѣдуютъ государственныя цѣли, хотя государскій скарбъ не скоро освободился отъ смѣшенія публичнаго и вотчиннаго началъ. Корень различія между скарбами земскимъ и государскимъ кроется въ ихъ происхожденіи: скарбъ земскій и земскіе подати и повинности вызваны причинами государственнаго характера, тогда какъ въ основѣ государственнаго скарба лежатъ подати и повинности въ пользу князя вотчинника.

2. Условія происхожденія источниковъ дохода.

Литовско-русское государство сложилось при особыхъ условіяхъ. Оно составилось изъ двухъ народностей—русской и литовской, весьма различныхъ въ моментъ сліянія по своей культурѣ, религіи, языку и національнымъ особенностямъ. Но когда успѣли объединиться обѣ народности, и когда совмѣстное ихъ, въ теченіе почти полутора вѣка, сожителство стало давать культурные результаты, въ смыслѣ болѣе развитой русской народности надъ литовской, появилось важное обстоятельство—католическая церковь въ литовскихъ областяхъ, а съ нею и польское вліяніе. Первые шаги его были таковы, что, казалось, польская волна готова была залить не только собственно литовскія области, но и русскія. Однако, политическія обстоятельства, въ которыхъ важное вліяніе имѣла уже пустившая корни русская культура, на первое время успѣли остановить давленіе польской національности. Литва и Русь остались самостоятельнымъ государствомъ и польская культура только путемъ постепеннаго водворенія, не ранѣе XVI в., закладываетъ прочную для себя основу, ведущую къ культурному и политическому сліянью обѣихъ народностей. Такимъ образомъ, хронологически русское вліяніе ранѣе польскаго; но и по своему значенію въ области государственной (не говоря о языкѣ и литературѣ) оно гораздо значительнѣе. Литовско-русское государство успѣло сложиться къ тому времени, когда успѣло польское вліяніе, и не смотря на полное (впослѣдствіи) сходство формъ государственнаго и социальнаго быта Литовской Руси съ Польшею,—ко многимъ изъ этихъ формъ Литовско-русское государство подошло не путемъ прямого заимствованія, переноса иноземныхъ формъ, но въ слѣдствіе внутренняго процесса; часто заимствовались только обряды, форма, но не внутреннее содержаніе государственно-правового порядка.

Вотъ почему русское вліяніе, въ связи съ условіями образованія государства, наложило сильный отпечатокъ на всю правовую жизнь Литовско-русскаго государства.

Главная особенность и историческое значеніе (съ точки зрѣнія интересующихъ насъ вопросовъ) образованія Литовско-русскаго государства заключается въ томъ, что обстоятельства рано вызвали къ жизни государственныя начала въ противобѣдъ вотчиннымъ поряд-

камь собственной Литвы и земскому строю русских областей. Эти начала выдвигались съ двухъ противоположныхъ сторонъ: условіями, въ которыхъ находилось ядро государства—собственная Литва и Жмудь, и условіями, въ которыя оно стало къ русскимъ землямъ. Высказанное положеніе будетъ ясно, если присмотрѣться къ условіямъ обоего рода.

Въ глубинѣ литовскихъ лѣсовъ къ половинѣ XIII в. образуется государство, самое возникновеніе котораго въ значительной мѣрѣ вызвано внѣшними причинами—борьбой за существованіе.

Во главѣ объединеннаго государства становится одинъ изъ родовыхъ князей, которыхъ такъ много было у литовцевъ. Это князь-вотчинникъ. Но до самаго начала XV ст. продолжается безпримѣрнѣ въ исторіи борьба Литвы съ Орденомъ. Народная война—факторъ экономического характера, но она вызываетъ важныя социальныя и правовыя послѣдствія. Постоянная необходимость обороны страны вызываетъ постройку населеніемъ укрѣпленій, содержаніе стражи, военную службу и, наконецъ, денежные или натуральные сборы для поддержанія оборонительныхъ силъ. Можно еще спорить о характерѣ этихъ первичныхъ отношеній подданныхъ къ князю, но во всякомъ случаѣ это—каква, на которой создаются и развиваются отношенія государственныя¹⁾. Не слѣдуетъ только ожидать быстрого коренного перехода отъ вотчинныхъ понятій къ государственнымъ; на низкихъ ступеняхъ культуры оба принципа долго сосуществуютъ и даже, по исчезновеніи вотчиннаго принципа изъ правовыхъ нормъ, остатки его легко встрѣтить въ жизни.

Такъ уже въ древнѣйшихъ свѣдѣніяхъ о Литвѣ встрѣчаемъ нѣвѣстія о замкахъ и крѣпостяхъ; укрѣплены были не только столицы Литвы и Жмуди, но, кажется, было нѣчто родѣ оборонительной линіи крѣпостей²⁾. Встрѣчаемъ также важное свидѣтельство о томъ, что у литовцевъ была правильно устроенная гарнизонная служба³⁾ (сторожа).

¹⁾ Къ такому выводу приходятъ и теоретики, см. извр., Каутскаго, Очеркъ и этнол., р. 69 сл.

²⁾ Ср. нѣвѣстія у Витанда, *Chronica Wigandii Marburgensis etc.*, т. III, Voigt и E. Raszyński, Poznań, 1842, р. 55—56 (это изданіе цитируется и ниже), В. В. Антоновича, *Монографія по исторіи Южной и Зап. Р., I*, р. 39. Smolka St., *Kiejstat i Jazgelo*, Krak., 1888, р. 55.

³⁾ Дюсбургъ, см. у Антоновича, *ib.*, 39—40, Jaroszewicz, *Obraz Litwy*, I, 127.

При этомъ легко догадаться, что и замковая или полевая стража и пути сообщенія могли стать общими дѣломъ; съ конца XIV в. и объ этихъ повинностяхъ источники говорятъ очень часто.

Но, съ другой стороны, война вызываетъ организацію военной службы со всеми ея послѣдствіями въ социальномъ быту. Судя по характеру партизанской войны, большому количеству принимающихъ участіе въ войнахъ, наконецъ, по устройству войска, слѣдуетъ предположить, что все свободное населеніе страны принимало участіе въ дѣлѣ обороны. Въ самомъ дѣлѣ, нѣмецкіе лѣтописцы сообщаютъ о тысячахъ и десяткахъ тысячъ сражающихся *ferocis Lithuaniae*, а древнѣйшее войско состояло изъ конной и пѣшей рати. По одному свидѣтельству, Кейстутъ, для борьбы съ Ягайломъ, собралъ на одной Жмуди 9000 чел.¹⁾ Хотя, вѣроятно, лѣтописцы сообщаютъ и преувеличиваютъ количество побѣжденныхъ или павшихъ въ бою, все же контингенты литовскихъ войскъ бывали иногда весьма значительны; напр., Витандъ говоритъ о 1220 убитыхъ²⁾, въ другой разъ даже о 18000³⁾. Если это и преувеличено, то все же нѣвѣстія Дюсбурга о количествѣ литовскихъ войскъ, характеризуемыхъ словами *exercitus praegrandis, validus exercitus, maximus exercitus*⁴⁾, заслуживаютъ большого вниманія.

Въ Ковнѣ и Вильнѣ содержались большіе гарнизоны—въ первомъ 4000 ч., а во второмъ 3000 чел.⁵⁾ На Жмуди мы замѣчаемъ, повидимому, признаки военного дѣленія страны на tertiae съ контингентомъ по 1000 ч. съ каждой⁶⁾. При напряженной борьбѣ съ врагами литовцы дѣлаютъ весьма замѣтные усилія въ военномъ дѣлѣ⁷⁾.

Безпрерывная борьба съ Орденомъ велась преимущественно собственными литовскими и жмудскими силами; но Литва опоясала русскими землями, находящимися въ различныхъ подчиненныхъ отноше-

¹⁾ Vigandii, р. 285.

²⁾ *Ibidem*, 18.

³⁾ *Ibidem*, 84, ср. В. В. Антоновича, *Монографія по ист. зап. и юго-зап. Россіи*, I, 105.

⁴⁾ Собраніе у В. В. Антоновича, р. 39, прим. 1 и др.

⁵⁾ По Кибургу, см. въ приложеніи къ кн. Смирнова „Ягелло-Июль-Владиславъ и первое соединеніе Литвы съ Польшею“, Одесса, 1868, р. 4 и 20.

⁶⁾ Vigandii, *ibidem*, 50.

⁷⁾ В. В. Антоновичъ, *Монографія*, 23, Jaroszewicz, *Obraz Litwy*, I, 127, П. П. Дашкевичъ, *Замѣтки по исторіи лит.-русск. государства*, р. 18—19.

ниях къ великому князю. Поэтому, для большихъ походовъ великіе князья собирають ополченіе и изъ русскихъ земель—Полоцка, Владимира, Берестя и др.¹⁾; иными словами, и на эти земли распространялось, въ известной мѣрѣ, вліяніе борьбы.

Военное положеніе вызвало военную службу, какъ повинность населенія. Но если въ этой повинности принимало участіе все свободное населеніе—и смерды и бояре²⁾, то легко предположить, что далекихъ походовъ такое ополченіе предпринимать не могло; а походы были часты и продолжительны: русскіе контингенты стационировались въ Литву для похода въ глубь орденскихъ владѣній, а литовскіе—принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ далекихъ русскихъ окраинъ. Очевидно, ибшее крестьянское ополченіе тутъ не годилось, да и способъ веденія войны ближайшими сосѣдями—ибъцами—исключительно опирался на кавалерію. Эти обстоятельства вызвали появленіе опытнаго коннаго войска. Дѣйствительно, литовцы нападаютъ на ибмцевъ преимущественно на лошадахъ³⁾; у Витова было 8000 конницы⁴⁾; Витовтъ считалъ въ своихъ войскахъ 15000 кавалеріи⁵⁾; и это неудивительно, потому что нодъ Медвигами однажды ибмцы захватили 14000 верховыхъ лошадей⁶⁾.

Конная служба воина значительно выдвѣяла его отъ обыкновеннаго смерда. Появленіе коннаго войска проявилось въ Литвѣ тѣ же послѣдствія, которыя сказывались и въ другихъ странахъ⁷⁾, специализируя военную службу, выдвѣяя военнослужилое сословіе и устанавливая между нимъ и государствомъ правовыя отношенія государственнаго порядка. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни скудны древнѣйшія извѣстія о внутреннемъ строѣ самой Литвы, однако, уже въ XIV ст. здѣсь ясно выдвѣяется вліятельный классъ населенія, который ибмцы называютъ *bajagi, seniores, majores, boni viri*⁸⁾. Среди этого боярства извѣстная часть представляетъ собою остатки родовыхъ старѣйшинъ—потомковъ тѣхъ родовыхъ князьковъ, о кото-

¹⁾ Vignani, p. 104; ср. 118, 130, 130, 135.

²⁾ Ibidem, p. 122.

³⁾ Ibidem, 50.

⁴⁾ П. П. Дашковичъ, *Замѣтки*, p. 38—9.

⁵⁾ Vignani, 359.

⁶⁾ Ibidem, p. 259.

⁷⁾ Испанскій, *Паденіе земснаго строя въ Чехіи*, p. 66—7.

⁸⁾ Vignani, p. 282, 18, 20, 42.

рыхъ такъ часто говорить ибтописи¹⁾. На Жмуди особенно сильны были родовитыя элементъ,—*elletes bairones et gutten luhten*²⁾, *bairori et meliores patriae*³⁾, *barones multorum notabiles, nobiles*. По свидѣтельству Дюсбургта, они владѣють *haeriditas paterna*⁴⁾ или, по другому свидѣтельству, *veterliche guter* съ населенными деревнями⁵⁾.

Но военное положеніе государства рядомъ съ родовитой знатью зарождаетъ и служилую знать; являются *plures nobiles potentiores terre nostre quos natura ab origine in artibus bellicis et strenuis prout experientia testatur conspicuos contribuerit et viriles*⁶⁾. Вотъ какія качества начинаютъ ибняться; поэтому примѣръ такихъ людей, какъ Войццло, едва ли былъ единственнымъ. Верхи этого боярства являются совѣтниками и помощниками великаго князя, князь—обыкновенными *milites*. Князь оплачиваетъ службу этихъ бояръ и *milites* земельными раздачами за службу и на условіи службы. На боярскихъ земляхъ появляются зависимые отъ господъ люди.

Среди послѣднихъ были люди, принадлежавшіе своимъ господямъ⁷⁾; основой ихъ могли быть многочисленныя ибмники, которыя массами вводили литовцы изъ орденскихъ владѣній⁸⁾, да, конечно, и изъ Руси,—коланные, вилдомыя люди⁹⁾, но могли осаживаться и свободные смерды, платившіе чиншъ¹⁰⁾.

Въ этихъ то первичныхъ условіяхъ жизни слѣдуетъ искать начала и разъясненія послѣдующихъ правовыхъ и социальныхъ соотношеній. Но начальная бытовая форма Литвы необходимо привести въ связь съ тѣмъ, что она встрѣтила въ русскихъ областяхъ. Представленіе о характерѣ литовско-русскихъ отношеній, въ моментъ сложения государства, во многомъ зависитъ отъ того, какъ понимать связи, скрѣплявшія Русь и Литву:—былъ ли это актъ завоеванія, или болѣе или менѣе добровольнаго подчиненія Руси литовскому великому

¹⁾ Антоновичъ, *Монографія*, 43.

²⁾ *Codex epistolarius Vitoldi*, editio Prochaska, 411.

³⁾ Ibidem, 984.

⁴⁾ Dushourg.

⁵⁾ *Codex ep. Vit.*, p. 171.

⁶⁾ Ibidem, p. 1022.

⁷⁾ Смуть характерное збство у Ваганда, p. 202.

⁸⁾ Ibidem, *напр.*, p. 66, 211 и *passim*.

⁹⁾ Издаанные ибвоу Документы Моск. Арх. Мин., т. I, p. 538.

¹⁰⁾ *Codex epist. Vitoldi*, p. 73, 103.

князю, сдѣяннаго на предшествующихъ мирныхъ сношеніяхъ и сознанія взаимныхъ выгодъ такого единенія. Въ послѣднее время теорія завоеванія, господствовавшая раньше, встрѣтила сильнаго возраженія¹⁾. Возраженія эти вполнѣ справедливы, потому что основываются на строго проверенныхъ данныхъ, но въ высказанныхъ аргументахъ есть одинъ пропускъ: необходимо сдѣлать оговорку въ томъ смыслѣ, что нѣкоторыя земли дѣйствительно были присоединены мирнымъ дипломатическимъ путемъ, другія, выдержавъ предварительную борьбу съ литовцами, подчинились имъ на договорныхъ условіяхъ, и, наконецъ, небольшая группа земель составила несомнѣнную добычу великихъ князей литовскихъ. Оттого литовское правительство находилось въ различныхъ частяхъ своего государства въ неодинаковыхъ отношеніяхъ.

Окончательное регулированіе правовыхъ отношеній центральной правительственной власти къ отдѣльнымъ землямъ относится ко временамъ Витовта и вездѣ является плодомъ политики этого замѣчательнаго человека. Вълѣдствіе различныхъ политическихъ обстоятельствъ ему пришлось съизнова проводить объединительную политику, начатую его предшественниками. Восстаніе русскихъ земель показало, что оныя не были довольны своимъ положеніемъ. Витовтъ, отчасти силою оружія, отчасти политикою, соединялъ ихъ съ центромъ. Это былъ послѣдній моментъ въ собираніи западно-русскихъ земель, когда области сдѣлались воити самостоятельными членами въ общее государство.

Такъ, Полоцкая земля, управлявшаяся болѣе или менѣе самостоятельно удѣльными князьями изъ литовскаго племени²⁾, оказала сопротивление объединительнымъ планамъ Витовта, такъ что, въ концѣ концовъ, городъ „дался ему“, т. е. подчинился добровольно, выговоривъ нѣкоторыя условія³⁾. Основнымъ мометомъ въ присоединеніи Витебской области къ Литвѣ былъ, какъ известно, бракъ Ольгерда съ дочерью послѣдняго витебскаго князя Ярослава⁴⁾. По смерти Ольгерда городъ переходилъ изъ рукъ въ руки, пока въ 1393 г. Ви-

¹⁾ См. въ соч. М. Ф. Владыко-Буданова, Населеніе юго-зап. Рос. отъ нач. XIII до полов. XV вв. и проф. Леонтовича, Очерки ист. литовско-русскаго права, р. 19.

²⁾ В. Е. Данилевичъ, Очерки исторіи Полоцкой земли до конца XIV ст., К. 1896, р. 153—165.

³⁾ *Ibidem*, р. 171.

⁴⁾ *Ibidem*, р. 173.

товтъ не захватилъ его⁵⁾, быть можетъ, не безъ помощи мѣстнаго боярства. Смоленская земля выжила четыре похода Витовта, но ни одинъ изъ нихъ не окончился порабощеніемъ земли въ собственномъ смыслѣ⁶⁾, а городъ подчинился ему, выговоривъ условія, такъ какъ литовскому князю благоприятствовала сильная боярская партія⁷⁾. Дипломатическимъ же путемъ подчинилась литовскому князю и вся Сѣверщина, съ Мстиславлемъ и Бринскомъ⁸⁾. Кіевская земля тоже не была порабощена⁹⁾, не говоря уже о Волыни и Жмуди¹⁰⁾.

Результатомъ такого объединенія наиболѣе крупныхъ областей западной Руси было федеративное ихъ положеніе въ государствѣ; уставныя земскія грамоты обезпечивали автономію областей; изъ нихъ Кіевская, Витебская, Полоцкая, Смоленская и Жмудская относятся къ эпохѣ Витовта¹¹⁾, т. е. являются актомъ тѣхъ договоровъ, которые населеніе заключало съ княземъ при присоединеніи. Волынь получила уставную грамоту нѣсколько позже, въ 1452 г., по смерти послѣдняго ея удѣльнаго князя¹²⁾.

Кромѣ земель въ составъ государства входятъ еще и удѣльныя княженія. Они плотнымъ кольцомъ охватываютъ (въ концѣ XIV и въ XV вв.) съ востока и юга собственно литовскія земли. То была сѣтъ удѣловъ въ Чернигово-Сѣверской землѣ¹³⁾, Смоленской, Кіевской и Волынской. Внутри государства удѣловъ меньше, причемъ эти удѣлы не отличаются историческими традиціями (напр., Заславскій удѣлъ Януція, Пинскій—Наримунта, Свислочьскій—Самсона Наримунтовича¹⁴⁾, влѣдствіи еще Слуцкій, Копальскій, Кобринскій).

Въ срединѣ этого пояса земель и княженій лежала отчина великаго князя литовскаго—собственная Литва съ прилегающими къ

¹⁾ *Ibidem*, р. 175—6.

²⁾ П. В. Голубовскій, Исторія Смоленской земли до нач. XV в. К., 1895, р. 296, 330, 332—3.

³⁾ *Ibidem*, р. 333—334.

⁴⁾ Леонтовичъ, Очерки, р. 26—7.

⁵⁾ Грушевскій, Очерки исторіи Кіевской земли, К., 1891, р. 499—500.

⁶⁾ Либавскій, Областное дѣленіе и пр., р. 35 и 41.

⁷⁾ Жонскій, Уставныя земскія грамоты лит.-рус. гос. К., 1889, р. 68, 65, 62, 58, 56, 53.

⁸⁾ *Ibidem*, р. 71.

⁹⁾ Wolff, Röd Gedymina, р. 90 сл., Stadnicki, Bracia Władysława Jagiełły, р. 308 и др.

¹⁰⁾ Smolka, Kiejstat i Jagello, Krak., 1880, р. 10.

ней русскими волостями. Эти русскія волости въ составѣ отчины — результатъ приобретений дѣлаго ряда князей.

Центромъ литовской вотчины было Керновское княжество Рынгольта, отца Миндовга ¹⁾—вѣроятно, его родовое владѣніе. Къ этой основѣ присоединяются другія русскія области въ значительной степени колонизованныя Литвой (къ послѣднимъ принадлежатъ, напр., Браславль) ²⁾. Миндовгу уже принадлежали: Новгородское княжество съ городами Волковскомъ, Слонимомъ, Городномъ, Здитовомъ ³⁾. Подробности о завоеваніяхъ Миндовга мы не знаемъ, но самъ Новгородъ, вѣроятно, былъ завоеванъ, вожди этого князя не разъ являлись въ русскія области въ качествѣ завоевателей; реакція, вспыхнувшая въ русскіихъ областяхъ сейчасъ по смерти Миндовга, доказываетъ, что русскія области присоединились имъ не „принуденно“, какъ бывало при Ольгердѣ, но силою ⁴⁾. На то же указываетъ и способъ распоряженія этими землями, установившейся впоследствии. Къ концу княженія Гедимина въ составѣ вотчинныхъ земель встрѣчаемъ уже Минскъ, Пинскъ и Туровъ ⁵⁾. Гедиминъ раздѣлилъ свое княжество на 8 удѣловъ. Среди этихъ удѣловъ встрѣчаются какъ земли, полученныя впоследствии устами при Витовтѣ (Полоцскъ, Витебскъ, Жмудь, Волынь), такъ и собственныя вотчинныя земли. Изъ послѣднихъ составлены были слѣд. удѣлы: Мовивидъ получилъ Керновъ и Слонимъ. Наримунтъ—княжества Пинское и Туровское, Коріать—Черную Русь съ Новгородкомъ и Волковскомъ, Ольгердъ—Криво съ прилегающими къ нему русскими землями и Витебскъ, Кейстутъ—Троки, Городно, Берестіе и Жмудь, Явнугій—Вильно съ Ошменюю, Браславомъ и Вильковромъ, Любартъ—Волынь, а Войтъ—Полоцкъ ⁶⁾.

По вѣрному замѣчанію В. В. Антоновича, государственному началу при такихъ условіяхъ грозила большая опасность, но она была предотвращена рядомъ счастливыхъ обстоятельствъ. Явнугъ, какъ известно, не удержался на великокняжескомъ столѣ, а Коріать и Мовивидъ вскорѣ умерли. Ольгердъ и Кейстутъ раздѣлили между собою, перешедши имъ отъ братьевъ, части отчины: Ольгердъ съѣхъ на

¹⁾ Антоновичъ, Монографія, 24.

²⁾ Любавскій, Обл. дѣл., р. 2.

³⁾ Антоновичъ, о. с., 24—25.

⁴⁾ Ibidem, 25—26.

⁵⁾ Ibidem, р. 46.

⁶⁾ Ibidem., 76, 77.

великомъ княженіи, кромѣ того, вѣлъ Керновъ и часть Новгородка, а Кейстутъ присоединилъ къ Трокамъ Слонимъ и другую часть Новгородка ¹⁾. Такимъ образомъ, вся литовская отчина раздѣлилась на двѣ половины Вилевскую и Трокскую, во главѣ которыхъ находились братья Ольгердъ и Кейстутъ. Дѣленіе это имѣло значеніе не только лично для князей, но и политическое: обстоятельства требовали борьбы на два фронта, и вѣдчикъ Кейстутъ сдѣлался стражемъ западныхъ границъ и владѣтелемъ языческой Жмуди и большей части собственной Литвы, а христіанинъ Ольгердъ сталъ оберегателемъ восточной границы, гдѣ его религія и родственныя связи доставили ему не мало дипломатическихъ побѣдъ. Установившейся дуализмъ поддерживался опредѣленнымъ договоромъ, по которому оба князя условились, какъ сообщается литовская лѣтопись, — „что придобудутъ, городъ ли или волость, да то дѣлать наполю“ ²⁾. Эта реальная основа была одной изъ важныхъ причинъ той „любви, милости и ласки“, въ какой жили оба князя. Проф. Смолька высказалъ мнѣніе, что дѣленіе „наполю“ понималось князьями такъ, что Кейстутъ въ западныхъ областяхъ получалъ ввидѣ компенсацій часть изъ Ольгердовыхъ волостей, если добыча доставалась на востокѣ ³⁾. Но это не вѣрно: волости дѣлились наполямъ, безъ всякой разберетки: въ далекой Сѣверитѣ, на московскомъ пограничьи, Ольгердъ и Кейстутъ владѣли своими волостями, и притомъ очень маленькими ⁴⁾. Отъ этого же дѣленія территория „на полю“ ведутъ свое начало многія административныя особенности государства, именно, дѣленіе вѣкоторыхъ волостей русскіихъ на двѣ половины, податная зависимость ихъ отъ Вильны и Трокъ. Къ своей отчинѣ князья сдѣлали нѣсколько приобретеній, впоследствии составившихъ часть вотчины, напр., Горонецъ, Ржева ⁵⁾, Метиславль (1352 г.), Орша (1367 ⁶⁾), въ Чернигово-Сѣверской землѣ—Черниговъ, Брянскъ, Новгородъ, Могилевъ, на югѣ—Кіевъ и Подолію ⁷⁾; изъ этихъ завоеваній Метиславль, Ржева и Горонецъ, Могилевъ и Орша вошли въ составъ господарской отчины, хотя и въ

¹⁾ Stadnicki, Synowe Gedymina, I, 143.

²⁾ Smolka, о. с., р. 6.

³⁾ А. З. Р., I, 63.

⁴⁾ Любавскій, о. с., 34.

⁵⁾ Голубовскій, Изв. Смоленской земли, р. 319, 320.

⁶⁾ Smolka, Kiejtat i Jagello, р. 6.

разное время, но сдѣлались эти земли господарскими именно потому, что были завоеваны (Черниговскія земли рано отошли къ Москвѣ); Киев успѣлъ при Витовтѣ получить особый привилей, а Подоліа отошла къ Польшѣ.

Такимъ образомъ, ко времени Ягайлы и Витовта намѣтились составъ отчины великаго князя литовскаго въ собственномъ смыслѣ; это тѣ самыя земли, которыя въ научное время обычно назывались господарскими дворами и волостями и къ концу періода изъ нихъ выдѣлились такъ наз. столовая господарскія дѣбра.

Въ составъ вотчины, следовательно, вошли княжества Троцкое, Виленское, Новгородское, Городенское съ Подляхіею, Мниское, волости среди другихъ княжествъ; Орша, Могилевъ и Мстиславль на далекомъ востоѣ; къ нимъ же надо причислить и земли по Припяти—Пишину и Туровщину. Сейчасъ будетъ видно, что междукняжескіе договоры еще точнѣе опредѣляютъ эту территорію. Надо только помнить процессъ образованія этой территоріи: къ основному родовому ядру владѣній великаго князя литовскаго присоединена, болѣею частью посредствомъ завоеванія, обширная территорія изъ цѣлыхъ или отдѣльных частей русскихъ княжествъ. Этою территоріею великіе князья распорядились по праву завоевателей и всю ее, на основаніи того же права, считали своею вотчиною. Правда, въ послѣдніе годы XIV в. эта отчина подвергалась, во времена междукняжеской борьбы, передѣламъ, но при Витовтѣ она снова собралась въ рукахъ великаго князя, хотя и было еще отлчіе между вотчиною Кейстута и Ольгерда, и только при великомъ князѣ Казимирѣ вся эта территорія окончательно превратилась въ господарскую отчину единого великаго князя. Многие изъ только что сказаннаго разъясняются договорными княжескими грамотами.

Передѣлы земель въ годы борьбы Витовта съ Ягайломъ имеютъ двойной интересъ, раскрывая болѣе подробно территорію отчины, во первыхъ, и во вторыхъ, разъясняя взгляды на нее самихъ князей.

Такъ, Скиргайло въ 1382 г. получаетъ отъ Ягайлы почти весь удѣлъ Кейстута ¹⁾; но лишанный удѣла Витовтъ, при посредствѣ Ордена, стремился получить aliquid de hereditate et patrimonio ²⁾, и въ 1384 г. онъ уже владѣетъ Гродномъ и Берестемъ со всею Подля-

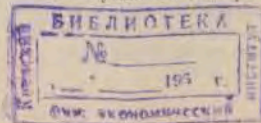
¹⁾ Studajski, Bracia Wladyslaw-Jagelly, p. 259.

²⁾ Raczinski, Kodex diplomaticus, n. 60. Op. Monumenta Medii aevi в ир. II, p. 1.

хіею (Дорогичинь, Мельникъ, Кѣльскъ, Суражъ, Каменецъ, Волковыскъ ¹⁾). Особенный интересъ представляютъ договорная грамоты 1387 г. между Ягайломъ и Скиргайломъ. Здѣсь главную роль имѣютъ указанія на тѣ волости, съ которыхъ шли доходы князю Скиргайлу. Волости, поименованныя въ договорѣ, тѣ самыя, которая и впоследствии считались господарскими дѣбрами. Правда, здѣсь упоминается и о передачѣ Скиргайлу Полоцка съ замками и волостями, назначеннаго ему еще отцемъ, но и въ ней дѣйствительно были великокняжескія волости. Остальная часть Троцкого удѣла (часть Виленскаго оставалась за Ягайлою, Подляхія—у Витовта, часть Новгорода—у братьевъ послѣднего), не представляеть собой единой территоріи, но состоитъ изъ волостей въ разныхъ частяхъ государства. Такъ, къ Скиргайлу переходятъ все Минская земля, Свинючъ, Бобруйскъ—обѣ половины, Рѣчина; Пролойска, Любошаны, Игуменъ, Логойскъ, Рыловая Дола (?), села Лебедево, Дмитріево, Груздово, Андипороно, Сколублино, Тургенно, затѣмъ Троки въ ихъ старыхъ границахъ съ волостями Радунь, Солечники, селами Ивановымъ, Ментшинымъ, волость Мерцкал и замки—Немунекъ, Озата, Пуни, Биритавна, Бойбува; подъ самими Троками—села Лепуны, Перелая, Сомашини, Стравиници, Попорт, Новое Село и Новый Городъ надъ Виліей ²⁾. Вотъ территорія, тянувшая къ Троцкому удѣлу. Этотъ комплексъ волостей и селъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ государства, объясняется, очевидно, его образованіемъ: подъ Троями территорія болѣе или менѣе единая, подъ Минскомъ также, потому что вѣрнее—родное княжество, которой—захвачены были, впрямую, цѣльными, остальные волости носить на себѣ слѣды известнаго намъ дѣленія завоеванныхъ земель „цкюла“ ³⁾. Однако, за исключениемъ Полоцка и упоминанія о боярахъ и служебныхъ князьяхъ подъ Минскомъ, въ это дѣленіе входятъ только волости, замки и села; даже подъ Троями выдѣляются отдѣльныя села. Далѣе, удѣлы остальныхъ князей намъ болѣе или менѣе известны, во всякомъ случаѣ, они не вѣривались такъ причудливо въ Троекій удѣлъ, какъ можно бы предположить, судя по этому акту; является также и вопросъ о томъ, гдѣ же владѣнія несомнѣнно сильныхъ уже въ то время бояръ и многочисленныхъ служивыхъ (они упоминаются

¹⁾ Danilowicz, Skarbec, № 498.

²⁾ Danilowicz, Skarbec, № 542.

только под Минском) и мелких удельных князей. Все эти подразделения, кажется, не будут иметь смысла, если предположить, что, в данном случае, выделяется княжеская территория в собственном смысле, а не государственная. Очевидно, князья далеки от понимания того, что последние территории они управляют, но не владеют. Витовт и после 1387 г. добивался возвращения только своей отчины¹⁾. Добывшись великокняжеской власти, он выдает грамоту Ягайлу в 1392 г., повторенную в 1401 г.²⁾, которой объявляется, что после его смерти великое княжество переходит к королю польскому *in cum omnibus bonis, terris, ducatibus* (это влиятельное понятие), *et quibusvis dominiis nostris patrimonialibus*; однако, брат его, Сигизмунд, наследует Повгородок—*que fuit de patrimonio nostro sors dominorum fratrum nostrorum* с некоторыми другими волостями. Территория предназначаемых в наследство Сигизмунду владений опять таки состоит из разбросанных в разных местностях волостей и селений, среди них встречаем и Чичерск, Гомель (Поупи), Рвачу—русские волости и некоторая др.; наконец, тут же мы узнаем не менее любопытное обстоятельство: во владения Любарта были под Городном села и дворы, перешедшие теперь к Витовту и предназначаемые им в свое наследие³⁾. И в этом раздѣлѣ наблюдается прежняя черта: князь, кроме государственной территории, владеет еще личными добрами, дѣленіе которых имѣет не политическія основанія, по частям. Витовт получил от Ягайла не только свою вотчину, но и *plurimas tenetas, bona, possessiones*⁴⁾; на случай своей бездѣтной смерти, он оставляет только часть вотчины брату, остальное—иметь и земли предоставляется королю и королевству.

В том же смысле не малый интерес представляет акт 1432 г., по которому Сигизмунд Кейстутевичь получает от Ягайла *magnum ducatum terrarum suarum* (Ягайла) *Lithvaniae et Russiae caeterorumque dominorum ducatus praedicti et bona sua paterna, videlicet Vilnam et alia bona ad ipsius patrimonium spec-*

¹⁾ Keneszy St., *Jaęęho i Witold*, cz. I, Lwów, 1893, p. 155.

²⁾ Ср. вступленіе Лейдецкаго *Powstania Swidrigelę*, p. 295, прим. 31. ср. решение д-ра Ковачаго, о. с., p. 164, прим.

³⁾ *Codex*, ep. Vit., № 233, p. 72.

⁴⁾ *Ibidem*, p. 960.

tantia; по смерти Сигизмунда великое княжество переходит к королю, за исключеніем вотчинных земель—Трокъ съ принадлежащимъ къ нимъ округомъ¹⁾. Въ этомъ документѣ еще яснѣе, чѣмъ въ предыдущихъ, подчеркнута отлнчіе *ducatus* отъ bona великаго князя, т. е. той федеративной группы земель, которая составляла Литовско-русское государство, отъ собственно Литовской вотчины князей. Для подтвержденія сказаннаго приведемъ еще указанія на два акта Литовской летописи, свидѣтельствующія о пробуждающемся въ обществѣ сознаніи различія вотчины и государства. Витовт, князь вь Луцкѣ, „въ Литовской землѣ *отчину свою мѣлз тоды*“²⁾. Въ Смоленскѣ, когда его осаждали князья Юрій Святославичь и Олегъ Рязанскій, произошла „замытня“ великая; одни „хотѣли влти собѣ *исударемъ* Витовта, а другіе хотѣли князя Юрія *отчина*“³⁾.

И не только въ договорахъ, но и въ государственныхъ актахъ того времени проглядываетъ взглядъ князей на Литовское княжество (въ узкомъ смыслѣ), какъ на отчину, и въ ней князья отличаютъ свои bona. Такъ, напр., Ягайло называетъ въ грамотѣ 1387 г. Обоици своимъ владѣльчымъ вѣнчнцмъ⁴⁾, Сигизмундъ Кейстутевичь даетъ въ 1396 г. инскимъ францисканамъ *agros nostros Wiszkowicze*⁵⁾; Витовтъ и Ягайло подтвердили бискупу Матею *haec civitates* шераго, находившіяся подъ Троками и въ Подлахіи⁶⁾. И это названіе вотчины надолго утвердилось за литовскимъ княжествомъ (исповедствіямъ Виленскимъ и Троцкимъ); оно встречается въ уставной грамотѣ Витебску, въ противоположность русскимъ землямъ, оставшему государству⁷⁾,—скажемъ, появившіяся въ официальномъ актѣ въ нач. XV в., имѣетъ значеніе еще и въ XVI в.: наконецъ, Литовская отчина часто противопоставалась другимъ частямъ государства и въ иныхъ актахъ⁸⁾.

Такимъ образомъ, вотчинныя земли великаго князя литовскаго, возникнувъ изъ родового владѣнія князей, съ теченіемъ времени об-

¹⁾ *Długosi*, *Historia*, изд. 1711 г., I, 614.

²⁾ Летопись по св. библ. Красновскихъ, p. 24.

³⁾ *Ibidem*, p. 32.

⁴⁾ *Danilowicz*, *Skarbee*, № 544.

⁵⁾ Описание рукоп. отд. Визан. Публ. Библ., II, 34.

⁶⁾ *Danilowicz*, *Skarbee*, № 1514 и № 1515; Дугомъ, *Lit.* XI, p. 551. Ср. еще указанія на великокняжескія вѣнчнцъ въ *Skarbee*, №№ 577, 959, 1692.

⁷⁾ А. З. Р. I, p. 352—3.

⁸⁾ *Лубанекіѣ*, о. с., p. 5.

оставали вновь приобретенными русскими волостями, составили территорию собственно Литовского княжества, Литвы, как выражались в XVI еще иначе; это—территория господарских добрь. Русские волости приходили в нее путем завоевания—по крайней мере для большей части их это можно установить с точностью, о других,—хотя неизвестны обстоятельства присоединения, но можно предположить такой же путь. Далбе, территория отчины, не смотря на все перемены, в концѣ концов, съ небольшими измѣнениями, сосредоточивается в руках первого Ягеллона.

Однако, в истории той территории, которая впоследствии получила название добрь господарских, необходимо отметить еще две стороны: увеличение ее помимо завоевания и образование на ней удѣльных княжеств.

Дѣло в томъ, что в послѣдующее время встрѣчаются господарскія волости и дворы вне территории Литовской отчины (напр., Усвяты и Озерце в Витебской землѣ, села в Полоцкой землѣ, Волынской, дворы под Смоленскомъ и т. и.). Происхождение этихъ господарскихъ добрь неизвестно, отношение къ нимъ великокняжеской власти не совсѣмъ ясно; во всякомъ случаѣ, доходы съ нихъ или непосредственно въ скарбъ (напр., съ Задвинскихъ волостей), или при посредствѣ мѣстныхъ органовъ (включъ въ Луцкѣ, казна въ Смоленскѣ) въ господарскій скарбъ. О способѣ образования этихъ владѣній можно высказать только предположенія, не лишеныя, однако, вѣроятія, и привести одну аналогію изъ позднѣйшаго уже времени. Присоединилъ ту или иную область, хотя бы и на основаніи уставной грамоты, или на основаніи наследственныхъ правъ и уставной грамоты (Витебскѣ, Смоленскѣ), великій князь получалъ, вѣроятно, въ свое непосредственное владѣніе нѣкоторыя села, дворы и волости; въ тѣхъ земляхъ, гдѣ великокняжеская власть свѣдила удѣльную, вѣроятно, князь получалъ тѣ волости, которыми владѣлъ удѣльный; далбе, восстанія въ земляхъ могли давать поводъ къ конфискаціи имѣній возставшихъ въ пользу князя. Такъ, напр., въ Смоленскѣ была произведена обширная реквизиція недвижимаго имущества возставшихъ въ первые годы Казимировой княженія; часть имущества была передана сторонникамъ новаго правительства, о чемъ имѣемъ многочисленныя свидѣтельства въ книгѣ данни Казимира¹⁾.

¹⁾ Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 34.

возможно, что многое изъ конфискованнаго имущества было оставлено и за великимъ княземъ. Съ другой стороны, когда было уничтожено удѣльное княженіе въ Кіевѣ, то села и дворы, принадлежавшіе послѣднему удѣльному князю, вошли въ число господарскихъ, какъ это видно изъ люстраціи 1471 г.²⁾ Наконецъ, относительно выдѣленія изъ земли или удѣла известной территории великому князю, можно судить также по аналогіи и вѣкторіямъ намекамъ. Такъ, въ Жмуди, уже въ началѣ XVI в., „въ подаваннѣ“ господари находились 4 державы—Вилька, Велена, Скерстомоничъ и Шаленския, остальные же были „въ подаваннѣ“ мѣстнаго старосты. Изъ одного спора по поводу „подаваннѣ“ этихъ тивунствъ, ведшагося въ 1522 г., выяснилось, что въ распоряженіи князя были только эти четыре державы „зданнѣ, за предковъ нашихъ и за насъ“²⁾. Земскій привилей, на который ссылался въ этомъ спорѣ жомойтская шляхта, ничего не говоритъ о раздѣленіи тивунствъ между господаремъ и старостою; поэтому ссылка послѣдняго на давность этого обычая, имѣеть вѣдущаго на достовѣрность и дѣлаетъ не вѣроятнымъ предположеніе, что такой порядокъ вещей установился со времени окончательнаго присоединенія Жмуди къ Лит.-рус. гою. (послѣ 1413 г.) и получена земляе уставной грамоты. Такимъ образомъ, известная часть добрь была предоставлена господарю, а другая осталась въ рукахъ мѣстнаго выборнаго представителя земства—старосты, очевидно, не только въ качествѣ доажностнаго лена, но и какъ земское имущество. Такая постановка вопроса о жмудскихъ господарскихъ волостяхъ разъясняетъ и то обстоятельство, что право распоряженія господаря въ господарскихъ добрахъ вне отчины было значительно уже такого же права въ отчинѣ.

Но, съ другой стороны, выдѣлъ жмудскихъ господарскихъ волостей подтверждается аналогією послѣдующаго времени и указываетъ также и на то, что позднѣйшіе факты образования господарской территории среди удѣльно-княжеской не представляютъ собой новаго явленія въ концѣ XV или началѣ XVI в. Такъ Симонъ Ольгердовичъ, получивъ при Витовтѣ Мстиславское княжество, считался потому (1432—1445 гг.) на чужбинѣ и когда вновь получилъ отъ Казимира свой удѣлъ, то уже въ значительно обрѣзанномъ видѣ (безъ

¹⁾ Арх. юго-зап. Р., т. VII, к. II, № 1.

²⁾ Лебавскій, о. с., прилож. № 34.

Могилева, Тетерана, Княжичь, Чичерка, Дрокова), при чем, отвлеченная волость вошла в состав великокняжеских¹⁾. В среде удельной иногда появлялась великокняжеская территория, так, как великий князь оставлял под своей властью свои собственные данины, сдѣланныя, напр., до удѣла удѣла. Такъ, подтверждая в 1484 г. княгинѣ Федосѣ Кобринской сл. наследственная земля, Казимиръ оговариваетъ: „нижыи што будетъ въ тыхъ имѣньяхъ нашей данины, въ томъ есть наша воля“²⁾. Жалуя в 1496 г. князю Симеону Можайскому Чернигово-Сѣверское княжество, великий князь Александръ тоже выдѣляетъ въ немъ „на насъ бояръ нашихъ“, тогда какъ удѣльно-княжескіе бояре обязаны служить своему господарю³⁾. Наконецъ, интересно и то, что иногда великіе князья „приказываютъ себѣ служить“ даже и удѣльно-княжескимъ боярамъ⁴⁾ и, такимъ образомъ, выдѣляютъ ихъ изъ территоріи удѣла. Иногда великий князь, при подтвержденіи удѣльной вотчины, выдѣлялъ изъ нея то, что составляло его данину, сверхъ вотчинной территоріи⁵⁾. Однимъ словомъ, господарь стремился удержать въ удѣльно-княжеской территоріи свои данины⁶⁾. И этотъ порядокъ, повторяемъ, древнѣшаго происхожденія. Указаніи на него встрѣчаемъ еще и въ первой половинѣ XV в.—въ договорной грамотѣ великаго князя Казимира съ княземъ Одероромъ Львовичемъ Новосельскимъ и Одоевскимъ; послѣдній получаетъ свою отчину, однако „опроче того, што давно отошло“⁷⁾ и, следовательно, составляетъ уже великокняжескую волость.

Сами по себѣ эти факты не только свидѣтельствуютъ о способахъ образованія господарской территоріи, но и о характерѣ великокняжеской политики по отношенію къ удѣламъ: эти господарскіе оазисы на удѣльной территоріи подрывали цѣльность удѣла, а великокняжескіе слуги, жившіе въ удѣлахъ (можетъ быть, болѣею частію литовца), были стражами литовской политики на окраинѣ. Эта система выдѣла волости объясняетъ намъ появленіе въ составѣ господарскихъ земель таковыхъ, которыя не были предметомъ военной ло-

¹⁾ Любавскій, о. с., р. 14.

²⁾ А. З. Р., I, р. 105.

³⁾ Ibidem, р. 163.

⁴⁾ Ibidem, р. 197.

⁵⁾ Ibidem, р. 152.

⁶⁾ Ibidem, т. II, р. 32.

⁷⁾ А. З. Р., I, 55.

бачи; напр., волости Молзрская, Брагинская, Рѣщцкая и Бичцкая, бывшія въ составѣ Киевскаго княженія, оказываются уже при Казимирѣ (въ первые годы его правленія) въ составѣ господарскихъ—очевидно, выдѣленных по какому-нибудь поводу изъ удѣльнаго княжества.

Такимъ образомъ пестрый территориальный составъ Литовско-русскаго государства: земли, удѣльные княженія и господарская отчина, не одинаковаго происхожденія. Но этимъ перечнемъ нельзя ограничиться, такъ какъ надо принять во вниманіе еще одинъ факторъ того же порядка—появленіе привилегированныхъ городовъ на магдебургскомъ правѣ. Такихъ городовъ уже въ половинѣ XV в. можно насчитать нѣсколько, напр., Берестіе, Вильно, Ковно и нѣкоторые другіе болѣе мелкіе. Хотя они находятся на господарской территоріи, но выдѣляются изъ нея своею привилегіею. Наконецъ, надо сдѣлать и еще оговорку двойнаго рода. На территоріи господарской вотчины очень рано выдѣляютъ haereditates крупныхъ пановъ и служилыхъ князей; это—имѣнія, зачисленія привилегированное положеніе, которое выдѣляло ихъ подобно городамъ, въ государственную территорію. Далѣе, слѣдуетъ еще разъ отметить, что отношеніе господари литовскаго къ его собственной вотчинѣ было неодинаково: чувствовался нѣкоторое различіе въ отношеніи господари къ частямъ родовой или замосванной вотчины и къ тѣмъ, которыя были, по нашему предположенію, выдѣлены изъ системы земель. Правда это различіе, какъ увидимъ, не легко точно опредѣлить, вследствие смѣшенія государственнаго и вотчиннаго началъ.

Такое происхожденіе государства и различіе въ этнографическомъ составѣ его населенія, естественно являло весьма разнообразныя послѣдствія въ политическомъ и социальномъ быту его и, конечно, въ той области государственной жизни, которая составляетъ предметъ нашего спеціальнаго изученія, т. е. въ происхожденіи системы государственнаго хозяйства. Существенная сторона вопроса заключается въ томъ, въ какія отношенія центральное правительствено стало къ разнороднымъ частямъ своей территоріи, какой характеръ имѣють эти отношенія и какое вліяніе они оказали на общій укладъ хозяйства государства.

Такимъ образомъ, на литовско-русской почвѣ мы встрѣчаемъ съ большимъ разнообразіемъ составныхъ частей государства какъ въ территориальномъ отношеніи, такъ и въ этнографическомъ. Но въ

отношениях государства къ его составным частямъ не трудно уловить одинъ общій принципъ, который является связующимъ звеномъ между государствомъ и его частями, поддерживаясь долгое время разъ установленный порядокъ, не прешествуд, однако, жизни выработать новыя условія. Это принципъ—„старини“, пошлыви. Старини могла существовать въ формѣ писаннаго закона, или только обычая, но соблюденіе и того и другого считали для себя обязательнымъ какъ великокняжеское правительство, такъ и население. Отсюда происходятъ существенный законодательный принципъ—не нарушать старини и не вводить новини. Этого принципа правительственная власть крѣпко держалась, приблизительно до эпохи второго Статута, по отношенію ко всемъ сословіямъ, и только впоследствии онъ окончательно сдѣлался правомъ шляхетства и привилегированныхъ городовъ. Дѣйствительно, законодательные памятники XIV—XVI вв. не разъ торжественно подтверждаютъ принципъ старини. Такъ, уже земскія уставныя грамоты закрѣпили эту общую основу, такъ какъ заключаютъ въ себѣ статьи о венарушеніи старини, установленной Витовтомъ и Сигизмундомъ Кейстутевичемъ¹⁾. „И всякъ есмо пожаловали,—говоритъ Киевскій привилей,—мѣщанъ кievскихъ и все пошлывство по даннему, какъ было за великого князя Витовта: бо мы никому повини не велимъ уводити, а старини рухати“²⁾. И такого рода принципиальныя заявленія верховной власти встрѣчаются уже со времяемъ в. кн. Витовта, т. е. почти со времени первыхъ законодательныхъ памятниковъ. Этотъ князь приказываетъ своему намѣстнику „ничѣмъ черезъ пошлыву не обидити“ Борисонцевъ³⁾. И законодательные памятники послѣдующаго времени равняютъ то же общее положеніе. Въ грамотѣ мѣщанамъ Слуцкимъ о независимости съ нихъ подводу намѣстникомъ, кор. Казимиръ говоритъ въ 1481 г.: „Про то, коли они здавна, за великого князя Витовта и за Жигимонта и перво сего за насъ, подводи... не давали... ипо и нынѣ непадобѣ... вехай то будетъ по тому, какъ здавна бывало, за великого князя Витовта и за Жигимонта и перво сего за насъ: бо мы старини не рухаемъ, а новини не увидимъ“⁴⁾.

¹⁾ Ср. въ сводахъ у М. П. Лещинскаго, Зем. уст. грамота, р. 112—113.

²⁾ А. З. Р., I, р. 146.

³⁾ А. Ю. и З. Р., I, р. 3.

⁴⁾ А. З. Р., I, р. 110.

Великокняжеская власть вездѣ является принципиальнымъ стороникомъ мѣстной старини и требуетъ того же отъ своихъ органовъ, такъ какъ нарушеніе старини составляетъ „вреду“ для населенія. „Приказуемъ тобѣ, иишегъ вел. князь въ 1491 г. витебскому намѣстнику, кн. М. Жезлавскому, штобы еси имъ черезъ то болни срядвѣ не чинилъ и повини не увидилъ, и дѣлалъ бы еси по старому... бо мы повини не уводимъ, и старини не рухаемъ“¹⁾. Старини всегда подтверждается, разь она представляетъ собою обычай „звѣчный“, „стародавний“: „А про то... будетъ ли то обычай звѣчный, стародавний... и то есть ихъ старини: мы никому съ подданныхъ нашихъ новини не вводимъ, а старини не рухаемъ“²⁾.—ишегъ уже Сигизмундъ-Августъ намѣстнику свислцкому. По старинѣ живутъ все сословія, въ томъ числѣ и духовенство,—„бо мы старини не рухаемъ, а новини не вводимъ“³⁾, заявляетъ вел. князь въ грамотѣ митрополиту⁴⁾.

И заявленія приведенныхъ грамотъ—не случайности: вся жизнь Литовско-русскаго государства регулировалась принципомъ старини. Принципъ „старини“ въ средневиковую эпоху имѣлъ вообще весьма обширное праживеніе въ жизни общества, являясь той неписанной конституціей, которая охраняла общественныя и правныя порядки и права отдельной личности отъ посягательства административной власти въ ту пору, когда писанное право еще не сложилось, или не успѣло получить всестороннюю обработку. Жизнь складывалась изъ прецедентовъ, почему всякій новый фактъ, „новина“, могъ превратиться въ обычай, прецедентъ для будущаго⁵⁾; вотъ почему население

¹⁾ А. З. Р., I, р. 150—1.

²⁾ А. З. Р., II, р. 368.

³⁾ А. З. Р., II, р. 176.

⁴⁾ Ср. еще, напр., кн. Суд. Д. Л. IV, л. 331—332.

⁵⁾ Для уясненія того, какъ прецеденты могли создавать обычай, небезинтересно привести одинъ—другой фактъ. Мѣщане виленьскіе замостили, по просьбѣ великаго князя, „мость передъ городомъ... велмъ мостомъ“, но при этомъ просили „абы то имъ было наготови не въ пошлыву“ (Акты Литовско-русскаго государства, издаемыя М. Довнар-Запольскимъ, I, 66). Или вотъ какъ, напр., частное лицо оберегаетъ свои пошлывы: „Мы князь Иванъ Юрьевичъ, намѣстникъ витебскій. Просилъ еси Ивашка Дашковичъ, а братъ его Олехи, абы намъ призволили зверхъ у своихъ довиждоу въ ихъ отчине (побити) Ивашко изъ братомъ на вашу прозбу вчинилъ: зверхъ побити намъ с княи на волю по ихъ доброй воли, а то не есть у вѣчности, бо онъ возель у своей отчине. И просили въ насъ листа на то, абы

стойко защищать свою старину, и борьба русских земель, волостей и городов с великокняжескою властью и администрацією представляли собою массу любопытных доказательств того, как энергично население умело защищать свою «старину». В этом отношении борьба земель при Витовтѣ и оппозиція шляхетства на сеймах XVI в., тяжба волостей и городов с урядомъ имѣютъ одно и то же основаніе. Но разъ мы знаемъ о господствѣ старины, то не трудно предположить, каково происхожденіе самой старины. Оно выработалось еще въ до-литовскій періодъ, такъ что эта старина—тѣ социальныя, правовыя и финансовыя нормы, которая выработались въ удѣльно-земскій періодъ русской исторіи. Дѣйствительно, источники уже очень ранняго періода вплоть до половины XVI в. говорятъ о господствѣ русскаго, иногда и литовскаго права (една ли это не одно и то же), о правѣ, выработанномъ въ отдѣльныхъ областяхъ. Древнѣйшія привилегіи на магдебургское право обычно заключаютъ въ себѣ вполнѣ ясное указаніе на господство русскаго права, такъ какъ этия привилегіи уничтожаются *omnia jura polonica et ruthenica et consuetudines universas*¹⁾ (1390 г.), или *jus ruthenicum, lithuanicum et polonicum* (1408 г.)²⁾, или населеніе вызывается—изъ «права литовскаго и русскаго, а которое коли будетъ тамъ держано»³⁾. По весьма понятнымъ причинамъ въ города, особенно на западной окраинѣ, легко проникали чуждыя порядки, въ особенности *jura polonica*; кромѣ того, въ городахъ селились еще евреи. Неудивительно, поэтому, что въ некоторыхъ изъ нихъ, вслѣдствіе этого получался *jus diversum et varias inter homines consuetudines*; все это создавало споры среди населенія, почему и населеніе и король

иные шашеники у вѣчность не взяли того, и тему листъ свой давъ на то, што намъ потомъ не владати въ его зови зовити, бо они вольны у своей вѣчине и в словехъ зовицахъ. Писанъ у Витебску, генварь 9 день, индикъ 3. (Кн. Зап. Лиг. XVI, л. 38). О томъ, какъ изъ случайныхъ предсказаній складывалась новинность «старина» ср. рассказы Ратиевской лѣтописи о лѣтребѣ (Арх. юго-зап. Р., ч. VII, т. II, р. 280, 286, стр. 279). Крестыне одного села воднесли на свадьбу въ подарокъ сѣмю в. Гаштольдовой свинья; помѣщица сошла этого фактъ предсказанья и установила наборъ (Документы Московскаго Архива Министерства Юст., т. I, названный М. Довнар-Запольскимъ, р. 118).

¹⁾ М. Довнар-Запольскій, Акты Литовско-русскаго государства, I, р. 1.

²⁾ *Ibidem*, р. 3, стр. 17.

³⁾ А. З. Р., I, р. 178; ср. р. 157, т. II, pp. 10, 75 и др.

охотно избирали для городовъ магдебургское право¹⁾. Но населеніе волостей и земель долгие удерживало истаринное *jus ruthenicum*.

Но выходъ городовъ изъ русскаго права, въ первое время весьма незначительный, не могъ сильно вліять на служеніе области его привилегіи. Еще въ XIV в. оно употребляется даже въ международныхъ сношеніяхъ²⁾. Мало того, встрѣчаемъ указанія на мѣстна развѣтвленія этого права. Такъ, въ договорныхъ грамотахъ Полоцка съ Рогою, не разъ встрѣчаемъ условіи, по которымъ Полоцане облауются судить Рижанъ въ Полоцкѣ по своему праву, т. е. полоцкому³⁾: «Полоцане осудятъ по своему праву»⁴⁾. Въ отдѣльныхъ земляхъ, имѣвшихъ привилегіи, это право вносилось въ грамоты—«право добровольное, христіанское»⁵⁾. «Въ Витебскѣ судить по своему праву», въ Полоцкѣ «по своему»⁶⁾,—«подлугъ обычая и устава земские»⁷⁾.

Такимъ образомъ, въ Литовско-русскомъ государствѣ укоренилось господство истариннаго русскаго права, частью писаннаго, но большей частью обычнаго. На эти обычай, какъ на правообязательныя нормы, ссылаются и законодательныя памятники. Въ привилегіи евреямъ 1388 г. вел. кн. Витовта указывается на правовое значеніе обычая: «иже бы подлугъ обычая нашея земли, правъ нашихъ быть каранъ... подлугъ обычая земскаго масть заплатити вину... которая заданна уложена»⁸⁾.

Однако, принципъ старина, пронизывавшій весь государственнаго правопорядокъ, вовсе не сковывалъ общественную жизнь, не вѣлъ къ консерватизму, окаменѣнію въ мѣстныхъ, разъ выработанныхъ формахъ. Общій духъ отношеній государства къ обществу былъ таковъ, что старина, пошлава могли подвергаться измѣненіямъ, но съ согласія самого общества. И дѣйствительно, историческое развитіе Литовской Руси служить прекраснымъ доказательствомъ того, что современное общество вовсе не было чуждо стремленій къ поли-

¹⁾ Довнар-Запольскій, Акты, I, р. 84.

²⁾ Ср. договоръ 1366 г., М. Довнар-Запольскій, Изъ исторіи литовско-польской борьбы за Волынь, Киевъ, 1896.

³⁾ Павлюкскій, Рус.-лит. Акты, р. 119.

⁴⁾ *Ibidem*, р. 130, 131.

⁵⁾ А. З. Р., II, р. 33, 87.

⁶⁾ Донскій, Сводъ уст. грамотъ, р. 122—123.

⁷⁾ А. З. Р., I, № 147.

⁸⁾ А. З. Р., I, № 9.

тическому и культурному росту. Но важно то, что всякий измѣненіи происходит не извнѣ, по почину правительственной власти, но на-рѣшаются предварительно въ самоѣ обществахъ, перехода отсюда уже въ законодательныя нормы. Послѣдній съ XVI в. устанавливаются на сеймахъ самимъ шляхетствомъ, отстранявшимъ въ этому времени остальные классы населенія, но до этого времени измѣненія правящей жизни находятъ себѣ достаточное выраженіе въ самостоятельной жизни областей. Вслѣдствіе такого положенія вещей между государствомъ и отдѣльными составными частями его территоріи, или между отдѣльными группами лицъ, объединенныхъ тѣми или иными интересами, создается отношенія, которая можно охарактеризовать терминомъ договорныхъ. Государство устраняется на своеобразныхъ началахъ федераціи. Отдѣльныя его части связаны съ верховною властью договоромъ. Въ такіе договоры вступаетъ великокняжеское правительство съ удѣльными князьями и отдѣльными землями, вошедшими въ его составъ, съ сохраненіемъ мѣстныхъ правъ. Но развѣ договорный принципъ является господствующимъ, то онъ проникаетъ не только въ отношенія правительства, но и въ такимъ составныхъ частямъ государственной территоріи, договоры съ которыми иногда возникаютъ въслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ. Такъ при первомъ же удобномъ случаѣ собственно литовское шляхетство, получаетъ привилегіи отъ Ягайлы. Въ первоначальномъ своемъ видѣ грамота 1387 г. только привилегія, но, съ теченіемъ времени, она, подвергаясь измѣненіямъ, превращается въ договоръ государя съ обширнѣйшимъ классомъ дворянства. Больше слабая составная часть государства довольствуются молчаливымъ признаніемъ со стороны правительства ихъ „старинныя“, или привилегіями, дарованными великимъ княземъ (города, евреи, татары). Такимъ образомъ, федеративный строй проникалъ все государство, связывая все многообразныя его элементы. И эта особенность въ строй Литовско-русского государства не случайна: это истаринная идея, руководившая государственною жизнью еще въ удѣльно-земскомъ періодѣ¹⁾, и теперь приложенная къ новымъ условіямъ жизни.

Связующимъ элементомъ всей обширной территоріи является погочинникъ Литовской земли. Подъ властью его состоятъ отдѣльныя части государства; на этихъ частяхъ долго еще лежитъ печать былой

¹⁾ Истѣмъ въ виду известную теорію проф. Сергѣевича.

самостоятельности: и въ политическомъ, и въ правовомъ и даже въ этнографическомъ отношеніи (послѣднее относится къ крупнымъ землямъ), каждая изъ частей, сознаетъ свое отличие отъ сосѣда.

Даже въ юридическихъ памятникахъ надолго удерживается еще понятіе о полочанинѣ, витеблянѣ, литвинѣ и пр., земля Полоцкой, Смоленской, Волынской и т. и. Отдѣльныя федеративныя части государства не сближаются, потому что онѣ продолжаютъ свою самостоятельную жизнь. „Или учиняте пени въ Новгородѣ полочанину, или витеблянину, или литвинну, или русину съ нашего великого княженія“... говоритъ договоръ Казимира съ Великимъ Новгородомъ¹⁾, вычитывая составныя части княжества. „А изъ вочичну, брате, у твою, мѣй и моей братьи молодой, у во все твое великое княженіе, ни у Смоленскѣ... не вступатися“, говоритъ великій князь Московскій Василій въ своемъ договорѣ 1449 г. съ Казимиромъ и т. д.²⁾ Витебская уставная грамота, разрѣшая выходъ витеблянину въ Литву, рѣзко отдѣляетъ Литву отъ Витебской земли³⁾. И великій князь не былъ княземъ всего государства: это былъ государь литовскій, жмудскій и русскій⁴⁾.

Составныя части титула—не случайность: въ первую эпоху сложенія государства встрѣчается и въ памятникахъ правящей того, что великій князь Литовскій, государь Вышны и Троцьк, былъ въ то же время государемъ Полоцка, Смоленска и др. земель. Интересно, что это обстоятельство рѣзко отразилось въ титулѣ Скиргайлы, именовавшего себя *dux Lithuaniae et dominus Trocensis et Polocensis*⁵⁾. Грамота Полоцкѣ въ Ригу 1407 г. оговаривается: „кто коли *будетъ*

¹⁾ Сборникъ Мухомова, р. 3.

²⁾ А. З. Р., I, р. 63. Ср. въ договорѣ съ тверскимъ княземъ Борискомъ Александровичемъ: „А мѣста лорубежныя, которые будутъ здална поехали къ Литви или къ Смоленску“, *ibidem*, р. 66.

³⁾ Янинскій, Зем. уст. грам., р. 125.

⁴⁾ Напомнимъ, между прочимъ, что въ нач. XV в. русскому населенію не была чужда идея объ особомъ „великомъ княженіи русскомъ“: „князи и бояре и вся земля посадили князя Шенстритайла на великое княженіе Русское“. Это сообщаетъ лѣтопись о Полоцкѣ и Смоленскѣ (Литовская лѣтопись по списку бабъ Красивыхъ, Изд. Археогр. Ком., р. 36). Политикъ восточнаго времени, исходящая также съ русской стороны, имѣли въ виду уже отдѣлится отъ Польши Литовско-русское государство, Ср. замѣчанія въ моей статьѣ „Литовско-польскія униа на сеймахъ до 1669 г.“, М. 1896 г.

⁵⁾ Monumenta hodiæ aevi Histor., Krak., 1887, II, р. 11.

ослодарь полоцки у Полоцку¹⁾. В этом отношении особенно важно компетентное заявление Смоленской уставной грамоты.

Смольняне, прося о подтверждении грамоты, заявили великому князю о своих заслугах в борьбу за „панства наши“, с вепри-тещами „великого княжества Литовского, завжди неотступни были, а тому господарю, который съдѣла на Вильни и на Троцкѣ, всякою вѣрою послугою служили“²⁾. С этой точки зрѣнія, каждая земля является въ отдѣльности отчипою того господара, который сидитъ въ Троцахъ и Вильнѣ. Именно, смольняне вѣрою служатъ великому князю, „яко господарю своему отчипному и дѣдичному“³⁾; князья же тоже служатъ „дану своему прироженому дѣдичному“⁴⁾. Такимъ образомъ, представители различныхъ земель считали великаго князя литовскаго своимъ отчипнымъ, но совокупность всѣхъ составныхъ частей государства, всѣхъ „панствъ“ не скоро составила одну отчину⁵⁾. Вспомнивъ историческое происхождение государства, видимъ, что вѣкоторыя изъ областей, дѣйствительно, были отчиной великаго князя (Витебскъ, Волынь, Полоцкѣ)⁶⁾, потому, что перешли къ нему по наследству, другія заняли положеніе отчипы по аналогіи съ первыми. Однако, въ силу особенностей того же историческаго происхожденія, великій князь литовскій предоставилъ своимъ различнымъ отчипамъ широкія автономныя права. Права областей закрѣплены были новыми уставными грамотами, которыя въ извѣстной мѣрѣ носятъ черты договорнаго начала.

¹⁾ Русско-ливонскіе акты Навіерскаго, р. 130.

²⁾ Яковскій, о. с., р. 107.

³⁾ Ibidem, р. 110. По разсказу г-да Виховна, А. Саковичъ приводитъ Смольнянъ къ приездѣ тому господарю, „шого князи и панове... оберутъ вѣл“ (по изд. Нарбутта, р. 67—69).

⁴⁾ Ibidem, р. 111.

⁵⁾ Ср. еще слѣд. мѣста договора 1440 г. съ Великимъ Новгородомъ: „А што мовѣхъ людей, или Литвианъ, или Витѣбенинъ, или Полочанинъ, или Смолянинъ, или съ ними нашихъ Рускихъ земель—тѣмъ тутъ часть (въ Новгородѣ) или все свое отчипомъ“ (А. З. Р., I, 52).

⁶⁾ Ср., напр., замѣчаніе Литовской лѣтописи: Кейбутъ говоритъ Витолту послѣ своей побѣды надъ Ягайломъ: „А отчину его Витебскъ и Криво и вел мѣста, што отецъ его держалъ, то все даю ему“ (въ изданіи Давидовича, р. 83). Ср. въ договорѣ 1427 г.: „А помини имати въ мовѣхъ Тфорскихъ людей, въ моего господина дѣда великаго князя Витолтовѣ отчипомъ, у Смоленску, у Витебску, у Кіевѣ, у Дорогобузи, у Вильнѣ“, А. З. Р., I, № 33.

Одно изъ важнѣйшихъ условій уставныхъ грамотъ заключается въ томъ, что господарь обязуется не нарушать правъ области, сохранять ихъ „вѣчно и неворушно“¹⁾. Такимъ образомъ, и господарь принимаетъ на себя извѣстныя обязательства, а въ Жмудской грамотѣ это обѣщаніе подтверждается даже присягою великаго князя²⁾; впрочемъ, вѣрнѣе, и принимаемая литовскими государями, при вступленіи ихъ на престолъ, присяга относилась не только къ общимъ земскимъ привилегіямъ, но и ко всѣмъ „правамъ“, т. е. и ко всѣмъ уставнымъ грамотамъ. Получаемыя областями права въ грамотахъ называются „правомъ добровольнымъ христіанскимъ“³⁾, „вольностями“⁴⁾, „правомъ вольнымъ христіанскимъ, добрымъ и справедливымъ“⁵⁾. Терминъ „добровольное“ право не совсѣмъ случайный значитъ: кажется, онъ можетъ указывать на то, что отдѣльныя земли по своей волѣ соединялись съ Литвою. По крайней мѣрѣ, въ Жмудской грамотѣ это обстоятельство подчеркнута рѣзко: „Хочемъ изъ намъ (Жмудчанамъ) жадны немає мовити, альбо на очи испити, якъ бы прель мечъ альбо черезъ оныя вѣлки были увалочны, але съ доброю волею пристали“⁶⁾.

Обязательства господаи идутъ еще дальше: по отношенію къ Смоленской области онъ обязуется восстановить древнюю ея территорію⁷⁾. Тотъ же смыслъ имѣетъ и обѣщаніе Полоцкой и Витебской грамоты: „Витѣбляны (или Полочаня) не даритися никому“⁸⁾, подтверждающее незыблемость территоріи области. Это уже принципы государственнаго характера. Дальнѣйшее содержаніе уставныхъ грамотъ представляеть рядъ обязательствъ со стороны верховнаго правительства, по отношенію къ составнымъ частямъ государства; обязательства эти указываютъ на высокое политическое развитіе обѣихъ договаривающихся сторонъ. Такъ, великій князь гарантируетъ областямъ личную безопасность гражданъ (именно неприкосновенность личности: никто не можетъ быть лишень свободы и казненъ безъ суда и слѣд-

¹⁾ Яковскій, о. с., 111, 112, 113, 114, 115.

²⁾ Ibidem, 114.

³⁾ Ibidem, р. 111, 108, 106.

⁴⁾ Ibidem, 110.

⁵⁾ Ibidem, 109.

⁶⁾ Ibidem, р. 115.

⁷⁾ Ibidem, р. 116.

⁸⁾ Ibidem, р. 117.

ствія ¹⁾), свободу женить, остающихся без опекунов, от принудительных, по желанию великого князя, браков ²⁾), право передвижения въ соседнія области и за границу государства ³⁾), не отвѣтственность семьи преступника ⁴⁾), сохраненіе личныхъ привилегій и „тѣхъ шлехетства ⁵⁾); имущественныя права гражданъ (право владѣнія имуществомъ ⁶⁾), завѣщанія ⁷⁾), наследованія ⁸⁾); наконецъ, грамоты обезпечиваютъ изспирное мѣстное процессуальное право ⁹⁾), торговое ¹⁰⁾), судъ, личность и имущество гражданъ отъ притѣсненій со стороны мѣстной администраціи ¹¹⁾), опредѣленные обязательства населенія по отбыванію государственныхъ податей ¹²⁾ и предоставленіе ему нѣкоторыхъ льготъ въ этомъ отношеніи ¹³⁾ и т. д.

Этихъ бывшихъ указаній на составъ уставныхъ грамотъ достаточно для характеристики ихъ; но для нашей цѣли самое важное заключается въ усненіи того, какъ устроилось внутреннее управленіе земли, и какъ оно относится къ общегосударственному.

Укладъ земли устривается по старинѣ, а эта старина вполнѣ русская. Во главѣ земли стоитъ намѣстникъ (впоследствии воевода) или староста (на Жмуди).

Въ большинствѣ земель, намѣстникъ назначается или съ согласія населенія (Витебской и Полоцкой земли), или даже избирается имъ самимъ, хотя и утверждается королемъ ¹⁴⁾. Приѣзжалъ въ городъ, новый воевода иѣдуетъ крестъ витеблянамъ и позочанамъ на томъ, „штожь безъ права ихъ не казнити по вадамъ ни въ чомъ.“ ¹⁵⁾ Длительность его, какъ правительственнаго органа, весьма строго регла-

¹⁾ Искскій, о. с., р. 123.

²⁾ Ibidem, р. 168—9.

³⁾ Ibidem, р. 125, 131.

⁴⁾ Ibidem, р. 173.

⁵⁾ Ibidem, р. 128—130.

⁶⁾ Ibidem, р. 160—164.

⁷⁾ Ibidem, р. 167.

⁸⁾ Ibidem, р. 172.

⁹⁾ Ibidem, р. 120—122.

¹⁰⁾ Ibidem, р. 122.

¹¹⁾ Ibidem, 141—150.

¹²⁾ Ibidem, р. 119—120, 129.

¹³⁾ Ibidem, р. 132—133.

¹⁴⁾ Ibidem, р. 118.

¹⁵⁾ Ibidem, р. 143.

ментирована и, главнымъ образомъ, въ томъ смыслѣ, чтобы онъ не могъ нарушать стариннаго порядка вещей. Всѣ мѣстныя судебно-административныя и финансовыя функціи предоставлены самой землѣ, съ намѣстникомъ во главѣ ¹⁾. Последний является и представителемъ въ области великаго князя и замѣстителемъ истариннаго удѣльнаго князя; но такъ какъ онъ избирается населеніемъ, то въ великокняжеской радѣ намѣстникъ является представителемъ областныхъ интересовъ. Мѣстное населеніе играетъ первостепенную роль въ дѣлѣ управления. Такъ, въ земляхъ существуетъ неконный порядокъ, по которому мѣстные уряды замѣщаются мѣстнымъ же боярствомъ, или воеводействомъ. Такъ въ 1516 г. князья и бояре витебскіе, жалуютъ королю на различныя „вряды“ свои отъ воеводы Яна Костевича, между прочимъ указывали: „тажежь жаловали намъ... о вриды — городничье, конюшье, ключъ, ловчее, вѣтъ то панъ Янушъ въ нихъ поогинамалъ и дасть своимъ слугамъ отъ себе держати; а здвѣна предковъ ихъ, а давныя предковъ нашихъ, и тежь они сами а дащину шшное, тыи уряды державали“, что и подтверждается теперь вновь королемъ ²⁾. Далѣе, въ рукахъ мѣстнаго боярства находится „держаніе“ извѣстныхъ волостей или городковъ ³⁾. Намѣстникъ отправляетъ судъ (главѣйшая обязанность древне-русскаго князя) „съ князя и съ бояры и съ мѣщани“, въ Смоленскѣ онъ судить съ околичными „и съ иными вридникъ“ на великокняжескомъ дворѣ ⁴⁾. Однимъ словомъ, мѣстное населеніе принимаетъ самое широкое участіе въ судѣ и управленіи. Въ 1516 г. во время тяжбы князей и бояръ витебскихъ съ мѣстнымъ воеводою Яномъ Костевичемъ, жалобщики доказывали, что прежніе воеводы „ислиши дела земскыя с ними (боярами) справовали (воеводы) и суживали и риживали и нересудомъ съ ними напола ся деловали“; король призналъ требованія витеблянъ и приказалъ воеводѣ и его преемникамъ радить всея земскія дѣла и судить вѣстѣ съ боярами ⁵⁾. При намѣстникѣ состоялъ востоянный совѣтъ изъ мѣстныхъ вридниковъ и боярства ⁶⁾.

¹⁾ Ср. М. Б. Лѣвакскаго, Областное дѣленіе, р. 11.

²⁾ Кн. Суд. Дѣл. Лит., II, з. 206.

³⁾ Искскій, о. с., 116—117.

⁴⁾ Искскій, о. с., р. 181. Ср. обетановку суда въ документѣ, напечатанномъ въ Сборникѣ Мухомова, р. 130—131, или въ Кн. Зап. Лит., XVI, з. 69.

⁵⁾ Кн. Суд. Дѣл. Лит., II, з. 205—206.

⁶⁾ Лѣвакскаго, о. с., р. 864.

Кроме судебно-административной самостоятельности, каждая земля представляла собою еще и отдельную финансовую единицу. Она имела свои земские или городские имущества и право на самообложение. Так, вся Полоцкая земля, бояре, мѣщане, городские дворяне и все „поспальство“, имѣли общую земскую „скриню“, въ которой хранилась казна (въротно и земскія привилегіи); по одной грамотѣ кор. Казимира, эту „скриню“ завѣдывали по два выборныхъ отъ названныхъ классовъ общества,—иже бы есте одинъ безъ другого до скрини не ходили; и тежъ, што возмутъ и што роздадутъ, то бы подъ свѣдомъ было и личба бы тому вчашена, абы имъ шкода не дѣлася¹⁾. Въ этой „скрини“ между прочимъ хранилась и „помочь“ господарю, которая собиралась всей землей. Около времени изданія цитируемой грамоты, между мѣщанствомъ и боярами происходили споры изъ-за раскладки „помочи“²⁾. Но въ земскую „скриню“ не только собирали деньги на случай уплаты государственной „помочи“. Такъ, Полочане издавна держали „важницю“; доходъ отъ нея мѣщане и бояре дѣлили пополамъ, употребляя,—каждый классъ—на свои потребности³⁾. Въ витебскую и полоцкую земскую казну поступали штрафы по преступлениямъ противъ торговаго права⁴⁾. Смоленне имѣли въ своемъ распоряженіи нѣкоторую торговлю пошлшю (вѣсь медовой, соевой, „воромель“, „музолн“, а также въ извѣстныхъ случаяхъ мѣто солоное и восковое⁵⁾. Витебскіе князья и бояре пользовались частью пересуда⁶⁾. Центральные города областей собирали различные „поборш“ и „серебичини“ на свои „потребы“⁷⁾. Были у земли иногда и еще финансовые интересы иного рода. Такъ, въ Полоцкѣ мѣщане, городские дворяне и „вси волостые люди“ сообща эксплуатировали господарскіе бобровые тони по всей землѣ и за это вносили въ господарскую казну опредѣленный годичный оброкъ⁸⁾. Все это указываетъ на то, что въ финансовомъ отношеніи земскія общины представляли собою одно цѣлое.

¹⁾ А. З. Р., I, p. 72.

²⁾ Яценскій, о. с., 133.

³⁾ Ibidem, 122. Ср. подробности въ Актахъ Лят.-р., т. I, p. 216.

⁴⁾ Ibidem, p. 116.

⁵⁾ Кн. Суд. Д. Л., II, т. 204.

⁶⁾ Яценскій, 140.

⁷⁾ А. З. Р., I, p. 171.

Если судебно-административная и финансовая обособленность земской общины указываетъ не только на ея автономное положеніе въ государствѣ, то въ бытѣ общины были и такія стороны, которыя живо напоминали о ея былой самостоятельности. Даже финансовыя, судебныя и административныя функціи требовали совместной дѣятельности всѣхъ классовъ общества, всей земли. Это мы и видимъ въ дѣятельности. Основной законъ области, ея уставная грамота, обычно дается не какому нибудь одному классу общества, по всей землѣ. Полоцкая грамота дана боярамъ, мѣщанамъ и всей землѣ, Смоленская—окольнымъ, князьемъ, панамъ, боярамъ, мѣщанамъ, чернымъ людямъ и всему шляхетству, Жлудская—шляхтѣ, боярамъ, вметамъ и всему поспальству и т. д.¹⁾. Во всѣхъ сношеніяхъ съ правительствомъ фигурируетъ вся земля. Разумается, для управленія и сношеній земля должна была собираться на общія собранія. Дѣятельно, областныя вѣча, сеймы составляютъ обычное явленіе въ жизни земли. Вѣчевой порядокъ здѣсь никогда не прекращался и впоследствии перешелъ въ погостовыя сеймики. Но въ литовскій періодъ вѣче остается такой же безпорядочной сходкой всѣхъ жителей земли и на немъ продолжается та же борьба капитала съ трудомъ, большихъ и черныхъ людей, какалъ хорошо известна изъ удѣльнаго періода. Стоитъ визаніи, для подтвержденія сказаннаго, подробно записанное въ литовскія вѣчевое собраніе въ Смоленскѣ при княженіи Казимира, или привести нижеслѣдующую цитату изъ оффиціального акта. Король Казимиръ приказываетъ полоцкимъ боярамъ, мѣщанамъ и городскимъ дворянамъ и всему „поспальству“ жить „въ згодѣ межъ собою были, а дѣла бы наши городскіе вси згодю, посполу справляти, по давноту; а сымались бы (дѣлали бы сеймы, вѣче) вси посполу на томъ мѣстѣ, гдѣ передъ тымъ сымывались издавна; а безъ бояръ, мѣщаномъ и дворяномъ городскимъ и черни соймовъ не надобѣ мнѣшѣ“²⁾. Этотъ отрывокъ живо напоминаетъ намъ бытовавшую нѣсколько раньше въ томъ же Полоцкѣ вѣчевую жизнь. Она продолжается и въ Литовскій періодъ съ такимъ же характеромъ, пока, наконецъ, вѣча не смѣшались сеймами шляхты. Но важно, что земскія вѣча имѣли широкую компетенцію. Законодательная власть находилась въ ихъ рукахъ. Можно указать на нѣсколько очень важ-

¹⁾ Яценскій, о. с., p. 104—106.

²⁾ А. З. Р., I, p. 72.

ных мѣстных законовъ, изданныхъ на полоцкомъ вѣчѣ или витебскомъ. Они издавались по совѣту „со всею землею“. И эти законы издавались съ согласія „всей земли“¹⁾, или боярами, мѣщанами и „людьми“ витебскими²⁾. Такъ, напр., Витебскою землею была напечатана законъ о вольныхъ похожихъ людяхъ³⁾. Витебскіе бояре издали постановление о распределеніи сторожи, а вся земля Витебская—о работѣ новыхъ замковыхъ городенъ⁴⁾. Полоцкая земля издавала постановление объ улатѣ „перейма“ за забранный на шляху свотъ⁵⁾. Въ Полоцкой же землѣ, предполагалась „обнова“ со всею землею относительно установленія судебныхъ сроковъ⁶⁾. Правда, проявленіе законодательной дѣятельности мѣстныхъ вѣчей становится известнымъ намъ только отъ начала XVI в., когда сами вѣча стремятся перейти въ сѣймики одного шляхетства⁷⁾. Но вѣчная жизнь не новое явленіе, потому что ее и хронологически и по характеру самого вѣча (участіе всѣхъ свободныхъ классовъ общества) можно связать съ древне-русскими періодами.

Рядомъ съ законодательными функциями вѣча областей сохранили еще одно важное право: право иностранныхъ сношеній по торговымъ дѣламъ. Характеръ грамотъ, писавшихся изъ Полоцка въ Ригу, не составляетъ сомнѣній въ томъ, что онѣ послышались на основаніи вѣчевыхъ постановленій: „А се мы Полочане, вси добри люди и малы“⁸⁾, „отъ всихъ мужъ Полочанъ“⁹⁾, „отъ мѣщанъ Полоцкихъ и отъ всего посполства“¹⁰⁾ и пр. Такъ выражаются грамоты. Съ издвѣженіемъ городовъ отъ земли (введеніе магдебургскаго права), Полоцкъ продолжалъ сношенія съ Ригою, до самого распавденія Ордена¹¹⁾. Разуздается, сношенія касались только мѣстныхъ тор-

¹⁾ Зап. Лит., XVI, л. 138.

²⁾ Ibidem, л. 5.

³⁾ А. З. Р., I, р. 79.

⁴⁾ Зап. Лит., IX, л. 45.

⁵⁾ Зап. Лит., XVI, л. 289.

⁶⁾ Ibidem, л. 138 сл.

⁷⁾ Ср. факты, приведенные у М. К. Любавскаго, о. с., р. 873 сл.

⁸⁾ Русско-Лит. Акты, р. 120.

⁹⁾ Ibidem, р. 104.

¹⁰⁾ Ibidem, р. 203.

¹¹⁾ Ср. напр. грамоту 1553 г., ibidem, р. 380.

говыхъ интересовъ, „будетъ ли ся што тынати дѣла мѣстского“, по выраженію одного акта¹⁾, по самый фактъ и этого рода сношеній весьма характерны. Это—остатокъ публичныхъ правъ области. То же сказывается и въ предоставленіи Смоленску и Полоцку взаимно облагать купцовъ того и другого города мытомъ²⁾.

Ко всему вышесказанному надо прибавить, что намѣстникъ—воевода или староста земли являлся, уже ко времени Витовта, членомъ великокняжеской рады; свое мѣсто въ радѣ онъ занимаетъ какъ представитель земли и, такимъ образомъ, являлся соучастникомъ высшаго управленія въ государствѣ. Намѣстникъ былъ представителемъ великаго князя въ области, но въ радѣ онъ являлся представителемъ земли, и въ этомъ случаѣ его положеніе было сходно съ положеніемъ удѣльнаго князя. Да и вся земля, какъ мы видѣли, приходила въ составъ государства, сохранила многие признаки бывшей самостоятельности. Намѣстникъ замѣняетъ въ области князя, по отношенію намѣстника къ населенію, остаются такими же, какими были при князьяхъ. Ни судебная, ни административная, ни финансовая дѣятельность земли не нарушалась; въ ея рукахъ сохраняется даже известная доля вѣчныхъ сношеній. Интересно, что земскій строй сохранялся также и въ ивѣнскихъ областяхъ княженія: дворцовые уряды князи продолжаютъ свое существованіе и при намѣстничьемъ управленіи; въ земляхъ мы встрѣчаемъ мѣстныхъ коношыхъ, лочныхъ, сокольничихъ, бобровничихъ, ключничихъ, околичнихъ и др.; все это обломки княжескаго двора.

Если внутренній строй земель сохранялся и въ литовское время свою извѣстную организацию, то неудивительно, что мы съ тѣмъ же явленіемъ встрѣчаемся въ удѣльныхъ княженіяхъ. Правда, великокняжеская политика по отношенію къ удѣламъ подвергалась колебаніямъ, иногда довольно рѣзкимъ. Но эта политика по отношенію къ князьямъ не нарушала жилищнаго уклада самого княжества.

Въ болѣе ранній періодъ Литовско-русскаго государства положеніе удѣльныхъ князей было отлично отъ позднѣйшаго времени.

¹⁾ А. З. Р., I, р. 199.

²⁾ Вотъ это мѣсто Смоленской уставной грамоты: „если бы Полоцкые браны на Смоленскихъ мыто отъ сози и отъ носку, и его милостьъ такоже Смоленскому велику брату на Полоцкихъ мыто отъ сози и отъ носку; а если бы Полоцкые на Смоленскихъ не браны, то и Смоленскому на Полоцкихъ не браны“ (А. З. Р., I, р. 361).

Пока великие князья смотрели на русские земли, как на военную добычу, удѣлы въ ихъ рукахъ представляли собою передовые полки литовской арміи на востокъ и югъ; въ удѣлахъ сидятъ по преимуществу Гедиминовичи. Такъ было, наиримѣръ, при Ольгердѣ-Кейстутѣ, когда удѣлы Гедиминовичей описывали Литву съ военно-стратегическими дѣлами¹⁾. Но уже со времени Ягайлы-Витовта положеніе удѣловъ значительно измѣняется. Государство расширяется на востокъ и юго-востокъ, удѣлы сохраняются и за Рюриковичами, а сами Гедиминовичи теряютъ связь съ центромъ и становятся иными представителями мѣстныхъ интересовъ; наконецъ, число удѣловъ и князей сильно увеличивается появленіемъ въ ихъ средѣ сибирскихъ князей; князья Гедиминовичи постепенно превращаются въ отщепенъ своихъ удѣловъ и въ этомъ отношеніи они ничѣмъ не рождаются отъ князей Рюриковичей. Подобно тому, какъ при Ягайлѣ-Витовтѣ установились нормы отношеній централиаго правительства къ землямъ, въ тоже время выработался и характеръ отношеній великаго князя къ удѣльнымъ. Несомнѣнно, смуты при Витовтѣ и сейчасъ послѣ его смерти, въ которыхъ князья принимали столь дѣятельное участіе, помогли въ пользу удѣльныхъ князей: они усилили свою самостоятельность, успѣли установить окончательно договорный характеръ своихъ отношеній къ великому князю. Дѣйствительно, историки эпохи Витовта-Ягайлы иногда, говоря о междукняжескихъ отношеніяхъ, имѣютъ виду уже выработанную „пошлину“; давалъ Святослу Мельштытскому Подолію, Ягайло отовариваетъ условія дачи: *sunt pleno jure ducali quo ceteri nostri duces Lithuaniae et Russiae frui soliti sunt*, при чемъ служба отбывается Святкомъ *prout... servire tenentur*²⁾. Однако коротенькія привилегіи грамоты удѣльныхъ князей великому не говорятъ опредѣленно, въ чемъ заключалась эта „пошлина“, очевидно подразумевавшая въ этомъ отношеніи известныя обычныя нормы.

Во всякомъ случаѣ, выработанный жизнью междукняжескій укладъ не соответствуетъ вполнѣ древнерусскому удѣльному строю (при новыхъ политическихъ обстоятельствахъ, онъ былъ не примѣнимъ), хотя и несомнѣнно порожденъ послѣднимъ³⁾; но въ тоже время этотъ

¹⁾ Smolka Stat., Kiejstur i Jagiello, Krak., 1888, p. 10.

²⁾ Codex epistolaris Vitoldi, edidit A. Prochaska, № 115.

³⁾ Н. П. Дашкевича, Записки по ист. Литовско-русскаго государства, и. 95, и замѣчанія М. К. Любавскаго въ ст. „О распредѣленіи владѣній и объ отноше-

укладъ рискованно было бы отождествлять съ московскимъ удѣльнымъ, хотя послѣднее сравненіе будетъ всетаки ближе къ истинѣ.

Въ зависимости отъ личныхъ и политическихъ обстоятельствъ, отношенія между удѣльными князьями и великимъ подвергались колебаніямъ. Такъ, отношенія между Ольгердомъ и Кейстутомъ, Ягайлою и Кейстутомъ, Скиргайлою, Витовтомъ, Свидригайлою и Сигизмундомъ далеко не похожи на отношенія великаго князя къ другимъ удѣльнымъ, хотя въ нихъ и есть много общаго. Въ древнѣйшій періодъ мы наблюдаемъ сравнительно большую зависимость и старшихъ Гедиминовичей отъ младшихъ и, наоборотъ, младшихъ отъ старшихъ, т. е. отъ великаго князя. Последняя выражалась хотя бы въ томъ, что удѣльные князья Гедиминовичи не скоро, не ранѣе XV вѣка, начинаютъ созавать себя отщепенями своихъ владѣній¹⁾, и ихъ дѣйствительно можно сравнивать съ велико-княжескими наместниками, съ нижесюю властью и доходами²⁾. Но надо помнить, что и великіе князья, ничего крупнаго, обще-государственнаго, не предпринимаютъ безъ совѣта съ мѣстными князьями. Эти совѣщанія великаго князя съ удѣльными являются, конечно, не въ томъ добрыхъ семейныхъ отношеній въ средѣ Гедиминовичей, но трезвымъ пониманіемъ политическаго положенія обѣими сторонами. Но превратившись въ отщепенъ, князья стали въ болѣе независимы, менѣе случайныя отношенія къ великому князю. Для нашей дѣлы достаточно намѣтить, не входи въ подробности, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, въ чемъ заключалась и чѣмъ выражалась связь между великимъ княземъ и удѣльными и, притомъ какъ разъ въ такомъ періодѣ, когда князья Гедиминовичи обѣдаютъ въ своихъ вотаивахъ и сравниваются въ этомъ смыслѣ съ Рюриковичами, т. е. въ первую половину XV в.

Удѣльный князь долженъ принести „покору“, бить челомъ великому³⁾; онъ, какъ вассалъ, при торжественныхъ обѣщаніяхъ, прино-

ніяхъ между великими и другими князьями Гедиминова рода. (Изданіе Историч. Общ. при Московск. Универ. Годъ I, М. 1886), p. 78.

¹⁾ Любавскій, p. 81.

²⁾ Ibidem, p. 90.

³⁾ О князѣ Владимірѣ кievскомъ дѣтонискоу говорить, что онъ „не хотѣе покоры учинити и челомъ ударити великому“ (Н. В. Антоновичъ, Монографія, I, p. 233). Ср. Литовскую дѣл. по св. Красивскихъ, p. 21, 24, 26.

силь присягу великому¹⁾, и при этомъ удѣльный князь „записывался“²⁾ великому, т. е. давалъ присяжную грамоту.

Общая черта этихъ грамотъ—обещаніе со стороны удѣльнаго князя, вѣрной службы и военной помощи. Такъ грамота лужицкаго князя Оедора Любарта 1386 г. королю Ягайлѣ заключаетъ въ себѣ только обещаніе вѣрной службы и военной помощи³⁾. Въ томъ же году князь смоленскій Юрій Святославовичъ заключаетъ договоръ съ Ягайлою, причемъ главное условіе—„за одинъ бати“ и обещаніе военной помощи⁴⁾. Столь же кратки и общія удѣльно-княжескія грамоты, дававшіяся Ягайлѣ въ 1401 г.: всѣ онѣ обещаютъ вѣрность королю, какъ высшему сюзерену, въ случаѣ какой либо „привога“ кн. Витовту⁵⁾. Латинскіе тексты присяжныхъ грамотъ содержатъ въ себѣ терминологию средневѣковаго феодализма. Такъ Скиргайло, получивъ въ 1387 г. Познань, даетъ королю *omnium fidelitatis sub honore juramenti; fidelis omagialis* по этой грамотѣ обязывается соблюдать по отношенію къ королю, королевѣ и коронѣ: *fidem, obedientiam, reverentiam et honorem...*, *fides*—заключается въ томъ, что русскія грамоты выражаютъ „бати за одинъ“⁶⁾. Однако князь Симеонъ Ливеней и Владимиръ Кіевскій, въ своихъ грамотахъ, обещая вѣрность, объясняютъ значеніе *verus omagialis*, какъ *debitae subjectionis, obedientiam et omnimodam fidelitatem*; они будутъ помогать великому князю *consilio et auxilio*⁷⁾. Если въ первыхъ изъ вышеприведенныхъ договоровъ зависимость удѣльнаго князя отъ великаго весьма незначительна, то въ двухъ послѣднихъ мы уже встречаемся съ терм. *subjectio*, выражающимъ, очевидно, большее подчиненіе. Дѣйствительно, выраженіе подчиненности было не одинаково. Свидригайло называетъ въ одной грамотѣ себя *subditus, servitor et adjutor fidelis*

¹⁾ Кадегуть, послѣ побѣды надъ Ягайлою, принимали присягу отъ вассальныхъ князей *cum aspersione sanguinis animalis mactati* (Smolka, Kiejstut i Jagiello, p. 60).

²⁾ А. З. П., I, p. 61.

³⁾ Arch. ks. Lubart-Sang. I, p. 2.

⁴⁾ Ibidem, p. 3—4.

⁵⁾ Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Tomus II continet codicem epistolarem saeculi decimi quinti. Krakow. 1876, p. 22—23. Ср. А. З. П., I, p. 28—29.

⁶⁾ Monumenta etc., II, p. 11—12.

⁷⁾ Ibidem, p. 13—14.

князей Витовта и Ягайлы¹⁾. Князь Дмитрій Корибутъ, посаженный тѣмъ же Ягайлою въ Сѣверскихъ городахъ, обещаетъ великому князю „толдованіе и вѣрность и послушество и также служба и хреста цѣлованіе“²⁾; Корибутъ подается королю, королевѣ и королевству самъ, съ городами, замками и боярствомъ Сѣверской земли и обещаетъ вѣрную службу³⁾. Князю Оедору володимирскому тотъ же Ягайлъ въ 1393 году уже отдаетъ Сѣверскую землю „до своей воли“⁴⁾,—*tenere, gubernare*⁵⁾, что близко подходитъ къ положенію нѣмѣстника. По выраженію присяжной грамоты кн. Оедора Воротынского королю Казимиру, данной въ 1448 г., удѣльный князь признаетъ полученіе имъ города, какъ *ex brachio suo* (всл. князя) *manutentorem* (уд. князя) *ac vicarium*, обещаетъ полную вѣрность и свободу жителей обращаться къ королю⁶⁾. Это уже дача княжества „въ нѣмѣстничество“⁷⁾.

Въ этихъ древнѣйшихъ договорныхъ грамотахъ, равно какъ и въ присяжныхъ⁸⁾, обоюдныя обязательства очерчены весьма общими штрихами. Вообще требуется только *fanulatus et servitia exhibere*, какъ выражается грамота королевы Явги кн. Оедору Острожскому⁹⁾. Однако одна позднѣйшая грамота (1412 г.), представляющая собою договоръ и. кн. Казимира съ кн. Оедоромъ Львовичемъ Новосильскимъ и Одоескимъ, подробно развиваетъ отношенія обоихъ князей. Въ ней интересно прежде всего то, что князь Оедоръ „принять въ службу“ Казимромъ по своему „челобитью“. Заключаемое же между ними „докончаніе“ воспроизводитъ порядки времени Витовта. Первое условіе договора: удѣльный князь обязанъ „быть послушнымъ“ великому, по послѣдній держитъ его „во чести, и въ жалованьи и въ докончаньи“. Князь Оедоръ обязуется платить Казимиру „полтвнее“. Удѣльный князь отказывается отъ всякихъ политическихъ сношеній съ сосѣдами, но за то великій „боронитъ“ его отъ враговъ. Граница Новосильскаго

¹⁾ Stadnicki K., Bracia Wladyslawa-Jagelly Olgierdowicza. Lw., 1867, p. 324, прил.

²⁾ Archiwum ksiąząt Lubartowiczów-Sanguszków. Tom I, Lwów, 1887, p. 9.

³⁾ Ibidem, p. 10.

⁴⁾ Ibidem, p. 131.

⁵⁾ Ibidem, p. 13.

⁶⁾ Monumenta, II, p. 33 (прил.).

⁷⁾ Сборникъ Мухомова, p. 5.

⁸⁾ А. З. П., I, p. 28, 29, 30.

⁹⁾ Arch. Sang. I, p. 15.

и Одоевского княжества остаются прежніи. По смерти Казимира кн. Федоръ обязуется служить его преемнику и вообще Литовской землѣ; и наоборотъ, наследники Федора, сохраняютъ положеніе своего отца, владѣя своею отчиной⁴. Если одна изъ сторонъ нарушитъ заключаемыя условія, то „цѣломане доловъ, а намъ вола“⁵. Далѣе великій князь даетъ судъ всей семьѣ Новосельскихъ въ ихъ спорахъ. Бѣть также статья и о смѣсномъ судѣ (вѣроятно, въ этомъ смыслѣ надо понимать соответственную статью); такія дѣла рѣшаются судьями великаго и удѣльнаго князей; но высшей инстанціей считается самъ Казимирь⁴).

Этотъ договоръ предоставляет удѣльному князю значительную долю самостоятельности и совершенно не касается внутренней жизни удѣла. Далѣе, зависимость удѣльнаго князя выражается въ его отказѣ отъ вѣнчаныхъ политическихъ сношеній, отъ связи съ Москвою. Притомъ, интересенъ пунктъ, предоставляющій право удѣльному князю, въ случаѣ нарушенія договора со стороны великаго, свободнаго выхода изъ службы; такимъ образомъ служба признается вольной. Можно полагать, что этотъ сравнительно полный договоръ оговариваетъ условія, не исключительно принадлежащія княжеству Одоевскому; весьма вѣроятно, что въ коротенькихъ общихъ договорахъ съ другими князьями скрывались тѣже условія и рядъ другихъ еще, о которыхъ до насъ не дошли свидѣнія.

Только что изложенныя данныя, характеризующія между княжескія отношенія, указываютъ на степень политической зависимости удѣльнаго князя отъ великаго. Удѣльный князь является вѣрнымъ слугою великаго; оба связаны „братством“; удѣльный князь помогаетъ великому *auxilio et consilio*, обязанъ ему вѣрностью, но за то лишень права вести вѣнчанія политическія сношенія.

По отношенію къ княженію, удѣльный князь получаетъ удѣлъ, но иногда безъ всякаго опредѣленія времени или характера владѣнія; старинные русскіе князья смотрѣли на свой удѣлъ, какъ на вотчину; Гедиминовичи въ болѣе раннее время являются держателями удѣловъ; иногда князья прямо получаютъ „удѣлъ“ въ наместничество. За то уже въ раннее время выдѣляются удѣлы на „вѣчность“²). Нако-

⁴) А. З. Р., I, p. 55.

⁵) Codex epistolari Vitoldi, № 125; В. В. Антоновичъ и Козловскій, Грамоты великихъ князей Литовскихъ, p. 1.

нецъ, въ XVI в. встрѣчаемъ удѣлы, которые превращаются въ простыя „имѣнія“¹). Такимъ образомъ, въ степени политической зависимости удѣльныхъ князей отъ великаго и въ отношеніяхъ первыхъ къ княженіямъ можно указать нѣсколько градаций.

Но это обстоятельство мало шло на внутреннюю жизнь удѣла. Онъ жилъ „по старинѣ“². Объ этомъ прямо говоритъ одна грамота Казимира при передачѣ Бранска князю Ивану Андреевичу Можайскому (1450 г.). Казимиръ приказываетъ жителямъ области — боярамъ, мѣстичамъ и „всімъ мужомъ бранскимъ“, быть послушными князю „какъ самихъ насъ“; служба съ отчизнъ и имѣній должна идти теперь на удѣльнаго князя. Но при этомъ правительство требуетъ и отъ князя: „а ему насъ приказами есмо съ нашихъ имѣній не гнати а ни отивати, а въ церковное ся ни во што ни вступати, а суды судити по старинѣ, какъ у насъ владанна пошло, а своихъ новыхъ судовъ, и инкоторыхъ пошанихъ новыхъ не вводити“³). Сама государственная власть, какъ видимъ, обязываетъ князя управлять удѣломъ по старинѣ. Но вся сила удѣльнаго князя заключалась въ сохраненіи „старинѣ“, какъ въ предѣлахъ княжества, такъ и въ отношеніяхъ его къ великому князю; всякое нововведеніе нарушало бы и ту самую „старинну“, на которой зиждилось существованіе удѣла.

Дѣйствительно, въ своемъ удѣлѣ князь носилъ всѣ признаки господара — отчича. Подобно древне-русскому князю, удѣльный окруженъ боярскою думою, съ нею онъ судитъ и рѣшитъ обо всѣхъ дѣлахъ. Среди этой думы встрѣчаемъ служилыхъ князей, владыкъ и друг. духовныхъ лицъ, бояръ, пановъ, простыхъ „слугъ“, дворянъ и дьяконовъ⁴), наконецъ, разныхъ должностныхъ лицъ княжескаго двorca: канцлера⁵), подканцлера⁶), маршалка земскаго⁷), и просто маршалковъ⁸), старостъ⁹) (на Волыни у Свидригайлы), воеводъ¹⁰) „дядку дѣтей“ княжескихъ¹¹), подскарбіевъ, таву-

¹) А. З. Р., I, p. 163, 186.

²) А. З. Р., I, p. 67.

³) Напр. Arch. ks. Lub-Saug, I, p. 30, 45, 58; А. З. Р., I, p. 60; А. Ю. З. Р., I, p. 24, 294; П., p. 107; Вол. Археогр. Сб., VII, p. 3; Acta Vaz. Arch. K., III, p. 4.

⁴) А. Ю. З. Р., I, p. 11; Arch. Saug., I, p. 41.

⁵) Arch. Saug., I, p. 44; Антоновичъ, Грамоты, p. 6.

⁶) Arch. Saug., I, p. 43—44; Антоновичъ, Грамоты, p. 6.

⁷) Arch. Saug., I, p. 35, 50; А. Ю. З. Р., I, p. 11; Антоновичъ, Грамоты, p. 11.

⁸) А. Ю. З. Р., I, p. 11; Arch. Saug., I, p. 44, 45, 47.

⁹) А. Ю. З. Р., I, p. 234; Arch. Saug., I, p. 58, 8—9.

¹⁰) Arch. Saug., I, p. 50.

новъ¹⁾, подвобскихъ²⁾, крайчихъ³⁾, подкоморныхъ⁴⁾, ключниковъ⁵⁾ и др. Князь дѣйствительно пользуется свѣтами своей рады; помѣта ихъ именъ на грамотахъ не простое указаніе на присутствіе свидѣтелей. Князь Юрій Святославичъ Смоленскій заключаетъ договоръ съ Ягайлою: „а то семь учинитъ и записать своею доброю волею и своимъ князьямъ и своимъ бояры⁶⁾“. Князья и бояре князя Корбута Новгородъ—Сѣверскаго „слобуютъ“ королю Ягайлу за своего князя⁷⁾; в. кн. Свирдигаило, какъ и другіе удѣльные князья⁸⁾, раздастъ села своимъ служилымъ бояремъ, „порадившися съ князи и паны, зъ пашою вѣрною радою“⁹⁾ или „порадившии зъ пашою вѣрною радою, съ князи и паны“¹⁰⁾ и т. д.¹¹⁾ Князья не расстаются и съ титуломъ „божъею милостыю“¹²⁾ или „божъею милостыю и здоровьемъ господиря“.

Въ своемъ удѣлѣ князю принадлежать обширная власть. Здѣсь онъ прежде всего пользуется судомъ¹³⁾. Въслѣдствіе фискальнаго взгляда на судъ въ древней Руси, удѣльный князь можетъ отказаться отъ суда при пожалованіи частному лицу населенной земли¹⁴⁾. Удѣльный князь распорядится раздачею земель на условіяхъ военной службы¹⁵⁾, или просто записываетъ ихъ на монастыри и церкви¹⁶⁾; удѣльный князь санкціонируетъ сделки частныхъ лицъ, касающіяся купли, продажи земли¹⁷⁾. Князь можетъ распорядиться своимъ удѣломъ по завѣщанію¹⁸⁾,

¹⁾ Ibidem, p. 2.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem, p. 45.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Ibidem, p. 47.

⁶⁾ Ibidem, p. 4 (Русск. Исторія, Библ., II, p. 8; А. Ю. З. Р., II, p. 102; Monumenta in aevi, II, p. 8).

⁷⁾ Ibidem, p. 9.

⁸⁾ Напр., А. З. Р., II, p. 29.

⁹⁾ Arch. Sang., I, p. 30; ср. p. 33, 35 и др.

¹⁰⁾ А. Ю. З. Р., I, p. 11.

¹¹⁾ Ibidem, p. 12, №№ 21, 24, 25, 30; Грамоты Антоновича, p. 5.

¹²⁾ А. Ю. З. Р., I, p. 26.

¹³⁾ Напр., А. Ю. З. Р., I, p. 42, 296.

¹⁴⁾ А. З. Р., I, p. 201; А. Ю. З. Р., I, p. 60.

¹⁵⁾ Напр., Виленск. Арх. Сб., VII, p. 2—3; А. Ю. З. Р., I, p. 8, II, 31. Акты Виленск. Арх. Ком., XIII, p. 3—4, p. 1. Ревизія пущи и переходовъ лѣсныхъ Вел. Кн. Лит., p. 106, 217, 278, 281, 287, 328.

¹⁶⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. I, p. 211; Arch. Sang., III, p. 4—8, 14—25. Грамоты вел. кн. Лит. В. Б. Антоновича и Козловскаго, p. 9—10.

¹⁷⁾ А. З. Р., I, 70.

¹⁸⁾ Skarbесъ Даниловича, № 1822.

или выдѣлять изъ него части въ вѣно дочерямъ¹⁾; послѣдніе способы распоряденія, вѣроятно, совершались съ согласія великаго князя. Въ своемъ удѣлѣ князь собиралъ въ свою пользу подати съ населенія и слѣдилъ за отбываніемъ имъ повинностей.

Власть удѣльнаго князя носить всѣ признаки вотчинной. Рада, которою онъ окруженъ, состоитъ преимущественно изъ представителей дворцовыхъ должностей. Отношеніе государя къ суду и повинностямъ населенія—наилучшее свидѣтельство успѣховъ государственнаго начала. Въ этомъ смыслѣ мы встрѣчаемся съ волюй вотчинными правилами. Судъ и доходы разсматриваются съ точки зрѣнія частно-правной. Князь Мстиславскій, жалую селеніемъ своего боярина, отказывается отъ суда въ селеніи, отъ посилки въ него дѣвчихъ „иметь онъ самъ людей своихъ судити и радити, кроме татбы и душегубства“; жалуемое лицо освобождается отъ всякаго рода пошлннъ „и подачель“ въ пользу князя²⁾. Свирдигаило жалуетъ своему боярину среди другихъ данией и мито³⁾. Князь Вережскій даетъ своему боярину корчму вольную⁴⁾ и т. д. Даже монастыри переходятъ въ частное пользованіе „за службу“, но пожалованію удѣльнаго князя⁵⁾. Однимъ словомъ, князь можетъ дать землю съ населеніемъ на ней своимъ подданнымъ, со всѣмъ, что къ тѣмъ селамъ, „изъ вѣка и здана слушало и титло“⁶⁾, т. е., конечно, въ томъ числѣ и права государственнаго характера. Наконецъ слѣдуетъ прибавить, что удѣльнымъ князьямъ принадлежало право собиранія мѣстныхъ сборовъ⁷⁾.

Подобнаго рода дачи наполняютъ содержаніе пожалованныхъ грамотъ, выданныхъ удѣльными князьями. Впрочемъ князья обычно оставляютъ за собою военную службу тѣхъ лицъ, которые получаютъ пожалованіе,— „которую (службу) потому изъ другими боярьми нашими мстиславскими поваяни будутъ отиравать“⁸⁾.

¹⁾ А. З. Р., I, 185.

²⁾ А. Ю. З. Р., I, p. 60.

³⁾ Ibidem, p. 11.

⁴⁾ Изданные мною Документы Московскаго Архива Мин. Юст., I, p. 95.

⁵⁾ А. Ю. З. Р., I, p. 8—9.

⁶⁾ Антоновичъ и Козловскій, Грамоты, № 3.

⁷⁾ Акты Лит.-рус. государ., I, p. 63.

⁸⁾ Акты Виленск. Арх. Ком., XIII, p. 1.

Однако служба у удельного князя носит всё свойства частного соглашения, но не повинности¹⁾; служилый человек несет свои обязанности по отношению к удельному князю и пользуется его пожалованием до тех пор, пока находит это для себя выгодным; в противном случае он может оставить пожалованную ему землю и уйти на службу к другому господину²⁾. Государство не имело никаких отношений к этим соглашениям удельного князя и его служивых людей. Впрочем, удельный князь мог пожаловать имение с освобождением от всяких повинностей и на условиях „тому хоти служить“, и таким образом, известная часть территории всё-таки выходила из княжества.

Источники иногда называют всю сумму прав, принадлежавших удельному князю, *plenum jus ducale*³⁾. Сь этим можно согласиться, понимая объем *plenum jus ducale*, в смысле вотчинного по существу, но сколько это *plenum* не соотносывается с государственными интересами. Дело в том, что, будучи вотчинным государем, удельный князь был связан с государством политическими и военно-финансовыми отношениями. Государство иногда и вторгается в их сферу, хотя источники в данном отношении не совсем ясны. Так, в некоторых междукняжеских грамотах встречается условие, по которому население дозволяется обращаться к великому князю „о чем имъ будетъ надобнѣ“⁴⁾. Можно указать на единичные случаи вмешательства государства в раздачу имений удельным князьям⁵⁾, или ограничении его прав в этом отношении необходимостью согласия великого князя на такую раздачу земли, когда последний выходил из службы и тем уменьшал военно-

¹⁾ В этом отношении характерно следующее свидетельство князя Сем. Юр. Сидукій дает, своим землякамъ землю, такъ какъ они „powiadał, że ich jest oszukiwany, chociażcy nam ku służbie ziemskiej koi stawili“. Архивы Юго-Зап. России, ч. VII, т. I, р. 211.

²⁾ Антонович и Козловскій, Грамоты, р. 4.

³⁾ Arch. Sang., I, № 19.

⁴⁾ Сборникъ Мухомова, р. 5.

⁵⁾ На основании подобныхъ отдѣльныхъ случаевъ г. Грушевскій дѣлаетъ слѣдующую широкую выводу, ср. его замѣчанія въ „Запискахъ товариства имени Шевченка“, т. XXXI—XXXII, „До питання про право держання отпавинице“ и т. д.; факты вмешательства вел. кн. см., напр., у Ф. И. Леонтовича, Очерки истории Лит.-русск. права, р. 137; у М. К. Лыбавскаго, въ статьѣ о распределеніи владѣній и пр. (о. с., р. 85—86).

финансовую силу княжества¹⁾. Во внутреннихъ сношенияхъ великокняжеское правительство принимает на себя обязательства, касающіяся иногда внутреннего строя удельного княжества: такъ, въ договорѣ Казимира съ Борисомъ Тверскимъ, великій князь литовскій обязуется не налагать новыхъ поборовъ на тверскихъ купцовъ; это обязательство относится и къ Киевской землѣ, хотя въ то время тамъ сидѣлъ киевскій отчичъ князь Омелько²⁾.

Само стремленіе центрального правительства къ удержанію „старини“ въ отношеніяхъ удельного князя къ удѣлу является актомъ ограниченія власти послѣдняго, потому что князю предписывается известная программа дѣйствій. Въ этомъ отношеніи любопытна тѣжба писемныхъ мѣщанъ со своею княгиней Маріею Семеновной Александровичъ. Тѣжба происходила въ 1501 году 24 марта. Тутъ интересенъ уже самый фактъ обращенія съ жалобой подданныхъ удельного князя къ великому. Писеміе мѣщане жалуются послѣднему на „кривда“ и „новина“, увеличивши имъ княгиню; она беретъ отъ нихъ подводу „на свои потреби, гдѣ хотѣла“, сдвигала имъ корчмы по высокой цѣнѣ, брала и другіе поборы не по старинѣ. Все это „новина“ сравнительно съ порядками, господствовавшими при великихъ князьяхъ Жигимонтѣ и Казимирѣ; послѣдніе, своими грамотами на имя вѣнѣтшиковъ, утвердили „старину“ мѣщанамъ, восстановление которой они теперь и требуютъ. Господарь, дѣйствительно, подтверждаетъ всю „старину“ мѣщанамъ: „имъ новинъ некоторыхъ не вводити, поддугъ листовъ великого князя Жигимонта и отца нашего короля его милости; а господаремъ Писскимъ держати ихъ потому, какъ бывало за великого князя Витовта и за Жигимонта и первого сего за отца нашего“³⁾.

Однако категоричность настоящаго господарскаго постановленія нѣсколько смягчается вторичнымъ рѣшеніемъ по тому же дѣлу, состоявшимся всего нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ первого (10 июня).

¹⁾ Такой фактъ встрѣчается въ присяжной грамотѣ Скаржайлы 1387 г.: онъ долженъ испрашивать разрѣшенія короля на пожалованіе земель, перьямъ. (Monumenta Medii aevi, т. II, р. 12). Можетъ быть, такое условіе поставлено потому, что церковная земля выходила изъ службы, или же объясняется чисто случайными обстоятельствами. По крайней мѣрѣ свободная раздача земель удѣльнымъ князьямъ не можетъ подлежать сомнѣнію.

²⁾ А. З. Р., I, р. 66.

³⁾ А. З. Р., I, р. 226—7.

Въ послѣднемъ случаѣ мѣщане уже жаловались на князя Федора Ярославича. Содержаніе жалобы то же самое, но рѣшеніе аѣскалько уклончивое. Относительно подвода, господарь постановилъ, что княжескій намѣстникъ долженъ держать мѣщанъ согласно листу великаго князя Жигимонта; относительно корчемъ, господарь нашелъ, что въ листахъ Сигизмунда „не вписано прокомъ“, почему князь Федоръ имѣетъ право сдать по какой угодно ему цѣнѣ корчмы: если мѣщане найдутъ его предложеніе невыгоднымъ для себя, они могутъ и не держать корчемъ. Однако, господарскій листъ въ извѣстной степени высказывается при этомъ, съ принципиальной точки зрѣнія, о положеніи отчаника въ своей отчинѣ: „масть его (городъ) держати, такъ какъ-то отчичъ, прибавляючи и расширяючи, какъ то самъ назъиби розумѣючи, какъ то *господарь отчанины свое имѣнье*“¹⁾. Если въ данномъ случаѣ интересенъ самый фактъ вмѣшательства центрального правительства въ сферу внутренней жизни княжества²⁾, то не менѣе важно и то, что и это вмѣшательство исходитъ не отъ самого правительства³⁾ и рѣшенія его имѣютъ болѣе политическій характеръ, чѣмъ юридическій: по крайней мѣрѣ нѣсколько противорѣчивые широкіе по совершенно однородной жалобѣ можно объяснить только причинами перваго рода. Съ другой стороны, въ первомъ случаѣ великій князь предоставляетъ удѣльному руководствоваться распоряженіями правительства, сдѣланными имъ его намѣстнику и, такимъ образомъ, какъ бы приравниваетъ князя къ намѣстнику; во второмъ случаѣ рѣзко подчеркивается вотчинная власть князя, и только его намѣстникъ обязанъ считаться со „старинною“, закрѣпленной раньше великими князьями. Въ обоихъ случаяхъ однако, правительству стараются отстаивать авторитетъ своихъ распоряженій и „старинна“, ставя то и другое выше распоряженій князя. Слѣженіе удѣльнаго князя съ намѣстникомъ, съ одной стороны, и съ вотчинниками, съ другой, имѣетъ историческое происхожденіе, и данный фактъ извѣстъ съ тѣмъ свидѣтельствомъ о томъ, что центральное правительство еще

¹⁾ Ibidem, p. 227.

²⁾ Ср. замѣчанія объ этихъ грамотахъ и о власти удѣльнаго великаго князя у Ф. И. Леонтовича, Очерки исторіи Лит.-р. правл. p. 130 слз.

³⁾ Люстрація Кіевской земли 1471 г., составленная великокняжескимъ правительствомъ сейчасъ послѣ уничтоженія удѣла, полна жалобами жителей на повинности, введенныя княземъ Олелькомъ; однако нѣтъ никакихъ намековъ на то, чтобы великокняжеская власть препятствовала князю вводить эти повинн.

наканунѣ XVI в. не вполне освободилось отъ историческо и не вполне усвоило себѣ опредѣленную точку зрѣнія. Контингентство, ограничивая вотчинную власть удѣльнаго князя, и съ лицами и обстоятельствами, поводы къ вмѣшательству и части. Вотъ почему въ рукахъ удѣльнаго князя оставалась обширная вотчинная власть.

Однако, въ стремленіи центрального правительства установить связь съ подданными удѣльныхъ князей, давать имъ въ высшей инстанціи судъ и управу, регулировать, насколько возможно, отношенія между населеніемъ и удѣльными князьями, очевидно одно, что верховная власть во всѣхъ этихъ случаяхъ пытается создать отношенія государственнаго характера.

То же стремленіе правительства къ установленію государственныхъ отношеній къ удѣльнымъ князьямъ замѣтно и въ опредѣленіи той „службы“, которую обязывались нести князья.

Повинностныя отношенія князей и земель къ центральному правительству составляютъ предметъ особаго очерка въ связи съ историческимъ обзоромъ податей и повинностей. Вотъ почему здѣсь, для нашей ближайшей цѣли, достаточно будетъ бѣсслыхъ замѣчаній о характерѣ этихъ отношеній. Князья и земли одинаково обязаны были поставлять военные контингенты; военная земская служба тѣхъ и другихъ являлась повинностью. Кроме этой повинности, население обязано еще принимать участіе въ постройкѣ замковъ и въ стаціонной и въ поднодной повинностяхъ, т. е. доставлять подводы и кормъ господарскимъ посланцамъ и голицамъ. При этомъ мы встрѣчаемся и съ прямою податною публичнаго характера: князья и земли одинаково принимаютъ участіе во взносахъ на общегосударственныя нужды, взносы эти, можетъ быть, первоначально были только дарами „помочью“, но они имѣютъ связь съ началомъ прямой подати. Даже великій князь, какъ глава государства, пользуется особымъ правомъ—получать стаціи, т. е. кормъ для себя лично и своей свиты, и подводы съ населенія при переѣздахъ своихъ по землямъ и княженіямъ; эти стаціи ведутъ свое начало отъ древнерусскаго полудья и сопровождаются, повидному, дарами великому князю отъ населенія. Характеръ и исторія стаціи—полудья таковы, что заставляютъ предполагать, что ими выражались подданинческія отношенія населенія и его представителей (князей, намѣстниковъ) къ государю. Особенности великокняжеской политики по отношенію къ повинностямъ населенія земель

и князей заключаются в томъ, что верховная власть стремится стать в непосредственную связь съ населеніемъ, хотя—необходимо сейчас же сдѣлать оговорку,—это были только попытки. Такъ, есть указанія на то, что она регулируетъ подводную повинности въ удѣльныхъ княженіяхъ. Такимъ образомъ, извѣстныя повинности (земельная военная служба, городова работа, сторожа, подводная повинности, стація) рано принимаютъ публичный характеръ, что замѣчается уже въ эпоху сложенія государства; въ той же эпохѣ коренится и зачатокъ прямой общегосударственной подати.

Изложенные выше факты, касающіеся положенія въ государствѣ земель и удѣльныхъ княженій, даютъ право на заключеніе объ извѣстномъ сходствѣ отношеній тѣхъ и другихъ къ центральной власти. Сходство это имѣетъ прежде всего историческія основанія: и земли и князья приходятъ въ составъ государства на условіяхъ, послѣднихъ въ себѣ слѣды договорнаго начала. Въ уставныхъ грамотахъ земля эти слѣды выступаютъ рѣзче, чѣмъ въ договорахъ съ князьями; политическая власть по отношенію къ землямъ—однообразна и устойчива, чѣмъ относительно княженій. Объединеніе земель совершается съ государственными цѣлями и въ самомъ актѣ оно лежитъ въ извѣстной степени принужденіе: заключеніе великимъ княземъ съ землями и удѣльными князьями договора, дѣлается, въ историческомъ отношеніи, договоромъ сильной стороны съ болѣе слабой. Но и князья и земли приходятъ въ составъ государства съ сохраненіемъ вѣстной старины во всѣхъ ея отношеніяхъ. Эта старина древне-русская. Она сохранилась, въ видѣ обломковъ, въ политической сферѣ и, главнымъ образомъ, въ области внутренней жизни. Эта же древне-русская старина внесла въ государственную жизнь смѣшеніе вотчиннаго и государственнаго принципа съ здоровыми зачатками послѣдняго. По своему отношенію къ управляемой области удѣльно-княжеская власть носитъ вотчинный характеръ. Земли, какъ политическое цѣлое, не была свободна отъ того-же. Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ вольныхъ общинахъ, отдѣленіе государственнаго принципа отъ вотчиннаго менѣ замѣтно, чѣмъ въ княжествѣ, и вообще вольная община заключаетъ въ себѣ болѣе элементовъ государственныхъ, чѣмъ вотчинныхъ¹⁾. Вотъ почему и въ бытѣ литовско-русскихъ областей не легко выдѣлить оба элемента. Однако есть и вѣ-

¹⁾ Ср. замѣчанія Чичерина, Курсы государственной науки, ч. I, М. 1894, 117-ез.

которыя черты, которая, вѣроятно, имѣютъ вотчинный характеръ. Такъ, въ пользованіи общинѣ встрѣчаются торговые и мытные сборы, перевозки¹⁾; доходы отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, хотя и поступаютъ въ княжескую казну, но какъ мы видѣли раньше, распределяются „члѣтоломъ“ между различными классами, составляющими общину; пользование Полоцкою землею бобровыми гонами имѣетъ также не политическую цѣль, но частноправную. Такой же характеръ имѣютъ и раздѣлы судебныхъ пошлинъ.

Такимъ образомъ, вотчинный принципъ составляетъ рѣзкую черту областной жизни. Въ силу цѣлаго ряда условій, которыхъ не разъ еще придется касаться, этотъ принципъ имѣетъ возможность дальнѣйшаго развитія именно здѣсь. Но это обстоятельство не помѣшало развитію государственныхъ принциповъ въ устройствѣ самаго государства. И въ данномъ случаѣ Литовско-русское государство почерпнуло свои силы въ основахъ древне-русской жизни, сообразуясь съ назрѣвающими потребностями времени.

Дѣло въ томъ, что уже въ до-литовской Руси мы встречаемся съ зачатками государственныхъ взглядовъ на власть и управление, хотя рядомъ съ ними существуютъ и вотчинные принципы. Впрочемъ, иногда придаютъ слишкомъ большое значеніе государственному развитію древней Руси, но это не совсемъ вѣрно. Здѣсь мы встречаемся только съ смѣшеніемъ понятій публичнаго и частнаго права, вообще вполнѣ свойственнымъ при невысокомъ государственномъ развитіи народа. Оба элемента, публичный и частный, сливаются на столько, что публично-правовыя функціи власти приобрѣтаютъ частноправный характеръ, и, наоборотъ, частныя отношенія принимаютъ публично-правовой отбѣнокъ. Государственная власть превращается въ частную собственность, но эта собственность, въ свою очередь, обслуживаетъ государственные интересы народа. Такое мировоззрѣніе можно констатировать въ древней Руси. Но замѣчательно то обстоятельство, что въ ней же заключались весьма здоровыя начала государственной жизни. Князь являлся собственникомъ суда, администраціи, различныхъ реальныхъ услугъ, оказываемыхъ имъ населенію (вѣсти, вѣлоки, наблюденіе за правдивостію и безопасностію торговли, за торговыми рынками и проч.); за всѣ эти услуги населенію князь получаетъ сборы въ свою

¹⁾ А. З. Р., I, р. 139.

пользу¹⁾, онъ эксплуатируетъ различныя оброчныя статьи и собираетъ дани и оброки, наконецъ, онъ самъ развиваетъ свою личную предпринимательную дѣятельность. Считаю вотчинной собственностью свои уселуи населенію по судебно-административной дѣятельности, князь однако сталкивался съ такими элементами, которые препятствовали полному освоенію вотчинной властью государственныхъ обязанностей. Эти элементы находились въ средѣ того самого общества, которымъ управлялъ князь. Это общество, т. е. все населеніе княжества, составляло земскую общину. Рядомъ съ княжескимъ управленіемъ существовалъ земское, рядомъ съ княжескою властью существуетъ власть земли, представляемая вѣчемъ. Комбинаціи обѣихъ властей, ихъ взаимодѣйствіе и являются тѣмъ тормозомъ, который помѣшала полному освоенію княземъ своей власти. Вообще, городскія общины, по справедливому признанію историковъ, играютъ весьма важную роль въ дѣлѣ развитія государственныхъ понятій и учреждений: на Руси²⁾, какъ и въ западной Европѣ³⁾, онѣ въ этомъ отношеніи имѣли громадное значеніе. Другимъ важнымъ элементомъ, препятствовавшимъ полному развитію вотчиннаго принципа въ древней Руси было то, что князь едва ли сдѣлалъ вотчиннымъ собственникомъ всей территоріи: если послѣднее мнѣніе можетъ быть оспариваемо по отношенію ко всей Руси, то его надо признать, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ такимъ общинамъ, какъ Новгородъ и Новгородъ в, судя по аналогіи, Полоцкъ.

Объединенное Литовско-русское государство восприняло отъ древней Руси смѣшеніе вотчиннаго и общественно-правоваго начала, съ явнымъ перевѣсомъ послѣдняго. Преобладаніе государственнаго принципа произошло по двумъ причинамъ. Во первыхъ, внѣшнія политическія обстоятельства вызвали къ жизни начала послѣдняго рода. Нѣсколькою страницами раньше было показано, какъ въ вѣдрахъ самой Литвы нарастали, вслѣдствіе борьбы съ врагами, потребности

¹⁾ Ср. замѣчанія въ книгѣ Дипперта о гонимомъ обложеніи, *Social-Geschichte Böhmens in Vorhussitischer Zeit*, В. I, 1896, въ третьей главѣ.

²⁾ Ср. выводы, къ которымъ пришелъ Дитатинъ относительно политическаго значенія древнерусскихъ городовъ, *Устройство и управление городовъ Россіи*, т. I, СПб., 1873, р. 114 и др.

³⁾ Напоминая о выводахъ, къ которымъ пришелъ Гирке при изученіи городского строя въ Западной Европѣ, *Das Deutsche Genossenschaftsrecht*, особ. замѣчанія на стр. 300—301.

государственнаго характера. Если принять во вниманіе, что русскія области также были вовлечены Литвою въ борьбу съ Ордею, Московю и Татарами, то легко согласиться на то, что все государство находилось въ однородныхъ условіяхъ; съ другой стороны, такъ какъ въ древней Руси уже известны были нѣкоторыя изъ повинностей общественно-правоваго характера (укрѣпленіе городовъ, военное земское ополченіе), то нетрудно также предположить, что литовское правительство воспользовалось въ собственныхъ фискальныхъ видахъ уже существующими въ русскихъ областяхъ повинностными отношеніями. Изъ послѣдующаго изложенія можно будетъ убѣдиться въ томъ, что вся система обложенія Литовско-русскаго государства имѣетъ свое начало въ древней Руси. Такимъ образомъ, нѣкоторыя повинности и подати, взятыя государственною властью изъ мѣстнаго обихода (князей и земель), начинаютъ отбываться населеніемъ въ цѣляхъ общегосударственныхъ и приобригаются, следовательно, публично-правовою характеръ¹⁾. За то цѣль рядъ другихъ налоговъ, имѣвшихъ въ разпоряженіи составныхъ частей государства (князей, земель), тѣмъ самымъ принимать рѣзко выраженный вотчинный характеръ, даже въ томъ случаѣ, если, по идѣи своей, эти повинности могли бы служить государственнымъ цѣлямъ. Для полноты приведемъ примѣры. Въ древней Руси были известны нѣкоторыя формы прямой подати. Онѣ, конечно, употреблялись иногда и въ государственныхъ цѣляхъ (напримѣръ, для содержанія дружины, какъ постояннаго войска, снаряженіе посольствъ и пр.). Прямая подати перешли и въ удѣльныя княжества литовскаго періода; но такъ какъ въ государствѣ съ теченіемъ времени установились единообразныя прямыя подати публичнаго назначенія, то мѣстныя подати перешли въ руки вотчинниковъ, приобрига, такимъ образомъ, иногда частный характеръ. Итакъ, первая причина, способствовавшая проникновенію государственнаго начала въ строй Литовской Руси, заключалась въ обстоятельствахъ, создавшихъ

¹⁾ Публично-правовая подати отличается отъ частно-правовой, между прочимъ, своимъ принудительнымъ характеромъ. Ср. замѣчанія въ курсѣ лекц. Янжула, Основныя начала финансовой науки, изд. 1890 г., р. 21—23. Впрочемъ представители финансовой науки обыкновенно смотрятъ на публичный или частный характеръ налоговъ не съ исторической точки зрѣнія, но переходятъ изъ современныхъ отношеній вѣданаго къ государству (ср. напр., Гау, Основныя начала финансовой науки въ пер. Лебедева, т. I, р. 76—77), почему историкъ и не находятъ въ этихъ опредѣленіяхъ достаточной полноты.

положеніемъ государства среди сосѣднихъ. Другая причина коренится въ самомъ способѣ образованія государства, именно въ его федеративномъ строѣ. Несомнѣнно, даже разсуждая теоретически, федеративное государство создается въ цѣляхъ государственныхъ и по отношенію верховной власти въ составныхъ частяхъ государства носитъ публичный характеръ. Верховная власть выдѣляетъ себѣ только сферу публичныхъ правъ и обязанностей, оставляя въ рукахъ мѣстныхъ элементовъ вотчинныя права. Такъ именно произошло въ данномъ случаѣ: по отношенію къ землямъ и удѣльнымъ княженіямъ великій князь былъ государемъ. Вотъ почему и тѣ подати и повинности, которыя несли составныя части государства, рано получили публичный характеръ и не только въ идеѣ, но и на практикѣ, шли въ пользу всего государства.

До сихъ поръ рѣчь шла объ отношеніи къ великому князю двухъ составныхъ частей территорій государства — о земляхъ и удѣльныхъ княженіяхъ: но была, какъ мы знаемъ, и еще одна составная часть — собственно Литовское княжество. Государь на Трочахъ и Валяхъ, по качеству своей власти является какъ бы раздвоеннымъ. По отношенію ко всей территоріи государства — онъ государь, а по отношенію къ своей отчинѣ — онъ такой же князь вотчинникъ, какъ и любой изъ подвластныхъ ему удѣльныхъ. Но такъ какъ эта двойственность объединялась въ одномъ лицѣ, то смѣшеніе вотчиннаго и государственнаго принциповъ отразилось на весьма многихъ сторонахъ государственной жизни, и повело къ борьбѣ обоихъ принциповъ: только къ концу изучаемаго періода можно констатировать полную побѣду государственнаго начала. Разумѣется, сфера повинностныхъ отношеній населенія къ государю, по самому существу своему, такова, что на ней съ особою рѣзкостью выдѣляется принципъ вотчинный и государственный; въ ней же наиболее рельефно выступаетъ послѣдовательный ростъ послѣдняго. Здѣсь нѣтъ надобности подтверждать примѣрами сказанныя только что заключенія, такъ какъ послѣдующій историческій обзоръ податей и повинностей доставитъ намъ массу соотвѣствующихъ фактовъ. Не безынтересно, быть можетъ, только замѣтить, что смѣшеніе обоихъ принциповъ выходило за предѣлы собственно финансовыхъ отношеній и отразилось на многихъ другихъ сторонахъ государственной жизни. Такъ самое распределеніе территорій государства на земскую и господарскую (вотчинную) имѣетъ своимъ источникомъ именно вліяніе обоихъ прин-

циповъ. Въ области финансовыхъ отношеній это положило начало раздѣленію на скарбъ господарскій и земскій: именно въ двойственномъ отношеніи великаго князя къ задачамъ управленія и подвластной ему территоріи надлежатъ зачатки такого дѣленія. Съ другой стороны, въ области управленія великій князь литовскій является то отчичемъ, то государемъ, отчего при немъ появляются двойные органы дворцовой администраціи — земскіе и дворные, такъ какъ одинъ и тотъ же дворецъ великаго князя былъ вотчиннымъ дворцомъ и дворомъ государя.

Такимъ образомъ, при государѣ появляются: подскарбій дворный и земскій, маршалки дворные и земскіе, конюшіе, чапники и другіе чины, или рядомъ съ дворными урядами появляются подуряды (подчашій, подстолий и пр.) и тоже дѣлятся на земскіе и дворные; и въ то же время въ областяхъ существуютъ почти всѣ тѣ же чины мѣстнаго характера. Не впадалъ въ подробности, отмѣтимъ интересный фактъ, что даже въ источникахъ сравнительно поздняго времени отражается истинное назначеніе дворцовыхъ урядовъ: дворные имѣли значеніе только въ вотчинѣ великокняжеской, а земскіе во всемъ государствѣ. Такъ, давая конюшее дворное Вас. Богдановичу кор. Сигизмунду I определено указываться, что это „конюшее дворное у отчича нашего великомъ князвѣ Литовскомъ“²⁾. Между тѣмъ, какъ извѣстно, эти двойные чины, съ теченіемъ времени, утрачиваютъ свое значеніе и дворные уряды, превращаются въ простое титулы, но мѣръ того, какъ и самъ государь становится земскимъ урядомъ, государемъ.

У себя въ вотчинѣ великій князь литовскій оказался не въ одинаковомъ положеніи по отношенію къ составнымъ ея частямъ. Можно различить нѣсколько социальныхъ группъ, изъ которыхъ складывалось населеніе вотчины. Эти социальные элементы были не новаго происхожденія и не принадлежали исключительно вотчинной территоріи великаго князя.

Въ общемъ существуетъ довольно распространенное мнѣніе, что сословная группировка населенія сложилась въ Литовско-русскомъ го-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи въ Литовско-русскомъ государствѣ замѣчается тотъ же процессъ въ дѣлѣ образованія урядовъ, что и въ Польшѣ. Ср. Lelewela, Polska, dzieje i przeszłość jej, т. II (Розмаѣ, 1866 г.), р. 15 и др.

²⁾ Кн. Записей Литов., XII, л. 163 (1529 годъ)

сударствъ исключительно подъ польскимъ вліяніемъ и что она является, такимъ образомъ, прямымъ заимствованіемъ изъ Польши. Такъ объясняется, напрѣмръ, образованіе магдебургскихъ городовъ, какъ прямое слѣдствіе колонизаціонной политики Ягайлы и его преемниковъ, при чемъ эта политика проводится будто бы вполне сознательно¹⁾. Въ дѣлѣ образованія шляхетскаго сословія столь же почтенное мѣсто отводится вліянію вѣстныхъ привилеевъ Ягайлы литовскому шляхетству²⁾. Развитие крѣпостнаго права также относится въ значительной мѣрѣ на счетъ вліянія польскихъ порядковъ. Отсюда не далеко до крайностей въ данномъ направленіи. Такія крайности иногда встрѣчаются въ сочиненіяхъ, даже весьма недавно вышедшихъ въ свѣтъ. Такъ, профессоръ *Ө. Н. Леонтовичъ*, приведшій въ одной изъ своихъ предшествовавшихъ работъ столько данныхъ, доказывающихъ широкое значеніе русскихъ правовыхъ началъ въ Литовско-русскомъ государствѣ³⁾, въ последнее время высказалъ взглядъ, что даже земскія уставныя грамоты являются актомъ колонизаціонной политики великихъ князей литовскихъ⁴⁾. Думается, что такое мнѣніе не подтверждается историческимъ происхожденіемъ земскихъ грамотъ, ихъ содержаніемъ и, наконецъ, тѣмъ, что о нихъ раньше высказано въ научной литературѣ. Не менѣе крайнимъ представляется взглядъ, отрицающій сословныя начала русскаго общества въ эпоху сложения Литовско-русскаго государства. „Сильная сословная окраска всей политической и правовой жизни этихъ областей (западно-русскихъ, — говоритъ тотъ же почтенный исследователь) — результатъ воздѣйствія на нихъ старой, польско-нѣмецкой культуры“. Между тѣмъ „было одно время, когда вездѣ на Руси, въ обѣихъ ея половинкахъ — восточной и западной, живня городская и сельская текла однимъ, общеземскимъ русломъ, безъ всякихъ сословныхъ и иныхъ разграниченій“⁵⁾. Образованіе шляхетскаго сословія — дѣло земскихъ и областныхъ привилеевъ, пре-

¹⁾ Этотъ взглядъ, высказанный еще въ 1868 г. М. Ф. Владимірскимъ-Бузаловымъ (въ его книгѣ *Нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ*), выходитъ себя по слѣдователямъ и въ настоящее время; см. *Ө. Н. Леонтовичъ*, *Къ исторіи административнаго строя Литовскаго государства*, и др., Варшава, 1899, р. 5—7.

²⁾ *Ө. Н. Леонтовичъ*, *о. с.*, р. 17.

³⁾ Выше въ виду „*Очерки исторіи Литовско-русскаго права*“, издавныя почтеннымъ авторомъ въ 1896 г.

⁴⁾ *Къ исторіи административнаго строя Литовскаго государства*, р. 20.

⁵⁾ *Ibidem*, р. 1, 3.

слѣдовавшихъ, наравнѣ съ магдебургскими, колонизаціонныя дѣла¹⁾. Развивая подобный взглядъ дальше, иные исследователи доходятъ до идеализаціи безсознательнаго строя: „Во главѣ русскаго населенія стоялъ рядъ князей... любимыхъ народомъ, который чувствовалъ, что они — одно съ нимъ по плоти и духу“²⁾.

Сводитъ такой важный фактъ въ исторіи народа, какъ образованіе сословія, на почву простого заимствованія, перенесенія чуждыхъ формъ, означало бы совершенное отклоненіе со стороны историка отъ усвоенія причинъ этого явленія, отъ желанія проникнуть въ ходъ и причины совершающейся передъ его глазами исторической эволюціи въ жизни народа. Даже простое заимствованіе чужбныхъ формъ не бываетъ безъ соответственной подготовительной стадіи въ развитіи народной жизни. Въ Литовско-русскомъ государствѣ все шляхетское сословіе получаетъ основную привилецію свою въ 1457 г. въ это время оно оказывается уже достаточно развитымъ и организованнымъ во всемъ государствѣ, а между тѣмъ до этого времени только собственно литовское шляхетство имѣло особия привилеціи. Въ половинѣ XV в. еще доживало свой вѣкъ покальбіе, видѣвшее Литву не соединенною съ Польшею, а дѣйствовавшее только второе покальбіе этой эпохи. Изъ этого простого хронологическаго сопоставленія и изъ того, что Ягайловы привилеи распространялись не на все государство, очевидно, что для слѣбнаго заимствованія сословныхъ порядковъ не было ни времени, ни удобныхъ условий. Если однако мы наблюдаемъ уже при Казимирѣ силу и организованность шляхетскаго сословія, то столько же, очевидно, что для объясненія этого явленія надо искать иныхъ, болѣе глубокихъ причинъ, чѣмъ привилеи Ягайлы и обмѣтъ гербами польской шляхты съ литовской, которыми, однако, послѣдняя никогда не гордилась и потому предлагала ихъ обратно полякамъ. Очевидно, поэтому, что почва для организаціи сословія уже была въ значительной мѣрѣ подготовлена въ предшествовающую эпоху; условія сложения государства благоприятствовали росту высшаго сложения; подготовленному такимъ образомъ матеріалу для сословнаго органиана оставалось вылиться въ опредѣленную сословную форму, и въ дѣлѣ заимствованія формы польское вліяніе имѣло свой удѣлъ.

¹⁾ *Ibidem*, р. 19—20.

²⁾ А. Ирушевскій, *Ревнитель православія* ии. К. И. Острожскій и православная Русь въ его время. Смол., 1897, р. 24.

Переходя къ строю русских земель, вошедших въ составъ государства, мы действительно, встрѣчаемъ акты дѣятельности „исей земли“. Это—безспорная и характерная черта удѣльно-земскаго періода, ѣзблкомъ переходящая и въ литовскій періодъ. Но „вся земля“ выступаетъ во всѣхъ случаяхъ, не какъ сословная или безсословная единица, но въ качествѣ политическаго или административнаго тѣла. Это только указываетъ на общезвѣстный фактъ, что всѣ элементы земли были связаны между собою интересами политическими и въ послѣдствіи, по мѣрѣ утраты политическаго значенія, интересами административно-финансовыми. Съ другой стороны, общія постановленія земли указываютъ на то, что известная категория лично-свободныхъ ея элементовъ пользовалась сообща тѣми или иными правами. Это и почитно, такъ какъ древне-русская земля представляла собою полицію общину, т. е. известный типъ государства; если во главѣ общины былъ князь, то и это не имѣло существа дѣла. Но если различные социальные элементы пользовались сообща известными правами въ государственномъ союзѣ, то это еще не означало бы того, что между отдѣльными группами населенія нѣтъ различія въ экономическомъ и отчасти и въ юридическомъ отношеніи. Между тѣмъ, экономическое различіе, по существу, является главнымъ близкомъ въ развитіи социальныхъ отношеній. Съ этой точки зрѣнія социальное различіе, на почвѣ экономической, является влѣ зависящими отъ его юридическаго опредѣленія въ формѣ писаннаго права, и становится само по себѣ крупнымъ историческимъ факторомъ, съ которымъ необходимо считаться историкъ. Сословія вырастаютъ на почвѣ экономической неравенства и проіажаютъ себя раньше, чѣмъ воспослѣдуютъ ихъ законодательное опредѣленіе. До этого момента ихъ положеніе въ государствѣ и соотношеніе между социальными группами регулируются на основаніи общаго права. Обычное право очень хорошо опредѣляетъ положеніе въ государственной организаціи боярина и чернаго человѣка и т. п.

Именно въ такомъ подготовительномъ, къ образованію сословій въ юридическомъ смыслѣ, періодѣ, когда экономическое положеніе отдѣльных лицъ опредѣляетъ его положеніе въ обществѣ, мы застаемъ общество въ эпоху образованія Литовско-русскаго государства: повторяемъ, что это еще не сословія въ юридическомъ ихъ опредѣленіи, но самый надежный матеріалъ для ихъ образованія, являющійся уже факторомъ экономическимъ и политическимъ.

Тѣ же грамоты, которыя свидѣтельствуютъ будто бы о единствѣ земли, испододнико говорятъ о существующей въ земской средѣ социально-экономической группировкѣ. Положкія грамоты ишпугея отъ „добрыхъ“ и „малыхъ“ людей¹⁾. Точно также и грамоты централиаго правительства, хотя и обращены ко всей землѣ, но всегда вычитываютъ и ея составные элементы: бояръ, мѣстичей и всѣхъ мужей²⁾, или—nobiles, oppidani, incolae³⁾. Въ Положкѣ всегда различаются бояре, мѣстиче, городские дворяне и черные люди⁴⁾. Такимъ образомъ намѣчаются уже въ древнѣйшую пору три группы свободнаго населенія: бояръ—военнослужившихъ людей, мѣстичей, которые дѣлались, вѣроятно, на добрыхъ и малыхъ (черныхъ людей) и волостныхъ мужей. Но кромѣ свободнаго населенія встрѣчаемъ еще и зависимые классы—заладни⁵⁾, о которыхъ такъ часто говорятъ уставныя грамоты и др. источники, наконецъ, clients⁶⁾ famul⁷⁾; тѣ и другіе, вѣроятно, зависимые служивые люди, находившіеся на службѣ павою, бояръ и князей; наконецъ, слѣдуетъ упомянуть и о шлолѣ безправной части населенія—рабахъ. Эти группы населенія, встрѣчаемыя нами въ русскихъ земляхъ въ эпоху сложенаія государства, соответствуютъ такимъ же социальнымъ элементамъ въ средѣ литовскаго племени, что было нами отмѣчено раньше. И тамъ мы встрѣчаемъ группу крупнаго боярства на ряду съ мелкимъ свободнымъ элементомъ. Развитіе городского класса въ литовскихъ областяхъ, вѣроятно, шло медленными шагами, такъ какъ для этого не было подходящихъ условий въ древнѣйшее время. Однако, въ XIV в. литовская великокняжеская политика стремилась къ развитію торгово-промышленнаго класса въ городахъ⁸⁾. Не знаемъ, на сколько количественно увеличались эти попытки, но есть вѣкоторое основаніе полагать, что съ начала XV в., по крайней мѣрѣ, въ главнѣйшихъ городахъ Литвы, городской классъ не только былъ, но и дѣлалъ по-

¹⁾ Русско-Литовскія акты, р. 120.

²⁾ А. З. Р., I, р. 47.

³⁾ Monumenta medii aevi, II, р. 35 (прилож.).

⁴⁾ А. З. Р., I, р. 72.

⁵⁾ Ливонскій, Зем. уст. гр., р. 193—5; А. З. Р., I, 73.

⁶⁾ Лупка жалованная грамота 1392 г.—Archiw. Saog, I, р. 12.

⁷⁾ Smolka St., Kiejstut i Jagello, р. 16 (изъ Вильно).

⁸⁾ Писемнымъ объ шветскихъ грамотахъ въ вильнскихъ городахъ Гедванна, Baczyński, Kodeks dyplomatyczny Litwy, 1845, р. 28.

итети вышиваются въ политическія дѣла; очень вѣроятно, что этотъ классъ состоялъ не исключительно изъ литовцевъ, но и изъ пришлыхъ элементовъ (русскихъ, ивандевъ и евреевъ). Такъ, можно напомнить объ участіи виленискаго мѣщанства въ борьбѣ Ягайлы съ Кейстутомъ¹⁾; Виленица и въ послѣдствіи, во время борьбы Витовта съ Ягайлою, были на сторонѣ послѣдняго²⁾. Въ договорѣ, заключенномъ Свидригайлою съ Орденомъ въ 1432 г. мы встрѣчаемъ и представительство городовъ, отдѣльно отъ боярства; въ числѣ городовъ кромѣ центровъ русскихъ областей (Чернигова, Кіева, Владимира, Луцка, Смоленска, Бриска, Полоцка, Витебска) встрѣчаемъ и чисто литовскіе (Вильну, Трокъ, Коново, Гриславъ) и русскіе города литовской вѣчины (Берестье, Минскъ, Новгородокъ)³⁾. Участіе этихъ городовъ въ договорѣ — не простая случайность, а фактъ, указывающій на значеніе городскихъ общинъ. Не забудемъ, что литовскіе города, упомянутые въ договорѣ — за немногими исключеніями тѣ, которые раньше другихъ получили грамоты на магдебургское право и имѣли значеніе крупныхъ городскихъ центровъ въ XV в., а нѣкоторые и въ послѣдующее время. Все это свидѣтельствуетъ, что здѣсь были городскіе элементы.

Конечно, городскіе классы не вездѣ въ собственной Литвѣ играли замѣтную роль; но приведенные факты показываютъ, что даже и здѣсь магдебургскіе привилегіи не создавали искусственно городскихъ общинъ, но находили для себя уже готовую почву. Относительно городовъ на территоріи русскихъ земель къ этому отношенію не можетъ быть сомнѣнія, такъ какъ еще условіи древнерусской жизни, ея торгово-ремесленный характеръ, способствовали образованію городскихъ классовъ общества. И въ литовское время мѣщичи и черные люди (городскіе ремесленники) слишкомъ замѣтный слой общества. За то боярство занимаетъ первенствующее положеніе во всѣхъ древне-русскихъ земляхъ, вошедшихъ въ составъ государства. Съ его ролью мы отчасти знакомы, потому что приходилось уже указывать на составъ удѣльно-вѣнской думы; оно играетъ роль правительственнаго класса при удѣльномъ князѣ. Но и во многихъ другихъ дѣлахъ легко видѣть преобладающее значеніе военно-служилого класса. Онъ радѣвается

¹⁾ Литонисъ Выховца.

²⁾ Литовская Литонисъ по сп. биба. Краснянскихъ, р. 24.

³⁾ Русско-литовск. А., р. 192.

на нѣсколько категорій. Грамоты говорятъ намъ о *bayogen edelingen hergezogen et andirer grosten*¹⁾, о *plures duces, barones et proceres*²⁾, о *duces et nobiles Russiae*³⁾. Грамоты Ягайлы Луцкой землѣ 1392 г. высчитываютъ слѣдующіе разряды служилого класса: *barones, milites, boyari, nobiles, clientes*⁴⁾. Порядокъ, въ которомъ перечислены здѣсь эти разряды, конечно, показываетъ ихъ относительное положеніе; на Волини; ближе къ Польшѣ *bayo* и *milis* стоятъ выше стариннаго боярина. Но въ восточныхъ и сѣверныхъ земляхъ преобладаетъ еще старинная терминологія. Такъ, грамота Рижанъ въ Полоцкѣ 1405 г. показываетъ высокое значеніе мѣстнаго боярства, приравнивая бояръ къ кунторамъ, а городовыхъ дворянъ къ «риделамъ»⁵⁾, рыцарямъ, т. е. къ *milites* другихъ источниковъ. Приказная грамота Сѣверскаго боярства королю Ягайлу за своего князя Дмитрія Корнубута, разъясняетъ намъ, кто входилъ здѣсь въ составъ этого класса. Приказную запись даютъ нѣсколько князей, двое воеводъ и нѣсколько другихъ лицъ; но ихъ «доброй радѣ» и «нашему акио посольству бояръ приимѣнѣемъ» князь Корнубута «слобилъ» Ягайлѣ; дающіе запись «именемъ и молчавшихъ землянь» «слобуютъ» за своего князя и общаются съ своей стороны вѣрность Ягайлѣ и Ядвигѣ⁶⁾. Эта грамота свидѣтельствуетъ о преобладающемъ значеніи боярскаго посольства на Сѣверской окраинѣ, удаленной отъ польскаго вліянія, и даже въ то время еще, когда оно и нигдѣ не успѣло сказаться; преобладающимъ элементомъ населенія было боярское «посольство». Сила боярства здѣсь выступаетъ съ особенно рельефностью; оно принимаетъ обязательство за всю землю — за «грады и земли» и за молчавшихъ «землянъ» (жителей земли), себя оно считаетъ «посольствомъ», всей землею; принимая столь важное обязательство по отношенію ко всей землѣ и къ князю, оно очевидно соучествовало въ управленіи удѣломъ. Въ составъ этого боярства входятъ служилые князья и воеводы удѣла, представители мѣстной аристократіи и администраціи. Еще болѣе замѣчательно вотъ какое обстоятельство. Присматриваясь

¹⁾ Русско-литовск. Актъ, р. 109.

²⁾ Ibidem, р. 110.

³⁾ Stadulicky, Bracia Wladyslawa Jagelly, р. 320 (въ прилж. цитата изъ Лугона).

⁴⁾ Arch. Sang., I, р. 12.

⁵⁾ Рус.-Лит. А., р. 119.

⁶⁾ Arch. Sang., I, р. 8 и 9.

къ списку сѣверскаго боярства, нельзя не обратить вниманія на то, что въ некоторые изъ нихъ записываются *съ братьями*, отцы и сыновья фигурируютъ рядомъ, а одинъ „слубуетъ“ „со всею братнею“. Это даетъ ключъ, почему эта кучка болре дѣйствуетъ и за „молчашнихъ“, и за все послѣдство: конечно, не за однимъ только столбъ „братія“, но и за другими; это была, значить, не кучка случайно выдвинувшихся сильныхъ въ удѣлѣ людей, но цѣлый классъ общества, служившій кнзю и вмѣстѣ не лично, но съ сыновьями, братьями и „братнею“ 1).

И такъ, западно-русское боярство, подобно литовскому, занимаетъ видящееся мѣсто въ общественномъ строѣ. И уже въ периодъ сложенія государства замѣчаемъ два явленія въ средѣ этого класса: признаки особой социальной организаціи, несмотря на принципіальное единство земель, и стремленіе верховъ боярства занять преобладающую роль въ государствѣ, что вызываетъ и оппозицію демократическихъ слоевъ общества, въ средѣ того же класса другихъ низшихъ группъ населенія.

Уже появленіе въ грамотахъ, составленныхъ отъ имени и въ дѣлахъ всей земли, перечня составныхъ социальныхъ элементовъ, ея указываетъ на возможность известной организаціи отдѣльныхъ группъ. Дѣйствительно, признаки ея — конечно слабые, — мы и встречаемъ въ памятникахъ. Такъ, уже цитированную нами черную грамоту Ягайлы Луцкой землѣ 1392 г. получаютъ собственныя только болреіе классы населенія. Въ уставныхъ грамотахъ участіе въ судѣ и управленіи волостями предоставляется боярству. Въ одной грамотѣ Казимира,

1) Наставляя на силѣ боярства и въ чисто-русскихъ областяхъ, считаешь небезболзненнымъ указать на ошибку, допущенную проф. О. И. Леонтовичемъ в послужившую основой его изводу. Указывая на бессознательность русскихъ земель и сословный характеръ литовскихъ областей, почтенный ученый приводитъ въ доказательство своего взгляда („Къ исторіи административнаго строя Литовскаго государства“, стр. 24 и 25), дѣл. по его мнѣнію, грамоты: одну записъ Новгородъ-Сѣверскаго послѣдства, которая повмываетъ будто бы бессознательность русскихъ областей, и другую — Новгородъ-Литовскаго боярства, подтверждающую преобладаніе боярскаго сословія, уже подвергнутого полонизаціи, въ Литовскихъ областяхъ. Тутъ недоразумѣніе: это не *две грамоты*, данная населеніямъ двухъ различныхъ Новгородовъ, а *одна и также* записъ Новгородъ-Сѣверскаго боярства, подробно нами наложенная. Только въ одномъ случаѣ проф. Леонтовичъ ссылается на X грамоты (9) Агел. Сангушковъ, а въ другомъ — на страницу (тоже 9-ой) той же книги. Такъ какъ выводъ проф. Леонтовича построенъ почти исключительно на сопоставленіи этихъ „двухъ“ источниковъ, то онъ падаетъ, въ виду настоящаго разъясненія.

данной всему послѣдству полоцкому, до видѣленія города на магдебургское право, встрѣчается предписаніе короля мѣщанамъ и чернымъ людямъ не чинить мѣча отдѣльно отъ бояръ 1); значить, такіа мѣча бывали и они указываютъ на известные признаки раздѣленія и антагонизма между классами низшимъ и высшимъ. Но, если указываемый сейчасъ памятникъ хронологически выходитъ за рамки эпохи сложенія государства и самый фактъ власти могъ бы быть отнесенъ къ причинамъ болре позднато происхожденія, то литовская лѣтопись сохранила яркій примѣръ социальной розни въ древѣйшее время. Въ Смоленскѣ всегда была сильная боярская партія, стремившаяся къ соединенію съ Литвою въ противоположность мѣщанству. Столкновеніе обѣихъ партій рѣзко выразилось уже въ 1401 г. и окончилось побѣдою боярства 2). Еще болре бурная событія наступили въ Смоленскѣ при Сигизмундѣ Кейстутевичѣ. Кажется, переходъ Смоленска отъ Свидригайлы къ Сигизмунду былъ дѣломъ низшихъ слоевъ населенія 3). Но когда былъ убитъ Сигизмундъ Кейстутевичъ, намѣстился Смоленскій Андрей Савовичъ тотчасъ же привелъ Смольнянъ къ присягѣ тому государю, который избранъ будетъ въ Литвѣ. Однако, разсказываетъ лѣтописецъ, такъ живо описавшій событія, какъ это могъ сдѣлать только современникъ и участникъ событія, — „думали Смольняне-чорные люди — кушанца, козюшки, перешапанки, мяска, котельники“ выгнать изъ города А. Савовича. Она одѣлись въ „аброй... и зазвонили въ звонъ“ — составили мѣча. Боярская партія стояла за воеводу и вступила въ бой съ черными людьми: бояре побѣдили, но защищаемый ими воевода бѣжалъ ночью изъ Смоленска, а черны разсравились жестоко съ однимъ изъ представителей противной партіи, маршалкомъ Петромомъ, утопая его въ рѣкѣ. Черны избрали, по своему желанію, княземъ Андрея Дмитровича Доргобужскаго. Однако, боярская партія не признала выборы, потому что „не сами избра(ли) воеводу его, але простые люди“. Бояре отравились за поддержкою къ великому князю Казимиру, тогда только что избранному аристократической литовской партіей. Тогда черные люди посѣдили у себя княземъ Юрія Лигвевенича, который, вѣроятно, угодили своимъ изби-

1) А. З. Р., I, 73.

2) Литовская лѣтопись Выхонца въ изд. Нарбутта, р. 36, Лит. лѣт. по списку библ. Красивенскихъ, р. 32.

3) Литовская лѣтопись по списку библ. Красивенскихъ, р. 38.

рателям—, иных (из бояр) постигали а иных поималъ — поковать, и имена въ нихъ все поотнималъ, и подавалъ своимъ бояромъ" ¹⁾),—среди которыхъ, вѣроятно, оказалось немало изъ возставшей черни. Кончилось возстаніе походомъ самого Казимира на возставшій Смоленскъ и суровой конфискаціей дворовъ и имѣній возставшихъ „вѣщниковъ", почти исключительно мѣстичей²⁾.

Эта страничка изъ исторіи Смоленска многое разъясняетъ въ социальномъ строѣ того времени, конечно, не одной Смоленской земли, о которой счастливый случай сохранилъ этотъ рассказъ. Изъ него видно, что такое разумѣютъ источники подъ терминомъ черныхъ людей: это городскіе ремесленники, т. е. городской классъ общества въ его специальномъ значеніи. Съ другой стороны мы ясно наблюдаемъ антагонизмъ между группами населенія и антагонизмъ этотъ ожидается не на почвѣ религіозной или національной, а на основѣ экономическаго неравенства классовъ общества. Но при всемъ томъ намѣчаются и элементы социальной корпоративности: боярство, очевидно, составляетъ тѣсно сплоченный классъ, объединяемый общностью интересовъ, близостью къ власти и участіемъ въ ней и традиціями въ послѣднемъ отношеніи: не они выбрали воеводу, потому и не хотѣли признать избранника черни.

Если принять во вниманіе сказанные факты, то и нѣкоторыя другія извенія въ исторіи Литовско-русскаго государства, въ эпоху его сложенія, примутъ нѣсколько иное освѣщеніе и, кажется, ближе подходящее къ дѣйствительности. Конецъ XIV и почти вся первая половина XV в.—періодъ тяжелой междоусобной борьбы. Только суровая рука Витовта сдержала на время эту борьбу. Въ объясненіяхъ причинъ этой эпохи преобладаютъ взгляды въ томъ смыслѣ, что въ основѣ борьбы хотѣли видѣть защиту русскими своей національной культуры противъ наступавшей польской; упрощая эту мысль и привлекая въ древность явленія позднѣйшаго времени, иные наследователи готовы видѣть причину борьбы въ чисто религіозныхъ интересахъ³⁾. Последнюю тему очень любятъ развѣивать популяризаторы

¹⁾ Литовская лѣтопись Выховца, по изданію Нарбутта, р. 53—54, по изданію Давидовича р. 67—69.

²⁾ Ср. Завиенъ о конфискаціи въ книгѣ лавицъ Казимира, Документы Моск. Арх. Минист. Ист., I, р. 34—36.

³⁾ Ср. лавицѣвъ, объясненіе причинъ въ провахъ литовско-польской культуры у г. Друшевца, Ревизителъ иранославія въ К. И. Острожскій и пр., р. 23 сл.

западно-русской исторіи. Второе мнѣніе не имѣетъ научнаго обоснованія, а въ первомъ — надо сдѣлать коренную поправку: если причины борьбы искать не внѣ государства, а внутри его, то и отношенія нѣкоторыхъ классовъ и къ Польнѣ и полскимъ получать иное значеніе. Въ теченіи полустолѣтія въ концѣ XIV и начала XV в. боролись за власть и вліяніе въ государствѣ и лица и классы общества. Въ борьбѣ Ягайлы и Витовта мы готовы признать причины болѣе личнаго свойства; оба они не опираются на одну какую нибудь определенную общественную группу, но пользуются тѣми изъ нихъ, которыхъ можно было привлечь. Ягайло, въ силу чисто внѣшнихъ причинъ, сначала держался русскаго боярства, а затѣмъ перешелъ въ тѣсный союзъ съ польскою знатью и поддерживалъ, съ помощью послѣдней, литовскую. Витовтъ, не смотря на своей глубокой государственной умъ, получалъ власть не съ помощью какой либо определенной партіи: только его умѣли политика съ Орденомъ, удивительная настойчивость и находчивость доставили ему власть въ государствѣ. Получивъ власть, благодаря личной энергіи, онъ ею воспользовался не въ интересахъ той или иной группы населенія, но для высшихъ государственныхъ дѣлей. По отношенію къ русскимъ землямъ онъ держался политики компромиссовъ между классами населенія. Выданныя имъ уставныя земскія грамоты предоставляютъ обещаніе правъ всей землѣ, узаконяя извѣстное участіе въ немескихъ дѣлахъ всѣхъ сословій, не сильно принижая и не резко возвышая положеніе боярства.

Утвержденіемъ старшии въ землѣ онъ стремился урегулировать соотношенія между отдельными группами ея населенія. Такой политикой центральная власть могла разсчитывать на поддержку населенія земля. Зато верхи тогдашняго общества—полузависимые удѣльные князья—не пользовались поддержкою великаго князя: рѣдъ случаевъ жестокой расправы съ князьями²⁾, не учинявшими „покоры" великому, явно свидѣтельствуетъ о стремленіи Витовта, если не унять тожить удѣлы—что было бы невозможно, то по крайней мѣрѣ обез-

¹⁾ Вотъ почему Витовтъ находилъ и довольныхъ и недовольныхъ его политикой среди различныхъ классовъ населенія, ср. Завицкіи и пр. Н. П. Дашкевича, р. 135—136.

²⁾ Фактическія данія собраны у Барбарова, Витовтъ и его политика до Грюнвальдской битвы, р. 17 слѣд., Lewicki, A., Powstanie Swidrigielly, Ustęp z dziejów unii Litwy z Koroną, Krak., 1892, р. 15—20.

ничать великокняжескую власть отъ возможныхъ опасностей и государство отъ разложения. Удѣльное князьство не любило Витовта, но зато государственная власть при немъ достигла такого развитія, какого она не имѣла ни раньше, ни въ послѣдующее время. Низшіе классы общества пользовались вниманіемъ со стороны этого великаго князя. Онъ стремился установить извѣстный порядокъ въ отбываніи податей и повинностей подданныхъ великокняжескихъ волостей, такъ что и въ актахъ послѣдующаго времени постоянно встрѣчаются ссылки на „старину“, установленную при Витовтѣ. Не менѣе важно стремленіе этого князя всѣми средствами увеличить ряды низшаго военнослужащаго класса: при немъ широкою рукою происходила раздача земель крестьянству на условіяхъ военной службы и, слѣдовательно, этотъ разрядъ населенія возросъ количественно. Такимъ образомъ Витовтъ, стоя на почвѣ „старинны“, поддерживалъ однако высшіе элементы общества, сдерживалъ бодрство и велъ борьбу съ удѣльной аристократіей. Недаромъ онъ заслужилъ почетныя званія въ характеристич. писателей аристократическаго направленія, во времени столь близкихъ къ этому князю, что еще характеристична „провоишца“ могла исходить отъ поколѣнія, въ юности поминавшаго князя ¹⁾.

Зато при Свидригайтѣ и Сигизмундѣ Кейстуевичѣ открылось широкое поле для взаимной борьбы классовъ. Оба князя вступаютъ въ борьбу, какъ представители различныхъ партій; даже болѣе того: партія борются между собою, при чемъ каждая выставила своего предводителя. Въ этой борьбѣ ни религіозные, ни національные интересы не могли играть первенствующей роли ²⁾. И Свидригайло и Сигизмундъ относятся къ религіознымъ вопросамъ вполне индифферентно; первый нѣсколько разъ мѣнялъ религію ³⁾ и, стоя на главѣ возстанія русскихъ областей, выказывалъ себя усерднымъ католикомъ ⁴⁾. Уже одно отношеніе Свидригайла къ религіознымъ вопросамъ, а особенно къ католицизму ⁵⁾, не позволяло бы, само по себѣ, признать на

¹⁾ Szafronka, Jadwiga i Jagollo, III, p. 132, стр. 12—13.

²⁾ A. Lewicki, Powstanie Swidrigielly, p. 78 и др. Национально-политическій характеръ борьбы поддерживается Н. П. Дашкевичемъ, Записки и пр., p. 137—8.

³⁾ Lewicki, p. 78.

⁴⁾ Ibidem, p. 61.

⁵⁾ Ср. еще Коцебу А., Свидригайло, великій князь литовскій и пр., СПб., 1835, p. 162, 207.

подлиннымъ имъ возстаніемъ русской національно-религіозный характеръ „rusko schizmatycki“, какъ выражается одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей ¹⁾.

Если же съ вышней стороны возстаніе и носитъ національный русскій колоритъ, то это объясняется тѣмъ, что мѣсто его дѣйствія происходитъ на Русь, и тѣмъ, что Свидригайлу поддерживается многочисленное русское бодрство, не какъ извѣстная національность, но какъ классъ населенія: дѣло шло не о религіи, а объ удержаніи бодрствомъ того вліятельнаго положенія въ странѣ, которымъ оно издавна пользовалось и которое пошатнулось при Витовтовомъ режимѣ. Вотъ отчего такой, повидимому, малоспособный, но привычно самныхъ современниковъ, государственный дѣлатель и полководец ²⁾, какъ Свидригайло, впродолженіи многихъ лѣтъ пользуется безусловною поддержкою высшихъ классовъ русскаго населенія, списывается себѣ симпатіи даже поляковъ, официально державшихъ сторону его противника. Если приемотрѣться къ спискамъ лицъ, окружавшихъ этого князя или бывшихъ въ битвахъ въ его войскахъ ³⁾, то среди нихъ мы встрѣчаемъ цѣль тогдашняго княжля и бодрства ⁴⁾. Вѣрно и то, что при Свидригайтѣ бодрская рада достигала такого положенія, какое было немалымъ при его предшественникѣ; только невѣрно, будто эта рада исключительно состояла изъ русскихъ элементовъ, какъ хотеть доказать профессоръ Леницкій ⁵⁾. Хотя, конечно, русскій элементъ преобладалъ, но указанной выше причинѣ, но уже Коцебу замѣтить, что Свидригайлу окружали радомъ съ русскими папанами и литовскіе ⁶⁾; извѣстны и факты перехода

¹⁾ Lewicki, о. с., p. 78.

²⁾ Ср. Коцебу, о. с., p. 142.

³⁾ Ср. описаніе битвы при Ошманахъ, гдѣ 42 князя, сторонниковъ Свидригайла, вѣсто въ вѣзды, и многие убиты. Литовск. Выходка, p. 47. Лит. Лѣт. по св. Крестнику, p. 38.

⁴⁾ Powstanie Swidrigielly, p. 78.

⁵⁾ Напр., на сторонѣ Свидригайла были: Ромнольдъ, Гашгольдъ, Генрихъ Гале, вѣлецъ, мѣсто Андрике, очевидно, литовскій (Коцебу, о. с. p. 161), кн. Юрій и Ярославъ Литавичевичи, князь Мих. Ива, Михаилъ и Давидъ Селеновичи Годымскіе, кн. Корбутъ, Хведо Одниновичъ и друг. (Литовская лѣтопись по списку б. Краснскихъ, p. 36, 37, 38); а по Стрыйковскому еще и Мониндъ (Кроника въ изданіи 1766 г., p. 546). Извустъ, воевода троцкій, вѣстекъ съ Ромнольдомъ былъ на сторонѣ Свидригайла (Дзюгоша, Historia, изданіе 1711 г., кн. XI, p. 646). Объ участіи въ борьбѣ Гедгольда и Иваша Мониндовича см. еще Skarbec Давидъ

на сторону Свидригайлы крупных вельмож—католиков литовцев¹⁾.

Поведение противника Свидригайлы, Сигизмунда Кейстутиевича, ясно показывает, во чем заключалась разница между обоими. Сигизмунд занятая себя необычной даже в то суровое время жестокостью по отношению к крупному боярству²⁾, хотя был и очень милостив к своим сторонникам³⁾—очевидно, к людям не знатного происхождения. Подобно Свидригайлу, Сигизмунд окружен радю, в средь его рады есть несколько видных родовитых имен князей и бояр, хотя некоторые из них и оказались потом в руках его убийц⁴⁾, но зато среди его близких встречаются и имена, неизвестные ни раньше, ни позже⁵⁾; в перечисл его войска литовцев не приводить имен знатных князей и панов, очевидно, потому, что само войско состояло не из родовитого люда.

То, что произошло в Литве и Руси сейчас по смерти Сигизмунда, не можно ясно указать на характер борьбы. Убийство Сигизмунда и возведение на престол Казимира—дело очень родовитого знати, так как все infreges, возмущенные Сигизмундом, стали на сторону его сына Михаила⁶⁾. Как только в Литве, центр государства, знать взяла верх,—все государство быстро успокоилось.

зюлица. ММ 1620 и 1624. Доверда не был князь Сигизмунд (Ibidem, N 1750). По словам Даугоша, который впервые словесно ступил наповальными черта в восстаніи Свидригайла, на стороні послѣднего были и литовцы, и русские (книга XII, p. 725).

¹⁾ Коцебу, о. с., p. 179, 184.

²⁾ Наиболее рассказ литовцев Выхода обь „окруженіи“ Сигизмунда Кейстутиевича, передаваемый и другими хронистами (Даугошем, Бляскимъ, Стрыйковскимъ)— „надъ розжею вилкевичамъ... надъ велим князюмъ и панетъ и розломъ шляхецкимъ вемъ земля литовскимъ, русскимъ и жемойскимъ“; по словам историка, Сигизмундъ даже изобрелся извести дроздъ шляхецки погубити и кровъ ихъ розлитъ, а поднести розай хлосей, вео кровъ“ и т. д. (p. 48—49).

³⁾ Напр. Skarbee Данцилова, N 1623.

⁴⁾ Заговорщики, князь Иванъ Чарторійскій, Доверда Андруш, составили заговоръ о смерти Сигизмунда именно въ пользу Свидригайла (Стрыйковскій, Кроника, p. 559, литовская литовцев Выхода, p. 49, 51).

⁵⁾ Ср., напр., списокъ, приведенный у Коцебу, о. с., p. 171. Когда литовская литовцев рассказывает о тогдашнихъ событіяхъ, она высчитываетъ блестящихъ знатностей происхождения сторонниковъ Свидригайла, а о сторонникахъ Сигизмунда говоритъ глухо, какъ о „литовской силѣ“ (напр., Литов. литовцев по списку Красивскихъ, p. 36, 37 и др.), очевидно, потому, что среди этой силы знати не было. Списки рати Сигизмунда см. Skarbee Данцилова, ММ 1622, 1726, 1630, 1626.

⁶⁾ Записки Даугоша, Historia, lib. XII, p. 725.

Если бы война велась на національно-религиозной почве, то русско-православной партиі нельзя было бы сложить оружие ввиду выбора великимъ княземъ малолѣтняго польскаго принца—католика, руководителемъ котораго явился католикъ—литовецъ (Гашгольдъ). Однако Свидригайло прекратилъ борьбу, онъ оказался безъ сторонниковъ и не безъ труда ушелъ въ Луцкомъ удѣлъ, гдѣ преобладали аристократы. Русскія земли признали Казимира. Однако тутъ его поддерживало именно боярство; слѣдуетъ припомнить здѣсь изложенный выше рассказъ о борьбѣ Смоленскихъ черныхъ людей съ боярствомъ: черные люда, узнавъ о смерти Сигизмунда, возстали, и бояре ищутъ поддержки противъ черни у великаго князя—католика. Жмудь только оказала сильное сопротивленіе новому господарю, потребовала отъ него присяги и обѣщанія держать тамошнее населеніе въ „ласцѣ“¹⁾. Въ Подляхн возстали также знатные классы населенія²⁾. Восстаніе въ Смоленскѣ, подробно извѣстное изъ литовцев, говорить само за себя, а восстаніе на Жмуди и въ Подляхн станетъ понятнымъ, если указать на то, что еще въ началѣ XVI ст., по переписи 1528 г., Жмудь и Подляхн выдѣлялись во всемъ государствѣ очень мелкимъ составомъ землевладѣній; слѣдовательно, здѣсь преобладало мелкое землевладѣніе, интересы котораго были противоположны интересамъ крупнаго, а въ Подляхн кромя того мы еще видимъ и движеніе среди городовъ.

Приведенные факты указываютъ прежде всего на два важныхъ обстоятельства: на значеніе боярства въ государствѣ и на то, что это боярство проявляетъ себя одинаково, какъ въ русскихъ земляхъ, такъ и въ литовскихъ. Конечно, боярство выиграло въ развитіи своего значенія въ этой борьбѣ, но несомнѣнно однако, что оно и до сдѣзевія государства имѣло преобладающее значеніе, какъ въ древнерусскихъ земляхъ и удѣльныхъ княженіяхъ, такъ и въ самой Литвѣ. Да это и понятно, такъ какъ боярскій элементъ—не новость въ предѣлахъ Литовско-русскаго государства; онъ является въ русскихъ областяхъ остаткомъ земскаго боярства, матеріальной основой котораго было землевладѣніе. Не забудемъ, что въ составъ государства вошли Волынь, Смоленщина и Полочина—земли съ рѣзко выраженными боярскими традиціями³⁾. Теперь это земское мѣстное бояр-

¹⁾ Литовцев Выхода, p. 52—53.

²⁾ Ibidem, p. 51—52.

³⁾ Въ вопросѣ о сильномъ развитіи боярскаго элемента въ западно-русскихъ земляхъ, вошедшихъ въ составъ Литовско-русскаго государства, смодителъ по-

ство, усиленное служилымъ классомъ, стремится провести свое влияние на предѣлы земли, сдѣлаться обще-государственнымъ классомъ.

Въ этомъ своемъ стремленіи боярство областей идетъ рука объ руку съ удѣльнымъ княземъ. Между тѣмъ литовская земля находилась въ нѣсколько особомъ положеніи: будучи господствующимъ сословіемъ велико-княжеской вотчины, составляя раду при великомъ князѣ въ вотчинѣ, оно распространяло свое влияние на предѣлы всего государства; это становится особенно замѣтнымъ при Казимирѣ, такъ что при немъ мы встрѣчаемъ нѣсколько серьезныхъ попытокъ удѣльнаго князя къ борьбѣ съ литовской землей, окружавшей Казимира. Кроме того, литовское боярство находилось въ болѣе выгодномъ положеніи, сравнительно съ областнымъ, потому что успѣло завлечь великокняжескимъ привилеемъ нѣкоторыя изъ тѣхъ правъ, которыми оно пользовалось въ силу обычая. Эти привилегіи были гарантіею въ ненарушеніи правъ боярства велико-княжескою властью. Ягайло и Сигизмундъ Кейстутиевичъ пробовали привлечь русское боярство распространениемъ на него привилегій литовскаго⁴⁾; такое сравненіе было осуществлено дѣйствительно Ягайлою⁵⁾, хотя географическое распространеніе этой грамоты неясно, и она, какъ извѣстно, не привлекла Сигизмунду сторонниковъ на Русь. Надо однако думать, что всѣ эти грамоты относились только къ небольшой кучкѣ крупнаго боярства, получившаго *senioria* отъ польскихъ, но крайней мѣрѣ объ этомъ легко говорить Городецкій привилеемъ 1413 г. Однако рядомъ съ крупнымъ боярствомъ нельзя не замѣтить еще одной группы военно-служилого класса того времени—многочисленнаго мелкаго служилого люда, того, который въ грамотахъ древнѣйшаго времени обозначается терминномъ *milites*, а съ половины XV в. названиями боярами; послѣднее названіе переносится на мелкій служилый людъ

шіе историки этихъ земель—П. В. Годубовскій (Исторія Смоленьской земли, Киевъ, 1896, р. 219), г. Ивановъ (Историческія судьбы Волынской земли, Од. 1895, р. 272), ср. и мой разборъ книги г. Иванова (Журн. Мин. Нар. Пр., 1896 г. май), Д. И. Багалъй (Исторія Сѣверской земли, К., 1882), М. С. Грушевскій (Исторія Киевской земли, К., 1890, р. 339); роль боярскаго элемента въ вѣжно-русскихъ земляхъ вполнѣ отчетливо обрисована въ извѣстной монографіи Н. П. Лашевскаго „Княженіе Давида Галицкаго“.

⁴⁾ Lewicki, Powstanie Swidrygielny, р. 155.

⁵⁾ Привилей 1432 г.; помѣщенъ у Фиселевича. Отчетъ объ ученой командировкѣ въ 1892 г., Варш., р. 22—24.

князь разѣ тогда, когда старинный терминъ бояринъ сталъ замѣняться польскимъ—панъ. Появленіе мелкаго служилого класса сдѣлаетъ привилеемъ условіемъ военнаго положенія, усиленной борьбѣ, которую такъ долго приходилось выносить Литовско-русскому государству. Уже было сказано, что количественное увеличеніе этого класса и его обособленіе отъ тяглаго крестьянства относится къ эпохѣ Витовта, такъ какъ мы не только знаемъ многочисленные частные случаи перевода имъ съ тяглыхъ службъ на земскую военную, но и въ недавнихъ имъ военныхъ операціяхъ мы встрѣчаемъ такое количество вѣиска, какое, очевидно, было невозможно безъ предположенія о новыхъ способахъ военной организаціи. Отъ времени княженія Сигизмунда Кейстутиевича мы почти не имѣемъ грамотъ о крупныхъ земельных дачахъ этого князя, но зато встрѣчаемъ грамоты на раздачу земель и людей мелкому боярству. Изъ того характера, который носила борьба Сигизмунда съ Свидригайлою, также несомѣнно, что первый изъ нихъ опирался на мелкій служилый классъ, составившій демократическій элементъ его владѣній. Однако до 1457 г. мелкая шляхта не пользовалась правами шляхетскихъ привилеевъ. Такимъ образомъ, въ военно-служиломъ классѣ можно различить три группы: удѣльныхъ князей, бояръ-пановъ и мелкаго боярства. Всѣ три группы уже существуютъ въ эпоху сложенія государства и представляютъ собою три элемента, изъ которыхъ сложилось впоследствии полное шляхетское сословіе. Сущность эволюціи заключается въ ростѣ положенія бояръ—пановъ; они сравниваются съ удѣльными князьями и соответственно съ этимъ повышается положеніе послѣднихъ, но по мѣрѣ сближенія обѣихъ сильныхъ группъ мелкое землячество стремится воспользоваться привилегіями знати и пролагаетъ себѣ путь къ участію, черезъ своихъ депутатовъ, въ управленію въ государствѣ. Эти измѣненія произошли уже въ эпоху династіи Ягеллоновъ и будутъ рассмотрѣны въ своемъ мѣстѣ.

Изъ того положенія, каковыя пользовалось въ государствѣ удѣльное княжье и крупное боярство, вытекаетъ и его значеніе въ центральномъ управленіи. Боярство каждой земли имѣло преобладающее значеніе въ своей землѣ. Въ такомъ же положеніи находилось литовское боярство по отношенію къ Литовской вотчинѣ. Въ каждой землѣ, или въ удѣльной вотчинѣ была своя боярская рада, дума. Такая же дума была и въ Литовской вотчинѣ. Эти боярскаго областного думы несомѣнно являются съ тѣмъ же характеромъ, что и въ

удѣльному періоду¹⁾. Можно согласиться съ тѣмъ, что въ древней Руси совѣщаніе князя съ боярами не означало права бояръ давать совѣты князю, но лишь являлось практическою необходимостью для обѣихъ сторонъ²⁾. При князѣ—потомкиниѣ боярскій совѣтъ имѣетъ то политическій, то частный характеръ³⁾. Этими являються дѣйствіи въ развитіи боярской думы. Но въ періодъ сложенія государства замѣтно со стороны боярства стремленіе къ нѣсколько иной постановкѣ своихъ отношеній къ князю—стремленіе изъ частнаго совѣта превратить его въ политическій органъ,—не только имѣть право быть призываемымъ въ совѣтъ въ качествѣ совѣтника, или свидѣтеля, но и добиться права давать совѣты. Въ такой обрисовкѣ своего положенія боярство областей призывается бурнымъ теченіемъ событій конца XIV и начала XV в. Въ это время большинство князей Гедиминовичей не было еще отчимами своихъ удѣловъ; они часто мѣняють удѣлы по тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ. Между тѣмъ борьба князей, переходъ ихъ то на одну, то на другую изъ борющихся сторонъ, требуетъ союза съ землей и, конечно, прежде всего съ самымъ существеннымъ ея элементомъ. Вотъ тутъ практическое удобство княжескихъ совѣщаній съ боярами, освященное обычаемъ, получаетъ обычно-правовое значеніе.

Рааумѣется, съ прекращеніемъ удѣла въ области, когда порядокъ въ ней устанавливался уставной земской грамотой, боярство, какъ мы видимъ, уже получало правовое значеніе совѣта при вѣдѣннѣхъ.

Путь, по которому проходила удѣльная дума, опредѣляется и тотъ путь, по которому развилась общегосударственная рада. Надъ областнымъ боярствомъ стояли удѣльные князья; со времени Витовта, рядомъ съ ними стали вѣдѣтники областей. Изъ этихъ элементовъ съ теченіемъ времени сложилась господарская рада, по образцу удѣльно-княжеской думы, вызвана была къ жизни аналогичными причинами и пережила тѣ же стадіи развитія, такъ какъ въ основѣ своей и она вышла изъ велико-княжескаго совѣта, призываемаго великимъ княземъ въ виду практической необходимости по управленію государствомъ.

¹⁾ П. П. Дашкевичъ, *Замѣтки и пр.*, р. 142.

²⁾ В. О. Ключевскій, *Боярская дума древней Руси*, М. 1883, р. 74.

³⁾ *Ibidem*, р. 149.

Свѣды господарской рады встрѣчаются уже при Миндовѣ. Правда, многія грамоты этого великаго князя выдаются имъ лично¹⁾, но зато такой важный актъ, какъ завѣщаніе Ордену государства, въ случаѣ смерти безъ потомства, совершается Миндовомъ, *de consilio, voluntate et consensu heredum nostrorum nostrorumque nobilium* всего Литовскаго княжества, самъ актъ, свѣдѣтельно, составленъ съ согласія весьма многочисленнаго круга заинтересованныхъ лицъ. Однако, въ концѣ его находимъ помѣтку, что при совершеніи присутствовали, въ качествѣ *testes*, между прочимъ *seniorius* великаго князя и другіе *barones et consanguinei* въ числѣ восьми человѣкъ; были и орденскіе представители²⁾. Последніе, конечно, только свидѣтели, но такое названіе не идетъ къ первымъ: вѣдь изъ текста ясно, что происходило предварительное совѣщаніе съ ними и получено согласіе всѣхъ *heredes* и *nobiles* Литовской земли. Значить, прямое указаніе подписей грамоты, какъ на присутствовавшихъ свидѣтелей не доказываетъ еще, что великій князь не спрашивалъ у нихъ мѣтвіа. Эта грамота даетъ и ключъ къ опредѣленію состава господарской рады: въ ней присутствуютъ *heredes*, господа Литовской земли, т. е. очевидно, тѣ родственники, которые помѣчены въ концѣ грамоты, и знати не знаемъ, со всею ли знатію совѣщались Миндовѣ по данному поводу, или же его рада явилась сама по себѣ представительницей всей земли. И этотъ дѣйствительный составъ рады, изъ князей и знати, остался во весь удѣльный періодъ; по принятіи христіанства въ составъ ея входятъ еще бискупы. Князья и бояре встрѣчаются на актахъ Ольгерда и Кейстута³⁾, *lieben baronen und obirsten herczogen* на грамотахъ Кейстута и Ягайлы⁴⁾, также Ягайлы и Витовта⁵⁾, Свидригайлы⁶⁾ и Сигизмунда⁷⁾, не говоря уже о времени Казимира, когда отношенія рады къ великому князю въ значительной мѣрѣ опредѣляются.

¹⁾ Напримеръ, *Raczyński, Kodex dyplomatyczny Litwy*, р. 4, 12, 15.

²⁾ *Ibidem*, р. 19—20.

³⁾ Средневѣскій, *Др. памятники русскаго языка и письма*, 1882 г., р. 221.

⁴⁾ *Raczyński, o. c.*, р. 55.

⁵⁾ Напр., см. перемирную грамоту Ягайлы и Сигизмунда съ Орденомъ. *Инд. Фен.*, р. 57, стр. р. 58, 59—60; грамоты Витовта—см. *Русско-Литовскіе Акты*, р. 118. *Skarbecъ* Давидовича, № 856 и др. Ср. еще П. П. Дашкевичъ, *Замѣтки и пр.*, р. 142—3 М. К. Лобанскій, цитированную статью о князьяхъ Гедиминовичахъ, р. 90.

⁶⁾ См. цитированную выше грамоту, стр.

⁷⁾ Ср. *Акты Литовско-русскаго государства*, I, р. 15.

Правда, встрѣчается за это время немало актов, написанных великими князьями бояр, но, кажется, можно положительно утверждать, что все важнейшіе акты (если они не табу осползлись) конца XIV и начала XV в., пишутся въ присутствіи рады. Правда, ей составл. мѣшается. Грамоты общаго политическаго характера составл. въ присутствіи князей и бояръ; напротивъ, грамоты, касающіяся дѣлъ Литовской вотчины, пишутся въ присутствіи только ея *terrigenes*¹⁾. Это весьма характерно, такъ какъ указываетъ на отдѣленіе вотчинныхъ дѣлъ отъ обще-государственныхъ. Съ другой стороны, составъ рады мѣшается еще и въ зависимость отъ мѣста, гдѣ выдавалась грамота, напримѣръ, грамоты, данная въ Вильнѣ, содержатъ въ себѣ большую часть семаки на литовскихъ папозъ; напротивъ, грамоты, напр., данная въ Луцкѣ, пишутся въ присутствіи бискуповъ владимирскаго, кievскаго и старосты подольскаго²⁾ и такъ далѣе, т. е. очевидно, мѣстная знать окружала здѣсь великаго князя и съ нею онъ совѣтовался. Не всегда бываетъ и определенное число великокняжескихъ совѣтниковъ—ихъ отъбѣчаетъ то больше, то меньше, хотя очень и очень часто встрѣчаемъ и ссылку „и иныхъ много“. Точно также и имена князей мѣняются въ припискахъ на грамотахъ.

Такой неустойчивый составъ рады способенъ вызвать сомнѣніе въ ея политическомъ значеніи. Подобное сомнѣніе въ известной мѣрѣ не противорѣчитъ истинѣ, но крайней мѣрѣ для древнѣйшаго періода. Господарская рада не раньше Казимирова времени получила определенную организацію, составъ и значеніе политическаго учрежденія. Уже существованіе при великомъ князѣ вотчинной рады на ряду съ общегосударственной могло вести къ смѣшенію функций частнаго совета при князѣ—вотчинной съ советомъ при государѣ. Великіе князья литовскіе до смерти Витовта пользовались обширною властью, проявляя ее иногда деспотически. И тогда очень вѣроятно, что советъ великаго князя съ удѣльными и съ боярствомъ вызывался чаще политическими причинами и не составлялъ права бояръ и князей присутствовать въ советѣ и подвѣять свое мнѣніе. Однако борьба между великими князьями ставила ихъ въ необходимую зависимость и

¹⁾ Напр., см. грамоту Витовта, Skarbee Даниловича, № 856. Ср. еще грамоты Витовта въ *молд. Актахъ Литовско-русскаго государства*, I, p. 2 слѣд.

²⁾ *Акты Литовско-русскаго государства*, I, p. 30.

отъ удѣльныхъ князей и отъ боярства вотчины. Вотъ почему простой правителескій расчетъ заставлялъ великаго князя призывать на советъ удѣльныхъ князей и бояръ. Конечно, этимъ объясняется присутствіе князей и бояръ въ радѣ Миндовга и его ближайшихъ преемниковъ. При этомъ нельзя забывать и того, что появленіе удѣльныхъ князей Гедиминичей въ великокняжеской радѣ имѣло еще одно основаніе: все они были *heredes* литовской земли и братья¹⁾ великаго князя, слѣдовательно, и этимъ своимъ качествомъ имѣли известное основаніе засѣдать въ радѣ; тотъ же принципъ братства распространился и на удѣльныхъ князей русскаго происхожденія. Весьма вѣроятно, что советъ этотъ первоначально и не имѣлъ определеннаго состава или, лучше сказать, его составъ былъ слишкомъ растяжимъ: великій князь могъ призывать въ свою думу не только удѣльныхъ отчизей, но и всю знать, когда хотѣлъ испробовать ея мнѣніе по тому или иному вопросу; наконецъ, къ совѣщанію могли быть привлекаемы и лично преданные великому князю люди; но, конечно, по маловажнымъ дѣламъ этотъ советъ могъ сильно сжиматься въ своемъ составѣ. Это былъ частный великокняжескій советъ, но съ политическими функциями.

Однако, по мѣрѣ паденія удѣльнаго князья и роста боярскаго класса, что зависѣло отъ тѣхъ же причинъ, которыя заставляли великихъ князей обращаться къ помощи наиболее могущественныхъ элементовъ земли, въ немъ должно было пробуждаться сознаніе своей силы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и своего права давать советъ²⁾. Такимъ образомъ, на почвѣ частно-правныхъ отношеній развивался политическій. Это вело къ тремъ слѣдствіямъ: во первыхъ, къ сознанію того, что советъ при великомъ князѣ является представителемъ государства и что, слѣдовательно, находящійся въ данный моментъ въ радѣ лица представляютъ собою „всю землю“, во вторыхъ, къ образованію определеннаго состава рады и, наконецъ, въ третьихъ—къ полному развитію политическихъ правъ рады, завершившему весь процессъ ея образованія. Отдѣлить въ этомъ процессѣ образованіе рады

¹⁾ „Казимиръ... брату вашему князю Александру Володимеровичу“, *Записки наук. товариства имени Шевченка въ Львовѣ*, 1899 г., т. 31—32, ст. М. Грушевскаго. До изданія про-право-державнаго становище кievскихъ князей XV в., p. 4.

²⁾ Иногда сами великіе князья обязывали боярство давать советъ. Ср. Skarbee Даниловича, № 1749.

удѣльных князей и боярства нѣтъ никакой возможности и нужды, такъ какъ оба элемента одними и тѣми же путями пробиваются въ раду. Разница только та, что князья требуютъ „честь“ для себя, какъ представителей удѣловъ, а боярство дѣйствуетъ отъ лица цѣлаго класса общества.

Источники даютъ, хотя и немногіе, но довольно опредѣленные факты активной дѣятельности въ великокняжеской радѣ и удѣльных князей и бояръ. Такъ, есть извѣстіе, что жмудскіе и русскіе бояре отворотили своими угрозами Гедимина (*verba minatoria habuerunt contra eum*) отъ его намѣренія принять католичество¹⁾. Великій князь, по словамъ лѣтописи, сѣзжался съ князьями „на думу“²⁾, конечно и съ боярами. На этой думѣ и рѣшились сообщать дѣла³⁾. Такъ, Витовтъ рѣшаетъ вопросъ объ отдѣленіи западно-русской митрополіи „задавъ съ нашою братьею съ князьями *рускими нашихъ русскихъ земля*“⁴⁾. По вопросу о коронаціи Витовтъ совѣщался съ своими боярами⁵⁾. И въ другихъ случаяхъ тотъ же князь прибѣгаетъ къ боярской радѣ⁶⁾. Это уже совѣщаніе чисто государственнаго характера— совѣта всей земли по дѣлу, касающемуся тоже всей земли. Бояре и князья участвуютъ въ данномъ случаѣ вмѣстѣ, только князь стоитъ на первомъ планѣ. На такомъ же сѣздѣ—думѣ, по уже составленномъ изъ однихъ литовскихъ князей и бояръ (такъ какъ дѣло касалось Гедиминовичей и Литвы), Ягайло рѣшилъ вопросъ объ уніи съ Польшей и о принятіи католичества; на сѣздѣ въ Криво были мать великаго князя и „братья“ и бояры⁷⁾. И въ актахъ 1401 и 1403 гг. Ягайло еса-

¹⁾ Дашкевичъ, Записки и пр., р. 109.

²⁾ Smolka, o. c., р. 8.

³⁾ Ср., напр., разсказъ лѣтописи о совѣтѣ, который держалъ Скиргайло съ Витовтомъ и др. князьями, когда кн. Святославъ осадилъ Орму. Литов. лѣтопись по списку Красивенскихъ, р. 23.

⁴⁾ А. З. Р., I, р. 36.

⁵⁾ Codex epistolaris Vitoldi, editio Prochaska, р. 316.

⁶⁾ Напр., Skarbee Данцловича, № 1661. По разсказу лѣтописи, Витовтъ, князь въ Луцкѣ, учинилъ „собѣ раду зъ многими князьями, а бояры литовскими“ для борьбы съ Ягайломъ; когда походъ на Вильну не удался, Витовтъ ушелъ къ нимъ самъ со „своими князьями и бояры“. Вѣкъ сѣдовѣтельно, призналъ на себя и отвѣтственность за рѣшеніе. Зато, когда Ягайло предложилъ тому же Витовту великое ижеженіе, то и это предложеніе было обдуманно имъ на радѣ „с князьями своими и паны литовскими“ (Лѣтопись по св. Красивенскихъ, р. 24, 25).

⁷⁾ Лѣтопись по св. Красивенскихъ.

зуется на этотъ фактъ,—что уніа была рѣшена *de consensu ipsanımı nostro et aliorum fratrum nostrorum et omnium baronum, nobilium* и пр. Эти думы касались Литовской вогичины.

Не только политическіе акты¹⁾, но даже крупныя земельныя дачи, князь совершаетъ по совѣту „съ нашою верною радою, со князьями и пана“²⁾, какъ говорить одна грамота Витовта³⁾. Находясь сначала въ положеніи совѣтничковъ, призываемыхъ къ совѣту великимъ княземъ, рада понимаетъ фактическое свое положеніе и вступаетъ на путь самостоятельной дѣятельности: таково, напримѣръ, посланіе рады Сигизмунда Кейстутевича къ королю Владиславу съ упреками за заключеніе мѣжъ мира съ Орденомъ и Свиригайлою безъ согласія Литвы⁴⁾ и др.⁵⁾.

Такимъ образомъ, въ средѣ удѣльных князей и боярства постепенно развивается сознаніе ихъ права давать совѣты, и фактически это право получаетъ примѣненіе къ жизни гораздо равнѣе, чѣмъ было санкціонировано общими законами. Это сознаніе своего права князьями сказывается въ явочныхъ отвѣткахъ грамотахъ удѣльных князей. Такъ, князь Семень Ольсвій, отвѣщая въ Москвѣ, упрекаетъ великаго князя Александра за нарушеніи старини: Казимирѣ „дрьжалъ мя... во чти, въ вѣстѣхъ и въ данихъ своей, а мѣстце у его милости *съ радѣ мывалъ* осми...“ и у твоей милости государя мѣстце у радѣ *жввалъ* осми“⁶⁾—ишетъ князь Семень. И это право князей засѣдать въ государской ландѣ признавалось въ старинныхъ ихъ правахъ еще въ половинѣ XVI в.⁷⁾

Сознаніе права давать совѣты, нарождавшееся въ средѣ цѣлаго класса тогдашняго общества, вело къ сознанію извѣстнаго рода пред-

¹⁾ Поэтому, много прадороходныи и разсказы лѣтописи, перешедшіе вогичи, и въ хроникѣ Ограйдовскаго, объ участіи князей и панохъ въ выборѣ, или итѣнѣ, въ избраніи великаго князя на столѣ, хотя князья и считали себя вогичинскими земла. По смерти Витовта, Ягайло просилъ „князей и панохъ литовскихъ, абы они ввали собѣ... Свиригайла, и князи и панохъ литовскихъ... посадили на великимъ княжеженіи Литовскомъ и Рускомъ князи великого Свиригайла“. Лѣтопись Быкова, р. 44.

²⁾ Акты Литовско-русск. госуд., I, р. 2 (ср. еще А. Ю. З. Р., II, р. 107 и др.).

³⁾ Запис. арх. Каз. Палаты, отд. I, кн. 32, а. 116.

⁴⁾ Ср. еще Skarbee Данцловича, № 1909.

⁵⁾ Сборникъ Русск. Ист. Общ., т. XXXV, р. 295.

⁶⁾ Извѣстъ въ виду извѣстную жалобу себѣму кн. Юр. Случинско на отказъ рады пригласити его къ совѣщаніямъ. *Stodolicki, Bracia Wlad. Jagielly*, р. 153.

ства, или ответственности передь сословіемъ или землей со стороны тѣхъ, кто въ данный моментъ былъ при великомъ князѣ и давалъ ему советы.

Удѣльный князь въ радѣ соблюдать не только свои личные интересы, но и интересы своей земли. Недаромъ князь С. Ф. Борятинскій, отъѣзжая въ Москву, упрекала великаго князя Александра въ томъ, что онъ не жаловалъ его и не читалъ такъ, какъ читалъ и жаловалъ его Казимиръ, писалъ между прочимъ— „а бояръ моихъ, господице, не жаловалъ такъ, какъ отецъ твой нашихъ бояръ жаловалъ, читалъ“¹⁾. Если князь заботился объ интересахъ не только личныхъ, но всей земли, то въ положеніи боярина—совѣтника это было вполне естественно. И можно указать на факты такого сознательнаго представительства. Для этого стоить напомнить о поручной грамотѣ новгородсеверскаго боярства за князя Корибута, нѣсколько разъ нами уже цитированной, или о такой же записи Жмудскихъ бояръ за Витовта. Интересно, что послѣдніе выступаютъ даже не отъ имени всего посольства, но, повидимому, каждый отъ своего повета²⁾.

Извѣстный актъ 1401 г. заключенъ съ согласіемъ всего боярства, причемъ, присутствовавшіе при его написаніи, бояре дѣйствовали не только отъ своего имени, но какъ разъ именемъ всего посольства боярскаго и съ его согласіемъ³⁾. Договоръ Сигизмунда Кейстутевича съ Игайлою скрѣпляется радюю съ согласіемъ всей его „братіи“, притѣлей и родныхъ⁴⁾.

Вотъ отчего и рада, предпринимая самостоятельный политическій актъ, опирается на согласіе всѣхъ князей и бояръ. Такъ, рада Сигизмунда Кейстутевича въ своемъ посланіи къ королю Владиславу пишетъ: „Мы князь Метей, бискупъ виленьскій, богомолецъ ванъ, князь Олександро Володимировичъ, князь Семень Ивановичъ и вси князи, тыкожь панове Остикъ виленьскій ... и вси панове бояре и вси Литовская земля“⁵⁾. Цитируемая грамота—дипломатическій актъ, при со-

¹⁾ А. З. Р., I, p. 124.

²⁾ Skarbee Данзловича, № 588, Codex epistolaris Vitoldi, p. 23.

³⁾ „Cum fratribus... cum cognationibus et genealogiis suis necnon tota universitas omnium et singulorum... quorum quamvis nomina singulatim hic non expressa, ipsorum tamen consensus ad subscripta adest ne si pro insertis haberetur. Dzielnicki, Zbiór praw litewskich, p. 3—4.

⁴⁾ Skarbee Данзловича, № 1630.

⁵⁾ Арх. Варш. Кав. Пал., отд. I, кн. 32, л. 116.

ставленія котораго едва ли было время и даже возможность для совѣщанія всей земли: навѣрно можно предположить, что рада написала его сама, считая свой наличный составъ представительствомъ всей земли.

Въ иныхъ случаяхъ участіе рады идетъ еще дальше: она не только участвуетъ въ совѣщаніи, но и сама въ астахъ выступаетъ рядомъ съ великимъ княземъ: нѣкоторые договоры Свидригайлы съ Орденомъ составлены отъ его имени и отъ имени удѣльныхъ князей, причемъ одинъ, напр. скрѣпляется согласіемъ бояръ и городонъ¹⁾, а другой—только боярства²⁾.

Хотя эта ссылка на все боярство и князье не подается провѣрѣ, но весьма вѣроятно, что, въ случаяхъ подобныхъ только что приведеннымъ, фактическаго совѣщанія наличной части рады со всѣмъ княземъ и боярствомъ и не было, а она дѣйствуетъ именемъ всего класса и въ его интересахъ. Разумѣется, говоря о пробуждающемся сознаніи представительства, нельзя облекать его въ какія нибудь опредѣленныя формы: все зависело отъ сознанія общихъ интересовъ и личной отдѣльности лицъ. Но это молчаливое, со стороны всего класса, признаніе за нѣкоторыми изъ его членовъ авторитета въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ могло быть выгодно и для великокняжеской власти, не имѣвшей возможности фактически совѣщаться со всѣмъ разнороднымъ составомъ своихъ совѣтниковъ. Вотъ почему акты опираются на согласіе всѣхъ князей и бояръ, тогда какъ при совершеніи ихъ присутствуютъ лишь немногіе³⁾.

Такимъ образомъ, каждый совѣтникъ съ одной стороны былъ поручителемъ для князя передъ населеніемъ земли, а по отношенію къ землѣ былъ поручителемъ за дѣлсообразность правительственной дѣятельности князя. Это обстоятельство съ теченіемъ времени повліяло на организацию состава рады въ смыслъ собранія намѣстниковъ и

¹⁾ Русско-Литовскіе Акти, p. 189.

²⁾ Skarbee Данзловича, № 1545.

³⁾ Витовтъ даетъ Вилковичу извѣстіе по совету „а паномъ верномъ радюю, со князи и ванъ“, между тѣмъ при грамотѣ упомянуто только четыре пана (князей волею вѣтъ)—„сестовою“ (Акти Лит.-русск. госуд., I, p. 2—3). Тутъ одно изъ двухъ: или совѣщаніе происходило въ присутствіи всей рады, а грамота написана только при четырехъ панахъ (т. е. по ихъ приказу, какъ это видно изъ другихъ источниковъ), или присутствіе четырехъ наличныхъ членовъ рады достаточно было для ссылки на совѣтъ всей рады.

вообще чиновъ различныхъ земель, а въ связи съ этимъ и пролагало путь къ сеймовому представительству отъ земли.

Изученіе личнаго состава рады можетъ дать весьма важныя заключенія по вопросу о ея происхожденіи, такъ какъ въ немъ отражены разныя ступни въ развитіи самого института.

Не вдаваясь въ подробности, которыя для насъ не необходимы, остановимся лишь на общей характеристикѣ относящихся сюда данныхъ. Напомнимъ, что въ спискахъ рады древнѣйшаго времени встрѣчаются элементы тройкаго рода: удѣльные князья, какъ heredes земли, боярство литовской вотчины и личные слуги великаго князя. Такой ея составъ объясняется сдѣланіемъ вотчиннаго совѣта съ государственнымъ. Но, если князь и боярство призываются для совѣщаній въ силу необходимости, то личные слуги господара попадаютъ въ него въ силу довѣрія къ нимъ великаго князя. Еще въ спискахъ Ягайлы встрѣчаются въ числѣ присутствовавшихъ рады даже clientes¹⁾, т. е. люди зависимые. Только личное довѣріе государя могло сдѣлать ихъ совѣтниками по государственнымъ дѣламъ. Но долгое пребываніе въ совѣтѣ этихъ лицъ прежде всего создавало обычай, старину. Изъ слугъ вотчинника, можетъ быть иногда невольныхъ, сами совѣтники получали значеніе государственныхъ чиновниковъ: subiciarius или thesaurarius вотчинника превращается въ государственнаго сановника при государѣ; онъ становится земскимъ, а, для фактическаго исполненія его обязанностей, появляются дворные чины, а потомъ и простые слуги. Такъ, уже въ радѣ Витовта и Ягайлы встрѣчаются придворные чины; маршалки дворные, subiciarii, секретари²⁾. Можетъ быть, теперь уже они отъходятъ отъ дворныхъ слугъ князя—вотчинника. Такимъ образомъ вошли въ составъ рады представители двора.

Боярство первоначально состоитъ въ радѣ въ неопредѣленномъ числѣ—дѣсь бояре³⁾, относительно князей надо сказать то же самое. Но рада является совѣтомъ по административнымъ дѣламъ и по политическимъ. Въ качествѣ послѣдняго, объемъ его особенно расширяемъ. Въ важныхъ случаяхъ въ радѣ присутствуетъ безпорядочная толпа. Такъ, въ Луцкѣ, во время извѣстныхъ переговоровъ о коронаціи Витовта, при великомъ князѣ находилось много discipuli et barones. Когда собралась рада, то, рассказываетъ меморіаль самого Витовта,

¹⁾ Maczyński. Kodex, p. 61.

²⁾ Акты Литовско-русскаго государства, p. 5, 6, 10, 11, 15.

явился бискупъ виленьскій, consiliarii nostri Lithuaniae aliqui multi barones. На этомъ совѣтѣ читается письмо Ягайлы, ведутся шумные дебаты⁴⁾. Очевидно, составъ такого сборища являлся весьма растяжимымъ и малоподвижнымъ. Такой совѣтъ представлялъ много неудобствъ. Вотъ почему въ всѣхъ боярахъ мало-по-малу выдѣляется опредѣленный составъ совѣтниковъ. Въ качествѣ такихъ постоянныхъ совѣтниковъ при великомъ князѣ остаются придворные чины и представители областной администраціи. Часть областной администраціи—правители вотчины.

Кромѣ того, по мѣрѣ разрушенія удѣльнаго строя, намѣстникъ замѣняетъ въ области удѣльнаго князя; онъ и воспользовался прерогативами послѣдняго принимать участіе въ центральномъ управленіи. Дѣйствительно, уже во времена Витовта все чаще и чаще встрѣчаются въ радѣ представители областной администраціи⁵⁾, но все же немало еще въ подписяхъ встрѣчается и „линыхъ бояръ“, должности которыхъ не обозначены. Значеніе государственной рады несомнѣнно сильно поднялось при Сигизмундѣ и Свидригайтѣ. Во главѣ рады по прежнему стоятъ удѣльные князья, дѣйствующіе именемъ всѣхъ князей. Свидригайтло, напримеръ, заключаетъ договоры съ Орденомъ отъ своего имени и отъ имени всѣхъ князей⁶⁾. Но въ то же время въ радѣ присутствуетъ и боярство; оно занимаетъ второстепенное мѣсто: напр. при томъ же договорѣ Свидригайтлы бояре только присутствуютъ при его заключеніи, но не являются участвующей стороной, подобно удѣльнымъ князьямъ. Но зато при именахъ бояръ почти всегда въ грамотахъ Сигизмунда и Свидригайтлы обозначается занимаемая ими должность, что уже намекаетъ на то, что бояре присутствуютъ въ радѣ по должности и что они засѣдаютъ въ ней, какъ представители областей и урядовъ. Однако въ первое десятилѣтіе Казимира княженія рада формируется: въ ней окончательно закрѣпляются назван-

⁴⁾ Codex epistolaris Vitoldi, p. 816.

⁵⁾ См., напр., Skarbecъ Даниловича, № 1388, гдѣ упоминаются воевода зуавскій, бояре изъ Литвы, одинъ изъ Ошмены и др.; Акты Литовско-русскаго государства, I, p. 3 (воевода виленьскій), p. 6 (бискупъ, нам. виленьскій), p. II (подольскій намѣстникъ), p. 15 (троцкскій и др.). Ураши трактова Ягайлы въ Skarbecъ, №№ 538, 539, 540, 544. Вездѣ выступаютъ на подписяхъ имена урядовъ, хотя тутъ же и бояре безъ обозначенія ихъ урядовъ.

⁶⁾ Skarbecъ Даниловича, № 1540.

ные три составные элемента ¹⁾. Но состав ее, при таких условиях был мало подвижен и мало пригоден, так как государственный механизм, так как он состоял большей частью из областных правителей; наконец в нем были дворцовые элементы, служебное положение которых скоро затемнилось. Вот почему уже при Казимире выделяется старшая рада — настоящие дьяки, которые все вместе, а иногда поочередно занимают государственными делами. Упоминание о старших нагах и в таком смысле, что состав их предполагался определенным, неслучайным (напр., в грамоте 1455 г. — „и иные папове, *вси старшие*“) встречается уже в первую половину правления Казимира ²⁾. И раньше Казимира встречаются указания о разделении рады на старшую и младшую ³⁾, или на *consilium* и прочих боярь ⁴⁾, но возможно предположение об окончательном сформировании старшей рады как раз в годы регенства в малолетство Казимира, когда для ведения текущих дел необходимо было постоянное присутствие известной части рады и, конечно, наиболее авторитетной. Одна грамота разъясняет нам и состав такой старшей рады, тоже в начале Казимирова правления; состав этот почти совпадает с старшей радой позднейшего времени. Рижский епископ в 1466 г. писал к радѣ грамоту, причем адресовал ее бискупу виленскому *ac generosis magnificis proceribus et nobilibus viris et dominis incliti Magnificatus Lithuaniae consulatui*. Адрес предполагает всю раду, но есть и пометка, кому именно предназначена грамота; кроме бискупа, она предназначена наместникам (*capitanis*) брацлавскому, ковенскому, троцкому, виленскому, витебскому и смоленскому ⁵⁾. Таким образом, рада Литовско-русского государства сложилась постепенно из княжеского совета, дуи, имевшего первоначально характер частного совещания по публич-

¹⁾ Ср., напр., совет рады в А. З. Р., I, №№ 53, 54 — почти исключительно урядовые чины. Ср. еще в А. З. Р., I, № 28, где в числе рады встречаем бискупа виленского, двух удельных князей, нескольких воевод, наместников, земского маршала и др. Это довольно полный список на сравнительно раннее время (1452 г.). В нем встречается не составная часть рады — бискуп, а лишь уряды.

²⁾ А. З. Р., I, № 57.

³⁾ Skarbcs Давидовича, № 661.

⁴⁾ Codex epistolaris Vitoldi, p. 316.

⁵⁾ Греко-ливонские акты, p. 208.

ных делам и только впоследствии занемогшего государственного учреждения. Рада сложилась по образцу областных боярских дум и, по составу своему, образовалась из удельно-княжеского совета при великом князе и вочынного при князе Литвы. В силу благоприятных обстоятельств, состоявших в особом положении высшего сословия в государстве и внутренних в нем событий, рада уже в первую половину XV в. получила свою организацию, заняла выдающееся положение в государстве, способное ограничить власть великого князя, хотя в это время она и не имела еще юридической санкции.

Надо при этом помнить, что в Литовско-русском государстве центральное управление, в собственном смысле, в древнейшее время совсем не существовало. Центром правительственной деятельности была сам великий князь, действовавший лично, или коллегиально — в собраниях нагах рады. Каждый нах отвечал за министерство по своим делам в своей области. Только во второй половине XV в. выделяется один общегосударственный министр — подскарбий земский, затем определяется компетенция маршала земского и появляется гетман; канцлеры были и в XV в. Это небольшое число министров по общегосударственным делам. Но, если нужно было вдать какое-нибудь общегосударственное дело, не входившее в компетенцию названных министерств, то государь давал временный поручения — „у прилавѣ“ чинам рады. Старшая рада превратилась в правительственный орган; это — совет министров. Когда она расширялась, собиралась в полном составе, то превращалась в государственную совет. Но в важнейших случаях государь продолжал собирать кроме рады еще и боярство, — по старинному, — или боярство областей само называло во время полных собраний рады. Это и был съезд „всех боярь“ старого времени, постепенно превращавшийся в великий совет; он имел сначала значение политическое, но с течением времени превратился в учреждение государственное.

Предущая страница посвящена выяснению тех условий, при которых образовалось Литовско-русское государство, с целью определить взаимное отношение различных исторических факторов, явившихся на сложение не только государственного, но и финансового строя последующей эпохи, подлежащей исследованию. Если по ходу развития повинностных отношений между государством и его

подданными можно составить ясное представление об успехах государственности, то с другой стороны повинности отношения обуславливаются существующими или развивающимися формами государственного строя. Вместе с тем государство, во поисках источников для удовлетворения своих потребностей, находится в сильной зависимости от социально-экономического строя. Сила финансового хозяйства страны с государственным строем вообще и с социально-экономическим в частности гораздо сильнее в более древний период народной жизни: только из позднейшее время финансовое хозяйство стало вне социальных подразделений, но прежнему однако оставаясь в зависимости от экономических условий жизни страны и от характера ее государственного управления. Вот почему описанные выше условия, при которых сложилось Литовско-русское государство, дают ряд немаловажных указаний на характер финансового хозяйства, равно как и на происхождение различных частей его.

Прежде всего среди особенностей сложения Литовско-русского государства на первое место надо поставить то, что оно образовалось не только под господствующим влиянием русской национальности, но и сохраняло и впитало в себя все главнейшие черты удельно-земского строя древнерусской истории. Выработанные в последний период в различных русских областях правовые нормы закрепляются двойным путем: во вновь сложившемся государстве: путем законодательной их санкции они утверждаются в русских областях, а путем обычая, стариня, общи нормы этого права распространяют свое влияние на весь государственный строй. Таким образом, все стороны государственной жизни восприняли, в известной мере, древне-русскую старину. Областную жизнь регулируют древне-русские правовые и обычные отношения. Каждая земля или удель пользуются полною автономиею. Земля и удель находятся почти в одинаковых отношениях к центральной власти. Это свойство определяется главным образом историческим ходом образования государства. Оно представлять собою конгломерат и земель и князей. Во главе тех и других стоят вотчина великого князя. Она составлялась из родового владения Гедиминовичей, собственной Литвы, и ряда завоеванных, или по тому или иному случаю выделенных городов и волостей среди различных русских земель, так что вотчина не представлять собою сплошной территории. Вот-

чина территория составила собственность господари. Русские земли вошли в состав государства посредством договора, хотя они иногда и являлись договором сильного с слабым. Удельные князья и в этом отношении заняли положение, сходное с землями. Известная часть их присоединилась на основании договора; другие, хотя и основой своей являются „жалованием“ великого князя (таковы, напр., удельные первых Гедиминовичей), но скоро превращаются в вотчины князей и регулируются теми же началами, на основании которых присоединилась к государству удельные князья, исконные вотчинники своих удель, т. е. на договорных отношениях. Вот почему все государство можно признать построенным на федеративном начале, хотя и несколько своеобразном. Своеобразием этой государственной организации заключается в известном рода отступлении от чистой схемы федеративного строя. Так, отношения господари к землям имеют некоторые свойства личной удачи: и Смоленск, и Полоцк, и другие земли—отчина великого князя, сидящего на Вильне и Троках; но это земля государственной территории и права отчинника ограничены в них договором, хотя и посылающим высшую юридическую форму уставной грамоты. В отношениях удельных князей к великому в известной мере кроются принципы того порядка, который характеризуют термином феодального. Не отрицая известного влияния феодальных понятий в древнейшее время в собственной Литве, нельзя однако распространять их на междукняжеские отношения Литовско-русского государства, так как здесь не выработалась определенной общей схемы личных отношений вассала к сюзерену и, наоборот, принцип вотчинности княжеской власти и смирение его, как это было и в древней Руси, с государственным началом противоречили бы условному характеру феодального землевладения. Вот почему термин федеративного государства имеет большее право на приложение его к государственному строю Литовской Руси.

Основанное при таких условиях государство продолжало развитие древне-русских начал, применяя их к новым явлениям жизни. Так, в нем на первое место выступают те же социальные элементы, которые зародились еще в удельно-земский период. Зачатки сословной группировки выступают с большей определенностью: группы эти пока не составляют сословий в юридическом смысле, так как сословия еще находятся на первой ступени развития, когда

экономическое неравенство создает группировку классов общества из силу обычаев. Однако уже заметно известное стремление к единой корпоративности. Верху общественной лестницы — боярство стремится к преобладающей роли в области, и боярство в союзе с удельными князьями — к власти и первенствующей роли в государстве. Очевидно — значение областной рады и образование рады общегосударственной. При этом необходимо иметь в виду, что сословия группировка намечается и в советской Литве, где рады высшего сословия составляются из родовой и служилой аристократии, как и в древне-русских областях, где на первый план выступает земское боярство. В данном случае нет нужды предполагать влияние одной народности на другую, так как в условиях развития той и другой были причины, приводившие к одинаковым последствиям. Но это несомненно не препятствовало впоследствии объединению и совместному росту боярства всего государства, как одной корпорации. Надо при этом помнить роль бурных событий конца XIV и начала XV вв. в процессе образования высшего сословия, которое, пользуясь событиями, превращает обычай в право.

Те же события имели значение и для низших рядов военно-служилого класса: они увеличились численно и, принимая участие в борьбе, успели приобрести некоторое влияние в государстве. Этим только и объясняется, в связи с другими конечно условиями, рост и высшего шляхетства с половины XV в.

Этим намечаются две основные особенности дальнейшего развития государства, состоявшая в развитии и упрощении сословного строя с развитием преобладанием военно-служилого элемента. Шляхетство получило, таким образом, свое начало на местной почве и его развитие является естественным следствием отношений, существовавших еще в древне-русский период и вышедших весьма благоприятную почву для своего развития во внешних и внутренних обстоятельствах данной эпохи. Органы этого шляхетства, в его древнейшем виде, столь же тесно связаны с старинными принципами древне-русской жизни, растут вполне органически на литовско-русской почве, несколько не будучи чуждыми институтам.

Весь строй государства, обуславливаемый как происхождением его территории, так и развитием высшего класса общества, способствовать пробуждению государственных начал, в противоположность

вотчинства. Восприняв от древней Руси смещение бояжь, Литовская Русь рано стала отлачивать господские интересы от земских. Конечно, это не значит, что последние окончательно выжили верх над первыми в рассмотренный период; напротив, литовско-русский государь, в известных отношениях, надо еще сохранил черты вотчинника, но в приложении к весьма ограниченной сфере. Зато шляхетство, приравниваясь постепенно по своим правам к положению вотчинника в своих владениях, захватило все соответственные права над населением своей вотчины; но это произошло уже в следующий период.

Таким образом, раннее развитие сословных отношений и государственных начал, в связи с постепенным ограничением верховной власти в пользу высшего сословия, составляет важную особенность Литовско-русского государства. Однако эти черты государственной жизни не являются замкнутыми и неизменными, но представляют собою вполне естественное последствие предшествующей народной жизни и условий, в которых создавалось государство. Вот почему необходимо отвергнуть мысль о замкнутых и социально-политического строя из Польши. Такие замкнутости были только в последующее время, но и тогда они делались более на счет вышедшей формы, между тем как жизнь народная вырабатывала правовую норму.

Самобытность основных начал в жизни Литовско-русского государства, в соединении с его федеративным строем, наложилла определенную окраску на историческое развитие и организацию государственного хозяйства страны. Оно восприняло формы хозяйства, практиковавшиеся в древней Руси, и развивалось в зависимости от роста государственных, сословных и экономических условий. Так как территория составлялась из ряда отдельных политических единиц, то это обстоятельство шло новую черту в историю хозяйства: государство восприняло не только общи нормы финансовой системы, но и многие частности, составлявшие особенность той или иной области, претворив в результате все эти частности отступлением в одну общую государственную систему. Поэтому процесс исторического развития государственного хозяйства заключается в постепенной переработке тех форм его, которые государство получило при своем образовании, в выделение одних из них в область

обще-государственную; а других — в вотчинную и, наконец, в том, что весь этот процесс в области повинностных отношений происходит параллельно изменениям в социально-экономическом и политическом строе страны. Изъ этого очевидна вся сложность и трудность нашего вопроса, искупаемая только возбуждаемым им интересом.

ГЛАВА II.

Доходы, источником которых служила судебно-административная деятельность самого великого князя.

Основныя функции древне-русского князя заключались в судѣ, управѣ, т. е. текущей административной дѣятельности, защитѣ земли отъ внешнихъ враговъ и въ известной мѣрѣ въ законодательствѣ. Если въ двухъ послѣднихъ отношеніяхъ князь выступалъ въ качествѣ государя, то на первыхъ двухъ лежала печать смѣшенія вотчиннаго и публичнаго права. За исполненіе суда и управы князь получалъ вознагражденіе отъ тѣхъ лицъ, которыя къ нему обращались. Древнѣйшіе князья творили судъ и управу во время личныхъ объѣздовъ племени: для выполненія того и другого князь выѣзжалъ на полюдіе; все это составляло доходъ князя. Эти первобытные способы собиранія доходовъ не сразу исчезли и въ литовское время. Древнее полюдіе, вслѣдствіе обычной въ исторіи повинностныхъ отношеній дифференціаціи, превратилось въ господарскую стачію и мезлеву; въ рукахъ великаго князя остались „вины“, наконецъ, древніе дары еще долго протерзались, въ видѣ переживаній, въ „челобитіяхъ“ великому князю. Къ сборамъ, источникомъ которыхъ служила административная дѣятельность великаго князя, мы причислимъ и еще одинъ, правда случайно попавшій на некоторое время въ число источниковъ государственнаго скарба — тивунцину.

1. Полюдіе.

Древнѣйшій князь совершалъ свои административныя и отчасти судебныя функции во время объѣздовъ подвластныхъ земель. При

этом князь собирал *полоуде* — один из самых древних княжеских доходов. Хотя мы мало знаем о способах его взимания, но не трудно видеть по последующим фактам, что оно прежде всего состояло в сборе даров и поклонов¹⁾, конечно, население поставляло при этом содержание князю и сопровождавшей его дружины, на что мы имеем любопытное показание летописи²⁾. При объездах же князь творил суд, управу и собирал дани. Когда князь принужден был, вследствие расширения территории, отказаться от личного объезда страны, *полоуде* не исчезло, но изменило форму и превратилось в некоторых княжествах в *проважий суд*. Князь посылал доверенных людей для суда, вместо себя.

В Новгородѣ *проважий суд* бывал два раза в год и сопровождался также сборами пошлын³⁾. Впоследствии взносы, собираемые при объездах (именно дары, поклонны) из случайных и неопределенных формируются в определенные ежегодные платежи населения князю. Действительно, уже в Ростиславовой грамотѣ мы встречаем определенные размеры *полоуде* для некоторых городов. Кроме того, в той же грамотѣ *полоуде* сь городов названо *породиемъ*, при чемъ заметна дифференциация его: *породие* составляет изъ урока, даровъ переложенныхъ на деньги, и почесты — поборовъ натурою⁴⁾. Такимъ образомъ, сборъ неопределенный по размеру в пользу князя, какъ администратора, приобретает съ теченіемъ времени характеръ постоянного квотативнаго (очевидно) налога; онъ сохраняетъ частью свой первоначальный характеръ, но разлагается на нѣсколько составныхъ элементовъ: въ основѣ *полоуде* лежатъ въѣзды для суда и управы; въѣзды совершаетъ князь, или наместникъ, получая при этомъ содержаніе отъ населенія натурою и судебныя пошлыны отъ дѣль; но съ другой стороны древнее *полоуде* уже является фиксированнымъ въ определенномъ размѣрѣ — независимо, впрочемъ, отъ существующихъ еще въѣздовъ, причѣмъ одно названіе продолжаетъ напоминать о его происхожденіи (*полоуде* „даровное“⁵⁾, *почесты*).

¹⁾ Ср. грам. Мстислава Юрьеву монастырю, гдѣ говорится объ осеннемъ *полоуде* „дропиномъ“, Хрест. Вуладова, I, р. 116.

²⁾ Ипат. лѣт., 521: „Данигъ же и Василью выдаста ему (Михалу) *ходити* на землю своей, и даста ему швенны много, и меду и топлу и овны доволѣ“.

³⁾ Ипатскій. Очеркъ внутренней исторіи Полова. СПб., 1879, 63—4.

⁴⁾ Хрест. Вуладова, I, р. 247—8, см. примѣч.

Метаморфоза, происшедшая съ *полоуде*мъ, для насъ представляетъ большой интересъ, такъ какъ ею разъясняется генезисъ нѣкоторыхъ сборовъ позднѣйшаго времени, какъ на администрацію, такъ и на великаго князя.

Правда, *полоуде* въ собственномъ смыслѣ не часто встрѣчается въ грамотахъ удѣльныхъ князей Литовскаго періода¹⁾; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оно носитъ характеръ определеннаго налога. Сравнительно рѣдко встрѣчающался передача *полоуде* землевладѣльцамъ въ жалованныхъ грамотахъ удѣльныхъ князей, можетъ быть объяснена двояко: въ однихъ княжествахъ оно могло сдѣлаться уже чисто наместническимъ доходомъ и потому не попадало въ грамоты, въ другихъ — напротивъ, князья могли оставлять его за собою, что одинаково не заносилось въ текстъ грамоты. Для доказательствъ послѣднago у насъ есть два важныхъ факта. Въ лостраціи Кіевской земли 1471 г., представляющей собою, какъ извѣстно, порядки удѣльнаго періода, *полоуде* идетъ великому князю и представляетъ собою определенный сборъ. Ревизія Пинскаго староства, составленная Л. Войною, точно также знаетъ *полоуде* въ качествѣ определеннаго налога во множествѣ селъ бывшаго Пинскаго княжества: въ этихъ селахъ, по словамъ ревизіи, оставлены, по разнымъ причинамъ, „старыя“ подати²⁾, т. е. существовавшія при удѣльныхъ князьяхъ, до перехода княжества къ королевѣ Бонѣ, а отъ нея къ королю. Трудно опредѣлить, долго ли, по присоединеніи того или иного княжества, *полоуде* продолжало быть великокняжескимъ доходомъ. Какъ налогъ, взиманіе котораго связывалось съ производствомъ управы, оно скоро перешло къ наместникамъ.

Дѣйствительно мы находимъ *полоуде* въ числѣ наместничьихъ доходовъ Русскихъ волостей. Здѣсь оно сохранилось дольше, чѣмъ въ другихъ областяхъ, но въ древнѣйшее время мы встречаемъ *полоуде* въ качествѣ определеннаго старостинскаго дохода и за пределами Подвинья и Подпирова, напр. въ Луцкѣ³⁾.

¹⁾ Напр., въ Кіевской землѣ, судя по инвентарю, составленному точней по присоединеніи области къ Литвѣ, Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. II, № 1; въ Друничѣ княж. — Skarbec Давидовича, № 938; въ Кобринскомъ княжествѣ, А. Ю. З. Р., I, № 32; въ Пинскомъ, Ревизія Луцкѣ и порохозовъ дѣлѣныхъ въ Велик. кн. Лит. (Изд. Вил. Археогр. Ком., р. 285).

²⁾ Пинская книга Пинскаго Староства, изданная Вилевскою Археографич. Ком., т. II, *passim*.

³⁾ А. З. Р., I, № 213.

Полодые представляють собою определенный наместничий доход, но взаимное его тѣсно связано съ наместничьими въздами въ волость. Такъ иногда волостные уставы разрѣшаютъ наместнику или въздѣ въ волость, или сборъ полюдья: такъ моголевскій державца по уставѣ 1514 г., беретъ на володцнахъ „уъезду своего пятьдесятъ конь грошей, а полюдованья, коли у волость не поидеть, пятьдесятъ же конь грошей“¹⁾.

Здѣсь, замѣтимъ, плата за въздѣ является надбавкой къ полюдью (это видно изъ судной грамоты 1536 г.): повинность волости состоитъ или въ платѣ полюдья въ размѣрѣ 50 конь грошей, или въ приѣмѣ у себя наместника, т. е. во въздѣ; особый взносъ же за въздѣ представляеть собою дифференціацію полюдья, установленную самими королями, именно въ данной уставѣ.

Бичицкая волость въ 1509 г., жаловалась великому князю на своего наместника (онъ же и мозырскій наместникъ), что онъ держитъ на Бичицѣ своего наместника; между тѣмъ „здавна“ установился такой порядокъ, что наместникъ мозырскій въздѣжалъ въ Бичицкую волость „на полюдье свое“ и тогда ему давали насадку меду и по лиснцѣ съ дыму; это бывало разъ въ годъ; король возстановилъ старину волости²⁾. Полюдье для державцевъ было однако менѣе прибыльнымъ, чѣмъ въздѣ, потому что при послѣднемъ, они получали не только „поклоны“, но и содержаніе натурою, причемъ часто на такой почвѣ допускались различные злоупотребленія. Такъ, напримѣръ, Свислочькая волость въ 1534 г. выставила рядъ жалобъ, на наместниковъ кievскаго воеводы Яна Немиронича, который держалъ Свислочь. Свислочане жаловались на наместниковъ, что они въздѣжали въ волость въ большомъ числѣ, требуя при этомъ, чтобы имъ давали „поклоны“. Полюдованіе въ Свислочькой волости бралось дважды въ годъ, весной и осенью въ определенномъ размѣрѣ (по 1½ гроша съ дыма), но наместники требуютъ „за тѣмъ полюдованьемъ“ особое поборы. Наконецъ, въ ту же волость въздѣжаютъ писари скырбише для сбора серебщины, которые берутъ „уъезду по 15 рублевъ грошей кромѣ страны“, Великій князь нашелъ жалобы Свислочанъ основательными, запретилъ въздѣ наместниковъ, установилъ старинный размѣръ полюдья и отмѣнилъ особую плату за въздѣ писарямъ,

¹⁾ А. З. Р., II, 113, ср. Уставу 1521 г. Акты Лит.-русск. государства, I, 173

²⁾ Книга Записей Лит. VIII, л. 324 (Добавскій. Обг. дѣл. прил. № 17).

оставивъ для нихъ только кормъ съ волостей натурою, который володчане должны были доставлять въ резиденцію наместника — Свислочь¹⁾.

Устава Свислочькой волости, которую мы сейчасъ привели, отличается полною архаичностью существовавшихъ тамъ порядковъ: по укрѣпленію крестьянъ, всѣ ихъ порядки существовали еще при Витовтѣ, и крестьяне просить объ ихъ возстановленіи. Въздѣ наместника, какъ мы видимъ, здѣсь былъ отмѣненъ и въ его пользу оставленъ только сборъ полюдья. Черезъ шесть лѣтъ Свислочане снова просить короля о выдачѣ устава, данной въ 1534 г., потому что послѣдній отиата у нихъ наместникомъ. Устава выдана въ 1540 г. въ нѣсколько измѣненной редакціи. Въздѣ въ ней не упоминается, очевидно, оставался отмѣненнымъ; полюдье оставлено въ прежнее размѣръ, но оно доставляется наместнику вмѣстѣ съ кормомъ въ натурѣ²⁾. Дѣйствительно полюдье иногда дается особо отъ доставки стаціи наместнику натурою.

Такъ въ Чичерской волости полюдье платится наместнику по одному грошу „воде давного обычая“ володчанами, живущими въ селахъ, и тѣми изъ нихъ, которые, хотя и живутъ въ городѣ, но имѣютъ пашню въ селахъ. О въздѣ не упоминается, но на державцу опредѣлена въ известномъ размѣрѣ стація³⁾. Въ Кричевской волости совсѣмъ запрещено въ 1522 г. полюдье съ въздѣмъ въ волость⁴⁾, по, вѣроятно, волость доставляла кормъ наместнику.

Въ самомъ дѣлѣ, въ другихъ известіяхъ совершенно определенно выступаетъ дифференціація полюдья на въздѣ и собственно полюдье. Такъ въ Бичицкой волости, какъ подтверждаетъ господарскій вырокъ 1551 г., въздѣ собирался натурою, а полюдье особо — деньгами⁵⁾. Тоже раздѣленіе встречаемъ мы и въ юстиціи Мозырской

¹⁾ Кн. Судн. Д. Лит. VII, л. 133 об.—135.

²⁾ А. З. Р., II, в. 368.

³⁾ Зап. Лит., XXXVII, л. 191.

⁴⁾ Акты Лит.-русск. госуд., I, 185.

⁵⁾ Приведемъ характерный для исторіи въздѣловъ и полюдья вырокъ М. Радивила: „Мы Мислаѣй Радивиль, воевода виленинскій, маршалокъ земскій канцлеръ Великого князства Литовскаго, староста берестейскій, державца борисовскій и шовленскій смотрели есмо того дела Жаловали мозырские волости Бичицкое на державцу своего воеводу поляншикого яна Мислаѣя Воитеховича Нарбуга тѣмъ обычаемъ державца ден пашъ всадеетъ по два разы у волость пашу и беретъ на насъ по три гроши и по ведру омак; на то пашъ Нарбугъ поведеть; передъ тѣмъ

и Бичков волостей 1552 г. Бичков волость оплачивает натурою писарский или старостинский въезд одинаковымъ размѣръ, но полуде оплачивается общей суммой въ 25 копъ грошей въ годъ. Интересно, что мѣщане мозырскіе оплачиваютъ только писарскій въездъ, но онъ идетъ уже на замокъ и составляетъ опредѣленный его доходъ ¹⁾. Этотъ послѣдній сборъ, будучи совершенно случайнымъ, успѣлъ фиксироваться. Однако, въ Бобруйской, напримѣръ, волости писарскій въездъ попрежнему дается только писарямъ и не переходитъ еще въ опредѣленный налогъ ²⁾.

До сихъ поръ мы наблюдали тѣсную взаимную связь между полудемъ и въездомъ, она оба существуютъ неразрывно: полуде продолжаетъ носить свой изстаринный характеръ сбора въ пользу администратора. Въѣздомъ въ волость, намѣстникъ получаетъ содержаніе натурою—въездъ, стацию. Оба платежа—налоги на администрацію, такъ какъ въ волости она чинитъ управу во время своихъ въѣздовъ, напр.: присутствовать на разметахъ, или, какъ писари,—при сборѣ серебряницы, государственной подати. Замѣтимъ, что ни въездъ, ни полуде не замѣняютъ суда: это совсѣмъ особый источникъ дохода. Такъ какъ центральнымъ мѣстомъ волости является городъ—резиденція намѣстника, то горожане не вносятъ ни полуделъ, ни въѣзда: намѣстникъ здѣсь живетъ, и нѣтъ предлога для въѣзда. Съ другой стороны, въездъ въ натурѣ или его оплата замѣняетъ собою кормъ

дѣй вриадикъ мозырскій два раза до году у волость въездчывалъ и до мѣсяца вать болшъ одно, покол станы значаише объедеть, и биралъ з диму по грошу и по ведру оса, а на служебника его, который то выбиралъ по полгрома Пчычане положилъ листъ Жыггимонта короля, писавый до поеводи Киевскаго пана Юра Миколаевича Радвила, на которомъ описано намѣстнику его милости только одинъ разъ въездчати и по ведру оса и по грошу одному на лихъ брати. И мы заховываючи ихъ водѣ листу господарского, на томъ есмо тую речъ оставили, икъ имѣть державца ихъ панъ Нарбутъ водѣ листу его королевское милости ку нимъ ел заховати и одинъ разъ на годъ у волость ихъ всплати, а они мають на него по ведру оса а по грошу одному давати. А што ся дотычетъ, икъ жычовани Пчычане на державцу своего пана Нарбута о *милостини*, якобы онъ, увозачи повинну, мѣль на нихъ по полгредадять пошъ грошей брати, панъ Нарбутъ повелелъ, икъ зъ на нихъ по полгредадять пошъ грошей брати, панъ Нарбутъ повелелъ, икъ зъ до господара его милости. И на то есмо икъ дали есмъ панъ листъ подъ нашою печатью. Писалъ у Внани подъ летъ Божь Нарожь. 1551 мѣа августа 20 день. Илъдвѣтъ 9^о. Кн. Суд. Дѣл. XXVII, з. 88.

¹⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. УП, т. I, р. 623.

²⁾ Зап. Лит., XV, з. 102—103.

намѣстника. Гдѣ былъ въ обычаѣ въездъ, тамъ ни словомъ не упоминается о какихъ либо иныхъ кормахъ для намѣстника. Въездъ, такимъ образомъ, является обычной формой кормленія великокняжескаго намѣстника. Какъ таковое, онъ первоначально и занималъ натурою въ размѣръ дѣйствительной надобности намѣстника и его семьи и слугъ ¹⁾. Но при въѣздахъ возникали пререканія между волоцанами и намѣстниками, такъ какъ послѣдніе не рѣдко, не довольствуясь полудемъ и въездомъ, требуютъ поклоновъ, берутъ „за полудованьемъ“ и пр. ²⁾. Естественно, со стороны волоцанъ является стремленіе фиксировать въездъ въ видѣ опредѣленнаго корма или платежа и отдѣлаться отъ посыланія въ волость намѣстника. Такіе случаи мы уже видѣли въ приведенныхъ выше примѣрахъ. Но интересно, что при этомъ переложеніи въѣздовъ, могло исчезнуть и самое понятіе о немъ, такъ какъ въездъ иногда замѣнялся новымъ налогомъ на содержаніе намѣстника. Такъ, напр., въ Могилевской волости въ 1536 г., вслѣдствіе жалобы волоцанъ на своего намѣстника за его поборы при въѣздахъ и сборѣ полуделъ, въездъ былъ совсѣмъ отмененъ. Здѣсь намѣстники достигли того, что получали опредѣленную сумму за въездъ и за полуде отдѣльно и, кромѣ того, собирали живность натурою. Между тѣмъ изъ устави 1514 г. мы уже знаемъ, что намѣстнику могилевскому полагался только въездъ и полуде. Король отменилъ совсѣмъ въездъ, передавъ намѣстнику часть великокняжеской тивущины, но установилъ сборъ живности на кормъ намѣстнику и опредѣлилъ размѣръ ея ³⁾. Такимъ образомъ, изстаринный налогъ исчезъ изъ обихода волости, оставивъ послѣ себя лишь то, что было въ сущности его придаткомъ, незаконно и недавно введеннымъ намѣстниками. Въ Мозырской волости тоже исчезъ въездъ: волость получила въ 1551 г. подтвердительный привилей отъ государя, на основаніи котораго она вносила опредѣленное количество денегъ и жита,—съ того дѣй державца мѣль *выгованье* свое мети и посяя и гонца стацеями и подиодами подивмати ⁴⁾. Надо замѣтить,

¹⁾ Кстати напомнимъ, что въѣздами пользовались и частные землевладѣльцы, напр. вланиа. А. З. Р., I, п. 174—5.

²⁾ Въ Свенцонской волости намѣстникъ бѣдиль „у 20 або 30 ковахъ на жонани и з слугами своими, тогда до нихъ прѣхавши дани не берутъ, аде держатъ до тыхъ часовъ, пока имъ поклонъ дадутъ“. Кн. Суд. Дѣл. Лит., VII, з. 183.

³⁾ Кн. Записей Лит., XIX, з. 173—175.

⁴⁾ Кн. Суд. Дѣл. Лит., XXVII, з. 84—87.

что волошане успѣли перевести свои повинности на деньги и еще въ началѣ XVI в. заключили договоръ съ старостою (до 1510 г.)¹⁾. Мозыряве, такимъ образомъ, успѣли перевести всѣ повинности на деньги и жито, тогда какъ сосѣдніе Бѣччане, находившіеся съ первыми въ одинаковомъ положеніи, платили и полюдье и въѣзды.

Ваме было замѣчено, что полюдье и въѣзды извѣстны въ XVI в. только въ Русскихъ волостяхъ; въ XV в. мы встрѣчаемъ его въ Кіевщинѣ, на Волынѣ и въ Припирнѣтѣ. Однако, зная тѣсную связь полюдья съ въѣздомъ, мы теперь можемъ сказать утвердительно, что въѣзды были извѣстны и литовскимъ и жмудскимъ областямъ государства. Только здѣсь терминъ полюдья, быть можетъ, не былъ въ употребленіи. Самый въѣзд иногда сохранялся подъ своимъ названіемъ, иногда назывался *посьюю*, или *посадью*. Такъ Упитская волость жаловалась королю въ 1538 г. на вранниковъ троцкого воеводы, которые въѣзжали въ волость и „кажутъ себе чтити и даровати“, между тѣмъ какъ еще грамотой короля Александра размѣры посади были строго опредѣлены: точно обозначено количество дней, которые могъ проводить воеводиный намѣстникъ въ волости, и поскольку волошане обязаны ему давать на каждой посадѣ; король Сигизмундъ I возстановилъ старину²⁾. Изъ контекста этой грамоты видно, что

¹⁾ Волошане въ 1510 г. жаловались на своего намѣстника А. Немиронича за кринды: „И пиль Андрей поведити передъ нами, изъ нихъ тихъ вранды неѣзды, ижили дей вы сами со мною имовили давати мне на каждую неделю по шести поль грошей на страну“. Государь, разобравъ дѣло, постановилъ: „мають ему (намѣстнику) въ каждый годъ давати зъ места и зъ волости на каждого диму по полукопе грошей а по поль-бочке жита. А онъ масть съ того самі живность мѣти въ слугамъ своимъ“, также держать сторожу и поводы. Архив Литовско-русск. госуд., I, 145.

²⁾ Волость Упитская жаловалась „што зъ ден врандичи упитские воеводъ нашихъ троцкихъ кринды и тяжкости великия имъ делаютъ и повини уводити и в доми ихъ а немалымъ почтомъ *ужедничати* а кажутъ себе *чтити* и *даровати*, того ден передъ тымъ николи не бывало; а в которого ден дому нива не найдуть, они того грабятъ и винами караютъ и ихъ самихъ безъ винъ не имаючи въ платство сажаютъ и вини нечюмерни берутъ и вини немовилии тяжкости имъ делаютъ, чего ден передъ тымъ за предковъ нашихъ николи не бывало; и мажовали передъ нами звети брата нашего славного цювети Александра король его живности до воеводи троцкого пана Петра Ивановича иваневич, в которои же онъ суетъ, изъ за первыхъ воеводъ при оныи паномъ, многин повинн имъ ся стали и историчи намѣстники воеводици на туъ волость нашу присеждували, тогда бирани на нихъ, *сидити по посадемъ, с кождей поседе по осмисеть куръ, по осмисеть плечи мяса, по девености барановъ, по двесте бочокъ осы, а по шестисеть*

въѣзды и посады одно и тоже понятіе. Поѣзда по посадямъ сопрягается кормленіемъ намѣстника и собираніемъ корма. Такъ какъ въѣзды называли пререканія, да и не по плечу было воеводамъ XVI в. ѣздить по посадямъ, пить крестыльское пиво, подобно своимъ отдаленнымъ предшественникамъ, то вранники вступаютъ съ волошанами въ соглашеніе о замѣнѣ посадей опредѣленными взносами. „И по посѣденъ не хочу едити, яко продкове мои ежывали для того, изъ вамъ а большюю шкодою и утратою будетъ и большей бы вамъ вышло, коль бысте мене подымовали“ говорилъ волошанамъ староста жмудской и ковенской, извѣстный Личъ Миколаевичъ Радивиль, и предлагалъ имъ замѣнить въѣзды опредѣленными взносомъ¹⁾.

Впрочемъ въ господарскихъ дворахъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ и Жмудскаго староства посѣды были уничтожены господарскою уставою въ 1527 и 1529 гг. Такъ какъ эти дворы населены были тѣлыми подданными и державца здѣсь раньше чѣмъ въ Русскихъ волостяхъ превратился изъ государственнаго агента въ вотчиннаго приказчика, то такое управленіе давало слишкомъ много поводовъ для эксплуатаціи тяглаго населенія, и посѣды здѣсь стали явнымъ вредомъ. Такъ устава 1527 г. отмѣняетъ въ жмудскихъ господарскихъ волостяхъ всѣ посѣды тивуповъ и державцевъ и прежніе господарскіе платы ввиду „тяжкостей“ и „утисковъ“, которые терпятъ подданные отъ уряда. Вновь устанавливаемый налогъ на господаря, по обѣщанію уставы, вдвое, или втрое меньше того, что выходило на посѣды старостъ²⁾. Устава 1529 г. подтверждаетъ отмѣну посѣды,

колы грошей, а по двадцати подводъ, чого задана не бывало. И Александръ король его милости, убачивши, изъ то есть людемъ нашимъ с тяжкостью, установилъ его милости и выписалъ то въ листе своемъ, изъ масть намѣстникъ воеводъ едити по посадемъ на *юбу* три разы, зва кротъ, мнѣть на чело дѣзати по тридцати носени, а в третое на веселе по пятнадцати носедей; и на каждую посѣды мають приехати въ обеду, а поцлованимъ и обедавши, на заутрие масть прочи поехати, а на каждой посѣди мають ему дати по барану, а по пятнадцати куровъ, пятнадцатъ плечи мяса, а по чюдъ меду и тежъ на каждой посѣди по три бочки осы, а по кувницъ шерстью або за кувницю двадцатъ грошей, а большъ того не мажеть тымъ людемъ нашимъ ничего имъ давати. То пакъ ден врандичи пановъ воеводъ троцкихъ не водде тое уставы къ нимъ ся заховывають и черезъ той зветъ кринды и тяжкости имъ делаютъ, и били намъ челома, абыхи при той уставе, водде звету брата нашего Александра король его милости ихъ оставили“. (Книга Записей Литов., XX, г. 165—166.)

¹⁾ Кв. Судн. Дѣлъ Лит., VI, ст. 150—152.

²⁾ А. З. Р., II, 162—3.

подтверждает строгую регламентацию тивунских въздов и определяет размеры тивунских доходов 1).

Въ предыдущемъ изложении было понуто указать рядъ свидетельствъ изъ которыхъ видно, что полюдье тѣсно связано съ поклонами и дарами тому лицу, которое въѣзжало для суда и управы. Эта связь, весьма характерная и вполне естественная, такъ какъ въ ней мы встрѣчаемся съ переживаніемъ древнѣйшаго свойства сбора: въ однихъ мѣстностяхъ полюдье, вслѣдствіе тѣхъ, или иныхъ причинъ, могло превратиться въ опредѣленный сборъ, въ другихъ—сохранило изстаринную традицію „даренія“, „чести“. Конечно, въ XVI в. это свойство полюдья, повторяемъ, составляетъ уже переживаніе, но тѣмъ интереснѣе отмѣтить въ данномъ случаѣ еще одно свидетельство источника. Ратненское староство на Волнѣ принадлежало къ короннымъ землямъ; оно сохранило любопытнѣйшія черты стариннаго быта, такъ что въ половинѣ XVI в. оно является вполне архаичнымъ въ то время, когда жизнь соедѣнныхъ мѣстностей ушла далеко впередъ. Въ селеніяхъ Ратненскаго староства сборъ полюдья имѣлъ широкое прижвненіе. Люстраторъ, записывая дани, даетъ и объясненіе ихъ, указывая иногда на ихъ происхожденіе, значеніе и т. п.; эти замѣчанія весьма любопытны, такъ какъ они—не домыселъ ревизора, но записаны на основаніи объясненій самого населенія; послѣднее вытекаетъ изъ того, что одинъ и тотъ же сборъ въ разныхъ селахъ объясняется иногда различно, а иногда встрѣчаются и ссылки на объясненіе, данное именно крестьянами. Представленіе о полюдьи въ названной мѣстности уже не везде одинаково. Такъ, въ с. Замшанахъ дань медомъ складывается троякимъ способомъ—изъ даяваго меда, бобровицкаго и полюдья; полюдьемъ этотъ медъ называютъ потому, что съ увеличеніемъ людей, увеличивается и дань; но это этимологическое объясненіе, не имѣющее, конечно, значенія, противорѣчить объясненіямъ полюдья, даваемымъ въ другихъ селахъ; даже въ томъ же с. Замшанахъ встрѣчаемъ, вродѣ полюдья съ даннымъ медомъ, еще и особое полюдье 2). Полюдье при дани—это тотъ же поклонъ. Дѣйствительно, въ другихъ селахъ полюдье и поклонъ—синонимы. Такъ, въ одномъ селѣ крестьяне даютъ намѣстнику полюдье, или поклонъ, во время его въѣздовъ, въ

1) Ibidem, p. 201.

2) Архивъ Юго-Запад. Россіи, ч. VII, т. II, p. 282—3.

размѣръ 2 злотыхъ; при этомъ стаціональ зловца дается особо 1). И въ другихъ мѣстностяхъ намѣстникъ получаетъ *paludzia albo poklon*, независимо отъ стаціи 2). Отсюда и наоборотъ „почестье“, т. е. тѣже поклоны „называются полюдьемъ“ 3). Такъ какъ полюдье здѣсь иногда давалось натурой, кормомъ, то встрѣчаемъ и объясненіе полюдья, какъ стаціи (*paludzia albo statyi*) 4). Тутъ мы видимъ какъ будто разнообразныя толкованія полюдья, но въ дѣйствительности все они соответствуютъ основному его значенію.

Въ исторіи полюдья и въѣзда есть еще одна особенность, которую не безполезно отмѣтить. Будучи въ древней Руси, и вѣроятно и въ Литовскій удѣльный періодъ, вполне самостоятельнымъ и значительнымъ по размѣру налогомъ, оно имѣло при себѣ въ качествѣ необходимаго придѣла въѣздъ, т. е. кормъ намѣстника при объѣздѣ. Но такъ какъ окладныя нормы всѣхъ дореформенныхъ консерватизмомъ, въ Литовско-русскомъ государствѣ отличались большимъ консерватизмомъ, то и полюдье, сохраняя неподвижность оклада, стало терять свое значеніе въ качествѣ главнаго налога на администрацію. Послѣдняя стала развивать и увеличивать размѣры придаточной части полюдья—въѣзда, по существу дольше сохранявшаго свой неопредѣленный характеръ и еще въ XVI в. отбывавшагося натурою. Нѣкоторые размѣры такого переѣзда въѣзда надъ полюдьемъ мы уже видали. Въ этомъ же легко убѣдиться, если сопоставить количественный ростъ обоихъ 5).

1) Ibidem, p. 280.

2) Ibidem, p. 293, 293.

3) Ibidem, p. 284.

4) Ibidem, p. 290.

5) Напр. въ Могилевской волости при королевѣ Еленѣ собирались „хто узведець брати дани грошовое... тому *уласково* 80 рублехъ, 50 копъ грошей широкыхъ“ (Акты Лит.-русск. гос. I, p. 187). Здѣсь „уласковее“ не плата за въѣздъ (онъ отбывался кормомъ въ натурѣ), но именно полюдье. Грамотами послѣдующаго времени въѣзды были отменены, а сборъ полюдья продолжался. Державина Могилевскій кн. В. И. Соломирскій сдѣлалъ было попытку восстановить въѣзды, причѣмъ за въѣзды и полюдье брали особое платѣ. Но въ 1536 г. король, по жалобѣ воеводы, повторилъ льготу объ отменѣ въѣздовъ „а за полюдье имѣть (волости) ему (державцѣ) данати 60 копъ грошей на узкую личбу, *кака и передъ тими дашали*“; въѣзды при этомъ оплачиваются доставкою коронныхъ средствъ въ резиденцію намѣстника (Кн. Записей Литовскихъ, XIX, л. 173—175). Отсюда видно, что размѣры полюдья при королевѣ Еленѣ и въ 1536 г. оставались въ одномъ и томъ же размѣрѣ: 50 копъ гр. широкыхъ равны 60 ковамъ на узкую личбу.

Неудивительно поэтому, что въ западныхъ господарскихъ дворахъ скоро утрачивается и терминъ и понятіе полюдья, тогда какъ о вѣздахъ и посѣдахъ хорошо знаютъ наши источники. Но такъ какъ главное значеніе вѣзда состояло въ кормѣ намѣстника, то этотъ послѣдній въ концѣ концовъ вытѣснилъ и полюдье и вѣздъ. Когда произведена была Сигизмундомъ Августомъ реформа господарскаго хозяйства, то ни полюдье, ни вѣздъ не удержались въ качествѣ юридичскихъ доходовъ. Правда, что въ литовскихъ областяхъ вѣздъ, какъ мы видѣли, былъ отягченъ еще въ 1527—1529 г., т. е. задолго до введенія волочной системы; но и въ Русскихъ волостяхъ о немъ нѣтъ и помину ни въ уставахъ, ни въ ревизіяхъ этихъ волостей. Вездѣ ревизіи точно опредѣляютъ размѣры доходовъ деньгами и натурою (стація) на старосту, или державцу, а въ Русскихъ волостяхъ и на низшихъ служебниковъ—ключниковъ, городничихъ, медосмыцень и пр. Эти новыя нормы юридичскихъ доходовъ замѣнили собою древнерусское полюдье и вѣздъ. Такъ какъ въ Русскія волости, какъ мы видѣли, имѣли вѣздъ скарбовые писари, то этимъ обстоятельствомъ объясняется появленіе въ названныхъ волостяхъ особыхъ сборовъ на подскарбіа земскаго, скарбнаго и ключника троцкаго: этимъ сборомъ на центральную администрацію замѣненъ вѣздъ.

Все что говорилось до сихъ поръ о полюдьи и вѣздѣ, касалось этихъ налоговъ только по отношенію къ господарскимъ волостямъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы они всегда носили свойства сборовъ, взимаемыхъ только съ господарскихъ подданныхъ. Полюдье было княжескимъ доходомъ въ древнѣйшій періодъ и оставалось таковымъ въ удѣльныхъ княженіяхъ литовской эпохи. Такъ какъ намѣстники замѣнили собой удѣльныхъ князей въ областяхъ, то этотъ налогъ, будучи въ основѣ своей оплатою административныхъ функцій князя, перешелъ къ великокняжескимъ наместникамъ. Однако, въ ранній періодъ литовской исторіи власть великокняжескаго намѣстника распространялась не на однихъ господарскихъ подданныхъ, а (въ известной мѣрѣ) и на частновладельческихъ. Неудивительно, поэтому, что имѣются извѣстія, показывающія, что вѣздъ и полюдье распространялось за предѣлы господарской волости и было повинностью всего тяглаго населенія.

Постановленія Полоцкой, Витебской, Кіевской и Смоленской уставныхъ грамотъ освобождаютъ населеніе частновладельческихъ имѣній отъ воеводскихъ вѣздовъ. „А по волости воеводѣ нашему не

вѣздити“ говорить текстъ первыхъ двухъ грамотъ; если воевода поѣдетъ въ ловы, то его „по станомъ не дарити“; Полоцкая грамота воспрещаетъ и развѣзды воеводинахъ слугъ. Кіевская грамота подробно перечисляетъ всѣ виды воеводскихъ сборовъ съ населенія, которые впрямь не должны быть допускаемы, но которые, очевидно, существовали раньше. Кіевскіе воеводы не имѣютъ права „вемлати“ для сбора меда на пасѣкахъ и бортныхъ земляхъ и взимать другихъ поборовъ; при переѣздахъ воеводъ, или ихъ слугъ по Кіевской землѣ, населеніе освобождается отъ становъ и стацій на нихъ¹⁾. Изъ жалобъ Смоленскихъ жителей на своего воеводу п. Миколая Радивила, запесенныхъ въ уставную грамоту, можно также заключить о существовавшемъ здѣсь обычай воеводскихъ вѣздовъ. Смоленские считаютъ ихъ „повиной“²⁾, но, быть можетъ, эта повинна была лишь потому, что они раньше уже освобождены отъ вѣздовъ, а воевода нарушалъ эту вольность.

Во всякомъ случаѣ для нашей цѣли достаточно этихъ указаній, потому что они даютъ намъ почву для заключенія о томъ, что въ древнѣйшую пору Литовско-русскаго государствна сборъ полюдья выходилъ за предѣлы господарскихъ подданныхъ и былъ сборомъ на администрацію, взимаемымъ со всѣхъ классовъ населенія.

Такимъ образомъ, судьба полюдья въ общихъ чертахъ можетъ быть резюмирована слѣдующимъ образомъ. Оно возникло, какъ кормленіе вѣздающаго въ волость князя, сопровождавшееся неопредѣленнымъ сборомъ въ пользу князя (дары) съ населенія, какъ оплатою административныхъ его функцій. Но уже въ до-литовскій періодъ полюдье въ некоторыхъ княжествахъ становится окладнымъ сборомъ, при чемъ намѣчается его дифференціація на составные части (грамота Ростислава). Въ Литовскій удѣльный періодъ, оно еще составляетъ удѣльно-княжескій доходъ и какъ таковой имѣетъ съ некоторыми другими доходами, переходитъ или въ велико-княжескій доходъ (Кіевская земля, Пинщина), или въ наместничій. Въ послѣднемъ своемъ видѣ оно носитъ некоторое время характеръ сбора со всего населенія на содержаніе администраціи, но вскорѣ утрачиваетъ это свойство, по мѣрѣ того какъ само государство теряло власть надъ тяглымъ населеніемъ на господарскихъ земляхъ. Замыкался въ сферу

¹⁾ Лешювскій, Уст. гр. р. 143—145.

²⁾ Ibidem, р. 147—148.

господарскаго хозяйства, полудье принимает черты частно-правового сбора. Въ качествѣ намѣстничьяго сбора, само полудье иногда является опредѣленнымъ сборомъ, но оно неразрѣдно связано еще съ вѣздомъ приданковъ. Такъ какъ фиксированный въ извѣстной суммѣ налогъ отличался большимъ консерватизмомъ, то вѣзды развиваются количественно; иногда и онъ принимает нормы опредѣленного налога. Составная часть полудья—вѣзды приобретаетъ въ концѣ концовъ значеніе намѣстничьяго корма. Хозяйственныя реформы Сигизмунда Августа совсѣмъ уничтожаютъ вѣзды и полудье, но устанавливаютъ опредѣленные сборы натурою или деньгами на господарскихъ вриданковъ (кормъ, стація). Въ послѣдней стадіи своего развитія этотъ налогъ является сборомъ вполнѣ вотчиннаго характера. Такова исторія полудья. Но значеніе его въ дѣлѣ происхожденія налоговъ будетъ для насъ еще болѣе важнымъ, когда мы узнаемъ, что оно же послужило основой для одного изъ великокняжескихъ доходовъ—стаціи. Эта связь полудья со стаціей и заставляла насъ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе, хотя самый сборъ рано превратился въ намѣстничій доходъ.

1. Стація на господари (пловичина, болхуновичина, мезлса).

Стація заключалась въ томъ, что населеніе обязано было доставлять съѣстные продукты на великаго князя и его дворъ при остановкѣ его на территоріи той или иной общины. Великій князь литовскій, подобно своимъ древне-русскимъ предшественникамъ, куда бы ни появлялся, вездѣ творилъ судъ и управу. Извѣстно не мало случаевъ, когда государь „на станахъ“ во время остановки или переѣзда давалъ тѣ или иные распоряженія, чинилъ судъ, выдавалъ грамоты и проч. 1).

1) Кибурзь въ своемъ дневникѣ рассказываетъ о Витовтѣ, что этотъ великій князь успѣлъ исправить финансовое хозяйство, пошатнувшееся послѣ Ольгерда; „онъ самъ обязываетъ провинціи, никакая въ управленіе коронныхъ вѣнчій, посылать лениныхъ князей и таковыя образомъ собирать большіе доходы“. Кибурзь ясно связываетъ объѣзды великаго князя съ собираніемъ доходовъ, а раньше онъ же говоритъ, что въ число великокняжескихъ доходовъ входятъ и неопредѣленные „приношенія лениныхъ князей, при собираніи которыхъ одлаво часто приходится употреблять силу“. Эти объѣзды удѣльныхъ князей, съ которыхъ, при вниманіи

Овъ, слѣдовательно, путешествуя по странѣ, выполнялъ свои административно-судебныя обязанности. Такимъ образомъ, великій князь могъ всегда пользоваться кормомъ отъ населенія, какъ это бывало при вѣздахъ на полудье въ собственномъ смыслѣ. Полудье уже въ древней Руси сдѣлалось опредѣленнымъ сборомъ, но несомнѣнно за княземъ оставался вѣзды и соединенный съ нимъ кормъ, подобно тому какъ это было по отношенію къ намѣстникамъ въ XVI в. Съ теченіемъ времени, когда полудье перешло къ намѣстникамъ, послѣдніе стали пользоваться и вѣздомъ. Но едва ли самъ великій князь отказался отъ одной изъ существенныхъ прерогативъ, сопряженныхъ со вѣздомъ, т. е. отъ поставки населеніемъ съѣстныхъ припасовъ и иппитковъ на князя и его свиту. При тогдашнихъ условіяхъ путешествія, при постоянныхъ переѣздахъ великаго князя, это, пожалуй, было и немислимо. Кроме того, судя по аналогичнымъ примѣрамъ, скорѣе можно ожидать нарастанія повинностей, дифференціаціи ихъ, чѣмъ полнаго уничтоженія. Естественно поэтому предположить, что отъ древняго полудья произошла повинность, принявшая потомъ латинское названіе стація. Это слово является переводомъ русскаго—„станъ“². Станъ употребляли въ значеніи мѣста остановки, стаціи. Интересно, что въ одномъ очень древнемъ документѣ станъ переведенъ полудьемъ³)—сближеніе для насъ весьма важное. Въ каждой волости были свои „звычайные станы“, которые обязались намѣстниками⁴). На этихъ станахъ намѣстникъ провадилъ судъ и управу и собиралъ доходы; сюда ему доставлялся кормъ. Такимъ образомъ „готовить станы“—значило приготовить все необходимое для остановки проезжающаго.

Интересно, что стація—одна изъ тѣхъ повинностей въ пользу великаго князя, которую великіе князья успѣли удержать на частно-владѣльческихъ земляхъ за собою въ теченіе всего изучаемаго періода, тогда какъ всѣ остальные господарскіе сборы перешли къ по-

„приношеній“ приходится употреблять силу, сами направиваются на сравненіе ихъ съ собираемъ полудья въ его наиболѣе архаичномъ видѣ. Въ виду сказаннаго, въ удѣльныхъ княжествахъ терминъ стація въ пользу удѣльныхъ князей не былъ въ употребленіи, потому что его замѣняло полудье и вѣзды. Дневникъ въ переводѣ Смирнова, Изглаго-Львовъ-Владиславъ и первое соединеніе Литвы съ Польшою. Ч. I. Одесса, 1868 г., р. 42, прил.

2) Грамота Витовта 1413 г., Skarbowe Danilowicza, № 959.

3) Кн. Суд. Дѣл. Лит., XXVII, л. 83, см. грамоту въ прилѣч. на стр. 96.

мѣщанамъ. Едва ли не впервые извѣстіе о стаціи встрѣчается въ пожалованной грамотѣ Ягайлы католическому духовенству 1387 г. по случаю того, что земли этого духовенства освобождаются отъ стацій¹⁾. Для церковныхъ земель и вполнѣдствій, вѣроятно, на основаніи привилегій 1387 г. дѣлались изъятія въ отбываніи стацій на короля. Такъ, напримеръ, жалуя въ 1430 г., по просьбѣ епископа Мартина, нѣкоторыя земли Вилейской капитулы тотъ же Ягайло отънялъ отъ доходовъ съ нихъ, въ томъ числѣ и cum podwodis, stationibus²⁾. Однако, по отношенію къ частновладельческимъ землямъ, тотъ же Ягайло поддерживалъ принципъ сохраненія стацій на прѣздѣ короля. Такъ его привилей 1432 г. сохраняетъ за частными владѣніями обязанность поставити ad vias expeditionales aliaque nostra victualia sicut ab antiquo fuit, teneantur³⁾, гдѣ подъ victualia слѣдуетъ понимать доставленіе стацій. И въ своей договорной грамотѣ съ Ягайло Сигизмундъ Кейстутевичъ повторяетъ обязательство давать королю victualia et equorum rabaia, хотя онъ и его потомки свободны отъ всякаго другаго рода субсидій въ пользу короля⁴⁾. Такимъ образомъ, верховный государь Литвы сохраняетъ въ свою пользу только право на стаціи. Тотъ же принципъ еще опредѣленнѣе сдѣлался въ привилей Ягайлы Лужской землѣ 1437 г.: освобождая жителей отъ старостинскихъ поборовъ, король, однако, удерживаетъ стацію на свой прѣздѣ: salvo nostro et nostrorum successorum personali adventu, in quo hujusmodi stationes necessariae solito more dare tenebuntur⁵⁾. Это мѣсто, между прочимъ, разъясняетъ намъ сущность великокняжескихъ стацій и подтверждаетъ, что даже въ началѣ XV в. стація являлась твердо установленнымъ налогомъ. Сохранившійся въ хроникѣ Бѣльскаго рассказъ о требованіи Ягайло стацій въ Польшѣ, при прѣздѣ черезъ Гибало, также свидѣтельствуетъ о томъ, что эта повинность была обычной въ Литовско-русскомъ государствѣ⁶⁾. Эти древнѣйшія указанія на стацію служатъ въ то же

¹⁾ Skarbec Daniłowicza, № 940.

²⁾ Дзюгошъ, Historia въ изд. 1712 г., т. I, р. 562.

³⁾ Дзюгошъ, Historia, т. I, р. 614, Skarbec Daniłowicza, № 1630.

⁴⁾ Филевичъ, Отчетъ объ учебной командировкѣ въ 1892 г., Варш. 1893 г., р. 23.

⁵⁾ Архивъ Ю. З. Р., ч. V, т. I, р. 2.

⁶⁾ Бѣльскій М., Хроника въ изд. Туровскаго, XIII, р. 179. Изложеніе того же разсказа см. въ соч. Смирнова, Ягелло-Яголь-Владиславъ и пр., р. 179.

время прочимъ показателемъ ея туземнаго происхожденія—несмотря на латинское названіе¹⁾, давая тѣмъ самымъ право на отождествленіе ея съ древне-русскимъ полондемъ. Стація захѣнула собою полудне, а полудне сопровождалось дарами, поклонами. Какъ само гостепримство, оказываемое государю, такъ и дары, поклоны, оплачивая правительственныя функціи власти, служили выраженіемъ подданства. И это не апіорное заключеніе: оно находитъ себѣ подтвержденіе въ одномъ письмѣ короля Ягайлы къ великому магистру Рудорфу. Король рассказываетъ о вѣроломствѣ Свидригайлы, сравнивая при этомъ отношенія Витовта: Витовтъ всегда признавалъ свое зависимое положеніе отъ короля и, въ благодарность за предоставленную ему власть, „обсыпалъ“ Ягайлу дарами и упоминками въ золотѣ, серебрѣ, klejнотахъ, одеждѣ, коняхъ и др. драгоценностяхъ; король многократно ѣздилъ въ Литву, какъ государь, и всегда Витовтъ, давалъ стаціи и все необходимое, какъ это обыкновенно дѣлаютъ старосты²⁾. Если король, въ данномъ случаѣ, нѣсколько преувеличиваетъ значеніе подчиненности Витовта, то несомнѣнно, однако, онъ выражаетъ свой взглядъ на стацію и дары, какъ на высшее выраженіе подданства. И это вполне подтверждается всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ о стаціяхъ.

Слѣдя далѣе за исторіею стацій по общимъ законодательнымъ памятникамъ, мы встрѣчаемъ извѣстія о ней въ общеземскихъ привилеяхъ и въ Статутѣ. Иногда высказываютъ мнѣніе, будто стація на господара отънята съ владѣльческихъ прѣстѣль привилеемъ 1457 г., наравнѣ съ дикломи³⁾. Но привилей Казимира Ягайловича говоритъ какъ разъ обратное—объ оставленіи стацій съ частновладельческихъ крестьянъ, пожалованныхъ королемъ⁴⁾; изъ этого только слѣдуетъ, что были землевладельцы, освобожденные отъ поставки ихъ прѣстѣльями стацій.

То же постановленіе встрѣчаемъ мы въ грамотѣ Александра 1492 г., только въ послѣдней понятіе стація объяснено подробнѣе: къ стаціи причислены сторожа (procuraciones), сборы (collectae). Какъ

¹⁾ Впрочемъ въ Польшѣ стація была отънята въ частновладельческихъ земляхъ при Людовикѣ, см. Statuta Herburia, р. 466 (подъ сл. Stacio). Kar. Hoffmann, Historia reform politycznych w dawnej Polsce Lipsk, 1867, р. 16.

²⁾ Skarbec Daniłowicza, № 1554.

³⁾ Ср. Леонтовича „Крестьяне Юго-Запад. Россіи по литовск. праву“. Киев. Унив. перст. Изданія 1863 г., № 11, р. 39.

⁴⁾ Działynski, Zbiór praw lit., р. 33.

и въ предыдущемъ приваляхъ къ стациі дѣсь отвесени и дорожнаа повинность по починкѣ мостовъ и постройкѣ новыхъ и исправленіи дорогъ—*pro nobis et successoribus nostris* ¹⁾. Этими опредѣленіемъ разъясняется и объемъ древнѣйшей стациі—какъ доставленіе государю всего, что нужно при проѣздѣ: сюда входили и подводы для господара и его свиты, такъ какъ приваляхъ 1506 г., повторая о стациіной повинности предшествующіи ему грамоты, прибавляетъ освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ отъ подводъ на господара и его преемниковъ ²⁾. Во всѣхъ астахъ эта повинность названа „старой“. Знаа эти факты по земскимъ привалямъ, нетрудно предположить, что когда первый Статутъ сохраняеть за частновладѣльческими крестьянами повинность—„здавна звичайные обычая подымовани стацией на ставехъ ветароданна звичайныхъ“, поправляетъ моста и возобновляетъ новые на прежнихъ мѣстахъ ³⁾, то это относится къ стациіной повинности на господара, хотя объ этомъ и не говорится въ текстѣ. Интересно, что латинскій контекстъ употребляетъ выраженіе—*visitatione in stationibus*,—очевидно, подразумѣвалъ только содержаніе государя, но не подводъ. Второй Статутъ, впрочемъ, дѣлаетъ поправку, указывая, что стациі даются „намъ государю“ (Разд. III арт. 24).

Обзоръ предшествующихъ законодательныхъ актовъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что государь удержалъ за собою право пользования стациями, т. е. кормомъ, при своихъ переѣздахъ, по частновладѣльческимъ землямъ, при чемъ владѣльцы обязаны были при этомъ устроить моста и дороги, отъ поставки же подводъ подѣ господари были освобождены. Очень вѣроятно, что при обоихъ Сигизмундахъ господари на практикѣ рѣдко пользовались этимъ своимъ правомъ, особенно Сигизмундъ Августъ, переѣзжавшій обычно изъ Польши въ Вильно по своимъ дворамъ. Однако, еще при Сигизмундѣ I мы встрѣчаемъ отдѣльныя указанія на освобожденіе помѣщиковъ отъ стациіной повинности, а иногда и подтвержденіе ея. Подобнаго рода факты, конечно, лишній разъ подтверждаютъ самое пользованіе королемъ стациями въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ. Такъ, напримѣръ, великій князь Александръ, по челобитню князя К. Крошнискаго, освободилъ людей его въ Буйгородской волости отъ „подымания“ ста-

¹⁾ *Ibidem*, 61.

²⁾ *Ibidem*, р. 96—7.

³⁾ *Ibidem*, 164—5.

циами господара и его пословъ ¹⁾. Городничій полоцкій Нв. Глѣбовичъ тоже имѣлъ отъ господара листъ съ освобожденіемъ отъ становъ на господара ²⁾.

Съ другой стороны, мы стрѣчаемъ иногда и подтвержденіе обязанности крестьянъ давать на господара стациі. Такъ иногда государь, жалуетъ земли и людей помѣщикамъ, напоминаетъ объ ихъ обязанности давать стациі на свой проѣздъ: такъ, напримѣръ, Александръ, жалуетъ Б. Колонтаеву данниковъ въ Брянскѣ, оговариваетъ; „коли мы сами государь будемъ во Брянску“, то человекъ Колонтаева долженъ вмѣстѣ съ господарскими людьми участвовать въ размѣтахъ на стацию ³⁾. Точно также Сигизмундъ I давалъ Б. Солецѣ волостку Ельную въ Смоленскомъ пов. оговариваетъ: „нижли коли мы сами государь будемъ у Смоленску, тогда они мають на нашъ проѣздъ стацию давати поданному“ ⁴⁾. Почти въ такихъ же выраженіяхъ, король Александръ оговариваетъ свое право на стациі въ жалованной грамотѣ князю И. Подубенскому на туглыхъ людей въ Полоцкой землѣ ⁵⁾.

При пожалованіи князя М. И. Мстиславскаго въ 1511 г. имѣніемъ Молодечно, король, освобождая его отъ разныхъ повинностей, оставляетъ однако стацию на себя: „коли мы сами государь приѣдемъ до того двора Молодечно, тогда мають насъ стациєю подымати, какъ здавна бывало“ ⁶⁾. При пожалованіи князю С. Слуцкому княжества Слуцкаго, государь тоже обязалъ князя поставлять стациі ⁷⁾. Дѣйствительно, мы иногда и въ частновладѣльческихъ актахъ встрѣчаемъ распоряженія о стациі на господара. Такъ, князь Федоръ Просявичъ Пинскій, рѣшилъ споръ волости съ землевладѣльцемъ, освобождаетъ послѣднлаго отъ потяглей съ волостью: „выменяя коли самъ государь король его милость потягнетъ, а дѣло господарскій братъ, какъ тыми разы шолъ царь Заволскій, тогда мають быти помощни во всемъ томъ исполнито съ волостью“ ⁸⁾. Въ волочной уставѣ коро-

¹⁾ Акты Лит.-русск. госуд., I, 74.

²⁾ Кн. Зап. Лит. XVI, з. 168.

³⁾ Кн. Зап. Лит. V, з. 82.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит. VIII, з. 296 сл.

⁵⁾ Кн. Зап. Лит. V, з. 315.

⁶⁾ А. З. Р., II, 86.

⁷⁾ А. З. Р., I, 186.

⁸⁾ Повѣсія пущь, р. 343.

левы Боны для своих имѣній, мы тоже встречаемъ предписанія ей о сборѣ стацій на слухай прїѣзда короля¹⁾.

Конечно, стація испытала обычную судьбу всѣхъ государственныхъ доходовъ при переходѣ государственныхъ людей въ частное владѣніе: право на нее перешло къ помѣщикамъ²⁾, и, съ отмѣной стацій на господара, приняла вполне частноправный характеръ. Такова судьба стаціонной повинности на частновладельческихъ земляхъ. Она протерпѣла до третьяго Статута, когда окончательно была отмѣнена (Разд. III, арт. 29).

Въ государственныхъ земляхъ стація имѣла такую же судьбу, какъ и другія древнія повинности, т. е. съ теченіемъ времени превратилась въ постоянный налогъ частноправнаго характера и подверглась дифференціаліи. До двадцатыхъ годовъ XVI в. стація съ государственныхъ подданныхъ продолжаетъ еще носить свой обычный характеръ поставки въ натурѣ корма на господара и его свиту; въ этомъ смыслѣ великіе князья стараются ее удержать, напримѣръ, при отдачѣ державъ, или при выдачѣ городамъ магдебургскихъ привилеевъ.

Отдавая въ управленіе, или въ залогъ староство, или державу, господари весьма часто выговариваютъ условіе, по которому державцы обязаны давать стацію на его прїѣздъ. Такъ, напримѣръ, король Сигизмундъ I, опредѣляя государственные доходы съ Городскаго староства при отдачѣ его Юр. Радзивилу, ставитъ, между прочимъ, условіемъ: „коли будемъ ѣздить въ Городне, тогда староста городенскій имеетъ насъ со всѣхъ тѣхъ дворовъ великими стаціями поднимати, такъ какъ было за отца и брата нашего“; если же господари не будутъ жить въ Городнѣ, то староста обязанъ доставить стацію въ Вильну, или куда прикажетъ король³⁾. Особенно интересно то обстоятельство, что король оставляетъ на случай своего прїѣзда стацію съ заложенныхъ державъ и весьма часто при такихъ условіяхъ, когда всѣ остальные государственные доходы переходятъ къ залогодержателю. Такъ, Сигизмундъ I, закладывая въ 1518 г. державу Мерецкую Ст. Гр. Остиковичу ставитъ

¹⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. VI, т. I, р. 31. Ср. ее же въ запискѣ городенскимъ владѣльцамъ въ кн. Зап. Лит. XXXVIII, л. 110 об.

²⁾ По разнымъ новодамъ факты существованія стацій въ частныхъ владѣніяхъ, приведенныя были выше. См. напр. еще XIV т. Актовъ Виз. К. (passim), гдѣ помѣщенъ инвентарь частновладельческихъ имѣній.

³⁾ А. З. Р., II, 114.

условіемъ: „А коли мы сами господари будемъ въ Меречи, и опъ имеетъ насъ стаціями и подводами поднимати“¹⁾. На такихъ же условіяхъ заложены были Биршави кн. М. Микитинчу²⁾, Довги—Б. Боготинновичу и др.³⁾.

Всѣ эти данныя указываютъ на то, что господари дорожили стаціями и удерживали ихъ даже тогда, когда отдавали свои державы со всѣми остальными доходами. Конечно, такое отношеніе къ стаціямъ вызывалось, прежде всего, практической необходимостью. Несомнѣнно, тѣми же побужденіями руководствовались господари и при раздачѣ привилеевъ на магдебургское право: большинство городовъ, особенно изъ тѣхъ, которые лежали на большихъ трактахъ, получая привилей, обязывались имъ къ поставкѣ стацій на господарскій прїѣздъ. Такъ, къ этому обязаны были Полоцкъ по привилею 1510 г.⁴⁾ Милейчица даетъ стацію по привилею 1516 г. тоже только въ случаѣ прїѣзда господара собственной персоною⁵⁾, точно также какъ Мельникъ и др.⁶⁾. Впрочемъ, есть королевскіе города на магдебургскомъ правѣ, не обязанные поставкою стацій. Многіе изъ привилеевъ вовсе не говорятъ о нихъ. Нѣкоторые даже получаютъ освобожденіе отъ этой повинности (напр., Нарва въ 1514 г.)⁷⁾. Всѣ эти льготы, впрочемъ, объясняются тѣмъ, что въ городахъ, особенно на холмскомъ правѣ, стація при введеніи магдебурги иногда превращалась въ постоянный сборъ, хотя и утрачивала свое первоначальное названіе. Такъ, въ той же Нарвѣ, освобожденной отъ стацій, собирались на короля отъ каждой волоки кури, овесъ и сѣно,—т. е. тѣ самые сборы, которые составляли стацію. Или, напримѣръ, въ привилей 1519 г., опредѣляющій повинности Войны, о стаціи не упоминается, но среди платовъ встречаемъ и сборы натурою—овса, куръ, яицъ и т. д.⁸⁾.

¹⁾ Акты Лит.-рус. госуд., I, р. 163.

²⁾ Кн. Зап. Л., XI, л. 6 об.—7.

³⁾ Любавскій, Обз. дѣл. арл., см. №№ 25—29.

⁴⁾ А. З. Р., II, 79.

⁵⁾ А. Лит.-рус. госуд., I, 160.

⁶⁾ Ibidem, р. 89. Печатка даетъ, по привилею 1569 г., на господарскій прїѣздъ, стацію въ размѣрѣ: съ волоки по „четвертинницѣ“ овса, 10 тусей, 20 куръ, 2 камня зомъ. Но сверхъ того, съ волоки, въ видѣ ежегоднаго обыкновеннаго сбора, плзугъ овесъ, куры, яйца. Кн. Зап. Лит. XLVIII, л. 318—321.

⁷⁾ Акты Лит.-рус. госуд., I.

⁸⁾ Ibidem, 168.

Но при этом можно назвать ряд городов (напр., Вильно, Берестье, Кошино, Минск, Новгородок, Киев и т.д. др.), которое совсем не давало стацій; по крайней мѣрѣ привилегии подъ самымъ видомъ объ нихъ не упоминаютъ. Это происходило оттого, что вообще при выдачѣ широкихъ привилегій крупнымъ центрамъ разнообразныя натуральныя сборы обычно замѣнялись общими денежными платежами.

Въ государственныхъ дворахъ стація получила съ теченіемъ времени значеніе постоянной повинности, вполнѣдствіи переложеной на деньги. Что въ государственныхъ державахъ стація играла видную роль, — это вполнѣ понятно, такъ какъ государь и его дворъ пользовались этою повинностью при перѣздахъ и во время пребыванія въ Литвѣ. Съ другой стороны, стаціонная повинность естественно больше развивалась тамъ, гдѣ дворъ пребывалъ часто, и оказалась въ забвеніи тамъ, куда онъ не заглядывалъ. Такъ, напримѣръ, въ только что названныхъ русскихъ волостяхъ, въ Киевщинѣ и на Волынѣ стаціонная повинность, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшее время, была известна. Выше было приведено, по другому поводу, нѣсколько извѣстій, удостоверяющихъ ея существованіе въ Полоцкой и Смоленской областяхъ, въ Киевщинѣ стація носила названіе болкуновщины.

Но здѣсь эта повинность не получила дальнѣйшаго развитія, оставался, очевидно, только правомъ короля получать съ волостей, какъ государственныхъ, такъ и помѣщичьихъ, кормъ въ случаѣ прѣзда. Наоборотъ, въ дворахъ Троцкого и Виленскаго новѣе стація уже въ самомъ началѣ XVI в. превращается въ постоянную повинность. Дальнѣйшая исторія стацій въ государственныхъ державахъ будетъ для насъ понятна, если мы здѣсь же ближе познакомимся съ составомъ этой повинности и ея видоизмѣненіями.

Привилегии на магдебургское право Милейчицамъ постановлять, что мѣщане на прѣздѣ господара даютъ: по полъ-четверти овса съ думу и по куриці, а отъ всего мѣстечка кону гусей и чепаре каменя дою на свѣчи⁴⁾, т. е. наиболее необходимыя предметы для пищи людей, коня лошадямъ и освѣщеніе. По инвентарю мѣстца Раулишекъ, принадлежавшаго пану Ивану Глѣбовичу, составъ стація опредѣленъ такъ: за стацію всякую, т. е. за яловницы и бараны даютъ

⁴⁾ Акты Лит.-русск. госуд., I, p. 160.

6 гр.⁵⁾ Въ мѣстцахъ королевы Бони, по уставу ея 1552 г., на прѣздѣ короля полагалось по 2 гр. съ волоки деньгами, по яловнику, по 5 ялицъ и съ каждыхъ пяти волокъ по одной бочкѣ солянокъ жита, и по одному гусю⁶⁾. Вообще, въ частновладельческихъ мѣстцахъ, шедшихъ всегда впередъ государственныхъ въ дѣлѣ увеличенія податей и повинностей, стація иногда приобретаала весьма разнообразный составъ. Такъ, напримѣръ, въ Бранской державѣ, мѣстца сестеръ короля Сигизмунда Августа, стація состояла изъ цѣлаго ряда самыхъ разнообразныхъ сборовъ⁷⁾.

Но какъ бы ни была разнообразна стація, мы встрѣчаемъ въ ея составѣ овесъ, яловницу, или барана и домашнихъ птицъ. Поэтому если мы иногда встрѣчаемъ эти сборы, объединенные названіемъ стація, то безошибочно можно утверждать, что источники говорить именно о стаціи⁴⁾. Яловница является во многихъ мѣстцахъ настолько важной составной частью стація, что послѣдняя ограничивается одною яловницею, и повинность получаетъ поэтому названіе стація яловничья⁵⁾. Послѣдній фактъ имѣетъ для насъ тотъ интересъ, что объясняетъ намъ значеніе натуральной повинности, известной подъ названіемъ *яловщины* и въ некоторыхъ другихъ аналогичныхъ сборовъ. Такъ, напримѣръ, въ русскихъ государственныхъ волостяхъ названіе стація почти не встрѣчается, между тѣмъ въ частновладельческихъ мѣстцахъ тѣхъ же мѣстностей оно употреблялось, какъ мы выше видали. За то здѣсь распространенъ былъ сборъ яловщины. Такъ какъ въ эти области

⁴⁾ Акты Вил., XIV, p. 315. Въ городешкихъ мѣстцахъ королевы Бони на прѣздѣ господара полагалось съ волоки по 2 гр., по 1 курати, по 5 ялицъ и съ 5 волокъ по солянокъ овса и по одному гусю. Кн. Зап. Лит. XXXIII я. 110 об. Ср. еще составъ стація въ частновладельческомъ им. Половомъ. Памятника Киевской И., т. II, отд. 2, p. 99, 123.

⁵⁾ Архивъ Юго-Зап. Р., ч. VI, т. I, p. 31.

⁶⁾ А. Вил., XIV, p. 32.

⁷⁾ Напр., въ Радомковской волости мѣщане „на прѣздѣ наневъ даютъ королю, три бараны“. Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, 102; иса волости даютъ „спольно яловницу, бараны 3“, *ibid.*, p. 105. С. Можутевичи Радомковской волости даютъ „яло и крокъ того барана, куры, ялица, съ каждой службы, *ibid.*, 113, стр. p. 110.

⁸⁾ Въ Радомковичахъ — „яловницу одну побору дають, а на Великии день по барану“, *ibid.*, p. 115. Въ с. Рѣзницѣ даются „стацей яловни 3, або великимъ конъ 3“, *ibid.*, 108. Въ Радомковичахъ дворянинъ рассказываетъ такъ: „яловница три дають на господара, цѣбши поведать, иль за пана Кшатолта на веселю величина пана Станислава Кшатолта, по своей воли стацевъ туу дали“, *ibid.*, 118.

господари затлаживали рѣдко, то яловщина здѣсь рано превратилась въ постоянный налогъ и переведена была на деньги.

Яловщину восточныхъ областей можно поэтому отождествить со стаціей, ввиду совпаденія состава обоихъ повинностей и ввиду того, что акты знаютъ здѣсь стацію на частновладѣльческихъ земляхъ; разница въ названіяхъ не можетъ останавливать насъ въ такомъ выводѣ, такъ какъ иностранный терминъ стаціей естественно могъ привиться скорѣе къ западнымъ областямъ государства, а русскій—удержался въ восточныхъ. Единственное предположеніе о связи яловщины съ оброкомъ за пастбу скота падаетъ, ввиду слабого развитія въ большинствѣ этихъ волостей скотоводства и еще болѣе ввиду того, что тамъ, гдѣ скотъ пользовался особымъ выгономъ, существовать и особый сборъ за него—скотное серебро (напримѣръ, въ Могилевской волости).

Въ русскихъ волостяхъ яловщина собиралась иногда натурою, иногда перелаталась на деньги. Такъ, въ приходной записи писари господарскаго Ивашки Яцковича встрѣчается запись о сборѣ яловщины деньгами съ нѣкоторыхъ волостей, напримѣръ, съ Рожничанъ, Туранъ, Жижчанъ, Нежелчанъ, Мемежанъ (1496 г.)¹⁾.

Могилевская волость платила яловщину тоже деньгами 4 рубля отъ волости, при чемъ эта плата взималась въ одинаковомъ размѣрѣ, какъ при королевѣ Еленѣ²⁾, такъ и въ послѣдующіе годы³⁾. Интересно, что въ уставахъ Могилеву эта повинность то называется яловщиной, то платой „за яловщицъ“. Грамота 1494 г., опредѣляющая размѣръ платы за яловщину Велижской волости, свидѣтельствуетъ, что здѣсь около того времени введена замѣна натурального сбора деньгами⁴⁾. Въ Ржевской области въ 1479 году въ иныхъ погостахъ платили за яловщину, а въ другихъ за *коровщину*, что, конечно, одно и то же⁵⁾. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ еще въ XVI в. давалась яловщина натурою, напримѣръ, въ Любашковской волости Витебскаго воеводства⁶⁾.

¹⁾ Акты Лит.-рус. госуд. I, p. 67.

²⁾ Ibidem, p. 187.

³⁾ Ibidem, p. 173. Ср. А. З. Р., II, 113.

⁴⁾ Акты Лит.-рус. госуд. I, 57.

⁵⁾ А. З. Р., I, № 71.

⁶⁾ Кв. Зап. Лит., XVI, л. 69.

Такимъ образомъ, въ русскихъ областяхъ яловщина соответствовала стаціи западныхъ державъ; повинность „подиманія“ господами кормомъ, состоявшимъ изъ различныхъ продуктовъ, фиксирована была на самомъ крупномъ изъ нихъ—яловщѣ. Это, въ извѣстной мѣрѣ сокращеніе стаціи, произошло, быть можетъ, и потому, что здѣсь получили особое развитіе имѣстничьи вѣзды: на долю имѣстничества пришлось болѣе мелкіе продукты. Между тѣмъ въ древнѣйшее время и они поступали на господарскую кухню. Такъ, напримѣръ, люди Грушале Витебскаго воеводства, по свидѣтельству одного старожилы эпохи Казимира, давали во времена Витовта „на кухню по курети и десяти лицъ“ княгинѣ Витовтовой¹⁾.

Что касается южно-русскихъ областей, т. е. Киевщины и Волыни, то и здѣсь легко найти слѣды стаціевой повинности. Такъ, напримѣръ, на Волыни въ концѣ XV в. на господахъ взималось „за яловщину або за вепра по двадцати грошей“²⁾. Но въ томъ же XV в., въ періодъ удѣльнаго Киевскаго княженія, стація носила названіе *болкуновщины*³⁾. По лостраціи Киевской земли 1471 г. болкуновщина давалась большинствомъ сель въ натурѣ: „а болкуновщину давали на приездъ князю великому Витовту“⁴⁾. Это весьма важное мѣсто, подтверждающее государственныи характеръ повинности. Но также лострація знаетъ уже и такія села (изъ тѣхъ, которыя причислились къ Житомирскому замку), которыя оплачивали болкуновщину, какъ постоянный наборъ: „А вси тые люди даятляки,—говоритъ лостраторъ,—в полниця болкуновщину дають с *вола* по три гроша“⁵⁾. Это замѣчаніе разъясняетъ еще болѣе смыслъ болкуновщины: она взималась отъ вола (въ сохѣ, значить ея раскладка была посошная). Вотъ все, что мы знаемъ о болкуновщинѣ: въ другихъ актахъ она не встрѣчается.

Въ тѣсной связи съ стаціей и яловщиной находится и *меалева*. Меалева—литовское слово, обозначающее дань, подать⁶⁾. Обычно-

¹⁾ Кв. Зап. Лит., XVI, л. 33.

²⁾ А. Лит.-рус. госуд. I, 92.

³⁾ Значеніе этого слова неясно. По замѣчанію пр. Леонтовича, оно не литовскаго происхожденія, но, быть можетъ, татарскаго. „Крестыанскій дворъ“, Ж. М. Н. Пр. 1897 г., № 5, p. 42, прим.

⁴⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, p. 2-3.

⁵⁾ Ibidem, 5.

⁶⁾ Леонтовичъ, Крестыанскій дворъ, Ж. М. Н. Пр. 1897 г., № 5, p. 39, прим. 2.

венно мезлеву, какъ и яловщину связываютъ не со стаціей, но съ дякломъ. Такъ, М. К. Любавскій опредѣляетъ это соотношеніе слѣдующими словами: „Терминъ „дякло“ обнимаетъ собою то, что урождено и прибыло, за исключеніемъ скота, а „мезлева“ относился исключительно къ скоту“¹⁾ и сопоставляетъ ее съ польскимъ *pażaz*²⁾. Въ давномъ случаѣ онъ повторяетъ мысль, высказанную М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ³⁾. Но сборъ, о которомъ говоритъ послѣдній авторъ (*pażaz*), въ Литовской Руси действительно существовалъ, но назывался *prodjako*: это придача къ дяклу продуктами животноводства. Въ позднѣйшее время, въ XVII в., существовалъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и терминъ *pażaz*. Впрочемъ, только что приведенное мнѣніе свое измѣняетъ и самъ М. К. Любавскій, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ онъ уже считаетъ мезлеву „своего рода праздничнымъ приношеніемъ, которымъ обладали были крестьяне по отношенію къ своему государю“⁴⁾. Такимъ образомъ, по второму толкованію мезлева уже не налогъ (а дякло было таковымъ). Тѣмъ не менѣе по второму опредѣленію вѣрно подмѣчена характерная черта мезлевы—ея связь съ приношеніями, поклонами, но эта черта роднитъ ее со стаціей и полюдьемъ.

Проф. Леонтовичъ тоже считаетъ мезлеву однородной съ дякломъ, стаціей и поборомъ. Главное значеніе мезлевы авторъ видитъ въ томъ, что цѣлью ея было „поднимать“ господара во время его переѣздовъ „животиною“ и всякими кормами. Говоря о составѣ мезлевы, проф. Леонтовичъ утверждаетъ, что онъ аналогиченъ съ дякломъ: „яловца и вепри иногда числятся, и въ составѣ дяколовъ“ такъ, что совпаденіе въ дяклѣ и мезлевіи однихъ и тѣхъ же платежныхъ предстловъ, даетъ автору поводъ сдѣлать предположеніе, что сначала существовалъ только одинъ натуральный сборъ—дякло, „и лишь позже изъ него выдѣлилась мезлева, въ видѣ отдѣльнаго кормоваго сбора“. Развивая свою мысль далѣе, проф. Леонтовичъ признаетъ аналогичной формой побора воловщину, болкуновщину, коневщину. Послѣдніе сборы онъ объясняетъ какъ повинность поставлять стаціи на прѣѣздъ господарей. Призываніе аналогіи мезлевы съ послѣдними сбо-

¹⁾ Областное дѣленіе, р. 316.

²⁾ Ibidem, 321.

³⁾ Нѣмецкое право. Ж. М. Н. Пр., 1868 г., авг., р. 477.

⁴⁾ Обл. дѣл., р. 476.

рами ведетъ естественно къ аналогіи ея и со стаціей въ собственномъ смыслѣ. Только авторъ почему то считаетъ, что „въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, особенно имѣній господарскихъ и панскихъ съ нѣвольн усвоеннымъ польско-нѣмецкимъ волочнымъ хозяйствомъ (въ Подляхѣ, на Жмуди и пр.) литовскіи дякла и мезлева замѣняются польскими стаціями и данями“¹⁾. Такимъ образомъ, мезлева не только аналогична съ стаціей, но и замѣняла ее въ нѣкоторыхъ областяхъ.

Въ замѣчаніяхъ почтеннаго автора много вѣрнаго, но съ такою широкою постановкой вопроса нельзя согласиться. Авторъ не придаетъ большаго значенія стаціи, считаетъ ее извѣстнѣе позднѣйшимъ и случайнымъ заимствованіемъ. О мезлевіи, авторъ, какъ увидимъ ниже, говоритъ очень мало. Если провѣрить ссылки проф. Леонтовича, то въ большинствѣ случаевъ онъ опирается не на факты, говорящіе о мезлевіи, но о стаціи (хотя часто термина сбора совсѣмъ нѣтъ); это вполнѣ впрочемъ понятно, ввиду тождества обонхъ. Далѣе никакъ нельзя согласиться съ отождествленіемъ дякла съ мезлевою уже потому, что дякло никогда не собиралось скотомъ и не было подутью отъ скота. Такъ называемое *prodjako*, собиравшееся жилищною, не имѣяетъ самаго характера дякла²⁾. Вообще дякло необходимо совершенно устранить отъ сопоставленія съ кормовыми сборами. Воловщина и коневщина, какъ увидимъ впоследствии, тоже едва ли могутъ быть сопоставлены съ этимъ разрядомъ сборовъ. Зато мнѣніе проф. Леонтовича о тождественности мезлевы съ *поборомъ*, *непровощиною*³⁾, *смажею* и *болкуновщиною* не подлежитъ сомнѣнію. Прибавимъ еще, что то же значеніе стаціи—корма имѣютъ и очень рѣдко упоминаемые, вѣроятно потому, что составляли мѣстную разновидность, — *поуаднос* и *коневщина*; они давались только на господарскій прѣѣздъ⁴⁾. Вѣрно также и подмѣченное проф. Леонтовичемъ

¹⁾ Крестьянскій дворъ. Ж. М. Н. Пр., 1897, № 5, р. 39—42.

²⁾ Только въ XVII в., и то въ частновладельческихъ имѣніяхъ, дякло состояло иногда изъ мелкой живности; но это, очевидно, произошло изъ *prodjako*. См. напр. Акты Вил., XII, р. 378.

³⁾ Впрочемъ названіе побора стація носила иногда только въ частновладельческихъ имѣніяхъ, см. напр. въ ям. Здеветѣ или К. К. Острожскаго, Акты Вил., XIV, р. 208, 209 и др. Также слѣдуетъ сказать и о *непровощинѣ*. См. Ibidem, р. 177.

⁴⁾ Напр. Бершалейскіи, Документы и регесты по исторіи литовскихъ евреевъ, т. II, р. 7. Коневщина здѣсь, судя по контексту, кормовой сборъ, но въ Литвѣ была и еще коневщина, какъ плата конной службы.

сходство мезлевы со стацією, хотя и не совсем отчетливо имъ проделенное.

О мезлевѣ очень мало встрѣчается извѣстій: до 1513—1514 гг.—она упоминается всего два три раза. Такъ, въ некоторые поддѣные перелайскіе жаловались въ 1496 г. великому князю Александру на своего пристава за введеніе имъ повины: приставъ „правитъ на нихъ мезлевицаны и снужи, и сено кажетъ имъ возити къ Трокомъ. А они дей передъ тымъ тою службою не служивали и мезлевого не давали“¹⁾. Отдавалъ въ 1511 г. дворъ Молодечно князю М. И. Мстиславскому, король Сигизмундъ I жалуетъ ему, въ числѣ другихъ доходовъ, и мезлеву²⁾. Въ первомъ случаѣ мы только узнаемъ, что существуетъ поборъ, но онъ сопоставленъ со снужей; между тымъ само названіе снужа³⁾ (сопоставленіе снужи и мезлевы—обычно) подсказываетъ намъ, что мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ однимъ изъ кормовыхъ сборовъ. Дѣйствительно, другія свидѣтельства подтверждаютъ эту связь мезлевы съ кормленіемъ. Такъ, судебный процессъ Неменинскихъ коимницевъ съ своимъ тивунемъ доказываетъ, что составъ мезлевы и стаціи тождествененъ. На судѣ передъ Яномъ Миколаевичемъ Радвилемъ жаловались коимницы Неменинского двора на виленскаго тивуна Бутрина Немировича о томъ, что „панъ тивунъ казалъ в насъ пограбити воза а яловицу ва мѣзлеву вѣликоденную, которую жъ мѣзлеву люди волостные завжды на господара его милость до Вилна вѣликоденную и о Божемъ нарочены поддѣ ихъ давного обычая жъ дають, и намъ также велитъ давати“⁴⁾. Но они, коимницы, никогда не давали вмѣстѣ съ волостью мезлевы, „нежели коли господарь его милость будетъ въ Неменичине, тогда даемъ на приездъ его милости з дыму по курити и по десяти лець“ и другія службы къ двору служить. Тивунъ утверждалъ, что „за первыхъ тивуновъ завжды тыи коимницы давали посполъ з волостью мѣзлеву вѣликоденную и о Божемъ Нарочены до Вилна, а тепер они тое мѣзлевы дати не хозуть“⁵⁾. Но свидѣтели, на которыхъ сослался тивунъ, буквально повторили то же, что сказали коимницы. Поэтому

¹⁾ Акты Лит.-рус. госуд., I. 70.

²⁾ А. З. Р., П.

³⁾ Снужа отъ Speise, кормленіе, пища—литовское Spruzain (бѣлорусное снужаря)—кладовая для съѣстныхъ принадлежностей (Леоптовичъ, Крестьянскій дворъ, Ж. М. Н. Пр. 1897 г., № 5, р. 39, примѣч.).

Радвилъ „тыхъ коимницовъ правахъ“ призналъ, и „тое мѣзлеви посполъ а волостью неказали есмо имъ до Вилна великоденное и о Божемъ Нарочены давати, только на приездъ господарской до Неменичны мають давати з дыму по курити и по десяти лець“ и служить свои обычныя службы¹⁾.

Изложенный документъ во первыхъ свидѣтельствуеетъ, что мезлева—истаринная „подачка“. Она состоитъ изъ вола и яловицы и отвозится волоцанами дважды въ годъ, о Рождествѣ и о Пасхѣ, въ Вильну,—очевидно въ „спижарию“ господарскую, на содержаніе подаркаго двора.

Если мы припомнимъ сказанное нами о связи стаціи, въѣздовъ съ разнаго рода дарами, поклонами, то дѣйствительно характеръ мезлевы и въ этомъ отношеніи имѣетъ много общаго со стацією. Коимницы не даютъ мезлевы, но за то они принимаютъ участіе въ „подниманіи“ господара при его приѣздѣ. Если внимательно всмотрѣться въ контекстъ výroка, то легко вывести убѣжденіе, что и коимницы связываютъ мезлеву со стацією: они не даютъ крупныхъ составныхъ частей ея (потому что,—объясняютъ они, у нихъ земля мало), но за то даютъ мелкія—куръ и пр., между тымъ тивунъ хочетъ высвѣтять съ нихъ всю стацію полностью.

Мы только что видѣли, что мезлева—давній сборъ. Однако одно судебное дѣло, разбиравшееся тогда же, когда разсматривалось и вышеизложенное, говоритъ какъ будто о мезлевѣ въ смыслѣ недавно введенной формы обложенія. Такъ, люди Ейшинской волости Мицьковичи жаловались маршалковскому суду на десятника ейшинскаго Товта Монвилевича о томъ, что онъ „вернетъ насъ посполъ з волостью у службу, вѣлти намъ подводи давати и на толоку ходити“²⁾. Но они „з неговъ“ этой службы не служили, „нижли дѣло даемъ, сено у Троцохъ косимъ и инии службы служимъ“. Десятникъ говорилъ на судѣ: „И ихъ ни въ которую службу не присвѣваю и подводи имъ не велю давати и на толоку ходити,—нехай они тою службою служатъ, какъ передъ тымъ служивали. Нежели господарь его милость новоположилъ на насъ мѣзлеву, ино волость ихъ к собѣ присвѣваетъ въ мезлеву“³⁾. Судъ по этому дѣлу вынесъ такое рѣшеніе: „иже господарь его милость новоположилъ по всей земли вѣли-

¹⁾ Кв. Суд. Д. Лит., I. 4. 62.

кого князьства мѣзлеу людямъ своимъ давати, вѣзели есмо имъ посполъ з волостью мѣзлеу и дякло на господари его милость давати¹⁾).

Въ приведенномъ фактѣ прежде всего отмѣтимъ, что дякло и мезлева различаются. Далѣе, мезлева собирается съ волости, а не со службы, или тягла, какъ дякло. Что касается времени изданія обоихъ судебныхъ шпроевъ, то оба они относятся къ маю—июню 1514 г. (записаны безъ даты). Итакъ, акты, столь близкіе по времени появленія ихъ, кореннымъ образомъ противорѣчатъ въ вопросѣ о старинѣ мезлевы, такъ какъ одинъ называетъ ее извѣчною, а другой—„новоположеною“. Однако, что мезлева не была новостью до 1514 г., это мы знаемъ изъ болѣе древнихъ свидѣтельствъ. Уже это одно указываетъ на то, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ коренной реформой, нововведеніемъ, а лишь съ новою раскладкой прежняго сбора. Дѣйствительно, о таксированіи стацій въ западныхъ областяхъ до времени Сигизмунда I тщетно было бы искать какихъ либо извѣстій. Вѣроятно, она собиралась въ натурѣ при прѣздѣхъ господари, или доставлялась въ Вильну во время его тамъ пребыванія. Напротивъ, съ 1514 г. уже встрѣчаются опредѣленные данныя, не оставляющія сомнѣній въ томъ, что стація и мезлева—постоянный сборъ яловницами, вепрами и пр. Указаніе на превращеніе стаціи изъ случайнаго сбора въ постоянный можно найти и въ уставѣ 1514 г.

Въ этомъ году (2 марта) королемъ была издана „Устава“, опредѣляющая повинности крестьянъ дворовъ Троцкаго и Виленаго повѣтовъ и обязанности державцевъ. Цѣль изданія ея—положить конецъ хищеніямъ державцевъ, которые „оборочаютъ“ въ своему „пожитку“ господарскіе доходы. Первая статья устава обязываетъ державцу „поднимать“ стацію господари при его прѣздѣхъ. Но если господарь прикажетъ собрать стацію и вести ее въ Вильну, или куда требуется, то державца обязанъ, собравъ ее съ подданныхъ, доставить, въ указанное мѣсто. Размѣръ ея—какъ „здавна“ давалась²⁾. По всей вѣроятности, распоряженіе, заключающееся въ этой уставѣ и имѣлось ввиду въ приведенномъ вырокѣ, когда говорится „о новоположенной“ мезлеви. Новость заключалась въ томъ, что сборъ мезлевы принималъ для тяглаго населенія характеръ постояннаго налога. Устава ничего не говоритъ о мезлеви и это потому, конечно, что она одно-

¹⁾ Ibidem, з. 75.

²⁾ Лябавскій, прил. № 23.

родна со стаціею. Трудно предположить, чтобы между изданіемъ устава и шпроевами было сдѣлано новое распоряженіе, которое уже успѣло бы понести, при своемъ приѣздѣ въ дѣлу, споры между урядомъ и общинами, дошедшіе до суда. Времени между датою устава и шпроевами такъ немного, что только одна „великоденная“ мезлева могла быть собрана и отвезена въ Вильно (Пасха въ 1514 г. была 16 апрѣля). Съ другой стороны, еще менѣе возможно допустить, чтобы такое важное постановленіе, какъ введеніе новаго сбора, было опущено въ уставѣ, цѣль которой заключалась какъ разъ въ регулированіи сборовъ. Такимъ образомъ, устава 1514 г. только регулировала собраніе стаціи, сдѣлавъ ихъ постояннымъ сборомъ. Кромѣ того, ввиду сказаннаго, надо признать, что подл стаціею устава разумѣется именно мезлева. Здѣсь уместно напомнить, что извѣстія о мезлеви мы встрѣчаемъ только въ актахъ, относящихся къ собственно литовскимъ мѣстностямъ. Поэтому, это было вѣкоторое время мѣстнымъ (литовскимъ) названіемъ стаціи, но не выдержало конкуренціи съ нимъ и вскорѣ исчезло изъ употребленія.

Слѣди на дальнѣйшихъ извѣстіяхъ о мезлеви, мы еще болѣе убеждаемся въ сказанномъ выше. Въ королевскихъ листахъ на заставѣ дворовъ разнымъ лицамъ не рѣдко встрѣчаются извѣстія о мезлеви, какъ разъ вскорѣ послѣ устава 1514 г. Такъ, закладывая Довги Бог, Боговитиновичу (1516), Сигизмундъ I оставляетъ мезлеву за собою: „А мезлева, гласить привязей,—сполна—яловница и вепры и инши речи—маеть съ твоей волости намъ давана быти каждый годъ поглубъ данаго обычая; а коли прѣдемъ до Довкиговъ, онъ маеть вѣсь поднимати етаціями подлѣ давности и подводу подлѣ насъ в мѣста и з волости давати по давному“¹⁾. Въ другомъ заставномъ листѣ на Оникшты встрѣчаемъ буквально ту же фразу, только вмѣсто мезлевы стоитъ сплжа: „а сплжа велиководную и колдидную—яловница, и бараны и иншия речи маеть с того двора ны насъ даваны быти въ каждый годъ по давному; какъ прѣдемъ до Оникшты, онъ маеть насъ стаціями поднимати“ и т. д.²⁾. Якубу Кунцовичу, при залогѣ Ленку и Волкиникъ, мезлева передана цѣлькомъ: „И коли прѣдемъ до тыхъ дворовъ нашихъ, тогда маеть онъ насъ стаціями поднимати и мезлевою, бо есмо тую мезлеву дали ку его рукама для того, коли

¹⁾ Лябавскій, прил. № 23.

²⁾ Ibidem, № 26 (1516 г.).

мыкаема въ тѣхъ дворахъ намихъ для ловочъ, абы онъ насъ тою мезлевою поднималъ¹⁾.

И такъ, когда господарь предполагалъ часто бывать въ державѣ, то онъ дѣлкомъ предоставлялъ стацию держави; но когда этого не предполагалось, то вся стация должна быть собираема на господаря; однако еслибы онъ посѣтилъ державу, то державца „поднимаетъ“ его стациами и тогда, конечно, уже не отдаетъ мезлевы. То обстоятельство, что въ послѣднемъ привилеѣ стациа и мезлева стоять рядомъ не должно насъ удивлять: повтореніе составляетъ обычную черту древнихъ актовъ. Въ одномъ заставномъ листѣ мы, напримеръ, встречаемъ выраженіе — „изъ мезлевами и съ снужено и съ стациемо“ (отдается въ заставу)²⁾. Подобныя условія заставныхъ листовъ почти всегда встрѣчаются въ актахъ времени Сигизмунда I.

Такимъ образомъ, только что приведенныя свидѣтельства актовъ подтверждаютъ тожество состава и назначенія мезлевы со стациемо. И въ послѣдующее время мы встрѣчаемъ извѣстія о мезлеви³⁾. Но самое интересное для насъ—это постановленіе устава 1529 г. для дворовъ Троцкаго и Виленскаго повѣтовъ и для Жмуди; это—инструкціи державцамъ и тиунамъ, дѣйствовавшія до введенія волочной устави. Такъ, по Жмудекой уставѣ на господаря дается стациа только на его прѣѣзды: все обязаны давать для стации воловъ, аловиць, гусей, венровъ, куръ, барановъ, овесъ, сѣно, медъ и пиво⁴⁾. Въ уставѣ дворямъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ господарь оставляетъ „на кухни наши“ мезкіе сборы при дилѣ (куры, яйца) на случай своего прѣ-

¹⁾ Ibidem, № 27.

²⁾ Ibidem, № 29.

³⁾ Въ 1522 г. Сигизмундъ I пишетъ листъ воеводѣ троцкому князю К. И. Острожскому, въ которомъ излагаетъ жалобу нѣкоторыхъ людей Сомалинской волости. Они жаловались „штокохъ дѣй пристава сомалинскіи Лавринъ з волостью Сомалинскою прискажали передъ воеводоу виленскіи... Ольбрахтомъ Мартинювичемъ Гаштоломъ... нѣкъ бы они послозу с ними мезлеву и сена жеребичого давали. А они дѣй николи мезлевы и сена жеребичого не давали“. Объ этомъ у нихъ уже былъ судъ съ приставомъ у докобнаго и Гр. Стан. Остаконича. Панъ Остипъ „въ томъ ихъ правыхъ знашолъ и не казалъ имъ мезлевы и сена жеребичого давати“. На основаніи листа пана Остипа, панъ Гавтольдъ тоже нашолъ этихъ людей „правыхъ“ и приказалъ своему писарю выдать имъ листъ. Этотъ листъ уже былъ написанъ, но украденъ у писаря, почему господарь выдаетъ жалобникамъ новый листъ на основаніи устного показанія Гаштолда, и приказываетъ къ Острожскому не править на нихъ мезлевы и сена жеребичого (Кн. Судн. Дѣль Лит., IV, л. 15).

⁴⁾ А. З. Р., I, р. 200.

ѣзды; если не будетъ прѣѣзжать, то державца собираютъ за эти сборы деньгами и сдаютъ въ скарбъ. Но это, конечно, не стациа, а продажа. Зато мы встречаемъ очень интересный параграфъ о мезлеви: державца обязаны собирать мезлеву деньгами—за аловицу 30 гр., за венра 20 гр., за барана 4 гр., за курицу и за 10 алицъ—1 гр.¹⁾. Такимъ образомъ, устава 1514 г. постановила сборъ стации въ натурѣ и отвозъ ее въ Вильно, теперь, черезъ 15 лѣтъ, стациа уже предложена на деньги. Устава 1529 г. называетъ ее мезлевою, но во времени введенія волочной помѣры, названіе стации имѣетъ литовскій терминъ мезлевы; волочная устава развѣрстываетъ стацию по волокамъ (раньше она давалась отъ общины), вводитъ образный взносъ деньгами „за стацию“ съ каждой волоки; устава предвидитъ случаи, когда стацию нужно будетъ собрать въ натурѣ и опредѣляетъ ея сборъ²⁾. Если сборъ стации въ натурѣ развѣрстать по опѣнкѣ 1529 г. и сравнить со стациемо по волокамъ, согласно съ волочной уставою, то для насъ станетъ ясна плата за стацию въ 2½ гроша: она равна переладу мезлевы 1529 г. въ деньги. Итакъ, устава 1514 г. говоритъ о сборѣ стации, устава 1529 г. называетъ тотъ же сборъ мезлевою, волочная устава—опять стациемо, тогда какъ въ источникахъ встрѣчаются оба названія, конечно потому, что подъ обими скрывается одинъ и тотъ же сборъ.

Волочная устава окончательно опредѣлила размѣръ стации и перевеза ее на деньги, хотя видѣтъ исключенія допускаетъ вниманіе ея къ натурѣ (что въ военное время, когда ощущалась нужда въ провіантѣ, часто и дѣлалось). Одновременно происходила съ нею „ревизія“ русскихъ волостей, но здѣсь стациа была отягчена для горо- довъ³⁾, а въ селахъ замѣнена, очевидно, другими сборами.

Но и впоследствии, куда только проникалъ волочной строгъ, производили и стацию.

Обзоръ судьбы стации даетъ возможность подвести слѣдующіе итоги ея. Стациа—только латинское названіе повашности извѣстной и въ древней Руси. Въ первичной основѣ своей—это кормленіе населеніемъ государя при исполненіи имъ, во время переѣздовъ, своихъ судебно-административныхъ функций. Въ этомъ отношеніи она имѣетъ

¹⁾ Ibidem, р. 196.

²⁾ Памятники, изд. Киевск. Археол. Ком., т. IV, ч. 2, р. 42—43.

³⁾ А. З. Р., III, р. 110.

предшественника въ древне-русскомъ полюдьи, но съ теченіемъ времени, вълѣдствіе разложенія его и дифференціаціи, стаціиная повинность осталась у государя, тогда какъ полюдье отъ удѣльныхъ князей перешло къ намѣстникамъ. Подобно полюдью и она нѣкоторое время соединилась съ добровольнымъ даромъ „почтой“ и „поклономъ“ со стороны населенія своему государю. Въ силу самого своего происхожденія стація долгое время собиралась натурою и при томъ только при проѣздахъ государя¹⁾. Подобно другимъ повинностямъ, имѣвшимъ факультативный характеръ, стація постепенно превращается въ постоянный налогъ, взимаемый сначала по древнему обычаю въ натурѣ, а затѣмъ (и тоже постепенно) переложенный на деньги.

Этотъ переходъ факультативной повинности въ постоянную совершается, конечно, только въ государскихъ волостяхъ. Географически переходъ стаціи въ постоянный налогъ совершается раньше въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда господа литовскіе съ конца XV в. перестаютъ появляться—въ такъ называемыхъ русскихъ волостяхъ (яловичные невели), но потомъ тотъ же процессъ повторяется и въ западныхъ.

Возвратъ устава окончательно регулировала этотъ сборъ и ввела однообразный терминъ стаціи. Между тѣмъ въ болѣе ранній періодъ, для стаціи существовали различныя наименованія (яловицина, мезлева, вепровщина, болуновщина, свижи, воборы), но всѣ они имѣютъ въ виду одинъ и тотъ же сборъ. Стація въ теченіе всего изучаемаго періода остается повинностью не только государскихъ подданныхъ, но и всѣхъ вообще подданныхъ великаго князя литовскаго. Этотъ обще-государственный характеръ повинности наилучшимъ образомъ подтверждаетъ его происхожденіе. Конечно, на частно-владѣльческихъ земляхъ она не могла, какъ личное право великаго князя, сдѣлаться постоянной повинностью, но самый фактъ этого права быть символомъ „вѣдательства“, такъ какъ подданный долженъ былъ оказывать гостепримство своему монарху. То обстоятельство, что стацію мы встрѣчаемъ и въ Польшѣ, не можетъ служить къ опроверженію ея не русскаго происхожденія.

¹⁾ Въ этомъ отношеніи стацію можно сопоставить съ др. германскою повинностью, наз. *paratae*, Clamageran, Histoire de l'impôt en France, Paris, 1867, t. I, p. 201.

3. Дары—челобитья.

Выше, при разсмотрѣніи полюдья, вѣзда и стаціи, не разъ указывалось на тѣсную связь между вѣздами и дарами, поклонами. Дары представляютъ собою весьма древній способъ оплаты функций правителя¹⁾, но вълѣдствіе своей примитивности онъ скоро вышелъ изъ употребленія и въ изучаемое время является лишь какъ пережитокъ древняго обычая. Такъ, въ одной грамотѣ Полоцку встрѣчается несомнѣнное доказательство того, что еще въ концѣ XV в. великокняжескіе вѣзды сопровождался сборомъ даровъ: „тебѣ сребрѣцныи (въ широкомъ смыслѣ какъ денежной дачи) и даровѣ, коли прїѣдемъ до Полоцка, съ нихъ не надобе намъ давати“²⁾. Въ данномъ случаѣ король отказывается отъ даровъ конечно потому, что они были обязательны для населенія: эти дары давались при вѣздѣ Великій князь литовскій получалъ дары по самымъ различнымъ поводамъ—такимъ былъ древній обычай; о немъ не разъ говорятъ хроники³⁾. Всякое слово въ Литвѣ стоить золота, замѣчаетъ Герберштейнъ⁴⁾—и это относилось не только къ вѣзникамъ, но и къ королю. Неудивительно, поэтому что въ конституціонномъ привилегіи 1492 г. мы встрѣчаемъ статью, ограничивающую право великаго князя требовать челобитья при раздачѣ урядовъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ; онъ можетъ принимать только добровольные дары, про *honestate* каждаго жалусмаго⁵⁾. Дѣйствительно, подарки великому князю при раздачѣ урядовъ и вообще разныхъ льготъ, кажется, составляли неизмѣнный обычай⁶⁾; сверхъ того давались государю и подарки, неизываемые, повидимому, никакой съ его стороны правительственной дѣятельностью⁷⁾, т. е. просто видѣ „честь“, „почта“.

¹⁾ Ср. Осокина, Понятіе промысловаго налога и объ исторіи его развитія въ Россіи, Каз., 1856 г., p. 30—32. Clamageran, Hist. de l'imp., I, 175, 203.

²⁾ А. З. Р., I, p. 200.

³⁾ Szajnoch, K., Jadwiga i Jagello, III, p. 15.

⁴⁾ Записки о Московіи, p. 166 (переводъ Анонимова).

⁵⁾ Działyński, Zbiór praw lit., p. 63.

⁶⁾ См. записки о раздачѣ „старченствъ“, Акты Литовско-русскаго государства, p. 52, p. 68. Замѣть же напомнимъ о челобитьяхъ при раздачѣ арендъ на мытные сборы.

⁷⁾ „Тыхъ грошей, што воевода вилевскій даровалъ“, Акты Литовско-русскаго государства, I, p. 64.

Однако и послѣ привилег 1492 г. раздача злотых и урядовъ провадилась по челобитью. Киево-печерскій монастырь, напр., имѣлъ льготу выбирать себѣ архимандритовъ, но уплачивалъ за выборы королю 50 злотыхъ челобиття¹⁾. Панъ Ю. И. Нияничъ получаетъ въ держаніе Берестіе за челобиттѣ въ 300 злотыхъ²⁾, Богунъ Боговитиновичъ „отпустилъ“ королю часть долга ввидѣ „челобиття“ за держаніе Довгѣ³⁾, Фед. Якушевичъ за маршалковство волынское и староство лудское⁴⁾ и т. д.⁵⁾.

Бывали случаи и даренія безъ всякой услуги со стороны короля; особенно часто король получалъ подарки по завѣщанію своихъ вельможъ⁶⁾.

Хотя челобиття иногда достигали крупныхъ суммъ⁷⁾, но они, конечно, составляли случайный доход⁸⁾. Самый фактъ ихъ существованія въ Литовской Руси интересенъ лишь по связи съ дарами при въздахъ—полюдьи. Уже въ концѣ XV в. система даровъ подвергается ограниченію и въ XVI в. встрѣчается лишь вѣтъ переживаніе старины. Въ это время дары составляли личный доходъ господара, потому они и не имѣютъ значенія въ государственномъ бюджетѣ.

¹⁾ А. Ю. З. Р., II, p. 166.

²⁾ Кн. Зап. Лит., VIII, з. 346.

³⁾ Ibidem, з. 371.

⁴⁾ А. Ю. З. Р., II, p. 113.

⁵⁾ Ср. еще нѣсколько аналогичныхъ фактовъ у Бернадскаго, Литовскіе Елены, p. 275—6. Или слѣд.: П. Петръ Станиславовичъ подарилъ въ 1523 г. королю 1000 копѣ гр. за что получилъ въ доживотье Дорогинское староство (Кн. Зап. Лит., XII, з. 92 об.). Панъ Гангольдъ „отпустилъ“ королю долгъ въ 1000 копѣ, за что получилъ въ доживотье Утеви (ibidem, з. 368).

⁶⁾ Сошлемся напр. на завѣщаніе Б. Боговитиновича, А. Ю. З. Р., или на завѣщаніе и Олизаровой Шитовича, подарившей в. кн. Казимиру имѣніе Здвобиту и Горюховъ, Антоновичъ и Розловскій, Грамоты вѣд. кн. литов., p. 14.

⁷⁾ Бернадскій, Авраамъ Езофовичъ, Киевская Старина 1888, ноябрь, p. 261, привѣд.

⁸⁾ По скарбовой ревиши, включились лудскій П. Загоровскій не додать въ скарбѣ 600 копѣ гр. Загоровскій привалъ дѣлать по смерти Дахва Васильевича, счеты были зануваны, такъ что въ своемъ челобиттѣ королю онъ „взыскался быти являемъ“ къ взысканіямъ въ скарбѣ „зливкамъ“ и просилъ его сдѣлать „вольнымъ“ отъ вачета. Король, соглашавшійся, что свести счеты при такихъ условіяхъaveleno, „наболѣлъ иже отъ и подарокъ за то конь добрый турецкой иже далъ“, освободилъ Загоровскаго отъ вачетовъ. Кн. Зап. Лит., XXXI, з. 172—172 об.

4. Судебная власть.

При объѣздахъ князь не только являлся урядомъ, но и судилъ. Судѣ оплачивался ввидѣ судебныхъ пошлинъ и штрафовъ, составлявшихъ немаловажную часть великокняжескаго дохода.

Судебныя пошлины и штрафы извѣстны еще въ первые вѣка русской исторіи; уже изъ Русской Правды очевидно, что онѣ въ то время играли немаловажную роль въ числѣ княжескихъ доходовъ¹⁾, а въ нѣкоторыхъ княжествахъ (напр., въ Псковѣ) онѣ составляли несомнѣнно главную статью доходовъ²⁾. И въ Московскомъ государствѣ судебныя доходы продолжали долгое время сохранять свой фискальный характеръ³⁾, при чемъ вслѣдствіе усиленія вогтянаго принципа въ управленіи, удержали на долгое время свое частноправное значеніе⁴⁾. Такъ какъ князь не всегда могъ исполнять свои судебныя функціи, то онѣ передавались имъ намѣстникамъ. Послѣдніе собирали судебныя доходы частью на себя, частью на князя. Насколько велико было значеніе судебныхъ вѣрь въ дѣлѣ мѣстнаго управленія—въ смыслѣ намѣстничьяго корма, легко видно изъ того что, по остроумному предположенію Ланге, яриникъ Русской Правды является синонимомъ посадника⁵⁾. Такимъ образомъ, сборы отъ суда, съ одной стороны, составляли княжескій доходъ, съ другой оплачивали мѣстное управленіе, составляя доходъ намѣстника. Если князь могъ передавать судъ и пошлины съ него намѣстнику, то такая же передача его возможна была и въ пользу частнаго лица. Отсюда поватно, какъ съ теченіемъ времени судъ надъ крестьянами въ частныхъ владѣніяхъ сдѣлался принадлежностью помѣщичьей власти.

Удѣльные князья Литовскаго періода унаслѣдовали отъ древней Руси фискальный взглядъ на судѣ. Въ ихъ жалованныхъ грамотахъ на земли церкви и частнымъ лицамъ мы встрѣчаемъ многочисленные случаи полной передачи суда дѣмствадѣльцамъ. Этими фактами

¹⁾ Толстой, Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи. СПб. 1848, p. 129.

²⁾ Ниянскій, Оч. внутр. ист. Пекова. СПб. 1877, p. 126—6.

³⁾ Толстой, op. с. 131.

⁴⁾ Чернышъ, Облестина учрежд. Россіи въ XVII в., М. 1856, введеніе. Ср. поправки этого взгляда, сдѣланныя въ разборѣ названнаго сочиненія Кадмичевымъ, Архивъ ист. и практ. свѣдѣній 1859, кн. 3, p. 33.

⁵⁾ Ланге, Исследование объ уголовномъ правѣ Русской Правды, p. 83.

подтверждается и то, что судъ составлялъ доходъ князя, и то, что онъ могъ сблизиться принадлежностью частнаго лица вследствие вгляда на судъ какъ на источникъ дохода; съ другой стороны, эти данныя показываютъ, что судебныя пошлины продолжаютъ еще рассматриваться какъ княжескіе доходы: частное лицо или намѣстникъ можетъ собирать ихъ только по княжеской грамотѣ. Удельный князь какъ вотчинникъ, конечно, имѣлъ и право суда въ своей вотчинѣ и собранія связанныхъ съ этимъ правомъ доходовъ. Но съ теченіемъ времени вотчинныя права помѣщика развиваются очень усиленно и область суда оказалась равнѣ другихъ доходныхъ статей въ рукахъ земледельцевъ—какъ вотчинника, такъ и пользовавшагося условными правами владѣнія. Еще въ первой половинѣ XV в. требовалось специальное великокняжеское подтвержденіе правъ вотчиннаго суда по уже привилей 1457 г. содержать въ себѣ отказъ господара отъ суда надъ частновладѣльческими людьми ¹⁾. Это послѣднее обстоятельство, разумеется, способствовало уменьшенію дохода великаго князя отъ судебныхъ пошлинъ, такъ какъ служивало территориальный объемъ его суда. Этотъ послѣдній простирался только на государственныхъ подданныхъ (крестьянъ и мѣщанъ) и на шляхту.

Такъ, суды по уставнымъ земскимъ грамотамъ, въ господарскій скарбъ поступали штрафы—«вины» по довольно многочисленнымъ случаямъ преступленій, «миринны» и «закладны» ²⁾ кунницы; «пересудъ» же т. е. судебныя пошлины поступали намѣстникамъ и судьямъ. Кроме того, господа, конечно, получали и «вины», когда сами судили.

Но съ теченіемъ времени и въ этой сферѣ произошло служеніе господарскаго суда.

Привилей на магдебургское право передавали судъ въ руки войтовъ и лавниковъ. Нѣкоторые привилей ничего не говорятъ о судебныхъ доходахъ великаго князя; это, конечно, означаетъ, что ему и не выдѣлялось части этого дохода. Другіе привилей прямо указываютъ, что на короли не идутъ доходы отъ городского суда. Такъ, по привилею Милейчицамъ одинъ грошъ отъ винъ получаетъ войтъ, а два гроша намѣстникъ ³⁾. Въ Новгородѣ «вины» дѣлились между вой-

¹⁾ А. З. Р., I, p. 76.

²⁾ Въ своѣхъ Яенискаго, p. 189, 191, 193.

³⁾ Акты Литовско-русскаго госуд., I, p. 161.

товъ ($\frac{1}{2}$) и ратушею ($\frac{2}{3}$) ⁴⁾. Въ Высокомъ «вины» дѣлятся между намѣстникомъ и войтомъ ⁵⁾ и такъ далѣе. Такимъ образомъ, судебныя штрафы въ городахъ, какъ доходная статья скарба едва ли существовали въ пору всеобщаго развитія магдебургскаго права. Король получалъ штрафы отъ суда надъ мѣщанами только въ тѣхъ немногочисленныхъ случаяхъ, когда они переносили свои тяжбы на дворъ господарскій.

Съ другой стороны ускользала отъ господарей доходъ отъ суда надъ шляхтой, хотя и очень медленно. Великій князь литовскій, также какъ и король польскій были прежде всего судья шляхты: онъ *judex supremus* и его обязанность суды *graciarum pars functionis regiae* ⁶⁾. Поэтому, шляхта имѣла самый широкій доступъ въ господарскому суду, отягача верховную власть тысячами самыхъ мелочныхъ дѣлъ. Но сверхъ личнаго разбирательства, доставляющаго доходъ господа, подъ его покровительствомъ творился судъ въ странѣ подчиненными ему органами. И послѣдніе также брали вины на господа. По первому Статуту при воеводскомъ судѣ долженъ былъ находиться присяжный писарь, на обязанности котораго между прочимъ лежало «вины нашихъ... смотреги» (Разд. VI, art. 3). Мѣстные уставы также требовали точной записи господарскихъ винъ отъ дѣлъ производившихся въ мѣстныхъ судахъ ⁷⁾. Этотъ порядокъ существовалъ и до изданія перваго Статута. Вины записывались въ особые реестры, произвѣсившіеся при объѣздахъ писарями дворовъ ⁸⁾. По Статутамъ, въ пользу судей полагался только пересудъ (першій Ст. Разд. VI, art. 24). Но фактически король дѣлился съ областными судомъ и винами: на долю его приходилось двѣ трети винъ, а треть на старостъ, воеводъ и державцевъ; только шляхетскія головщины поступали цѣликомъ въ господарскій скарбъ ⁹⁾. Судебныя реформы Сигизмунда Августа не измѣнили положенія вещей въ дѣлѣ собранія винъ въ господарскій скарбъ. Начало реформы положено еще въ 1554 г. постановленіемъ короля и рады, заключавшимся въ установленіи комиссарскихъ су-

⁴⁾ А. З. Р., II, 90.

⁵⁾ Ibidem, p. 72. Ср. p. 153.

⁶⁾ Balcer, *Geneza tribunalu krolewego*, War. 1886, p. 24.

⁷⁾ А. З. Р., p. 302.

⁸⁾ Ibidem, p. 184.

⁹⁾ Dziedziński, *Zb. pr.*, p. 413. Ср. еще Документы Москов. Арх. Юстиціи, I, p. 682.

довь для дѣлъ, восходившихъ на судъ короля, и въ окончательномъ разграниченіи компетенцій воеводскаго и старостинскаго судовъ: первый сдѣлать былъ исключительно органомъ шляхетскаго суда и отъ него отпяти апелляціонныя дѣла по жалобамъ мѣщанъ, волостянъ и слугъ путныхъ; послѣдніе разряда въ первой инстанціи судились державцами и старостами, а во второй — самимъ королемъ¹⁾. Тогда же положено было начало земскимъ судамъ, по крайней мѣрѣ въ Троцкохъ воеводствахъ, гдѣ воевода п. Мил. Ю. Радзивиль отказался отъ своего „пожитка“ отъ суда и въ повѣтахъ были избраны земскіе суды²⁾. На сеймѣ въ Вильскѣ 1564 г. всѣ судовые уряды отказались отъ своихъ судебныхъ пожитковъ, и въ государствѣ введены были земскіе повѣтовые суды³⁾. Самъ король тоже отказался отъ пересуда (Третій Статутъ, Разд. III, арт. 46). Выдѣленіе земскаго суда было крупной побѣдой повѣтовой шляхты надъ аристократіей и государственнаго принципа надъ вотчиннымъ: компетенція земскаго суда подлежала какъ первый шляхтичъ — король, такъ и самый бѣднѣйшій „повѣтникъ“; земскій судъ на ряду съ подкоморскимъ⁴⁾ окончательно выдѣлился отъ администраціи. Но компетенція обоихъ судовъ была такова⁵⁾, что налагаемыя ими наказанія не вели за собою гололопанить; послѣдніе, по прежнему, вѣдались судебно-админи-

¹⁾ Въ Кн. Зап. Лит., XXXVII, з. 90, есть повѣсть короля съ панами радями: „Приехавши господарю королю его милости и вел. кн. з Люблинскаго сейму, року болюго 1564, м-ца іюна 3 дня во второкѣ“. Приведемъ краткія дѣла содержаніе этого документа первою степенною волости. Такъ какъ дѣла судебныя назначаются на судовые роки, то король, чтобы никому „не дѣлалось справедливости апеллуемь“, „рѣшилъ распачать“, „ижи бы вси таковыя стани, которыя не сидятъ въ повѣте, позываны были передъ дописара, на него кохася булетъ дана о канцелярыи господареве“. По частному повѣду гнажи мѣщанъ, Волковскихъ с землянами о подводахъ, господарь нашель, что воеводи не должны судить подданныхъ дворовъ, волостей и мѣстъ господарскихъ — „только до шляхты, которые подъ сиравою воеводства сидятъ. А мѣщане, волостяне и слуги путные державца судить“, апелляція на державу идетъ только къ королю, а не къ воеводѣ. Въ силѣ съ этимъ постановленіемъ находится и варшавскій универсалъ 1555 г., Акты Вил. Ком., XVII, р. 397.

²⁾ Акты Вилен. Ком., т. XXII, р. 1—3.

³⁾ Въ изданіи Второго Статута, предъ ерѣ рассказъ о введеніи земскаго суда въ Слоунскѣ, Акты Виленскіе, XXII, р. 147—9.

⁴⁾ О послѣднемъ см. изслѣдованіе И. И. Ланно, Подкоморскій судъ въ Великомъ-ли Литовскомъ, СПБ. 1899.

⁵⁾ И. И. Ланно, Земскій судъ въ Вел. кн. Литовскомъ, СПБ. 1897 г., р. 19 сл.

стративнымъ городскимъ судомъ, и, слѣдовательно, виня шли въ господарскій сварбъ.

Появленіе повѣтовыхъ судовъ выдѣлило также вотчинный судъ короля и его намѣтниковъ по отношенію къ господарскимъ подданнымъ.

По отношенію къ различнымъ разрядамъ крестьянскаго населенія господарскихъ волостей, мы тоже наблюдаемъ постепенное уменьшеніе судебного дохода господари. Доходъ уменьшался прежде всего потому, что быстро переходили господарскія села въ руки шляхты. Кроме того, въ различныхъ волостяхъ доходъ отъ суда былъ не одинаковъ. Въ Поддѣвирскихъ и Подвинскихъ волостяхъ большинство дѣлъ вѣдалось самими старцами, писари же вѣдали здѣсь только пробажкіи суды¹⁾. Поэтому великокняжескій доходъ отъ винъ едва ли здѣсь былъ значителенъ.

Такъ, въ приходорасходной книгѣ Казимира совѣмъ не встрѣчается ассигновокъ на вины въ эти волости, тогда какъ западные дворы давали большой доходъ отъ „виницины“. Впрочемъ, въ XVI в. изъ Могилевской волости „великіе и малые“ вины шли въ сварбъ²⁾. Въ 40-хъ годахъ этого столѣтія восточныя волости стали раздаваться намѣстникамъ при условіи отдачи имъ господарскаго дохода въ сварбъ. Однако, среди этихъ доходовъ винъ не встрѣчается, такъ что остается не вполне яснымъ, перешли ли вины въ руки намѣтниковъ, съ ихъ появленіемъ въ волостяхъ (что вполне вѣроятно), или остались въ рукахъ общины; во всякомъ случаѣ, въ сварбъ онѣ не доходили. Напротивъ, дворы Троцкаго и Виленскаго повѣтовъ составляли крупный источникъ доходовъ отъ суда; расходныя записи времени Казимира и Сигизмунда I содержатъ въ себѣ массу ассигновокъ на вины въ этихъ державкахъ и тивунствахъ.

Конечно, надо помнить, что тогда еще намѣстники судили и шляхту, слѣдовательно, крупный доходъ отъ винъ доставлялся не одними крестьянами. По подсчету покойнаго Бернадскаго за первый годъ Сигизмундова правленія вины составили 5500 копъ грошей, что въ тогдашнемъ бюджетѣ было самой крупной статьей³⁾. Дѣйствительно, по уставамъ

¹⁾ Доллары-Завольскій, Западно-русскія сельскія общины въ XVI в., р. 24.

²⁾ Акты Лит.-рус. госуд., I, р. 178. Кн. Зап. Лит. XIX, з. 173.

³⁾ Аврамъ Елофовичъ, Кіевская Старина 1888 г., декабрь, р. 428.

дворовъ Трокато и Виленскаго повѣтовъ 1514 г.¹⁾ и 1529 г.²⁾, „великіе и маліе“ вины оставлены на скарбъ, и должны заноситься въ особые реестры. Однако, не мало обстоятельствъ способствовало ослабленію интереса къ этому доходу со стороны великаго князя. Съ увеличеніемъ государственнаго бюджета и съ разлачею сель, залоговъ державъ, доходъ въ общемъ становился, отъ крестьянскихъ винъ, незначительнымъ. Вотъ почему хозяйственныя уставы Сигизмунда Августа не придаютъ этому источнику большаго значенія. Волочная устава, правда, говоритъ о винахъ на господаря³⁾. Инструкціи ревизорамъ приказываютъ имъ вести записи винъ⁴⁾, но о собраніи ихъ нигдѣ нѣтъ особахъ предписаній и совѣтовъ, какіе даются державцамъ по другимъ предметамъ хозяйства. Наоборотъ, въ городахъ восточныхъ волостей подробно регламентируются вины, долженствующія поступать въ скарбъ⁵⁾, слѣдовательно съ 60-хъ годовъ онѣ уже идутъ и изъ восточныхъ областей въ скарбъ. Въ числѣ причинъ, уменьшавшихъ господарскій доходъ отъ винъ, надо имѣть въ виду случаи передачи ихъ господаремъ намѣстникамъ. Напр., въ Полоцкѣ вины были отданы господаремъ воеводѣ и лентвойту „зъ ласки нашо“⁶⁾; въ Минскѣ вины были отданы намѣстнику⁷⁾ и пр.

Такова въ общемъ судьба винъ, какъ господарскаго дохода. Составляя въ началѣ крупный его источникъ, онѣ съ теченіемъ времени потеряли прежнее свое значеніе.

Здѣсь остается только добавить, что вины всегда составляли источникъ господарскаго скарба и не переходили въ личный доходъ великаго князя. Бернадскій высказалъ предположеніе, что въ подскарбствѣ Аврама Езофовича и именно подъ его вліяніемъ судебные доходы перешли въ число великокняжескихъ, взявъ ихъ въ государственныя отомель доходъ отъ чеканки монеты. Это предположеніе мотивируется отсутствіемъ винъ, какъ источника дохода, въ бюджетныхъ смѣтахъ Аврама и другими теоретическими соображе-

¹⁾ Любавскій, о. с., прилож. № 23.

²⁾ А. З. Р., II, р. 197. Ср. Гродненская устава. А. З. Р., II, р. 114.

³⁾ А. З. Р., III, р. 73.

⁴⁾ Напр. Кн. Сузл. Дѣлъ Лит., I, III, з. 216—218 з. и 291 об.—294.

⁵⁾ А. З. Р., III, р. 112; IV, р. 130. А. Ю. З. Р., I, р. 252.

⁶⁾ Анти Лит.-р. гос., I, 202.

⁷⁾ Любавскій, прил. № II.

ніями¹⁾. На это надо замѣтить, что вины, наравнѣ съ мытами, по привилею 1492 г., вошли въ составъ господарскаго скарба²⁾, принадлежность же монетнаго дохода въ этому скарбу еще и въ 30-хъ годахъ представляла спорный вопросъ. Въ приходо-расходныхъ записяхъ послѣдующаго времени по прежнему встрѣчаются раздачи изъ „винныхъ пенесей“. Напримѣръ, подскарбій земскій въ 1536 г. давалъ „въ скарбу“ отпаву разнымъ служилымъ людямъ „зъ винныхъ пенесей, которые до скарбу будутъ принесены“³⁾.

Подскарбій земскій распоривался только господарскимъ скарбомъ, но не личнымъ великокняжескимъ, такъ что не можетъ быть сомнѣній въ томъ, куда поступалъ доходъ отъ винъ. Да и многочисленныя свидѣтельства, которыя приведены выше, говорятъ о поступленіи винъ въ скарбъ. Въ отчетахъ Аврама и др. подскарбійевъ дѣйствительно указанія на вины нѣтъ, но это потому, что всѣ отчеты слишкомъ кратки, содержатъ лишь важнѣйшія статьи дохода. Въ частности, при Аврамѣ, таможенные доходы и серебщина, чеканка монеты получаютъ первенствующее значеніе въ бюджетѣ, тогда какъ много державъ попадаютъ въ залоги. Да и вообще, доходы отъ винъ въ бюджетныхъ подскарбійевъ фигурируютъ, вѣроятно, въ итогѣ доходовъ съ дворовъ; расходныхъ же записей, подобныхъ Сигизмундовымъ, или Казимировымъ за послѣдующее время мы не имѣемъ.

5. Тивуница.

Полоуде изъ княжескаго дохода сдѣлалось намѣстничьимъ. Совсѣмъ противоположную судьбу имѣлъ чисто намѣстничій доходъ—*тивуница*. Само его названіе и положеніе тивуна въ древней Руса хорошо объясняютъ ее значеніе.

Въ начальной періодъ литовско-русской исторіи должность тивуна встрѣчается довольно часто; тивуны являются княжескими (въ удѣлахъ) и великокняжескими привацниками въ волостяхъ; тивуны

¹⁾ Аврамъ Езофовичъ, Киевская Старина, декабрь, 1888 г., р. 430—431.

²⁾ Dziatyński, Zb. pr. lit. p.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XXI, з. 4—6.

есть также у воевод и наместников, владык¹⁾. Эти тивуны ведут свое начало от древне-русских. Но их должность становится весьма невысокой в общей административной дѣятельности, когда князи замѣнили в областях наместников. Съ XVI в. тивуны, какъ правительственные агенты исчезаютъ, оставшись только на Жмуди, гдѣ они имѣли тоже значеніе, что и державцы.

Въ самомъ началѣ литовско-русской исторіи мы видимъ тивуновъ, собирающихъ свой тивунскій доходъ. Такъ, напримѣръ, известна грамота Витовта о тивуновомъ доходѣ въ Борисовской волости²⁾. Въ вучинахъ Кіево-софійскаго собора, около того же времени, собиралась также дань подъ названіемъ тивуницы³⁾.

Слѣдовательно, существованіе тивуницы, какъ тивуновскаго дохода древнѣйшаго времени не подлежитъ сомнѣнію. Но съ половины XV в. мы (кромя Жмуди и Литвы) встрѣчаемъ уже тивуницу въ качествѣ скарбованаго дохода, взимающагося съ волостей въ опредѣленной нормѣ. Въ расходныхъ книгахъ короли Казимира⁴⁾ и Сигизмунда I⁵⁾ встрѣчается или припада болтрамъ за службу тивуницы съ той или иной волости⁶⁾, или ассигновки на этотъ доходъ. Въ Себежской волости выбирали тивуницу половецкіе болтре⁷⁾, Задвинскія волости иногда сами вносили ее въ скарбъ⁸⁾. Въ Торонской волости король разрѣшилъ выбирать тивуницу самимъ воюшанамъ⁹⁾. Помимо Задвинскихъ и Подипровскихъ волостей, гдѣ тивуница была обычнымъ господарскимъ доходомъ¹⁰⁾, въ началѣ XVI в. она

¹⁾ Лѣбавскій, о. с., р. 420 сл.

²⁾ А. Ю. З. Р., I, р. 12.

³⁾ А. З. Р., I, № 26.

⁴⁾ Напр.: „Миханчу Маскервчу тивуница великая возмречала на годъ после Клевела“, здѣсь же была и малая тивуница. Акты Лит.-рус. гос., I, 51, Ср. р. 118.

⁵⁾ Напр. Кн. Зап. Лит., VIII, ст. 426, 429.

⁶⁾ Это не было назначеніе въ должность тивуна, но только сборъ дохода (можетъ быть даже полученіе его изъ скарба, см. Акты Лит.-р. гос., I, 68). Ср. Лѣбавскій, о. с., р. 693.

⁷⁾ А. З. Р., II, р. 159.

⁸⁾ Записъ 1496 г. о вносѣ въ скарбъ тивуницы изъ Дубичи (2 рубля), изъ Тураль (1 рубль), Жаженской тивуницы 2 рубля. Акты Лит.-рус. госуд., I, 67—68.

⁹⁾ А. З. Р., I, 171.

¹⁰⁾ Кроме указанныхъ мѣстностей тивуница собиралась еще напр. въ Рѣчицѣ, Горноли, Унцверскѣ, Бобруйскѣ, Лѣбонанахъ (Кн. Зап. Лит., VIII, 426), въ Могилевѣ, Свислочи, Мозырѣ, Кричевѣ, Пронювскѣ (Кн. Зап. Лит., XII, з. 1—2), въ Торонцѣ.

встрѣчается еще и на Волыни—въ Овручѣ¹⁾. Тивуница вездѣ взималась въ опредѣленномъ размѣрѣ иногда деньгами²⁾, и рѣже медождь³⁾. Подобно другимъ древне-русскимъ налогамъ, тивуница отличалась неподвижностью разѣ установленной нормы. Такъ, при королѣ Казиморѣ въ Могилевской волости и городѣ, тивуница была опредѣлена въ 80 копѣ гр.⁴⁾.

Этотъ размѣръ ее повторяетъ устава 1514 г., по которой положиву тивуница король передалъ своему наместнику кн. Юр. Зеноновичу, а половину оставилъ на себя⁵⁾ и устава 1521 г., когда этотъ доходъ былъ снова взятъ въ скарбъ⁶⁾. Въ 1536 г. господарскимъ вѣрокомъ тивуница могилевская снова передана и въ томъ же размѣрѣ державцѣ кн. Вас. Ив. Соломирскому⁷⁾. Тивуница до реформъ Сигизмунда Августа⁸⁾, когда она была замѣнена новыми налогами.

Такимъ образомъ, въ тивуницѣ, собираемой на скарбъ, мы имѣемъ фактъ перехода наместничьяго дохода въ составъ господарскаго скарба. Съ предыдущими доходами, рассмотрѣнными выше, тивуница имѣетъ общую точку отсрѣженія: въ основѣ своей—это платежъ населенія управляющему имъ лицу за его административныя функціи.

Полодіе, стадія, челобитья, вины — источники доходовъ, возникающіе изъ личной судебной-административной дѣятельности представителя верховной власти. По своему происхожденію это древнѣйшіе источники дохода, возникающіе въ такую пору народной жизни, когда публичныя и частноправовыя функціи представителя власти не разграничены въ сознаніи общества. Но влѣдъ

¹⁾ Лѣбавскій, орил. № 20.

²⁾ См. прим. предъид.

³⁾ Уст. грам. Свислочи 1540 г. „А коли тивуница въдуть брати, на страну съ пудовни по три гроша“, А. З. Р., II, р. 367.

⁴⁾ При Федкѣ вскарѣ. Акты Лит.-рус. гос., I, р. 188.

⁵⁾ А. З. Р., II, р. 113.

⁶⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, 173. Ср. р. 198.

⁷⁾ Кн. Зап. Лит., XIX, з. 173.

⁸⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, з. 159: въ 1558 г. Мозырская тивуница была дана на избраніе воеводѣ Кіев. Гр. Ходковичу.

ствие своей примитивности подобные доходы постепенно уменьшаются, оставаясь лишь как пережитие, съ развитіемъ общественно-правовыхъ нормъ въ государственномъ союзѣ. По мѣрѣ возникающаго преобладанія государственныхъ принциповъ, вотчинные уступаютъ имъ въ значеніи. Сказанное легко прослѣдить на постепенномъ паденіи рассмотрѣнныхъ выше сборовъ.

Въ бюджетѣ государства эти сборы не имѣютъ большого значенія къ концу изучаемаго періода; но въ древнѣйшее время, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ (вина, стація съ дарами) несомнѣнно играли крупную роль. Въ частности обычай даренія подданными государя, въ связи съ обязанностью оказывать ему гостепрѣмство, является актомъ выраженія подданства ¹⁾ и, быть можетъ, и на литовско-русской почвѣ является источникомъ тѣхъ субсидій, которыя давались подданными великому князю и которыя послужили, въ свою очередь, источникомъ развитія прямой общегосударственной подати.

ГЛАВА III.

Государственные имущества.

По опредѣленіи Рау, основанному на историческомъ изученіи вопроса, въ составъ доменъ входятъ двоякаго рода недвижимыя имущества, одинаково служащія удовлетворенію государственныхъ потребностей:— государственные домены, т. е. недвижимыя имущества, находящіяся въ собственности государства, и фамиліальные домены, находящіяся въ собственности государя, но доходъ съ которыхъ идетъ на нужды государства. Между ними существуетъ различіе только юридическое ¹⁾.

Впоследствии мы увидимъ, что и въ Литовско-Русскомъ государствѣ существовали оба вида государственнаго имущества.

Государственные имущества Литовско-Русскаго государства состояли изъ обширныхъ поземельныхъ владѣній съ находящимися на нихъ постройками (дворы въ фольваркахъ со всѣми хозяйственными принадлежностями, мельницы и проч.) и здавій въ городахъ. Постѣднія, т. е. городскія, не имѣютъ большого значенія въ средѣ источниковъ дохода; вѣрнѣе, на нихъ нужно смотрѣть только какъ на извѣстное сокращеніе государственныхъ расходовъ. Городскія постройки имѣли различное предназначеніе. Такъ, въ Вильнѣ источники упоминають о палатѣ великокняжескомъ, служившемъ жительствова-

¹⁾ Садега, принявъ въ 1306 г. Сигизмунда I у себя въ доѣвѣ, подарилъ ему 58 мз., а Радзивилъ—80. Михаилъ Галицскій одарилъ приближавшагося къ Вильнѣ Сигизмунда I турецкимъ невольникомъ, Янъ Заберешинскій — конями и деньгами. (Trzy rozdziały z historyi skarbowości w Polsce, prz. L. Krak., 1863, p. 6).

¹⁾ Основныя начала финансовой науки, т. I, СИБ. 1867, ч. 84, 85 (русск. перев.). Ср. Wagner Adolph, Finanzwissenschaft, I, 1883, 515.

нѣмъ славы государства и его двора ¹⁾. Государскій дворъ упоминается и въ Смоленскѣ, гдѣ онъ, вѣроятно, служилъ мѣстопребываніемъ наместника. Подскарбій земскій Іванъ Горностагъ купилъ для Виленскаго монетнаго двора за 500 копъ грошей особый домъ ²⁾. Тамъ же былъ купленъ домъ для помѣщенія государственнаго архива — Литовской Метрики ³⁾. Очень вѣроятно, что и господарскія рада уже въ XVI в. для своихъ засѣданій имѣла особое зданіе, точно такъ же какъ и господарскій скарбъ съ его канцеляріей имѣлъ особое помѣщеніе. Полсемейство въ городахъ были казенные дома для наместниковъ, воеводъ и старостъ ⁴⁾. Для судовъ также устраивались особыя „кабы“. Всѣ эти постройки обыкновенно находились въ замкахъ. Здѣсь же отводились казармы для наемныхъ солдатъ, а иногда и для другихъ родовъ служивыхъ людей. Но съ точки зрѣнія доходности эта категория государственныхъ имуществъ не можетъ имѣть интереса.

Иное дѣло — помѣстныя владѣнія. Земли, лѣса, рѣки и озера служили могущественнымъ источникомъ государственныхъ средствъ. Государство пользовалось этими богатыми источниками многоразличными способами. Такъ, земля прежде всего оплачивала самую разнообразную услугу государству. Вся военная и гражданская служба опиралась именно на землѣ: великій князь раздавалъ имѣнія или различныя угодья за выполненную службу или на условіи будущей службы. Конечно, подобнаго рода раздачи способствовали изысканію самаго источника, такъ какъ земли выходили изъ государственнаго оборота; однако, данины съ помѣстными характеромъ, доживоты и „дѣбобормленія“ въ извѣстной мѣрѣ могутъ считаться оборотными государственными средствами, такъ какъ передавались не во владѣніе, а въ пользованіе частныхъ лицъ. Въ непосредственномъ же распоряженіи государства находились земельныя имущества двоякаго рода: такъ называемыя „стѣловыя“ имѣнія (великокняжескія домены) и должностныя дѣны; оба вида имущества, кажется, уже съ полов. XVI ст. приобрѣли характерныя черты государственныхъ земель. Од-

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 86 об.

²⁾ Скарбъ арх. Варш. Каз. Паз., отд. 45, кн. 3, л. 10 об.

³⁾ Акты Вил., XIII, р. 89.

⁴⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., VI, л. 335 об.; Кн. Зап. Лит., LVII, л. 19; Кн. Зап. Лит., XLVII, л. 107 и др.

нако, они сдѣлались „добрами“ Речи Посполитой не сразу: въ политикѣ добръ господарскихъ долговъ сливалось представленіе личныя великокняжескихъ имѣній съ государственными доменами въ собственномъ смыслѣ, и только со времени уніи 1569 г. произошло полное и отчетливое разграниченіе личныя владѣній государя отъ государственныхъ.

Такимъ образомъ, въ Литовско-Русскомъ государствѣ, какъ и вездѣ въ средніе вѣка ¹⁾, государственные домены занимали виднѣщее положеніе среди источниковъ дохода и вообще обслуживали весьма разнообразныя стороны государственной жизни. Правда, этотъ фондъ значительно истощался къ концу изучаемаго періода. Для этого были особыя причины. Къ тому же времени возросло и значеніе косвенныхъ налоговъ. Эти два обременительства уменьшили значеніе доменовъ какъ источника доходовъ. Однако въ то же время правительство съ особеннымъ вниманіемъ начинаетъ относиться къ хозяйственному развитію своихъ добръ, такъ какъ истощеніе казны побуждало его къ изысканію новыхъ средствъ, а причины социально-экономическаго характера, въ связи съ развитіемъ экономической науки, давали ему средства и умѣнье лучше устроить свое хозяйство. Соціально-экономическія причины заключались въ томъ, что подданный теритъ право подданнаго и, слѣдовательно, становится удобнымъ матеріаломъ для скарбовой политики. Она исходитъ изъ взгляда на подданнаго, какъ на лицо зависимое и нуждающееся въ опецѣ: опека надъ подданнымъ нужна для его собственнаго благосостоянія; правительство высказываетъ, несомнѣнно, много здраваго смысла въ своихъ заботахъ о подданномъ, но его заботы параллелизуются тою конечною цѣлью, ради которой онѣ высказывались. Въ общемъ, современная экономика суверено отнеслась къ земледѣльцу (исключенія въ родѣ Модржевскаго были не часты) и стояла на точкѣ зрѣнія извлеченія наибольшихъ благъ изъ податныхъ классовъ. Подданный въ рукахъ владѣльца превратился въ одну изъ составныхъ частей хозяйственнаго инвентаря. Люди сдѣлались неотдѣлимую принадлежностью доменальнаго хозяйства.

Очерченный переходъ, къ которому нѣсколько разъ придется возвращаться въ теченіе работы, не можетъ всецѣло быть разсмо-

¹⁾ См. Рау, оп. с., р. 83.

трянъ въ настоящей главѣ; здѣсь нашу задачу придется значительно сдвинуть потому, что домашнему хозяйству въ нашемъ планѣ предполагается отвести особое мѣсто, а въ отношеніи сословныхъ и экономическихъ вопросовъ, — потому, что этихъ вопросовъ намъ придется касаться въ другихъ отдѣлахъ работы. Поэтому предметъ настоящей главы составитъ прежде всего разсмотрѣніе происхожденія и состава добръ государскихъ и земскихъ, какъ источника дохода. Этотъ доходъ складался и изъ предпринимательской дѣятельности скарба, какъ земленадѣльца, и изъ вотчинныхъ сборовъ. Радумѣется, ввиду сказаннаго, о вотчинныхъ сборахъ и вообще о государственномъ хозяйствѣ намъ придется говорить въ самыхъ общихъ чертахъ — лишь настолько, насколько это необходимо для дальнѣйшаго изложенія, потому что впоследствии намъ придется сослаться на нѣкоторые акты хозяйственной дѣятельности скарба.

1. Добри „властныя“ государскія, столовыя и земскія.

Основа государскихъ добръ — это государственная вотчина, территорія которой сложилась въ XIV и началѣ XV в. Отдѣльные дворы и волости этой вотчины сосредоточились въ Подляхін, на Жмуди, въ Вилейскомъ и Троицкомъ поветвахъ. Но и здѣсь они не бездѣ составляли сплошную территорію: въ Подляхін и въ западныхъ областяхъ обонихъ названныхъ поветовъ встрѣчаются большія пространства, занятія государскими староствами и державами, тогда какъ въ Поддѣиловѣ и Подвинѣ эти волости разбросаны среди частновладельческихъ имѣній. Отчасти, въ главнѣйшихъ чертахъ своихъ, сохранилась до конца изучаемаго періода, хотя раздѣломъ земель она, конечно, значительно уменьшилась въ объемѣ. Когда окончилась завоеванія, то этотъ источникъ увеличенія территорій государскихъ земель прекратился. Однако, были еще и другіе его источники. Увеличеніе территорій добръ происходило четырьмя путями, такъ какъ въ число ихъ поступали „спадковыя“, т. е. вымороченныя имѣнія, или полученныя государемъ путемъ завѣщаній отъ частныхъ лицъ, или пріобрѣтенныя покупкою или конфискованныя; наконецъ, послѣдній источникъ — это осуществленіе государственныхъ правъ на незаплатенныхъ земляхъ южной Украины. Ко всему этому слѣдуетъ добавить тѣ староства, которыя были присоединены къ государскимъ въ Литвѣ во время войны.

Право государства наказывать государственныхъ преступниковъ конфискаціею ихъ имущества создано очень рано; факты расправы подобнаго рода встрѣчаются уже и въ до-литовскій періодъ¹⁾. Иногда достаточно было гнѣва великаго князя для отнятія имущества: „А отнялъ былъ деи князь великий Витовтъ, — передаетъ грамота закладеніе Смоленскаго владыки Михаила, — разгнѣвался на первого владыку и далъ былъ Нестеру Терпигореву²⁾, отнять даже у церкви церковныхъ „процанъ“³⁾. Великій князь Казимиръ производитъ обширную конфискацію въ Смоленскѣ и раздаетъ земли своимъ сторонникамъ; здѣсь причина конфискаціи уже носитъ характеръ наказанія за государственное преступленіе — возстаніе смольнянъ. Земельныя уставныя грамоты и общеземскіе привилегіи ограждали общество отъ „гнѣва“ государя, почему конфискація возможна была только за преступленія государственнаго характера⁴⁾. Возстаніе Мих. Д. Глинскаго передало въ распоряженіе государства много имѣній этого князя и его сторонниковъ, хотя едва-ли государь что-либо изъ нихъ удержалъ: конфискованное имущество сейчасъ же передавалось сторонникамъ короля⁵⁾, которыхъ необходимо было привлекать такимъ образомъ. По это же возстаніе дало поводъ къ изданію спеціальнаго закона о конфискаціи имѣній государственныхъ преступниковъ на государя⁶⁾. Статуты подтвердили конфискацію имѣній за бѣгство въ неприятельскую землю (1 Ст. разд. I арт. 2, 3). Второй Статутъ подробнѣе регламентируетъ составъ государственныхъ преступленій, караемыхъ отнятіемъ имѣній или отнятіемъ имѣній и смертию казнью (разд. I арт. 3, 11, сюда же надо отнести и арт. 6 того же раздѣла). Кроме того въ Статутахъ и еще приводятся примѣры преступленій, караемыхъ конфискаціею имѣній. Такимъ образомъ наказываются тотъ, „хто бы много за мало упрости, а безъ данины побралъ“ (1 Ст. разд. I арт. 8, 2-ой Ст. разд. I, арт. 15). Установленіе мита „кромя звичайнаго торговаго“ тоже карается отнятіемъ имѣній (2 Ст. разд. I арт. 25). Наконецъ, Статуты предвидятъ цѣлый рядъ уклоненій отъ

¹⁾ Напр., во время борьбы Данила Галицкаго съ боярствомъ.

²⁾ Документы Моск. Арх. Млв. Вост. I, р. 32.

³⁾ А. З. Р., I, р. 149.

⁴⁾ Напр., А. З. Р., II, р. 41, 44, 47 и др.

⁵⁾ А. З. Р., II, 62.

исполненія земскихъ повинностей и платежа земской подати, за что виновные подвергаются тому же вассалію. Временнымъ отпигіемъ имѣній карались не уплатившіе въ срокъ серебцаны.

Однако, хотя основные законы предвидѣть немало преступленій въ результатѣ которыхъ являлась бы конфискація недвижимыхъ имуществъ преступниковъ, въ дѣйствительности примѣненіе этой мѣры бывало очень рѣдко, въ особенности при обоихъ Сигизмундахъ. Конфискація въ крупныхъ размѣрахъ извѣстна только при усмиреніи Смоленска при Казимирѣ, при изгнаніи изъ государства евреевъ Александромъ ¹⁾ и во время возстанія М. Глинскаго. Ирѣдка, за неисполненіе военной службы или условій данины господа отнимаютъ имѣнія, но и то большею частію отпигія имѣній подѣ тѣмъ или другимъ предлогомъ возвращались. Сами „станы“ часто напоминали королю о снисходительности въ данномъ отношеніи. Неплата же налоговъ кончалась обыкновенно военнымъ походомъ въ имѣнія неуплатившаго. Такимъ образомъ конфискація имѣній была источникомъ расширенія господарскихъ добръ, имѣла весьма небольшое значеніе.

Гораздо большій интересъ представляетъ увеличеніе господарскихъ добръ по завѣщаніямъ въ пользу великаго князя. Такъ, пани Олигарова Шиловича завѣщала Казимиру два большія имѣнія на Волыни—Горюховъ и Здовицу ²⁾. Это—„спадокъ“, наследство, которое получилъ великій князь. Такой же „спадокъ“ получилъ въ 1551 году Сигизмундъ Августъ ввѣдѣ Глуской волости по завѣщанію Павла Гольшпанскаго, бискупа Виленскаго ³⁾. При Сигизмундѣ I извѣстно нѣсколько случаевъ принудительнаго „записа“ королю имѣній. Такъ князь Федоръ Михайловичъ Мстиславскій, сильно скомпроментированный бѣгствомъ своего сына въ Москву ⁴⁾, долженъ былъ принять Сигизмунда Августа „за мѣсто сына“ и „записать по своему животу“ ему Мстиславъ и Радомль, а самъ владѣлъ ими уже на условіяхъ доживотья ⁵⁾. Князь Федоръ Ивановичъ Ярославича въ 1509 г. выдалъ „запись“, въ которой завѣщалъ королю свои кня-

¹⁾ Борнаевскій, Литовскіе евреи.

²⁾ Грамоты вел. кн. литовскихъ, В. В. Антоновича, р. 14.

³⁾ Baliński, Star. Polska, IV, p. 693.

⁴⁾ Леонтовичъ, Очерки Ист. Лит.-русск. права, 117.

⁵⁾ А. З. Р., II, р. 181.

жескій вотчины—Рогачевъ, Городокъ и Пинскъ ¹⁾. Все это „спадки, волею или неволею завѣщанные королю. Малкіе записи барады довольно часто. Статуты предвидѣть завѣщанія въ пользу господа и указываютъ порядокъ совершенія записокъ на господа „имѣній лежаныхъ и иныхъ маестностей“. (2 Ст. разд. III арт. 35).

Спадковыя имѣнія по завѣщанію имѣютъ извѣстную связь со спадками на господа въ формѣ вымороченнаго имущества.

Право великаго князя на „спадки“, т. е. на вымороченнаго имущества, коренится въ обычаяхъ древней Руси ²⁾. Соответственныя постановленія встрѣчаются уже въ земскихъ уставныхъ грамотахъ. Кіевская уставная грамота постановляетъ: „а будетъ пустой человекъ, ни дѣтей, ни племенн, ино на насъ тое имѣніе“ ³⁾. Этотъ законъ находится въ полномъ соответствіи съ древне-русскою жизнью и съ дѣйствительностью, установившеюся на Литовско-русской почвѣ. Тѣмъ не менѣе въ уставныхъ грамотахъ Полоцку, Витебску и Смоленску встрѣчается постановленіе какъ разъ обратнаго характера: „въ безадичинѣ и въ отпирцихъ витебскіи текъ не маемъ вступатися“ ⁴⁾. Противорѣчіе постановленій разныхъ грамотъ вызывается недоразумѣніемъ у издѣлователей ⁵⁾. Но если великій князь не имѣетъ права наследованія вымороченнымъ имуществомъ (а объ этомъ всѣ три грамоты говорятъ вполне согласно), то не будетъ особенной смѣлостью предположить, что въ такомъ случаѣ наследникомъ является земская община ⁶⁾. Съ этимъ согласуется и то, что мы знаемъ о вѣчевой жизни этихъ трехъ земель, и, наконецъ то, что въ эпоху уставныхъ грамотъ извѣстенъ фактъ ограниченія великокняжеской власти въ расширеніи территоріи области: на Жмуди господаръ обязывался не строить новыхъ дворовъ ⁷⁾, но такъ какъ Жмудъ въ началѣ XV в. не была вся заселена (что доказывается раздачею пустыхъ земель и въ послѣдующее время), то это ограниченіе означало, что господари не мось захватывать новыхъ земель для себя лично.

¹⁾ Wolf, Rod Gedymina, p. 29, 30. Леонтовичъ, о. с., р. 101.

²⁾ Бѣльскіи, О наследствѣ безъ завѣщанія.

³⁾ Яетскій, о. с., р. 170.

⁴⁾ Ibidem, p. 172, 173.

⁵⁾ Ср. ibidem замѣчаніе г. Лопатова въ прилѣжаніи, р. 172.

⁶⁾ Ср. замѣчаніе профессора Леонтовича, Спорные вопросы по исторіи Русско-Литов. права, СПб., 1893, р. 46.

⁷⁾ Dziabyński, Zb. pr. lit., p. 71.

Вот почему волией правдоподобно, что и въ Смоленской, Полоцкой и Витебской грамотахъ ограничивалось право верховной власти присоединять вымороченныя имущества къ своимъ собственнымъ, обращать ихъ въ личныя владѣнія. Но великій князь, какъ отчичъ всей земли, могъ, конечно, распорядиться вымороченными имѣніями, можетъ быть, по представленію намѣстника, — не выводя ихъ изъ земли, напр., отдавалъ мѣстнымъ боярамъ. Въ уставной грамотѣ Полоцку государь обѣщаетъ „недаритися никому“ полочанамъ, т. е. верховная власть ограничивается въ раздачѣ земель и людей; подъ этимъ постановленіемъ грамоты подразумѣвается ограниченіе такой раздачи, которая шлобыла бы земля изъ „воеводства“, т. е. изъ военно-служилого его строя¹⁾. Дѣйствительно, факты раздачи „спадковухъ“ имѣній въ этихъ областяхъ мы встрѣчаемъ неоднократно, и они оставались безъ протеста, очевидно потому, что не составили нарушения мѣстныхъ „волюостей“. „Што на насъ государя спало по нами Зофья Николаевой Радивиловой княгини Желавской, яко бездомной, имѣнице называеое Писса въ Полоцкомъ повѣтъ... дали есмо тое имѣнице Писсу²⁾ — Александру Штуту³⁾. Такъ комбинируются права земли на вымороченныя имѣнія и право государя въ распоряженіи ими.

Это вѣроятное различіе, существовавшее въ разныхъ областяхъ по отношенію къ вымороченнымъ имѣніямъ служить намекомъ на то, что существовали двоякаго рода взгляды на наследованіе: и въ последующее время встрѣчаемъ признаки колебаній въ томъ смыслѣ, что государь считаетъ самого себя наследникомъ, тогда какъ въ обществѣ замѣчается тенденція считать спадковья имѣнія въ числѣ земскихъ.

Путемъ „спадка“ государскія поземельныя имущества иногда весьма значительно увеличивались. Такъ, въ числѣ спадковухъ встрѣ-

¹⁾ Такъ мы познаемъ это жето грамоты, руководясь указаніями одного универсала 1605 г. въ Кн. Зап. Литов. LXXV, л. 230 (соответственное жето изъ него будетъ приведено ниже). На практикѣ отступленій было не мало (Кн. Зап. Лит., XX, л. 194, XL, л. 99 об. — объ отдачѣ земель нутныхъ). Однако и правительство и мѣстное воеводство не разъ высказывались за такое именно толкованіе грамоты, т. е. противъ отдачи нутныхъ людей и ихъ земель (Кн. Зап. Лит., XIV, л. 142 об., VIII, л. 203).

²⁾ А. В. З. Р., I, 33.

чаемъ цѣлыя княжества — Заславское⁴⁾, Кобринь⁵⁾, Гомель⁶⁾, и др. Отъ Гаштольдовъ великій князь получилъ цѣлый рядъ круныхъ имѣній, разбросанныхъ по разнымъ мѣстностямъ государства, напр., Радошковичи⁷⁾, Трабы⁸⁾, Быховъ, Добосна съ селами и др.⁹⁾; Полоцко, Лисково и Межирѣчье пришли на государя по смерти Екатерины Вейтеховича¹⁰⁾ и т. д. Приходили и болѣе мелкія имѣнія¹¹⁾.

Даже городскія земли, лежащія въ мѣстномъ фрндѣ, переходили какъ вымороченныя къ государю¹²⁾.

Конечно, учесть всѣ земли, перешедшія къ великому князю, въ качествѣ спадковъ того или иного рода нѣтъ никакой возможности, такъ какъ очень часто имѣнія поступали къ нему и сейчасъ же передавались на тѣхъ или иныхъ условіяхъ, частнымъ лицамъ. Да, впрочемъ, въ этомъ и нѣтъ особенной надобности, такъ какъ изъ источниковъ мы знаемъ только названія имѣній, по рѣдко имѣются какія либо свѣдѣнія о размѣрахъ ихъ или хозяйственномъ значеніи (кромя некоторыхъ круныхъ владѣній, какъ Писса, Клецъ, Кобринь, Радошковичи); кроме того по специальнымъ изслѣдованіямъ объ областномъ дѣленіи (гг. Леонтовича, Любавскаго, Балтинскаго) и объ удѣльныхъ князьяхъ (каковы работы гг. Вольфа, Стадницкаго и др.) можно прослѣдить переходъ весьма многихъ имѣній въ руки короля и отъ него къ частнымъ лицамъ. Столь же несудейственнымъ является для насъ спорный юридическій вопросъ объ условіяхъ, при которыхъ имѣніе признается вымороченнымъ¹³⁾. Намъ надо

⁴⁾ Леонтовичъ, Очерки, р. 96.

⁵⁾ Ibidem, р. 65.

⁶⁾ Кн. Зап. Лит., XII, л. 113.

⁷⁾ Документы Моск. Арх. Мюн. Вост. I, р. 90.

⁸⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVIII, л. 10—12.

⁹⁾ Кн. Зап. Лит., XXXV, л. 203 об.—261 об. и 285—286.

¹⁰⁾ Кн. Зап. XXXVIII, л. 494.

¹¹⁾ Кн. Зап. Лит., XII, л. 56 об. и 120; XXXVII, л. 105 и 133; Леонтовичъ, Акты Метрики Литовской, № 8 и мн. др.

¹²⁾ Леонтовичъ, Акты, № 557.

¹³⁾ Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, породилъ обширную литературу, привлекающую вниманіе лучшихъ знатоковъ права. Таковы изслѣдованія пр. Берндакаго, „Литовскій Статутъ и польскія конституціи“, СПБ., 1893 г. и его же „О наследованіи въ вымороченныхъ имуществахъ по Литовскому праву“, СПБ., 1893; пр. Леонтовича, „Спорные вопросы изъ ист. Литовско-Русскаго права“ и „Къ вопросу о вымороченныхъ имуществахъ по Литовскому праву“ (Журн. Мюн. Вост. 1897 г.); пр. Гольмстенъ, „Три вопроса изъ исторіи Русско-Литовскаго права“ (Журналы

только имѣть въ виду, что уже со времени уставныхъ земскихъ грамотъ и первыхъ земскихъ привилегій (1387 г. и 1413 г.) шляхта стремилась служить понятію вымороченности, расширяя право наследованія на широкій кругъ *proximiores*, тогда какъ въ болѣе древнее время „право наследованія въ Литвѣ было весьма ограничено для родственниковъ въ пользу великаго князя, къ которому, при отсутствіи ближайшихъ родственниковъ наследодателя, оставшееся послѣ него имущество приходило *Spadkiem*, т. е. по наследству¹⁾“.

Серьезное значеніе для нашей цѣли имѣеть вопросъ о томъ, кому собственно поступали владѣнія, государю или государству. Относительно вышечисленныхъ государю владѣній можно догадываться, на основаніи самаго факта ихъ происхожденія, что они составляють личное владѣніе великаго князя. Однако, относительно вымороченныхъ имуществъ опредѣленный взглядъ не скоро установился. Но этотъ вопросъ сводится съ другимъ—съ вопросомъ о происхожденіи земскихъ добръ. Выше было указано, что въ эпоху уставныхъ грамотъ мѣстные законы смотрѣли на этотъ вопросъ неодинаково. При разсмотрѣніи историческаго образованія вотчины были приведены выраженія источниковъ, позволяющія думать объ извѣстномъ разграниченіи государственной собственности и личной великокняжеской²⁾. Это не значитъ еще, что оба понятія ясно различаются въ столь древнее время³⁾, но здѣсь только видно зарожденіе идеи

Юрлич. Общ. при СПб. универ. 1896 г., февраль; в. Пашковскаго, „Къ исторіи Литовскаго права послѣ третьяго Статута“, СПб., 1893 г. и г. Ольшамовскаго, „Общественность для Вел. Кн. Литовскаго конститутіи владѣній собою 6. Польской Речи Посполитой“ и пр., СПб., 1897 г.

¹⁾ Ольшамовскій, о. с., р. 80. Ср. Леонтовичъ, Спорные вопросы, ст. 45.

²⁾ Ср. стр. 19.

³⁾ Замѣтимъ, что идея раздѣленія собственности князя и земской общины извѣстна еще древней Руси (ср. у П. В. Голубовскаго, Исторія Смоленской земли, р. 234. Липиничко, Черты изъ ист. соед., 48—53. Владимірскаго-Буднова, Обзоръ и пр., р. 409). Ближе въ статьѣ „О доходахъ Московскаго государства“ (Чтенія въ Общ. Ист. и Ар. Рос., 1884, IV) развѣиваетъ теорію, по которой все земля первоначально принадлежала городскимъ и сельскимъ общинамъ или составляла вотчинное владѣніе частныхъ лицъ. Князь владѣлъ тѣмъ, что ему было уступлено общиной, или имъ приобретено (р. 48). Подтвержденіе своего взгляда на различіе княжеской и общинной собственности онъ видитъ уже въ грамотахъ московскихъ князей (р. 49). Общинная земля составила разрядъ черныхъ земель, на которыхъ князь не имѣлъ права личной собственности (р. 52). Взглядъ Бѣлова страдаетъ

обособленія собственности государя и государства. Должно было пройти немало времени для ея развитія и утвержденія въ представленіи общества и въ правѣ. Зародившаяся въ столь древнее время идея раздѣленія собственности государя и государства затронувала весьма существенные интересы двухъ сторонъ—господаря и подданства и потому разрѣшеніе ея склонилось то въ ту, то въ другую сторону въ зависимости отъ роста значенія того и другого „стана“ въ государствѣ. Исторія развитія представленій о земскихъ, столовыхъ и лично государскихъ земляхъ могла бы представить интересъ, но она не можетъ быть восстановлена въ подробностяхъ за отсутствіемъ источниковъ.

Если бы судить по опредѣленіямъ, какія даются источниками разнаго рода землямъ, то отсюда еще нельзя было вывести опредѣленнаго заключенія: все добра называются „государскими“, „пашинами“, т. е. великокняжескими; по Статуту земли конфискуются или принаются вымороченными „на государя“—это обычная фраза только со второй половины правленія Сигизмунда I называютъ истрѣляться терминъ добръ столовыхъ и земскихъ. Если взять въ основаніе способъ раздачи волостей и державъ, то и это также мало даетъ для разрѣшенія вопроса: власть государя Литовскаго была обширна и притомъ раздача „достоенствъ“, вѣдомъ и державъ, было прерогативой престола, въ весьма немногихъ ограниченнѣйшихъ мѣстныхъ характера. Даже Сигизмундъ Августъ самостоятельно раздавалъ державы, что мы знаемъ не изъ формулъ актовъ (онѣ не всегда вѣдъ соответствовали дѣйствительности), но по болѣе интимнымъ источникамъ. Но тѣмъ обстоятельствомъ, что тотъ или иной наместникъ „привлаживать“, какъ выражаются князи времени Казимира, печать жалованную грамоту не нарушалась прерогатива великаго князя раздавать земли. Во всякомъ случаѣ, процессъ раздачи державъ имѣлъ и за-

тѣмъ общими недостатками, что авторъ не принялъ въ расчетъ всеобщаго пониженія государственнаго принципа въ вѣдѣній Московскій періодъ и вытекающаго изъ него различенія понятія, что не было въ дѣйствительности. Въ противоположную крайность шло Лашери, отодвигавшій развитіе государственнаго принципа къ XVI в. (О вотчинахъ и помѣстьяхъ, р. 24—26). Если бы пошло сравненіе раздѣленія государственныхъ имуществъ Литовской Руси и Московской, то такъ какъ Подвискаго и Подыбарскія волости первой можно сравнить съ черными землями второй; а дворянскія и вѣдѣныя помѣстья—съ княжескими поддѣльными землями московскихъ государей.

мель не дает возможности для заключений о принадлежности дачь къ землям господскимъ или государственнымъ. Однако и еще надо отметить одно немаловажное обстоятельство: мѣстное право некоторых земель обуславливало раздачу земель лицамъ „осѣлцямъ“ въ землѣ, „прироженцамъ“. Такъ было, напр., на Жмуди. Это означало, что хотя великій князь пользовался прерогативой раздачу земель, но кругъ лицъ, среди которыхъ свободныя земли могли распределяться, былъ суженъ, и слѣдовательно земли оставались въ рукахъ шляхты именно данной области, мѣстнаго посольства. Это право областей на удержаніе земель въ рукахъ мѣстнаго посольства можно признать въ Литовской Руси весьма распространеннымъ, хотя оно и не всегда имѣло законодательную санкцію.

Характеръ управленія дачь нѣсколько болѣе въ вопросѣ о разнѣннхъ взгляда на раздачу добръ. Тутъ прежде всего надобно напомнить уже известную намъ фактъ, что еще по уставнымъ грамотамъ привилегіею боярства нѣкоторыхъ областей (Кіевской, Полоцкой и др.) составило управленіе известными волостями: король назначалъ въ такія „волости“ или замки, чаще всего на опредѣленный срокъ, послѣ чего назначался другой. Хотя лицо въ данномъ случаѣ выбиралось великимъ княземъ, но право выбора было ограничено известнымъ кругомъ лицъ в сроки ихъ управленія, слѣдовательно замокъ не могъ быть отдавъ, напр., въ доживотье и пр. Съ другой стороны, должностные лица, поименованныя, составляють древнее племеніе. Въ обоихъ случаяхъ право распоряженія остается за господаремъ, но земли фактически находятся въ обладаніи посольства цѣлой области. Но въ древнѣйшій періодъ это—только мѣстное право. Конституціонная хартія 1492 г. содержитъ въ себѣ параграфъ, намекающій на разграниченіе земскихъ и господарскихъ добръ. Эта статья заключаетъ въ себѣ обязательства великаго князя посмать *binos et binos dominos* по повѣстамъ и общинамъ данниковъ для собиранія дачей и такъ называемыхъ „недополковъ“ (*reliquiis in vulgari niedoginkow*)¹⁾. Изъ скарбовой практики очень хорошо известно, что упоминаемые здѣсь *domini*,—своего рода *missi domini* для престоляскаго населенія—дѣйствительно размещались въ русскія волости для сбора дачей и чиненія суда и расправы; это были скарбовые писари. Само упомянутое о „недополкахъ“ тоже намекаетъ

¹⁾ Działyński. Zbiór praw litewskich. p. 61.

на посылку ихъ именно въ т. наз. русскія волости; наконецъ, въ текствъ послыски предиласается только *super districtus et tributarios*, т. е. о дворахъ не говорится; и дѣйствительно послыски писарей по дворамъ вошли въ практику нѣсколько позже и иначе были обставлены. Цѣль указанной статьи выписывается изъ ея редакціи, но остается неясной причина такого обязательства со стороны великаго князя. Если вспомнить о другой статьѣ того же привилея, ограничивавшей согласіемъ ради право распоряженія господаря известнаго рода доходами, то рассматриваемую статью надо понимать въ томъ смыслѣ, что собираемые посланцами доходы контролировались тою же радюю и, слѣдовательно, составляли господарскій скарбъ, а не лично великому князю принадлежащіе доходы. Если это такъ, то въ данномъ случаѣ истрачиваемъ впервые попытку видѣть известную категорію земельныхъ имуществъ изъ личной власти господаря и передать подъ контроль государственнаго учрежденія—рады. Это уже ограниченіе не мѣстнаго, но общегосударственнаго свойства и земли подвергаются контролю не мѣстныхъ элементовъ, но общегосударственнаго учрежденія. Это должно было вести къ ослабленію мѣстныхъ и частныхъ законовъ о распределеніи добръ и къ выработкѣ общихъ правонахъ нормъ въ этомъ отношеніи, при чемъ областныя права поглощаются общегосударственнымъ. Что статья привилея 1492 г. имѣетъ въ виду раздачу добръ и дѣйствительно развивала начала понятій о господарскихъ и земскихъ добрахъ, причемъ районы ихъ намѣтились такъ, что русскія волости отошли къ земскимъ, а западные дворы, центры господарской вотчины,—къ господарскимъ,—доказывается еще и различіемъ въ дальнѣйшемъ управленіи тѣхъ и другихъ. Русскія волости пользуются широкими мѣстными правами, стариной, среди нихъ нѣтъ господарскихъ дворовъ; когда истаринный обычай строй сталъ колебаться, волости получаютъ господарскіе уставы и выроки, узаконеніе общино-правовой строй. Господарскій скарбъ пользуется доходами этихъ волостей, но не вводитъ въ нихъ той системы вотчиннаго хозяйства, которая является преобладающей чертой господарскихъ дворовъ. Назначеніе этихъ волостей—обслуживать нужды общегосударственныя (напр., постройку замковъ украинныхъ, а не только мѣстныхъ), но не лично господарскія. Русскія волости пользовались такими привилегіями, что даже въ пору сильнаго развитія крѣпостническихъ тенденцій, вотчинная власть подошла къ русскимъ волостямъ далеко не сразу, такъ что „мужи“, „волоцане“ русскихъ

волостей гораздо позже вошли въ составъ крестьянскаго населенія государственныхъ вотчинъ (въ самомъ концѣ XVI в. и въ началѣ XVII в.).

Это отличие въ положеніи русскихъ волостей отъ государственныхъ дворовъ именно указываетъ на то, что волости эти, несмотря на постоянное смѣшеніе вотчиннаго и государственнаго началъ, все таки сохраняли значеніе земель государственныхъ, но не великокняжескихъ. Правда, нѣкоторыя изъ нихъ путемъ „спадковъ“ превратились въ господскія (Оболды, Могилевъ, Рогачевъ и др.), но эти спадковья выдѣлялись изъ остальныхъ государственныхъ. Дополняемъ, что одна изъ повинностей русскихъ волостей тоже указываетъ на ихъ принадлежность: нѣкоторыя волости (можетъ быть и всѣ, но о всѣхъ нѣтъ данныхъ) вносили особые платы на подскарбія земснаго и ключниковъ даже въ половинѣ XVI в., между тѣмъ съ дворовъ государскихъ подскарбіи не получали содержания, хотя управленіе ими въ половинѣ XVI в. находилось въ его рукахъ. Такъ какъ всѣ старинные платежи и повинности отличаются традиціонною устойчивостью, то и платежи въ пользу подскарбіи указываютъ на то, что эти волости вошли въ сферу распоряженія рады задолго до того момента, когда раздѣленіе добръ влодѣй опредѣленно указывается источниками.

Конецъ XV и начало XVI вв. въ исторіи государственныхъ имуществъ должны были играть немаловажную роль еще и потому, что и въ сосѣдней Польшѣ вопросъ о государственныхъ имуществѣхъ, о правѣ и порядкѣ распоряженія ими вызывалъ большое вниманіе со стороны общества. Вона mensae regiae получили влодѣй государственное назначеніе¹⁾. Вопросъ объ отчужденіи государственныхъ земель вызвалъ къ жизни цѣлый трактатъ очень освѣдомленнаго въ финансовыхъ вопросахъ, по своему служебному положенію, и очень начитаннаго въ церковной и юридической литературѣ,—скарбиника Заборовскаго. Въ своемъ трактатѣ, изданномъ въ 1507 году въ Краковѣ, Заборовскій исходитъ изъ общаго представленія о происхожденіи и сущности верховной власти. Текстами изъ св. Бригитты онъ доказываетъ, что народъ никогда вручилъ власть одному лицу,—considerans se non posse stare sine rege. Отсюда король является mediator и conservator власти и народа. Поэтому, король ничего не мо-

¹⁾ Blumenstok, Plany reformy skarbowo-wojskowych w pierwszej połowie panowania Zygmunta Starego. Przewodnik naukowy i literacki, 1882, № 2, p. 109.

жетъ уменьшить изъ того, что самъ получилъ, и долженъ все въ цѣлости передать своему преемнику. При возникновеніи государственной власти на основѣ *ius gentium*, король получалъ и государственныя имущества. Но онъ отнюдь не является ихъ dominus, но только administrator. Имущества являются только составною частью *jurium feodalium* королевской власти, которыми онъ имѣетъ право распоряженія и пользованія, но не собственности. Изъ этого общаго положенія Заборовскій выводитъ тотъ принципъ, что государственныя имущества не могутъ быть отчуждаемы ни подъ какою предлогомъ государственною властью¹⁾.

Такимъ образомъ идея раздѣленія государскихъ и государственныхъ имуществъ, признаки которой встрѣчаются въ источникахъ очень ранняго времени, при чемъ понятіе государственнаго имущества является въ видѣ общиннаго, дѣлаетъ очевидные успѣхи къ началу XVI в. Правда, первый Статутъ еще молчитъ о разграниченіи имуществъ того и другого рода, но въ немъ есть важная статья, устанавливающая способъ раздачи имѣній государемъ. По этой статьѣ государь обязуется „никому ничего“ не раздавать изъ имѣній, людей и земель въ бытность свою въ Польшѣ; всякаго рода раздачи и подтвержденія производятся только въ Литвѣ и только за заслуги: по это относится только къ раздачамъ влодѣй по условнымъ формамъ: всѣ „вѣчности“ подтверждаются королемъ только „егда будетъ веселозель съ нами радами нашими на влодѣмъ сойма“. Всякаго рода привилегіи, полученные безъ соблюденія означенныхъ условій „ни увошто оборочаемъ“; только „купилъ“ государь можетъ подтверждать гдѣ угодно (Разд. I, арт. 25). Латинскій контекстъ записи называется фонды раздачи—*vona discaia*²⁾. По существу здѣсь право короля значительно ограничено, хотя статутовыя статьи и весьма мягко это выражаютъ. При великомъ князѣ, когда онъ былъ въ Литвѣ, всегда была рада въ большемъ или меньшемъ числѣ; слѣдовательно ей присутствіе дѣлалось извѣстнаго рода контролемъ даже въ раздачѣ обыкновенныхъ „данинъ“ и доживотій, а „вѣчности“ въ силу тѣхъ же

¹⁾ Tractatus quadrifidus de natura Jurium et bonorum regis et pr., переизданный въ V г. изданія Краковской Академіи Навкъ Starodawne prawa polskiego pomniki, 1878 г.

²⁾ Działyński, Zbiór praw litewskich, p. 167.

соображений, контролируются присутствием и рады и сеймовых депутатов.

Вообще, в период между первым и вторым Статутами последовало полное расширение добры земельных, господарских (столовых) и лично великокняжеских. Несомненно, большую ясность в эти соотношения внесла деятельность королевы Бони. Известно, что в ее руках сосредоточились громадные земельные богатства в пределах Польши и Литвы¹⁾; многое она получила в дар от своего мужа, многое прикупила сама; деятельность ее по отношению к имениям вовсе не была вхожа на прежний Ягеллоновский традици: это деятельность частного собственника. В свою хозяйственную политику она вступивает и молодого Сигизмунда Августа, заключая сделки от своего и его имени. При наклонности современного общества смотреть на господарские земли как на государственную собственность, деятельность Бони вызвала в его среде неудовольствие и стремление вынести пределы лично великокняжеской и государственной собственности. В Польше ропот и недовольство шляхты выражались с особенной резкостью²⁾, так что Сигизмунд I издал в 1540 г. постановление, разъясняющее положение этих имений в Коронь и возможность их выкупа Речью Посполитой³⁾.

Действительно, в астах изучаемого периода уже часто встречаются указания личных прав на те или другие имения не только королевы Бони, но и Сигизмунда Августа. Так в одном акт 1533 г. король выражается о Книшинь: „имение сына нашего молодого короля и великого князя его милости Жигизмонта“⁴⁾. Бельск и Гродно тоже называются имениями „короля его милости молодого“ (в грамоте около 1536 г.)⁵⁾. Особенно часты эти указания около времени уни 1569 г., когда вопрос выяснился уже в законодательным путем. В 1569 г. Сигизмунд Август закладывает Ярошу Кречовскому дворь Шерешовь— „imienie nasze własne a osobnym prawem унїем власней osobie naszey належонце“⁶⁾. Замость Раковковичи—

¹⁾ Pulaski. Szkice historyczne, ст. о хозяйстві королевы Бони.

²⁾ Ср. у Ст. Ореховскаго, Анналы яри изд. Длугоша 1711 г., т. II, р. 1561 слѣд.

³⁾ Statuta Herburt, подь словом bona regalia.

⁴⁾ Кн. Судныхъ Дѣлъ Лит., VII, л. 100 об.

⁵⁾ Кн. Зап. Лит., XXX, л. 19 об.

⁶⁾ Кн. Зап. Лит., XLII, л. 14.

власть королевская¹⁾, Шавли²⁾, Любечь³⁾, Остерь⁴⁾, Брискъ⁵⁾ тоже принадлежать „властной особѣ“ Сигизмунда Августа, точно так же как и ряд другихъ имений⁶⁾. Имения королевы Бони достались Сигизмунду Августу тоже в личное владѣніе⁷⁾ и т. д. Какъ частный владѣлец, великій князь вступаетъ вь сделки съ другими частновладѣльцами, дарить, мѣняетъ и пр. Вь 1567 г. онъ похѣдилъ своими дворами Воложиннымъ и Лицкиною на дворь Индуръ съ Мих. Юр. Радвиломъ⁸⁾. Съ паномъ Яномъ Ходкевичемъ король заключаетъ договоры о продажѣ Плетель въ Жомойти, хотя потомъ и уничтожилъ этотъ договоръ⁹⁾. Некоторые изъ актовъ сделокъ содержатъ и разъясненіе, что это именно личные имения короля. Отдавая вь 1572 г. Миколою Криштофу Радвилу Шавельскую державу въ доживотье, король разъясняетъ, что Шавли „własney osobie naszey, a nie do stola krolom y wielkimъ xiążętomъ ich mosci належѣса, которъ wedle prawъ naszychъ y wedle przywileciowъ ziemskiechъ на униъ uczynionychъ wolno namъ jestъ szafować, zawodzić y oddawać komu chcѣсѣ“¹⁰⁾. Также самое общее заключеніе о великокняжеской собственности находимъ вь мѣнливой сделкѣ короля съ паномъ Яномъ Ходкевичемъ. Король и Янъ Ходкевичъ заключаютъ вь 1571 г. такое условіе: такъ какъ некоторые имения Ходкевича прилегли къ королевскимъ, то Ходкевичъ свои дѣдичныя имения Свяслочь, дворь Гринки, Яново, Волковичизну въ повѣрѣ Волковийскомъ—со всею „владностью“ передаетъ „властной особе короля его милости не яко королю Полскому и великому князю Литовскому, але властной особе его королевской милости и потомкомъ его королевской милости“.

¹⁾ Публн. Дѣл. Лит. X, л. 30.

²⁾ Публн. Дѣл. Лит. VIII, л. 71.

³⁾ Публн. Дѣл. Лит. X, л. 87 об.

⁴⁾ Ibid. л. 86.

⁵⁾ Кн. Зап. Лит. XXXVII, л. 171 об.

⁶⁾ Лысково и Мажарьво проданы Михаилу Мишкину вь 1572 г. за 20000 коп. гр. литовскихъ, причѣмъ деньги вошли „до власной сиринки“ короля. Кн. Зап. Лит. LI, л. 30. Ср. еще свѣдѣнія о „власныхъ имѣніяхъ“ въ Кн. Зап. Лит. XXXVII, л. 41, л. 149, въ кн. XXXVIII, л. 98 об. и др.

⁷⁾ Жизнь князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и отъ Волыни, изд. Бѣл. Археогр. Ком. I, р. 8 (относительно Бельскаго староства).—Кн. Зап. Лит. XLII, л. 108 (о Кременецѣ).

⁸⁾ Кн. Зап. Лит. XI, л. 132.

⁹⁾ Кн. Зап. Лит. LIV, л. 61 об.—62 об.

¹⁰⁾ Кн. Зап. Лит. LI, л. 316.

За это король уступает Ходкевичу на вѣчность дѣльня свои не ку столу добръ королевскихъ и великого княства Литовского, але властной особе и парсоне его королевской милости належаче²⁾ — замокъ Ляховичи, дворъ Жеребковичи въ Новгородскомъ повѣтѣ, мѣсто Ботоки, дворъ Кретинку, 50 волокъ въ волости Палантеской въ землѣ Жомойтской³⁾.

Изъ этихъ актовъ видно, что самъ король подчиняется наравнѣ съ прочимъ шляхтой общимъ государственнымъ правамъ. Тутъ же особенно обращаютъ на себя вниманіе тѣ мѣста грамоты, которыя указываютъ на отлічіе королевскихъ имѣній отъ столовыхъ, т. е. такихъ, которыя составили принадлежность господарскаго уряда. Кромѣ того въ указанныхъ грамотахъ видна связь новаго положенія вещей съ актомъ уніи. Но самымъ интереснымъ въ этомъ отношеніи является указъ Сигизмунда Августа на имя всѣхъ держащихъ личныя его имѣнія, разосланный 20 іюля 1569 г., т. е. въ дни Люблинскаго сейма⁴⁾. Этотъ господарскій листъ разъясняетъ и заканчиваетъ собою

²⁾ Кн. Зап. Лит. LIV, л. 63 и сл.

³⁾ 20-го іюля 1569 г. Сигизмундъ выдаетъ листъ по всемъ имѣніямъ, принадлежащимъ ему лично. Образцовый листъ — на имя Ходкевича, какъ старосты Гродненскаго (т. е. наа листъ „такъ обычнае“).

Въ немъ онъ говоритъ: Jako to nie jest tajno, wszem obec poddaniem naszym, a osobliwie w. w., rabie wileński, iako wielkiej a visokiej radzie naszej yżesmy zawsze od poczătku panowania naszego aż do tych czasow obmyślawaіąc o wszystkim dobrem i pożytecznem państw naszymy y Reczy Pospolitey nigdy niefıtowali nie tylko skarbow naszymy ziemskych i stolowi królewskiemu y w. xiędza Litw. należących, але y własnych majątności, a na ostatek z nieszanowaniem zdrowia naszego wydawaіąc się za wszelakiem usilowaniem starania naszego dla dobrego y pożytecznego państw naszymy iakosz dla wszelakiego poratowania potrzeb Reczy Pospolitey nie tho nam zozadno niebyło, żesmy y z własnych dobr imion samei osobie naszej slusznemi y pewnemi sprawy należących do skarbu ziemskiego oddawać byli rozkazali, za czym nie male ubliżenie wychowania osoby naszej y opatrowania potrzeb двора нашего się działo. Такъ какъ теперь заключена унія, вслѣдствіе которой оборона государства стала легче, и такъ какъ, послѣ уніи великій пользуется своими правами и привилегіями по владѣнію и пользованію своимъ имуществомъ, то и королевской особѣ нѣтъ надобности нести тяжелого бремени съ имѣній, ему лично принадлежащихъ. Поэтому король приказываетъ старостѣ Гродненскому — съ города Гродна и со всѣхъ дворовъ вѣстовъ чиновныхъ, поборовъ валахъ, пенезей покорившихъ, мостового на Пѣмалѣ и мостовъ въ Гроднѣ и всѣхъ другихъ пожитковъ, которые до сего времени шли въ скарбъ земскій великаго княжества Литовскаго, — не давать въ скарбъ, а также и не выдавать людямъ служебнымъ на листы господаря или подскарбіа, какъ раньше давшие, такъ и на тѣ, которыя могутъ быть даны, — „але такъ добра иміона староства гродзиенского trzymaіąc ku rąkom naszym, iako

исторію великокняжескихъ имѣній. Онъ подтверждаетъ давнишее раздѣленіе имѣній, объясняя сдѣланіе ихъ въ одинъ скарбъ только недостаткомъ средствъ послѣдняго. Иль него ясно также, что король во время уніи окончательно выдѣлялъ свои личныя добра изъ государственныхъ. Наконецъ, тотъ же листъ даетъ намъ и списокъ добръ, который король считаетъ принадлежащими ему лично.

Если присмотрѣться къ списку добръ, то открывается ясная происхожденіе: это все спадковья имѣнія⁵⁾. Кромѣ того, нельзя обойти

własność nasze pewnem a slusznem prawem własney osobie naszej należące — собирать всѣ поборы, ни на какіе листы ихъ не выдавать, пока король кому нибудь поручитъ ихъ собирать и ячку чинитъ.

Тѣ, кто имѣетъ имѣнія въ западѣ, сохраняютъ свои права (Кн. Зап. Лит. LIV, л. 31 об. слѣд.).

⁵⁾ Вотъ этотъ списокъ:

Гродно съ дворами	Метиславль	Кременецъ
Меречъ	Рогачевъ	Ляховичи
Довги	Тыкотинь	Имолчи
Перелая	Каминьскіе	Межирѣчье
Озита	Радошковичи	Лысолово
Новый Дворъ	Крожи	Бравскіе
Болыки	Полона	Саражъ
Донгалишки	Кретинга	Вѣзекъ
Олса	Горяды	Ковно
Вернуны	Каминичинки	Плотеки
Пуши	Мойшагола	Мстисботово
Курепецъ	Кобрынъ	Жижморъ
Трабы	Посирвинтеская Воля	Шерешова
Анторга	Жосли	Перстуня
Керновъ	Дубво	Вераники
Вотоки	Волятинь	Василишка
Юрборскъ и Новая Воля	Мезлявль	Шавли
Остеръ	Лосичи	Клеменъ
Любечъ	Геранонны	

Тогда же разослали такіе же листы къ старостамъ личныя королевскихъ имѣній, которая относились къ Коронѣ, а именно: къ Кременцу, Волятинѣ, Мезлявль, Лосичи, Вѣзекъ, Клеменю, Бравацкѣ и Саражѣ (тѣмъ же. лл. 33 — 35 об.).

Спадковое происхожденіе этихъ имѣній опредѣляется слѣдующимъ образомъ: Отъ королевы Барбары Радзивилъ къ королю перешли Ковно, Жижморъ, Меречъ, Озита, Жосли (спадокъ по Софій Крамстойтовой). Эти дворы, въ числѣ другихъ, королева получила въ вѣчность, Balański, Pamiętniki o król. Barbarze, II, p. 328 — 329).

Отъ королевы Бовы: Кобрынъ, Рогачевъ (это, какъ мы знаемъ уже, вѣнатороченныя имѣнія. О передачѣ ихъ въ 1519 г. Бовѣ Сигизмундомъ I. см. въ Описаніи Рукописей. отдѣл. Виленской Публичной Библіотеки, III, p. 50, 51), Креме-

молчалием двух обстоятельств: во первых того, что большинство этих имений являются наследственными в самой семье Ягеллонов, и многиа из них восходят ко времени образования государства и дѣления территории, такъ что въ общемъ они составляютъ часть старинной вотчины, во вторыхъ того, что есть „спадки“ и отъ частныхъ лицъ. Въ спискѣ добръ, на которыя король Сигизмундъ Августъ предъявляетъ личныя права, нѣтъ такъ называемыхъ русскихъ волостей (Мстиславль, Остеръ, Любечъ и Рогачевъ не входили въ ихъ число)—очевидно потому, какъ указано было раньше, что за ними испокон было признано государственное значеніе.

Первый Статутъ вообще молчитъ о спадковыхъ имѣніяхъ, а второй немного разъясняетъ въ этомъ вопросѣ. Изъ одной его статьи узнаемъ, что и спадковыя имѣнія король раздаетъ „родичамъ“ великаго княжества и что въ этой раздачѣ „моцъ рукъ и щодробности нашею и потомковъ нашихъ не замыкаемъ.“ (Разд. III, арт. 21).

вещъ, Гродно, Вурборнъ (Кн. Зап. Лит. XXXIII, з. 13 об.), Пуца (ibid., з. 16), Горжда (ibid., з. 17), Блѣскъ (ibid., з. 48 об.), Доуги (ibid., з. 12 об.), Перелла (ibid., з. 13), Саражъ (ibid., з. 18 об.), Перегуны (ibid., з. 20 об.), Шерешовъ, Новый Дворъ, Моймагола, Керновъ, Бершица, Анторъ (Оскаръ, арх. Варш. кав. изд. № 14 В), Крожи, Полога, Кретица и др.

Спадковъ Гашгольтовскій: Трабы (Зап. Лит. XXXVIII, з. 10), Гералонны (Baliński, St. Pol., IV, 185), Радомковичи (Докум. Моск. Арх. М. Юст., I, р. 90), Ляховичи (Зап. Лит. LIV, з. 63 сл.), Довлашны (Baliński, Star. P., IV, 201), Болыши (Любавскій, 116), также Остеръ, Любечъ, Тыкотина.

По записи Ст. Кезайла король получивъ Ботоги (Зап. Лит. LIV, з. 63)

Спадковъ отъ Кат. Войтеховича приши Ласково, Межарыбе, Половско (Зап. Лит. XXXVIII, з. 444. Срамъ Кн. Зап. Лит. LI, з. 300).

Князь король получилъ въ подарокъ отъ Ник. Радвила (Травчевскій, Польское безкоролье, р. 8, прилѣч.).

Блѣскъ, Бривскъ и Суражъ были даны въ 1506 г. въ доживотье королю Еленѣ (А. З. Р. II, р. 6). Лосичи тоже были у кор. Елены (Skarbee Давидовича, № 2136), Шавли—тоже.

Мстиславль—отъ князя Мстиславскаго.

Изъ другихъ державъ—Клещедъ входилъ въ составъ Блѣскаго пов. (Любавскій, р. 156), Дубно—Городянского пов. (ibidem, р. 177); княз. княз. Вовачинъ, Импольа еще при Сигизмундѣ I составляли частное владѣніе (ibidem, р. 263 и 169) и, вѣроятно, путемъ спадка или закупа перешли къ королю. Въ спискѣ не встрѣчаемъ Подвинскихъ волостей (Усвятъ, Озерина и Оболаской), но они были въ это время въ рукахъ Мясны. Не совсемъ ясно отсутствіе въ немъ Моглашевской волости и Писекскаго староства. Мельникъ—старая вотчина вел. кн. литовскаго. Мы не успѣли прослѣдить только судьбу Вершуль, Курецца, Камѣчаниекъ, Посаревца (названъ, новое поселеніе), Цотковъ, Мѣтибогова и Вислывицкы.

Видимо, король оставляетъ за собою право проявлять „щодробность“ въ раздачѣ спадковъ,—что еще далеко до тѣхъ взглядовъ, которые король проводитъ сейчасъ послѣ унии. Частныя акты правительственной дѣятельности даютъ немало указаній на стремленіе обоихъ Сигизмундовъ упрочить за собою право личнаго распоряженія спадками¹⁾. Сигизмундъ I по поводу одного частнаго случая еще въ 1510 г. заявляетъ, что вымороченное имѣніе „въ нашей волѣ, кому хотѣли, тому быхомъ отдали“²⁾; и въ послѣдующее время верховная власть по частнымъ поводамъ неоднократно указывала на принадлежность спадковъ королю³⁾. Однако, шляхетское общество не всегда считается съ подобнаго рода записаніями государя. Старосты иногда стремятся „привладцить“ спадковое имѣніе къ земскимъ, противъ чего протестуютъ великія князья⁴⁾, ревизоры пытаются провозвести ревизію въ личныя великокняжескихъ имѣніяхъ, что опять вызываетъ протестъ государя⁵⁾. Иногда споры принимаютъ острый характеръ. Такъ было, напр., на Жмуди въ 1524 г., когда король далъ свое спадковое имѣніе Павла (по королевѣ Еленѣ) кн. Яну Гольшанскому. Во взаимныхъ препирательствахъ обѣ стороны—король и Жмудское посольство—обмѣнялись взглядами. Король настаивалъ на своемъ правѣ раздавать свои спадковыя имѣнія, кому угодно, тогда какъ шляхта протестовала противъ этого; положимъ, шляхта въ этомъ случаѣ жаловалась на то, что король отдалъ будто бы князю Яну и болѣе шавельскихъ, но это была благовидный предлогъ только, потому что староста и шляхта вообще не хотѣли впустить князя Яна въ Жомойтскую землю⁶⁾.

¹⁾ Такую же политику король проводитъ и въ Долянѣ. Однако, Петроковская конституція разрѣшаетъ королю раздачу земель, принадлежавшихъ ему *jure caduco*—welle woli, но только шляхтѣ и за заслуги (Volumina Legum изд. 1857 г. II, р. 19). Также повторить в конституціи 1567 г. (ibidem, р. 67).

²⁾ Arch. Sang., III, № 103; Леонтовичъ, Спорные вопросы, р. 52.

³⁾ Кн. Зап. Литов. XXXVII, з. 105, 133.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит. XLI, з. 56 об. Въ 1552 г. Король ишетъ пану Тройкому, старостѣ Жомойтскому Ян. Ходковичу: „Што пишешъ къ намъ, мыючи ведомость о смерти старостинное Жомойтское пана Матеое Войтеховича пана Катерины Глѣбовны и о раздѣлованьи имени ея. Ино вже тые имѣнья, которые она перво сего намъ господарю записавши въ моцъ и держанье поступили и дали, а въ лѣси нашою на нихъ до живота своего мѣшала. Ведже традици отъ насъ вставленны были и по смерти оныя традици тые имѣнья, яко *вотчинность нашу*, въ рукахъ нашихъ князевъ держать, для чого не есть потреба нишого шафованья тому“ (Записе, Литов. XXXVII, з. 41).

⁵⁾ Кн. Зап. Лит. LI, з. 1 об.

⁶⁾ Любавскій, прил., № 38.

И действительно, не смотря на всё категорическое заявление великокняжеской власти, спадковые имения не всегда поступают в личное ея распоряжение. Давид Кр. Лепскому два села в Гомельской волости, король говорит в привилее 1560 г.: „тыя села *спадкова ку столу* нашему господарскому пришли“¹⁾. И в других привилеях иногда употребляется тоже выражение²⁾. Но все это спадки такие же, какъ и тѣ, которые король объявляет своими. О сабшених личных и столовых имений рѣчи быть не может потому, что Сигизмунд Август хорошо различал оба понятія. Очевидно, тутъ мы имѣемъ дѣло съ колѣблемъ болѣе существеннаго характера: ни законъ, ни общественное мнѣніе не поддерживаетъ Ягеллоновъ въ ихъ стремленіи обратять спадки въ личную собственность. Въ результатъ борьбы обоихъ взглядовъ явилось то, что король съ момента унии считалъ личными своими имениями лишь тѣ, которыя ему достались путемъ спада въ семьѣ Ягеллоновъ—части старой вотчины, или пришедшія по завѣщанію, на что уполномочиваетъ рассмотрѣнный выше стѣхъ имений.

Вообще представленіе о столовыхъ великокняжескихъ именияхъ вырабатывается въ періодѣ между первымъ и вторымъ Статутами. Самый германъ замствованъ въ польскаго права (*bona mensae regiae*). Повидимому, и самый институтъ столовыхъ добръ замствованъ отсюда же. Впрочемъ, въ изучаемый періодъ выдѣленіе добръ не выработалось окончательно; по крайней мѣрѣ, до унии терминъ *столовыхъ добръ* употребляется очень рѣдко. Одно можно заключить, что *столовыя добра* не принадлежатъ лично господарю; это ясно и изъ свѣдѣтельства источниковъ, приведенныхъ выше. На принадлежность этихъ добръ государству намекается и сеймовый рецессъ 1544 года, когда говорится по поводу просьбы шляхты о несеніи земской службы вридинками, „а власта од тыхъ, которые бы *именя великого княз-*

¹⁾ Кн. Зап. Лит. XII, л. 113.

²⁾ Ibidem, л. 120, 124. Скуйбеда просилъ въ 1558 г. отдать бывшее у него въ дожити имѣніе Горынку въ Кременецкомъ повѣтѣ (оно пришло къ королю отъ брата) своему зятю, но получалъ отказъ, — „даже нѣтъ то никому никому, только имѣть господарю, *ку столу нашему*—вѣлжитъ“ (Кн. Зап. Лит. XXXVII, л. 149). Романъ Невельскій продалъ свою дацну въ Познанскомъ повѣтѣ безъ господарскаго разрѣшенія, почему она, „яко *властность наша господарская* не са на насъ, господаря, *ку столу* нашему пришло“ (Кн. Зап. Лит. XXXVIII, л. 98).

ства отъ его королевское милости столу“ держали¹⁾. Однако фактически выдѣленія столовыхъ добръ до унии не произошло.

Это доказывается не только бѣдностью о нихъ извѣстій, но и тѣмъ еще, что въ сферѣ управленія всё добра составляли одно цѣлое. Такъ въ перечнѣ дворовъ и волостей въ волочной уставѣ встрѣчаются имѣнія, послѣдствія числившіяся въ составѣ столовыхъ, и господарскія, спадковыя и др. Есть основаніе предполагать, что на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г. состоялось какое то особое постановленіе касательно великокняжескихъ доменовъ; это видно, какъ изъ приведеннаго выше листа Сигизмунда Августа къ держателямъ его личныхъ имений, такъ, отчасти, и изъ намека въ самомъ актѣ унии: въ послѣднемъ говорится, что съ момента унии прекращается раздача столовыхъ имений²⁾. Контекстъ самого акта какъ будто предполагаетъ цѣлостнымъ какое то иное постановленіе, до насъ, очевидно, недошедшее³⁾ и касавшееся раздѣленія добръ. Актъ унии при этомъ закрываетъ, что всѣ держатели и владѣльцы господарскихъ добръ, будутъ пользоваться и послѣ унии тѣми же правами на находящіися въ ихъ распоряженіи имѣнія, на какихъ они получили ихъ до унии, по литовскому праву, и что изъсекція правъ, производимая въ Польшѣ, литовымъ образомъ не будетъ относиться къ литовско-русскимъ областямъ⁴⁾. Только въ побороныхъ универсалахъ Стефана Баторія столовыя добра составляютъ особую группу⁵⁾, а коронаціонные универсалы Сигизмунда III окончательно выясняютъ положеніе столовыхъ имений въ числѣ прочихъ статей государственныхъ доходовъ.

Къ выдѣлу столовыхъ добръ относится два универсала этого короля. Въ первомъ изъ нихъ (отъ 28 января 1588 г.) онъ объявляетъ,

¹⁾ Dziatyński, Zbiór praw, 403.

²⁾ Volumina Legum (Вар. 1837 г.), II, р. 91.

³⁾ Это вполне возможно: въ Документахъ Московской Арх. Минист. Юстиц. т. I, слово „издать рецессъ Литовскаго сейма 1569 г.“, происходящаго въ Люблинѣ, и свѣдѣнію послѣдственнаго дѣла въ Литви; въ актѣ унии нѣтъ и помину о происходящемъ, параллельно съ обманъ сеймомъ, частію Литовскомъ; на послѣднемъ и могло быть издано специальное постановленіе о добрахъ.

⁴⁾ Вопросъ объ изъсекціи правъ сильно занималъ литовско-русское общество передъ самой уніей. При жалобахъ господарскихъ добръ король обычно вставлялъ статью о томъ, что изъсекція правъ, въ случаѣ соединенія Литвы съ Польшей, не нарушитъ условій шлота. Въ томъ же смыслѣ отъ имени короля давали шифренныя шлехтѣ на повѣтовскихъ сеймикахъ передъ Люблинскимъ сеймомъ и господарскіе пославды (См. „дауку“ пославками въ Кн. Пуб. Д. Лит. VII, л. 193 об.).

⁵⁾ А. д. Р., III, 192.

что по представлении пословъ, основанномъ на рѣшеніи сейяниковыхъ свидѣль о томъ, „абы столъ господарей, также и скарбъ земскій у великомъ князѣвѣ Литовскомъ невными доходами былъ опатренъ, которыхъ бы не только подскарбій земскій, але ани мы господарь... тыхъ доходовъ никому отдавати и ни на што иншее ихъ оборочати и днѣ шафовати не могли, *только на подыимованье насъ и столу нашего юсподарского*“¹⁾. Последнее опредѣленіе указываетъ на цѣль выдѣленія добри столовыхъ: на содержаніе господаря. При этомъ ни король, ни подскарбій земскій не будутъ имѣть права дать этимъ имѣніямъ какое либо иное назначеніе. Дальнѣйшій текстъ постановленія разъясняетъ въ частности, на что именно не могутъ быть употреблены эти державы, т. е. не могутъ быть отданы въ залогъ, въ вѣчное или终身ное право, въ доживотье, въ обмыгъ на друція; не могутъ также быть отданы въ частныя руки, а доходы съ этихъ державъ едятся, по обычаю того времени, только „въ державы и заведанье“, но и то только лицамъ „осбытымъ“ въ Литвѣ а не чужестранцамъ. Далѣе, разъясняются условія ликвидаціи обязательствъ правительствъ по отношенію къ тѣмъ изъ столовыхъ державъ, которыя заложены, или паходятся въ доживотномъ владѣніи. По этому акту въ число столовыхъ державъ отнесены слѣдующія: старство Городенское и Олитская держава со всѣми фольварками и мѣстечками; Берестейское старство съ державами Кобринскою и Каменецкою, со всѣми—фольварками, селами и мѣстечками, державы Могилевская и Шавельская и мѣстечства; Городенское, Олитское, Берестейское, Каменецкое и Вѣловжское²⁾. Этотъ чрезвычайно важный актъ, завершающій образованіе столовыхъ имѣній, дополняется другимъ, изданнымъ нѣсколько дней спустя послѣ пераго (1 февраля). Последний, впрочемъ, по существу, не вноситъ ничего новаго, повторяя въ общихъ чертахъ условія предъидущаго. Онъ только съ бѣльшей опредѣленностью указываетъ, что король можетъ столовыя имѣнія раздавать только „на личбѣ“ притомъ „людемъ заслужоннымъ“; доходы отъ имѣній поступаютъ въ скарбъ великаго княжества Литовскаго, за исключеніемъ тѣхъ, кои выдѣлены будутъ на старосту³⁾.

¹⁾ А. З. Р., IV, р. 4—5.

²⁾ Начепалявъ трымады: въ Акт. Зап. Рос., IV, р. 4—5, въ Акт. Вып. Археогр. Комм. т. VII, р. 95, у Бернадского въ приложеніи къ сочин. „Литовскій Статутъ и Польскія Конституціи“, р. 108.

Смысль изложенныхъ актовъ заключается въ томъ, что на содержаніе короля отвѣдены имѣнія державы, составляющія принадлежность королевскаго уряда. Къ концу XVI в.—король только первый изъ чиновниковъ Речи Посполитой и, подобно всѣмъ другимъ должностнымъ лицамъ, для его содержанія отдѣленъ урядовыя державы; это его должностной ленъ. Онъ имѣеть право раздачи этихъ державъ, но его право распоряженія ограничено такъ же, какъ и право другихъ врядниковъ Речи Посполитой. Если присмотрѣться теперь къ списку столовыхъ имѣній, то легко убѣдиться, что въ число ихъ вошли наиболее крушныя снадковныя державы, которыя Сигизмундъ Августъ считалъ лично ему принадлежащими. Среди послѣднихъ мы не встрѣчаемъ только державы Могилевской и старства Берестейскаго. Но о принадлежности Могилева Ягеллонамъ не можетъ быть сомнѣнія, потому что это давнишній ихъ снадокъ по королевѣ Еленѣ. Относительно Берестыя нельзя сказать того же, такъ какъ оно никогда не было отдаваемо на „личбность“, хотя нѣсколько разъ отдавалось въ доживотье: впротвѣно, это старство было выдѣлено себѣюмъ королѣмъ нѣтъ соображеній о свадѣхъ по Сигизмундѣ Августѣ.

По существу, столовыя имѣнія составляютъ полную собственность государства. Окончательное признаніе за ними государственнаго значенія юридически опредѣлено было въ Литовско-русскомъ государствѣ какъ разъ въ такое время, когда и въ Западной Европѣ (напр., во Франціи) послѣдовала реформа такого же характера⁴⁾. Въ союзной Польшѣ вона mensae regiae объявлена была государственною собственностью еще въ 1504-мъ году, хотя въ 1590 г. и тамъ проведено было дѣленіе добръ на столовыя и королевскія, отдававшіеся въ доживотье за заслуги⁵⁾.

Однако, сверхъ столовыхъ добръ въ числѣ государственныхъ доменовъ остались еще имущества, которыя вошли въ составъ земскыхъ добръ. Такъ, если сравнить списки столовыхъ имѣній съ тѣмъ, чѣмъ фактически владѣло государство, то можно насчитать рядъ державъ, которыхъ нѣтъ въ первомъ спискѣ. Сюда надо присоединить

⁴⁾ Рау, Основныя начала финансовой науки, I, р. 84—85. Ср. сужденія о доменахъ (въ широкомъ смыслѣ) Jean Bodin'a, Clamageran, Histoire de l'Empire, II, р. 315.

⁵⁾ См. ст. Lubomirskiego въ „Biblioteka Warszawska“, 1862, II, р. 226.

и заложены имения и доживоты: писец не говорит о том, чтобы эти имения, о своих правах на которые никогда не забывала Речь Посполитая, принадлежали бы к столовым¹⁾; то же надо сказать и о добрах, присвоенных к староствам, хотя и последние в изучаемый период вошли в последующий. Если должностные земли облуживали определенные функции, то доходы от земельных добрых поступали в скарбь. Так как на господарском скарбе лежала забота об обороне страны, иностранных сношениях и некоторые другие расходы, то земские добры, очевидно, предназначены были для удовлетворения этих статей расхода наряду с регальными и таможенными доходами.

Таким образом государственные домены великого княжества Литовского произошли из великокняжеской вотчины, образовавшейся в период сложения государства. Но уже тогда в основе правовых воззрений можно различить признаки идеи о разделении государственных имуществ от лично княжеских. Эта идея, конечно, тогда не могла получить ясно выраженного правового определения. Во всяком случае, рядом с княжескими землями встречаются и земли, которые земская община считает если не собственными, то, по крайней мере, такими, что, по ее представлению, они не могут перейти в руки лиц, не принадлежащих к местному земству; рядом с этим встречаем и державы, пользование которыми находится в руках земства. Только право распоряжения в том и другом случае, — с большими или меньшими ограничениями — находится в руках господара. Основная цель этих местных земельных добрых — удовлетворение государственным интересам и, главным образом, оплаты службы. Но мере слияния земель в одно государство, ограничение великокняжеской власти в распоряжении земельным имуществом теряет областной характер, и принимает общегосударственный. Уже при Александре рада является, в известной мере, контролирующим органом из собраний доходов с волости, а Литовский Статут отдает под ее и сейма контроль и раздачу земель. Подобно тому как областное право старалось удержать раздачу земель в пределах местных элементов, с течением времени вырабатывается

¹⁾ По универсалу 1588 г. некоторые пак находившихся в доживоты добры переходят к господарскому (Шанзи, Могилев), но о других доживотных ничего не сказано.

взгляд, ограничивающий право господари в раздаче добры чужеземцам; это постановление зафиксировано Статутом и многократно подтверждалось сеймовыми конституциями. Однако, до Сигизмунда I вель домены были важны под именем господарских добры и цбавое их значение для государства было однородно. При Сигизмунде I является попытка при посредстве королевы Боны образовать фамильные домены. Последние действительно существовали до смерти Сигизмунда Августа. Главным источником этих последних доменов — право господари на выморочное имущество, которое оба последние Ягеллоны пытаются превратить в личное право. В то же время вырабатывается представление и о столовых имениях, как урядовым землям великого князя. Впрочем, до уния на практике различия между личными, столовыми и земскими добрами не было, потому что все они облуживали государственные нужды. Рязкое выделение фамильных имуществ из государственных последовало только в 1569 г., окончательное же разграничение столовых и земских добры последовало в коронационном акте Сигизмунда III. Категория земских добры получила двойное назначение. Одни из них раздавались частным лицам за заслуги государству в доживоты и левы, согласно акту уния 1569 г.; к ним надо причислить и заложены имения, потому что по выкупу они получали такое же назначение. Другая часть земских имений составляла урядовые имения, должностные земли: они служили и обороне страны и жалованьем администрации¹⁾.

Основной состав государственных доменов — господарская вотчина с течением времени сильно уменьшилась вследствие раздач. Некоторым вознаграждением в данном случае служили спадковья и конфискованная имения. Но государство имело в своем распоряжении и еще один источник увеличения государственных земель. Этот источник заключался в правы государств на все по-

¹⁾ Такой взгляд высказывало само правительство. При провозглашении воцелной поимры в Познань, воеводствы, путники стали устраивать „бунты“ и заплываться за поимщиками, чтобы забрать поимры. Тогда Сигизмунд III издает в 1605 г. универсал, в котором между прочим разъясняет: „Кдамы повелство Познань, яко урядовое, на которомь намъ и всей Речи Посполитой немало належитъ, а давнихъ часовъ... привилежи есть уненисе и обваровано, же добры до того повелства прислушавшише зменени и иному отдавати быти не могутъ“, почему путники и обываи подлинныя поимры (Кн. Вазисей Литовск. LXXV, л. 230).

занятая земли. Незанятая земля — „Божья да господарская“ — говорили Черкашане Свигизмунду Августу. Поэтому въ оборотѣ государственнаго хозяйства надо принимать въ расчетъ и то, что оно раздавало на условіяхъ службы петровушка культурую или просто покупку мѣста. Когда центральныя области въ первой четверти XVI ст. оказались въ значительной степени заселенными (въ половинѣ XVI ст. въ актахъ рѣдко встрѣчаются свѣдѣнія о раздачѣ пустошорожнихъ мѣстъ въ центрѣ), то колонизація хлынула на окраины. Правительство и само охотно ей содѣйствовало въ видахъ обороны границъ, почему широко стало пользоваться для цѣлей военной службы „Божьей да господарской“ землей.

Наконецъ, въ половинѣ XVI ст. появился и еще одинъ источникъ, который увеличилъ составъ государственныхъ доменовъ, но уже культурной землей съ рѣдкимъ населеніемъ — это Ливонскія старосты. По договору съ Ливонскимъ Орденомъ рядъ старостъ перешелъ въ распоряженіе господари литовскаго. Послы литовскіе на сеймахъ не разъ дѣлали попытку поставить вновь приобретенныя добра въ такое же положеніе, какое занимали и вѣковыя добра, съ цѣлью оградить ихъ отъ раздачи полякамъ, но получали уклончивые отвѣты отъ великаго князя¹⁾. Только 1585 г. вопросъ о принадлежности ливонскихъ добръ былъ выясненъ окончательно таковы образомъ, что эти добра были признаны принадлежащими на одинаковыхъ правахъ Коронѣ и Литвѣ²⁾.

Для полноты обзорнаго изслѣдуемаго вопроса остается отмѣтить, что доменальныя земли пользовались особой защитой закона³⁾, хотя ко времени второго Статута юридическое ихъ положеніе по отношенію къ частно-владѣльческимъ почти сравнено⁴⁾, чему содѣйствовали заявленія шляхты на сеймахъ⁵⁾. Кромѣ того господарскія добра по отношенію къ выполненію нѣкоторыхъ общегосударственныхъ повинностей (напр., военной службы) пользовались изыятіемъ, но это ихъ различіе отъ частновладѣльческихъ земель исчезло къ концу изучаемаго періода; объ этомъ намъ придется говорить въ послѣдствіи.

¹⁾ Довнар-Знапольскій, Къ исторіи поземельной реформы въ Ливоніи, М. 1899.

²⁾ Кв. Запис. Литов., LXXV, з. 215.

³⁾ Напр., 1 Статутъ разд. I, арт. 26, 2 Статутъ разд. I, арт. 9 и 30.

⁴⁾ Второй Статутъ разд. I, арт. 16.

⁵⁾ Напр. Акты Зап. Росс. III, 4, 5.

2. Должностные лены.

Больше или менѣе опредѣленныя свѣдѣнія о должностныхъ ленахъ встрѣчаются только съ конца XV и въ началѣ XVI в. Однако есть основаніи думать, что оплата службы административныхъ органовъ посредствомъ выдѣленія опредѣленныхъ доменовъ изъ государственной или областной территоріи составляетъ явленіе древнее. Въ предыдущемъ изложеніи не разъ указывалось на существованіе доменовъ, находившихся въ распоряженіи общины. Таковы волости и замки, находившіеся въ управленіи мѣстнаго боярства. „Держаніе“ такой волости, замка дается господаремъ за службу, потому что оно соединено съ кормомъ; но въ то же время такое „держаніе“ соединено съ управленіемъ. По всякое управленіе соединено съ кормомъ. Вслѣдствіе сказаннаго не трудно остановиться на предположеніи, что выдѣлы волостей воеводамъ и старостамъ въ качествѣ должностныхъ леновъ могли имѣть мѣсто еще въ періодъ сложенаго государства. Съ теченіемъ времени волости эти подвергались переделкамъ, т. е. господарь бралъ нѣкоторыя изъ нихъ „на себя“, выдѣляя воеводамъ часть изъ господарскихъ мѣстъ. При образованіи новыхъ должностей иногда назначалось и опредѣленное количество волокъ, поступающихъ въ пользованіе должностнаго лица. Иногда господарь „придавалъ“ въ тому или иному уряду „на пожизненіе“ во временное или постоянное пользованіе волость, село или фольварокъ.

Послѣ этихъ указаній намъ остается прослѣдить, гдѣ и въ какомъ видѣ выдѣлялись урядовыя мѣсты.

Наиболѣе подробныя свѣдѣнія имѣются о должностныхъ ленахъ жмудскихъ старостъ. Жмудскія державы были раздѣлены на такія, которыя вѣданы лично королемъ и на такія, которыя находились въ завѣдываніи старостъ. Въ уставной земской грамотѣ мы ничего не встрѣчаемъ объ этомъ дѣленіи. Однако, когда тивунъ жмудскій въ 1522 г. жаловался королю на своего старосту Станислава Яновича и пытался доказать, что „подаваніе“ тивунствъ на Жмуди зависитъ только отъ короля, то староста сослался на старину въ данномъ случаѣ: „тыя тивунства въ земли Жомонтской, кромѣ четырехъ дворовъ: Вилькенъ, а Велена, а Скерстодони, а Яснони, а волости Шолленское, издавна за предковъ нашихъ и за насъ предковъ его и онъ самъ у подаваныя своему мели ажъ до сего часу“ и „предковъ“

тивуновъ никогда не осмарили этого права старости. Король, разсмотрѣвъ дѣло, оставилъ истарииншій способъ „подаванія“ тивуновъ¹⁾. Старица, на которой настаиваетъ староста, восходитъ ко временамъ задачи уставной грамоты и сложенія государства. Однако, жалобы тивуновъ въ известной мѣрѣ возмѣли свое дѣйствіе на Сигизмунда I, тщательно скопировавшаго въ своихъ рукахъ земельныя имущества. Еще съ тѣмъ же Станиславомъ Яновичемъ король вошелъ въ сдѣлку, по которой право на подаваніе тивуновъ по смерти старости переходило къ нему, королю²⁾. Дѣйствительно, по смерти пана Станислава, когда старство, по просьбѣ Жмудской шляхты, было отдано силу его Станиславу Станиславовичу, произведенъ переверстка державъ и тивуновъ на Жмуди. Это было въ 1527 г. Господарь оставлялъ за собою дворы Вильню, Вилену (кроме Тондигольской волости), Исвоину и Скертгоинь. Сверхъ того онъ беретъ въ „своимъ рукахъ“ нѣкоторые тивуновы, бывшія до того времени въ „подаванія“ старости (волости Биржану, Ужвенту, Даршану, Берженяны, Вешвины, Тельши, Ретово, Довди (Шовды?), Гондинскую, Повурье, Полоную, Корнево, Колгеланы, Пошляи и Ойрагалу), и въ свою очередь отдаетъ въ „подаваніе“ старости нѣкоторые изъ королевскихъ волостей (волости Крожи, Вельки, Видулки, Жораны, Коркланы, Тондиголу, Мединганы, Повондены, Потаиши и Юрборь³⁾). Всѣ остальные тивуновы на Жмуди, сверхъ перечисленныхъ, оставались въ подаванія старости. Эта разверстка волостей имѣла преимущественно хозяйственное значеніе, такъ какъ старостѣ отошла сѣверо-восточная часть Жмуди, а къ королю—юго-западная.

Въ началѣ XVI ст. Виленскому воеводству принадлежало шесть волостей (Борисовекал, Судеревская, Роконтинская, Мемляская, Быстрицкая, Свираская)⁴⁾. Этотъ объемъ воеводскихъ волостей немножко измѣнился ко времени волочной помѣры, когда была произведена переверстка государскихъ и воеводскихъ волостей. Для этой цѣли король, вѣроятно, воспользовался назначеніемъ на воеводство въ 1566 г. пана Миколая Радзивила. Объ этомъ говоритъ привилей Радзивилу на воеводство, хотя и не опредѣляетъ ближай-

шимъ образомъ раздѣловъ переверстки волостей. По этому привилей воеводству принадлежать еще по прежнему дворы Борисовскіе, Дриевятскіе, Мемляскіе и Рудоминскіе; тутъ живутъ „подданые волостіиные замковъ и дворовъ воеводства Виленскаго“. Въ чемъ заключались дальнѣйшія „отмени“, которыя, по словамъ привилей, должны были находиться въ особомъ реестрѣ¹⁾, можно догадываться по нѣкоторымъ другимъ указаніямъ. Такъ, къ воеводству было отчислено изъ государскихъ волостей Городиское войводство Браславскаго повета²⁾ и дворъ Омшени, присоединенный взамѣнъ за какія то волости³⁾. Стариинныя воеводскія волости Роконтинки, Ловаринки, Быстрица были взяты „до стола государскаго“ взамѣнъ Мединки⁴⁾.

Къ ленамъ Троицкаго воеводства въ началѣ XVI в. причислялись волости Упитская, Ремягольская, Курлевская и Грезская⁵⁾. Однако Упитъ была взята въ 1542 г. при назначеніи на воеводство пана Станислава Гаштольда „къ рукахъ нашимъ на пожитоки нашъ

¹⁾ При дачѣ дворовъ воеводства, король приказываетъ подданнымъ волостіинымъ „замковъ и дворовъ воеводства Виленскаго“ : „А особенно тамъ селамъ и волостіямъ Быстрицкимъ, Ловаринскимъ и Роконтинскимъ, которые суть прилучены къ тѣмъ дворамъ воеводскимъ къ Дриевату, Мемляи и Рудомини“—всѣмъ имъ приказано повиноваться вновь назначенному воеводѣ Миколаю Радзивилу. Даво воеводство новинчателъ вновь назначенному воеводѣ Миколаю Радзивилу. Даво воеводство Виленское съ тѣми замки и дворы вышешюменеными со всеми по тому, што на тое воеводство Виленское къ тѣмъ помененымъ замкомъ и дворомъ есть волостей прилучено. А Быстрица, Ловаринки, Роконтинки со всеми волостіями ихъ и тасъ-же што отъ нихъ дворомъ воеводскимъ было привернено, пришло, тымъ къ рукахъ нашимъ государскимъ, на отмену отъ воеводства Виленскаго отшло, ако то естъ достаточне описано до реестровъ нашихъ скарбыныхъ“.

Для указанія воеводи король нислазаетъ дворинина, которому приказано указати воеводу въ замки Борисовъ, Дриевати и въ волости этихъ замковъ: Рудоминскія, Мемляскія, Судеревскія, Крентовскія въ мѣстамъ при мѣстѣ Виленъ, и аныи „принадлежности воеводства“ (Книга Записъ Лит. LI, з. 7 об. 1567 г.).

²⁾ И в. Записъ Литовск. LI, з. 7.

³⁾ „Иже некоторые дворы и волости въ ледкихъ причинъ отшли суть отъ воеводства Виленскаго, тогда натуроду чинечи воеводству Виленскому отменю дано есмо воеводе Виленскому. Миколаю Радзивилу дворъ за имя Омшенскій“ (ibidem, з. 8 об., 1567 г.).

⁴⁾ Закладная Лариону Ивановичу замокъ Мединки, король говоритъ: „то пакъ ми, господарь, тотъ замокъ нашъ Мединки и местомъ и волостію тамшешю и со всеми пожитоки съ немыхъ причинъ поступили и привернули есмо къ воеводству Виленскому ввротину дворомъ воеводства Виленскаго Быстрицы, Ловаринки и Роконтинки, которыхъ ми пазни къ указанью до стола нашего государскаго (Кн. Судн. Дѣлъ Литовск. LIII, з. 4 об., 1566 г.).“

⁵⁾ Любавскій, о. с., р. 167, 168.

¹⁾ Любавскій, о. с., прилож. № 34. Ср. это же замѣчаніе на стр. 203.

²⁾ Skarbesъ Даниловича, № 2257.

³⁾ А. Ю. З. Р., I, р. 72.

⁴⁾ Любавскій, о. с., р. 107—110.

господарский⁴, за что воевода получал жалованье из скарба⁵). В состав Троицких воеводских волостей были еще дворы Рудники, Терешки и Межирье, взятые к столу господарскому Сигизмундом Августом в обмен за какия то села; название этих сел не известно, но кроме них к воеводству еще в 1586 г. причислились старая волость Грезская и Курцлевская (последняя съ фольварками Козакшискимъ, Старотроицкимъ и Бражалским⁶). Впоследствии Ушита, превратившись въ городное староство, получило двадцать волнъ „осблхъ“ на содержание староства⁷.

Къ Полоцкому воеводству также тянутъ рядъ селъ. Въ одномъ актѣ 1559 г. говорится, что село Куплины тянуло къ воеводству; подлише его давали подачки только на воеводу⁸; Дѣйствительно, въ ревизіи Полоцкаго повѣга можно насчитать 12 селъ, дававшихъ подачки только на воеводу (село Клясичи, волость Заборская съ селами Заборскъ, Замшанами, Кренутами, Нещедрою, Дрисою, Ведуланымъ, Бордиловичами и Сарою, дворъ Червятскій съ селами Лукиновичами и Бѣльчиною). Все это были села воеводства⁹.

Къ Витебскому воеводству еще при Казимирѣ отошли волости Усвятская и Озернская, потомъ къ королевѣ Бонѣ. Сюда же тянули Лужосно, Ильменица и иныя другія⁶. Смоленское воеводство какъ пограничное, было обставлено довольно внушительнымъ числомъ волостей, селъ и дворовъ⁷.

Кіевская земля съ принадлежащими къ ней украинными староствами въ концѣ XV в. была богато обставлена замковыми селами. По люстраціи 1471 г., напр., Кіевскіе замки Чудновъ и Житомирскіи дѣлили дѣльный рядъ селъ⁸. Но съ теченіемъ времени эти села поступаютъ въ частное владѣніе и въ рукахъ Кіевского воеводы и украинскихъ староствъ остается весьма немного замковыхъ селъ. Еще по люстраціи 1552 г. къ Кіевскому замку насчитано около десяти селъ⁹. Между тѣмъ Житомирскій замокъ, по люстраціи того же

⁴ Кн. Зап. Лвт. XXVIII, л. 26 об.

⁵ Кн. Зап. Лвт. LXXII, л. 29.

⁶ Кн. Зап. Лвт. LXXII, л. 30 об.

⁷ Кн. Зап. Лвт. л. 35.

⁸ Scriptores rerum Polonicarum, T. V. Крак. 1884 г., pp. 204, 205, 207, 208, 211.

⁹ Любавскій, о. с. р. 248, 250. Ср. перечень въ Актахъ Леонтовича, № 679.

¹⁰ Ibidem p. 270—272.

¹¹ Архивъ Юго-Запади. Росс. ч. VII, т. II, р. 4, 5.

¹² Архивъ Юго-Запади. Росс. ч. VII, т. I, р. 117—121.

ода, насчитываетъ совсѣмъ немного селъ¹). Самъ Кіевскій воевода, по указанію тамошняго каштеляна пана Павла Сонегі, въ 1567 г. пользовался доходами только двухъ селъ (Петровцовъ и Демидовичъ), дававшихъ плугодный доходъ², вмѣсто цѣлаго десятка по ревизіи 1552 г. Правда, на воеводу Кіевского около этого времени обыкновенно шла дань Мозырская³, а раньше къ нему приписывалась большая Горвольская волость⁴).

Что касается другихъ южныхъ староствъ, то и здѣсь при замкахъ встрѣчаются села или хозяйственные угодья. При Каневѣ, по люстраціи 1552 г., были селища, правда пустыя; езь и озера⁵).

Къ половинѣ XVI столѣтія замковыя села Волынскихъ староствъ сильно уменьшились въ числѣ, на что жалуются представители мѣстной администраціи. При Луцкомъ замкѣ было въ 1545 г. только одинъ хуторъ⁶; правда и при немъ были замковые млины⁷. При Владимирскомъ замкѣ оставалась въ 1545 г. только одна Смедынская волость въ 100 дворовъ, хотя раньше была при замкѣ много волостей и хуторовъ⁸. Кремянскій замокъ тоже не могъ похвалиться большимъ числомъ замковыхъ селъ⁹).

Не только крупные пограничныя уряды, имѣвшіе самостоятельное военно-административное значеніе, обладали замковыми селами и угодьями, но и меншіе. Напр., при Чернобыльскомъ замкѣ была дворная пашня, озера, езы, островъ¹⁰. Въ Острѣ тоже встрѣчаемъ замковую пашню, боръ, езы, села и озера¹¹. Въ Мозырѣ—замкѣ, селъ, дворецъ и озера¹². При Манскомъ замкѣ была замковая волость¹³

¹ Ibidem.

² Кн. Судн. Дѣл. Лвт. LI, л. 72.

³ Ibidem.

⁴ Кн. Зап. Лвт. XXVIII, л. 85 об.

⁵ Архивъ Юго-Запади. Росс. ч. VII, т. I, р. 100.

⁶ Памятники изд. Кіевск. Археогр. Комисс., т. IV, р. 100 (ревизія замковъ).

⁷ Архивъ Юго-Запади. Росс. ч. VII, т. I, р. 173.

⁸ Памятники Ibidem, p. 32.

⁹ Ibidem, p. 218.

¹⁰ Архивъ Юго-Запади. Росс. ч. VII, т. I, р. 588—590.

¹¹ Ibidem, p. 595—597.

¹² Ibidem, p. 615, 619, 621.

¹³ Кн. Зап. Лвт., XLVII, л. 3 об.

и городовая пашня¹⁾. Можно еще упомянуть о земельных угодіях и селах Берестейскаго замка²⁾ и пр.

Такимъ образомъ, предыдущій обзоръ должностныхъ леновъ указываетъ на то, что всѣ воеводства и староства, имѣвшія военно-административное значеніе (вообще замки) были обставлены землями, эксплуатація которыхъ шла исключительно на мѣстный вредъ: воеводу или старосту, городничихъ, ключниковъ, конюшихъ и др. Правда, встрѣчаются и староства, не имѣвшія земельныхъ угодій при замкахъ. Изъ такихъ была напр., Свислочьская волость³⁾.

Назначеніе такихъ должностныхъ леновъ повлечло: подачу и повинности жившихъ на нихъ подданныхъ, равно какъ доходы отъ эксплуатаціи земельныхъ угодій служили частью оплатою административныхъ функций уряда, частью для поддержанія замковыхъ сооружений, исправности дорогъ, мостовъ, содержанія гарнизона и пр. Объ употребленіи всѣхъ этихъ мѣстныхъ доходовъ намъ еще придется говорить⁴⁾. Надо замѣтить, что должностные лены имѣютъ извѣстное сходство съ оплатою вообще службы земельнымъ надѣломъ, селами. Иногда вричники получали за ихъ службу села или угодья. При устройствѣ лѣсныхъ лѣсничіе получали извѣстное количество волокъ въ свое пользованіе, при чемъ обработка ихъ производилась господарскими подданными. Державцы иногда получали позволеніе устроить фольварки на господарской землѣ съ цѣлью эксплуатаціи ихъ, трудами подданныхъ, въ свою пользу. Иногда должностное лицо временно получало въ свое пользованіе за службу села и доходы и т. д. Но существуетъ и основное различіе всѣхъ подобнаго рода раздачъ за службу отъ должностныхъ леновъ, замковыхъ селъ, въ собственномъ смыслѣ: послѣднія обслуживаютъ не службу отдѣльнаго лица: они предназначаются для обслуживанія цѣлаго ряда государственныхъ нуждъ, являясь не случайнымъ подспорьемъ въ „кормленіи“ служагаго челоуѣка, а общимъ институтомъ, имѣющимъ при томъ за собою историческую традицію.

¹⁾ Кн. Зап. Лит., I, з. 305.

²⁾ Док. Моск. Арх. М. 10, I, р.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XXIV, з. 103.

⁴⁾ Здѣсь мы даемъ лишь бѣзпосредственныя указанія на вредныя села и земли; этого вопроса намъ придется коснуться болѣе подробно при обзорѣ доходовъ и поземельныхъ налоговъ на администрацію.

3. Способы управленія.

Способы управленія господарскими и земскими дѣлами были весьма разнообразны. При разсмотрѣніи вилловъ владѣнія господарскими дѣлами, надо всегда помнить извѣстное постановленіе Люблинскаго сейма 1569 г., которое ясно указываетъ на то, что вслѣдъ за владѣніемъ землею обезпечивается тѣмъ привилеемъ, на основаніи котораго каждый владѣть своими имѣніемъ¹⁾. Иными словами, законъ отказывается отъ установленія какихъ нибудь общихъ привилеевъ вормъ и признаетъ существующее ихъ разнообразіе. Это, конечно, не значитъ, что жизнь не выработала общихъ типовъ владѣній, — такіе существовали, но иногда отдѣльные привилеи заключали въ себѣ существенныя отличія. Конституція 1569 г. имѣетъ въ виду различныя формы земельнаго владѣнія, но она упоминаетъ, напр., и о доживотьяхъ — условіе, на которомъ отдавались не только господарскія земли за службу, но и державы въ управленіе. Поэтому эта статья въ извѣстной мѣрѣ приложима и къ управленію господарскими дѣлами. Замѣтимъ, что отдачу державъ въ управленіе надо строго отличать отъ пожалованій землями, иногда цѣлыми державами и староствами, иногда какими нибудь доходными статьями; оба вида иногда очень сходны въ правовомъ отношеніи, но различаются по своему значенію въ сферѣ государственнаго хозяйства. Доживотье, напр., пожалованное за службу и на условіи службы, совершенно выходило изъ компетенціи скарба на извѣстное время: государство располагало только земскою службою пожалованнаго лица и не могло контролировать хозяйства въ пожалованномъ имѣніи. Державы давались тоже въ доживотье, но державца оставался скарбовымъ (а иногда и судебно-административнымъ) чиновникомъ, вносилъ въ скарбъ извѣстные доходы, а иногда употреблялъ ихъ, согласно условіямъ привилеи, на мѣстныя военныя или хозяйственныя нужды. Сейчасъ рѣчь будетъ идти, конечно, только о способахъ управленія государственными имуществами.

Здѣсь надо прежде всего замѣтить, что управленіе „властными“ дѣлами Ягеллоновъ ничѣмъ не отличалось отъ управленія столовыми имѣніями уже потому, что само различіе между обоими видами дѣлъ

¹⁾ Volumina Legum, II, 91.

не было, как мы видели, строго выяснено почти до конца изучаемого нами периода. Однако существовало различие в способах управления между русскими волостями и дворами и державами западной половины государства; это объясняется отчасти государственным назначением русских волостей, отчасти их положением на окраинах. Совершенно особую группу, в смысле управления, составляют урядовый имения. Будучи земскими, они отдавались вместе с урядомъ, составляли его неотъемлемую доходную статью, почему господарскому скарбу не было нужды вмешиваться в хозяйственную жизнь этих волостей. Если в XVI вѣкѣ и производились ревизии этих волостей, то они имѣли общегосударственный цѣль (ревизия 1552 г.), но не скарбовый. Жалован то или иное лицо какимъ нибудь урядомъ, господарь предоставлялъ въ его пользование и все „пожити“ „оттуда приходиче“¹⁾, иногда присоединя къ нимъ и какія нибудь статьи господарскаго дохода (борчмы, мыта, мельницы). Если на территоріи урда были какія нибудь статьи господарскаго дохода, то господарь только обязывалъ жалуемое лицо сдавать въ скарбъ эти скарбовые „пожити“ (напр., оборонныя статьи)²⁾. Тоже самое надо сказать и о боярскихъ волостяхъ, т. е., такихъ, которыя отдавались господаремъ въ управленіе на известный срокъ и исключительно мѣстному областному боярству³⁾. Нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, чтобы съ этихъ волостей скарбъ получалъ какое нибудь вознагражденіе; волости „на поживень“ за службу бояре, вѣроятно, давали господарю только обычное челобитіе, а доходы вычитали на себя. Такимъ образомъ господарскій скарбъ совершенно устранился отъ хозяйственнаго вмешательства въ урядовый имения.

¹⁾ Кн. Зап. Лит., I, т. 7, II, дд. 41 об., 44, 94 об., LXXII, т. 30 об., Кн. Сыз. Дѣль Лит., XLIV, т. 162, Кн. Зап. Лит., XLV, т. 11 об. и др.

²⁾ А. Ю. З. Р., I, р. 82. Ср. Кн. Зап. Лит., XVII, т. 207.

³⁾ О боярскихъ волостяхъ см. Писневій, Земск. Уст. грам., 116, А. З. Р., I, № 175, II, р. 159, Леонтовичъ, Акты Метрики Литовской, № 494, Памятникъ Бѣев. Археограф. Ком., т. IV, р. 51 (ревизія замковъ), Книга Судн. Дѣль Лит., XXXV, т. 652 об. и 677 об., Кн. Зап. Лит., XXIV, т. 57 об., 58; ср. Лобавскій, о. с., pp. 242—3, 249, 255, 268. Это было вознагражденіе управленію за службу: „Што дали есмо мнѣ, немнѣ боярмъ ашеведнѣи,—говоритъ привилей Сигизмунда I боярину Ивану Полозу на Чернобыль,—у жалованіи Чернобыль заробити и во годомъ держати для усоможенъ ихъ, с чего бы они намъ могли службу служити“, Кн. Зап. Лит., XII, т. 346 об. (1527 г.).

Иное дѣло тѣ добра, которыя находились въ завѣдываніи самого скарба. Тутъ то и сказывалось большое разнообразіе въ ихъ управленіи. Въ этомъ отношеніи надо прежде всего отмѣтить, что приблизительно до второй половины правленія Сигизмунда I преобладалъ двойной способъ управленія—непосредственное собираніе самими скарбомъ дани съ населенія и отдача державъ и волостей въ управленіе державцамъ и старостамъ съ обязательствомъ сдавать собираемые ими доходы въ скарбъ. Со второй же половины правленія Сигизмунда I и въ послѣдующее время скарбъ самъ непосредственно не управлялъ добрами, являясь лишь центральнымъ назначеніемъ, контролемъ и направителемъ хозяйственной политики въ державкахъ и волостяхъ. Для русскихъ волостей въ этомъ отношеніи имѣютъ значеніе два законодательныя постановленія: известная уже намъ конституція 1492 г. и сеймовая конституція 1528 г. Первою управленіе передавалось скарбу подъ контролемъ рады. Это шло въ согласіе съ наблюденіемъ надъ фактическимъ ходомъ управленія, такъ какъ до 1528 г. скарбъ дѣйствительно самъ собиравъ, при посредствѣ писарей, дань, хотя изрѣдка это поручался и державцамъ. Сеймовое постановленіе 1528 г. способствовало излеченію этой бѣды большинства шлювъ доживотій и залоговъ и передачъ замковъ и державъ въ руки шляхты *magis idoneis et de nobis optime meritis*¹⁾. Такъ какъ залогъ державъ объясняется именно недостаточностью оборонительныхъ средствъ страны на московскомъ рубежѣ, то несомнѣнно это постановленіе имѣло въ виду передачу замковъ военнымъ людямъ съ цѣлью приведенія крѣпостей въ хорошее состояніе и содержаніе гарнизоновъ. Дѣйствительно, уже съ того-же 1528 г. начинается раздача русскихъ замковъ на указанныхъ условіяхъ и притомъ только шляхтѣ²⁾.

Такимъ образомъ, во второй половинѣ правленія Сигизмунда I скарбовая политика вслѣдствіе склоняется къ отдачѣ державъ

¹⁾ *Zbiór pamiećników do dziejów polskich*. Wydal WI. St. Hr. de Broel-Plater, Warsz., 1868, I, р. 147.

²⁾ Управленіе Подляскою и Подлянскими волостями сопровождалось въ то время и отсутствіемъ контроля со стороны скарбовыхъ писарей. О передачѣ собиранія дани державцамъ послѣ 1528 г. говоритъ листъ 1337 г. на имя державцевъ, старцевъ и десятниковъ этихъ волостей: „рассказали были державцамъ каждому у своей волости вси даннъ наши грошовицъ, а медовицъ, а бобры и кунды выбираючи, въ шлахъ (волошанъ) до скарбу нашего отнести“, Кн. Зап. Лит., XXI, т. 1—2.

въ управленіе. Рядомъ съ этимъ существовали и такіе виды передачи добръ, какъ аренда, доживотье и залогъ. Отъ державцевъ, старостъ и тиуновъ скарбъ обычно требовалъ собиранія тѣхъ податковъ, которые находились въ ихъ завѣдываніи, и передачу ихъ въ скарбъ; раскладка податей и весь механизмъ управленія опредѣлялся или уставами, или стариной, при чемъ и то и другое вносилось въ инвентарь, составленный при передачѣ державы. Разумѣется, отъ державца еще требовалось и стараніе всячески увеличивать скарбные доходы расширеніемъ хозяйственной эксплуатаціи незанятыхъ земель, привлеченіемъ населенія, наконецъ, на него возлагалась и эксплуатація разныхъ хозяйственныхъ статей, напр., фольварковой пашни, лѣса (до выдѣленія лѣснаго управленія), порученія по продажѣ или доставкѣ къ портамъ продуктовъ сельского хозяйства и пр. Требованія скарбомъ отъ державцевъ по отношенію къ выбору доходовъ, а также къ ихъ расширенію были одинаково предъявляемы, какъ къ державцамъ русскихъ волостей, такъ и къ державцамъ западныхъ и жмудскихъ. Разница, однако, въ положеніи тѣхъ и другихъ заключалась въ томъ, что въ западныхъ державкахъ державцы были исключительно финансово-административными агентами, тогда какъ на востокъ, въ русскихъ волостяхъ, они имѣли еще и военное значеніе начальниковъ гарнизона и крѣпостей; а на южной окраинѣ за ними исключительно установилось послѣднее значеніе. Военный характеръ восточныхъ старостствъ особенно выдѣляется съ 1528 г.,—очевидно не безъ вліянія уже извѣстнаго намъ сеймоваго постановленія и приобретаетъ особенное значеніе въ годы Ливонской войны. Постепенно вся окраина покрывается замками. На южной окраинѣ военное значеніе старостинскаго уряда установилось съ момента ихъ окончательнаго присоединенія къ государству, т. е. съ конца XV в. По отношенію къ господарскому скарбу эти обстоятельства отразились на томъ, что скарбъ долженъ былъ выдѣлять старостѣ иногда часть, а иногда и цѣлыкомъ доходы съ волостей на еодержаніе гарнизона, крѣпости и другія военныя нужды.

Отдача волостей, державъ или старостствъ могла быть или вовсе не обусловлена никакимъ срокомъ,—тогда подразумевалось, что державне дается до „ласки господарской“¹⁾, или на условіи „до жи-

¹⁾ Напр., замокъ Радовиковскій отдается въ 1569 году Григорію Войтѣ „до ласки“ господарской, Ки. Пуб. Д. Лит., X, л. 35. Ср. приваей Баск на державне

вота“²⁾, или до „лучшаго уряда“³⁾, при чемъ послѣдніи два условія обыкновенно объединялись⁴⁾. Во всѣхъ этихъ случаяхъ державна давалась „на личбѣ“ въ скарбъ, т. е. державца обязали былъ сдавать въ скарбъ все доходы, сколько ихъ собереть, согласно инвентарю и уставу⁵⁾. Здѣсь мы опять напоминаемъ, что и восточныя

Могилева (1540 г.), гдѣ относительно срока державна ничего не сказано, Ки. Зап. Лит., XXIV, л. 28—28 об. и т. д.

²⁾ Напр., въ 1532 г. державна Рѣчицка А. Вишневецкому, Ки. Суд. Д. Лит., VII, л. 4, также державна Мышкѣ Варковскому въ 1565 г., Ки. Зап. Лит., XIV, л. 79 об. Ср. еще Ки. Зап. Лит., XII, л. 367 об.

³⁾ Ивъ Гайно получаетъ въ 1566 году Трабекумъ державу до лучшаго уряда „либо до староства“, Ки. Зап. Лит., XXVIII, л. 10—11. Ки. Суд. Д. Лит., I, III, л. 271 об., даетъ Лукашу Свирскому на тиуновство Биржанское до живота или до „лучшаго опатрельна“ (1571 г.). Ивъ Ильговскій получаетъ въ 1569 году Вешванское тиуновство до живота или до лучшаго уряда, Ки. Зап. Лит., XLVIII, л. 306 об.

⁴⁾ Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ актовъ, характеризующихъ условія дачи: Ивъ Аврамовичъ получаетъ Утену до живота—„ниже вси доходы съ того двора вашего, гумна—двѣа, корчма и инши покотки“ сдать въ скарбъ, Ки. Зап. Литовскихъ, XII, л. 368 (1527 г.). Ласкъ Войтѣху Юндизу на Ушволи и Пеліны и тиуновство и городничье Вилновское, при чемъ онъ обязывается „тое тиуновство и городничье вилновское и дворы ваши держати и вси платы и доходы и покотки ваши господарскіи своіа водѣ реестровъ скарбныхъ въ каждый годъ до скарбу вашего выдавати и слушше и рдше на немъ ся справовати и доброго и покотковъ вашего господарскаго смотрети“,—Ки. Записей Литовск., XXXVIII, л. 28 об. Бака получаетъ Могилецъ въ 1540 г.: „А што ся дотычетъ давней и покотковъ нашихъ, тые вси дини, доходы и платы, яко грошовые и медонше, такъ и инши великие, которые съ того места и волости ваше приходять на насъ господаря,—маеть справедливѣ дозирати и до скарбу вашего завжди своіа паша выдавати“. Ки. Зап. Лит., XXIV, лл. 28—28 об. Ки. Григ. Мосальскій получаетъ въ доживотье (1586 г.) Перетуву, которая раньше у него была на личбѣ; онъ, дичица, дядка и инши доходы намъ господарю належачие до скарбу нашего отдавати и тиубу съ тое державна чинити быть повиненъ“. Ки. Зап. Литовск. LXXII, л. 20. Тиубуъ Большиныхъ Дирвакъ М. Озехновичъ державъ на „личбѣ“ тиуновство, „съ котораго тиуновства и пождий рокъ за цѣныи и тежъ за сено и отдатки до скарбу нашего господарскаго, похутъ постановленыя ревизорскаго вилезанія, вытрутивши себе десятый грошь на державцу водутъ, востановения продка нашего приходящыи, давати до скарбу нашего“, ibidem, л. 33. Князь Григорій Мосальскій получаетъ Перетуву съ условіемъ: „Маеть Григорій Мосальскій тотъ дворъ нашъ и фольварокъ Перетувскій со всеми подданными, итрувити и великими покотками нашими, до живота своего держати, чинити и плати съ подданныхъ нашихъ тамошнихъ выборочни, до скарбу нашего отдавати и личбы чинити, а на себя покотки, которые на державна наши приходять, брати и во всемъ, водѣ устами волочное, безъ обтяжливости къ подданнымъ нашимъ тамошнимъ, законатися и велики покотки въ той державѣ своей принимать повиненъ будеть“. Акты Виз. Арх. Кож., VIII, р. 231. Ивъ Ильговскому дается тиуновство Вешванское—„маеть“ онъ: „тиуновство

волости съ замками даются на условіи „личбы“ съ доходовъ, а послѣ 1528 г. на личбѣ и съ условіемъ содержанія замка, или съ отчисленіемъ части дохода на содержаніе роты¹⁾. Разумѣется, если держава отдавалась въ „голово“ доживотье²⁾, или хотя бы и на условіи управленія „до ласки“, но съ передачею всѣхъ доходовъ державцѣ³⁾, то староста никакой личбы въ скарбѣ и не обязанъ былъ дѣлать.

Вешневое держати и велико, справа на врадѣ тивунский належаче справовати, плати и доходи наши до рукъ своихъ выбираючи до скарбу нашего отдавати и личбу съ того чинити, а доходи тежъ на тивуны прислухачиче масть оны на себя брати и велико владности и пожиточности на тивуны належачихъ потому вивчати, акъ вине⁴⁾, Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 306 об.—307 (1569 г.). (Тоже въ Кн. Судн. Дѣл. Лит., LIII, л. 227). Яну Гайку державца Трабскаго (уже помиривша на волости): „Потомъ масть нашъ Яну Гайко... с того двора нашего Трабского державца своее плати и доходи наши врочетиво до скарбу нашего давати, и тежъ збожы з гумна нашего Трабского, пожитки нашъ чинити на мшновъ нашихъ, — у скарбе нашемъ личбу с тогоazole обычаю делати“, Кн. Судн. Дѣл. Лит., LIII, л. 10 — 11 (1566 г.).—Лушану Свирскому державца Кревскаго: „замокъ нашъ Криво з мостомъ и дворъ Виневое съ фольварки и зо всеми подданными нашими, су той державѣ належачими, и зо всеми пожитки, которые на державецѣ тамошнихъ Кревскихъ належати“, „Масть“ оны все „справовати“, съ доходовъ чинити въ скарбѣ личбу, а доходи державца брати на себя. Ibidem, л. 228 (1569 г.).—Кн. З. Свирскому тивунство Бержанское въ Жомойтской землѣ „до всеми акосе въ себе масть держати и доходи и вси пожитки тамошниеazole встановенна реншарскаго на тивунство приходиче на себя брати“, Кн. Зап. Лит., LI, л. 280 (1571 г.). Ср. еще въ Кн. Суд. Дѣл. Лит., LIII, л. 43 (1566 г.), Кн. Зап. Лит., XXX, л. 10 и др.

¹⁾ Вотъ какъ, напр., обусловливали личбу анти держава дается, „выбужоци на насъ данъ грошовую и медовую, бобрны и кунницы и иные великие пожитки, которые отголъ на насъ приходитъ“. Это обычная формула данъ; ср. Кн. Зап. Лит., XX, л. 241—2, XIX, л. 26—26 об., 152—152 об. Ср. Arch. ks. Lub. Sang., IV, p. 18. Особня условія держанія Метиславля см. въ А. З. Р., II, 216. Или ср. сѣдѣ, дачу волостей: Лябшани даются въ 1527 г. кн. П. Масальскому: „а што ся дотычетъ даны наше грошовое и медовое и бобрное и кунничное и тивунщины, то все масть приходити къ нашимъ рукамъ господарскимъ по старине“ (Кн. Зап. Лит., XII, л. 348). Привилей Кн. Сем. Подберезскому на Озернице и Усяты: „проситъ въ насъ волостей нашихъ... а оны подвезаеи въ каждый годъ даны наши грошовыи, бобрныи и кунницы съ тыхъ волостей нашихъ своина дати какъ чередъ гѣмъ бывало“ (Ibidem, л. 333). Кн. Ивану Виневецкому дается Рѣчина: „масть тотъ замокъ нашъ отъ насъ въ держаніе держати з мшновъ и с пожитковъ и с тивунщиною. А што ся дотычетъ с тое волости Речинское даны наши грошовое и медовое и бобрное и кунничное и тивунщины и иныхъ пожитковъ нашихъ господарскихъ, тое все масть приходити къ нашимъ рукамъ господарскимъ по старине“ (Ibidem, л. 348 об.—349).

²⁾ Кн. Записей Лит., XLV, л. 79 об., Кн. С. Дѣл. Лит., LIII, л. 152.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 52.

Однако для державцевъ держаніе на личбѣ было неудобнымъ: постоянный и бдительный контроль скарбовой канцеляріи стѣснялъ предпринимчиваго агента, и этотъ контроль былъ тѣмъ болѣе тяжелъ, когда держаніе не было обусловлено доживотьемъ. Къ этому присоединилось и то соображеніе, что въ случаѣ недостатка денегъ въ скарбѣ державы отдавались въ залогъ, и державца, не обладающій капиталомъ, легко терять свои державы, переходившія въ руки капиталистовъ. Въ нормальное для скарба время правительство охотнѣе отдавало державы только „на личбѣ“, но державцы всегда стремились перевести на доживотье, аренду, залогъ, или, наконецъ, исключотать себя какую нибудь иную льготу, иногда даже сверхъ доживотья и аренды. Эти дополнительные условія были весьма разнообразны; ихъ невозможно подвести подъ какія нибудь опредѣленные рубрики, и можно привести только одинъ—другой примѣръ. Такъ, Стравинскій получилъ въ 1576 г. тивунство и городничее Троцкое „съ фольварками, з людьми тяглыми и осадными, з озерами и зо всеми потому, што ку тому врадѣ здавна належитъ“, исключоталъ себя между прочимъ и сѣдѣ условіе. Такъ какъ много селъ тивунства заложено, то все оны, какъ только будутъ выкуплены скарбомъ, поступять въ управленіе Стравинскаго; еслибы заложеныи добра не могли быть выкупленными скарбомъ, то державцѣ предоставляется право ихъ выкупить самому и держать на залоговомъ правѣ¹⁾. Это—дача на личбѣ. Кн. Ивану Крошинскому пожалованіе въ доживотье Унитской волости (1570 г.) обставлено между прочимъ общиданіемъ господара не осаднати „грунтовъ“ и людей волости въ залогъ, а еслибы и оказалась надобность въ залогѣ, то держава будетъ заложена ему же²⁾. Иванъ Зарѣцкій, известный финан-

¹⁾ Кн. Зап. Лит., LVI, л. 56.

²⁾ Вотъ какъ формулирована въ листѣ эта дача: „масть оны туу державу до живота своего держати, справуючице во всемъ судни и радице, пожитковъ нашихъ господарскихъ стережи и ихъ вриможачи и безъ обтежливости подданныхъ нашихъ до живота его, а мы з него того врадѣ брати и его з него рушати немаемъ до живота его, и никому яко чередъ то селъ, людей и грунтовъ волости Унитское ни в которыхъ сумихъ заводити и заставовати не будемъ. А если бы на потребу Речи Посполитне нечаянъ набывачи хотели село, люди, або которые и грунты тое волости заставовъ занести, тогда никому иному, одно омужъ маемъ росказати то заставити, а оны повиненъ будетъ воздугъ важности тое заставы суму нечаянъ дати, а то на што тые нечаянъ дати, масть заставою держати, потомужъ яко в листѣ заставномъ около того будетъ описано“. Кн. Судн. Дѣл. Лит., LIII, л. 261 об.

совый дѣлец и капиталистъ, получаетъ въ 1571 году старство Унитское еще на болѣе сложныхъ условіяхъ. Господарь даетъ слѣдующія льготы Зарѣцкому: общинѣ не раздавать земель староста, не посылать въ него праставовъ и „служебныхъ“ людей; предоставляетъ право выкупать заложенныя части староста и держать ихъ на залоговомъ правѣ; наконецъ, дается и еще одна льгота: Зарѣцкому предоставляется право осадить фольварокъ въ 15 волокъ „на дешпомъ и пожежъ мѣстцу, где се ему наленей увидитъ“; онъ пользуется работою посаженныхъ людей и платами ихъ съ волокъ въ теченіи трехъ лѣтъ, а затѣмъ управляетъ фольваркомъ „яко староста“¹⁾. Иногда льготы бывали, напр., такого рода, что державца на нѣсколько лѣтъ освобождался отъ личбы въ скарбъ и всѣ доходы поступали ему²⁾. Василій Тишковичъ получилъ въ 1565 г. Пинскъ въ доживотье со всѣми сборами въ натурѣ и повинностями крестьянъ, но „гоше“ пенези шли въ скарбъ и съ нихъ староста давалъ личбу³⁾. Различныя льготы при держаньи волостей и державъ, даваемыхъ державцамъ, имѣли значеніе не только льготъ за службу, какъ иногда говорить объ этомъ привилег. по дѣламъ ихъ была, главнымъ образомъ, хозяйственная: правительство старалось заинтересовать своихъ агентовъ въ хозяйственномъ развитіи державъ прочностью державъ и самостоятельностью держателя. Независимость отъ контроля скарба была очень удобна и для самихъ держателей, почему они и стараются отъ нея освободиться. Такъ, напр., Василій Тишковичъ получаетъ въ 1552 г. нѣсколько сель въ Слошымскомъ старостѣ съ освобожденіемъ отъ личбы въ скарбъ, но съ условіемъ уплаты половины всѣхъ доходовъ съ его державъ, что король „на вѣру ему“ сдѣлать⁴⁾.

Какъ было уже упомянуто державцы стремятся держаніе на личбѣ перевести на доживотье, аренду или залогъ. Такъ, въ 20-хъ годахъ XVI ст. многіе залогодержатели государскихъ имѣній получили доживотья на своихъ державкахъ „за отнушеніе“ съ нихъ господарю залоговой суммы⁵⁾. Въ данномъ случаѣ выгода для держателей заключалась въ томъ, что они, за уступку долга, получили доживотья безъ всякой личбы въ скарбъ.

¹⁾ Кн. Зап. Лит., LV, л. 7.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XII, л. 367 об.

³⁾ Кн. Зап. Лит., LVII, л. 1—2.

⁴⁾ Вилен. Арх. Сб., III, р. 13.

⁵⁾ Напр., въ Кн. Зап. Лит., XII, л. 92 об., 369 и др.

Переходъ на аренду могъ сопровождаться доживотьемъ или просто условіемъ „до ласки“ господарской. Державы на арендѣ или на „прочиномъ платѣ“ давались обыкновенно по просьбѣ держателей и съ цѣлью улучшенія хозяйства или болѣе успѣшнаго собранія даней. Такъ, напр., державца Гервольскій Б. Шолуха получаетъ свою волость на личбѣ въ 50 копъ гр. въ годъ, потому что волостные мужи и старецъ не вносили сполна всѣхъ „платовъ“¹⁾. Иногда искатели арендъ дѣйствительно предлагали сумму гораздо болшую, чѣмъ скарбъ, могъ получить, или по крайней мѣрѣ болѣе вѣрную. Такъ, Шимко Мацковичъ представлялъ до 1537 г. скарбъ со своихъ державъ Ушволь и Пенявъ по 590 копъ и 45 грошей, согласно „попису“. Но писарь дворовъ Виленскаго повета сдѣлалъ новый „пописъ“ державъ и прибавилъ при этомъ еще 416 коп. грошей. Тогда тивуць предложилъ королю давать ежегодно въ скарбъ по 1000 копъ аренды, но при условіи отдачи ему дворовъ со всѣми доходами²⁾. Король выбралъ здѣсь аренду, потому что считалъ доходъ отъ нея болѣе устойчивымъ. Тивуць Большихъ Дирявъ въ 1586 г. выхлопоталъ себѣ свою державу на арендѣ, предложивъ королю вмѣсто окладнаго дохода въ 171 копъ 5 грошей, 6½ пенезей по 400 копъ ежегодной аренды³⁾. За такую сумму тогда же получилъ уже въ доживотную аренду державу Перстувскую ии. Григ. Масальскій, при чемъ онъ мотивировалъ свою просьбу именно „трудностью“ въ „численъ личбы въ скарбѣ“⁴⁾.

Приведенные факты арендныхъ условій носятъ въ извѣстной мѣрѣ прекарный характеръ, такъ какъ держатели выхлопываютъ себѣ

¹⁾ Акты Лит.-р., т. I, р. 206.

²⁾ Условія отдачи въ аренду Ушволь и Пенявъ Шимку Мацковичу слѣд.: „имать онъ все пожитки съ тыхъ дворовъ явнихъ, яко пенези осадныя, платаныя и купчаныя и съ коней путныхъ, меззевы, меззъ пресныя и шеняны, ячмени, овсы, порчонныя, дѣлка и пенези, тежъ кашищныя зъ мѣсть тамошнихъ и руданъ своихъ брати и даши согосетни и всякия пожитки съ тыхъ дворовъ на себи жети и пенези пустошки родавати на волонехъ держати; а людей явнихъ зъ обокъ дворовъ не имать ни на которои работѣ наши, ани у подводѣ посылати, ани пенези нашихъ и жантазерей и исарновъ со немъ на лежу приймовати, ани которыхъ стадей на зайки наши посылати, ани писарь дворовъ нашихъ повету Виленскаго не имать того году тамъ уездчати“ — и за все это арендаторъ вносить въ скарбъ 1000 копъ гр. (Кн. Зап. Лит., XXI, л. 82).

³⁾ Кн. Записей Лит., LXXII, л. 33.

⁴⁾ Ibidem, л. 29.

льготы; это не мешало и скарбу соблюдать свои интересы. Но иногда условия аренды отличались большою сложностью, зависяшею от разных обстоятельств. Такъ, канцлеръ М. Радивиль держалъ въ арендѣ староство Берестейское на 1000 копахъ грошей и за уплату замковымъ слугамъ. Въ 1559 г. король даетъ ему на Берестя уже доживотную аренду за то, что „панъ воевода вилельский, причинючи господарства, знову порадне померу польную (волочную) вчинилъ и постановилъ во всемъ томъ старостве Берестейскомъ, платовъ нашихъ примножилъ, а к тому будованьемъ и стрельбою замокъ добре опатрилъ и запособилъ. А то все вчинилъ з великимъ накладоу и коштотомъ своимъ властнымъ“. Однако новыя арендныя условия выгоднѣе для скарба прежнихъ. Радивиль получаетъ все доходы староства, но онъ уплачиваетъ ежегодной аренды уже 1500 копъ грошей. Сверхъ того, въ скарбъ идутъ непосредственно подводные пеньки, 100 копъ повизны горбляной: стація на корабль при перебѣдѣ его черезъ Бересте¹⁾. Въ 1567 г. Берестейское староство, безъ дворовъ Милейчицъ, Воинъ и Половцовъ, переходитъ въ доживотную аренду къ О. Воловичу уже въ 3000 копахъ грошей въ годъ; при этомъ державца имѣть право получить особо въ залогъ названные дворы; онъ уплачиваетъ долги Болеману изъ доходовъ староства. Король обязуется не уменьшать раздѣчно и залоговъ территория староства²⁾.

Въ аренду шли не только цѣлыя староства и державы, но и отдѣльные дворы. Приведемъ по этому поводу еще одинъ арендный контрактъ. Панъ Ярошъ Корицкій получилъ въ 1565 г. аренду на три года фольварокъ Лосицкаго, всего въ 18 волокъ, за 150 копъ грошей. Фольварокъ поступаетъ къ арендатору съ полнымъ хозяйственнымъ инвентаремъ. Плата вносится впередъ за годъ. Арендаторъ пользуется всеми „политками“ и сверхъ того одной господарской шкутой для безмитнаго провоза въ Гданскъ хлѣба. На прѣздѣ короля арендаторъ доставляетъ ему стацію, но вычитываетъ расходы на нее изъ арендной платы. Король обязуется не посылать въ Лосичи ревизоровъ, не употреблять подданныхъ ни на валяхъ господарскихъ работъ, кроме новыя въ поргъ господарскаго збожя; король обязуется не посылать на вывормку въ Лосичи своихъ лошадей. Въ случаѣ градобитія арендатору отпускается изъ арендной платы сумма по-

¹⁾ Кн. Записей Лит., XLI, з. 40 об.—42.

²⁾ Кн. Записей Лит., LI, з. 69 об.

требная на покрытие убытковъ и опредѣляемая подскарбьемъ. Въ случаѣ смерти арендатора, Лосичи переходятъ къ его наследникамъ. По отношенію къ подданнымъ арендаторъ обязуется во всемъ поступать согласно ревизорской уставѣ¹⁾.

Замѣтимъ, что въ источникахъ иногда называется „певною арендою“²⁾ пожалованіе русскихъ волостей при условіи взноса въ скарбъ опредѣленной суммы изъ доходовъ державы и съ обязательствомъ употреблять остатки доходовъ на военныя нужды замка. Съ точки зрѣнія центрального казначейства, эта отдача ничѣмъ не отличалась отъ аренды, потому что скарбъ и въ томъ и другомъ случаѣ получалъ опредѣленную ежегодную плату, но, разумеется, была большая разница между обыкновеннымъ арендаторомъ и староствоу замка на почтовой окраинѣ. Что касается частныхъ такого пожалованія „аренды“, то надо замѣтить, что привилег. пехода изъ заслугъ заслуженнаго лица, передаютъ ему державу „з данми грошовыми и медовыми и с бобръ и с куницами и съ корчмою и со всеми доходами и политки“—со всемъ, что приходилось на господаря. Державца береть все доходы себѣ, а въ скарбъ вноситъ опредѣленную сумму. Иногда встрѣчаемъ и еще оговорку относительно доходовъ скарбовыхъ писарей и подскарбія земскаго: если эти доходы взиались съ волости, то не передавались державцѣ. Затѣмъ неизбѣжно встрѣчаемъ требованія о содержаніи на замкѣ почта, оружія и пр.³⁾. Князь Кузьма Жеславскій получалъ Свислочь, но при этомъ господарь „все дене платы и доходы, што з волости Свислочькое на насъ господаря“ приходили, „обратилъ“ въ скарбъ. Державца остался безъ „политвеныя“, почему князь Кузьма и проситъ господари отдать ему Свислочь со всеми доходами, какъ держалъ ее панъ Андрей Немаровичъ. Господарь намѣлъ такое пожалованіе „з шкодоу нашою господарскою, естли быхмо мели весь платъ тамошній ему дати“. Но такъ какъ князь Жеславскій слуга „потребный“, то господарь ему передаетъ все даня съ волости, за что князь будетъ давать въ скарбъ по 100 копъ грошей ежегодно, обращая остальное на свой пожитокъ и содержаніе крѣпости⁴⁾.

¹⁾ Кн. Записей Лит., XLV, з. 106—7 об.

²⁾ Кн. Записей Лит., XXIV, з. 103.

³⁾ Кн. Судн Дѣлъ Лит., VII, з. 4.

⁴⁾ Кн. Записей Лит., XXVIII, з. 47 об.—48.

Таковы условия аренды и доживотий. Они, как мы видим, были весьма разнообразны. Но ясно, что скарбы, устанавливая те или иные условия отдачи державы, руководствовались или хозяйственными соображениями или государственными (отдача замков в русских державах). Иной вопрос, насколько появление в державах арендаторов или доживотных держателей действительно могло содействовать прочному росту экономического положения плательщиков налога: увеличивая временно скарбовые доходы, они несомненно способствовали обдичиванию типичных классов населения, так как все рассуждения государственных писателей о «Хованьи» подданных согласно уставу оставались мертвою буквою там, где дело касалось быстрой наживы временного держателя господарского имения. Впоследствии мы увидим еще, что скарбы самими разнообразными способами старались увеличить хозяйственное значение державы.

Переходим теперь к последнему способу управления государскими добрами — к залогу. Залогодержатель являлся старостою, державшею заложеной у него державы. Къ залогамъ правительство прибегало только в периоды острой нужды в средствах. Чемъ меньше было денег в скарбъ, тѣмъ условия залоговъ были труднее для скарба и тѣмъ заложенное имѣние оказывалось въ болѣе опасной подвергнуться разоренію. Условия залоговъ были поэтому весьма разнообразны: иногда залогодержатели платили въ скарбъ все или часть доходов, иногда ничего не давали, такъ что доходы составляли процент на капиталъ, или же доход шел на погашеніе залога (ad extenuationem), иногда получали въ залогъ державу на срокъ, а иногда въ доживотіе и пр. Теперь насъ будутъ интересовать только хозяйственные условия залоговъ, такъ какъ значение ихъ какъ государственнаго долга будетъ разсмотрѣно въ отдѣлѣ о бюджетахъ. Сначала мы разсмотримъ условия залоговъ, сдѣланныхъ при Сигизмундѣ I вслѣдствіе нужды на московскія войны, и затѣмъ залогъ, сдѣланный Сигизмундомъ Августомъ въ годы Ливонской войны. Такое дѣленіе необходимо потому, что подъ вліяніемъ различныхъ условий денежнаго рынка измѣнился и характеръ залоговыхъ контрастовъ.

При Сигизмундѣ I залогъ державъ совершался болѣею частью «до отдачи» долга, и только небольшая часть ихъ заложена до «живота» займодавцевъ, т. е. правительство отказывалось отъ права выкупа державы до смерти должившаго денги. Но встрѣчаемъ и еще способъ отдачи державы въ залогъ, когда доходами ея предоставля-

лось держателю погасить долгъ. Такъ еще при королѣ Александрѣ дворянинъ господарскій Данило Дѣтковичъ «травачися и вномивши даючи» на службѣ въ Ордѣ, издержалъ изъ своихъ денегъ 230 копѣй гр. По его челобитью король отдаетъ ему въ держаніе Брагинскую волость съ господарскими доходами до тѣхъ поръ, пока онъ самъ себѣ «заплатить» долгъ¹⁾. Около 1524 г. Сигизмундъ I завилъ у и. Юрія Зеновевича, намѣстника могилевскаго, 1300 копѣй гр. и далъ ему листъ на выбирать долгъ изъ «данныхъ» пеней управлиемой имъ²⁾ державы. Такаѣ передача доходовъ съ державы для уплаты долга лицу, управляющему тою же державою, не дѣлало его въ полномъ смыслѣ залогодержателемъ, представляя собою какъ бы среднюю форму между залогомъ и управленіемъ. Для скарба такая форма могла представлять много выгоды, но факты такого погашенія долга единичны, конечно, потому, что не представляли выгоды капиталистамъ. Обычною формою залога является закладъ до «отдачи» денегъ. Въ самомъ дѣлѣ, залогъ до отдачи долга представлялъ гораздо болѣе выгоды для займодавца. Въ этомъ случаѣ займодавецъ и правительство заключали условіе, отдѣльные пункты котораго довольно разнообразны, находись, конечно, въ зависимости отъ спроса на деньги. Такъ, напримѣръ, Ю. Ив. Пиливичъ получалъ въ 1519 г. въ залогъ Берестье, замокъ и городъ со всеми доходами какъ господарскими, такъ и вридинчими, кромѣ мыта и коморъ солиной и восковой, за весьма небольшую сумму 500 копѣй грошей³⁾. Такимъ образомъ все доходы этого крупнаго центра должны были уйти, въ видѣ процентовъ, займодавцу. Но часто король оставляетъ некоторые доходы на скарбъ, другіе же отдаетъ займодавцу. При этомъ надо оговориться, что въ этотъ счетъ не входятъ доходы старостинскіе: займодавецъ получаетъ ихъ какъ администраторъ. Такимъ образомъ выгодность для него залога заключается въ большемъ или меньшемъ количествѣ господарскихъ доходовъ, передаваемыхъ ему въ видѣ процента на капиталъ. Такъ, напримѣръ, при залогѣ Мерези п. Ст. Гр. Остиковичу эта державя поступаетъ къ нему со всеми доходами вридинчими и господарскими, — «которыи з мѣста и з волости Мерещое на насъ хоживали». Но господарь оставляетъ на себя: стацію и подводы на свой прѣвѣдъ,

¹⁾ АКТЫ Лит.-р. гос., I, 117.

²⁾ Ibidem, p. 134.

³⁾ АКТЫ Лит.-р. гос., I, p. 167.

часть дьяла и мезлевы на время своего пребывания въ Литвѣ. Управление же волостью во всѣхъ отрасляхъ переходитъ къ державцѣ-залогодержателю¹⁾. Или Б. Боговитиновичъ получаетъ въ залогъ Довги со всѣми доходами и управлениемъ: воевода троцкій, городничій, ключникъ и тивунъ не имѣютъ права въѣзда и посылки своихъ дѣвцяхъ, т. е. и ихъ отрасли управления передаются державцѣ, а вмѣстѣ съ ними и ихъ вридичьи доходы. На господари идетъ только по 60 бочекъ жита, овса и сѣна въ годъ, мезлевы и стація на приѣздъ²⁾. Въ примѣръ того, насколько иногда не выгодно были для скарба залогъ, можно привести условія перезалога тому же Б. Боговитиновичу Каменца. Большая держава закладывается въ 1000 копахъ грошей со всѣми доходами: господарскими и старостинскими и вридами (гаенничествомъ, лѣвничествомъ, бобровничествомъ). На господари идетъ только: корчменные пенезы, двѣ части медовой дани и всѣ бобровые гоны. Вспѣи улучшения, которая могутъ быть сдѣланы въ замкѣ Боговитиновичемъ должны быть оплачены королемъ. Державцѣ предоставляется полная свобода осаживать „вола“ и такимъ образомъ увеличивать доходность староста. Король можетъ выкупить Каменецъ, но обязуется отдать его Боговитиновичу въ державу до живота³⁾. Сущность условій залоговъ „до живота“ не отличалась отъ такихъ же „до отданья“. Можно лишь отмѣтить, что та и другая форма иногда соединялись вмѣстѣ: заимодавецъ выговаривалъ за собою право получить заложенную у него державу въ „доживотье“ и по уплатѣ долга, какъ это мы уже видѣли въ условіи съ Боговитиновичемъ. Впрочемъ, иногда скарбъ переводилъ залогъ до отданья на доживотный, выгадывая какую нибудь уступку со стороны держателя. Такъ, князь М. Мивитиничъ получилъ въ 1518 году въ доживотье находящуюся у него въ залогѣ Бирштанскую державу потому, что уступилъ королю по 50 копъ гр. въ годъ изъ суммы залога (2500 копъ гр.); при этомъ король получаетъ весьма значительную часть натуральныхъ сборовъ⁴⁾.

Такимъ образомъ держанье залога „до отданья“ представляло правительству только ту выгоду, что оно могло во всякое время вы-

¹⁾ Ibidem, 163.

²⁾ Кн. Зап. Л. IX, л. 110 (у Любачскаго прилож. л. 25).

³⁾ Кн. Зап. Л. XI, л. 7 (у Любачскаго въ прилож. л. 28).

⁴⁾ Ibidem, л. 6 об.—7.

купить или перезаложить его; но для залогодержателя, несмотря на отсутствие срока, выгода представлялась въ большемъ процентѣ на капиталъ, такъ какъ онъ получалъ и вридичьи доходы и большую часть или даже и всѣ господарскіе. Надо только замѣтить, что земскіе налоги, т. е. серебщина и ординщина въ это время никогда не отдавались державцамъ, а стація на приѣздъ господари всегда выговаривалась въ условіяхъ залога. Не бесполезно пояснить также и то, что въ горячее время правительство обращалось за ссудами подъ залогъ державъ къ самимъ же державцамъ и старостамъ: они обыкновенно являлись залогодержателями, такъ какъ въ противномъ случаѣ держава могла быть отпята и передана лицу, предлагающему ссуду. Неудивительно поэтому, что когда начинались поиски за деньгами, нѣкоторые старосты сбились хлопотать себѣ листы о томъ, что ихъ державы не будутъ отданы въ залогъ постороннимъ лицамъ¹⁾.

Однако эти условія залоговъ, сравнительно съ годами Ливонской войны, были еще не очень тяжелы для скарба. Въ послѣднее время нужда въ деньгахъ была настолько велика, что даже къ концу войны условія залоговъ очень невыгодно измѣнились для правительства.

Залоговые контракты обычно совершались на опредѣленный и притомъ чаще всего на очень короткий срокъ. Мы почти не знаемъ контрактовъ безъ срока: нѣбнѣ закладываются на срокъ чаще всего въ одинъ годъ, рѣже въ три, болѣе сроки—единичны. Удобная сторона сроковъ для залогодержателя заключается въ томъ, что всѣ контракты содержатъ въ себѣ обязательство короля не выкупать нѣбнѣ „межи рокомъ“, т. е. выкупъ возможенъ только въ назначенный срокъ, и если послѣдній пропущенъ, то скарбъ долженъ ждать слѣдующаго. Тутъ нѣбнѣсь, конечно, въ виду и хозяйственныя соображенія: по даромъ громадное большинство контрактовъ совершено осенью или весной, въ иныхъ, совершенныхъ въ другое время, срокъ дѣйствія контракта переносится на осеннее или весеннее время, т. е. въ началу и къ концу сельскохозяйственнаго года. Далѣе, контракты на уплату по смерти залогодателя, на уплату въ срокъ, но съ обязательнымъ переходомъ державы въ доживотное держанье²⁾, наконецъ на условій

¹⁾ Паур., Зап. Лит. XI, л. 33.

²⁾ Паур., Кн. Записей Лит. XLVIII, л. 367 об.

³⁾ Кн. Суд. Дѣлъ Лит. LIII, л. 234 об.

погашения долга из доходов — довольно рѣдки¹⁾. Капитулянты хлопочут не только о точномъ опредѣленіи срока, но и о территориальной полнотѣ въ пользованіи во все время залога: они ставятъ условіемъ, что король не можетъ до отдачи въ срокъ долга выдѣлить какую нибудь часть заложенного имущества для залога кому нибудь другому (напр., Пенны — Ст. Довоину, 1558 г. и др.). Само собою разумѣется, что всѣ контракты оговаривались переходомъ заложенного имущества къ законнымъ наследникамъ залогодержателя и большинство выговариваетъ еще право перезалога. Король же за себя и за своихъ преемниковъ обязуется точнымъ исполненіемъ договора.

Въ числу условий, коими ограждаются права держателей, слѣдуетъ и еще прибавить одно, встрѣчающееся буквально во всѣхъ позднѣйшихъ задогахъ — то, что уиѣ и экзекуція правъ и вообще никакіе новыя законы не будутъ „шкодить“ соблюденію договоровъ. Очевидно, въ виду толковъ объ уиѣ, капиталисты побавлялись давать взаимн., зная о проиходившей въ Коронѣ экзекуціи правъ и боясь того же и въ Литвѣ²⁾. Король обыкновенно обязуется: „такъ отъ насъ господаря, яко и отъ потомка нашего великого князя литовскаго жадналъ переказа чинены быти, а ни уставн абы уфаламъ посполитымъ сеймовымъ шкюдати немуюти и не могутъ“ и контрактъ долженъ „у зупной мѣрѣ“ соблюдаться до расплаты³⁾.

Важная сторона залоговыхъ условий — большая или меньшая широта пользованія залоговымъ имуществомъ. Прежде всего въ руки залого-

¹⁾ Доходы Пинскаго староства, напр., отданы были въ 1562 г. Стан. Довоинѣ „на выбраннѣ“ скарбованаго долга въ 2201 кону гр. Ки. Зап. Лит. XLIV, з. 50 об.

²⁾ Напр.: „Особавне тотъ нарушю на семь листе нашомъ дозволитъ всяко везети, яко тому теперешнему великому панскому альбо праву преченовому пана Ивана Зарецкого отъ насъ уиешаючи ему на томъ староствѣ Улитскомъ невезети его до скарбу нашего земского на потреби Речи Посполитое отъ него взятыя экзекуціи правъ его або конституціи коронныхъ яко и великого князства Литовскаго, ва соймехъ великихъ передъ тымъ становленыхъ, и которые за часомъ потомъ для порадку правъ Речи Посполитое также ва соймехъ яко и безъ соймаъ зъ якихъ колькокъ наболшихъ причинъ и потребъ земскихъ уфаломъ и справованымъ альбо способленымъ будутъ, бы темъ за пановою и становленымъ всѣхъ становъ на соймехъ и на везехъ, — до якого змѣнешель и уближенья права и запису нашего теперешнего мело прийти, тогда мы обещуемъ словомъ нашимъ господарскимъ пана Ивана Зарецкого и потомковъ его, або тыхъ, кому отъ него такъ за живота завѣдено, заставлено, яко и по животе отписано будетъ, отъ такого змѣнешель и шкody во всѣхъ артыкулахъ и семъ листе и въ другомъ листе нашомъ отъ насъ ему дважо... аступовати и нагороджати“. Ibidem, з. 305 об.

³⁾ Ки. Судн. Д. Л. LIII, з. 183 об.

держатели переходить всѣ юридичья доходы потому, что они ставились и державцею, управителемъ имѣній или державы. Затѣмъ скарбъ высчитывается такъ, чтобы господарскіе доходы дали 10% доходу на капиталъ: это и есть средній законный статутный процентъ — „интереса“ или (какъ облагораживаютъ этотъ терминъ документы) „нагорода“, „юргельтъ“ залогодавца. Такъ, напр., при залогѣ Слонимскаго староства въ 3000 конь, дано Гр. Воловичу „нагороженье“ по 300 конь грошей въ годъ (1565 г.); такой же рѣсчець и на такую же сумму былъ сдѣланъ съ кн. А. Збаржскимъ по залогу ему Кременца. М. Нарушевичъ получалъ въ залогъ Пенны на условіяхъ ежегоднаго погашенія долга, получалъ „юргельтъ“ по 10% на остающійся къ уплатѣ капиталъ. Если 10% на капиталъ составлялъ меньше, чѣмъ весь господарскій доходъ съ имѣнія, то скарбъ долженъ доплатить (напр. Рудоминѣ — двори Утени, Коршево Л. Ивановичу и др.); но если „пожитки“ больше этого процента, то залогодержатель „чинить“ въ скарбъ личбу и излишекъ сдать туда же: — „будеть поиниеть каждого року на потреби наши, естли гдѣ черезъ листы наши роскажемъ, або до скарбу нашего отдавати“, говоритъ контрактъ А. Полубенскаго по залогу Вальшев. Впрочемъ, изрѣдка проценты понижались и понижались. Такъ, напр., Островицкій на Опикитенской державѣ, заложенной ему въ 1800 коняхъ, получалъ ежегоднаго юргельту 350 конь. За то Ост. Воловичъ, по залогу ему Берестейскаго староства, бралъ всего 6% на капиталъ. Впрочемъ, тотъ же Воловичъ занялъ у п. Тарло по 20%, причемъ король соглашался дать и 26%, если Тарло этого потребуетъ. Воловичъ занялъ этотъ капиталъ у Тарло на свое имя, передалъ въ скарбъ и получилъ въ залогъ Кобринъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ скарбъ и совѣмъ не платилъ процентовъ; напр., Иванъ Зарѣцкій далъ крупный капиталъ, получилъ за него на выбраннѣ восковичее виленское. Процентъ онъ не получалъ¹⁾, но черезъ девять дней послѣ заключенія контракта онъ получаетъ крупную льготу по безопасному пропуску соли изъ Гданска²⁾.

Иногда залогодержатель получаетъ всѣ „пожитки“ въ видѣ процента за исключеніемъ опредѣленныхъ доходовъ, остающихся на господаря. Напр., при залогѣ Хлюдинскому Клещелей на господаря

¹⁾ Ки. Судн. Д. Л. LIII, з. 1.

²⁾ Ibidem, з. 2 об.

оставлено: 210 бочекъ овса дикольнаго и работа подданныхъ на замокъ Тыкотинскій. Конечно, серебщина всегда и поборы малые за рѣдкими исключениями остаются въ распоряженіи скарба. Если въ державѣ есть пуца, то относительно ея всегда встрѣчается особое условіе: пуца обыкновенно ограждается отъ расхищенія, напримеръ, запрещеніемъ выдѣлки въ ней лѣсныхъ товаровъ (напр. Фр. Фальчевскому—на Лудкій ключъ). Или напр. В. Тшквичъ получаетъ въ залогъ Пинское староство, а лѣсничество въ управленіе, съ правомъ охоты, но безъ права на лѣсные работы. Но Ясенейъ получаетъ Любошаны съ лѣсными работами. Однако, доходовъ съ заложенныхъ державъ мало приходится на скарбъ и условія, ограничивающія права пользованія залогодержателю не часты. Пронеходитъ это оттого, что скарбъ, при погонѣ за деньгами, бралъ все, что можно взять на данной державѣ. Поэтому, имѣнія обычно отдаются со всѣми покитками, т. е. скарбъ насчитываетъ какъ разъ столько дохода, чтобы вынестъ задонный процентъ. Поэтому, державы чаще всего отдаются въ залогъ со всѣми покитками¹⁾; напримеръ, замокъ Рѣвница отдается „всю всю волостью Рѣвницвою, а людьми въ месте и волости Рѣвницвою оселыми, с платы гршновыми, данными, медонными и капщивными... яко стародавна на насъ господара держано было, ничого с покитковъ оного места и волости не вышьючи“²⁾. Сюда входятъ, конечно, и суды надъ подданными.

Но при передачѣ залога въ скарбъ могли быть неполны свѣдѣнія о доходахъ державы: крейпрованіе тогда по столовымъ имѣніямъ скарбные ревизоры легко могли бы выискать источники дохода, неизвѣстные раньше скарбу и утаиваемый державцею. Тогда залогодержатель могъ-бы лишиться этого имущества. Отсюда происходить два довольно обычные пункта договоровъ: во все время залога,

¹⁾ Иа. Зарыцкому дается староство Унитское и волости к нему прислушачую з людьми местевыми, волостными, осадными и тизыми, з ихъ землями и з всеми куртии и водами и шпрокостями и покитки ку тому староству прислушачючимъ, валекачными, с цинши з людей местевыхъ и волостныхъ, платы пеншными, житными и овенными и иными подачными и работами, з цинши и зо всеми воевнъ покитками, которые темеръ все померы волостное вышайтисе могутъ, къ томужъ с пеншалми жорновыми. Але все право доживотное, перво сего на староство Унитское и волость к нему прислушачую з асши нашего господарское от насъ ему дано, при жоды зупной неворушше доставуючи“. Ка Суд. Д. А. ЛШ, т. 305 об. сл.

²⁾ Ibidem, т. 148.

держатель не чинитъ въ скарбъ личбы съ доходовъ¹⁾. Правда, скарбъ при этомъ иногда обязывается его взимать подати и повинности, согласно ревизорской уставѣ: „иметь опъ за державилъ своего,—говоритъ одинъ изъ контрактовъ,—съ подданныхъ Керновскихъ цинши избирати водде устава нашего господарское и постановенья ревизорскогого, нечипечи никоторое обтежливости подданнымъ тамошнимъ, али уведоча надъ обычаи звикалы никоторое повинна, а зъ избирания того податку личбы до скарбу нашего чинити повинень не будетъ“²⁾. Но эти ограниченія ревизорскою уставою для держателя были пустою формальностью: все чаще и чаще встрѣчаемъ въ контрактахъ условія такого рода, что королю обязуется не высматъ въ державу скарбовыхъ ревизоровъ. А такъ какъ послѣдніе не только слѣдили за „вышайдемъ“ покитковъ, но къ тому же обязаны были выслушивать все жалобы подданныхъ на своихъ державцевъ (залогодержатель—тотъ-же, съ административной точки зрѣнія, державца, имъ опъ и именуется въ актахъ) и разбирать эти жалобы, то само собою разумѣется, что подданныхъ такимъ образомъ цѣлкомъ отдавали въ руки держателей.

Послѣднему весьма способствовалъ еще одинъ пунктъ условій, по которому государство отказывалось отъ изысканій съ пользователя убытковъ, могущихъ произойти отъ разоренія подданныхъ, ихъ бѣгства и т. п. Иногда эти условія составлялись, сравнительно, въ мягкой формѣ, вполнѣ естественной въ залоговомъ договорѣ: если на полость Унитскую, говоритъ контрактъ,—„отъ поветрія, огня, голоду, войскъ и иныхъ пригодъ принадлевоъ якое се спустошенье стало и которые подданы прочъ розшили и въ зниченье понали“, то господарь отказывается отъ всякаго рода иска³⁾. Это понятно. Но едва ли не большинство условій выражается о причинахъ „шкодъ“ и „зниченья“ гораздо неопредѣленнѣе. Такъ, одинъ контрактъ утверждаетъ, что залогодержатель не повесеть ни одного гроша изъ залоговой суммы въ случаѣ „подданныхъ нашихъ разогнанья и ихъ великихъ криадъ, шкодъ и грабежовъ, естли би ея которые стали“,—независимо отъ ихъ причинъ⁴⁾. Другіе контракты, такъ сказать, сами

¹⁾ Напр.: „ничого давати и личбы вынити не мають и не будутъ повинни (держатель и его наследники) ажъ зо отдавья имъ тое сумы“. Ibidem, т. 143 об.

²⁾ Судн. Дѣл. Лиг. LIII, 4 об.

³⁾ Ibidem, т. 305 об. сл.

⁴⁾ Ibidem, т. 143 об. сл.

паталкивают залогодержатели на самую широкую и произвольную эксплуатацию крестьян. „А где бы люди с места и волости Овкштенское оть огня, злодейства, и з *ликих колесек и иных причин* спустошони и зубожони были, альбо се прочь розышли“,—скарбъ претендовать не будетъ. Но этого мало: слѣдующее мѣсто еще характеризуетъ: „*Такъ же и подданы наши* нѣкоторыхъ шкоды своихъ на самыхъ державцахъ того двора, места и волости Овкштенское поспкивати не будутъ мочи и шкоды меновали (меновати) оть придниковъ и слугъ ихъ, о то овиякъ сами держачи мають з урядниковъ и слугъ своихъ имъ в томъ справедливостъ учинити, а мы и потомки наши за жалобою подданныхъ тамошнихъ маемъ только дворенина нашего *ку приледавию* тое справедливосты придати, а тымъ и нѣкоторыми иными причинами не маемъ и не будемъ мочи тое сумы пререцоное и нѣкоторое части се имъ вытрусати“¹⁾. Письмою защиты крестьяне отъ господарскаго дворянина, конечно, не дождутся. Такимъ образомъ, залогодержатель можетъ сколько угодно эксплуатировать подданныхъ. Онъ отгораживаетъ собою, какъ стѣной, заложённыхъ ему крестьянъ отъ всякихъ сношеній ихъ съ администраціей. Мы знаемъ уже, что судъ надъ подданными передается держателю. Немаловажно и то, что значительная часть контрактовъ передаетъ держателю и право собираиія земскихъ доходовъ съ заложённыхъ крестьянъ,—серебщины и поборовъ малыхъ. Держатель при этомъ во первыхъ, получаетъ законныя пошлины за собираиіе (исцее, стацію), во вторыхъ—поводы къ эксплуатации: скарбъ, согласно вышеприведённымъ пунктамъ, не можетъ вышиться въ защиту подданныхъ.

Если мы къ законнымъ десяти процентамъ причитаемъ теперь иривдничья доходы, дохода по сбору податей, безконтрольность по отношенію къ скарбу, то легко видѣть, что фактически залогодержатель получаетъ гораздо больше. Не говоримъ уже о полной возможности эксплуатация подданныхъ. Но это не все. Весьма многіе контракты заключаютъ въ себѣ и еще разныя льготы. Одна изъ нихъ заключается въ правѣ строить на пользуемой землѣ фольварки, пахать ихъ руками подданныхъ и обращать всё доходы съ фольварки въ свою личную пользу. Если представимъ себѣ, что залогодержатель будетъ требовать по инвентарю выполненія подданными всѣхъ

¹⁾ Ibidem, з. 239.

работъ, то постройка фольварка и оборудованіе въ немъ хозяйства неминуемо вызоветъ лишній дин тяглою работа.

Но гораздо болѣе выгодой изъ выгодъ залогодержатели пользуются освобожденіе его отъ земской службы съ державы. Въ то время, когда вся шляхта после тяжелой потери при ежегодномъ выправленіи „почтовъ“ на войну съ своихъ имѣній, давши въ залогъ подъ державу деньги въ скарбъ освобождался отъ поставки почты съ этой державы, къ чему обязывалъ его Статутъ. Условіе о свободѣ отъ земской службы проходило почти черезъ всѣ залоговые контракты. Но кромѣ того, подданые этихъ державъ освобождаются иногда и отъ другихъ земскихъ повинностей—поводы, стацій и замковой работы: „А до службы военной земское почту нѣкоторого с того онъ и потомки его ставонити, ани исполнати не мають и подданныхъ с поводы, або в дови высылати повинни не будутъ“¹⁾. Люди, не отбывавъ повинностей въ пользу государства,—все это дѣлаютъ въ пользу залогодержателя: „але то все и зо всеми повинни мають повинити иану“²⁾. Иногда король удерживаетъ въ свою пользу только известную долю этихъ повинностей. Напримеръ, Бобруйскаго волость была отдана кн. Юр. Слуцкому съ такимъ условіемъ, что ея подданные освобождены отъ всѣхъ земскихъ повинностей, кромѣ работы замка Бобруйскаго³⁾, или Клецели заложена Хлоданискому со всѣми работами, кромѣ замковыхъ работъ въ Тыкотинѣ и пр.⁴⁾

Если къ этому мы прибавимъ, что многіе контракты заключаютъ еще условіе, по которому державы освобождаются отъ „деки“, т. е., постоя жолнеровъ, то имъ исчерпаемъ всё пункти, встрѣчающіеся въ залоговыхъ контрактахъ.

Таковы условія залога. Если просмотрѣть всю эту массу контрактовъ хронологически, то легко замѣтитъ въ нихъ нѣкоторый различіи въ зависимости отъ времени ихъ составленія. При Ост. Воловичѣ скарбъ бралъ у державцевъ деньги подъ залогъ ихъ же державъ. Этотъ залогъ онъ словенъ былъ считать зрелой: такъ какъ многіе изъ этихъ залоговъ и заключены Воловичемъ на условіяхъ погашенія долга изъ дохода, то, очевидно, скарбъ хотѣлъ разсматри-

¹⁾ Ibidem, з. 4 об.

²⁾ Ibidem, з. 143 об.

³⁾ Зап. Дук. XXXVII, з. 482 об.

⁴⁾ Кн. Сух. Д. А. ЛШ, з. 154 об.

вать залоговую сумму, какъ арендную плату впередъ за нѣсколько лѣтъ. Державца получаетъ или всё доходы, или же часть ихъ сдаетъ въ скарбъ; онъ чинитъ въ скарбѣ-же личбу съ доходовъ. Скарбъ иной характеръ носить условія залоговъ съ 1565 г. и особенно въ 1567—1569 г.г. Самые тяжелыя для государственнаго хозяйства условія выработаны какъ разъ въ это время. Освобожденіе отъ почти земской, встрѣчаясь сначала спорадически, становится неизбѣжною частью контракта за это время, точно также какъ и освобожденіе отъ исковъ за убытки и огорчки относительно эвакуаціи прѣвъ, „лежи“ ротъ и др. земскихъ повинностей. Освобождая отъ нихъ залогодержателей, король шелъ прямо въ разрѣзъ съ категорическимъ постановленіемъ Статута и съ многократными требованіями сейма, подтвержденными имъ же, о томъ, чтобы земская служба не имѣла на заставныхъ столовыхъ имѣніяхъ. Сюда же относится тоже пошло являющійся въ контрактахъ пунктъ о сборѣ серебрины и малыхъ поборовъ самими держателями. Однимъ словомъ, самая тяжелая условія относятся ко временамъ наибольшаго напряженія скарба.

Съ другой стороны, если сравнить условія залога, выработанныя въ годы Ливонской войны, съ залоговой практикой времени Сигизмунда I, то сравненіе будетъ не въ пользу первыхъ: они гораздо тяжелѣе условій 20-хъ годовъ. Важнѣйшая сторона ихъ—это предоставленіе держателямъ возможности самой широкой эксплуатаціи подданныхъ. А что крестьяне, дѣйствительно стонали подъ управленіемъ аличныхъ залогодержателей—акты объ этомъ свидѣтельствуютъ въ достаточной степени¹⁾.

¹⁾ Приведемъ одинъ-другой примѣръ: У земляка Рокшскаго было въ заставѣ въ 400 коп. с. Стребони Ковенскаго староства. Но король сдѣлалось извѣстнаго: „Нижніе частокротъ набегавтъ до насъ подданне наши того села Стребенскаго обрѣжана и плачливо жалуютъ о томъ, иже дѣи ты чинаши и плати великие надъ уставу нашу на нихъ берешь и ну работамъ и повинностямъ, возымають ихъ, прымущаешь, бои, грабежи, кривымъ и вѣскимъ велание иже делашь, чего мы большъ терети не хочемъ: новую суму венедей розказали есмо оудокыти и тебе заплатити“ и село вьзятъ и ружьямъ посылаются дворянны. На л. 61 замѣтка: „такой другой листъ писалъ до Курадонскаго, иже бы три села конюхи поступилъ, Кольхи, Августово, Вездювничъ, а шестьсотъ и двадцать копъ грошей вьзятъ“ (Кн. Пуб. Дѣлъ Лит. X, т. 60 (1569). У Балъзара Расакаго дворъ, городъ и волость Румшинская были въ залогѣ въ 3000 коняхъ. Но подданне „частокротъ“ „набѣгали“ съ жалобами на несправедливое избраніе чина съверхъ уставу, „бои“, грабежи и пр. „Которыхъ правъ ихъ дозидети есмо били роска-

4. Государское хозяйство: „плати“ и службы населенія.

Намъ нѣтъ нужды въ подробностяхъ останавливаться надъ тѣмъ, что шло въ государскій скарбъ съ волостей и дворовъ. Вопросы, касающіеся крестьянскихъ полатковъ и службъ много разъ подвергались детальному разсмотрѣнію въ трудахъ г.г. Антоновича, Леопольвича, Владимірскаго-Буданова, Новицкаго, Бернадскаго, Любавскаго и др. ученыхъ. Мы ограничимся лишь бѣлыми замѣчаніями. Разумѣется, здѣсь мы будемъ говорить только о такихъ службахъ, даняхъ и полаткахъ, которыя платятъ подданые государю, какъ своему вѣчному владѣльцу, а не о податяхъ и повинностяхъ государственнаго характера. Вѣчныеныя подати и повинности насъ интересуютъ, какъ составныя части скарбоваго дохода. При этомъ сначала будутъ разсмотрѣны полатки и службы сельскаго населенія и лишь впоследствии городского, такъ какъ до видѣленія городовъ изъ волостей сельскія и городскія повинности ничѣмъ не различались.

Государскія имѣнія раздѣлялись на волости данниковъ и на державы съ дворами, какъ центрами самостоятельнаго хозяйства. Въ дворахъ велось самостоятельное хозяйство, производились запашки, посѣвы огородовъ, ставились мельницы и пр. Въ державкахъ, гдѣ были дворы, свободное и полусвободное крестьянское населеніе обывало глупую службу, давало дѣкло и другія „подачки“ и „поплатки“, но здѣсь же часть крестьянства сидѣла на „осадѣ“, кунцахъ или на оброчѣ, часть несла спеціальныя службы. Въ волостяхъ свободное крестьянство ограничивалось платежомъ дани. Оброчныя статьи поступали какъ изъ тѣхъ, такъ и изъ другихъ мѣстностей. Около времени изданія перваго Статута такая территориально-податная группировка уже можетъ считаться установившейся, хотя, конечно, при очень частыхъ исключеніяхъ. Однако до введенія волочной поэмѣри разнообразіе повинностей населенія было очень велико. Разнообразіе заключалось во-первыхъ въ томъ, что населеніе дѣлилось на много разрядовъ въ повинностномъ отношеніи, но сверхъ

шли дворянны паному Войтеху Девялтовскому, иже вы (то естъ держатели) и впередъ Девялтонскимъ иже съ усраведливити не хотели, а безъ перестатку тавоныхъ же возносныхъ кривдъ иже чинити не перестаете“,—потому король приказываетъ выкупити волости. Пйденъ, л. 61.

того принадлежность къ тому или иному разряду (напр., людей далкольных, данниковъ, бобровниковъ и проч.), определяла лишь главную основную службу тѣлца, не гарантировала плательщика отъ множества повинностей или платежей, въ общемъ и не свойствѣнныхъ данной группѣ плательщиковъ. Для поясненія достаточно привести, напр., слѣдующій фактъ. Служба людей путныхъ полоцкихъ хорошо извѣстна; они не были обвязаны тѣлою службою; между тѣмъ въ ревизіи Полоцкого воеводства масса путниковъ свободна отъ тѣла, но встрѣчаются отдѣльные примѣры, когда нѣкоторые путники несутъ тѣлою службу и т. д. Вообще вотчинные сборы и повинности нарастаютъ самыми разнообразными путями. Но сверхъ самой склонности вотчинныхъ повинностей къ разнообразію надо помнить, что господарскія дѣла составлялись изъ волостей и дворянствъ, разлѣченныхъ въ различныхъ княжествахъ или же во владѣніи частныхъ лицъ, будучи разбросанными при всемъ томъ въ частяхъ государства, различныхъ по степени и условіямъ хозяйственной культуры. Правда, съ теченіемъ времени мѣропріятія господарскаго скарба клонятся къ унификаціи повинностныхъ отношеній господарскихъ подданныхъ; поэтому въ болѣе древнее время разнообразіе сборовъ и повинностей было очень велико.

Въ древней Руси дань, шедшая съ населенія на князя, взималась болѣе частью натурою, иногда деньгами. Обложенію подлежали, судя по дьямъ, различные объекты хозяйственной дѣятельности населенія; поэтому въ княжескую казну шли доходы медомъ, овцами, житомъ, овсомъ, льномъ, курами¹⁾ и пр. Несомѣнно также, что въ разныхъ княжествахъ способы обложенія были неодинаковы²⁾. Основной сборъ носилъ названіе дани, хотя этотъ терминъ понимался то въ болѣе широкомъ, то въ болѣе узкомъ смыслѣ и противопоставлялся оброку, составлявшему также важную статью княжескихъ доходовъ. Древне-русская дань не имѣла однако характера государственной подати, она составляла вотчинный доходъ князя.

¹⁾ П. В. Голубовскій, Исторія Смоленской земли, р. 229; Давыдовъ, Очеркъ исторіи Полоцкой земли, р. 209; Антонченко, Черты изъ исторіи сословій и пр., р. 74.

²⁾ Осокинъ, О понятіи промыслового налога и объ историческомъ его развитіи въ Россіи, Казань 1865 г., р. 32, 33; Курн, О нравяхъ налоговъ въ древней Руси, Казань 1865 г., р. 22; Толстой, Исторія финансовыхъ устрожденій въ Россіи, СПб., 1848 г., р. 20.

Увеличивая свои дѣла на счетъ древне-русскихъ земель, великіе князья Литовскіе получали въ свое владѣніе дворы и волости съ уже установившимися повинностными традиціями. Главная особенность послѣднихъ заключалась въ разнообразіи повинностныхъ отношеній плательщиковъ къ скарбу. Очевидно, скарбъ бралъ уже существующіе отношенія и только въ послѣдствіи подвергалъ ихъ унификаціи. Дѣйствительно, въ сказанномъ не трудно убѣдиться, если просмотрѣть фактической матеріалъ древнѣйшаго періода (приблизительно до конца XV в.). Въ грамотахъ удѣльныхъ и великихъ князей древнѣйшаго періода встрѣчаемъ весьма разнообразныя названія даней, платовъ и повинностей¹⁾. Книга дани въ Казимира, зарегистрированная только основными тѣлоты жалуемыхъ крестьянъ, знаетъ дань медовая²⁾, грошовая³⁾, — серебромъ⁴⁾, корабельниками⁵⁾, куницами⁶⁾, пшеничную землю, — очевидно, такъ называемую по шедшей съ нея дань⁷⁾; по повинностямъ и данимъ записи говорятъ о слѣд. субъектахъ обложенія: людяхъ путныхъ, данныхъ, куничныхъ⁸⁾ кошоухахъ⁹⁾, конокормцахъ¹⁰⁾, ку-

¹⁾ Такъ въ договорѣ 1387 г. Ягайлы съ Сигизмундомъ встрѣчаются: серебряная дань, бобры, бѣлки, медовая дань (Skarbee Даниловича, № 542). По грамотѣ Витовта 1411 года съ с. Баузомъ Свислочьской волости идетъ дѣлѣ ставни меду, десять кушъ, позлаване на бобранъ, польздо (ibidem, № 959). Въ грамотѣ 1407 г. встрѣчаемъ рыбачную службу села (ibidem, № 856). Дань, возовщина и др. сборы въ грамотѣ 1407 г. (Акты Лит.-русскаго госуд., I, 3). По грамотѣ 1387 г. на Оболенскій костель идетъ pulla mellis (Skarbee, № 544), по грамотѣ 1436 г. на Виленскую капитулу дается село cum tributo et tributaria mellis diacum pullarum (ibidem, № 1726), дань воскомъ и медомъ (Русская Историческ. Библи., II, р. 5—6, грам. 1362—1392 гг.), томьяшница (А. З. Р., I, р. 21) и др. Въ позднѣйшихъ грамотахъ встрѣчаемъ, напр. дань грошова, медовая, бобровый, куничная, возовщину, волосье и др. (Любавскій, о. с., р. 768), аловщину, хлѣбы, гроши, айша, лень, рыбачную службу, медъ, поворотщину, сторожовщину (А. Ю. З. Р., I, р. 54), дьяла, бѣлки, тѣло (Акты Лит.-русскаго госуд., I, 83). Ср. еще, напр., А. З. Р., I, № 43, р. 56, 92, 102; А. Ю. З. Р., I, № 82, А. З. Р., II, 29 и проч. Въ этомъ отношеніи любое частновладельческое вѣдѣніе или замковое село представляетъ достаточное доказательство разнообразія вотчинныхъ сборовъ и повинностей.

²⁾ Докл. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 1, 8, 9, 10, 11, 12 и др.

³⁾ Ibidem, 31.

⁴⁾ Ibidem, 1.

⁵⁾ Ibidem, 21.

⁶⁾ Ibidem, 1, 14, 24.

⁷⁾ Ibidem, р. 27.

⁸⁾ Ibidem, 2.

⁹⁾ Ibidem, 2.

¹⁰⁾ Ibidem, 3.

пецах¹⁾, сокольников²⁾, бортильничих³⁾, бобровничих⁴⁾, рыболовах⁵⁾, слугебныхъ людяхъ⁶⁾ и тиглахъ, — что „орють да сѣно косятъ“⁷⁾. Среди плательщиковъ есть и такіе, что на третій годъ козла даютъ⁸⁾, или ничего не даютъ⁹⁾ или рыболовы „безъ имени“¹⁰⁾. Господарскому скарбу предостояла велекая задача услѣдить за всеми этими платежами. Можно прибавить къ этому, что бывали и такіа службы, какъ „только съ тое службы хоживало намъ по лесатеру стримель въ кождый годъ“¹¹⁾; въ Смоленской области сидятъ челядьки, который „никоторое службы не служатъ, ани дани не дасть, выменяя толко дей намѣстника смоленского поднимаетъ на стану“¹²⁾, или, какъ видно изъ одной грамоты Свирдигаила, служба людей согонца въ лорѣ водковъ и т. п.

Равнообразіе, далѣе сказывается и въ социальномъ положеніи субъектовъ обложенія. Вышеприведенныя указанія касаются отдѣльныхъ сель, службъ. Но слѣдуетъ помнить, что эти различія по своимъ повинностямъ службы тѣснились въ перемежку въ однихъ и тѣхъ же селлахъ и волостяхъ, отчего простота повинностей еще увеличивалась. Все сказанное лучше всего выдѣляется на фактахъ, изображающихъ характеръ повинностныхъ отношеній не отдѣльнаго села или службы, а цѣлаго ряда ихъ. Намъ мало извѣстны оладіиня росписи болѣе древняго времени. Однако и небольшіе отрывки изъ нихъ даютъ весьма любопытныя данныя. Возьмемъ для примѣра нѣсколько такихъ данныхъ, относящихся къ разнымъ частямъ государства. Мстиславское княжество, какъ извѣстно, по частямъ входило въ составъ господарскихъ добръ. По нѣсколькимъ жалованнымъ грамотамъ мстиславскихъ князей Онуфриевскому монастырю можно составить представленіе о томъ, что скарбъ заставлялъ при переходѣ

¹⁾ Ibidem, 4, 9, 13.

²⁾ Ibidem, 7.

³⁾ Ibidem, 15, 24, 43.

⁴⁾ Ibidem, 57.

⁵⁾ Ibidem, 57, 62.

⁶⁾ Ibidem, 48.

⁷⁾ Ibidem, 25.

⁸⁾ Ibidem, p. 15.

⁹⁾ Ibidem, 19.

¹⁰⁾ Ibidem, 62.

¹¹⁾ Кн. Зап. Лит., VI, з. 56-56.

¹²⁾ Кн. Зап. Лит., V, з. 2.

мстиславскихъ волостей въ его распоряженіе. Такъ, въ грамотѣ названному монастырю (тутъ перечисляются и пожалованія князя Семена и Юрія) князь Ивана Юрьевича (1483 г.) монастырь получаетъ людей съ панними и сѣножатими, съ давами грошовами, медонными, съ бобровыми гонями и вслкими „приходами“. Интересно подвести статистическіе итоги полученныхъ монастыремъ доходныхъ статей. Ему пожаловано 27 субъектовъ обложенія и въ томъ числѣ одинъ путный слуга, 17 „полныхъ службъ“ тиглахъ людей, среди нихъ старецъ и тигунъ и 9 данниковъ (среди данниковъ исчислены три отдѣльныхъ земли, вѣролтно, обезличиваемыхъ сосѣдними плательщиками); сверхъ того среди и тиглахъ и данниковъ истрѣчьдемъ людей похожихъ (9 чел.) и непохожихъ (9 чел.). Въ чемъ заключалась „полная служба“ тиглахъ, въ грамотѣ не сказано, за те подробности свѣдѣнія дается о данникахъ: одни изъ нихъ даютъ только кунцу, другіе — только одинъ медъ, трети — медъ, хмель, гроши и „вари“, нѣкоторые даютъ медъ, гроши, вари, нарядные пельяны и еще особую дань „за борть“. Развѣры псѣхъ этихъ даней для каждаго плательщика показаны различными. Нѣкоторые плательщики при этомъ являются простыми арендаторами — оброчниками и платятъ только оброкъ: „Даннаго, монастырскій же даникъ давалъ полкони грошей намъ позема, што *селницю нашу панство*; и мы тую полкони грошей монастырю жь дали... Данношнычъ — пять грошей позема съ попомарени панщи; и мы тую пять грошей монастырю жь дали“; тутъ же и однакая подлазаная земля, съ которой идетъ какъ меду. Таковы данн и платежи населенія, отданнаго княземъ монастырю. Но кромѣ этого грамота поясняетъ, что монастырскіе люди впредь освобождаются и отъ княжескихъ даней и повинностей: „на нашу дело ни на которое тамъ людямъ не ходити ни съ сохою, ни з косою, ни съ серпомъ, ни съ топоромъ, ани подводъ въ тыхъ людей иняматы, а дачъ на насъ въ нихъ никоторыхъ не имать: ни сербичевны, ни подмицины, ни дмцины, никакихъ метовъ не метати, ани вепого, ни померного, ни поднодного — никакихъ пошлель паншамъ зацанникомъ съ тыхъ людей монастырскихъ не имать“¹⁾. Зна-

¹⁾ Эта грамота помѣщена въ Антахъ Зап. Россіи, I, p. 102 и въ Антахъ Метрики Литовской, издаваемыхъ проф. Леонтовичемъ (вып. I), но въ обоихъ изданіяхъ текстъ очень несоразрненъ. Пользуемся спискомъ Метрики Литовской (Вина Судныхъ Дѣлъ Литов., VIII, з. 190—193).

чить, население, сообразно своимъ службамъ, исполнять и только что перечисленные повинности и сборы, разныя „мета“, сверхъ оладовъ, поименованныхъ при каждомъ плательщикѣ. Къ этому слѣдуетъ добавить, что въ другихъ грамотахъ мстиславскіе князья обычно перечисляютъ тѣ же повинности и дачи и въ другихъ мѣстностяхъ княжества рядомъ съ некоторыми другими: такъ упоминается еще тамщина, толоки, ловы, какъ повинность всѣхъ людей, посощина ¹⁾, подымщина ²⁾; изъ сборовъ встрѣчаемъ вѣснее, помѣрное, повозное и другія „пошлины“ ³⁾; на княжеское дѣло выходили съ косяю, серпомъ, къ перерубу и проч. ⁴⁾.

Мстиславское княжество не составляло исключенія въ ряду другихъ русскихъ земель. Въ предѣлахъ Смоленской земли, къ которой раньше принадлежалъ и Мстиславль, великимъ княземъ Александромъ пожалована кн. К. Кропивскому волость Бѣлицкая съ дворомъ Болванничамъ. Часть „селець“ на пожалованной территоріи населена людьми, которые „не мають пашни ничого, дїно имъ было дворное пашни немного“. Часть людей сидитъ на „продѣ“—оброшники; оброшь одного изъ нихъ состоитъ въ платѣжѣ чотырехъ колесъ, другихъ въ дачѣ медомъ. Тутъ же въ Болванничяхъ встрѣчаемъ и конныхъ слугъ, одни изъ нихъ сидятъ на дворной землѣ. Въ Болванничьимъ дворѣ всѣ люди „возныи, а давней и пошлинъ съ нихъ нѣтъ никоторыхъ“;—конечно, кромѣ указанныхъ оброшныхъ платовъ, не составившихъ пошлинъ. Въ Бѣлицкой волости живутъ слѣдующія категории подданныхъ: татлецы немохожіе, вольные люди и слуги конные; татлецы даютъ дань грошовую и медовую ⁵⁾. Итакъ, несмотря на близкое сосѣдство съ мстиславскими волостями, въ послѣднемъ случаѣ встрѣчаемъ большое различіе въ „пошлинахъ“ подданныхъ ⁶⁾.

¹⁾ А. З. Р., II, р. 29.

²⁾ А. З. Р., I, р. 60.

³⁾ А. З. Р., I, 56, р. 60.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., XLII, л. 156, грам. 1443 г.

⁵⁾ Кн. Зап. Литов., VI, л. 112 (у Любавскаго въ прилож. № 2).

⁶⁾ Въ Смоленской землѣ встрѣчаемъ еще дань: грошовую, медовую, посошину, возмичину, тамщину (А. З. Р., I, р. 29), работы хоромъ, „неводъ на озерахъ пашинъ таснуть“, гроши въ казну давать (ibidem, р. 26), куницы, пиво, жито (А. Лит.-рус. гое., I, 89), плату корабельниками и служба татла (ibidem, 129, ср. р. 136), вѣснее, ставное, хмель (ibidem, р. 135). Въ соседнемъ Вранскомъ повѣтѣ: медъ, ловное, „оволодъ на городѣ“, ноголовщина (ibidem, 78). Ср. дань въ Полоцкѣ (ibidem, р. 122).

Но для нашей дѣлы наилучшимъ объектомъ наблюденія является люстрація Киевской земли 1471 г., составленная сейчасъ по уничтоженіи удѣла и при переходѣ княжества въ управление центральной администраціи ¹⁾. Эта люстрація даетъ возможность познакомиться съ хозяйствомъ удѣльнаго княженія почти во всемъ пространствѣ удѣла; такимъ образомъ мы можемъ узнать въ деталяхъ весь строй повинностныхъ отношеній на удѣльно-княжескихъ земляхъ. Эти земли переходятъ въ завѣдываніе центрального правительства какъ разъ въ такое время, когда хозяйственныя условія не подверглись значительнымъ измѣненіямъ и—даже болѣе того—вѣрнѣе всего представляютъ собою остатокъ глубокой старины. Наконецъ, и въ самой люстраціи немало ссылокъ на старину зарегистрированныхъ въ ней повинностныхъ отношеній, при чемъ население заноситъ свой протестъ противъ всякой „повинны“.

Люстрація Киевской земли 1471 г. представляетъ собою хорошей образчикъ разнообразія налоговыхъ отношеній податного класса. Изъ 40 съ лишнимъ городскихъ и сельскихъ поселеній, весьма незначительныхъ по размѣрамъ (отъ 1-го человека до 55 въ селеніи), очень мало такихъ, которыя имѣютъ населеніе, обязанное однородною податью или службою или, наконецъ, состоящихъ изъ одного разряда людей: на всякомъ шагѣ различіе въ качествѣ и количествѣ давней, различіе въ отношеніи разрядовъ населенія. Для того, чтобы понять, насколько велико это разнообразіе, я приведу числовыя отношенія, показывающія количество лицъ различнаго разряда и службъ, которыя они несли.

Внизу общественной лѣтницы стоятъ челядь невольная при господарскихъ дворахъ. Она весьма немногочисленна: такъ, въ Чудновѣ ея 6 человекъ (съ дѣтьми), въ Житомирѣ 7 челоз., въ Костешевѣ—6 челоз., въ Гречанахъ—6 челоз.,—всего 25 человекъ. Затѣмъ слѣдуютъ голыи и подымщицы—люди, не держащіе земли; ихъ 13 челоз.; часть ихъ даетъ подымщину, другая—нѣтъ. Далѣе слѣдуютъ люди татлае; низшій разрядъ ихъ—люди при дворахъ (17 челоз.), работа и днь ихъ не обозначена, но, вѣроятно, это та же челядь, посаженная на землю.

¹⁾ О времени составленія люстраціи ср. замѣчанія М. Ф. Владимірскаго-Буданова въ предисл. къ ч. VII т. II Архива Юго-Западной Россіи.

Остальные по своимъ повинностямъ раздѣляются такъ:

Тяглые ничего не дающіе (вѣроятно, только отбываютъ работу)	— 30
отбывающіе только толоки	8
толоки и дающіе подымщину	18
работу и дающіе подымщину	57
толоки и работающіе на городѣ	10
толоки, городовую работу и дающіе подымщину	9

Ясачники—въ сущности тѣ же тяглицы; хотя ихъ и немного (14 чел.), но и они разбиваются на 2 группы—на отбывающихъ тягло (3 чел.) и на работающихъ городовую работу и дающихъ въ то же время подымщину (11 чел.). Боршники служатъ „всюкую службу“ на городѣ и даютъ дань. Среди ловцовъ (13 чел.)—одни обязаны только ходить въ лови (9 чел.), другіе, кромѣ лововъ, даютъ еще и подымщину. Наконецъ, есть еще небольшой разрядъ муничниковъ (3 чел.), изъ которыхъ одни даютъ по 6 кунцъ въ годъ, другіе—по 3 только. Одинъ разрядъ названъ прямо вихатными людьми; они даютъ только подымщину (18). Наконецъ, 1 человекъ сидитъ только на прокѣ. Разрядъ, собственно, двиниковъ весьма разнообразенъ. Тутъ мы встрѣчаемъ:

данниковъ, дающихъ только дань медомъ	10
дань и отбывающихъ толока	5
дань и подымщину	3
дань, подымщину и болкуповщину	27

Но разрядъ дань не одинаковъ. Къ нимъ нужно причислить данниковъ по дворѣ Грежаномъ и его приселкахъ, которые даютъ, въ разныхъ разрядахъ, деньги, молоко, куняцы, медъ, воскъ, особые сборы ловчому, бобровнику, наконецъ, тинущину (21). Такимъ образомъ 66 человекъ данниковъ находятся въ самомъ разнообразномъ отношеніи къ князю.

Всякій слой населенія состоитъ изъ слугъ, обязанныхъ выходить на войну. Въ Кіевщинѣ, какъ на окраинѣ, ихъ особенно много (187), но и они въ повинностяхъ отношения не однородны. Такъ среди нихъ различаются:

Слуги только выходящіе на войну	57
кромѣ войны платящіе подымщину	48

Слуги кромѣ воен. сл. платящіе подымщину и болкуповщину	29
кромѣ воен. сл. выходящіе въ лови и дающіе подымщину	8
дають подымщину и болкуповщину	34
платящіе уроки	10
дающіе только подымщину	1

Изъ этихъ повинностей подымщину слуги даютъ только разъ въ три года, если не ходятъ на войну, а если ходятъ, то и подымщину не даютъ; болкуповщину давали на приѣздъ кн. Витовта, значитъ, вообще обязаны давать на приѣздъ великаго князя. Ко всему этому разнообразію повинностей отношеній слѣдуетъ прибавить, что часть сельского населенія еще не владѣла воли и слѣд. не несла совсѣмъ никакихъ повинностей, наконецъ часть изъ слугъ должна была отбывать „повину“, введенную кн. Семеномъ и состоявшую въ работахъ на ставлахъ, косыбѣ сѣна и толокахъ.

Въ двухъ городахъ, описаніе которыхъ сохранила летографія (Чудновъ и Житомиръ, о населеніи третьяго города Винница свидѣній не имамъ) жили слуги, тяглые люди и мѣщане; послѣдніе пахутъ землю съ платой по 20 грошей съ человека, кромѣ того ходятъ на толову жать жито и косить сѣно; торгующіе въ корчмахъ обложены особо съ корчмы.

И нарочито привелъ числа, чтобы въ числовыхъ отношеніяхъ легче было видно разнообразіе повинностей и дани. Кромѣ сбора дани, полатковъ, надвора за службами населенія удѣльный князь велъ свое собственное хозяйство, при немъ тоже были особыя службы. Въ княжествѣ было нѣсколько дворовъ; при каждомъ есть челядь, вола, гуся, свиньи, пашня. Такіе дворы были въ Чудновѣ, Житомирѣ, а также въ Костешовѣ, Грежаной. Кромѣ челяди при дворѣ были еще „люди“, т. е. тяглицы. Но, впрочемъ, запашки не были многочисленны, такъ какъ въ Чудновѣ было 20 воловъ, въ Житомирѣ 15, въ Костешовѣ 8, въ Грежаномъ 8. При дворахъ есть ловчій и ловцы, бобровники. Боршникъ промышляетъ отбывая двойнымъ способомъ: напр. въ с. Тетерецѣ „гоня боброни два наймомъ гонивали осподарскимъ, а иные боршники гонять у Чудновское волости“. Далѣе упоминается въ нѣсколькихъ мѣстахъ: „А въ томъ же селе пасека есть, а въ той пасекѣ 100 бчоль“, въ другомъ селе 104 бчоль, въ третьемъ 45; такъ какъ эти пасеки

обозначены при селах, населенных путными слугами, при чем и съ слугъ за пасеки, и доходомъ съ самыхъ пасекъ не обозначено, то, вѣроятно, это княжескія пасеки, его „пакладомъ“ эксплуатироваемыя. Въ нѣкоторыхъ селахъ были земля подлазныя. Къ этому хозяйству надо прибавить княжескіе ставы, такъ какъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ упоминается, что кн. Семель ввелъ на слугъ новину—заставлял ихъ ставъ сыпать. Относительно пахатныхъ работъ слѣдуетъ добавить, что онѣ всё не могли отбиваться челядью—всѣдствие ея незначительности; въ помощь ей были люди тяглые; они употреблялись на косьбу, на работу съ топоромъ, хотя развѣры тугла и не упоминаются; да кромѣ того нѣкоторые данники и слуги отбивали толоки; нѣкоторые толоки отбивались на „хлѣбъ и медъ“ господарскомъ. Въ княжескомъ хозяйствѣ преобладала добыча меда и воска. Это можно заключить изъ обширности княжескихъ пасекъ, но особенно изъ большого количества того разряда сельского населенія, который облагалъ былъ въ княжескую казну давать дань медовую—данниковъ. После слугъ—это самый многочисленный классъ населенія. Если судить по довольно значительнымъ размѣрамъ ихъ дани (до 10 ведеръ меда, кромѣ кунницы, полюдья, бобровничихъ, кашничихъ, воска) и по тому, что нѣкоторые держали по двѣ даннихъ земли, можно сдѣлать заключеніе не только о величинѣ „даннаго“ дохода для княжеской казны, но и о зажиточности населенія—данниковъ. Для собиранія медовой дани былъ и особый слуга—влючникъ. Изъ другихъ дани, шедшихъ въ княжескую казну, отмѣтимъ полюдье, которое давалось иногда медомъ, иногда кунницами, кунница, грошовая дань, подамница, болкуновидина, которая давалась на прѣздѣхъ великаго князя, слѣд. равнозначуща стаціи. Определеніе дани зависѣло отъ тѣхъ ея размѣровъ, которые издавна установились на той или другой землѣ. Такъ извѣстный объемъ „данной“ земли несъ тѣ или другія обязанности и т. д. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ весь кругъ обязанностей и платежей съ извѣстной земли не могъ быть выполняемъ, напр. по отсутствію „отчича“ или по условіямъ самаго участка, земля пустѣла и тогда она эксплуатировалась „на прощѣ“, т. е. на извѣстную, обыкновенно уменьшенную, сумму повинностей, являясь въ данномъ случаѣ добавочной доходной статьёй для кн. дохода. Размѣры уроча различны, напр. $\frac{1}{2}$ копы грошей, иногда „изъ третинъ“, иногда земля пускалась „на ползѣ“—вѣроятно, тоже за определенное вознагражденіе.

Городское населеніе въ повинностномъ отношеніи не отличается отъ сельскаго: оно пахало землю, за что платило деньгами или отбивало толоки въ житно и косьбу.

Не менѣе интересныя свидѣнія имѣются и о Пинскомъ княжествѣ. Въ грамотахъ послѣднихъ пинскихъ князей исчисляются разные повинности и сборы, шедшіе въ пользу князя. Такъ встрѣчаемъ большое разнообразіе сборовъ и повинностей, напр. служба на заставѣ, похъ воротами, облава ¹⁾, тяглую работу съ топоромъ и косякомъ ²⁾, кормъ собакъ, ястреба ³⁾ и др.; изъ сборовъ: полюдье, медовый, грошовый ⁴⁾, татарщину, грошь ловчій ⁵⁾, лень ⁶⁾, возъ, лагвину, поборъ, бараны, лисцы, сѣно, утки, яйца, овесъ ⁷⁾ и ир.

Но наибольшій интересъ представляетъ собою ревизія Пинскаго староства, составленная въ пол. XVI в. Княжество къ этому времени прошло черезъ руки королевы Боны и поступило въ завѣданіе господарскаго скарба въ качествѣ староства. Оно развѣрено на волости, но ревизора во многихъ селеніяхъ староства часто перечисляютъ старые удѣльно-княжескіе сборы. По этимъ замѣчаніямъ ревизоровъ можно составить свое представленіе объ удѣльно-княжескомъ хозяйствѣ. И тутъ встрѣчаются уже знакомыя намъ черты. Надо замѣтить, что ко времени ревизіи въ вотчинныхъ повинностяхъ староства произошли существенныя измѣненія. Натуральные сборы переложены на деньги, равнымъ образомъ и повинности, въ томъ числѣ и самая важная изъ нихъ—барщина („притонъ“); челядь и спеціальныя службы (за исключеніемъ самыхъ необходимыхъ) переведены на осадъ и весуть общія платы. При такой переверсткѣ вотчинныхъ сборовъ многія повинности уже исчезли и подверглись интелларовкѣ. Однако, ревизоры перечисляютъ до пятнадцати видовъ платежей и повинностей, переложенныхъ на деньги; всё они, несомнѣнно, очень стариннаго происхожденія. Составленная нами таблица ⁸⁾ дворщицъ

¹⁾ Ревизія князь и ир., р. 72, 79, 85, 111, 114.

²⁾ Ibidem, 285.

³⁾ Ibidem, 340.

⁴⁾ А. Ю.-З. Р., I, 25.

⁵⁾ Ревизія, 330.

⁶⁾ Ibidem, 340.

⁷⁾ Ibidem, р. 130, 296.

⁸⁾ Настоящая таблица составлена на основаніи второго тома писцовой книги Пинскаго староства, издавшею Виленской Археограф. Комиссіей. Считаемъ нужнымъ замѣтить, что количество дворщицъ при нѣкоторыхъ дво-

на старомъ обложеніи ясно показывается не только разнообразіе сборовъ, но и отрицательная сторона обложенія. Изъ многочисленныхъ сборовъ только пелюдь, сѣно, овесъ и писчее (последнее, очевидно, сборъ на администрацію, перешедшій въ казескую казну) могутъ быть признаны всеобщими, такъ какъ уплатою ихъ обязаны всѣ дворища. Однако, и эти сборы падаютъ неравномѣрно и имѣютъ не одинаковій объектъ. Писчее берется съ дыму, но пелюдь, сѣно и овесъ съ дворища. Небольшое число случаевъ уменьшенія пелюди или уменьшенія и увеличенія сѣнаго сбора, повидимому, идетъ съ полудворищъ или двойныхъ (сѣнои сборъ). Размѣръ нѣкоторыхъ сборовъ является фиксированнымъ и въ зависимости отъ объектовъ обложенія, таковы пососница и лагвица. Основной платъ первой—20 грошей, а второй—21. Нѣкоторая дворища платятъ полъ-пососницы или полъ-лагвицы, другія—двойную, полторную. Однако, уменьшеніе или увеличеніе ихъ стоитъ въ зависимости ни отъ размѣровъ дворищъ, ни отъ количества дымовъ. Относительно другихъ сборовъ (воза или повоза—полагается, что это одно и то же), побора, прибора, лисцы, барановъ и пригона, то ни откуда не видно, чтобы они представляли собою опредѣленные по размѣрамъ подати (за исключеніемъ, можетъ быть, пригона, уменьшеніе и увеличеніе котораго повидимому, всегда пропорциональны). Очевидно, размѣръ ихъ установился съ того или иного дворища случайно. Такимъ образомъ, только небольшое число сборовъ имѣетъ опредѣленный размѣръ при объектѣ обложенія—дворищѣ. Другіе, хотя падаютъ на тотъ же объектъ, но, повидимому, не имѣютъ его въ виду, какъ опредѣленную единицу обложенія, но выросли, въ томъ или иномъ размѣрѣ, случайно, путемъ обычая.

Но само дворище, какъ единица обложенія, вовсе не представляла собою однородной величины. Рейнзоры измѣрили дворища и показываютъ занимаемое ими пространство въ полокахъ; количество писцаго даетъ понятіе о числѣ дымовъ дворища. Оказывается, что

рищахъ не показано. Но такъ какъ писчее недѣй вышло по 2 гроша съ дыму, то тамъ, гдѣ не показано число дворищъ, была поставлена число ихъ на основаніи размѣра писцаго. Думаемъ, что тутъ ошибка наша не сдѣлана, такъ какъ писчее очень устойчивый сборъ.

Всѣ дворища, по новому обложенію даютъ еще овесъ, обычно въ старой норкѣ, но иногда бочка овса, вслѣдствіе плохого грунта, разсѣяна въ 5 грошей. Сборъ овсомъ въ нашей таблицѣ не показанъ.

на одномъ дворищѣ находится отъ одного до трехъ дымовъ, но иногда пять, даже десять и двадцать три. И это вовсе не зависитъ отъ количества земли подъ дворищемъ (пахатной и выгонной): размѣръ его колеблется отъ нѣсколькихъ морговъ до 20 волокъ. Такимъ былъ характеръ обложенія въ Пинскомъ влѣдствѣ.

Выше были приведены рядъ фактовъ, изображающихъ тѣ повинностныя отношенія, которыя заставляло литовско-русское правительство въ различныхъ частяхъ государства на земляхъ, оставшихся добра земскія и господарскія. Количество подобнаго рода фактовъ можно было бы еще значительно увеличить, хотя едва ли въ этомъ настоятъ какая нибудь надобность. Можно обратить вниманіе на то, что въ частныхъ хозяйствахъ (не удѣльно-вѣвскихъ и не велико-княжескихъ) воспринимались тѣ же древніе сборы, но и въ нужды обратиться на приемы частного хозяйства, такъ какъ здѣсь, на ряду съ древними сборами, легко развивались и новыя. Даже въ положеніи частно-владѣльческихъ имѣній находились и тѣ земскія добра, которыя составляли должностныя лена воеводствъ и старостъ: реформы центрального правительства не касались этихъ имѣній. Ниже намъ еще придется заняться обзоромъ повинностныхъ отношеній этихъ добръ. Но во всякомъ случаѣ ссылающаго уже достаточно для слѣдующихъ общихъ замѣчаній. Литовско-русское правительство застало весьма разнообразныя тягловыя отношенія въ тѣхъ земляхъ, которая перешли въ завѣдываніе господарскаго скарба. Различіе заключалось въ томъ, что классы сельскаго общества оказались въ весьма неодинаковомъ тягловомъ отношеніи къ скарбу. Верхи этого класса—боярство, слуги (слуги и служивы, слуги панацырныя и цутыше) несли на себѣ земскую службу, составляли привилегированныя группы среди другихъ тягловыхъ. Даже, встрѣчаемъ рядовыхъ плательщиковъ въ видѣ данниковъ, двольниковъ, тяглыхъ людей, наконецъ, полусвободныхъ и несвободныхъ, въ родѣ копилецей, козанныхъ и пр. Разряды эти (по крайней мѣрѣ, большинство ихъ) не представляютъ собою мѣстныхъ элементовъ. Такъ данниковъ можно встрѣтить на территоріи всего государства, цутыхъ слугъ,—тоже, тягловыхъ—тоже. Нѣкоторые разряды, впрочемъ, составляютъ преобладающій мѣстный элементъ; таковы, напр. двольники для литовскихъ областей, слуги—для южныхъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что повинностныя отношенія дворовыхъ слугъ отличаются полнѣе разнообразіемъ. „Плати“ и повинности отличаются тоже раз-

пообразіємъ. Есть повинности, встрѣчающіяся по всему государству (напр. подводная, стадійная, корма на администрацію). Изъ „платовъ“ нѣкоторыя принадлежатъ только нѣкоторымъ областямъ; напр., посохъна встрѣчается въ Смоленскихъ областяхъ и въ Пинскомъ епископствѣ, подманица—въ Смоленскихъ, Кіевскихъ и Волинскихъ областяхъ, серебщина—въ Литовскихъ и Смоленскихъ и т. п. Объемомъ обложенія служить сложный комплексъ поземельныхъ угодій—двориче или служба, слѣдъ и т. п., но они различны по величинѣ и по задачамъ практикуемаго въ нихъ хозяйства (преобладаетъ то пахатное, то промысловое хозяйство), отчего и обложеніе неравномѣрно.

Въ такомъ положеніи заставало центральное правительство повинностныя отношенія въ земляхъ, составившихъ весь объемъ добрыхъ господскихъ и земскихъ. Очевидно, что если для хозяйства удѣльнаго князя или частаго владѣльца не трудно было услѣдить за разнообразіемъ повинностныхъ отношеній его подданныхъ, но для скарба такая задача почти не выполнима и, во всякомъ случаѣ, разнообразіе платежей и повинностей оказывалось весьма невыгоднымъ въ смыслѣ контроля надъ мѣстной администраціей. Отсюда вытекала необходимость устройства и администраціи и самого обложенія на такихъ условіяхъ, чтобы то и другое было легко контролируемо и заплата подданными земли давали бы наибольшій доходъ. Въ этомъ отношеніи разнообразіе вотчинныхъ сборовъ и объектовъ обложенія подсказывало необходимость измѣненія нивелировки. Завершеніемъ этого процесса можно считать повсемѣстное введеніе волочной системы, что произошло только въ концѣ XVI и началу XVII вв. Разумеется, процессъ этотъ не стоялъ одинако, но былъ самымъ тѣснымъ образомъ связанъ и съ постепеннымъ развитіемъ финансовыхъ теорій XVI в. и съ социально-экономическимъ переворотомъ, совершившимся въ этомъ столѣтіи. Здѣсь намъ придется коснуться указываемаго процесса лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Въ этомъ разнообразіи, которое создано путемъ обычая, были однако нѣкоторыя общія черты, которыя помогали скарбу пролагать путь къ нѣкоторому роду единообразія въ обложеніи. Прежде всего правительство оставляло нѣкоторые сборы въ полнѣ мѣстной администраціи; эти сборы складывались изъ двухъ частей—изъ кормовыхъ сборовъ на ея содержаніе и изъ оплаты за исполненіе разныхъ административныхъ функций. Только весьма немногіе изъ такихъ сборовъ,

какъ тинущина, поступали въ скарбъ. Количество доходныхъ статей, за которыми слѣдиль скарбъ, слѣдовательно, значительно служивалось. Но и тутъ скарбъ встрѣчался съ разнообразіемъ мѣстныхъ названий сборовъ и способами обложенія. Однако среди сборовъ легко замѣтить подавляющее значеніе натуральныхъ, при чемъ предметъ уплаты несомнѣнно характеризуетъ и субъектъ или объектъ обложенія. Затѣмъ слѣдуютъ денежные сборы подъ разными названіями. Наконецъ, необходимо остановиться на одной особенноти въ способахъ обложенія, которая для скарба, въ его стремленіяхъ удвоить доходы, имѣла немаловажное значеніе. Регистрація платежей и повинностей помогала принципъ, проходившій черезъ всю вотчинную (и отчасти государственную) податную систему дореформеннаго хозяйства. Онъ заключался въ томъ, что нѣкоторый объемъ повинностей и платежей былъ связанъ не съ субъектомъ обложенія, а съ объектомъ, т. е. съ землей. Это несомнѣнно очень древняя черта, потому укоренившаяся въ мировоззрѣніи литовско-русскаго общества, такъ что правительство въ своей инвентарующей дѣятельности очень осторожно относилось къ этому принципъ, находясь до половины XVI столѣтія и само подъ его вліяніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ актахъ легко можно найти многочисленные факты, подтверждающіе, что повинности, вообще всякаго рода служба лежали на землѣ. Такъ, Иванко Романовичъ, прося о подтвержденіи высланныхъ имъ у бояръ земель, заявилъ королю, что „типъ земли боярскіе и не татле“¹⁾, чѣмъ и опредѣляется его будущая служба съ этихъ земель. Вотъ почему мы постоянно встрѣчаемъ въ актахъ опредѣленіе земли, указывающее на характеръ идущихъ съ нея повинностей: боярщина (даже во второй половинѣ XVI в.)²⁾, селища боярскія³⁾, земли боярскія⁴⁾, дѣлянка боярская⁵⁾; иногда съ подчеркиваніемъ, что земля боярская, но не дякольная⁶⁾ или не данная, не татла⁷⁾ селища не татлоє и не данное⁸⁾; встрѣчаемъ и отгѣнки различныхъ

¹⁾ Кн. Запис. Лит. V, л. 11 об.

²⁾ Кн. С. Д. Лит. XLIV, л. 131. Кн. Зап. Лит. LXXXI, л. 118 об.

³⁾ Леонтовичъ, Акты, № 6.

⁴⁾ Ibidem, №№ 301, 409.

⁵⁾ Ровинскій пунктъ, р. 292.

⁶⁾ Леонтовичъ, о. с., № 185.

⁷⁾ Ibidem, №№ 42, 50, 106.

⁸⁾ Ibidem, № 44.

земскихъ службъ, установившихся за землей: село не тяглое, по пучное ¹⁾, село пачырное, а не тяглое,—не давное и не посошное ²⁾ село щитное ³⁾, дворца служебныя, по не тяглыя ⁴⁾; опредѣленіе— „земли не велики суть дикольныя“ ⁵⁾, или встрѣчаемъ земли кошошскія ⁶⁾, конокораскія ⁷⁾, бортыя ⁸⁾, или — „тыя земли лейтская“ ⁹⁾ и т. д. Массу аналогичныхъ выраженій актовъ представляетъ памятникъ земельныхъ раздачь Казимира: она строго держится понятій о повинности значеній земли. Бывали случаи, когда у короля выпрашивали, напр., болрекую землю подъ видомъ конокораской и проч. ¹⁰⁾. И это вовсе не значить, что на данной землѣ сидитъ то или иное лицо и что поэтому она и носитъ служебное положеніе субъекта. Такъ, владѣнцъ Андрей проситъ о землѣ, при чемъ „поведалъ намъ—говоритъ господарь въ жалованной грамотѣ,—што жь тое имѣние изъ *оука болрекое*, а не тяглое“,—и король даетъ свой листъ: „яко каля тое имѣние изъ *вѣка болрекое*, а не тяглое... нехай оны тое имѣние держитъ... со всякъ... а вамъ съ того имѣния служитъ“ ¹¹⁾. Конечно, и будущая служба будетъ болрекою же. Не менѣе убѣдительно и то, когда встрѣчаемъ извѣстіе о пустошской землѣ съ опредѣленіемъ ея служебнаго положенія: съ пустошской земли, напр., тяглыя служба „бывала“ ¹²⁾, или воюхи марьовскіе жалуются на своего державцу за то что „земли ден ихъ пустошскыи кошошскыи волостнымъ людемъ раздаеть“ ¹³⁾. Отсюда понятны условія дачи той или иной земли на прежней службѣ ¹⁴⁾, вообще стремленіе правительства удержать прежнее служебное назначеніе земли ¹⁵⁾; иногда для вы-

¹⁾ Ibidem, № 344.

²⁾ Ibidem, № 403.

³⁾ Ibidem, № 118.

⁴⁾ Arch. ks. Lub.-Saug. III, p. 8.

⁵⁾ Кн. Зап. Лит., V, л. 7. Ср. Леонтовичъ, № 97.

⁶⁾ Ibidem, № 52.

⁷⁾ Ibidem, №№ 194, 308.

⁸⁾ Ibidem, № 239.

⁹⁾ Кн. Зап. Лит., V, л. 30.

¹⁰⁾ Леонтовичъ, Акты, № 257.

¹¹⁾ А. З. Р., I, p. 72.

¹²⁾ Документы Моск. Арх. М. Юст., I, 116.

¹³⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., IV, л. 166 об.

¹⁴⁾ Напр. исларецкая земля—дикольщина подтверждается послѣдующимъ извѣщеніемъ на исларецкой же службѣ. Кн. Зап. Лит., XII, л. 162 об.

¹⁵⁾ Вотъ, напр., какое условіе ставитъ король Казимиръ при пожалованіи земли: „Просилъ оу насъ чашникъ панъ Свиридъ землицы конокораской оу Крес-

лененія характера службы земли производилось цѣлое дознаніе ¹⁾. Въ этомъ отношеніи особенно любопытенъ слѣдующій фактъ. Восемь службъ жижморскихъ имѣли тякбу съ Оуд. Соногой: „выпросилъ дей насъ за тяглыыхъ людей, а мы болре“—жаловались они. Соногой доказывалъ, что въ господарской даннѣ эти люди названы тяглыми и представилъ „списокъ“ отъ приставовъ жижморскихъ, по которому значится, что жалобщики „службою тяглою служатъ и дикло даютъ“ и приносятъ размѣръ ихъ службъ. Очень замѣчательно отъѣтъ истцовъ: „мы з *отчизны своея* некоторое иное службы не служивали, ани дикла давали, только скарбу господарского стережемъ, а на войну едимъ и городъ у Тропехъ цосюль з иными болры робимъ; а што жь оны менуеть, ижъ мы дикло даемъ и сохюмъ а з бороною ходимъ,—правда есть, ижъ еще дедомъ нашимъ придалъ король его милость Казимерь *землю пустошскую тяглюю*..., которую жь есмо раздали межю собою, и теперь з нее служимъ“ на тяглой службѣ и даютъ съ нее дикло. Положивъ, судъ въ концѣ концовъ отказалъ жалобщикамъ въ искѣ ²⁾, но тутъ для насъ интересенъ тотъ фактъ, что возможно было сосредоточеніе въ однихъ и тѣхъ же рукахъ земли, различной въ повинности отношенія. Нельзя не отмѣтить также всей сложности самаго процесса разслѣдованія повинностныхъ свойствъ каждаго клочка земли.

Дѣйствительно съ различной въ повинности отношенія земли или различнаго службъ независимо отъ социальнаго положенія субъекта владѣнія. Одна община рогатинниковъ держитъ службу роца-

скоми повѣе на вма Ксирьтону, а повѣдали намъ, што жь ден цуста, зотъ дей Ксирьтъ оумерь, а сиконѣ держали туу землю и врючь пошали. Ино будетъ ли тая земля цуста а огачювь не будетъ на той земци, и ны ену туу землю Ксирьтону дали. А коли *отчизны* придутъ, тогда явють свою земцю врати и намъ служити“. Кн. Переп. Корон., XXVIII, л. 16.

¹⁾ Приведемъ слѣдующій фактъ: жиданцъ смоленскій Давонъ Величювичъ выпросилъ у короля Александра людей Клишанцкихъ,—„выпросилъ отчизну ихъ и ихъ самикъ“... „повѣдаюу ихъ бы они были исларцы и есмо исларецкое держать“. По приказанію короля Сигизмунда I шевода троичій Миколай Миколаевичъ производилъ дознаніе. Клишанцы говорили: „ижъ они службу служатъ *панцырную*“... „а тые люди в тому ся не знали, ижъ бы с того села исларецкая служба бывала“. Тогда истець поставилъ передъ воеводоу ловчихъ смоленскихъ, которые показали: „што жь дедъ ихъ Бишка—былъ подъ рѣкою ловчюго, ижъ сочинялъ, а службу *дей* съ того села *панцырную* служивалъ, а исларецкое службы не служивалъ“, признаны панцырными. Кн. Зап. Лит., VIII, л. 287.

²⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, 213—215.

тинную, бобровые топы и псарскую землю и за всё эти земли не-
сет особая служба¹⁾. На отчизнѣ панцирного боярина лежить обя-
занность „въ ловы ходити“; онъ же получаетъ въ придачу къ отчизнѣ
тяглую землю на конной службѣ, но съ особымъ освобожденіемъ отъ
тагла²⁾. Бояринъ „приубожалъ“, уходитъ къ помѣщику и садится
на тяглую службу и несетъ тягло³⁾, или садится на куниную
земль⁴⁾. Такимъ образомъ, субъектъ владѣнія не переводитъ своего
соціального положенія на землю⁵⁾. Достаточно привести слѣдующій
примѣръ. Доросинскій подданный Гр. Романовичъ скупалъ рядъ
боярскихъ земель и просилъ о подтвержденіи ихъ на вѣчность; ко-
роль подтвердилъ, но, конечно, на службѣ земской⁶⁾. Олехно Гла-
вина, окольный смоленскій, получаетъ село на панцирной службѣ⁷⁾;
конечно, по своему соціальному положенію въ землѣ, онъ лично не
несетъ панцирной службѣ. Иногда грамоты даже обуславливаютъ, чтобы
жалуемое лицо не „привлачило“ земли, не вывело ее изъ того по-
винностнаго состоянія, въ которомъ она жалуется; такъ иногда бы-
вало по отношенію къ землямъ, переходящимъ къ духовенству⁸⁾.
Для перехода земли изъ одной службы въ другую требуется каж-
дый разъ особое разрѣшеніе коронной власти. Бояринъ беретъ себѣ
въ жону „дѣвку“, наследницу тяглой отчины, но чтобы не сдѣлаться
тягломомъ, проситъ о разрѣшеніи держать эту землю на земской
службѣ⁹⁾. Панцирный бояринъ Наршоновичъ купилъ землю у витеб-
скихъ псарцовъ и проситъ короля объ утвержденіи за нимъ ее,
по на земской службѣ¹⁰⁾. На государскихъ земляхъ подѣ Рудо-

¹⁾ Кн Суд. Д. Л. XXXV, л. 418.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XXX, л. 181 об.

³⁾ Акта Лит.-рус. гос., I, 220.

⁴⁾ Докл. Моск. Арх. Муз. Юст., I, 139.

⁵⁾ Зейдшицъ, свѣдѣніи на тягло, несетъ и тяглую службу, Арх. Юго-Зап. Р., т. VII, ч. I, р. 625. Тоже Кн. Зап. Лит., XVI, л. 134.

⁶⁾ „Волеи онъ будетъ туо куплю свою отдади, продати и запродати и шве-
нити и на постелъ записати... вилки маєт онъ свая съ той купли службу зем-
скую конно збройно намъ служити“. Кн. Зап. Лит., XXIV, 202 об — 203.

⁷⁾ Вил. Арх. Об. III, р. 1, 2.

⁸⁾ А. З. Р., I, № 160.

⁹⁾ „Ино вѣдѣлъ онъ туо денку вонати а дозволеніемъ его а будетъ ли то
земля тяглая, отчизна ея... вонди онъ туо землю огнѣну жону своею держати
до вондъ панно, а намъ съ ное службу земскую служити“. Кн. Зап. Лит., XII,
л. 206 (1521 г.).

¹⁰⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVIII, л. 431.

мною лежала повинность воевы сѣна, и акты упоминаютъ объ очень
известныхъ лицахъ, получившихъ земли въ Рудоминѣ и обязанныхъ
выслать на эту службу людей, пока господа не ослободятъ ихъ
спеціальнымъ привилеемъ¹⁾.

Вообще факты перехода земли изъ однихъ повинностей въ дру-
гія весьма разнообразны²⁾; обычно, конечно, переводятъ изъ низшихъ
службъ на высшія. На переводъ всегда требуется разрѣшенія госпо-
дара, какъ для внои жалуемыхъ земель, такъ и для купленныхъ;
иногда государь самъ, давая кому нибудь землю, переводитъ ее на
тѣ повинности, которая несло жалуемое лицо. Такое разрѣшеніе уже
является особою „ласкою“ государя. Такъ когда бояринъ Юхно Бол-
гариневичъ купилъ у разныхъ людей въ Витебской землѣ села бояр-
скія, путныя и тяглыя, то король позволилъ ему служить со вѣхъ
своихъ купленныхъ земель земскую службу; „а пошлени и подаючи,
што будетъ передъ тымъ съ тыхъ земель хоживало, не надобе ему
знати“³⁾. Это переводъ купленной земли⁴⁾. Но по везобитю могли
быть переведены и отчизныя земли; такъ, напр., отчизны нѣкоторыхъ
витебскихъ конюховъ переведены на путную службу⁵⁾, сокольничья

¹⁾ Воевода подляскій Янъ Костевичъ, кунинъ у рудоминскаго боярина
земли, просилъ объ ослободженіи отъ воевы сѣна. Кн. Зап. Лит., XII, л. 9. О
томъ же вѣсть челоу секретарь латвскій панъ Венцлавъ Миколовичъ: „шрошь
которые панци свои маєт онъ въ вондѣ Рудоминскомъ, аки данину нашу и
куплю, такъ и по жонѣ своей, абыхно его съ тими его панцими выволоди отъ
вондѣ сенажатѣ двора нашего Рудоминскаго, который воевы бояре тамошнѣ“. Кн. Зап. Лит., XX, л. 33 (1537 г.). (Тотъ же документъ въ Кн. Зап. Лит., XXI,
л. 176). Ср. еще Кн. Зап. Лит., XII, л. 401: Бояре Климентова Виденскаго вондѣ
били челоу господарскъ „поведили передъ вами, штожъ дей они с того вондѣ сво-
его Климентова завкази у годъ воевали две косе овно вонати до двора нашего
Рудоминскаго“ повсказати и просити, „абыхно имъ тие две косе откупити“.

²⁾ Приведемъ еще одинъ другой примѣръ. Бояринъ полонскій Петровичъ ку-
нилъ у людей тяглыхъ Подолскаго вондѣ ихъ земли „вончани“ „и купилъ ихъ въ
Даниловичахъ оубѣ вончю“, представилъ на то вондѣ князю и просилъ короля—
„абыхно дали ему намъ листъ и велели быхно ему с того службы панцирную служ-
жити“. Король подтверждаетъ: „тяглыхъ служба нѣкоторыхъ аки не надобе
(с) тыхъ земель служити“ (Кн. Зап. Лит., VIII, л. 171). Люди Мокевича освобождены
кор. Александромъ отъ тягла и посланы на конную службу (Кн. Зап. Лит., XVII,
л. 31). Ср. еще въ Кн. Зап. Лит., XI, л. 51 об. и 51 об. и др.

³⁾ Акта Лит.-рус. гос., I, р. 150.

⁴⁾ См. еще напр. Леонтовича Акты, № 412.

⁵⁾ Витебскіе конюхи были челоу: „перво сего служивало намъ съ отчизны
своими службою конюшескою, а теперъ хотятъ намъ службою путною конно а збройно
съ тими своимъ отчизно служити, абыхно съ ное службы конюшескою ихъ выво-

земля на земскую боярскую¹⁾, съ сокольничью на панцирную²⁾, съ панцирной на земскую³⁾, съ машталерской на земскую же⁴⁾. Конечно, какъ мы уже указали, могло послѣдовать и прямое пожалованіе земель съ измѣненіемъ ихъ повинностей, напр. господаиъ дасть псарцинъ земли на военную службу мѣщанамъ⁵⁾ и т. п. Указанный взглядъ на землю вовсе не исключаетъ такой возможности, когда ея обладатель переходилъ въ другой разрядъ и переводилъ за собою и землю. Если тяглый человѣкъ получалъ освобожденіе отъ тяглыхъ повинностей, то для перехода его тяглой земли на оную службу необходимо опять таки пожалованіе господара. Такъ Витовтъ освободилъ нѣкоего Яновича за его службу „въ вѣщахъ“ „со всѣхъ службъ и потилей и дачокъ“ и далъ свой листъ на службу „досѣхкомъ а конемъ“; въ 1496 г. однообщииники задумали привлечь вилковъ Яновича въ тяглыя повинности, но великій князь освободилъ ихъ⁶⁾.

Факты, устанавливающіе мотивы перехода земли изъ одной службы въ другую, вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ и пути, по которымъ земля выходила изъ низшихъ разрядовъ службы въ высшіе и такимъ образомъ мѣняла свои служебныя свойства. Выше были указаны факты, относящіеся къ землѣ, уже ранѣе приобретенной тѣ или иныя служебныя свойства. Но не трудно себѣ представить и то, каковыя образомъ тотъ или иной владѣлецъ земли впервые приобреталъ свои служебныя свойства. Прежде всего при занятіи никому не принадлежавшей земли тотъ, кто ее занималъ, — и налагалъ на нее то или иное тягло, конечно въ силу своихъ личныхъ правъ. Если землю занималъ тяглый человѣкъ или данникъ, ловець, то земля становилась данной, тяглой, ловецкой. Такъ напр. панъ Олена Бегайлова получаетъ отъ кор. Казимира сѣнокосати, которыя „въ вековѣ не были ни на кимъ“⁷⁾, или Вектайло получаетъ озеро Пренода, на которомъ „неводъ княжий

алин, а туя службу пугную имъ казали служити“. Кн. Зап. Лит., XVII, ч. 47 об. (1531 г.). Ср. еще Кн. Зап. Лит., XIV, ч. 234.

²⁾ Сользвильцъ Оташко служилъ съ земли совольницкую службу и „былъ панъ чоловъ, абыхмо съ тое службы сокольничью вилкован и иныя земли на службу боярскую земскую ему дали“. Кн. Зап. Лит., XXIV, ч. 117 об. (1541 г.).

³⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, р. 149.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVIII, ч. 282.

⁵⁾ Кн. Зап. Лит., XXXI, ч. 140 об.

⁶⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVIII, ч. 457 об.

⁷⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, 65—66.

⁸⁾ Докум. Моск. Арх. Муш. Юст., I, 38.

не хоживалъ“¹⁾. Или, напр., бояринъ выранивается у великаго князя „блудныхъ“ людей²⁾, т. е. не несущихъ никакихъ повинностей и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ очевидно, что жалуетый помечетъ за собою полученную землю или людей въ тотъ служебный разрядъ, къ которому принадлежитъ онъ самъ.

Приведенные факты устраняютъ всякое предположеніе о томъ, что лицо, обладавшее землею, переводило ее въ присущія ему повинности отношенія къ государству; источники слишкомъ определенно говорятъ о служебныхъ свойствахъ земли и о связи съ нею повинностей ея владѣльца. Правда, разсматриваемый принципъ составляетъ остатки міровоззрѣнія древнѣйшаго періода, и потому онъ исчезаетъ по мѣрѣ выработки сословныхъ отношеній. Но для насъ именно и важно установить здѣсь истинность разсматриваемаго явленія, такъ какъ въслѣдствіи намъ придется наблюдать надъ постепеннымъ его исчезновеніемъ и замѣной новыми социальными взглядами. Обычно-правовой взглядъ, видѣвшій въ землѣ источникъ повинностей, велъ къ тому, что на извѣстномъ пространствѣ земли лежали совокупность всѣхъ полатковъ и повинностей, шедшихъ въ пользу вотчинника или государя. Это и была служба, шедшая съ земли. Отъ этого и земля обозначалась именемъ той службы, которая съ нея шла; эпитетъ этотъ опредѣляетъ только основную повинность держателя, потому что рядомъ съ нею онъ несетъ и другія повинности и полатки, которыя тинуть къ службѣ. Понятіе земли, какъ единицы обложенія, было весьма неопредѣленно. Прежде всего она не носила даже одного общаго названія. Вѣроятно, наиболее древнимъ терминомъ окладной единицы и, можетъ быть, всеобщимъ, надо признать „землю“, „землицу“. Въ древнѣйшихъ актахъ это названіе встрѣчается гораздо чаще *друнцъ* и весьма распространено было даже въ началѣ XVI в. Акты знаютъ „землю“, „землицу“ именно какъ объектъ обложенія³⁾. При этомъ подъ „землей“ разумѣлись не только пашня, но и вся совокупность хозяйственныхъ или охотничьихъ угодій⁴⁾. „Земля“, „землица“, можетъ быть признана болѣе или менѣе общимъ терминомъ служебной единицы въ Литовско-русскомъ госу-

¹⁾ Ibidem, p. 15.

²⁾ Ibidem, 586.

³⁾ Любавскій, о. с., р. 441.

⁴⁾ Леонтовичъ, о. с., р. 25.

дарствъ. Совершенною аналогію ей представляютъ мѣстные названія. Такъ въ Смоленской области, въ старинныхъ Сѣверскихъ городахъ и другихъ соседнихъ мѣстностяхъ такое же значеніе единицы обложения имѣли *село, селоцо, селнице* ¹⁾. Это были тоже небольшія пространства населенной земли съ типичными въ ней угодьями, заняты крестьянской семьей, несшей „зуполную“ службу. На Волыни, Цивидицѣ и въ Подляхн то же значеніе имѣло *дворище* ²⁾. Селенія здѣсь состояли изъ нѣсколькихъ дворщъ, но каждое дворще представляло собою отдѣльный крестьянскій хуторъ, снабженный разными угодьями и несшій службу ³⁾. Составъ дворщъ хорошо извѣстенъ по ревизіямъ Пинскаго староста. По вѣрному замѣчанію г. Любавскаго ⁴⁾ „типъ земельныхъ участковъ, служившихъ единицами земельного обложения, былъ во всѣхъ областяхъ Литовско-русскаго государства, болѣе или менѣе одинаковъ, различался только особю терминологіей, смотря по мѣстностямъ“ ⁵⁾. Такъ какъ на такомъ земельномъ участкѣ лежала „служба“, т. е. совокупность податей и повинностей, то съ теченіемъ времени и самыя крестьянскія участки пріобрѣтаютъ названіе службы; такъ, говорилось уже въ XV в. служба земли или просто служба. Въ XVI в. терминъ служба пріобрѣтаетъ широкое распространеніе и, наряду съ полнскими и подляшескими дворщинами, дѣлается самымъ употребительнымъ названіемъ крестьянскаго участка.

Земли, село, дворище, служба имѣютъ характеръ полныхъ окладныхъ единицъ. Но рядомъ съ ними существовали окладныя земли, прошедшія, очевидно, отъ дѣленія полныхъ. Таковы, напр., *выть*, употреблявшіяся въ Смоленской землѣ ⁶⁾. Еще въ половинѣ XVI в. *выть* означала, по логическимъ вѣжамъ замковъ, часть, такъ что „ходить съ выти“ на какомъ нибудь уложкѣ означало эксплуатировать его за извѣстную часть продуктовъ ⁷⁾. Такое же значеніе имѣли

¹⁾ Ibidem, p. 25.

²⁾ Любавскій, о. с., p. 453.

³⁾ Окладное значеніе дворща наглядно характеризуется Рагненской логстраціей. Арх. Ю.-З. Р., VII ч., 8. II, p. 297

⁴⁾ Област. дѣл., p. 453.

⁵⁾ Такъ смотрятъ и историки: король даетъ Неймиръ Грималичу въ Мельницкомъ повѣтъ „мѣише нашо то есть люди, по тамошнему жеребью речени“. Акты Леонтовича, № 691.

⁶⁾ Любавскій, о. с., p. 453.

⁷⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, p. 101.

и *слѣдь*. Источники ясно свидѣтельствуютъ, что слѣды, являясь слѣдствиемъ раздѣленія земли ¹⁾, несли на себѣ не полныя службы, но части ихъ, „помогали“ въ службѣ ²⁾. Это, конечно, не исключаетъ возможности и иного происхожденія слѣда, какъ гѣснаго „разробка“ или какъ „слѣды“ охотничьяго промысла ³⁾. Не трудно предположить, что часть большой, но малоземельной службы, въ поискахъ за „особымъ хлѣбомъ“, прокладываетъ себѣ „особый“ слѣдь въ лѣсу для промысла или для роспашки ⁴⁾. Этотъ слѣдь не выдѣляется изъ общей службы, но, имѣя подспорное хозяйство, помогаетъ ей и въ платежахъ. Такимъ образомъ, двоекое происхожденіе слѣда вполне возможно. То обстоятельство, что слѣдь являлся частью земельной единицы, не мѣшало ему сдѣлаться самостоятельнымъ земельнымъ участкомъ, а слѣдовательно и самостоятельной единицей обложения. Съ этимъ мы дѣйствительно и встрѣчаемся, когда акты говорятъ намъ о пожалованіи отдѣльныхъ слѣдовъ ⁵⁾ или о продажѣ ихъ ⁶⁾.

Если о слѣдѣ, какъ земельной единицѣ, прошедшей отъ дѣленія, можно говорить съ полной увѣренностью, что источники не даютъ достаточно поводовъ для того, чтобы считать имѣющимъ такое же происхожденіе *жеревія*. Это названіе преимущественно употреблялось въ Подляхн ⁷⁾ для обозначенія служебнаго земельного участка. Жеревія, подобно дворщцу состоитъ изъ пахати и угодій ⁸⁾ и, какъ на окладной единицѣ на немъ лежала „служба“ ⁹⁾. Въ качествѣ таковой жеревія извѣстна и въ другихъ мѣстностяхъ, напр. упоминается въ извѣстномъ актѣ о Ржевской данн ¹⁰⁾ и пр. Однако, несмотря на малочисленіе источниковъ, вполне естественно было бы видѣть и въ жеревія такой участокъ, который, подобно слѣду, произошелъ отъ дѣ-

¹⁾ Леонтовичъ, Акты, № 566; Документы Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 29.

²⁾ Любавскій, о. с., p. 451.

³⁾ Леонтовичъ, Кр. двор., p. 13.

⁴⁾ Ср. напр. давану Казимира: дается два человѣка на четырехъ слѣдахъ. Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, 2. Уходъ за „особымъ хлѣбомъ“, безъ выдѣленія однако изъ общей службы, хорошо извѣстенъ по логстраціи Рагненскаго староста (Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, p. II).

⁵⁾ Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, 11, 12 и др.

⁶⁾ Кн. Зап. Лит., III, т. 74.

⁷⁾ Ср. Леонтовича, Акты № 691.

⁸⁾ Леонтовичъ, Акты № 691.

⁹⁾ Ibidem, № 735.

¹⁰⁾ Акты Зап. Рос., I, 88.

ленія дѣлой земли; на это намекаетъ и само названіе жеребья и нѣкоторые косвенныя указанія летоу¹⁾ и, наконецъ, то обстоятельство, что это названіе наиболее прочно утвердилось за земельными участками именно въ Подляхѣхъ, области мелкаго земледѣвія, гдѣ слаборинная община разложилась очень рано и смѣнилась подворнымъ владѣніемъ (на это указываетъ преобладаніе здѣсь уже въ половинѣ XVI в. дѣмовъ, какъ объектов обложенія).

Таковы были древнѣйшія единицы обложенія. Можно прибавить, что для нѣкоторыхъ сборовъ, особенно кормовыхъ, прибѣгали еще къ обложенію на дымы и сохи. На „землю“, „село“, дворнице, службу, жеребѣй, иногда слѣдъ падаетъ вся совокупность крестьянской службы, т. е. повинностей и волатковъ. Иногда поэтому эти участки назывались „тыгалью“²⁾, „потыгалью“. Для того, чтобы охарактеризовать окладное значеніе этихъ службъ тыглей, достаточно высказать, насколько занимаемое ими пространство пахати и угодій или количество жилища на службѣ населенія было пропорціонально наложенной службѣ. Въ литературѣ избегаеи взгляды, что литовско-русскія земельныя единицы не были равными ни по размѣрамъ, ни по доходности; сообразно съ этимъ были неодинаковы и шедшія съ нихъ повинности. „Не нужно только представлять себѣ, чтобы онѣ чрезвычайно разнообразились по своимъ размѣрамъ и доходности; существовала наметанная средняя величина ихъ, къ которой они болѣе или менѣе приближались“³⁾. Однако, думается, что средней величины участковъ не существовало въ дѣйствительности такъ же, какъ не могло быть рѣчи и о средней доходности ихъ, хотя бы и очень приблизительной. Средней величиной была не матеріальная обстановка окладной единицы, но та служба, тыгль, которая съ ней шла. Уже въ удѣльныхъ клипеніяхъ нельзя не замѣтить стремленія къ установленію этой средней величины службы. Такъ, мы уже имѣли случай указать, что основныя подати Инисаго клипенія (полудье, посочица, латвица, сѣнное) отличаются однообразіемъ окладнаго размѣра. Тоже надо сказать и относительно Кіевской земли, хотя съ нѣкоторыми оговорками. Конечно, въ разныхъ мѣстностяхъ выравнит-

¹⁾ Напр. пожалованіе Щербѣ въ книгѣ данивъ Казимира, гдѣ въ пустомъ жеребѣи предпологается нѣсколько жеребьевъ. Документы Моск. Арх. Мин. Юст., I, 54. Листы Леонтовича № 619: дается село въ одинъ жеребѣй.

²⁾ Лубавскій, вѣст. № 2.

³⁾ Лубавскій, о. с., 438.

вались только основныя службы. Такъ исполнѣ ясно можно себѣ составить представленіе о размѣрѣ панщарной или щитной службы по военно-службой переписи Смоленской земли конца XV в. или по книгѣ данивъ Казимира: было извѣстно, въ какомъ размѣрѣ та или иная служба шла. Это и была средняя величина, различавшаяся однако по мѣстностямъ. Но надо помнить, что за службой тинулъ рядъ волатковъ и повинностей, составлявшихъ дополненіе къ ней. Тутъ разнообразіе, какъ мы уже показали, было особенно велико.

Можно привести немало давнихъ, подтверждающихъ, что земельныя размѣры „земель“, службъ, дворницъ, слѣдковъ, жеребьевъ были неодинаковы. Иногда въ изслѣдованіяхъ очень положительно указываютъ земельный размѣръ службъ¹⁾, но встрѣчаемые факты ихъ измѣренія вовсе не оправдываютъ такого утвержденія. При волочной помѣрѣ Бобруйской волости ревизоры часто приводятъ количество службъ въ селахъ до измѣренія ихъ на волоки. Картина получается такая же, какую мы наблюдали относительно инискихъ дворницъ, такъ что въ службѣ бывало отъ двухъ до десяти волокъ²⁾—разница очень значительная. Можно указать еще и на Мидельскую волость. Службы ея измѣрены бочками и возами сѣна: бочка земля—опредѣленная мѣра, равнявшаяся (кажется, повсемѣстно) одному моргу. Размѣръ мидельскихъ службъ также неодинаковъ³⁾. Тоже надо сказать и о другой, измѣренной бочками волости—Радомковской. Для характеристики размѣровъ земельныхъ участковъ достаточно указать хотя бы на то, что рядомъ здѣсь мы встрѣчаемъ, напр., слѣдующую разницу: службу въ

¹⁾ Варбашевъ, Витовтъ и его полѣтика до Грюнвальдской битвы, р. 7, въ прилѣж.

²⁾ Такъ, напримѣръ село въ 6 службѣ дало 17 волокъ. (207 стран.)

- 5 1/2 -	- 17 -	(211 -)
- 4 -	- 14 -	(216 -)
- 6 -	- 40 -	(221 -)
- 6 -	- 20 -	(238 -)
- 2 1/2 -	- 12 -	(239 -)
- 2 1/2 -	- 8 -	(232 -)
- 2 1/2 -	- 8 -	(233 -)
- 1 -	- 10 -	(236 -)
- 4 -	- 14 -	(237 -)
- 6 -	- 46 -	(241 -)
- 5 -	- 30 -	(245 -)

Акты Виз. Арх. Ром., XXV.

³⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 75 и слѣд. passim.

40 бочек пахати, къ 20, 8, 5½ поль-службы въ 10 и 18 бочек; столь же неравномерно распределить между земельными участками съвокость и дѣсь (последній измѣренъ тоже бочками)¹⁾. Надо оговориться, что неодинаковый размѣръ службъ относится не только къ теплымъ, но и къ специальнымъ и боирскимъ: два боирна сидятъ рядомъ и ставитъ по одному коню, но одинъ изъ нихъ имѣетъ болѣе 500 бочекъ всей земли, а другой менѣе 200²⁾. Относительно населенности службъ пришлось бы повторить то же, что и относительно дворницъ: названные уже дистраціи перечисляютъ или количество димовъ на службѣ или количество взрослого населенія, но ни то ни другое число не имѣетъ никакого соотношенія съ размѣромъ участка за исключеніемъ того общаго явленія, что болѣе многочисленныя семьи чаще встрѣчаются на болѣе значительныхъ земельныхъ участкахъ или держатъ по двѣ службъ; остановимся хотя бы на нѣкоторыхъ данныхъ, извлеченныхъ изъ инвентаря Оршанскаго староства. Такъ въ Оршанскихъ селахъ встрѣаемъ такіе свѣдѣнія о димахъ и службахъ³⁾:

Села.	Въ нихъ службъ	димовъ.
Баево	1	18
Бабино	16	30
Переволочное	19	31
Острве Шанки	10	12
Стайки	6	8
Груики	4	30
Ельяне	2	10
Шариевичи	5	19
Соколовичи	4	12

То обстоятельство, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ данныхъ относятся къ болѣе позднему времени, не уменьшаетъ ихъ значенія и для древнѣйшаго періода, потому что характеръ окладной единицы до введенія волочной помѣры оставалась неизмѣненнымъ⁴⁾. И послѣ ска-

¹⁾ Ibidem, p. 107 и др.

²⁾ Ibidem, p. 111.

³⁾ Ibidem, p. 130.

⁴⁾ Укажемъ еще размѣры службъ. Въ Бѣзичкой волости (Смоленскаго повѣта) пять службъ составили 8 димовъ, а въ Новгородскомъ—четыре службъ составили 20 димовъ (Ангелъ-Леонтовича, ММ 612 и 615). Въ селахъ Дмитовичахъ

заннаго, если мы встрѣаемъ строго проведенный для цѣлой волости объемъ службъ, то въ этомъ обстоятельстве слѣдуетъ видѣть уже правительственную или вотчинную регламентацію, измѣнившую первоначальный неопредѣленный характеръ службы земли¹⁾.

Такимъ образомъ будетъ совершенно понятно, что и Смоленское „село“, слѣдъ и жеребій также отличаются разнообразіемъ размѣровъ и количествомъ живущаго на нихъ населенія, хотя показанія источниковъ въ этомъ отношеніи нѣсколько обѣдѣ, потому что нѣтъ ни одной дистраціи, гдѣ бы слѣды, жеребьи и села были переведены на волоки или бочки земли. Но и указанія отдѣльных актовъ въ этомъ отношеніи не оставляютъ сомнѣній²⁾. Правда, съ половины XVI в. мы иногда встрѣаемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, опредѣленный размѣръ службъ; но въ этомъ опять таки нужно видѣть правительственную или вотчинную регламентацію, измѣнившую первоначальный неопредѣленный характеръ службъ³⁾. И это неравенство служебныхъ участковъ будетъ вполнѣ понятно, если присмотрѣться къ тому, какъ налагалась на участки служба и при какихъ условіяхъ труда владѣлецъ эксплуатировалъ свою землю. Службы и дворницъ по размѣрамъ своимъ въ общемъ были довольно велики; обрабатывать ихъ силами одного—двухъ рабочихъ было бы невозможно. И, дѣйствительно, источники рѣдко знаютъ малочисленную крестьянскую или боирскую семью. Говоря о составѣ семьи, они называютъ въ ней сыновей, братьевъ и др. родственниковъ; и это исчисленіе членовъ семьи, повидимому, всегда отно-

и Ходороничахъ Гродненскаго повѣта „давня“ было 12 службъ при 60 димахъ (Кн. Суд. Дѣлъ Лит., LIV, л. 106). Въ одной селѣ число димовъ на службѣ оказывалось отъ одного до десяти (Кн. Зап. Лит., XII, л. 161).

¹⁾ Около половины XVI в. замѣтно стремленіе фиксировать размѣры службъ. Напр., въ Дубровницкой волости новоселамъ раздавались службъ изъ 30 солонихъ пахати (Арх. Сбор., III, 263). Въ концѣ вѣка иногда акты говорятъ и о размѣрѣ службъ: такъ въ Рогачевскомъ повѣтѣ дается въ 1586 г. земля, въ которой „того всего ромеру землеко руского службѣ волстрети, въ которыхъ волстрети службахъ, поведилъ передъ нами, всего ширину волоки полоски шимерныхъ“ (Кн. Зап. Лит., I, XXII, л. 48 об.—49). Но едва ли и здѣсь разумеется сколько имѣло опредѣленная мѣра земли.

²⁾ Напр., въ двухъ жеребьяхъ вымѣрено десять волокъ (Кн. Зап. Лит., XII, л. 19 об.), въ другихъ двухъ—восемь волокъ 27 моговъ (ibidem, л. 68 об.). Ср. данія у Леонтовича, Крестъ двор., Ж. М. Н. Пр., мартъ, 1896 г.: р. 20—21 и 25. Любавскій, о. с., р. 456 и 460. Акты Лит.-рус. госуд., I, 75, 89.

³⁾ Кн. Суд. Дѣлъ Лит., XXXV, л. 414.

самые—закладни¹⁾, вообще „люди“, принадлежащие подданным же²⁾, „подужные люди“,—может быть в том числе и челядь. Скарб и его агенты знали только „господаря“ службы (он заносится в инвентарь, фигурирует в актах и пр.); он был поручителем перед скарбом за исправность в отбывании платежей и повинностей; ввиду естественного, что этот господарь был именно представителем семьи, старший в семье или среди сыновей, хозяин по отношению к закладным. Скарб воздерживался от всякого вмешательства во внутреннюю распорядок скарбинной общины, почему „люди“, сидевшие за тигляцами, вовсе не подлежали обложению³⁾ и, таким образом, ускользали от платежей.

Разумеется, никакого однообразия в такой сложной крестьянской общине не было и не могло быть; количество рабочих рук зависело от самых разнообразных случайностей. Между тем доходность от хозяйства, а следовательно и зажиточность семьи, могла зависеть исключительно от размеров затраченного на производство хозяйственных благ труда: при преобладании охотничьих промыслов и полной возможности делать новые роспашки, основною хозяйственной деятельностью была труд большого или меньшего числа наличных членов семьи. Второе коренное условие в различии окладной единицы заключалось в разнообразии размера участков. Что оно существовало, мы уже знаем. Но это явление будет еще более явным, если присмотреться к тому, как образовались служебные участки, как они получали свою изначальную форму.

Тяглый или военно-служимый участок просто подмечивается тем, кто хотел его получить. О каком-нибудь определенном размере не могло быть и речи. Участок должен быть такой величины и снабжен настолько удобствами, „с чего бы могли послужить“⁴⁾, сообразно требованиям данной службы и рабочим силам садящегося. Князь М. В. Соколинский выпросил себе у короля Сигизмунда I целую группу потужников—борь потужных полочных „за тяглых людей“. Люди эти не хотели попасть в

¹⁾ Акты Зап. Рос., I, 88.

²⁾ Кн. Судн. Дель Лат., VI, л. 16, 17.

³⁾ Акты Зап. Рос., III, 400.

⁴⁾ Акты Лит-рус. гос., I, 198; А. 40, Зап. Рос., I, 286.

⁵⁾ Докв. Моск. Арх. Мин. Юст., I, 3.

тягло, выхлопотали себе право ухода с отчизны своих, явились к воеводе полочному с челобитьем: „абы онь далъ намъ гдѣ помѣстье ку меншанью“. Воевода далъ имъ „уголь пуши нерозобленное“, „где есмо з великою прадою нашою и накладомъ поселилися, розобилиши на сыромъ корени“¹⁾. Мещанинъ витебскій Ивашкинъ проситъ замковое сельцо, „облазючи и подвезючи се при замку... конемъ служити и два человекъ пешихъ з рунцами при кони ставити“²⁾. Очевидно, тутъ устанавливается раздѣръ служебнаго участка по взаимному соглашенію правительственнаго агента и того лица, которое подмечиваетъ себе „помѣстье ку меншанью“. Тутъ дѣйствовали самыя разнообразныя условія. Если земля была уже обслужена, но покинута, то садившійся снова на нее обязывался и нести прежнюю службу,—„тою службою, какъ и первое“³⁾, „какъ первой того служба была“⁴⁾. При такихъ условіяхъ не рѣдко случалось и такъ, что служебный участокъ не выгоденъ для человека; онъ его бросаетъ, и является другой и садится на немъ, считая для себя возможнымъ нести „зупольную службу“. Помойти Гедминъ сдѣлалъ „просѣку“ вѣзбу и держалъ ее на „особной службѣ“, но „не могучи съ того особное служба служить“, бросилъ землю. Къ намѣстнику является другой человекъ Сакша и проситъ дать ему „просѣчене“; оно было не велико,—всего въ шты бочевъ и при томъ разбросано въ десяти мѣстахъ, „а большей проробити нельзя“—и тѣмъ не менѣе Сакша беретъ нести съ этой земли службу⁵⁾. У того же староста Станислава Яновича человекъ Якубовичъ проситъ разрѣшенія „поить“ Дороту, дочь покойнаго Довкляновича; у послѣдняго было три дочери, двѣ уже вышли замужъ, (вѣроятно, каждая съ третьей частью земли); теперь Якубовичъ беретъ за себя младшую изъ дочерей „въ третью часть того дому, а онъ имеетъ съ той части своей третее особную службу служить волыному князю, какъ и тещъ ихъ служилъ“⁶⁾. Но взята такимъ образомъ служба могла оказаться столь малой, что съ нея нельзя было „послужити“, почему требовалась, напр. над-

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XXIX, л. 72 об.—74 об.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVIII, л. 456 об.—ор. л. 468.

³⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, 5.

⁴⁾ Ibidem, II, 38.

⁵⁾ Кн. Судн. Дель Лат., VI, л. 313.

⁶⁾ Ibidem, л. 317.

бывала оброчной землей¹⁾. Иногда службы бывали такъ не велики, что приходилось соединять двѣ въ одну, чтобы съ нее могла идти полная служба²⁾. Но за то и большія службы разбивались на двѣ³⁾, или просто во владѣніи человека оказывалась „половица“ прежней земли и всегата на полной службѣ⁴⁾. Но кромѣ того многорабочая семья могла сверхъ своей службы взять еще другую на какихъ нибудь условіяхъ; въ такихъ случаяхъ человекъ получалъ эту придаточную службу „на особую службу“, т. е. обязанъ былъ ее особо нести, независимо отъ прежней⁵⁾. Эти придаточная земля могла состоять или изъ оброчной или изъ полной службы.

Заключивъ нашъ обзоръ способовъ обложенія, необходимо сдѣлать двѣ оговорки. Разумѣется, при раздачѣ земель и образованіи службы и раздающіе агенты и сами принимающіе службу сообразовали размѣръ земли и угодій съ качествомъ службы. Отъ этого боярскія службы были гораздо больше, напр. дворцовыхъ, а эти послѣднія превосходили своими размѣрами тягла и данническія. Это вполне понятно, такъ какъ боярину, даже пущому или панцирному, чтобы асправно ставить коня приходилось еще на своей землѣ сажать одного, двухъ, трехъ тягловцовъ да имѣть собственную запашку. Специальная службы, напр. оочинская, стрѣлцкая, ловецкая и пр. считались труднѣе и сложнѣе тяглой, такъ что напр. при надѣлахъ земель при Сигизмундѣ Августѣ эти служебники получали

¹⁾ Державца даде пѣдѣвому оброчную землю, потому что „онъ землицу малую подъ собою имеетъ и пѣдужь уставичное службы на законъ Индей служили бы (Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 98 об.). Или боярину Митковичъ былъ веломъ: дикъ онъ землю отчину свою подъ собою весьма малую имеетъ и службы нашо не имеетъ, с чего намъ послужити“, потому король и подтвердилъ ему землю пустошеку (Ibidem, л. 141, 154 г.).

²⁾ Ошвиничъ Богдановичъ былъ веломъ о землѣ и представилъ вѣсть землицы державцы, въ которомъ описуетъ, какъ онъ отчину свою слустилъ братцы своей, на мѣвчи чимъ з ними делителъ“ и провалъ о двухъ пустошанхъ земляхъ. Державца „тые обе землицы и одну слустивати, даде тому Микѣ на одну службу, бо службы з нихъ особилхъ не могло быти, и казалъ ему с тихъ земляхъ службу ошвиничку зупольно служити и въ каждый годъ по коне грошей до скарбу нашого давати и вѣшне вѣские подачи потому, якъ и вѣшне ошвиничи служати и подачи давати“ (Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 53, 1540 г.).

³⁾ „Съ тое двѣ Малейшны зданъ бывала служба одна, а потомъ двѣ та земля на двѣ службы роздѣлена“. (Кн. Зап. Лит., XII, л. 161).

⁴⁾ Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, 5.

⁵⁾ Анти Лит.-рус. гос., I, 57, 75, 149.

двое большій надѣлъ, чѣмъ тяглецы. Понятно, что и участки, „съ чего бы могли послужити“, были неравны, соответственно службамъ. Однако и тутъ никакой середины не существовало и все зависѣло отъ самыхъ разнообразныхъ условій. Достаточно сослаться на то, что пивскія тягла двориша или бобрыйскія службы во много разъ превосходили боярскіе участки въ Радонковичахъ, не говоря о Подляхъ, гдѣ боярское землевладѣніе было очень мелко. Затѣмъ при изложеніи вопроса о наличномъ составѣ служилой семьи или о происхожденіи земельныхъ участковъ безразлично были привлекаемы факты, касающіеся разныхъ службъ какъ боярскихъ, такъ и тяглыхъ. Но это потому, что отношенія окладной службы къ объекту обложенія этихъ разрядовъ, какъ показываютъ сами факты, ничѣмъ существеннымъ не отличались; кромѣ того пущал и панцирная служба, несмотря на свое военно-земское назначеніе, были специальными службами въ господарскомъ хозяйствѣ и несли на себѣ нѣкоторые потчинныя повинности.

Такимъ образомъ разсмотрѣніе формъ обложенія древнѣйшаго періода вводитъ насъ къ кругу весьма рудиментарной финансовой системы, свойственной вообще невысокому уровню государственнаго и соціального развитія народа. Въ общемъ она носитъ потчинный характеръ, но въ то же время она является тою основой, изъ которой стали складываться принципы государственнаго обложенія. Въ частности такая система представляла массу неудобствъ, такъ какъ не заключала въ себѣ путей для болѣе или менѣе равномернаго обложенія въ главнаго его объекта—земли, ни субъекта—людей. Объектъ обложенія—участки земли отличаются разнообразіемъ, напоминаящимъ собою такой же объектъ ранняго періода Московскаго государства—соху. При господствѣ обычнаго-правовой идеи, по которой объемъ тягла опредѣляется не соціальнымъ положеніемъ тяглеца, во тягломъ, прикрѣпленномъ къ объекту обложенія, регистрація тягловыхъ единицъ представляла для правительства вѣдѣстную гарантію правильнаго поступленія сборовъ. Оставалось только принимать мѣры къ тому, чтобы вѣдѣтная администрація не разогнала своими вымогательствами плательщиковъ да увеличивать оброчныя статьи доходовъ. Правда, это были сравнительно паллиативныя мѣры, но онѣ, какъ увидимъ, долго применялись центральной властью.

Послѣ изложенныхъ замѣчанійъ перейдемъ къ обзору доходныхъ статей господарскаго скарба, шедшихъ съ дворовъ и волостей и тѣхъ

микропріятій, которыя скарбъ принималъ для увеличенія доходности своихъ имуществъ.

Первый проявленіи нивелирующей дѣятельности Литовско-рускаго правительства замѣтны уже въ княженіе Александра Ягеллона. Правда, ни отъ этого ни отъ болѣе ранняго времени не дошло до насъ прямого свидѣтельства, почему и самый фактъ нивелировки можно только предполагать¹⁾. Предположеніе это можетъ быть построено на основаніи слѣдующаго. Уже въ приходо-расходныхъ скарбовыхъ запискахъ конца XV в. мы встрѣчаемъ извѣстнаго рода группировку господарскихъ добръ по главнѣйшимъ источникамъ ихъ доходныхъ статей. Такъ тогда уже ясно выдѣляются Поддѣпровскія, Подвинскія, Сѣверскія волости, изъ которыхъ идутъ слѣдующіе доходы: на первомъ планѣ дань грошовая или серебряная (въ Сѣверціи еще и поголовщина), затѣмъ бобры, куницы; медъ собираютъ натурою, бобры и куницы то натурою, то деньгами. Сверху того отсюда же идутъ побочные доходы, напр. тивунщина, яловщина, переложенныя уже на деньги. Изъ южныхъ областей Кіевщины и Волыни идетъ подмыщина, волощина (денежные сборы) и медовыя дани. Въ западныхъ же имѣніяхъ самую существенною статью являются хлѣбныя дани, сѣно; ядѣсь центромъ хозяйства являются двора, въ которыхъ сконцентрированы хлѣбныя и сѣнныя дани и находится господарскія конюшни. Правда, такое раздѣленіе хозяйства имѣло не мало исключеній, но общія группировка его намѣтилась уже въ XV вѣкѣ. Такая группировка волостей и дворовъ имѣла за собою хозяйственное основаніе, такъ какъ на востокъ и югъ (украина) государства господствующей формой хозяйства были охотничьи промыслы, на западъ же рядомъ съ этими послѣдними большое значеніе имѣло и земледѣліе. Литовско-русское правительство, очевидно, приспособлялось къ этому дѣленію въ направленіи хозяйства.

¹⁾ Впрочемъ здѣсь необходимо привести слѣдующее сопоставленіе. Дубровенская волость, одна изъ поддѣпровскихъ, была волостью данниковъ. Между тѣмъ въ книгахъ Витебскаго воеводства сохранилась записка, — видѣть замѣтки о повинностяхъ дубровенскихъ людей. Хотя въ этой запискѣ даны свѣдѣнія по всей видимости она относится къ XV вѣку, и, вѣроятно, занесена въ воеводскую книгу по поводу какой-нибудь сирасы (это не рѣдко бывало). Изъ этой записки видно, что дубровенскіе люди служили пригонъ, тозюки, косили сѣно, т. е. несли тяглыя дворовую службу (Кн. Зап. Лит., XVI, з. 269 об.). Отсюда видно, что они были переведены съ тягла на дань.

Въ повинностномъ отношеніи все населеніе господарскихъ волостей и дворовъ можно раздѣлить на слѣдующія общія группы: на данниковъ, людей дякольныхъ и тяглыхъ и на различныя спеціальныя дворовыя, дворцовыя и хозяйственныя службы, на слугъ и бояръ путныхъ и, наконецъ, на челядь. Каждая изъ этихъ категорій имѣетъ свою спеціальную „службу“.

Служба данниковъ заключалась въ платежѣ дани. Источники называютъ слѣдующіе виды дани: дань грошовую или серебряную, медовую, бобровую, куничную. Хотя одна и таже крестьянская служба несли не одну, а нѣсколько изъ названныхъ дани (обычно дань грошовую, медовую и бобровую), но каждое изъ этихъ названій дани указываетъ на особый объектъ обложенія. Дань грошовая или серебряная бралась деньгами; это подать на пахатную землю, дань медовая вималась съ бортиаго дерева, бобровая — съ бобровыхъ тоновъ, дань куничная также представляла собою сборъ съ охотничьихъ угодій. Источники даютъ не мало указаній на соотвѣтствіе названныхъ дани и объектовъ обложенія. Устава Бобруйской волости 1533 г. приказываетъ мѣстному державцѣ вимать при раздѣлѣ пустошницъ медовую дань съ бортей, а грошовую дань и „иные доходы, што за грошовою данью идетъ“ только съ пахатной земли¹⁾. Столь же ясно говорится о соотвѣствіи дани объектамъ обложенія въ ревизіяхъ изювны XVI ст. Такъ въ ревизіи Гомельскаго староства люстраторъ слѣдующимъ образомъ раскладываетъ дань: съ службы земли дань грошовую, также житомъ и овсомъ, за сѣнокомъ полагаетъ отдѣльно сборъ отъ воза выданаемаго сѣна, также отдѣльно „за дань медовую“, за бобровыя тоны, за лова куничныя, бѣлочныя „рыбныя“, „за лова зѣбранныя яко великого такъ и малого зѣбру и тежъ куничныя и иные великія птици“²⁾. Разумѣется, эти дань вимаются только тогда, когда плательщикъ фактически пользуется всѣми угодьями и пашнею; при отсутствіи же какого нибудь изъ объектовъ обложенія, не вимается и соотвѣтственная дань³⁾. Точно такимъ же образомъ производилась раскладка и по другимъ данническимъ во-

¹⁾ Кн. Зап. Литов., XV, з. 172.

²⁾ Акты Вил. Арх. Ком., XIII, р. 358 и passim. Ср. напр. слѣдующее мѣсто: Бояринъ Волкъ держитъ нѣсколько пустошницъ земель „на которыхъ земля пашное бокомъ чотыри гунты среднего, сѣножатей возовъ тридцать, дань съ тягъ земля кожыла кола одна грошей 30“, р. 260 и др.

³⁾ Ibidem, pp. 364, 365 и др.

стия¹⁾. Такимъ образомъ служба данинцовъ состояла въ платежѣ различныхъ дани, смотря потому, чѣмъ пользовался субъектъ обложения. Поэтому, хотя цѣлыя группы господарскихъ волостей въ общемъ платили дани грошовую, медовую, бобровую и куничную, но встречаемъ не мало случаевъ, когда отдѣльныя службы или села платятъ только нѣкоторыя изъ этихъ дани. Въ книгѣ дани въ великаго князя Казимира можно встрѣтить данинцовъ, платившихъ только одну медовую дань или медовую и куничу и пр. Истинное значеніе грошовой дани, которой объектомъ служила пахатная земля, не можетъ возбуждать особыхъ сомнѣній. Это была основная дань, за которой тянули и остальные „поплатки“. Кто не пользовался пахатной землей, тотъ не несъ разнообразныхъ полатковъ, связанныхъ со службой, какъ совокупностью тягловыхъ обязанностей. Угодія, тянушія къ службѣ, были разбросаны на большомъ пространствѣ, составлявшемъ иногда „суплетное“, „спольное“ владѣніе цѣлаго села или нѣсколькихъ сель. Право службы на угодіи состояло въ правѣ постановки „ловупекъ“ въ известныхъ мѣстахъ, устройствѣ рыбныхъ езовъ и пр. Какъ распределялись по службамъ угодія, легко себѣ представить по нѣкоторымъ ревизіямъ. Для примѣра возьмемъ село Перекладовичи Дубровицкой волости. Въ немъ 3 службы при четырехъ дымахъ. Каждая служба уплачиваетъ обычные сборы. Но сверхъ того въ „обрубѣ“ того же села ревизоры роздали нѣсколькимъ крестьянамъ на пустоцѣнахъ новаа службу, новоселамъ отводится только лѣсъ на „розробокъ“ напши и бортиное дерево. Платъ за борти взимаются съ первого же года пользованія; на разработку лѣса полагается по нѣсколько лѣтъ „воли“, по истеченіи которой новоселы будутъ „платъ до сварбу его королевское милости платити и всякия повинности съ того напшти по тому, яко и иные подданные господарские волостные водѣ уставу господарское съ земль своихъ платятъ“. Такъ какъ по уставѣ платъ взимаются также и за бобровые гоны, зѣбрицу и рыбную ловлю съ каждой службы, то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что по прошествіи „воли“ службы новоселовъ будутъ привлечены въ „поплаткамъ“ за эти угодія. Между тѣмъ зѣбрицыя лови и бобровые гоны тянутъ не къ каждой отдѣльной службѣ но

¹⁾ Ср. Дубровицкіи инвентаръ въ Виленск. Археогр. Сбор., III, р. 263 (относительно обложения бортоваго дерева), р. 248 (относительно бобровыхъ гонцовъ и другихъ лововъ) и проч.

находятся въ „обрубѣ“ всего села. По всей волости, по замѣчательнѣмъ люстраціи, „ловъ зѣбры великаго“ бываетъ „не вставичный“, хотя подданные и бьютъ зѣбры „разными ловушками“. Для бобровыхъ гонцовъ всегда отводились особая угодія для цѣлаго села, иногда въ „суплетномъ“ пользованіи съ другими. Изложенныя особенности обложения являютъ типичными для русскихъ волостей: дѣль подробныя ревизіи (Гомельская и Дубровицкая построены именно на такомъ распределеніи обложения. По уставѣ Могилевской волости 1594 г., (уже по раздѣленіи ея на волоки) платъ за бобровые гоны взимался со всего села огуломъ, хотя бы въ немъ и были пустая волоки. При этомъ охота на бобровъ и рыбная ловля производится всеѣмъ селомъ: „по рѣкамъ безъ подѣленія береговъ огуломъ каждое село уживати маеть, и особливе одинъ безъ другого бобровъ не ловитъ и зѣ ручницъ не бьетъ“¹⁾. Въ послѣднемъ постановленіи сказывается, впрямую, порядокъ, издавна практиковавшійся въ селахъ²⁾. Относительно бортоваго дерева та же устава говорить о раздѣлѣ бортоваго дерева по волочнымъ участкамъ³⁾; такимъ образомъ бортиныя угодія не оставались теперь въ факультативномъ пользованіи членовъ волостной или сельской общины, но шли въ наръбу къ ихъ надѣламъ, какъ напши и сѣнокосы. Надо прибавить, что если источники конца XVI в. уже говорятъ о бортиномъ деревѣ, источники болѣе ранняго времени всегда говорятъ о бортиной землѣ⁴⁾.

Такимъ образомъ дани грошоваа и медоваа (сюда, конечно, надо причислить хлѣбные сборы и за сѣнокосы, гдѣ они взимались) падали на земли съ угодьями. Остальныя дани (боброваа, куничная, за ловы) въ основѣ своей имѣли объектомъ обложения трудъ: будучи обложениемъ промышленной дѣятельности плательщика, онѣ однако не могутъ быть названы промышленнымъ налогомъ⁵⁾ въ современномъ его зна-

¹⁾ Виленск. Археогр. Сборн., I, р. 188, 194.

²⁾ Вотъ еще важное свидѣтельство, говорящее о спольномъ пользованіи угодьями. Индѣ Милошевщъ, бояринъ, передаетъ Великаму „сказъ человека своего отчичного на рѣкѣ на Изнъ ливы и сѣнокосы и часца, Соборные гоны по рѣкѣ на Изнъ и рыба ловити на моеи дѣлани, што на мене приидеть“. Кн. Зап. Лат., III, л. 74.

³⁾ Вил. Арх. Сб., I, р. 194.

⁴⁾ Ср. напр. раскладку медовой дани въ Бобруйской волости, раздѣренной уже на волоки, по платившей дань по „старой ревизіи“. Акты Вил., XXV, р. 245, 247 и др.

⁵⁾ Ср. у Леонтовича, Крест. эк. Ж. М. И. Пр., 1897 г., кн.

чении, так как в эксплуатации этих промыслов отсутствует основной элемент промыслового налога—затрата капитала наряду с затратой труда: если на перевод или устройство еса и могъ быть затрачен капиталъ, то такую затрату только слишкомъ отвлеченный теоретикъ могъ быть увидѣть въ примитивныхъ „ловушкахъ“ на куницы бобровъ и другихъ шкуръ. Во всякомъ случаѣ участие капитала здѣсь столь незначительно, что его невозможно и принимать въ расчетъ.

Другой весьма важной статьёй сборовъ, шедшихъ съ государственныхъ подданныхъ, было *дьяло*. Оно состояло въ платежѣ натурою различными хлѣбами или сѣномъ; впрочемъ чаще всего упоминается о дьялѣ овсяномъ или житномъ. Однако подъ „дьяломъ“ едва ли можно разумѣть сборъ со всего, что уродилось въ крестьянскомъ хозяйствѣ, кромѣ скота, по крайней мѣрѣ въ государственныхъ имѣнiяхъ XVI в. М. К. Любавскій, давшій впервые точное опредѣленiе дьялу, не подтвердилъ его однако же примѣрами¹⁾. Думается также, что приведенная у О. П. Леонтовича указанiя на льняныя, коноплянныя и нѣкоторыя другiя дьяла (кромѣ дровяныхъ), не отнесены самими источниками именно къ разряду дьяловъ, да впрочемъ и эти факты относятся не къ государственнымъ добрамъ²⁾. Дьяло по своему значенiю среди натуральныхъ и денежныхъ податей можетъ быть сопоставлено съ *даньями*, и въ западныхъ державахъ имѣло аналогичное значенiе. Самый терминъ этотъ литовскаго происхожденiя и обозначаетъ дань—*tributum*, откуда дьяловники переводятся *tributarii*³⁾. Литовское происхожденiе этого термина и особенно то обстоятельство, что онъ встрѣчается въ древнихъ актахъ и имѣеть уже широкое распространенiе, когда польское влiянiе едва ли могло имѣть мѣсто, не позволяетъ самую эту подать считать заимствованною изъ польскаго серъ или *аннона дусале*⁴⁾. Въ такомъ предположенiи нѣтъ и нужды: дьяло, какъ и всякая другая натуральная подать, могло вполне самостоятельно развиваться на литовской почвѣ, подобно житницѣ и другимъ натуральнымъ сборамъ русскихъ и литовскихъ областей. Замѣтимъ, что такой въ данномъ случаѣ важный источникъ, какъ уставъ дья-

¹⁾ Област. дѣл., р. 316.

²⁾ Крестьянск. двор. Ж. М. Н. Прок. 1897 г., май, р. 35.

³⁾ Czaski Dziela, I, 84; Ярошевичъ, *Obraz Litwy*, I, § 89; Леонтовичъ, I, с. в. 35.

⁴⁾ Любавскій, о. с., 721; М. Ф. Владимiрскій-Булаковъ, Крестьянское земледѣлие Зап. Россiи въ „Чтенияхъ Общества Историо-графическаго“, кн. VII, р. 21.

рамъ 1529 г., прямо переводить дьяло словомъ дань: „жита наши данныи и овсы, т. е. дьяла“¹⁾. Другой вопросъ, насколько дьяло могло служить характернымъ признакомъ особой дьяловъ службы. Источники знаютъ терминъ земли дьяловъ, какъ и куничной, тиглою, данной. Но едвали въ господарскомъ хозяйствѣ были известны терминъ отдѣльной дьяловъ службы. Напротивъ само дьяло является составною,—въ известныхъ случаяхъ—важнѣйшею частью другихъ службъ. Дьяло могло быть принадлежностью нѣкоторыхъ специальныхъ службъ, но главнымъ образомъ источники связываютъ его съ тиглою службою. О тиглыхъ людяхъ источники обычно говорятъ, что они „службою тиглою служатъ и дьяло даютъ“²⁾. Однако тѣ же источники всегда раздѣльно говорятъ о тиглой службѣ и дьялѣ³⁾. Въ податныхъ реестрахъ отдѣльно отмѣчалась обязанность подданныхъ по тиглой службѣ и по дьялу⁴⁾. Отсюда и двойная характеристика податныхъ отношенiй, когда источники говорятъ о людяхъ тиглыхъ, дьяловыхъ⁵⁾. Такимъ образомъ въ представленiяхъ тогдашней администрацiи объёмъ тиглой службы не покрывалъ собою дьяла⁶⁾. Поэтому возможны отклоненiя въ такомъ смыслѣ, что могли быть тиглецы, не платившие дьяла, и дьяловники, не несшие тигла⁷⁾; тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности, можетъ быть именно благодаря уставамъ, господарское хозяйство знало тиглую службу всегда въ связи съ платежемъ дьяла. Поэтому дьяло можетъ считаться одной изъ основныхъ податей, вдущихъ съ тиглой земли, не смотря на встрѣчающiяся исключенiя.

Составъ тиглой службы не можетъ возбуждать сомнѣнiй. Служить тиглою службою означало выходить на работу господарской пашни—орать, бороновать и жать и на сѣновозъ—косить⁸⁾. Это была служба къ господарскому двору⁹⁾. Тиглая служба состояла

¹⁾ Акты Зап. Рос., II, р. 196.

²⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, 214.

³⁾ Напр. *ibidem*, р. 66, 83, 133, 208.

⁴⁾ *Ibidem*, р. 215.

⁵⁾ Акты Зап. Рос., II, № 99.

⁶⁾ Ср. замѣчанiе объ этомъ г. Любавскаго, о. с., р. 318; Леонтовичъ, I, с. р. 35; здѣсь же указывается и житiе Бернадскаго.

⁷⁾ Любавскій, о. с., 319, однако приводимый здѣсь фактъ относится къ городской землѣ.

⁸⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, 214.

⁹⁾ *Ibidem*, р. 208.

изъ пригона и толокъ¹⁾. Впрочемъ, характерной чертой тагла были только пригонъ, такъ какъ на толоки выходили и другія службы²⁾. Въ общемъ „потягы“ до изданія устава 1529 года отличались разнообразіемъ и, кромѣ того, сверхъ работъ по пашнѣ и сѣнокосу въ нее входили иногда и другія. Разнообразіе также проявлялось въ количествѣ отбываемыхъ дней службы и въ томъ, выходили ли на нее съ рабочимъ светомъ или безъ него. Это разнообразіе оставалось на замковыхъ земляхъ въ полной силѣ въ теченіе всего изучаемаго періода. Къ числу тяглыхъ людей должны быть отнесены также и ясачники: характеръ ихъ тяглой службы а также связь ея съ ординарною службою можетъ считаться вполне установленною³⁾. Замѣтимъ, что ясачники встрѣчаются только въ нѣкоторыхъ южныхъ замковыхъ селлахъ.

Дани, дякло и тягло составляли основные виды крестьянскихъ податей и повинностей, къ которымъ примыкають другія, болѣе мелкія или соотвѣтствующія имъ разновидности. Дякольникъ, даникъ и тяглицъ относились къ категоріи „простыхъ“ людей, какъ выражаются иногда акты⁴⁾. Въ этомъ смыслѣ все не военно-служилые разряды крестьянскаго населенія можно считать тяглыми, такъ какъ это понятіе то понималось широко⁵⁾, включалъ все разряды, обязанные лично отбывать какія-нибудь повинности вотчинныя или государственныя—вообще всякую „потягы тягнуги“⁶⁾, то примѣнялось въ узкомъ смы-

¹⁾ Ibidem, p. 133.

²⁾ Ibidem, p. 68. Такъ въ инвентарѣ Волковыскаго двора при перечисленіи специальныхъ службъ обычно говорится, что ови, идириш, сѣно косить, а таглой службѣ не служить (Любовскій, о. с., прил. № 8). Между тѣмъ по уставу 1529 г. тяглые „повинны установиче служить“ (Акты Зап. Рос., II, 196).

³⁾ Леонтовичъ, Крестьянскій дворъ, Ж. М. Н. Пр., 1897 г., май, p. 18 слѣд.

⁴⁾ Люди Мерещіе ждаловались на Ява и Оелора Сопежичей, что тѣ считаютъ ихъ даниками, тогда какъ они, бояре, Ездилъ на войну. На судѣ они представили листы Казимира и Сигизмунда I, въ которыхъ же листехъ бояри ихъ не мекуютъ и не одно они, але и выше потужинки стоить выписави, ажеди только стоить, аки ови не знаютъ саду господарского стержчи и дроби и ови на дворъ господарскій возити, а то не стоить, аби они на войну ездилъ. Мы бачачи то, аки ихъ в тыхъ листехъ бояри не мекено, а се считалиเสมอ ихъ, давали ли они дякла на господаря его милость. Они сами ся передъ нами и тому признали, же дикла хлани дякы—поэтому они признали „простыми“ людьми и оставлены же Сапскалчачи. Кн. Зап. Лит., XXV, з. 183, 1529 г.

⁵⁾ Леонтовичъ, Пр. дворъ, Ж. М. Н. Пр., 1897 г., апр., 413 сл. Ср. очень интересное повѣстіе тагла у Куря, о. с., p. 15, 16.

⁶⁾ Кн. Зап. Лит., XII, з. 27 об., Литв. Лит.-рус. соч., I, 87.

слѣ къ людямъ, обязаннымъ ходить на пригонъ и давать тягло¹⁾. Обширное господарское хозяйство съ его разнообразными задачами частнаго и государственнаго характера не могло довольствоваться только даниками, тяглицами и дякольникими. На господарскихъ земляхъ жило много другихъ разрядовъ служебныхъ людей, служба которыхъ имѣла связь съ эксплуатацией сельскаго хозяйства, или состояла въ службѣ въ господарскомъ дворцѣ; наконецъ слѣдующая категорія служебныхъ людей—это замковые слуги и низшіе разряды военно-служилыхъ людей. Для всѣхъ этихъ людей службы были по-разному, лежавшими на принадлежащей имъ землѣ. Такимъ образомъ и частная служба хозяйства и дворца и нѣкоторыя государственныя службы удовлетворялись общимъ источникомъ—повинностями съ господарскихъ земель. Такъ хозяйственное значеніе имѣли слѣдующія службы: лѣсное хозяйство обслуживали оочники²⁾, лопцы³⁾, мислицы⁴⁾, псарцы⁵⁾ сюда же могутъ быть отнесены бортники⁶⁾, бобронники⁷⁾, сокольниковы⁸⁾, рогатинники⁹⁾, наконецъ стрѣльцы. По дворовому хозяйству служили рыбаки, о службѣ которыхъ акты упоминають еще съ XIV в.¹⁰⁾, прудники, занятые исправленіемъ мельниц¹¹⁾ соленики¹²⁾, узварцы служить узварскую службу¹³⁾, текунцы¹⁴⁾ опши-

¹⁾ Для иллюстраціи сказаннаго приведемъ показанія старцевъ о повинностяхъ Сениы Васковича. Старцы на судѣ наместника Дорогидьяго показали: „Тыи старцы рускы и ляхове такъ состави передо мною и за то хотели прискитуги, што еще отецъ ихъ Васко (отецъ Сениы Васковича) хоругвою наививалъ за великого князя Витолта а за Жакимонта... потажи и съ ними не тягнуги, недели не стержчи, на городъ не кличивали и на потажи не тягивали и за сепиромъ не хоживали, подводи не служивали за великого князя Витолта и за Жакимонта“. Кн. Зап. Лит., XXV, з. 238 об.

²⁾ Кн. Записей Лит., XXIV, з. 165 об.; Акты Зап. Рос., II, № 149; Ревизія пущь, 60.

³⁾ Акты Лит.-рус. соч., I, 183.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., XII, з. 109 об.

⁵⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVIII, з. 457 об., Кн. Зап. Лит., XII, з. 162 об.

⁶⁾ Акты Зап. Рос., I, 20, 187.

⁷⁾ Ревизія пущь и переходовъ, 352.

⁸⁾ Леонтовичъ, Акты, №№ 34, 41; Кн. Зап. Лит., XXIV, з. 117 об., 118.

⁹⁾ Кн. Судъ Дѣлъ Лит., XXXV, з. 413.

¹⁰⁾ Длинноволы, Scarbee, № 544.

¹¹⁾ Докл. Моск. Арх. Маг. Юст., I, p. 94.

¹²⁾ Кн. Зап. Лит., XII, з. 44.

¹³⁾ Кн. Зап. Лит., XXXI, з. 32.

¹⁴⁾ Любавскій, о. с., прил. № 8.

ники ¹⁾, оребники, мучники, итаевичники, лейты ²⁾, медоситцы, медоварцы, садовники ³⁾, скатертички ⁴⁾, стрименники ⁵⁾ и др. Такая крупная отрасль господарского хозяйства, как коннозаводство, удовлетворялась службами машталеров ⁶⁾, конюхов ⁷⁾, кобыльничков ⁸⁾, конюхоридцев ⁹⁾.

При дворах и замках были также разнообразный состав ремесленников, сидевших на землѣ и отбывавших за эту землю соответственные службы; иногда они не имѣли на службѣ панни, но не платили никакихъ подарковъ отъ своего дама, огорода или еще и пользовались „горчичной вольной отъ платовъ“. При замкѣ Оршанскомъ слесари и ковчовники имѣли на слесарской службѣ панни, кушеры и гончары—только дома ¹⁰⁾. При Гералонискомъ замкѣ встрѣчаемъ балзера и загармистра, которые „в мѣсте Гералонискомъ домами своимъ сидятъ и огорода мьютъ“; они не платятъ съ прутьевъ своихъ чиншу, потому что „господарю въ томъ мѣсте панномъ ремесломъ своимъ уставиче служатъ: балзеръ машталеровъ и позиндъ паннихъ, которые тамъ при конехъ паннихъ мѣшкають, и которыхъ ты, панне конюшій, отседь тамъ на лекарство посылаешь, съ хоробъ выбрауешь; а лекармистръ того ремества своего пильуешь и зекгаръ панравуешь“ ¹¹⁾. Затѣмъ встрѣчаемъ при замкахъ на землѣ кравцовъ на кравецкой службѣ, римарей, муралей ¹²⁾, кленачей ¹³⁾, шугиниковъ ¹⁴⁾, теслей ¹⁵⁾, плотниковъ ¹⁶⁾. На Витебскомъ замкѣ были ковали, несшіе особую ковальскую службу ¹⁷⁾. Правда, иногда замковые ремесленники рабо-

¹⁾ Кв. Зап. Лит., XXIV, з. 53.

²⁾ Любавскій, о. с., 176—177, 803, прилож. № 29, 33 и др.

³⁾ Кв. Зап. Лит., XXV, з. 183.

⁴⁾ Акты Вил., XIII, р. 24.

⁵⁾ Кв. Зап. Лит., VI, з. 56 об.

⁶⁾ Кв. Зап. Лит., XXXI, з. 19 об.

⁷⁾ Леонтовичъ, Акты, № 52, 111, 713; Кв. Зап. Лит., XVII, з. 498.

⁸⁾ Рен. № 218.

⁹⁾ Кв. Переписей Коронныхъ, XXVII, з. 8, 16.

¹⁰⁾ Документы Моск. Арх. Минист. Юст., I, 129.

¹¹⁾ Кв. Зап. Лит., XLII, з. 56, 57 (1560 г.).

¹²⁾ Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, 71.

¹³⁾ Кв. Зап. Лит. XIV, з. 77 об.

¹⁴⁾ Памятникъ Киевск. Архивогр. Ком., IV, р. 169.

¹⁵⁾ Кв. Зап. Лит., XXXVII, з. 121.

¹⁶⁾ Леонтовичъ, Акты, № 453.

¹⁷⁾ Кв. Судн. Дѣл. Литовск., IX, 120 об.

тали по найму, но это случалось довольно рѣдко. Въ такомъ же положеніи находились и замковые пушкари ¹⁾, салетрепники ²⁾ и иѣкоторыя другія службы, т. е. они служили или на платѣ ³⁾ или на землѣ.

На господарской землѣ сидѣли и несли съ нея службу и личные дворцовые слуги господара. Такъ господарскій царульничъ Л. Вольфъ получилъ на своей службѣ въ Олитской пушкѣ 15 волокъ пахотной земли и 2 волоки сѣвожатной ⁴⁾. Кухари дворные имѣли на кухарской службѣ надѣль въ двѣ волоки и были освобождены отъ всякаго иного тягла ⁵⁾. Въ такомъ же положеніи находились пекарцы, обрусные ⁶⁾, конюхи дворные ⁷⁾. Многочисленный разрядъ одверныхъ слугъ, которые „уставиче у двора нашего мѣшкають и служатъ и во впокояхъ паннихъ у дьерехъ стоять“ ⁸⁾, пользовался, повидимому, наибольшими льготами. Нѣкоторые изъ нихъ сами и съ женами пользовались шляхетской навазкой за безчестье ⁹⁾, а по указамъ обоихъ Сигизмундовъ всѣ одверные получали за безчестье по 12 рублевъ ¹⁰⁾. За себя лично они не платили, подобно шляхтѣ, серебщины ¹¹⁾. Кромѣ дачь земли на одверничьей службѣ ¹²⁾, встрѣчаемъ еще и дачи на

¹⁾ „Пушкари замковой Олекскій земанъ имѣтъ на пушкарствѣ землю пустоховую Бодкоковину“, Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 92. Пушкари Городецскій имѣтъ домъ и фольварокъ, при чемъ обязаны „намъ служить и вселеннѣ потреби пушкарскими справовати, какъ и первый пушкаръ съ того дому и фольварку служилъ“. Кв. Зап. Литов., XII, з. 229. Ср. Кв. Зап. Лит., XXXI, з. 36 об. или въ Кв. Зап. Лит., XXIV, з. 107 (1541 г.): пушкаръ возлучаетъ въ Витебскомъ повѣтѣ землю: „А тотъ пушкаръ паннъ Кузма тыхъ земанъ не имѣтъ ни продавати, ни отдавати, ни заставлати, деть оны сямъ и панотомъ, дети его и потомки его мьютъ намъ службу пушкарскую на томъ замку панномъ Витебскомъ, служити, ако и передъ тымъ оны служилъ, нижанъ съ тыхъ земанъ не имѣтъ оны инокоторе службы служити и подарковъ давати и на бобротоговъ посылати кромѣ имѣтъ службу пушкарскую служити“.

²⁾ Салетрепникъ Явѣ (въ Дорогичинѣ) имѣтъ вольную корчму, домъ и право на дрога изъ оуцы, Кв. Зап. Лит., XXXI, з. 111.

³⁾ Намр., Кв. Зап. Лит., XII, з. 399.

⁴⁾ Кв. Зап. Лит., LIY, з. 73 об.

⁵⁾ Кв. Зап. Лит., XLII, з. 1 об.

⁶⁾ Ibidem, passim.

⁷⁾ Кв. Зап. Лит., XII, з. 229.

⁸⁾ Кв. Зап. Лит., XXIV, з. 143 об.

⁹⁾ Ibidem, I, с.

¹⁰⁾ Кв. Зап. Лит., XXXI, з. 171.

¹¹⁾ Ibidem, р. 176.

¹²⁾ Кв. Зап. Лит., XXXVII, з. 335 об.

палацкой службѣ (въ палацахъ)¹⁾, музыкамъ господарскимъ²⁾, карламъ и пр. Иногда и центральное правительство пользовалось специальными службами; напр., при скарбѣ былъ особый слесарь, „который до скарбу нашего речи слесарские робить“³⁾, были при скарбѣ и особые служебники, обвѣщенные сторожить скарбъ⁴⁾ и др.

Предшествующія бѣзлая указанія на службы имѣютъ цѣлью не столько охарактеризовать ихъ служебное значеніе—въ этомъ нѣтъ особой нужды ввиду предшествующихъ трудовъ,—сколько напомнить объ ихъ разнообразномъ составѣ. Для насъ гораздо важнѣе отмѣтить, что многія изъ этихъ службъ рядомъ съ своей основной повинностью несутъ и другія. Одни изъ этихъ добавочныхъ платежей и повинностей такія же, какіе несутъ тягальцы, напр., вѣсьба сѣна, взносъ дьякла, выходъ на толоку, по другія службы уже относятся къ военному дѣлу. Это обстоятельство не дѣлаетъ, повидно, ихъ тягальцами потому что у нихъ есть своя опредѣленная служба. Такъ, по инвентарю Волковыскаго двора, различныя дворовыя службы несли еще и добавочныя другія—нѣтъ. Напр., рыболовы—„рыбою служить, а дьякла не дають“⁵⁾. Рудники тоже служатъ только свою службу. Угольщики, кромѣ угольной службы, дають „по вѣпру съ службы“, по дьякла не дають. Бортовики—„службы тяглое не служатъ и дьякла не дають“, т. е. съ нихъ идетъ одна бортовичья служба. Служба другихъ, однако, разнообразнѣе. Вобровники—не служатъ тяглою службою, однако дають дьякла, сѣно косятъ, а на толоку не ходять. Иные изъ службъ сверхъ того и на войну ходять. Напр., савички тяглою службою не служатъ, но ходять на толоку, косятъ сѣно и на войну ходять, но не дають дьякла. Также говорится о сторожахъ. Соленики сверхъ своей службы на войну ходять⁶⁾. Также явленіе мы встрѣчаемъ и по отношенію къ другимъ службамъ. Нѣкоторые изъ клещичей вѣдуть на войну кромѣ исполненія своей службы⁷⁾. Напр., при ошвиничкой службѣ давали отъ службы по конѣ грошей и „иные всякие подачки, потому какъ и иныя ошвинички служатъ и подачки дають“⁸⁾. При оребничкой

¹⁾ Кн. Зап. Лиг., XXXIX, л. 230 об.

²⁾ Кн. Зап. Лиг., XXVI, л. 362 об.

³⁾ Кн. Зап. Лиг., XLII, л. 57 об.

⁴⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, р. 214.

⁵⁾ Помѣщено у Львовскаго въ прилож. № 8.

⁶⁾ Кн. Запис. Лиг., XIV, 77 об.

⁷⁾ Кн. Зап. Лиг., XXV, л. 53.

службѣ идетъ и дьякло¹⁾. Конюшенная служба иногда соединяется съ платежемъ дьякла²⁾, а иногда и дани³⁾. Кобыльщики, напр., кромѣ своей службы обвѣщены были терсѣть дорогу⁴⁾. По указываемымъ фактамъ добавочныхъ службъ не являются принадлежностью цѣлой группы службъ и во всемъ государствѣ, но составляютъ лишь мѣстныя особенности, касающіяся того или иного двора или отдѣльной семьи. Больше общій характеръ носить участіе нѣкоторыхъ службъ въ военной службѣ. Такъ, переписи 1528 г., на войну выходить слѣдующіе служебники. Впрочемъ, о классахъ сельскаго населенія, несшихъ военную службу, намъ еще придется говорить впоследствии.

Намъ остается еще сказать о высшихъ разрядахъ сельскаго населенія, несшихъ вотчинныя повинности и сборы, именно о боярахъ. Повидному, бояре путные, пайцырные и щигные обвѣщены были тѣми или иными вотчинными повинностями въ зависимости отъ разныхъ мѣстныхъ условій. Такъ, встрѣчаются службы путниковъ, обвѣщенныхъ давать дьякло⁵⁾, платитъ дань⁶⁾; пайцырные Марковскіе слуги ходять къ двору съ топоромъ, косяю и дають дьякло⁷⁾. Ошвинскіе путники тоже выходять съ топоромъ и косяю на работу⁸⁾. По уставу дворами Троцкого и Виленскаго повѣтовъ бояре путники, осочиники, бортовики и др. выходять на толоку и дають осадный платъ⁹⁾. Въ Подлянѣ и въ Подвиньѣ путники пользовались большими привилегіями. Полоцкіе путники „плату изъ котораго до скарбу нашего (господарскаго) не давали, одну службу военную конемъ служивали“¹⁰⁾. Также повѣстно

¹⁾ Дубавскій, о. с., р. 776.

²⁾ Ibidem, р. 843.

³⁾ Ibidem, р. 328.

⁴⁾ Кн. Зап. Лиг., XVI, л. 51 об.—52.

⁵⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, 70.

⁶⁾ Ibidem, р. 136.

⁷⁾ Кн. Суды. Дѣл. Лиг., IV, л. 12 об.—13. Пайцырные слуги Марковскіе жаловались на державцу: „что жъ дѣи отъ тебе и отъ твоихъ владимиковъ кривды и тяжкосты ся великие дають, повина дѣи отъ твоихъ уволнись, послышалъ у подводы, а ласты своими и казель имъ на дворъ дерево косятъ и с топоромъ на работу ходять“. Навелена была справля, а старши и мужи показали, что эти слуги: „у подводу не сдѣлывали и коней не возжиали и не подтребали, только конемъ служать, на войну садять и с сохомъ и з бороною и с косяю и з сервомъ некоторые вродиче дни робить“ (Ibidem, л. 166).

⁸⁾ Кн. Переп. Кор., XXVII, л. 11.

⁹⁾ А. З. Р., II, 196.

¹⁰⁾ Кн. Зап. Лиг., XXXVII, л. 83 об.

и относительно, напр., могилевских путников¹⁾ и др. По донесціям Полоцкаго старосты путники даютъ въ скарбъ только бобровщину — разумеется, тѣ только, которые пользуются бобровыми гонами, по за то они даютъ нѣсколько платовъ на мѣстную администрацію²⁾. Нѣсколько выше путниковъ и панцирныхъ стояли жмудскіе бояре — ройтиники; вѣроятно, это было мѣстное названіе бояръ³⁾. Въ литовскихъ повѣтахъ тоже значеніе имѣетъ посѣдное боярство: оно не было хоругвинымъ⁴⁾, т. е. шляхетствомъ въ собственномъ смыслѣ. Положеніе его было такое же, какъ и положеніе бояръ на службѣ частныхъ вотчинниковъ, и по происхожденію своему это боярство на господарскихъ земляхъ является именно съ переходомъ частныхъ вотчинъ къ господарю. При Сигизмундѣ Августѣ, когда служба земская съ господарскихъ имѣній дѣлается обязательною, скарбъ увеличивается ряды этого боярства.

Изложенныхъ бѣдныхъ указаній⁵⁾ вполне достаточно для того, чтобы убѣдиться въ разнообразіи податныхъ обязанностей специальныхъ службъ. О какой-нибудь правильности и послѣдовательности по отношенію ко всѣмъ службамъ не можетъ быть и рѣчи. Во многихъ случаяхъ наростаніе побочных сборовъ могло сложиться на той или иной службѣ путемъ какого-нибудь прецедента, слѣвія со службой неокладной оброчной земли и угодій и т. п. Однако уставы обоихъ Сигизмундовъ вводятъ повѣстную инвентаризацию въ повинностныя отношенія специальныхъ службъ. Дривнѣйшая устава дворянъ Виленскаго и Трочкаго повѣтовъ имѣетъ лишь виду сокращеніе нѣкоторыхъ службъ, излишнихъ для двора. Такъ, она предписываетъ оставить при дворахъ бобровниковъ, ковалей и солениковъ на ихъ специальной службѣ „съ потребу“⁶⁾, столько, сколько на годъ „въ томъ дворѣ намомъ можно обойтиса“⁷⁾, а остальныхъ или облагать день-

¹⁾ Акты Зап. Рос., I, 366.

²⁾ Scriptores rerum polonicarum, V.

³⁾ Люди волостные пенявскіе показывали относительно трехъ бояръ: „кабы они передъ тымъ были слуги путника, а не бояре, а заклады передъ тымъ а державцы того двора нашего Пенявскаго здавна ежичивали при возехъ ихъ, а посели давши и службу ройтевицкую служивали, где имъ роскажутъ“ (Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 135. Ср. свидѣтельство Жмудской устава 1529 г. (Акты Зап. Р., II, 201).

⁴⁾ Любавскій, о. с., р. 542.

⁵⁾ Большой подборъ аналогичныхъ фактовъ см. въ книгѣ Любавскаго „Областное дѣленіе“, р. 323 сл. Ср. Ф. И. Леонтовича, Крестянской дворъ, Ж. М. Н. Пр. 1897 г., № 5, р. 1 сл.

гами (солениковъ), или сажать на оброкъ; ковалей давали оброкъ по конѣ грошей¹⁾. Это первая общая попытка въ регулированіи службъ, но, какъ видимъ, слишкомъ слабая и неопредѣленная.

Устава 1529 г. вводитъ болѣе важныя постановленія. Прежде всего она относится уже ко всѣмъ дворовымъ службамъ и отчасти къ не-дворовымъ. Такъ, ея постановленія касаются бояръ путныхъ, осочниковъ, рыболововъ, боргниковъ, ковалей и другихъ подданныхъ, „которые тяглоѣ службы не служатъ“. Всѣ они обязаны „сѣно косити по старому“ и сверхъ того выходить на толоку 12 дней; работа на толокѣ — исключительно касается обработки пашни. Далѣе, излишнія количества дворовыхъ службъ устава предлагаетъ отсаживать на осаду, „а также съ тыхъ людей, ино осочниковъ, рыболововъ, ковалей на дворную потребу по колку службъ оставити“²⁾. Бособа сѣна для нѣкоторыхъ службъ, какъ видимъ, была исконною повинностью, по толоки — повинной, противъ которой въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ подданные протестовали. Такъ осочники Переловскаго двора жаловались на то, что намѣстникъ, на основаніи новой устава, заставляетъ выходить на дворовую пашню и платить осадные пенизы; между тѣмъ основныя ихъ служба заключалась въ сторожѣ дѣса. Король освободилъ ихъ отъ толокъ³⁾. Новая устава вызвала такимъ образомъ такое толкованіе, что съ осочниковъ державцы стали требовать, сверхъ ихъ коренной службы, еще осады и толоки, установленныя ею. И это было вводимое не въ одномъ Переловѣ. Писарь двора Виленскаго повѣта правернулъ осочниковъ Дарунишской державы къ тяглоѣ службѣ; тѣ протестовали и жаловались королю, говоря, что „они заклады уставичне пуць пашнихъ Дарунишское Ковенское стерегутъ и в осоку ездятъ, а такъ трудно дей имъ на двое служити, бо дей они николи за предковъ пашнихъ тяглоѣ службы не служивали, и подачокъ не давали, ни жили здавна пуць пашное стереживали а иныше дей з нихъ ездичивали на войну“⁴⁾. Только около времени введенія волочной системы вопросъ о дворовыхъ службахъ, а также о инышемъ военно-служиломъ классѣ господарскихъ державъ и волостей былъ окончательно урегулированъ.

¹⁾ Любавскій, о. с., прилож. № 23.

²⁾ А. З. Р., II, р. 196.

³⁾ Книга Зап. Лит., XVII, л. 43.

⁴⁾ Книга Судн. Дѣлъ Лит., IV, л. 340.

Выше уже несколько раз приходилось упоминать о возможности перехода как тяглых людей, так и служебников на осадку. Это приводит нас к рассмотрению различных видов эксплуатации скарбомъ земель и угодий на условияхъ известной платы, независимо отъ служебнаго положенія того или иного лица. Эти формы эксплуатации земель на „платѣ“ были весьма разнообразны, такъ какъ онѣ незамѣтно сливаются съ различными формами эксплуатаціи оброчныхъ статей.

Рассмотрѣнныя выше доходныя статьи господарскаго скарба, шедшія съ подданныхъ, раскладываются на службы, какъ на известныя единицы обложенія. Живущіе на этихъ службахъ крестьяне не пользуются правомъ собственности (въ тогдашнемъ ея значеніи) на занятыя ими земли. Однако рядомъ съ крестьянскими землями въ средѣ господарскихъ волостей и державъ были и такія пахотныя земли или угодія, которыя сдавались крестьянамъ на условияхъ оброка. Въ русской исторической литературѣ составилось прочное представление объ оброкѣ, какъ объ арендной платѣ съ государственныхъ имуществъ¹⁾.

¹⁾ Куди объясняетъ оброкъ въ широкомъ его значеніи, какъ „плату за пользование известными предметами“; но при этомъ онъ отличаетъ оброкъ, какъ доходъ съ государственныхъ имуществъ и рентазіи, и оброкъ, какъ „податъ платимую взаменъ разнообразныхъ повинностей и сборовъ“ (О примѣхъ налоговъ, р. 24). Также различаетъ понятіе оброка и Толстой (Финансы, учрежд., 19, 20). Эти опредѣленія, сдѣланныя не безъ вліянія соизвѣстнаго Гегелевскаго (Разъ, о финансахъ древней Россіи, 93), вызвали однако возраженіе со стороны Осокина, который видитъ въ оброкѣ „плату правительству за предоставленіе права частному лицу или установленію пользоваться землею или также заниматься какою либо промышленіемъ, принадлежащимъ по преимуществу казѣ, даже вообще такъ называемый сборъ за предоставленіе какой либо привилегіи“. Это опредѣленіе, стоя ближе къ истинному смыслу источниковъ, страдаетъ однако, въ послѣдней его части, широтой, не соответствующею характеру оброка. Впрочемъ, приведенныя самимъ авторомъ грамоты источниковъ показываютъ, что и онъ самъ подходитъ уже къ понятію возмезднаго оброка, какъ аренды за пользование государственными имуществами (О понятіи промышленнаго налога, р. 33—34). Незабываемскій, а за нимъ повѣйшіе исследователи опредѣленно считаютъ оброкъ арендой платой, которая съ прикрѣпленіемъ крестьянъ, по замѣчанію Г. Ланго-Данцлевскаго, превратилась въ потомственную аренду, объемы которой опредѣлялась по столько договоромъ, сколько обычаямъ (Организ. пр. обложенія, 36). См. также Милькова, Спорные вопросы, II. О повгородскихъ оброчныхъ земляхъ и оброкѣ съ нихъ см. интересныя замѣтки въ архив. Сергія, Новгородскій уѣздъ Вотской платы по писцовой книгѣ 1600 г. Изслѣд. экономич. оч. М. 1900 г., р. 34, 37 и др.

По опредѣленію Незабывскаго оброкъ отличался отъ тягла тѣмъ, что „составляли наемную плату за разные отдѣльныя статьи дохода. Величина оброка соразмѣрялась съ важностью оброчной статьи, а не съ обширностью хозяйства, оброчнику принадлежало¹⁾“. Съ такимъ же характеромъ возмезднаго оброка мы встрѣчаемся на западно-русской почвѣ. Литовско-русская аренда земли, какъ и другія ея средневѣковыя формы, имѣетъ черту, отличающую ее отъ современныхъ формъ арендныхъ договоровъ: въ современномъ договорѣ существеннымъ условіемъ является срочность его или безсрочность; тогда какъ въ средневѣковомъ договорѣ найма земли онъ предполагается безсрочнымъ, и высота арендной платы или продолженіе договора зависятъ отъ воли верховнаго собственника земли, имѣющаго на нее *dominium emphyteuticum*. Обычай и косность сельскохозяйственной жизни дѣлали оброчную плату малоподвижной и самое пользованіе для держателя весьма устойчивымъ, — настолько, что самое тогдашнее пользованіе незамѣтно сливалось съ нѣкоторыми видами тогдашняго землевладѣнія.

Оброчные платежи²⁾ въ западно-русскихъ актахъ обыкновенно называются проками, врочными, врочными платами. Иногда оброчныя земли назывались „поклонными“, потому что раздавались „съ поклономъ“³⁾. О врочныхъ платахъ говорятъ уже памятники XV в. Напр., при Алевсандрѣ изъ Буйгородка, Катани и др. волостей изъ скарба шло врочное серебро⁴⁾. Въ удѣльныхъ книженіяхъ тоже было известно способъ отдача земель на процистомъ платѣ⁵⁾. Въ XVI в. въ господарскихъ имѣніяхъ врочныя платы брались обыкновенно деньгами, почему оброкъ, какъ „платя голый пеняжый“, противопоставляется натуральнымъ⁶⁾. Въ Подлискихъ и Подѣбровскихъ волостяхъ оброкъ

¹⁾ Собраніе сочиненій, Киевъ, 1884, р. 13.

²⁾ Хотя известно выраженіе „оброчныя пенязи“. Ср., напр., вѣсть короля вискраму скарбнымъ съ прикѣпленіемъ отенять при расчетѣ въ скарбѣ старость бобруйскому Станиславу Довоичѣ 23 копей и 2 гроша польскихихъ, которые онъ платилъ мисавнамъ и стурькамъ во время королевскихъ лововъ нахъ пенязей „оброчныхъ“, Бл. Зап. Лит., XXXVII, л. 402 об. (1560 г.).

³⁾ Бл. Зап. Лит., XLIV, л. 162.

⁴⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, 51.

⁵⁾ Напр. Ревшія пущь и пр., р. 336. Ср. въ австраліи Кіерной земли 1471 г., гдѣ пустошныя отдаются на „полуюкѣ“ или на „третній“ (р. 8), на „вродѣ“ (р. 2, 3). О сдачѣ земель „съ третн“ см. еще въ Актахъ Леонтовича XX 238, 359.

⁶⁾ Бл. Зап. Лит., XLVII, л. 1—2.

сь пахотной земли носилъ названіе полема ¹⁾. Впрочемъ, поземъ здѣсь вѣдывалась обыкновенно на частновладѣльческихъ земляхъ ²⁾. На господарскихъ же земляхъ оброкъ иногда назывался кунцею, кунчанымъ платомъ.

Въ оброкъ господарскимъ скарбомъ сдавались какъ напашенныя земли, такъ и различныя уголья и пустощины, т. е. оставленныя крестьянска службы. Въ некоторыхъ мѣстностяхъ существовали обширныя оброчныя статьи и тогда уплата оброка за нихъ принимала опредѣленныя формы. Но сверхъ этого оброчныя земли встрѣчались повсемѣстно среди волостей, почему и условия пользованія ими были различны. Арендная плата для земель послѣдняго рода назначалась сообразно ихъ хозяйственной цѣнности. „Того во всѣхъ дворехъ напашахъ,—говорить листъ 1540 г. относительно раздачи пустошскихъ земель,—у лобачанъ веть, абы ото всякихъ таковыхъ земель в ровность платъ на насъ мель приходитя: някли отъ иншиа отъ добрал по воне грошей платитъ, а отъ подлейшихъ по сороку и по полукошы грошей“ ³⁾. Разумѣется, принималась въ расчетъ и размѣръ снимаемой земли. Вообще размѣръ оброчной платы зависѣлъ отъ условий, на которыхъ подданный получалъ землю. Такъ, когда господарскій писарь принималъ въ скарбъ вымороченное, послѣ Гапшольдовъ имѣніе Радомковичи, онъ перелагалъ старые оброчныя натуральныя платежи на деньги. Напр., одну пустошскую землю, держанную на бочкѣ соли, писарь предложилъ на платъ въ 30 грошей; этой земли было на 10 бочекъ и сѣнокоса на 12 возовъ ⁴⁾; въ другихъ случаяхъ назначались платѣ въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, очевидно, сообразно качеству и количеству землѣ ⁵⁾. Князь К. Острозскій получилъ въ 1498 г. волость Вѣлицкую изъ Смоленскомъ поветѣ, въ которой нѣсколько человекъ сидѣли „на прощѣ“, одинъ платилъ „четыре веры колеса“, другой—медовую дань и т. д. ⁶⁾.

Сидѣвшіе на оброчной землѣ получали ее или на основаніи устного распоряженія державца или старосты, которое записывалось въ инвентарі, — какъ это мы видѣли въ Радомковской державѣ, — или

¹⁾ Акты Зап. Рос., I, 103.

²⁾ Scriptores rerum polonicarum, t. V; ровнія Полоцца passim.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XXIV, з. 86.

⁴⁾ Докл. Моск. Арх. Мн. Юст., I, 103.

⁵⁾ Ibidem, p. 100, 109 и др.

⁶⁾ Лѣбавскій, прил. № 2.

получали листъ отъ державца, а иногда и отъ короля. Въ листѣ обыкновенно указывается размѣръ плата и объемъ держанія „за всѣмъ тымъ, какъ предкове его отъ давнихъ часовъ держали и уживали до воли и ласки нинше господарское на сороку грошей литовскихъ“, — какъ говорятъ одинъ такой листъ ¹⁾. Въ иныхъ листахъ еще содержится объявленіе объ освобожденіи подданныхъ отъ разныхъ другихъ службъ и дачекъ. Такъ, двое подданныхъ с. Стадниковъ Дорочницкаго повета, прося о подтвержденіи земли на платѣ, данной имъ королевою Болою, „повелили передъ нами, штожь королева наша великая клягиня ее милость Бона прижала ихъ за подданныхъ своихъ и вызволила ее милость ихъ отъ всѣхъ службъ и дачекъ замковыхъ, някли росказали имъ себе служить и плату впрочистю давати каждому с нихъ особно въ кождый годъ святого Мартина по два золотыхъ червешныхъ потому, какъ и нинше поддани ее милости“, сидѣще въ томъ же селѣ, платати ²⁾. Для выясненія условий, на которыхъ земли отдавались на впрочистомъ платѣ, приведемъ еще нѣсколько примѣровъ. Довецъ Лидской волости выпросилъ въ 1540 г. у господара подтверженіе на данную ему державцею землю „на впрочистомъ плату“, земля дана ему на прощѣ „по 40 грошей а толохъ 12 на лето служить, а иншихъ службъ и подачекъ“ отъ не исполнять; державца дать землю „до ласки“ господарской, но въ господарскомъ листѣ ³⁾ ничего не сказано о срокѣ, т. е. условіе остается прежнее. Другой подданный той же волости получаетъ землю пустошскую на поль-службы „на платѣ“ въ 30 грошей при шести толовахъ въ лѣто, съ освобожденіемъ отъ всякихъ службъ ⁴⁾. Подданный Еско получаетъ землю конюшескую пустошскую на „впрочистомъ плату“ въ 20 грошей безъ всякихъ другихъ условий. Листъ данъ „до воли господарское“ ⁵⁾. Иногда пустошская земля, съ которой давно службы нѣтъ, отдается совсемъ безъ всякого плату ⁶⁾.

Листы отдають землю обычно „до воли и ласки господарское“. Однако на впрочныхъ земляхъ подданные иногда жили поколѣніями и господаи охотно подтверждали потомкамъ держателей тѣ земли.

¹⁾ Кн. Зап. Лит., LXXXII, з. 27.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XII, з. 142 (1524 г.).

³⁾ Кн. Зап. Лит., XXIV, з. 98 об. 1524 г.).

⁴⁾ Ibidem, з. 195 об. 196.

⁵⁾ Ibidem, з. 197.

⁶⁾ Ibidem, 197 об.

которая обработана уже их предками¹⁾. Вообще скарбь шизмально относился ко всякой мелiorаціи на землях подданных, охотно отступая даже отъ уставъ, когда требовалось сохраненіе хорошо воздѣланнаго участка земли²⁾.

Оброчныя земли, о которыхъ мы только что говорили,—большее частью такъ называемыя „острова“ или „розробки“. Получающійся съ такихъ земель врочный платъ увеличивалъ скарбовый доходъ вследствие поступленія въ хозяйственный оборотъ новыхъ земель, но особенно скарбовая администрація стремилась къ сдачѣ на оброкъ пустоши, т. е. покинутыхъ крестьянами служебныхъ земель. Это были уже культурныя земли—готовыя росшши, лѣзтва, борты; наконецъ, это были земли уже числившіяся въ скарбовомъ окладѣ. Неудивительно, что всѣ инструкции державцамъ переполнены вставленіями и приказаніями, касющимися эксплуатаціи этихъ пустошинъ. Пустовскія земли иногда отдавались дѣльникомъ, т. е., вся служба. Это означало получать землю на „особую“ службу, т. е., когда крестьянинъ бралъ, сверхъ своей службы, еще и дѣлюю пустовскую землю. Такъ, люди Наровичъ Переломской державы получили отъ короля пустовскую дѣловую землю съ обязательствомъ служить съ нея и

¹⁾ Приведемъ, въ сокращеніи, любопытный въ этомъ отношеніи актъ. Сигизмунду-Августу бѣгая челоуъ подданный Мартинъ Чехъ „и повѣдалъ передъ нами, изъ первой сего король его милость пать отецъ вашъ далъ ему у волости Переломской въ Новемонъ землю бортевую на имя Андрушовичину на плату пашоуъ врочистомъ на ошидесятъ грошехъ, на которую первой челоуецъ волости Переломской на имя Васюкъ его за сына место себе былъ взалъ и самъ шмеръ, которую жъ землю за мытомъ и данною короля его милости паша отца пашого оны и товари и рукавъ своимъ держитъ и тотъ платъ врочистый с нее вознать. И оный знеть его прозвской милости на туу землю передъ нами оны покладакъ. И были намъ челоуъ, абыхмо при томъ востанши и туу землю лштомъ нашимъ ему подтвердимъ. Ино мы... на чолоубитъ его то вчичили, при той земли Андрушовичине его самого, жону и дѣти его воставуемъ и то имъ снвъ лштомъ нашимъ потвержамъ до вози и лшски пашое господарское: нехай они туу землю на себе держатъ и вчичиваюу. А тотъ платъ врочистый намъ с нее вознать подле лшсту дашине поролл его милости паша отца пашого“ (1546 г.), Кн. Зап. Лит., XXIX, л. 79 об.—80.

²⁾ Подданный двора Красницкаго Запъ жаловался на державцу Я. Войну, что оны при помѣрѣ отпшмаетъ у него засаженную садомъ волюку и передаетъ другому: на волость Запъ „насадитъ и пришеитъ садъ нехалый, аблоуи и грушкы дерева съ поторы кони“. Господарь оставилаетъ волюку за подданнымъ, хотя это иррешитъ ворядокъ волючной помѣры.—абы оны праціи и накладу своего отдалены не былъ“ (Кн. Зап. Лит., XLII, л. 65—66).

давать дѣло „потому, какъ и первой того съ тоу земли служба паша паша и дѣло данвано“¹⁾. Иногда многорабочая семья брала нѣсколько пустошинъ на особой службѣ. Такъ, подданный Городеискій Ив. Оленевичъ, имѣвшій „земли отчизное вельми мало“, шпросилъ у короля въ 1511 году пустовскую землю „на особой“ службѣ и дѣлкѣ и сверхъ того еще оставленную землю своего дѣдковича; послѣднюю оны получилъ къ отчинной землѣ безъ платовъ, но только до возвращенія отчина этой земли²⁾. Здѣсь мы сдѣлаемъ оговорку, что, какъ врочныя, такъ и служебныя пустовскія земли могли брать не одна подданные, но и лица другихъ сословій, напр., бояре, мѣщане³⁾. Однако чаще всего эксплуатація пустошинъ рясчеленалась, т. е. на оброкъ или отдѣльно, напр., пахотныя земли, отдѣльно борты, бортовые горы и пр. Это дѣлалось, вѣроятно, потому, что раздаваемая отдѣльно угодыя пустовскихъ земель скорѣ находились семействоу. Такъ въ Бобруйской волости по уставѣ 1528 года державца должно было наблюдать за раздачею пустошинъ. Эта услуга имѣеть въ виду раздачу именно на оброкъ пустошинъ крестьянамъ, уже владѣющимъ своими участками, сѣдѣ не отчинаяъ пустыхъ селищъ. Пустошинъ тутъ раздавались или дѣльникомъ и тогда съ нихъ вичмалась слѣдующая дань полностью, или же отдѣльно борты и отдѣльно пахотная земля. Соответственно послѣдствому оброкъ состоялъ или въ медовой дани или въ грошовой (за пахотную землю). Независити пустошинъ, борты „подлаживались“ на господаря, очевидно принудительнымъ путемъ. Интересно, что владѣнчыя доходы брались только съ „живаго“, т. е. съ заселенныхъ службъ, а съ пустошинъ не вичмалась⁴⁾.

Мы видимъ, что грамота бобруйскому державцѣ заботливо регулируетъ вопросъ о пустовскихъ оброчныхъ земляхъ. Забота правительства въ этомъ отношеніи вполне понятна: во-первыхъ, оно постоянно стремилось къ заселенію незасѣянныхъ земель и во-вторыхъ, эксплуатація пустовскихъ и другихъ оброчныхъ земель при всей ея прибыльности могла ускользать въздъ наблюденія скарба, вследствие недобросовѣстности мѣстныхъ агентоу, или вызывать жалобы

¹⁾ Литы Литов.-русск. посла, т. I, р. 57.

²⁾ Ibidem, р. 149—150.

³⁾ См. напр., Ibidem. Писемная книга Павлака староства II, р. 470. О мѣщанахъ оброчныхъ сказано будетъ ниже.

⁴⁾ Кн. Зап. Литов., XV, л. 172—174.

населения, вследствие несправедливых взысканий со стороны державцев.

Уставы дворян Виленского и Гродненского повяттов тоже выказывают заботливость о пустошских землях: державцам строго воспрещается отдавать их в оброкъ въ свою пользу¹⁾, по приказывалось „наймавать“ ихъ за деньги или за медь на господарскій пожитокъ²⁾.

Вароны и уставы господарские, стараясь предупредить злоупотребленія со стороны мѣстной администраціи въ раздачѣ пустошницъ, имѣли въ виду, конечно, и дѣйствительные факты. Такъ, напр.: мы встрѣчаемъ жалобы на стремленія державцевъ взимать двойную плату съ пустошскихъ земель³⁾. Могилевская волость страдала отъ того, что мѣстные старосты взымали съ волощанъ за пустыя земли, никѣмъ не эксплуатируемыя⁴⁾. И это повторялось не одинъ разъ, не смотря на запрещенія⁵⁾. Иногда агенты чрезмѣрно усердствовали не только въ свою пользу, но и въ интересахъ скарба. Вся волость Ушпольска жаловалась въ 1540 году на писари дворянъ Виленскаго повета Михаила Андрушевича за то, что онъ сверхъ всѣхъ платовъ наложилъ на волость 100 копѣ грошей да съ пустошскихъ земель— худшихъ и хорошихъ наложилъ по копѣ грошей, отчего волость „къ впаду немалому пришла и многие дѣи с нехъ прочъ ся розпали“⁶⁾. По этому поводу назначена была для разсмотрѣнія жалоба даже спеціальная коммисія, рѣшеніе которой, однако, намъ не встрѣтилось⁶⁾.

Такимъ образомъ, мы видимъ, какъ литовско-русское правитель-ство систематически стремится къ наиболѣе выгодной эксплуатаціи пустошницъ и къ расширенію культурной площади посредствомъ раз-

¹⁾ Акты Зап. Рос., II, 198.

²⁾ Ibidem, p. 196.

³⁾ Приведемъ любопытную „жалобницу“, которую подавъ старостѣ челоука Миндугиса „Милостивыи пане. И, подданныи господарскій и п. м. и Потагуля Миндугиса Станислвисъ жылюю Богу и п. м. (на) наместника п. м. Рогогонскаго, пакъ время семъ милостивыи паню и отчине своей землю пустою дади по двадцати грошей давати. И онъ, милостивыи пане, с той пустою земли женеть жене на службу тыгушу, а передъ тымъ того не бывало. Если жъ, милостивыи пане, нажете паню по две службы слушати, тогда мы послужати не можемъ, а войдемъ прочъ. В томъ пакъ поленъ Богъ и п. м. господаръ нашъ милостивыи“ (Кн. Судн. Дѣлъ Лит., VI, л. 315 об.).

⁴⁾ Акты Лит.-русск. гоуд., I, 192.

⁵⁾ Кн. Зап. Лит., XVII, 2 об.

⁶⁾ Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 85—86 об. и XXIII, л. 9 об.

витія оброчныхъ земель. Однако нельзя не замѣтить, что хронологически эти стремленія правительства относятся ко времени съ половины правленія Сигизмунда I. Если присмотрѣться къ дѣятельности королевы Боны, то легко подмѣтить въ ея хозяйственныхъ приемахъ именно стремленіе культивировать оброчныя статьи на условіяхъ денежной платы. Она широко раздавала листки на оброчныя земли. По ея настоянію королемъ была отдана оброчная устава для всѣхъ подданныхъ, имѣвшихъ входы въ Городенскую пуцу¹⁾. Можно, по-

¹⁾ Приведемъ извлеченіе изъ этой устави, изданной въ 1538 г. и представляющей любопытныя бытовыя подробности. Устава выдана на имя всѣхъ „сторожей, осочниковъ, слугъ путныхъ, ковалей, кухарей, служебныхъ, оловярныхъ вельжарныхъ“ и „всѣмъ усамъ подданныхъ нашимъ новету Городенскому, которыхъ уходы свои и дерево бортиное и сеножатей у души Городенской уходы свои имаетъ и дерева бортиная казати списати и росказати были осамъ ключнику городенскому пану Лукашу Грышковичу, онымъ всеи уходы и дерева наши бортиные списавши, тыи реестра череть нами подожди впередъ нами поглядать, с которыми учинили, пописавши то все, онымъ реестра череть нами поглядать, с которыми же мы зрозумѣвши такъ установили: хто козьме и вась будетъ оныхъ входовъ и дерева бортиного и сеножатей у души се милости Городенской удивати, тотъ имаетъ с каждого денши королевыи се милости до влыва городенского давати по мединамъ меду або по подуконью грошей“. Но только немногіе изъ подданныхъ стали платитъ эту оброкъ, а другіе не хотѣли. Поэтому король вновь вынужденъ имѣть свое требованіе и разъяснить порядки заведенныя вкладами. „А вгди будетъ до тыхъ уходовъ своихъ ходити, вы бы ключнику городенскому ед оноведили и за его нечашъ такъ ходили, же бы дереву бортиному нилоторе шкоди ни отъ кого не было. А если бы хто з вась оного плату королевыи се милости введе уставы наше подити не хотѣлъ, выи мы на томъ зоставили, пакъ таковыи воздѣл имаетъ всеи дерева свои бортиныи и подлениныи и сеножатей, што и вемлимъ бортиныхъ прислухаютъ, всеи слова заведши, мы сами держали ключнику городенскому Лукашу здати и влыва свои ему жъ поотдавати; а королева се милость имаетъ такъ для того своихъ бортиныхъ уставити, абы поидити се милости не тинуци; а такъ-ли бы есте за тыми росказаньемъ нашимъ оныхъ платовъ з уходовъ своихъ королевыи се милости введе уставы наше выдати, а вы дереву своего бортиного и сеножатей и влыва ключнику городенскому занести и здвати не хотѣли, а мѣли предъ ся до души Городенское уходить и того по двинному удивати, и мы велели пану Лукашу Грышковичу осочниковъ и сторожковъ в ошю плати, и вы велели пану Лукашу Грышковичу осочниковъ и сторожковъ вилностью оседе тыи земли бортиныи будуть на то установити и того з великою вилностью стеречи, и хто бы козьме надъ тенерешее росказанье наше смѣлъ того ся доустити и до души Городенской и онымъ уходомъ ходити, таковыи всѣхъ казали осамъ ему такъ имати и до влыва наше у влыва Городенскій ихъ давати, абы череть то жадное шкоди королевыи се милости и томъ не было“ (Кн. Зап. Лит., XIX, лл. 249—250).

этому думать, что ей примѣръ и въ данномъ случаѣ не остался безъ вліянія на господарское хозяйство. Разумѣется, трудно учесть количественные результаты этой политики обоимъ Сигизмундамъ.

До сихъ поръ мы разсматривали вопросъ объ оброчныхъ доходахъ, шедшихъ или съ пустошинъ, или съ выѣволостныхъ земель. Если сдѣлать за любыми описаніемъ староста, то станетъ понятно значеніе этихъ послѣднихъ земель. Среди грунтовъ села встрѣчались особые участки земли, болѣе или менѣе величины, но бывшіе въ пользованіи этого села. Это „острова“, „застѣвки“, „лишки“, „лишки“ (при волочной позѣвѣ) и пр. Эти земли разбросаны среди службъ. Ихъ берутъ на проѣвъ или семья, уже сидящая на службахъ или волокахъ, или пришельцы, довольствующіеся этими крошечными землями, или, наконецъ, небогатые землею бояре и мѣщане. Однако раньше было упомянуто, что въ распоряженіи скарба были еще болѣе крупныя оброчныя статьи дохода, иногда лежащія на протраствѣ цѣлой области. Нѣкоторые изъ этихъ оброчныхъ доходовъ отличались большою древностью, другіе возникли въ позднѣйшее время. При нѣкоторыхъ замкахъ встрѣчаются цѣлыя группы земель, дававшихъ въ арендное пользованіе. Такъ, подъ Житомиромъ сдавались въ аренду господарскія поля¹⁾; тоже мы встрѣчаемъ и подъ другими замками. Бывшіе на оброкъ земли мѣщане здѣсь обыкновенно называются куничниками. Это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію одного изъ наиболѣе распространенныхъ видовъ оброка—куничи. Въ литературѣ встрѣчается утвержденіе, что „данники, которые платили свою подать куничами, носили спеціальное названіе куничниковъ, а земли ихъ куничными“²⁾. Съ этимъ мнѣніемъ согласиться нельзя. Есть также противорѣчіе и въ другомъ мнѣніи, высказанномъ проф. Леопольдомъ. Онъ полагаетъ, что жемудскіе куничники владѣли своими землями куничными и платили съ нихъ дань. Впрочемъ далѣе онъ совершенно вѣрно отмѣчаетъ куничниковъ-арендаторовъ пахотной земли и то, что куничники—не всегда профессиональные ловцы³⁾. Прежде всего надо замѣтить, что куничники не были собственниками обрабатываемой ими куничной земли, но только арендаторами. Затѣмъ, необходимо строго различать дань куничную, шедшую кунич-

¹⁾ Кв. Зап. Лит., XXX, т. 69—70.

²⁾ Любавскій, р. 340.

³⁾ Крестьянскія дворы. Ж. М. Н. Пр. 1897, май, р. 33.

дами шерстью или въ переложеніи ихъ на деньги—отъ куничныхъ платовъ, пенселей, куничъ, вносившихся за пахотную землю. Куничная дань вымалась съ охотничьихъ угодій преимущественно въ восточныхъ волостяхъ. Это была, какъ мы знаемъ, тоже оброчная дань, но съ охотничьихъ угодій. Куничные же плата съ пахотной земли нигдѣ не называются данью, но платами, пенсиями, или прямо куничами. Терминъ—куничный платъ имѣлъ довольно разнообразное употребленіе въ западно-русскихъ актахъ: на куничъ или въ аренду и пахотная земля и разныя угодія (не только куничныя ловли). Такъ, въ с. Рѣчицѣ съ подданныхъ вымалась плата куничная за вольный уступъ въ рѣку, при чемъ куничи были переложены на деньги¹⁾. Въ южно-русскихъ старостахъ на куничахъ сдавались въ оброкъ пасѣки²⁾. Это словоупотребленіе показываетъ, что землепашцы-куничники такъ стали называться не потому, что отъ охотничьяго промысла перешли на пашню, но, вѣроятно, потому, что арендная плата вносилась куничею. Отсюда будетъ понятенъ и терминъ свадебной или „змирской“ куничи. Дѣйствительно, куничи вносились въ древнѣйшее время „шерстью“, а въ позднѣйшихъ актахъ куничи таксировались на деньги, при чемъ въ разныхъ мѣстностяхъ расцѣпываются весьма различно³⁾. По отношенію къ пахотной землѣ держать землю на куничъ было аналогично держанію на „вродѣ“, отчего и формы отдачи земли на куничъ тѣ же, что и на оброкъ. Мы, напр., встрѣчаемъ куничниковъ, державшихъ пустошину⁴⁾. Очень часто замковая пашня сдавалась на куничъ мѣщанамъ, такъ какъ державца ее не запикивали.

Такъ, напр., въ Чернобылѣ, пока не было замка, мѣщане и волочане ходили на работу замковой пашни, но съ устройствомъ замка пашня разбиралась на куничи, вѣроятно, потому, что въ замкѣ барщины подданнымъ пришлось исполнить замковую повинности. „Мѣщане, которые пашутъ земли, даютъ отъ того владѣннику на годъ каждый за куничу по 12 грошей“; однако доходъ отъ этихъ „напешныхъ куничъ“ не одинаковъ, „бо не завжди ровно пашниковъ бы-

¹⁾ Документы Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 168.

²⁾ Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. I, р. 90, 604.

³⁾ Археограф. Сборн., VI, р. 16; А. З. Р., I, 27; Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, 59.

⁴⁾ Документы Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 109.

васть¹⁾. При остерскомъ замкѣ тоже были мѣщане, сидѣвшіе на кунцахъ²⁾, очевидно при аналогичныхъ условіяхъ. Подъ Мозиремъ не было мѣщанскихъ полей, отчего мѣщане арендовали пашни у волостанъ³⁾. Сверхъ того они снимали и замковыя пашни на кунцахъ⁴⁾. Оршанскіе мѣщане большею частью имѣли за городомъ пахотныя поля, однако часть ихъ не имѣла полей, а только хаты и огороды въ городѣ; люстраторъ называетъ ихъ куничниками, очевидно, потому, что они снимали, какъ безпашенные, еще и куничныя земли⁵⁾.

Разумеется, и въ селѣхъ встрѣчаемъ въ разныхъ мѣстностяхъ крестьянъ, сидѣвшихъ на кунцахъ⁶⁾.

Уже предшествующія указанія даютъ достаточно данныхъ для выясненія того, что сущность рассматриваемаго куничнаго плата заключается въ арендѣ съ пахотной земли. Мы видѣли, что мѣщане Червоныльскіе, Мозирскіе, не имѣя собственныхъ земель, арендуютъ пашни на кунцахъ. Самая форма аренды является краткосрочной, такъ какъ замковыя пашни иногда и не всѣ снимаются; весьма вѣроятно, что и участки распределяются арендаторамъ каждый разъ съѣзнова. Можно привести и другія данныя, подтверждающія только что сказанное. Такъ одинъ ошвинникъ проситъ о двухъ земляхъ пашенныхъ; эти „землица здавна впусте лежали, а службы з нихъ отъ давнихъ часовъ некоторое не бывало, вжили только это ихъ пахивать, тотъ на насъ (господари) по кунци дивать—по дванадцати грошей⁷⁾. Въ древнѣйшей люстраціи Кіевской земли, относящейся къ XV в. зарегистрированы уже куничники, но они по заявленію люстратора „гольни⁸⁾, т. е. люди „што земли не держать⁹⁾.

Очевидно, что они, не имѣя собственной земли, снимали ее на кунцѣ. Куничная земля отличается отъ окладной службы. При ре-

¹⁾ Архивъ Юго-Зап. Рос., ч. VII, т. I, р. 588—9.

²⁾ Ibidem, р. 598.

³⁾ Ibidem, р. 624.

⁴⁾ Ibidem, р. 623.

⁵⁾ Документы Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 128.

⁶⁾ Scriptores gentis polonicae, V, въ ревизіи Полоцкаго староства. Документы Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 99, 109, 118 и др.; Арх. Юго-Зап. Рос., ч. VII, т. I, р. 120.

⁷⁾ Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 53.

⁸⁾ Архивъ Юго-Зап. Рос., ч. VII, т. II, р. 1 и 5.

визіи Пянского староства въ 1552—1555 годахъ люстраторы отстояли „приселеніе“, т. е. окладной участокъ отъ куничной земли; при этомъ встрѣчаемъ также и факты держанія пустощинъ на кунцѣ¹⁾. Таковъ характеръ куничнаго плата въ самыхъ различныхъ частяхъ государства²⁾. Но куничники, какъ и другіе оброчники, большею частью разбросаны въ волостяхъ, замкахъ и державкахъ или въ одиночку, или сравнительно небольшими гнѣздами. Это вполне естественно ввиду самого характера оброчной земли. Однако на Жмуди куничный платъ, какъ доходная статья, занимаетъ весьма видное мѣсто, такъ какъ здѣсь было очень много куничныхъ земель.

О жмудскихъ куничникахъ источники говорятъ съ очень ранняго времени³⁾, при чемъ тогда уже со стороны правительства замѣтно стремленіе къ удержанію куничниковъ въ своемъ распоряженіи⁴⁾.

Въ XVI в. размѣръ куничныхъ платовъ и ихъ собраніе не разъ занимаютъ вниманіе правительства. Въ этомъ отношеніи весьма важна устава 1529 года, сопровождаемая послѣдующими распоряженіями по администраціи собранія куничныхъ платовъ. По уставѣ 1527 года жомойтскіе куничники обязаны платить „подле давного обычая“. Они же платятъ и посонную подать въ томъ же размѣрѣ, какъ и осадники⁵⁾. Изъ контекста устава ясно, что куничный и осадный платъ—два различныхъ сбора, но она темно говоритъ о томъ, на что именно падаетъ посонная подать на куничную же землю, или на службу, (въ послѣднемъ случаѣ—при томъ предположеніи, что куничны держатъ также тяглицы, уже имѣющіе службу). Устава 1529 года налагаетъ на куничниковъ по 12 грошей, объясняя при этомъ, что раньше куничники платили по 16 грошей, (это, очевидно, и есть платъ „подле давного обычая“). Платъ въ 12 грошей взымается только въ государскихъ волостяхъ, а въ старостинныхъ государскій куничи

¹⁾ Писц. книги староства Ст. Хвалычевскаго, р. 443.

²⁾ Къ этому слѣдуетъ добавить, что терминъ куничнаго плата иногда употреблялся въ смыслѣ осаднаго, т. е. денежнаго платежа вмѣстѣ натуральныхъ повинностей и сборовъ: въ Оболенской волости было пять человекъ, „которые передъ тымъ коней стережили, стабью оправливали, сено жаживали, вѣздъ теперь на кунцахъ сидятъ и королевы ея милости кунци платятъ“ (Кн. Зап. Лит., XVI, л. 25 об.—25 об.).

³⁾ Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 2, 59.

⁴⁾ Ibidem, р. 135—137.

⁵⁾ Акты Зап. Рос., I, р. 183.

облагаются по прежнему,—по 16 грошей. Эта устава, как и первая, облагает куничниковъ, наряду съ осадниками „за тѣхъ вызволенные работы и посѣди“ посоннымъ платомъ¹⁾. Жомойтевскія куничныя земли, такимъ образомъ, отличались отъ тѣлыхъ и не были пустошницами, сдаваемыми на прокѣ. Пустошницы здѣсь сдавались особо, за что державцы брали съ арендаторомъ „отмота“²⁾. Куница и платъ пеняный (посонный) настолько различались, что даже вызвали къ жизни особахъ сборщиковъ того и другого. Такъ, за собираемемъ пеняжаго плата, платомъ за „отмота“ и др., а также для общаго контроля по управленію, назначались въ Жомойтѣ особые писари³⁾, а для сбора куничныхъ платомъ былъ особый „куничный врьдь“⁴⁾. Изъ всего сказаннаго видно, что въ Жомойтѣ известная часть пахотной земли называлась куничной и сдавалась на особомъ куничномъ платѣ подобно тому, какъ это мы видѣли относительно замковъныхъ полей въ Червоной, Мозырѣ и др. мѣстностяхъ. Только въ Жомойтѣ, судя по заботамъ правительства, эти земли занимали весьма большое пространство и давали значительный доходъ скарбу. Однако это не были пустошница, т. е. покинутыя населеніемъ тѣлныя службы. Недостатокъ источниковъ не даетъ возможности опредѣлить, находились ли куничныя земли въ пользованіи уже сдѣвшихъ на тѣлѣ подданныхъ, т. е. были только подспорной статьей ихъ хозяйства, или же тѣлныя и куничныя хозяйства были не сомѣстимы. Характеръ оброчныхъ земель, какъ можно убѣдиться изъ предидущихъ данныхъ, допускаетъ и то и другое предположеніе. Относительно Жомойтевскихъ куничниковъ, кажется, однако, слѣдуетъ сдѣлать предположеніе въ томъ смыслѣ, что въ лицѣ ихъ мы встречаемъ преимущественно держателей службъ, снимающихъ оброчную землю, какъ подспорную. Это потому, что источники говорятъ о сборѣ съ куничниковъ только куницы, и размѣръ платы (12—16 грошей) сравнительно такъ не великъ, что едва ли скарбу, облаган волоную соху въ

¹⁾ Ibidem, p. 200. Въ изданіи А. З. Р. напечатано: освобожденные отъ платежей „имѣютъ имѣть тѣхъ люди куничники“ давать еще и гроши. Это могло бы повести на предположеніе, что тѣлныя и куничныя — одно и то же. Однако тутъ не-правильность изданія. Въ текствѣ стоитъ: „люди наши и куничники“. Ср. Кн. Зап. Лит., XIX, ст. 224 об. — 229.

²⁾ А. З. Р., II, 200.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XV, л. 89. Кн. Судн. Дѣлъ, IV, л. 343 об. — 345.

⁴⁾ Кн. Судн. Дѣлъ, IV, л. 382; Кн. Зап. Лит., XVII, л. 245 об. — 247.

30 грошей, при рядѣ другихъ сборовъ, оставилъ бы безъ добавочнаго обложенія куничнымъ хозяйствомъ, между тѣмъ они ничего не даютъ даже на врьдь, (а мы знаемъ, что на врьдь обычно не давали съ-чисто оброчныхъ земель). Съ другой стороны куница государь остав-ляетъ на себя даже въ волостяхъ, отошедшихъ на старостинскій врьдь, (какъ это мы уже знаемъ), или съ людей, отдаваемыхъ въ частное владѣніе¹⁾. Эти обстоятельства какъ бы указываютъ на то, что бывшія въ пользованіи куничниковъ земли находились въ районѣ госпо-дарскихъ.

Укажемъ еще на одинъ видъ оброчныхъ доходовъ — на боброч-ницу въ Полоцкой землѣ. Во всей Полоцкой землѣ государь имѣлъ обширныя угодія для бобровыхъ гонимъ, которые сдавались на оброкъ мѣщанамъ и волостякамъ Полоцкой земли. Изъ грамоты 1497 г. мы узнаемъ объ условіи, на которомъ они получали въ оброкъ эти угодія. Оказывается, что „по земляхъ“ полоцкихъ мѣщанъ, дворянъ город-скихъ и волостныхъ людей государь владѣлъ рѣками и бобровыми гонимъ, т. е. рѣки и берега оставались во владѣніи великаго князя. Но это представляло для Полочанъ большія неудобства, потому что въ случаѣ пожара государскаго берегового лѣса, порубки и порчи дѣрева, воевода высылалъ на слѣдствіе „фздекотъ“ и судей, брали „пробѣды“ и вообще причинили жителямъ „великія шкды и про-дасы“. Поэтому Полочане просили государя о передачѣ имъ права „бобра гонити и ловити“ за оброчную плату по 200 рублей въ годъ. Король далъ на это свое согласіе, по въ 1497 г. они уже просить государя объ уменьшеніи оброка на 100 рублей и получаютъ и на это его согласіе. Грамота разъясняетъ, что эксплуатация бобровыхъ гонимъ мѣщанамъ распространяется и на государскія угодія — рѣки и озера, лежащія на земляхъ бояръ и духовенства полоцкаго²⁾. Бобровые гонимы Полоцкой земли эксплуатировались мѣщанамъ и волостякамъ до конца изучаемаго періода, при чемъ раскладка ихъ произвождалась общиною. Ревизія 1552 г. зарегистрировала уже устано-вившіяся оклады³⁾.

¹⁾ Факты приведены у Любавскаго, о. с., р. 341 — именно для Жомойтѣ. Это не противорѣчитъ тому, что на врьдѣхъ иногда отдаются люди съ платомъ куничнымъ и куничный платъ могъ подлежать передачѣ.

²⁾ А. З. Р., I, 171.

³⁾ Scriptores rerum polonicarum, V.

Мы исчерпаем все виды оброчных земель, если упомянем еще об установлении оброков за пастбу скота на южной украинѣ. Король Сигизмундъ Августъ, заключивъ въ 1553 г. миръ съ турецкимъ султаномъ, включилъ въ договоръ между прочимъ условіе, по которому турецкіе чабаны должны были получать разрѣшеніе на пастбу скота на поляхъ украинъ Литовской и Коронной. Поэтому король назначилъ двухъ писарей „польскихъ“—отъ Короны и отъ Литвы—для наблюденія за чабанами и взысканія съ нихъ арендной платы; всякій погонщикъ, пригнавъ скотъ, долженъ былъ объявить о количествѣ его писарю, условиться съ нимъ относительно платы, и тогда только получалъ разрѣшеніе на пастбу¹⁾.

Мы рассмотрѣли различные виды оброчнаго дохода. Сравнивая теперь различныя формы отдачи земель на оброкъ, не трудно подмѣтить между ними извѣстное различіе. Прежде всего выдѣляется категория оброчныхъ земель, сдаваемыхъ въ краткосрочную аренду на кунциѣ, прокѣ; арендаторъ нисколько не связанъ съ этими землями: одинъ годъ онъ пашетъ землю или выбираетъ медъ изъ бортей, а на другой годъ на томъ же участкѣ появляется его сосѣдъ. Скарба, какъ мы видѣли, хотя и принужденъ былъ сдавать на такихъ условіяхъ землю, но не считавъ этотъ способъ выгоднымъ для себя житномъ, такъ какъ эксплуатация земли при такихъ условіяхъ является неустойчивой и доходъ неѣврымъ. Изъ земель подъ такую аренду идутъ и пахотныя угодья, какъ пустошины, такъ и роспаша, застѣнки и др.; есть и болѣе или менѣе обширныя пространства такого рода оброчныхъ земель. Рядомъ съ этимъ краткосрочнымъ и неустойчивымъ типомъ аренднаго владѣнія выдвигается другой; оброчная плата тоже называется прокомъ, кунцидами, по отношенію арендатора къ землѣ совѣкъ иное. Это неслучайное временное пользованіе землею, но продолжительная аренда, иногда продолжающаяся цѣлыми поколѣніями и фактически часто переходящая въ вѣчную аренду. Арендаторъ получаетъ эту землю иногда на основаніи господарскаго листа. Земля дается „до ласки“ господарской, но взаимная выгода на столько связываетъ арендатора и владѣльца, что первый изъ нихъ спокойно можетъ предпринимать меллоративную работу. Самъ скарба, получая такого рода раздачу земли, какъ импитеузу, и значительно расширяетъ ее. Такимъ образомъ эта форма аренды стоитъ въ непо-

¹⁾ Ко. Перва. Лит. VII, л. 10 об.—11 об.

средственной связи съ унишевою; такъ какъ она пріобрѣтаетъ наибольшее распространеніе приблизительно съ первой четверти XVI ст. и совпадаетъ, такимъ образомъ, съ періодомъ развитія импещнаго права въ селахъ, то изъ этого слѣдуетъ, что и послѣднее оказало уже вліяніе на эту форму арендныхъ отношеній.

5. Обзоръ правительственныхъ мѣръ по управленію добрами до введенія волочной устави.

Предшествующее изложеніе показало намъ двѣ стороны въ строѣ господарскихъ доходовъ съ державъ и волостей. Мы имѣли случай прежде всего убѣдиться въ томъ, что древнѣйшіе сборы отличались большимъ разнообразіемъ, какъ по своимъ названіямъ, такъ и по способу обложенія. Господарь бралъ въ свое распоряженіе добра, входившія раньше въ составъ различныхъ земель; эти земли усѣбли, въ періодъ самостоятельной жизни, выработать свои особенности въ отбываніи податей и повинностей и съ этими отличительными чертами вступали въ господарское управленіе. Послѣднее сталкивалось съ мѣстными бытовыми и экономическими особенностями и по свойственному ему консерватизму, привыкающему весь государственннй механизмъ, оно очень медленно выступало съ либерлирующими реформами. Разнообразіе доменальныхъ сборовъ и повинностей—явленіе эпохи позитное, и мы встречаемся съ нимъ и въ другихъ странахъ, напр. въ Польшѣ. Разнообразіе сборовъ и объектовъ обложенія, возможное въ частномъ хозяйствѣ, не могло быть однако терпимо въ такомъ обширномъ, какъ господарское, уже просто по своей невитолности. Съ другой стороны измѣненіе въ экономической жизни страны, увеличеніе государственныхъ расходовъ, а въ связи съ этимъ разннтіе и новое направленіе хозяйственныхъ системъ естественно должны были отразиться и на пріемахъ доменальнаго хозяйства. Отсюда—стремленіе скарба къ увеличенію доходовъ и вообще къ лучшей эксплуатации добръ; подъ эксплуатацией хозяйства, сообразно понятіямъ того времени, надо имѣть въвиду какъ развитіе доходности недвижимыхъ имуществъ и предпринимательской дѣятельности скарба, такъ и увеличеніе податей и повинностей господарскихъ подданныхъ. Нѣкоторыя мѣры правительства въ этомъ направленіи мы уже видѣли, напр., по отношенію къ оброчнымъ статьямъ, специальнымъ службамъ.

Теперь намъ остается сдѣлать общее обзоріе правительственныхъ мѣръ въ томъ же направленіи. — Матеріалъ, подлежащій нашему разсмотрѣнію, естественно, распадается на нѣсколько частей. Въ разныхъ отрасляхъ хозяйства правительство обоихъ Сигизмундовъ предпринимаетъ и различныя мѣры для его улучшения и, сообразно съ этимъ, издаетъ особыя инструкціи мѣстнымъ агентамъ. Такъ скарбовая политика по отношенію къ волостямъ данниковъ и къ державамъ съ дворами была далеко не одинакова, такъ какъ не одинаково было и хозяйственное ихъ значеніе. Далѣе осадъ на нѣмецкомъ правѣ представляетъ собою нѣсколько обособленное явленіе, смѣшившее собою старая форма дворового хозяйства. Наконецъ, съ теченіемъ времени пріобрѣтаетъ особое значеніе въ хозяйствѣ лѣсное, такъ что и его необходимо выдѣлить въ особую рубрику. Сообразно съ помѣщеніями рубриками мы и рассмотримъ послѣдовательный ходъ развитія домашнего хозяйства.

Начнемъ съ волостей данниковъ, такъ какъ хозяйство въ нихъ въ теченіе всего изучаемаго періода подвергалось наименьшимъ измѣненіямъ: правительство Ягеллоновъ стремилось лишь къ болѣе ясной раскладкѣ дани и къ установленію наилучшаго контроля въ ихъ сбораніи и способствовало развитію хозяйства, на еще не подвергшихся эксплуатаціи пространствахъ. Такимъ образомъ, предпринятая здѣсь правительствомъ мѣра относится преимущественно къ способамъ собиранія дани и ихъ раскладкѣ.

Собираніе дани не могло вызывать особенныхъ заботъ великокняжескаго правительства, такъ какъ само населеніе собирало свои дани и передавало ихъ въ руки выжветниковъ или скарбовыхъ писарей. До насъ дошла грамота Витовта о собираніи въ Борисовской волости тивунскаго дохода. Дѣло происходило очень просто: данники свозили медь въ городъ, звѣнчали его въ присутствіи тивуна и сдавали ему. Великому князю оставалось только регламентировать мѣры, вѣсь для того, чтобы его агенты не взымали больше, чѣмъ слѣдуетъ¹⁾. Грамота Витовта излагаетъ процессъ собиранія собственно тивунскаго дохода, но, конечно, и государскій доходъ собиравался такимъ же способомъ. Великому князю оставалось только принимать мѣры къ тому, чтобы дани не убывало, т. е., чтобы населеніе не расходилось, чтобы дань исправно доходила до скарба, не расплывалась

¹⁾ А. Ю. С. Р., I, p. 3.

въ рукахъ мѣстныхъ агентовъ, наконецъ, чтобы эти послѣдніе раздавали оброчныя статьи не въ свою пользу, но въ пользу скарба. Мы дѣйствительно видимъ по приходо-расходнымъ запискамъ конца XV в., что данники сами приносятъ дань грошани и мѣхами въ скарбъ, а медь сдаютъ въ мѣстные ключи¹⁾. Въ этомъ заключалась ихъ старина, практиковавшаяся еще при великихъ князьяхъ Витовтѣ и Сигизмундѣ Кейстутевичѣ²⁾. Правда, великокняжеское правительство Александра отступило отъ этой старины, такъ какъ по привилеію 1492 года, за сборомъ дани, собственно „недоимковъ“, т. е. недоимокъ, посылались писаря³⁾. Судя по нѣкоторымъ отчетамъ писарей, послѣдніе привозили съ собою не только недоимки, но и вообще все дали⁴⁾. Однако эта мѣра, повидимому, не дала полезныхъ результатовъ для скарба, а между тѣмъ вызвала неудовольствіе среди данниковъ. Скарбовые агенты, отправляясь въ волость, свѣнчили поживиться въ ней и не только сами, но и со своими слугами. Волости подвергались разоренію. Вотъ почему Сигизмундъ I отменилъ въ 1511 году пошлину писарей за сборомъ недоимокъ, восстановилъ старину въ томъ смыслѣ, что данники стали снова свозить свои дани въ скарбъ, а медь свозить въ ключи, при этомъ грамота угрожаетъ посылкою писарей въ службу, если данники не все сполна будутъ уплачивать⁵⁾. Грамотой 1511 г. правительство Сигизмунда I начало рѣшительно урегулировать господарское хозяйство и сдѣлать его болѣе продуктивнымъ. Пока оно по отношенію къ данникамъ оставалось только на восстановленіи старины: тутъ уже замѣтно стремленіе Сигизмунда I сдержать мѣстную администрацію. Однако волости не долго пользовались стариной при взносѣ ими въ скарбъ платовъ.

Выше нами указаны мѣропріятія правительства, касающіяся Подлянскихъ и Подвисскихъ волостей. Однако надо замѣтить, что здѣсь же еще было нѣсколько господарскихъ волостей, не входившихъ въ число названныхъ. Это болѣею частію волости, уже позже ирешендіи въ распоряженіе скарба, или, наконецъ, попавшія въ частное владѣніе. Таковы были волости Могилевская, Гомельская, Оболецкая, Рогачевская. Для нихъ было издано нѣсколько особыхъ грамотъ,

¹⁾ Акты Лит.-р. гос., I, p. 63 и др.

²⁾ А. Ю. С. Р., II, p. 99.

³⁾ Dziedziński, Zb. praw lit., p. 64.

⁴⁾ А. Ю. С. Р.,

⁵⁾ А. Ю. С. Р., II, p.

опредѣлявшихъ ихъ повинностныя отношенія. Правда, эти послѣднія мало чѣмъ отличались отъ другихъ Подѣбровскихъ волостей. Такъ, Могилеву въ правленіе Сигизмунда I выданы двѣ грамоты 1514¹⁾ и 1521²⁾ годовъ, опредѣляющія его платъ, и сверхъ того извѣстенъ размѣръ платовъ, шедшихъ съ волостей при королевѣ Еленѣ³⁾. Изъ доходовъ этой волости на первомъ планѣ стоятъ дѣль грошовалъ, медовалъ и куничналъ, сверхъ того яловщина, тинущина, „скотное“ серебро (за пастьбу скота), „восковье“ гроши и „накупы“ отъ старцевъ, медоваго и серебрянаго, (вѣроятно подарки). Повинностей никакихъ яловщина не несла: королева Елена освободила ихъ отъ косыбы сѣна и ухода за конями. Особую грамоту съ описаніемъ порядка выбора даней имѣла и Горонцевалъ волость, рано отошедшая отъ Литвы⁴⁾. Волости Рогачевская и Оболенская, судя по грамотамъ королевы Боны, платили дань и выполняли еще нѣкоторыя статьи повинности⁵⁾.

Такимъ образомъ, основное назначеніе Подѣбровскихъ и Подвисскихъ волостей по отношенію къ господарскому скарбу состояло въ платежѣ даней; съ другой стороны, эти волости играли очень видную роль въ отбываніи земскихъ повинностей—дорожной и замковой, о чемъ намъ придется говорить впоследствии. Правительство Сигизмунда I и перваго десятилѣтія его преемника стремилось лишь нѣсколько урегулировать отбываніе волостями этихъ платежей и повинностей въ смыслѣ охраны населенія отъ вымогательства администраціи. (Съ этою цѣлью, напр. Сигизмундъ I охотно давалъ эти украинныя староства тѣмъ, кто обѣщавъ быть „легкимъ“ по отношенію къ подданнымъ и осаживать людей⁶⁾ или же предписывавъ быть таковыми⁷⁾).

¹⁾ А. З. Р., II, 113.

²⁾ Акты Лит.-рус. гос., V, р. 173.

³⁾ Ibidem, p. 187.

⁴⁾ Любавскій, вѣст. № 10.

⁵⁾ Кн. Запис. Лит., XVI, д. 25 об. в. Кн. Зап. Лит., XXXII, лл. 14 об.—16 об.

⁶⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, № 152.

⁷⁾ Князь Василій Толочинскій получаетъ Оршу въ доживотное держаніе съ обязательствомъ: „И часть... держати и на нѣмъ ся радити и спрашивать, яко бы было въ нашихъ господарствѣхъ добрыми и съ землемъ пожиточными и безъ обтяженья подданныхъ нашихъ тамошнихъ“ (Кн. Зап. Лит., XX, д. 241—242, 1539 года). Баба получаетъ въ 1540 г. Могилевъ съ условіемъ: „намъ господарю верне и справедливѣе служити и плати и пожити ширити и множити и людей осаживати и прибавляти. А прииди и обтяженья якоготоро не имети нашими подданныи делати и новинъ уводити“ и далѣе идти требованія объ ишкурной доставкѣ доходовъ въ скарбъ (Кн. Зап. Лит., XXIV, д. 28).

Правительство въ листахъ своихъ старается разъяснить мѣстной администраціи о необходимости мягкаго отношенія къ подданнымъ, какъ къ людямъ украиннымъ, потому что они могутъ разойтись. Правительство охотно давало крестьянамъ льготы съ цѣлью „присады“ людей¹⁾, всѣми способами стараясь удержать на мѣстахъ украинное населеніе²⁾, охотно поддерживало и поощряло дѣятельность тѣхъ изъ своихъ агентовъ, которые „присаживали“ людей. На восточной окраинѣ недостаточно было только собрать населеніе, но надо было еще и обезопасить его отъ нападенія непріятеля, поэтому устройство

¹⁾ Приведемъ нѣсколько примѣровъ для подтвержденія сказаннаго. Въ листѣ (1537 г.) къ воеводѣ вилевскому и Гаштолку король разсказываетъ ему о жалобѣ Гомельскихъ подданныхъ на своего державцу кн. Василія Толочинскаго, возмущающаго державу по претенціи воеводы; король поручаетъ воеводѣ послать кого нибудь для разбора дѣла и между прочимъ высказываетъ слѣдующее: Гомельскимъ дана льгота въ отбываніи платежей, „дежежъ мы сами имъ фольгувати вси плати нави до десяти годъ отпустили, жебы ся запомогли и иншии люди отячю тамошнии дбы за ся ви отъзвыи свои пришии, а зланиа въ теперешнии часы, якъ ся намъ съ вилевъ московскимъ перемарье стало, могли бы они безличне отчислти своихъ удивати и запоможенье себе мети. А теперъ того не бачимъ, жебы князь Василей за державу своего людей што тамъ присадыл, але и тыхъ, которые после войска нашего въ той волости аоставати, немало отгоалъ проучъ, за тагогоу справою его они ся ишлози неправити не могутъ. Везде и сѣмъ онъ зогъ бы тому розумети, икъ тотъ замогъ на украине ести, икъ людямъ украиннымъ треба ся заславе шховати и не годиться икъ ни въ чомъ обтяженья чинити; ижези коли бы ся они запомогли и добре тамъ устроитовали, могли бы тымъ намъ господарю пожитою праживити и себе тежъ знача по часу можтоу съ нихъ мети“. Въ заключеніе король категорически требуетъ, чтобы державца вознаградили подданныхъ за „бранствя“ и впредь не допуская бы ничего подобнаго (Кн. Записей Лит., XXI, д. 153 об.—155). Посланныи королеви Бонѣ, полиціи которой шла впередъ державы, доносили своей воеводѣ, что „крестьяне не соглашаются принять нѣкоторыхъ „новинъ“. „И мы то убавили, икъ бы несли подданныи господарнии ее милости на возарбіе королевни (Кн. Зап. Лит., XVI, д. 25 об.—26 об.). И сама Бона, въ листѣ о присудѣ воеводѣ Усвятъ и Олерыша, также хорошо сознаетъ необходимость имѣти этихъ „людей украинныхъ и ляде и бачности“ (Кн. Записей Лит., XXXII, д. 38—39).

²⁾ Когда въ 1530 году предстанутели Могилевской волости жаловались королю Сигизмунду I на псарей и подьячичей, собирающихъ дань съ населения въ устья османъ, туда былъ посланъ Иванъ Горностай съ слѣдующимъ порученіемъ: „А прото какъ тамъ на волости пшной Могилевской будешь, и ты бы о томъ достогити ся доведати, а порозумѣши по делу въ томъ, дбы еси имъ волочку вышати тѣмъ, яко бы съ нашими шовнымъ и съ обтяженьемъ тыхъ людей нашихъ въ томъ не было. Тежъ которые люди съ той волости, наше Могилевское

поселений идти рядом с устройством безопасности в край¹⁾.

Действительно забота о безопасности края была важным фактором при его заселении, так как население страдало от частых войн с Москвою и от татарских набегов. Волостное население получало от господра устаны и выроки, определяющие его дни и повинности. Обоего рода акты мало касаются государских податей и повинностей, определяя обыкновенно отношения владетель к уряду и к государственным повинностям, которые на этих окраинах были особенно тяжелы. Но устаны и выроки неизбежно требуют от старосты и державцев не дѣлать населенію „кряндъ“, не вводить „повины“ и во всем руководствоваться „стародавнымъ обычаемъ“ и уставами: „не мають имъ черезъ тое наместники жадныхъ крымль чинати и повинъ уводити и во всемъ мають захованы быти podle стародавного обычай, якъ и за предковъ нашихъ бывало и за першихъ врандиковъ нашихъ“²⁾. Иногда съ цѣлью „повыгнуть“ державцевъ отъ „драпежства“ подданныхъ на державцевъ даже наля-

ны отягачи своихъ для обтяженя будуть ся розмысли до измене княжичныхъ и наместныхъ и боярскихъ и хотелъ бы за ся на чихъ отчизныхъ своихъ сести, и ты бы имъ далъ волю на волю зеть, прозумевши тежь потому, яко бы они ея могли закономъ и съ того имъ службу служити и дачки давати podle давного обычай“. Кн. Зап. Лит., XVII, т. 2 об. — 3.

¹⁾ Семей Шоловичъ просилъ въ 1529 году короля о выдачѣ устаны Речичкой волости, обращалъ въ то же время вниманіе государя на свою дѣятельность на окраинахъ: „Абыхмо вбачити на его верни послуги, которые оны въ той волости намой Речичкой своими немалыми наклады чинили и великою пылостью и неугошаньемъ горда своего на пустои месте на насъ государя замокъ збудовати и оборонами великими за свои властные пелали тоть замокъ нашъ возвести. И которые люди подданые наши тимовые для великого нагана отъ неприятельныхъ воясничъ, татаръ и турковъ розмыслили были равно врозь, оны тыхъ подданныхъ нашихъ собрать и место водъ тыхъ замокомъ и воззеть нашу осады. И былъ намъ чоловомъ, абыхмо ему устану нашу негашовати, чтобы оны мѣли съ той волости впаше на подданныхъ и на поживеніе себе мѣти“. Называя повинности отношения подданныхъ къ уряду, король ставитъ условіемъ не нарушатъ данной имъ устаны, а Польшу предоставляетъ державу въ дозволіе: „И тав устану наша верху писавши все злати держана быти пану Семену до его живота, а то живете его, если будетъ тав устану наша видети тавка зломомъ нашимъ, мы злемъ державци писую устану нашу устанити, воде воли паномъ. И по жасакъ его съ того жамку живото и тое устану рушати и даному паному воде имъ дачки въ державци и въ заставы не жамъ, ажъ до живота его воде первого приваля нашего“. Кн. Сул. Дѣл. Лит., IV, т. 262 об. — 263 об.

²⁾ Вырокъ въ 1534 году волости Синалодой съ повелодъ Шеловымъ А. Немровичемъ. Кн. Сул. Дѣл. Лит., VII, т. 133 об. — 135.

гались „заруки“³⁾. Вся эти мѣры принимались, конечно, для того, чтобы государскіе позитки не были „заронены“, подданные не бдѣли и дань государская „не гинула“⁴⁾. Такими мѣрами правительствомъ Сигизмунда I старалось воздѣйствовать на державцевъ съ цѣлью удержати население на мѣстахъ и умножити скарбовые доходы. Къ числу дальнѣйшихъ мѣръ того же времени надо отнести и устройство въ этихъ державахъ контроля по образцу того, который былъ установленъ въ дворахъ Виленскаго и Троицкаго повѣтовъ. Уже многочисленныя жалобы населенія со старостами свидѣлствуютъ, что послѣдніе далеко не охотно дѣйствовали въ смысле предписаній правительства. Острыя отношенія между владѣемъ и населеніемъ съ особенною силою сказываются съ появленіемъ въ замкахъ военныхъ гарнизоновъ съ ихъ начальниками—старостами. Грамота 1537 года, устанавливающая контроль скарбовыхъ писарей, содержитъ въ себѣ указаніе на то, что подданные неоднократно били челоомъ государю, „оповѣдаючи великие трудности и шкоды свои“ при сборѣ податей писарями, почему

³⁾ Такую заруку установилъ въ 1551 году воевода виленскій панъ Миколай Радичъ, разбирая, по орученію короля, жалобу мѣщанъ мозырскихъ на своего державца Миколая Нарбуца; эта зарука была, вранда, временная: „а до того часу, пока панъ Нарбуца въ мѣщани и волостяхъ Мозырской волде жалобъ ихъ розураву черезъ государемъ его милостью вряинеть, заложими есмо заруки на государя его милостью его конь грошей, аби оны безъ присутіа ихъ и кромъ слушное вряичи некоторого параня и обтяженности и драпежства тими подданными государскимъ не чинили и врандикомъ своимъ делати не допустили“. Кн. Зап. Лит., XXVII, т. 84 — 87.

⁴⁾ Въ заключеніе государскаго вырока владѣцамъ монцевскимъ съ ихъ державцемъ кн. В. И. Соломирскимъ 1536 года встрѣчаемъ слѣдующее: „а которые слуги твои будуть имъ въ чомъ крауды и грабежи поделани, на тыхъ бы еси всихъ слугъ своихъ право далъ и справедливость вчинилъ и впередъ во всихъ речахъ такъ съ къ нимъ заховати, яко бы повинны наши государские не были заронены и тыи подданныи наши къ жадной тажкости чихъ обычай не прижовали и къ убожеству не приходили и намъ болейшъ того докуки не чинили конечно“. Кн. Зап. Лит., XIX, т. 68—69. Въ другомъ вырокѣ тому же Соломирскому в Могилевской волости (гоше 1536 года) государь запрещаетъ волостные разметы, потому что „подданныи нашихъ тажкость велика ея деть и многи зъ нихъ отъ того съ врозь просодять и для того данъ наша гипеть. И во всемъ ея въ томъ жаетъ державца съ ними заховати podle тое устаны наше“. Тамъ же, т. 173—175. Приведемъ еще выдержку изъ грамоты королевы Боны, проводившей ту же политику, на имя ея родеченскаго державца: „А прилажемъ тобѣ, ажь биемъ тыхъ подданныхъ нашихъ Лучинцовъ водзугъ сего листу нашего заховати и падъ повинности ихъ стародавнюю, чтобы еси имъ врандъ некоторыхъ не дѣлалъ и повинны не уводилъ“. Кн. Зап. Лит., XXXII, т. 16 об. — 17 об.

господарь приказал собирать дани державцамъ. Но и этотъ поринокъ найденъ былъ неудобнымъ, почему господарь назначаетъ въ Поддѣпровскія волости писаремъ Оникія Горностая, ключника виленскаго; онъ обязанъ обязывать все волости не менѣе одного разу въ годъ и разузнавать „справедливе и достаточне“ о всехъ даняхъ, педшихъ въ скарбъ, „пописавати“ ихъ и „потому-же тамъ си справовати, ако и ти писары наши Виленскаго и Троцкого повету справуютъ“. Все державцы обязаны дать писарю свидѣнія обо всехъ платахъ и доходахъ, которые уже идутъ на скарбъ, а такъ же и о др. пожиткахъ, „которые бы мели еще къ пожитку нашему прибавлены быти“; все эти доходныя статьи писарь обязанъ записать въ реестръ, а державцы должны собирать дани и платы уже на основаніи писарскаго реестра и вносить въ скарбъ. Такъ какъ раньше королюмъ была выдана грамота тѣмъ же волостямъ, освобождающая ихъ отъ взвѣда писарей (выдана ввиду грамота 1511 года), то король уничтожаетъ эту грамоту, „хотячи большии пожитокъ скарбу нашему вчинити и плати наши розширити“⁴). Такимъ образомъ, вложеннымъ распоряженіемъ Сигизмунда I уничтожена „старина“ русскихъ волостей, предоставлявшая имъ право самимъ собирать платы и доходы и сдавать въ скарбъ. Волостныя платы должны подвергнуться скарбовой регламентаціи. Не трудно уловить истинную причину, руководившую скарбомъ въ этомъ отношеніи. При доставкѣ самими волостями дани въ скарбъ, послѣдній сланкомъ далеко отстоялъ отъ плательщика и не могъ слѣдить за увеличеніемъ палогоспособностей населенія. Собираніе податей общинами, основанное на старинѣ, сопровождалось неподвижностью развѣ установленнаго оклада. Между тѣмъ рядъ заботъ правительства, направленныхъ къ обезпеченію безопасности на окраинахъ, долженъ былъ содѣйствовать увеличенію здѣсь господарскихъ пожитковъ. Слѣдить за новыми доходными статьями и контролировать старая возложено на обязанности писаря. Однако все мѣры Сигизмунда I отличаются однимъ общимъ характеромъ—стремленіемъ регулировать, точно опредѣлять повинностную старину населенія, контролировать текущіе доходы, и въ послѣднемъ распоряженіи видна лишь слабая попытка услѣдить за новыми источниками доходовъ.

⁴) Кн. Зап. Лит., XXI, лл. 1—2. Эта грамота дана слѣдующимъ Поддѣпровскимъ волостямъ: Могилевской, Лоботанской, Бобруйской, Свислочь, Кричевской, Прованской, Чичерской и Горвольской.

Дѣятельность Сигизмунда Августа по отношенію къ русскимъ волостямъ носила тотъ же консервативный характеръ, хотя при немъ и сдѣланъ значительный шагъ впередъ. Основное значеніе дѣятельности правительства Сигизмунда Августа заключается въ проведеніи ревизій русскихъ волостей. Ревизія сопровождалась въ некоторыхъ староствахъ поземельнымъ кадастромъ и во всехъ староствахъ точной регистраціей и регламентаціей повинностныхъ отношеній населенія. Прежде всего необходимо отмѣтить одну важную сторону въ мѣропріятіяхъ, сопровождавшихъ ревизію. До этого времени городъ и волость въ административномъ и финансовомъ отношеніи составляли единое цѣлое. Уставы Сигизмунда Августа отдѣляютъ большинство поддѣпровскихъ городовъ изъ волости; города получаютъ особую уставу, возлагающую на себя въ значительной мѣрѣ слѣды привилегій на магдебургское право; волость въ повинностномъ отношеніи отдѣляется отъ города.

До насъ не дошло ни одной волостной уставы Сигизмунда Августа, но по многимъ указаніямъ можно судить, что эта уставу заключалась не въ одной только копій съ лостраціи, (списокъ съ нея всегда выдавался на руки населенію), но и въ подробномъ изложеніи податныхъ обязанностей населенія. Уставы для городовъ сохранились (напр. Рѣчицы, Могилева, Бобруйска), но о волостныхъ уставыхъ можно судить только по косвеннымъ указаніямъ источниковъ и по ревизіямъ волостей. Въ привилеѣ 1562 года Ст. Ст. Довойнѣ на державу Свислочьку господарь такъ объявляетъ цѣль и содержаніе уставы: „умысливши порадошь и постановеніе слухное при замкахъ и волостяхъ нашихъ русскихыхъ вчинити и всякіе неажности выкоревити, для того есмо певше а прочіише плати постановили черезъ посланцовъ нашихъ до скарбу нашего и на вридь нашъ подданымъ нашимъ давати. И яко тую уставу и вридь нашъ ку подданымъ захочатся маеть, то отъ посланцовъ нашихъ при каждомъ замку съ волею и ведомостью нашою на письме оставлено“⁵). Подобнаго же рода листы выдавались и др. державцамъ, начиная съ 60 г.г. Такимъ образомъ, само правительство видѣло цѣль уставы въ регулированіи повинностныхъ отношеній населенія къ скарбу и къ вриду. Дѣйствительно, обращаясь къ лостраціямъ, мы въ нихъ прежде всего

⁵) Кн. Зап. Лит., XLIV, лл. 4—66.

находим точное определение податей и повинностей, какъ общегосударственныхъ, такъ государственныхъ и урядничьихъ. Надо замѣтить, что ревизія была выполнена въ два приема. Волынскіе замки, Киевскіе и Южные украинные были описаны частью въ 1545-мъ г. и всѣ въ 1552-мъ г. (при этомъ описанные въ 1545 г. снова были описаны въ 1552-мъ г.). Въ томъ же 1552 г. составлено описание нѣкот. Подлинскихъ замковъ (сохранилась ревизія Полоцкаго староства). Это описание преслѣдовало военныя цѣли, такъ какъ изъ этой группы замковъ въ государственной скарбѣ поступали доходы только съ ключа Луцкаго, волости Моарской, Остерской и Рѣчидкой (вѣроятно, и эта волость была описана тогда же, хотя дистрація ея и не сохранилась; Рѣчина прикрывала собою Южную границу); изъ Полоцка шла на скарбѣ только бобровщина. Такъ какъ это описание не задавалось никакими хозяйственными цѣлями, то ревизоры только регистрировали платежи и повинности населенія. Въ селахъ Моарской и Рѣчидкой волостей мы застаемъ еще господство старыхъ натуральныхъ платежей. Первенствующую роль играетъ медовая дань, уплачиваемая медомъ же; тивунщина тоже уплачивается медомъ. Затѣмъ встрѣчаемъ серебряную дань; дань куачная и бобровная уже переложены на деньги; мелкіе кормовые сборы на ярды уплачиваются деньгами. Окладъ даней налагается на все село, что имѣетъ виду общинную раскладку. Совсѣмъ инымъ характеромъ отличалась вторая ревизія, относящаяся къ 1561—1562 г.г. Она преслѣдовала, преимущественно, хозяйственныя цѣли. Районы, заключенный этой ревизіей, ограничивался именно Подлѣпровьемъ. Намъ вѣдомо о производствѣ ревизіи въ слѣдующихъ волостяхъ: Могилевской, Гомельской, Бобруйской, Рѣчидкой и Дубровенской (Оршанскаго повѣта), Свислочской, Кричевской и др. Но самыхъ описаній дошло немного—только описание Гомельской волости и Дубровенской; по этимъ только двумъ памятникамъ можно судить о характерѣ ревизіи. Окладною единицею остается служба; ревизоры не указываютъ размѣра службъ, но за то описываютъ ихъ границы. Всѣ натуральные платы уже переложены на деньги. Главною податною остается поземельная подать—дань грошовая, чиншъ; размѣръ ея находится въ зависимости отъ качества земли, занимаемой службою: съ службы „добраго“¹⁾ грунту уплачивалась одна коша грошей, со средняго—50 грошей и съ „подлаго“—по 40 грошей. Сверхъ того служба составляла объектъ обложенія для хлѣбной дани: съ каждой службъ

взималось по бочкѣ жита и по бочкѣ овса. Кроме того шли еще промысловыя дани. Доходы на ярды также подверглись регламентации и уплачиваются деньгами; сѣнокосы обложены отдѣльно отъ воза сѣна. Тяглыхъ повинностей володчане не отбывали. Во время ревизіи ревизоры раздавали нустовщины, стараясь объ увеличеніи государскихъ пожитковъ. Такъ, боярскія земли Гомельской волости, отданныя господаремъ до „воли“²⁾, обложены чиншомъ паравѣ съ др. крестьянскими; при ревизіи проверены права бояръ и церковей на земли. Присматривался теперь къ тому, что сдѣлано правительствомъ Сигизмунда Августа по отношенію къ русскимъ волостямъ, легко видѣть, что въ данномъ случаѣ лишь съ большимъ успѣхомъ и съ большей отчетливостью проведены тѣ мѣры, начало которыхъ можно усмотрѣть въ актахъ Сигизмунда I. И здѣсь мы встрѣчаемся съ стремленіемъ къ контролю и точной регламентации повинностей населенія; механизмы обложенія еще сохраняютъ въ значительной мѣрѣ свои старыя формы, но встрѣчаемъ и новую черту, которой характеризуется начало второй половины XVI в., именно: переводъ натуральныхъ платежей на деньги, точное обозначеніе повинности населенія и земли подъ службою. Правительство Сигизмунда Августа прилагало заботы о томъ, чтобы отградить населеніе отъ „утисковъ“³⁾ ярда. При назначеніи державцы оно неизменно требовало строгатаго выполненія устава для того, чтобы населеніе не терпѣло „обтяжливости“ отъ старосты и чтобы обезпеченное такимъ образомъ населеніе могло „осаживаться“⁴⁾. Скарбѣ озабочился также тѣмъ, чтобы имѣть фактическій контроль надъ дѣятельностью мѣстныхъ агентовъ: въ средѣ центральной адми-

¹⁾ Привилія на староста содержатъ въ себѣ слѣдующія требованія: „когда хочешъ жети, абы того съ иньявностью стерѣть, яко бы подданыхъ нашихъ надъ уставу висторого обтяжениа онъ самъ, врадникъ и слуги его милости (старосты) нечинили, але абы люди осаживали и пожитковъ нашихъ примовжали подде небольшого баченья своего, уставы наше не отступуючы. А где бы са то повязало, жебы чимъ подданыхъ обтяжениа не веде уставы заховалъ ся и чимъ въ уставы и съ постановенья нашего онъ самъ або врадникъ его милости виступовалъ, а оны бы того не дозрелъ, тогда за таковой виступъ знеть доложитъ быти съ того ярду и хоти бы злеть на доживотье моль, таковой злеть и право ку номочи ему быти не маеть, втдыжь не для обтыжениа, але для оборони и вьскоененья подданыхъ и для дозренья пожитковъ нашихъ ярды даемъ и изменъ нашихъ врадникомъ вьщемъ“. Кн. Зап. Лит., XLIV, лл. 4 об.—3. Это—обычная формула дѣла на старосту. Сравни злеть А. Шолухъ на державу Кричевскую. Кн. Зап. Лит., XXXVII, лл. 436 об.

инстраціи объявляютъ скарбные писаря, на обязанность которыхъ возложено было наблюдение за дѣятельностью старостъ. Писаря не только контролировали боевую готовность замка, во главнѣйшей своей обязанности имѣлъ наблюдение за тѣмъ, чтобы приданки не чинили „кряндъ“ подданнымъ¹⁾. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ общемъ наставленіи, которое дано было въ руководство старостамъ и державцамъ всѣхъ королевскихъ державъ; этотъ наказъ развиваетъ взгляды правительства не только касательно управленія, но и вообще содержитъ въ себѣ наставленія хозяйственнаго характера; съ этимъ наказомъ намъ придется познакомиться впоследствии²⁾.

¹⁾ Въ 1567 году для обозрѣнія важныхъ и въ некоторыхъ восточныхъ замковъ и волостей былъ посланъ князь Иванъ Воловичъ. Въ запискѣ по этому поводу къ истиннымъ старостамъ король между прочимъ говоритъ: „Што есмю перво сего съ причыны левыхъ, бачачи того потребу ишную а хотечи о допадку и сыраво замковъ, вашихъ украинныхъ ведомость мевати, звацаи князъ частокроты, подданне наши оттоль чь жалобами до насъ ся утебають, прото построговачи того, зяеби тые подданне наши кряндъ и безправья вкоторого не терпели, также и въ волостяхъ своихъ трудностей и зубоженя не приймывали“—король послалъ Воловича. Между тѣмъ Воловичъ, представилъ докладъ королю о состояніи староствъ, указавъ и на то, „икъ подданнымъ нашимъ тамошнимъ, мещаномъ и волостнымъ, которые ипотче жалобы въ кряндъ своихъ на насъ къ нему доносили, зъ насъ самыхъ (старостъ), вриадниковъ и слугъ вашихъ справедливости дойти не могли“, потому что сами старосты, во время объѣзда, были на „послугѣ“ земской, а ихъ намѣстники, заявляли, что они „передъ посланцами нашими усправедливися подданнымъ нашимъ не естъ повинни и отъказуются до насъ нашимъ оныхъ“. Мало того, послѣ отъѣзда ревизора вриадники угрожаютъ подданнымъ и запрешаютъ обращаться къ ревизору съ жалобами. Възадствіе таково „безправья“ подданне терпятъ „кряндъ“, „втиска“ и „шкоды“, приходять „ду зубоастну“ и „лишению“. Король, не желая терпѣть „безправья“, вновь послалъ Воловича на ревизію, настоятельно приказывая старостамъ, чтобы они заставили своихъ вриадниковъ давать „справедливостъ“ подданнымъ и въ особенности не запрещали бы подданнымъ обращаться съ жалобами къ ревизору на вриадниковъ. Кв. Суд. Дѣл. Лит., III, лл. 26—28.

²⁾ Этотъ наказъ представляетъ собою весьма любопытный памятникъ хозяйственной политики царства. Онъ находится въ тѣснѣйшей связи съ волочной уставой и съ уставами русскимъ волостямъ. Самъ наказъ представляетъ собою общее изложеніе хозяйственныхъ взглядовъ правительства. Происхожденіе его объясняется слѣдующимъ образомъ. Въ предисловіи къ нему сказано, что такъ какъ поземельной земскій не можетъ въ короткое время объѣхать всѣ замки, державы и дворы для установленія здѣсь порядка, то король приказываетъ разработать настоящую уставу по всѣмъ державамъ для руководства граду. Имѣя эту уставу въ руководствѣ ево, вриадники могутъ привести къ хорошему состоянію хозяйство и такимъ образомъ могутъ подготовить порядокъ въ державѣ къ прибытку водскарбіа; это

Итакъ мы рассмотрѣли мѣропріятія правительства по отношенію къ тѣмъ волостямъ, которые находились въ управленіи царства и въ которыхъ не была введена волочная система. Это группа такъ называемыхъ русскихъ волостей. Но нашъ обзоръ былъ бы не полнымъ, если бы мы оставили безъ вниманія Ливонскія староства. Правда, о нихъ извѣстно весьма немного, такъ какъ военное время, конечно, не благоприятствовало хозяйственнымъ мѣропріятіямъ. Мы можемъ указать только на попытку произвести регистрацію здѣшнихъ староствъ, предпринятую уже при Сигизмундѣ Августѣ. Сейчас по присоединенію Ливоніи, туда былъ посланъ королевскій секретарь Агриппа для осмотра староствъ, какъ съ военной точки зрѣнія, такъ и съ точки зрѣнія податей и повинностей населенія. Впрочемъ, фискальная задача, поставленная Агриппѣ, отличалась большой скромностью, что вполне объясняется военнымъ временемъ. Его задача ограничивалась только регистраціей повинностей населенія, да и то она обязана была не производить разслѣдованія, довольствуясь собраніемъ необходимыхъ справокъ у старостъ; къ населенію Агриппа долженъ былъ обращаться за свѣдѣніями лишь въ крайнемъ случаѣ, когда не было другихъ данныхъ¹⁾.

Таковы въ общихъ чертахъ мѣропріятія Литовско-русскаго правительства по развитію хозяйственнаго значенія волостей Подвинья и Поддѣвровья. Разсматривая ихъ въ исторической послѣдовательности, легко убѣдиться въ томъ, что эти мѣры являлись лишь къ

облегчить послѣднему введенію новыхъ порядковъ. Видно этой общей формѣ предисловія къ наказу мы полагаемъ, что онъ данъ былъ въ руководство державцамъ въ тѣхъ державкахъ, гдѣ еще не была введена волочная система и являлся единственнымъ руководствомъ до введенія устава. Такъ какъ правительство никогда не оставило мысли о введеніи волочной устава и въ русскія волости, то естественно, что этимъ наказомъ руководились и мѣстные старосты. Впрочемъ и по введенію волочной устава этотъ наказъ, повидному, имѣлъ извѣстное значеніе: такъ можно заключить изъ того обстоятельство, что наказъ мы встрѣчаемъ въ одной книгѣ со спискомъ волочной и дѣловой уставъ. По сравненію съ волочной уставой, оба памятника проводятъ конечно одинъ и тѣ же хозяйственныя цѣли, почему между ними много общаго. Но разница между обоими памятниками заключается въ томъ, что волочная устава является закономъ, законнымъ господаремъ для своихъ подчиненныхъ, тогда какъ наказъ только излагаетъ взгляды царства и даетъ державцамъ совѣты и указанія. Во всякомъ случаѣ, независимо отъ того, какое въ частности придавалось официальное значеніе наказу, для насъ оно интересно именно тѣмъ, что развиваетъ взгляды царской администраціи.

¹⁾ Инструкція Агриппѣ въ Кв. Зап. Лит., XXXVII, лл. 304 об.—305 и 334 об.

упорядочению исторических податных отношений, к точному определению размеров платежей и к контролю над администрацией. Мерам этим не достает единства, так как правительство сохранило в значительной степени старину отдельных волостей. Важным фактом является отделение города от волости и перевод натуральных платежей на денежные. Конечно, обоих факторов нельзя приписывать правительственной регламентации: в давном случае скарбь нельзя навстречу новым экономическим отношениям, выработанным новыми условиями жизни. Важным фактором является забота правительства о безопасности краев, осадь населения и вообще об эксплуатации незанятых земель. Однако, легко предвидеть, что меры правительства, направленные к упорядочению хозяйственно-административной машины и к увеличению доходности старостий едва-ли способствовали прочному благосостоянию населения. Важным препятствием явилась Липовская война и наемное войско на окраинах, но не надо забывать и того, что все предписания правительства своим старостам о «хованіи» населения согласно уставам производили слабое впечатление на шляхетскую администрацию: выработались новые социальные порядки и свободное крестьянство, только что обезпеченное уставами, быстро пошло по пути закрепощения.

Если в восточных областях правительственная политика оказала малое влияние на изменение старых податных отношений, то в западных державах следствия правительственной деятельности сказались гораздо сильнее. Правда, можно указать не мало точек соприкосновения в деятельности скарба по отношению к тем и другим волостям; это вполнѣ понятно, но на запад скарбовая мера отличалась более радикальным характером. Это находится в зависимости от многих причин. Прежде всего здесь, в центральных местностях, население давно уже обшло, передвижение его было более затруднено. Рядом с тягелцами, крѣпкими землѣ, было не мало рабовъ. Таким образом в западных державах было достаточно таких зависимых элементов, над которыми правительство могло проводить радикальные меры, не опасаясь нарушения старины или ухода населения. Разница между двумя группами волостей заключалась также и в том, что восточная волость в значительной мере отвлечена была повинностями общегосударственного характера, тогда как старая господарская потчина почти исключительно обус-

живала дворцовыми нужды. Наконец, одну из самых существенных причин в различии хозяйственной политики по отношению к тем и другим державам, надо видеть в различии их экономического положения. В Подляпровья и Подвинья преобладающую роль играли промыслы, и только во второй половине XVI в. хлѣбопашество является здесь крупной статьей производства. Наоборот, в западных державах уже в XV в. пашня является важнейшей статьей хозяйства, а с начала XVI в. хлѣбный экспорт получает особенное значение. Земледельческое хозяйство давало больше плодов и возможности потчинникам для вмешательства в хозяйственную жизнь села.

Центром каждой державы являлся двор. Известия о велико княжеских дворах, имѣющих хозяйственное назначение, относятся уже к концу XIV в.¹⁾ Великий князь Витовт выкапывал большое внимание в постройке дворов, набирал для них лично более удобные места²⁾. Уже тогда при дворах были пашни³⁾, обрабатываемые при помощи тяглых повинностей окружающего крестьянства⁴⁾. При дворах содержались табуны лошадей⁵⁾ и проч. Сам великий князь принимал деятельное участие в управлении своим хозяйством⁶⁾. К концу XV в. в расходных записях короля Казимира встрѣчаем известия о довольно многочисленном количестве господарских дворов в Западных державах⁷⁾, впрочем в XV в. встрѣчаются известия о господарских дворах в восточных областях, напр. в Смоленской землѣ⁸⁾. Господарский двор представлял собою хозяйственное цѣлое, к которому тянула дворная пашня и ряд угодий, эксплуатируемых державцей для скарба. Оттого при дворах были и службы различного назначения, соответственно раз-

¹⁾ Сигизмунд Кейстутевичъ даетъ въ 1396 г. вилкискимъ францисканцамъ документъ *ex omnibus curiis nostris ad castrum oppidi Pinsko pertinentibus*. Описаніе Рукон. Отд. Ваг. Пуб. Библ., II, 33 (прил.).

²⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, 73.

³⁾ Skarbecъ Даниловича, № 544.

⁴⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 23.

⁵⁾ Szajnoch, Jdwiaga i Jagello, III, 6—7.

⁶⁾ Ibidem, 136.

⁷⁾ По этой книгѣ изъ дворовъ выдавалось жалованье служивымъ людямъ: ромы, сѣновъ, лошадыи. См. въ Актахъ Лит.-рус. гос., I.

⁸⁾ А. З. Р., II, 26, Леонтовъ, Акты, №№ 376, 408, 481, 155, Акты Лит.-рус. гос., I, 77.

личным отраслям дворцового хозяйства¹⁾. Однако древнейшему господарскому двору не следует придавать слишком большого значения, как самостоятельному крупному производителю сельскохозяйственных продуктов, так как запалка его была не велика и дворные амбары наполнились дикольным хлебом; только со времени Сигизмунда Августа двор становится более крупным фактором сельскохозяйственного производства.

Во правление обоих Сигизмундов правительство предприняло ряд мѣръ для успешнаго дохода съ дворовъ, волостей и городов. Мѣры эти сводились къ регламентаціи податей и повинностей населения, изысканію новыхъ источниковъ дохода и объектов предпринимательской дѣятельности скарба, привлеченію населенія на господарскія земли путемъ колонизаціи ихъ на вѣнецкомъ правѣ и, наконецъ, къ расширенію собственного господарскаго хозяйства. Первая мѣра Сигизмунда I сводится къ регламентаціи старины и къ точному опредѣленію предметовъ скарбового и намѣстничьаго доходовъ съ дворовъ. Такое направленіе дѣятельности объясняется тѣмъ, что при отсутствіи хотя бы примитивной регламентаціи доходы не доходили до скарба, оставались въ рукахъ намѣстниковъ и державцевъ. Въ этомъ сознается само правительство: „Какъ съемо сели на отчыне вашой по тин зета ты (намѣстникъ) и инше вранники наши, который отъ насъ дворы держать, пикоторыхъ доходовъ, или пожитковъ съ тыхъ дворовъ... не даютъ и оборочаетъ каждый ку своему пожитку“²⁾. Такимъ объясненіемъ начинается устава дворамъ Виленскаго и Троцкаго повітовъ, изданная въ 1514-мъ году. Это—первая общаѣ устава для господарскихъ дворовъ, она сама заключаетъ въ себѣ указаніе, что цѣль ея—регламентировать „старину“. Хозяйственныя требованія ея сводятся къ слѣдующему. Державца обязаны сдавать господарскую стацію въ Вильно или куда будетъ приказано, если самъ господарь не будетъ жить въ державѣ. Далѣе державца долженъ распределять службы людей такъ, чтобы это было наиболее выгодно для двороваго хозяйства: на пашни должно быть осажено столько людей, сколько это необходимо, остальные должны быть отсажены „на пенни“; такъ же должны

¹⁾ Любавскій, о. с., 315, 364; Леонтовичъ, Панаевскій дворъ въ Литовско-русскомъ государствѣ.

²⁾ Любавскій, вѣст. № 23 и въ А. З. Р., II, р. 115.

быть утилизированы и дворныя службы. Весь собранный на дворной пашнѣ хлѣбъ дѣлится между господаремъ и державцемъ, при чемъ послѣдній получаетъ одну треть урожая. Затѣмъ слѣдуютъ предписанія относительно содержанія челяди, эксплуатаціи рыбныхъ ловлей, разработки челядью льна, собиравшагося съ волостей и проч.

Изложенная устава дворамъ Троцкаго и Виленскаго повітовъ заключаетъ въ себѣ хозяйственныя распоряженія, но далеко еще не точно регламентируетъ отношенія двора и окружающей его державы. Черезъ 15 лѣтъ послѣ изданія устава 1514 г. правительство Сигизмунда I снова регламентируетъ управленіе дворами. Правительствомъ издано двѣ устава, одна—для дворовъ Виленскаго и Троцкаго повітовъ, другая—для Жмуды. Мы рассмотримъ обѣ устава въ отдѣльности. Устава дворовъ Виленскаго и Троцкаго повіта издана въ 1529 г. Общая цѣль этой устава заключалась въ ленномъ разграниченіи дохода господарскаго отъ вранничьихъ, опредѣленіи крестьянскихъ платежей и повинностей, въ установленіи строгатаго контроля надъ дѣятельностью мѣстныхъ агентовъ и притомъ съ такимъ расчетомъ, чтобы оградить крестьянство отъ излишней тяготы со стороны державцевъ, въ изложеніи хозяйственныхъ наставленій державцамъ. Устава нѣсколько разъ высказывается противъ „обжигенія“ державцами подданныхъ, чтобы „подданыи наши душежествомъ непотребнымъ не были утиснены“, запрещая излишнюю посылку децкихъ въ волости, „поклоны“ „откуны“¹⁾. Весьма любопытны наставленія державцамъ хозяйственнаго характера. Такъ устава преподаетъ софиты о томъ, какъ нужно распределять хлѣбъ, откладывая часть его на сѣмена, часть на „мѣсячину“ для челяди и въ „отсои“ подданнымъ; устава советуетъ засѣвать землю для раздачи на прику женской челяди, говорить объ уходѣ за рогатымъ скотомъ и лошадьми и т. д. Что касается даней и повинностей съ подданныхъ, то устава ничего не говоритъ о способахъ обложения, но за то мы въ ней встрѣчаемъ новую черту, заключающуюся въ переложеніи нѣкоторыхъ платежей на деньги; такъ на деньги переложены нѣкоторые платежи и нѣкоторыя другіе. По отношенію къ распределенію работъ подданныхъ устава рекомендуетъ оставить на тяглой службѣ и на ремесленной только необходимое количество людей; остальныхъ оно советуетъ переводить на „осаду“; переходъ на осаду

¹⁾ А. З. Р., II, 198, 197—196.

означать замѣну натуральныхъ повинностей платежами; такъ тѣлами платили за осаду по бочкѣ пшеницы или по венру, при чемъ иногда этотъ сборъ взымался деньгами. Специальныя службы переводились на осаду съ уплатой по одной кофѣ грошей „осаднаго“; осадники отбывали сверхъ того толоки¹⁾. Устава обращаетъ также вниманіе на эксплуатацію нѣкоторыхъ побочныхъ статей, напр., на пустошины, рыбныя озера и др. Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что одновременно съ изданіемъ устава было произведено описаніе господарскихъ дворовъ: въ Троицкомъ повѣтѣ этотъ „пописъ“ былъ произведенъ подъ руководствомъ воеводы Николая Николаевича Радивила; мы не знаемъ ближайшимъ образомъ, въ чемъ заключался этотъ пописъ²⁾, но, повидимому, онъ сопровождался главнымъ образомъ регистраціей повинностныхъ отношеній³⁾. Фактически пописъ производился писарями дворовъ. Это были спеціальныя агенты центрального правительства, дѣятельность которыхъ заключалась въ объѣздѣ дворовъ и контролѣ хозяйства въ нихъ⁴⁾.

Устава Жмудскимъ тивунствамъ и дворамъ имѣетъ много общаго съ только что разсмотрѣнной. Ввиду общей цѣли, которую ставитъ себѣ скарбъ, на Жмуди устроенъ былъ контроль скарбовыхъ писарей, какъ и въ дворахъ Виленскаго и Троицкаго повѣтовъ. Сигизмундъ I издалъ въ 1527-мъ году предварительную уставу для нѣкоторыхъ

¹⁾ Ibidem, 196.

²⁾ Описаніе дворовъ того времени до насъ не дошло, но о характерѣ его можно, напр., судить по слѣдующему изложенію сути писарскаго реестра. По поводу одной жалобы пристава и всѣхъ людей двора Ушпольскаго въ господарскомъ выростѣ говорится: „какъ што въ розказанья нашего писаря дворовъ нашихъ Виленскаго повету... Миколай Андрушевичъ въ тѣхъ дворехъ нашихъ на реестры пописецъ всякие доходы и пожитки наши господарне, што съ нихъ подданныхъ нашихъ плату до скарбу нашего приходитъ, и оные дѣи тотъ врочесный платъ кождого року водлугъ устава нашего и реестровъ писарскихъ: яко осадные и купичные пеняи, такъ тежъ отъ коней и утиныхъ, за венры и за яловныя, за бираны, за куры, и за яйца, за пшеницу, за жито, за ячмень, за медь прѣснуй, за ленъ и за овецъ корочный, отъ земель пустошскихъ и дѣлякъ сувошные пеняи кождого году отдають. Любжъ есмы на то хотали достаточную ведомость яети, помыслили до тѣхъ дворовъ нашихъ ѣхали имъ о доходахъ нашихъ достоточно съ доведати, естанъ бы въ той волости, што пожиточного нашего люди тамошние межъ собою не ширманъ“ (Кн. Зап. Лит., XXIV, лл. 85). Этотъ листъ относится къ 1540 году; изъ него между прочимъ видно, что фактически подданные за всѣ сборы уплачивали деньгами.

³⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, 215.

⁴⁾ А. З. Р., II, 184.

Жмудскихъ державъ, окончательно оформленную въ 1529-мъ году для всей области. Въ уставѣ 1527 года король разъясняетъ, что по его распоряженію были предварительно произведены „пописы“ этихъ волостей. Это описаніе показало королю, что Жмудины претерпѣваютъ „великія кривды“ и „непомѣрныя тѣлосты“ отъ вридниковъ, почему многіе подданные разошлись. Поэтому король освобождаетъ подданныхъ отъ всѣхъ „посадей“ и полатковъ и назначаетъ одинъ опредѣленный платъ. Онъ командируетъ въ Жмуду Иванну Горностаю чинить „справедливостъ“ подданнымъ, прекратить сборъ посадей и вообще способствовать тому, „якъ люди наши за земли своихъ не розсходилися, а пустошины бы оседали“¹⁾. Устава 1529-го года является развитіемъ предшествующей: она исходитъ изъ признанія „великаго утисненія“ подданныхъ отъ тивуновъ и необходимости сдѣлать „полегченіе“ людямъ. Прежде всего она освобождаетъ всѣхъ подданныхъ отъ незаконныхъ поборовъ вридниковъ, опредѣляетъ вридничи доходы и господарскіе; равнымъ образомъ она устанавливаетъ контроль надъ тивунами, такъ какъ за изданіемъ устава послѣдовали размѣски писарей по державамъ. Изъ господарскихъ податковъ—стачія собирается въ натурѣ только въ случай приѣзда лично господара, въ противномъ случаѣ она собирается деньгами. Изъ натуральныхъ сборовъ остается медь прѣснуй, очевидно въ видѣ оброчнаго дохода, дѣкла,—съ тѣхъ людей, которые и раньше давали его; нѣкоторые оброчные доходы уже переведены на деньги, напр., неводичные пеняи, за рыбныя угодья. Изъ натуральныхъ господарскихъ повинностей оставлена только косяба сѣна и то не повсемѣстно. Но самая важная сторона Жмудской устава заключается въ переводѣ его населенія съ тѣлыхъ и специальныхъ службъ на осаду.

Мы уже видѣли выше, что переводъ на осаду былъ рекомендуемъ правительствомъ уставами 1514-го г.²⁾ и 1529-го г. Но въ дворахъ Виленскаго и Троицкаго повѣтовъ переводъ людей на осаду производился лишь въ томъ случаѣ, если сами подданные выражали

¹⁾ А. З. Р., II, 182—184.

²⁾ „И ты, вридниць нашъ,—говоритъ устава 1514 г.,—вѣшь, колько розумючи людей на нашия оставити, которыми бы еси медь достаточне нашу нашу збавлати, а нашихъ вѣшь на пеняихъ осадити и съ каждого человека на кофѣ грошей въ годъ“ и сдѣлать эти гроши въ скарбъ. (Либавскій, прилож. N 23).

на это свое согласие. В 1524-м г. господам надаль вырокъ по жалобѣ Браславскихъ волостанъ на своего державца Павла Сопегу. Поддавые жаловались, что державца насильно переводитъ ихъ на осаду, а между тѣмъ вимааетъ осадный платъ въ двойномъ размѣрѣ; при прежнихъ державцахъ ихъ „квалтомъ на пенялахъ“¹⁾ не осаживали потому, что они служать татлюю службу. Въ своемъ вырокѣ господамъ запрещаетъ Сопегѣ „квалтомъ“ переводить подданныхъ на осаду, но „естли бы которые люди наши хотели сами своею доброю волею на пенялахъ осеста, не хотли службы служити, тыхъ бы еси людей отсаживалъ“²⁾. Такими чертами отличалась осада въ дворахъ Виленскаго и Троцкаго поѣвтовъ. На Жмуди, гдѣ не было развито дворцовое хозяйство, господамъ уставой 1527 года переводитъ все татлюе население на осаду. Взамѣнъ всѣхъ старинныхъ посадей и дачекъ устанавливается однообразный платъ по 15 грошей въ годъ съ воловой сохи, по 7½ грошей—съ конской; тѣ, кто не имѣетъ ни воловъ, ни лошадей платитъ „съ земли“ по 5 грошей. Впрочемъ, указанный размѣръ платежа—временный, пока подданне „успокоутъ“³⁾. Дѣйствительно устава 1529 года удваиваетъ этотъ платъ. Такимъ образомъ основныя крестьянскія службы—татлю и поседи—переложены на деньги. Надо впрочемъ замѣтить, что Жмудская устава нигдѣ не даетъ опредѣленнаго термина этому плату, но не можетъ быть сомнѣнія, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тою же осадною, о которой говорятъ уставы дворама Виленскаго и Троцкаго поѣвтовъ; по ясному указанію грамотъ этотъ платъ вводится взамятъ татлюихъ работъ. Что касается самой формы обложения—по сохамъ, то источники не даютъ никакого разъясненія о томъ, въ какомъ отношеніи посонное обложение находилось къ старымъ службамъ, т. е. полагаютъ ли устава соху равной службѣ, или нѣтъ. Дѣло въ томъ, что посонная раскладка вводится только для осадныхъ платовъ, между тѣмъ какъ остальные сборы взимаются съ дворовъ и службъ. По старѣйшимъ инвентарямъ жмудскихъ тивунствъ податная раскладка производилась по службамъ⁴⁾. Это показываетъ, что служба здѣсь была основною окладною единицею. Однако посонную раскладку мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ новободскихъ тивунствахъ для мелкихъ

¹⁾ Литва Лит.-руск. годуд., I, 196—197.

²⁾ А. З. Р., II, 183.

³⁾ Справ. Инвентарь Бирштанъ (у Любавскаго въ прил. № 4).

кормовыхъ сборовъ (напр. въ Тондигольской волости). Но раскладка намѣстничьихъ доходовъ отличалась большею подвижностью, чѣмъ государскихъ; намѣстники весьма интенсивно переводятъ свои сборы съ старыхъ службъ и дворищъ на дворы, дѣла и сохи, какъ на болѣе эластичныя единицы обложения. Вотъ почему можно высказывать предположеніе, что посонная раскладка осадныхъ платовъ является нововведеніемъ, отражая на себѣ попытку скарба обратиться къ болѣе гибкимъ окладнымъ единицамъ. Посонная раскладка такимъ образомъ падала не на землю, а на важнѣйшую часть хозяйственнаго инвентаря, по которой можно было судить объ имущественномъ состояніи плательщика; въ этомъ смыслѣ осадный платъ можно назвать поимущественнымъ налогомъ. Онъ давалъ правительству возможность уловить и такихъ плательщиковъ, которые легко ускользали при раскладкѣ по службамъ. Съ осаднымъ платомъ на Жмуди въ тѣсной связи находится одинъ натуральный сборъ овсомъ. Устава 1529-го года, опредѣливъ размѣръ плата съ безлошадныхъ, сейчасъ говоритъ: „при томъ устанавлиемъ“, ежегодный сборъ „съ кождаго человека“ за бочку оса по 6 грошей и за возъ ейна по 2 гроша. Такъ какъ устава отличаетъ этотъ сборъ отъ дѣла и стаціи, то можно думать, что онъ введенъ именно въ связи съ осаднымъ платомъ. Тѣмъ болѣе, что дѣло на Жмуди, какъ видно изъ той же устава, платилось не всѣми; такимъ образомъ въ данномъ случаѣ сборъ дѣлознаго оса распространяетъ на всѣхъ плательщиковъ, и въ этомъ отношеніи Жмудъ сравнена съ дворама Троцкаго и Виленскаго поѣвтовъ.

Уставы дворама и тивунствамъ дѣйствовали до введенія волочной устава; какъ мы видимъ, онъ не имѣлъ въ виду кореннаго измѣненія податной раскладки; старинныя подати и повинности остаются въ большинствѣ случаевъ прежніи. Но уставы отражаютъ въ себѣ слѣды новаго положенія вещей: натуральные сборы и повинности перелажаются на деньги, а на Жмуди сдѣлавъ болѣе крупный шагъ впередъ. Во всемъ этомъ уже можно усмотрѣть признаки стремленія скарба отрѣшиться отъ старинны и изыскать болѣе удобные способы обложения и новыя доходныя статьи. Если на уставахъ правительства Сигизмунда I отразилось стремленіе улучшить господское хозяйство на основахъ старинны, то то же правительство стало подготавливать господское хозяйство къ введенію новыхъ формъ, работая о распространеніи осады на вѣмецкомъ правѣ къ Подляхія. Осада и вѣмецкій чинишъ уже имѣютъ между собою много общаго.

6. Особи на нѣмецкомъ правѣ и волочная устави.

Переходъ населенія городовъ и селеній съ русскаго права на нѣмецкое имѣлъ очень важное значеніе въ исторіи Литовской Руси. Сначала нѣмецкое право проливалось въ крупныя городскія центры, а за ними и въ болѣе мелкіе. Раздача привилеевъ на магдебургію идетъ въ теченіе всего XV ст., и количество ихъ увеличивается при Сигизмундѣ I. Реформы Сигизмунда Августа завершили распространеніе магдебургіи въ государственныхъ городахъ, такъ какъ и города Подвинскихъ и Подиѣровскихъ волостей почти все получали привилей, хотя и нѣсколько особаго рода. Если принять во вниманіе количество привилеевъ, выданныхъ великими князьями городамъ на магдебургію, да еще переходъ на магдебургію частновладельческихъ городовъ, то распространеніе нѣмецкаго права нельзя не назвать весьма быстрымъ. Какъ извѣстно, въ объясненіи причинъ такого расширенія нѣмецкаго права изслѣдователи не сходятся. Одни видятъ причину его расширенія въ сознательномъ стремленіи государей литовскихъ къ колонизаціи городского населенія, другіе — усматриваютъ чисто экономическія цѣли, преслѣдованныя правительствомъ при пожалованіи новаго права и отміяні стараго русскаго ¹⁾. В. В. Антоновичъ указываетъ еще на одну черту, приводившую къ утвержденію нѣмецкаго права въ Западной Россіи. „Если обратить вниманіе на время выдачи этихъ (магдебургскихъ) грамотъ, то замѣтимъ, что чѣмъ раньше и полнѣе города утратили прежнія общинныя черты быта, тѣмъ болѣе прочно развивалось въ немъ преобладаніе военного сословія и произволъ старости, тѣмъ скорѣе князья принуждены были спасти городскую общину отъ окончательнаго исчезновенія грамотою, жалующею магдебургское право“ ²⁾. Такимъ образомъ упадокъ древне-русской общинной жизни и порабощеніе городского класса старостинскою властью побуждали правительство къ введенію магдебургскаго права ³⁾. Однако почтенный историкъ въ мрачныхъ крас-

¹⁾ Сводъ мнѣній по этому вопросу русскихъ и польскихъ ученыхъ съ указаніемъ литературы можно найти въ книгѣ г. Липиниченко. Черты изъ исторіи сословія и пр., р. 186 сл.

²⁾ Статья о городахъ въ предисловіи къ Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. V, т. I, р. 46.

³⁾ Ibidem, р. 48.

кахъ рисуетъ положеніе городскихъ общинъ: онѣ не сжились съ нѣмецкимъ правомъ и не получили необходимой для своего развитія самостоятельности, не избавились отъ административной опеки ¹⁾. Мы не можемъ отвлечься отъ основной задачи нашей работы для подробнаго изслѣдованія причинъ успѣшнаго развитія магдебургскаго права въ Западной Россіи. Несомнѣнно, введеніе его въ городахъ сопровождалось разрывомъ той неконной связи города, какъ центра земской общины, съ территоріей земли. Но надо помнить, что въ данномъ случаѣ не магдебургское право было причиной разрушенія древне-русскаго общиннаго строя; этотъ строй нарушался, претворялся въ инныя формы общественной жизни, въ зависимости отъ многихъ причинъ. И городъ на нѣмецкомъ правѣ, съ его обособленной мѣщанской общиной, былъ однимъ изъ показателей всеобщей переработки социальныхъ отношеній. Думается также, что историкъ слышкомъ сужденомъ краски, обсуждая невыгодныя стороны въ жизни городской общины на нѣмецкомъ правѣ. Что это право, вслѣдствіе разнообразія городскихъ привилеевъ, не способствовало созданію одного мѣщанскаго сословія, это несомнѣнно. Но съ наименьшею убѣжденностью можно утверждать, что оно способствовало быстрому экономическому росту города. Препятствія на этомъ пути относятся не къ періоду XVI в., а къ XVIII и отчасти только къ XVII в., когда въ средѣ сеймиковой шляхты утвердилось предствленіе о городѣ, какъ главномъ источникѣ государственныхъ доходовъ; между тѣмъ параллельно съ утвержденіемъ такихъ взглядовъ шляхта стѣсняла торговую свободу, свободную конкуренцію цѣль и пр., наконецъ, палагала свою тяжелую руку на свободу и привилей городской общины. Но это явленія позднѣйшаго времени, и они не имѣли влѣста въ періодъ развитія нѣмецкаго права — въ XV и почти въ теченіи всего XVI в. Въ вопросѣ о вѣднательствѣ въ городскую жизнь старостинскаго уряда надо имѣть ввиду во-первыхъ, что и борьба уряда съ общинами не исключительная принадлежность нѣмецкихъ общинъ: почти весь XVI в. отличается ожесточенною борьбою волостныхъ и городскихъ общинъ съ урядомъ, при чемъ въ этотъ періодъ администрація имѣла больше новодовъ къ вѣднательству въ дѣла общинъ на рускомъ правѣ, чѣмъ на нѣмецкомъ. Переходъ на послѣднее въ XVI в. означать значительную свободу отъ мелочнаго контроля

¹⁾ Ibidem, р. 69.

администрации, главным образом потому, что сразу выяснились отношения населения к суду и скарбу. Наконец, во-вторых, размеры административного вмешательства были прямо обусловлены шириною городского привилея.

Если теперь обратиться к причинам, побуждавшим правительство и население к переходу на немецкое право, то нельзя не отнестись с большим доверием к заявлениям на этот счет древнейших грамот на магдебургию. Они единогласно указывают на затрудненіи, испытываемыя населением от господства в городах различного права—русского, немецкого и польского; другое затруднение заключается в вмешательствѣ администрации в жизнь общины. Изъ этого ясно, что население крупных городских центров, переходивших на магдебургию, было не всегда однородно, и новое право являлось той серединой, которая могла примирить всѣх горожанъ, такъ какъ оно дѣйствительно носило въ себѣ черты интернационализма. Съ другой стороны, вѣтъ нужды заподозривать тѣ же грамоты, когда они ясно говорятъ о томъ, что цѣль введенія магдебургскаго права заключается въ томъ, чтобы дать населенію способъ къ лучшему развитію торговли, а скарбъ ожидаетъ отъ города увеличения скарбового дохода¹⁾. Въ послѣдующемъ изложеніи намъ придется привести данныя относительно источниковъ доходовъ съ городовъ магдебургскихъ и не магдебургскихъ, и этотъ обзоръ дастъ не мало указаний на то, что доходы съ магдебургскихъ городовъ отличались болѣею опредѣленностью и болѣеюи размахами. Сверхъ того

¹⁾ Приведемъ нѣкоторыя указанія привилеевъ, разъясняющія правительственную политику по раздѣлу магдебургскаго права. Древнѣйшіе привилеи обычно говорятъ о желаніи верховной власти дѣлею магдебургскаго права городу его conditionem facere meliorem (прив. Берестю 1390 г., Акты Лит.-рус. гос., I, р. 1; при этомъ Берестю дала „воля“ при осадѣ на волокахъ); или inopia et desolationi misericorditer subvenire et ut homines eam inhabitantes uberius carpere queant incrementa (прив. Бароста 1408 г. тому же городу, ibidem, р. 3), конечно, и ad augendum fructus thesauri nostri (ibidem, р. 17, пр. Кошира Берестю же, 1440 г.). Ср. грамоту Перемилю 1430 г. (ibidem, р. 10), Литовишу ок. 1434 (ibidem, р. 12, ср. р. 58, 84, 97, 99, 102, 112). Ср. и А. З. Р., I, р. 187—189, т. II, р. 72, 75, 80, 179 и др., Арх. Ю.-З. Р., ч. V, т. I, р. 13. Замѣтимъ, что грамоты древнѣйшаго времени знаютъ немецкое население въ городахъ (напр., Акты Лит.-рус. гос., I, р. II, Арх. Юго-Зап. Р., ч. V, т. I, р. 3), слѣдов. владеніе немецкаго права въ нѣкоторыхъ городахъ было явленіемъ естественнымъ, такъ какъ былъ элементъ населенія, принесшій его съ собою изъ Германіи; въ городахъ акты упоминають также и о польскихъ элементахъ населенія, тоже знакомахъ съ правомъ.

надо помнить, что магдебургскіе города привлекали къ себѣ население и имѣли достаточно средствъ, основанныхъ на привилеехъ, для удержанія этого пришлаго населенія въ средѣ своей общины. Ввиду сказаннаго, развитіе магдебургскаго права въ Литовско-русскомъ государствѣ нужно отнести къ области финансовой политики правительства. Эта сторона дѣла выяснится съ еще болѣею опредѣленностью при обзорѣ развитія сельскихъ и мелкихъ городскихъ поселеній на немецкомъ правѣ.

Источники довольно рано упоминають о появленіи осадъ въ селѣхъ на немецкомъ правѣ. Признаками этихъ осадъ можно считать извѣстія объ уплатѣ крестьянами census и о censuales¹⁾—плательщикахъ чинша. Оба термина по отношенію къ сельскимъ жителямъ—не переводъ мѣстной дани, потому что городскіе привилеи на магдебургию хорошо ихъ знаютъ и всегда связываютъ съ платой отъ лана, манна земли или съ волоки²⁾. Повидимому, древнѣйшія крестьянскія поселенія на немецкомъ правѣ были въ Подляхѣ, гдѣ при Витовтѣ еще сминались кметы; цѣль распространенія немецкихъ осадъ состояла въ увеличеніи населенія, такъ что уже Вѣльская уставная грамота стремится положить предѣлы конкуренціи помѣщичьей³⁾. Встрѣчаются также извѣстія о раздѣлѣ войтовствъ⁴⁾ не только въ частновладельческихъ имѣніяхъ, но и въ государственныхъ⁵⁾. Къ этому можно прибавить, что къ началу XV в. относится попытка введенія осадъ на ланшскомъ правѣ⁶⁾, очевидно, подъ вліяніемъ сосѣдней Галиціи⁷⁾. Однако, немецкое право въ господарскихъ селѣхъ не имѣло широкаго распространенія до времени Сигизмунда Стараго; до него не мало было основано мѣстечекъ, т. е. полугородскихъ, полусельскихъ поселеній; но правительственная дѣятельность по осадамъ чисто сельскихъ войтовствъ, равно какъ и по болѣе интенсивной работѣ по организаціи мѣстечекъ, начинается съ Сигизмунда I.

¹⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, 8; Codex epistolaris Vitoldi, р. 77, 103.

²⁾ Напр., Акты Лит.-рус. гос., I, 5 и др.

³⁾ Яценскій, Зем. Уст. грам., 134—135.

⁴⁾ Записки Научнаго товариства имени Шевченки, 1896, т. I, р. 7.

⁵⁾ А. Ю. З. Р., I, р. 9.

⁶⁾ А. Ю. З. Р., I, р. 9.

⁷⁾ Даниченко, Черты и др., р. 170 сл.

Вопросы, связанные съ землевлáднiемъ на нѣмецкомъ правѣ, наиболѣе трудные въ западно-русской исторiи и далеко еще не выясненные. Причину тому надо видѣть не въ одной неразработанности вопроса: по отношенiю къ Западной Россiи можно согласиться съ почтеннымъ историкомъ въ томъ, что здѣсь, какъ и въ Польшѣ, понятiя, связанныя съ чиншевымъ правомъ, находились въ хаотическомъ состоянiи¹⁾. Если трудно уловить сущность юридическихъ отношенiй, возникшихъ изъ перехода на нѣмецкое право, за то нельзя сомнѣваться въ экономической основѣ этихъ заносныхъ формъ землевлáднiя. Ученые, занимавшiеся вопросами о вѣчно-арендныхъ отношенiяхъ въ Западномъ краѣ, пришли къ заключенiю о связи ихъ съ формами средневѣкового эмфитеуза²⁾, который въ свою очередь является возрожденiемъ римскаго эмфитеутическаго землевлáднiя³⁾. Въ среднiе вѣка существовалъ цѣлый рядъ причинъ, побуждавшихъ землевлáдльца сдвигать на свои земли населенiе на льготныхъ условiяхъ, почему различныя формы эмфитеуза были известны повсемѣстно въ Западной Европѣ⁴⁾. Льготы, предоставляемая при этомъ землевлáдцу, побуждали его переходить на новыя мѣста, разрабатывать залежи и лѣса и вносить земледѣльческую культуру туда, куда она не скоро-бы проникла безъ особыхъ побудительныхъ причинъ. Вотъ почему исследователи придаютъ такое большое значенiе средневѣковой эмфитеузѣ. Средства, съ помощью которыхъ этотъ институтъ стремился къ намѣченной цѣли, состояли въ оживленiи личнаго интереса земледѣльческихъ рабочихъ классовъ.

Въ славянскiя земли проникали нѣмецкiя формы вѣчно-арендныхъ отношенiй; нѣмцы изыскали сюда, какъ колонисты, и приносили

¹⁾ Рембовскiй, Исторiя и значенiе чиншевого владѣнiя въ западномъ краѣ СПб., 1896, р. 100.

²⁾ Такой взглядъ проводится въ книгѣ А. Рембовскаго, Исторiя и значенiе чиншевого владѣнiя въ Западной краѣ, проф. О. И. Леопольдовичемъ въ ст. Сельскiе чиншевики въ Лит.-русскомъ госуд. Ж. М. Н. Пр., 1899, февраль. Ср. Heida Dawne prawo prywatne, Krak., 1874, р. 157 слѣд. Въ названныхъ сочин. находится и указанiя на литературу вопроса.

³⁾ Garsonnet, E. Histoire des locations perpétuelles et des baux à longue durée, Paris, 1879, р. 262.

⁴⁾ Карышевъ, Вѣчно-наследственный наемъ земель на континентѣ Западной Европы, СПб., 1885, р. 13—14. Garsonnet (op. cit., р. 2) считаетъ вѣчно-наследственную форму правыхъ отношенiй однимъ изъ періодовъ въ развитiи земельной собственности.

съ собой новыя юридическiя формы владѣнiя, общинные порядки, выработанные ими при колонизацiи, свое право¹⁾, и, наконецъ, исконныя формы землепользованiя съ раздѣленiемъ полей на гуфы, моргешы, общинное пользованiе выгонами и новое для славянскихъ народовъ располженiе села. Совокупность этихъ сторонъ нѣмецкой колонизацiи и составила такъ наз. въ Польшѣ, а потомъ и въ Западной Россiи, „тевтоны“, въ которыхъ окристаллизовались всѣ характерныя черты новой системы. Никто не скажетъ, каково было количество нѣмецкихъ поселенцевъ, перешедшихъ въ польскiе города и села, но созданный ими „тевтоны“ оказался удобопримѣнимымъ настолько, что въ XV в. здѣсь уже все крестьянство съ польскаго права оказалось на нѣмецкомъ²⁾. Польское крестьянство и мѣщанство вполнѣ сроднилось съ нѣмецкимъ правомъ, а для землевлáдльца оно принесло крупныя выгоды³⁾. Въ Польшѣ были причины, которыя особенно способствовали развитiю этого права и нѣмецкой колонизацiи,—это сильное разоренiе страны изъ XIII в.⁴⁾. Укрѣпившаяся въ Польшѣ, нѣмецкое право стало переходить и въ Литовскую Русь, и тотъ фактъ, отмѣченный нами раньше, что первыя свѣдѣнiя о нѣмецкомъ правѣ относятся къ Подляхiн, указываетъ на путь его географическаго распространенiя. Впрочемъ, встрѣчаемъ рѣдкiя указанiя на то, что Польша была не единственною проводникомъ нѣмецкаго права, но что оно иногда переходило непосредственно и изъ нѣмецкихъ земель⁵⁾.

Въ концѣ XV и началѣ XVI в. господарскiй скарбъ былъ не въ блестящемъ состоянiи. Мы уже знаемъ, что Сигизмундъ I ислезески старался поднять и урегулировать доходъ отъ господарскихъ добръ. Тѣмъ болѣе охотно въ его время скарбъ основывалъ города

¹⁾ Характерныя черты нѣмецкой колонизацiи, занесенныя потомъ и въ Польшу, см. въ известномъ соч. Августа Мейтнера Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slawen. Berlin, В. П., р. 344, 359—357 и др. Возрожденiе римской эмфитеузы—ср. Maurer, Geschichte der Frouhöfe, II, 75 сл.

²⁾ Piekosiński Fr., O sądach wyższych prawa niemieckiego w Polsce wieków średnich, Krakow, 1884, р. 18.

³⁾ Ibidem, р. 16.

⁴⁾ Lanckie, Ins Culmenze, ср. Рембовскiй, и. с., р. 34—36.

⁵⁾ Въ инвентарѣ Райгорода и Галля встрѣдаемъ указанiя на уплату чинша „прусскимъ обычаями“. Арх. Сб., I, р. 31.

и селенія на нѣмецкомъ правѣ, что оно давало опредѣленный и большій доходъ. Самый процессъ колонизаціи прекрасно разъясняется ея цѣли. Мы укажемъ на характерныя черты его, замѣтивъ, что выдѣлять въ этомъ случаѣ осаду сельскихъ и городскихъ войтовствъ нѣтъ никакой нужды, такъ какъ приемы осады въ обоихъ случаяхъ были одинаковы.

Та картина осады на нѣмецкомъ правѣ, которую рисуетъ д-ръ Певосинскій по отношенію къ Польгѣ¹⁾, вполнѣ повторилась въ началѣ XVI в. и въ Литовской Руси. И здѣсь мы встрѣчаемъ то же оборудованіе подлѣ сельско-хозяйственную культуру „сырого корова“, ту же погоню за колонистами и интенсивную дѣятельность предприимателей по ихъ сознанію.

Главнымъ руководителемъ по осадѣ городовъ и селеній были мѣстный староста, дѣйствовавшій по приказанію или съ согласія короля²⁾. Онъ подыскивалъ „годного“ человека и поручалъ ему найти подходящее для поселенія города или села мѣсто; это — будущій войтъ. Когда мѣсто на осаду найдено, оно разбивалось на волоки, и староста просилъ короля объ утвержденіи „годного“ человека войтомъ будущаго поселенія; войту даются обычныя „платы“ на войтовство, за что онъ обязался осадить поселеніе³⁾. Иногда староста самъ размѣряетъ службы и жеребья подходящаго для поселенія мѣста, опредѣляетъ войтовскіе доходы, поручаетъ будущему войту осаду и проситъ короля объ утвержденіи войтовства⁴⁾. Въ большихъ осадахъ отбѣрались только „стѣны“ будущаго поселка и нѣсколько волокъ въ центрѣ его, а остальные участки парьбывались войтомъ уже по жрѣбю появления пласетниковъ⁵⁾. Впрочемъ, не одинъ староста хлопоталъ объ осадахъ. Проявленіе частной инициативы въ дѣлѣ новыхъ осадъ широко допускалось правительствомъ; оно охотно утверждало войтовство за тѣмъ, кто самъ „земли и лѣсы подилса на волоки размерята и мѣсто люди осадати прихожими волнами, ку его милости (господари) пожиточному привести“⁶⁾. При Сигизмундѣ-Августѣ часто ревизоры, во время реншай, находили подходящее мѣсто и давали знати

¹⁾ O zadach wuzskuch w pr., p. 7 слѣд.

²⁾ Литы Лит.-рус. гос., I, 158, 175, 181, 222.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XIII, з. 99—99 об.

⁴⁾ Ibidem, з. 91 об.—92 об.

⁵⁾ Литы Лит.-рус. гос., I, p. 53, 212, 235.

⁶⁾ Ibidem, p. 126.

королю о предполагаемомъ „пожиткѣ“ отъ поселенія, и король охотно соглашался на ихъ представленія¹⁾. При немъ-же прибѣгали еще и къ болѣе радикальнымъ средствамъ для увеличенія осадъ. Такъ, одинъ изъ ревизоровъ Дмитрій Сопога получилъ въ 1568 г. въ свое завѣдываніе пущи Лысковоую, Межирѣцкою и Слонымоую, съ которыхъ „до сего часу пожитку ни якого намъ не было“. Поэтому король предназначалъ эти пущи „на осаженье местечокъ, фольварковъ и сель нашихъ“; Сопога поручается „въ тыхъ пущахъ нашихъ месточна и села и фольварки на местцахъ поожихъ, где бы ся ему видело, закладати и людемъ осаживати, и воли людемъ волдугъ баченыя своего роздавати“²⁾. Одинъ мѣрщій, при помѣрѣ Берестейскаго староста, случайно наткнулся на нѣсколькихъ „мужиковъ“, жившихъ на лѣсныхъ островахъ; эти „мужики“ не платили никакихъ платовъ въ господарскій скарбъ, очевидно, потому, что скарбовые чиновники и не подозревали о существованіи лѣсного поселенія. Помѣрщій сообразилъ, что лѣсные острова очень удобны для большого поселенія, „обралъ“ войта изъ тамошнихъ-же жителей, назначилъ ему три волоки на войтовство, льготные годы, и обо всемъ донесъ въ скарбъ, оттуда и получалъ королевское утвержденіе своихъ распоряженій³⁾.

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, з. 191—193 об.

²⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., I, з. 53.

³⁾ Приведемъ въ извлеченіи этотъ любопытный въ бытовомъ отношеніи документъ. Въ грамотѣ на имя старосты берестейскаго пана Николая Радивила король приводитъ зпстѣ служебника С. Свидерскаго, открывшаго и устроившаго острова: „Я, Станиславъ Свидерскій, будучи посланный до повету Берестейскаго, а волки вымерять волоки в селе Полосахъ и в Дубровицѣ и в Вортоахъ, тогда у пущи господаревой нашолъ при тыхъ трехъ селехъ три острова земли прозвѣщень Тучвалъ Луна, на которыхъ островѣ сидятъ три мужики отъ 6 летъ на имя Мицъ Байчичъ, а Петръ Волошинъ, а Федко Банъ, которымъ с того острову плату господарского наложи не плачивали, а другій островъ на имя Кизла, на которомъ островѣ сидятъ три мужики на имя Сенько Кошоловичъ, а Масаръ Костяновичъ, а Описко Костяновичъ, а третій островъ Оценскій недалеко себе островъ отъ острова. А земли таякъ еси вымерилъ двадцать и чотыри морга. А с тыхъ острововъ мають платити до скарбу господарского во дене грошей польскихъ с каждое волоки на каждый рокъ. А вырозумелъ еси, изъ на тыхъ островехъ будеть и 40 волокъ, не рушаючи земляное земан и грядницъ, а коветъ тамъ на Гоше рече стаятъ быти и мань. И волдугъ росказанья его милости пана Левицкого установимъ тамъ доброго человека Мица Байчичъ, который маєт сидати село на тыхъ островехъ нѣ великому господарскому пожитку и назначилъ еси тымъ людемъ, которые будутъ осадати волы на 12 летъ, или што будеть воли господарския; а лѣтъ выседать волю 12 летъ, тогда мають давати до скарбу господа-

Когда, таким образом, найдено место для поселения и войты въ качествѣ осадного, то „бликалась“ „вола“¹⁾, т. е. на рынкахъ объявлялось о закладѣ новаго поселения съ указаніемъ количества льготныхъ отъ платежей лѣтъ. Последнее зависѣло отъ условій данной мѣстности, т. е. отъ ея отдаленности отъ населенныхъ уже центровъ и отъ разбровъ того труда, который долженъ быть приложенъ новоселами для подготовки почвы подъ сельско-хозяйственную культуру. Дѣло въ томъ, что новая осада обыкновенно отводилась на „спромѣ корени“, среди лѣса, разработка котораго требовала тяжелого труда—„для того ижъ тотъ лесъ на оныхъ волокахъ разроблявати маотъ“²⁾. Такъ при осадѣ въ пуцѣ Любечской объявлена вола на 12 лѣтъ³⁾, при осадѣ людей въ Биританской пуцѣ объявлена вола на 20 лѣтъ⁴⁾, мѣстечка Переросля, заложенного въ пуцахъ Ожской и Переломской,—на 10⁵⁾ и т. д.⁶⁾. Иногда, если уже поселеніе заложено и частью осажено, войту предоставлялось право самому опредѣлить льготные годы для каждаго поселенца въ частности⁷⁾. Любая ревизія староства на волочной помѣрѣ можетъ представить массу указаній на осаду въ дубровахъ, на данную при осадѣ „волю“ и пр.

Проходило нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ дуброва была разбита на волоки, прокликана „вола“; поселеніе начиналось въ мѣстечкѣ дарского вѣшеювенной вѣты, а не маотъ жадныхъ службъ на господря служить доволу господарское. И далъ еси ему три волоки вольныхъ, еси выробить 100 волокъ⁸⁾. Король утвердилъ распоряженія мѣстныхъ властей и избраннаго ими войты. Такимъ образомъ крестьяне пользовались только 24 моргами острова, въ которомъ было 40 волокъ годной для поселенія земли (Кн. Зап. Лит., XIII, с. 14—15; 1541 г.).

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XLVIII, с. 326. Вотъ еще свидѣтельство: подданный Князь Мадидъ „попѣдиль“, „ижъ ловчій великого князства Литовскаго есе панъ Григорей Возовичъ а писаръ нашъ державца Квасовскій и Красницкій панъ Лавринъ Война за росказаньемъ нашимъ будучи в лесництво Бельскомъ и ставопечи пародкъ на воллахъ тамъ въ той пуцѣ ново осажонныхъ а видети того потребу усиани есо войтомъ въ селехъ нашихъ на волы, то-есть у Ягодинку, въ Локотинки, и в Шостакове, на которое войтовство назначили ему две волоки земли пустыхъ“ (Кн. Зап. Лит., LI, с. 63 об.—64).

²⁾ Кн. Зап. Лит., XII, с. 96. Ср. Акты Лит.-рус. гос., I, 212.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, с. 373.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., XXV, с. 228.

⁵⁾ Кн. Зап. Лит., LI, с. 24 об.

⁶⁾ Ibidem, с. 16, кн. XLVIII, с. 43 об. и с. 321 об., кн. L, с. 26 об., Акты Лит.-рус. гос., I, с. 226.

⁷⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, 106, 123.

или сельскомъ войтовствѣ. Рядомъ съ войтомъ уже засѣдали бурмистры и лавники.

Войтовскій привилей уже въ значительной мѣрѣ служилъ для населенія гарантіею для пользованія нѣмецкимъ правомъ, но это еще не было настоящее „право“. Поэтому населеніе, обѣщавъ и обдѣлившись нѣсколько—обычно ко времени истеченія льготныхъ лѣтъ,—хлопочеть о выдачѣ ему государемъ „права“. Иногда оно сначала получало предварительный или краткій листъ, а потомъ уже и настоящій привилей; иногда послѣдній выдавался сразу¹⁾. Надо замѣтить, впрочемъ, что поселенія войтовства, кажется, совсѣмъ не получали „права“, но мѣстечки всегда его получали.

Послѣ сказаннаго понятна и цѣль воиныхъ поселеній,—чтобы люди „сидялись“ въ нихъ, приходили „мѣшкати“²⁾, для приведенія мѣста „къ доброму и лѣшному пожитку нашему“³⁾, для „вмноженія людей“⁴⁾, или чтобы „люди наши оседали и платы-бы наши намъ се повышали“⁵⁾; вообще въ осадѣ всегда видѣли „примножене екарбу нашего“⁶⁾. Иногда случайныя причины побуждали правительство „сидѣти мѣсто“. Такъ, напр., Малевичи бази основаны потому, что въ нихъ были недостатокъ „добраго здежанья и власного отпочиненья“⁷⁾, а между тѣмъ онѣ были „станови“ на дорогѣ, по которой проѣзжали господа.

Такимъ образомъ, правительство принимало всѣ мѣры для усиленія колонизаціи на нѣмецкомъ правѣ, поощряя населеніе льготами и поощреніемъ-же вызывая инициативу какъ администраціи⁸⁾, такъ

¹⁾ Ср. напр. такіе предварительные привилеи Наркѣ, Воиню, Акты Лит.-рус. гос., I, 158, 175, 181.—Свт. Августъ далъ привилей тѣмъ мѣщанамъ которые поселятся въ урочищѣ Переросль въ пуцѣ Переломской, потому что здѣ яко не мало людей имъ жѣтканье сходится, ижъли селитися не хочуть, немалою невности, покуда маотъ мети вольность отъ владенья азату до екарбу нашего“, а прежній привилей у нихъ „лишнулъ“ (Кн. Зап. Лит., I, с. 26 об.). Безъ привилея вполнѣ обѣщанное населеніе рисковало попасть въ тѣло А. З. Р., II, 153.

²⁾ Акты Лит.-рус. гос., с. 158.

³⁾ Ibidem, с. 160, 176.

⁴⁾ Ibidem, с. 181.

⁵⁾ Ibidem, с. 102.

⁶⁾ Кн. Зап. Лит., XLVIII, с. 326.

⁷⁾ Акты Лит.-рус. г. I, с. 159—160.

⁸⁾ Сомнѣея хотя бы на обдѣланіе Дн. Солонѣ не отнимать у него державы, который онъ осадить (Кн. Судн. Дѣль Лит., LIII, с. 181), на дачу доживоты на Пересты и Милъ Радивалу на дѣтельность по осадѣ и пр.

и частных лиц въ устройству осадъ. И это иногда понятно, потому что осада мѣста требовала не мало труда, энергій, а иногда и капитала¹⁾. Въ лицѣ „годныхъ“ людей, стремившихся обезпечить себя войтовствомъ, встрѣчаются очень дѣятельные колонизаторы²⁾. Войтъ подучалъ за осаду войтовства нѣсколько волокъ, свободныхъ отъ платовъ, право на корчму, мельницу, ятки, доходы отъ суда и др. „пожитки“. Среди войтовъ встрѣчаются какъ шляхтичи³⁾, такъ и крестьяне господарскіе—поддѣные⁴⁾. Войтовства давались во временное владѣніе, напр. въ доживотье⁵⁾, но чаще владѣніе ими составляло наследственное право съ правами продажи, аренды, закупа и пр.⁶⁾.

Итакъ, изучая дѣятельность правительства по расширенію волочныхъ осадъ, мы встрѣчаемся въ данномъ случаѣ съ знакомыми уже намъ явленіемъ; она напоминаетъ стремленіе правительства собрать населеніе въ тѣхъ державкахъ и волостяхъ, которыя еще оставались на русскомъ правѣ, эксплуатировать здѣсь пустошицы и пр. Съ этой стороны правительственной дѣятельности мы уже знакомы. Только въ мѣстностяхъ, гдѣ происходили волочныя осады, эти мѣры были болѣе объединены, имѣли конкретные образцы для приведенія ихъ въ исполненіе и давали болѣе осязательные результаты.

Говоря о волочныхъ осадахъ, мы преимущественно пользуемся фактами, касающимися Подляхія. Это не случайный подборъ источниковъ, потому что именно здѣсь правительство Сигизмунда I и его сына производило впервые, путемъ описанной вольной колонизаціи, переводъ населенія на нѣмецкое право. Главная заслуга въ этомъ отношеніи, повидимому, принадлежитъ старостѣ Берестейскому пану Мик. Радивилу, хотя и до него здѣсь уже многое сдѣлано было для

¹⁾ Ловий Гр. Волочить державцѣ немойтскому „примножаючи пожитокъ скарбу земного на розробленіе поля, черезъ реперорыи ограничюне людми осаживаючи, поручилъ, зачимъ оны (т. е. державца) хотечи пожитокъ скарбу замслага валотомъ идѣлати, не зъ малымъ коштомъ своичи працюючи, людой на воллахъ оного дѣяництва Немойтскаго волкко сель осадилъ (Акты Висл. Арх. Ком., VIII, р. 229).

²⁾ Напр. Хибовскій въ короткое время основываетъ три войтовства (Кн. Зап. Лит., XIII, ст. 91, 99, 110); такова же энергичная дѣятельность Бориховскаго и др. индѣ.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 113.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 326.

⁵⁾ Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 165.

⁶⁾ Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 123 об., LI, л. 28 -29

водворенія нѣмецкаго права. Въ Подляхія-же еще при Сигизмундѣ I, была предпринята и переводъ цѣлыми группами сель на волочную систему.—напр., въ Дорогичскомъ староствѣ¹⁾. Въ другихъ господарскихъ староствахъ волочная система подворилась слѣдующимъ образомъ. Королева Бона ввела ее въ тѣхъ староствахъ, которыя она сама владѣла (Вилнскъ, Суражъ, Вильскъ, Гродно, Кобринъ, Кременецъ²⁾; въ дворахъ Виленскаго и Гроднскаго войтовъ волочная система была прямо введена Сигизмундомъ Августомъ, и тогда-же провадилась осада нунци на прусскомъ пограничьи³⁾, а въ Подлянскихъ и Подбѣпровскихъ

¹⁾ Приведемъ слѣдующее распоряженіе Сигизмунда I объ осадѣ сель въ этомъ войтѣ, сдѣланномъ въ 1536 г.: „Росказалъ король его милость повоеду подляшскому старосте дорогичскому пану Ивану Богдановичу Совезе в тѣхъ сельхъ повоеду Дорогичского на имя у Путковдохъ, у Молмудгахъ, у Ковергахъ, у Винарехъ у Чорныхъ земли на волоки размерити и оныхъ людей на цѣнну осадити и казали его милость имя, воде размеренія пана воеводи, оныхъ земли на воллахъ держати и тотъ влать его милости господарскій давати, потому что и в иншихъ сельхъ тамошнихъ цѣнны а волоки своихъ давати, о чомъ же и листы свои господарскии до оныхъ сель его милость инеалъ, абы вко они то все позвали и противъ тому росказанью господарскому ничимъ не стояли, бо то есть вози и росказаніе его милости господарское“ (Кн. Зап. Лит., XIX, л. 91 об.). Это распоряженіе указываетъ на широкое распространеніе волочныхъ осадъ въ Подляхія. Въ то же время оно показываетъ, что услѣдить за количественнымъ ходомъ осадъ очень трудно по книгамъ центральныхъ учрежденій: это случайная записка въ книги устного распоряженія короля.

²⁾ Въ этомъ отношеніи имѣеть весьма важное значеніе приводимый ниже документъ. Онъ свидѣтельствуетъ о систематическомъ переводѣ на осаду въ староствахъ королевы Бона и о сомнѣніи въ воляхъ осадъ частновладѣльческихъ подданныхъ. Вотъ это распоряженіе короля: „Старостамъ и державцамъ замковъ и дворовъ нашихъ берестейскому, каменскому, дорогичскому, медлинскому. Монилиа намъ королевы наша ее милость и великая княгиня Бона о томъ, изъ росказаніе ее милости старосте вилнскому, кобринскому, клецкому, городненскому пану Ивану Михайловичу и нунци ее милости Кобринской люди на себе садити въ мѣстцахъ годныхъ и вози изъ давати, которыми тамъ за ее милостью осадити. Прогодь, абы есте по мѣстехъ и дворохъ нашихъ казали записати и тѣмъ воли всенъ оповѣдати. И которыи бы козьмень люди вольныи похожи и воевтехъ нашихъ хотели з мѣстечокъ и торговъ и ижевой князьскихъ и вилнскихъ за ее милость ити и на той воли садити, тѣхъ бы есте людей не велели никому ничиъ тамовати. А которыи бы тежъ люди с тѣхъ мѣстъ и дворовъ нашихъ вольныи походящии за королеву ее милость на тѣмъ воли ити мели, на бы тамъ тѣхъ венхъ людей ить зюнами и въ детымъ и въ статки ихъ з мѣстъ и дворохъ нашихъ добровольно отлучали безъ всякого замеченія и тавованья“. 1596 г. (Кн. Зап. Лит., XXI, л. 24). Заимчивъ, что приведенный документъ хорошо характеризуетъ и самый процессъ осадъ.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 190 об.

волостяхъ она была введена только въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в.; Волынь и Кіевщина отошли къ Коронѣ до введенія волочной помѣры. Другая особенность нѣмецкихъ осадъ заключается въ томъ, что это право сначала, т. е. съ XV в., утверждается только въ мѣстечкахъ; мѣстечка того времени—собственно сельскія поселенія по преобладающимъ въ нихъ занятіямъ, по праву же, давая имъ льготы городского характера (торги, ярмарки, корчмы, итѣя и пр.), тѣмъ самымъ призвали къ жизни новый типъ поселеній—полугородскихъ, полусельскихъ. Сельскія поселенія развиваются интенсивно только со второй половины правленія Сигизмунда I, но объемъ городского права не отличается отъ сельскаго¹⁾.

Правительственная дѣятельность—только одна сторона вопроса. Другая его сторона заключается въ томъ, какъ относилось само населеніе къ предлагаемому ему переходу на нѣмецкое право. Пеллиа скрыть почти непреодолимой трудности настоящаго вопроса, которая оказывается вслѣдствіе отсутствія данныхъ. Трудно даже и приблизительно указать размѣры передвиженія населенія на „воли“. Мы приведемъ здѣсь лишь нѣкоторые бѣглыя указанія.

Въ ревизіяхъ старостъ, исполненныхъ уже по изданіи волочной устави, можно встрѣтить рядъ двоякаго рода фактовъ. Во первыхъ, находимъ здѣсь „осадниковъ“, не высидѣнныхъ еще „воли“; ихъ можно принять съ известнымъ ограниченіемъ, потому что при переносѣ селеній на новыя мѣста и разбивкѣ волокъ „отгнѣвахъ“, иногда и старожили осаживались на „сыромъ коренѣ“ и слѣдовательно получали льготы; затѣмъ, при раздачѣ волокъ, собранныя семья распадались и члены ихъ брали отдѣльные участки. Во вторыхъ, списки держателей волокъ иногда указываютъ на новоселовъ потому, что вмѣсто фамиліи употребляютъ прозвище, указывающее на національность поселенца (Ляхъ, Литвинъ), или на село, откуда онъ вышелъ. Разумѣется, и эти указанія не даютъ сколько-нибудь достоверныхъ данныхъ, потому что такіа прозвища могли носить и не новоселы, и, наоборотъ, новоселы могли сохранять свои фамиліи. Впрочемъ за недѣлнємъ другихъ данныхъ и эти могутъ представлять нѣкоторый интересъ: можетъ быть, предполагая возможная неточности, они даютъ до известной степени мнѣнію принятаго населенія. Если съ этой

¹⁾ М. Ф. Владзимірскай-Будаловъ, Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ, Ж. М. Н. Пр., 1868, сент., р. 737.

точки зрѣнія смотрѣть на данныя ревизій, то можно допустить все таки довольно значительный процентъ новоселовъ¹⁾. Впрочемъ, въ этомъ обстоятельствѣ имѣть ничего нефервотнаго, такъ какъ населеніе благоприятно относилось къ переходу на нѣмецкое право. Это доказываетъ не только интенсивный ходъ колонизаціи, но также и нѣкоторые свидѣтельства источниковъ.

Прежде всего надо замѣтить, что населеніе безсознательно переходило на нѣмецкое право, и до проведенія волочной помѣры повсемѣстно оно не переводилось на волюки насильно. На это указываютъ нѣкоторые факты отказовъ крестьянъ отъ установленія войтовства. Такъ, когда король далъ въ 1541 г. войтовство въ с. Моценскомъ Мельницкаго повета Боруховскому, то тѣмъ подданные наши тамъ войта мети не хотели для тѣхъ причинъ: намъ дѣй тамъ места просторнаго на селѣбу ту нетъ; а што ся тожъ ихъ поселило, имъ ся а великою тяжкостью видело, аби мети войта надъ собою мети²⁾. Король согласился съ крестьянами и отгнѣвалъ войтовство³⁾. Фактъ этотъ чрезвычайно интересенъ. Оказывается, что населеніе не насильственно переводилось на волочную систему, и правительство считалось съ его желаніями. Только постепенной подготовкой населенія къ переходу на нѣмецкое право и льготами можно объяснить полный успѣхъ волочной реформы: она прошла безъ всякаго протеста со стороны населенія какъ разъ въ то время, когда восточная область государства была полна борьбой крестьянства съ уралою⁴⁾. Мало того, есть всѣ основанія полагать, что крестьянство охотно переходило на волочную систему, предоставляющую ему въ временныя льготы и въ будущемъ сравнительно независимое положеніе отъ мѣстнаго урда. Большинство селъ и мѣстечекъ основывались на дубровахъ и въ какихъ-нибудь 15—20 лѣтъ заселились: значить населеніе охотно

¹⁾ Обзоръ этихъ данныхъ будетъ приведенъ вамъ въ той части работы, въ которой будутъ рассмотрѣны статистическія свѣдѣнія о населеніи государственныхъ добръ.

²⁾ Вн. Зап. Лит., XIII, г. 94 об.—95. Подробности отказа Моценцовъ отъ войтовства разсказаны въ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., VII, г. 105—106: войтъ Боруховскій донесъ на радше „утиски“, отчего подданные „днѣбли“ были. Они предложили вносить ежегодно въ скарби по колѣ грошей съ диму—только бы ихъ избавили отъ войта.

³⁾ Ср. Доннаръ-Запольскій, Западно-р. сельская община въ XVI в. 1897 г., гдѣ приведены нѣкоторыя данныя объ этой борьбѣ.

стекалось на новые мѣста. Нѣтъ возможности подвести числовые итоги такой колонизаціи, но некоторые факты очень убѣдительны. Въ 1549 г. Тучнай и Княжал были островами, на которых сидѣло *по три двора*¹⁾, оба острова тогда-же были обращены въ вогтовство. Ревизія 1566 г. засагаетъ уже въ Тучной 64 заселенныхъ волоки, а въ Княжал 43 заселенныхъ волоки. Следовательно, население увеличилось въ 21 и въ 15 разъ и какъ-разъ въ тѣ самые годы, когда колонизаціонная горячка господствовала во всей области. Очевидно, это население пришло; и въ самомъ дѣлѣ, стоитъ всмотрѣться въ имена и прозвища поселенъ Тучной, чтобы признать среди нихъ пришельцевъ: по именамъ и фамиліямъ—здесь несомнѣнно подавляющее большинство поляковъ; встрѣчается и прозвище „литвинъ“, въ Княжал—нѣсколько лицъ съ прозвищемъ „ляхъ“, одинъ „басарабъ“, при нѣсколькихъ стоитъ названіе сель, изъ которыхъ они пришли; среди новоселовъ стоитъ и имена прежнихъ поселенцевъ²⁾. Приведенные факты достаточно говорятъ въ пользу того, что население охотно стекалось изъ разныхъ мѣстъ на осадъ, разбитыя на волоки. Впрочемъ, можно обратить вниманіе еще на одинъ фактъ. Въ 1567 году король подтвердилъ М. Рожничу „отмѣну“ въ Берестейскомъ староствѣ: у Рожничя въ помѣру было занято два двора съ людьми,—Зборони и Гершаповичи, взаимѣ которыхъ ему отведено ревизорами село Мокраны съ 11 осѣлыми волоками³⁾. Неизвѣстно, сколько крестьянъ было въ дворахъ Рожничя до отмѣны, но понятно, что они не могли быть большими селеными, потому что взаимѣ ихъ помѣщикъ получаетъ село въ 11 осѣлыхъ волокъ; отмѣны дѣлались весьма точно, и, разъ Рожничя просить короля объ утвержденіи замѣны, то, очевидно, онъ ею доволенъ. Между тѣмъ по ревизіи 1566 г. Зборони и Гершаповичи уже большія села: въ первомъ селѣ осажено цѣлыхъ 52 волоки, а во второмъ размѣрено тоже 52 волоки, изъ которыхъ занято пока всего 19⁴⁾. Несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ произошло зна-

¹⁾ См. примѣч. 3 на стр. 281.

²⁾ Док. М. Арх. М. Ю., I, р. 356 и 360.

³⁾ Подтверждала Михаилу Збирозскому замѣну добръ въ Берестейскомъ воствѣ, занятыхъ въ волоки, король пишетъ: „если бы оные люди, въ томъ селѣхъ теперь оселе, селу (Збирозскому) служили по хотѣли, тогда волю имъ будетъ съ тѣхъ кгунтовъ за насъ господара, або кудѣ хотѣли вѣстися“. Литы Вилев., VI, р. 4.

⁴⁾ Док. М. А. М. Ю., I, 255—256.

комое явленіе: какъ только частновладѣльческое население попало въ руки правительства, население его быстро увеличилось въ нѣсколько разъ приходящими людьми.

Правительство всѣми мѣрами стремилось созвать крестьянъ на волоки, объявляя даже тѣмъ изъ нихъ, земли которыхъ переходили въ помѣщикамъ въ „отмѣну“, что они вольны служить или уйти отъ своихъ новыхъ владѣльцевъ, или прямо объявляя о свободномъ выходѣ помѣщичьихъ крестьянъ на господарскія осадъ (факты приведены въ предшествующихъ примѣчаніяхъ). И крестьяне, дѣйствительно, уходили и даже бѣжали съ частновладѣльческихъ земель на господарскія: недаромъ волочная помѣра такъ непріязненно была встрѣчена на сеймахъ, недаромъ, наконецъ, послѣ проведенія ея возникаетъ рядъ процессовъ, вѣчаемыхъ помѣщиками по поводу бѣгства ихъ крестьянъ на господарскія земли¹⁾,—тогда какъ неки королевскихъ урядниковъ къ частнымъ владѣльцамъ едва-ли можно встрѣтить въ это время.

Нѣмецкое право имѣло самую разнообразную экономическую и социальную послѣдствія въ западно-русской исторіи, къ чему намъ не разъ придется возвращаться. Въ данномъ случаѣ для нашей цѣли достаточно будетъ въ общихъ чертахъ указать на нѣкоторые изъ нихъ: прежде всего, переходъ на нѣмецкое право велъ къ замѣнѣ старин-

¹⁾ Въ 1570 г. судья гроднѣнъ кобринскій жаловался староствѣ кобринскому о томъ, что нѣсколько отчичовъ изъ его мѣтви убѣжали въ королевское село. На судѣ бѣглецы были спрошены, отчичи-ли они, „а не дохожіе люди вѣнча тѣхъ земель“. Крестьяне сознались, что они—властные отчичи земань,—„и отъ давнихъ дѣй часовъ въ томъ вѣнча ихъ, еще за прудковъ ихъ отчичи ихъ и они сами... мешаютъ“ (Кв. Суды Дѣлъ Лит., LVII, л. 15). Провинціалъ ордена св. Августина Ставиславъ Ендриновичъ заноситъ въ 1569 г. жалобу староствѣ берестейскому о томъ, что двое изъ его подданныхъ Костомоловскихъ убѣжали въ королевское село Прилуки, — „будучи властными отчичами отъ отъ давнихъ часовъ, еще отъ славное вѣнча короля Витовта на востецъ... подданными“. Истець предлагаетъ свидѣтелей—другихъ своихъ подданныхъ, которые себя „мешали бати властными отчичами“. Войтъ прилуцкій Павласъ Васильевичъ отставилъ убѣжавшихъ, говоря, что они жали въ Костомолотахъ не на вѣнчаній позволивъ, а на колонній какого-то Филиппа, владѣвшего ихъ жеребьями за вѣнчаніе; вѣнчанъ же „привлачили“ ихъ къ своимъ людямъ по смерти Филиппа. Вѣнчанъ утверждали, что „дѣй мы отъ давнихъ часовъ были людьми господарскими вольными и генеръ, иже се намъ отъ вѣнчи провинциала кривда видѣли, тогда себѣ отголе добровольно шти прочь“. Тѣмъ не менѣе, на основаніи привилей, люди оставлены за вѣнчаномъ“ (Кв. Суды Дѣлъ Лит., LVII, л. 1-2).

ных даних и повинностей арендной платой съ земельного участка¹⁾. Арендная плата въ городахъ всегда взымалась деньгами, но въ селахъ и мѣстечкахъ денежный чиншъ сопровождается натуральными сборами; однако и здѣсь чиншъ составляетъ основную часть платежей. Земли иллется исключительнымъ объектомъ обложения. Вместо неопределенныхъ по размѣру службъ и дворницъ единицъ обложения является участокъ земли въ 30 моргеновъ; въ началѣ XV в. онъ назывался манзомъ²⁾, ланомъ, волокой³⁾. Но съ теченіемъ времени послѣднее названіе вытѣснило первыя.

Арендная плата носила названіе чинша—*census*⁴⁾, но иногда она просто называлась „платомъ“⁵⁾ или „урочистымъ платомъ“⁶⁾, или урочистымъ чиншемъ⁷⁾. Размѣръ чинша не былъ одинаковъ, хотя колебанія его были не велики. Чиншъ съ сельскихъ волокъ былъ больше, чѣмъ съ городскихъ⁸⁾. Съ переходомъ на нѣмецкое право, земельная собственность порывала съ лежащими на ней служебными обязанностями. Поэтому землю на чиншевыхъ условіяхъ берутъ какъ всѣ разряды подданныхъ, такъ и шляхетство. Однако надо не забывать, что развитіе нѣмецкаго права шло параллельно съ развитіемъ сословныхъ отношеній. Это отразилось на составѣ чиншевыхъ платомъ. Зависимые классы общества сверхъ чинша уплачиваютъ еще нѣкоторыя крестьянскія дани напр., „за осадку“, стацію; съ землнскихъ держаній всѣ платежи взымались подъ именемъ чинша; это указывало на социальное различіе сѣмьичковъ земли. Нѣмецкое право вводило систему арендныхъ отношеній; у владѣльца земли оставалось *dominium directum*, держатель получалъ *dominium utile*. Такъ какъ крестьянское земледѣліе на русскомъ правѣ носило прекарный

¹⁾ Тѣмъ же послѣдствіемъ сопровождался переходъ на нѣмецкое право и въ Польшѣ, Рембоискій, о. с., р. 47.

²⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, р. 5.

³⁾ *Ibidem*, р. 9, 30 и др.

⁴⁾ *Ibidem*, р. 99, 102, 123 и др.

⁵⁾ *Ibidem*, р. 126 и др.

⁶⁾ Кн. Зап. Лит., XIII, л. 5.

⁷⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, р. 159.

⁸⁾ Напр. урочистая плата въ с. Новинѣ была опредѣлена въ листѣ 1529 г. съ волоки по 40 гр. литов., по четверти овса, одному гуся, парѣ вуръ и по 12 яицъ (Кн. Зап. Лит., XIII, л. 5). Ср. плата съ сельскихъ волокъ въ Бѣльскомъ нов. Акты Лит.-рус. гос., I, р. 126. Съ городскихъ волокъ взымалось обычно дважо 30 грошей.

характеръ, то эта его черта отразилась и на земледѣліи на нѣмецкомъ правѣ. Въ этомъ отношеніи западно-русское чиншевое земледѣліе отличалось тѣмъ-же характеромъ, какъ и земледѣліе польское и нѣмецкое по сравненію съ римской эмфитеузой: положеніе обладателя *dominium utile* было менѣе обезпечено по отношенію къ владѣльцу сравнительно съ римскимъ эмфитеутомъ¹⁾; потому что и земледѣліе на нѣмецкомъ правѣ получило отбѣнокъ прекарнаго.

Послѣднее отразилось, между прочимъ, на томъ, что мы не встречаемъ въ XVI в. договоры между арендаторомъ и владѣльцемъ, но крайней мѣрѣ писаныхъ (мы говоримъ исключительно о господарскомъ холмствѣ): за то встречаемъ листы—данины на владѣніе на чиншевыхъ условіяхъ; но такая форма отдачи земли придаетъ ей именно прекарный характеръ²⁾. Для мѣщанскихъ и крестьянскихъ осадъ, впрочемъ, отдѣльные условія могли быть и извѣстны, такъ какъ привилегіи на осадку мѣста или войтовства заключали въ себѣ условія отдачи земли: кто былъ согласенъ на нихъ, тотъ и бралъ земельный участокъ. При составленіи люстрацій ревизора на такихъ-же условіяхъ раздавали земельные участки боярамъ (въ половинѣ XVI в. надо уже строго различать повѣтовое земинство—бояръ отъ господарскихъ бояръ; владѣніе послѣднихъ аналогично крестьянскому владѣнію). Отсутствие договоровъ дѣлаетъ затруднительнымъ вопросъ о формѣ владѣнія. Повидимому, крестьянское владѣніе предполагало ифно-арендные отношенія; это вытекаетъ какъ изъ общаго духа нѣмецкаго права, такъ и изъ общаго пониженія свободы переходу крестьянъ, которое развивалось въ эпоху вліянія нѣмецкаго права. Что касается земянскаго владѣнія, то оно предполагалось долготѣльнымъ, такъ какъ раздачу земель на чиншѣ мы встречаемъ или на условіи „до заски господарской“³⁾, или безъ опредѣленія срока⁴⁾, что означало одно и то же.

История польскаго права справедливо указываетъ на существованіе въ Польскомъ земледѣліи чертъ сродныхъ нѣмецкой эмфитеузѣ⁵⁾. И въ западно-русскомъ земледѣліи можно отмѣтить рядъ

¹⁾ Helzel, о. с., р. 165.

²⁾ Напр. листъ кор. Боямъ въ Кн. Зап. Лит., XXXIII, л. 74 об.—75.

³⁾ Акты Вил., т. XIII, р. 361 и др.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., XXXIII, л. 74 об.—75.

⁵⁾ Helzel, о. с., р. 167.

фактов, которые дают основание сопоставить местные формы отдачи земли с немецкими. Если в основу сравнения взять факт перевода даны и повинностей на однообразную плату, то переход с тягла на осадный плат на Жмуди и в дворах Виленского и Троицкого вѣтовъ можно признать предшественникомъ немецкаго землевладѣнія. Правда, переводъ на осадные пивези происходилъ какъ разъ въ то время, когда правительство Сигизмунда I расширяло сферу немецкаго права въ Подляхѣ. Однако, вѣтъ никакихъ основаній приписывать введеніе осадныхъ платовъ исключительно вліянію немецкаго права, такъ какъ отдача земли на оброчныхъ условіяхъ составляетъ видную особенность русскихъ поземельныхъ отношеній; немецкое-же право приходило не отдѣльными своими сторонами, но во всей совокупности хозяйственныхъ, поземельныхъ и юридическихъ отношеній. Вотъ почему переходъ на осадку еще не являлся переходомъ на немецкое право.

Когда бискупъ лудей Юрій Фальчевскій, опытный хозяинъ и финансистъ своего времени, взглянулъ въ 1547 г. въ свою далекую полочскую вотчину и ознакомился съ установившимся здѣсь крестьянскими повинностями, онъ нашелъ, что крестьяне платили мало и что сами повинности и платежи были измышлены подданными безъ всякаго права; онъ даетъ имъ поэтому новую уставу¹⁾. Итакъ стародавній обычай, регулировавшій крестьянскіе платежи и повинности, въ половинѣ XVI в. уже казался вотчиннику крестьянскимъ „вымысломъ“²⁾. Теперь помѣщикъ, занятый войною, сеймомъ и торговлею,

¹⁾ Арх. Ю.-Зав. Р., я. VI, т. I, р. 28—29.

²⁾ Приведемъ еще содержаніе одного львовскаго документа, показывающаго, какъ сталливались новыя требованія, предъявляемыя помѣщикомъ къ крестьянамъ, со старинной крестьянской повинности. Въ 1532 году королемъ и королевою Бовою были посланы въ Оболенскую волость особые ревизоры; въ своемъ докладѣ они подробно описываютъ существовавшія старыя повинности крестьянъ и въ заключеніе, признавъ ихъ недостаточными, рассказываютъ о своей попыткѣ установить новый порядокъ работъ; расскажемъ этотъ львовскій эпизодъ словами источника: „ино мы убачили, якъ то есть шкодою, а не пожиткомъ господарни ее милости, и въ роскваша господарскаго приказажи были есмо всей волости Оболенской, якъ бы они тые два дни, которые врандывъ господарни королевое ее милости, роскажеть, повиндите и сувольне въ недѣли робили, а выходили бы рано и розходилися зъ работи можно, якъ и по вѣшнымъ дворяжъ господаренимъ и вѣшнымъ служажъ. И волость вся стала мовити намъ зъ великимъ крикомъ: быденъ намъ не только статьи наши, але жоны и дети были побраны, тогда мы не бу-

сь завистью поспатриваетъ на благосостояніе зажиточнаго крестьянина, на его свободу перехода: „мужикъ богаче пана“—говорить помѣщикъ³⁾.

Къ этому времени социальныя и экономическія отношенія сильно измѣнились. Землевладѣлецъ изъ собирателя дани превращается въ помѣщика—хозяина, часто крупнаго экспортера лѣса, хлѣба, притомъ образованнаго, свѣдущаго за сельско-хозяйственной литературой и пр. Тогдашняя экономика учила его лучшему извлеченію доходовъ изъ земли, лѣса, скота и, конечно, изъ подданныхъ. Повитно, что многое, даже все, въ старинномъ строѣ не нравилось такому помѣщику. Государская скарбовая канцелярія времени Сигизмунда-Августа состояла изъ передовыхъ финансистовъ эпохи, большею частью прошедшихъ школу королевы Бовы, умныхъ и образованныхъ, дѣятельныхъ, независимыхъ отъ мѣстной шляхты, потому что большинство были иностранцы. Они принесли съ собою новыя идеи государственнаго и вотчиннаго хозяйства. Время Сигизмунда-Августа, столь богатое хозяйственными реформами, обязано именно такимъ финансистамъ, какъ Петръ Фальчевскій, Геронимъ Кылецкій и много др. Ихъ трудомъ была произведена полочная помѣра, введена волоочная уставы, уставы лѣсная, конюшенная, упрядочены весь скарбовый механизмъ и пр. Это были однако лучшіе представители хозяйственнаго направленія того времени. Ихъ далеко нельзя обвинять въ эксплуататорскихъ стремленіяхъ по отношенію къ подданнымъ; правда, они слишкомъ настойчиво проводили идею мелочнаго контроля, опеки надъ крестьянствомъ; въ ихъ распоряженіяхъ иногда просвѣчиваетъ тѣнь недоверія къ крестьянину, но, несомнѣнно, они заботились о его благосостояніи. Въ этомъ отношеніи они стояли на уровнѣ понятій людей своего времени. Не забудемъ, что люди, проводившіе реформу,—участники великой эпохи возрожденія. Неудивительно, что они возвышенно относились къ своей миссіи, съ любовью и вѣрою въ будущее смотрѣли на свое дѣло. „Кто установитель волоочной помѣры“? Спраши-

домъ служити такъ; одно нѣкъ зъ вѣкомъ предки и отцы наши и мы нередъ тымъ служили, такъ и теперь служити хочемъ. И панъ Бардей росказатъ былъ намъ волле приказанья вашого, два дни послодите въ середу а въ четвергъ служити и они на работу не шли и далися на грабежи“. Поэтому ревизоры оставили вопросъ о повинностяхъ на усмотрѣніе короля и королевы (Жа. Зап. Лит., XV, і 25—26 об).

³⁾ Źródła dziejowe, VI, p. 116.

ваетъ въ своемъ предисловіи И. Ланковскій и отиѣчаетъ: „не смертные люди, но Тотъ, Кто когда-то ясно приказалъ Моисею раздѣлить землю Ханаанскую между сынами Израильскими“. „Что за люди должны проводить помѣру“? говорить онъ дальше.— „Люди, которыхъ избрали для раздѣленія земли самъ Господь Богъ“¹⁾. Для такихъ людей—помѣра есть „успокоеніе“ людей²⁾; выполнить наиболѣе трудная ея часть—напр. удачно расположить селенія—нуженъ особый „даръ Божій“³⁾. По ихъ объясненію, сама идея помѣры, проводимая Сигизмундомъ-Августомъ, есть выполнение съ его стороны воли Божьей, актъ величайшей справедливости христіанскаго государя⁴⁾. „Что такое волочная помѣра“? спрашиваетъ Ланковскій. По его мнѣнію, помѣра есть справедливое межованіе земли, распределеніе ея между тѣми, кто имѣетъ на тѣ или другія части ея законное право для того, чтобы всякій спокойно пользовался своею собственностию, благодарилъ и чтилъ Бога, выполняя свои обязанности по отношенію къ государству⁵⁾. И,—что для насъ особенно любопытно, такое высокое понятіе о задачахъ реформы высказывается племянникомъ руководителя всего дѣла П. Фальчевскаго, для котораго даже поговорки дяди служатъ руководствомъ въ работѣ⁶⁾.

Уставы Сигизмунда-Августа касались разныхъ сторонъ господарскаго хозяйства, но главная сторона ихъ—введеніе волочнаго кадастра, и уставы имѣли опору къ предшествующей дѣятельности королевы Боны (правда, уставы послѣдней весьма поверхностны), а съ другой стороны опять предшествующихъ работъ, по частичному переходу села на нѣмецкое право, Сигизмунда I.

Правительство нигдѣ не дало оффиціальнаго объясненія цѣлей и пріемовъ волочной помѣры. Но этотъ недостатокъ общаго разъясненія съ взаимкомъ вознаграждается неодинократными объясненіями короли по частнымъ случаямъ. Особенно важны королевскіе отвѣты, даваемые сеймовымъ представителямъ.

Такъ, правительство полагало одной изъ важнѣйшихъ задачъ реформы приведеніе къ порядку повинностныхъ отношеній тѣхлго на-

¹⁾ Акты Вил. XXV, 10.

²⁾ Ibidem, 9.

³⁾ Ibidem, 13.

⁴⁾ Ibidem, 9.

⁵⁾ Ibidem, 10.

⁶⁾ Ibidem, 14.

селенія не только къ правительству, но (главнымъ образомъ) и къ мѣстному вряду. Дѣйствительно, такъ какъ управленіе господарской державы оплачивалось поборами и повинностями съ жителей и такъ какъ „старина“ этихъ отношеній потеряла свою обязательную силу, то вполнѣ понятно завлеченіе короли на сеймѣ 1554 г.: дѣло должно до того, что ни вриданки не знали, что они имѣютъ право брать съ подданныхъ, ни послѣдніе не знали, что они обязаны давать. Волочная устава и помѣра имѣли только упорядочить подобное положеніе вещей¹⁾. И весьма важно, что въ данномъ случаѣ имѣлись, главнымъ образомъ, ввиду интереса плательщиковъ помѣры в уставѣ должны были прекратить „вымыслы врида“²⁾. Конечно, оберегая подданныхъ отъ врида, правительство не забывало собственныхъ интересовъ и, разумеется, ставило ихъ на первомъ планѣ. Оно опредѣленно разъясняло сеймовымъ посланцъ, что цѣль помѣры „размноженіе пожитковъ“³⁾.

Широкой планъ „размноженія пожитковъ“⁴⁾ былъ построенъ на почти полномъ уничтоженіи старой системы хозяйства. Для введенія новой правительству прежде всего понадобилось точно опредѣлить, что именно изъ поземельныхъ владѣній находится въ его распоряженіи. Это было дѣломъ нелегкимъ, потому что поземельныя отношенія были крайне запутаны и опредѣлить, что принадлежало шляхтѣ, что королю,—было не легко: границы не вездѣ были точно установлены. Дѣло усложнилось еще правомъ „выходовъ“ и „супольныхъ“, „супольныхъ“ владѣніемъ угодіями: шляхта имѣла входы и „лезива“ въ господарскіе лѣса и угодія, и, наоборотъ, господарскіе крестьяне имѣли тѣ-же права въ частновладѣльческихъ земляхъ; села господарскія и частновладѣльскія часто „супольно“ владѣли пашнями и входами⁵⁾. Но сверхъ того тогдашняя сельско-хозяйственная экономка не только указывала на необходимость точнаго обмежеванія владѣній, но также рекомендовала уничтоженіе послѣднихъ. Конечно, скарбу не удалось достигнуть полнаго уничтоженія сервитутовъ, чрезполосности и добиться округленія имѣній, но, при производствѣ помѣры, несомнѣнно, многое было сдѣлано въ этомъ направленіи.

¹⁾ А. З. Р., III, р. 63.

²⁾ Ibidem, III.

³⁾ Ibidem, р. 39.

⁴⁾ Ср. характерный рядъ жалобъ въ Кн. Судн. Дѣлъ Лит. XI, л. 13 об., 25, 26.

Устранение чужеземности—одна из самых трудных задач волочной помёры. Трудность её заключалась не только в громадности межевой работы, но и в том, что правительству пришлось встретиться с нежеланием шляхты представлять документы. Нетрудно догадаться, что представление последних вскрыло-бы всё незаконное захвата. Правда, и правительство стремилось остановить незаконные захваты и преследовало их¹⁾. Оно старалось не раз разъяснить шляхте цель устранения чужеземности,—чтобы установить „пешня“ границы: тогда подданные государские не будут заходить вь землю шляхты²⁾. Король объявлял на сейме, что мёрчье обязаны отписывать земли на господари только вь виоліи законныхъ случаев: когда кто-нибудь владеть землею безъ данины, когда земля куплена безъ надлежащаго разрѣшенія у людей туглыхъ, татаръ или бояръ путныхъ³⁾. Но этими доводами шляхта не легко убѣждалась. На сейме 1551 г. она проситъ короля избавить её отъ „покладанья“ листовъ передъ мёрчими на томъ основаніи, что ей не даютъ отмѣны⁴⁾. Жомойтская земля представила тогда-же свои особые доводы противъ производств помёры вообще: по ея привилежъ „новые речи“ не могутъ быть вводимы вь Жомойтской землѣ, на что король основательно замѣтилъ, что помёра ведется вь его собственныхъ земляхъ: оны, какъ и всѣмъ помѣщикамъ, вь своихъ имѣніяхъ и среди своихъ подданныхъ устанавливаетъ новые „пожитки“⁵⁾. Тѣмъ не менѣе на томъ-же сейме шляхта добилась весьма важнаго постановленія: вь случаяхъ споровъ о землѣ шляхтича съ королевскимъ имѣніемъ могутъ быть привлечены для доказательства и „свѣтки веры годные“, т. е. свидѣтельскія показанія на ряду съ письменными доказательствами⁶⁾.

Разумется, это должно было значительно облегчить шляхте доказательство на право владѣнія тѣми изъ бывшихъ государскихъ

¹⁾ Листъ землякамъ Волненскимъ и Дубенскимъ: „Маємъ того ведомость, какъ многие з насъ немалые имѣнця и куртыи у волости дворовъ нашихъ Волненской и Дубенской неведати за ними права и данинами вьдъ собою держать и вьдъ прьсудомъ и послушенствомъ держави волненского и дубенского быти нехотечи до иныхъ повѣтовъ се отъязнечи“. Поэтому король посылаетъ дворянина Вацлєвца Маковеннаго узнать изъ твердости на грунты, и они должны показати свои права и листыся на судъ господари. Кс. Пуб. Дѣлѣ Лит., IX, л. 98.

²⁾ А. З. Р., III, 36.

³⁾ Ibidem, 31.

⁴⁾ Ibidem, 31.

⁵⁾ Ibidem, 38—9.

⁶⁾ Ibidem, 32.

земель, на которыя у ней не было привилежъ. Дѣйствительно, сенлы на давность—обычны вь спискахъ земельныхъ имѣній, составляемыхъ ревизорами. На сейме 1554 г. продолжались жалобы на помёру и объясненія по ея поводу со стороны короля. После жаловались на недобросовѣстность мёрччихъ, на захваты ими шляхетскихъ земель вь помёру, на недобросовѣстность со стороны государскихъ агентовъ, наконецъ, выражали желаніе, чтобы ревизоры не были изъ иноземцевъ¹⁾. Особенно горько жаловалась опись Жомойтская земля на помёру и причисляемые ею „утиски“, на требованія со стороны ревизоровъ привилежъ на шляхетство, на неотдачу „отмѣнъ“, недобросовѣстность помѣрчихъ, наконецъ на то, что присланные ревизоры-иностраницы противорѣчатъ привилежъ земли. Король на всѣ эти жалобы представилъ разъясненіе. Онъ указываетъ на то, что скарбовые агенты не получили такихъ инструкцій, которыя давали-бы имъ возможность дѣлать „утиски“ шляхте, напр. требовать привилежъ на шляхетство, или брать шляхетскіе грунты безъ отмѣны; если ревизоры и допытываются листовъ на боярство, то только у бояръ путныхъ или у такихъ, которые недавно „вкупилися“ вь боярство и освобождены отъ тяглои службы „за поклонъ“²⁾. Что касается недоброкачества отдѣльныхъ вриданковъ, то король совѣтуетъ точно назвать имена ихъ и поступки, обѣщая дать „справедливость“; относительно того, что имъ приходится давать вьткы, то, иронически замѣчаетъ король, шляхта напрасно это дѣлаетъ: если даетъ вьткы, то пусть она вьтчитъ самое себя³⁾. Король объясняетъ также свое право посылать ревизоровъ изъ чужеземцевъ: ревизоръ—не вриданкъ, его дѣятельность не касается собственно шляхты, но тяглыхъ людей; при томъ-же при ревизорахъ неотлучно находятся тивуны для наблюденія за шляхетскими интересами⁴⁾. На сейме 1559 г. жалобы были менѣе назойливы. Шляхта просила о подтвержденіи государскими листами отмѣнъ⁵⁾; Жомойтская земля просила „обсарованья“ государскимъ листомъ того, что волочная помёра не будетъ „шкюдить“ ея вольностямъ, съ тѣмъ король охотно

¹⁾ Ibidem, 55—56.

²⁾ Ibidem, 61.

³⁾ Ibidem, 55.

⁴⁾ Ibidem, 61, ср. еще р. 63—64.

⁵⁾ Ibidem, 99.

согласился¹⁾; наконец, жмудины жаловались на то, будто шляхта осажена ревизорами на полоках, на что король обещалъ произвести разслѣдованіе, — только-бы шляхта сдѣлала опредѣленные записки своему старостѣ²⁾; все таки шляхта добилась, что ее освободили отъ представленія привилеевъ³⁾. Сейма 1563⁴⁾, 1568⁵⁾ и даже 1569 г.⁶⁾ не представляютъ ничего новаго въ этомъ отношеніи. Можно развѣ только замѣтить, что на этихъ сеймахъ самый вопросъ о волочной помѣрѣ не игралъ крупной роли. Даже самыя просьбы имѣютъ извѣстный смысл, какъ напр. просьба объ отводѣ отѣмля раньше, чѣмъ забрана будетъ въ господарскія земли шляхетская. Видимо, шляхта примирилась съ уже совершившимся фактомъ.

Эта борьба шляхты съ правительствомъ представляеть довольно грустную картину эгоистическаго отношенія шляхты къ государственнѣмъ интересамъ. Но съ другой стороны, только что рассказанная борьба „становъ“ съ королемъ ясно подсказываетъ одинъ изъ недостатковъ помѣры въ хозяйственномъ отношеніи: водъ напоромъ шляхетскихъ привилеій правительство не имѣло мужества восстановить свое право владѣнія на всѣ захваченныя земли. Въ самомъ дѣлѣ, сохранившаяся книга записей привилеевъ и правъ шляхты на земли, представленныхъ ею Гр. Воловичу при ревизіи лѣсовъ, наглядно свидѣтельствуеть о безсиліи правительства разслѣдовать захваченныя земли: здѣсь множество владѣній оказалось основанными на давности; никакого фактическаго разслѣдованія этой давности произведено не было, по ревизіи только придала юридическую силу этой давности. Конечно, легко предвидѣть, что должно было найтись не мало частныхъ владѣній, для которыхъ дѣйствительно давность была единственныиъ основаніемъ владѣній, за невѣдѣмъ законовъ „твердостей“. Но сильное правительство могло-бы и не считаться съ такого рода аргументомъ: по Статуту великокняжеская недвижимая собственность не защищена была земскою давностью, и всегда право на нее могло быть восстановлено. Сигизмундъ-Августъ этого, однако, по отношенію къ земству не могъ сдѣлать—сейма слишкомъ громко протестовали,

¹⁾ Ibidem, 102.

²⁾ Ibidem, 103.

³⁾ Ibidem, 103.

⁴⁾ Документы Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 152—3.

⁵⁾ Ibidem, 491.

⁶⁾ Ibidem, 439.

Мало того, унятоженіе черезполосицы пришлось кунить дорогою цѣною слишкомъ щедрыхъ „отѣмль“ и уступокъ въ пользованіи входами. Такимъ образомъ, восстановленіе во всей полнотѣ земельнаго имущества достигнуто не было; но правительство могло быть довольно и тѣмъ, что обмежевавъ столовныя добра, оно на будущее время оградило себя отъ незаконныхъ земельныхъ захватовъ. Тѣмъ не менѣе правительство успѣло произвести ревизію шляхетскихъ привилеевъ на земли. Такъ, при ревизіи пуць оно поставило себѣ задачей описать всѣ пуци вилжества, изслѣдовать при этомъ мѣста, родина дан поселеній новыхъ осадъ. По отношенію къ шляхетскимъ землямъ цѣль ревизіи заключалась въ опредѣленіи правъ на выслуги, разсмотрѣніи соответственныхъ привилеевъ, утвержденіи владѣній на основаніи давности и въ описаніи границъ и „вольностей“ обрениванныхъ частныхъ владѣній¹⁾. Такъ были обрениваны привилеи Пинскаго, Кобрянскаго и Троцкаго старостствъ²⁾. Въ Берестейскомъ старостствѣ также ревизоры произвели въ 1554 г. „списаніе привилеевъ“³⁾. При ревизіи господарскихъ старостствъ всегда изслѣдовались „твердостей“ шляхетскихъ владѣній (ср. ревизію Гомельскаго старостства). Производствомъ ревизіи шляхетскихъ грунтовъ, прилегающихъ къ господарскимъ, и пуць полагалось начало, способствовавшее дальнѣйшему охраненію государственныхъ поземельныхъ имуществъ. Это и преслѣдуетъ волочная устава, по которой старосты обязаны были наводить справки о входахъ шляхты въ королевскія пуци и возбуждать неки о правѣ владѣнія⁴⁾. Инструкціи ревизорамъ также требуютъ разслѣдованія съ ихъ стороны о захваченныхъ грунтахъ⁵⁾, они обязаны были разслѣдовать спорные вопросы о грунтахъ, „намовлять“ шляхту, имѣющую земли среди господарскихъ, къ отѣмлямъ, провѣрять господарскія данныя и уже установленныя границы⁶⁾.

Такихъ „отѣмль“ было произведено множество, и въ результатѣ этой пелеткой работы получалось то, что войтонами съ фольварками представляли собою закругленные экноміи; во часто цѣлыя волости оказывались въ одномъ обрубѣ. Въ сельско хозяйственномъ отношеніи

¹⁾ Ревизія пуць, въ предлѣз. и p. 63 текста.

²⁾ Ibidem, p. 63, 171, 194, 197, 207, 209.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XIII, л. 1.

⁴⁾ А. З. Р., III, p. 85.

⁵⁾ Кн. Зап. Лит., LI, л. 81 об.

⁶⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LVII, л. 292 об.

это представляло большое удобство. Наконец, из тех-же дѣлъ король прибѣгалъ къ болѣе крупнымъ замѣнамъ. Такъ, у Ер. Сивявскаго имъ замѣнены озера въ Коневской пущѣ¹⁾. Особенно крупныя замѣны послѣ сдѣланы съ О. Возничемъ по объѣму его входовъ и вступовъ въ господарскія Городенскія пущи²⁾ и т. д.³⁾. Иногда съ цѣлью округленія экономіи производились крупная работы по разверткѣ также земель, принадлежавшихъ господарскимъ поддѣшнымъ⁴⁾.

Нужно замѣтить, что отчужденіе шляхетскихъ имуществъ обонлось нелегко королевскимъ имѣніямъ: суды по многимъ фактамъ, за отчуждаемыя земли скарбъ дѣлалъ весьма солидные уступки. Однако округленность имѣній не дѣлала скарбъ еще полнымъ въ близкіе хозяйномъ. Надо было выкупить еще нѣкоторыя права, бывшія на державѣхъ. Къ нимъ относятся церковныя десятины, наследственные войтовства и доходы державцевъ и др. вридиковъ. Доходы вридиковъ были потому правами, что „рушать“ но врядь безъ причины король не имѣлъ права; между тѣмъ волочная устава значительно сокращала доходы административно-финансовыхъ агентовъ и была, слѣдовательно, въ извѣстной мѣрѣ „рушеніемъ“ во вридахъ. У насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ для полной выясненія всей операціи, совершенной правительствомъ по выкупу названныхъ правъ; мы можемъ одно констатировать, что этотъ выкупъ производился, но такъ какъ намъ извѣстны только отдѣльные факты его, то нельзя высказать полной увѣренности о широтѣ названной мѣры. Такъ, относительно выкупа церковныхъ десятиныхъ мы имѣемъ только отдѣльные факты⁵⁾.

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVIII, л. 440 (1561 г.). Зап. Лит., XLII, л. 218 об.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 343 об. слѣд.

³⁾ См. еще Акты Вил. Арх. Коя., II, 144, 135.

⁴⁾ Решеніи Давидатовскій и Дабовскій имѣлириан мѣстности грунты г. Вильска „поролону“ среди земель землей и подданныхъ волостныхъ въ количествѣ 359 волокъ и раздѣланы волоки мѣшанымъ. Но потомъ король рѣшилъ, что „ихъ мѣстскіе земли межъ фольварковъ и подданныхъ нашихъ волостными не могли быти своимъ порядкомъ седи осажены и усвоены“, велѣтъ снова прозавести помѣру и всѣ 359 волокъ въ „порядокъ помѣрять“ съ одного седи фольварки ихъ починивши“ и каждому отдать въ поухъ мѣстахъ принадлежащее ему количество волокъ. Кн. Судн. Дѣлъ Лит., 44, л. 132 об.

⁵⁾ Напр. замѣна хлѣбной десятины въ Мостахъ волостами, отведенными въ костель (Кн. Зап. Лит., XXVIII, л. 416 об.; ср. л. 1.). Какъ въ этой книгѣ, такъ и въ другихъ, аналогичные дѣла встрѣчаются довольно часто, но относятся преимущественно къ Подляхѣмъ.

Однако можно думать, что не всѣ десятины были выкуплены такимъ образомъ, потому что о нихъ, какъ о существующихъ говорить никакъ старостамъ, да онѣ оставались и въ послѣдующее время.

Относительно покупки войтовствъ мы имѣемъ интересный наказъ „справцѣ“ волочной помѣры Петру Фальчевскому. Этотъ наказъ говоритъ о покупкѣ войтовствъ въ Книшинѣ. Вся операція была поручена самому Фальчевскому и Яну Шимковичу. Войтовства рѣшено выкупить „лико непожиточные намъ“. Выкупъ предполагается послѣ сдачи войтамъ въ скарбъ дѣшны. Но, по докладу Шимковича, войты не чинятъ „досытъ вырокъ господарскому“ и отчета въ доходахъ не даютъ; имъ удалось выкупить пока только одно войтовство да и то потому, что этотъ войтъ не былъ скарбовымъ должникомъ. На основаніи этого доклада король сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе. Онъ поручалъ Фальчевскому и Шимковичу купить немедленно войтовства, плати по 10 копѣ гр. польскихъ за каждую волоку, выданную къ войтовству, деньги выдать немедленно. Всѣ влившія земли, забранныя войтами, отнимаются у нихъ безъ платы, какъ состоящія въ незаконномъ пользованіи. Посѣлы и постройки войты берутъ себѣ. Привлеченныя войтовскіе должны быть отъ войтовъ отпущены. Относительно долговъ въ скарбъ король собарается позвать войтовъ къ отчету впоследствии, когда онъ найдетъ это нужнымъ¹⁾. Можно навѣрно сказать, что послѣднимъ пунктомъ наказа прямо прощались долги войтамъ для ускоренія операціи. Этотъ звать господарскій обращенъ только къ книшинскому старостѣ П. Фальчевскому. Онъ далеко всего не разъясняетъ и прежде всего того—всѣ ли войтовства выкупались въ Книшинѣ, или только сельскія. Онъ ни однимъ словомъ не говоритъ о томъ, что операція эта касалась и другихъ староствъ. Предписаніе о выкупѣ войтовствъ, очевидно, дано было названнымъ лицамъ устно королемъ, а приведенный текстъ—разъясненіе на докладѣ Шимковича. Однако, есть не мало оснований думать, что операція, произведенная въ Книшинѣ, была не случайнымъ единичнымъ фактомъ. Если въ Книшинѣ, старостѣ самого завѣдующаго волочной помѣрой, рѣшено было купить войтовства, какъ „непожиточные“ для скарба, то едва-ли этотъ умный финансистъ не признавалъ такого выкупа полезнымъ и въ другихъ староствахъ. Дѣлѣ, здѣсь войтовства выкупались

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVIII, л. 12 об. (1555 г.). Ср. Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 104.

въ 1555 г., а въ ревизіяхъ 1566 г. Берестя и Кобриня войты въ селахъ—все „простые“ люди, очевидно назначенные урядомъ. Надо припомнить еще, что и въ Польшѣ около половины XVI в. паштетвенная войтовства исчезаютъ¹⁾. Все эти соображенія заставляютъ насъ предполагать, что при производствѣ помѣры сельскія войтовства дѣйствительно были повсемѣстно выкуплены скарбомъ.

Что касается удовлетворенія старость и державцевъ за уменьшеніе доходовъ, то эта мѣра была всеобщей, хотя правительство и прибѣгало къ ея смягченію. Неотъемлемые старостинскіе доходы были тѣ, съ которыми староста получалъ державу. Слѣдовательно, получившій державу по введеніи волочной устави долженъ былъ довольствоваться представленными ему доходами. Въ 60-хъ годахъ державы часто переходили изъ рукъ въ руки, несомнѣнно усиленнаго заклада и выкупа добръ, почему переходъ державцевъ на условія новой устави не представлялъ затрудненій. Однако, можно указать не мало такихъ фактовъ, когда правительство, вслѣдствіе уменьшенія ярдинчяго дохода при волочной уставѣ, увеличивало жалованье державцевъ. Такъ, всѣмъ жомойскимъ вилунамъ король далъ, сверхъ обычныхъ ихъ доходовъ, плату съ каждой десятой ослой волоки „до воли и ласки господарской“²⁾. Унитскому старостѣ въ 1560 г. данъ плата съ каждой пятнадцатой волоки съ тою цѣлью, чтобы державцу кн. Ив. Крошинскаго „хлѣбного учинити“ къ выполненію устави³⁾. Городничему виленскому велѣно отпускатъ ежегодно изъ скарба по 40 копѣ грошей, такъ какъ при помѣрѣ отвлиты отъ городничества земли⁴⁾ и т. д. Это были временныя надбавки для избѣжанія ропота шляхты.

Все эти факты между прочимъ указываютъ еще на одну сторону реформы—на уменьшеніе ярдинчякихъ доходовъ⁵⁾. Сбори кормовъ съ населенія въ пользу мелкихъ ярдинчяковъ были иногда совсемъ отменены⁶⁾.

¹⁾ Rawiński, Źródła dziejowe, Wielkopolska, t. I, p. 155.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVI, л. 330.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XLV, л. 57 об.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 293 об.

⁵⁾ При пожалованіи кн. Ивану Крошинскому плата съ каждой 15-й волоки, господарь говоритъ: „што умислени себѣ въ порядную сираву воентки наши привести, съ поравнянемъ грунтовъ лашныхъ, для того себѣ волоки у волости нашей Унитской, яко и вышнихъ дворахъ и волостехъ нашихъ померити казали. А изъ за тѣхъ помереньемъ волоки некоторые ярдовыя покятки зложены“ и т. д. (Кн. Зап. Лит., XLV, л. 57 об.—58).

⁶⁾ Пис. кн. Пинскаго стар., II, 468.

Освободившись такимъ образомъ въ большей или меньшей мѣрѣ, отъ обязательствъ, лежащихъ на господарскихъ добрахъ, придать имъ хозяйственную цѣльность, скарбъ могъ уже распорядиться въ добрахъ, какъ самостоятельный хозяинъ. Если присмотрѣться къ той массѣ предиселій относительно контроля надъ мѣстными органами и къ отчетности по имуществу, какими снабжались ревизоры и обязывались державцы, то станетъ понятнымъ, что прежде всего скарбу понадобилось привести въ извѣстность составъ, хозяйственное значеніе и инвентарь имѣній. Разумѣется, это явилось рациональное требованіе. Надо только помнить, что скрупулезный контроль, сложная централизація въ управленіи и регистраціи имущества были аксіомами сельскохозяйственной экономики второй половины XVI в.¹⁾ Произведенная скарбомъ ревизія добръ представляеть собою грандіозную работу. Она продолжалась во многихъ старостахъ около 15 лѣтъ и состояла въ точномъ обмежеваніи господарскихъ земель, распредѣленіи волочныхъ надѣловъ среди крестьянъ, устройствѣ новыхъ селъ и фольварковъ, регистраціи хозяйственного инвентаря замковъ и дворовъ, установленіи новой администраціи и т. д. Выдающею особенностью было то, что реформа старалась широко развить самыя разнообразныя отрасли сельскаго хозяйства. Если въ прежнихъ уставахъ мы видѣли кое-какія предиселія касательно дворцовой кухни, охраненія лѣса и пр., то волочная устанва во всѣхъ этихъ отношеніяхъ ушла далеко впередъ. Изъ каждой державы она стремилась создать такое хозяйство, въ которомъ бы ни одна пядь земли не оставалась бездоходной, въ которомъ трудъ рабочаго не пропадалъ бы даромъ. Прежде всего была значительно видоизмѣнена система дворцовой записки. До этого времени дворъ державцы или старосты

¹⁾ Ссылаюсь неоднократно на сельскохозяйственныя и политико-экономическія ученія XVI в., мы имѣемъ ввиду славныя образцы литературы по этимъ вопросамъ, появившюся съ полов. XVI в. въ Польшѣ (соч. Гасгомекаго, Фр. Модржевскаго, Петра Скарга, Тарновскаго и др.). Мы узнаемъ отъ положенія дѣлъ этой очень интересной литературы, потому что предполагаемъ шоссѣдственныя посягательства ей особой этюдъ. Эта литература, хотя и вышла очажомъ своимъ Краковъ, несомнѣнно оказывала вліяніе и въ предѣлахъ Западной Россіи. Краткія свѣдѣнія объ апопическихъ и сельскохозяйственныхъ ученіяхъ того времени можно найти въ кнѣжкѣ Станислава (Poszukiwania do Historii rolnictwa krajowego, War. 1858, p. 160 слѣд.) и у Паникекаго (Skarbowość w Polsce, War. 1881, p. 381). Обзоръ политико-экономической литературы XVII в. можно найти въ брошюрѣ Z. Gargas, Poglądy ekonomiczne w Polsce XVII w., Lw. 1897.

представляла собою собственно административный центр волости; размеры записки были не велики; дворъ былъ снабженъ челядью и ремесленниками для своихъ надобностей. Теперь дворъ старости является хозяйственнымъ центромъ большой экономіи. Сверхъ этого главнаго двора на подходящихъ мѣстахъ устраиваются болѣе мелкія экономіи— фольварки, дворы. Здѣсь тоже воздвигаются хозяйственныя строения, отводятся мѣста для пашни, разводятся скотъ, устраиваются мельницы, рыбныя садки и пр. Эта система крупныхъ дворовъ съ ихъ отдѣленіями— фольварками очень хорошо известна нѣмецкому хозяйству¹⁾. Она была весьма выгодна съ хозяйственной точки зрѣнія, такъ какъ дворцы располагались на наиболее удобныхъ мѣстахъ и притомъ такъ, чтобы окружающія ихъ села съ типичными людьми были недалеко; подданные такимъ образомъ не тратили лишняго времени для ходьбы на барщину. Фольварковое хозяйство съ его изстарившимися формами кое-гдѣ и теперь еще можно встрѣтить въ большихъ мѣстностяхъ Западнаго края. По ревизіямъ старость легко видѣть, что фольварки устраивались именно во время производства помѣры. Правительство Сигизмунда Августа находило ихъ весьма „пожиточными“ для скарба и въ этомъ смыслѣ давало неоднократные совѣты и предписанія державцамъ и ревизорамъ. Волочная устава предписываетъ устраивать фольварки при замкахъ и дворахъ²⁾. „Примножать“,— фольварки совѣтуютъ и инструкція ревизорамъ³⁾. И это потому, что тогда считалось прибыльнымъ устройство фольварковъ: „вѣды заложитъ будетъ, тогда не малый пожитокъ скарбу вашему чашитиожитъ“,— пишетъ въ своемъ листѣ къ Дмитрію Сопегѣ король по поводу устройства фольварка въ Каменецкой волости. Король при этомъ приказываетъ выбрать на пашню „колынанадцать волокъ, хотя и которыхъ подданныхъ сколько зрушавши“ и приписать къ новому фольварку потребное число тяглыхъ волокъ⁴⁾. Доходы отъ дворцовой пашни распределялись такимъ образомъ, что державца получалъ третью часть, а остальныя двѣ трети шли въ господарское гумно⁵⁾. Для упорядо-

¹⁾ Квантъ, Освобожденіе крестьянъ и прочихъ сел.-хоз. рабочихъ (изд. Польской), р. 3. Ср. Inama-Sternegg, Untersuchungen u. d. Hofsystem im Mittelalter, 1872, р. 70.

²⁾ А. З. Р., III, р. 77.

³⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, а. 293.

⁴⁾ Кн. Пуб. Дѣлъ Лит., IX, а. 99 об.

⁵⁾ А. З. Р., III.

ченія храненія зерна было обращено не мало вниманія на дворцовый гумно¹⁾.

Кромѣ пашни правительство заботилось и о другихъ сторонахъ хозяйства. Изъ нихъ завѣдываніе лѣсомъ и конюшенное хозяйство оставили особая отрасли, и о нихъ сказано будетъ впоследствии. Изъ другихъ отраслей хозяйства, культивировавшихся при фольваркахъ, важное мѣсто занимала рыбная промыселъ. Устава предписываетъ державцамъ устраивать сажавки и ставы, употребляя даже наемныхъ рабочихъ, и регулируетъ порядокъ рыбной ловли²⁾. Увеличеніе садковъ и разведеніе въ нихъ рыбы ставилось въ особую заслугу державцамъ. Правительство заботилось о томъ, чтобы не вызвалилась мелочь. Рыба доставлялась на господарскую кухню, но излишекъ ея шелъ въ продажу³⁾. Рыбныя рѣки, озера, езы тоже подвергались эксплуатаціи⁴⁾. Судя по ревизіямъ, новое рыбное хозяйство при Сигизмундѣ Августѣ едва-ли еще давало сколько нибудь значительный доходъ. Большимъ интересомъ отличалось только рыбное хозяйство въ Кшынѣцѣ, старостѣй самого волочного спрашца П. Фальческаго. Видимо, самъ Фальческій приложилъ не мало труда для устройства сажавокъ и былъ знатокомъ дѣла⁵⁾.

Ставы не только служили для разведенія и ловли рыбы, но также и для мельницъ. При фольваркахъ устраивались не только мельницы для зерна, но также „тѣртычныя млыны“ для лѣсныхъ работъ, „фалюши“ и рудныя ставы⁶⁾. Правительство выкапывало особенную заботливостію объ увеличеніи числа послѣднихъ. Наказъ старостамъ разъясняетъ, что имъ вѣзлится въ обязанность осаживать ковалей и рудниковъ, давать имъ землю, вызывать „мистровъ“ изъ Малопольши и Польши. Въ Литвѣ, разъясняетъ наказъ, необходимо увеличить разработку желѣзной руды, потому что здѣсь и больше желѣза и оно лучшаго качества, чѣмъ въ другихъ христіанскихъ королевствахъ. Выработанное желѣзо идетъ на дворцовыя нужды, а излишекъ на Речъ Посполитую⁷⁾. Скотоводство тоже не было забыто. Впрочемъ, при

¹⁾ А. З. Р., III.

²⁾ А. З. Р., III, р. 78.

³⁾ Кн. Пуб. Дѣлъ Лит., VI, а. 30.

⁴⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, а. 217 об.

⁵⁾ Biblioteka ordynacyi Krasinskiej: Muzeum K. Świdzińskiego, t. II, р. 239.

⁶⁾ Loca citata.

⁷⁾ Кн. Пуб. Дѣлъ Лит., VI, а. 31.

Сигизмундъ Августъ оно развивалось туго, и правительству приходилось иногда выписывать воловъ съ Волны (вѣроятно изъ Молдавіи) для работъ въ литовскихъ фольварках¹⁾. Старания прилагались преимущественно къ разведенію коровъ, овецъ и свиней. Устава предписываетъ „хватать“ въ каждой фольваркѣ не менѣе 20 коровъ, но по возможности и больше. Недостаточное число коровъ должно быть куплено. Врядъ обзавая платитъ въ скарбъ отъ каждой коровы по 20 гр. въ годъ, отъ старой овцы по 1 гр. за шерсть, а отъ молодой по поль-гроша. Это значитъ, что сама державца обязана была продавать продукты скотоводства. Кроме того устава предписываетъ разводить дойныхъ волъ и овецъ, гдѣ это возможно, продавать старый скотъ, а также шкуры надшого. Для наблюденія за скотомъ назначалась одна изъ рабынь въ качествѣ „рыкуня“, а въ помощь ей давалось нѣсколько дѣвокъ²⁾. Ревизорамъ предписывалось не только контролировать состояніе „обора“, но и заботиться объ увеличеніи ея³⁾. Если работы объ огородахъ встрѣчаются и въ прежнихъ уставахъ, то на разведеніе садовъ теперь впервые обращено было вниманіе. Врядъ обзавая была устранивать огороды и вносить платъ въ скарбъ отъ морга по 12 гр.⁴⁾, при чемъ утилизація продуктовъ предоставлена ему. Доходъ отъ садовъ едва-ли игралъ какую-нибудь роль въ хозяйствѣ⁵⁾. Разумѣется, не была забыта и доходъ отъ угодій такихъ какъ дворные борты⁶⁾ и сѣнокосы⁷⁾, но и то и другое теперь уже имѣло небольшое значеніе. Сѣнокосы вродъ иногда сдавали крестьянамъ на платъ. Бортники платили дань съ бортей, а всѣ подданные также и съ домовыхъ ульевъ, кто держалъ ихъ. Бобриные горы также эксплуатировались подданными, но только на условіи полученія ими пятой части убитыхъ бобровъ. Кое-гдѣ на лова выходили и державцы, конечно съ промысловую цѣлью, но крестьянамъ охота воспрещалась и даже ограничивалось въ известной мѣрѣ ихъ право охоты на собственныхъ волокахъ⁸⁾.

¹⁾ Книга Прев. Лит., VII, а. 8 об.

²⁾ А. З. Р., III, р. 78.

³⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., I, III, а. 217.

⁴⁾ А. З. Р., III, 78.

⁵⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., I, III, а. 217 и 235 об.

⁶⁾ Ibidem, I, с.

⁷⁾ А. З. Р., III, 79.

⁸⁾ А. З. Р., III, 86.

Необходимо также отмѣтить отношеніе скарба къ незаплатымъ землямъ, годнымъ для сельско-хозяйственной культуры. Скарбовая инструкция предписывали основаніе новыхъ осадъ въ зѣвахъ,—гдѣ только это возможно¹⁾. Отноительно пустошскихъ земель тѣ же инструкции наставляютъ, чтобы державцы избѣгали раздачи пустошницъ на платъ или поклонѣ, но заставляли бы крестьянъ „виспанаться въ реестръ“²⁾, т. е. брать волоки, потому что, какъ объясняетъ наказъ, подданные охотибѣ берутъ земли на платъ, зѣвъ на службѣ³⁾. Вирочемъ подданнымъ разрешалось пастись скотъ на пустошскихъ волокахъ⁴⁾.

Другая сторона реформы—устройство крестьянства. Ревизія добръ прозвела двоякаго рода измѣненій—финансоваго характера и сельско-хозяйственнаго. Прежде всего измѣнились вѣншій видъ селеній и расположеніе полей ихъ и угодій. Небольшое—въ два-пять дворницъ древне-русское село съ угодьями, расположенными изъ нѣсколькихъ мѣстахъ маленькими полосками, измѣнило свой видъ. Селенія устроивались большими съ вытанутыми въ одну линію избами, гумна ставились насупротивъ избы, черезъ улицу; огороды располагались вождѣ избы. Устройство такихъ селеній преслѣдовало цѣли административная и отчасти полиціискія. Поля разбивались на три части, такъ что каждая волока имѣла свой участокъ („рѣзу“) — въ 10 морговъ, во всѣхъ трехъ поляхъ. Это имѣло сельскохозяйственна цѣли, потому что устава требовали введенія трехпольнаго хозяйства: паровое поле отводилось подъ выгонъ. Надо оговориться, что иногда въ зависимости отъ условій мѣстности дѣлались отступленія отъ нормальнаго типа селеній. Всѣмъ этимъ вводилась новая система хозяйства. Въ финансовомъ отношеніи, по прежнему, земля оставалась основною окладною единицею. Однако старая окладная единица—службы, дворница исчезли и замѣнены весьма опредѣленною единицею—волокою. Промысловыя угодія потеряли свое прежнее значеніе. Волока—это участокъ пахатной земли. Размѣръ ея таковъ (около 19½ десятинъ), что могъ удовлетворить одну многорабочую семью, или двѣ малосемейныя (три семьи встрѣчаются на одной волокѣ очень рѣдко). Угодія не тянуть къ отдѣльнымъ волокамъ, но отмежевываются въ пользованіе всего

¹⁾ Ibidem, р. 86—87, Кн. Судн. Дѣлъ Лит., I, III, а. 217 об.

²⁾ А. З. Р., III, 77.

³⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., VI, а. 29 об.

⁴⁾ А. З. Р., III, 91.

села. Такимъ образомъ созданъ былъ типъ сельской общины, известной подъ названіемъ порубежной ¹⁾.

Въ смыслѣ единицы обложенія волова представляла собою громадную преимущества сравнительно съ древнерусскими службами и дворницами. По размѣрамъ своимъ она отличалась достаточною эластичностью; будучи обмежевана, она легко поддавалась провѣрѣ. Установленіе точно опредѣленнаго надѣла представляло и еще одно хозяйственное удобство, потому что давало полную возможность распредѣлять эти надѣлы сообразно съ рабочими силами крестьянскихъ семей, такъ какъ малоробочія брали одну волоку на двѣ, три семьи, и наоборотъ, многоробочія семьи брали одну волоку на двѣ, три семьи. Кроме того, при разбивкѣ правильныхъ участковъ, въ обрубѣ каждого села оказывалось не малое количество отрубковъ отъ полей, вандѣ злишковъ, застѣлковъ. Эти отрубки будучи точно обмежеваны, сдавались на платѣ держателямъ-же воловъ, иногда и стороннимъ лицамъ и, такимъ образомъ, тоже шли въ окладъ. Мало того при производствѣ помѣры пошамъ въ окладъ и такіе земли, которыя раньше не бывали облагаемы, напр., куничья земли, пустоши ²⁾, роспашни, ранѣе не бывшія въ окладѣ ³⁾. Несомнѣнно, все это значительно увеличивало площадь облагаемыхъ земель. Измѣненіе окладной единицы было поэтому къ выгодѣ держателей службъ малаго размѣра и къ невыгодѣ держателей большихъ по размѣру службъ. Эластичность окладной единицы, существованіе отрубковъ, изобиліе предлагаемыхъ крестьянамъ земель давали полную возможность каждой хозяйственной группѣ развивать свою дѣятельность.

Эластичность волоки, какъ окладной единицы, достигалась еще и другими путями. Волока была не столько однородной единицей въ смыслѣ размѣра земли, сколько въ смыслѣ хозяйственного значенія, такъ какъ при разбивкѣ воловъ размѣры уступали хозяйственному качеству участка. Нормальная волока считалась въ 30 морговъ, но въ зависимости отъ качества почвы размѣръ ея подымался до 33 морговъ; наконецъ, практиковалось еще и сдабриваніе волочныхъ участковъ— „для вѣчности“ грунта придачей къ принятому въ данной державѣ размѣру воловъ (въ 30—33 морга) еще „надавковъ“ въ

¹⁾ Опредѣленіе см. у Ротера, Наука о нар. хоз., пер. Шевлева, р. 237.

²⁾ Писемная книга Пискаго староства, Хвалычскаго, р. 443, 445 и др.

³⁾ Лебедевъ, Финансовое право, СПб. 1889, в. 1, р. 87.

волокамъ. Такимъ образомъ, равняли качество воловъ, увеличивая размѣры ихъ. Но и на этомъ уравненіи скарбъ не останавливается. Нормальныя волоки дѣлились на разряды сообразно качеству почвы каждого даннаго села. Такихъ разрядовъ было четыре: добрый грунтъ, средній, подлый и „наддеръ“ подлый—песковатый или болотистый. Размѣры подати съ волоки устанавливался сообразно качеству грунта. Изъ сказаннаго нельзя не замѣтить всѣхъ громадныхъ преимуществъ новой окладной единицы сравнительно съ прежними древнерусскими. Съ другой стороны нельзя не отмѣтить того громаднаго труда, который былъ употребленъ на производствѣ кадастра. И можно быть увереннымъ, что этотъ трудъ былъ употребленъ не напрасно, такъ какъ опытность и добросовѣстность ревизоровъ стоятъ вышѣ сомнѣній. Проводившія реформы стояли въ курсѣ современныхъ имъ требованій экономики, а эта послѣдняя ставила кадестръ краеугольнымъ камнемъ финансовой политики. Дѣльцы изъ школы королевы Бонны не могли не знать, какое большое значеніе кадастру придавалось политиками на родинѣ королевы и особенно главой ихъ—Магистралл.

Но, какъ бы ни была идеально хороша единица, опредѣляющая объемы обложенія, она должна считаться съ карманомъ субъекта. И на это обращено было вниманіе: указывая на неравномѣрность стариннаго обложенія, при которомъ не была принимаема въ расчетъ зажиточность плательщика, отчего люди бѣдѣли, разбѣгались, наглазъ старостамъ разъясняется, что разумъ каждого человека подсказываетъ, что обложеніе поданаго должно быть такимъ, при которомъ онъ могъ бы свободно выплачивать и подати государскіе и серебряныя; поэтому обложеніе должно приспособляться къ качеству почвы и къ зажиточности плательщика ¹⁾. Подождемъ, высказавши столь здравыя мысли, наглазъ смотреть на поданаго только какъ на источникъ дохода,—такъ, какъ хозяинъ смотритъ на любую доходную статью, истощеніе которой сократитъ его собственный доходъ. Съ этой точки зрѣнія скарбъ стремился къ ошкѣ надъ поданнымъ. Это сказывалось и при сборѣ податей. Податки собирались послѣ зимнихъ посѣвовъ, и сборъ заканчивался къ Рождеству (періодъ молотбы) для того, чтобы крестьяне какъ нибудь не распротили своихъ доходовъ. Въ періодъ сбора податковъ заимодавцамъ воспрещалось изъяснять съ крестьянъ—должниковъ свои долги и проценты, совѣтовалось также

¹⁾ Кн. Пуб. Дѣл. Лув., т. 30 об.—31.

не истощать совершенно бднляковъ сборами полатковъ, но давать „фолгу“, льготу въ платежахъ, даже и совѣтъ слагать платежи и недоимки съ бднлякомъ, поддерживать въ голодные годы и такъ далѣе—все въ цѣльхъ удерживать крестьянъ на землѣ и способствовать ихъ зажиточности, потому что тогда они будутъ хероними плательщиками¹⁾.

Одной изъ весьма неудобныхъ сторонъ до-реформеннаго обложения была та, что при столь грубомъ объектѣ обложения, какъ служба и дворница, субъектъ обложения ускользалъ отъ регистраціи; на службѣ могла помѣститься большая слбринная семья, такъ что нѣсколько дѣтвъ несли одну службу. Этотъ недостатокъ былъ хорошо сознаваемъ въ половинѣ XVI в.: „Каждый вѣтъ,—завѣдалъ Синизмудъ Августъ,—потому, какъ онъ свой хлѣбъ вѣтъ, долженъ и работать и повинности намъ отбывать, а не по своимъ предкамъ, со своихъ, какъ они называютъ „вѣтчинъ“²⁾. Этотъ взглядъ многое разъясняетъ въ тогдашней скарболой политикѣ. Онъ показываетъ, что правительство не только искало новыхъ статей для пожитковъ и помѣхъ объектовъ обложения, но также старалось уловить и субъекта его, сдѣлать изъ субъекта наиболее гибкую единицу обложения. Дѣйствительно, устава предписываетъ раздѣлять большія семьи, сидѣнціи на волокахъ, оставляя на каждой отца съ сыномъ или двухъ братьевъ, а остальныхъ осаживать на пустыхъ волокахъ³⁾. Такимъ образомъ развивалась встаринная форма слбринной семьи. Впрочемъ, и самъ раамѣръ владной единицы, какъ мы уже замѣтили, былъ таковъ, что не могъ пріютить слишкомъ большую семью.

По отношенію къ хозяйственнымъ цѣлямъ правительство стремилось наиболее для себя выгоднымъ образомъ направить дѣятельность подданныхъ. Основная идея, руководившая скарбомъ, согласно съ самой сущью замкнутаго хозяйства, заключалась въ переводѣ повинностей и натуральныхъ сборовъ на чиншъ и на хлѣбные сборы, такъ какъ хлѣбъ легко, при тогдашнихъ условіяхъ торговли, превращался въ деньги. Однимъ словомъ, переводъ на чиншъ составлялъ душу системы, и мы не разъ встрѣчаемъ категорическія заявленія о томъ, что чиншъ гораздо выгоднѣе дворцовыхъ службъ⁴⁾. Исходя изъ этого

¹⁾ Ibidem, л. 31 об. и др.

²⁾ Źródła dziejowe, VI, р. XCII.

³⁾ Акты Зап. Россіи, III, 93—94.

⁴⁾ Писцовая книга Пискаго староста, II, р. 179.

взгляда, во время реформы пересажены всѣ лишніе дворцовые элементы на чиншъ. Весьма замѣчательно прежде всего то, что при ревизіяхъ осажены были на тяжелыхъ волокахъ или на огородахъ рабы¹⁾; впрочемъ мѣра эта не была доведена до конца, такъ какъ встаетъ небольшое число челяди оставалось при дворахъ, кажется, впрочемъ ввидѣ скотины и другой прислуги. Нѣкоторыя дворцовыя службы въ годы реформы были въ известной мѣрѣ анахронизмомъ: таковы, напр., псаредія, соколыницкія службы: онѣ осажены на чиншѣ²⁾. Относительно дворцовыхъ службъ (при господарскомъ дворѣ, какъ то: кухарей и пр.) устава требуетъ взимать и съ нихъ платы и деньги за повинности, если эти служебники не находятся на дѣйствительной службѣ³⁾. Конюхи, борти также платили чинши, если не были на службѣ⁴⁾. Изъ хозяйственныхъ службъ только стрѣльцы и осочники пріобрѣтаютъ важное значеніе съ устройствомъ правильного дѣснаго хозяйства: они получали по двѣ волоки на своей службѣ, а третью, если хотить, на чиншѣ⁵⁾. Контингентъ стрѣльцовъ былъ даже увеличенъ посредствомъ набора и расположенъ въ селахъ соответственно потребностямъ хозяйства⁶⁾. Въ такомъ же положеніи находились мельники, но съ нихъ, кромѣ мельничьей работы, шла еще и тесельская⁷⁾. Лишніе дворные королевскіе слуги (одверные, пекарни и т. п.) тоже были осажены на волокахъ⁸⁾. Вообще требовалось, чтобы на дворняхъ потреби оставалось только самое необходимое количество службъ⁹⁾; разумеется, эти требованія касались и ремесленни-

¹⁾ Ibidem, р. 180, 185, 476, Писц. кн. Хвальчевскаго, 103, 120, 121.

²⁾ Писцовая книга, Хвальчевскаго, 444.

³⁾ А. З. Р., III, 73.

⁴⁾ Ibidem, 73.

⁵⁾ Ibidem.

⁶⁾ Въ одной изъ книгъ встрѣчаемъ замѣтку о распоряженіи короля: „Яко его королевская милость противъ Ифантъ року пятидесяти семого зъ волея рунтнѣя былъ рачиль посевъ (?) зъ войны вернувшихся, владѣвшихъ его тѣмъ, которыхъ зъ росказанъ его королевское милости панъ Станиславъ Довойно, староста бобрубскій, мерещай, довгонскій и перелайскій, вѣдчи годовыхъ стрельцами образъ, листъ его милости каждому на двѣ волоки на службу стрелецкую подати росказати рачиль“ (Кн. Зап. Лит., XLII, л. 2).

⁷⁾ А. З. Р., III, 79 и 90.

⁸⁾ Съ цѣлью установить платы съ этихъ служебниковъ былъ восставъ А. Бринда, Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 259 об.

⁹⁾ Кн. Пуб. Дѣль Лит., VI, л. 33.

ковъ, вълишекъ которыхъ пересаживался на чиншъ¹⁾. Однако по отношению къ послѣднимъ нельзя не отмѣтить слѣдующаго обстоятельства. Отправивъ число ремесленныхъ службъ, приказъ старостамъ настоячиво совѣтуетъ брать крестьянскихъ дѣтей, особенно изъ семействъ, гдѣ много сыновей, и отдавать ихъ въ ремесла; это гораздо лучше, чѣмъ оставлять ихъ „простаками“; такіе ремесленники пригодятся для двора, а, еслибы оказались въ нихъ шлишекъ, то они будутъ сидѣть на платѣ²⁾.

При такихъ условіяхъ понятно, что въ тѣсныхъ службахъ оставалось при дворахъ только самое необходимое количество; ихъ рассчитывалось по 7 волокъ осѣлыхъ на одну фольварковую волоку. Зато услуга очень охотно прибѣгаетъ къ толокамъ³⁾.

Такимъ образомъ громадное большинство крестьянства сидѣло на чиншѣ, т. е. уплачивало деньгами какъ арендную плату, такъ и почти всея повинности и натуральные сборы. Платы распределялись и таксировались слѣдующимъ образомъ: они составлялись изъ чинша (по 21 гр. съ волоки добраго грунта, по 12 гр. съ средняго, по 8 гр. съ подлага и по 6 гр. съ весьма подлаго), овса джольнаго (по 2 бочки съ волоки добраго и средняго, по одной съ подлаго, или по 5 гр. отъ бочки овса и по 5 гр. за отвозъ), по одному возу сѣна (или по 3 гр. за возъ сѣна и по 2 гр. за отвозъ); съ очень плохого грунта сѣна и овса совсѣмъ не давалось; сверхъ того съ каждой волоки вималось по одному гусю или 1½ гр., по двѣ курицы или 16 пенисей, 20 яицъ или 4 пенисы, за переводы 2 гр., стацію 2½ гр., или въ натурѣ вималась стація. Слѣдовательно, въ общемъ, переводы на деньги, съ каждой волоки вималось: съ добраго грунта 54 гр., средняго 45 гр., подлаго 31 гр. и съ очень подлаго 14 гр. Это—чиншевые платы. Но сверхъ того чиншевикъ или отбывалъ тяглую службу (по 2 дни въ недѣлю, 12 толокъ и гвалты), или былъ осаживаемъ на осадѣ и тогда платилъ деньгами за повинности по такому расчету: за осаду 30 грошей, за толоки 12 гр. (или 12 толокъ въ натурѣ), за гвалтъ 10 гр., т. е. всея вотчинная повинности расцѣплялись въ 52 гроша,—независимо отъ качества отдѣльной земли. Значитъ, наименѣшій окладъ съ волоки

¹⁾ Ка. Суд. Дѣлъ Лит., I, II, з. 217.

²⁾ Ка. Суд. Дѣлъ Лит., VI, з. 32 об.

³⁾ А. З. Р., III, р. 90.

за всея вотчинная подати и повинности достигалъ 106 грошей и падалъ ниже въ зависимости отъ размѣра чиншовой. Сверхъ того осадники косили сѣно на государскихъ сѣножатяхъ. Таковъ общій размѣръ крестьянскихъ платежей и повинностей; отъ него при ревизіяхъ дѣлались иногда отступленія, хотя и очень незначительныя; на нихъ мы останавливаться не будемъ, потому что они имѣютъ интересъ только при подробномъ ознакомленіи съ ревизіями.

Къ сказанному остается добавить, что устава опредѣляла особый платъ съ застѣпковыхъ морговъ, сѣновозовъ и огородниковъ при дворахъ. Наконецъ, подданные должны были выходить на сторожу замковую или дворную. Новою уставою отмѣнялись всея прежніе вотчинные повинности и платы. Въ случаѣ паложенія на подданныхъ новыхъ работъ (паш. аѣсныхъ, возки камней и отвозъ овса на разстояніи болѣе 20 миль и проч.), всегда предполагалась скидка съ чиншовой или же наемная плата.

Высшіе разряды крестьянскаго населенія платили за волоки по тому-же расчету, что и осадные, только эти разряды (осочники, стрѣльцы, ремесленники и др.) никогда не соединили тѣла съ службой. Сказанное относится и къ боярамъ; теперь боярство на государскихъ земляхъ было двоякаго рода: бояре путные и бояре государскіе (вотчинные, болшую частью шередшіе къ господарю вместе со сладковыми добрами); они получали по 2 волоки, по чиншъ платили только въ томъ случаѣ, если не выходили на войну. Разуѣется, то же условіе касается и бортей, стрѣльцовъ, осочниковъ, бобровниковъ и ковалей, которые также выходили съ войскомъ. Путное боярство предначиналось теперь исключительно для войны, тогда какъ для „лантовой“ службы и отчасти волщейской избирались изъ путныхъ же бояре особые служки, получавшіе по двѣ „вольныхъ“ отъ платовой волоки. Такіе-же вольные волоки давались войтамъ и деревнямъ. Такъ была организована повинностная система по влочной уставѣ.

Для того, чтобы эта организація могла соответствовать повинности намѣченныхъ дѣлей, была устроена довольно сложная административная машина, которой, впрочемъ, нельзя отказать въ эластичности. Выдающаяся особенность этой машины заключается въ централизаціи и скрупулезномъ контролѣ надъ мѣстными органами. Каждое должностное лицо получало строго опредѣленные обязанности. Согласно одному изъ основныхъ взглядовъ правительства о необходимости „бо-

ронить² подданных отъ врида, устава, наказъ и инструкци ревизорамъ исполнены указаніями и требованіями чинить „справедливость“ подданнымъ, чѣмъ предоставлялась имъ полная возможность защищаться отъ притѣсненія врида.

Вся система, такимъ образомъ, была объединена одною общою идеею,—изысканіемъ „пожитковъ“ для сварба. Разсматривая ревизорск., правительство неизмѣнно требовало отъ нихъ не только строгатаго контроля надъ существующимъ ходомъ вещей, но и новаго „причинена пожитковъ“: „И ишше вси речи—говоритъ инструкция—которые бы панове ревизорове съ пожиткомъ его королевское милости а безъ обтежливости подданныхъ могли постановить, что потребного обачивши, старостамъ, державцамъ и уридикамъ науку давать и пильне, чуйне и дбале, водле повинное вери своее отъ его кролевское милости на нихъ приложеное, мають се заховати и ку пожиткамъ его кролевское милости приводити“³). Поэтому ревизоры должны отмѣчать какъ увеличеніе, такъ и уменьшеніе пожитковъ, разузнавать, „где бы тежъ ставы, млышц, сажавки будованы и фольварки причинены быти могли“; они обязаны „того всего съ пильностью доарети и вридику пожитокъ, съ чего быти можетъ, оказати мають, также з готовыхъ ставовъ пожитки якие надешние быти могутъ, постановити“⁴). Разумѣется, и по отношенію къ податкамъ и повинностямъ подданныхъ ревизоръ долженъ изыскивать „лепшій пожитокъ“, хотя и безъ „обтежливости“ подданныхъ⁵) и т. д.

Хотя вся система господарскаго хозяйства была построена на рациональныхъ началахъ признанія извѣстнаго значенія за всѣми продуктами сельскаго хозяйства, но фактически, въ данное время, главнѣйшими изъ нихъ были хлѣбъ и льсъ; объ эксплуатациі льса намъ еще придется говорить. Что касается хлѣба, то производство его предполагалось преимущественно на фольварковыхъ пашняхъ. Натуральный подати хлѣбомъ были переложена на деньги, но однако правительство предоставляло себѣ право взимать ихъ и хлѣбомъ, когда это будетъ признано нужнымъ. Такое постановленіе легко объясняется какъ тѣмъ, что правительство предвидѣло нужды военнаго времени,

²) Кн. Судн. Дѣлъ Лвт., LIII, з. 218.

³) Ibidem, з. 216 об.

⁴) Ibidem, з. 218 об.

такъ особенно и тѣмъ, что правительство могло имѣть ввиду условія хлѣбнаго рынка и, соответственно этому, или взимать за хлѣбъ деньгами, или натурою. Что касается въ частности дворянскаго оса и сѣна, то натуральный сборъ его вызывался потребностями господарскаго коневодства¹). Въ данное время правительство неоднократно прибѣгало къ „выбиранию“ жита, оса и стапін въ натурѣ для продовольствія наемнаго войска или для запасныхъ магазиновъ въ замкахъ. Можно указать также и на факты, когда правительство пользовалось своимъ правомъ въ чисто торговыхъ цѣляхъ. Такъ, въ 1561 г. въ Жомойти весь хлѣбъ подданныхъ былъ собранъ въ натурѣ для отправки въ Рижскій портъ²). Такой-же приказъ былъ отданъ и по другимъ державкамъ³). Черезъ нѣсколько дней (2 сентября) послѣ перваго приказа (23 августа) сдѣлано было въ той-же Жомойти новое распоряженіе объ усиленіи подвоза хлѣба въ порты. Титуны должны были закупить у подданныхъ хлѣбъ по такой разверсткѣ: съ волоки добраго или средняго грунта взять по 2 бочки оса, съ волоки подлаго грунта—одну бочку. За это подданнымъ должно быть сдано съ чиншыхъ платовъ по 10 гр. за бочку (5 за отвозъ и 5 за оверъ), а съ каждой волоки должно быть взято по одной бочкѣ жита, тоже по цѣнѣ 10 гр. Крестьяне должны немедленно отвезти весь хлѣбъ въ ближайшіе-же порты на Двинѣ или въ Ригу⁴). Интересно, что, производя принудительную продажу хлѣба, правительство въ томъ-же году запрещаетъ продажу крестьянами хлѣба за границу, ввиду ожидаемаго называ военныхъ силъ въ Ливоніи⁵). Во всемъ этомъ нельзя не видѣть чисто торговой операціи. Конечно, разсказанная операція носить случайный характеръ. Вообще-же собираемый съ фольварковыхъ пашней хлѣбъ получалъ слѣдующее назначеніе. Прежде всего выдавалась костельная десятина, откладывалось потребное количество для посева, затѣмъ державка брала свой „третій“ спонъ⁶). Если гдѣ при дворахъ оставалась еще челядь, то выдавалась ей „мѣсячина“⁷); челяди давалось только изъ озимыхъ хлѣбовъ, а ко-

¹) А. З. Р., III, р.

²) Кн. Пер. Лвт., VII, з. 41 об.—42.

³) Ibidem, з. 47.

⁴) Ibidem, з. 48.

⁵) Ibidem, з. 50.

⁶) А. З. Р., III, р. 77.

⁷) Кн. Пуб. Дѣлъ Лвт., VI, з. 28 об.

стельная десятина шла от яровых и озимых. От яровых державца получала „четвертый сноп“¹⁾. Часть оставалась для корма скота. Остающийся послѣ этихъ расчетовъ хлѣбъ составлялъ чистый доходъ и шел или въ продажу или въ „отсопъ“ крестьянамъ. Продажею хлѣба занимался иногда самъ державца или староста²⁾. Онъ продавалъ или на ближайшемъ рынкѣ, или транспортировалъ въ Дандигъ и Кенигсбергъ. Державца, близкіи къ портамъ, имѣли въ послѣднихъ свои хлѣбные магазины. Разумѣется, державцы сами вели хлѣбную торговлю „вдле своего разумѣнья и баченія“ только въ томъ случаѣ, если не было особаго предписанія „науки“ отъ короля³⁾, такъ какъ иногда король сдавалъ вывозъ изъ державъ хлѣба крупными партиями купцамъ⁴⁾. Весьма любопытно предписаніе касательно „отсопа“. Волочная устава воспрещаетъ выдачу крестьянамъ хлѣба въ „отсопъ“ изъ господарскихъ гуменъ⁵⁾. Это запрещеніе не совсемъ понятно (можетъ быть, оно касается уже смолоченнаго и удоженнаго зерна), потому что наказъ старостамъ настойчиво совѣтуетъ выдачу и ярового и озимаго хлѣба въ „отсопъ“; онъ совѣтуетъ подданнымъ „k temu je sposobiac, uzby kazdego roku brali“; гдѣ не хотятъ брать, то — „tedy to roztrpności u wierze urzednikom paszum rognieszamu“ — говоритъ наказъ⁶⁾, вызывая тѣмъ самымъ къ понужденію державцами крестьянъ. Такова была организація дворцоваго хозяйства по реформамъ Сигизмунда-Августа.

Въ заключеніе необходимо поставить вопросъ, дѣйствительно-ли волочная организація умножала „пожитки“, о чемъ такъ хлопотала скарбъ. Конечно, цифры въ данномъ случаѣ могли-бы служить наилучшимъ отвѣтомъ, но такихъ данныхъ нѣтъ. Но уже все то, что говорилось о цѣлхъ помѣры, о введеніи волочной организаціи, располагаетъ къ положительному отвѣту на поставленный вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, ревизоры открыли цѣлый рядъ доходныхъ статей, которыя раньше или совсѣмъ не фиксировались, или не доходили въ скарбъ.

¹⁾ Ibidem. I. c.

²⁾ А. З. Р., III, p. 77.

³⁾ Книга Публ. Дѣлъ Лит., VI, л. 28 об.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., I. III, л. 22 об.

⁵⁾ Акты Зап. Рос., III, p. 77.

⁶⁾ Кн. Пуб. Дѣлъ Лит., VI, л. 28 об.

Новое разложеніе сборовъ на населеніе вело несомнѣнно къ тѣмъ-же результатамъ. По ревизіи Пинскаго старства, богѣе богатой, чѣмъ другія, въ указанія о до-реформенномъ порядкѣ вещей, легко убѣдиться именно въ увеличеніи сборовъ. Ревизоры здѣсь поступали прежде всего такимъ образомъ: тамъ, гдѣ старые податки съ дворища оказывались меньше, чѣмъ должны-бы быть по уставу, они оставили общій платъ въ прежнему-же размѣрѣ¹⁾. Это принципиально проведено по всему старству. Но сверхъ того, легко насчитать десятки селъ и дворищъ, — изъ тѣхъ, въ которыхъ показанъ размѣръ и старыхъ, и новыхъ платежей, — гдѣ вслѣдствіе ревизіи оказалось значительное увеличеніе платежей; и это увеличеніе оказывалось иногда въ два-три раза больше²⁾. Это объясняется, конечно, тѣмъ, что большія дворища, разверстанна на волоки давали нѣсколько новыхъ окладныхъ единицъ. Изъ такого приѣма, принявшаго ревизоромъ въ Пинскѣ, съ очевидностью вытекаетъ тотъ выводъ, что волочная система приносила съ собою увеличеніе „пожитковъ“ не только потому, что открыла новые доходныя статьи, но также и потому, что при установленіи новой окладной единицы она увеличивала, въ большинствѣ случаевъ, доходы сравнительно съ платами до-реформеннаго времени. Въ самомъ дѣлѣ, Берестейское старство до волочной помѣры сдавалось въ аренду за 1000 копъ грошей. Положимъ, его держалъ такой сильный человекъ, какъ канцлеръ Мик. Радивилла, скопившій въ своихъ рукахъ немало держакъ. Сумма въ 1000 копъ грошей, уличиваемая М. Радивилломъ, едва-ли была меньше дѣйствительной доходности старства при скарбовомъ управленіи во столько разъ, во сколько она оказалась меньше дохода, несчастнаго ревизоромъ въ 1566 г. При Радивиллѣ была произведена помѣра въ Берестыя, и самъ онъ уже сталъ уплачивать въ 1566 г. въ скарбъ по 1500 копъ грошей ежегодной аренды; но это пожалованіе дано было ввиду заслугъ старосты и расходовъ по ревизіи и осадѣ старства, и притомъ до окончательнаго выполнения помѣры³⁾ (съ 1 янв. 1560 г.). По подсчету ревизоровъ Берестейское старство давало 5527 копъ 51 гр.⁴⁾, т. е. сумму, много

¹⁾ Писцовая книга Пинскаго старства, II, p. 265 и др. *passim*.

²⁾ Ibidem, p. 499, 511, 513, 527 и др.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XLI, л. 40 об.—42.

⁴⁾ Документы Москов. Арх. Муз. Юст., I, 408.

разъ превосходящую размахомъ прежніе доходы. Важно и то, что королевскій листъ прямо указываетъ на приумноженіе платовъ Радзивиломъ вслѣдствіе произведенной помѣры. Это не была простая любезность по отношенію къ сильному канцлеру. Современники и участники сельско-хозяйственной реформы свидѣтельствуютъ въ томъ-же смѣслѣ. Соплемея хотя-бы на весьма компетентное показаніе такого дѣльца, какъ Станиславъ Довойно, утверждающаго объ увеличеніи числа волокъ и людей послѣ помѣры ¹⁾. Марко Вуцко, вынесшій на своихъ плечахъ не малую долю работы, тоже рассказываетъ о своемъ челобитьи королю, что по новой уставѣ въ скарбъ прибыло платовъ, хотя при этомъ и уменьшено на 3 гр. чина ²⁾, (вѣроятно, сравнительно съ службами). Неудивительно, что и на стороннего наблюдателя реформа производила весьма благоприятное впечатлѣніе: по проведеніи помѣры, говорить такой тонкій наблюдатель, какъ Михалонъ Литвинъ, — „каждый платилъ бы тѣмъ больше налоговъ, тѣмъ большимъ количествомъ поля онъ владѣлъ“ ³⁾.

7. Лѣсное хозяйство.

Литовскіе и хроникіи очень охотно рассказываютъ о „ловахъ“ древнѣйшихъ литовскихъ князей въ дремучихъ лѣсахъ, покрывавшихъ государство. Охота—наиболѣе древній и наиболѣе примитивный способъ эксплоатаціи лѣсныхъ богатствъ. До начала XVI в. кладовыя господарскаго скарба были преимущественно наполнены мѣхами, частью заграничными шкурами, вымѣненными на тѣ-же мѣха; количество металлической монеты было незначительно. Естественно, что и охота великихъ князей литовскихъ была не забавой, а однимъ изъ средствъ обогащенія. Видѣлка лѣсныхъ матеріаловъ едва-ли даже имѣла какое-нибудь значеніе. Хотя мы и встрѣчаемъ извѣстія, да и то относящіяся въ самому концу XV в., о товарахъ, сработанныхъ въ господарскихъ пуцахъ, однако доходъ отъ нихъ не шель дальше вниманія таможенныхъ пошлинъ.

¹⁾ Акты Вил. Арх. Ков., III, 196.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XLVII, л. 64.

³⁾ Мемуары, относящіеся къ ист. Ю. Р., в. I, пер. К. Мельникъ, р. 39.

Лѣса Литвы поражали иностранцевъ своею обширностью, первобытностью и богатствомъ звѣря. Однако относительно regalныхъ правъ великаго князя на охотничьи промыслы въ Литовско-русскомъ госуд.,—подобно тому, какъ это было и въ Польшѣ ¹⁾,—не можетъ быть и рѣчи ²⁾. Скорѣе мы наблюдаемъ обратное явленіе—стремленіе земскихъ общинъ (и впоследствии шляхетства) освоить себѣ право „входовъ“ въ господарскія пущи. Такъ, Жмудская уставная грамота запрещаетъ входы жмудянамъ только въ тѣ лѣса, гдѣ имѣли лова великіе князья Витовтъ и Казимиръ; ловъ же на остальныхъ земляхъ допустить всему посольству. По Кіевской уставной грамотѣ въ ея древнѣйшей редакціи встрѣчается аналогичное постановленіе, а въ позднѣйшей прямо ограничено право великокняжеской охоты господарскими землями ³⁾. Право входовъ и възводовъ въ господарскія пущи, имѣвшее столь обширное примѣненіе уже въ XVI в., создавалось, вѣроятно, именно путемъ обычая на почвѣ единичныхъ захватовъ частными владѣльцами промысловыхъ входовъ въ обширныхъ лѣсахъ, которые государство считало своею собственностию. Извѣстія о сервитутныхъ правахъ очень древни ⁴⁾; свидѣтельства акты даютъ указанія на то, что часто право это создавалось путемъ обычая, прецедента ⁵⁾.

Многочисленные ссылки на старину входовъ и уступовъ, за которыми признано правовое значеніе при ревизіи пущъ, въ достаточной мѣрѣ подтверждаютъ сказанное ⁶⁾. Правда, и господа сами нередко жаловали право на входы и вступы ⁷⁾. Съ теченіемъ времени сервитутное право приобрѣло всѣ свойства вещнаго права и было предметомъ гражданскихъ сдѣлокъ ⁸⁾. Ухожанъ могли быть равнаго рода ⁹⁾.

¹⁾ Helcel, Dawne prawo rywazne polskie. Krak., 1874, p. 148.

²⁾ Это право приписывается древней Руси, Д. Толстой, Филанс. учрежд., р. 207—208, и Московской Руси, Мидльковъ, Спорные вопросы, р. 11.

³⁾ Яснскій, земск. уст. грам., р. 158.

⁴⁾ Акты Вил., XI, р. 3—4.

⁵⁾ См. примѣч. на стр. 25.

⁶⁾ Ревизія пущъ, р. 75, 77 и др.

⁷⁾ Акты Вил., VII, р. 64—65. Сравни, разсѣдованіе правъ Воловичей на входы въ Горолевскую пущу и утвержденіе этого права. Кн. Зап. Лит., LI, л. 1—3 об.

⁸⁾ Земля продается „и съ тѣми угодья стародавними, гдѣ и передъ тѣмъ-зданна въладѣ съ того имела мѣшани: найпервей в Красноселцкые гай и в дубровы, такъ тежъ в Радомисльскые гай и в дубровы, дерева на будоване и сена кошена и по дрова дубровъ и сѣнакатей“. Arch. ks. Lub. Sang., IV, р. 9.

⁹⁾ Акты Вил., II, р. 171. Мѣст. Ваеняковъ получило только право рыбной ловли въ р. Супраси, Кн. Зап. Лит., I, л. 44 об.

Разумителей, при существовании сервитутов встречаются и такие владения лесом, владения которого не имели тех или иных прав в собственном лесу¹⁾. Особенным разнообразием отличалось право городов, как на отведенный в их пользование пущи, так и на пожалованные им входы в господские леса²⁾. И для государственных крестьян пользование входами в государственные леса, путем обычая, слезалось в право: „А лесъ нами изъ вѣку вольнъ“; знали Корневские мужи в 1530 г.³⁾. Впрочем, уже в XV в. по отношению к панским подданным господари придерживаются такого взгляда, что воспрещают им пользование входами, — конечно в томъ случае, если повѣщаны привилегии не содержатъ въ себѣ этого права⁴⁾. Иногда цѣлыя области получали право на вступы и входы, какъ напр. Жомойтъ⁵⁾. Это вытекало изъ уставной грамоты, и Жомойтане всегда отстаивали свои права на входы и пожитки въ пущахъ государственных⁶⁾. На сеймахъ жмудские послы часто напоминали о своихъ правахъ на входы, но просьбы ихъ столь общаго содержания, что позволяють предположить о стремленіи жомойтской шляхты не столько защитить и утвердить свои прежнія права, сколько добиться неограниченнаго права входовъ⁷⁾. Не добившись расширения сервитутовъ, Жомойтская шляхта является на сеймъ 1563 г. съ просьбою объ охраненіи своихъ правъ (ввиду ревизій), состоящихъ въ возможности „брать дерево на будованье и на иные домовые потреби“, а также о томъ, чтобы „въ озерехъ и по берегахъ речныхъ каждому зъ шляхты вольно было рыбы ловити“. Господарь подтвердилъ имъ ихъ права и возможности, но въ то же время разъяснилъ, что въ эти возможности не входитъ работа товаровъ лесныхъ и „проробки въ пущахъ“⁸⁾. Это

¹⁾ Мѣшане коневские просили разрѣшенія ловить рабу на Нѣманѣ. Король разрѣшилъ имъ ловить „в ихъ рубяхахъ“, кроме еловъ. Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 11.

²⁾ Факты подобнаго рода будутъ указаны при описаніи городскихъ „вольностей“.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XVI, л. 284 об. — 285.

⁴⁾ По поводу одного спорнаго дѣла король и рада высказали такое мнѣніе: „видѣлось намъ и павомъ радѣ нашей штожь по всему великому княжству видѣть писаніе мужики ловити своихъ не мають, а набѣгѣтъ въ Личь“ (Леоновичъ, Литва Литовской Метрика, № 480). Это утвержденіе, полагаясь, надо понимать именно въ указанномъ смыслѣ.

⁵⁾ Skarbecъ Давидовича, № 2286, ср. А. З. Р., IV, р. 3.

⁶⁾ Любавскій, прил. № 35.

⁷⁾ А. З. Р., III, 40, 62, 101.

⁸⁾ Документы Моск. Арх. Мин. Вѣст., I, р. 153.

разъясненіе было вполнѣ своевременно, потому что на сеймѣ 1569 г. послы уже просили „о живаньи рудъ“ въ государственныхъ пущахъ, какъ одной изъ составныхъ частей сервитутнаго права, но получили неудовольнительный отвѣтъ короля¹⁾. Впрочем, на сеймѣ 1554 г. вопросъ о входахъ подвергся общей регламентации. Онъ былъ возбужденъ земскими послами ввиду просьбы о сохраненіи права на входы въ леса, озера, борты и свояжати. Король подтвердилъ, что всѣ, кто имѣеть „дѣлячное“ право или выслугу на входы, сохранить его, но съ условіемъ не чинить шкоды самой пущѣ и ловамъ; никто не имѣеть права расчищать подъ сѣнокосомъ средина „оступовъ“. Король обладалъ разъяснить эти права шляхты особыми листами²⁾.

Весьма трудно опредѣлить, въ какихъ отношеніяхъ къ скарбу находились входы и вступы шляхты. Съ вѣкторыхъ, напр. съ лесныхъ сенокосовъ въ Тыкоути³⁾, скарбъ получалъ доходы, но громадное большинство входовъ было, очевидно, безоброчно. Это вытекаетъ уже изъ того, что они составляли шляхетское владѣніе. Относительно платежей отъ подданныхъ государственныхъ за пользование оброчными участками мы уже говорили выше.

Съ увеличеніемъ значенія въ торговлѣ леснымъ матеріаломъ скарбъ начинаетъ внимательно относиться къ лесному хозяйству. Лесное хозяйство до Сигизмунда I и при немъ находилось въ завѣдываніи ловчихъ, лесничихъ и гасничихъ. Но дѣятельность ихъ не шла дальше управленія ловцами, стрѣльцами, оочниками, наблюденія за тѣмъ, чтобы не дѣлалось въ лесахъ прорубки со „шкодою“ для лововъ, наконецъ, въ ловахъ „звѣрина“ и распоряженіяхъ при государственной охотѣ. Лесничества было немного, и то преимущественно въ западныхъ пущахъ, остальные леса находились въ завѣдываніи старостъ и державцевъ. Сигизмундъ I, разсылавъ писарей по державамъ Жмудскимъ, въ своихъ инструкціяхъ предписываетъ имъ также и заботу о лесномъ хозяйствѣ; лесное хозяйство изъ рукъ державцевъ и типуполь переходить въ непосредственное вѣдѣніе этихъ скарбныхъ агентовъ⁴⁾. Иногда Сигизмундъ I, отдавая какую-нибудь державу въ державье, совсѣмъ выдѣлялъ изъ нея пущу⁵⁾, и такимъ образомъ

¹⁾ Ibidem, p. 499.

²⁾ А. З. Р., III, 55.

³⁾ Кн. Зап. Лит., LI, л. 215.

⁴⁾ А. З. Р., II, р. 184. Ср. Боршадскій, Док. в Рег., I, 175.

⁵⁾ Кн. Зап. Лит., XXX, л. 10.

она становилась самостоятельным лѣсничествомъ. Очень возможно, что такимъ именно путемъ выдѣлилось много лѣсничествъ. При Сигизмундѣ-Августѣ мы дѣйствительно встрѣчаемъ уже рядъ самостоятельныхъ лѣсничествъ, которыя раньше несомнѣнно были объединены съ державами ¹⁾. Вообще заведеніе лѣсами при послѣднемъ королѣ получило окончательную организацію.

Въ лицѣ лѣсничаго скарбъ имѣетъ агента, на обязанности котораго лежить изысканіе пожитковъ скарбовыхъ; онъ „перестерегаетъ пожитковъ нашихъ господарскихъ яко звѣру, такъ тежъ въ бортахъ, въ озерахъ, въ сеножатахъ, въ бобровыхъ гонахъ, и златаца въ лесныхъ роботахъ, если быхмо коли робити въ тыхъ пуцахъ нашихъ казали, якобы никака шкода намъ господару и скарбу нашему не была“ ²⁾. При Сигизмундѣ-Августѣ въ лѣсничества расылаются ревизоры для изслѣдованія лѣсныхъ пожитковъ и контроля лѣсныхъ агентовъ ³⁾. Наконецъ, мы уже знаемъ, что при Сигизмундѣ-Августѣ была сдѣлана общія ревизія пуццъ, основано много новыхъ осадъ въ лѣсахъ. Лѣсная устава 1567 г. довершила организацію лѣсного хозяйства. Она, подобно волочной, опредѣлила обязанности уриды, его отношенія къ подданнымъ, установила порядокъ контроля и указала уряду пути для развитія „пожитковъ“ скарбовыхъ ⁴⁾. Эти пожитки были довольно разнообразны. Интересно, что среди нихъ мы даже въ концѣ правленія Сигизмунда-Августа встрѣчаемъ и охоту; въ Вѣловжской пуццѣ производилась, напрямѣръ, въ большомъ объемѣ охота на звѣрей, при чемъ „звѣрина“ просаливалась въ бочкахъ и доставлялась къ господарскому двору ⁵⁾. Но, конечно, большое вниманіе обращалось на другія доходныя статьи. Такъ были размѣрены на волоки

¹⁾ Дѣйствительно Жомойтская шляхта уже въ 1542 г. жалуется на „новое установленіе лѣсничества“. А. З. Р., II, 388.

²⁾ Кн. Зап. Лит., LVI, г. 45.

³⁾ Вотъ какъ вѣдр. опредѣляютъ господарскіе листы задачи ревизоровъ: „писару шшому... Лаврину Войле, што росказали и поручили есмо тебе съ старостовъ метбоговскихъ... Григоріемъ Волоничемъ и я двораши нашии Паубомъ Лашковскимъ и Андреемъ Дибовскимъ пуцци наши великого князства литовского и волы при шхъ насаконне объездати и шкоды, если которые в пуцахъ есть, отъездати и восстановление водне волы и росказанія нашего делати, также жалобъ и криנדъ подданныхъ, которые от лѣсныхъ поделаніи быти мешовали, выслушавши, укриваюмыи справедливостъ чинити“. Кн. Зап. Лит., XXXVII, г. 122 об.

⁴⁾ Кн. Пуб. Дѣлъ Лит., VI. Эта устава печатается нами.

⁵⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XLIV, г. 5 об.—6.

въ мѣстности въ лѣсахъ, удобныя для поселенія, для сдачи подданнымъ на чиншт ¹⁾. Затѣмъ слѣдили за бортными ухажалми, бобровыми гонами, наконецъ, устранились среди пуццъ фольварии. Угодія эксплуатировались лѣсничими или при посредствѣ отдачи за плату, или непосредственно, такъ какъ въ ихъ распоряженіи были полозники, бобровники, бортники и др.

Такъ какъ среди пуццъ встрѣчались озера, выгодныя для рыбной ловли, то въ эпоху реформъ Сигизмунда-Августа является новый пожитокъ скарба—аренда „неводничествъ“. Такъ въ 1560 г. сданы въ аренду озера Городенскія, Олитскія и Немонйтскія; къ нимъ въ Городенскомъ неводничествѣ для ловли рыбъ были причислено 30 челобѣвъ съ 30 осадныхъ волокъ и 2 человека въ качествѣ „гаранстровъ“; въ Олитѣ—неводническая повинность отбывалась подданными „черною“. Городенскія озера шли въ годъ по 100 копъ грошей, а Олитскія по 80 копъ грошей ²⁾. Въ 1569 году кн. Григ. Масальскій держалъ въ арендѣ Городенское неводничество за 125 копъ грошей въ годъ и Переломское за такую-же сумму ³⁾. Кн. Матвій Богдановичъ Огинскій держалъ въ 1558 г. дѣлай рядъ неводничествъ, Брославское, въ тивуствахъ дворянъ Ушвольскаго, Пеннискаго, Онескаго, Вилькомирскаго, Овншентскаго и Виленскаго, за что платилъ въ годъ по 260 копъ грошей ⁴⁾.

Но, конечно, главными доходами отъ лѣсу были „работы лѣсныя“ и торговля выработаннымъ матеріаломъ. Въ литовскихъ лѣсахъ выработывались преимущественно слѣд. матеріалы: кленки, валячотъ, пенець, мацты, доски, смола, деготь и дѣк. др. Раньше всего разработкѣ подвергались жмудскіе лѣса, какъ болѣе близкіе къ портамъ. Но къ концу правленія Сигизмунда-Августа лѣсными работами было занято и Подвинье и Подвѣворье. Процессъ лѣсныхъ работъ заклю-

¹⁾ Листъ лѣсничимъ пуццъ Городенскихъ: король „росказалъ“ Л. Воитѣ и С. Дибовскому, „справдамъ“ повѣри волокъ городенскихъ лѣси сеножата наши, которые замъ въ пуцахъ нашихъ тамошнихъ есть розмірени и на платѣ подданнымъ нашимъ роздати“. Поэтому, если ревизоры потребуютъ вѣдомости, гдѣ есть сѣновати, лѣсничіе должны ихъ новказати. „И гдѣ которыя подданнымъ нашимъ они (ревизоры) на платѣ намомъ роздадутъ, аль бы есте имъ ихъ объездати неаборопали“, а они будутъ платитъ чиншт въ скарбъ (Кн. Зап. Лит., XXXVII, г. 316).

²⁾ Ibidem, г. 406 и 407.

³⁾ Кн. Зап. Лит., I, II, г. 47 об.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, г. 175 об.—178 об.

часы в следующем. По срубке леса приступали к выжиганию пеньки. Затяжки его „шмальцовали“, забивали в бочки. Лесной товар славалли по рѣкамъ въ „вигляхъ“¹⁾. Для шмальцованья устраивались въ лесу печи, въ которыхъ бы мезь шмальцари понезь шмальцовати²⁾; тутъ-же устраивались „бузы“, „станы“ и шбы для рабочихъ; для укладки пеньку дѣлались „шобы“:—рабочій забивавшій пеньку въ бочки, назывался „пахарь“³⁾.

Эксплоатация лесныхъ материаловъ производилась различными способами, иногда на счетъ скарба, иногда сдавалась съ подряда. При Сигизмундѣ I чаще практиковался такой способъ: отдача леса на работу. Король давалъ предпринимателю разрѣшеніе на лесную работу въ той или иной государственной пущѣ на известный срокъ. Предприниматель своими сработанными имъ издѣльи въ назначенный въ листѣ портъ или въ Гданскъ и здѣсь уплачивать за товары; само собою разумѣется, что онъ при этомъ особо уплачивалъ мытникамъ таможенные пошлины. Такимъ образомъ, предприниматель вкладывалъ свои капиталы на производствѣ работъ и на перевозку ихъ. Такъ, въ 1544 г. Сигизмундъ I далъ Ольбрахту Шварцу, купцу ганскому, позволеніе на лесная работа въ Адамовскомъ тивунствѣ Жомойтской земли въ Поорскихъ урочищахъ на слѣд. условіяхъ: Шварцъ имѣеть право дѣлать ванчосу, клепки и пеньку въ теченіе трехъ лѣтъ. Вся товары онъ свозить въ Ковно, гдѣ ихъ принимаютъ мытники, оцѣнивають и описываютъ; тутъ-же онъ уплачиваетъ мытникамъ за каждую лантъ пеньку, за каждую сотню ванчосу или за сотню клепокъ по двадцати грошей: сверхъ того, онъ уплачиваетъ мытне сборы⁴⁾. На такихъ-же условіяхъ сбывавъ Янъ Градовскій получать разрѣшеніе на лесная работа въ пущахъ Бирштанской и Дорсунишской⁵⁾, Каспоръ Люднеръ получалъ такое-же право тоже на одинъ годъ на работа въ Бирштанской пущѣ⁶⁾. Въ 1528 г. ко-

¹⁾ Рѣчико судъ описанъ въ соч. Гватини; въотрора подробности о нихъ см. въ книгѣ Сагунова: „Рѣка Западная Двина“. О лесныхъ работахъ см. свѣдѣнія въ ст. проф. Леонтовича „Сельскіе ремесленники въ Лит. гос.“, Варш. Универ. Изв., 1898, II, р. 75 слѣд.

²⁾ Кн. Суд. Дѣл. Лит., XIV, з. 215 об.—216.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XXX, з. 25—6 (1524 г.).

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., XIV, з. 28 (1528 г.).

⁵⁾ Каспоръ Люднеру дано на одинъ годъ право въ Бирштанской пущѣ выжигать пеньку, дѣлать ванчосу, клепки и пеньку; за оныя вещи платитъ онъ въ место на-

ролемъ издано было общее постановленіе о работахъ въ Жмудскихъ лесахъ, съ указаніемъ тѣхъ требованій, которыя должны быть предъявляемы къ предпринимателямъ. Король требуетъ, чтобы всѣ выстраиваемыя купцы, не имѣющіе въ государствѣ „осѣлости“, давали по себѣ поруку, а имѣющіе „осѣлость“, „мають записи свои на себѣ дать“. Предприниматели должны доставить товаръ въ Данцигъ, уплатить въ скарбъ за все количество выжиганнаго лесного материала по цѣбѣ, существующей на Данцигскомъ рынкѣ. Опредѣленіе количества материала лежитъ на обязанности осочниковъ. Работы въ лесахъ радаетъ не только король, но и староста и тивуны на тѣхъ-же условіяхъ; изъ листа видно, что и сами тивуны производили работы и продажу леса. Разумѣется, при лесныхъ операціяхъ предполагался контроль писара; хотя о немъ не говорится цитujemy грамота, но это очевидно уже изъ того, что количество сработанныхъ материаловъ проверяется осочниками, а послѣдніе были въ распоряженіи писара. Между прочимъ, цитujemy государскій листъ содержать въ себѣ указанія на то, что землевладѣльцы, продавая свои пущи на разработку, иногда отводять купцамъ и сосѣдніе государственскіе леса, что имъ теперь запрещается дѣлать. Изъ приписки къ листу видно, что въ этомъ году, т. е. въ 1528, работали на Жмуду весьма интенсивно. Такъ въ Вильейскомъ повѣтѣ работало 9 лицъ, въ Веленскомъ—4, въ Скерстемонискомъ—тоже 4; это только въ трехъ державкахъ, тогда какъ большія пущи были еще въ Борштанкахъ, Дорсунишкахъ и Пуца¹⁾. Это постановленіе дало полный просторъ предпринимателямъ. Иногда лесная работа производилась за счетъ скарба или купцами, или-же скарбовыми агентами. Такъ, въ 1569 г. король далъ порученіе дворянину государственному Григ. Дрезлицкому вести лесная работа въ пущахъ Переловской, Ядской, Немонойтской и Пуцской; разработкѣ подлежатъ тѣ леса, которые раздѣлены на волоки, и работы должны быть произведены въ теченіе 1570 и 1571 г.г. Размѣръ ежегодной выработки заключается въ одномъ захваткѣ клепокъ и въ трехъ захваткахъ ванчосу. Работа

шомъ Ковенскомъ отъ ста ванчосу а отъ ста клепокъ а отъ ланту пошеву по двадцати грошей, потому якъ какъ и выжигъ купца и выжигъ выжигъ оттого у Ковне платитъ, которые а выжигъ выжигъ работъ“ (Кн. Суд. Дѣл. Лит., IV, з. 183)

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XIV, з. 38 об.—40.

производителю на королевскіи деньги, и весь доходъ отъ продажи поступаетъ въ скарбъ. Доставка по славнымъ рѣкамъ производителю господарскими подданными. При каждомъ захватѣ Дрельницкій имѣеть право выработать въ свою пользу 1500 кленокъ¹⁾.

Здѣсь мы отмѣтили любопытную особенность, заключающуюся въ томъ, что эксплоатациі подлежали, между прочимъ, и пушцы, отведенныя подъ осады, почему господа строго воспрещали работы на лѣсныхъ волокахъ подданнымъ²⁾. Иногда скарбъ выдавалъ предпринимателю оборотный капиталъ для работъ; на такихъ, напр., условіяхъ работалъ Каспоръ Людверъ въ Дорсунинской и Бирштапской пушцахъ: онъ получалъ для оборота на 3 года 1000 копъ гр. изъ скарба³⁾. Притомъ вѣдывались также и такія условія, по которымъ предприниматель обязывался на свой счетъ сработать товары, но ему возвращалъ скарбъ стоимость работы. Такъ, Израиль и Шапка Есковичи получали въ 1568 г. разрѣшеніе на работы въ Сломянской пушцѣ на слѣд условіяхъ. Они обязывались поставлять на пристань къ рѣкѣ Щарѣ, въ извѣстному сроку, ежегодно, по три захватка кленокъ и по одному захватку кленокъ. За работу они получаютъ по 10 злот. пол. отъ каждой сотни и сверхъ того право выработать при каждомъ захваткѣ въ свою пользу 1500 кленокъ съ предоставленіемъ имъ бесплатно лѣсного матеріала. Если въ Кенигсбергѣ сработанный ими товаръ будетъ забракованъ, Есковичи обязаны уплатить сами, по рыночной цѣнѣ, за весь забракованный товаръ, который поступитъ въ ихъ пользу. За неисполненіе какого-нибудь пункта условія пушцы отвѣчаютъ „горломъ“ и „мастностью“⁴⁾.

До сихъ поръ мы рассматривали условія на работы въ отдѣльныхъ пушцахъ. При Сигизмундѣ-Августѣ встрѣчаемъ попытку сконцентрировать завѣдываніе лѣсныхъ работъ въ рукахъ одного предпринимателя. Такою, напр., передача въ „сираву“ всѣхъ лѣсныхъ ра-

¹⁾ Кв. Зап. Лнт., I, III, з. 17—18 и I, II, з. 79.

²⁾ Публ. Дѣлъ Лнт. кн. IX, з. 55, 74. Въ 1569 г. Сигизмундъ Августъ по докладу своего секретаря Иберфельда издаетъ грозный указъ: до его свѣдѣній дошло, что въ пушцахъ Гродненскихъ, гдѣ идетъ на волокахъ лѣсная работа на счетъ короля, многіе подданные тайно жгутъ пенезы и продаютъ. Это воспрещается подъ угрозой—„пенезы до науки господарской“ и конфискаціи товара (Кв. Зап. Лнт., I, II, з. 76).

³⁾ Кв. Зап. Лнт., XXIV, з. 165 об. (1543 г.).

⁴⁾ Кв. Зап. Лнт., XLVIII, з. 228 и Кв. Судн. Дѣлъ Лнт., I, III, з. 178.

ботъ въ Жомойтской землѣ Гауусу Скопу въ 1560 г. Онъ получаетъ лѣсныя работы въ пушцахъ и на волокахъ и проробкахъ подданнымъ. Мѣстные власти должны воспрещать работу въ господарскихъ пушцахъ всѣмъ постороннимъ лицамъ. Всѣмъ мѣстнымъ вѣдывается въ обязанность не пропускать черезъ границу въ Пруссію и Ливонію лѣсныхъ товаровъ, сработанныхъ въ господарскихъ пушцахъ частными лицами безъ вѣдома Г. Скопа; они должны задерживать такіе товары и давать знать о нихъ Скопу. Последній обязанъ „пенезы нашими заплату имъ чинити и тые товары лесные на насъ приймвати“. Такимъ образомъ, Г. Скопъ не только завѣдуетъ лѣсными работами, но и слѣдитъ за сработаннымъ другими товаромъ и завѣдуетъ продажей всего матеріала¹⁾. Въ самыя послѣдніе годы правленія Сигизмунда-Августа лѣсное дѣло переходитъ цѣлкомъ въ руки крупнѣхъ предпринимателей. Такъ, въ 1570 г. районъ пушцы, прилегающаго къ Данцигскому и Кенигсбергскому портамъ²⁾, отданъ былъ въ завѣдываніе извѣстнаго капиталиста Болемана. Онъ обязанъ ставить новыя буды, гдѣ это признаетъ „пожиточнымъ“; Болеманъ и его слугъ судитъ самъ король. Товары всѣ провозятся на таможенныхъ безмытно³⁾. Въ сожалѣнію, неизвѣстно, сколько дохода приносили при Болеманѣ эти работы, такъ какъ онъ получалъ ихъ въ свою „сраву“, т. е. въ завѣдываніе. Незавѣстны также результаты работъ и въ другомъ лѣсномъ районѣ—Рижскаго порта. Въ 1571 г. Сигизмундъ-Августъ, съ согласія пановъ рады, заключилъ условіе съ однимъ изъ крупнѣйшихъ тогдашнихъ капиталистовъ Вал. Иберфельтомъ и К^о на лѣсныя работы въ районѣ Рижскаго порта⁴⁾. Почти всѣ пушцы этого района впервые подверглись эксплоатациі лѣсопромышленника. Контрастъ именно и имѣеть виду развитіе промысла въ

¹⁾ Кв. Зап. Лнт., XLV, з. 54—55.

²⁾ А именно слѣдующія пушцы: Сломянская, Езерская, Берштская, Пушская, Олнтская, Немолойтская, Бирштапская, Дорсунинская, Ковенская, Вильгельмская, Ведюнская, Сяргезомонская, Юрборская, Посирвентская, Переломская, Шембелеская, Берницкая, Мерцкая, Сейвенская, Сомвенская, Ковенская, Дубицкая.

³⁾ Кв. Зап. Лнт., LV, з. 30 об.—32.

⁴⁾ А именно слѣдующія пушцы: Унитская, Виленская, Браславская, Дриссенская, Данская, Умачская, Вороночская, Лешельская, Улская, Витебская, Суражская, Оршанская, Метнелавская, Могилевская, Гомельская, Борисовская, Сяслоцкая, Любошанская, Вобруйская, Кричская, Чичерская, Пролопская.

этих мѣстностяхъ. Главнѣйшія статьи работъ названы слѣд.: вапчосъ, клепка, васильки, чамры, мацгы, пенезъ, смола и др. Все матеріалъ спускается по Двиѣ въ Ригу; на Динабургской таможенѣ производится учетъ сработаннымъ товарамъ. Качество послѣднихъ определяется требованиями Даницкаго рынка. Для наблюденія за работами со стороны короля назначается особый ревизоръ: онъ наблюдаетъ не только за количествомъ сработаннаго товара, но слѣдитъ и за доброкачественностью его. На таможенныхъ товарахъ пропускатся безоплатно. Иберфельгу воспрещается брать у покупателей задатки подъ товаръ впередъ. Контрактъ устанавливаетъ продажную цѣну матеріала слѣд. образомъ: Иберфельтъ обязанъ продавать дешевле рыночной цѣны на 1 ал. на каждомъ сортѣ пепела и смолы и на каждой сотнѣ вапчосу, клепокъ, васильковъ. По продажѣ въ Ригѣ товаровъ, Иберфельтъ съ ревизоромъ Островскимъ отсчитываютъ стоимость производства въ пользу первого, а чистая прибыль дѣлится между королемъ и предпринимателемъ: къ сожалѣнію въ контрактѣ какъ разъ пропущено, какія части прибыли шли въ пользу каждого изъ заключавшихъ условіе. Прибавимъ, что контрактъ вступаетъ въ силу съ 1 января 1572 г. ¹⁾

Такимъ образомъ, къ концу изучаемаго періода выработка лѣсныхъ матеріаловъ пріобрѣтаетъ болѣе систематическій характеръ и захватываетъ площадь, равнѣе не подвергавшуюся эксплуатаціи. Скарбъ все дѣло забираетъ въ свои руки и производитъ работы при посредствѣ отдачи „въ сирану“, „въ завѣданье“, очевидно, рассчитывая тѣмъ самымъ извлечь болѣе прибыли. Къ сожалѣнію данища, которыми мы располагаемъ, не даютъ возможности указать на размѣры скарбовыхъ доходовъ отъ эксплуатаціи лѣсовъ. Листы, заключающіе въ себѣ разрѣшенія разнымъ лицамъ на работы, содержатъ только условія послѣднихъ, но, каковъ былъ результатъ — мы не знаемъ. Цѣны на матеріалы тоже ничего не даютъ опредѣленнаго.

Однако, судя по интенсивной дѣятельности скарба по развитію лѣсного промысла, можно уже догадываться, что эти операціи приносили скарбу большую выгоду. Какого размѣра достигала иногда прибыль, можно судить хотя-бы по слѣд. расчету. По условію съ К. Людбаромъ ²⁾, о чемъ уже мы упоминали, этотъ куонецъ получалъ

¹⁾ Кв. Зап. Лвт., LIV, л. 55.

²⁾ Въ источникахъ эта фамилія пишется различно — Людворъ, Людборъ и проч.

изъ скарба 1000 коп. гр. ввидѣ оборотнаго капитала для работы. Ежегодно Людбаръ обязанъ давать въ скарбъ по 1500 копъ гр., а по истеченіи контрактнаго срока возратить въ капиталъ ¹⁾. Такимъ образомъ, скарбовый доходъ отъ этой операціи давалъ прибыль въ 150%; въ это число входитъ и лѣсной матеріалъ, истраченный въ работѣ, но едва-ли скарбъ, при обилии лѣсовъ, придавалъ ему большое значеніе. Но такая прибыль получалась, повидимому, не часто. Королева Бона по условію 1550 г. ставитъ минимальную цѣну товара на мѣстѣ въ Даницѣ — по 14 ал. пол. за сотню вапчосу и по 22 ал. за сотню клепокъ ²⁾; между тѣмъ по условію 1558 г. арендаторъ получалъ отъ каждой сотни сработаннаго товара за работу по 10 злот. съ доставкой ³⁾ (сюда входитъ и вознагражденіе подрядчика какъ предпринимателя и процентъ на затрачиваемый имъ капиталъ); значитъ, еслибы предположить цѣны на производство работъ 1558 г. равными условіямъ 1550 г., то прибыль по минимальной рыночной цѣнѣ составила-бы 4 ал. пол. на сотнѣ вапчосу и 12 ал. — на сотнѣ клепокъ.

Выгоды скарба отъ лѣсной торговли будутъ для насъ еще болѣе ясными, если мы вспомнимъ, что въ этой области правительство съ 1547 г. является единственнымъ въ государствѣ поставщикомъ этого цѣннаго матеріала для Западной Европы, потому что съ этого именно года оно объявило лѣсную торговлю монополіею.

8. Городскія общины.

Послѣ знакомства съ теоріей государственныхъ податей и повинностей сѣльского населенія, намъ слѣдуетъ обратиться къ такимъ-же платежамъ и повинностямъ городского класса. Однако, существуютъ нѣкотораго рода затрудненія при разсмотрѣніи въ настоящей главѣ повинностныхъ отношеній городского класса. Дѣло въ томъ, что мы прежде всего сталкиваемся съ неодинаковымъ отношеніемъ города къ центральному правительству. Если мелкіе города-мѣстечки составляютъ несомнѣнную часть государственныхъ добръ, точно также какъ

¹⁾ Кв. Зап. Лвт., XXIV, л. 165 об.

²⁾ Кв. Зап. Лвт., XXLVII, л. 10.

³⁾ Кв. Зап. Лвт., XLVIII, л. 223.

и любое село, то крупные старинные центры являются, с точки зрения литовско-русского государственного права, областью государственной территории; этот и объясняется та слабая связь, которая бросается в глаза в отношениях подобных городов к господарскому скарбу: эти города несут серьезные земские повинности, доставляя лишь самые ничтожные доходы господарскому скарбу. Здесь нам, конечно, придется знакомиться только с этими послѣдними. С другой стороны, прямые вотчинные налоги были сравнительно незначительны, так как скарб по отношению к торговым классам равнялся преимущественно косвенные налоги; о них нам придется говорить в своем мѣстѣ, а сейчас мы рассмотрим только господарские прямые окладные налоги. В течение XV—XVI вѣков литовско-русский город пережил сложный процесс: русское право в городах постепенно исчезает, замѣняясь нѣмецким или тѣми своеобразными его отголосками, которые создались на литовско-русской почвѣ.

Но мы уже знаем, что русскія правовыя нормы, хотя и имѣют общую точку отправления, однако далеки от единства, так как образовались под влияніем не одинаковых исторических условий. И магдебургское право, особенно въ первый період его развитія, охватывающій время до реформы Сигизмунда-Августа, хотя и вводило довольно однообразный механизм въ городскомъ строѣ, однако сильно различалось въ частности; право, даваемая магдебургскими привилегиями, были не одинаковы, и это особенно отражалось на фискальных отношеніях; здѣсь разнообразіе основывалось уже не на старинѣ, обычаях, но на той „ласкѣ“, „милости“, которую государь проявлялъ къ тому или иному городу. Намъ, такимъ образомъ, надлежитъ сначала познакомиться съ повинностными отношеніями городов на русскомъ правѣ, а затѣмъ на нѣмецкомъ, помня при этомъ, что мы ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ не встрѣтимъ полного однообразія.

Въ повинностномъ отношеніи городъ съ древне-русскимъ устройствомъ ничѣмъ не отличался отъ окружающей его сельской территории; городскія и сельскія общины—вся земля, ведя волость представляли собою единое цѣлое. Поэтому горожане давали тѣ же платежи, несли то же тягло, что и волочане; да и занятія городскихъ жителей, за исключеніемъ крупныхъ торговыхъ центровъ, мало чѣмъ отличались отъ сельскихъ. Въ справедливости сказаннаго легко можно

убѣдиться, ознакомившись съ содержаніемъ льготъ и вольностей, которыя получены городами при надѣленіи ихъ нѣмецкимъ правомъ. Здѣсь мы встрѣтимся уже съ знакомыми намъ чертами древнѣйшихъ господарскихъ податей. Такъ, князь Свидригайло, жалуй въ 1438 году городу Кременцу магдебургское право, освобождаетъ мѣщанъ отъ работъ на пашнѣ, толокъ, „ни при комъ ходити“ (т. е. въ лѣвы)¹⁾. Значитъ, равнѣ эти повинности выполнялись горожанами. Трокские евреи, при дарованіи имъ, какъ и другимъ мѣщанамъ, того-же права изъять великимъ княземъ Александромъ а metendis et colligendis frugibus Nostris in agris, pertinentibus ad praedium nostrum ex nomine Antiqua Troki²⁾. Города Доманы и Пещатка освобождаются отъ талыхъ работъ, толокъ, гвалтовъ, сторожи, подводъ, давей, дюза, стаціи (кромѣ господарскаго приѣзда)³⁾; мѣщане Волковыска освобождаются отъ косбы сѣна, отъ работъ по выдѣлкѣ известки, отъ сторожи дворной, отъ сторожи коней господарскихъ, отъ подводъ для вранниковъ, отъ даколь⁴⁾; г. Васильковъ (въ Городенской пушкѣ) освобождается отъ талыхъ работъ⁵⁾, равно какъ и Нарва⁶⁾; г. Гродно имѣлъ нѣсколько господарскихъ листовъ на освобожденіе отъ толокъ и подводъ⁷⁾. Гродненскіе мѣщане уплачивали также золотобное и колячки⁸⁾, и кромѣ того обязаны были переносить вярмчи на господарской плитницѣ⁹⁾. Мѣщане Оршанскіе получили освобожденіе отъ пригона и цѣлаго ряда другихъ повинностей¹⁰⁾. Правда, нѣкоторые изъ только что перечисленныхъ городов являются новыми осадами, но среди нихъ есть и старинные города, какъ Троки, Орша, Волковыскъ. И дѣйствительно, даже населеніе крупныхъ городскихъ центровъ не свободно было отъ вотчинныхъ повинностей; объ этомъ говоритъ, напр., одна изъ грамотъ Киеву¹¹⁾. Велеса освобождается отъ диколь, сѣна подакольного,

¹⁾ Архив Ю-Зав. Р., ч. V, т. I, р. 4.

²⁾ Бернадскій, I, р. 31.

³⁾ Акты В. Ком., IV, р. 94 и 249.

⁴⁾ Акты Зав. Р., II, р. 10—11.

⁵⁾ Ист. Зав. Лит., XLVIII, 43 об., 45 об.

⁶⁾ Акты Лит.-русск. гос., I, р. 159.

⁷⁾ Акты Вил. Ком., т. VII, р. 69 и 82.

⁸⁾ Ibidem, р. 70.

⁹⁾ Бернадскій, I, р. 332.

¹⁰⁾ Акты Зав. Р., т. III, р. 274; ср. Акты Ю-Зав. Р., I, р. 230; ср. Акты З. Р., III, р. 156 и др.

¹¹⁾ А. З. Р., I, 144.

отъ пеньзей подьякольныхъ вридикамъ, отъ подводъ послать и тонцамъ, отъ тяжкихъ работъ и проч. ¹⁾ Въ Могилевѣ жили въ некоторые боиры, которые „здавна за Витовта зъ вѣстомъ и зъ волостью подачокъ и тислей некоторыхъ съ ними не служивали“ ²⁾. Въ такихъ земскихъ центрахъ, какъ Полоцкъ, Витебскъ, Смоленскъ рядомъ съ другими классами населенія жили люди, отбывавшіе тислую службу ³⁾, ходившіе въ пригонъ ⁴⁾ и т. д.

Такимъ образомъ, жители городовъ на русскомъ правѣ отбывали тислую службу, давали дѣка и дань, такъ что въ этомъ отношеніи они не отличались отъ волостанъ. Пригонъ и дань, какъ мы знаемъ, падали на нахотную землю; но, обращаясь къ небольшому числу сохранившихся люстрацій городовъ не на нѣмецкомъ правѣ, мы встречаемъ кромѣ поземельной подати еще и въ некоторые промисловыя налоги. Прежде всего остановимся на городахъ Кіевской земли по люстраціи 1471 г. Въ г. Чудновѣ живутъ мѣщане, которые падаютъ землю; они даютъ платъ „съ человѣка“ (вѣроятно подомовый налогъ); всѣ мѣщане ходятъ на толоку жать жито и косятъ сѣно. Но сверхъ того въ Чудновѣ есть и корчмы; съ каждой изъ нихъ вимается по полукошѣ грошей, за корчмы вимается также платъ въ Житомирѣ и Винницѣ ⁵⁾. Налогъ на корчмы—это уже промисловый налогъ; вмѣстѣ съ поземельной она является древнѣйшимъ и самымъ распространеннымъ городскимъ налогомъ. При Сигизмундѣ-Августѣ составлены люстраціи русскихъ городовъ, и здѣсь мы встречаемъ то же господство этихъ двухъ налоговъ. Но надо имѣть виду, что поземельный налогъ падалъ на нахотную землю, рѣдко на огородную, тогда какъ городская уадебная земля была свободна отъ него. Такъ, Оршанскіе мѣщане отбывали тислую повинность съ городскихъ домовъ, пашень и фольварковъ; мѣщане, имѣвшіе только дома и огороды, платили однообразный подомовый налогъ и выходили на пашню; сверхъ того здѣсь же были и огородники въ собственномъ смыслѣ, совсѣмъ не имѣвшіе пашни; они исполняли мелкія потничныя повинности и съ каждаго дома давали въ годъ по сохѣ нароговъ. Небольшое число

¹⁾ Собраніе грамотъ Вильны, I, р. 157.

²⁾ Акты Леонтовича, № 522.

³⁾ Акты З. Р., I, р. 362.

⁴⁾ Иевненъ, р. 132.

⁵⁾ Архивъ Ю-Зап. Р., УП т., II, р. 4—5.

ремесленниковъ отбывало ремесленныя повинности на замокъ. Корчемнаго платъ здѣсь не было, потому что корчмы сдавались на откупъ ¹⁾. Въ мѣстечкѣ Радшковичахъ, перешедшихъ къ господарю отъ частнаго землевладѣльца, мѣщане дѣлились на тѣ же три группы—мѣщанъ, куничниковъ и огородниковъ. Последніе платятъ только съ огорода денежную подать въ разныхъ размѣрахъ, вѣроятно, въ зависимости отъ величины огородной земли. Куничники держатъ нахотную землю, сѣнокосъ и другія угодія на куничномъ платѣ, который вимался деньгами, а съ некоторыхъ—говнящимъ саломъ. Мѣщане держатъ или нахотную землю съ огородами, или только огороды, но всѣ они обложены капцданой отъ пива и меду, т. е. корчемный платъ былъ разложенъ на всѣхъ мѣщанъ, разумѣется, съ предоставленіемъ изъ „вольнаго варенья“ пива и меду; некоторые держатъ и горелчанныя корчмы, но люстраторъ нигдѣ не говоритъ, давался-ли за нихъ особый платъ. Сверхъ того всѣ мѣщане и куничники ходятъ на толови, съ листами, и даютъ стацію па пріѣздъ помѣщани ²⁾. Съ такими повинностями этотъ городъ перешелъ отъ пани Гаштольтной къ господарю. Здѣсь мѣщане не платили поземельнаго сбора съ городскихъ уадебъ, равно какъ и подомоваго. Мѣше опредѣленнымъ характеромъ отличались повинности мѣщанъ въ другихъ городахъ. Они исполняли рядъ замковыхъ повинностей, платили мелкіе поборы вридикамъ. Вообще, какъ въ городѣ выстраивался замокъ, то всѣ повинности мѣщанъ направлялись главнымъ образомъ на замковыя службы, и господарскій скарбъ не получалъ отъ такого города никакихъ доходовъ, или иногда самые незначительные; другая часть мѣщанскихъ поплатовъ и попвностей уходила на старосту, но и по обложенію въ пользу последнихъ можно судить, что поземельный налогъ зависалъ только съ пахотной земли. Такъ, мѣщане Мозирскіе, не имѣли пахотныхъ земель, но подъ городомъ синали куничныя земли и только отъ нихъ платили оброкъ ³⁾. Напротивъ, въ Острѣ мѣщане платятъ грошовую дань и сѣно, конечно, потому что пользуются соотвѣтственными землями ⁴⁾. Мы не говоримъ уже о ж-

¹⁾ Документы Моск. Арх. Мин. Юст., т. I, р. 126—129.

²⁾ Ibidem, 98—102.

³⁾ Архивъ Ю-З, Р., ч. VII, т. I, р. 623.

⁴⁾ Ibidem, р. 697, что эта дань съ пахотной земли, ясно изъ перечисленія пустошицы.

нихъ украинскихъ замкахъ, гдѣ вѣдѣтіе особахъ условій пашни мѣщанъ совсѣмъ не облагалась¹⁾. Корчемный доходъ мы встрѣчаемъ во всѣхъ замкахъ; обычно онъ находится среди доходовъ старосты, вѣдѣтіе передачи его государемъ. Сборъ кащизны производится старостами двоякимъ образомъ: или видѣ промыслового налога на ворчмы²⁾ или посредствомъ отдачи на откупъ³⁾. Такимъ образомъ, службы и платы мѣщанъ городовъ на русскомъ правѣ ни чѣмъ не отличались отъ волостныхъ; мы встрѣчаемъ здѣсь тѣ же тяглыя повинности; основнымъ объектомъ обложения для государскихъ платъ служилъ пахотная земля и угодія, напримеръ, сѣнокосъ; дань взимается деньгами, а не натурою; но это вѣроятно потому, что нѣкоторые источники относятся къ довольно позднему времени. Въ рѣдкихъ случаяхъ мы встрѣчаемъ признаки нѣкоторой связи обложения пахотной земли съ поусадбнымъ, а также особые платы отъ отгородовъ. Но, кажется, оба эти явления надо отнести къ чертамъ позднѣйшаго времени. Кромѣ поусадбнаго налога и тягла мы встрѣчаемъ въ городахъ только одинъ промысловый налогъ—кащизну. Разумется, городъ принималъ участіе въ тѣхъ платахъ, которые налагались на всю волость, напр., въ стаціи, тивунциѣ. Въ общемъ, государскій доходъ отъ прямыхъ налоговъ въ городахъ былъ весьма незначителенъ.

Главная особенность города на нѣмецкомъ правѣ заключалась прежде всего въ томъ, что съ полученіемъ привилегій онъ порывалъ связь съ волостью и въ финансовомъ отношеніи сильно отдался отъ города на русскомъ правѣ. Городская община получала въ свое вѣдѣніе цѣлый рядъ позитивныхъ доходовъ съ которыхъ шла или на мѣстное благоустройство, или служили фондомъ для выполнения государственныхъ повинностей, или для уплаты государственныхъ податей. По отношенію къ государскому скарбу городъ отбывалъ немногія изъ податей и повинностей. Привилегія весьма неодинаково облагали города въ пользу скарба, такъ какъ и въ распоряженіе ратуши переходило большее или меньшее количество доходныхъ статей, право на которыя имѣлъ государь. Интересно, что можно указать на такіе городскіе привилегіи, по которымъ къ городу переходили всѣ объекты

¹⁾ Ibidem, p. 86 и 97.

²⁾ Ibidem, p. 603.

³⁾ Ibidem, p. 622.

обложения¹⁾, такъ что скарбъ ничего не получалъ; такъ, напримеръ, Луцкъ по привилегіи 1497 года получилъ очень широкія права, но въ этомъ привилегіи нѣтъ ни одного слова въ скарбѣ²⁾; такъ же привилегіи Лосичамъ 1500 года, такъ что Сигизмундъ I въ подтвержденіи своимъ 1510 года наложилъ на городъ обычные платѣ³⁾. Но, конечно, такіе широкія привилегіи были явленіемъ исключительнымъ. Вообще же города на нѣмецкомъ правѣ, по ихъ отношенію къ скарбу, можно раздѣлить на двѣ группы: на города, съ которыхъ въ скарбѣ шли чинши, кащизна, а иногда и нѣкоторыя другія подати промыслового характера; это все города, получавшіе такъ называемыя большіе привилегіи на магдебургію. Сверхъ того, нѣкоторые изъ этихъ городовъ вносили известную сумму деньгами, какъ платѣ за магдебургское право. Вторая группа городовъ съ малыми привилегіями: кромѣ чинши, нѣкоторыхъ промысловыхъ налоговъ, они даютъ еще стацію. Образцомъ этого второго типа городовъ служатъ мѣстечки на такъ называемомъ холмскомъ правѣ. Самый терминъ холмскаго права употребляется въ актахъ весьма рѣдко, но, не смотря на это, созданные имъ образцы имѣли самое широкое распространеніе, и можно съ увѣренностью сказать, что всѣ малые привилегіи на магдебургское право построены по тому типу, который акты называютъ правомъ холмскимъ. При Сигизмундѣ-Августѣ выработана была общая схема правъ и обязанностей мѣстечекъ. Это была уставъ городовъ, внесенная въ волочную уставу. И на ней легко видѣти нѣкіе образцы холмскаго права. Городъ на холмскомъ правѣ представлялъ собою земледѣльческое поселеніе, почему его подати и повинности составлялись изъ тѣхъ же платъ, какими обязано было и сельское поселеніе; но такое мѣстечко обладало большими правами самоуправленія, а также и большими источниками общинныхъ доходовъ, чѣмъ сельское хозяйство. Такимъ образомъ, это былъ средній переходной типъ населенія между селомъ и городомъ въ собственномъ смыслѣ. Но, указавъ на эти общіе типы городовъ на нѣмецкомъ правѣ, мы должны однако еще разъ повторить оговорку, что частности городскихъ привилегій представляютъ собою большое разнообразіе. При Сигизмундѣ-Августѣ была создана, какъ мы указали, общая схема

¹⁾ Т. е., конечно, такіе, которые въ данный моментъ были источниками скарбу.

²⁾ Архивъ Ю.-В. Р., ч. V, т. I, р. 13.

³⁾ Акты Лит.-рус. гос., т. I, р. 112—115.

повинностих отношеній мѣстечекъ; тогда же многіа изъ нихъ получили привилегію однообразнаго содержанія, повторяющею собою общія основы устава городамъ (напр., Ломазы, Пенцатка, Милевичцы и др.), но тогда-же встрѣчаемъ привилегію, сильно отступающую отъ устава (напр., Диевъ).

Перейдемъ теперь къ фактическому обзору податковъ, шедшихъ съ городовъ въ скарбъ. Прежде всего выдѣлимъ плату отъ городовъ, какъ имѣвшій весьма ограниченное примѣненіе. Есть единичное указаніе на то, что Смоленскъ давалъ общій платъ отъ всего города въ господарскій скарбъ— „што изъ города давали“¹⁾. Это наводитъ на предположеніе, что и другіе русскіе города давали въ скарбъ такой-же общій платъ, что объяснило бы отсутствіе въ уставныхъ грамотахъ указаній на сборы и повинности городовъ въ пользу господарскаго скарба: этотъ общій платъ долженъ бы быть оплатой вотчинныхъ повинностей²⁾. Съ этимъ сходителъ и то, что платъ за магдебургское право мы встрѣчаемъ въ двухъ очень старинныхъ городахъ—Полоцкѣ и Новгородѣ. Первый изъ нихъ обязанъ былъ вносить ежегодно 400 копъ грошей въ скарбъ „безъ кождне вымоли“³⁾. Изъ одного акта 1534 г. мы видимъ, что мѣщане Полоцка платали уже только 200 копъ грошей „за право магдебургское“ въ годъ; такое уменьшеніе его было временною льготою, и въ этомъ году господарь совѣдалъ „отпустить“ на одинъ годъ мѣщанамъ „для недостатку ихъ и работъ и службъ“⁴⁾. Новгородскъ, при полученіи магдебургскаго привилегіи въ 1511 г., долженъ былъ ежегодно вносить въ скарбъ „для добровольства“, даруемаго правомъ, по 50 золотыхъ угорскихъ⁵⁾; въ 1551 г. этотъ сборъ уменьшилъ на 30 золотыхъ, которые мѣщане обязались тратить на пословъ и гонцовъ господарскихъ⁶⁾. Волковыскъ платалъ ежегодно по 30 золотыхъ за отпускъ нѣкоторыхъ вотчинныхъ повинностей и платежей⁷⁾. Городъ Велена платилъ столько-же

¹⁾ Иешскій, р. 152.

²⁾ Такъ, Смоленскъ не несетъ вотчинныхъ повинностей, но даетъ платъ. Кіевъ же спеціальною грамотою освобождается отъ нихъ (А. З. Р. I, 144).

³⁾ А. З. Р., I, р. 181.

⁴⁾ Кв. Зап. Лиг., XIX, а. 129.

⁵⁾ А. З. Р., II, р. 91.

⁶⁾ Собраніе древнихъ актовъ и грамотъ городовъ Милской губерніи и проч. Милскъ, 1848, р. 13.

⁷⁾ А. З. Р., II, р. 11.

за освобожденіе отъ „моща“ врядиновъ¹⁾. Установленіе общаго платъ отъ города, какъ видно изъ названныхъ актовъ, практиковалось только при Александрѣ и въ первые годы Сигизмунда I; вѣроятно, онъ не получилъ широкаго распространенія, и взымался только съ названныхъ городовъ, такъ какъ за это время известны почти все привилегіи. По волочной уставѣ платъ взымался только съ Полоцка и Новгородка²⁾ и, следовательно, другіе города получали уже отъ него освобожденіе.

Другіе налоги имѣли болѣе общее примѣненіе. На первомъ мѣстѣ надо поставить поземельную подать—чиншъ, census, съ характеромъ налога на землю, по чиншъ падалъ исключительно на пахотную землю, а въ городахъ холмскихъ иногда и на огородную. Въ одномъ изъ древнѣйшихъ привилегій, именно въ привилегіи Иаѣла Берестію 1390 года, городу отведено 60 франконскихъ лановъ для земледѣлія, съ которыхъ и долженъ быть улачиваемъ чиншъ³⁾. Это былъ общій обычай, какъ о томъ свидѣтельствуетъ грамота Витовта тому же городу 1408 года, утверждающая, что чиншъ улачивается de quolibet manso sive laneo census iuxta et instar aliarum civitatum vicinarum iure theutonico utifluentium et signanteur Lublin⁴⁾. Но раздѣръ чинша былъ не одинаковъ⁵⁾. Чиншъ вообще улачивался деньгами, но въ городахъ на холмскомъ правѣ сверхъ денежнаго чинша въ нѣкоторыхъ случаяхъ шли еще и натуральные сборы. Послѣ изданія волочной устава и производства ревизіи былъ установленъ однообразный поземельный чиншъ и на него обычно ссылается новыя привилегіи⁶⁾. Въ очень немногихъ городахъ на холмскомъ правѣ встрѣчаемъ особый платъ съ огородныхъ земель и дворищъ; съ дворищъ платъ взымался только въ томъ случаѣ, если владѣлецъ не имѣлъ поля⁷⁾; вѣроятно, и платъ съ огородинъ взымался только съ огородниковъ⁸⁾.

¹⁾ Грамоты г. Вильны, I, 152.

²⁾ А. З. Р., III, р. 81.

³⁾ Акты Лит.-рус. тов., I, р. 2.

⁴⁾ Акты Лит.-рус. тов., I, р. 5.

⁵⁾ Раздѣръ чинша—I золотой, 10—20 грошей съ лана (Акты Лит.-рус. тов., I, р. 2, 5, 59, 99, 102, 115, 126, 151, 160, 182).

⁶⁾ Напр., Диевъ 1569 г. Кв. З. Лиг., I, а. 293 и др.

⁷⁾ Акты Лит.-рус. тов., I, р. 160.

⁸⁾ Ibidem, р. 182.

Но можно указать на несколько городовъ съ широкими привилегіями, которые вовсе не платили чинша, таковы, напр., Вильно, Минскъ, Новгородокъ, Полоцкъ и др.

Изъ промысловыхъ налоговъ на первомъ мѣстѣ надо поставить канцязну¹⁾. Даже города, не платившіе чинша, давали канцязну. Одинъ изъ древнѣйшихъ привилегій Вильнѣ, грамота Сигизмунда Кейстутевича 1432 года, обязываетъ жиданъ *censum tabernarum singulis annis nobis et nostris successoribus solvere debeant prout prius ex antiquo eundem consueti sunt solvere et soliti*²⁾. Грамоты вѣроятно говорятъ объ обязанности городовъ давать корчменный платъ; разумѣется, онъ налагался на того, кто держалъ корчмы. Если привилегіи и не упоминаютъ о корчмахъ, то доходъ съ нихъ все-таки оставался въ распоряженіи скарба, который пользовался имъ, или сдѣлалъ въ аренду, или самъ собирая канцязну. Въ рѣдкихъ случаяхъ государь передавалъ канцязну въ распоряженіе города, да и то или ввѣдѣ права на содержаніе нѣсколькихъ корчемъ на ратушу³⁾ или на нѣкоторые изъ корчемъ, напр., вильнѣ⁴⁾. Менѣе определенное положеніе заняло правительство по отношенію къ другимъ промысловымъ налогамъ; оно оставило въ своихъ рукахъ весьма немногіе изъ нихъ, предоставляя остальные въ распоряженіе городскихъ общинъ, воеводъ и старостъ⁵⁾. Чаще всего скарбъ оставлялъ за собою доходъ отъ торговцевъ мясомъ, отъ такъ называемыхъ мясныхъ ятокъ или вѣтковъ; этотъ налогъ взымался отъ каждой мясной лавки натурою (говяжьимъ саломъ) или деньгами, причѣмъ до введенія волочной устави этотъ платъ взымался въ разныхъ городахъ въ неодинаковомъ размѣрѣ⁶⁾. Далѣе, въ нѣкоторыхъ городахъ на холмскомъ правѣ встрѣчаемъ и другіе налоги за право промысла; напр., въ Клецкихъ кан-

¹⁾ Нѣкоторыя подробности о канцязнѣ будутъ сообщены въ извѣстіи IV, при разсмотрѣніи вопроса объ акцизахъ.

²⁾ Собраніе грамотъ г. Вильны, I, р. 4; ср. р. 5 и др.

³⁾ Акты Ю.-Зап. Р., I, р. 136.

⁴⁾ Ibidem, № 151.

⁵⁾ Вообще, промысловые налоги, собиравшіеся въ пользу вѣтвлагаго гурла, или городской ратуши были довольно разнообразны. Напр., А. З. Р., I, 185, А. З. Р., III, 111, Арх. Ю.-З. Р., т. II, ч. VII, р. 71, ibidem, ч. VII, т. I, р. 113 (возлаки отъ ремесленниковъ) и др.

⁶⁾ Напр. въ Лосевичахъ, по привилегіи 1511 года (Акты Лит.-рус. гос., I, р. 113—115), въ Высокомъ (Ibidem, р. 102, Ср. Акты Зап. Р., II, р. 72).

мался ежегодный сборъ со всѣхъ торговцевъ¹⁾, въ Высокомъ кромѣ торговцевъ даютъ ежегодный платъ и пивари²⁾; въ Луцкѣ сборъ со всѣхъ ремесленныхъ цеховъ шелъ на ключъ³⁾, между тѣмъ какъ въ другихъ городахъ ремесленники находились подъ городскимъ присудомъ и, слѣдовательно, ничего не давали въ скарбъ⁴⁾. Къ этому обзору городскихъ платовъ слѣдуетъ добавить, что нѣкоторые изъ мѣстечекъ на холмскомъ правѣ отбываютъ стаціонную повинность, а также и нѣкоторые мѣстныя натуральныя повинности. Стація дается обычно только на господарскій приездъ; къ стаціи же надо причислить и рѣдкіе случаи кормовыхъ господарскихъ сборовъ, взымавшихся ежегодно въ натурѣ⁵⁾. Изъ другихъ повинностей встрѣчаемъ, напримѣръ, сторожу „на господарскую потребу“⁶⁾ и мѣстныя тяглыя повинности въ родѣ работъ на городскомъ ставѣ⁷⁾. Кажется, въ привилегіи Волковыска мы встрѣчаемъ единственный примѣръ города на магдебургскомъ правѣ, жители котораго не только обязаны были исправлять ставъ, ходить на заставу, но и выходили на толоки⁸⁾. Изъ этого обзора городскихъ повинностей и платежей прежде всего ясно то значительное разнообразіе ихъ, которое утверждалось привилегіями; нѣкоторые города несли не только вѣдѣныя натуральныя сборы, но даже и повинности тяглого характера; послѣдними чертами отличаются города на холмскомъ правѣ. Размѣръ платежей также не вездѣ былъ одинаковъ. Сумма вольностей, предоставлявшихся городскимъ общинамъ вѣдѣныя объекты прямого и косвеннаго обложенія, отличалась еще бѣльшимъ разнообразіемъ. Разумѣется, скарбъ лишался доходовъ отъ источниковъ ихъ, отданныхъ на ратушу; но по отношенію къ мелкимъ городамъ, съ слабо развитою промышленностью и торговлею, скарбъ былъ скупо на вольности, что давало ему впоследствии возможность изыскать, съ развитіемъ городской жизни, новые источники доходовъ.

¹⁾ Акты З. Р., II, р. 133.

²⁾ Ibidem, р. 72.

³⁾ Архивъ Ю.-Зап. Рос., ч. VII, т. I, р. 172.

⁴⁾ Напр. Полоцкъ (Акты З. Р., II, р. 72, 79), Милейщина (Акты Лит.-рус. гос., I, р. 160), Волковыскъ (А. З. Р., II, р. 10).

⁵⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, р. 159, 182.

⁶⁾ Кн. Зап. Лит., I, а. 301 об.

⁷⁾ Акты З. Р., I, р. 355.

⁸⁾ Акты З. Р., II, р. 10.

На эту точку зрения стала скарбь при производстве ревизий и введении волочной системы. Общее положение волочной устави заключается въ томъ, что города, надѣленные тѣми или иными волностями; сохраняютъ ихъ ¹⁾; если городской общинѣ не были предоставлены тѣ или иные источники дохода или если размѣръ налога не былъ опредѣленъ привилегіями, то скарбь облагалъ эти источники налогомъ по новой уставѣ. Въ городахъ, какъ и сельскихъ волностяхъ, была произведена ревизія и помѣра городскихъ недвижимыхъ имуществъ. Кадастръ охватилъ не только пахотную землю, но также и огородныя, сѣновосныя и усадебныя. Сообразно качеству первыхъ и мѣстополюженію, по отношенію къ торговому центру города, вторыхъ были введены общій поземельный налогъ. Сверхъ того, кадастру подверглись плательщики промышленныхъ налоговъ (по ревизіямъ 60-хъ годовъ только корчмаги и рѣзники); дагѣ, къ уплатѣ налоговъ были привлечены особый классъ городского населенія—коморничковъ, не владѣвшихъ городскимъ недвижимымъ имуществомъ; они платили личный налогъ. Такимъ образомъ, устава 1557 года знаетъ въ городахъ троякаго рода прямые налоги—поземельный (отчасти и подоомовый), промышленный и личный. Поземельный налогъ организованъ былъ слѣдующимъ образомъ: владѣльцы волокъ платили отъ каждой волоки сообразно качеству почвы: съ волоки лучшей земли чиншъ установленъ по 50 грошей, съ средней 40 грошей и съ худой 30 грошей; сверхъ того съ каждой волоки, независимо отъ качества грунта, платилось по 12 грошей за толокъ. Съ огородныхъ земель налогъ взымался по 2½ пенни съ прута (полевые огороды означивались по одному пеннаю ²⁾; отъ глуменныхъ прутьевъ на предметы взымалось по одному пеннаю, а отъ морговъ здѣсь же—3 гроша; сѣновосы также были облажены особо ³⁾. Налогъ съ городскихъ усадебъ установленъ былъ такъ, что усадьба въ центрѣ города—на рынкѣ отличивалась дороже (по 7½ пенней), чѣмъ на улицахъ. Размѣръ городскихъ усадебъ не былъ, конечно, одинаковъ; хотя единицею облаженія была принята извѣстная поземельная единица, однако въ дѣйствительности поземельный налогъ былъ скомбинированъ съ подоомовымъ, такъ какъ подъ городской усадьбой разумѣлось пространство земли, занятое

¹⁾ Акты 3. Р. III, р. 74.

²⁾ Введ. ил. Пискаго староства, passim.

³⁾ Ibidem.

только однимъ домомъ. На такое пониманіе этого налога наводятъ не только сама волочная устава (она говоритъ: „а съ улицыхъ отъ прута“), но также и некоторые другія соображенія. Въ люстраціяхъ городовъ чиншъ не перечисляется количество домовъ на усадьбахъ, но зато мы встрѣчаемъ множество случаевъ, когда 2, 3 и болѣе усадьбы одного и того же владѣльца, стояція подрядъ на улицѣ, перечисляются отдѣльно; это потому, конечно, что на каждой изъ нихъ находится отдѣльный домъ. Такая система кадастра нужна была и для облаженія государственной подати, такъ какъ послѣдняя въ это время уже всегда взымалась съ дома; вотъ почему въ источникахъ этотъ налогъ называется иногда „прутовымъ съ домовъ, пщовъ“ и проч. ¹⁾ Какъ мы выше бадѣли, размѣръ чинша съ городскихъ волокъ почти повездъ опредѣлился привилегіями на магдебургію, но въ нихъ почти нигдѣ не говорится о налогѣ съ усадебныхъ земель, огородовъ; поэтому и города съ очень широкими привилегіями (напр. Берестій ²⁾, Новгородокъ) ³⁾ платили, послѣ ревизіи, прутовой чиншъ. Но крошкѣ этого поземельнаго налога взымался въ городахъ еще мелкій поворотный налогъ (отъ воротъ). Поворотчина—это старая верховщина, взымавшаяся въ нѣкоторыхъ городахъ отъ тѣхъ домоладѣльцевъ, которые не занимались шникомъ или не имѣли волоки; теперь этотъ налогъ былъ введенъ повсемѣстно въ городахъ. Но интересно, что этотъ своеобразный налогъ на нравственность (за отказъ на содержаніе корчмы) изъ уплачиваемаго не всѣми жителями, очевидно, превращался во всеобщій, когда корчмы сдавались на откупъ.

Второй разрядъ городскихъ налоговъ, какъ мы сказали, имѣлъ въ виду облаженіе промышленъ. Волочная устава вводитъ однообразный платъ съ корчемъ и рѣзниковъ („за камень лою по 15 грошей“). Остальные ремесленники не платили господарскаго податка, макенецъ, коморники уплачивали каждый по 2 гроша.

Такимъ образомъ, устава 1557 года выдвигаетъ нѣкоторые новые источники облаженія и даетъ однообразную схѣму господарскихъ сборовъ въ городахъ, но сколько привилегій послѣднихъ донеслаи полное ей

¹⁾ Документы Моск. Арх. Мин. Юст., т. р. 230.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Собраніе грамотъ г. Вильны, II, р. 120.

шеденіе. Но эту уставу надо сопоставить съ уставами, данными городамъ русскихъ волостей. Мы уже знаемъ, что при Сигизмундѣ-Августѣ эти города въ 1560—61 гг. получили особые уставы, были раздѣлены на воюки и, такимъ образомъ, выдѣлены изъ волостей. Уставы русскихъ городамъ повторяютъ собою во всемъ, что касается государственныхъ податковъ, уставу 1557 г. съ разъясненіями относительно ея примѣненія, опредѣляютъ вольности горожанъ и пр. Такія уставы извѣстны городамъ Могилеву ¹⁾, Рѣзницѣ ²⁾, Оршѣ ³⁾, Гобруйску ⁴⁾. Однако мы не знаемъ, всѣ ли города были раздѣлены на воюки и получили уставы.

9. Статистическія свѣдѣнія о господарскихъ добрахъ и о доходахъ ихъ.

Прослѣдить за составомъ и объемомъ господарскихъ добръ и за измѣненіемъ ихъ доходности, даже итечене небольшого періода, составило-бы весьма плодотворную задачу. Къ сожалѣнію, она не выполнима по отсутствію данныхъ. Господарь литовскій обладалъ весьма обширною территорією; если къ ней присоединить воеводскіе лены, то эта территорія окажется еще болѣе значительной. Вся эта масса земель представляла собою сокровищницу, изъ которой Ягеллоны щедрой рукой раздавали и мелкіе имѣнія и цѣлыя повѣты частнымъ лицамъ. Уже о Витовтѣ рассказываютъ, что онъ щедро раздавалъ земли ⁵⁾. Общеизвѣстны также замѣчанія Стрыйковского о щедрости въ раздачу имѣній Александромъ. Количество раздачъ легко видѣть по массѣ жалованныхъ на земли грамотъ, занесенныхъ въ книги Метрики Литовской. Если въ этомъ отношеніи замѣтна нѣкоторая сдержанность со стороны скуповатаго хозяина Сигизмунда I (видѣны повѣтотъ королевѣи Болѣ—иное дѣло), то его сынъ далеко не слѣдовалъ примѣру отца. Окружающіе лица пользовались слабостью короля, расхватывалъ уже и безъ того разрѣженныя имѣнія.

¹⁾ Акты З. Р., III, р. 110.

²⁾ Ibidem, IV, р. 128.

³⁾ Акты Ю.-З. Р., р. 251.

⁴⁾ Акты Вил. Кня., XXV, р. 153 и 329.

⁵⁾ Szajnoch, Jadwiga u Jagello, III, 135—6.

Радивилль, какъ рассказывали, получилъ привилей на Шаули, когда король лежалъ уже на смертномъ одрѣ: Радивилль водилъ по пергаменту слабѣющую руку короля для подписи ¹⁾. Изучая акты, легко видѣть, что раздачу имѣній на разныхъ условіяхъ было много. Но если бы даже по книгамъ Метрики Литовской подсчитать всѣ привилеи, то это мало бы удалось дѣло и не столько потому, что мы не имѣемъ убрѣнности въ полнотѣ занесенныхъ въ Метрику привилеевъ, сколько потому, что самъ текстъ грамотъ мало полезенъ въ данномъ случаѣ. Мы узнали бы изъ него тысячу названій селъ, службъ, жеребьевъ, волостей, иногда количество службъ, людей, дворницъ, жеребьевъ. Всѣ эти данныя въ вопросахъ количества и качества раздаваемыхъ имѣній не имѣютъ значенія. Сверхъ того на уменьшеніе государственныхъ добръ вліяли и прямые захваты со стороны шляхты. Ревизія вскрыла массу владѣній, основанныхъ исключительно на данности, но не легко опредѣлить, что изъ этихъ владѣній было основано на правѣ и что на захватѣ; правительство просто было не въ силахъ охранить свои собственныя владѣнія, и въ ревизіи имѣется не мало прямыхъ указаній на грабежъ государственныхъ земель ²⁾.

Нерѣдко сами державцы и старосты захватывали часть управ-
ляемой державы ³⁾. Такимъ образомъ было не мало путей, которыми уменьшалось съ теченіемъ времени количество государственныхъ имуществъ. Въ 1550 г. при Остерскомъ замкѣ было девять господарскихъ селъ; по люстраціи 1628 г. всѣ они уже въ разныхъ рукахъ, а къ замку тиетъ нѣсколько новыхъ осадъ ⁴⁾. По люстраціи 1471 г. Киевская земля перешла къ государству съ большимъ количествомъ селъ; люстраторы же 1550 г. отмѣчаютъ только два замковыхъ села, наваленныхъ повинностями на воеводу ⁵⁾. Около половины столѣтія Киевское воеводство, расходы котораго были велики, такъ какъ осложнились пріемомъ татарскихъ пословъ, было настолько бѣдно доходами, что воевода получивъ „на выхованье“ кащизину, а потомъ и денежное жалованіе. Люстраторы польскихъ и украинскихъ замковъ не-

¹⁾ Niemcewicz, Pamiętniki, I, 96—7.

²⁾ Напр., Ренанія нунъ, р. 19, 31—2 и др.

³⁾ Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 72.

⁴⁾ Арх. Юго-Зап. Р., ч. VII, т. I, р. 34.

⁵⁾ Ibidem.

редаютъ любопытныя подробности объ исчезновеніи господарскихъ селъ и волостей¹⁾.

Правительство иногда издавало постановления противъ захвата добры, иногда отдѣлялось угрозами по адресу шляхты²⁾. Ревизія, конечно, была наиболее дѣйствительнымъ средствомъ противъ захватовъ.

Не имѣя возможности опредѣлить количества уплывавшихъ изъ рукъ скарба земель, мы не имѣемъ полныхъ данныхъ и объ объемѣ ихъ. Замѣтимъ, что въ источникахъ можно встрѣтить списки господарскихъ державъ и староствъ³⁾. Но они сообщаютъ только перечень господарскихъ дворовъ; такой списокъ—одинъ изъ наиболее полныхъ—находится и въ волочной уставѣ. Люстраціи староствъ дошли до насъ далеко не всѣ, вообще изъ нихъ извѣстно пока весьма немного. Изъ люстрацій русскихъ волостей мы имѣемъ только отрывки, но при этомъ надо помнить еще, что они составлены по службамъ, т. е. иными словами ничего не даютъ для сужденія о распространѣніи имѣній. Люстраціи Южной Украины и Волыни дошли до насъ полностью, но тамъ не было господарскихъ столовыхъ добръ, да и земскія описаны по дворцамъ. Изъ центральныхъ областей до насъ дошли только люстраціи Подольскія (не всѣ), Пинщинныя и Жмуди (не полная). Неполнота извѣстныхъ до сихъ поръ люстрацій не даетъ возможности проверить единственный измѣняющійся въ нашемъ распоряженіи документъ по поземельной статистикѣ⁴⁾ господарскихъ добръ.

¹⁾ Памятники Киев. Ком., т. IV, отд. ревизія, р. 177 и слѣд., Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, р. 125 (статья проф. Владимірскаго-Буднаго).

²⁾ Державныя и старосты, захватывая добра, въ случай смерти завѣдвали изъ своихъ младѣвшихъ наследникамъ. По Статуту лескъ о владѣніи могъ быть предѣленъ только по совершеннѣйшій младшій изъ наследниковъ, и такъ обр. семья могла незаконно пользоваться имѣніемъ болѣе или менѣе значительное время. Объ этомъ говоритъ сеймовый реверсъ 1551 г. (А. Зап. Р., III, р. 29, § 20).

³⁾ Напр., Ки. Зап. Лит. XXX, т. 114 об. — 115. Пуб. Дѣл. Лит. VII, т. 197 об., Ист. Лит. XXVIII, т. 123 об. — 125 и др.

⁴⁾ Въ числѣ книгъ короннаго скарба есть одна, въ которой занесены разныя расчеты какъ коронныя, такъ и литовскія, между прочимъ, и списки добръ. Впрочемъ, эта книга составлена въ порочномъ скарбѣ для скарбовъ, такъ какъ въ ней есть и регламенты скарбовой канцеляріи, изданные Сигизмундомъ Августомъ, также таможенныхъ пошанинъ и т. д. Позднѣйшія записи носятъ даты 1595 года. Записи, касающіяся господарскихъ добръ въ Литвѣ, состоятъ изъ слѣдующихъ отдѣльныхъ списковъ: списки всѣхъ господарскихъ добръ въ Литовско-русскомъ

Этотъ источникъ относится къ 1566—1567 г.г. Онъ страдаетъ неполнотою, такъ какъ въ немъ нѣтъ имѣній королевы Бони; впрочемъ, этотъ недостатокъ можетъ быть пополненъ нѣкоторыми люстра-

государствъ съ показателями числа волокъ въ каждой державѣ; таблицы эти озаглавлены: имѣнія короля его милости въ Велик. Княж. Литовскомъ, введенныя въ столу⁵⁾. Даты на немъ нѣтъ никакой. Затѣмъ встречаемъ составленные по однообразной схемѣ списки заложенныхъ державъ, отданныхъ въ доживотье, и тѣхъ, съ которыхъ идутъ въ скарбъ доходы. Въ этихъ спискахъ отмѣнены суммы доходовъ, идущихъ съ державъ, и размѣры долговъ (въ спискахъ заложенныхъ имѣній). Позднѣйшія поимки въ спискахъ заложенныхъ державъ относятся къ 80-мъ годамъ. Первыя таблицы даютъ статистическія свѣдѣнія о составѣ добръ, вторыя три—о доходахъ съ нихъ, и такимъ образомъ эти списки взаимно пополняютъ другъ друга.

Относительно давнихъ о доходахъ не можетъ быть сомнѣній; доходъ съ добръ, отданныхъ въ залогъ и въ доживотье, занесенъ тотъ, который получался въ моментъ отдачи. Конечно, скарбъ знаетъ доходность каждой изъ державъ, потому что у него были скарбовые реестры, составленные на основаніи ревизій. Такъ, напр., доходъ съ Берестейскаго староства показанъ въ 3000 копъ грошей. Между тѣмъ это староство по люстраціи 1566 г. пришло къ доходу 5527 копъ грошей. По показаніямъ въ нашемъ источникѣ доходъ объясняется слѣдующимъ образомъ: какъ мы уже знаемъ, это староство перешло въ доживотную аренду О. Волонячу въ 3000 копъ грошей, но при этомъ изъ старостна были выдѣлены въ залогъ волости Волыска, Милейчицкая и Половецкая. При нѣкоторыхъ державкахъ встречаемъ пометку, свидѣтельствующую, что въ моментъ составленія рассматриваемого списка, онѣ сдавались въ аренду; въ этомъ случаѣ окладной доходъ могъ быть болѣе или меньше арендной платы, что, какъ мы знаемъ, зависѣло отъ условій аренды. Доходъ съ державъ, отданныхъ въ аренду, доживотье или залогъ при Сигизмундѣ Августѣ, конечно, показанъ тотъ, который державы приносили въ моментъ отдачи; доходъ съ державъ, управлявшихся на „личбѣ“, не могъ потерѣть никакихъ измѣненій ко времени составленія списка, такъ какъ доходъ и тогда опредѣлялся на основаніи люстрацій, а конституціи 1569 г. несомнѣнно способствовала сохраненію державъ въ ихъ прежнемъ объемѣ. Конечно, если державы были сданы въ аренду нослѣ Сигизмунда Августа и въ суммѣ болѣе или менѣе окладного дохода, то въ такомъ случаѣ свѣдѣнія нашего источника будутъ не точны для изучаемаго времени; но неточность будетъ незначительна, ввиду весьма небольшого числа державъ, съ которыхъ показана арендная плата.

Иное дѣло таблица добръ съ показаніемъ наличнаго количества волокъ въ нихъ. Замѣтимъ, что относительно русскихъ волостей въ этихъ таблицахъ мы встречаемъ только списки доходовъ, такъ что распространено этихъ волостей намъ ослѣдствіемъ неизвѣстна. Ничакихъ датъ въ таблицѣ нѣтъ. Изъ надписи мы узнаемъ, что это росписъ имѣній, введенныхъ въ столу господарскому. Можно было-бы подумать, что списокъ приуроченъ къ выдѣлу добръ въ 1588 г., но въ немъ мы не встречаемъ дворовъ Городевицкыя. Списокъ не могъ быть составленъ и въ 1569 г., въ моментъ уида, потому что въ немъ есть добра, отомѣненныя въ коронѣ—Дорогичинѣ, Тикотинѣ, Мельникѣ. Съ другой стороны, въ спискѣ встречаемъ добра

дями ея имѣній. Зато въ нашемъ источникѣ нѣтъ и еще нѣкоторыхъ державъ; территоріи русскихъ волостей въ немъ также нѣтъ. Однако, несмотря на нѣкоторую неполноту, документъ этотъ пред-

отшедшія съ 1566 г. отъ короля: здѣсь мы встречаемъ Воложинъ, замѣленный королевемъ въ 1567 г. на Индуру съ и воеводой минскимъ. Въ списокѣ есть Медники и Ошманя, но они были отданы п. воеводѣ виленскому за Лаваршкки, Быстрицу и Раковншкки, а послѣднихъ нѣтъ въ таблицахъ. Изъ этого слѣдуетъ, что настоящія данныя относятся ко времени 1566—1567 гг. Дѣйствительно, сравнивая списокъ державъ со спискомъ, помѣщеннымъ въ волочной уставѣ (1557 г.), мы встречаемъ между обими самое незначительное различіе. Нѣкоторыхъ дворовъ нѣтъ въ уставѣ (Чичикины, Девенишки, Лингманы Линнишки, Немецчина, Оса, Ремезовъ, Светыны, Трехели, Виркита, Виснево, Зигмунтшкки, Бѣланчи, Молчады, Плотеза, Немонойти, Оникшты, Стобанга, Сейвы, Здитово, Гевтишишки, Горяды, Грушты, Кретинга, Позонга), но это понятно, потому что въ уставу „прилучены“ не всѣ дворы; объ этомъ она сама говоритъ. Но зато почти всѣ дворы устава мы встречаемъ и въ нашемъ списокѣ (крозѣ Россенъ, Высокаго, Волны, Дубичъ, Ленунъ, Друи, Лебедева и Дувиловичъ). Это указываетъ на близость нашихъ данныхъ ко времени волочной реформы. Но все таки списокъ державъ не полонъ: въ немъ нѣтъ какъ-разъ тѣхъ дворовъ, которыхъ нѣтъ и въ волочной уставѣ. Принимая во вниманіе списки дворовъ государскихъ около времени уніи, мы не находимъ среди нашихъ данныхъ такихъ старосты: Гродно, Кобринъ, Пинскъ, Бѣльскъ, Суражъ, Брянскъ, Рогачевъ, Кременецъ и нѣкоторыхъ другихъ. Это какъ-разъ имѣнія королевы Боны. Нѣтъ ничего удивительнаго, что имѣнія Боны опущены въ списокѣ добръ государскихъ: они до правленія Сигизмунда III въ скарбовыхъ реестрахъ писались отдѣльно отъ государскихъ, хотя и находились въ распоряженіи скарба. Мы встречаемъ ихъ въ списокѣ доходовъ и доживотій, но здѣсь они составляютъ особую графу. Можетъ явиться предположеніе, что въ нашъ документъ занесены столовыя дѣбра въ отличіе отъ личныхъ государскихъ. Но и этого не можетъ быть, потому что въ нашемъ списокѣ есть дѣбра, о личныхъ правахъ на которыя Сигизмундъ Августъ не разъ заявлялъ (напр., Ботоки, Горяды, Жижмори, Квишннъ, Ковно, Меречь, Тикотинъ, Трабы и др.). Однако, сравнивая нашъ списокъ державъ со спискомъ личныхъ державъ Сигизмунда Августа (1569 г.), мы встречаемъ между ними разницу. Такъ, въ таблицахъ нѣтъ слѣдующихъ Сигизмундовыхъ державъ: *Анторка, Березинка, Брянскъ, Бѣльскъ, Волянинъ, Гродно, Довни, Дубно, Писоли, Камѣнница, Керновъ, Клецель, Кобринъ, Куреневъ, Кременецъ, Любечъ, Новый Воля, Новый Дворъ, Мстиславль, Мойшагода, Рогачевъ, Радомковичи, Остеръ, Поссаревиты, Перстунин, Перелин, Пути, Суражскъ, Шерешовъ, Юрборкъ*. Большая часть названныхъ державъ принадлежала королевѣ Бонѣ; всѣ онѣ означены у насъ курсивомъ. Но среди вышенеречисленныхъ державъ есть нѣсколько имѣній, бывшихъ въ распоряженіи государя въ 1566—1567 гг., и оставшихся въ распоряженіи скарба и въ послѣдующее время, напр., Остеръ, Мстиславль, Радомковичи.

Изъ сказаннаго до сихъ норъ вытекаетъ слѣдующее. Списки добръ относятся къ 1566—1567 гг. Какъ статистическій матеріалъ для опредѣленія объема государственныхъ имуществъ, онъ страдаетъ слѣдующими недостатками: отсут-

ствяляетъ выдающійся интересъ для исторіи Литовско-русскаго государства. Зная, какихъ державъ въ немъ нѣтъ, мы все таки можемъ составить себѣ нѣкоторое представленіе о количественномъ составѣ государскихъ добръ въ послѣдніе годы Сигизмунда Августа. Общіе итоги ихъ выражены въ слѣдующихъ цифрахъ¹⁾.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ таблицахъ, занимаемой русскими волостями, отсутствиемъ данныхъ объ имѣніяхъ королевы Боны и нѣкоторую неполноту въ списокѣ державъ, разбѣра которой опредѣлить нельзя; во всякомъ случаѣ пропускъ державъ можетъ быть очень незначителенъ. Нахождение росписи государскихъ добръ за 1566—1567 г. среди другихъ документовъ книги можно объяснить себѣ слѣдующимъ образомъ. Около 90 г. составлялась, но какому-нибудь особому случаю (кажется, на случай войны съ турками) особая свѣта доходовъ. Въ скарбѣ были доставлены списки государскихъ добръ за прежніе годы; такъ какъ надо было составить реестръ имѣній заложенныхъ, доживотій и находящихся въ распоряженіи скарба, то разбираемый общій списокъ и послужилъ базисомъ для смѣтныхъ раскладокъ.

Другой вопросъ касается того: о какихъ земляхъ сообщаетъ свѣдѣнія нашъ памятникъ и насколько достоверны помѣщенныя въ немъ цифры. Въ списокѣ данъ перечень державъ по повѣтамъ, и при каждой державѣ показано количество добръ, среднихъ и подлыхъ волокъ, а также количество принятыхъ и непринятыхъ волокъ (обѣ группы—съ раздѣленіемъ по качеству почвы), и общій итогъ волокъ. Лѣсничества не показаны (они не были обмѣрены на волоки). При волокахъ есть цифра морговъ и прутьевъ. Это несомнѣнно значитъ, что въ итогахъ выведено не только количество волочныхъ участковъ староства (оно было-бы безъ прутьевъ и морговъ), но и застѣновыя земли. Въ итогахъ посчитаны городскія земли. Косвенно это подтверждается тѣмъ, что въ списокѣ доходовъ отсутствуютъ особыя данныя о городахъ. Кромѣ того встречаемъ такое совпаденіе: въ Мисейчицахъ показано 209 вол. 12 мор. 8½ пр.—какъ разъ городская только территорія (см. мою статью „Берестейское староство въ XVI в.“ Киев. Унив. Изв. 1898 г., № 2 р. 8). Но вообще проверить данныя нашихъ таблицъ трудно, такъ какъ не сохранилось соответственныхъ люстрацій. Да и это послѣднее сравненіе не дало бы прочныхъ результатовъ, ввиду интенсивной мобилизаціи государскихъ земель въ 60-хъ годахъ. Впрочемъ, такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ официальнымъ скарбовымъ документомъ, то едва ли можно сомнѣваться въ его точности. (Цитуемый докум. хранится въ Арх. Варш. Каз. Пал., отд. 54, кн. № 14 В).

¹⁾ Въ этой таблицѣ надо имѣть въ виду слѣдующія поправки: въ *Жмудской* землѣ не подверглись измѣненію Крочи и Ботоки. Сверхъ показанныхъ волокъ въ ней посчитано 116½ службъ, 28 пустошничъ, 695 вуницъ (въ Крочахъ, Поврѣбъ, Вельовѣ, Ретовѣ, Ботокахъ). Въ *Троцкомъ* повѣтѣ не было посчитано въ Соняшккахъ и Вапаншккахъ. Сверхъ волокъ въ немъ посчитано: службъ 396½, обрубовъ 49, пустошничъ 225 (въ Зельвѣ, Вапаншккахъ, Тыкотинѣ, Мельничѣ). Въ *Виленскомъ* повѣтѣ не измѣрены Медники, а въ Алігѣ вомѣра не окончена. Число прутьевъ въ итогѣ опущено. Мы оставили итоги нашего источника, хотя о нихъ надо замѣтить слѣдующее. Итогъ державъ Жмудской земли подсчитанъ въ немъ совершенно правильно. Но итогъ державъ Троцкаго повѣта, но проверкѣ ихъ, меньше, а итогъ державъ Виленскаго—больше того, что получается при проверкѣ.

Название повѣтовъ	ЧИСЛО ПРИНЯТЫХЪ ВОЛОКЪ.											
	Качество грунта.									Итого принятыхъ волокъ		
	Доброго.			Средняго.			Подлаго.					
	Вол.	Мор.	Пр.	Вол.	Мор.	Пр.	Вол.	Мор.	Пр.	Вол.	Мор.	Пр.
Виленскій	2704	8	11 $\frac{1}{2}$	4913	26	14 $\frac{1}{4}$	2012	—	19 $\frac{1}{2}$	9630	5	15 $\frac{1}{2}$
Троцкій	7919	16	5	5787	12	15	4186	14	6	17893	12	26
Жмудская земля	7178	18	9 $\frac{1}{2}$	5653	12	11 $\frac{1}{2}$	2268	24	11 $\frac{1}{4}$	15100	—	—
Итого	17802	12	—	16354	20	—	8467	8	—	42623	17	—

Такимъ образомъ господарскія имѣнія трехъ названныхъ повѣтовъ безъ русскихъ волостей и державъ королевы Бони достигали крупной цифры 57636 волокъ или около 1095370 десятинъ. По повѣтамъ количество десятинъ распределяется слѣдующимъ образомъ:

Виленскій повѣтъ около	228750	десятинъ.
Троцкій повѣтъ около	405717	"
Жмудь	460905	"

Больше всего земель находилось на Жмуди, почти вдвое больше, чѣмъ, напр., въ Виленскомъ повѣтѣ. Однако, не надо забывать, что въ итогахъ Жмудской земли мы встрѣчаемъ и цѣлый Упатскій повѣтъ (ранѣе числившійся въ Троцкомъ; въ концѣ правленія Сигизмунда Августа онъ составлялъ самостоятельную административную единицу), заключавшій въ себѣ 7446 волокъ. Объемъ державъ весьма разнообразенъ, поднимаясь отъ трехъ—пяти десятковъ волокъ до нѣсколькихъ тысячъ (напр. Упита).

Нашъ источникъ даетъ также и свѣдѣнія о хозяйственномъ распредѣленіи земли на хорошую, среднюю и плохую; они выражаются по областямъ въ слѣдующихъ общихъ цифрахъ и процентныхъ отношеніяхъ:

Такая неточность объясняется слѣдующимъ образомъ. Нѣкоторыя державы изъ Троцкого повѣта перечислены въ Виленскій (напр. Боржалоно, Кошено и др., некои числившіяся въ Троцкомъ); это сдѣлано, очевидно, уже въ позднѣйшее время; между тѣмъ итоги по повѣтамъ оставлены тѣ, которые были до перечисленія державъ.

Название повѣтовъ	ЧИСЛО НЕ ПРИНЯТЫХЪ ВОЛОКЪ.												Общее количество земель.		
	Качество грунта.									Итого не принятыхъ волокъ					
	Доброго.			Средняго.			Подлаго.								
	Вол.	Мор.	Пр.	Вол.	Мор.	Пр.	Вол.	Мор.	Пр.	Вол.	Мор.	Пр.	Вол.	Мор.	Пр.
	248	28	25 $\frac{1}{2}$	1046	17	28	1111	2	27 $\frac{1}{2}$	2406	19	21	12036	25	6 $\frac{1}{4}$
	691	4	25	1207	21	9 $\frac{1}{2}$	1555	16	1 $\frac{1}{2}$	3454	12	6	21347	25	2
	1675	25	13 $\frac{1}{2}$	2277	2	—	5197	28	1 $\frac{1}{2}$	9150	24	14	24251	19	16 $\frac{1}{2}$
Итого	2615	27	—	4531	10	—	7864	16	—	15011	25	—	57636	9	—

Повѣты	добраго грунта		средняго		подлаго	
	вол.	мор.	вол.	мор.	вол.	мор.
Виленскій	2953	6	5960	13	3123	2
Троцкій	8610	20	6995	3	5742	—
Жмудь	8854	13	7930	14	7466	22
Итого	20418	9	20886	—	16331	24

Въ общемъ, слѣдовательно, въ хозяйственномъ отношеніи тогда насчитывали меньше всего земли плохого качества; послѣднія составляла 29% всей территоріи, средняя—35% и добрая почти 36%. Однако, по отдѣльнымъ повѣтамъ земля по качеству распределялась различно. Добрая земля преобладала на Жмуди и въ Троцкомъ повѣтѣ; напротивъ, Виленскій—отличался малымъ количествомъ доброй земли и преобладаніемъ средней.

Наконецъ, интересны свѣдѣнія о занятыхъ и не занятыхъ земельныхъ участкахъ. Естественно ожидать, что плохая земля разбиралась крестьянами менѣе охотно, чѣмъ хорошая и средняя. Въ общемъ не заселенныя волоки составляли болѣе четверти всей территоріи доброй. По старостиамъ незаселенная территорія распределялась такимъ образомъ: въ Виленскомъ повѣтѣ не занято было около 20%, въ Троцкомъ—около 16%, и на Жмуди 37,8% всей территоріи этихъ областей. Меньше всего оставалось не занято „добраго“ грунта и больше всего „подлаго“.

Опираясь настоящими данными, надо только помнить, что они даютъ территорію господарскихъ земель меньшую, чѣмъ она была въ дѣйствительности; причину этого надо видѣть не только въ пред-

полагаемой (даже и для этих трех повѣтовъ) неполнотѣ источника, но и въ томъ, что онъ не даетъ территорій лѣсовъ и озеръ. Между тѣмъ староста, опущенныя нашими документами, составили иногда значительную территорию, Такъ, напр., Гродненское староство занимало пространство въ 4249 волокъ¹⁾, Саражское—въ 655 волокъ²⁾,

¹⁾ Относительно Гродненской державы мы можемъ сообщить и болѣе подробныя свѣдѣнія на основаніи краткаго инвентаря, хранящагося въ Варшавскомъ Архивѣ Казенной Палаты (отд. 56, кн. № 39, то же на лл. 30 об.—31, въ кн. 14 В.). Онъ относится къ 1578 г.

Названіе двороваго	Количество въ нихъ волокъ.													
	Занятыхъ.			Вольныхъ отъ влагу.			Не занятыхъ.			Недавно прирванныхъ.			Оброчныхъ.	
	Вол.	Мор.	Пр.	Вол.	Мор.	Пр.	Вол.	Мор.	Пр.	Вол.	Мор.	Пр.		
Гродно	323	159	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Гродзинца	263	84	183 ^{1/2}	135	—	—	33 ^{1/8}	28	—	12 ^{1/8}	—	—	—	10
Вергиляши	105 ^{1/2}	683 ^{1/2}	—	5	—	—	19 ^{1/2}	—	—	4	—	—	—	12
Озеры	110 ^{1/2}	956	2359	10	—	—	26	—	—	1 ^{1/8}	—	—	—	12
Салазы	26 ^{1/12}	139	9	13	—	—	38 ^{1/12}	111	5	—	—	—	—	3
Котра	235	325 ^{1/2}	18	13	15	—	1	10	—	—	—	—	—	27
Скідель	274 ^{1/2}	439	2	54	37	15	23 ^{1/2}	14	—	—	—	—	—	24
Мизковщина	99 ^{1/2}	—	—	43	50	52 ^{1/2}	10 ^{1/4}	6	—	—	—	—	—	10
Мосты	156	—	—	32	130	15	106 ^{1/12}	—	—	1	—	—	—	15
Лабно	294 ^{11/12}	181	—	49	—	—	55 ^{1/4}	34	—	1	—	—	—	24
Новый Дворъ	371	418	6	19	—	—	24 ^{1/12}	—	—	1 ^{1/8}	—	—	—	30
Одэльскъ	298	138	2459	11	—	—	—	80	—	—	—	—	—	27
Кринки	358 ^{1/2}	1000	3976	21	76	—	97 ^{1/12}	82	—	50 ^{11/12}	—	—	—	26
Кувяца	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	2915	4473	9012	405	308	82	436	365	5	73	—	—	—	220

Въ итогѣ мы принимаемъ волоку въ 30 морговъ.

²⁾ По ревизіи Саража 1562 г. въ самомъ городѣ насчитано 171 волока (Писц. Кн. Гродненской экономіи, II, р. 452), и уличныхъ и рыночныхъ грунтовъ 4185 (р. 431), выгоновъ 31 вол. 1 моргъ (р. 437), огородныхъ морговъ 126/10 (р. 436); добавочныхъ къ волокамъ—137/21 мор. (р. 439) и сверхъ того еще въ одномъ

Брянское—въ 727 волокъ¹⁾, Пинское—въ 1352 волоки²⁾, Клецкое—въ 706 волокъ³⁾, Бобруйское—болѣе 1557 волокъ⁴⁾.

Вышеприведенныя свѣдѣнія даютъ общее представленіе о размѣрахъ наѣстной части господарскихъ добръ. Этого, полагаемъ, вполне достаточно для нашей ближайшей цѣли; подробное изслѣдованіе состава населенія господарскихъ и земскихъ добръ найдетъ мѣсто въ другой части нашего изслѣдованія. Теперь же, когда насъ интересуютъ господарскія добра преимущественно съ точки зрѣнія ихъ значенія, какъ источника государственныхъ средствъ, мы и обратимъ къ этому послѣднему вопросу.

Въ этомъ отношеніи мы опять встрѣаемся съ обычной неполнотой нашихъ данныхъ, желая выяснитъ размѣры различныхъ источниковъ дохода. Даже случайныхъ свѣдѣній о доходности державъ за разное время весьма немного, но и эти свѣдѣнія по своей отрывочности не могутъ представить интереса и, взятая безъ отношеній къ раскладкѣ сборовъ среди населенія,—бесполезны. Поэтому, мы ограничимся изложеніемъ свѣдѣній о доходности господарскихъ добръ на основаніи нашихъ списковъ, имѣя въ виду нѣкоторую неполноту данныхъ и возможную разновременность ихъ. Во всякомъ случаѣ, эти данныя представятъ намъ то, что получали скарбъ съ державъ.

обрубѣ 38 волокъ (р. 441). Сельскихъ волокъ насчитано 362 вол 26 мор., застѣнковыхъ 681/27 мор. (р. 501), при млинахъ—101 моргъ (р. 504). Дроби и яблоск. мельніа оброчныя земли опускаемъ.

¹⁾ Ревизія Брянскаго староства насчитываетъ 150 городскихъ волокъ (р. 356), городскихъ уличныхъ, рыночныхъ, огородныхъ и сѣнокатныхъ грунтовъ и морговъ ревизія показываетъ 336 мор. 6525 прут. (р. 389 слѣд.), въ сельскихъ волокахъ ревизія даетъ итоговъ по войводствамъ (р. 358—411) всего 647 вол. 1400 прутговъ. Мельніа цифры—пруды, дроби и пш. др. отбрасываемъ.

²⁾ По писевой книгѣ Ст. Хвальчевскаго (1552—1555 гг.) (Инд. Виленской Коммиссіи) въ общихъ поземныхъ Пинскаго староства выдѣлено 1329 волокъ, 29 морговъ, 42 прута и 3746 городскихъ и чиншевскихъ прутговъ (174 и 269). Надо замѣтить, что эти данныя меньше тѣхъ, которыя получены при повторномъ измѣреніи староства Л. Войновъ, потому что въ книгѣ послѣднато встрѣчается много замѣтокъ, показывающихъ увеличеніе количества грунта при повторныхъ измѣреніи.

³⁾ Писц. Кн. Хвальчевскаго, р. 506—7: волокъ 698, прутговъ 2518.

⁴⁾ По ревизіи 1639 г. но со включеніемъ розданныхъ (второй разъ ок. 1569 г.) землянамъ земель. Выморгованныхъ сельскихъ волокъ насчитано 1198 волокъ, 17 морговъ, 10 прутговъ, 19 службъ, полевыхъ, сѣнокатныхъ и застѣпочныхъ морговъ 8975 морг. 25 прутговъ (Литв. Вил., XXV, р. 322—3), городскихъ волокъ 100, морговъ 1421 и прутговъ 3733 (ib., р. 156—157).

Различіе между окладными доходами съ державъ и доходами, фактически съ нихъ поступавшими въ скарбъ, происходило вслѣдствіе разныхъ причинъ. Прежде всего на доходныхъ статьяхъ лежали иногда обязательныя статьи расхода, напр., на костелы, на „юргельтъ“ должностнымъ лицамъ, проценты по залогамъ и пр. Иногда, наконецъ, держава могла быть заложена ad extenuationem, но только въ известной части ежегоднаго дохода.

По условіямъ отдачи державъ въ аренду, какъ мы знаемъ, нѣкоторые доходныя статьи могли быть присоединены къ державѣ, или выдѣляемы изъ нея. Въ скарбѣ, разумѣется, были и реестры окладныхъ доходовъ, но источникъ, на который мы ссылаемся, — несомнѣнно реестръ дѣйствительныхъ поступленій, а не окладныхъ.

На такое заключеніе даютъ право нѣкоторыя замѣчанія самаго реестра. Иногда при державкахъ прямо сказано, что цифра дохода составляетъ арендную плату, иногда показанъ крупный мѣстный расходъ съ державы. Съ Вешвянъ, напр., шло въ скарбъ всего 60 копъ 41 грошъ, но отсюда же получали жалованье писарь польшии Стабровскій въ количествѣ 160 копъ грошей, съ Бержанъ получали жалованье маршалокъ земскій въ размѣрѣ 300 копъ грошей. На Могилевской волости лежала уплата 2200 копъ процентовъ по залогу, такъ что въ скарбъ фактически поступало всего 823 копы и пр. Эти указанія объясняютъ намъ разницу между окладами ревизій и данными нашего реестра. Напримѣръ, по ревизіи, изъ Гомельской волости (изъ города и волости) должно было бы поступать 446 копъ 7 гр. (въ томъ числѣ и доходы отъ ворьянъ, но кромѣ натурального сбора житомъ и оловомъ), изъ которыхъ волость давала 304 копы грошей¹⁾; между тѣмъ, по одному списку нашего источника Гомель давала всего 125 копъ гр., а по другому — 421 копу. Очевидно, первая цифра — остатокъ поступленій отъ старостинскаго „датка“, жалованья²⁾, и во второмъ можно предположить отдачу на откупъ отъ скарба какой либо доходной статьи (напр., мытъ), или же уменьшеніе дохода вслѣдствіе раздачи селъ. Намъ кажется, что такимъ же образомъ надо объяснять себѣ и другіе факты различія оклада ревизій съ нашимъ спискомъ³⁾. Ввиду всего сказаннаго, по-

¹⁾ Акты Вил. К., XIII, р. 377.

²⁾ Размѣры этихъ „датковъ“ см. на стр. 357.

³⁾ Напр., по нашимъ даннымъ Сараяхъ дается 437 копъ гр., Браиски — 675; по подсчету данныхъ ревизіи, первый дается отъ 374 копъ, второй — 611 копъ. (Писмо-

лагедемъ, что нашъ источникъ показываетъ фактическое поступленіе въ скарбъ доходовъ съ державъ, а не окладныхъ (конечно, тотъ и другой могъ совпадать).

Теперь мы можемъ обратиться къ нашимъ даннымъ¹⁾. Въ прибавленіяхъ мы приводимъ доходность каждой державы съ подраздѣльной Книги Гродненской Экономіи, II, р. 396—431 и 356—412). Ревизія Кременя показываетъ доходъ старосты въ 444 копы (Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, р. 110), а наши таблицы въ 733, вѣроятно, съ присоединеніемъ замѣтнаго мыта, которое въ 60-хъ годахъ шло въ аренду особо.

Ревизія 1639 г. показываетъ доходъ Бобруйскаго старосты въ 1776 копъ грошей (Акты Вил. Ком., XXV, р. 323), — нашъ источникъ всего около 400. Но это легко объясняется: доходъ 1639 г. вычисленъ на основаніи только что пропавшей волоочной повѣри. Кстати, эта ревизія показываетъ, какъ иногда увеличивался доходъ державъ по проведеніи повѣри сравнительно съ прежней доходностью. Бобруйское староство съ 50-хъ годовъ было въ рукахъ М. Радивилла, отъ державы котораго въ скарбѣ, подъ разными предлогами, доходили нестокиня крохи.

По одному расчету скарба съ Кр. Радивилломъ видно, что Ковенское староство давало скарбу въ 1562 г. 887 копъ гр. (въ томъ числѣ доходъ отъ 300 бочекъ дальняго овса), Ружаньки давали 350 копъ, Волча — 500 копъ, тогда какъ по нашимъ даннымъ съ тѣхъ же державъ шло — 724 копы, 456 копъ и 610 копъ. (Волча съ Дубовомъ). (Кн. Зап. Лит., II, 4. 207 об.).

¹⁾ ТАБЛИЦЫ ДОХОДНОСТИ ДЕРЖАВЪ.

а) Вилевскій повѣтъ.

Названія державъ.	Доходы.		Годъ.	Названія державъ.	Доходы.		Годъ.
	Коп.	Гр.			Коп.	Гр.	
Браславль съ неводичествомъ	514	45	1555	Овняты	729	28	1571
Болынки	212	—		Овса	220	—	ар.
Довганьки	351	18		Ошмянъ	100	—	—
Делеваньки и Дотевская волость	563	40	1560	Пепляны	400	—	—
Алла	91	9		Куньпы			
Керновъ	78	16		Ушволя			
Мойсогола	106	3	1569	Радонковичи	340	—	1576
Крево и Вишнево	231	58		Раконитинки	55	—	—
Геранонинъ	—	—		Ремезовъ	69	—	—
Липиньки	130	—	1547	Рѣчки дворянъ Губы	124	—	1568
Ширевта	—	—		Свинглы	70	6	—
Кыдзынь	970	40		Трокелъ	117	40	—
Брасово Село	120	—	1567	Трабы	299	40	—
Ляда	94	11		Углы	878	40	1562
Лингяны	93	40		Вильвожиръ	227	39	1565
Марково	384	45	1567	Индуръ	468	32	—
Младель	—	—		Виршунъ	10	5	—
Медунка и Двинецъ	254	33		Гаравовскій дворъ	5	—	—
Нѣмецкая	65	41 ¹⁾	1567	Куревскъ и войтоводство Кортковское	160	—	1567
Обеле	321	19		Чермачинъ	18	—	1569

лением их на повѣты; волости русскія и подляшскія и волыскія имѣя королевы Бонны мы выдѣляемъ въ особую группу, (остальные ея имѣнія вошли въ таблицу повѣтовъ), равнымъ образомъ дѣсяничества и неводничества. Гдѣ были свидѣнія о томъ, сдавались держава въ аренду, это отмѣчено въ особой графѣ. Равнымъ образомъ отмѣчены въ той же графѣ и годы отдачи въ залоги держагъ; послѣднее указаніе имѣетъ значеніе: такъ какъ нашъ источникъ составленъ въ позднѣйшее время, то годы залога исключительно указываетъ на сумму дохода около этого именно времени. Доходъ изъ русскихъ волостей надо признать наиболѣе неустойчивымъ потому, что скарбы рѣдко получали оттуда окладныя суммы, такъ какъ значительная

б) Трокій повѣтъ.

Названія державъ.	Доходы.		Годъ.	Названія державъ.	Доходы.		Годъ.
	Коп.	Гр.			Коп.	Гр.	
Бересте	3000	—	1565-7	Меречь	1112	—	
Василинши	81	48 ^{1/2}		Мельникъ	1023	16	
Волковскыя	377	6	Лодеи	630	50		
Васильевыя городъ и волость	240	42	Мезирѣе	243	28		
Волы и Дубно	610	—	Немонойти	454	34		
Вислицы	351	20	Одла съ дѣсяничества и Вороново	1319	7		
Виртанъ съ дѣсяничества	950	48	Опшылъ	147	26	1579	
Возкинши	208	4	Острия	335	40	1579	
Дорусинши	251	45	Ода	381	57		
Дорогичинъ	270	44	Переломъ	776	54		
Жижмори	232	39	Перстунъ	160	—		
Зантовъ	250	—	Перовалка и Донги	343	—		
Жосы	265	30	Радунъ	229	17	1567	
Забѣлье и Августовъ	801	17	Ружинши	456	20		
Ковно съ дѣсяничества	724	46	Слонимъ	652	58		
Каменицъ	291	23	Сеймы	507	20		
Корнялово	350	—	Семно	233	39		
Ленуца	88	37	Столпши	208	28		
Лосичи	677	—	Талкотинъ	941	12		
Копево и Дубичи	120	—	Трокское городничество съ канцеляріею въ Сомялшкяхъ	300	—	1565	
Мстисловъ	1561	47	Fiziski (?)	280	2	1581 ^{*)}	
Метеле съ неводничества	320	—					

¹⁾ Отсюда выдается вислицкимъ коморникамъ 31 копа.
²⁾ Крокъ пашни на 12 волокъ.
³⁾ Одлаво, Перовалка съ Ротинцею ходила въ 343 копа, 58 гр.
⁴⁾ Крокъ четырехъ фольварковъ величиною въ 27 волокъ.
⁵⁾ Это названіе для насъ совершенно не понятно; вѣроятно испорчено въ передачѣ. Кажется, это Тейнина.

часть дохода отдавалась державцамъ же на содержаніе крѣпости и гарнизона или же воеводамъ въ качествѣ жалованья (напр., данъ

с) Жмудская земля.

Названія державъ.	Доходы.		Годъ.	Названія державъ.	Доходы.		Годъ.
	Коп.	Гр.			Коп.	Гр.	
Бержаны	187	51	1567 ¹⁾	Позонга	463	50	
Бержави	301	7 ^{1/2}	²⁾	Поневѣжъ и Шадово	826	54	
Бойсоголаи Везена	768	42	1563	Поссурвенты	803	59	1567
Ботоки	262	—		Покорье	652	8	
Вешваны	220	41	³⁾	Пуля съ дѣсяничества	292	30	
Вилькея	535	14	1567 ³⁾	Ретово	339	—	
Ворельковское войводство	174	11	1566	Скерстомонши	98	28	
Гондинга	939	3	ар.	Обрадо	392	27	
Гинтлшиски	925	14		Тельши	108	—	
Горжамъ	195	28	Дравны М. и Б.	1136	6		
Дравны М. и Б.	240	—	Грушты	159	7 ^{1/2}	1584	
Грушты	1617	24	Кейманы	1831	48		
Кейманы	192	36	1564	Шавли	8583	26	
Корнево	105	14 ^{1/2}	ар.	Шоклы	114	—	
Первольское и Помукское войводства	272	55		Юрборкъ и Новал Вола	758	55	1560
Плетели	862	2	1578	Ясвойна	481	18	1571

д) Подляшскія и волыскія имѣнія королевы Бонны.

Анторкъ	96	36 ^{1/2}	ар.	Новый Дворъ Сикатинскаго	123	55	1568
Брянскъ	675	53		Вальскыя, Парва и Клещели	2729	48	⁸⁾
Цанскыя	1414	34	⁹⁾	Шерешовъ	453	52	1576
Кобринъ и Нобучинъ	2896	—	1572	Суражъ	437	4	⁹⁾
Берзиня	135	24	ар.	Крежелевъ	733	50	¹⁰⁾
Влудень	372	34		Ковель	1500	—	
Райгородъ и Ганяжъ	600	—	⁷⁾				

¹⁾ Бержаны были въ залогѣ, но часть ихъ оставалась въ распоряженіи скарба и сдавалась въ аренду.
²⁾ Въ скарбъ доходило всего 1 копа 7 гр., потому что 300 копъшло на жалованье жарналку.
³⁾ Вилькея, подобно Бержанамъ, частью находилась въ распоряженіи скарба, частью была въ залогѣ.
⁴⁾ Изъ нихъ 160 уходило на жалованье писарю-польному.
⁵⁾ Крокъ пашни на 40 волокъ.
⁶⁾ Видекая волость этого старства приносила въ 1565 г. 153 коп. 33 гроша.
⁷⁾ Помѣщаемъ здѣсь и эти два подляшскія имѣнія, находившіяся почти всегда въ семьѣ Ягеллоновъ.
⁸⁾ Крокъ 3 фольварковъ на 60 волокъ.
⁹⁾ Крокъ 24 волокъ пашни.
¹⁰⁾ Крокъ двухъ фольварковъ.

медовая Мозырская шла большею частью на воеводу Киевского).
Для большинства русских волостей у нас имеются цифры до-

Названия державъ.	Доходы.		Годъ.	Названия державъ.	Доходы.		Годъ.
	Коп.	Гр.			Коп.	Гр.	
<i>Городенскіе двори:</i>							
Городио гор. съ канц-цовой	294	27		Красивъ	327	13	
Городица	272	28		Красовка	389	—	
Котра	233	7		Кулина	254	—	
Милковщина	84	46		Одельскъ	243	12	
Моста	196	1		Лабно	236	26	
Кринки	344	9		Новый Дворъ	495	30	
				Вергишица	239	—	
				Озери и Салати	390	41	
				Скидезь	471	28	

е) Русскія волости.

Название волостей.	Доходъ около 1566 г.		Доходъ др. годовъ.		Годъ.
	Копъ.	Гр.	Копъ.	Гр.	
Вобруевъ	402	41 ^{1/2}	396	—	1562
Борисовъ	700	—	—	—	—
Любеч	357	53 ^{1/2}	—	—	—
Любодани	375	18	673	40	1560
Гречская вол.	37	20	—	—	—
Глускъ	681	10	—	—	—
Выховъ	112	29	—	—	—
Кричевъ	122	32 ^{1/2}	337	22	1580
Рышца	100	—	462	6	1571
Гомель	125	33	421	21	—
Мозырь	424	20 ^{1/2}	89	19	—
Метиславъ и Радомль	573	—	483	—	—
Чичерскъ и Пронюевъ	—	—	563	54	—
Рогачевъ	—	—	360	—	—
Могилевъ городъ	—	—	313	—	1582
„ волость	—	—	1055	48	1579

г) Дѣшинчества и некодичества.

Названия.	Доходы.		Годъ.	Названия.	Доходы.		Годъ.
	Коп.	Гр.			Коп.	Гр.	
Вильское д.	653	—	1579	Перстунское д.	241	41	
Тыковинское д.	57	23		Езерское д.	64	3	
Ковшинское д.	30	—		Салатское д.	64	3	
Перелонское д. и в.	236	35		Нежонинское д.	63	9	
Завидиенское и.	31	42		Владыжское д.	112	—	
Ковневское и Дубицкое д.	35	35		Мстисловское д.	2	—	
Лодзейское и Семевское д.	80	11		Кринское д.	468	12	

ходовъ, относящихся къ періоду около 1566 г. (они находятся въ одной таблицѣ съ реестромъ волокъ), а для нѣкоторыхъ волостей еще доходъ въ годъ отдачи ихъ въ залогъ, доживотье; между обоими рядами цифръ есть разница, объясняемая именно тѣмъ, что въ первомъ случаѣ записанъ доходъ, фактически шедшій въ скарбъ (кроме Мозыря, цифра котораго въ 89 копъ грош. не ясна¹⁾).

Въ заключеніе къ настоящимъ таблицамъ надо прибавить еще замѣчаніе. Доходъ почти вездѣ показанъ съ державъ или старостъ, т. е. съ извѣстнаго рода административныхъ единицъ. Однако, въ 60-хъ годахъ, когда замѣны и заложны добры успѣли, иногда изъ державъ выдѣлялись отдѣльными войтовства и двори для залога или замѣны, доживотья. Разумѣется, вслѣдствіе этого уменьшался доходъ державы, и скарбъ, отдѣльно для каждаго выдѣляемаго двора, войтовства, подсчитывалъ въ своихъ реестрахъ доходъ. Отсюда въ скарбовыхъ реестрахъ велся счетъ дохода съ державы и счетъ дохода съ части ея, почему либо выдѣленной. Наши источники не даютъ никакихъ основаній для опредѣленія того, посчитаны ли въ такихъ случаяхъ доходы съ державъ со включеніемъ въ нихъ выдѣленныхъ частей ихъ и локальных съ нихъ туго же дохода, или нѣтъ. Мы собрали въ таблицѣхъ и тѣ и другія данныя и показываемъ ихъ въ общемъ итогѣ, но въ основаніе полагаемъ, что доходы съ державъ показаны отдѣльно отъ выдѣленныхъ изъ нихъ частей: каждый такой выдѣленной отгрозкѣ провращался въ самостоятельную административно-хозяйственную единицу; такія единицы въ нашихъ спискахъ всего около 10 (сравнительно со списками державъ 50-хъ гг.) съ доходомъ, немого болѣе 1000 копъ гр. (напр. дворъ Губы, Куреневъ, Чермачичи и др.).

¹⁾ Принадлежитъ нѣсколько примѣровъ отдачи русскихъ державъ съ вычетомъ извѣстной части, или съ передачей державѣ всѣхъ доходовъ на содержаніе гарнизона и крѣпости.

Рышца въ 1532 г. отдана кн. А. Вишневецкому съ даткомъ изъ доходовъ въ 200 копъ гр. (Кн. Судн. Дѣл. Лит., VII, л. 4).

Свислочь въ 1541 г. отдана кн. Жеславскому съ 100 ковами гр. (при его предшественникѣ А. Немировичѣ весь доходъ уходилъ на замокъ). (Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 102—103 об.)

Кричевъ въ 1560 г. отданъ А. Шолухѣ съ 300 ковами гр. (Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 496 об.)

Метиславъ въ 1560 г. — кн. Н. В. Соломирскому съ 200 ковами гр. (ibidem, л. 233 об.)

Гомель—М. Варшавскому отданъ въ 1568 г. со всѣми доходами. (Кн. Судн. Дѣл. Лит., LIII, л. 132).

Рышца въ 1565 г. отдана ему же и на тѣхъ же условіяхъ. (Кн. Зап. Лит., XLV, л. 79 об.)

Любечъ отданъ въ 1562 г. на тѣхъ же условіяхъ П. Сорогѣ. (Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 52).

„Зѣ ласки“ господарской иногда отдавались державцамъ со всѣми доходами, или съ частью ихъ и державы центра (напр., Кн. Зап. Лит., LI, л. 311 об.; XLVII, л. 1—2).

Доходы съ государскихъ державъ, распределенные на принятыя нами географическія группы, дадутъ слѣдующіе общіе итоги:

	копѣ	грошей
Виленскій повѣтъ	8876	48 ³ / ₄
Троцкій "	22899	34 ¹ / ₂
Жмудская земля	24841	38
Подляхія и Волынь	16834	58 ¹ / ₂
Русскія волости	6203	11 (7279 к. 37 г.)
Ливоничества	2080	29

Такимъ образомъ общій доходъ государскаго скарба отъ державъ выражался въ суммѣ 81736 копѣ 40 гр. и даже болѣе 81000 копѣ грошей.

Но это не весь годичный доходъ за послѣднее десятилѣтіе правленія Сигизмунда Августа. Къ нему слѣдовало бы добавить еще доходы отъ ливонскихъ державъ. Однако, нѣтъ никакихъ данныхъ для опредѣленія этого дохода. Вѣроятно, фактически, государство въ военное время, особенно послѣ взятія Москвою Полоцка, ничего не получало въ скарбъ отъ ливонскихъ старостъ. Но присоединеніе обширной и густо населенной территоріи передавало въ распоряженіе скарба весьма обильный источникъ доходовъ. Въ самомъ дѣлѣ только 24 ливонскихъ старостъ (изъ 36) въ девятинахъ годахъ XVI столѣтія приносило скарбу 58045 злот. польскихъ¹⁾.

¹⁾ Приводимъ реестръ доходовъ съ Ливонскихъ старостъ, составленный въ 1590 г. (на основаніи только что произведенной ревизіи).

Староства	Доходъ	
	злотыхъ	грошей
Рига (очевидно фольварокъ)	10	18
Рижскій портъ	1200	—
Рига—городъ	1000	—
Динемонть	483	13
Жегволтъ	1546	17
Кремена	1254	—
Трейденъ	1584	24
Руниъ	1209	4
Таурусъ	2758	—
Adzel	1577	28 ⁴ / ₈
Смелтъинъ	705	25 ¹ / ₂
Румборгъ	1239	18 ³ / ₂

Мы, конечно, далеки отъ того, чтобы придавать добытымъ нами статистическимъ даннымъ значеніе абсолютно достовѣрныхъ или неизмѣнимыхъ для болѣе или менѣе продолжительнаго періода. Но все же они имѣютъ для насъ большую цѣну, какъ единственное свидѣтельство о доходности государскихъ добръ, все же они освѣтятъ намъ значеніе государственныхъ имуществъ въ бюджетѣ страны. Будемъ только помнить, что мы имѣемъ минимумъ того, что давали добра.

Наши данныя освѣщаютъ намъ и относительное положеніе отдельныхъ областей, какъ источниковъ дохода. Самыми малоходными являются русскія волости, на которыхъ лежала тяжелая обязанность отстаивать восточную границу. Виленскій повѣтъ играетъ тоже второстепенную роль, и это вполне понятно: это—центральная держава государства, почему раздача земель здѣсь искони производилась въ болѣе широкомъ объемѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ. Небольшое число подляшскихъ издѣій, вобывавшихъ въ рукахъ Воны, давали внушительныя цифры дохода. Но самую доходную оказывается Жмудская земля. Размѣры отдельныхъ державъ чрезвычайно разнообразны, начиная отъ десятка—двухъ копѣ грошей и дохода до восьми съ лишнимъ тысячъ (какъ Шаули). Въ Виленскомъ повѣтѣ самыми крупными державами являются: Киншинъ, Утина, Ояикиты, но изъ нихъ только первый приближается къ тысячѣ копѣмъ доходу.

Староства	Доходъ	
	злотыхъ	грошей
Кесь	1153	19
Лембель	1562	4
Ибернолъ	4333	25
Лайса	3828	7
Аератъ	23762	5
Искузь	912	18
Новый Мамъ	651	21
Кирхгольмъ	35	29
Гельдербъ	963	11
Hermesz	2318	10 ⁷ / ₂
Питава	1204	25
Лемборгъ	533	15
Дербинъ	827	3
Skuin	593	3
Orele	730	15
Итого	58044	59

Не получено свидѣній о доходахъ Мариенбурга, Кіережскъ, Swanemborg, Рѣжаны, Пернавы, Кокенгузена, Фелина, Новгорода, Аскерата, Динабурга, Seswiey, Santzel, и изъ портовъ Чернавскаго, Динабургскаго, Кокенгузенскаго и Дерптскаго.

Въ Троицкомъ повѣтѣ первенствующее положеніе занимали Берестье, Метвоповъ, Мельникъ, Меречь, Олита, Тыкогвилъ; на Жмуди—Шаванъ, Ушита, Грушита, Гитылишки и др. Изъ русскихъ волостей самой доходною была Могилевская волость, затѣмъ Борисовъ, Мстиславъ съ Радомлемъ и пр. Въѣстѣ съ тѣмъ нами данна освѣщаютъ и районъ государственныхъ имуществъ, доходы съ которыхъ поступали въ господарскій скарбъ. Такъ, на южной окраинѣ, при громадномъ пространствѣ незанятыхъ земель, въ скарбъ ничего не поступало. Волынь, ранѣе столь богатая господарскими землями, при Сигизмундѣ Августѣ приносила доходъ только съ Кременца и Ковеля, но эти старостна были въ рукахъ Боянъ, а Ковель передавъ этимъ же королемъ кн. А. Курбскому на ленномъ правѣ. Въ Полоцкой и Витебской земляхъ тоже не было скарбовыхъ имѣній.

Въ заключеніе напомнимъ, что господарскія добра рѣдко бывали въ полномъ своемъ составѣ въ распоряженіи скарба, такъ какъ скарбъ въ рѣдкіе періоды не зналъ долговъ на державкахъ, и кромя того часть добръ находилась въ доживотномъ владѣніи. Но объ этомъ намъ еще придется говорить въ своемъ мѣстѣ.

Познакомившись съ историческимъ происхожденіемъ и хозяйственнымъ значеніемъ государственныхъ имуществъ въ Литовско-русскомъ государствѣ, мы можемъ подвести общіе итоги сказанному, хотя въ отдѣльныхъ параграфахъ настоящей главы уже были изложены выводы по частнымъ отдѣламъ вопроса.

Первое, что вскрывается въ вопросѣ о назначеніи государственныхъ имуществъ—то, что всѣ виды ихъ служатъ государственнымъ цѣлямъ, хотя имѣютъ неодинаковое правовое обоснованіе и историческое происхожденіе; періодъ, когда существовали личныя великокняжескія имѣнія, и не долговъ, и не имѣяель существа дѣла, такъ какъ доходы отъ нихъ поступали въ господарскій скарбъ. Въ основѣ государственныхъ имуществъ лежитъ вотчина древнѣйшихъ литовскихъ князей; въ ней, наряду съ родовыми добрами, есть и завоеванныя и прившедшія дутами, имѣющими свойство государственныхъ. Но уже въ древнѣйшій періодъ намѣчается идея, вслѣдствіе которой извѣстная категория имуществъ выходитъ изъ понятія государственной вотчины; эта идея зарождается въ областномъ правѣ и въ процессѣ образованія государства. Первая попытка юридическаго разграниченія вотчины и государства относится къ концу XV в. Это—первая попытка объ-

единенія областныхъ правъ въ общегосударственномъ и важный шагъ въ выдѣленіи государства изъ вотчины. Дальнѣйшее развитіе государственности заключается въ крѣпящемъ сознаніи „земскаго“ назначенія государственныхъ имуществъ. Это послѣднее отразилось въ форму „столовыхъ“ имѣній, т. е. должностнаго лена государя великаго князя, урядовыхъ леновъ и земскихъ имѣній. Такимъ образомъ эти виды имуществъ фактически и юридически получили государственное назначеніе. Появленіе личныхъ воеводскихъ имѣній не измѣнило фактическаго положенія вещей, хотя имѣло косвенное вліяніе на выработку правовой стороны вопроса.

Такъ въ исторіи государственныхъ имуществъ можно прослѣдить фазисъ объединенія государства и образованія государственныхъ началъ.

Одну сторону того же процесса легко прослѣдить и на развитіи повинностныхъ отношеній въ господарскихъ добрахъ. Господарская вотчина обростаетъ добрами въ разныхъ областяхъ. Результатъ такого сложенія—разнообразіе поразъ обычнаго права и повинностныхъ отношеній. Въ общемъ повинностныя отношенія носятъ характеръ вотчинныхъ, и государственный характеръ въ которыхъ изъ нихъ проявляется слабо (въ послѣдующемъ изложеніи будутъ указаны признаки ихъ). Въ этомъ разнообразіи есть, однако, объединяющая идея тягла по землѣ. Эта идея, пронизывающая весь вѣтшинный строй, не можетъ вполне служить эквивалентомъ господствующей рудиментарности способовъ обложенія и, какъ остатокъ областной жизни, уступаетъ мѣсто объединяющему государственному началу.

XVI в. въ исторіи Литовско-русскаго государства представляетъ собою поворотный пунктъ въ сферѣ социально-экономическихъ отношеній. Этотъ процессъ многоразличными способами переплетается съ областью чисто финансовыхъ отношеній, отливаясь въ нихъ, вліяя на нихъ и, въ свою очередь, воспринимая въ себя черты этихъ послѣднихъ. Въ государственномъ организмѣ происходитъ процессъ интеграціи, и областная обособленность уступаетъ мѣсто принципу государственнаго единенія, на ряду съ чѣмъ отливается и общегосударственный социальный строй; и въ господарскомъ хозяйствѣ изслѣдователь наблюдаетъ процессъ инволюціи повинностныхъ отношеній. Съ земли тягло переходитъ на лицо, и лицо является прирѣзленнымъ къ извѣстной суммѣ повинностныхъ обязанностей (въ изучаемое время процессъ этотъ уже вполне обозначился). Въ сферѣ экономическихъ отношеній эта эпоха характеризуется измѣненіемъ въ направле-

ни торгово-промышленной деятельности, — что вызывает перемену в строе хозяйства, — и ростом денежного капитала. Скарбь приспосабливает свою хозяйственную деятельность в этом направлении. В двух хозяйственных очагах — восточных волостях и западных дворах — скарбь держится различаемо с восточной стороны курса, но ведущего к одной и той же цели. На восток он стремится использовать приемы старого хозяйства, приурочить их к новым взглядам и понятиям финансового хозяйства; на запад он опирается на занесенную немецкую форму хозяйства. Она прочно прилагается к жизни, хотя и вступает в нее органически. Даже на восток связывается влияние немецкого права в виде суррогата его — городских привилегий 60-х годов. Развитие немецкого права идет рядом с выделением города из волости, что является одним из звеньев общей экономической эволюции.

Волочная устава дала скарбу то, чего не могла ему дать старая хозяйственная система: эластичность податной единицы, простоту и точную определенность распределения тягла и широкие средства для контроля. Волочная устава является для своего времени замечательным памятником хозяйственной деятельности скарба. При своем возникновении она имела целью не одних узко-фискальных целей, но проводники ее руководствовались и чувством гуманности к податным классам. В последнем проскальзывает, однако, одна фальшивая нота — стремление к опеке над подданными. Тем не менее устава является одним из звеньев целой цепи реформ, предпринятых правительством в господском хозяйстве и коснувшихся государственного.

Устава имела большое значение и в деле управления государскими добрами. Скарбь поставил управление под свой непосредственный контроль. Сгибание вотчинного элемента с государственным было устранено, и державца превратился в вотчинного приказчика, окончательно отделившись от земства. Устава ставит скарбу ясную задачу непосредственного управления добрами, широкой предпринимательской деятельности, заведения ферм и пр. ¹⁾

Таким образом, старинное натуральное хозяйство постепенно замещается более высшими и приближается к переходу на денежное.

¹⁾ Ср. в этом отношении цитируемая Ротера, Наука о вар. хоз. пер. Шенкина и Циммермана, М. 1869 г., р. 187.

ГЛАВА IV.

Налоги на потребление.

В настоящей главе нам надлежит рассмотреть ряд явлений финансовой истории Литовско-русского государства, различных в теоретической основе своей, но тесно связанных по своему историческому происхождению и развитию. Общая основа подлежащих теперь нашему изучению явлений заключается в том, что большинство косвенных налогов может быть возведено к сущности домашнего права. В этом праве находят себе объяснение многие сборы. Раздача мыта, ярмарок, торгов, пропихания постепенно становится достоинством великокняжеской власти, и если эти сборы переходят к частному лицу, то в качестве привилегий. В период сложения государства вотчинная власть находится в руках удельного князя; не всегда функции ее можно отличить от государственных. С разложением уделов некоторые прерогативы власти этой категории вотчинников делаются достоинством государства потому, что по существу своему они именно свойственны верховной власти (регалии, мыта), как охранительницы интересов всего общества. Но власть землевладельца-вотчинника понималась очень широко и неопредленно, что всегда давало полную возможность развивать вотчинные права. Вот почему развитие последних не прекратилось с понижением удельно-княжеской власти; взаимно немощных вотчинников-князей резко повышается землевладельческое право дворянского сословия и понижается социальное положение мещанства и крестьянства. Помещик становится обладателем вотчинной власти над подданными своего имения. Но эта власть уже, мелочлив и на-

завливе власть князя-вотчинника. Она охватывает жизнь подданого во всех тех ее проявлениях, где она не сопрягается с государством. В компетенцию этой вотчинной власти новой формации входят суд и повинности. Помѣщикъ изощряет свой умъ для извлечения большихъ доходовъ изъ подданого. Отсюда растутъ между прочимъ монополіи¹⁾. Государство идетъ на раду съ помѣщикомъ въ своихъ распоряженіяхъ въ обширной области господскихъ добръ. Оттого мы видимъ развитіе новыхъ источниковъ дохода, особенно въ формѣ монополій, къ концу изучаемаго періода. Монополіи и сборы вотчиннаго происхожденія переплетаются съ монополіями государственнаго характера. Обстоятельства заставляютъ государство развивать свою финансовую дѣятельность. Государственные потребности увеличиваются въ началу 60-хъ гг. въ силу чисто внѣшнихъ обстоятельствъ, между тѣмъ какъ великокняжеская власть въ предшествующій періодъ размывала многие изъ мелкихъ доходовъ и правъ; теперь она ихъ подбираетъ.

Но вотчинные доходы обращаются подъ вліяніемъ нужды въ средствахъ, вызванной Ливонскою войною, на государственныя дѣла и вызываютъ общегосударственные налоги. Такъ, вотчинныя монополіи даютъ акцизы, мздо—исконный источникъ господарскаго скарба, обростаея пошлинами, устанавливаемыми съ общегосударственными дѣлами. Такимъ образомъ лежатъ историческая основа и преемственная связь подлежащихъ нашему изученію финансовыхъ явленій, но не менѣе ясно и теоретическое ихъ различіе, такъ какъ вотчинные налоги приходится разсматривать на ряду съ государственными. Но въ изложеніи генетическая связь должна быть предпочтена теоретическому различію.

Надо при этомъ сдѣлать еще одно предварительное поясненіе. Намъ придется разсматривать косвенные налоги на ряду съ монополіями; но раздѣлять оба вида сборовъ при изложеніи исторіи ихъ не удобно не только въ виду ихъ генезиса въ финансовомъ строѣ государства, но и потому еще, что монополіи вполне основательно признаются финансовой наукой только особымъ способомъ взиманія налоговъ на потребленіе²⁾. Ввиду той же генетической связи въ этотъ

¹⁾ Ср. М. М. Ковалевскій, Происхожденіе современной демократіи, М. 1876, I, p. 94 сл., ср. Clamageran, Histoire de l'impôt, I, p. 210.

²⁾ Эбергеръ, Очеркъ финансовой науки (пер. Смирновскаго), p. 172.

отдѣлъ долженъ быть отнесенъ и прямой промышленный налогъ—капцизна.

1. Тенденція конца изучаемаго періода

Исторія косвенныхъ налоговъ въ Литовско-русскомъ государствѣ легко можетъ убѣдить въ томъ, что налоги на потребленіе проиллюстрировать къ половинѣ XVI в. весьма определенную тенденцію къ возрастанію въ количественномъ отношеніи и къ разнообразію способовъ обложенія. Эту тенденцію легко прослѣдить на исторіи старыхъ налоговъ и подтвердить самымъ фактомъ появленія новыхъ налоговъ въ 50-хъ годахъ XVI ст. Обращаясь съ увѣреніемъ къ выясненію причинъ такого явленія, надо прежде всего имѣть въ виду могущественный факторъ этого періода—Ливонскую войну; въ самомъ дѣлѣ, по признанію самихъ авторовъ, именно ей обязаны нѣкоторые налоги своимъ возникновеніемъ. Но въ то же время не трудно вывести наблюденіе, что ростъ государственныхъ потребностей не былъ вызванъ исключительно этой экстраординарной причиной: обороной южныхъ границъ правительствомъ занялось еще до войны, да и сверхъ того удовлетвореніе государственныхъ потребностей получило иное направленіе, влѣдствіе развитія денежнаго хозяйства. Государство не могло довольствоваться поземельными налогами и доходами съ государственныхъ имуществъ. Измѣненія въ направленіи экономическаго строя страны открывали новые источники доходовъ. Новое направленіе въ экономической жизни страны заключалось въ ростѣ торговаго капитала и вообще въ оживленіи торгово-промышленной дѣятельности. Естественно поэтому, что налоги на ввозимые и вывозимые товары и, вообще, на предметы потребленія начинаютъ играть видную роль въ бюджетѣ скарба. Финансовая исторія представляетъ рядъ доказательствъ того, что съ развитіемъ торгово-промышленной дѣятельности страны косвенное обложеніе начинаетъ пріобрѣтать важное значеніе въ бюджетѣ и постепенно занимаетъ болѣе видное мѣсто, чѣмъ прямое¹⁾. Подберутся въ своемъ капитальномъ трудѣ о національной экономіи влас-

¹⁾ Сопоставя, напр., на приложенную Кламажераномъ таблицу послѣдовательнаго роста косвенныхъ податей во Франціи (Histoire de l'impôt, Paris, I, p. XXIV). Этимъ и объясняется значеніе податей съ городовъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, такъ какъ въ городахъ сосредоточивалась торгово-промышленная дѣятельность. Ср. Ad. Wagner, Finanzwissenschaft, III, 55.

сической древности вывели из этого отношения заключенія, которыми могут быть признаны общими законамъ финансоваго развитія государствъ.

Изъ изложеннаго видно, что ростъ косвенныхъ налоговъ не долженъ быть всецѣло объясняемъ такими внѣшними факторами, какъ Ливонская война. Высказанное положеніе оправдывается и самими ходомъ развитія податей. Некоторые новые способы обложенія возникаютъ въ 1558—1559 гг., а первый повышеніи таможенныхъ ставокъ относится еще ко времени Сигизмунда I. Первое обстоятельство совпадаетъ съ изданіемъ водочной ustawy и, конечно, не представляетъ случайности: финансисты времени Сигизмунда-Августа, такъ усердно, какъ мы видѣли, разыскивавшие, новые источники прідыхъ налоговъ, не могли упустить изъ виду и разныхъ формъ обложенія потребленія. Такъ это и было въ дѣйствительности. Легко видѣть, что государство, независимо отъ появленія новыхъ формъ обложенія, замѣтило возикновеніе новыхъ объектовъ обложенія и стремилось къ привлеченію ихъ къ платежу налоговъ. Мы сейчасъ постараемся показать развитіе этихъ тенденцій на обзорѣ тѣхъ попытокъ, которыя были сдѣланы скарбомъ для установленія извѣстнаго контроля надъ торговой дѣятельностью. Такой обзоръ для насъ имѣетъ двойную цѣль: онъ подтверждаетъ сказанное о тенденціяхъ скарба и притомъ на такихъ фактахъ, которые не имѣютъ тѣсной связи съ исторією налоговъ, а затѣмъ познакомитъ насъ съ создаваемыми скарбомъ условиями внутренней торговли, что безусловно имѣетъ виду при изученіи торговыхъ и таможенныхъ пошлинъ.

Мы остановимся на нѣкоторыхъ сторонахъ торговой политики, предупреждая однако, что этотъ вопросъ имѣетъ для насъ слишкомъ общее значеніе и потому можетъ быть рассмотрѣнъ въ самыхъ общихъ чертахъ.

Древнѣйшія данныя позволяютъ отмѣтить двѣ стороны торговой политики государства. Въ однихъ случаяхъ оно регулируетъ торговые отношенія или въ цѣляхъ политическихъ, или въ цѣляхъ общественнаго благоустройства. Мы имѣемъ виду факты, когда политическія отношенія побуждали правительственную власть употребить свою силу для оказанія поддержки своимъ подданнымъ въ иностранной торговлѣ¹⁾. Съ другой стороны мы имѣемъ виду факты, когда

¹⁾ Напримѣръ Codex epistolaris Vitoldi, № 390 и 391.

правительство употребляетъ свою власть для регулированія торговыхъ сдѣлокъ, напримѣръ, наблюденія за правильностью мѣръ, вѣсовъ и т. п. Очевидно, тѣ же цѣли имѣются виду при контролѣ доброкачественности важнѣйшихъ продуктовъ торговли. Такому наблюденію съ очень ранняго времени подвергались, напримѣръ, торговля воскомъ: соответственное постановленіе мы встрѣчаемъ уже въ установкахъ грамотахъ¹⁾. Нормировка воска, выработанныя торговцами обычаями древнѣйшаго времени, составляетъ предметъ правительственныхъ заботъ и въ послѣдующее время²⁾.

Однако, указанныя стороны торговой политики, имѣвшія виду цѣли благоустройства, не получили широкаго развитія. Другія стороны той же политики сосредоточивались исключительно на фискальныхъ цѣляхъ. Въ этомъ отношеніи прежде всего надо отмѣтить рядъ привилегій крупнымъ городамъ. Привилегіи эти заключались или въ запрещенія розничной торговли вообще всякъ иногороднимъ купцамъ, или въ особенности иностранцамъ. Такія привилегіи имѣли почти все крупныя города, напримѣръ: Вильно, Кононо, Полоцкъ, Витебскъ, Луцкъ, Новгородокъ и нѣкоторые др., а иногда и мѣстныя города, напримѣръ, Лосичи и др.). Вообще, уже съ очень ранняго времени устанавливается взглядъ, что иностранцы купцы могутъ

¹⁾ Ливонскій, р. 122.

²⁾ Кн. Зап. Лит., т. 79—81 (1666 г.).

³⁾ Ливонскій, р. 3, т. V, г. 1, р. 14, 24; Собраніе грамотъ г-р. Вильно, т. I, р. 22, 61; Акты Виленской Ком., т. X, р. 464; Акты З. Р., т. II, р. 77, 91, т. IV, р. 163; Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. 86; Кн. Зап. Лит., XXXI, т. 163—164. Для характеристикъ этой стороны торговаго права приведемъ выдержку изъ дѣла государственнаго даннаго Витебску: „Приехали тѣхъ часовъ до насъ войтъ, бурмистры, радды и все всеносъство мешае жеста нашего Витебского, жалуютъ о томъ што жь дѣй гости и купцы тамъ подданни наши господарские, або тѣхъ мѣста и немцы, присядачи тамъ до того мѣста нашего Витебского с купцами своими, не чинячи наперекъ з ними торгу, ако сл у в иныхъ мѣстехъ купцы общаи того закоунають, сами з собою торгъ чинятъ а з влаи торговати не хотуть, и чють дѣй вѣтъ великаго шкода чють ся. И били намъ челомъ“. По просьбѣ всеносъства король сдѣлазъ „установенье“ и дасть такой приказъ вѣстному воеводѣ: „А про то штобы твоя милость в томъ мѣсте то выводити и вемъ таковымъ гостемъ и купцомъ оповѣстити казати, ижбы они, присядачи тамъ до Витебска ни с кимъ не торговали, только з мѣстичи витебскими. А которые бы купцы надъ тое дерешнее росказанье своеволье межю себе торговали о казати отъ твоей милости вчиненой подбачи росказати войту витебскому захватити противно таковымъ воде того, яко и в знете нашемъ виленскомъ закоунаються, товары ихъ забирати“ (Кн. Зап. Лит., XII, т. 76, 1559 г.).

торговать только въ определенныхъ городахъ, гдѣ установлены склады для иностранной торговли. Такіе склады для московскихъ купцовъ на югѣ были въ Киевѣ и Луцкѣ ¹⁾, для западныхъ купцовъ — въ Ковнѣ. Вообще съ теченіемъ времени выработалось правило, подтвержденное законодательными актами, что иностранные купцы имѣютъ право торговли только въ городахъ на магдебургскомъ правѣ, а не въ селахъ или въ непривилегированныхъ мѣстечкахъ ²⁾. Такимъ образомъ торговля въ городахъ подвергалась не маловажнымъ стѣсненіямъ. Только мѣщане города Вильны имѣли важную привилегію на розничный торгъ въ другихъ городахъ ³⁾ и на склады товаровъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они сами захотятъ (последнее относилось по крайней мѣрѣ къ территоріи города Кошио) ⁴⁾. Разрѣшеніе розничной торговли иностраннымъ и иногороднимъ купцамъ было вообще рѣдкою льготою, выдаваемою королями въ особо исключительныхъ случаяхъ ⁵⁾.

Ограниченіе свободной торговли для иностранцевъ или иногородцевъ — явленіе старое, какъ это видно изъ приведенныхъ данныхъ. Оно создавало привилегированное положеніе для городовъ и въ то же время служило цѣлымъ фиска, такъ какъ давало ему возможность легко слѣдить за швозомъ и вывозомъ товаровъ. Но въ XVI-мъ вѣкѣ замѣтна тенденція правительства къ расширенію своего вмѣшательства въ сферу торговыхъ отношеній.

Въ половинѣ XVI-го вѣка замѣчается новое положеніе скарбовой политики по отношенію къ сельской торговлѣ. Древнѣйшіе источники не даютъ никакихъ указаній на какія бы то ни было стѣсненія торговли въ селахъ. Напротивъ, можно указать на свидѣтельства, изъ которыхъ видно, что предметы сельской торговли не подлежали обложенію въ древнѣйшее время, или же можно указать на такіе свидѣтельства, изъ которыхъ видно, что шюдными ограниченіями въ этой торговлѣ являются „новшій“, нарушеніемъ древняго обычая. Уставная грамота Свислцкой волости, подтверждающая старину времени Выгонга, говоритъ о правѣ безпозволашаго торга волощанъ „звѣреть мохнатимъ“ и збожьемъ ⁶⁾. Люстрація Кременца передаетъ о „воль-

¹⁾ Акты З. Р., т. I, р. 176.

²⁾ Собраніе грамотъ гор. Вильны, т. II, р. 157, 160.

³⁾ Ibidem, т. I, р. 9.

⁴⁾ Ibidem, р. 33, 107.

⁵⁾ Напримѣръ Троямъ, ibidem, т. II, р. 167.

⁶⁾ Акты З. Р., т. II, р. 368.

ности“ мѣстныхъ мѣщанъ заниматься закупкой разныхъ продуктовъ въ селахъ ¹⁾; мѣстные крестьяне пользуются также правомъ продажи продуктовъ въ своихъ домахъ или на торгахъ ²⁾. Когда воевода витебскій панъ Иванъ Софійа сталъ притѣснять мѣстныхъ мѣщанъ и запрещать имъ свободную закупку сельскихъ продуктовъ, то мѣщане жаловались королю въ 1528 г., считая такое запрещеніе несправедливымъ ³⁾. Но, чѣмъ ближе къ половинѣ вѣка, тѣмъ стѣсненія сельской торговли становятся болѣе и болѣе рельефными: правительственные агенты стремятся наложить на нее руку съ чисто фискальной цѣлью. Это выражается различными способами. Такъ, напримѣръ, старосты южныхъ украинскихъ замковъ вводятъ правительственную продажу мѣстными крестьянами своихъ продуктовъ самимъ старостамъ, т. е. стремятся къ монополизированію торговли. Житомирскіе старосты держали мѣстныхъ крестьянъ „праве въ запорѣ“, не позволяя имъ вывозить изъ староства свои продукты — медъ, мѣхъ и воскъ и отнять, очевидно, побуждая продавать на мѣстѣ ⁴⁾. Около половины вѣка въ Каневскомъ и Черкасскомъ старостахъ уже твердо установился обычай, по которому весь прѣвѣный медъ, добываемый здѣсь, скупался мѣстными старостой по уставной цѣнѣ ⁵⁾. Впрочемъ, уже уставная грамота 1539 г. запрещаетъ черкасцамъ вывозъ меда въ Киевъ и устанавливаетъ таксу, по которой они должны продавать медъ старостѣ, несмотря на высоту рыночныхъ цѣнъ ⁶⁾. Стремленіе къ монополизированію встрѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ. Въ этомъ отношеніи любопытенъ вырокъ королевы Боны по жалобѣ волости Рогаченской на державцу своего Понельжинскаго (1548 г.). Волощане жаловались, что державца беретъ у нихъ всякую живность по назначенной имъ самими цѣнѣ. Королева запрещаетъ подобную монополизированную закупку, но зато предписываетъ новый порядокъ продажи крестьянами продуктовъ своего хозяйства: рогатый скотъ они должны продавать въ замкѣ, причежъ староста можетъ покупать у нихъ по торговой цѣнѣ; мелкій скотъ крестьяне могутъ продавать въ селахъ ⁷⁾. Такимъ

¹⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, р. 72.

²⁾ Ibidem, р. 112.

³⁾ Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. 209.

⁴⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 139.

⁵⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 10.

⁶⁾ А. З. Р., II, р. 353.

⁷⁾ Кн. Зап. Лит., XXXII, л. 14 об.—16 об.

образом крестьяне стѣснены въ торговлѣ въ селахъ и поставлены подъ контроль державца: это уже предверіе вотчинной монополіи.

Подобнаго рода попытка ограничить сельскую торговлю замѣтна въ весьма многихъ мѣстностяхъ. Онѣ исходятъ или отъ мѣстныхъ властей или отъ великокняжеской власти. Въ уставѣ 1529 г. Рѣвницкаго староства учрежденъ еженедѣльный торгъ въ центральномъ городѣ староства, но при этомъ въ мѣстностяхъ запрещена торговля въ селахъ. Изъ дальнѣйшаго текста грамоты можно догадаться и о цѣли такого постановленія: оно имѣетъ ввиду доставить державцѣ доходъ отъ помѣрнаго, важного и торговаго мѣста¹⁾. Въ уставной грамотѣ Могилеву 1536 г. установлено торговое мыто отъ круншаго скота при покупкѣ чужеземосцею у моголевца; но самимъ волошанамъ разрешается безмытная торговля между собою²⁾.

Предшествующіе факты показываютъ, что ограниченіе сельской торговли не является исключительнымъ обычаемъ и повсемѣстнымъ; наоборотъ, замѣтна явная тенденція со стороны уряда или верховной власти ограничить торговлю, подчинивъ ее фискальнымъ цѣлямъ. Сначала подобнаго рода тенденція исходитъ только отъ мѣстнаго уряда, но затѣмъ введеніе или ограниченіе получаютъ правительственную санкцію. Волошная устава еще молчитъ въ вопросѣ о сельской торговлѣ, но несомнѣнно въ это время уже вырабатывается взглядъ о широкоемъ ограниченіи ея. При посольствѣ Волчковича въ южную украинскую староства для установленія здѣсь новыхъ порядковъ, ему предписывается, между прочимъ, сдѣлать постановленіе о запрещеніи подданныхъ вывозить за границу медь: подданные должны продавать ея въ замкахъ на торгу, а старосты должны покупать медь по торговымъ цѣнамъ³⁾. Это постановленіе выходило за предѣлы вотчинной монополіи, потому что касалось и частновладельческихъ подданныхъ. Правда, постановленіе Волчковича запрещаетъ прижизненіе уставныхъ

¹⁾ Кн. Суд. Дѣл. Лит., IV, л. 262 об.—263 об.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XIX, л. 173—175.

³⁾ Приведемъ поддержку изъ названной „листки“ Волчковичу: „абы жаденъ с подданныхъ господарскихъ, и князьскихъ, панскихъ, и земскихъ не смели медь пренести вывонти за волостей тыхъ з замковъ за границу, одно на торгъ, въ своихъ староставахъ, а староста з никто иншій, не мають инъ вынотораго обрѣженя и крады чинити з таковыхъ медью и инъ уставою платити не брати, але куповати поспино. А хто бы за границу вывонти, на то староста сторожу маєт жити и все то, што больше при немъ бузеть знайдено, за медью травити, кромъ самого волно пустити“ (Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 416 об.).

цѣвъ, но это плохо мирится съ существовавшимъ здѣсь и уже извѣстнымъ намъ ограниченіемъ торговли медью со стороны старостъ. Поэтому постановленіе Волчковича надо разсматривать, какъ попытку къ болѣе общему введенію монополюющей скупки меда. Такого рода монополіи скарбу уже пытались установить вскарбъ послѣ введенія волочной уставы. Въ актахъ 60-хъ годовъ встрѣчается указаніе на то, что справца волочной помѣры Петръ Фальчевскій сдѣлалъ постановленіе, чтобы всѣ господарскіе подданные обязательно продавали половину добываемаго ими меда въ скарбъ; впрочемъ, скарбъ не справился съ этой монополіей, и она вскарбъ была отжѣнена⁴⁾. По уставѣ, данной Могилеву въ 1561 году, господарскіе мѣщане получаютъ разрѣшеніе на вольный торгъ по волости Могилевской, но частновладельческіе подданные имѣютъ вольный торгъ въ городѣ только въ торговые дни, а въ другіе должны продавать онгому⁵⁾; такая же

⁴⁾ Свидѣнія объ этой монополіи встрѣчаются въ нѣсколькихъ актахъ 60-хъ годовъ. Такъ, въ одномъ листѣ 1560 года изъ нѣкоторыхъ войтавъ Пискаго староства король говоритъ между прочимъ: „што першо сего з волы и росказана панского постановлено есть и черезъ листы наши росказано, аби подданные наши, люди волостные тамошней войтовствы Зарецкихъ... аки сами войтаве, такъ з неи люди оныхъ войтовствъ, къ тому з люди села Осонини половину меда з зерна бортового на насъ господаря давали“ (Кн. Зап. Лит., XLII, л. 61 об.—63). Однако это распоряженіе касалось не одного оборота меда. Въ листѣ къ нѣкимъ войтавамъ Слонимскаго староства (1562 г.) король приказываетъ, чтобы всѣ подданные, выходящіе борти въ королевскихъ пущахъ или живущіе въ пущахъ з волы пущами, „аки бы на насъ половину меда до лесничаго тамошнего слонимскаго Романа Ивановича дали и закончили аки у волости Пашекой“ (Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 53 об.). Во нѣкихъ другихъ случаяхъ дѣло идетъ о скупкѣ меда (онъ послѣзъ названіе „полушного“, ср. Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 220), а не объ оборотѣ. Вся операція была отжѣнена до 1566 г. Объ этомъ говорителъ въ господарской листѣ къ подскарбію земскому пану М. Нарушевичу Листъ вызванъ жалобомъ старосты баретовскаго и кобринскаго пана Ст. Довоини на скарбныхъ писарей, продолжившихъ къ Довоинѣ требованіе объ уплатѣ за полушній медъ. „Ку тому тежъ,—говоритъ король въ этомъ листѣ, што бывшій державца кишиневскій панъ Петръ Фальчевскій—справца дворовъ нашихъ во всемъ писарей нашихъ великомъ князствѣ Литовскомъ постановилъ бытъ, же вскарбъ подданные наши по волости меда вели на насъ господаря давати, а мы до такового волости медия з скарбу нашего немалии писании росказати уклонити; писали потомъ обачинши мы, же то было з шлодомъ скарбу нашего, а больше и обрѣженіемъ подданныхъ нашихъ, тое постановленіе наша Фальчевскаго волости отжѣно на сторону оубожити. А аки з листи нашего господарского вскарбъ подданнымъ нашимъ панства нашего великого князства Литовского тое полушное медю отпущено быть“, почему король приписываетъ подскарбію не „дривати“ съ Довоини деньги за медъ (Кн. Зап. Лит., LI, л. 33).

⁵⁾ Листъ З. Р., т. III, гл. II, 2—113.

вольность дана была тогда же и Рязнцким мѣщанам¹⁾. Это были пока подумьры, которыя положили прочную основу для избытительства волостной власти въ сельскую торговлю. Устава волостямъ 1620-хъ годовъ уже принимаютъ рѣшительна мѣры противъ сохранявшихся тогда еще остатковъ торговли въ селахъ²⁾.

Уже изъ предыдущаго вида стремленія скарба къ ограниченію торговли и подчиненію ея фискальнымъ видамъ не только въ области государственныхъ добръ. Конечно, при слабости великокняжеской власти скарбовыя предпріятія не могли далеко выйти за предѣлы доменіальной территоріи. Однако можно указать и на нѣкоторые шаги въ этомъ направленіи, какъ напримѣръ, предоставленіе Мартину Палецкому въ 1552 г. монополіи по производству стекла и суконъ привоизного³⁾, или привилей евреямъ Докторовичу и Езюровичу на устройство въ Вильнѣ ссудной кассы подъ залогъ движимости⁴⁾. Шляхта неодобрительно относилась ко всякимъ попыткамъ установленія со стороны великокняжеской власти монополій, выходившихъ за предѣлы государственныхъ добръ; такъ, она протестовала противъ монополій на стекло⁵⁾, а Третій Статутъ уже заключаетъ въ себѣ постановленіе, ограничивающее великокняжескую власть по отношенію къ монополіямъ (Раздѣлъ III, арт. 51).

Но если великокняжеская власть была останавливаема шляхтою въ своихъ попыткахъ къ введенію монополій внѣ области государственныхъ добръ, то зато она широко пользовалась своими правами раздачі привилегій, создававшихъ цѣлую сеть пренятствій для торговли. Такое значеніе имѣли привилегіи, выдаваемая частнымъ землеладельцамъ на ярмарки, торги, сборы проѣзжихъ мятъ, склады товаровъ⁶⁾ и пр. Весть этимъ создавались серьезныя неудобства для

¹⁾ Акты З. Р., т. IV, р. 129.

²⁾ Акты Виленс., т. XXV, р. 154 и 328.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XXVIII, л. 132, XXXV, л. 89. Грамоты гор. Вильны, т. I, р. 94. Описание рук. отд. Вил. губ. библ., в. III, р. 60.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., XXXV, л. 52 об.

⁵⁾ Акты Зап. Р., т. III, р. 127.

⁶⁾ О ярмаркахъ и торгахъ намъ еще придется говорить. Здѣсь мы приведемъ выдержку изъ королевскаго листа Кременцу на устройство склада для того, чтобы вывезти съ собою, заключалась сущность этой привилегіи. Король такъ ее опредѣляетъ: «даданъ есмо и сямъ листомъ нашимъ наданомъ и дозволеномъ имъ складъ роденый въ тамошнемъ мѣсте паномъ Кременцкомъ маетъ и вивнати такъ, какъ подданце наши оного мѣста Кременцкаго маетъ за того ласкою паномъ и видальцемъ нашимъ оную соль белую толстую въ жупъ русскихъ тамъ до Кременца

торговли, и товары при ихъ передвиженіи и обаянѣ были облагаемы множествомъ мелкихъ и разнообразныхъ пошлинъ. Но въ этой погонѣ за облаженіемъ предметовъ потребленія за одно съ правительствомъ дѣйствуютъ вся шляхта. И великокняжеская казна, и земледѣльцы принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы получить участіе въ той прибыли, которую должны купецъ вывезти отъ торговли товаромъ. Производство также стѣснено, потому что съ развитіемъ пѣщаннаго права расширилось и цеховое устройство; въ западной Россіи оно, конечно, имѣло такія же послѣдствія, какъ и вездѣ въ западной Европѣ. Если ко всему этому добавить еще высокія государственныя пошлины, то весьма понятнымъ станетъ то обстоятельство, что уже въ эпоху Ливонской войны замѣтно нѣкоторое замѣшательство въ торговыхъ дѣлахъ и сильное увеличеніе цѣнъ. Съ этимъ зломъ Литовско-русская шляхта, подобно польской¹⁾, начинаетъ бороться путемъ установленія такса на продаваемые продукты первой необходимости и произведенія ремеслъ²⁾.

При изученіи отмѣченныхъ явленій, т. е. стѣсненія торговли, роста шляхетскихъ привилегій, направленныхъ къ той же цѣли, отношенія шляхты къ торговлѣ, надо, конечно, имѣть виду, что въ данномъ случаѣ мы присутствуемъ только въ періодъ роста шляхетскаго сословія и порабощенія его интересамъ интересовъ другихъ сословій. Въ XVII в. указываемыя явленія принесли уже свои плоды, пагубно отразившись на всѣмъ экономическомъ строѣ страны. Но для насъ отмѣченное зачатки того положенія вещей, которое въ послѣдующее столѣтіе сдѣлалось общей порчей, интересны потому, что объясняютъ духъ времени и тотъ путь, на который становилось государство въ отношеніяхъ финансовыхъ и социальныхъ. Указанное нами общее направленіе конца изучаемаго періода проходитъ красною нитью въ исторіи

на складъ привозити для пожитку своего мети и продавать; а люди княжеские панские и земляные въ томъ край привезти, которые похочутъ торговати солью такъ же провозити въ жупъ русскихъ видѣ видѣ, одно тамъ на тотъ складъ Кременцкой привозити маетъ, не вивнати двѣ провозити вивнати дорогами, кроме на Кременецъ; и тое ласки и вазанца паномъ они узнати маетъ, возде черного и теперешнего листу паномъ...» (Кн. Зап. Лит., I, л. 189—190, 1569 г.). Ср. привилегію Гроднѣ, А. Ю. З. Р., I, р. 206.

¹⁾ Collectanea ex Archivis Collegii Juridici, t. I, Krakow, 1895, р. 37 сл.

²⁾ Акты З. Р., т. III, р. 57, 128; Документы Моск. Арх. Муз. Юст., т. I, р. 165, 461; Собраніе грамотъ гор. Вильны, I, 86—9; А. Ю. З. Р., I, 112; Кн. Зап. Лит., XXVII, л. 49—51 об., XXXI, л. 103 об.

косвенных налогов, равно как и в других отраслях финансовой политики Литовско-русского государства.

2. Внутренняя таможенная и торговая пошлины.

Внутренняя таможенная пошлина взималась при передвижении товаров в странах, напр., на мостах, греблях и пр., или при ввозе их в город, или при провозе через него, или вообще, через заставу; торговые пошлины взимались при переходе предмета потребления от продавца к покупателю, при чем чаще всего в тот момент, когда правительственная или общинная власть признавала к удостоверению правильности веса и меры продаваемого продукта. Торговые пошлины взимались только с товаров, а пошлины на заставах и перебедах надали иногда на товары, а иногда и на лиц, сдвигавших с товаром или без него. Среди последних рода пошлины провозная и ввозная, проездная и въездная.

Самой распространенной въездной и ввозной пошлиной была *обвеса* или *лика*. Термин этот употреблялся иногда то в более широком смысле, то в более узком. В первом случае обвеса имела значение извещения правительственных органов города о прибытии в него тех или иных лиц (обвеса отъ обвѣстити); разумется, это извещение оплачивалось. Так, в южных украинских землях казаки, прибывая в город, являлись к старосте и платили „обвѣсту“, в Виннице она давалась, напр., в размере трех грошей¹⁾, в тех же землях взималась обвеса с лиц, приходивших в город и желавших поселиться на замковой земле; в Житомирѣ такая обвеса взималась в размере 12 гр.²⁾ Иногда лика от крестьян, вносивших свои платки наместникам, называлась потому „обвѣстным грошем“³⁾. Однако под обвѣстой обычно разумелся известный вид таможенного сбора. В тех же украинских землях повсеместно взималась обвеса при провозе купцами товаров. Она уплачивалась всегда независимо от торгового и провозного мита, так как главное ее значение заключалось в извещении о прибытии товаров. В Черкассах мѣстный староста полу-

¹⁾ Архив Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 604.

²⁾ Ibidem, p. 147.

³⁾ А. З. Р., т. II, р. 367.

чал по одному грошу обвѣтки от каждого, прибывавшего в город торговца; ее платили и те из купцов, которые имѣли безмытные листы⁴⁾. В Каневѣ обвѣтка взималась в пользу старосты по грошу „от головы“ торговца⁵⁾; то же практиковалось и в Киевѣ⁶⁾. Одна грамота 1499 года рассказывает о „давномъ обычаѣ“, по которому каждый киевский мѣщанин, если у него в домѣ останавливался купец или казакъ, обязанъ был „обвѣстити“ объ этомъ воеводу под угрозой большого штрафа⁷⁾. В Черныбѣ обвѣтка взималась по одному грошу какъ от „старшое головы“, т. е. от хозяев, так и от слуг их⁸⁾. Повидимому, предшествующие факты имѣютъ ввиду взиманіе обвѣтки какъ съ мѣстныхъ купцов, ввозящихъ товары, так и отъ иностранцевъ. Это поясняетъ иллюстраціи Остерскаго староста 1552 года; здесь, между прочимъ, допускалось взиманіе обвѣтки или „отъ головы“, или отъ воза, — конечно, вь расчетѣ, что съ возомъ товара слѣдуетъ не болѣе одного человека, такъ какъ съ прибывавшихъ рѣкою на коняхъ взималось по грошу обвѣтки отъ каждого человека⁹⁾. Впрочемъ, иногда мѣстные обычаи при взиманіи обвѣтки дѣлають различіе между иностранцами, мѣстными и иностранцами купцами. Смоленская уставная грамота упоминаетъ о древнемъ обычаѣ, по которому взвѣстка (т. е. та же обвѣтка) бралась здесь только на иностранцахъ — москвичахъ и тверичахъ, а отъ купцовъ соседнихъ городовъ ее не брали; этотъ обычай возникъ ввиду обоюдныхъ выгодъ, такъ какъ жители соседнихъ городовъ съ своей стороны не взимали обвѣтки на смолянцахъ. Такое условіе было вполне возможно при господствѣ удѣльныхъ порядковъ, пока мытные сборы находились вь рукахъ общинъ, охотно дѣлавшихъ обоюдныя уступки. Однако съ усиленіемъ правительственной власти различіе смоленскіе стали нарушать старину¹⁰⁾. Вь некоторыхъ городахъ обвѣтка именовалась *ликой*¹¹⁾. Вь Полоцкѣ лика взималась отъ гостей „въ голову“ по два гроша широкихъ¹²⁾ (замѣтимъ, что обвѣтка взималась не только вь господарскихъ

⁴⁾ Архив Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 82.

⁵⁾ Ibidem, p. 96.

⁶⁾ Ibidem, p. 112.

⁷⁾ А. З. Р., т. I, р. 194.

⁸⁾ Архив Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 589.

⁹⁾ Ibidem, p. 595.

¹⁰⁾ Яценкичъ, р. 148.

¹¹⁾ Собраніе грамотъ гон. Вазлы и пр., т. I, р. 197.

¹²⁾ Scriptores rerum polonicarum, т. V, р. 190.

городахъ, но и въ частновладельческихъ¹⁾). Изъ сказаннаго ясно значеніе обѣстки или явки, какъ извѣщенія уряда о прибытіи товара или лица въ городъ. За моментомъ уплаты обѣстки уже слѣдовало взиманіе таможенныхъ пошлинъ въ собственномъ смыслѣ. Поэтому обѣстка бралась не только съ лица, провозившихъ товары внутри страны, но также и при ввозѣ товаровъ изъ-за границы. Какъ видно, она падала преимущественно на лицо, а не на предметы потребленія; поэтому обѣстка, въ извѣстной мѣрѣ, отличается отъ таможенныхъ пошлинъ въ собственномъ смыслѣ. Цель ея—фискально-полицейская и въ этомъ смыслѣ западно-русская обѣстка вполне аналогична явкѣ, взимаемой въ Московской Руси²⁾. Указанная цель ея ясна уже изъ повсемѣстнаго распространенія обѣстки, а также изъ того, что кучи обязаны были объявлять уряду о своемъ прибытіи; то же должны были дѣлать горожане, у которыхъ оставались кучи, или вообще прибывшія лица. Разумѣется, при тогдашнемъ устройствѣ администраціи услѣдить за названными лицами было не всегда легко. Вотъ почему однимъ изъ мотивовъ постройки гостиницъ домовъ обыкновенно являлось то обстоятельство, что кучи, оставаясь въ частныхъ домахъ, начинаютъ торгъ безъ явки и, слѣдовательно, безъ уплаты мита; среди такихъ кучцовъ могутъ быть „ловушки“ и другіе „лихіе люди“, какъ объясняли Визенцы королю³⁾.

Съ обѣсткой, какъ съ личной пошлиной, имѣетъ сходство пошлина, называвшаяся головничной. Она взималась весьма рѣдко. Такъ, царь Петръ Кирдей взималъ въ своемъ Волыномъ имѣніи Свѣной по 12 гр. отъ „головы“ съ тѣхъ людей, которые шли на Волынь „на покормъ“⁴⁾. Головничина взималась также въ некоторыхъ восточныхъ волостяхъ. Рядомъ съ нею надо поставить и пошлину, называвшуюся при описи товара⁵⁾. Полное сходство съ головничной, по способу взиманія, имѣютъ пошлины, которыя бралась въ некоторыхъ случаяхъ отъ людей, переходившихъ черезъ мосты и гребли безъ товаровъ; однако въ источникахъ эта послѣдняя пошлина не называется головничной, но считается мостовымъ.

¹⁾ Памятники Киев. Ком., т. IV, отд. II, р. 131.

²⁾ Осоминъ, Внутр. тамож. пошлины, р. 50.

³⁾ Собраніе грамотъ гор. Визвы, т. I, р. 17.

⁴⁾ Памятники Киев. Ком., т. IV, отд. II, р. 132.

⁵⁾ А. Ю.-З. Р., т. I, р. 179.

Перейдемъ теперь къ пошлинамъ, которыми облагались товары при ихъ передвиженіи по странѣ. Среди этого рода пошлинъ можно различить двѣ группы; къ первой изъ нихъ слѣдуетъ отнести пошлины, взимаемыя государствомъ, общинами или частными земледельцами ввидѣ платы за какую-нибудь реальную услугу съ ихъ стороны проѣзжающимъ лицамъ. Онѣ, въ извѣстной мѣрѣ, носятъ характеръ налоговъ, такъ какъ оплата услугъ несравненно выше ихъ стоимости. Къ другой группѣ пошлинъ надо причислять тѣ изъ нихъ, которыя составляютъ налоги въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ при взиманіи ихъ преслѣдуются только фискальныя цели, не оправдываемыя предложеніемъ услуги со стороны государства или частнаго лица. Къ числу перваго рода пошлинъ относятся сборы при перѣздѣ черезъ мосты, гребли и перевозки. Эти сборы носили названіе мита мостового, гребельнаго, мита на перевозахъ; сюда же надо отнести и мито, собиравшееся при проходѣ рѣчныхъ судовъ черезъ сѣи и подъ мостами; источниками объясняютъ необходимость сбора послѣдняго мита тѣмъ, что проходившія суда и плоты портили сѣи и мосты и тѣмъ причиняли убытки и хлопоты владѣльцамъ. Нося разнообразныя названія, эти мита различались по способу и размѣрамъ взиманія. Мы отмѣтимъ здѣсь только фактъ расчлененія некоторыхъ изъ этихъ митъ¹⁾. Интересный въ этомъ отношеніи фактъ рассказываетъ люстрація Луцкаго замка 1545 года. Мѣстный ключникъ собиралъ подѣ Луцкомъ „потемное“ мито, т. е. не разрѣшенное государемъ, такимъ образомъ; онъ взималъ отдѣльно мито отъ гребли при дворцѣ Гиндовѣ и отъ гати, прилегающей къ городу, слѣдовательно на двухъ концахъ одной и той же гребли; сверхъ того онъ взималъ съ кучцовъ мито „отъ примостку“, т. е. отъ подъѣзда къ мосту²⁾.

Мита, носившія чисто фискальныя цѣли, взимаемыя при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Самый сборъ носилъ обыкновенно общее названіе мита, спеціальныя же термины весьма не многочисленны. Люстрація воланскихъ замковъ включаетъ въ себѣ многочисленныя указанія на такія проѣзжія мита такъ законопеченна велико-княжескою властью, такъ и „новыми митенныя“. Некоторые особая названія митъ встрѣчаются здѣсь только при расчлененіи ихъ. Такъ, въ некоторыхъ мѣстностяхъ здѣсь взималось присадное; присаднымъ назы-

¹⁾ Въ широкомъ смыслѣ мито означало вообще плату, отсюда „служить съ мита“ (Акты Вол., XVII, р. 419).

²⁾ Памятники, Киев. Ком., т. IV, отд. II, р. 175.

жалось мыто отъ челдинка, котораго хозяинъ комлягъ нанималъ на мѣстѣ и вывозилъ съ собою. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ при мытѣ взимался еще грошъ *пропойной, калачи, торихи*. Особую надбавку къ мыту составлялъ сборъ отъ „*помощнаго шоста*“ на комлягахъ. Здѣсь же на Волынѣ взималось еще мыто, известное подъ названіемъ *тридцатишо*¹⁾; оно взималось отъ товаровъ, которые вывозили на комлягахъ при обратномъ ихъ слѣдованіи²⁾.

Вообще же эти мыта собирались или при слѣдованіи судовъ по рѣкамъ, или при провозѣ товаровъ черезъ города и села, или на пристаяхъ. Иногда мыто получало специальное названіе по способу его взиманія. Такъ, въ Кіевѣ бралось на костель св. Николая мыто на пристани, известное подъ названіемъ „*поколднаго*“ потому, что оно взималось отъ жита, извѣрившагося колодою³⁾. Тамъ же въ Кіевѣ особый видъ мыта отъ комлягъ, уходившихъ внизъ по Днѣпру, носилъ названіе *корювины*⁴⁾.

Обоими видами провѣзкаго мыта было мыто, взимаемое отъ провозимой соли и отъ проходившихъ каравановъ. Мыто отъ каравановъ встрѣчается только въ южныхъ украинскихъ замкахъ. Право на сборъ солинаго мыта давалось весьма рѣдко великимъ князьямъ частнымъ лицамъ и мѣстному граду. Сборъ солинаго мыта тоже преимущественно встрѣчается въ тѣхъ же замкахъ и на Волынѣ. Ружумбегей, мыто солиное и отъ каравановъ, собиравшееся въ замкахъ и селахъ, надо отличать отъ таможенныхъ сборовъ, взимаемыхъ съ тѣхъ же предметовъ на пограничныхъ таможахъ. Такъ, старосты черкасскіе взимали съ каждого „десятка соли“ (подъ десяткомъ, вѣроятно, подразумеваютъ артель солепромышленниковъ), приходившей съ юга, „по ковшу“ вѣсомъ въ одинъ бѣмѣвъ. Впрочемъ, староста князь Пронскій сталъ собирать отъ каждого человека, сколько бы ихъ ни было въ десяткѣ (вѣроятно потому, что въ артели, называвшейся десяткомъ, могло быть больше или меньше десяти человекъ) по два бѣмѣна соли; сверхъ того тотъ же староста взималъ съ каждого же десятка „по котлу десятчному“ (очевидно, служившему для выварки соли) и по ковшу и еще бѣмѣвъ съ каждого десятка тоже по котлу⁵⁾. Въ Кіевѣ на поеводу взималось мыто отъ каждого члена соли, привозимой синау

¹⁾ Ibidem, p. 130—131.

²⁾ Акты Лит.-рус. гос., т. I, p. 148.

³⁾ Акты З. Р., т. I, p. 145.

⁴⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, p. 83.

по Днѣпру, по камню, а отъ бѣлой соли, привозимой изъ Польши черезъ Подолію, давали по триста „головажекъ“ отъ воза („отъ воза великаго и малаго“)¹⁾. Во многихъ волынскихъ частновладельческихъ имѣніяхъ тоже взималось солиное мыто. Такъ напримѣръ, великій кн. Витовтъ, пожаловавъ въ 1407 году Ильѣ Вячквичу рядъ сель на Волынѣ, между прочимъ далъ ему и сборъ солинаго мыта—въ размѣрѣ одного гроша отъ воза²⁾. Люстрація волынскихъ замковъ представляетъ не мало фактовъ сбора солинаго мыта. Тутъ способы его взиманія были довольно разнообразны. Такъ, ключникъ луцкій взималъ отъ прасоловъ, привозившихъ соль въ Луцкъ (кромѣ мѣщанъ луцкихъ) по полу-гроша отъ воза, отъ каждого вола, выраженного въ телѣгу, по пенязю и сверхъ того еще 60 толпъ соли; кромѣ того за паштбу воловъ, на которыхъ везли соль, по три пенязя отъ каждого и по 15-и толпъ соли³⁾. Также въ Луцкѣ кн. Заславскій взималъ „повошамышенное мыто“ по 60 головажекъ (головажки равнялись толпѣ соли) отъ телѣги соли, привозимой прасолами, а отъ телѣги, привозимой мѣщанами, по 30 головажекъ⁴⁾. Въ Кременецкомъ повѣтѣ князь Андрускій бралъ въ имѣніи Шенетинъ по 10 головажекъ соли отъ воза⁵⁾. Солиное мыто взималось также и въ нѣкоторыхъ другихъ частновладельческихъ имѣніяхъ Волынской земли, напримѣръ, въ имѣніяхъ князей Острожскихъ, въ имѣніяхъ, принадлежавшихъ некогда Олгару Шиловицу⁶⁾, и другихъ. Впрочемъ, повторяемъ, сборъ солинаго мыта былъ сравнительно рѣдкою привилегією для частновладельческихъ имѣній и замковыхъ урядовъ.

Мыто отъ каравановъ, шедшихъ съ восточными товарами съ юга въ Московію и въ предѣлы Литовскаго княжества, собиралось на старосты почти во всѣхъ южныхъ замкахъ. Довольно подробная свѣдѣнія о караванной торговлѣ сообщалъ писатель, извѣстный подъ именемъ Михалона Литвина. По его словамъ, караванами привозились съ юга дорогіе камни и шелковыя ткани, ладанъ, благовонія, шафранъ, перцы и другія пряности; родина этихъ товаровъ Персія, Индія, Арабія и Сирія; кромѣ Москвы восточные товары черезъ предѣлы Литов-

¹⁾ Ibidem, p. 112.

²⁾ Акты Лит.-рус. гос., т. I, p. 2.

³⁾ Памятовка, Киев. Кож., т. IV, отд. II, p. 175.

⁴⁾ Ibidem, p. 176.

⁵⁾ Ibidem, p. 226.

⁶⁾ Акты Лит.-рус. гос., в. I, p. 95.

саго княжества направлялись еще въ Швецію и Данію. Мѣстомъ отправления каравановъ былъ черноморскій портъ Кафа. Караваны достигали иногда весьма обширныхъ размѣровъ: сопровождавшій отрядъ обозъ достигалъ иногда тысячи человекъ; это вполне понятно ввиду небезопасности пути по Черноморскимъ степямъ. Проходъ каравана доставлялъ большую выгоду не только старостамъ, но также и мѣстнымъ жителямъ: „при проходѣ каравана значительные доходы получаютъ кievскіе жители: воеводы, мытники, купцы, мѣшники, лодочники, извозчики, трактирщики и шинкари, и обстоятельство это не вызвало понынѣ ничьихъ жалобъ, ни со стороны москвичей, ни турокъ, ни татаръ. Киевляне пользуются выгодами отъ каравановъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда эти послѣдніе, проходя зимою черезъ степи, сбиваются съ пути и гибнутъ подъ сибѣжными заносами“¹⁾. Правда, караваны проходили не часто. Въ различныхъ замкахъ сборы съ каравановъ носили неодинаковый характеръ. Въ некоторыхъ случаяхъ эти сборы имѣли видъ подарковъ старостѣ, въ другихъ—пошлины. Такъ, люстрація Черкаскаго староства перечисляетъ подарки, которые староста и подстароста получали отъ каравана, шедшаго изъ Орду (старостѣ давалось: камка александрійская на золотѣ, антра шолку, коверъ, тебенки, сафьянъ, тижини; подстаростѣ: чамлатъ, сафьянъ, поль антра шолку, гривелка перцу), или возвращавшагося въ Орду (въ этомъ случаѣ старостѣ давалось: шуба лисья, сагайдакъ, сѣдло, шлыгы зисей). При этомъ, если караванъ шель рѣкою, то купцы обязаны были нанимать лодки только у Черкашанъ, за что послѣдніе давали старостѣ по золотому отъ челна²⁾. Такого же рода сборомъ съ каравана пользовался и каневскій староста; но сверхъ разныхъ вещей, получаемыхъ имъ, купцы давали ему еще „поклоны и подарки въ доброе воли“; условіи прохода рѣчного каравана заключались въ томъ, что купцы нанимали челны исключительно у дѣдухъ мѣшаль, за что послѣдніе платили старостѣ по золотому отъ челна. Люстрація Канева передаетъ жалобу мѣстнаго старосты нана Хрщоновича на кievскаго воеводу: послѣдній направилъ караванъ, пришедшій изъ Москвы въ Кіевъ, („караванъ не малый, близко ста возовъ“), мимо Черкасъ и Канева въ Орду, а не по обычной дорогѣ³⁾; такіе узловки, конечно,

¹⁾ Мемуары, отв. къ исторіи Южной Руси. В. I, Кіевъ, 1890 г., р. 51—52.

²⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 82.

³⁾ Ibidem, p. 96.

дѣлались съ цѣлью избѣжать старостинскихъ сборовъ. Въ Кіевѣ съ начала XVI вѣка сборъ головного мыта переходить къ старостѣ по пожалованію короля Сигизмунда I; это мыто вималось по расцѣнкѣ отъ копы грошей, по два гроша, но кромѣ того воевода получалъ „поклоны по доброй воли дають, а Турковъ идучи речами едвабыми, а в Москву свободныи и иныими, товара тамошними“¹⁾. Въ Житомирѣ мыто отъ каравана вималось въ очень больномъ размѣрѣ, именно по шести грошей отъ копы, т. е. въ размѣрѣ одной десятой съ отдѣльной стоимости товаровъ. Впрочемъ, здѣсь караваны проходили очень рѣдко: по словамъ люстраціи 1552 года въ течение 20-и лѣтъ прошло всего два каравана²⁾. Замки Остеръ и Мозырь были послѣдними этапными пунктами, на которыхъ вималось мыто отъ каравановъ. Такъ, въ Остерѣ староста получалъ отъ каравана „поклоны товаромъ“, за что онъ „читилъ“ купцовъ и давалъ имъ стацію; подстароста получалъ по грошу отъ человека, сѣдовавшаго съ караваномъ³⁾. Въ Мозырѣ сборъ съ каравановъ вимался въ такомъ же размѣрѣ, какъ и со всякаго другого товару или даже съ порожняго дубчскаго воза,—именно по два съ половиной гроша отъ воза⁴⁾. Весьма понятно, почему Остеръ, Мозырь и, вѣроятно, Житомиръ являлись послѣдними этапными пунктами по сбору караваннаго мыта: если караванъ черезъ Кіевъ поварачивалъ на Москву, то Остеръ являлся послѣднимъ замкомъ въ предѣлахъ Литовскаго государства; если караванъ направлялся въ предѣлы послѣдняго, то, начиная отъ Житомира и Мозыря, способъ караваннаго передвиженія былъ не нужнее вѣдѣствіе полной безопасности пути, и товаръ, пришедши, въ караванѣ сѣдовалъ къ мѣсту назначенія, какъ и всякій другой. Изъ сказаннаго о сборѣ проѣзжаго мыта съ каравана видно, что оно собиралось только въ господарскихъ замкахъ старостами. Способъ виманія былъ не одинаковъ: въ некоторыхъ мѣстностяхъ оно вималось отъ каравана вообще (Черкасы, Каневъ), въ другихъ по расцѣнкѣ товара (Житомиръ), по вѣшнему припауку (въ Мозырѣ) или видѣ подарка (въ Кіевѣ и Остерѣ).

Познакомившись съ различными видами проѣзжихъ мытъ, мы теперь перейдемъ къ вопросу о способахъ виманія пошлины. По отно-

¹⁾ Ibidem, p. 112.

²⁾ Ibidem, p. 146.

³⁾ Ibidem, p. 595.

⁴⁾ Ibidem, p. 617.

шенію къ караванному мыту и отчасти къ соляному этотъ вопросъ уже нами разсмотрѣнъ; караванное мыто носитъ особый характеръ, почему это мыто и разсмотрѣно нами отдѣльно отъ другихъ. Иное дѣло такіа мыта, какъ мостовое, гребельное и пр. Они общи всему государству, а въ отношеніи способовъ взиманія пошлины представляютъ полное тождество приемовъ. Поэтому нѣтъ нужды исследовать отдѣльно, какъ взималось мостовое, гребельное и пр. Въ способахъ взиманія этого рода проѣздныхъ пошлинъ можно указать на нѣкоторые общіе принципы, примененіе которыхъ встрѣчалось въ разныхъ мѣстностяхъ государства. Это не мѣшало однако обычаю и государственной власти вводить различный размѣръ сборовъ, тождественный приемъ сбора въ различныхъ мѣстностяхъ и очень несходные приемы въ одной и той же мѣстности и пр. Въ этомъ случаѣ все зависѣло отъ массы самыхъ разнообразныхъ случайностей; размѣръ мыта повышался или понижался въ зависимости отъ труда и расходовъ, понесенныхъ на устройство мостовъ, гатей, или отъ причинъ, которыми вызывался сборъ, напр., когда мыто давалось для сбора денегъ на укрѣпленіе города и пр.; конечно, можно предвидѣть, что размѣръ мыта могъ зависѣть и отъ положенія лица, испрашивающаго право на этотъ сборъ. Въ способахъ сбора мыта встрѣчаемъ пошатки взимать пошлины то собразно цѣнѣ товаровъ, то по чисто вѣщиннымъ признакамъ; иногда пошлины принимаютъ характеръ личного налога, иногда онѣ исключительно падаютъ на предметы. Разсмотримъ теперь, какъ именно собирались мостовое, гребельное и пр.

Въ однихъ случаяхъ мыто взималось со всѣхъ привозимыхъ товаровъ и даже съ проходящихъ людей, въ другихъ случаяхъ обложенію подлежали только такъ называемые „купеческіе“ товары, т. е. предметы, транспортируемые для продажи. Признаки, по которымъ опредѣлялся размѣръ пошлины, были въ общемъ весьма грубы. Чаще всего встрѣчаемъ опредѣленіе размѣра мыта отъ воза; при этомъ въ однихъ случаяхъ облагались только возы, на которыхъ везли казеннубуды товары (мыто отъ „накладного“ воза), въ другихъ мѣстахъ обложенію подлежали и порожіе возы. И въ томъ и въ другомъ случаѣ размѣръ мыта былъ не одинаковъ. Такъ, на Волынѣ встрѣчаемъ размѣръ мыта отъ всякаго воза, (т. е. отъ накладного и порожняго) въ одинъ грошъ, въ полъ гроша и въ три пенязя; при этомъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мыто взималось „на обѣ руки“, т. е. при про-

ѣздѣ торговца въ одну сторону и обратно¹⁾. Такой способъ обложенія практиковался и въ другихъ мѣстахъ²⁾. Здѣсь же, на Волынѣ, въ другихъ мѣстностяхъ взималось землевладѣльцами мыто отъ накладного воза въ размѣрѣ отъ половины до двухъ съ половиною грошей³⁾. Признакомъ для опредѣленія размѣра мыта въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ служило количество лошадей, запряженныхъ въ телегу⁴⁾. Рѣчное мыто взималось отъ рѣчныхъ судовъ—коматъ, струговъ, челновъ и др., или отъ плотовъ. И въ этомъ отношеніи размѣръ мыта былъ не одинаковъ, напр., на Волынѣ отъ коматъ давали отъ 3 до 12 грошей⁵⁾, Рогачевѣ—на Днѣпрѣ отъ коматъ платили по полъ-коши, а отъ меньшихъ судовъ отъ 3 до 15 грошей⁶⁾. Иногда мыто взималось только отъ „купеческаго“ воза, тогда какъ отъ истрогощихъ не брали⁷⁾. Во многихъ случаяхъ мытная такса отличалась болѣею сложностью, такъ какъ обложенію подлежали не только возы съ товаромъ, но и дѣлалось различіе между возами купеческими, мужицкими и шляхетскими; облагались также и скотъ, перевозимый черезъ мосты и гребли. Однообразной таксы и въ этомъ случаѣ не существовало⁸⁾. Только въ южныхъ украинскихъ замкахъ мы встрѣчаемся съ

¹⁾ Памятники Кіев. Арх. Коп., т. IV, ч. II, ревизія земковъ наприрѣдѣ, въ селахъ Горбаковѣ, Здѣнежѣ, Войсѣчи, Войничѣ, Хоболтовичахъ и др.

²⁾ Наприрѣдѣ, Грамоты к. Вальны, т. I, р. 62, 154; ср. Кіев. Зап. Лит., XXXV, л. 156 (привезъ къ Ивану Масальскому на мостовое мыто въ Олександрѣ на рѣкѣ Сислаци).

³⁾ Напр. во Владимірѣ, Ровнонѣ, Половомѣ, Чернеховѣ и др. Памятники, I, с.; Кіев. Зап. Лит., XII, л. 413 об.—414 об., Кіев. Зап. Лит., XIV, л. 249.

⁴⁾ Памятники I, с.

⁵⁾ Памятники, I, с. Въ Полоцкѣ платили по грошу отъ струга (Кіев. Зап. Лит., XIV, л. 107). Размѣръ мыта, взимаемаго на враздъ войскаго лудкаго, составлялъ 12 грошей (Кіев. Зап. Лит., XLVII, л. 34 об.).

⁶⁾ Приведемъ таксу Рогачевского мыта: отъ коматъ полъ-коши грошей, отъ полъ-коматка по 15 грошей, отъ варома—12 грошей, отъ челна 6 грошей и отъ малого челна 3 гроша (Кіев. Зап. Лит., XXXVI, л. 39 об.). Ср. таксу на мытѣ въ Стрѣшинѣ, Кіев. Зап. Лит., XXXVII, л. 158—159.

⁷⁾ Бершадскій, т. I, р. 88.

⁸⁾ Для полненія сказаннаго приведемъ слѣд. факты. Кіев. Лубашъ-Свирскій получилъ мостовое мыто на рѣкѣ Клевенѣ (отъ людей торговыхъ, купеческихъ и отъ вельныхъ съ товарами переждныхъ), при чемъ ему была утверждена слѣд. такса: отъ воза, запряженаго паромъ лошадей—5 пенязей, отъ воза съ дѣскими товаромъ—2 пенязя, отъ человѣка „еднаго, простого“—2 пенязя, отъ пѣнаго—1 пенязь, отъ рогатаго скота по 3 пенязя отъ головы, а отъ мелкаго по 1 пенязю, отъ проходящихъ по мостамъ судовъ по 1 пенязю (Кіев. Зап. Лит., XLVIII, л. 52). П. М. М. Радивицъ получилъ привезъ на мостовое мыто въ Богущовѣ съ такой таксой: отъ

менше грубыми приемами обложения: здесь проѣзжее и торговое мыто взималось по двѣмъ товаровъ, напр. въ Черкассахъ брали по 3 гроша отъ коня, въ остальныхъ замкахъ по 2 гроша¹⁾. Уже выше было указано, что при взиманіи мыта иногда дѣлалось различіе между мѣстными жителями и иногородними. Иногда съ мѣстныхъ жителей совсемъ не бралось мыто, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда сборъ находился въ распоряженіи городскихъ общинъ²⁾, иногда же устанавливался обычай, по которому съ мѣстныхъ жителей мыто взималось въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ съ иногороднихъ³⁾. Отличіе мѣстныхъ жителей отъ иногороднихъ вело иногда къ тому, что первые вносили постоянный сборъ отъ дома или по какому-нибудь иному окладу владѣльцу или арендатору мыта⁴⁾. Для полноты описанія отмѣтимъ существованіе и такихъ фактовъ, когда установленной таксы совсемъ не было, а владѣльцу сбора предоставлялось входить съ проѣзжающими каждый разъ въ особое соглашеніе, — «почемъ ся взоветъ»⁵⁾.

бочки товару, отъ каждаго «дѣла» по одному грошу, отъ лошади въ телегѣ по одному грошу, отъ крупнаго скота по полу гроша, отъ мелкаго скота по бѣзому пенязю, отъ пѣшаго человека по одному пенязю (Кн. Зап. Лнт., VIII, л. 356). П. Стан. Тенчинскій получилъ въ 1854 г. листъ на сборъ мостового мыта въ своемъ имѣніи Сематичахъ на Бугѣ съ такой таксой: отъ каждаго коня въ телегѣ съ товаромъ по четыре пенязя, отъ рогатаго скота по одному пенязю съ головы, отъ мелкаго по одному пенязю отъ пары, отъ коматъ, проходящихъ по мосту, по 12 грошей отъ каждаго, а съ мѣсныхъ вѣздѣй еще по 12 грошей отъ каждаго запряга клязвы, пегезу или вачосу (Кн. Зап. Лнт., XXXV, л. 157). Въ господскомъ селѣ Дунаевѣ Кременецкаго новѣта взималось гребельное мыто въ сѣдлѣ размѣръ: отъ лоша по одному пенязю и по 10 тысячъ соли, отъ вола по одному грошу, отъ лавицы по 6 бѣлыхъ пенязей и отъ барана по 2 пенязя (Кн. Зап. Лнт., III, л. 13 об.). Некоторые таксы отличались особенной сложностью. Ср. еще ibidem, л. 229 об., Кн. Зап. Лнт., VIII, л. 365 об., А. Ю. З. Р., т. I, р. 181, Бернадскій, т. I, р. 85, Акты Лнт.-рус. гос., в. I, р. 199, Архивъ Юго-Зап. Рос., ч. VII, т. I, р. 617—618 и др.

¹⁾ Архивъ Юго-Зап. Р., ч. VII, т. I, р. 82, 96, 589, 604.

²⁾ Ibidem, р. 624.

³⁾ Ibidem, р. 145.

⁴⁾ А. Ю.-З. Р., т. I, р. 168, Бернадскій, т. I, р. 85.

⁵⁾ Кн. Зап. Лнт., VII, ст. 1096. Приведемъ еще очень любопытную «умову» мѣщанъ кѣвскихъ съ Печерскимъ монастыремъ о вѣщаніи мыта въ с. Навосѣ: «Васильи и два братья того монастыря вѣщали съ нами умову и постановленіе, же въ томъ имѣнью въ церковномъ въ Навосѣ мають они мыто давати протисто на монастырь Печерскій то есть отъ комати, которая будетъ съ товары за живностими, збожьемъ съ пшеницею, ячменемъ, зъ солодами, зъ муками, зъ якомъ и зъ иными живностями по подгратидати грошей, а отъ возукожжа, который будетъ возукожжеть по двѣдѣти сажня або десяти сажонъ, съ того яеди они мыта давати по подгратидати грошей, ако и въ великое комати, а отъ байдана

Таковы были способы взиманія проѣзжихъ мытныхъ сборовъ. Какъ видимъ они отличались большимъ однообразіемъ и рудиментарными приемами опредѣленія налогоспособности провозимыхъ товаровъ или проѣзжавшихъ людей.

Познакомившись съ характеромъ проѣзжихъ и вѣздныхъ пошлинъ, мы перейдемъ теперь къ торговымъ пошлинамъ. Надо, впрочемъ, имѣть въ виду, что нѣкоторые виды торговыхъ пошлинъ являются въ то же время и вѣздными; мы видимъ факты, когда купецъ платилъ одну и ту же пошлину при вѣздѣ въ городъ, причѣмъ ему позволялось или распродавать товаръ на мѣстѣ, или ѣхать дальше. Въ данномъ случаѣ проѣзжая и торговая пошлины сливались. Среди торговыхъ пошлинъ, какъ и среди проѣзжихъ, надо различать два типа: одніе изъ пошлинъ выскываются въ уплату за услуги, предоставляемыя торгующимъ людямъ общинною или государственною властью, другіе являются налогами въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ не сопровождаются предложеніемъ услугъ. Впрочемъ, и первыя носятъ характеръ налоговъ, такъ какъ услуги, за которыя взимаются пошлины, меньше размѣра ихъ, а слѣдовательно и въ данномъ случаѣ входятъ фискальный элементъ.

Начнемъ съ перваго рода пошлинъ, т. е. такихъ, взиманіе которыхъ имѣло виду оплату услугъ. Услуги, о которыхъ здесь идетъ рѣчь, состояли въ проѣрѣвѣ, со стороны общины или государства, вѣса, мѣры продаваемыхъ предметовъ, или въ предоставленіи торговцамъ помѣщенія для остановки и склада товаровъ (гостинныя двори и амбары), или въ предоставленіи имъ мѣста для торга (торги, ярмарки). По всей вѣроятности, въ болѣе древнее время вѣсовыя и мѣрные пошлины носили болѣе разнообразный характеръ по своей

по тринадцати грошей, а если бы два бойдана были у водеи мѣсто вѣзаны, съ того порому мыта по двѣдѣти и шести грошей; а съ порому чезного вѣстидѣдѣть грошей а съ чозну одинокого по осми грошей, а съ подьшжа, который будетъ у два возы або у три, съ того по три гроши, а хто бы зъ насъ возами зѣе товары свои провадилъ у верхъ до Мовишѣа и далѣй або тешъ зъ верху на низъ съ муками шель або жито а збожже провадилъ, тогда кождый зъ возу отъ товару мыто мель давати то три гроши, а хто жито повезеть, тотъ мель давати зъ дуги по грошу а намѣстнику пашовскому у селѣви грошу; а которые бы мешале зѣвеще не мели въ себе ласту безматного подъ печатыи мѣстиковъ, на тыхъ мѣло браво быти мыто тридѣтосе... (Кн. Судб. Дѣлъ Лнт., XI, л. 95). Приведенное мѣсто интересно между прочимъ по слову иречивъ судиль и предметовъ торговли.

терминологии и способам взимания. Так можно думать по одному месту Смоленской уставной грамоты, которая говорит о вѣсѣ медюномъ, соляномъ коромаслѣ, музюлахъ (последній терминъ для насъ не ясенъ)¹⁾. Въ старинномъ торговомъ центрѣ—Полоцкѣ тоже встрѣчаемъ довольно разнообразныя названія пошлинъ. Но въ изучаемое время среди данного рода пошлинъ обыкновенно различали *тѣсовыя*, отъ „забиванья воску“, и *поштрыныя*.

Вѣсь въ западно-русскихъ актахъ обыкновенно называется *вагой*, отчего и вѣсовыя пошлыны назывались *важчимъ* или *важчимъ*; само мѣсто, гдѣ происходило взвѣшиваніе, называлось *важницею* (слова ponderum alias vaznica). Въ важницѣ взвѣшивались всякаго рода товары, продаваемые на вѣсъ²⁾; при этомъ находящимися здѣсь вѣсами должны были пользоваться обязательно и покупатели и продавцы какъ мѣстные, такъ и иногородцы³⁾. О величинѣ важчаго источника рѣдко упоминаютъ; это объясняется тѣмъ, что вага, за исключеніемъ одного—двухъ случаевъ, находилась въ распоряженіи городскихъ общинъ.⁴⁾

¹⁾ Яценскій, р. 156.

²⁾ Такъ, въ грамотѣ Вильна великаго князя Сигизмунда Кобяковича 1432 года городу предоставляется вага—pensum in qua scilicet cera et aliae res mercationales cuiuscunque generis seu speciei existant solent ponderari (Собраніе грамотъ города Вильны в пр., т. I, р. 3, стр. р. 8). Въ грамотѣ Одыск на магдебургію предоставляется городу publicam tritumam, alias wage, in qua cera et alimenta pensantur (Архивъ Ю.-З. Р., ч. V, т. I, р. 62).

³⁾ Въ грамотѣ на магдебургское право Лосицкамъ король такъ опредѣляетъ эту обязанность: господарь оставляетъ важницу на скарбовый пожитокъ—cameram ponderum alias vaznica pro commodo thesauri nostri converterendam, praeter quam nullus ex in(t)ra(neis et extra)neis mercis, aut res quascunque vendendas, aut emendas ponderare praesumat (Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. 85).

⁴⁾ Одна замѣтка въ книгѣ Витебскаго воеводства даетъ намъ понятіе о размѣрѣ здѣсь важчаго отъ соли. Одна мѣщанинъ Славковская жаловалась на мѣщанинъ витебскихъ за то, что они берутъ отъ нея „важчое непомерное“—во грошу широкому отъ мѣха соли; между тѣмъ какъ отъ другихъ городскихъ жителей берутъ по такому же грошу отъ четырехъ мѣховъ соли. Мѣщанинъ была поддвойнъ вѣсильной витебскихъ. Изъ этой замѣтки видно, что въ некоторыхъ общинахъ важчое вливалось въ различныя размѣры отъ различнаго грунта населенія: лица, принадлежавшія къ городскому присуду, въ данномъ случаѣ платили меньше, чѣмъ лица частновладельческаго присуда. Хотя Славковская признавала взимаемое отъ нея мѣто „невозможнымъ“, однако вслѣдъ за ея жалобой въ воеводской книгѣ сдѣлана замѣтка: „и мѣсть того доведыватися, естъ-ли передъ тѣмъ вѣсильны витебские по тому мѣтѣ важчое вливали“. Значитъ, различный размѣръ мѣта былъ, вполнѣ возможно (Ис. Зап. Лит., XVI, л. 71) Ср. Акты Лит.-рус. гос., I, р. 201, 216.

Рядомъ съ вѣсовыми пошлынами весьма большое значеніе имѣли пошлыны, взимавшіяся при продажѣ воска. Эти пошлыны слагались изъ двухъ частей: изъ пошлыны, взимавшейся за перетапливаніе воска, и изъ пошлыны за взвѣшиваніе воска; но часто источники объ общихъ пошлынахъ говорятъ нераздѣльно, что вполнѣ понятно, такъ какъ перетопленный воскъ отливается въ особыя формы видѣ полукруга; такіе полукруги имѣли большую частью опредѣленную величину и вѣсъ. Отсюда и самое мѣсто, гдѣ происходила формовка воска, называлось „забоємъ восковымъ“¹⁾, или воскобойною. Въ частности самое переплавленіе воска происходило въ *капницѣ*. Воскъ, переплавленный въ капницѣ, обозначался *городскою печатью*; „а тамъ же, — говоритъ господарская грамота 1498 года Полоцку на магдебургское право, — тебѣ будутъ мѣти капницу, и весь воскъ стопленный тамъ же печатью ихъ мають называменовати, и съ того ужитки къ посолитому добруму ховати“²⁾. Такимъ точно образомъ источникъ весьма часто характеризуютъ названіемъ *капницы*³⁾. Капница иногда носитъ названіе *топницы*⁴⁾. Такъ какъ при забиваніи воска и перетапливаніи его собственно происходило два процесса и, можетъ быть, иногда въ двухъ разныхъ мѣстахъ, то источники, правда въ рѣдкихъ случаяхъ, различаютъ воскобойню и капницу⁵⁾. Такъ, грамота Новгородку передаетъ городу „важницу и воскобойню и капницу мають справити, и воски топленныя мають печатью своею мѣстскою знаменовати, а съ того пожитки къ посолитому добруму мѣстскому мають заховати“⁶⁾. Проведеній черезъ воскобойню воскъ въ формѣ полукруга назывался

¹⁾ Акты З. Р., т. II, р. 94.

²⁾ Акты З. Р., т. I, р. 181; ср. Грамоты гор. Вильны, I, р. 15.

³⁾ Такъ грамота Минску на магдебургское право 1499 года передаетъ капницу городу: „и тебѣ капницу, и весь воскъ тамъ же стопленный печатью ихъ мають знаменовати, и съ того ужитки къ посолитому добруму мають ховати“ (ibidem, р. 188). Въ подтвержденіи Полоцку на магдебургію передается капница городу, — въ которой же каждый воскъ топленный печатью мѣстскою мають знаменовати, и съ того ужитки къ посолитому добруму мѣстскому оборочати“ (Акты З. Р., т. II, р. 77). Въ грамотѣ Возюковскимъ мѣщанамъ 1507 года городу передается „воскобойня на забиванье воску“ (ibidem, р. 11). Тоже и Киеву (Акты Ю.-З. Р., т. II, р. 127). По грамотѣ Луцку 1497 года городъ получаетъ *vaznice et ibidem cameram cereae liquefactoriam construere et ceram liquefactam signo eorum notare* (Архивъ Ю.-З. Р., ч. V, т. I, р. 14). Ср. Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. р. 85, 182.

⁴⁾ Собраніе древн. грамотъ и актовъ гор. Минской губ., 1848, р. 49.

⁵⁾ Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. 104.

⁶⁾ Акты З. Р., т. II, р. 92.

„штукою“¹⁾. Вѣсь шкуки воска бывалъ въ поль-берковска²⁾, или въ ламень³⁾.

Пошлины, которыя взиимались съ предметовъ, измѣряемыхъ при продажѣ, назывались помѣрнамъ, мѣрнымъ⁴⁾. Помѣрное различалось по роду предметовъ. Города имѣли въ ратушѣ мѣры, правильность которыхъ гарантировалась городской печатью⁵⁾. Такъ, различались мѣры для овощей и меда⁶⁾. Помѣрное медовое обыкновенно называлось „ведромъ“⁷⁾. Надо замѣтить, что помѣрное медовое взиималось съ меда, предназначеннаго для продажи въ корчмы⁸⁾; такъ какъ при продажѣ прѣсваго меда взиимался особый торговый сборъ. Вообще мѣры продуктовъ, шедшихъ на продажу въ корчмы („мѣры шинговина“⁹⁾, отличались отъ другихъ мѣръ¹⁰⁾. Замѣтимъ, что мѣра меда называлась иногда также „медницей“. Относительно размѣра помѣрнаго и способовъ его взииманія источники сообщаютъ весьма помногія свѣдѣнія опять таки потому, что эта пошлина почти повсемѣстно принадлежала городамъ. Кое-какія свѣдѣнія по этому поводу можно извлечь изъ данныхъ, сообщаемыхъ иллюстраціями южныхъ замковъ. Такъ въ Черкассахъ помѣрное взиималось на рынокъ по четыре пенязя отъ четвертки сѣбя¹¹⁾. Въ Житомирѣ помѣрное взиималось отъ зернового хлѣба и меда: отъ хлѣба по два пенязя отъ четвертки и по два пенязя отъ

¹⁾ Ibidem, p. 31.

²⁾ Ibidem, p. 77.

³⁾ Ibidem, p. 31.

⁴⁾ Акты Лит.-рус. гос., в. I, p. 168, 169, 182.

⁵⁾ Въ грамотѣ Повгороду такъ опредѣляется право города на храненіе мѣры: „тамъ же на ратушу имать мѣри четверти мѣршиа и мѣдоу подъ икъ званемъ мѣрскимъ“ (Акты З. Р., т. II, p. 92). Въ грамотѣ Нарвѣ на магдебургское право (1529 г.) такъ опредѣляется помѣрное: item dimensionationes alias pomierneie siliguis et quorumlibet frumentorum ac omnium mercimoniarum quibusque generaliter nominibus censentur et vocitentur foralium alias targowca medio coretho duos obulos et ab integro coretho quatuor obulos (Акты Лит.-рус. гос., в. I, p. 224).

⁶⁾ Акты Лит.-рус. гос., в. I, p. 85.

⁷⁾ Такъ, въ грамотѣ 1522 года Воиню оно опредѣляется слѣдующимъ образомъ: „сѣти померное медовое, што славить ведромъ, икъ мѣрять медъ поде обичай тамошнего“ (Акты Лит.-рус. гос., в. I, p. 182).

⁸⁾ Это, наиримѣр, видно изъ опредѣленія, даннаго помѣрному въ грамотѣ Минску; король передаетъ городу „помѣрное медовое, то есть ведро корчменное, што медъ мѣрять“ (Акты Ю.-З. Р., т. II, p. 127).

⁹⁾ Акты З. Р., т. II, p. 94.

¹⁰⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, p. 82.

ведра меда¹⁾. Въ Черныбылѣ староста получалъ по пенязю отъ мѣры хлѣба²⁾. Въ Мозырѣ отъ мѣры взиималось по два пенязя да еще за помѣру пенязь³⁾. Интересно, что въ нѣкоторыхъ мѣстоностяхъ взиималось помѣрное и отъ такихъ предметовъ, которые привозились на рынокъ и продавались безъ обмѣриванія; наприимѣр, мы встречаемъ взииманіе помѣрнаго отъ мѣшкови съ хмѣлемъ⁴⁾. Приведенные выше факты касаются помѣрнаго, взиимаемаго съ мѣръ емкости; но и мѣры длины также иногда подлежали оплатѣ, наприимѣр, въ Полоцкѣ взиималось „полокотное“. Здѣсь же вѣсовая пошлина носила слѣдующія названія: помѣрное, забой, тонница, „сила, топленя, медничная“, поллотная, лаштовое, вага⁵⁾.

Къ тому же роду пошлинъ, какъ мы выше указали, слѣдуетъ отнести и пошлины, взиимаемыя за помѣщеніе для купеческихъ товаровъ. Такая пошлина въ Полоцкѣ отъ гостинаго двора называлась „имбарщиной“. Кромѣ Полоцка и въ другихъ крупныхъ городахъ, а иногда и въ мелкихъ, устраивались гостинные дворы.

Гостинные дома были во многихъ городахъ, наир., въ Вильнѣ⁶⁾, Витебскѣ⁷⁾, Полоцкѣ, Оршѣ⁸⁾, Кіевѣ⁹⁾, Могилевѣ¹⁰⁾, Минскѣ¹¹⁾; однако доходъ съ гостинныхъ домовъ рѣдко шелъ въ господарскій скарбъ (въ Могилевѣ онъ былъ при мытной коморѣ, изъ Полоцка шла въ скарбъ четвертая часть дохода), оставался въ рукахъ городской ратуши.

Къ послѣднему виду торговыхъ мытъ, взииманіе которыхъ связано съ предоставленіемъ услугъ торговцамъ, является армарочное мыто и торговое, когда послѣднее взиималось на установленнахъ торгахъ (foralia). Армарки и торги утверждались верховною властью какъ въ господарскихъ городахъ, такъ и въ частновладельческихъ. Жалованная великокняжескія грамоты весьма точно опредѣляютъ количество

¹⁾ Ibidem, p. 146.

²⁾ Ibidem, p. 589.

³⁾ Ibidem, p. 619.

⁴⁾ Памятники Кіев. Ком., т. IV, ч. II, p. 226.

⁵⁾ Scriptores rerum polonicarum, т. V, p. 190.

⁶⁾ Грамоты г-р. Вильны, I, 17, 56.

⁷⁾ Кн. Зап. Лит., XXXV, з. 50 об.

⁸⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, з. 354 об.

⁹⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XXXIV, з. 83 об.

¹⁰⁾ Кн. Перег. Лит., X, з. 30 об.

¹¹⁾ А. Ю.-З. Р., I, 136.

торговых и ярмарочных дней¹⁾. Поэтому самый факт установления торгова являлся важной привилегией для общины или частного лица. Сущность даруемых верховною властью льгот была не одинакова. Жалованная грамота некоторым городам на открытие торгова и ярмарок часто говорит только о „добровольном“ торговле, не упоминала вовсе о взимании мыта²⁾.

Но молчание грамоты о сборах ярмарочного мыта вовсе не означало фактического отъ них освобождения торговцев: привилегия на „добровольный торговля“ передавала сборы въ распоряженіе городской общины. Это открывается изъ многихъ свидѣтельствъ источниковъ. Такъ, въ привилегіи городу Воиню король назначаетъ ярмарки съ разрѣшеніемъ: „и на тѣ ярмарки ктоazole будетъ приезжати, мають торговати добровольно для вспоможенья месту“³⁾, т. е. городъ собираетъ пошлины въ городскую кассу; господарскіе же сборы не взимаются. Въ Витебскѣ разрѣшается сѣзжаться для торгова и ярмарокъ какъ иностраннѣмъ купцамъ, такъ и литовскѣмъ; но они обязаны платить „повинность мѣстекую“⁴⁾. Однако, городскія льготы иногда бывали и такого рода, что купцы освобождались не только отъ господарскаго мыта, но и отъ городскіихъ сборовъ⁵⁾. Подобнаго рода льготы составляли часть городскіихъ правъ, были основною „вольностью“ города. Однако встрѣчаются привилегіи, выдаваемые на извѣстный срокъ⁶⁾. Разумѣется, всякая привилегія на „добровольный“

¹⁾ Кв. Зап. Лит., VIII, л. 328 об.

²⁾ Напр. Акты Лит.-русск. гос., I, 161.

³⁾ Акты Лит.-русск. гос., в. I, р. 183.

⁴⁾ Акты 3. Р., IV, р. 168.

⁵⁾ А. Ю.-З. Р., I, р. 181.

⁶⁾ Объ этомъ говоритъ привилегія Кременцу 1568 г. въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Король даетъ городу ярмарки и выволакомъ подданныхъ нашихъ мещанъ Кременскихъ и техъ великихъ купцовъ, гостей приезжихъ туташнего панства нашего и которые изъ заграничья и чужоземцы въ тѣхъ двухъ дѣтѣхъ, тамъ до Кременца на ярмарки приезжаючи, продавати куповати и торговати шведскими речки и товары своиими собою бѣдомъ и конямъ волно, не даючи отъ того всего на вождомъ ярмарку мыта нашего головного замкового до двухъ недель; а вѣдѣе поборы уставленые и на сеймѣ уфаленые отъ всякихъ товаровъ купецкихъ мѣтокъ и пошлины будутъ платити купцы справкамъ нашимъ поборовымъ, не закрываючися сязи листомъ нашимъ“. Кв. Зап. Лит., I, л. 189 об.—190.

торговля и ярмарки освобождаетъ только отъ господарскаго мыта¹⁾; когда стали различать послѣднія отъ декретированныхъ сеймомъ, то сеймовые поборы взаимались, несмотря на привилегіи; иногда это оговаривалось въ самихъ грамотахъ²⁾. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что, если привилегіи разрѣшали только „добровольный“ прїѣздъ купцамъ (но не торговля³⁾, то право взимания мыта господарь оставлялъ за собою.

Итакъ, по отношенію къ городскимъ общинамъ льготы на торгова и ярмарки, въ смыслѣ платежа мыта, были не одинаковы. Что касается частныхъ землевладѣльцевъ, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что разрѣшеніе на устройство торгова и ярмарокъ во владѣльческихъ городахъ передавало право взимания пошлины въ руки ихъ владѣльцевъ: великокняжеская власть никогда здѣсь не собирала торговыхъ и ярмарочныхъ мытъ въ свою пользу. Правда, болѣе раніе привилегіи иногда не говорятъ о правѣ владѣльцевъ на сборы, разрѣшая только торгова и ярмарки⁴⁾, но многочисленныя свидѣтельства о передачѣ владѣльцамъ права на мыто⁵⁾, не оставляютъ сомнѣній въ его несомненной принадлежности послѣднимъ.

Панъ Ерощъ Карштекій получаетъ въ 1546 году привилегію на осаду мѣста и торгова въ мѣстѣ своемъ Городницѣ, причемъ собираетъ платы „торговые и иныіе доходы, которые бы хотькакъ съ того мѣста и торгова мѣли приходити“⁶⁾. Князь Андрей Вишневецкій получилъ въ 1568 году такого же рода привилегію для своихъ городовъ Андреева и Поповцевъ, причемъ грамота ясно говоритъ о сборахъ торговаго мыта: „на которые ярмарки и на торгова волно всямъ становѣ и людемъ купецкимъ, обывателямъ иншимъ нашимъ, и чужоземцамъ тамъ до Андреева—Новаго Вишневецка и Поповцевъ во всями товарами приезжати и торговати, продавати и куповати, платечи на князя Андрея Вишневецкаго и потомковъ его мыто и торгово по звякому обычаю, яко то ушь иншихъ мѣстѣхъ заховывается“⁷⁾. Точно такимъ же образомъ и многія другія привилегіи опредѣляютъ права по сбору пошлины. Приведемъ еще примѣръ изъ грамоты Михайлу

¹⁾ Ср. еще Архивъ Ю.-З. Р., ч. V, I, р. 22; Акты Лит.-русск. гос., I, 226.

²⁾ См. примѣч. 4.

³⁾ Акты Лит.-русск. гос., I, 100.

⁴⁾ Акты Лит.-русск. гос., I, 107.

⁵⁾ Акты Лит.-русск. гос., I, р. 143; Кв. Зап. Лит., XXVII, л. 118 об.

⁶⁾ Кв. Зап. Лит., XXXI, л. 16 об.—17.

⁷⁾ Кв. Зап. Лит., I, л. 213 об.—214.

Хрѣниціи на ярмарки въ имѣніи его Хрѣничахъ: „на которыхъ ярмарка и торги волю будутъ весьма обывателямъ папствъ пашнихъ и купцамъ чужоземскимъ тамъ до Хреничъ въ всякимъ товары своими приѣзжачи торговати, продавати и куповати, платечи ему отъ товаровъ своихъ подужное, торговое, по обыклову обычаю, яко то въ иныхъ мѣстахъ пашихъ заховывается“¹⁾. Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что разрѣшеніе на торги и ярмарки, даваемое землевладѣльцамъ государемъ, всегда сопровождалось и разрѣшеніемъ на сборъ торговаго и ярмарочнаго мита. Когда такое разрѣшеніе давалось городской общинѣ, то пошлины шли на мѣстныя нужды.

Способы взиманія ярмарочнаго и торговаго мита, конечно, ничѣмъ не отличались отъ способа взиманія вообще всякаго торговаго мита. Такъ, царь Григорій Остиковичъ получилъ въ 1499 году привилегію на ярмарки и торги съ правомъ взимать ярмарочныя и торговыя „пожитки“: онъ получаетъ обѣтку отъ приѣзжихъ и мито по два гроша отъ воза²⁾. Кн. К. И. Острожскій получалъ право на сборъ ярмарочнаго и торговаго мита въ имѣніи своемъ Звяголі въ размѣрѣ одного полугрошка отъ копы грошей³⁾; значить, здѣсь мито взималось по расцѣнкѣ товара. Изъ этихъ примѣровъ видно, что ярмарочное мито или взималось по внѣшнимъ признакамъ или по оцѣнкѣ продаваемаго предмета, т. е. точно такимъ же образомъ, какъ и другіе торговыя мита, въ обзорѣию которыхъ мы сейчасъ перейдемъ.

Древѣйшимъ видомъ торговыхъ митъ были *тамга* и *осмичее*. Впрочемъ, о тамгѣ западно-русскіе памятники упоминаютъ очень рѣдко; о ней говорить Смоленская уставная грамота; король отказывался отъ взиманія тамги на горожаняхъ, оставляя ее только на приѣзжихъ купцахъ⁴⁾. Въ восточной Россіи тамга имѣла болѣе широкое распространеніе; по мнѣнію Осокина она была самою доходною изъ всѣхъ таможенныхъ пошлинъ⁵⁾. Тамга взималась со всякаго рода товаровъ, хотя дѣлалось исключеніе для жита, хлѣба, а иногда и для нѣкоторыхъ другихъ товаровъ⁶⁾. Напомнимъ, что по мнѣнію изслѣдователей тамга была пошлиной татарскаго происхожденія⁷⁾.

¹⁾ Ев. Зап. Лит., I, л. 17.

²⁾ Ев. Зап. Лит., VI, л. 145.

³⁾ Литы Зап. Р., т. II, р. 32.

⁴⁾ Веневскій, р. 152.

⁵⁾ Внутр. тамож. пошлины въ Россіи, р. 104.

⁶⁾ Ibidem, 92—94.

⁷⁾ Аристовъ, Промысл. древн. Руси, СПб., 1866, р. 225.

Конечно, и тамга, упоминаемая въ Смоленской уставной грамотѣ, имѣла то же происхожденіе и значеніе, что и тамга, взимаемая въ Московскомъ Государствѣ; то обстоятельство, что тамга известна только въ Смоленскѣ, весьма повѣстно, такъ какъ изъ западно-русскихъ земель только Смоленская и Кіевская могли подвергнуться въ болѣе сильной степени татарскому влиянію. Въ Кіевѣ мы встрѣчаемся еще съ пошлиною, имѣвшею мѣстный характеръ. Это было уже упомянутое нами *осмичее*. Оно также болѣе известно въ восточной Руси, чѣмъ въ западной. Самый терминъ осмиака весьма древняго происхожденія, такъ какъ встрѣчается уже въ Ярославовомъ уставѣ о мятахъ¹⁾. Осокинъ, изслѣдовавъ вопросъ о тамгѣ и осмичее, приходитъ къ заключенію, что „нѣтъ никакой возможности указать, на основаніи источниковъ, различіе между тамгою и осмичеемъ“; это обстоятельство даетъ названному изслѣдователю поводъ сдѣлать предположеніе, что осмичее было такою же пошлиною, какъ и тамга; но такъ какъ послѣдняя была введена татарами, то рядомъ съ нею сохранилась и старая пошлина, такъ что обѣ падали на одно и то же дѣйствиіе и на одни и тѣ же предметы²⁾. Осмичее было исключительно торговою пошлиною, взимающеюся по оцѣнкѣ товара; поэтому при продажѣ товара бралось какъ помѣрное, такъ и осмичее³⁾. Осмичее, взимавшееся въ Кіевѣ, находилось въ завѣданіи особаго чиновника, взимававшагося осмикомъ, и поступало частью въ его пользу, частью на замокъ. Такъ, по грамотѣ 1495 года кіевляне должны были платитъ мито за привозимую по Днѣпру изъ Черкассъ рыбу: осмики обмѣчивали привезенную рыбу на берегу и тутъ же брали отъ нея мито — „свое десятое“⁴⁾, — т. е. въ размѣрѣ десятой части привезеннаго товара.

Ввозное мито бралось только съ рыбы, привезенной для продажи; это объясняется дальнѣйшимъ мѣстомъ той же грамоты: отъ рыбы, привозимой „зъ верху“, осмики должны „мита своего на торгу смотрѣти“⁵⁾. По отношенію къ рыбному миту почти въ такихъ же выраженіяхъ говорить о взиманіи осмиачаго и грамота о новгородскихъ доходахъ 1499 года. Только она разъясняетъ, что осмики взимаютъ

¹⁾ Осокинъ, о. с., р. 105.

²⁾ Ibidem, р. 111.

³⁾ Аристовъ, о. с., р. 227.

⁴⁾ Литы З. Р., т. I, р. 145.

отъ просольной рыба по шести грошей отъ бочки, а отъ вялой и свѣжей рыба „десятое“; здѣсь же содержится особое постановленіе о взиманіи десятой части съ привезенныхъ осетровъ. Сверхъ того, осмики завѣдывали вообще торговыми дѣлами въ городѣ, за что получали особый сборъ отъ торговцевъ хлѣбомъ; отъ него же зависѣло разрѣшеніе на торговлю новымъ торговцамъ. Далѣе, суду осмика подлежали такіа дѣла, какъ воровство на пристани („татиба побережная“) и дѣла, касающіяся нарушенія нравственности (когда осмики уличить мѣщанина, купца, казака или купцовъ изъ турокъ, татаръ и армянъ, совершающихъ „внечестныя рѣчи зъ бѣлыми головами“); вообще осмики являлся важнѣйшимъ воеводскимъ чиновникомъ по дѣламъ торговымъ и судебно-полицейскимъ¹⁾. Осмичество, какъ судебно-полицейская власть по дѣламъ, касающимся нравственности, было отменено королевскою грамотою 1516 года²⁾. Кромѣ того, сбору осмикаго подлежало право торговли хлѣбными продуктами. Названные источники говорятъ только о сборѣ осмикаго отъ торговцевъ хлѣбомъ и рыбой, изъ чего слѣдуетъ заключить, что другіе предметы не подлежали обложенію осмикинымъ; и это вполне понятно, такъ какъ остальные торговые сборы находились въ рукахъ городской общины, а головное мыто подлежало особымъ таможеннымъ пошлинамъ. Такимъ образомъ, подъ осмикинымъ разумѣлась торговая пошлина, отчасти и ввозная, собиравшаяся неодинаковымъ способомъ; обложенію его подлежало въ извѣстныхъ случаяхъ и право торго и ремесла. Это показывается, что подъ именемъ осмикаго извѣстны были различныя пошлины и, вѣроятно, такъ онѣ назывались по имени воеводскаго агента, наблюдавшаго за торговцами и ремесленниками; отсюда понятно, что съ уничтоженіемъ должности осмикаго, прежній пошлины взимаются, но не носили названія осмикаго³⁾.

За исключеніемъ рассмотрѣнныхъ двухъ старинныхъ сборовъ остальные торговые пошлины различались или по предметамъ, съ которыхъ онѣ взимались, или по тѣмъ вѣшнымъ признакамъ, которые служили для опредѣленія размѣровъ сбора. Такъ, среди торговыхъ

¹⁾ Ibidem, p. 194—196. Ср. Отзывъ Михалова Литвина (Медуары и пр.), в. I, p. 52.

²⁾ Грамоты Антоновича и Козловскаго, p. 49. Объ обязанностяхъ осмикаго см. еще въ статьѣ В. Е. Антоновича (Архивъ Ю.-З. Р., ч. V, т. I, p. 32). Грушевскій, Ист. Киев. земли, p. 337.

³⁾ Акты Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, p. 112.

мытъ источники отличаютъ рыбное мыто, т. е. пошлину, взимающуюся отъ продаваемой рыбы.

Мы уже знаемъ, что такое мыто взималось въ Киевѣ осмикомъ. И впоследствии, по уничтоженіи осмичества, рыбное мыто взималось въ пользу киевскаго воеводы. При этомъ съ Киевѣ брали особо мыто отъ привозимой въ городъ рыбы и особо при продажѣ рыбы на торгу¹⁾. Люстрація Мозырской державы даетъ подробное разъясненіе о способахъ сбора рыбнаго мыта. Торговецъ, привозившій рыбу въ городъ, при продажѣ обязанъ былъ давать „рыбу десятую“ или гроши десяти, или десятую бочку рыбы. Покупатель уплачиваетъ при куплѣ обѣтку по грошу отъ бочки рыбы. Независимо отъ этого, отъ рыбы здѣсь же взималось и вѣзное или провѣзное мыто: какъ купца, такъ и работнопромышленника, откуда бы они ни везли рыбу, прѣзжая въ Мозырь или проѣзжая черезъ городъ, обязаны были давать тоже десятую часть своей рыбы²⁾. Такимъ образомъ, торговая пошлина уплачивалась продавцемъ, но и покупатель привлекался къ сбору ввидѣ уплаты обѣтки. Въ Житомирѣ кромѣ рыбнаго мыта, собиравшегося на старосту, брали еще „солоное або тежъ валое“ рыбное мыто, шедшее на двѣ мѣстныхъ церкви; размѣры этого мыта съ вялой рыбы не показаны. При сборѣ старостинскаго мыта различали лицъ, которые продавали или покупали рыбу. Такъ, отъ мѣстныхъ жителей бралась въ пошлину тридцатая рыба; такая пошлина взималась, вѣроятно, тогда, когда мѣстный житель или покупатель рыбу, или продавалъ. Погородные платили отъ бочки соленой рыбы по двѣ гроша отъ покупателя и по грошу отъ продавца³⁾. Въ Червокальѣ рыбное мыто платилось ввидѣ тридцатой рыбы,—вѣроятно, только продавцемъ⁴⁾.

По предмету взиманія носило названіе также и дровяное мыто. Оно взималось съ деревянныхъ издѣлій, привозимыхъ на продажу, а также съ дровъ и лѣсныхъ матеріаловъ⁵⁾. Оно устанавливалось весьма рѣдко. Такъ, въ дворѣ въ Вишнувахъ (подъ Вальною) дровяное мыто взималось въ размѣрѣ десятой вещи съ привозимыхъ деревянныхъ

¹⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, p. 112.

²⁾ Ibidem, p. 619.

³⁾ Ibidem, p. 146.

⁴⁾ Ibidem, p. 589.

⁵⁾ Памятники Киев. Ком., т. IV, отд. II, p. 171.

издѣй¹⁾. Въ Вильнѣ вималось торговое мыто въ размѣрѣ двухъ пеньзей съ воза съ деревянными издѣльями; строительные лѣсные материалы здѣсь однако не подлежали никакому сбору²⁾.

Нѣкоторое сходство съ пошлинами, посвящими названіе по роду облагаемыхъ предметовъ, имѣеть сконное мыто. Такое названіе встрѣчается въ немногихъ мѣстностяхъ. Изъ государственныхъ державъ сконное мыто вималось въ Могилевѣ и здѣсь оно, повидимому, составляло важную статью дохода. Въ другихъ мѣстностяхъ, хотя и вималось мыто, сходное по предмету облаженія, но не носило названія сконнаго. Ревизія волынскихъ замковъ опредѣляетъ сконное мыто, какъ пошлину „отъ звѣру косматого“³⁾, т. е. отъ мѣховъ.

Такимъ образомъ, подъ сконнымъ мытомъ ревизія разумѣетъ пошлину, взимающуюся при продажѣ мѣховыхъ товаровъ: въ Корцѣ, говорить ревизія, „звѣчистого мыта по два гроши бирали, а теперь отъ пождого коня по два гроши берутъ, а одъ звѣру косматого въ Корцѣ сконное мыто берутъ“⁴⁾. Источники очень часто говорятъ о взиманіи сконнаго мыта въ Могилевѣ, такъ какъ оно сдавалось на аренду вмѣстѣ съ пограничнымъ мытомъ и корчмами, но они нигдѣ не разъясняютъ значенія этого мыта. Суда по приведенному выше свидѣтельству лудной люстраціи, и могилевское сконное мыто вималось „отъ звѣру косматого“⁵⁾.

Мыто, взимающееся отъ привозимато на продажу прѣснаго меду, называлось *поштницной*. Такое названіе оно получило отъ того, что признакомъ, по которому вималось мыто, была та посуда, въ которой продавался медъ. Такъ, въ Киевѣ поштница вималась „отъ меду, отъ кади каждое, отъ века поштницы по грошу“⁶⁾ (векомъ называется крышка отъ кади). Въ Мозырѣ поштница вималась „отъ каждой судины великое и малое“ по грошу⁷⁾. Источники довольно

¹⁾ Акты Ю.-З. Р., т. I, р. 145.

²⁾ Акты Вил. К., т. VIII, р. 251.

³⁾ Памятники Киев. Ком., т. IV, отд. II, р. 129.

⁴⁾ Огнѣвая мыто въ Корцѣ, ревизоры какъ будто распространяють его и на другіе товары (стр. 139), но этому не слѣдуетъ придавать значенія: первое показаніе принадлежитъ самимъ мѣщанамъ, а второй текстъ — составленъ ревизорами и кромѣ того фраза построена неясно. Сконное мыто не имѣеть ничего общаго со словомъ, упоминаемымъ въ Арх. Ю.-З. Р., ч. V, т. I, р. 59.

⁵⁾ Прибавимъ, что этимологія слова „сконный“ для насъ не ясна.

⁶⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 112.

⁷⁾ Ibidem, р. 618.

часто говорятъ о сборахъ поштницы особенно въ южныхъ и восточныхъ волостяхъ, гдѣ, какъ извѣстно, пчеловодство имѣло огромное значеніе¹⁾.

Нѣкоторые предметы привозились для продажи на рынокъ въ бочкахъ, почему и пошлина, которою они облагались, называлась бочечнымъ. Такое бочечное собиралось, наирямѣрь, въ Меречи²⁾ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ.

Способъ, по которому опредѣлялась пошлина при продажѣ рыбы, дровъ и отчасти меду, былъ довольно грубъ, такъ какъ размѣръ пошлины устанавливался по чисто вибическимъ признакамъ. Такой же пріемъ применялся и при сборѣ другихъ пошлинъ. Среди послѣднихъ была *подужина* или *подужное*. Подужчиной называлась торговая пошлина отъ муки, соевъ, жита и вообще отъ всякаго зерна. Такъ, въ Киевѣ такое подужное вималось по полтора гроша отъ воза и сверхъ того платилась еще обѣста по грошу отъ воза³⁾. Обѣстку, которую платили на торгу при продажѣ хлѣба, надо понимать какъ плату за извѣщеніе урѣда о состоявшейся торговой сдѣлкѣ. Въ Брацлавскомъ замкѣ, по словамъ ревизіи, торговое мыто вималось слѣдующимъ образомъ: „отъ торговцевъ подужина по 2 гроши, а мыто отъ коня по 2 гроши“⁴⁾. Изъ приведеннаго свидѣтельства памятникъ видно, что подужина отличается отъ другихъ родовъ торгового мыта. Въ такомъ же смыслѣ выдѣляетъ подужчину отъ торгового мыта и ревизія Чернибыльской державы⁵⁾; въ Мозырѣ⁶⁾, Пинскѣ⁷⁾ и Меречи⁸⁾, тоже вималась подужчина на ряду съ мытомъ⁹⁾. Изъ

¹⁾ По одной грамотѣ XV вѣка взиманіе мыта отъ меду въ Киевѣ имѣло различный размѣръ въ зависимости отъ величины мѣры, въ которой привозили медъ: „а отъ прѣснаго меду съ посудина съ вѣса по полугрошу, а отъ колоды меду грошъ, а за посатку меду два гроши“ (Акты Зап. Р., т. I, р. 145). Въ Могилевѣ поштница собиралась „отъ меду прѣсвого, отъ века по грошу“ (Акты Лит.-русск. вѣс., р. 201). Поштницной называлась пошлина отъ меду и на Волынѣ (Памятники Киев. Ком., т. IV, отд. II, р. 129). Въ Винницѣ тоже извѣстна эта сборъ (Кл. Зап. Лич., ЛП, з. 24).

²⁾ Бершадскій, т. I, р. 40.

³⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 112.

⁴⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, р. 22.

⁵⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 589.

⁶⁾ Ки. Судн. Дѣль Латовенскихъ, ЛП, з. 125.

⁷⁾ Ки. Зап. Лич., XLV, з. 94.

⁸⁾ Бершадскій, т. I, р. 40.

⁹⁾ Уставная грамота Рѣвчскому державѣ 1628 года слѣдующимъ образомъ отдѣляетъ подужчину отъ другихъ мытъ: „а што съ дотичеть мыта рѣвчского су-

этого видно, что подъ подушнымъ подразумевалось торговое мыто, взимаемое съ хлѣбныхъ продуктовъ и съ соли. Намъ не удалось встрѣтить въ источникахъ разъясненія того, въ какомъ отношеніи подушнина находилась къ пошрному. Но, повидному, не можетъ быть сомнѣнія, что одно мыто не исключало другого, такъ какъ пошрное взималось тогда, когда при совершеніи торгова употребилась мѣра, и, следовательно, имѣло специальное назначеніе.

Рядомъ съ хлѣбомъ подлежалъ обложенію и другой важнѣйшій предметъ потребленія—продаваемый скотъ. Это мыто¹⁾ взималось отъ „голови“. Точно такимъ же образомъ взималось торговое мыто и отъ лошадей. При этомъ торговое мыто отъ продажи рогатого скота и отъ лошадей въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ бралось не только на рынкахъ, но и при продажѣ нѣ установленнаго торгова; это видно, напримѣръ, изъ словъ Мозырской люстрации: „отъ быдла, хто гдежь колвекъ на продажу, або и у селехъ кому бы хто продавалъ, съ головы быдла по грошу, отъ коней по тому жь“²⁾. Смотря по мѣстности, торговое мыто отъ продаваемого скота имѣло различныя размѣры. Такъ, въ Рѣчицѣ при продажѣ лошади давалось по четыре гроша, вола—по два гроша, коровы—по грошу, мелкаго скота—по полъ-гроша³⁾. Торговое отъ скота взималось въ моментъ совершенія купли-продажи; это видно уже изъ приведенныхъ данныхъ. По Могилевской уставной грамотѣ въ старостинскіе доходы, податные могилевскіе „мають... на торгу купчи на месте давати торговое отъ коня“ и т. д. Последняя грамота сообщаетъ подробныя свѣдѣнія о торговомъ мытѣ и разъясняетъ, что въ этой мѣстности принималась въ расчетъ цѣлый рядъ условій при сборѣ мыта. При продажѣ коня здѣсь брали по одному грошу узкому, а отъ вола и коровы по полъ-гроша узкаго; отъ мелкаго скота здѣсь, очевидно, мыто не бралось. Чужеземцы на торгу даютъ торговое „потому, какъ и передъ тымъ давали“, т. е., вѣроятно, въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ мѣстные жители. При продажѣ скота въ селахъ мѣстные жители не даютъ мыта. Но, если мѣстный житель продаетъ скотъ чужеземцу, то послѣдній

хитъ путемъ и водомъ и подушнымъ, тое мыто и подушнину знаетъ онъ (староста) на замокъ явль брати потому, какъ въ первомъ привилегіи нашомъ ему выписано“ (Кв. Зап. Лит., XV, л. 262 об.—263 об.).

¹⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 618.

²⁾ Кв. Зап. Лит., XV, л. 262 об.—263 об.

уплачиваетъ мыто въ такомъ же размѣрѣ, какъ и на торгу⁴⁾. Изъ той же грамоты видно, что въ Могилевской волости торговое мыто бралось также и отъ убойнаго скота, привозимаго на продажу. Такое мыто мы дѣйствительно встрѣчаемъ въ разныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Луцкѣ⁵⁾, въ Кременцѣ⁶⁾ и въ другихъ городахъ⁷⁾. Оно бралось обыкновенно въ натурѣ, видѣ какой нибудь части мясной туши, и шло въ пользу мѣстныхъ войтовъ или другихъ мелкихъ владѣльцевъ.

Разсмотрѣнные до сихъ поръ виды торговаго мыта падаютъ, какъ мы видимъ, на самыя необходимыя предметы потребленія. Но сверхъ нихъ обложенію подлежали и другіе предметы мѣстной торговли. Шляхта Мстиславская и Радомская, проси короли въ 1551 году объ освобожденіи ея подданныхъ отъ платежа торговаго мыта въ селахъ, слѣдующимъ образомъ перечисляетъ предметы, которые подлежали обложенію: „повѣдали передъ нами, изъ коли люди ихъ въ мѣзьяхъ ихъ по селомъ продають кони, або быдло, яловица, вола, вепри, барани, и тежь соль, и медъ пресный, и *ишиѣ дробные речи*, што въ кого будетъ, ино дей мытники Мстиславскіе и Радомскіе отъ таковыхъ речей, што люди ихъ по селомъ продають, мыто въ нихъ берутъ и тяжкость великую имъ въ томъ чинить“⁸⁾. Мстиславская шляхта называетъ это мыто подводнымъ,—конечно потому, что при такомъ, по которому оно взималось, былъ возъ (кромѣ скота). Король освободилъ шляхетскихъ подданныхъ отъ сбора мыта въ селахъ; только въ городахъ оно должно было уплачиваться по прежнему. Изъ этого видно, что торговому мыту подлежали также и „ишиѣ дробныя речи“, т. е. вообще всякій предметъ купли-продажи. Сборъ торговаго мыта со всякаго рода товара обыкновенно дѣлался по одній товару. Такъ, въ Житомирѣ купцы платили торговый сборъ въ размѣрѣ трехъ грошей отъ коня⁹⁾. Въ Черниблѣ торговцы даютъ „мыто съ товару каждого“ по два гроша отъ коня¹⁰⁾. Въ Мозырѣ мыто

⁴⁾ Кв. Зап. Лит., XIX, л. 173—175.

⁵⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 175.

⁶⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, р. 73.

⁷⁾ Такой сборъ уже принимается характеръ акциза. Ср. Рау, Основныя начала финансовой науки, II, 179.

⁸⁾ А. Ю.-З. Р., I, р. 131.

⁹⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 145.

¹⁰⁾ Ibidem, p. 589.

платилось въ томъ же размѣрѣ ¹⁾. Въ Могилевѣ мыто платилось „отъ всякихъ товаровъ“ ²⁾ и пр.

Размѣръ мыта устанавливался мѣстнымъ обычаемъ въ зависимости отъ самыхъ разнообразныхъ условий, а потому былъ не одинаковъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Съ теченіемъ времени это обстоятельство создавало затрудненіе въ торговлѣ. Когда съ половины XVI-го столѣтія господскій скарбъ сталъ съ большимъ интересомъ относиться къ торговымъ мытамъ и самъ сдавать ихъ въ аренду, то для нѣкоторыхъ мѣстностей были изданы господскія уставы, опредѣляющія такую мытную сборъ ³⁾.

Мы перечислили известныя памятникамъ изучаемаго періода виды внутреннихъ таможенныхъ и торговыхъ пошлинъ ⁴⁾. Это изученіе даетъ намъ прежде всего возможность сдѣлать тотъ общій выводъ, что эти пошлины не отличались однообразиемъ въ способахъ и размѣрахъ обложенія. Въ проѣздныхъ пошлинахъ такое же разнообразіе замѣчается и въ опредѣленіи тѣхъ признаковъ, по которымъ облагался предметъ. Общій тонъ соприкосновенія какъ проѣздныхъ, такъ и торговыхъ пошлинъ

¹⁾ Ibidem, p. 604.

²⁾ Акты Лит.-русск. гос., I, p. 201.

³⁾ Такая устава была издава, напримѣръ, въ 1569 году для Кременна. Она издава по просьбѣ мѣстнаго арендатора мытъ малыхъ, жаловавшагося королю на то, что купцы требуютъ отъ него посылать уставу, на основаніи которой онъ собираетъ мыто. Король, собравъ свѣдѣнія о томъ, какъ взимаются *целити* мыто, установилъ слѣдующую таксу „для ламцового“: отъ возу товару „простою“ два гроша, отъ воза соли 3 гроша 5 пенней и десять толей соли, отъ коня турецкаго — 6 грошей, отъ коня волоскаго 4 гроша, отъ „рота“ хлѣбу (ротъ—очевидно мѣстная мѣра) — 2 гроша (Кв. Зап. Лит., I, II, ч. 13 об.).

⁴⁾ Впрочемъ, въ источникахъ можно и еще указать на названія нѣкоторыхъ мытныхъ сборовъ. Напримѣръ, одинъ предвѣднй контрактъ на отдачу торговаго мыта въ Мозырѣ слѣдующимъ образомъ перечисляетъ арендные статьи: мыто рыбное, гонтура, озеро съ есами, важное, повѣчанну, подужчанну, обѣску, коруговое, поденчанну, исевобинну, повѣчанно (Кв. Судв. Дѣль Лит., I, III, ч. 126). Изъ этого видно, что терминологія мѣстныхъ мытъ была довольно разнообразна. Примеры такого разнообразія не разъ отличались нами и въ текстѣ. Но это разнообразіе въ большинствѣ случаевъ относится не столько къ видамъ мытъ, сколько представляеть собою мѣстную терминологию. Поэтому памятники, касающіеся одной и той же мѣстности, не всегда согласно перечисляютъ мытные статьи. Такъ, регистрація Мозыря, несомнѣнно вполнѣ точно илаваивада всѣ старостинскіе доходы, не упоминаетъ о нѣкоторыхъ изъ тѣхъ сборовъ, о которыхъ говорится контрактѣ 1567 года (о гонтурѣ, коруговомъ, поденчаннѣ). Въ Витебскѣ собирались струговое, волное, челновое, двуголовое (А. З. Р., IV, p. 167). Въ Дункѣ собирались поваринное (Арх. Ю.-З. Р., ч. V, т. I, p. 26) и пр.

завключается въ томъ, что оба эти вида мытъ раздѣляются на такія, въ основѣ которыхъ лежить оплата известныхъ услугъ, и на такія, которыя этого условія въ себѣ не заключаютъ. Проѣздная, вѣсовая и поимѣрная пошлины представляютъ собою довольно опредѣленный видъ сборовъ. Напротивъ, торговая пошлина является довольно неустойчивымъ сборомъ. Въ общемъ онъ падаетъ на предметы первой необходимости (хлѣбъ, мясо, рыба, скотъ) или на наиболее распространенные предметы сбыта (медъ, мѣха). Прилежаніе къ оплатѣ пошлинами другихъ товаровъ довольно неопредѣленно. Только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мы отмѣтили взиманіе пошлинъ съ цѣны товара; въ другихъ—объектомъ обложенія служатъ возъ, комага и пр. Большое разнообразіе при взиманіи торговыхъ пошлинъ заключается и въ томъ, что мѣстный обычай при платежѣ пошлинъ различаетъ мѣстныхъ жителей и чужеземцевъ, или иногородцевъ ¹⁾. Еще большую неопредѣленность слѣдуетъ отмѣтить въ вопросѣ о взиманіи торговыхъ пошлинъ въ городахъ и селахъ. Вообще источники говорятъ объ уплатѣ торговаго мыта въ селахъ только при продажѣ скота, но и то съ извѣстными ограниченіями. Очевидно, другіе предметы сельской торговли облагались только въ немногихъ мѣстностяхъ. Намъ уже приходилось указывать на то, что вообще взиманіе торговыхъ пошлинъ въ селахъ нужно считать явленіемъ новымъ, получающимъ свое начало только около половины XVI-го столѣтія. Рудиментарность всей системы внутреннихъ таможенныхъ и торговыхъ пошлинъ будетъ для насъ еще яснѣе, когда мы познакоимся съ многочисленными изъятіями и привилегіями, которыми пользовались въ этомъ отношеніи отдѣльныя лица и цѣлыя классы общества.

Илагаая различныя виды проѣздныхъ мытъ, мы неоднократно указывали на известную группу такихъ, взиманіе которыхъ объясняется, какъ оплата за услуги, оказываемыя государствомъ или общинами и частными лицами. Такія мыта возникаютъ влѣдствіе заботъ объ общественномъ благоустройствѣ. Такъ, наблюденія за привильностью мѣры и вѣсовъ являются весьма важной стороной привильной торговли.

Естественно, поэтому, что установленіе всякаго рода мытъ съ очень ранняго времени русской исторіи находилось въ распоряженіи

¹⁾ Ср. еще Акты Лит.-русск. гос., I, p. 201.

представителя верховной власти¹⁾, хотя сборы мыть и могли быть передаваемы князем частным лицам²⁾. В период сложения Литовско-русского государства право на установление мыть зависит от удельных князей³⁾, но великокняжеская власть рано вторгается во эту сферу власти удельно-княжеской, что доказывается раздачею со стороны великого князя льгот по платежу мыть на удельно-княжеской территории⁴⁾ и включением удельно-княжеской территории в международные торговые договоры⁵⁾. Принципиальное признание права за князьями на установление и разрешение новых мыть не устраивало, разумеется, фактического появления их в древнейшее время без согласия верховной власти; однако, государственная власть уже в эпоху земских уставных грамот воспрещает подобаго рода попытки со стороны частных лиц⁶⁾.

Съ объединением государства и падением удельной система великокняжеское право на установление всякаго рода мыть распространяется на всю территорию государства. Выразителем такого взгляда является первый Литовский Статут; он запрещает частным лицам устанавливать мыта и признает законными только те иль ихъ, на которых выданы государские привилегии (раздѣлъ I, арт. 21). Второй Статутъ подробно регулируетъ вопросъ о внутреннихъ мытахъ и торговыхъ сборахъ. Право разрешения ихъ или установления зависитъ отъ господари. Получившие разрешение на мыта обязаны держать въ исправности дороги, гребля, мосты и пр. Тотъ же Статутъ указываетъ на то, что установление мыта безъ затруднений разрешается государственной властью, если только владѣлецъ земли представлятъ достаточныя основанія, что сборъ необходимъ въ видахъ улучшения сообщеній (раздѣлъ I, арт. 25)⁷⁾.

¹⁾ Осковинъ, Несколько спорныхъ вопросовъ по исторіи русск. финансоваго права, Казань, 1855, р. 16—18.

²⁾ Собрание Госуд. Гр. и Дол., ч. II, р. 7.

³⁾ Грамоты В. В. Антоновича, р. 5; Акты Лит.-рус. гос., I, р. 148, А. Ю.-З. Р., т. I, р. 11, 12, 13, 14, 17 и др.; Arch. Ks. Lub. Sang., I, р. 7.

⁴⁾ Грамоты гор. Вильно, т. I, р. 2, 9.

⁵⁾ Ср. стр. 47 наст. изд. и 45.

⁶⁾ Ливенскій, р. 157.

⁷⁾ Оба Статута говорятъ о сохранении права сбора за „стародавними“ мытами, т. е. очевидно такими, которые установились въ силу обычая, хотя это и противорѣчило лево создаваемымъ правамъ государства; впрочемъ, и на „стародавнихъ мытахъ“ владѣльцы должны были получить великокняжескую санкцію (Кн. Зап. Лит., VII, стр. 1096). Второй Статутъ въ названномъ артикулѣ содержитъ въ

Нѣтъ предыдущаго изложенія законодательныхъ памятниковъ видно, что въ изучаемый периодъ право на установление сбора всякаго рода мыта принадлежало исключительно верховной власти. Такое установление этого сбора понималось въ принципѣ, какъ извѣстный актъ общественнаго благоустройства. Дѣйствительно, обращаясь къ источникамъ, мы замѣчаемъ, что установление права на сборъ исходитъ всегда отъ господари и мотивируется тою или иною потребностью. Почти въ каждомъ разрешеніи на устройство моста или гребля и на сборъ мыта встрѣчается и объясненіе причинъ этого сбора. Такъ, Немира Грималичъ проситъ короля о разрешеніи взымать гребельное и езвое мыто въ своемъ имѣнии, объяснивъ въ своей просьбѣ: „итожъ дей многи люди и кунцы быдо говять на продажу чересь имѣния его Дряжево и многи кунцы садитъ на ярмарки чересь тоужъ имѣние его на гребля его, которые жъ онъ гребля съ великою трудностью и працею оправляеть, а онъ тѣмъ гребля его казять. И тежъ многи люди тою рѣкою Бугомъ, которая подъ тымъ его имѣниемъ бѣжитъ, плоты, дрова проводать и езы его, которые онъ на той рѣцѣ маеть, разбивають и казять. А въ томъ дей ему шкода съ дѣть¹⁾“. Вотъ та причина, влѣдствие которой Грималичъ проситъ разрешить ему сборъ мыта и получаетъ это право на вѣчность. Воевода виленьскій панъ М. Радивилль получаетъ разрешеніе на сборъ мостового мыта въ имѣнии своемъ Богушовѣ тоже потому, что ему приходится „своими людьми чотыри мосты моститъ на рецѣ на Яскрѣ и на иныхъ рекахъ... а въ томъ дей ему много наслуду есть и людемъ дей его великая тяжкость съ дѣть²⁾“. Вообще, дача мостового мыта или гребельнаго всегда мотивируется необходимостью устройства дороги. Иногда для этой цѣли господари даже наводятъ справки о томъ, дѣйствительно ли есть въ данной мѣстности затрудненіе при переѣздѣ и оправдывается ли такимъ образомъ сборъ мыта³⁾. Часто просители указы-

себѣ постановленія о запрещеніи устанавливанія мытъ, кромя „звычайнаго торгового“. Контекстъ этого мѣста могъ бы подать поводъ къ заключенію, что „звычайное“ мыто разрешалось устанавливать самимъ землевладѣльцамъ. Но это запрещеніе надо понимать въ томъ смыслѣ, что землевладѣльцы, получивъ королевскую привилегію на сборъ мыта, должны были собирать его согласно установленной королевскъ санкціи или въ свѣдѣ нормъ, принятыхъ въ данной мѣстности.

¹⁾ Кн. Зап. Лит., VIII, л. 366.

²⁾ Кн. Зап. Лит., VIII, л. 366.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XII, л. 25.

вають на то, що існуючі умови переїзда не удобні, почему необходимо их улучшить. Въ імѣні князя Нв. Фед. Масальскаго Олексійчю былъ перевозъ на рѣкѣ Свислочи; но при переїзді черезъ рѣку купцы часто „трудность приймають“, почему князь и просить о разрѣшеніи устроить мостъ и собирать мостовое¹⁾. Въ такомъ же положеніи были пути сообщенія въ імѣні Семитичахъ на Воляни, принадлежавшемъ каштеляну львовскому пану Станиславу Теичинскому: „Ино ижъ подъ тымъ мѣстомъ его река Бугъ идетъ оба берега на струнті оного именья Семитичкого, на которой рецѣ перевозъ его милость свой маєт; ижъ самъ съ подданными своими... И хотючи тамъ мостъ своимъ накладомъ сбудовати просилъ наст. (т. е. великаго князя) абыхмо на томъ мостѣ дозволили его милости мостовое брати, а то дей не будеть на жадной переїзде митамъ и мѣстамъ нашимъ, поведаячи, ижъ онаго мосту безъ великаго накладу уробити не можеть“²⁾. Если съ теченіемъ времени условия переїзда по дорогамъ иѣнялись и требовали отъ землевладѣльца болшихъ затратъ, тѣмъ та прибыль, которую онъ уже получалъ, то владѣльцы обращались съ просьбою о повышеніи мостового или гребельнаго, указывая на болшіе расходы по содержанію пути въ исправности. Такъ, въ привилей, данномъ князю Вас. Анд. Подубенскому на увеличеніе размѣра мостового въ імѣніи его Подубичахъ, приведенъ цѣлый рядъ причинъ такого увеличенія таксы³⁾.

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XXXV, л. 56 (1554 годъ).

²⁾ Ibidem, л. 157.

³⁾ Приведемъ это мѣсто грамоты: „Штожъ которая дорога великая идетъ на именье его на Подубичи, ино онъ въ той дорозе на многыхъ замъхъ мѣстахъ на рѣкахъ и на болотахъ людьми своимъ мосты и гати справуєтъ, а за то отъ купцовъ мита брать отъ воза по одному полугрошу, въ чомъ себе помылку некоторого по митѣ для того, ижъ той дороговъ, яко гостинищемъ великимъ, на каждый часъ многіе ездять, а онае мосты великие и гати розбивають, што зъ немалюу трудностью подданнымъ его приходить, чыстокрытъ тые мосты и гати поправуєчи; а слышаче ижъ отъ тыхъ часовъ людьми своимъ справилъ мостъ великий зъ села своего Подубичъ тавей черезъ болота а старою дорогою черезъ лѣсъ. И тми вси зми мѣста, где первой того великии трудности приймавали, хто туды ездилъ, выкинулъ. А нады то тежъ тыми разы, судачи намъ съ тамоніега панства нашего великаго князства Литовскаго до Коруны Польское, князь Подубенскій во всей той дорозе, почовши отъ Ломалъ ажъ до Ясенни, на водахъ и на болотахъ мосты и гати людьми своимъ про власность нашу господарскую добре заробити везель, где митъ въ дворямъ нашимъ безъ жадного замованія тми вси болота и реки просхали“...

Давалъ разрѣшеніе на мито, господарь обыкновенно опредѣлялъ въ грамотѣ размѣры его; иногда истрѣчаемъ и напоминаніе объ обязанности держателя моста или гребли заботиться объ исправности переїзда. Въ 1514 году кор. Сигизмундъ I разрѣшилъ брестскому еврею извѣстному Михелю Езофовичу устроить мостъ на рѣкѣ Бугѣ въ Дорогичинѣ взаимнѣ существовавшаго тамъ раньше перевоза. Мостъ долженъ быть построенъ на средства Езофовича. Онъ получаетъ право на сборъ мостового въ опредѣленномъ размѣрѣ. Этотъ сборъ идетъ на исправленіе моста. Однако, мито собирается только отъ купцовъ. Впрочемъ, тѣ сборы съ мѣстныхъ жителей, которые раньше собирались на перевозъ, поступаютъ Езофовичу. Господарское мито, собиравшееся раньше на перевозѣ, по прежнему внамаєтся въ пользу господарскаго скарба. Пользованіе мостовымъ дорогичинскимъ Езофовичъ получаетъ до живота¹⁾. Почти на такихъ же условіяхъ получилъ королевское разрѣшеніе на пожизненный сборъ мостового мита въ Брестѣ, взаимнѣ перевоза, мѣстный еврей Моисей Мордашевичъ²⁾.

Хотя господарская власть слѣдила за тѣмъ, чтобы землевладѣльцы не выпрашивали себѣ сбора мостового или гребельнаго мита на такихъ мѣстахъ, гдѣ устройство моста или гребли было излишне, на практикѣ не разъ въ этомъ отношеніи случались злоупотребленія. Въ 1511 году мѣщане володимирскіе имѣли тяжбу съ Петрашкомъ Калусовскимъ. Мѣщане жаловались, что Калусовскій беретъ на нихъ мито „на добровольной дорожѣ“, гдѣ раньше никогда не брали мита. Помѣщикъ представилъ привилей вел. кн. Витовта жиду Шпаню на именьіе Калусово съ митомъ мостовымъ, гребельнымъ и болотнымъ. Мѣщане въ свою очередь предъявили льготные листы вел. князей Свидригайла и Казимира, которыми они освобождены отъ митныхъ сборовъ³⁾.

Однако, не одни землевладѣльцы получали разрѣшенія на сборы проѣзжихъ митъ. Такое разрѣшеніе иногда давалось и городскимъ общинамъ, при чемъ заботы о благоустройствѣ соединялись съ дохо-

Почему „придали ему мита вадъ тотъ полугрошокъ, якъ первой его брать, по три денари... зъ воза, въ которомъ два кони будутъ, по грошу лядскому то есть по осми денарей мита брати“ (Кн. Зап. Лит., XXVIII, л. 14) (1542 г.).

¹⁾ Бернадскій, т. I, р. 85.

²⁾ Ibidem, р. 88.

³⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, р. 146.

дами, которые города получали при сборѣ пошлинъ. Такъ, напримеръ, въ 1538 году король Сигизмундъ I разрешалъ мѣщанамъ Виленскимъ исправитъ мостъ на рѣкѣ Вилии на городскіи средства и собирать на немъ мостовое въ пользу города; городская община обязана и впредь исправитъ мостъ¹⁾. Подобнаго же рода разрѣшеніе на сборъ мостового получали мѣщане минскіе; они получили право собирать мостовое при переездѣ черезъ мосты на рѣкѣ Свислочи отъ всѣхъ людей „купецкихъ и сельскихъ“, за исключеніемъ шляхты и подводъ, возущихъ хлѣбъ, привадекацій шляхтъ²⁾. Мѣщане мозарскіе имѣли перевозъ на Припяти, который сдавали въ аренду³⁾. Доходы, которые собираютъ города ввидѣ пошлинъ, иногда назначались великимъ княземъ на опредѣленныя нужды города. Такъ, мѣщане Берестейскіе получили въ 1525 году листъ отъ короля на сборъ въ Берестыя проѣзжаго мата, за что обязали устроить мосты на трехъ рѣчкахъ, протекающихъ по городу, замостить улицы, а также „такоеванши и порохи и вина потреби къ оборонѣ мостелой сираковати и прибавити вслѣдами бронами“⁴⁾. Это мито дано мѣщанамъ берестейскимъ на 10 лѣтъ, но впоследствии мѣщане выхлопотали себѣ подтвержденіе на мостовой сборъ⁵⁾. Мѣщане Владимирскіе пользовались помѣрнымъ и мостовымъ, доходы съ котораго должны были обращать на военныя нужды замка,—наемъ пушкарей, покупку пороха и т. д.⁶⁾

Не только города получали право на сборъ мита для оплаты какой-нибудь опредѣленной потребности, но иногда король назначалъ митный сборъ на содержаніе урѣда или служилого лица. Въ этомъ случаѣ не всегда имѣлись ввиду интересы общественнаго благоустройства; поэтому давались мита, какъ на мостахъ и переправахъ, такъ и обыкновенное проѣзжее мито, не оправдываемое необходимостью постройки моста или гребли. Такъ, на маршалковство волынское шло мито мостовое, собиравшееся на мосту въ Луцкѣ⁷⁾. Князь Лукашъ Свирскій получилъ отъ короля Сигизмунда Августа за службу право

¹⁾ Грамоты гор. Вильно, I, р. 62.

²⁾ Акты Ю.-З. Р., т. I, р. 180.

³⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 624.

⁴⁾ Акты Лит.-рус. гос., а. I, р. 199.

⁵⁾ Кн. Зап. Лит., I, з. 236.

⁶⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. V, т. I, р. 31.

⁷⁾ Кн. Зап. Лит., XXIII, з. 51 об.; Акты Ю.-З. Р., т. II, № 112.

на сборъ мостового мита въ имѣніи своемъ на рѣкѣ Клевси и на корчму вольную¹⁾. Князь К. И. Острожскій получилъ разрѣшеніе на сборъ мита съ проходящихъ и проѣзжающихъ людей въ имѣніи своемъ Череховѣ²⁾. Это мито уже не оправдывается никакими соображеніями о благоустройствѣ путей сообщенія: господарь устанавливаетъ въ награду за службу извѣстнаго рода доходныя статьи, которыя идутъ въ пользу заслужившаго господарскую „ласку“. Въ данномъ случаѣ сборъ мита преслѣдуетъ чисто фискальныя цѣли. Подобнаго же рода сборы и съ тѣми же цѣлями господарь учреждалъ иногда и для содержанія должностныхъ лицъ. Въ началѣ второй половины XVI вѣка Луцкая земля была „оздобена“ врядомъ войскового. Въ 1566 году Сигизмундъ Августъ „хотечи еще тотъ врадъ войское луцкое непнымъ платомъ надети и упривильевати“, учреждаетъ сборъ мита по 12 грошей отъ каждой комыги, идущей камъ вверхъ, такъ и внизъ по рѣкамъ Стыру и Брыни³⁾.

Особенно часто духовенство получало привилегіи на сборъ мита; такіе привилегіи давались для поддержанія церквей и монастырей. Такъ, виленскій костель св. Станислава имѣлъ старинное право на сборъ сухопутнаго и водяного мита въ костельномъ имѣніи Стрѣшинѣ⁴⁾. Костель луцкій имѣлъ право на сборъ поградичнаго мита съ соли въ своемъ имѣніи Торчинѣ, но, повидимому, только съ костельныхъ подданныхъ; это мито имѣло специальное назначеніе и шло на содержаніе канцелярнаго казначія⁵⁾. Троицкій костель въ Кіевѣ собиралъ въ свою пользу помѣрное отъ хлѣба⁶⁾.

Такимъ образомъ сборъ проѣзжихъ митъ имѣлъ двойной характеръ: они устанавливались или какъ оплата проѣзжающими услугъ, доставляемыхъ имъ государствомъ, общинами и частными лицами, или же устанавливались исключительно съ фискальными цѣлями. Въ ревизіяхъ Волынскихъ замковъ, на которыя мы не разъ ссылались, можно насчитать нѣсколько десятковъ частновладельческихъ имѣній, въ которыхъ собиравось проѣзжее мито, не оправдываемое никакими услугами; многія изъ этихъ митъ установились въ силу обычая, но

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XLVIII, з. 52.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XII, з. 143 об.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XLVII, з. 54 об.

⁴⁾ Акты Ю.-З. Р., т. I, р. 75; Кн. Зап. Лит., XXXVII, з. 158.

⁵⁾ Кн. Зап. Лит., XLVI, з. 20 об.

⁶⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. III.

среди них не мало было и таких, которая основывались на королевских привилегиях. Давал разрешение на сборь мита частному лицу, королевская власть обыкновенно предусматривала, чтобы новое мито не было „шкодно“ соседним господарским митамъ. Этотъ принципъ государственная власть всегда проводила при раздачѣ рязаннаго рода доходныхъ статей. Держась этого принципа, королевская власть устанавливала известнаго рода округъ, который обязательно долженъ былъ пользоваться сооружаемымъ мостомъ, гроблей и т. п. Такъ, когда былъ построенъ мостъ въ селѣ Сакахъ, то изданный по этому поводу господарскій указъ объявляетъ всѣхъ купцовъ держаться этой дороги и платить мостоное¹⁾. При учрежденіи воднаго мита на впадѣ войсково лужского тоже былъ установленъ известный районъ, изъбгать котораго запрещалось купцамъ²⁾.

Разумѣется, господарскія привилегіи на сборь ярмарочнаго и торговаго мита носили исключительно характеръ пожалованія, „ласки и милости“ великаго князя. Сущность этого рода мита намъ уже известна и теперь остается только указать на тѣ условія и причины, которая вызвали выдачу подобнаго рода привилегій. Что касается разрѣшенія городамъ на устройство ярмарокъ и торговъ, то таковыя привилегіи объясняются желаніемъ или оказать помощь „лиценцію“ жителей³⁾, или способствовать усилению мѣстной торговли⁴⁾. Вообще великокняжеская власть весьма охотно раздавала привилегіи на торги и ярмарки въ господарскихъ городахъ съ цѣлью вызвать оживленіе мѣстной торговли и привлечь населенія въ городскіе центры. Рѣдкій городъ, поэтому, не имѣлъ подобнаго рода льготы. Однако и частныя лица въ широкой мѣрѣ получали разрѣшеніе на осаду городовъ и мѣстечекъ и устройство въ нихъ торговъ и ярмарокъ. Надо замѣтить, что привилегіи частнымъ землевладѣльцамъ на устройство ярмарокъ, торговъ всегда сопровождалась разрѣшеніемъ на осаду мѣстечка, т. е. на переводъ его на магдебургское право; почти во всѣхъ такихъ городахъ землевладѣльцы получали право держать и вольныя корчмы, т. е. свободныя отъ платежа кащизны. Пожалованія на ярмарки и торги исходятъ исключительно отъ верховной власти и являются актомъ „милости, ласки“

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 451 об.

²⁾ Кн. Зап. Лит., I, л. 29.

³⁾ Акты Ю.-З. Р., т. I, р. 180.

⁴⁾ Акты Лит.-рус. гос., т. I, р. 114.

господаря, великаго князя. Въ привилегіяхъ иногда точно обозначаются дни, назначенные для торговъ и ярмарокъ; въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ выборъ дней предоставляется владѣльцу, — „на который день вода его будетъ“¹⁾. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ грамоты не ставятъ условій, чтобы вновь открываемые частновладельческіе торги и ярмарки не были „ку шкодѣ“ соседнимъ господарскимъ городамъ и мѣстечкамъ. Какъ привилегія, даныя на ярмарки давались господаремъ за службу жалуемаго лица²⁾, а иногда и безъ всякаго указа-

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 104 об.; Акты Лит.-рус. гос., т. I, р. 107. Увеличеніе числа торговыхъ дней зависело отъ королевскаго разрѣшенія. Такъ, Юрій Пяльевичъ имѣлъ въ воскресенье торги по границамъ королей Александра и Сигизмунда I въ мѣстѣ своемъ Высокомъ, но у Сигизмунда Августа выпросилъ еще одинъ торговый день въ четвергъ (Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 239 об.).

²⁾ Приведемъ нѣсколько свидѣтельствъ историковъ, характеризующихъ причину выдачи привилегій. Левша Боговитовичъ получилъ въ 1504 году грамоту короля Александра на устройство лавна въ мѣстѣ своемъ Ленковѣ, осаду здѣсь мѣстечка на вѣнецкомъ правѣ, а также на ярмарки и торги, „мѣщаномъ Левшовскимъ волно торговати негде по великому князству Литовскому со всякою куплею“; привилегія дается ему „ввиду его службы „ку отцу нашему королю Базмиру и къ намъ первую службу“ (Акты Лит.-рус. гос., т. I, р. 107). М. М. Радзивилъ получаетъ въ 1510 году грамоту на осаду мѣста на правѣ холмскомъ въ немъ. Воевой и постройку моста черезъ Наревъ; грамота дается „а ласки нашею, нааматавши его к намъ вѣрною службу, на его осолобитыю то вчинилъ“ (Акты Лит.-рус. гос., т. I, р. 138). Въ 1546 году конюшій дворный Ерощъ Каршескій съ женою своею выпросилъ привилей на осаду мѣста, торгъ и корчмы въ мѣстѣ ихъ Городицк; они объявили въ своемъ челобитьи: „И повелѣи передъ нами, иже тое имене ихъ подалъ мѣстъ нашихъ господарскихъ есть. Ино мы бачили то, иже оны обеще у двору нашего при насъ мешкаеть и намъ то, даву своему, добре заслугуетъ, а ласки нашею на холмбѣтѣ его самого и жоны его то есмо вчинили, дозволимъ иже и тѣмъ ласкомъ нашимъ дозволимъ и даемъ иже въ томъ именьи ихъ Городицку торгъ в каждой неделѣ в день поведзновыи мѣти и мѣсто лодьми вольными, прихожими осаживати, и корчомъ вольныхъ медоныхъ и винныхъ и горелого вина тамъ держати только, козко они ихъ могутъ мѣти. И масть оны а жоню а дѣтми и потомки своими того торгу своего вымѣню Городицкомъ мѣти и корчомъ такъ уживати и плати кащизны и торговне и винне доходы, которые бы козко съ того мѣста и торгу иѣли приходити, на себѣ брати на вечные часы“ (Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 16 об.—17). Панъ Иванъ Немирецъ задумалъ устроить замокъ въ кievскомъ мѣстѣ своемъ—Городицк. Король далъ ему разрѣшеніе на устройство лавна, осаду мѣста, торгъ и корчмы. Однако уже но выдачѣ привилегій королю доложили, что постройка лавна и мѣсто Городицкъ будеть „ку великой шкодо и некрисе тамошнимъ замкомъ и мѣстомъ нашимъ“ и будто бы Немирецъ не имѣетъ „вѣнцостого“ права на мѣстѣ. Король распорядился прекратить постройку лавна и произвести слѣдствіе. Разсмотрѣвъ результаты его, король повелѣлъ: „иже тотъ замочокъ его не есть на жадной переказѣ замкомъ и

ния на заслуги ¹⁾.

На Украинѣ разрѣшенія на осаду мѣстъ, ярмарки и торги охотно давались тѣмъ лицамъ, которые обѣщали здѣсь построить замокъ; эти лица обязывались содержать замокъ въ боевой готовности ²⁾. Выдача

местомъ нашимъ тамошнимъ украинцамъ и бачачи, или таковыи замки на украине не есть ку шкоде, але лепшому пожитку нашому и на причину королевое его милости великой княгини Бони и паматають на его къ намъ перныи послуги, азъ ласки наше господарское на его челомбить то учинили, дозволили ему въ томъ имевши его Городищу... замокъ збудовати место садити людьми волными прихожими и торги на каждую неделю мети... у неделю, и корчмы тамъ держати со всеми пожитки и доходы торговыми, или и по инымъ местомъ князскимъ, панскимъ обычай того есть, безъ шкоды наше господарское. А заеть онъ въ томъ имевши своєю дорогу завжды чинити и мости на болотахъ мостити, а отъ того за праву свою заеть тамъ мыто брати, але отъ вободы, такъ и отъ соли и отъ иныхъ куменскихъ речей отъ поду по возугруму" (Кн. Зап. Лит., XXVIII, л. 146—147) Иванъ Юрьевичъ Гдбовичъ получаетъ разрѣшеніе на осаду мѣста, ввиду своихъ заслугъ въ московской войнѣ: „Бачачи тежъ на то, иже онъ отъ неприятеля нашего Московского на имевши есть слажонъ и заксци, будучи на Украинѣ, послуги свои намъ, пану своему и Речи Посполитой, не зловучи горди и маетности своею, противъ неприятеля нашего чинити ми, азъ особливо ласки наше на его челомбить, то учинили и при томъ знете пана воеводи польского пана Яна Юрьевича Гдбовича его доставляемъ: заеть онъ въ имевши своемъ Залесьи на той земли части своей, которая се ему въ томъ имевши отъ брата его зостала, место садити и торги чинити, на который день воля его будетъ, и корчмы тамъ мети и торелкой шивковати"... (Кн. Запис. Лит., XXIV, л. 104 об.). (Ср. Videm, л. 104 об.—105, Кн. Зап. Лит., XII, л. 256, —привлея на ярмарки князю Юрью Дубровицкому въ мѣстѣ его Гзускѣ (1525 г.); л. 322—Яну Косевичу; л. 322 об.—Яну Николаевичу на торги и корчмы въ мѣстѣ его Годутишкахъ; л. 323—Г. Тышковичу на мѣсто торги и корчмы въ Вязанцахъ и др.

¹⁾ Мартинъ Веквичъ въ челобитиі королю въ 1508 году основывать просьбу свою о разрѣшеніи торга на томъ, что въ его мѣстѣ Лялахъ „многи люди наши и иншии люди приходять", т. е. для торговли (Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. 132). Николай Сиревичъ получилъ грамоту на торги въ Жагорахъ, такъ какъ заваялъ королю „штожъ торговъ по дворянъ нашимъ жемойтскимъ нешкодно есть" (Videm, р. 62). Разумбетен, многие получали подобныя разрѣшенія безъ всякаго опредѣленія притчи дачи (напр., Ванга Шуба. Дѣл. Лит., XXVIII, л. 146 и др.).

²⁾ Одинъ такой фактъ, касавшійся пана Немпрча, мы уже привели въ предыдущемъ примѣчаніи. Приведемъ еще указаніе на привлея князю Дмитрью Романовичу Водонцову 1541 г. Князь заваялъ королю, что „въ мѣстѣ ихъ на имя Ухабой при рече Ули есть мѣсто годное, на которомъ мѣстѣ они въ томъ имевши ихъ хочуть замокъ себе тамъ збудовати, при которомъ же до двѣ замку абыхно дозволили ему въ томъ имевши место садити, торги возвыи и корчмы мети". Король согласился на его просьбу и разрѣшилъ осаду мѣста, торги и корчмы въ его мѣстѣ съ правомъ „съ того себе пожитки привлащати безъ шкоды наше господарское"; но за то владѣлецъ обязался „въ томъ замку своемъ брояи

королемъ грамоты на торги и корчмы вногда сопровождалась публикаціей по соседнимъ торгамъ и мѣстечкамъ ¹⁾.

Проводя неизмѣнно тотъ принципъ, чтобы учреждаемая частновладельческіи мѣстечки не вредили торговлѣ государскихъ, правительство тѣмъ самымъ обеспечивало извѣстный торговый районъ для послѣднихъ. Вообще это стремленіе къ установленію извѣстнаго района, округа для тѣхъ или иныхъ фискальных и торговыхъ цѣлей, составляетъ весьма характерную черту сярбовой политики. Мы часто съ нею будемъ встрѣчаться ²⁾. Здѣсь интересно отмѣтить еще особый рѣдкій видъ привилегіи, когда великій князь устанавливалъ такой же торговый районъ для землевладельческихъ торговъ. Въ этомъ смыслѣ получалъ жалованную грамоту въ 1527 г. князь К. П. Острожскій: король подтвердилъ старинныя торги въ волыньскихъ имѣньихъ князя, запретивъ панамъ, князьямъ и землянамъ Волынской земли имѣть торги въ тѣ же дни, въ какіе они происходили въ имѣньихъ Острожскаго потому, что въ торговлѣ послѣднихъ отъ этого чинится „сказа" и „шкода" ³⁾. Послѣдній фактъ не только интересенъ, какъ особаго рода привилегіи, но важенъ тоже и тѣмъ, что еще разъ подтверждаетъ широкія прерогативы великокняжеской власти по отношенію къ раздѣлу привилегій.

великие и злѣжи замковые тамъ мети и въ доброй оострости его ховати и ако брояжи, такъ и иншими речми, што къ замку принадлежати, маетъ его насниговати такъ, але бы часу пригоди отъ неприятеля нашего, тотъ замокъ его въ доброй безвечности быти. И маетъ они сами, ихъ дети и нанотомъ будучие ихъ пачи тотъ замокъ и место въ цевенъ Ухабой держати и живити лею то властность имевши своего на вѣчныи часы" (Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 104 об.—105).

¹⁾ По всей вѣроятности, она не всегда дѣлалась, потому что объ этомъ сравнительно рѣдко говорятъ жалованными грамотами. Вотъ въ какихъ, напримѣръ, словахъ говоритъ объ этомъ привлея ин. Андрей Винненцовому: ему разрѣшаются торги и ярмарки въ городѣхъ Андреевѣ и Половцахъ, при чемъ король постановляетъ „то по всякъ мѣстахъ и мѣстечкохъ нашихъ господарскихъ и князьскихъ, панскихъ, становъ духовныхъ и свецкихъ выкликати и озвѣстити, а мещане оныхъ мѣстъ его поменовыхъ тыхъ ярмарокъ и торговъ, отъ насъ имъ назаныхъ, въ часы и дни верху описаные за симъ истомъ нашимъ уважати маетъ вечно". По оныи тамъ съ неурѣчными условіемъ, чтобы господарскими городамъ не было отъ новыхъ городотъ „шодо" и „переканъ" (Кн. Зап. Лит., I, л. 213 об.—214). Ср. такой же привлея Михаилу Хрѣницкому. Кн. Зап. Лит., I, л. 17.

²⁾ Визанамъ получили привлея на устройство гостиницы для московскихъ пословъ и тутъ былъ обозначенъ округъ. Грамоты г-р. Вильна, I, р. 60. Право на баню тоже могло быть исключительнымъ, напр. Арх. Ю.-З. Р., ч. V, т. I, р. 14 и 46.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XII, л. 347; Любавскій, о. с., р. 791.

Въ XVI в. много возникаетъ частновладельческихъ и господарскихъ мѣстечекъ съ торговыми и ярмарочными днями. Сборъ пошлинъ проникаетъ и въ сельскую торговлю. Множество мѣстъ сбора пошлинъ, разнообразіе формъ ихъ, возможность злоупотребленій—тяжело стали отзываться на торговлѣ. Не менѣе вредно отзывались на торговлѣ проѣзжій и въѣзжій пошлины. Ихъ было очень много съ весьма разнообразными способами взиманія сборовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эти пошлины въ большомъ количествѣ возникли въ болѣе древнее время. Этими, напримѣръ, отличалась уже въ XV-омъ вѣкѣ Волынская земля. Многія мыта возникли здѣсь по королевскимъ грамотамъ, но еще большее число ихъ установлено самими панами и явилось злоупотребленіемъ. Ревизія Волынскихъ замковъ 1545 года представляеть въ этомъ отношеніи весьма много любопытныхъ подробностей. Мѣщане Володимирскіе и Луцкіе жаловались ревизорамъ на множество новыхъ „незвычайныхъ“ мытъ, установленныхъ князьями, панами и духовенствомъ въ своихъ имѣніяхъ; при сборѣ мыта шляхта задерживаетъ кущовъ и грабятъ ихъ. Отъ этого, говорили мѣщане, мы пропали, пришли въ большую нищету и многіе совсѣмъ оставили торговлю, почему убытокъ терять не только сами мѣщане, но и король. Мѣщане представили ревизорамъ грамоту короля Казимира, изъ которой видно, что уже въ третьей четверти XV-го вѣка мѣщане судились съ панами по поводу взиманія незаконныхъ мытъ. Грамота Казимира перечисляетъ около сорока мѣстъ, гдѣ взималось мыто, но изъ нихъ не болѣе тринадцати признаны королемъ законными, т. е. восходящими къ эпохѣ Витовта; остальные болѣе позднато происхождения и незаконно взимались съ мѣщанъ. Король запретилъ эти сборы, но запрещеніе осталось только на бумагѣ, какъ это видно изъ жалобы 1545 года. Въ послѣднемъ году ревизоры насчитали пятьдесятъ семь мѣстъ, въ которыхъ взималось шляхтою мыто, кромѣ мытъ въ господарскихъ имѣніяхъ, а также въ имѣніяхъ князей Острожскихъ и Слуцкихъ. Почти всѣ помѣщики, которымъ запрещаетъ взиманіе мыта Казимирова грамота, продолжали, однако, собирать пошлины. Среди нихъ мы встрѣчаемъ даже Петра Калусовскаго, у котораго луцкіе мѣщане оспаривали мытные сборы на несуществующей греблѣ не только при Казимирѣ, но и при королѣ Александрѣ. Ревизоры сдѣлали постановленіе о взиманіи незаконныхъ мытъ. Сомнительно только, чтобы эти распоряженія имѣли какой-нибудь практической результатъ. Въ общемъ выводъ, къ которому пришли ревизоры, былъ довольно печаленъ.

Замковія орудія, снаряженіе которыхъ лежало на обязанности мѣщанъ, оказались въ плачевномъ состояніи. Ревизоры подвергли за это мѣщанъ штрафу, но тутъ же отмѣчаютъ, что торговля въ Луцкѣ подвергается такимъ стѣсненіямъ, которыя дѣлаютъ для мѣщанъ затруднительнымъ сборы на замковія нужды. Городъ окруженъ помѣщичьими землями; помѣщики собираютъ множество мытныхъ сборовъ при въѣздѣ въ городъ. Въ самомъ городѣ, по словамъ ревизіи, съ одного воза берутъ по семи и по восьми мытъ, кромѣ мостовыхъ и другихъ дорожныхъ. Не всякій, поэтому, рѣшается ѣхать въ Луцкъ и предпочитаетъ вести торговлю въ мелкихъ окрестныхъ мѣстечкахъ. Въ Луцкѣ нѣтъ даже достаточнаго подвоза провизіи, такъ что мѣщане сами должны за ней ѣздить въ другіе города¹⁾.

Приблизительно въ такомъ же положеніи были и другіе крупныя торговые центры. На Волынь раньше проникло торговое оживленіе, почему здѣсь уже въ XV вѣкѣ встрѣчаемъ множество частновладельческихъ мытъ. Съ теченіемъ времени, какъ только развивалась торговля въ томъ или другомъ пунктѣ, окрестные помѣщики усиленно хлопотутъ о полученіи привилегіи на сборъ мыта. По спискамъ Метрики Литовской можно было бы легко прослѣдить, какъ обильнились проѣзжими мытами крупныя городскія центры по мѣрѣ возрастанія ихъ торговаго значенія. Около половины XVI-го столѣтія множество грамотъ выдается на мыто подлѣ Вильной, Коновомъ, Полоцкомъ и Витебскомъ, а затѣмъ та же погоня за грамотами переходитъ на востокъ къ Могилеву. Конечно, подлѣ этими городами и раньше существовали частновладельческія таможенныя заставы, но въ названное время количество ихъ увеличивается именно послѣдствіе торговаго развитія городовъ. Частновладельческія мыта тогда же появляются въ Полоцкой и Витебской земляхъ потому, что падаетъ значеніе мѣстныхъ уставныхъ земскихъ грамотъ. Такъ, не легко было, напримѣръ, пробраться купцу съ товарами въ Вильнѣ или Коновѣ. Подлѣ Вильной рѣки Вилія и Жеймена были унизаны мытными заставами болѣею частію незаконнаго происхожденія; такія же мыта взимались въ Верахѣхъ, Неменчянѣхъ, Быстрицѣхъ, Марковѣхъ, Данишевѣхъ, Жодзинкахъ, Колтенинахъ и въ другихъ мѣстахъ²⁾. Святая рѣка Не-

¹⁾ Памятники Кіев. Ком., т. IV, отд. II, с. 123, 133, 135, 192 и др.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XIX, с. 146 и 193; Собраніе грамотъ города Вильни, т. I, с. 71, 73; Кн. Зап. Лит., XXIV, с. 204 об.

вляжа подь Ковной была свободна, согласно королевским грамотамъ отъ мытъ на езахъ. Однако, короли должны были не разъ защищать ковенцевъ отъ „вытеганья“ мытъ берегового, мостового, гробельнаго и „незвычайныхъ вымысловъ“, налагать заруки на непослушныхъ и пр.¹⁾

Вообще жалобы на сборъ мыта въ неразрѣшенныхъ мѣстахъ или на взимаеіе „непомѣрныхъ“ мытъ около половины XVI вѣка становятся весьма частыми²⁾. Поводы для такихъ жалобъ были весьма разнообразны³⁾. Король издавалъ заручные листы, по частнымъ поводамъ, о невзиманіи шляхтою излишнихъ мытъ⁴⁾. Но самые листы, издаваемые въ большомъ числѣ, показываютъ, что правительство было безсилно въ борьбѣ съ шляхтою: она не всегда принимала въ расчетъ господарскіе безмытные листы⁵⁾.

Разсмотрѣвъ различныя виды торговыхъ сборовъ и внутреннихъ таможенныхъ, намъ слѣдуетъ отмѣтить значеніе ихъ, какъ источниковъ скарбового дохода. Уже предыдущее изложеніе даетъ до известной степени достаточное количество фактовъ, позволяющихъ судить о томъ мѣстѣ, какое занимали означенные сборы среди источниковъ дохода. Самый характеръ сборовъ можетъ быть усвоенъ лишь съ помощью актовъ, утверждающихъ права частныхъ землевладѣльцевъ, городовъ и вриданковъ на торговлю и проѣзжій мыта. Это уже показываетъ, что скарбъ немногіа въ мытъ эксплуатировалъ въ свою пользу. Привилегіи на мыта, раздаваемые землевладѣльцамъ, не могли существенно подрывать скарбового дохода потому, что эти мыта вытекали изъ вотчинныхъ правъ на землю; поэтому господарскій скарбъ

¹⁾ Собраніе грамотъ г-р. Вильны, т. II, р. 162.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XXXV, л. 204 об.; Кн. Зап. Лит., XLV, л. 127.

³⁾ Для характеристики сказаннаго мы укажемъ еще на нѣкоторые факты въ допознание къ уже изложеннымъ. Такъ, въ 1558 г. мѣщане кіевскіе жаловались на вѣдчанамъ виленьскаго мостела св. Станислава по поводу взимаема съ мѣщанъ мытъ „незвычайныхъ“ въ костельномъ мѣстѣ Стрешинѣ, несмотря на привилегіи кіевлянъ, освобождающія ихъ отъ мыта; король, однако, постановилъ взимать съ мѣщанъ мыто, но въ уменьшенномъ размѣрѣ (Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 158—159). Въ 1556 году между мѣщанами могилевскими и державцею Рогачевскаго староства (оно принадлежало королевѣ Борѣ) велѣны споры о мытѣ въ Рогачевѣ. Король приказалъ могилевскимъ купцамъ не обязывать рогачевскаго мыта, но мѣщане все таки его обязывали по Сожу, потому что державца взимае мыто „непомѣрное“ (Кн. Зап. Лит., XXXVI, л. 39).

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., XXXV, л. 274 об.; Кн. Зап. Лит., LV, л. 19.

⁵⁾ Акты Ю.-З. Р., т. I, р. 120.

нигдѣ не собиралъ торговыхъ и проѣзжихъ мытъ на частновладѣльческихъ земляхъ. Выходъ же мытъ изъ распоряженія скарба на господарскихъ земляхъ составлялъ уже непосредственное уменьшеніе скарбового дохода. Великіе князья Литовскіе широкую рукою раздаютъ привилегіи городамъ на сборы мытъ; иногда эти привилегіи, какъ мы видѣли, даются городскимъ общинамъ для нужды мѣстнаго благоустройства или обороны, но еще чаще онѣ носятъ прекарный характеръ, хотя и имѣютъ цѣлью развитіе мѣстной торговли. Предоставленіе мѣстнымъ правительственнымъ административнымъ агентамъ мытныхъ сборовъ также носитъ характеръ усиленія вриданческихъ доходовъ и опять таки въ виду усиленія мѣстныхъ оборонительныхъ средствъ. Но источникамъ легко установить, что громадное большинство городовъ и державъ, въ которыхъ можно было предвидѣть сколько-нибудь значительные торговые обороты, не давали въ скарбъ никакихъ мытныхъ доходовъ, такъ какъ мыта здѣсь находились въ рукахъ городскихъ общинъ и вриданковъ¹⁾. Устава 1529 г. для дво-

¹⁾ Приведемъ для подтвержденія сказаннаго списокъ главнѣйшихъ городовъ съ податями, какими сборами, согласно привилегіи, каждый изъ нихъ владѣлъ. Въ Новгородѣ на ратушу платъ мыта, мѣрное, воскобойна, капица (врид. 1511 г.) (А. З. Р., II, р. 91—92).

Въ Минскѣ: важница, капица (врид. 1499 г.) (А. З. Р., I, р. 187—189); также мыта (А. Ю.-З. Р. — ср. выше); по грамотѣ 1503 г. воскобойна и капица переданы войту „на вѣчность“ (Акты Лит.-рус. госуд., I, 104).

Въ Берестѣ въ 1525 г. передано на ратушу мостовое (ibidem, р. 199), въ 1511 г. — воскобойна (А. З. Р., II, р. 94).

Въ Луцкѣ: важница, воскобойна (Арх. Юго-Зап. Р., ч. V, т. I, р. 14), мѣрное и мостовое (ibidem, р. 31), хотя до пожалованія магдебургскаго права доходъ отъ ваги шелъ въ скарбъ (Акты Лит.-рус. гос., I, 82); проѣзжій мыта — у маршалка, плочника и войскаго.

Во Владимирѣ: мѣрное и мостовое (Архивъ Юго-З. Р., ч. V, т. I, р. 31); воскобойна была у старосты (Памят., I, с., р. 170).

Въ Вильнѣ: мѣрное, воскобойна (Собр. гр. г-р. Вильны, I, р. 3, 8), мостовое (ibidem, 154), мостовое на гостиницѣ (ibidem, р. 80).

Въ Витебскѣ: вага и мѣрное (Кн. Суд. Дѣлъ Лит., II, л. 20 об.).

Въ Полоцкѣ мыта вскон принадлежали городу, хотя временно были мыта вел. кн. Александромъ въ скарбъ (Исписки, о. с., р. 133, ср. А. З. Р., II, р. 76—79); капица, мѣрное, дворъ гостиницъ (ibidem, цитр., А. З. Р., I, р. 179); впрочемъ съ гостиницаго двора половина дохода шла въ скарбъ (ср. еще о вагѣ Кн. Зап. Лит., XV, л. 56 об.—58).

Въ Кіевѣ: мѣрное медовое, а также воскобойна, но съ утратой въ скарбъ по 2 дони гр. отъ каждой коморы, шакное — на господаря (А. Ю.-З. Р., II, 127).

Въ Высокомъ: вага (Акты Лит.-рус. гос., I, р. 190).

ровъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ цѣликомъ даже передаетъ въ руки державцевъ известные роды мытъ, а именно: торговое, поборное, мясное (подъ послѣднимъ, впрочемъ, разумѣется промысловый сборъ съ маслинокъ); на господарскій скарбъ по этой уставѣ взимаются только „стародавние“ мыта на перевозахъ и рѣкахъ¹⁾. Правда, Жмудская устава 1529 г. оставляетъ у господари помѣрное и торговое мыта²⁾. Можно указать на значительный рядъ городовъ, въ которыхъ торговое и проѣзжее мыто собиралось на господари въ XV-омъ и началѣ XVI-го вѣка, но съ теченіемъ времени перешло въ руки державцевъ и старость или на основаніи изложеннаго мѣста устава, или вслѣдствіе особаго господарскаго пожалованія (въ восточныхъ и южныхъ волостяхъ). Можно указать лишь нѣсколько городовъ, изъ которыхъ съ конца XV-го и до 60 годовъ XVI вѣка торговое или проѣзжее мыто неизмѣнно собиралось въ скарбъ; таковы, наприимѣръ, Гродно (впрочемъ, за исключеніемъ того времени, когда это старство находилось во владѣніи королевы Боны), Мозырь, Могилевъ; въ послѣднемъ важнее, торговое, помѣрное и проѣзжее мыта давало немаловажный доходъ. Иногда господарь оставлялъ на скарбъ лишь часть какихъ-нибудь сборовъ (наприимѣръ, половина дохода съ гостинныхъ домовъ въ Полоцкѣ). Впрочемъ, что касается размѣра господарскихъ доходовъ отъ проѣзжихъ и торговыхъ мытъ, то надо замѣтить, что вообще онъ былъ очень не великъ: объ этомъ можно судить по тѣмъ даннымъ, которыя показываютъ размѣръ доходовъ въ тѣ моменты, когда мытные сборы находились въ распоряженіи скарба³⁾. Быть можетъ, это обстоятельство, т. е. незначительность

Въ Возновскѣ: помѣрное, вѣтъ, воскобойна, помѣрное медовое (А. З. Р., II, р. 10).

Въ Цешаткѣ: помѣрное, мясное, воскобойна, вѣта (Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 318 об.—321).

Ср. Васильковы, *ibidem*, л. 43 об.—45 об., Вистинское, Кн. Зап. Лит., I, III, л. 28—20.

— Въ южныхъ украинскихъ земляхъ, на которые мы такъ часто ссылаемся, всѣ торговые и мелкіе таможенные сборы уходили на старость (только въ Мозырь было господарское мыто, рядомъ съ старостинскимъ, да въ Брестнѣ собиралось торговое на господари).

При падѣніи правленія въ 60-хъ годахъ городовъ русскихъ волостей въ нихъ тоже отходили мелкіе сборы (напр. Могилевъ).

¹⁾ Акты З. Р., т. II, р. 197.

²⁾ *ibidem*, р. 209.

³⁾ Доказательствомъ сказаннаго могутъ служить слѣд. данныя:

доходовъ, и побуждала скарбъ предоставлять ихъ мѣстнымъ элементамъ.

Однако, съ конца 50-ыхъ годовъ XVI-го вѣка замѣтенъ рѣдкій поворотъ скарбовой политики въ отношеніи мытныхъ сборовъ. Финансовый мѣропріятіа Сигизмунда Августа коснулись и этой отрасли доходовъ. Волочная устава уже нигдѣ не говоритъ о передачѣ какихъ бы то ни было казенныхъ сборовъ мѣстнымъ властямъ. Съ изданіемъ этой устава скарбъ обратилъ надлежащее вниманіе на цѣлый рядъ мелкихъ сборовъ и началъ ихъ эксплуатировать весьма тщательно; въ числѣ этихъ сборовъ встрѣчаемъ и мыта. Пока мы остановимся на этихъ замѣчаніяхъ о новомъ направленіи политики Сигизмунда Августа по отношенію къ разсмотрѣннымъ сборамъ. Къ этому вопросу мы еще возвратимся въ связи съ нѣкоторыми другими сторонами мѣропріятій того же короля.

Городенское мостовое въ 13 виднѣтъ (хронологія по виднѣтамъ относится ко времени в. кн. Александра) шло за 50 золотыхъ въ годъ (Кн. Зап. Лит., VI, л. 164). Въ той же суммѣ оно вошло на аренду въ 1504 г. воуту троцкою Писелю (*ibidem*, л. 263 об.). Перевозъ на Пѣмалъ изъ Горознѣ даже въ 1559 г. шелъ всего за 50 копъ грошей въ годъ (Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 223 об.), а въ 1561 г. — за 70 копъ гр. (*ibidem*, л. 480 об.). Перевозъ изъ Дорозничнѣ въ 1559 г. шелъ по 40 копъ гр. въ годъ (*ibidem*, л. 229 об.).

Рѣчное мыто въ теченіе 1—3 виднѣтъ сдавалось всего по 12 копъ грошей въ годъ (Кн. Зап. Лит., VI, л. 272 об., 182, 177 об.).

Мозырское мыто въ 2—3 виднѣтахъ вмѣстѣ съ корчмомъ шло по 15 копъ грошей въ годъ (Кн. Зап. Лит., VI, л. 272 об. и 182 об.), а въ 4—5 вид. по 15 копъ гр., но уже отдѣльно отъ корчмы (*ibidem*, л. 179 об.).

Кричевское мыто шло въ 13 вид. за 13½ копъ грошей въ годъ (*ibidem*, л. 167), а въ 2—5 вид. по 25 копъ гр. въ годъ (*ibidem*, л. 177).

Бочечное и помѣрное въ Мереши сдавалось въ 1486 г. за 40 золотыхъ (Варшавскій, I, 41), тоже и въ 1488 г. *ibidem*, р. 45).

Незначительный размѣръ мыта въ Звиголтъ виднѣтъ изъ того, что оно шло въ 1488 г. вмѣстѣ съ корчмомъ на арендѣ въ 15 копъ грошей (*ibidem*, р. 45).

Въ Бриснѣ мыто, водужное, корчмы, перевозъ и важнее шло съ 1488 г. за 120 копъ грошей въ годъ (*ibidem*, р. 40).

Слѣдній за время правленія Сигизмунда I и до 1558 г. не встрѣчается, потому что мыта не находились въ скарбовомъ управленіи. О моголевскомъ мытѣ будутъ приведены данныя вмѣстѣ съ данными о виднѣтыхъ таможенныхъ сборахъ. Моголевское мыто дало большой доходъ, но адсье возникалъ какъ торговля конными, такъ и лошади съ „гостинныхъ“ товаровъ. Иногда профдныя мыта и торговля сдавались вмѣстѣ съ „головными“, о чемъ будетъ сказано впоследствии.

3. Мельничное право.

Мельничное право в Литовско-русском государстве составляло вотчинную монополию. Мельницы могли устраиваться только с разрешения вотчинника земли, подданные должны молотить свой хлеб только на тех мельницах, которые указаны владльцем¹⁾. Довольно трудно указать время происхождения этой монополии, но, по видимому, она одно из позднейших прав, присвоенных вотчинниками. В грамотах XV-го века и особенно начала его встречаются, в пожалованных великим князем земель на вѣчность, также и право на устройство мельниц, ставов²⁾; впоследствии указание на мельницы не вставлялось в текст жалованных грамот и это, конечно, потому, что оно было всеобщим вотчинным правом. Указание нами особенностью грамот древнейшаго периода как будто показывать, что вступавшая государственная власть колеблется в признании за вотчинниками мельничной монополии. Однако, съ течением времени мельница становится монополией вотчинника. Великий князь в своих государственных землях также пользуется этим правом. От него зависит дать разрешение на постройку мельницы; такое право государь дает или частным лицам³⁾, войтам⁴⁾, или общинам⁵⁾; иногда государь, разрешив постройку мельницы, переводит ее на земское право⁶⁾. Сущность пожалования права на мельницу заключалась не только в правѣ постройки ее и эксплуатации, но, главным образом, в томъ, что государь разрешал своимъ подданнымъ молотить хлебъ на мельницѣ частного лица в такомъ образомъ, поступался въ известной мѣрѣ своими монополиями правами. Иногда государь только разрешал своимъ подданнымъ возить

¹⁾ Ки. Зап. Лит., XXXI, л. 31. Мѣшане Севантицкѣ въ свѣдѣ „длинныхъ листовъ“ обязаны были молотить хлебъ на мельницахъ своей поземки ки. Служкой (Виз. Арх. Сборн., VII, р. 37).

²⁾ Напримеръ, Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. 3; Акты Ю.-З. Р., I, р. 11—14, 17—20 и др.; но иногда грамоты и не содержатъ въ себѣ права на мельницы (ibidem, р. 19, 21).

³⁾ Ки. Зап. Лит., XXXVII, л. 496 об.

⁴⁾ Ки. Зап. Лит., VIII, л. 156; Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. 122, 58.

⁵⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. V, I, р. 69.

⁶⁾ Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. 166.

хлебъ на мельницу частного лица или городской общины¹⁾, а иногда устанавливали известный районъ, который танетъ къ пожалованной государемъ мельницѣ²⁾.

Это вытекало изъ правъ господара, какъ вотчинника, на монопольное устройство мельницъ: „а нашимъ,—говоритъ арендный контрактъ королевы Бони на отдачу мыть малыхъ кременецкихъ Скуйбецѣ,—такъ мѣшане яко и селяне Кременецкие подлугъ повинности стародавнее въ млынехъ нашихъ, а не въ чужихъ збожью всякие свои и солоды молоти мають подъ виной на замокъ нашъ Кремянецкій тремя копами грошей и подъ втраченемъ збожья своего до Скуйбеда“³⁾. Такие же порядки господствовали и въ господарскихъ волостяхъ и городахъ: „а подданные господарские ни въ чьихъ пиншихъ млынехъ только въ господарскихъ пенке збожья и солоды, где кому будетъ прилегло, мають молоти также подъ утратою оного збожья и солоду“⁴⁾. Такимъ образомъ мельничное право заключалось

¹⁾ Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. 127. Приведемъ еще примѣры. Подданные Мельничкой волости Подковевы (дѣловое селеніе) имѣли отчуждый млынъ и возлужили отъ мѣшанаго старосты съдѣующаго содержания млынъ, подтвержденный королевемъ; имъ разрешено „въ томъ млыне збожью молоти и въ ступѣ сушена толочи, окромъ пинныхъ збожѣ нашихъ повету Мельничского, которыми къ тому нашему замку тинуть,—тымъ всякъ наказалъ на тотъ ихъ млынъ ездити молоти и сушить въ ступѣ толочи.—И наказати имъ ядого толовека въ волости Мельничское къ тому млыну принусати. Нижшъ хто бы съ волости Берестейское и Каменецкое и въ пинныхъ восторонныхъ до того млына ихъ прѣхалъ, тымъ мають добровольно въ томъ млынѣ молоти и на ступѣ толочи“ (Ки. Зап. Лит., XXXVII, л. 497, 1334 г.). Или вотъ еще содержаніе одного привилея: „... Пагы Ляв Литаваръ Хреговичъ просятъ въ насъ млыница нашего въ Берестки въ яма Никлевского... а поведишь впередъ нами што къ деи тое млыничко ямы яко отъ козывасладаты летъ пусто десяти... Нехай оны тое ставичко Никлевское заслышитъ и млынъ себе справити и тое мѣсте млыварское въ огородахъ держати со всякъ съ тымъ, какъ адана въ себе ся мають, и водень то отдати, продати замѣнати и ку своему влчточному и дѣловому обернути, какъ ся ему и его справедливымъ наследкомъ на дѣлей увидити; тежъ хто бы козывѣ хотѣлъ на тотъ млынъ его збожью которое возити, тымъ дозволяемъ всякое збожью на тотъ млынъ его возити молоти, а вымѣки съ того млына мають оны на себе браги, а старостамъ нашимъ берестейскимъ къ то венадобе ся вступити“ (Зависей Ки., VIII, лл. 116 об.—111).

²⁾ Иногда встрѣчаются довольно любопытныя опредѣленія того, что именно разрешается молотить въ мельницахъ и при какихъ условіяхъ возить возомынерскій млынъ млынъ, „на который мѣшаномъ возомынерскымъ всякое збожью молоти (волю) то, што бы только кто на себѣ принесе“ (Ки. Зап. Лит., LI, л. 28—29).

³⁾ Ки. Зап. Лит., XXXII, л. 47 об.—50.

⁴⁾ Ки. Зап. Лит., XLV, л. 48—50.

въ монопольномъ правѣ вотчинника устраивать мельницы и облагать своихъ подданныхъ молотъ на нихъ хлѣбъ, слѣдовательно, и устанавливая монополия цѣны за пользованіе мельницею. Въ принципѣ вотчинника пользовались мельничнымъ правомъ уже въ XV и въ первой половинѣ XVI-го столѣтія. Въ государственныхъ добрахъ мельница была принадлежностью старостинскаго двора, и доходъ отъ нея рѣдко имѣлъ самостоятельное значеніе¹⁾. Только съ введеніемъ волочной устави мельничная монополія получаетъ самостоятельное значеніе, выдѣляясь изъ старостинскаго управленія. Сдѣлавшись самостоятельной отраслью дохода, мельничная монополія вскорѣ выдѣлила изъ себя еще пожеерное. Хотя вотчинникъ имѣлъ право на устройство мельницъ, но, повидимому, обычай не давалъ ему права запрещать подданнымъ пользованіе ручными жерновами. По крайней мѣрѣ, еще въ 20-хъ годахъ XVI-го вѣка нѣкоторыя попытки со стороны державцевъ запретить пользованіе жерновами не имѣли успѣха: подданные признавали такую попытку новиною, и господа-вотчинники утверждали ихъ старину²⁾; въ другихъ случаяхъ мы уже встрѣчаемъ нѣкоторыя ограниченія для подданныхъ въ этомъ отношеніи³⁾. Съ 1561 г. и жернова подверглись особому обложенію, но для земскихъ цѣлей.

4. *Корчменное право и капицна.*

Во времени перваго Статута великій князь литовскій уже вполнѣ пользовался правомъ исключительнаго разрѣшенія на держаніе корчемъ, т. е. мѣстъ продажи меда, шна и вина (вино—горѣла, отсюда корчма горѣлчанин)⁴⁾. Первый Статутъ содержитъ въ себѣ категорическое воспрещеніе держать „покутныя“ корчмы (этими имѣлись ввиду чисто полицейскія цѣли) и корчмы безъ государственной данины (разд. III арт. 17). Такимъ образомъ, для открытія

¹⁾ Впрочемъ, въ рѣдкихъ случаяхъ мельницы составляли особую доходную статью. Напр. Кв. Зап. Лит., IV, л. 128 об. Кв. XXX, л. 44. Зап. Лит., XXIV, л. 100; XXXVII, л. 346, 317.

²⁾ Акты Лит.-рус. гос. в. I, р. 194.

³⁾ Ibidem, р. 180.

⁴⁾ Давноль, какъ извѣстно, пошла въ употребленіе въ Зап. Европѣ сравнительно поздно (Прижолъ, Исторія кабаковъ въ Россіи, СПб., 1868, р. 49). Въ Литовско-русскихъ актахъ вино горѣлое извѣстно съ первыхъ годовъ XVI стол.

корчмы не только на государскихъ земляхъ, но и на частновладельческихъ требовался государскій привилей. Корчменная регламъ получила государственный характеръ, повидимому, уже въ моментъ сложенія Литовско-русскаго государства. На это намекаетъ одно мѣсто Смоленской уставной грамоты, по которой только королю предоставляется держать въ городѣ корчмы¹⁾. Косвенно это подтверждается тѣмъ, что ни одна изъ земель, вошедшихъ въ составъ государства, не пользовалась законнымъ и общимъ правомъ на корчмы. Однако, великокняжеское право на корчмы долгое время конкурировало съ правомъ удѣльныхъ князей²⁾. Съ паденіемъ удѣльнаго княженія великокняжеское право распространилось на все государство. За это право великокняжеская власть держалась крѣпко, и, когда на сеймѣ 1551 г. шляхта просила господа о разрѣшеніи „вольнаго будованья“ корчемъ, то получила отказъ³⁾. Но раннее сознаніе государствомъ своего права на корчмы еще не обозначаетъ, что власть фактически могла его осуществить; потому еще въ началѣ XVI в. встрѣчаемъ факты, изъ которыхъ видно, что великокняжеская власть стремилась осуществить свое право въ той или иной мѣстности, вводитъ государскія корчмы и запрещаетъ частныя, не подлежавшія налогу⁴⁾. Впрочемъ, оно никогда не расширилось до такихъ предѣловъ, чтобы господа могъ открывать корчмы въ частныхъ владѣніяхъ: на это нѣтъ ни одного намёка въ источникахъ. Слѣдовательно, съ корчменнымъ правомъ произошло то же самое, что и съ правомъ на мѣта торговли и проѣзжа: разрѣшеніе на сборъ мыта или на корчму зависѣло отъ верховной власти, но сама власть не могла ни того, ни другого установить на частновладельческихъ земляхъ для ея собственнаго пользованія. Однако, если на частновладельческихъ земляхъ, въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, были корчмы, не-

¹⁾ Такъ мы понимаемъ постановленіе грамоты: „а корчмы въ городѣ Смоленску не держати“, т. е. мѣщанамъ и землянамъ (Акты Зап. Рос., I, р. 360).

²⁾ На это, между прочимъ, указываетъ судебный процессъ по свору мѣшанинъ Пинскихъ съ ихъ княземъ Федоромъ Ярославичемъ (Акты Зап. Рос., I, р. 227).

³⁾ Акты Зап. Р., III, р. 37.

⁴⁾ Въ русскихъ волостяхъ до 1511 г. не было государскихъ корчемъ; здѣсь заводились корчмы псарями и державцами. Господарь беретъ „уче корчмы въ нашей руцѣ: гдѣ съ шая на которой волости увидать корчмы мѣти безъ школы данинцовъ нашихъ, такъ кажемъ корчмы сытити, а подати до снѣрбу шашого посити“ (А. З. Р., II, р. 100). Около того же времени и Могилевская волость начинала давать корчменный взятъ на господа (ibidem, р. 113).

освобожденными от уплаты капицны, то послѣдняя поступала въ господарскій скарбъ¹⁾.

Право на держаніе корчемъ государь могъ передать частному лицу. Отсюда и возникло такъ называемое проинаціонное право. Какъ мы уже видѣли, всякое пожалованіе привилей на осаду жбета и торгъ сопровождалось также и пожалованіемъ на корчмы вольныхъ. Такое пожалованіе всегда предполагало разрѣшеніе на троякаго рода корчмы—медовыя, пивныя и горьбланыя; количество корчемъ зависѣло отъ землевладѣльца. Съ теченіемъ времени проинаціонное право сдѣлалось неотъемлемою принадлежностью частновладѣльческихъ городовъ. „Дозволяемъ ему, говорить одинъ изъ привилеевъ, мещаномъ его, которые въ томъ местечку мешкають, корчмы вольные мети и въ нихъ медъ, пиво, горелку и иное питье всякое держати и пожити собе причащати; а капицаны и вькоторыхъ платовъ съ тыхъ корчемъ до скарбу давати не мають²⁾, пользуютъ всеми вольностями, да вечные часы потому, яко и иные мещане князьскіе, духовныхъ и светскихъ того шазства нашего великого князьства Литовского таковыхъ вольностей въ ласки нашею уживють³⁾“. Разумѣется, мѣщане платятъ капицину въ пользу своего владѣльца. Кромѣ городовъ корчмы разрѣшались также и въ селахъ⁴⁾. Такого рода пожалованія относятся къ очень раннему времени—къ XIV-му вѣку⁵⁾. Частновладѣльческія корчмы вообще были разрѣшаемы на „трунтѣ земляскомъ, шанскомъ, князьскомъ и духовномъ“, хотя бы эти владѣнія находились въ городахъ⁶⁾.

Причина, вызывавшая пожалованіе корчемъ въ частновладѣльческихъ мѣстностяхъ, иногда мотивируется необходимостью „стапа“ на дорогѣ⁷⁾. Во всякомъ случаѣ государь раздавалъ привилей на корчмы подъ условіемъ, что новыя корчмы не будутъ служить „переказой“ господарскимъ корчмамъ⁸⁾.

¹⁾ Акты Вилевскіе, т. VII, р. 74.

²⁾ Кн. Зап. Лит., I, з. 17 об. Такая форма привилей становится обычной около половины XVI вѣка. (Ср. I, 34 об., з. 80 об. в др., Кн. Зап. Лит., XXXI, з. 16 об.).

³⁾ Кн. Зап. Лит., XXXV, з. 150.

⁴⁾ Скарбецъ Даниловича, № 544.

⁵⁾ Догусъ, Моск. Арх. Мат., Юст., т. I, р. 201.

⁶⁾ Кн. Зап. Лит., XXVII, з. 47.

⁷⁾ Кн. Зап. Лит., I, з. 39 об., 45, 57 об., 278 в др.

право торговли напнтками безъ уплаты капицны въ господарскій скарбъ¹⁾. Пожалованіе корчемъ въ имѣніи частнаго лица приобрѣтало свойство вечнаго права и могло быть отчуждаемо безъ земли²⁾. Такой же характеръ имѣло и пожалованіе отдѣльныхъ корчемъ въ городахъ: оно могло быть „вѣчною“ и отчуждаемымъ³⁾. Сверхъ того корчемное право могло быть составною частью войтовскаго дохода, такъ какъ городскіе войты часто получали въ числѣ своихъ доходовъ право на одну или нѣсколько корчемъ вольныхъ или на нѣкоторыя корчмы, напримѣръ, горьбланыя⁴⁾. Разумѣется, въ этомъ случаѣ оно подпадало подъ тѣ же условія, какъ и другія составныя части войтовскаго права, т. е. могло быть вѣчнымъ правомъ. Тотъ, кто получалъ право на вольную корчму, могъ ею пользоваться, какъ находилъ для себя наиболѣе удобнымъ: отдавать на капицны⁵⁾, разрѣшать приготовленіе напнтковъ жителямъ⁶⁾ (войты) или подданнымъ (помѣщичи) жаловать право ихъ⁷⁾.

Вообще, если принять въ расчетъ широкую раздачу привилеевъ на города, на отдѣльныя корчмы въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ,

¹⁾ Ibidem, т. 329, з. 329 об., з. 332, з. 336 об., ср. ссылки пред. прим. и др.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVIII, з. 161.

³⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, 90. Приведемъ еще выдержки изъ привилей в Милова Юридическу, доказывающаго только что сказанное. Огъ былъ человекъ Сигизмунду I и „сказывалъ передъ нами привилей Александра, короля и великого князя его милости, и въ томъ привилей выписано, што жь его милость далъ ему корчму вольную въ месте нашемъ Васильнскомъ вечно, съ которое жь корчмы дозволить его милость ему и платъ брати на годъ по пяти копъ грошей по тому какъ и иные мещане Васильнскій платъ нашъ съ корчомъ отъ пива и отъ меду платати, которую жь корчму съ тымъ платомъ.. хотель записати на капицну.. инжи бачили, што жь, што жь въ той стороне тымъ равны частократъ поболожи отъ нованства татарь бывають, тое баланды въ томъ имевши своимъ не хочеть оуидовати и корчмы тое у Васильнвахъ.. черель то держати не хочеть и былъ намъ человекъ, абыхмо противъ тое корчмы дали ему въ Дубичахъ 2 корчмы вольныхъ а поведати передъ нами, што жь корчмыны дубичны, которыя медъ и пиво варятъ на годъ дають плату на насъ кождый корчмытъ по две копе грошей.. и онъ хочеть записати на церковь Возжоу святого Станислава у Вилни а ктому елчо хочеть за вменей своихъ отчизныхъ и вьсагу своею на тотъ же костель святого Станислава давати въ кождый годъ по три копы грошей“ (Кн. Зап. Лит., VII, з. 482 об.—483).

⁴⁾ Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. I, р. 59, 98, 104; Архивъ Ю-З. Р., ч. V, т. I, р. 53.

⁵⁾ См. выше прим. 5.

⁶⁾ Кн. Зап. Лит., I, II, з. 34 сб.

⁷⁾ Кн. Зап. Лит., XXXI, з. 31.

на дорогахъ и множество государскихъ корчемъ, разсыпанныхъ въ разныхъ частяхъ государства, то станутъ вполнѣ понятными рассказы современниковъ о сильно развитомъ пивствѣ среди литовцевъ и русскихъ¹⁾. Въ литовскихъ городахъ, рассказываетъ Михалонъ Литвинъ, самые многочисленныя заводы—это бровары и винницы; литовцы берутъ съ собою пиво и водку не только въ походы, но даже и тогда, когда отправляются къ богослуженію. Отъ пивства происходитъ много различныхъ преступленій и жестокостей, а между тѣмъ этотъ ядъ пьютъ всѣ—мужчины, женщины и юноши, на улицахъ и площадяхъ и даже на дорогахъ²⁾. Такова картина пивства, рисуемая умнымъ, хотя вѣскольکو одностороннимъ наблюдателемъ.

Разсмотрѣвъ сущность проинаціоннаго права и условія, при которыхъ оно давалось, мы должны перейти къ изученію сферы дѣйствія винной реглаціи, какъ составной части дохода государскаго скарба. Уже вѣскольکو разъ приходилось упомянуть, что такимъ доходомъ была именно капицизна, капи. Надо остановиться на разъясненіи ея значенія. По прямому смыслу источникова, подъ капию разумѣется платежъ, взимаемый въ государскій скарбъ за содержаніе корчмы и продажу въ ней спиртныхъ напитковъ—меду, пива и вина³⁾. Этотъ налогъ вносился ежегодно въ скарбъ. Платежу капи подлежала каждая отдѣльная корчма: „и отъ капи, говорить установленная грамота кievскому посполитству,—съ корчмы давати имъ (т. е. мѣщанамъ) по полтрати копы грошей“; капи здѣсь взимается ежегодно о Рождествѣ Христовѣ, и съ неизлѣвшихъ въ срокъ налогъ взимается съ дѣлываемыхъ съ того дома, въ которомъ живетъ самъ воить, капи не взимается⁴⁾. Источники поясняютъ также, что капицизна представляеть собою именно платежъ за держаніе корчмы: „мещаномъ корчмы держати, а капицизу давати на замокъ нашъ“.

¹⁾ Свидѣтельства современниковъ собраны Szajnochа Jadwiga i Jagello, III, p. 27, ks. Lubomirski, Póh. wsch. osady; Zródła, dz., т. VI, p. XCI.

²⁾ Мемуары, относ. къ иет. Ю. Р., в. I, p. 25—96.

³⁾ Вотъ опредѣленіе, даваемое источниками: грамота 1501 г. на войводство величкое предоставляють войту: *damus insuper ejusdem advocatiae et suis successoribus tabernas in eodem oppido ab omnibus exactionibus et contributionibus liberam vulgariter kapia dictam* (Акты Лит.-рус. гос., I, p. 98). Въ городахъ платять *tabernatores medonem et cervisiam, aut alterum illorum propinantes de qualicet taberna per unam sexagenam alias kapnego iuxta consuetudinem Drohicensis et Mielnicensis terrarum diutius habitam et servatam* (ibidem, p. 115).

⁴⁾ Акты З. Р., I, p. 145.

говорить одна грамота короля Сигизмунда Августа, данная въ 1558 году кievлянамъ¹⁾. Приведемъ и еще въ подтвержденіе сказаннаго свидѣтельство источника: Виленскіе мѣщане, „которые въ домехъ своихъ корчмы мають повинни капицизы до скарбу нашего платити“ черезъ городничаго²⁾. Иногда налогъ отъ корчемъ просто называется „платомъ корчомнымъ“³⁾ или чиншемъ корчомнымъ⁴⁾; капицизна называется также „корчомнымъ доходомъ“⁵⁾. При измѣненіи капицизы различались корчмы медовыя, пивныя и винныя. Такъ, въ Новгородѣ винныя корчмы по магдебургскому привилею 1511 года, были переданы замковому уряду, а пивныя и медовыя разрѣшалось держать мѣщанамъ за плату⁶⁾. Поэтому различалась, напримѣръ, капи пивная и пр. Дивненскіе мѣщане получили въ 1569 году привилей, по которому они должны были вносить въ скарбъ капи и платъ (платъ отъ броваровъ и солодовень) за корчмы; но они выпросили разрѣшеніе, „абы имъ вольно въ домехъ своихъ давати капи и въ нихъ платовъ пиво держати“, и господа освободили ихъ отъ „капи пивное“; захѣтятъ, что здѣсь говорится не о прагѣ имѣть пиво въ домахъ, но именно о правѣ промысла имъ; мѣщанамъ разрѣшается „въ домехъ своихъ пивныя вольно держати“⁷⁾. Въ Клеццелихъ отдѣльно взималась капицизна отъ тѣхъ, кто держалъ для продажи вино, и отдѣльно отъ тѣхъ, кто продавалъ пиво или медъ⁸⁾. Итвѣтъ, капицизой назывался налогъ на торговлю виномъ въ корчмахъ. Отсюда освобожденіе отъ капицизы означало освобожденіе отъ уплаты налога съ корчемъ⁹⁾. Этотъ налогъ надо отнести къ разряду промысловыхъ налоговъ потому, что обложенію его подлежалъ не только

¹⁾ Грамоты Антоновича, p. 79.

²⁾ Ки. Судн. Дѣлъ Лит., I, III, а. 85 (1567 г.).

³⁾ Акты Лит.-рус. гос., в. I, p. 59, 102, 190.

⁴⁾ Акты З. Р., т. I, p. 187—9; Акты Ю.-З. Р., т. I, p. 137.

⁵⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, p. 589.

⁶⁾ Акты З. Р., т. II, p. 91.

⁷⁾ Акты Ю.-З. Р., т. I, p. 166.

⁸⁾ Акты З. Р., т. II, p. 153.

⁹⁾ Такъ всегда и говорится въ грамотахъ на осаду мѣсть и дачу корчмы: „Также позволяемъ мещаномъ его топомъ Андреевскимъ, Нового Вишнева и Пошовоцинь (князя А. Вишневецкаго) корчмы мети, въ нихъ медъ, пиво, горелку и иное всякое питье завжды, коли похочуть держати и пожити имъ собѣ съ того приващати и капи и пикоторыхъ платовъ съ тѣхъ корчомъ до скарбу нашего давати веновинни, одно князю Андрею Вишневецкому и потомкомъ его воде ихъ поставовенна“ (Ки. Зап. Лит., LI, дд. 213 об. 214).

трудъ плательщика, но также и капиталъ его, потребный на покупку или приготовленіе напитковъ, и, конечно, известный рискъ, связанный съ веденіемъ всего предіриятія.

Теперь посмотримъ, какую именно сферу дѣятельности представляла скарбъ тѣмъ лицамъ, которымъ разрѣшалъ держать корчмы за плату казначны. Прежде всего тотъ, кто торговалъ напитками, имѣлъ право и готовить ихъ. Въ Клещеляхъ взымалась казначна отъ того, „кто пиво варить“, и отъ того, „кто медъ сѣтитъ“¹⁾. Войти мѣщанскій получаетъ съ войтовскими правами и четыре корчмы вольныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и броварь и солодовню, необходимые для приготовленія пива и меда²⁾. Мѣщане кievскіе имѣли привилегію на исключительное завѣдываніе корчмами въ городѣ, уплачивая казначну или арендную плату вѣстному воеводѣ; для приготовленія напитковъ они имѣли свой броварь³⁾. Въ 1498 году великій князь Александръ сдалъ въ аренду корчмы въ Смоленскѣ въ своемъ листѣ по этому поводу онъ устанавливаетъ срокъ, когда арендаторы должны вступитъ въ завѣдываніе корчмами и срокъ, съ котораго арендаторы могутъ „тѣмъ корчмы почати варити“⁴⁾. Арендаторы могутъ держать корчмы только въ сорока дожахъ, а водку могутъ готовить только опредѣленнымъ въ господарскомъ листѣ способомъ⁵⁾. Такъ какъ мы хорошо знаемъ, что казначна была налогомъ за содержаніе корчемъ, то изъ сказаннаго слѣдуетъ, что ею не облагалось самое приготовленіе напитка. Уплатившій казначну (или взявшій въ аренду городскія корчмы) могъ торговать или напитками своего приготовленія, — какъ мы только что видѣли, — или покупными. Такъ, тотъ же господарскій листъ, на который мы только что ссылались, требуетъ, чтобы все привозное въ городъ вино оного продавалось арендаторомъ⁶⁾. Изъ этого также слѣдуетъ и обратное заключеніе: господарскіе грамоты запрещаютъ только продажу напитковъ безъ разрѣшенія, но не ихъ приготовленіе. Это вполне подтверждается многими мѣстами источниковъ и особенно господарскими листами на отдачу корчемъ въ аренду: господа запрещаютъ част-

¹⁾ Акты З. Р., т. II, р. 153.

²⁾ Акты Лит.-рус., в. I, р. 161.

³⁾ Грамоты Антоновича, р. 79—81.

⁴⁾ Акты Лит.-рус. гос., р. 80—81.

⁵⁾ Ibidem. Ср. еще Кв. Зап. Лит., VI, д. 182 об.—183 об.

нымъ лицамъ „держать корчмы“, варить корчмы“ (т. е. для продажи)⁷⁾; если какія либо корчмы отдаются городу, то раздробительная продажа въ нихъ напитковъ зависитъ отъ разрѣшенія городскихъ властей⁸⁾.

При отдачѣ корчемъ въ аренду или въ распоряженіе городовъ иногда даже устанавливался извѣстный опредѣленный районъ, въ которомъ запрещалась частнымъ лицамъ продажа напитковъ⁴⁾. Сказанное подтверждаетъ взглядъ на казначну, какъ на промысловый налогъ, (если всѣ корчмы сдавались въ аренду, то тѣмъ самымъ вводилась монополія продажи напитковъ), и указываетъ еще на новое и очень важное для насъ обстоятельство, именно на то, что казначна не охватывала собою приготовленія напитка. Мы увидимъ впоследствии, что приготовленіе напитковъ подверглось обложенію только въ концѣ изучаемаго періода, а теперь разсмотримъ условія собранія корчемнаго дохода.

Уже съ древнѣйшихъ временъ сборъ казначны дѣйствуетъ на всемъ пространствѣ господарскихъ державъ. Но, какъ великія доходныя статьи въ Литовско-русскомъ государствѣ, казначна сдѣлалась предметомъ извѣстнаго рода льготъ, „ласки и милости“ господарей великихъ князей, или же шла въ оплату службъ. Такъ въ разныхъ городахъ раздавались корчмы безъ оплаты казначны разнымъ служилымъ людямъ въ оплату ихъ службы⁵⁾, на позившеніе духовенству⁶⁾ и служилымъ людямъ⁷⁾, „для службы и великого владу“ отъ татаръ⁸⁾; или, какъ мотивировали свою просьбу одни просители, запрашивая на одинъ годъ корчму въ Борисовѣ: „они будучи на службѣ брата нашего (говорили они Сигизмунду I)... впади въ руки людямъ великого князя Московского и тамъ въ вятствѣ были и надуу терпѣли, а тѣми часы оттолъ вышли и не мають съ чимъ пожити“⁹⁾;

⁴⁾ Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. 81; Кв. Зап. Лит., VI, д. 163 об., д. 178 об.—179, 232 об.

⁵⁾ Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. 181.

⁶⁾ Ibidem, р. 190; Грамоты города Вильны, т. I, р. 15; Акты Виленскіе, т. VII, р. 72 и др.

⁷⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. V, т. I, р. 22.

⁸⁾ Кв. Зап. Лит., VI, д. 100 об., 102 об.; Кв. Зап. Лит., VIII, д. 115, 111, 164, 170, 175, 233; Акты Ю.-З. Р., т. II, №№ 111, 123; Кв. Зап. Лит., XXXI, д. 86 и др.

⁹⁾ Кв. Зап. Лит., VII, д. 162 об.

¹⁰⁾ Ibidem, р. 164, 170.

¹¹⁾ Ibidem, д. 170.

¹²⁾ Ibidem, д. 360.

или же отдавались за долги ¹⁾ и пр. Во всѣхъ этихъ случаяхъ корчмы отдавались на разныхъ условияхъ: на одинъ или на нѣсколько годовъ въ доживотье; отдавалось по одной корчмѣ въ городѣ или по нѣсколько и т. п. Разумѣется, всѣ такіа отдачи корчемъ надо строго отличать отъ пожалованій проинаціоннаго права. Иногда господа давали льготы нѣкимъ городамъ „для сказы отъ поганства“ ²⁾, вслѣдствіе пожаровъ и пр. ³⁾.

Все это временныя льготы, оттягивавшія скорбовые доходы. Несомнѣнно, болѣе важную роль въ этомъ отношеніи имѣла передача корчемнаго дохода старостамъ крупныхъ городскихъ центровъ. Такъ, на южной Украинѣ и на Волынѣ почти во всѣхъ городахъ въ теченіе первой половины XVI-го вѣка корчемная плата перешла въ руки старостъ; между тѣмъ здѣсь этотъ доходъ иногда достигалъ значительныхъ размѣровъ. Съ 1507 г. воевода кievскій получалъ „на поживенье“ кievскія корчмы и половину корчмы черкасской ⁴⁾. Съ 40-хъ годовъ кievскія корчмы всегда находятся въ рукахъ воеводъ, такъ какъ воеводскіе доходы становятся слишкомъ незначительными; канцьяна въ Киевѣ въ это время давала 800 копѣ грошей ⁵⁾. Съ 1507 года корчма въ Овручѣ переходитъ въ намѣстникамъ „для поживенья“ ⁶⁾; впрочемъ, корчмы въ Овручѣ дѣлились обыкновенно между намѣстникомъ и мѣстными землянами и мѣщанами, но участіе послѣднихъ въ корчемномъ доходѣ объясняется, какъ поддержка „польной сторожи“ ⁷⁾. И въ другихъ городахъ Волыни и Украины въ раз-

¹⁾ Ibidem, s. 115.

²⁾ Акты Лит.-рус. гос., в. I, p. 65.

³⁾ Кв. Зап. Лит., XXXI, s. 141; вк. XXXVII, s. 380 об.

⁴⁾ Кв. Зап. Лит., VIII, s. 151 об.

⁵⁾ Въ 1541 году кв. А. Коширскій бьетъ челомъ господарю: „иже онъ теперешню часу на томъ замку наможь меновами, жадного выхованца самъ иль слугами своими не маеть съ чого мети. И проситъ васъ, абыхю послызи канцьянде и мито, што есмо росказали были на насъ до скорбу нашего брата, ему дали; а онъ си имъ подыалъ послонъ и тонцовъ татарскихъ съ того подымати и самъ тежъ иль слугами своими выховалье и воживенье съ того мети“ (Кв. Зап. Лит., XXIV, s. 95). Въ 1556 году всѣ попытки съ корчемъ получить воевода и Гр. Ходковичи (Кв. Зап. Лит., XXXVII, s. 112 об.), въ 1560 году князь К. К. Острожскій (Ibidem, s. 388). О размѣрѣ дохода—Кв. Зап. Лит., XLVII, s. 121 об.

⁶⁾ Акты Ю.-З. Р., т. II, № 88.

⁷⁾ Кв. Судъ, Дѣлъ Лит., IV, s. 47 об. (1522 г.). Вотъ какъ объясняетъ раздѣленіе корчемнаго дохода между старостой и мѣстными воеводемъ привилей 1540 года. и Кристофу Бялиту на державу Овручскую: „што ся отымаеть корч-

вое время и по разнымъ поводамъ корчмы перешли въ руки державцевъ,—во Владимирѣ ¹⁾, въ Луцкѣ ²⁾, въ Черкассахъ ³⁾, Каневѣ ⁴⁾, Винницѣ ⁵⁾, Браславѣ ⁶⁾, Житомирѣ ⁷⁾, Чернобылѣ ⁸⁾, Мозырѣ ⁹⁾, Острѣ ¹⁰⁾, Кременцѣ ¹¹⁾. То же можно сказать относительно Мстислава, корчемные доходы котораго съ 60-хъ годовъ переходятъ въ руки уряда ¹²⁾, Гомеля ¹³⁾ и нѣкоторыхъ другихъ городовъ. Городекія общины, какъ мы уже знаемъ, весьма рѣдко пользовались возможностью отъ уплаты канцьяны; такъ, въ Луцкѣ канцьяна отъ вина шла на ратушу и къ войтовству ¹⁴⁾. Но вообще города нѣрѣдка имѣли льготы—только на одну—двѣ корчмы или на какой-нибудь видъ корчемъ, напримѣръ, на ливныя; чаще городамъ удавалось получить въ свое распоряженіе канцьяный доходъ за известную годичную плату въ скорбѣ.

Всѣ изложенныя льготы или переуступка корчемъ вліяли, въ известной мѣрѣ, на уменьшеніе скорблагаго дохода отъ канцьяны. Остается теперь прослѣдить, какъ скорбѣ извлекали свои корчемные доходы.

При великихъ князьяхъ Казимирѣ, Александрѣ и въ первые годы правленія Сигизмунда I корчмы каждаго города обыкновенно

чма тамошнее друцкое, маеть онъ половину тое корчмы медовое и втому винную корчму на себе держати, а другую половину оное корчмы мають земле и мещане Вруцкое въ своимъ рукахъ держати и с тое половины корчмы сторожу полную заступовати, и онъ державци насъ другую половину сторожи мають степеню, а до тое корчмы винное не мають они ничего мети; и маеть онъ половину корчмы медовое и винную своею корчму з митомъ и нѣшние вси доходы, которые на державцу алаванъ приходить, а пожитку своему мети и вкзавати“ (Кв. Зап. Лит., XXIV, s. 57—58).

¹⁾ Памятникъ Киев. Ком., т. IV, отд. II, p. 170; Любавскій, приложение № 13.

²⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I.

³⁾ У мѣщанъ Черкасскихъ была корчма „двечетанъ“ (Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, p. 368). Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, p. 82.

⁴⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, p. 96.

⁵⁾ Збѣда дѣл, т. VI, p. 113. Архивъ Ю.-З. Р., т. VII, т. I, p. 693.

⁶⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, p. 22.

⁷⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, p. 145.

⁸⁾ Ibidem, p. 389.

⁹⁾ Ibidem, p. 622.

¹⁰⁾ Ibidem, p. 635.

¹¹⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, p. 39.

¹²⁾ Кв. Зап. Лит., XLVII, s. 20, s. 60 об.

¹³⁾ Кв. Пер. Лит., X, s. 24 (1569 г.).

¹⁴⁾ Кв. Зап. Лит., XXIII, s. 10.

сдавались в аренду. При Казимире корчмы сдавались в аренду, повидимому, во всѣхъ тогда существовавшихъ городахъ и дворахъ¹⁾. Съ первыхъ годовъ правленія Сигизмунда I замѣчается поворотъ въ отношеніяхъ скарба къ управленію корчменнымъ доходомъ. Правительство его времени предпочитало собирать капцизну при посредствѣ особыхъ скарбовыхъ агентовъ—разсылавшихся изъ скарба особыхъ дворянъ²⁾. Такимъ образомъ, вслѣдъ кто хотѣлъ, могъ держать корчмы, уплачивая въ скарбъ извѣстный налогъ.

Размѣръ капцизны былъ довольно устойчивъ. Объ этомъ можно судить по городскимъ привилегіямъ. Такъ, въ Каменцѣ по привилегіи 1523 года мѣщане платятъ за каждую корчму по одной копѣ грошей, если въ корчмѣ продается или одно пиво или одинъ медъ; если же продается то и другое, то отъ корчмы платится двѣ копы грошей³⁾. Виленскіе мѣщане, какъ это видно изъ подтвердительнаго привилегіи 1521 года, платятъ капцизну въ такомъ же размѣрѣ; этотъ размѣръ является *more antiquo*⁴⁾. Въ Мединахъ упоминается такой же размѣръ капцизны, а отъ горьки платили по польско-копы грошей въ годъ⁵⁾. Въ Нарвѣ, согласно привилегіи 1514 года, платить съ каждой корчмы по золотому червленому⁶⁾. Вообще, размѣръ капцизны въ одну копу грошей въ годъ за торговлю или пивомъ или медомъ надо призвать преобладающимъ и едва ли не всеобщимъ, по крайней мѣрѣ для XVI вѣка. Это доказывается не только тѣмъ, что указанія на такой окладъ капцизны преобладаютъ въ актахъ, но также и нѣкоторыми другими соображеніями. Весьма важнымъ показателемъ въ данномъ случаѣ является текстъ привилегіи 1510 года городу Лосичамъ: опредѣляя размѣръ капцизны въ одну копу отъ корчмы, господарскій змѣтъ заявляетъ, что это дѣлается *iuxta con-*

¹⁾ По расходной книгѣ Казимира корчмы въ 80 годахъ XV вѣка были на арендѣ въ слѣдующихъ городахъ: Бересте, Браславль, Бряньскъ, Бѣльскъ, Вилни, Васпаниши, Вильна, Вилькомиръ, Витебскъ, Володимиръ, Волковыскъ, Воряны, Высоцкій Дворъ, Гродно, Дови, Дорогичинъ, Дорсувишки, Дубичи, Ейшишки, Житомиръ, Жолудокъ, Каменскъ, Керновъ, Ковно, Красное Село, Лада, Лыныяны, Марково, Медина, Мельникъ, Минскъ, Меречь, Мойшагола, Мосты, Могилевъ, Новгородокъ, Опичыта, Опшени, Пува, Перелла, Путинь, Радунь, Сомышени, Своленискъ, Утена, Ясвоина, Чудовъ, Шантятины (Акты Лит.-рус. гос., в. I).

²⁾ Кв. Зап. Лит., XVI, л. 115, л. 118 об., л. 204.

³⁾ Акты Лит.-рус. гос., вып. I, р. 190.

⁴⁾ Грам. г. Вильны, I, р. 29.

⁵⁾ Кв. Зап. Лит., XXXI, л. 27 об.

⁶⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, р. 159.

uetudinem Drohicensis et Mielnicensis terrarum diutius habitam et servatam¹⁾. Это уже указываетъ на общій обычай, примѣлимый, по крайней мѣрѣ, къ дѣлой области. Очевидно, и волочная устава короля Сигизмунда Августа при опредѣленіи оклада капцизны замѣствовала уже существующій размѣръ ея: она опредѣляетъ взимать отъ пива или отъ меда по одной копѣ грошей, а отъ лодки по польско-копѣ²⁾. Въ городскихъ привилегіяхъ, выданныхъ векорѣ послѣ изданія волочной устава, иногда встрѣчаемъ указанія на то, что капцизна въ названномъ размѣрѣ платится „по старому“³⁾. Однообразный окладъ капцизны, очевидно, предполагался во многихъ случаяхъ, потому что городскіе привилегіи иногда прямо говорятъ о платѣ съ корчемъ безъ опредѣленія его размѣра⁴⁾, или говорятъ объ уплатѣ капцизны „вотдѣ давного обычая“⁵⁾. Такъ привилегіи говорятъ, напр., о Новгородѣ⁶⁾, но изъ другихъ источниковъ оказывается, что и здѣсь тотъ же размѣръ капцизны⁷⁾. Такимъ образомъ, предполагалась однообразная норма корчменнаго пласта⁸⁾. Исключенія изъ нея—единичны⁹⁾.

Правительство Сигизмунда I предпочитало сборъ капцизныхъ пеней при посредствѣ особо разсылаемыхъ господарскихъ дворянъ; то же продолжалось и въ первое десятилѣтіе самостоятельнаго управленія Сигизмунда Августа, т. е. приблизительно до изданія волочной устава, послѣ чего скарбъ сталъ склоняться въ пользу отдачи корчемъ на откупъ. Впрочемъ, нѣкоторые города успѣли исключить себя привилегію исключительной аренды въ городѣ корчменнаго дохода; такую привилегію имѣло, напр., Гродно¹⁰⁾; Киевъ получилъ кап-

¹⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, р. 116.

²⁾ Акты Зап. Р., III, р. 74.

³⁾ Привилегіи Минску 1569 г. Кв. Зап. Лит., II, л. 301 об.

⁴⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, р. 102.

⁵⁾ Акты Зап. Р., II, р. 11; I, р. 189.

⁶⁾ Акты З. Р., II, р. 91.

⁷⁾ Грамоты гор. Минска, р. 61.

⁸⁾ Ср. еще Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 71 и 97.

⁹⁾ Напр., корчменный платъ въ Клешилахъ взимается по вола-копы грошей или отъ пива, или отъ меда (Акты Зап. Р., II, р. 153). Вильно въ 1567 году даетъ такой же окладъ (Кв. Суд. Дѣлъ Лит., LIII, л. 85), очевидно, послѣдствіе вѣного вѣбуздъ особаго привилегіи. Въ Киевѣ, какъ это видно изъ грамотъ 1494 г. и 1540 г., давать „съ каждой корчмы по 2¹/₂ копы грошей“ (Акты Зап. Р., I, р. 145 и Кв. Зап. Лит., XXIV, л. 69—70) но тутъ едва ли не считается всѣ три вида вѣбуздъ капцизны.

¹⁰⁾ Акты Вилен., VII, р. 74.

цизму посредством договора съ мѣстнымъ военною¹⁾; Каменецкіе мѣщане въ привилегіи 1523 г. получили обѣщаніе, что король не будетъ отнимать у нихъ корчмы, а они обязаны: „платъ нашъ корчонный макотъ шырты и множити“²⁾, потому что держать корчмы на канцисахъ. Вообще, мѣщане усердно добивались аренды корчмъ въ городахъ³⁾.

Нѣтъ никакой возможности даже приблизительно опредѣлить размѣры канциснаго дохода въ періодъ расмысла писарей для его сбора, потому что не сохранилось данныхъ. Но то, что намъ известно о канцисномъ доходѣ при великомъ князѣ Александрѣ и отчасти при Сигизмундѣ I и Казимирѣ, говоритъ за то, что этотъ доходъ былъ не великъ⁴⁾.

¹⁾ Кв. Зап. Лит., XXXVII, ст. 156—158.

²⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, р. 190.

³⁾ Ревизоры отдали корчмы браславскія (въ Литвѣ) въ аренду розмистру Ермолу. Но мѣщане жаловались въ 1571 г. королю, что во время аренды розмистра „подданне наши мѣщане Браславскіе ку великому убоству и злициню прійти мусели“, почему и быть челоу „длжъ быхмо для латвейшого пошлвевия ихъ оные корчмы *овде старовинного зичаю* на канцисахъ при нихъ оставили, або икъ на такову жъ суму неплзель... арендовали“. Король отдалъ корчмы въ аренду всей городской общинѣ (Кв. Зап. Лит., XLVIII, л. 390—391).

⁴⁾ Для оправданія сказаннаго приведемъ слѣд. данныя о доходности корчмъ въ разныхъ городахъ:

Бобруйская корчма въ 1501 г.	— 40 копей гр.	(Кв. Зап. Лит., VI, л. 181 об.)
„ „ „ 1502 г.	— 80 „ „	(ibid., л. 287 об.)
Борисовская „ „ 1501—3 г.	— 40 „ „	(ibid., л. 184).
Витебскія (всѣ) „ „ 1522—4 г.	— 220 „ „	(Кв. Суд. Дѣлъ Лит., IV, л. 50; Верн., I, 108).
Вруцкая „ „ 1489—95 г.	— 36 ² / ₃ „ „	(Кв. Зап. Лит., IV, л. 121, 25).
„ „ „ 1498—1499 г.	— 40 „ „	(Кв. З. Л., VI, л. 175 и л. 178 об.)
„ „ „ 1503 г.	— 50 „ „	(ibid., л. 178 об.)
„ „ „ 1507 г.	— 100 „ „	(А. Ю.-З. Р., II, р. 117).
Бречевская „ „ 1500—2 г.	— 40 „ „	(ibid., л. 269, 181, 268 об.)
„ „ „ 1503 г.	— 50 „ „	(ibid., л. 184 об.)
„ „ „ 1504 г.	— 60 „ „	(ibid., л. 288 об.)
Лядская „ „ 1525 г.	— 7 „ „	(Кв. Суд. Дѣлъ Лит., IV, л. 118).
Минская „ „ 1494 г.	— 60 „ „	(Кв. З. Лит., VI, л. 163 об.)
„ „ „ до 1503 г.	— 150 „ „	Акты Леонтовича, № 652.
„ „ „ послѣ 1503 г.	— 204 „ „	
Мозырская „ „ въ 1505 г.	— 80 зол.	(Кв. З. Лит., VI, л. 289).
Молодечевская „ „ 1499 г.	— 1 копей гр.	(ibid., л. 177 об.)
Полоцкая „ „ 1494—7 г.	— 100 „ „	(ibid., л. 105 об.)
„ (вино и медъ) „ „ 1508—8 г.	— 400 „ „	(Акты Лит.-рус. гос., I, 108).

Независимо отъ размѣровъ скарбнаго дохода для насъ въ предыдущаго изложенія особенно важенъ тотъ выводъ, что канцисна не падала на производство напитковъ, будучи только сборомъ за право торговли ими. Даже при введеніи монопольныхъ заводовъ для производства напитковъ имѣлось ввиду обложить не столько корчмарей, сколько вообще лицъ, производившихъ напитки для собственнаго употребленія.

Разъ канцисна падала только на торговлю напитками, то ею не облагалось производство ихъ. Это уже было отмѣчено. Но въ предыдущемъ изложеніи было отмѣчено также и то, что въ разсмотрѣнный періодъ (т. е. до половины 50-хъ годовъ) производство напитковъ вообще не подлежало обложенію въ пользу государственнаго скарба. Для насъ это весьма важный фактъ. Кромѣ приведенныхъ данныхъ можно указать и на рядъ другихъ доказательствъ въ пользу свободнаго производства напитковъ. Корчмары лучіе не должны давать мѣстному старостѣ солодовъ, потому что они платятъ канцисну, — объясняетъ королевская грамота¹⁾. Дѣйствительно, мѣщане Лучіе имѣютъ свою солодовню²⁾, а шинкары покупаютъ бочками медъ и пиво въ домахъ³⁾. Изъ уставной грамоты русскимъ волостямъ 1511 г. видно что забаваніе въ волости государскіе писаря и мѣстныя власти „считили на себя“ корчмы, т. е. не только продавали напитки, но и приготовляли ихъ безъ всякаго налога⁴⁾. Можно встрѣтить также и жалобы населенія на то, что намѣстники и другія мѣстныя власти

Полоцкая корчма (вино) въ 1505 г.	— 600 копей гр.	(Кв. З. Лит., VI, л. 260).
Ровская „ „ въ 1501 г.	— 60 „ „	(ibid., л. 185).
„ „ „ 1511—17 г.	— 80 „ „	(Кв. З. Лит., VIII, л. 113).
Рѣвцкая „ „ 1500 г.	— 30 „ „	(Кв. З. Лит., VI, л. 182).
Свислочская „ „ 1500—1 г.	— 40—50 „ „	(Акты Лит.-рус. гос., I, 96).
Смоленская „ „ 1498—1503 г.	— 400 „ „	(ibidem, р. 80; Кв. З. Лит., VI, л. 182 об., л. 202 об.)
„ „ „ 1509 г.	— 400 „ „	(Акты Лит.-рус. гос., I, 131).
Тучерская „ „ 1498—1500 г.	— 40 „ „	(Кв. З. Лит., VI, л. 271, 272).
Терская „ „ 1500 г.	— 150 „ „	(Кв. З. Лит., VIII, л. 127).

Немалый доходъ приносили могилевскія корчмы, во такъ какъ они обыкновенно сдавались вмѣстѣ съ мытомъ, то мы прослѣдимъ за доходностью ихъ въ другія мѣста. Въ некоторыхъ другихъ городахъ корчмы тоже сдавались вмѣстѣ съ мытами; эти доходы будутъ показаны въ отдѣлѣ таможенныхъ.

¹⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. V, т. I, р. 22.

²⁾ Ibidem, р. 26.

³⁾ Ibidem, ч. VII, т. I, р. 179.

⁴⁾ Акты З. Р., т. II, р. 100.

иводить новину—запрещают населению иметь сосуды для приготовления напитков. Такъ, намѣстники дорожидкіе пытались было запретить мѣщанамъ пользоваться своими собственными пивными котлами и заставить ихъ варить пиво въ намѣстничьихъ котлахъ; мѣщане протестовали противъ такой „новина“¹⁾. Когда въ концѣ 60-хъ годовъ скарбъ сталъ вводить монополію на производство солода, то съ разныхъ сторонъ раздались заявленія и просьбы о томъ, чтобы господарь не строилъ въ городахъ солодовенъ и броваровъ и разрѣшилъ бы частнымъ лицамъ „по давнему“ пользоваться броварами и солодовнями²⁾. Въ 1566 г. Троицкіе мѣщане жаловались королю, что у нихъ стали сдавать въ аренду солодовни и бровары, чего раньше не бывало³⁾. Самый кащичаный платъ взимается, какъ иногда выражаются акты, съ корчемъ, въ которыхъ сытатъ медъ и варятъ пиво⁴⁾.

Литовско-русское правительство не только пресѣдуетъ содержаніе корчемъ безъ платы кащичанъ, но старается также ограничить извѣстными нормами и подвергнуть контролю и такіе народные обычаи, при которыхъ напитки распивались дѣльнымъ обществомъ. Въ Западно-русскихъ областяхъ издавна существовалъ обычай, по которому городскія и сельскія общины или извѣстныя корпораціи въ опредѣленные дни въ году готовили сообща пиво, медъ и распивали ихъ или же продавали на церковныя нужды. Въ западныхъ областяхъ государства этотъ обычай назывался шротарствомъ, иногда „зложеньемъ“ пива и меда, „складомъ“⁵⁾, а въ восточныхъ областяхъ онъ назывался канонами или тоже складами. Склады существовали не только въ городахъ, но также и въ селахъ⁶⁾. Каноны

¹⁾ Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. 102, ср. Акты З. Р., т. II, р. 72.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 331 об.

³⁾ Кн. Суд. Дѣлъ Лит., I, II, л. 348 об.—349.

⁴⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, р. 190; Памяти. Кіев. Ком., IV, отд. II, р. 170; Акты Зап. Р., II, р. 153.

⁵⁾ Воинъ по привилею 1522 г. получаетъ между прочимъ „зложенье пивное и меда и вина, которое жъ нашимъ языкомъ зовется шротарствомъ“ (Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. 182). Волковскій по магдебургскому привилею 1510 г. указываетъ кащичану, но въ то же время онъ получаетъ „зложенье и пивное и меда и вина, которое жъ вѣщичанымъ языкомъ зовется шротарствомъ“ (Акты З. Р., т. II, р. 10). Что шротарство есть тотъ же самый обычай, весьма часто подтверждаемый королевскими привилегіями, какъ и склады и каноны, доказывается общностью формъ, въ которыхъ оба обычая выражались.

⁶⁾ Акты Лит.-рус. гос., вып. I, р. 108.

пріурочивались къ армарочнымъ¹⁾ или къ празничнымъ днямъ²⁾. На складахъ однообитники могли распить приготовленные ими напитки или продать ихъ, при чемъ такое „шничованье“ не подлежало оплатѣ кащичаной и даже чюпового³⁾. Около половины XVI вѣка замѣчается тенденція строго ограничить размѣры складовъ⁴⁾, или даже вовсе отнять ихъ съ замѣною выдачъ воскомъ на церковныя нужды⁵⁾. Вообще, проглядываетъ тенденція ограничить склады только „урочистыми“ днями, но и то „завѣдомостью“ тѣхъ, въ чьихъ рукахъ находится кащичанна⁶⁾. Это—ограниченіе коллективнаго употребленія напитков и оно дѣлается потому, что подводится подъ понятіе „шничованья“ меда и пива. Но вообще свобода домашняго производства напитков (т. е. не для продажи) удержалась во весь изучаемый періодъ, не смотря на введеніе монополіи и акцизовъ (конечно, подъ условіемъ пользования солодомъ изъ скарбовыхъ заводовъ). Въ подтвержденіе сказаннаго мы приведемъ слова аренднаго контракта на корчмъ въ Минскѣ; онъ содержитъ въ себѣ только категорическое запрещеніе домашняго винокуренья, по разрѣшаетъ приготовленіе меда и пива: „вольво каждому съ менчанъ съ жидовъ и съ подданныхъ нашихъ на селахъ медъ сытати и пиво варити на веселье и къ празничкомъ и на властные потребности свои домовые, а не на шингъ,—кроме толко горелки, которую и на свои поменнее по-

¹⁾ Акты Зап. Р., IV, р. 168.

²⁾ Акты Зап. Р., III, р. 111; Акты Вил., XXV, р. 153; Акты Ю.-З. Р., I, р. 167.

³⁾ Грам. г. Минска, р. 66 и пред. прик.

⁴⁾ См. пред. и востѣхъ прихѣтаній.

⁵⁾ Бернадскій, II, р. 7.

⁶⁾ Вотъ какъ объ этомъ говоритъ одинъ контрактъ конца 60-хъ годовъ на аренду мытъ и корчемъ въ Могилевѣ: „А потому особливое болре шляхта, которые въ томъ месте пановъ Могилевскомъ дома свои мають, также ротмистры наши в которые бы посланцы наши и пановъ радъ нашихъ коли коллекъ такъ уекдчали, и тель менчане тамошние, медовъ, пивовъ и горелокъ на шингъ и къ потребамъ своимъ надъ обычай звичаймъ, а особливое складовъ къ празнику робити и шничовати ихъ тамъ не мають, одно толко склады урочистые воде стародавнего звичаю за ведомостью своею арендиръ поменнее мають или дозволати сытати; а ихъ тежъ въ томъ месте паномъ Могилевскомъ дворъ гостинный або мытный есть, тогда въ томъ дому нхто зъ гостей, а ни тежъ зъ менчанъ тамошнихъ становитися и въ немъ шничовъ, або тилдовъ пивныхъ мети не мають, какъ съ позволеньемъ и ведомостью, тыхъ арендиръ нашихъ новенечныхъ“ (Кн. Перег. Лит., X, л. 43 об.).

требы они мають въ нихъ (т. е. у арендаторовъ) брати, а не сами платити и отколь кудь привозити¹⁾.

Несмотря на прочно установленный фактъ отсутствія въ указываемое время налоговъ на производство, можно указать на рѣдкія мѣстныя формы такого налога; таковы, напр., извѣстія о сборахъ съ варовъ пива²⁾. Это уже фактъ примитивнаго акциза.

Такимъ единичнымъ указаніемъ не слѣдуетъ, однако, придавать большого значенія: дань съ варовъ пива упоминается только на восточныхъ окраинахъ государства и ее слѣдуетъ сопоставить съ переѣздами наместниковъ новгородскихъ³⁾, извѣстныхъ раннимъ источникамъ восточной Руси⁴⁾. Въ Западной Россіи тенденція къ обложенію производства напитки началъ складываться не ранее первой четверти XVI столѣтія. Вѣдѣствіе неопредѣленного и широкаго пониманія вѣдѣстной власти, мѣстные правительственные агенты проявляютъ стремленіе обложить производство напитков въ свою пользу. Это видно уже изъ приведенной выше жалобы мѣщанъ г. Высокаго на наместниковъ дорожничскихъ. Въ данномъ случаѣ, верхняя власть утвердила старшину мѣщанъ. Но не всегда такъ бывало. Въ Кіевѣ воевода собираетъ канциску въ свою пользу; онъ беретъ съ каждой корчмы канциску и, кромѣ того, „особно отъ вару каждаго по грошу“⁵⁾. Эта прибавка—уже налогъ на производство, акцизъ. Кременецкій староста, по словамъ люстраціи 1552 г. беретъ „мѣрку“ отъ солода и отъ каждаго вару пива и отъ каждой „ручки“ меду,—очевидно съ тѣхъ, кто готовятъ для домашняго употребленія, а изъ корчмы онъ получаетъ доходъ отъ каждаго вару пива⁶⁾. Иногда мы видимъ, что господа уже раздаютъ такіе сборы, которые падаютъ на производство напитков; напр., войтъ села Корницы получалъ „котловое“ въ своемъ войтовствѣ, т. е. сборъ съ котловъ пивныхъ или горѣлочныхъ⁷⁾. И въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ, напр., въ имѣніяхъ королевы Бонны встрѣчаемъ налоги на производство напитков⁸⁾. Въ привилегіяхъ г.

¹⁾ Кн. Зап. Лнт., XI, V, л. 91—96.

²⁾ А. З. Р., I, 168.

³⁾ Акты З. Р., т. I, 91.

⁴⁾ Приказы, Исторія кабаковъ въ Россіи, 23.

⁵⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, ф. 113.

⁶⁾ Ibidem, т. II, р. 29.

⁷⁾ Кн. Зап. Лнт., XIII, л. 94.

⁸⁾ Въ листѣ своемъ четырехъ кременецкихъ радцавъ и писарю королевы Бонны рассказывается о данной ейнахъ лицамъ льготѣ по оплатѣ акциза: „Што першо

Волны 1522 г. мы уже встрѣчаемъ господарскій платъ съ „броваровъ мѣстскихъ“¹⁾, а въ привилегіи 1531 г. мѣщанамъ разрѣшается имѣть бровары „вольные“, но за то они обязаны давать особый платъ съ каждаго 4 солянокъ солоду²⁾. Это уже рѣдкій, для даннаго времени, фактъ скарбанаго обложенія производства.

Кажется, въ связи съ этимъ стоитъ и упоминаемая въ Луцкѣ и Владимірѣ верховщина. О сборахъ ее въ скарбъ упоминаютъ акты конца XV вѣка³⁾. Впослѣдствіи верховщина перешла въ число доходовъ старосты Володимірскаго; судьба Луцкой верховщины—не извѣстна. Верховщиной назывался сборъ съ каждаго дома, въ которомъ не было корчмы⁴⁾. Очевидно въ этомъ надо видѣть попытку обложить суммарно всѣхъ тѣхъ, кто можетъ воспользоваться обычнымъ безопасливымъ приготовленіемъ напитковъ.

Верховщина встрѣчается только на Волыни; но волочная устава устанавливаетъ сборъ въ два пенязя „отъ воротъ“ съ тѣхъ домохъ, въ которыхъ нѣтъ корчмы⁵⁾.

Итакъ, канциской оплачивалось только право производства торговли напитками. Само же производство пива, меду и вина не подлежало обложенію до изданія волочной устavy. Это было господ-

ство въ дѣлѣ нашего винниціа емо вольныхъ четырехъ радцавъ и писаря мѣста Кременецкаго отъ даннаго мерокъ солодовихъ, которые мѣстаче Кременецкіе отъ солодовъ своихъ, коли который пиво вариати дохотѣ на замокъ нашъ давати суть повинни“. Но между мытниками и радцами стали возникать споры изъ-за количества льготнаго пива, почему радцы и писаря просили королеву точно опредѣлить характеръ данной имъ льготы. Королева разрѣшаетъ каждому изъ нихъ варити по десяти солодовъ въ годъ: „на тотъ вриду свой кождый изъ нихъ до рукъ имеетъ мети десяти солодовъ тамошнихъ вольныхъ себе на пиво заварити, отъ которыхъ десяти солодовъ... мерокъ солодовихъ на замокъ нашъ, або мытникомъ нашимъ тамошнимъ платити не будутъ повинни, а однакожъ тѣе пиво съ таковыхъ солодовъ своихъ отъ мерокъ вольныхъ съ ведомостью мытникомъ тамошнихъ мають варити“ (Кн. Зап. Лнт., XXXIII, л. 4, 1549 г.). Упоминаемая здѣсь солодовина мѣрка не слѣдуетъ смѣшивать съ солодовина мѣрками, указанными на владѣльческихъ заводахъ (солодовняхъ и броварахъ); не смотря на тожество названія, въ данномъ случаѣ говорится не о платѣ за работу на моголовныхъ заводахъ, но о сборѣ, падающемъ на самое производство пива.

¹⁾ Акты Лнт.-рус. гос., вид. I, р. 182.

²⁾ Акты Ю.-З. Р., т. I, р. 81.

³⁾ Акты З. Р., т. I, № 124; Акты Лнт.-рус. гос., вид. I, р. 65.

⁴⁾ Памятники Киев. Ком., т. IV, отд. II, ф. 170; ср. Архивъ Ю.-З. Р., ч. V,

т. I, р. 32.

⁵⁾ Акты З. Р., III, ф. 75.

ствующий принцип. Но затѣмъ уже въ первой же половинѣ XVI в. можно констатировать двойного рода явления: мѣстные попытки ограничить свободу производства напитковъ, подвергнуть его обложенію и въ то же время мѣстные факты, устанавливающіе такое обложеніе. Последнее—явленіи единичныя, но они давали прецеденты, указывали пути для налоговъ на производство. Капцизна, какъ источникъ дохода, имѣла къ концѣ XV и началѣ XVI в. небольшіе размѣры. Въ первой половинѣ XVI в. съ этимъ доходомъ происходитъ двойной процессъ: размѣръ капцизнаго плава фиксируется обычаями и частными законами (онъ вносится въ городскіе привилеи) и сама капцизна попадаетъ въ нѣкоторыхъ городахъ въ руки старостъ и державцевъ. По первой причинѣ капцизна ставится налогомъ, овладѣть которымъ нельзя поддаты (потому что онъ закрѣпленъ привилеями), или невыгодно (потому что сократить доходъ), по второй—онъ совсѣмъ ускользаетъ изъ рукъ скарба. Очевидно, если бы скарбу пришлось поднять налогъ на напитки, то ему необходимо было бы обратиться къ иной его формѣ, не къ капцизнѣ, а къ обложенію производства.

Такъ оно и случилось.

5. *Введеніе монополіи на меллици и заводы для производства спиртныхъ напитковъ.*

Изучая различныя косвенныя налоги въ періодъ до половины XVI вѣка мы встрѣчаемся по отношенію къ каждому источнику доходовъ съ однимъ такимъ общимъ явленіемъ: оно заключается въ томъ, что источники косвенныхъ налоговъ недостаточно развѣты, способы извѣданія ихъ отличаются рудиментарностью, а главное, самые источники доходовъ ускользаютъ изъ распоряженія скарба: мало того внутреннія таможенныя и торговыя пошлины, а также и капцизна, — гдѣ онѣ находятся въ вѣдѣніи скарба, — представляютъ собой сравнительно небольшой источникъ его доходовъ. Скарбъ поэтому мало имъ интересуется. Движеніе суммъ, собираемыхъ съ мѣты и корчемъ въ центральное князичество, также отличается большимъ разнообразіемъ. Такъ, капцизна собирается особыми писарями; взиманіе нѣкоторыхъ торговыхъ сборовъ возложено на державцевъ и старостъ; мостовое и пробное мыто сдается иногда разнымъ арендаторамъ, а иногда присоединяется (вмѣстѣ съ торговыми пошлинами) къ арендѣ „головныхъ“

мытъ (объ этомъ намъ еще придется говорить); разнообразіе льготъ по платежу пошлинъ, какъ мы увидимъ впоследствии, было тоже очень велико и зависѣло на обычаяхъ. Наконецъ, мельницы сдавались на оброкъ и составляли, вообще, ничтожный доходъ. Но въ то же время мы отмѣтили по отношенію къ изучаемымъ сборамъ и такимъ явленіямъ, что или правительство, или мѣстные его агенты стремились найти новые источники доходовъ или увеличить старые. Съ пятидесятихъ годовъ господарскій скарбъ, проводя реформы во всѣхъ отрасляхъ финансоваго управленія, стремится ввести порядокъ по отношенію къ косвеннымъ сборамъ и къ эксплуатаціи новыхъ ихъ источниковъ. Новый порядокъ собранія могъ установиться только съ введеніемъ волочной устави и уставъ русскимъ волостямъ. Это объясняется тѣмъ, что необходимо было предварительно освободить многіе источники дохода отъ старостинской власти: мы знаемъ уже, что уставы 1529 года Жмуди и дворянъ Троцкого и Виленскаго новѣта передавали нѣкоторыя изъ этихъ доходовъ державцамъ и старостамъ; то же дѣлали частныя привилеи старостамъ восточныхъ волостей. Реформа Сигизмунда Августа, точно опредѣливъ доходы старостинскаго урида, тѣмъ самымъ передала въ распоряженіе скарба всѣ источники косвенныхъ доходовъ. По отношенію къ городскимъ общинамъ скарбъ поступалъ согласно идеѣ волочной устави: онъ воспользовался всѣми тѣми источниками дохода, которые не были переданы городамъ велико-княжескими привилеями.

Конечно, были изысканы и новые источники доходовъ. Это касалось обязанности ревизоровъ, производившихъ волочную помѣру. Иногда ревизоры въ поискахъ за доходными статьями нарушали городскія права, но верховная власть всегда стояла на почвѣ послѣднихъ. Такъ, королевскіе ревизоры Городенскаго староства хотѣли взять въ Гроднѣ на скарбъ доходы съ мясныхъ ятокъ, ваги и помѣрваго, но король отмѣнилъ это распоряженіе, такъ какъ оно не согласно было съ городскими привилеями ¹⁾. Въ Берестѣ мѣстный староста нанявъ воеводу виленскій М. Радивилль вступилъ съ мѣщанами въ соглашеніе по поводу устройства въ городѣ солодовень и броваровъ. Въ городѣ была введена соевая монополія, но мѣщане „докучали“ пану воеводѣ просьбами объ отмѣнѣ монополіи. Воевода указывалъ мѣщанамъ на то, что они въ своихъ привилеяхъ не только

¹⁾ Кн. Зап. Лѣт. XXXVII, л. 397—398.

солиного склада не имѣють, но и никакого другого, однако они предложили мѣщанамъ „пустить на замокъ“ солодовни съ тѣмъ, чтобы солодъ продавался только въ нихъ. Мѣщане согласились, солиная монополия была отменена, но за то въ городѣ появились замковья солодовни: потому они перешли къ скарбу. Королевскій ревизоръ, рассказывая объ этихъ переговорахъ старосты съ мѣщанами, вставилъ замѣчаніе, что мѣщанѣ объ этомъ не слѣдовало и спрашивать, потому что они не имѣють въ своихъ привилегіяхъ „вольныхъ“ солодовень¹⁾. Однако, замѣчаніе ревизора не совсемъ вѣрно: Берестейскіе мѣщане имѣли на своихъ привилегіяхъ каппизну отъ вина горѣлаго, а слѣдовательно согласно съ стариннымъ обычаемъ и производство воды; каппизну мѣщане уступали старостѣ, за что тотъ обязанъ былъ исполнять подводную повинность за мѣщанъ²⁾. Такимъ образомъ, тутъ былъ компромиссъ между формальнымъ правомъ и обычаемъ. Интересно, что каппизна, вынужденная мѣщанами въ руки старосты, въ концѣ концовъ съ введеніемъ подводной устави перешла въ распоряженіе скарба³⁾. Изъ этого видно, какъ ревизоры выясняли новые источники доходовъ и какъ относился скарбъ къ городскимъ привилегіямъ⁴⁾.

Новое направленіе скарбовой политики въ области косвенныхъ налоговъ, съ изданіемъ волочной устави, замѣчается въ двухъ направленіяхъ: во первыхъ, въ объединеніи взиманія ихъ и во вторыхъ, въ поискахъ новыхъ источниковъ ихъ. Обращаясь къ первой изъ нихъ, нельзя не отмѣтить того, что хозяйство королевы Бона и въ

¹⁾ Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., т. I, р. 231.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XLV, д. 118—120.

³⁾ Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., т. I, р. 231.

⁴⁾ По смерти старосты и державцевъ, имѣвшихъ на доживотье тѣ или иные источники доходовъ, скарбъ сейчасъ же забираетъ послѣдніе въ свою пользу. Такъ было съ солодовнями и броварами въ Бересты: они отшли къ скарбу по смерти М. Радзивилла. По смерти и Ивана Горностая, державцы радомковскаго державное имѣ въ Радомновичахъ торговое мито и млыны взяли въ скарбъ (Кн. Зап. Лит., I, III, д. 8 об.). Насколько скарбъ сталъ дорожить источниками косвенныхъ доходовъ, видно изъ слѣд. слѣдствіи короля съ Виленскою канцюзію. Послѣдняя имѣла привилегію на держаніе корчемъ въ Витебскѣ. Кроме того, замокъ Лепель (королевскій) построенъ на земляхъ канцюзіи и здѣсь распространилось ея привилегіонное право. Король въ 1569 г. самъ своимъ скарбомъ беретъ у канцюзіи въ аренду корчмы въ Витебскѣ и Лепелѣ за 600 копъ грошей въ годъ и съ условіемъ повѣсить арендную плату въ случаѣ окончанія войны (ibidem, д. 247).

этомъ случаѣ должно было имѣть вліяніе на скарбовую политику, такъ какъ въ ея державкахъ всѣ мелкіе „пожитки“ объединены были и сдавались въ аренду въ одні руки гораздо раньше, чѣмъ скарбъ пришелъ къ способу такого управленія. Такъ напримѣръ, она сдавала въ аренду всѣ мелкіе пожитки Кременецкаго староста; сюда входило „мито гребельное водугъ старого звычайу и на местцахъ звыклыхъ, также мерки солодовые и бровары местскіе и млыны на реце Пиве“; сюда входило мито въ Дунаевѣ и Пясовѣ, а также „мерки солодовые, которые отъ мѣщанъ нашихъ Кременецкихъ на замокъ наше приходять“, затѣмъ „броварцязна“, „которая съ тыхъ же мѣщанъ нашихъ Кременецкихъ отъ пива и меду на замокъ наше водугъ звычайу приходить“. Мѣщанамъ воспрещается варить пиво и ситить медъ „неоповѣдавшись“ арендаторамъ подъ угрозою штрафа на замокъ и „пестизны“ въ пользу арендаторовъ. Всѣ подданные, мѣщане и волочане, обязаны молотъ хлѣбъ на владѣльческихъ мельницахъ. — „водугъ повинности стародовное“. Наконецъ, въ числѣ тѣхъ же сборовъ шли и корчмы въ селахъ¹⁾. Въ Пинскомъ староствѣ королева Бона сдавала слѣдующіе сборы: „венскіе мита и понишоны и корчмы наши пивные и медовые з воскомъ, што с корчемъ медовыхъ приходять и горелку и корчмы посельскіе (т. е. въ селахъ), торговое, важное, померное, воскобойно, перевозы въ Пинску и Городку и иншіе пожитки, естли которые ку тымъ митомъ нашимъ давна прислухали и по тые лета ихъ ку скарбу нашему выбрано въ тыхъ замкахъ и волостяхъ нашихъ Пинскомъ, Клецкомъ и Городецкомъ держати и водугъ звыклого обычая и справы тамошнее, яко си давна до сихъ часовъ заховывала на местцахъ звыклыхъ избирати и спрашовати и тымъ пожиткомъ водугъ воли своее шафовати“²⁾. Такимъ образомъ, здѣсь мы встрѣчаемъ какъ разъ всѣ тѣ сборы, которые впоследствии эксплуатируетъ скарбъ.

Дѣйствительно и въ господарскихъ державкахъ съ конца пятидесятихъ годовъ (не ранѣе 1558 г.) встрѣчаемъ отдачу въ одні руки торговыхъ и проѣзжихъ митъ, корчемъ, солодовень, броваровъ и мельницъ. Въ смыслѣ управленія такой способъ представляетъ несомнѣнную удобствъ. Мелкіе сборы, прежде разрозненные, доставлявшие иногда ничтожный доходъ въ 5—10 копъ грошей, теперь

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XXXII, д. 47 об.—50.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XXXII, д. 22—23.

начинают привлекать къ себѣ вниманіе крупныхъ капиталистовъ, и скарбу отъ арендатора сборовъ въ каждой державѣ получаетъ сотни копѣ грошей. Мы увидимъ, какъ откупщики быстро набавляютъ арендную плату.

Среди новыхъ источниковъ доходовъ мы встрѣчаемъ такіе, которые раньше не были эксплуатируемы скарбомъ, какъ солодовни и бровары, или же къ эксплуатаціи которыхъ скарбъ рѣдко прибѣгалъ, какъ мельницы. Появленіе въ державѣ солодовень, броваровъ и мельницъ означало переходъ къ монополіи помолы и производства напитковъ. Этотъ переходъ совершился постепенно, распространяясь на отдѣльныя державы въ теченіе 1558—1561 годовъ. Постепенность перехода въ монополію объясняется чисто практическими соображеніями—необходимостью предварительнаго устройства заводовъ.

Дѣйствительно съ конца 50-хъ годовъ мы встрѣчаемъ немало извѣстій о подготовительной дѣятельности къ введенію монополіи. Устройство необходимыхъ для этого приспособленій поручалось или самимъ старостамъ, или арендаторамъ заводовъ. Такъ, староста мстиславской пашъ Григорій Волловичъ докладывалъ королю въ 1558-мъ году: „иже многіе мещане подданные наши мстиславскіе корчмы къ себе маючи, вѣские трупки шпикуютъ, а до скарбу нашего господарского вельми малый пожитокъ съ того есть“. Поэтому онъ проситъ разрѣшенія устроить въ городѣ „своимъ накладомъ“ бровары, воскобойни и солодовни, „а съ того певный платъ установивши на пожитокъ его брати ему до слушного часу“. Король далъ свое согласіе, разрѣшивъ Волвичу пользоваться доходами отъ монополіи въ теченіе 5-ти лѣтъ¹⁾. Староста берестейскій п. Николай Радивилъ въ время аренды старосты „коштомъ и накладомъ своимъ побудовати веделъ в месте нашомъ Берестейскомъ бровары и солодовни для порядку того места, илбы опатрней отъ огню было, кадыжъ передъ тымъ для ошницъ и броваровъ поволько кротъ место тамошнее горело“²⁾.

Дѣйствительно, устройство броваровъ не разъ мотивировалось безопасностью отъ пожаровъ. Такой мотивъ былъ выдвинутъ при устройствѣ броваровъ и солодовень въ Васильяшкахъ, но при этомъ не забывались и скарбовые пожитки, которые, разумѣется, и имѣлись,

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, з. 168.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XLV, дд. 418—120.

главнымъ образомъ, ввиду¹⁾. Въ Городѣ устройство солодовень мотивировалось старостой тѣмъ, что въ городѣ варять „лихое пиво“, почему староста представилъ королю о необходимости привести пиво-вареніе „ку лепшему порядку“²⁾. Пашъ Янъ Гайко получилъ разрѣшеніе устроить солодовни и бровары въ Ошменахъ: „мы хотечи припожити пожитокъ скарбу нашому, даи есмо и дозволили писару нашему... Гайку бровары и солодовни в месте нашомъ Ошменскомъ его властнымъ накладомъ побудовати и все, што до нихъ належитъ, водле потребы способати и направити“. За это державца получаетъ въ свое пользованіе доходы въ теченіе 6-ти лѣтъ³⁾. На такихъ же точно условіяхъ пашъ Янъ Шимковичъ получилъ разрѣшеніе на устройство броваровъ и солодовень въ Тыкотинѣ⁴⁾. Староста минскій пашъ Василій Тишкевичъ получалъ такое же разрѣшеніе на устройство броваровъ и солодовень съ правомъ пользоваться въ теченіе 3-хъ лѣтъ доходами⁵⁾. Въ некоторыхъ случаяхъ, впрочемъ очень рѣдкихъ, правительство на свой счетъ строило всѣ приспособленія, необходимыя для введенія монополіи⁶⁾.

Иногда устройство броваровъ и солодовень поручалось арендаторамъ, при чемъ имъ сбавлялась нѣкоторая часть арендной платы въ возмѣщеніе арендной платы по устройству. Такъ, арендаторы со-

¹⁾ Въ листѣ 1560 года къ мѣщанамъ Васильяшкинъ, король пишетъ: „маемъ того певную спрану, иже вы въ томъ месте нашомъ Васильяшкахъ у домехъ своихъ, иже бровары и ошницы свои и тамъ же при домехъ у мещанъ гуляи и шипи держате, съ которыхъ... для невнатрости нашею частокорчъ, место наше горитъ“, отчего происходятъ „шведы“ не только мѣщанамъ, но и скарбу, потому что король принужденъ дѣлать дѣлота погорѣлымъ въ платежѣ податей. „А такъ мы не хотечи больше... шкой въ скарбе нашомъ припожити, и у лепший порядокъ то припожити и пожитки скарбу нашему чинечи, росказали есмо конюшному и полковному Виленскому державни Васильишскому пашу Яну Юревичу Волыковичу, абы онъ тамъ у Васильяшкахъ бровары и солодовню нашу дворную уробилъ, и ихъ добре сараванивъ въ нихъ яко котлы и вѣские суды мели“ (Кн. Зап. Лит., XXXVII, дд. 487 об.—488 об.).

²⁾ Ibidem, дд. 218—219 об.

³⁾ Ibidem, з. 484 об.

⁴⁾ Ibidem, з. 485 об.

⁵⁾ Кн. Зап. Лит., XLV, з. 128.

⁶⁾ Такъ, сдвая въ 1560 году въ аренду солодовни и бровары въ Мосткахъ, король одновременно приказываетъ мѣстному уряду: солодовни и бровары „будоувати и водлугъ потребы варедити“ (Кн. Зап. Лит., XXXVII, з. 382). Въ 1565 г. были построены такіяже же образомъ и солодовни, и бровары въ Словинѣ (Кн. Зап. Лит., XI, дд. 48—50).

лодовень и мельницы въ Бѣльскѣ, Наревѣ и Клеццелыхъ жаловались королю въ 1561 году: „бачачи великую переказу и шкоду великую свою у оныхъ солодовныхъ, ижъ къ тому броваровъ отъ насъ арендованныхъ не мели“, почему и просить короля сдать имъ въ аренду и бровары. Король „перестерегаючи небезпечности отъ огня, которые отъ таковыхъ броваровъ покутныхъ у местехъ ся притрафляютъ и къ тому дла пожитку скарбу нашего таковые бровары наши у Бѣльску, у Нарви, и у Клеццелыхъ“, — сдать имъ въ аренду. Но такъ какъ въ этихъ городахъ казенныхъ броваровъ еще не было, то арендаторы совсѣмъ не уплачиваютъ аренды въ первый годъ, взамиль чего обиваются „въ томъ року першомъ бровары съ котла и съ иными великими статки и потребами у тыхъ местехъ нашихъ ... сбудовати и постановити“. По окончаніи аренднаго контракта арендаторы обязаны сдать всѣ возведенныя ими постройки въ полной исправности¹⁾. Арендаторъ броваровъ и солодовень въ Слонимѣ тоже получалъ аренду на условіи постройки броваровъ²⁾.

Интересно отмѣтить, что мѣщане иногда избѣгали (вѣроятно лишь временно) введенія монополіи предложеніемъ королю вносить въ скарбъ ежегодно опредѣленную сумму. Такой льготы добились, напр., Ошменскіе мѣщане. Здѣсь, какъ мы знаемъ уже, король поручилъ мѣстному старостѣ пану Яну Гайку устроить на свой счетъ бровары. Но мѣщане явились къ королю съ челобитьемъ о томъ, чтобы король приказалъ прекратить постройку солодовень и броваровъ и разрѣшилъ мѣщанамъ „подавному“ пользоваться своими броварами и солодовнями; за это мѣщане предложили давать въ скарбъ ежегодно по 8 копъ грошей³⁾. Такими путями правительство постепенно подходило къ всеобщему введенію монополіи на напитки.

Такъ въ городахъ постепенно появлялись заводы и мельницы, необходимые для введенія монополіи.

Теперь посмотримъ, что именно новаго внесли въ жизнь города, староства или державы скарбовыя солодовни, бровары и мельницы. Прежде всего появленіе заводовъ обозначало запрещеніе жителямъ имѣть свои собственные бровары, солодовни и мельницы. Въ Бѣльскѣ, гдѣ уже были солодовни, господарь разрѣшилъ въ 1561 году устроить

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 475.

²⁾ Вершадскій, Документы и Регестры, II, р. 64.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 331 об.

и бровары; какъ только они будутъ поставлены, то никому въ городѣ не разрѣшается держать своихъ броваровъ¹⁾. То же происходило всякій разъ, когда появлялись бровары и солодовни²⁾. Въ скарбовыхъ солодовняхъ приготовлялся солодъ для продажи мѣстнымъ жителямъ; въ броварахъ варилось пиво, вино и разычннали медъ. Изъ броваровъ напитки поступали въ корчмы. Мѣстные жители могли приготовлять напитки въ скарбовыхъ заводахъ изъ солода, купленнаго въ господарскихъ же солодовняхъ. За производство напитковъ они платили — за броваръ, за вино — покотельщину или котловое или варное, а за медъ — отъ мѣдница меду³⁾ (особаго термина не было); медовареніе осложнилось еще уплатой воскобойнаго, такъ какъ воскъ тутъ же поступалъ въ воскобойни. Этотъ сложный процессъ взиманія налоговъ обьясняется некоторыми арендными контрактами. Приведемъ показанія источниковъ, подтверждающія и обьясняющія только что сказанное.

Такъ, Григорію Воловичу, державцѣ мстисловскому, король разрѣшилъ въ 1558 году устроить въ Мстисловѣ солодовни, бровары и воскобойню. При этомъ процессъ взиманія налоговъ такъ обьясняется: „въ которыхъ броварехъ мѣщане и вси обователи того места нашего меда сытити, пиво варити будутъ въ домехъ и ижде ижде ку варенью таковыхъ трупковъ броваровъ не взымаючи, такъ же тежъ и воскобойни и солодовни нихто тамъ и месте, али на передместью не можетъ мети, кромъ замковыхъ солодовней и воскобойни; и въ тыхъ же солодовняхъ замковые солоды роблены мають быти, а мѣщане не мають куповати солодовъ привозныхъ, одно будутъ куповати солоды замковые потому, почему збожжю, с котораго солодъ вробленъ в торгу на тотъ день торговый продавано будетъ. И киды таковой солодъ (т. е. купленный) ку варенью пива до бровару замковаго прійдетъ, тогда отъ каждое бочки, в которой чотыри корцы краковскихъ будеть, зваривши пиво маєть дати два гроша лядзскихъ, ... а отъ медницы меду осмъ пенезей, а отъ забиванья воску, отъ каждаго каменн чотыри пенези“⁴⁾. Съ появленіемъ солодовень и броваровъ въ Берестѣ всѣ жители обязаны были покупать солодъ въ замковыхъ солодовняхъ, а сытити медъ и варити пиво въ замковыхъ же брова-

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 475.

²⁾ Ibidem, л. 484 об. (въ Ошманяхъ), л. 218—219 об. (въ Городецѣ) и др.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 168.

рах¹⁾. Мѣстные жители могли дѣлать солодь и изъ своего зерна, но опять таки только въ господарскихъ солодовняхъ. Такъ, когда въ 1560 году король разрѣшилъ устроить въ Василишпахъ мѣстному державцѣ солодовни и бровары, то онъ издалъ такое постановленіе: „и гдѣ онъ броваръ и солодовню нашу дворяную справить изготовитъ, велѣме есмо ему жъ бровары и солодовни наши (т. е. мѣщанскіе) затратить“. Съ этого момента мѣщанамъ строго воспрещается имѣть въ своихъ домахъ бровары, солодовни и ошниця, варить пиво и медъ: „лечь чинили бы есте солоды свои въ ошницяхъ дворныхъ и мѣди сытили и пиво варили у броваре нашемъ“²⁾. На практикѣ могло быть и такъ, что монополия продажа солода могла быть недостаточной: тогда разрѣшалось покупать привозной солодь изъ другихъ мѣстъ, но только послѣ распродажи замковато. Объ этомъ мы узнаемъ изъ одной тѣжбы Василишскихъ мѣщанъ со своимъ державцемъ³⁾. Но это случалось, конечно, очень рѣдко, потому что тому же Василишскому державцѣ было предписано королемъ обратить все дворяное жито и яриу на солоды, (слѣдовательно, сверхъ того, что покупалось на торгу).

До сихъ поръ говорилось о послѣдствіяхъ установленія монополии на солодь, пивовареніе и медовареніе. Господарскія мельницы устривались далеко не одновременно съ солодовнями и броварями. Но появленіе ихъ влекло за собой уничтоженіе частныхъ мельницъ, запрещеніе пользоваться для помола ручными мельницами (жерновами)⁴⁾; иногда, въ послѣднемъ случаѣ, допускались нѣкоторая ограниченія, напр., разрѣшалось пользоваться жерновами только для про-

¹⁾ Докум. Моск. арх. Мин. Юст., 70, т. I, р. 231.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, лл. 437 об., 438 об.

³⁾ „А што жаловали, якъ державца изъ навидываеши на нихъ солоды въ гумна господарского мешкою бочкою, и дорожей, никии въ торгу ихъ велити платити, о томъ господарь его велитъ разить такъ расказати, якъ имеетъ владычество, абы (съ) збожя господарского были роблены солоды и коли будетъ потреба таковыя солоды прованати, тогда первой мѣстъ быти закличано, абы никто солодовъ на торгу у Василишпахъ не продавалъ, ноки раскупитъ солоды дворяне, але мають быти прованати по тому, по чому въ торгу солоды идуть привозные, и не илюю мерю одно товъ бочкою, которая есть отъ ревиаровъ въ чотари корны красовскихъ. И завжди вси иржедиче и мѣщане каждое збожя въ тую меру куповати и прованати мають...“ (Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XI, л. 257).

⁴⁾ Въ Каменцѣ въ 1565 г. были даны въ аренду солодовни, бровары и акцизы, при чемъ мѣщанамъ запрещено: „Подданые наши мешане и пошочане Ка-

изводства крупы¹⁾. Все сказанное выше о монополии на устройство заводовъ для производства напитков не вызывало никакихъ возраженій въ вопросѣ о продажѣ ихъ. Последніи или оплачивались казначейной или сдавались на откупъ. Въ этомъ случаѣ скарбовая политика въ періодъ реформъ стала склоняться къ отдачѣ продажи напитков на откупъ, избѣгая взаимнаго казначейны: по возвышенію арендной платы за корчмы легко можно видѣть, что скарбъ предпочиталъ аренду потому, что она давала болѣе доходъ.

Такимъ образомъ, къ началу шестидесятихъ годовъ господарскіе подданые были опутаны цѣлою сѣтью монополий и мѣстныхъ сборовъ. Всѣ эти сборы болѣею частію находились въ рукахъ одного откупщика. Вотъ какъ, напримѣръ, перечисляетъ господарскія монополии контрактъ, заключенный подекарбіемъ земскимъ съ мѣщанами Слонимскими на отдачу имъ сборовъ въ городѣ. Въ Слонимѣ существуютъ солодовни и бровары; корчмы выходятся въ рукахъ арендаторовъ — мѣщанъ. Всѣ подданые господарскіе и частновладѣльческіе, живущіе на городской землѣ, обязаны покупать солодь въ казенныхъ солодовняхъ, сытить медъ и варить пиво въ казенныхъ броварахъ, разрѣшеніе на продажу меда и водки зависить отъ арендатора, откупщикъ корчемъ зависить тоже отъ нихъ; частныя мельницы уничтожаются, и всѣ обязаны молоть муку и растирать солодь на господарскихъ мельницахъ; употребленіе ручныхъ мельницъ воспрещается какъ въ городѣ, такъ и въ селахъ; только небольшое количество жернововъ разрѣшается держать въ городѣ и въ каждомъ селѣ²⁾.

меннице и иные, хто колыбекъ у Каменцы мешаесть, жерновъ своихъ жети и овде идець збожя всякого молоти не мають, только въ млинахъ нашихъ тамошнихъ“ (Кн. Зап. Лит., XLV, л. 98).

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 437 об.—438 об.

²⁾ Приведемъ полную виписку изъ аренднаго контракта 1664 г. слонимскимъ мѣщанами, характеризующую только что сказанное. Мѣщане ограничиваются слѣд. обр.: „А што се дотычетъ броваровъ и солодовень, тые черезъ влады господарскій замковий Слонимскій мають збудовани и водке потреби поставовани тамъ у Слониме и иныя, арендаромъ, на тотъ же часъ нового лета блиско прибудного подава быти, у которыхъ солодовняхъ и броварехъ около прованани солодовъ на варѣнне пива, также и сыченья меду они мають се справовати и зиковати водке аренды берестейское, яко се у Берестяи справуютъ арендари таковыхъ же пожитковъ броварныхъ и солодовныхъ. И яко отъ того часу отъ дня нового лета блиско прибудного въ року 65-мъ илюому съ подданыхъ господарскихъ мешанъ и передѣшанъ слонимскихъ, вилескихъ, панскихъ, земскихъ и духовныхъ, которые на крупноу мѣста Слонимского живутъ, не мають быти волно у мѣста и на

Изъ сказаннаго до сихъ поръ ясенъ характеръ монополіи на напитки и мельницы. Монополія на напитки распространилась на продажу ихъ (хотя продажа могла оплачиваться кащициной, какъ это и бывало во многихъ городахъ) и, главнымъ образомъ, на производство. Монополіи подчинялись какъ подданные государя великаго князя, такъ и подданные частныхъ земельвладѣльцевъ, если они жили на городской территоріи; слѣдовательно, подданные шляхты и духовенства, жившіе въ городахъ „на грунтѣ“ землицкомъ и церковномъ, не подлежали дѣйствию монополіи. Такимъ образомъ, для того, чтобы сварить пиво, необходимо было пройти слѣдующую процедуру платежей: тотъ, кто самъ не пахалъ земли, долженъ былъ купить на рынкѣ ячмень, пшеницу или рожь, уплатить при этомъ помѣрное затѣмъ отвезти хлѣбъ въ солодонню, здѣ за приготовленіе солода возмуть

передместью между и торелки шиковать, только итъ, арендаромъ, подъ зарукою на господари его иности стоиа конопа грошей подъ утратою того между и горелки; также тежъ не маеть иному быти волю, яко съ подданныхъ государевныхъ словинскихъ, такъ тежъ кнѣжскихъ, панскихъ, земскихъ и духовныхъ, которые на игрунтѣ месткомъ словинскомъ мешають, где ииде между сытити и ива парити только у броварехъ государевныхъ словинскихъ и солоду на варенье ива ку шинку ни откоди не мають брати и куповати только въ солодовень государевныхъ словинскихъ въ итъ арендаромъ по уставѣ и аренде берестейской. А хто бы се съ подданныхъ государевныхъ, князевныхъ, панскихъ, земскихъ и духовныхъ, на игрунтѣ месткомъ словинскомъ мешаючихъ, того иначѣ делати наицъ се, а надъ ведомость и дозволенье ихъ арендаромъ иедъ або торелку на игрунтѣ месткомъ словинскомъ шиковать, мець сытити, або пиво варити не въ государевныхъ, але въ чьихъ иишихъ броварехъ, также тежъ хто бы не въ государевныхъ солодовень на варенье ива ку шинку солоду брать, але ихъ откуди ницъ набицъ и таковыя солоды ку ироданью до Слоинна привозитъ и ихъ у Слоинно надъ ведомость и волю ихъ арендаромъ иродувати, таковыя кожый чий бы козьень подданыи былъ мешчанинъ, абы волочаннинъ оный иедъ, горелку, пиво и солоду, яко у промытѣ гратити маеть и заруки на господари его инаость его конъ грошей наплатити повиненъ будеть, которое промыти на ирадѣ тамошней замковей волонина, а на итъ арендаромъ другая волонина приходити маеть. А подданные государевные ни въ чьихъ иишихъ мѣстехъ только въ государевныхъ велике збожкѣ и солоды, где кому будеть пригезо, мають моготи также подъ утратою оною рожки и солоду. А на потребу замку и фовальмаровъ государевныхъ тамошнихъ въ мѣстехъ государевныхъ маеть быти волю велике збожкѣ и солоды молоти. А жорна мають на волости и у мѣсте заказаны быти, только для дертья крутъ у кождомъ село волуду бачности врадѣ тамошней замковей, также и въ мѣсте маеть иванна личба жорновъ zostавена быти⁵ (Кн. Зап. Лит., XLV, л. 48—50 (1565 г.)). Положеніи, гдѣ же контракты и отъ арендаромъ требуютъ не дѣлать мѣшанымъ „иоторое обезличности“ (Кн. Зап. Лит., LIII, л. 126 об.), что однако едва ли было осуществимо.

солодовое; растереть солоды можно только на скарбовой мельницѣ, за что надо уплатить мѣрку солодовую; сварить пиво можно только въ скарбовомъ броварѣ, но и здѣсь надо уплатить броварное; если пиво поступаетъ въ продажу, то за шикъ надо еще уплатить кащицину¹⁾. Это только государскіе сборы, но мы впоследствии увидимъ, что они осложнялись еще государственными налогами.

Въ силу мѣстныхъ причинъ въ различныхъ державкахъ допускались иѣкоторыя отличія сравнительно съ только что описаннымъ процессомъ взиманія. Для общаго же руководства въ 1561 году была издана въ Берестѣ особая устава, которая служила руководствомъ для арендаромъ; она такъ и извѣстна въ арендныхъ контрактахъ подъ именемъ „устава берестейской“. Она, впрочемъ, касается только продажи солода. Самый процессъ послѣдней былъ обставленъ большими формальностями. Онъ заключался въ слѣдующемъ. Цѣна солода оставлена была въ зависимость отъ рыночной цѣны на зерновой хлѣбъ. Арендаторъ долженъ покупать хлѣбъ на рынкѣ въ торговый день. При покупкѣ хлѣба присутствовать иже и присяжный представитель городского уряда. Всѣ трое обязаны записывать въ реестръ цѣну покупаемаго хлѣба и при этомъ даже отмѣчать, покупался ли хлѣбъ мѣрною „зверхомъ“ или „подъ страхъ“. Если въ теченіи торговаго дня цѣны на хлѣбъ мѣнялись, то за основную цѣну принималась та, по которой хлѣбъ продавался въ полдень. Арендаторъ обязанъ былъ до слѣдующаго торговаго дня продавать солоды по цѣнѣ предшествующаго торговаго дня и на тѣхъ же условіяхъ, т. е. или „подъ страхъ“ или „зверхомъ“. Если мѣшане покупали у арендатора солоды „на боркъ“ (отъ нѣм. borgen), то должны были платить однимъ грошеиъ за бочку дорожѣе торговаго цѣны. Устава требуетъ, чтобы арендаторъ пользовался одинаковою мѣрою для покупки хлѣба и для продажи солода. Рабочіе въ солодовняхъ занимаются арендаромъ, но они обязаны принести присягу передъ замковымъ урядомъ и въ присутствіи городского въ томъ, что они будутъ дѣлать солоды извѣстнаго качества; именно солоды должны приготовляться изъ однороднаго

⁵ Терминологія сборовъ ясна уже въ предыдущихъ цитатахъ. Приведемъ еще иѣкоторыя указанія. Въ Кременшъ при продажѣ изъ государеваго склада солоду брали солодового „отъ бочка по 15 гр.; при шиковареніи брали по 7 грошей отъ вару ива, а за номоль — четвертую часть пригеза; отъ вару горелки брали 5 грошей (Кн. Зап. Лит., LII, л. 13 об.). Ср. Кн. Зап. Лит., LIII, л. 39). Ср. броварное въ Волы (Кн. Зап. Лит., LIII, л. 126 об.).

зерна, т. е. ячменный, ржаной или пшеничный, и не должен быть чрезмерно выращиваем; солодовники обязаны доносить замковому уряду о злоупотреблениях арендатора ¹⁾. Так обставлена была выдана и продажа солодов. Замѣтимъ, что выгода арендатора при продажѣ солода составляли около тридцати процентов, такъ какъ солодъ, сравнительно съ зерномъ, выращивается въ среднемъ приблизительно на тридцать процентовъ.

Изложенная устава касается только продажи солода и сверхъ того она, какъ мы уже указали, выполнялась (правда, въ рѣдкихъ случаяхъ) съ нѣкоторыми отличіями. Отличія эти варостали въ разныхъ мѣстностяхъ, очевидно, съ цѣлью увеличенія скарбового дохода. Такъ, напримеръ, въ мѣстечкахъ Добучинѣ и Мостахъ солодъ продавался, какъ гласитъ господарское распоряженіе того же 1561 г., по два гроша на каждую бочку дороже сравнительно съ торговой цѣной хлѣба ²⁾. До изданія берестейской устави различіе въ размѣрахъ платежей было весьма значительно. Въ 1559 году господары установили таксу на продажу солода въ Городцѣ: на каждую бочку прибавляли по три гроша сравнительно съ цѣною хлѣба предшество-

¹⁾ Несмотря на то, что источники очень часто ссылаются на берестейскую уставу и иногда приводятъ вкратцѣ ея содержаніе, намъ не удалось встрѣтить въ книгахъ Метрику подлиннаго текста устави. Мы привели ея содержаніе, какъ оно занесено въ вырокъ покарбіа земскаго Остафія Воловича по поводу жалобы мѣщанъ троцкихъ на арендатора мѣстныхъ солодовенъ. Мѣщане жаловались на то, что арендаторъ продаетъ солодъ не „людугъ устави берестейское“. Воловичъ по приказанію господара велѣлъ вписать уставу въ свой вырокъ. Однако въ дѣлѣ не хватаетъ конца, по видимому, впрочемъ, только заключительной формамъ устави и выроча (Кн. Суд. Дѣл. Лит., XIV, лл. 17—18 об.).

²⁾ Мѣщане Добучанскіе жаловались на разное „лучше“ мѣстнаго арендатора солодовенъ, то шло не маючи на то некоторое устави, обода нѣк яко хочешъ, продаешъ и въ томъ великіе обтяженя имъ делашъ (т. е. арендаторъ). И были намъ чоломъ, якъ быхмо въ томъ новую уставу уделати и о томъ до твоєї милости (мѣстнаго старосты нана Станислава Хвалченскаго) листъ написъ (т. е. господарскій) дати казати. А такъ пригазуемъ, нежъ бы зволъ милость то дни торговыхъ по колькуеротъ у мѣсте Добучинскомъ нине вынолати щазати и оному жоду арендару тихъ солодовенъ и броваровъ нашихъ тамошнихъ рсказати, якъ бы подданымъ нашимъ тамошнимъ томъ мерою солоды продавати, которое збоже для торгового въ торгу послонитомъ будеть, тогда черезъ увесъ тидень ажъ до другого торгу такового солоду бочку только двема грошми дорожей подданымъ нашимъ тамошнимъ черезъ того арендара нашего масть продавано быти“ (Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 444). Точно такое же предписаніе дано было наѣстнику Московскому (ibidem, л. 444 об.).

вашаго торгового дни ³⁾. По арендному контракту 1558 г. на отдачу броваровъ и корчемъ въ Слонимѣ, устанавливалась плата по одному грошу литовскому съ выварки одной бочки солода на пиво ⁴⁾. Господарскій листъ 1558 года на устройство броваровъ и солодовенъ въ Мстисловѣ установилъ слѣдующую таксу: мѣщане платятъ 16 пенязей литовскихъ за выварку бочки пива изъ купленнаго въ солодовнѣ солода, отъ мѣдницы меду—по 8 пенязей и отъ камня воску по 4 пенязя ⁵⁾. Иногда эти платежи сливались съ кащизною. Примеръ такого слиянія мы видимъ въ господарской уставѣ 1568 года, давней мѣстечку Августову. По этой уставѣ за растираніе въ мельницѣ солоду взималось отъ вари пива (т. е. отъ трехъ бочекъ торговыхъ) поварное по три гроша польскихъ (т. е. по 2 гр. и 4 пен. литовскихъ); поварное здѣсь замѣняло и кащизну отъ пива. Тотъ, кто торговалъ медомъ и водкою, платилъ отъ меду „варового“ по 2 гр. польскихъ отъ мѣдницы меду, а за продажу водки платилъ въ годъ поль-копи грошей литовскихъ ⁶⁾. Такимъ образомъ, здѣсь кащизна была соединена съ сборомъ мельничныхъ мѣрокъ.

Итакъ, приведенные факты указываютъ на мѣстныя отличія размѣровъ и способовъ разсматриваемыхъ монополій. Такъ какъ источники послѣ изданія устави 1561 г. только въ исключительныхъ случаяхъ говорятъ о мѣстныхъ отличіяхъ и, наоборотъ, часто ссылаются на берестейскую уставу, то описанный въ ней способъ уплаты былъ господствующимъ; но надо помнить, что устава касается только продажи солода.

Въ годы дѣйствія монопольныхъ заводовъ для производства напитковъ, вопросъ о продажѣ вина, пива и меду оставался при прежнихъ основаніяхъ, равно какъ и вопросъ о производствѣ ихъ для домашняго потребленія. Господарскіе листы только настоятельно требуютъ, чтобы покупка главнѣйшаго матеріала для производства, т. е. солода, непремѣнно производилась въ монопольныхъ заводахъ; эти требованія безразлично относятся какъ къ производству „на шинель“, такъ и для домашняго обихода ⁷⁾. Но, какъ легко убѣдиться при про-

³⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 218.

⁴⁾ Ibidem, л. 187.

⁵⁾ Ibidem, л. 168.

⁶⁾ Кн. Суд. Дѣл. Лит., LIII, л. 159.

⁷⁾ Объ этомъ обычно говорятъ арендные листы: „Арендовали емьмо... А хто бы тежъ, хто колькешъ съ подданыхъ нашихъ господарскихъ и духовныхъ шляхскихъ,

смотрѣ арендныхъ контрактовъ, скарбъ предпочитаетъ аренду напитковъ сбору капщизны отъ нихъ. Разумѣется, разъ скарбъ переходилъ отъ кащизны къ арендѣ, то тѣмъ самымъ вводилъ монополію продажи напитковъ. Тутъ уже скарбу приходилось слѣдить за тѣмъ, чтобы безъ разрѣшенія арендатора никто не занимался продажей напитковъ. Въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемся съ такого же рода ограниченіями и предписаніями, какія бывали и въ арендныхъ контрактахъ времени Казимира, Александра и первыхъ лѣтъ Сигизмунда I, когда правительство перешло къ сбору капщизныхъ пенялей. Предписанія эти заключались въ строгомъ воспрещеніи держать корчмы и торговать напитками безъ разрѣшенія арендаторовъ¹⁾. Держателямъ корчемъ предоставлялись все средства для осуществленія монополичной продажи; населенію господарскіе лнеты воспрещаютъ „ку

пашьскихъ и земьянскихъ солоды на варенье пива и налене горелки кушинуку по ль пашихъ тамошнихъ солодовень, але отъ кого чинного брагъ и кувовати, такъ же пиво и медъ у своихъ, або чинихъ пашихъ броварехъ варити безъ ведомости и дозволеня ихъ, або арендаровъ, не заплаташи имъ отъ того нязгу постановленого, тогда кождый таковыи, чий бы колекъ подданий во оныхъ мѣстахъ мешкаючи бытъ, медъ и пиво и горелку або въ промѣтѣ трагити мають... А обычаи тыхъ мѣстъ не мають ни отъ кого пивъ вареныхъ и медовъ сычовыхъ набивати и скуповати, одно сами зъ ведомостью ихъ пива варати и меда сычити, абы тымъ шкода скарбу нашому и тымъ арендаровъ не дедала... (Кн. Зап. Лиг., XLVIII, лл. 115, 116).

¹⁾ Такъ мѣщане Васлашскіе держали въ своемъ городѣ корчмы, по чѣстивій державца чинити имъ „ворекаву“. Мѣщане жаловались на него королю: „а што тежъ жаловали, нѣкъ врадъ людехъ королевскимъ на волости за покони дасть корчмы мевати и тежъ боронити имъ корчмамъ покутитыхъ и чужоволюсамъ забирати, а хоти и возмутъ въ кого што, пиво за тую ихъ прану ничого имъ не дасть. Ого господарь его милость такъ росказати и установити рачити: нѣкъ черезъ то врадъ за покони корчмамъ по волости держати и пивъ и медовъ, али горелки шинковать не мають дозволити, а корчмы покутитые въ чужоволюсамъ забирати мають мѣщане Васлашские, при врадѣ едачки, а врадъ забравше таковыя корчмы не повинны съ того мешаномъ завати, ягда жъ то не естъ обычаи“ (Кн. Судн. Дѣлъ Лиг., XI, лл. 225—227). Мѣщане Мозирскіе арендовали корчмы въ своемъ городѣ (1568 г.) и господарскій лнеть такъ опредѣляетъ ихъ права: „Пашли бы хто ль боиръ и мешанъ и подданныхъ пашихъ тамошнихъ мозирскихъ въ мѣсте Мозирскомъ, або у волости тамошней корчмы покутитые держати, медомъ, пивомъ и горелкою ку шкודה ихъ шинковать, таковыя корчмы и пивни покутитые, интъ и суди пашива корчмное мають и волни будуть зъ низомъ врадъ мозирского подне забирати и половину того всего на законъ Мозирскій давати, а другую половину на себе брати мають, вожди кому они призовалы, таковому каждому въ мѣсте и на волости корчму держати и шинковать волю будеть...“ (Кн. Судн. Дѣлъ Лиг., LIII, л. 126).

шкודה арендаторовъ шинковать напитками“ во всемъ монополичномъ районѣ¹⁾. Однако слѣдуетъ отмѣтить, что въ періодъ монополичн контролъ за продажей напитковъ значительно усилився; такъ, встрѣчаемъ воспрещенія мѣстнымъ жителямъ покупать напитки вне монополичнаго района: „а если бы,—говоритъ арендный контрактъ 1557 г. на отдачу корчмы въ Кременцѣ,—отколь горелку было привезено, а имъ (т. е. арендаторамъ) не оповѣдаши, безъ дозволеня ихъ, по селамъ волости ламку пашного мають то боронено бити“²⁾. Встрѣчаемъ тенденцію не только воспретити привозъ напитковъ изъ опредѣленнаго района на продажу, но также и для домашняго употребленія; и даже это послѣднее, какъ мы знаемъ, подвергается контролю и ограниченію³⁾. Нельзя не отмѣтить также того, что во всѣхъ контрактахъ мы встрѣчаемъ и ограниченія, касяющіяся торговли и провоза напитковъ въ селахъ; эта черта тоже сравнительно нова, такъ какъ въ контрактахъ конца XV и начала XVI вѣка о селахъ упоминается рѣдко, очевидно, потому, что при тогдашнихъ условіяхъ контроль за ними былъ мало осуществимъ и мало полезенъ, ввиду распространенія домашняго производства. Еще около 60-го года мы не только встрѣчаемъ предписанія о воспрещеніи торгъ напитками въ селахъ⁴⁾, но также и разрѣшеніе на заведеніе корчемъ въ селахъ⁵⁾; это показываетъ, что еще въ это время господарскія корчмы не вездѣ были заведены въ селахъ. Годы монополичн выдѣляются еще и тѣмъ, что король по частямъ стремится отнять имъ частнымъ лицамъ

¹⁾ Кн. Зап. Лиг., XXXVII, л. 186 об.

²⁾ Кн. Зап. Лиг., XXXVII, л. 128 об.

³⁾ Вотъ какъ еще ограничивать привозъ напитковъ и тайную продажу ихъ арендный контрактъ 1565 г. на мыто и корчмы въ Пинскѣ: „А мешчане и индое, такъ же и подданные по селахъ пашихъ если бы хотили въ нихъ медъ, пиво и горелку зъ стороны привозити потаеице шинковать и въ дому апащю горелку хоти бы на свою потребу держати, а было бы то на него перевезено, тогда таковой кождый зъ руки на замокъ тамошній платити будетъ повиненъ пятьдесятъ копъ грошей, а ему арендару другая пятьдесятъ копъ грошей,—будеть ли та порука и за Рубиневича бывала и на аренде его описана. А тотъ медъ, пиво и горелка введя въ промѣтѣ забранъ бити мають, которое промѣтѣ такъ же на замокъ оловница, а другая оловница ему арендару бити мають; толко они мають въ него арендара пашн медъ, пиво и горелку купуючи въ домехъ своихъ шинковать“ (Кн. Зап. Лиг., XLV, л. 94—95).

⁴⁾ Напр. Кн. Зап. Лиг., XXXVII, л. 315 об. и др. въ предшеств. и послѣд. примѣч.

⁵⁾ Напр. въ Бобруйскѣ, ibidem, л. 468.

льготы и привилегии на держание корчем; это делается ввиду тяжелого положения скарба по случаю Ливонской войны ¹⁾.

Занятия скарба объ ограничении производства напитков и прекращении беспошлинного торгового их вывоза еще особым образом по отношению к русским волостям, так как около 1560 года издано было общее постановление, направленное против начальников местных гарнизонов с целью прекратить с их стороны незаконную продажу питей. Дело в том, что жалобы на начальников роты за чинимы ими „переказа“ корчамъ господскимъ представляють весьма обычное явление в XVI вѣкѣ ²⁾. Правительство обоеихъ Сигизмундовъ не могло справиться съ своеволиемъ начальниковъ гарнизоновъ. Этимъ, конечно, и вызвано общее постановление, изданное Сигизмундомъ Августомъ; оно разрешало ротмистрамъ держать напитки для продажи своимъ солдатамъ, но не для продажи постороннимъ лицамъ ³⁾.

Итакъ, введение монополии на заводы для производства напитков и преобладание монополийной продажи имѣло своимъ послѣдствиемъ не только налоги на производство, но и ограничение местныхъ обычаевъ, которыми поддерживалось исконное право свободы домашнего приготовления напитков. Изъ тѣхъ условий, на которыхъ скарбъ передается откупа или вводитъ монопольные заводы, ясно про-

¹⁾ Такъ, въ арендномъ контрактѣ 1565 года на корчмы въ Пинскѣ отмѣлены корчменныя льготы: „а што ея дотичеть корчомъ въ мѣсте тамошнемъ и на селехъ, которые бы возности отъ насъ мели такъ жъ мешчанъ, аю и въ жидохъ тамошнихъ, тые жею корчмы за оныи возностями нашими живяны быти не мають ку переказе аренды его, кдамъ жъ есмыо для теперешнихъ иришлыхъ а кватовныхъ потреби пивныхъ и зеренныхъ немъ таковоие возности поддеганъ и на сторону отложени“ (Кв. Зап. Лит., XLV, л. 94—95 об.).

²⁾ Кв. Зап. Лит., XLII, л. 46; Бернадскій, I, р. 114 и др.

³⁾ Объ этомъ говоритъ король въ запискѣ 1561 г. къ Ст. Довойнѣ, коведѣ полководцу. Приведемъ относящіяся сюда мѣста: „есмо таковое постановленіе чинили во всѣхъ мѣстахъ пивныхъ украинныхъ, же ротмистрове корчомъ некоторыхъ мѣст въ мѣстахъ, такъ и на мѣстехъ мѣти не мають, одно пивници свое питеи ховати для себе, десятинкою и драбонъ роты своею, и то не для жаднаго опизлетка (вылетка) обычного, але для трукну ихъ зерного“. Поэтому король приказываетъ Довойнѣ разрешити полководцу ротмистру Немеронскому „пиво, яеду и иного питеи въ пивници его въ чинку для его самого потреби и для десятниковъ и драбонъ роты его мѣти и продавати имъ съ пивници на поживеніе имъ ку занятию у обеда и у вечери, и тежъ въ довь коли са нову питеи захочеть“ (Кв. Зап. Лит., XLII, л. 46 об.—47). То же самое король говоритъ и въ запискѣ старостѣ Зельскому и Юрію Зеновьевичу (ibidem, л. 46).

глядываться тенденціи правительства ограничить домашнее производство, уменьшить или совсѣмъ уничтожить льготы, дарованныя раньше королямъ на держание корчемъ, наконецъ, уничтожить корчемство, вошедшее въ жизнь въ силу разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, какъ напр. корчемство ротмистровъ; однимъ словомъ, скарбъ настойчиво стремится монополизировать въ фискальныхъ цѣляхъ и производство, и продажу напитковъ. Этой цѣли онъ достигалъ издаваемъ отдѣльныхъ господарскихъ вырочокъ, установленіемъ ограничивающихъ условий въ арендныхъ контрактахъ, т. е. вообще путемъ частныхъ узаконеній; дѣятельность скарбовыхъ агентовъ и арендаторовъ проводила глубоко въ жизнь эти тенденціи скарба ¹⁾. Неудивительно поэтому, что уставы первой половины XVII вѣка разрешаютъ подданнымъ только имѣть въ домахъ пиво и медъ для собственного употребленія ²⁾, слѣдовательно, тогда уже и приготовленіе напитковъ не допускалось.

Намъ остается упомянуть только о районѣ, въ которомъ въ изучаемое время была введена монополия производства. Берестейскіи уставы, единственный общій уставъ, ничего не говоритъ о районѣ, въ которомъ должны быть устроены солодовни и бровары. Но его легко опредѣлить по аренднымъ контрактамъ. Монопольные заводы дѣйствовали только въ собственной Латвіи, Подляхія и въ Кременецкомъ староствѣ на Волыни; въ русскихъ волостяхъ заводовъ не было, но здѣсь введены были откупы на продажу питей: оттого и понятны мѣры правительства, направленные къ прекращенію корчемства въ этой мѣстности. На Жмудѣ только въ немногихъ городахъ упоминается отдача корчемъ въ аренду; монополий же здѣсь совсѣмъ не было.

Выяснить происхожденіе и развитіе монополий, намъ остается сказать нѣсколько словъ о способахъ ихъ эксплуатаціи скарбомъ. Всякого рода сборы скарбъ стремился сдавать въ аренду. Въ арендныхъ контрактахъ прежде всего отмѣчалось, какія доходныя статьи сдавались въ аренду, за тѣмъ величина арендной платы, сроки аренды. Довольно часто въ арендныхъ контрактахъ встрѣчаемъ ссылку на то,

¹⁾ На практикѣ арендаторы стремились подвергнуть обложению такой „звѣтвий“ обычай, какъ канонъ (Грамоты г-р. Видзы, II, р. 4—6. Грамоты города Манска, р. 66).

²⁾ Акты Вил., XXV, р. 156.

что арендаторы должны руководствоваться уставом берестейскою, а иногда приводится и содержание этой устави или тѣ измѣненія ея, которыя вносятся въ данную мѣстность. Довольно обычно встрѣчаются въ контрактахъ указанія на тѣ послѣдствія, которыя сопряжены для населенія съ введеніемъ монополіи; т. е. запрещенія частныхъ мельницъ, солодовень, броваровъ, корчемъ; иногда устанавливаются и штрафы въ случаѣ нарушенія скарбовыхъ предписаній, штрафы за незаконную продажу или производство напитки, помолье хлѣба или солода не въ скарбовыхъ мельницахъ. Это общая схема арендныхъ контрактовъ. Къ этому надо еще прибавить тоже довольно обычное условіе контрактовъ, по которому требовалось, чтобы арендаторы въ исправности сдали принятые ими заводы, мельницы, котлы и пр.; приобретенные арендаторами котлы иногда оставались при заводахъ¹⁾. Когда солодовни, бровары, мельницы только заводились, то однимъ изъ важныхъ условій арендныхъ контрактовъ былъ вопросъ о постройкѣ ихъ арендаторомъ или мѣстнымъ старостою. За это предпринимателямъ дѣлалась большая уступка изъ арендной платы. Старосты иногда получали на нѣсколько лѣтъ пользование броварами и солодовнями; напр., державца ошменскій Янъ Гайка получилъ на 6 лѣтъ солодовни и бровары²⁾. На столько же лѣтъ получилъ тѣ же доходы Янъ Шимковичъ, державца тикотинскій³⁾; староста минскій Василій Тышковичъ получалъ на 3 года ножитки отъ броваровъ и солодовень⁴⁾ и пр. Если заводы требовали капитального ремонта, то за производство такого арендаторы получали сбавку съ арендной платы⁵⁾. Повидимому, только по отношенію къ большимъ городамъ, когда арендная плата достигала значительной суммы, въ условія аренды вставлялся пунктъ объ обязанности скарба возмѣнить арендаторамъ убытки, которые они могутъ понести вслѣдствіе какихъ нибудь непредвидѣнныхъ случайностей, напр., голода, повальныхъ болѣзней, или обязательство построить заводы на скарбовый счетъ, если они сгорятъ. Въ арендныхъ же контрактахъ на откупъ корчемъ въ большихъ городахъ иногда встрѣчаемъ разрѣшеніе арендаторамъ держать въ корчмахъ, кромѣ мѣстныхъ напитки, ино-

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 114 об.—115.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 484 об.

³⁾ Ibidem, л. 485.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., XLV, л. 128.

⁵⁾ Кн. Зап. Лит., XLV, л. 48.

странная вина¹⁾. Надо еще прибавить, что въ разныхъ городахъ сдавались въ аренду различныя доходныя статьи, смотри по тому, какія изъ нихъ были въ распоряженіи скарба²⁾. Замѣтимъ еще, что въ концѣ 60-хъ годовъ конкурентами частнымъ откупщикамъ являются городскія общины. Такъ, въ 1564 году Слонимскіе мѣщане взяли въ аренду въ городѣ мельницы, солодовни, бровары, корчмы и мыто мостовое³⁾; въ 1567 году Куренцкіе мѣщане выхлопотали себѣ аренду корчемъ, мельницъ и мытв потому, что арендаторъ дѣлалъ мѣщанамъ „квивиди“ и „втиски“⁴⁾; въ 1571 году на томъ же основаніи выпросили себѣ аренду солодовень Гродненскіе мѣщане⁵⁾, тогда же они

¹⁾ Вызвала эти общія условія арендныхъ контрактовъ, мы не приводимъ expressly на источникъ, потому что все изложеніе настоящаго отдѣла основывается именно на арендныхъ контрактахъ. Впрочемъ, для характеристики условій придется выдержку изъ аренднаго контракта на отдачу броваровъ, солодовень и корчемъ въ Берестѣ Шварлевичу и Исавоничу 1565 года. Въ немъ король говоритъ: „къ тому дополнили есмо ихъ для приношенія и подышенія напередъ свое аренды солодовни и ошницы, и бровары вправати, также и шинцлеры на зяпананье збожя до солодовень яко розумѣти будуть, и пачинны великого до солодовень и до броваровъ за свои невести мають себе занособити. А што кольвокъ на тое выдхуть и пачинны способати, то все речне ку замку нашому Берестейскому по выштыю сее аренды ихъ при тыхъ броварехъ, солодовняхъ, ошницяхъ и шинцлерахъ котлы, кады и великое пачинне зостати мають. При томъ которуе корчму за дозволеніемъ небожачина воеводи виденского обудошли они своимъ пакадомъ подде солодовень на гостинцу Краковскомъ, а такъ мы въ той корчме кромѣ плаченя канцелярны за сее жь арендою нашомъ мѣги и держати имъ позволиемъ на шинцы, вино, малязаво, мушкатель, медъ, пиво, горелцы и винне трунки ку питью належачіе. А они мають чинити въ томъ дому всякій слушныи порядоць, адо ся въ таковыхъ гостинныхъ домехъ у вышнихъ мѣстехъ заховывають, который домъ при тыхъ же солодовняхъ и броварехъ въ ихъ справе и мочи бити мають до выштыя сее аренды. А по выштыю аренды при солодовняхъ и тотъ домъ въ целости тому, кому воля ваша будетъ, здати и поступити мають, не рахуючи за будованье плычого, али кладучи на личбе въ суму аренды своее. А дерево на будованье и на оправанье солодовень, броваровъ, шинцлеровъ и того дому позволиемъ имъ съ потребу брати и вынущати ихъ властивымъ пакадомъ съ пущи нашомъ Берестейскою, або съ Прилуць, адо где сами оберуть, только не въ остуцехъ, але тамъ где изъ отъ владу важного берестейского заведено будетъ, вижши они шинцы жидовъ за собою до лесу впушчати, али домочъ своихъ тымъ деревомъ будовати не мають“ (Кн. Зап. Лит., XLV, л. 118—120).

²⁾ Разнообразіе сдаваемыхъ арендныхъ статей въ каждомъ городѣ будетъ видно изъ прилагаемаго ниже перечня доходовъ, приписанныхъ арендамъ.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XLV, л. 48—50.

⁴⁾ Ibidem, л. 126.

⁵⁾ Кн. Зап. Лит., LIII, л. 55.

получили в аренду особо и бровары¹⁾; мѣщане Браславскіе терѣли отъ арендатора корчемъ „великое знищеніе и убыство“, почему и запросили себѣ корчмы на аренду²⁾. Мы отмѣтимъ это стремленіе городскихъ общинъ къ правленію въ свое завѣдываніе разматриваемыхъ пожитковъ, такъ какъ оно въ болѣе сильной степени сказалось на переходѣ мѣтъ малыхъ въ завѣдываніе городскихъ общинъ.

Итакъ, финансовыя реформы Сигизмунда Августа отразились и на косвенныхъ налогахъ. Здѣсь они выразились въ томъ, что скарбъ собралъ и упорядочилъ эксплуатацію такихъ сборовъ, какъ торговля и внутреннія таможенныя пошлины, и затѣмъ, воспользовавшись широкимъ пониманіемъ вотчинныхъ правъ, ввелъ монополіи на мелницы, солодовни и бровары. Въ способахъ эксплуатаціи доходныхъ статей скарбъ рѣшительно склонился къ системѣ откупа. Значеніе разсмотрѣнныхъ монополій будетъ для насъ еще болѣе яснымъ, когда мы познакомимся съ акцизами на напитки и помоль.

6. Акцизы.

Ливонская война вызвала рядъ налоговъ общегосударственнаго характера. Изъ которыхъ тѣсно примыкають къ только что разсмотрѣннымъ сборамъ господарскаго скарба. Такъ, въ 1561 г. введенъ былъ государственный акцизъ на спиртные напитки и на помоль. Нужно замѣтить, что государственный акцизъ не былъ совершенно новою въ это время въ финансовой системѣ Литовско-русскаго государства, такъ какъ былъ моментъ еще въ началѣ XVI вѣка, когда временно вимался сборъ, носившій названіе акциза. Наиболѣе раннія свѣдѣнія объ акцизѣ встрѣчаются въ практикѣ польскихъ финансовъ, изъ чего можно было бы заключить, что отсюда перешли въ Литву и понятія объ этомъ видѣ налоговъ³⁾. Въ одномъ привилеѣ г. Вильны, выданномъ въ 1522 году, король Сигизмундъ I упоминаетъ, между прочимъ, о налогѣ на корчмы, носившемъ общегосударственный характеръ; этотъ налогъ былъ установленъ королемъ вмѣстѣ съ господарскою радой и распро-

странялся на всѣхъ подданныхъ государства; онъ былъ установленъ только на три года. Налогъ платился только за держаніе медовыхъ корчемъ, по одному камню воска съ каждой⁴⁾. По тому, что сообщается вазванна грамота, очень трудно видѣть въ этомъ налогѣ акцизъ въ собственномъ смыслѣ; это былъ временный промысловый налогъ на медовыя корчмы. Но съ акцизомъ 1561 г. онъ сближается тѣмъ, что носилъ общегосударственный характеръ. Кромѣ этихъ, очень недостаточныхъ указаній⁵⁾, никакихъ другихъ свѣдѣній объ общегосударственномъ налогѣ на корчмы не встрѣчается⁶⁾.

Государственный акцизъ, уже въ полномъ значеніи этого термина, былъ введенъ, какъ мы указали, въ 1561 г.

Одновременно были подняты и таможенныя пошлины на товары, возимыя въ страну и вывозимыя за границу. Изданный по этому поводу (17 декабря 1561 г. въ Тыкотинѣ) господарскій универсалъ объясняетъ причины введенія новыхъ налоговъ. Онъ говоритъ, что многіе обыватели „панствъ нашихъ“, а также и иностранцы имѣють немалые доходы, а между тѣмъ не принимаютъ участія въ тѣхъ расходахъ, которые несетъ все государство; если бы и эти лица приняли реальное участіе въ оборонѣ страны, то они должны были бы оставить свою торговлю и занятія; между тѣмъ „народъ шляхетскій“ несетъ службу по оборонѣ страны. Вотъ почему король и рада рѣшили установить „на тую теперешнюю потребу Речи Посполитое и ку оборонѣ земли Пфальцское“ особый налогъ — „дневный платъ“. Налогъ устанавливается только до тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться война.

Въ частности, по отношенію къ акцизамъ, господарскій универсалъ постановляетъ слѣдующее. Акцизъ установить на помоль хлѣба

¹⁾ Грам. гор. Вильны, I, р. 28.

²⁾ Можетъ быть, и рѣдко встрѣчающееся „чиковое“ и есть то же accisa, суза — польское. Ср. Акты Лит.-рус. гос., I, р. 60, 61.

³⁾ Въ магдебургскомъ привилеѣ Новгородку говорится о томъ, что войтъ обязанъ собирать на мѣщанахъ (здесь по контексту грамоты, безъ различія ихъ подданства) „восковщину“ (Акты З. Р., II, р. 31, 1511 г.). Видѣть въ источникахъ не упоминается болѣе о сборѣ въ городахъ восковщина, и характеръ этого сбора совершенно не ясенъ; во всякомъ случаѣ это не плата за пользованіе воскобойнею, потому что о ней названная грамота говоритъ особо. Полагаемъ, что восковщина новгородскаго привилея есть тотъ же сборъ воска, о которомъ говоритъ вилевская грамота. Понявъ въ магдебургскій привилеѣ, восковщина уже сдѣлалась постояннымъ налогомъ, тогда какъ въ Вильнѣ былъ гарантированъ срокъ его сбора.

⁴⁾ Ibidem, а, 56.

⁵⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, а, 288.

⁶⁾ Adolf Pawinski. Sejmiki Ziemielskie. Warszawa, 1895 г., р. 142.

и на производство пива, меда и водки. Акцизы на помелье взимаются въ мельницахъ, принадлежащихъ господарю и духовенству. Уплата акциза производится отъ каждой бочки смолотой муки (при этомъ различается мука ржаная и пшеничная), солоду и крупы. Если кто не везетъ хлѣба на мельницу и мелеть дома на ручныхъ жерновахъ, тогь платитъ каждую ведью за жернова. Налитки были обложены такъ: обложенію подлежалъ солодъ, употребляемый на пиво и водку; единицей обложенія была принята бочка солоду; сверхъ того водка облагалась еще особымъ способомъ—сообразно примѣненной къ ней дистилляціи; признакомъ для обложенія служила кварта. Признакомъ для обложенія меда служила мѣдница, пудъ и камень. Обложенію подлежали только тѣ напитки, которые поступали въ продажу изъ корчемъ.

Налогъ распространялся на города и державы, принадлежаніе господарю и духовенству. Бояры и шляхта, князья и паны облаганы были ввести эти налоги въ своихъ владѣніяхъ и взимать ихъ *въ свою пользу*; устава выставляетъ двѣ причины послѣдняго: во 1-хъ, шляхетству будетъ „возможи и способиѣи“ служить государству, а во 2-хъ, для того, чтобы подданные тѣхъ владѣній, въ которыхъ введетъ налогъ, не переходили бы во владѣнія шляхты. Если кто изъ шляхетства не введетъ въ своихъ владѣніяхъ этого налога, то устава угрожаетъ посылкою туда скарбовыхъ поборцевъ и взимаемъ налога въ пользу государства. Такимъ образомъ, акцизамъ въ пользу государства были обложены владѣнія тѣхъ „станомъ“ Речи Посполитой, которые лично не выступали на войну, т. е. великаго князя и герцага.

Относительно соціального положенія самихъ плательщиковъ, устава выражается довольно неопредѣленно: обложенію подлежать всѣ подданные господарскіе, княжескіе, панскіе, живущіе въ городахъ и на предмѣстьяхъ, вообще „кто колькаекого стану будучи и уживаючи шинговъ або гандлю, або ремесла, або иныхъ местскихъ пожитковъ и обеснѣя“. Изъ этого можно было бы заключить, что налогу подлежали только ремесленники и торговцы. Въ дѣйствительности, какъ увидимъ, налогъ охватилъ болѣе широкій кругъ плательщиковъ.

Сборъ налога долженъ быть порученъ особымъ бирчимъ. Великаго рода льготы и изъятія, ранѣе дарованныя великимъ княземъ отдѣльнымъ лицамъ, терять свое значеніе. Налогъ долженъ быть

взимается со всею строгостью. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ какомъ либо городѣ будетъ недостаточно господарскихъ мельницъ, мѣщане могутъ возить свой хлѣбъ въ мельницу, принадлежащую шляхтѣ, но все-таки они обязаны ей же платить и поборъ¹⁾.

Нѣкоторымъ разъясненіемъ и дополненіемъ къ изложенной уставѣ служатъ господарскій листъ на имя подскарбіа земского Остафія Волловича. Онъ касается преимущественно порядка сбора налоговъ. Подскарбіи земскій является единственнымъ распорядителемъ въ собраніи акциза и таможенныхъ пошлинъ. Онъ назначаетъ въ города поборцевъ (бирчи избирались изъ городского уряда), сдаетъ поборы въ аренду, устанавливаетъ условія ея, слѣдитъ за правильнымъ взиманіемъ налога и пр. Налогъ идетъ исключительно на военные нужды. Этотъ листъ еще разъ подтверждаетъ, что всякаго рода податныя льготы теряютъ свой характеръ на время дѣйствія налога²⁾.

Теперь разсмотримъ тѣ фактическія условія, при которыхъ взимался государственный акцизъ. Прежде всего, обѣ изложенныя грамоты не даютъ устойчиваго названія новому налогу: онѣ называютъ его поборомъ, платомъ, но оба термина носятъ слишкомъ общій характеръ и кромѣ того обѣ устава вводятъ два налога (акцизы и повышенную таможенную пошлину). На практикѣ за новой таможенной пошлиной установилось названіе „побора новоподвышногого“ или побора „нового“, а за акцизомъ установилось названіе „поборовъ малыхъ“ или „поборовъ мѣстскихъ“, „поборовъ дробныхъ“, или иногда описательно—„поборовъ на потребу Речи Посполитое уфалонныхъ“. Въ частности, по способамъ взиманія различались: млынное отъ солода и великаго хлѣба или млынное и солодовое, шинковое отъ пива и торѣлки и отъ мѣдницъ меда; сборъ съ жернововъ назывался „жорновымъ“ или „нозорновымъ“. Эта терминологія показываетъ, что для отличія монополій отъ акцизовъ не существовало строго выработанной терминологіи: въ рѣдкихъ случаяхъ сборы отъ монополій и мытъ назывались „пожитками малыми“ или просто „пожитками“³⁾; оба вида сборовъ въ источникахъ такъ сливаются, что наиболѣе прочнымъ отличіемъ поборовъ малыхъ отъ монополій надо считать основную цѣль первыхъ—потребу Речи Посполитой⁴⁾.

¹⁾ Кн. Перея. Лит., VII, ст. 82—86.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XLV, ст. 12—13.

³⁾ Кн. Зап. Лит., I, II, ст. 11—12 и LV, ст. 23.

⁴⁾ Для характеристики указанныхъ названій приведемъ несколько показавшихъ источниковъ. Въ 1567 г. Виленскіе мѣщане взыли въ аренду „поборы малыхъ мѣст-

Что касается территории, на которую распространился акциз, то не подлежит сомнѣнію, что онъ охватилъ въ дѣйствительности не всѣ города, державы и имѣнія, принадлежавшіе къ числу государскихъ и церковныхъ. Сама устава 1561 г. говорить о введеніи налога въ „отчизномъ цѣнствѣ нашомъ Великомъ княжествѣ Литовскомъ“, ясно, такимъ образомъ, опредѣляя территорию его дѣйствія. Относительно взиманія акциза въ среднихъ и западныхъ частяхъ государства мы имѣемъ множество фактовъ, потому что здѣсь эти сборы сдавались въ аренду. Это подтверждается опредѣленіемъ устава. Но есть основанія полагать, что акцизъ, хотя и не въ полной мѣрѣ, дѣйствовалъ и въ восточныхъ областяхъ. Онъ не могъ быть проведенъ здѣсь вполнѣ, потому что тутъ не было государскихъ монопольныхъ мельницъ и заводовъ. Однако, можно привести показанія источниковъ, свидѣтельствующія о распространеніи пожорноваго налога и на эти мѣстности: въ 1561 же году Витебские и Полоцкіе получили отъ господари освобожденіе отъ уплаты пожорноваго¹⁾. Такимъ образомъ, акцизъ собирався ввести и здѣсь. Впрочемъ, впрочемъ, даже и пожорновое здѣсь не могло имѣть большого примѣненія вслѣдствіе того военного положенія, въ которомъ находились окраины, и, быть можетъ, фактически и не взималось; такъ, уже въ 1563 году встрѣчаемъ замѣчаніе о томъ, что въ русскихъ волостяхъ жорновое не взималось²⁾. Что касается Жомойти, то здѣсь мы встрѣчаемъ несомнѣнныя указанія на сборъ жорноваго и даже броварнаго³⁾.

кис: млыновое отъ солоду и иного всякого збожя, шинковое отъ нива и отъ горелки и темъ отъ ведницъ меду преснаго“ (Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 128). Или въ Остринѣ сдѣлалось „поборы местскіе, то есть млыновое отъ солоду и отъ иного всякого збожя, шинковое отъ нива и отъ ведницъ меду преснаго, хто его на шинки сгнать, отъ горелки и отъ жорновъ местскихъ“ (Кн. Зап. Лит., XLV, л. 95 об.—96 об.). Иногда короче—поборы мазай отъ шинкови и отъ млыновъ (Кн. Зап. Лит., LV, л. 22 и л. 80). Солодовое упоминается въ Кн. Зап. Лит., LI, л. 11—12; указаніе на цѣль налога встрѣчается въ такихъ выраженіяхъ: „итго которое поборы на потреби Речи Посполитое, уфаленые то есть млыновое отъ солоду и отъ иного всякого збожя, шинковое отъ нива и меду преснаго, азды хто на шинки сгнать, отъ горелки и отъ жорновъ местскихъ“. Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 17, и т. д. „Поборы дробнай“—Кн. Зап. Лит., LV, л. 35 об.

¹⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XLV, лл. 20 и 21 об.

²⁾ Кн. Перег. Лит., VII, л. 47.

³⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LI, л. 35 об. и л. 20. Кн. Зап. Лит., LV, л. 26. Кн. Перег. Лит., VII, л. 13 об.

Однако, никакихъ болѣе опредѣленныхъ свѣдѣній въ источникахъ не сохранилось, изъ чего едва ли не слѣдуетъ сдѣлать предположеніе, что акцизъ въ Жомойти не получилъ такого развитія, какъ въ собственной Литвѣ. Косвенно это предположеніе подтверждается тѣмъ, что на Жмуди почти отсутствовали тотъ славный контингентъ плательщиковъ, съ котораго наиболѣе удобно было взимать акцизъ—мѣщанство мелкихъ городковъ; съ другой стороны, во время Ливонской войны жмудскія тивунства несли особую службу по доставкѣ въ войско провіанта и ремесленниковъ, что, быть можетъ, заставило правительство или совсѣмъ не взимать здѣсь акциза, или, по крайней мѣрѣ, не взыскивать его съ такою строгостью, съ какою это дѣлалось въ собственной Литвѣ. Изъ этого видно, что акцизъ фактически не привился на Жмуди и въ восточныхъ волостяхъ. О южной Украйнѣ и Волынѣ говорить не приходится: здѣсь не было государскихъ державъ (кроме Кременца). Такимъ образомъ, вся тяжесть акциза, какъ и монополій, пала на великое княжество Литовское въ собственномъ смыслѣ этого термина.

По уставѣ 1561 года поборы малые собираются со всѣхъ городскихъ жителей, безъ различія подданства, занимающихся торговлею и ремесломъ; въ селахъ собирается жорновое; по относительно акциза съ панитковъ въ селахъ устава не совсѣмъ ясно. Практика дѣла прежде всего установила акцизъ на напитки въ селахъ¹⁾. Въ городахъ акцизъ платили всѣ, кто живетъ въ городѣ, занимается торговлею, ремесломъ и вообще „уживаетъ вольностей местскихъ“²⁾, независимо отъ того, „хто кольвекъ иного стаду быть бы, а шинковы, ремесла, азбы иныхъ местскихъ пожитковъ уживать“³⁾. Акцизъ

¹⁾ Объ этомъ говорятъ арендные контракты. Такъ по одной арендѣ на отдачу поборовъ ваяныхъ въ Слоинѣ слѣдующимъ образомъ опредѣляется, кто долженъ платить сдѣлать въ аренду „поборы на потреби Речи Посполитое уфаленые, то есть млыновое отъ солоду и отъ иного всякого збожя, шинковое отъ нива и меду преснаго, хто на шинки сгнать, отъ горелки, отъ жорновъ местскихъ въ местехъ паннихъ государскихъ Слоинме, Мозады и Луковинды и въ корчжахъ сельскихъ ку тымъ местомъ прилетдахъ, держати отъ насъ господара арендую... Магетъ онъ яко съ подданныхъ нашихъ государскихъ, такъ съ подданныхъ князскихъ, панскихъ, земанскихъ и духовныхъ, которые въ оныхъ местечкахъ мешаючы, торгу и шинкови, уживають, поборы въ местехъ ваяныхъ и въ селахъ съ нимъ прелудныхыхъ держати ку пожитку своему подлужь, устава нашое на поборы вчиненое“ (Кн. Зап. Лит., XLVII, лл. 17—18).

²⁾ Кн. Зап. Лит., XLV, лл. 95 об.—96.

взимался на мельницахъ, принадлежащихъ господарю и духовенству, и отъ корчемъ, принадлежавшихъ господарю, духовенству и землямъ. Въ обложеніи акцизомъ, кромѣ мѣщанъ, о которыхъ ясно говорить и устава, были привлечены и слуги дворяне, стрѣльцы, одервные, кухари, мышкалеры, псарцы, осочники на ряду съ другими ремесленниками, — „кто (изъ нихъ) шинки держитъ и на мыши не везетъ“ ¹⁾. Такимъ образомъ, на ряду съ общей массой тѣлаго крестьянства къ платежу акциза были привлечены и высшіе его слои — спеціальныя службы, изъ которыхъ нѣкоторые несли службу на войнѣ. Только высшій спеціально военнотрудовой элементъ крестьянства, верхи котораго сливались съ шляхетствомъ, — слуги путные и боеые не платили пожегноваго ²⁾. Акцизь же на нанятыхъ падалъ, конечно, и на нихъ, если они занимались шинкованъ.

Требуетъ также разъясненія вопросъ о томъ, какъ уживалась монополія съ акцизомъ. Арендаторы государскихъ покитковъ, т. е. монополій, платили поборъ земскій, т. е. акцизь ³⁾. Иногда на этой почвѣ создавались недоразумѣнія. Такъ, арендаторъ покитковъ, мыльхъ въ Кремещѣ жаловался на поборщевъ: они задумали брать солодовое отъ продаваемыхъ арендаторомъ „солодовъ вымерчихъ“ (т. е. отъ тѣхъ мѣрочъ солоду, которая арендаторъ получаетъ за смолотый ивъ на мельницѣ солодъ, привозимый мѣщанами (эти мѣрки составляютъ плату за помолъ); такъ какъ акцизь взимаютъ въ тотъ моментъ, когда хлѣбъ и солодъ привозятъ на мельницу, то, разъяснилъ арендаторъ, взиманіе акциза „отъ вымерчого солода“ несправедливо потому, что это выйдетъ двойной акцизь съ одного и того же хлѣба ⁴⁾. Это мѣсто, между прочимъ, любопытно и потому, что разъясненіемъ моментъ взиманія акцизовъ. Для того, чтобы облегчить сборщикамъ надзоръ за взиманіемъ акциза, государскіе листы на аренду усиливаютъ строгость мельничной монополіи; разрѣшеніе на ручные жернова завести отъ арендаторовъ акциза ⁵⁾. Впрочемъ, разъяснилъ

¹⁾ Кв. Зап. Лит., XLVIII, лл. 23 — 25 об.
²⁾ Кв. Пуб. Дѣлъ Лит., X, л. 45.
³⁾ Кв. Судб. Дѣлъ Лит., XLV, л. 29.
⁴⁾ Кв. Зап. Лит., III, лл. 11 — 12.

⁵⁾ Контрактъ на аренду поборовъ мыльхъ въ Остринѣ говорить слѣд. обр.: „къ тому тебѣ подданные наши мещане Остринскіе солодочны и некоторого збожка для молотья до чужихъ мыльхъ возити не мають, только въ мыльхъ нашихъ ти-
 мовыхъ государевыхъ, або въ жорнахъ своихъ, за ведомостью того арендара, по-

перевозъ изъ одного города въ другой уже оплаченной акцизомъ водки ¹⁾.

Устава 1561 года говорить о томъ, что новые налоги вводятся только на время войны для привлеченія тѣхъ элементовъ населенія, которые не отбываютъ военной повинности. Она вводитъ акцизь въ слѣдующемъ размѣрѣ:

отъ солинки ржаной муки	12 пензей
— — — — — пшеничной	15 „
— — — — — солоду	12 „
— — — — — круны	12 „
— городскихъ жорнововъ въ недѣлю	2 гроша
— сельскихъ	2 пенязъ

Въ корчмахъ:

отъ солинки солоду	3 гроша
+ мѣдницы меду рѣбеного	2 гроша
— пуда ватернаго	12 пензей
— камня	12 „
— кварталы водки „однѣй разъ перепусканое“	2 пенязи
— — — „литраное“	5 „

Такимъ образомъ, на черныи разъ были обложены не всѣ виды хлѣба. Практика выработала нѣкоторыя поправки въ производимой

боръ съ ними водке устава до руки его платечи, молоты будутъ“ (Кв. Зап. Лит., XLV, лл. 95 об.—96). Намъ воть, какъ еще говорить по тому же вопросу, аренда мыльхъ мѣщанъ въ Слонимѣ: „а подданные наши мещане молотъ и сѣдъ пародъ речовыхъ солодовъ и некоторого збожка для молотья до чужихъ мыльхъ возити не мають, только въ мыльхъ нашихъ государевыхъ тамовыхъ, або въ жорнахъ своихъ домовыхъ, за ведомостью того арендара, поборъ съ нихъ возити не мають, только въ мыльхъ нашихъ ти-
 мовыхъ до руки его платечи, молоты мають, а где бы кто што побору менованого отъ которого речи уганы съелъ и с права въ томъ дознавъ былъ, тогда она речъ, отъ которого бы побору уганы были, ако проята на ирѣдъ, нашъ мають быти“. Староста долженъ выловити, „ажъ бы подданные наши мещане Слонимскіе и каждаго чина, чьякъ сохъкъ подданными будучи хто шинку въ мѣсте уживаетъ, поборъ водку устава наше платитъ и ничимъ того помитку сларбу нашего уганити и задерживати не смѣтъ. А где бы кто такъ съ подданныхъ нашихъ, ако и съ подданныхъ земляныхъ, которые въ мѣсте мѣшкаючи шинку уживаючи за упоромъ своимъ того побору платити не хотѣтъ, таковыхъ бы еси азъ уряду своего молотю отпринимати началъ такъ, ако бы съ въ томъ некотораго шкода сларбу нашему не была“ (Кв. Зап. Лит., XLVIII, лл. 17—18 об.).

¹⁾ Кв. Зап. Лит., XLV, л. 47.

уставом схемъ обложения. Такъ, пожорное въ городахъ вималось по два гроша въ недѣлю только отъ тѣхъ, кто молоть солоду или хлѣбъ на продажу или на шинки; въ противномъ случаѣ отъ жерновы платилось столько же, сколько и въ селлахъ, т. е. по 2 пенна; дѣлалось различіе между солодомъ пшеничнымъ и пшопитымъ (бочка перваго оплачивалась 3 грошами)¹⁾. Взиманіе пожорнаго въ селлахъ въ некоторыхъ мѣстностяхъ превратилось въ поземельный налогъ, такъ какъ послѣдній разлагался бѣдъ на волоки (такъ, на Жмуди брали по 10 грошей 4 пенна съ волоки²⁾). Такое упрощеніе сбора акциза происходило вслѣдствіе частныхъ соглашеній между населеніемъ и арендаторами или поборниками; такое соглашеніе заключили, напр., подданные Вѣльской волости съ мѣстнымъ арендаторомъ, хотя оно и вызвало недоразумѣніе между обими сторонами³⁾.

Такъ какъ война оказалась продолжительной, то поборы малые платились до конца изучаемаго нами періода. Городенскій сеймъ 1568 года продолжилъ взиманіе акциза на годъ (вмѣстѣ съ таможенными пошлинами); доходъ отъ акциза уже перешелъ въ распоряженіе господарскаго скарба, для восполненія „накладовъ“, понесенныхъ послѣднимъ во время войны⁴⁾. Однако, уніа 1569 года имѣла вліяніе на измѣненіе государственнаго характера акциза 1561 г. Поборовый универсалъ 1569 года вводитъ на ряду съ государственными приемами налогами и акцизъ подъ именемъ чопоного. Акцизъ 1561 года разнился нѣсколько отъ чопоного, собиравшагося въ Польгѣ, только способомъ обложения и тѣмъ, что чопоное декретировалось сеймомъ и распространялось, какъ земскій налогъ, на всю территорию государства; кромѣ того, чопоное было только акцизомъ на напитки⁵⁾. Универсалъ 1569 г. вводитъ чопоное и налогъ на мельницы, согласно практикѣ, выработанной уже въ Польгѣ⁶⁾. Однако, съ введеніемъ чопоного⁷⁾ не были отменены ни акцизы, ни монополіи. На литов-

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XLVIII, з. 23—24 об.

²⁾ Кн. пуб. Дѣлъ Лит., VII, з. 13 об.

³⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XLIX, з. 27.

⁴⁾ Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 473.

⁵⁾ Adolf Pawinski, Skarbowość w Polsce i jej dzieje za Stefana Batoryego, p. 168.

⁶⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., т. I, р. 504.

⁷⁾ Чопоное вималось „отъ вслахъ трунковъ шыковныхъ — меду, вина, горелин, такъ тежъ котловое и съ солодовиникъ“ (Кн. Зап. Лит., LXV, з. 149 об., 1582 г.). Его брали отъ „котла горлчаного“, отъ „барилъ“ и др. погудъ (Кн. Зап. Лит., LII, з. 80 об.).

скомъ сеймѣ въ Люблинѣ 1569 г. шляхта напомнила объ этомъ королю, но получила отвѣтъ, что поборы малые установлены только въ господарскихъ державахъ, почему этотъ вопросъ вѣднѣю сейма не подлежить¹⁾. Это уже показываетъ, что господа рѣшили удержати поборы малые на ряду съ чопонымъ. Дѣйствительно, въ 1570 году видна была устава, вводившая даже нѣкоторое увеличеніе размѣра акциза²⁾. Видомъ съ этимъ чопоное въ господарскихъ державахъ собиравали сеймовые поборцы³⁾. Среди населенія это скопленіе акцизовъ вызвало недоразумѣнія⁴⁾. Король долженъ былъ объяснять по частнымъ поводамъ, что сеймовое чопоное не должно „шкодить“ господарскимъ пожиткамъ отъ поборовъ малыхъ⁵⁾; однако господа уменьшали въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сборъ на одинъ грошъ отъ бочки солоду изъ поборовъ малыхъ.

Такимъ образомъ, послѣ 1569 г. подданный господарскихъ державъ (конечно, и другихъ вогчинниковъ) долженъ былъ уплачивать три группы косвенныхъ налоговъ на спиртные напитки и хлѣбъ: монополизный мельничныи сборъ, акцизъ по таксѣ 1561 г. и чопоное по таксѣ 1569 г., да сверхъ того и еще старую капцизну; каждая изъ этихъ группъ налоговъ разлагалась еще на нѣсколько составныхъ частей и каждая изъ первыхъ двухъ группъ налоговъ въ большихъ городахъ находилась на откупѣ у отдѣльныхъ арендаторовъ независимо отъ сеймовыхъ поборцевъ. За неисполненіе предписаній, касающихся тѣхъ или иныхъ сборовъ, населенію угрожали крупными штрафами. Итакъ, платокъ водки, вина или меда или кусокъ хлѣба, прежде чѣмъ попасть въ платку потребителя, долженъ былъ пройти длинную стадію самыхъ разнообразныхъ налоговъ.

¹⁾ Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 493—499.

²⁾ Такъ въ этой уставѣ встрѣчается обложение млиновымъ ичменомъ (по 8 пеннаей отъ бочки) овса и гречихи (по 7 пеннаей отъ бочки); отъ городскихъ жернововъ, если кто ими пользуется для помола хлѣба на продажу или солода на шинки, платять по 2 гроша въ недѣлю; отъ жернововъ, служащихъ для домашней потребности — по 2 пенна въ недѣлю; въ кортмахъ отъ солины солода послѣднего вималется еще по 2 гроша шинкового, а отъ пшеничнаго 3 гроша и сверхъ того отъ кварты воды, безъ отношенія къ дистилляціи по 5 пеннаей (Кн. Зап. Лит., LII, з. 149).

³⁾ Кн. Пуб. Дѣлъ Лит., X, з. 68.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., LII, з. 71 об.

⁵⁾ Ibidem, з. 80.

Но, когда монополии и поборы малые перешли въ распоряженіе государственнаго скарба, то въ ихъ средѣ замѣтны двоякаго рода процессы: или монополии на солодовни, бровары и мельницы начинаютъ сливаться съ акцизами¹⁾, или онѣ переходятъ при подтвердительныхъ привилегіяхъ на магдебургію въ распоряженіе городскихъ общинъ иногда за опредѣленную плату въ скарбъ²⁾, а иногда и безъ таковой³⁾; навѣстнаго рода ступеню въ этомъ направленіи можно считать аренду самими городскими общинами обоюбого вида поборовъ⁴⁾. Начинается обычное явленіе въ скарбовой практикѣ—пожалованіе государемъ обоимъ видамъ сборовъ за службу⁵⁾. Вообще, многосложность налога на напитки къ концу вѣка ослабляется и даже встрѣчаются частные факты отмены вотчинныхъ монополій⁶⁾, что свидѣтельствуетъ объ измѣненіи взглядовъ на эти формы обложенія. Этотъ процессъ началъ сказываться сейчасъ послѣ уніи и завершился уже вѣдъ предѣловъ даннаго періода.

7. Несколько замечаній о скарбовыхъ поборныхъ или акцизныхъ и монополіяхъ.

Въ заключеніе необходимо будетъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ явленіяхъ, которыя можно сдѣлать на основаніи цифровыхъ

¹⁾ Такому сліянію предшествуетъ путь отдѣловъ монополій и акцизовъ въ отчужденіи (напр. Кн. Зап. Лит., XLV, л. 98 и др.).

²⁾ Напр. по привилегіи 1565 г. гор. Василькову (Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 43 об.—45 об.). Печатны въ 1569 г. (Акты Вил., IV, р. 94). Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 318 об.—321).

³⁾ Напр. Дневъ въ 1569 г. (Кн. Зап. Лит., I, л. 293 об.). Ср. Акты Вил., XIII, р. 43.—Сюда же относится фактъ, когда городской община получила привилегію на освобожденіе отъ монопольных заводовъ съ обязанности платить ежегодныхъ взносовъ въ скарбъ таковой дѣль, какъ имъ видѣли, выхловотали себѣ Ошменское мѣшанье. Ошменское мѣшанье получили въ 1561 г. освобожденіе отъ броварныхъ и солодовенныхъ на плату въ 4 копы гр. ежегодно въ скарбъ (Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 480 об.).

⁴⁾ Напр. Кн. Зап. Лит., LV, л. 35 об., Бернадскій, II, р. 128.

⁵⁾ Напр. старостѣ метибоговому и Матею Жалынскому дано за службу въ 1567 г. въ Мстисловѣ броварное, поветельщина, солодовня, мяшанье, мѣшанье, вѣжее, гортѣшное (Кн. Судн. Дѣлъ Лит., I, II, л. 121).

⁶⁾ Воєвода погородскій навѣстный Оедоръ Скумизъ освободилъ заводъ мѣшанья погородскій отъ солодоваго и броварнаго, потому что мѣшанье платятъ казначею (Грамоты гор. Минска, р. 61).

данныхъ о доходахъ, приносимыхъ скарбу монополіями, мытами и акцизами. Причина, заставляющая объединить въ данномъ отношеніи вопросъ о доходахъ всѣхъ этихъ пожитковъ въ одну группу, заключается въ томъ, что монополии и мыта, какъ не разъ было указано, сдавались въ аренду вмѣстѣ, и по контрактамъ нельзя выдѣлать доходности тѣхъ и другихъ сборовъ даже для немногихъ городовъ. Свѣдѣнія о доходности отъ акцизовъ весьма незначительны и потому имѣютъ только относительную цѣнность при сравненіи съ монопольными доходами. Нельзя не пожалѣть о неполнотѣ нашихъ данныхъ относительно монополій и акцизовъ. По отношенію къ послѣднимъ, неполнота свѣдѣній объясняется весьма просто: какъ поборы земскіи, акцизы собирались особыми поборцами, о дѣятельности которыхъ акты не сохранили данныхъ, только въ немногихъ городахъ акцизы шли на откупъ. Что касается монополій, то тутъ приходится сѣтовать на неполноту данныхъ, потому что не всѣ контракты занесены въ Метрику. Въ приложеніи второмъ мы приводимъ данныя о доходахъ, какіе можно было извлечь изъ занесенныхъ въ Метрику арендныхъ контрактовъ на отдачу мытъ, монополій и акцизовъ. Спискомъ этотъ подтверждаетъ сказанное раньше о преобладаніи системы аренды и о районѣ монопольныхъ сборовъ. Что контракты не всѣ находятся въ книгахъ Метрика, это ясно изъ упоминаній въ нѣкоторыхъ изъ нихъ объ арендѣ предшествующихъ годовъ. Особенно досадно отсутствіе свѣдѣній о доходахъ такихъ крупныхъ городовъ, какъ Вильно, Кошно, Дорогичинъ, Мельникъ, Минскъ и др. Мы имѣемъ свѣдѣнія о доходахъ всего девятнадцати городовъ и мѣстечекъ (изъ списка также видно, что въ нѣкоторыхъ городахъ собирались взимаемые доходы, но о размѣрахъ ихъ неизвѣстно), что, при сравненіи со списками городовъ того времени, даетъ, несомнѣнно, болѣе половины тогдашнихъ „мѣсть“ и „мѣстечекъ“ (центры нѣкоторыхъ державъ—только дворян). Впрочемъ, не во всѣхъ изъ недостающихъ мѣстечекъ были введены монополии, и не всѣхъ скарбъ получалъ доходы отъ нихъ; на такое предположеніе наводятъ самые пути введенія монополій: заводы вводились постепенно: въ державкахъ, отданныхъ въ доживотье до 1558 года, скарбъ не вводилъ монополій до прекращенія дѣяствія привилегій (ср. Берестье¹⁾) и др.; монополии не вводились

¹⁾ Король утверждаетъ въ 1565 г. аренду заводовъ и канцелярии въ Берестѣ тѣмъ арендаторамъ, которые держали ее при и. Радзивиллѣ, но объясняетъ: „Адепкъ впродъ шили еще такъ аренда (отъ и. Радзивилла) вышла, нѣтъ воєвода ии-

скарбомъ также и въ заложенныхъ и арендныхъ державахъ¹⁾. Изъ этого видно, что несомнѣнно существовала исполнота данныхъ о доходахъ отъ монополій не такъ велика, и что все-таки собранныя нами свѣдѣнія въ достаточной мѣрѣ характеризуютъ скарбовый доходъ; цѣнность добытыхъ цифръ подрываетъ, главнымъ образомъ, отсутствіе свѣдѣній о некоторыхъ крупныхъ центральныхъ городахъ.

Обращаясь къ самымъ даннымъ, прежде всего отмѣтимъ, что, по доходу отъ монополій и мытъ, наиболѣе видное мѣсто занимали: Пинскъ (наибольшій доходъ въ 600 копѣ грошей), Берестье (такой же доходъ), Кременецъ (наибольшій доходъ 650 грошей), затѣмъ Ковно, Слонынь (по 400 копѣ грошей), Тыковинь (до 300 копѣ грошей), Каменецъ, Гродно (до 230 копѣ грошей), Бѣльскъ, Нарва и Клецелия вмѣстѣ приносили до 339 копѣ грошей въ годъ, а Новый Дворъ, Кузница и Кринки давали до 300 копѣ грошей; некоторые города давали свыше 100 копѣ грошей въ годъ (Шерешовъ, Куренець, Скидель и Мосты вмѣстѣ давали 150 копѣ грошей), доходъ нинахъ былъ незначителенъ (напр., Острина давала отъ заводовъ и кашницъ всего 34 копы грошей, Мосты въ отдѣльности давали 16 копѣ грошей, Кобрань—10 копѣ грошей, Добучинь—20 копѣ). По размѣру акцизныхъ доходовъ выдѣляется городъ Гродно съ волостью (850 копѣ), Слонынь давала 300 копѣ грошей, Пинскъ—до 220, Каменецъ до 130, Острино—75. Вообще, насколько можно судить по имѣющимся даннымъ, акцизы приносили меньшій доходъ, чѣмъ монополіи. Въ русскихъ волостяхъ, въ извѣстныхъ намъ городахъ, дохода отъ корчемъ и мытъ превышала 2300 копѣ грошей.

Суди по нашимъ даннымъ, доходъ отъ монополій, кашницъ и мытъ въ половинѣ 60-хъ годовъ превышалъ 4000 копѣ грошей; но, разумеется, эта цифра не охватываетъ данныхъ, касающихся всѣхъ городовъ, гдѣ фактически дѣйствовала монополія. Гораздо интереснѣе наблюденія надъ ростомъ доходовъ въ отдѣльныхъ городахъ. Въ этомъ случаѣ количество данныхъ позволяетъ уже сдѣлать опредѣленные заключенія.

Ленскій съ сего свѣта знающъ. Прото яко они тѣхъ пожитковъ до тѣхъ годовъ, яко въ аренде нами воеводы виленского описано, *одерживати не могли*, крѣпкъ нами воеводу виленскій оное старостю Берестейское и вси пожитки тамошние только до живота своего отъ насъ держали" (Кн. Зап. Лит., XLV, л. 118—120).

¹⁾ Это видно изъ пунктовъ залоговыхъ контрактовъ и изъ того, что фактически въ заложенныхъ городахъ сборы не сдавались въ аренду (списокъ заложённыхъ въ то время державы будетъ приведенъ въ своемъ мѣстѣ).

Когда монополія вводились, онѣ давали небольшой доходъ (за исключеніемъ некоторыхъ городовъ, бывшихъ во владѣніи королевы Вона, и Берестья, гдѣ монополіи введены паномъ М. Радвилломъ), но съ теченіемъ времени доходъ отъ нихъ сильно растетъ. Въ общемъ, ростъ еще продолжается до середины 60-хъ годовъ, послѣ чего онъ останавливается или даже нѣсколько падаетъ; это показываетъ, что налогъ дошелъ до предѣльныхъ нормъ. Если взять ростъ доходовъ тѣхъ немногихъ городовъ, о которыхъ у насъ имѣются свѣдѣнія за нѣсколько арендныхъ періодовъ, то получимъ слѣдующее увеличеніе доходовъ отъ монополій и мытъ:

въ Слонынь	въ 1558—1564 гг.	доходы увеличились на	1333%
„ Бѣльскъ,	} 1561—1573 „ „ „ „	„ „ „ „	465%
„ Нарва и			
„ Клецеляхъ			
„ Каменецъ	въ 1558—1567 „ „ „ „	„ „ „ „	64%
„ Гроднѣ	въ 1559—1572 „ „ „ „	„ „ „ „	33%
„ Кременецѣ	въ 1558—1563 „ „ „ „	„ „ „ „	30%
„ Шерешовѣ	въ 1558—1563 „ „ „ „	„ „ „ „	26%
„ Пинскѣ	въ 1558—1568 „ „ „ „	„ „ „ „	9%

Необычайный ростъ дохода въ Слонынь и Бѣльскѣ объясняется тѣмъ, что арендаторы сами строили заводы, почему въ первые годы вносили ничтожную плату.

Такимъ образомъ, эти цифры подтверждаютъ сказанное о характерѣ роста монополизныхъ доходовъ. Это вполне сходится съ весьма компетентнымъ утвержденіемъ королевскаго листа еще 1556 г. о томъ, что аренды мытъ „подымаются“ и „что есть часу повышаются“¹⁾.

Къ сожалѣнію, нельзя сдѣлать опредѣленнаго утвержденія въ томъ или иномъ смыслѣ относительно роста акцизныхъ доходовъ,—по недостатку данныхъ. Кажется, впрочемъ, что и здѣсь надо наблюдать то же явленіе, т. е. наибольшее развитіе приходится на половину 60-хъ годовъ: такъ, въ Остринѣ въ 1565—1567 гг. аренда поборотъ малыхъ увеличилась на 23%, въ Пинскѣ въ 1563—1564—1566 гг.—на 10% и въ Каменцѣ въ 1561—1564 гг.—на 18%.

¹⁾ Бернцелскій, II, 56.

8. Восковые, солинные и монополия на соль и лесные товары

Налоги на воск и лесные товары, вывозимые за границу, и на соль, ввозимую из за граница, имѣли въкоторыя общія черты особенноти въ обложеніи и монополизациі торговли ими, почему обложение ихъ удобно разсмотрѣть отдѣльно отъ другихъ товаровъ.

Исторія въкоторыя особенности въ обложеніи воска и соли до шестидесятихъ годовъ шестнадцатаго столѣтія, въ сожалѣнію, не можетъ быть выяснена съ достаточною полнотой. Съ первыхъ годовъ шестнадцатаго вѣка воск и соль подвергаются обложенію на особыхъ соляныхъ и восковыхъ коморахъ; въ управленіи соляныхъ и восковыхъ коморъ иногда соединялись съ мытными, иногда же поступали въ отдѣльное заведѣваніе. Трудность вопроса заключается въ томъ, что не легко опредѣлить, чѣмъ отличалась обыкновенная таможня отъ соляныхъ и восковыхъ коморъ и въ чемъ заключалось „обмываніе“, какъ выражаются акты, соли и воска. Существуетъ мнѣніе, по которому восковыя и соляныя коморы были нечто иное, какъ мѣста сбора мита съ соли и воска¹⁾, но въ такомъ случаѣ является непонятнымъ, почему понадобилось правительству великаго князя Александра устроить особыя таможни для сбора пошлинъ съ воска и соли, почему установилось особое управленіе ими и т. д.

Въ грамотахъ короля Казимира нигдѣ не говорится объ особомъ видѣнціи пошлинъ съ соли и воска; рѣчь идетъ въ арендныхъ контрактахъ вообще о сдачѣ миты; правда, вывозъ воску до вел. кн. Александра не облагался²⁾, но отъ него взымались пошлины; въ расходныхъ книгахъ того-же короля встрѣчаемъ перѣдко ассигновки на выдачу соли съ таможенъ, потому что пошлины взымались натурою³⁾; на Ковенской таможенѣ собиралось мито до установленія здѣсь особой коморы⁴⁾. При великомъ князѣ Александрѣ мы встрѣчаемъ впервые извѣстія объ устройствѣ особахъ соляныхъ коморъ въ Луцкѣ, Берестѣ и Дорогичинѣ. Отдавая эти коморы въ управленіе Лерину

¹⁾ Любавскій, Обл. дѣл., р. 515.

²⁾ М. Гл. Арх. М. Им. Д., Метр. Пол., Кн. XII, л. 255 и въ др. мѣстахъ.

³⁾ Акты Лит.-рус. госуд., I, р. 46 и др. Какъ видно изъ автографнаго въ предл. прим. документа, древнѣйшая пошлина съ соли состояла во взыманіи шестидесятой части ея.

⁴⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, р. 71.

Герешу и его компаніонамъ, великій князь говоритъ, что онъ приказалъ мытникамъ „коморы наши справити солемиы за свои мѣшкы“¹⁾. Здѣсь рѣчь идетъ именно объ устройствѣ особахъ таможенъ; устройство это заключалось не въ одномъ установленіи таможенной заставы, потому что мытники должны были затратить на постройку капиталъ, который великій князь возвращаетъ имъ отдачею половины доходовъ въ теменіи первыхъ четырехъ лѣтъ управленія. Это обстоятельство уже наводитъ на предположеніе, что тогда были устроены особыя склады для соли, какъ это дѣлалось впоследствии. Въ ближайшіе годы мы встрѣчаемъ уже извѣстія о функционированіи восковыхъ и соляныхъ коморъ, кромѣ названныхъ городовъ, также въ Вилькѣ, Полоцкѣ, Ковнѣ, Городнѣ и др.

Однако, свидѣтельства источниковъ неодинаково говорятъ о задачахъ и дѣятельности соляныхъ и восковыхъ коморъ: одни изъ нихъ говорятъ о сборѣ мита съ этихъ товаровъ, другіе о скупкѣ соли и воска. Приведемъ показанія грамоты. Такъ, упомянутая уже грамота в. кн. Александра слѣдующимъ образомъ говоритъ о задачахъ управленія соляною коморою. Мытники „съ тыхъ коморъ почати соль *продавати* на рокъ на Великъ день, што приидеть, и держати мають тѣи коморы и соль съ нихъ продавати чотыри годы сполна“²⁾. Изъ этого показанія источника ясно, что на коморѣ не только взымалось мито, но также производилась и скупка и продажа соли. То же самое происходило и съ воскомъ. Въ 1507 году в. кн. Сигизмундъ, отдавая въ доживотіе королеви Еленѣ староство Бѣльское, передаетъ его со всѣми доходами, кромѣ „одной коморы восковоѣ тамъ въ Бѣску, до котороѣ ажъ коморы купця намъ воску *дають за наши мѣшкы*, въ потребѣ мѣнцы нашего великаго князства Литовскаго“³⁾. Встрѣчаемъ и другія извѣстія, подтверждающія только что сказанное. Восковичіе полоцкіе, сдавая въ 1507 году отчетъ по управленію коморою, показываютъ, между прочимъ, и количество купленнаго ими воска⁴⁾. Причина, по которой воск покупался для монетнаго двора, весьма понятна; скарбы вымѣивали его на иностранную монету для ея перечеканки. Отсюда повятно, что заведѣваніе мытницею и продажою

¹⁾ Ibidem, р. 100.

²⁾ Ibidem, р. 101.

³⁾ Акты З. Р., II, р. 6.

⁴⁾ Акты Лит.-рус. госуд., I, р. 121.

воска въ Вильнѣ сдавалось иногда въ однѣ руки, такъ какъ обѣ операціи были тѣсно связаны¹⁾. Въ отчетахъ справцевъ мы не разъ встрѣчаемъ свѣдѣніи о крупныхъ партияхъ воску, вывозимыхъ изъ коморъ за счетъ государя; такъ, по отчету 1508 года, извѣстный краковскій капиталистъ вывезъ за границу изъ Берестейской коморы около 2,650 камней воску, Михель Езофовичъ тогда же вывезъ 811 камней. По отчету слѣдующаго года одинъ Бонарь вывезъ болѣе 4,600 камней²⁾. На Луцкой коморѣ операція по продажѣ воску происходила во время ярмарки, такъ что и въ отчетахъ періодъ ярмарки всегда выдѣляется³⁾.

Изъ приведенныхъ свѣдѣній источниковъ, кажется, совершенно ясно, что одной изъ задачъ восковыхъ и соляныхъ коморъ служила покупка и продажа соли и воска. Нужно замѣтить, что эти операціи не были чужды господарскому скарбу и до 1500 года: но только онѣ сосредоточивались въ рукахъ ключниковъ и городничихъ. Въ расходныхъ записяхъ короля Казимира встрѣчаемъ ассигновки на соль въ ключи⁴⁾. Въ отчетѣ 1495 года берестейскаго ключника показанъ расходъ—въ восковыхъ грошей, што ему дано на воскъ⁵⁾. Въ Кошицъ дьякъ господарскій занимался также скупкою воска, но здѣсь же покупкою воска и соли занимался городничій ковенскій, очень извѣстный впоследствии финансистъ Аврамъ Езофовичъ; въ то время онъ былъ и мытникомъ ковенскимъ⁶⁾.

Если принять во вниманіе только что указанные факты о скарбовыхъ операціяхъ съ воскомъ и солью до 1500 года и послѣ него, то слѣдуетъ прийти къ заключенію, что появленіе особыхъ соляныхъ и восковыхъ коморъ заключалось въ основаніи особыхъ складовъ для покупки и продажи воска и соли.

¹⁾ Литы 3. Р., II, р. 3.

²⁾ Литы Ю.-З. Р., II, р. 121—122.

³⁾ Литы Лит.-рус. госуд., I, р. 171.

⁴⁾ Ibidem, р. 47 и др.

⁵⁾ Ibidem, р. 60.

⁶⁾ Дьякъ Запѣко въ своемъ отчетѣ показываетъ, «я воску купилъ за 50 коней безъ трехъ». Аврамъ въ своемъ отчетѣ объ операціяхъ говоритъ: онъ расходовалъ «за 4 штуки (воску) 100 коней и 70 коней». Въ расходѣ: «Зубу жиду далъ 18 каменей воску сырого (бючнично для продажи за счетъ короля), а соли купилъ 100 и 30 бочонъ» и сверхъ «а соли расходъ положилъ полсамадесяти бочонъ». Литы Лит.-рус. гос., I, р. 60, 61).

Однако, этимъ операціямъ скарба не слѣдуетъ придавать большого значенія. Послѣ короля Александра источники о нихъ вовсе не упоминаютъ. Небезопасно было бы видѣть въ нихъ хотя бы кратковременный моментъ правительственной монополіи торговли воскомъ и солью; для введенія ея едва ли у слабаго правительства Александра было достаточно средствъ; полное молчаніе источниковъ тоже говорить противъ такого предположенія. Наконецъ, жалобы прусскихъ купцовъ, принесенныя молодому королю Сигизмунду Августу въ 1550 году, говорятъ только о повышеніи при королѣ Александрѣ пошланы на воскъ и соль, но не о монополіи на эти товары. Поэтому скупка воска и соли мытниками, вѣдавшими восковыя и соляныя коморы, имѣла особое значеніе: это была торговля за счетъ короля, какъ и при королѣ Казимирѣ, безъ устраненія частной конкуренціи.

Однако, восковыя и соляныя коморы получили особое назначеніе съ самаго своего возникновенія, и этотъ характеръ сохранился за ними и впоследствии.

Когда коморы стали сдаваться въ аренду вмѣстѣ съ таможенями въ руки однихъ и тѣхъ же откупщиковъ, то скарбъ вполне определенно отличалъ таможенными пошланы отъ тѣхъ сборовъ, которые взымались на коморахъ. Послѣдніе получили и особыя названія—*восковничяго* и *соляничяго*. Извѣстный Михель Езофовичъ собиралъ въ 1525 году въ Дорогичинѣ «мыто и *доходъ коморный*»¹⁾. Онъ же, въ томъ же году, заносилъ королю жалобу, какъ откупщикъ берестейскаго мыта,—«иже многіе люди зъ Литвы до Волыня ѣздятъ на Двинь и тежъ Кобринцы и Ратвине проѣзжаютъ и соль провозятъ многими дорогами и соляничяго до коморы Берестейское не заплативши, а въ томъ ему кривда се дѣветъ»²⁾. Въ 1547 г. братья Борзобогатые берутъ въ аренду мытные сборы во всей Подлїи вмѣстѣ съ коморами восковыми и соляными. Никто изъ купцовъ не имѣетъ права объѣзжать таможи и коморы: «А естли бы которые хотели мыта наши старые и новые и коморы восковыя и соляныя проездчати безъ цеховъ и безъ квитъ ихъ (т. е. мытниковъ) съ товары або зъ воски и зъ салю мыта або восковничяго и соляничяго имъ не заплативши», такъихъ они имѣютъ право забирать въ промытъ. «Тежъ которые бы купцы какъ наши, такъ и чужоземцы черезъ мыта кивзскіе и панскіе

¹⁾ Бермазекій, I, р. 181.

²⁾ Ibidem, р. 121.

съ Подляшья зъ воски и зышними товары своими мыта нашего не заплачивши⁴⁾, проѣзжали, то и такихъ мытниковъ имѣли право ловить въ промѣтѣ. Такимъ образомъ, отъ воска и соли берется мыто, по на ряду съ нимъ существуетъ и коморный доходъ. Объ этомъ говорить и другое мѣсто того же листа: „тежъ есть ли бы которые купцы яко Корунн Полское, такъ и великого князства Литовского на Подляшье съ солью ледоватою съ Корунн пріеждчали они (т. е. мытники) мають и съ тыхъ всякъ отъ тое соли мыто брати потому, какъ и отъ бѣлоє соли мыто славна берутъ. А коморы новыє воскныє и солныє по инымъ местомъ нашимъ не мають установлены быти, которые отъ 5 и 6 летъ не были“⁵⁾. Такого же рода выраженія, показывающія существованіе восковничаго и солничаго независимо отъ мытѣ, встрѣчаются и въ другихъ арендныхъ листахъ⁶⁾. На мытныхъ коморахъ въ Жомойти собирается кромѣ мыта восковничее и солничее⁷⁾. Рядъ льготныхъ грамотъ разнымъ городамъ говоритъ объ освобожденіи ихъ отъ платежа мыта и восковничаго и солничаго⁸⁾. Мѣщане г. Луцка среди другихъ льготъ получали въ 1528 г., вслѣдствіе пожара, въ свое завѣдываніе восковую и соляную комору въ Луцкѣ и Владиміръ, между тѣмъ какъ мыто здѣсь взималось особо⁹⁾.

Такимъ образомъ, источники отличаютъ восковничее и солничее отъ обыкновеннаго мыта. Это можно видѣть и изъ господарскаго листа 1520 г. объ учрежденіи таможенъ въ Техоновцахъ и въ Тыкотинѣ. Король Сигизмундъ I поручаетъ пану воеводѣ виленскому устроить здѣсь комору, потому что соль и другіе товары, шедшіе раньше на Ковно, пошли теперь по Вугу и Нареву; на новыхъ коморахъ должно быть собираемо мыто отъ „соли и въ иныхъ товаровъ“: „А которые купцы, мѣщцы и наши подданные тое заны соль провезли безмытно, мы казали тымъ вышнимъ выбирчимъ на тыхъ купцовъ тое мыто брати потому, какъ и въ Ковнѣ бирано“. Отноительно сбора съ воска мы находимъ здѣсь такое предписаніе: „А которые доходы наши намъ были зъ восковъ у коморахъ нашихъ Виленское и Ковенское, а тыми разы яко тые воски на Ковень не

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 135—137 об.

⁵⁾ Акты Лит.-рус. госуд., I, л. 219—220. Ср. Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 137 об.—140, XXXV, л. 129, Бернадскій, I, р. 140, Кн. Зап. Лит., XV, л. 168.

⁶⁾ Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 16—18. Ср. Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 161—162 об.

⁷⁾ Напр. Бернадскій, I, р. 148, Кн. Суд. Дѣлъ Лит., I, л. 190 об.—191 и др.

⁸⁾ Акты Ю.-З. Р., II, р. 137.

пойдутъ, и твоя бы милость также узавши къ собѣ подскарбего нашего пана Богуша и росказаль Ганусу Судорману и къ нему приставилъ дворянъ нашихъ або дѣлковъ, которые бы въ тому годѣ были, тыхъ восковъ, которые передъ тымъ на Ковень хоживали, куди ся инуды обернули, на тыхъ дорогахъ росказаль бы твоя милость комори уставити и Ганусу Судорману и тымъ бирчимъ, кого твоя милость на то уставивъ, рачилъ росказати пыльне стережа и тые доходы суподне на насъ брати“¹⁾. Этотъ актъ говорить о „доходахъ“ съ воска и о мытѣ съ соли, и это потому, что подъ первымъ онъ разумѣетъ восковничее, а отъ соли здѣсь, на пограничьи, взималось не солничее, а только мыто: на пограничьи мытники провѣряли оплату восковничаго, произведенную въ центральныхъ коморахъ (здѣсь налагались цехи на воскъ), а отъ соли они брали здѣсь только мыто, слѣди за тымъ, чтобы транспорты направлялись въ центральныя солничныя коморы. Дѣйствительно, даже въ концѣ изучаемаго періода можно встрѣтить указанія на то, что солничее и восковничее взималось независимо отъ стараго и новаго мыта, отъ соли и воску²⁾. Вотъ еще убѣдительныя тому примѣры. Когда было установлено королевемъ Сигизмундомъ I для королевы Бонны головное мыто въ ея имѣніи Городкѣ, то луцкіе мѣщане оказались въ весьма невыгодномъ положеніи, такъ какъ, уплативъ мыто въ Луцкѣ, они должны были вторично платить его въ Городкѣ. Королева Бона, освобождая мѣщанъ, по ихъ челобитью, отъ мыта въ Городкѣ, опредѣляетъ эту льготу слѣд. образомъ: здѣсь мѣщане не будутъ платить „головного мыта, также и солничаго того, которое бы они мыто и солничное въ Луцку заплатили и на то книгъ мытниковъ луцкихъ къ нашимъ мытниковъ привесли, не брать (т. е. староста, на имя котораго написана грамота) и мытниковъ нашихъ того брати не сказали“; мыто съ соли здѣсь отличается отъ солничаго, потому что мѣщане въ Луцкѣ „отъ товаровъ своихъ и отъ соли мыто головное даютъ“³⁾.

Въ 1527 г. мѣщанинъ бѣльскій Тимошъ Семеновичъ судился съ мытникомъ Михелемъ Езофовичемъ о промѣтѣ; Тимошъ „вхалъ на ярмарокъ Познани зъ осма штукамы воску, въ которыхъ важило чотыреста и семьдесятъ каменей, и писалъ то въ реестръ мытний; а

¹⁾ Любавскій, Прил. № 32.

²⁾ Кн. Суд. Дѣлъ Лит., I, л. 28 об.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XVIII, л. 28 об.—39.

мыто мѣлъ (платити) назадъ ѣдуци¹⁾, но обѣхалъ другими дорогами и избѣжалъ платежа пошлины¹⁾. Здѣсь рѣчь идетъ только о платежѣ мыта отъ воску, и это потому, что въ мытный реестръ могло попасть только это послѣднее, такъ какъ восковичное платилось на восковой коморѣ. Одинъ судебный актъ 1540 г.,—тоже о промытѣ, рассказываетъ, какъ одинъ крестьянинъ былъ обманутъ лавочникомъ и купилъ у него „всехованную“ бочку соли; онъ былъ пойманъ мытниками; отъ бочки соли приходилось $\frac{1}{2}$ гроша мыта²⁾. И опять здѣсь говорится только о мытѣ съ соли, но не о солиничемъ. Прусскіе купцы жаловались въ 1550 г. на то, что въ Вильнѣ брали особую *vestigial* отъ воска въ размѣрѣ 6 грошей съ камня, а въ Ковнѣ еще брали одинъ грошъ съ камня³⁾. Очевидно, подъ сборомъ въ Вильнѣ они разумѣютъ восковичное, взимавшееся на тамошней коморѣ, а подъ сборомъ въ Ковнѣ—таможенную пошлину въ собственномъ смыслѣ. Дѣйствительно, по отчетамъ сборщиковъ легко замѣтить, что восковичное взялось всегда въ размѣрѣ 6 грошей отъ камня, а соличное по 45 грошей отъ лашта соли⁴⁾ (въ лаштѣ 15 бочекъ). Между тѣмъ, по тарифу стараго мыта, составленному въ 1569 г., мыто отъ соли таксирруется совсѣмъ особымъ способомъ, показывающимъ крайнюю primitivность приемовъ обложения: объектомъ обложения служатъ возы, телѣга (6—7 грошей)⁵⁾; очевидно, это обломки старинныхъ приемовъ обложения, практиковавшихся до введенія восковичаго. Пошлина отъ воску показана въ 6 грошей отъ камня. Относительно соли такса дѣлаетъ замѣчаніе, что при покупкѣ ея „мѣщаниномъ у кунца (т. е. импортера) возъ въ двѣ лошади оплачивается еще 40 грошами), а возъ

¹⁾ Бершадскій, I, p. 156.

²⁾ Акты Вил., XVII, p. 180.

³⁾ Приведемъ дословно заявленіе по этому поводу купцовъ, такъ какъ оно имѣетъ большое значеніе: „De grosso, qui Caune exigitur deque illis sex, qui Vilnae pro singulis cerae lapidibus (ut vocant) dantur atque adeo totum hoc certa vestigial iterum, atque iterum petimus et rogamus ut nona exactio, quae nullo perpetuo jure inducta plane tollatur. Nam ante tempora felicitis recordationis divi Alexandri Regis Poloniae et magni Ducatus Lithvaniae Ducis nullum penitus vestigial pro caera dependi consuevit. Quicquid postea datum fuit eo ad biennium monetariae rei promotionis causa in Lithuania praecario obtentum erat. Haec lege, ut post exactum biennium cessaret quod autem praecario datur donantibus fraudi esse non debet ut certe fraudi fuerit si hinc nobis jus aliquod contra juris praescriptum opponat“ (М. Г. Арх. М. Ив. Д. Польск. Метр., кн. XII, л. 255 об.).

⁴⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, p. 117.

⁵⁾ Кн. Переи. Лит., X, л. 37—38 об.

въ одну лошадь—20-ю грошами⁶⁾. При этомъ встрѣчаемъ слѣдующее любопытное для насъ замѣчаніе: „однако, восковичное и солиничное не должны считаться за мыто, но солиничное и восковичное нужно взимать на обѣ руки“⁶⁾. Надо сознаться, что цифры, даваемые таксою, не лсны; не находятъ также и объясненія въ источникахъ пошлина при продажѣ соли, взимаемая описаннымъ въ таксѣ способомъ. Одно можно сказать, что сама такса составлена для стараго мыта въ такой моментъ, когда „старина“ уже подверглась сильнымъ измѣненіямъ. Оставляя въ сторонѣ нелсныя мѣста приведенной таксы, обратимъ вниманіе на то важное для насъ свидѣтельство, которое рельефно подтверждаетъ отличіе мыта отъ восковичаго и солиничаго.

Выше приведенныя данныя проливаютъ, какъ намъ кажется, свѣтъ на очень темный въ исторіи косвенныхъ налоговъ вопросъ о значеніи восковичаго и солиничаго: эти сборы не были тождественны съ мытомъ и взимались въ ряду съ нимъ.

Но это еще не опредѣляетъ способовъ и момента взиманія восковичаго и солиничаго. И эти вопросы съ трудомъ поддаются выясненію.

Въ 1507 г. король Сигизмундъ I отдалъ въ завѣдываніе нѣсколькимъ городенскимъ мѣщанамъ и еврейскъ сборъ восковичаго въ Городцѣ. Сборщики должны „и каждого *кунца* отъ камня воску по шести грошей брати на насъ“⁶⁾. Мѣстныя власти, т. е. староста, войтъ и бурмистры обязаны оказывать сборщикамъ помощь: „И вы бы тѣмъ купцомъ всямъ, которые воски таксуютъ, приказали, абы тотъ доходъ нашъ имъ платили подлугъ тое вставы. А естли бы хто хотелъ воски за границу провозити, того доходу нашего имъ не заплативши отъ камня по шести грошей, таковыхъ казали есмо имъ встатити и тѣ воски ихъ на насъ забирати“⁷⁾. Въ данномъ случаѣ въ управленіе поступаетъ только доходъ отъ восковыхъ пошлинъ. Пошлина собирается съ купцовъ, торгующихъ воскомъ; повидимому листъ предвидѣтъ опредѣленный контингентъ купцовъ—покупателей воска. Все это наводитъ на предположеніе, что самъ сборъ съ воска, предназначеннаго для вывоза, взимался при кунтѣ его. Къ тому же заключенію приводитъ и извѣстія о солиныхъ складахъ въ нѣкоторыхъ городахъ. Въ 1540 г. были основаны въ Горждахъ и Юрборкѣ тамошни и доморы; въ послѣднемъ городѣ литовскіе кунцы должны были по-

⁶⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, p. 125.

купать соль у ирусских; здѣсь устанавливается „складанье соли“ для всѣхъ тѣхъ, кто пожелаетъ поселиться въ Юрборкѣ и торговать солью; но „купцы чужоземцы мають предъя зложеніе соли мети у Коувѣ, подлѣ стародавнаго обычаѣ“¹⁾. Невидимоу, такой же складъ соли былъ и въ Берестѣ²⁾. Такимъ образомъ, были особые рынки, на которыхъ производилась купля-продажа соли и воску. Учрежденіе правительствомъ такихъ рынковъ—складовъ весьма понятно: она служила для скарба наиболее подходящимъ мѣстомъ для взиманія торговыхъ пошлинъ съ наиболее необходимаго предмета потребленія и самаго распространеннаго предмета вывоза. Весьма понятно также, что скарбъ въ этой области имѣлъ наблюдение надъ той группой купцовъ, которые торговали именно даннымъ предметомъ. На существованіе такой группы намекаетъ приведенный нами уже листъ къ Городенскому старостѣ. Въ Луцкѣ тоже существовала особая группа купцовъ, которые имѣли „вольность“ закупать оптомъ привозимую въ Луцкъ соль и вести ея розничную торговлю; они давали только *соланнице*, не неся никакихъ другихъ повинностей³⁾. Подобнаго рода группировка лицъ, имѣющихъ одинаковое занятіе,—явленіе вполнѣ присущее изучаемому времени. Вольность луцкихъ мѣщанъ, о которой говорятъ привилей 1576 г., не оправдывается предшествующими королевскими привилеями. Въ томъ же 1576 г. Гродненскіе мѣщане получили господарскій листъ на солевой складъ въ Городкѣ и тоже на основаніи обычаѣ⁴⁾. Обѣ грамоты выданы королемъ Стефаномъ, когда налоги съ соли приняли иной характеръ и старое соланничье потеряло свой смыслъ. Въ обоихъ случаяхъ мѣщане ссылаются на „вольности“ и „обычаѣ“, но жалованныя грамоты этимъ городамъ, выданныя въ предшествующіе годы, нигдѣ не содержатъ въ себѣ „вольности“ на складе. Эти ссылки будутъ понятны только при предположеніи, что дѣло идетъ о скарбовой коморѣ—складѣ, куда доставлялась заграничная соль и откуда она раскупалась мѣстными торговцами для развоза по странѣ и розничной торговли. Торговлей занималась известная группа—цехъ мѣстныхъ купцовъ. При совершеніи купли они платили соланничье, но соль, попадавшая на складъ,

¹⁾ Акты Зап. Рос., II, р. 366.

²⁾ Бершадскій, I, р. 96.

³⁾ Арх. Ю-Зап. Рос., ч. V, I, р. 26.

⁴⁾ Акты Ю-Зап. Рос., I, р. 206.

уже предварительно „обмачивалась“ таможенною пошлиною. Наставшая на существованіи известной группы купцовъ, мы склонны думать, что она организовывалась не безъ правительственнаго воздѣйствія: когда въ 1562 г. правительство валожило пошлину на хлѣбъ, покупаемый для вывоза за границу и для винокуренныхъ заводовъ, оно, въ видахъ контроля, распорядилось внесеніемъ всѣхъ торговцевъ хлѣбомъ въ особый реестръ и разрешило торговлю только лицамъ, записавшимся въ реестръ. Къ сказанному добавимъ еще, что въ источникахъ встрѣчаются указанія на то, что главнѣйшимъ занятіемъ луцкихъ купцовъ была торговля воскомъ и солью¹⁾.

Такимъ образомъ, какъ кажется, можно остановиться на предположеніи, что восковыя и соляныя коморы были складами воска и соли; здѣсь происходила оптовая торговля этими продуктами между иностранцами и литовско-русскими купцами. Здѣсь же платилась и особая отъ соли и воска пошлина, которая имѣетъ характеръ торговой (оттого, между прочимъ, соланничье и восковничье вимались по цѣнѣ товаровъ).

Добавимъ, что соланничье и восковничье имѣли еще особое значеніе въ исторіи пошлинъ. Некоторые города были свободны отъ всѣхъ (Полоцкъ, Витебскъ и др.) или отъ нѣкоторыхъ (Луцкъ, Смоленскъ и др.) господарскихъ мытъ. Введенныя королемъ Александромъ соланничье и восковничье поэтому пали и на такіе города, какъ Полоцкъ, Витебскъ, Луцкъ, мѣщане которыхъ были освобождены отъ мытъ. Этимъ путемъ скарбъ избѣгалъ повышенія таможенныхъ пошлинъ на эти важные продукты, но вводилъ новыя торговныя и такимъ образомъ ликвидировалъ льготныя грамоты.

Приблизительно съ двадцатыхъ годовъ шестнадцатаго столѣтія особое заведеніе восковыми и соляными коморами прекращается и онѣ сдаются въ аренду откупщикамъ мытныхъ коморъ. Такъ, королевская комора сдается съ мытомъ съ 1520 года²⁾. Подлянская комора и волынскія сдаются вмѣстѣ съ мытомъ въ 1523 году въ аренду³⁾. Правда, въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ перерывы:

¹⁾ Ср. замѣчаніе о торговлѣ воскомъ въ Арх. Ю-З. Р., ч. V, т. I, р. 14. О торговлѣ солью свидѣтельствуетъ грамота королевы Бонны 1532 г. Кн. Зап. Лит., XVIII, з. 38 об.—39.

²⁾ Акты Лит.-рус. госуд., I, р. 177.

³⁾ Бершадскій, I, р. 106.

такъ, Городенскія солиниче и восковичее въ 1525—1527 годахъ находились въ особомъ управленіи ¹⁾. Около 1528 года взиманіе воскового и солиного мыта въ Луцкѣ переходить въ руки мѣщанъ на такихъ условіяхъ: король отдалъ имъ эти доходы съ тѣмъ, что 200 копѣ грошей мѣщане вносятъ ежегодно въ скарбъ и, сверхъ того, 300 копѣ грошей употребляютъ на оправу замка: эта льгота дана на 10 лѣтъ ²⁾. Въ Полоцкѣ, гдѣ, какъ мы знаемъ, мыто отъ другихъ товаровъ не собиралось, комора продолжала отдѣльное существованіе до введенія вѣдѣй митныхъ сборовъ, когда и она слилась съ послѣдними; вѣроятно, тоже надо сказать и о Витебской коморѣ. Одна только Виленская восковая комора продолжала отдѣльное существованіе до конца изучаемаго періода и давала весьма крупный доход ³⁾. Это сліаніе въ дѣлѣ управленія восковыхъ и солиныхъ коморъ съ мытными не измѣнило характера восковичаго и солиничаго, которыя собирались по прежнему, но было лишь упрощеніемъ въ управленіи сборами.

Ливонская война, способствовавшая росту различныхъ способовъ обложенія, вызвала къ жизни и новую операцію съ солью, но уже вполне монопольнаго характера. Съ этою цѣлью въ 1561 году были устроены правительственные солинные склады въ Пинскѣ, Городцѣ и Берестѣ. Чтобы ближе познакомиться съ характеромъ установленной монополіи, мы сначала изложимъ исторію названныхъ солиныхъ складовъ и тѣ мѣры, которыя скарбъ принималъ для водворенія монополіи.

При учрежденіи въ 1561 году склада въ Пинскѣ государь въ своемъ листѣ такъ объясняетъ причины, побудившія его установить монополію; причину этихъ дѣлъ первая заключается въ томъ, что государскій скарбъ не имѣетъ никакого пожитка отъ перекупщиковъ

¹⁾ Кв. Зап. Лит., XIV, з. 314 об.

²⁾ Акты Ю. и З. Р., II, р. 137.

³⁾ Перечислимъ города, въ которыхъ были коморы: въ Полоцкѣ солиная и восковая, въ Ковнѣ—только солиная, въ Смоленскѣ—солиная и восковая (близкайшихъ свидѣній о послѣдней нѣтъ), Владимирская, Луцкая—солиная и восковая (Акты Лит.-рус. гос., I, р. 134, 140—141, 171), въ Городцѣ—солиная и восковая (Кв. Зап. Лит., XIV, з. 314 об.), въ Берестѣ и Дорогичинѣ—солиная и восковая (Акты Ю. и З. Р., II), Виленская комора, вѣроятно, только восковая (Акты З. Р., II, р. 6), въ Вильнѣ—только восковая, въ Тихоновичахъ (Акты Лит.-рус. гос., I, р. 177).

соли, привозимой изъ Коломии черезъ Луцкѣ въ Пинскій повѣтъ, вторая—въ томъ, что покупатели въ случаѣ злохой дороги должны платить весьма дорогую цѣну за соль; поэтому государь желаетъ учинить такой порядокъ, по которому цѣна соли оставалась бы нешмѣнной: для этого и учреждается складъ въ Пинскѣ. Онь сдѣется въ аренду компаніи брестскихъ евреевъ. Евреи должны покупать соль въ Луцкѣ и распродавать ее въ Пинскѣ, а также въ селахъ и мѣстечкахъ, какъ государскихъ, такъ и частновладѣческихъ. Цѣна соли устанавливается на весь срокъ аренды, т. е. на три года—по пятнадцати грошей за 1000 толь бѣлой соли. Съ момента наступленія аренды склада никто, какъ изъ государскихъ подданныхъ, такъ и частновладѣческихъ не имѣетъ права покупать соль въ Луцкѣ или въ другихъ мѣстахъ, какъ для продажи, такъ и для собственнаго употребленія. Разрѣшеніе розничной продажи во всемъ повѣтѣ зависитъ, исключительно, отъ арендаторовъ. Государь налагаетъ громадную заруку въ 10,000 копѣ грошей на тѣхъ, кто будетъ чинить арендаторамъ „переказу“. Арендаторы обязаны поставить во всѣхъ мѣстечкахъ, селахъ и по дорогамъ стражу для надзора за продажей соли. Всякаго рода прятники должны оказывать арендаторамъ самое ревностное содѣйствіе; сверхъ того, арендаторамъ придается еще два содѣйствія государскій дворянинъ ¹⁾.

Какъ только наступилъ срокъ аренды, арендаторы встрѣтили сильную оппозицію въ средѣ мѣстнаго общества; короткий срокъ аренды сопровождался рядомъ столкновеній арендаторовъ, какъ съ государскими подданными, такъ и съ частными землевладѣцами. Когда мытники (такъ назывались и сборщики солиного налога) явились къ пинскому владыкѣ Макарію и, предъявивъ ему арендный контрактъ, просили дать имъ отъ епископа вижа для наблюденія имѣть съ арендаторами за платежемъ епископскими подданными соляныхъ пошлинь, то епископъ отказался дать такого вижа; король, говорилъ онъ, по каждому дѣлу писать ко мнѣ особый листъ, а въ этой „солиной речи“ государь не прислалъ ему особаго извѣщенія. Объ этомъ арендаторы внесли „сочваніе“ въ пинскій замковый книги ²⁾. Уже въ іюнь 1562 года подскарбій земскій Остафій Воловичъ разбираетъ длинный рядъ жалобъ Пинскихъ мѣщанъ на аренда-

¹⁾ Кв. Зап. Лит. XXXVII, з. 485 об.—486 об.

²⁾ Бершадскій, II, р. 98.

торгов: истцы изложили целый ряд обвинений в том, что арендаторы продают недоброкачественную соль, обманывают при продажах, совершают „кравды“ при обысках промытой соли в домах и т. д.¹⁾ Во многом мытники были не права, но новые обвинения явно указывают на стремление жителей отделиться от аренды. Размѣры соляной пошлины, несомнѣнно, были велики. Названный декретъ сообщает, между прочимъ, о томъ, что мѣщане должны были получать отъ арендаторовъ по десяти грошей за 1,000 тольк той соли, которую мѣщане запаслись до введенія монополіи; теперь мытники отнимали эту соль для склада; очевидно, десять грошей были въ то время продажною цѣною за 1,000 тольк соли, между тѣмъ, какъ изъ склада соль продавалась по пятнадцати грошей, т. е. на 50% дороже. Недоразумѣнія между мытниками и посольствомъ привели къ тому, что государь призналъ наличность „обдѣженій“ жителей и сократилъ срокъ аренды на годъ, передавъ ее самимъ мѣщанамъ. Въ листѣ по этому поводу государь, между прочимъ, указываетъ, что новые налоги тяжело ложатся на жителей, поэтому соль сдается въ аренду мѣщанамъ; мѣщане получаютъ въ аренду соляной складъ на 5 лѣтъ съ 1 января 1564 года по 500 копѣ грошей въ годъ. Цѣна соли остается прежняя; всѣ права, которыя были предоставлены предшествовавшимъ контрактомъ евреямъ арендаторамъ, теперь переходить въ мѣщанамъ²⁾; но, какъ мы уже указали, государь сократилъ на годъ срокъ аренды евреямъ, такъ что мѣщане вступили въ управленіе складомъ съ 1 января 1563 года; имъ разрѣшалось до наступленія срока аренды заготовить необходимое количество для продажи соли³⁾.

Но это не прекратило недоразумѣній между арендаторами и жителями. Въ половинѣ 1563 года государь издалъ универсалъ ко всѣмъ обывателямъ Пинскаго повета съ запрещеніемъ привозить соль изъ другихъ городовъ. Универсалъ изданъ, именно, по докладу дворянина господарскаго о томъ, что подданные держатъ въ своихъ домахъ соль, купленную не на складѣ. Государь запрещаетъ это под угрозою „заклада“ въ 10.000 копѣ грошей на погнѣниковъ и отнятія всего имущества провинившагося подданаго; онъ запрещаетъ также чинить

¹⁾ Ibidem, p. 104—112.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XLIV, г. 45 об. — 47.

³⁾ Ibidem, г. 72.

„пофалки“ на дворянина и приказываетъ забирать на замокъ соль, оказавшуюся въ промѣтѣ¹⁾. Изъ этого видно, что господарскому скарбу не легко было установить монополію, что доказывается уже королевскими универсалами и тѣмъ отпоромъ, который встрѣтила монополія въ населеніи.

Не менѣе интересна также краткая исторія другого соляного склада—въ Берестѣ. Этотъ складъ былъ учрежденъ тоже въ 1561 году; онъ былъ сданъ въ аренду жупнику русскому Мальхеру Вальбаху и евреямъ Давиду Шмерленичу и Исаку Бородавѣ отъ Пашки 1561 года на семь лѣтъ; арендная плата была установлена слѣдующая: въ первый годъ арендаторы даютъ 2,000 копѣ грошей, во второй—4,200 копѣ и, начиная съ третьяго, по 6,000 копѣ грошей ежегодно²⁾. При этомъ были установлены районы, жители котораго обязательно должны были покупать соль изъ Берестейскаго склада. Однако, на первое же время созиная монополія и здѣсь доставила немало хлопотъ скарбу. Берестейскій районъ изъ сѣверъ ограничивался рѣкою Нѣманомъ—„отъ Берестѣ до Немна по Городню“³⁾. Но, по заявленію завѣдующихъ коморою, подданные господарскіе продолжаютъ покупать соль вне этого района за Нѣманомъ, за соль они будто-бы платятъ очень дорого, между тѣмъ, какъ при покупкѣ ея на Берестейскомъ складѣ въ бочкахъ 1,000 тольк соли обойдется всего въ 4½ гроша. Въ виду этого король приказываетъ всѣмъ державцамъ подляшскимъ, а именно, княжескому и заблѣскому, тычинскому, брянскому и суражскому, дорожницкому, мельницкому и ломаскому, шерешонскому, волковысскому, кобринскому, мѣтлогонскому, высокородецкому, лысковскому и межрицкому, красницкому и класовскому, и кузницкому — (это показываетъ ближе районъ склада),—чтобы подданные ихъ державъ, покупая соль исключительно на Берестейскомъ складѣ и при томъ, такимъ образомъ: всѣ волостные войты должны явиться въ Берестѣ и купить соль на всю полость съ разсчетомъ по одной бочкѣ на каждыя три волоки. Соль выдается войтамъ изъ склада „на тѣру“ и затѣмъ они должны внести деньги въ опредѣленный срокъ³⁾. Такимъ образомъ, была установлена не только обязательная покупка соли, но и количество, которое

¹⁾ Ibidem, г. 70—72.

²⁾ Кн. Судн. Д. Лит., XLIV, г. 117 об.

³⁾ Бершадскій, II, p. 95.

подданные должны брать. Разумеется, такое предписание относилось только к государским подданным, но уже во второй половине 1562 года государю пришлось несколько изменить—только для частных землевладельцев—район Берестейского склада. По словам грамоты от 23 ноября 1562 года многие из государских подданных явились к государю „набѣганіе“, во время его переѣзда из Литвы в Польшу, прося разрешить пропуск соли по рѣкѣ Наревѣ и предлагая при этом пошлину по 6 грошей съ каждой бочки соли за пропуск через Нѣмань. Государь на это согласился и разрешил пропуск соли въ часть Подляхін изъ Пруссіи; на означенной границѣ поставлена была застава, которая и слѣдила за пропуском соли; теперь соль, пропускаясь въ районъ староства Слонимскаго, оплачивалась тройною пошлиною: поборомъ, т. е. ново подвышеннымъ мытомъ на основаніи сеймоваго постановленія, старымъ мытомъ и особымъ солиничемъ, т. е. тою пошлиною въ 6 грошей отъ бочки, которую предложили сами жители⁴⁾.

Указывая посылка скарба сдѣлать обязательною закупку соли подданными и путь, посредствомъ котораго шихетство стремилось избавиться

⁴⁾ Для характеристичнаго описанной монополіи приведемъ слѣдующіи мѣста изъ государскаго Универсала 1562 г. (отъ 23 ноября). Онъ такъ опредѣляетъ монополизный районъ и сущность вводимой монополіи: „Хто бы хотѣлъ черезъ Немонъ соль крупнѣшую провадити по Наревѣ рекѣ до Яседы во все старство и хоружство Слонимское ажъ до Мостовъ и изъ Мостовъ ажъ до Городна по великую дорогу Лядскую до границы Прусское, а границею Прусеномъ и реку Вобри, а в Вобри в Наревѣ и вверху Нарви по Яседу ажъ до того изъ наивышного мѣста староства Слонимскаго, таковыиъ водно будетъ в старомъ мѣстѣ и въ поборѣ, давши 6 грошей отъ бочки соли крупнѣшое, провадити ее черезъ Немонъ с Прусъ по вышше наивышномъ мѣстѣмъ. Нижши черезъ реку Наревѣ и Яседу жадонъ не маетъ упорно провадити в живати тою соли подъ тымъ же закладомъ, нашіиъ на листѣхъ нашихъ выданыхъ. Вежде хто бы хотѣлъ черезъ Наревѣ до Немна безую соль провадити, тымъ водно въде первого расказавши нашего справоватися“. Поэтому король приказываетъ старостѣ строжайше запретить подданнымъ, „же бы шихто в нихъ черезъ Немонъ провадечи соль альбо с Прусъ не смелъ прокрадывати побору мѣта и солиничего вышше наивышного водъ утратою всеи маестности, што польвекъ при немъ знайдено будетъ, ажъ заплативши мыто и поборъ, а солиничое тому, хто будетъ установленъ отъ мар. двор. ва листѣхъ его; а хто бы са козьме важиль прокрадываючи провадити соль за Немонъ и с Прусъ черезъ Мазовше по реку Наревѣ альбо черезъ Наревѣ, таковыиъ подданныхъ нашихъ забирати, абы они тому дворянину нашему Богуфалу допустили и на нашихъ постороннихъ людей помочъ давати ему вѣдѣль и гдѣ бы са срафано в небытности того дворянина нашего абы еси самъ гововалъ и вравдиу словезу того стеречи и забирати казаль“ (Би. Перев. Лит., VII. г. 142 об.—143 об.).

отъ монополіи, опять такъ показывается всю трудность ея установленія. Дѣйствительно, судьба Берестейскаго склада, на который скарбъ возлагалъ столь большія надежды (что видно изъ суммы арендной платы), не оправдала ожиданій правительства. Одно письмо Сягнмунда Августа отъ 25 марта 1565 года рассказываетъ о тѣхъ неприятностяхъ, которыя пережила Берестейская комора за этотъ небольшой промежутокъ времени. Указавъ на первоначальныя условія аренды, король заявляетъ далѣе, что мытники во все время аренды утруждаютъ его „докуками“; подданные князей, пановъ и духовенства чинить мытинскамъ „великую переказу“, перевозъ соль черезъ Нѣманъ, поэтому мытники не получили никакой прибыли и вовсе не внесли арендной платы въ скарбъ. По настоянію подданныхъ государь сдѣлать имъ уступку и разрешить провозъ соли изъ Пруссіи въ извѣстную часть Подляхін, о чемъ уже было упомянуто, но это принесло берестейскимъ арендаторамъ убытки; поэтому подскарбій земскій предложилъ тогда же измѣнить условія аренды. Справцы Берестейскаго склада должны были платитъ по 2 гроша отъ бочки проданной ими соли въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ управленія (т. е. съ ноября 1562 года), а въ остальные годы по 12 грошей отъ бочки, но оказалось, что при этомъ условіи скарбъ не получилъ никакой прибыли. Тогда подскарбій земскій въ 1563 году заключилъ съ арендаторами новое условіе, по которому они платятъ по 9 грошей отъ бочки проданной соли въ теченіе 1563 года, а съ 1564 года и до конца аренды—по 12 грошей. Однако, въ началѣ 1565 года на сеймѣ въ Петроковѣ подскарбій земскій доложилъ королю, что прибыль отъ склада оказывается совсѣмъ ничтожною, поэтому подскарбій снова измѣнилъ условіе и уже сдалъ складъ въ аренду Шмерлевичу и Бородавкѣ на 1565 и слѣдующіе годы всего по 800 копъ грошей въ годъ; Вальбахъ отказался отъ аренды, но подскарбій заарестовалъ его товары, такъ какъ онъ не уплатилъ причитающейся на него арендной платы за прошлые годы и за промѣту. Впрочемъ, не одинъ Вальбахъ оказался должникомъ скарба, но также и другіе два арендатора; всѣ трое потерпѣли столь значительныя убытки, столько труда понесли въ борьбѣ съ контрабандистами, что всѣ трое просили государя отпустить имъ долги по арендѣ склада. Королю ничего не оставалось дѣлать, какъ признать наличность повесенныхъ убытковъ и полную неудачу операцій съ солянымъ складомъ и отказаться отъ

взысканія долга съ арендаторовъ ¹⁾. Неудивительно поэтому, что по окончании аренднаго срока, соляная монополія въ Берестѣ не была возобновлена.

Выдѣленный въ 1562 году районъ между Неманомъ и Наревомъ составилъ особое соляничье городенское. Въ первые годы своего существованія оно управлялось, какъ видно изъ цитированнаго уже нами документа, особыми государскими дворами, а съ 1566 года сдается въ аренду. Впрочемъ, доходъ отъ городенскаго соляничья былъ весьма незначителенъ: по арендному контракту 1566—1567 гг. оно давало всего по 110 копъ грошей въ годъ ²⁾. Съ 1568 года оно сдано въ аренду Лаврину Войнѣ на три года по 130 копъ грошей въ годъ. Еще разъ напомнимъ, что это соляничье составляло надбавку къ старымъ и сеймовымъ выгодамъ на соль, хотя и собиралось отдѣльно. Оно платилось не только государскими подданными, но и шляхтою и нѣхъ подданными ³⁾.

Такова исторія соляной монополіи, быванной финансовыми затрудненіями эпохи Ливонской войны. Изъ сказаннаго легко понять, что она не была удачна и прекратилась съ окончаніемъ послѣднихъ арендныхъ контрактовъ, заключенныхъ Сигизмундомъ Августомъ. Соль, продававшаяся въ районахъ, отведенныхъ для монополіи, подвергалась троякаго рода обложеніямъ: старому мыту, новому набору, установленному сеймомъ, и той пошлинѣ, которая приходилась на соль вслѣдствіе монополіи.

Наложивъ судьбу обложенія воска и соли, мы теперь перейдемъ къ вопросу о монополюной продажѣ лѣсныхъ товаровъ. До половины шестнадцатаго столѣтія лѣсные матеріалы подвергались обыкновенному сбору мыта; только на одной таможи въ Берестѣ особый сборъ съ провозимыхъ лѣсныхъ матеріаловъ,—именно въ Дорогичинѣ; здѣсь

¹⁾ Кн. Судн. Д. Лит., XLIV, л. 117 об. сл.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XI, VIII, л. 91 об.—92 об.

³⁾ „Обычай шведовъ“ состоитъ въ слѣдующемъ: „какъ кто бы якого количества — князи, панове, земляне и люди купили соль мимо Городна къ Подлашю и къ Мостовъ, а отъ Мостовъ ажъ до верхъ реки Немла проводили, такоу въи кождий соленное отъ кожда боци по шести грошей до сиронецъ пана Войныныхъ платити повинни будутъ. А где бы хто вымолвилъ ея тычетъ, какъ таа соль за Немонъ проважона не будетъ, соляничного давати не хотеть, такоуи каждый будетъ повиненъ въ Горозие передъ справцами пана Войныныхъ на томъ арисату вчинити, какъ таа соль за Немонъ проважона не ваетъ быти“ (loc. c.).

взималось, такъ взымаемое ванцошное съ товаровъ, провозимыхъ рѣкою Бугомъ въ Данцигъ. Сбору пошлины подвергались ванцоши, клепки, смола и пещель. Очевидно, это мыто взымалось съ товаровъ, провозимыхъ изъ Польши. Доходъ отъ Дорогичнаго ванцошнаго былъ, впрочемъ, весьма незначителенъ. Въ 1525—27 гг. оно шло на арендѣ въ 30 копъ грошей, а въ 1528—30 гг. по 100 копъ грошей въ годъ ¹⁾.

Къ 1547 году относится начало правительственной монополіи по торговлѣ лѣсными матеріалами. Объявленія, разосланныя вел. кн. Сигизмундомъ Августомъ по всему государству, подробно излагаютъ причины, цѣль и устройство монополіи. По словамъ этого акта лѣсная монополія утверждена государемъ на Виленскомъ сеймѣ 1547 года по совѣту съ панами радами и всѣмъ шляхетствомъ. Сеймовые послы и рада пришли къ заключенію, что землевладельцы, своимъ капиталомъ обрабатывавшіе лѣсные матеріалы или продававшіе лѣсъ купцамъ, терпѣли часто убытокъ, такъ какъ неумѣло приготовляли для продажи въ Пруссіи и Ливоніи товары; отъ этого богатыи только одни купцы чужеземные и евреи. Отъ всего этого происходила „великая шкода земская и скарбу государскаго“. Поэтому сеймовое шляхетство само предложило королю взять доходъ отъ лѣсной торговли въ свои руки, устроить на границахъ коморы и склады, скупать весь лѣсной матеріалъ, сработанный частными лицами, и продавать его въ Данцигъ. Съ момента введенія монополіи всѣ, какъ купцы, такъ и частновладельцы, должны доставлять товары на склады, объявлять о прибытіи ихъ справцамъ государскихъ коморъ и получать отъ нихъ плату по установленной таксѣ. Коморы установлены въ Ковнѣ, въ Берестѣ, въ Дриссѣ (подъ Полоцкомъ на Двинѣ) и въ Салагахъ на Жмуди. Никто не имѣетъ права провозить лѣсные товары черезъ границу подъ угрозою утраты провозимаго матеріала. Въ частности, для Ковенской коморы установленъ слѣдующій порядокъ пріема товаровъ. Лицо, сработавшее лѣсъ, должно сплавить его въ Неманъ и сложить на берегу выше или ниже Ковна; по полученіи извѣщенія является на мѣсто склада справца коморы съ „бракарами“, которые осматриваютъ товаръ, отбираютъ годный на продажу и выплачиваютъ за него деньги. Качество товара приравнивается къ данцигскому рынку; такса установлена слѣдующая: сотни

¹⁾ Акты Лит. Рус. Гос., I, р. 204 и Бершадекій, I, р. 132.

вапчосу по 2½ коны грошей, а сотня клепок и фашольцу по 2 коны грошей; впрочем, такъ называемый сарой вапчосъ, который привозить къ приставкамъ ниже Говна сухимъ путемъ, оплачивается 2 копами грошей, а такія же клепки и фашольцы 1 копой и 40 грошами. Такое уменьшеніе цѣны съ послѣднихъ товаровъ объясняется тѣмъ, что они не были въ водѣ, почему „трудно его познать на бракованію“; та-же пониженная такса установлена для товаровъ, поднимаемыхъ ниже Говна по мелкимъ рѣчкамъ. Дать пещелу всегда оцѣнивается въ 2 коны грошей. Черезъ Берестейскую комору проходить товары, направляющіеся по Вислѣ; порядокъ бракованія товаровъ и здѣсь такой-же, оцѣна происходитъ на самой границѣ. Такса на Берестейской коморѣ установлена ниже, чѣмъ на Говенской; и здѣсь товаръ принимается согласно требованіямъ Данцигскаго рынка; сотня вапчосу оплачивается 2 копами грошей, сотня фашольцу и клепки по 1½ коны грошей, а заштѣ пещелу тоже по 1½ коны грошей. Что касается коморъ въ Дриссѣ и Салатахъ, то установленіе здѣсь таксъ предоставлено самому господарю, такъ какъ на этотъ счетъ на сеймѣ не состоялось опредѣленнаго постановленія. Относительно другихъ лѣсныхъ товаровъ вопросъ оставленъ также „на пою и ласку королевскую“. Сеймъ при этомъ предоставляетъ господарю право держать стражу на границахъ, какъ въ частновладельческихъ имѣніяхъ, такъ и въ господарскихъ. Если кто привезетъ къ пристави негодные для продажи товары, то отъ справцевъ зависитъ принять ихъ или нѣтъ (очевидно, справцы за такой товаръ должны были внести въ скарбу деньги по таксѣ и могли за границей продать на свой страхъ). Справцамъ предоставляется право входить съ продавцами товаровъ въ особое соглашеніе о доставкѣ матеріаловъ въ Данцигъ. Надо замѣтить при этомъ, что, такъ какъ на Данцигскомъ рынкѣ дѣлался строгій выборъ товара, то бракары, чтобы не сдѣлать ошибки въ опредѣленіи качества товара, браковали товаръ слѣдующимъ образомъ: на сотню вапчосу брали по 120 штукъ, на сотню клепокъ и фашольцу по 240 штукъ, а заштѣ пещелу принимали за 20 бочекъ. Это для товара лучшаго качества, а худшій товаръ принимался 300 за 100 и даже 400 за 100 ¹⁾.

¹⁾ Кн. Посольская Метрика Великаго Княжества Литовскаго, падання Оболенскимъ и Даниловичемъ, М., 1841, р. 36—39.

Монопольная торговля лѣснымъ товаромъ, какъ видно изъ изложеннаго, была поставлена очень широко, но, къ сожалѣнію, мы совершенно не знаемъ ея практическихъ результатовъ. Она находилась въ вѣдѣніи особыхъ справцевъ, почему свѣдѣнія о ней такъ скудны; во всякомъ случаѣ просуществовала она недолго, такъ что едва-ли и могла доставить скарбу болѣе или менѣе осязательные результаты. Уже на сеймѣ 1551 года шляхта проситъ объ отменѣ монополій для товаровъ, выработанныхъ въ ея имѣніяхъ. Король согласился и сдѣлалъ уступку въ томъ смыслѣ, что разрѣшилъ пропускъ за границу лѣсныхъ товаровъ, сработанныхъ шляхтою въ ея собственныхъ лѣсахъ ея же капиталомъ и провозимымъ на ея же собственныхъ судахъ ¹⁾. Вѣроятно, это королевское обѣщаніе не было точчасъ же исполнено, потому что на сеймѣ 1554 года на однородную просьбу шляхты король обѣщаетъ разослать листы о пропускѣ шлехетскихъ товаровъ на вышеизложенныхъ условіяхъ ²⁾.

Остается добавить, что монополіи на лѣсные товары нисколько не измѣнили вопроса о взиманіи съ шлехт таможенныхъ пошлинъ: послѣднія собирались по прежнему. Сеймъ 1547 года, на которомъ установлены лѣсныя монополіи, засѣдалъ въ январѣ ³⁾, а въ октябрѣ того же года королемъ сдано въ аренду Берестейское мыто во всемя его истаринномъ объемѣ—въ томъ числѣ и съ „вычайнымъ“ ⁴⁾ мытомъ отъ лѣсныхъ товаровъ ⁵⁾. И это не случайно: то же мыто собиралось на Волани же ⁶⁾ и въ Полоцкой землѣ въ 1553 г. ⁶⁾.

Такова исторія особаго способа обложенія соли и воска и попытокъ монополизировать торговлю солью и лѣсомъ въ самомъ началѣ второй половины XVI ст. И въ этомъ отношеніи скарбъ отдалъ дѣль Ливонской войны. Описанныя попытки монополій не дали практическихъ результатовъ и исчезли вслѣдствіе безсилія правительства и тяжести налога, но они интересны, какъ наглядное доказательство скарбовыхъ поисковъ найти новые источники доходовъ и выйти изъ того затруднительнаго положенія, въ которое былъ поставленъ скарбъ войною. Что касается скарбовыхъ доходовъ отъ восковичаго и со-

¹⁾ Акты Зап. Рос., III, р. 29.

²⁾ Ibidem, р. 54.

³⁾ Акты Зап. Рос., III, р. 3.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., XXXI, с. 135—137 об.

⁵⁾ Кн. Зап. Лит., XXXIV, с. 180.

⁶⁾ Ibidem, с. 235.

длинного, то они будут показаны при изложении доходов от таможен, так как период самостоятельного существования восточных и западных коморь был не значительный.

9. Внешняя таможенная пошлина. Тарифы.

До сих пор шла речь о мытах двойного рода—торговых и внутренних таможенных пошлинах. Между тем в течение всего изучаемого периода финансовое хозяйство Литовско-русского государства знало еще и внешнюю таможенную пошлину. Такие пошлины собирались от товаров, вывозимых за границу и ввозимых из-за границы. Но собирались они в древнейшее время различными способами и не исключительно при провозе товаров через границу; поэтому внешние таможенные пошлины отличались от внутренних главным образом тем, что самый товар был предметом экспорта или импорта. Оттого самый товар, облагаемый тарифом по внешним таможенным пошлинам, носил название «товара гостинного»¹⁾, «крамных речей»²⁾, «речей купецких»³⁾, «большого товару»⁴⁾. Самое мыто, в качестве внешней таможенной пошлины, носило название «головного» мыта в отличие от торгового и провозного⁵⁾. Господарь мог установить головное мыто не только на границах государства, но также и внутри страны; примфромь такого мыта может служить установленное Сигизмундом I головное мыто в имнии королевы Боны Городкѣ. Впрочем, устройство в Городкѣ таможни продержалось недолго. В течение всего изучаемого периода в Литовско-русском государстве существовать только один внутренний район по сбору головного мыта: это—мыто в Новогородкѣ; оно собиралось в течение всего XV в., и в 1511 г., давн Новгородку привлек на магдебургю, Сигизмунд I выделил новгородское мыто в вѣдѣние скарба⁶⁾. В других крупных городах хотя, как мы видим, взималось головное мыто, но этот факт имѣлъ

¹⁾ Вернадскій, I, р. 42.

²⁾ Ibidem, р. 41.

³⁾ Ibidem, р. 11.

⁴⁾ Акты Ю.-З. Р., т. I, р. 26.

⁵⁾ Напр., Вернадскій, II, р. 56, I, р. 145 и др.

⁶⁾ Акты З. Р., II, р. 92.

совсѣмъ другое значеніе: эти города были центрами таможенных округовъ. Хотя уже в XV вѣкѣ существовало ясное различіе между внешними таможенными пошлинами и внутренними, однако взаимнѣ тѣхъ и другихъ обычно объединялось въ однихъ рукахъ, т. е. торговое и провозное мыто сдавались въ аренду или въ завѣдываніе мытникамъ головнымъ. Такъ, еще в 1519 г. берестейское мыто сдавалось въ аренду «со всеми иными мыты по дорогамъ и по перевозамъ—тамъ, где *здавна къ мыту берестейскому бирювано*»¹⁾. Въ Дорогичинѣ тоже «здавна» принадлежало къ головному мыту мостовое мыто на Бугѣ²⁾.

Самый процесс взаимнаго мыта держался на старинѣ: откупщики должны были взимать мыто «по старому какъ *здавна бывало за дяди нашего за великаго князя Витовта и за Жигимонта*»,—какъ часть посылать арендные листы королу Казимира³⁾. На этой старинѣ и держался таможенный тарифъ древнѣйшаго времени. Остатки обычая въ таможенной практикѣ связываются еще в течение всей первой половины XVI вѣка. Такъ, еще одинъ листъ 1540 г. повторить объ «обычаѣ», по которому турецкіе кушцы платятъ съ провозимыхъ ими товаровъ по 6 грошей отъ копы оцѣночной стоимости товара. Изъ этого уже можно вывести предположеніе, что таможенный тарифъ не отличался однообразіемъ. Онъ также далеко не охватывалъ всѣхъ провозимыхъ черезъ границу товаровъ: еще в 1526 году на Тыкотинской таможнѣ не взимали головного мыта съ суконъ⁴⁾.

Нѣкоторые свидетельства историковъ отмѣчают не только разнообразіе способовъ взаимнаго пошлинъ при господствѣ обычая, но также показывают и сложность установившагося обычая, или стремленія сборщиковъ пошлинъ нарушить оконченную старину. Въ этомъ отношеніи любопытно письмо «старого» мытника Даныя Есковича къ мытнику берестейскому Михелю Езофовичу. Это частное письмо по приказанію государя великаго князя было внесено въ книги Метрики для руководства откупщикамъ и на будущее время. Даныю разсказываетъ Михелю о томъ, какъ при немъ было держано берестейское мыто, т. е. какіе обычай вѣдѣтны Даныю въ этомъ отношеніи; вѣроятно, опытность и знаніе Даныя ставились очень высоко. Въ

¹⁾ Кв. Зал. Лит., XI, л. 39.

²⁾ Вернадскій, т. I, р. 85.

³⁾ Ibidem, р. 49, 48 и др.

⁴⁾ Ibidem, р. 145.

своемъ письмѣ оныъ рассказываетъ, какія дороги существовали въ районѣ берестейскаго мита; мѣщане того или другого города должны были пользоваться известными дорогами и за нарушение этого обычая они подвергались промитѣ, т. е. штрафу, состоявшему въ отнятіи товаровъ. Во всѣхъ господарскихъ городахъ, гдѣ собиралось головное мито, митники взимали также торговое и важнее. Всѣ перевозки на рѣкѣ Бугѣ и въ мѣстечкѣ Мостахъ тоже находились въ завѣдываніи митниковъ: купцамъ запрещалось перевозить на частновладѣйскихъ перевозахъ. Если Берестяне, Дорогичане и Виленцы перевозились въ Мостахъ за границу, то платили по 4 гроша отъ воза; если же они возвращались изъ Мазоніи или съ Волыни, то платили по 7 грошей отъ воза и еще 8-ой грошъ за перевозъ. Очевидно, только послѣдній сборъ былъ митомъ за перевозъ, между тѣмъ какъ первый былъ уже таможенной пошлиной, взимающейся при переѣздѣ черезъ границу. Изъ этого видно, что размѣръ пошливъ такъ не великъ и способъ опредѣленія налоговъ очень грубъ. Но такую низкую пошлину платили только мѣстные купцы, потому что турки, кафинцы, кievляне и москвичи платили съ цѣны товара—по 3 гроша отъ копы, т. е. 5% стоимости ¹⁾. Это письмо сообщаетъ цѣлый рядъ условий, представлявшихъ собою старину въ собираніи митныхъ сборовъ. Такую-же старину передаетъ и велико-княжескій наказъ 1500 г. пану Литавору Хребтоничу; оныъ говорить о порядкахъ собиранія мита на Коленской таможенѣ. Приемы обложенія товаровъ пошлинами очень грубы. Мито взиимается отъ шкуты по копей грошей. Это мито бралось только при влѣздѣ въ Ковно; такъ какъ тутъ же существовалъ рынокъ для торгу между нѣмецкими и литовскими купцами, то, вѣроятно, болѣе детальное обложеніе привозныхъ товаровъ пошлинами происходило уже при заключеніи торговыхъ сдѣлокъ. Это видно изъ замѣчанія цитируемаго источника о томъ, что, если нѣмецкій купецъ продастъ соль въ Ковнѣ своему соотечественнику, то платить „другое“ мито по одному грошу отъ копы грошей цѣны товара или по полугрошу отъ бочки соли; если же виленецъ покупаетъ соль, то оныъ тоже платитъ отъ бочки по полугроша. Такимъ образомъ, соль, перепродавшая нѣмцемъ нѣмцу, подлежала двойной торговой пошлинѣ сравнительно съ пошлиной при продажѣ ея литовскому купцу. При покупкѣ же литовскимъ купцомъ у нѣмца торговая пошлина взи-

¹⁾ Ibidem, p. 189—91.

лась только однажды. Это дѣлалось, очевидно, съ цѣлью доставить мѣстнымъ купцамъ нѣкоторое преимущество при покупкѣ соли (а можетъ быть и другихъ товаровъ) непосредственно у импортеровъ. Изъ этого также видно двойной приемъ въ обложеніи пошлинами: при проходѣ судовъ черезъ границу и при продажѣ товаровъ. Это очевидно, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ такому важному предмету потребленія, какъ соль. Способъ обложенія другихъ привозныхъ товаровъ въ нашемъ источникѣ не показанъ; но, кажется, оныъ состояли во взииманіи известнаго процента съ цѣны товара, потому что ввозимый товаръ осматривался митниками—конечно, для оцѣнки; товаръ дѣлился на „большій“ и „меньшій“, и мито бралось только съ перваго. На той же Коленской таможенѣ брали мито и съ вывозимыхъ за границу товаровъ. Наказъ говорить о митѣ съ нѣсныхъ товаровъ: тогда бралось по 3 гроша отъ сотни вощесовъ, по 6 грошей отъ сотни клепокъ, по 30 грошей отъ мачты, всякаго размѣра товару, по 4 гроша отъ ланга пелену или по копей грошей отъ шкуты. Кромѣ вѣшнихъ таможенныхъ пошливъ въ Ковнѣ при митѣ взиималась еще обестка съ товаровъ, привозимыхъ виленцами въ Ковно, а также обестка отъ рыбы, привозимой коленцами по Нѣману сплву ¹⁾.

Такимъ образомъ, обложеніе товаровъ таможенными пошлинами въ древнѣйшее время основывалось, главнымъ образомъ, на обычаяхъ. Тарифъ отличалъ мѣстныхъ купцовъ отъ иностранцевъ и надалъ только на нѣкоторые товары, бывшіе главнѣйшими предметами ввоза и вывоза. Таможенная пошлина отъ нѣкоторыхъ товаровъ взиималась въ два приема: при провозѣ черезъ границу и при продажѣ. Въ первомъ случаѣ приемы обложенія были грубы (тарифъ ссредѣлся по вощамъ, рѣчнымъ судамъ), во 2-мъ преобладала оцѣнка товаровъ.

Съ теченіемъ времени литовско-русское правительство стремится подвергнуть обложенію всѣ предметы ввоза и вывоза и повысить таможенные ставки. Это достигается въ теченіе первой половины XVI вѣка не путемъ ломки стараго обычая, но посредствомъ новыхъ наслоеній на старомъ тарифѣ и обложеніи новыхъ предметовъ потребленія, ранѣе не подлежавшихъ сбору пошливъ. При великомъ князѣ Александрѣ введена была особая пошлина на воскъ и соль, известная подъ именемъ восковичаго и солоничаго; это мы уже

¹⁾ Акты Ю-3, Р., т. I, p. 26.

завезть. Но этот прием был бы неудобен для других товаров. Сигизмундом I было указано тот путь в таможенной политике, по которому государство следовало в течение всего XVI вѣка. Сигизмунд I стал вводить при „старомъ звывломъ“ мѣтѣ „новое“ или „новоподвижное“ мыто, т. е. рядомъ съ старымъ мытомъ сталъ собирать мыто по новымъ тарифамъ. Такой способъ наложенія новыхъ мытъ былъ удобенъ, между прочимъ потому, что всякаго рода льготные безмытные листы теряли силу—разъ издавался повышенный тарифъ,—по отношенію къ этому послѣднему; съ другой стороны, правительство достигало повышения пошлины. Затрудненія могли быть только при сборѣ мыта, такъ какъ мытники должны были руководствоваться двоякаго рода тарифомъ. Впервые упомянутое о старомъ и новомъ мѣтѣ встрѣчается въ Подляхѣ и на Волыни въ арендномъ контрактѣ 1523 г. ¹⁾ Около 1532 г. встрѣчаемъ указанія на новую уставу мытъ ²⁾. Подробнаго содержанія этой уставы въ актахъ не встрѣчается, но о характерѣ ея можно судить по льготной грамотѣ ковенскимъ мѣщанамъ, изданной королевемъ въ 1532 году. Ковенскіе мѣщане просили сдѣлать имъ облегченіе во взаимнѣи новихъ мытъ; освобождая мѣщанъ отъ этихъ послѣднихъ, король такъ говоритъ въ своемъ листѣ о введенной имъ новой уставѣ въ мыто: „ино што ся дотычетъ того мыта нового, которое былиเสมอ отъ кожъ, отъ юфтей и отъ ишихъ купецкихъ речей на нихъ установили, мы для такового вводу ихъ, который тое мѣсто нашо а божего доущенія у *поветри* приняло, ласку нашу въ томъ имъ вчинили,—тое мыто новое отъ кожъ и отъ юфтей, отъ тимцовъ и отъ ишихъ купецкихъ речей имъเสมอ отпустили“,—до лицаго только приѣзда господара къ Литву. Изъ этого перечня обложенія предметовъ видно, что новый тарифъ цалъ на предметы вывоза. Размѣры новаго тарифа неизвѣстны; только относительно тарифа на лѣсные товары мы находимъ указаніе въ томъ же листѣ. Мѣщане просятъ объ уменьшеніи пошлины на зотыя предметы вывоза. До введенія новаго тарифа мѣщане платили отъ лѣсныхъ товаровъ, сработанныхъ въ княжескихъ и пацскихъ цуцахъ, мыто въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ съ товаровъ, сработанныхъ въ господарскихъ цуцахъ. По новому тарифу установлена однообразная пошлина въ размѣрѣ по 15 грошей отъ сотни

¹⁾ Бернадскій, I, p. 106.

²⁾ Кн. Суд. Дѣл. Лит., VII, з. 25 об.

бревенъ, вапчосу и зашту пенелу; король уменьшилъ мѣщанамъ эту пошлину на 7 грошей со всякаго рода товаровъ ¹⁾. Такимъ образомъ, новая уставу на мыто увеличила тарифъ на лѣсные товары на 11 грошей отъ зашта пенелу. Одна замѣтка, сохранившаяся въ книгахъ Метрики, даетъ возможность еще ближе проникнуть въ суть новой уставы на мыто. Замѣтка эта безъ обозначенія года, но ея заглавіе (*ratio thelonie Cawnensis. Et primo de rebus seu mercibus, quae hinc in Lithuania inferuntur quales sunt*) и положеніе среди другихъ современныхъ актовъ даютъ основанія полагать, что она относится къ 30-мъ годамъ. Здѣсь говорится, что съ суконъ „и со всѣхъ имъ подобныхъ товаровъ“ взимается пошлина по старому обычаю по 1 грошу отъ копы. Литовскіе товары, а именно: простое сукно, ленъ, кожи, мѣха раньше вывозились безпошлинно; теперь же стали брать по 1 грошу съ копы. Относительно лѣсныхъ товаровъ и воска та же замѣтка говоритъ, что эти предметы вывоза имѣютъ свою старую пошлину; на воскъ нававленъ грошь отъ камня, на что жалуются купцы ²⁾. Замѣтимъ, что пошлина отъ воску по 6 грошей отъ камня взималась уже отъ начала столѣтія ³⁾. Такимъ образомъ, эта замѣтка говоритъ только о поднятій пошлины съ предметовъ вывоза, но надо помнить, что это не уставу, а только справка, по какому-то случайному поводу занесенная въ книги.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ заключить, что при Сигизмундѣ I введены были новая пошлины на всей амшдрѣ и юго-западной границѣ государства (волинскій, подлясскій и ковенскій районы), что новый тарифъ явился ввидѣ наложенія на „звывломъ“ мѣтѣ и что, наковецъ, отъ охватили такіе предметы вывоза (и, какъ увидимъ, и ввоза), которые раньше не подлежали обложенію. Въ первые годы второй половины XVI вѣка на ковенской таможи уже брали мыто отъ всякихъ товаровъ сухимъ путемъ и водою и отъ работъ лѣсныхъ брати и отъ всякихъ товаровъ, отъ которыхъ козвѣкъ до того часу на той кожорѣ и прикоморяхъ ковенскихъ мыто браво, и *кѣи бы козвѣкъ товари новонайденные домысли лодскими на оную кожору пригодили*,—они (т. е. мытники) мають мыто брати водою уставу цашое и звывлого обычаю въ томъ краю ⁴⁾. Такимъ образомъ, уже

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XVII, з. 242 об.—243 об.

²⁾ Моск. Арх. Мн. Ин. Дѣл., ин. Пол. Метр., VII, з. 106.

³⁾ Акты Лит.-рус. гос. I, p. 478.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, з. 161 об. (1558 г.)

не могло быть помину о разделеніи товаровъ на свободные отъ пошлинъ и на оплачиваемые пошлинами.

Такое измѣненіе стараго обычая и введеніе новыхъ пошлинъ достигнуто было литовско-русскимъ правительствомъ, вѣроятно, нѣсколько послѣдовательныхъ приемовъ. Уловить эту послѣдовательность, благодаря отсутствію источниковъ, нельзя. Но одинъ документъ весьма подробно исчисляетъ размѣры старыхъ пошлинъ и тѣ нововведенія, которыя сдѣланы были въ тарифѣ; это—*Catalogus gravaminum*, представленный прусскими купцами въ 1552 г. черезъ герцога королю Сигизмунду Августу. Эти жалобы представляютъ собою указанія на старину въ таможенномъ тарифѣ и на тѣ нововведенія въ немъ и увеличеніе его, которыя были сдѣланы при королѣ Сигизмундѣ I и отчасти при Александрѣ. Изъ предметовъ вывоза жалобы, главнымъ образомъ, останавливаются на тарифѣ на лѣсъ, кожи, ленъ, частью на воскъ и скоть. Изъ предметовъ ввоза главнымъ предметомъ спора послужило обложеніе соли и суконъ. Такъ, еще лѣтъ за 30 до 1552 г. (т. е. какъ разъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ, когда впервые встрѣчается извѣстіе о новомъ и старомъ мытѣ) мыто отъ соли взявалось такъ, что брали шестидесятую часть ввозимой соли (одну бочку на шестьдесятъ); теперь же берутъ отъ каждой бочки соли 3 гроша. Увеличена также пошлина на сукна. Литовскіе товары были свободны отъ вывозныхъ пошлинъ (кожи, воскъ, ленъ, мѣха) кромѣ лѣса. Пошлина на лѣсъ налагалась такая же, кака опредѣлена грамотой короля Александра 1500 года; теперь она увеличена вдвое (размѣръ ея намъ извѣстенъ изъ грамоты ковенцамъ). Сверхъ того, наложены пошлины на разные другіе предметы. Такъ, отъ воску берутъ 6 грошей съ камня въ Вильнѣ и еще седьмой грошъ на Ковенской таможенѣ; кожи, ленъ, конопля обложены особымъ тарифомъ, и разные другіе мелкіе товары оплачиваются по расцѣнкѣ. Купцовъ заставляютъ ѣздить на Юрбургъ, гдѣ устроена новая таможня (въ 1540 г.); сверхъ того, тутъ же берутъ по 4 гроша отъ каждого челобѣя, прибывающаго на судахъ. Купцы испытываютъ также притѣвленія при вывозѣ товаровъ изъ Жмуди. Лѣтъ двадцать тому назадъ вывозимые отсюда товары не подлежали никакой пошлинѣ; теперь же воскъ, скоть, кожи, ленъ и другіе товары обложены особымъ тарифомъ; мелкіе товары облагаются по расцѣнкѣ; обложена также и соль. Изъ предметовъ ввоза въ Литву и Жмудъ по старинѣ подлежали особому обложенію: соль, нѣкоторые сорта суконъ (лон-

довское, амстердамское), всѣ же другіе товары оплачивались по грошу отъ коны. Жалоба приводитъ также нѣкоторыя объясненія, вѣроятно, дававшіяся противной стороною при введеніи новыхъ пошлинъ, а также и свои мотивы для ихъ отмены. При обложеніи бочки соли тремя грошами, очевидно, имѣли въ виду перевести на деньги значение въ натурѣ шестидесятой части соли. Но, по заявленію купцовъ, новая пошлина вовсе не соответствуетъ старой, такъ какъ больше ея, а потому, по ихъ мнѣнію, и не справедлива. При обложеніи суконъ, вѣроятно, указывали на выгоды отъ торговли ими; жалоба указываетъ на риекъ, связанный съ морскою торговлею. Прусское купечество просило объ отменѣ надбавки пошлины на воскъ. При Витовтѣ этотъ предметъ совсѣмъ не подлежалъ обложенію; при Александрѣ пошлина на воскъ была введена на два года для пополненія господарской казны, но изъ временной сдѣлалась постоянной. Купцы просятъ также объ отменѣ новыхъ дорогъ на Юрбургъ и Таурогень.

Эта жалоба разъясняетъ нѣкоторыя черты въ таможенной политикѣ Сигизмунда I. Она еще разъ подтверждаетъ произведенное въ его время значительное увеличеніе таможенныхъ пошлинъ, равно какъ и то, что въ XV вѣкѣ только немногіе предметы вывоза и ввоза подлежали обложенію¹⁾.

Итакъ, съ двадцатыхъ годовъ XVI вѣка до начала Ливонской войны извѣстны были старыя и новыя мыта. Оба тарифа введены были велико-княжескою властью. Къ началу Ливонской войны различіе между старымъ и новымъ мытомъ стирается и оба тарифа къ этому времени сливаются въ одно мыто. Ливонская война, какъ уже не разъ говорилось, вызвала острую нужду въ деньгахъ. Съ 1561 года таможенные ставки снова поднимаются и снова возникаетъ „новое“ мыто, „полоподвижное“ мыто, „наборъ новый“; этими терминами обозначались новыя тарифныя ставки. По отношенію къ этому новому тарифу оба вида пошлинъ времени Сигизмунда I были уже мытомъ старымъ, зываемымъ мытомъ господарскимъ, такъ какъ новый тарифъ дѣйствовалъ по сеймовымъ декретамъ.

Впервые въ годы Ливонской войны новое мыто введено было постановленіемъ короля и господарской рады, состоявшимся 7-го декабря 1561 года. Это то самое постановленіе рады, которымъ вво-

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Им. Дѣлъ Метр. Пол., ин. XII, л. 236 обѣд.

дился одновременно государственной акцизы. Напоминаем, что этот налог в 1561 г. вводился временно до окончания войны. Он имел ввиду привлечь къ платежу въ пользу государства тѣ элементы населения, которые лично не несли военной службы. Что касается самого тарифа, то онъ вводится безъ всякаго соотношенія къ старому и къ цѣнѣ товара. Новый налогъ падаетъ на предметы ввоза и вывоза. Имъ были охвачены важнѣйшіе предметы того и другого, какъ то: воскъ, кожа, скотъ, ленъ, хлѣбъ, дѣсь, соль, сукна, пряности, вина; желѣзо, мѣдь и предметы военного снаряженія строго запрещено было вывозить за границу. Таможенная такса установлена была на каждый предметъ ввоза и вывоза отдѣльно безъ всякаго отношенія къ старому мыту и съ цѣнѣ товаровъ. Можно замѣтить только, что предметы роскоши изъ ввозныхъ товаровъ (вина, пряности, шелкъ и дорогія сукна), а изъ вывозныхъ тѣ, въ которыхъ наиболѣе пуждалась западно-европейская торговля (дѣсь, кожа) обложены были очень высоко. Такъ мѣха, шелкъ и дорогія сукна обложены были десятнымъ грошемъ съ цѣны, т. е. пошлина равнялась 10% стоимости товара.

Весьма важной особенностью новаго побора было то, что господарская устава предписываетъ взимать пошлины по новому тарифу съ тѣхъ иностранныхъ товаровъ, которые уже ввезены въ государство, оплачены старымъ тарифомъ и поступили въ склады и лавки купцовъ. Съ цѣлью проверки наличности непроданныхъ иностранныхъ товаровъ была установлена сложная организація сбора пошлины. Все дѣло находилось въ вѣдѣніи подскарбіа земскаго ¹⁾. На будущее время постѣ того, какъ залежалый товаръ будетъ оплаченъ пошлиною, предположено взимать ее только на пограничныхъ и головныхъ таможенныхъ. Всѣ „вольности“ и безмятные листы объявлены были недѣйствительными, за исключеніемъ утвержденныхъ тогда уже за шляхтою права на беспошлинный вывозъ дѣса и хлѣба изъ ее собезвѣстныхъ имѣній ²⁾.

Налогъ 1561 г. былъ только началомъ таможенныхъ налоговъ, вызванныхъ Ливонской войною. Не прошло и полгода съ момента паденія устavy на новое мыто, какъ былъ введенъ новый налогъ. 29 апрѣля 1562 г. господарь наѣхалъ съ радостью устанавливать налогъ

на продажу въ некоторыхъ предметахъ. Господарская грамота при этомъ объявляетъ, что уже стали сказываться послѣдствія пониженія пошлины. 1561 года: купцы бросаются торчливо и предпочитаютъ отдачу денегъ на проценты или занимаются скупкой и перепродажей хлѣба; въ числѣ хлѣбныхъ торговцевъ обложены и арендаторы солодовень, — очевидно потому, что отдача монополій въ аренду, вызвала приливъ капиталовъ къ этимъ операціямъ. Грамота указываетъ также на обращение въ обращеній золота, серебра и другихъ цѣнностей. Такимъ образомъ, капиталисты, обратившіе свои капиталы на скупку хлѣба, отдачу денегъ подъ проценты, солодовники, золотники, надерживающіе драгоцѣнные металлы „на перекупъ“, избѣгаютъ платежа новаго налога и способствуютъ, по словамъ королевской грамоты, дороговизнѣ всѣхъ товаровъ. Поэтому господарь облагаетъ ихъ особымъ налогомъ въ размѣрѣ десятипроцентнаго сбора съ доходовъ, получаемыхъ этими лицами отъ своихъ операцій. Этотъ налогъ долженъ былъ поставить хлѣбную торговлю въ городахъ въ очень тяжелое положеніе. Разумѣется, контроль надъ прибылью отъ торговой операціи — дѣло очень трудное, въ особенности тогда, когда товары проходятъ черезъ руки такихъ посредниковъ, какъ скупщики. Очевидно, господарь и его рада это прекрасно предвидѣли. Десятипроцентный сборъ отъ перепродажи хлѣба вимался съ той разницы, которая получалась между рыночной цѣной привозимаго производителя и продажу хлѣба и той цѣной, по которой хлѣбъ продавался скупщикомъ или солодовникомъ. Съ цѣлью контроля надъ этими тонкими операціями господарь постановляетъ, чтобы въ каждомъ городѣ всѣ перекупщики хлѣба и солодовники были записаны мѣстнымъ врядомъ и поборцею въ особые реестры: промышленяты скупкою хлѣба разрешается только лицамъ, записаннымъ въ реестры, но купцы должны продавать скупленный хлѣбъ по цѣнѣ, установленной тѣмъ же врядомъ. Разумѣется, для опредѣленія размѣровъ десятипроцентнаго сбора врядь и поборцы должны были слѣдить за всѣми совершаемыми скупщиками сдѣлками. Зато тотъ, кто занимается перепродажей хлѣба, не записывался въ реестры, наказывался отнятіемъ движимаго и недвижимаго имущества. Впрочемъ, какъ мѣстные жители, такъ и пріѣзжіе имѣли право беспошлинной покупки хлѣба „на живность и нахование дому своего“. Грамота не разъясняетъ, какимъ образомъ финансовыя агенты должны были слѣдить за такими сдѣлками, какъ

¹⁾ Кв. Зап. Лит., XLV, ст. 12—13.

²⁾ Кв. Переп. Лит., VII, ст. 82—86.

отдача денег под проценты и продажи дорогих металлов¹⁾. Таким образом, десятипроцентный сбор падал на доход от известного рода торговых предприятий; в виду этого он, конечно, не подходил под понятие таможенных пошлин, хотя с точки зрения финансовых повзятий того времени его можно было бы сблизить с торговым мытом. Однако по своему происхождению он тѣсно примыкает къ новому мыту 1561 года и является его прямым дополнением.

Десятипроцентный сбор 1562 года могъ бы очень тяжело пасть на торговлю одного изъ наиболее необходимыхъ предметовъ внутреннего потребления и главнѣйшаго предмета вывоза (вывозъ хлѣба, сработаннаго не самой шляхтой въ ея же собственныхъ имѣніяхъ и вывозимаго за границу ея же средствами, едва-ли могъ бы конкурировать съ шляхетскимъ хлѣбомъ). Однако, есть основаніе полагать, что налогъ 1562 г. не привнесъ и, вѣроятно, на практикѣ не былъ осуществленъ; на такое предположеніе наводитъ то обстоятельство, что источники никогда и нигдѣ не упоминаютъ о сборѣ этого налога, льготахъ, которыми обыкновенно сопровождался всякаго рода налогъ и т. д.: это показываетъ, что скарбъ не имѣлъ средствъ для проведенія проектированнаго налога.

Хотя тарифъ 1561 года былъ введенъ только на время войны, но такъ какъ война затянулась, то онъ не только не былъ отмененъ, но еще повышенъ на Берестейскомъ сеймѣ 1566 года. Уфала 27 августа объявляетъ необходимость новаго повышения таможенного та-

¹⁾ Способъ обложения грамота такъ объясняетъ: „Ижъ бы каждаѣ оиоведаѣть подѣ прислгой, што кольвекъ монеты, серебра и золота и иныхъ речей в лѣфу дасть, также и солодовини и вси иные хто збожѣ на перекупъ купилъ и по чому куплено, от того нехай бы наборъ давали, абы поддугъ цени купна, аю куплено и колько хто набору дасть постановити, по чому мають збожѣ вшедакое и солоды продавати и по кольку грошей надѣ свойъ цену на мере в мѣсте змылоу приймавати, аю-бы безъ шкоды ихъ и безъ обидливости людское продавано, тежъ золотники отъ золота и серебра робленого и неробленого отъ клеветовъ вшедакихъ, што на продажу ховають, абы также десятый грошь платили ошадовавши все“. Ослушникамъ король угрожаетъ конфискаціей движимаго и недвижимаго имущества; урядъ замковий вкѣстѣ съ городскими обязанъ строго выконати предписанія ustawy, потому что „такового безрадыя в мѣстехъ должей терпѣть не хочомъ, а тежъ у нашихъ государскихъ мѣстехъ не можетъ никто такового безрадыку шкоде двору нашего и людей приездинихъ чинити и, дешево купувчи, в часи погодина з дорожестю подѣ вози своеа и не водѣ ustawy нашеа продавати“ (Кн. Перег. Лит., VII, л. 107 об. 109).

рифа „потребамъ“ земскими для расплаты съ наемнымъ войскомъ. Сеймъ вводитъ новый тарифъ въ дополненіе къ ставкамъ 1561 года. Дѣйствіе новаго тарифа ограничивается двухгодичнымъ срокомъ. Однако, новая пошлина распространяется не на всѣ товары, охваченные тарифомъ 1561 г. Такъ, хлѣбъ, мелкій екоть, медь простое сукно, лѣсъ не подлежали обложению по новому тарифу; изъ предметовъ ввоза новый тарифъ не коснулся простихъ суконъ и большинства приностей. Но развѣрнувъ пошлинъ новый тарифъ, въ большинствѣ случаевъ, вводитъ пошлину на половину меньшую, сравнительно съ 1561 годомъ; такая ставка введена была на такіе предметы ввоза, какъ—кожи, конопля, мясо; въ иныхъ случаяхъ новый тарифъ равняется третьей и даже четвертой части прежняго; столь же незначительно повышеніе пошлинъ на предметы ввоза¹⁾.

Новый тарифъ 1566 года, подобно первому, былъ собранъ не только съ тѣхъ товаровъ, которые провозены были черезъ границу, послѣ паданія сеймовой уфалы, но также и отъ товаровъ, ранѣе ввезенныхъ въ государство и уже оплаченныхъ прежнимъ тарифомъ²⁾. Сеймовое постановленіе 1566 г. ничего не говоритъ о способахъ взысканія налога по новому тарифу, т. е. о моментахъ уплаты. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, налогъ на практикѣ взымался не при вывозѣ товаровъ черезъ границу, но при продажѣ его съ цѣлью экспорта; разумеется, это переложеніе налога съ экспортера на продавца могло производиться только въ городахъ, гдѣ были гозонныя коморы или ихъ отдѣленія, и такой товаръ, очевидно, уже пропущался черезъ

¹⁾ Док. Моск. Арх. М. Ю., I, р. 197—199.

²⁾ Это выдѣляется изъ документовъ, характеризующихъ способъ взысканія пошлинъ. Такъ, въ предѣ новыихъ митъ Ходкевичу король говорить, что новыя мита по уставу 1566 г. взымались „не только отъ тыхъ товаровъ, которые бы зъ заграничя были привезены, але и отъ тыхъ товаровъ откопана гозоу задежалыхъ во всемъ лавствѣ... отъ котораго яко мыто и наборъ першій есть, звлечены медь быти, наборъ тотъ на сеймѣ берестейскомъ ухвалены давати“. Налогъ на этотъ товаръ опредѣленъ приблизительно въ 10000 конъ грошей (Кн. Перег. Лит., X, л. 1 об.). Въ Кіевѣ взысканіе новаго налога съ залежалыхъ товаровъ введено къ соотношенію между мѣщачами и митниками. И. Бородакина и М. Псаловичъ прислали въ Кіевъ своего писаря съ государскимъ листомъ; писарь „для пописованья товаровъ ихъ и обираья отъ нихъ наборовъ, приехалъ и оный листъ вашъ (государскій) имъ оказывалъ и домавался, абы они поддугъ листу нашего зывающагося товары свои пописати дади и отъ всего наборъ новыи зплатили; они дѣи ничего небаючи о томъ листѣ и росказывае наше“ своихъ товаровъ не показали и наборовъ не заплатили. Шкода скарба отъ этого поделчана въ 5000 конъ грошей (Кн. Суд. Дѣлъ. Лит., I, II, л. 85 об.—86 об.).

границу беспошлинно. Это видно из челобития королю мѣщанина Озерницкаго Юрка Пѣшивцева. Всѣ мѣщане Озерницкіе получили отъ короля безмытный листъ; Юрко продалъ въ Вильнѣ свой товаръ—воскъ, кожи и доб; между тѣмъ, жаловался онъ, «отъ того товару теперь поборды и мытники наши (господарскіе) побору въ него правятъ». Король освободилъ его отъ мыта¹⁾.

Срокъ взиманія побора 1566 года означивался, согласно сеймовому постановленію, въ день всѣхъ святыхъ 1568 г. Однако, на Городнскомъ сеймѣ въ этомъ послѣднемъ году новый тарифъ былъ продолженъ еще на одинъ годъ, въ виду тяжелаго финансоваго положенія государства²⁾. Въ виду ожидавшейся уніи съ Польшею поборъ, декретированный въ 1568 г., получилъ совсѣмъ иной правовой характеръ, чѣмъ поборъ Берестейскаго сейма: шляхта въ Городнѣ декретировала налогъ для восполненія «тѣхъ накладовъ», которые повнесъ на земеліи нужды господарскій скарбъ во время войны; слѣдовательно, въ 1568—1569 гг. налогъ собирался въ пользу господарскаго скарба, а не земскаго. Это обстоятельство послужило поводомъ королю продолжать взиманіе поборовъ новыхъ уже собственной властью. «Новоподвишный» тарифъ на основаніи королевскихъ декретовъ дѣйствовалъ до самой смерти Сигизмунда Августа въ 1572 г. Когда на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г. литовская шляхта попросила было напомнить королю о томъ, что срокъ взиманія новыхъ поборовъ 1568 года уже истекъ, король заявилъ, что хотя поборы декретированы на его властныя потребности, но въ дѣйствительности они ушли на земскія нужды и въ будущемъ также необходимы средства для обороны страны³⁾. Такъ шляхта ничего не добила отъ короля.

Въ 1569 г. новые поборы были установлены королемъ на три года. Тарифы 1561—1566 гг. къ этому времени уже слились въ одно новое мыто. Поэтому росписаніе ставовъ 1569 г. представляетъ собою свѣдѣніе обоихъ тарифовъ, за весьма рѣдкими исключеніями⁴⁾. Однако, новый тарифъ отличался отъ прежнихъ значительнымъ сокращеніемъ количества облагаемыхъ имъ предметовъ, такъ какъ онъ надалъ не на всѣ предметы вывоза, а изъ предметовъ ввоза только

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 94 об.

²⁾ Доп. Моск. Арх. М. 30, I, р. 473.

³⁾ Ibidem, p. 498.

⁴⁾ Кн. Переп. Лит., X, л. 20.

на соль и селѣд¹⁾. Интересно, что на практикѣ при взиманіи побора, установленнаго королемъ, купцамъ на первое время приходилось платить мыто 1568 года и мыто 1569 года. Въ 1571 г. король разбиралъ жалобу Виленскихъ мѣщанъ на мытниковъ по слѣдующему поводу. Мѣщане не хотѣли платить новоподвишнаго мыта съ московскихъ товаровъ (такимъ образомъ, транзитные товары были признаны вывозными), потому что ими уже уплачено «великое мыто». Но на судѣ господарь разсудилъ такъ: для господарскаго скарба была бы «школа», если бы новый поборъ не былъ уплаченъ мѣщанамъ, «егдаже поборы великіе (т. е. тарифъ 1568 г.), а мыто теперешнее новоподвишное (т. е. 1569 г.) суть отъ себе розные и подѣ розными часи постановлены и одно къ другому ничого не маеть, а поборы великіе яко суть поднесены» (т. е. уничтожены); поэтому клятты прежнихъ поборщевъ не имѣютъ теперь силы²⁾.

1569 годъ въ исторіи мыта еще интересенъ тѣмъ, что уніи ничего не изменила въ положеніи Подляшанъ, присоединенныхъ къ Коронѣ согласно указанію королемъ Сигизмундомъ Августомъ въ 1570 году универсалу, Подляшане должны были платить по-прежнему солиное мыто, какъ они платили до 1569 года, съ небольшими измѣненіями³⁾. Кроме того, на Подляшскія коморы была послана устава—такса стараго мыта; это тотъ самый тарифъ «звычайнаго» мыта, который примѣнялся и въ литовскихъ областяхъ⁴⁾. Значитъ, Подляхія и Волынь въ таможенномъ отношеніи не были выдѣлены изъ Литовско-русскаго государства.

Главнѣйшія причины, побуждавшія короля къ продленію сбора новаго мыта на 1569—1572 гг., заключались въ желаніи обезпечить на этихъ мытахъ скарбовый долгъ въ 36000 злотыхъ польскихъ Остафію Воловичу⁵⁾. Но долгъ не былъ уплаченъ до смерти короля. Универсалъ короля Стефана Баторія 1574 года расставляетъ о многократныхъ софизмаціяхъ, сейчасъ по смерти Сигизмунда Августа, литовскихъ и польскихъ радныхъ пановъ по вопросу о продленіи новыхъ мытъ въ періодъ междуцарствія. Ряды обоихъ панствъ три раза съѣзжались по этому поводу и каждый разъ рѣшали продлить сборъ по-

¹⁾ Грам. тор. Вильня, I, р. 121. Ср. Кн. Суд. Дѣлъ Лит., LII, л. 334.

²⁾ Кн. Суд. Дѣлъ Лит., LIII, л. 282—283 об.

³⁾ Кн. Зап. Лит., LV, л. 16 об.

⁴⁾ Кн. Переп. Лит., X, л. 37.

⁵⁾ Кн. Переп. Лит., X, лл. 34—36 об. и 39 об.

ных мытъ, поручивъ мытникамъ удовлетворить изъ сборовъ нѣкоторыя неотложныя нужды скарба. Но потомъ литовскіе радные паны, съѣхавшись въ Рудникѣ, рѣшили отменить мыто, о чемъ затѣмъ сообщались и на Вилевскомъ съѣздѣ. Споры пановъ продолжались до вступленія на престолъ Стефана Баторія. Остафій Воловичъ указывалъ на то, что ему пришлось поручиться за скарбъ передъ каштанистами въ 30,000 злотыхъ польскихихъ, обезпеченныхъ на мытъ; отъ отмены мытъ потерпѣть не только мытники, но и скарбъ. Интересны пренія радныхъ пановъ о послѣдствіяхъ новаго тарифа. Одинъ изъ нихъ утверждалъ, что необходимо отменить тарифъ для того, чтобы „въ продаванью речей кунецкихъ станамъ шляхетскимъ уложение икое ся стало за такимъ уменьшеньемъ мыта“. Однако, практика доказала совсѣмъ противное: дороговизна товаровъ не уменьшилась, а скарбъ потерялъ убытокъ. Стефанъ Баторій, посоветовавшись съ панами радами, рѣшилъ, что повышение тарифа зависить отъ компетенціи сейма; однако, такъ какъ мыта 1569 года были введены королевскою властью, то и Стефанъ Баторій временно вводитъ новыя мыта „до иного застановленія нашего зъ вашей милостію пана радами нашими и до вавозы въ потребахъ скарбу земскому належачихъ“ (т. е. до сеймоваго постановленія). Новыя мыта должны собираться на-ряду со старыми. Безмытные листы не имѣютъ силы. Все дѣло поручено вѣдѣнію подскарбіа земскаго. Мыто собирается на товарахъ, лежащихъ въ складахъ и лавкахъ, и оплаченные уже дѣсь предметы вывоза не подвергаются обложенію на границѣ; такимъ образомъ, облагался товаръ, предназначенный къ вывозу независимо отъ того момента, когда онъ пойдетъ за границу: ставки новаго тарифа касаются предметовъ ввоза и вывоза; онъ падаетъ на всѣ предметы, обложенные въ 1561—1566 гг., и равняется соединенному тарифу обоихъ годовъ (отступленіе весьма незначительно), повторяя, съдѣловательно, общій тарифъ 1568 г.¹⁾

Такова исторія таможеннаго тарифа въ теченіе изучаемаго нами періода.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о соотношеніи тарифа стараго и новыхъ мытъ. Впрочемъ, сама такса стараго мыта намъ мало извѣстна въ подробностяхъ. Съ большинства товаровъ старое мыто, какъ мы знаемъ, взялось по оцінѣ, по одному грошу отъ

¹⁾ Ки. Зап. Лит., LVI з. 23 об. — 26 об.

копѣ; только такіе товары, какъ дѣсь, воскъ, соль, нѣкоторые сорта суконъ, скотъ и продукты скотоводства имѣли спеціальній тарифъ. Кромѣ того старый тарифъ держался на обычай, который не былъ однообразенъ во всемъ государствѣ. Быть можетъ, влѣдствіе обычной и мѣстныхъ условій на разныхъ таможахъ выработалась неодинаковая такса стараго мыта¹⁾. Для сравненія ставокъ стараго и новаго мыта возьмемъ таксу стараго мыта, выданную изъ скарба на подляшскія коморы вскорѣ послѣ уни 1569 г., и сравнимъ ставки ея съ ставками новыхъ мытъ. Разумѣется, такое сравненіе можно провести не для всѣхъ товаровъ; да, впрочемъ, въ подробностяхъ и имѣть особенной нужды. Мы возьмемъ для сравненія главнѣйшіе предметы ввоза и вывоза.

Изъ Литвы главными предметами вывоза были—дѣсь, хлѣбъ, воскъ, скотъ, продукты скотоводства, ленъ и простое сермяжное сукно.

¹⁾ До насъ дошли списки стараго мыта, составленныя въ концѣ изучаемаго періода для таможенныхъ округовъ Волыни, Подляхій и Коново, т. е. какъ разъ всей той части пограничья Литовско-русскаго государства, гдѣ взялось старое мыто; всѣ три таксы не имѣли сходствъ между собою. Самой интересной изъ нихъ является такса, данная на подляшскія коморы сейчасъ послѣ уни 1569 года. Въ коротенькомъ предисловіи къ ней поясняется, что она выдана согласно старому „звычайу“ для того, чтобы при расцѣнѣ товаровъ на таможахъ купцы не терпѣли притѣсненій; такимъ образомъ скарбъ самъ пропавель расцѣнку товаровъ и закрѣпилъ ее для таможеннаго тарифа. Такса дѣлаетъ различіе между чужеземцами и подданнымъ государства: первое платять дѣльное мыто, т. е. по 2 гроша литовскихъ отъ копы, а вторые половину дѣлаго мыта. Такса вѣдь незначаетъ размѣръ дѣлаго мыта. Она очень полна и подробна (Ки. Перен. Лит., X, з. 37—39 об.). Хотя данная списокъ таможеннаго тарифа выданъ на подляшскія коморы, но, повидимому, это сдѣлано не такса, составленная для всего государства. Къ болѣе раннему времени относится уставъ на мыто Ковенской таможи (она безъ даты, но относится къ 50-мъ годамъ). Она заключаетъ въ себя таксу мыта на товары, провозимые черезъ Коново. Она не имѣетъ совпаденія съ указанной мыто таксой; въ однихъ случаяхъ расцѣнка совсѣмъ не сходится, въ другихъ она нѣкое меньше соотносится съ таксой, выданной на подляшскія коморы; напр., тарифъ на поставъ сукна ливскаго опредѣленъ въ 12 грошей вмѣсто 24 на подляшской таксѣ, отъ поставы сукна подтришоваго 6 грошей вмѣсто 12 и т. д. Это указываетъ на то, что ковенская такса имѣетъ силу только мыто съ литовскихъ купцовъ (Ки. Зап. Лит., XXXVI, з. 481). Наконецъ ко времени около 1569 г. относится еще такса на мыто, выданная арендатору подляшскихъ мытъ Менцелю Неполочу около 1570 г. Эта уставъ представляеть собою, впрямую, мѣстную расцѣнку ввозимыхъ товаровъ (Памятки Кіевской Комиссіи, II, р. 559 (2-ое изданіе). Вообще, дѣль и списокъ составленія этой таксы не ясны. Такимъ образомъ, наиболѣе разработанный таксой является таблица, выданная на подляшскія коморы.

Отношеніе стараго и новаго мыта по этимъ предметамъ выражается слѣдующимъ образомъ¹⁾:

название товаровъ	старое мыто	новое мыто тарифы			
		1561 г.	1566	1568	1569
отъ лашту пепелу	8 гр. 7 п.	96 гр.	—	3 зол. п.	3 зол. п.
„ 100 ванчосу	8 гр. 7 п.	48 гр.	—	2 зол. п.	2 зол. п.
„ 100 кленокъ	8 гр. 7 п.	96 гр.	—	3 зол. п.	3 зол. п.
„ шкута ржи ²⁾	360 гр.	—	—	—	—
„ бочки ржи	—	2 гр.	—	3 гр.	3 гр.
„ шкута ячменя	360 гр.	—	—	—	—
„ бочки ячменя	—	15 п.	—	2 гр.	2 гр.
„ шкута пшеницы	360 гр.	—	—	—	—
„ бочки пшеницы	—	3 гр.	—	4 гр.	4 гр.
„ шкута овса	360 гр.	—	—	—	—
„ бочки овса	—	2 п.	—	1 гр.	1 гр.
„ шкута гороху	360 гр.	—	—	—	—
„ бочки гороху	—	2 гр.	—	—	2 гр.
„ волошеи кожи	—	3 гр.	1 гр.	4 гр.	4 гр.
„ яловичей кожи 0,24 гр.	—	2 гр.	1 гр.	4 гр.	—
„ козловой кожи	—	15 п. 1 гр.	1 гр. 6 п.	1 гр. 6 п.	—
„ юфти	—	3 гр.	1 гр. 6 п.	4 гр.	3 гр.
„ вола	4 гр.	12 гр.	3 гр.	12 гр.	12 гр.
„ яловицы	3 гр.	10 гр.	3 гр.	6 гр.	6 гр.
„ камня люю	2—4 гр. ³⁾	2½ гр.	1 гр.	2,5 гр.	3,5 гр.
„ камня воску	6 гр.	12 гр.	12 гр.	24 гр.	24 гр.
„ локти полотна 0,016 гр.	—	2 п.	2 п.	—	—
„ локти сукна 0,04 гр.	—	2 п.	—	2 гр.	—

Изъ Германіи въ Литву ввозились, главнымъ образомъ, сукна, шелкъ, соль, сельди, вина. Для примѣра возьмемъ нѣкоторые изъ этихъ товаровъ:

¹⁾ Надо помнить, что въ 1566—1568 гг. новое мыто взималось одновременно по тарифу 1561 и 1566 г.

²⁾ Въ шкутѣ считали 350—450 бочекъ.

³⁾ Разные сорта.

название товаровъ	старое мыто	новое мыто тарифы			
		1561 г.	1566	1568	1569
отъ поставка сукна лунскаго	24 гр.	—	—	—	18,4 гр.
„ локтя того же сукна	—	—	4 п.	—	—
„ поставка колтришу	12 гр.	—	—	—	—
„ локтя колтришу	—	—	2 п.	—	—
„ п. с. амстердамскаго	12 гр.	—	—	—	—
„ локтя того же сукна	—	—	2 п.	—	4 п.
„ локтя пуриурьяну	¼ гр.	—	5 п.	—	6 п.
„ п. с. динкауускаго	8 гр.	—	—	—	8 гр.

Кромѣ того, по тарифу 1566 г. отъ всякихъ шелковыхъ тканей взималось по оцѣнкѣ по одному грошу съ кона; по тарифу 1561 г. отъ красокъ, мѣховъ, шелковыхъ тканей и дорогихъ суконъ взималось по оцѣнкѣ „десятый грошъ“, т. е. 10% оцѣночной стоимости товара; сверхъ того, тарифъ новыхъ мытъ устанавливаетъ пошлины на вина и пиво, которыя раньше провозились по общей оцѣнкѣ товаровъ. Солиныче отъ бочки соли взималось въ размѣрѣ 3 грошей, а по тарифу 1561 г.—9 грошей, по тарифу 1566 г.—13 грошей и по тарифу 1568—1569 гг.—12 грошей; насколько подымались таможенныя ставки при новомъ мытѣ, легко судить по пошлинѣ на сельди: по Ковенской уставѣ стараго мыта пошлина отъ бочки сельдей была въ 1 грошъ; тарифъ 1561 назначаетъ 24 гроша, тарифъ 1566 г.—6 грошей и тарифы 1568—1569 гг.—10 грошей. Въ понятіи стараго мыта время Сигизмунда Августа слились, какъ мы знаемъ, надбавки, сдѣланныя королемъ Сигизмундомъ I, съ старымъ мытомъ, взимаемымъ до него; такъ, по такъ время великаго князя Витовта лаштѣ пепелу оплачивался 4 грошами, а сотня кленокъ или ванчосу 4 и 6 грошами. Этотъ тарифъ держался въ теченіе всего XV вѣка, какъ это видно изъ жалобъ прусскихъ купцовъ и изъ другихъ данныхъ¹⁾.

Въ Литву ввозились также такъ называемые турецкіе товары, т. е. пряности, восточныя ткани и предметы восточной утвари; впрочемъ, въ половинѣ XVI вѣка нѣкоторые виды пряностей уже дохо-

¹⁾ Акты Ю.-Зан. Рос., I, p. 26.

дли и через Данцигъ. Для сравненія стараго и новаго тарифа на эти товары приведемъ для прихбра слѣдующія данныя:

названіе товаровъ	старое		новое мыто		
	мыто	тарифы	мыто	тарифы	
		1561 г.	1566	1568	1569
камень перцу	20 гр.	—	10 гр.	1 гр. (отъ фунта)	—
фунтъ гвоздики	1 гр.	2 гр.	—	1,5 гр.	—
фунтъ мушкату	1 гр.	2 гр.	—	1,5 гр.	—
фунтъ шафрану	2 гр.	4 гр.	—	4 гр.	—
фунтъ цинамону	1½	2 гр.	—	—	—

Что касается московскихъ товаровъ, преимущественно мѣховъ, то новые тарифы ими не интересуются, конечно, потому, что война препятствовала торговлѣ. Добавимъ еще, что изъ предметовъ вывоза — золото, серебро, желѣзо, мѣдь, предметы вооруженія — никогда не подлежали никакому обложенію.

Приведенныя данныя о соотношеніи стараго и новаго тарифовъ говорятъ сами за себя и не требуютъ особенныхъ разъясненій. Они показываютъ, какое громадное напряженіе вызвала Ливонская война въ финансовомъ стрѣбѣ государства и какъ широко скарбъ прибѣгалъ къ этому источнику доходовъ: тарифъ новаго мыта иногда превышалъ старое въ 10, 20 и даже болѣе разы.

Въ заключеніе настоящаго обзора исторіи таможеннаго тарифа слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что повышеніе или пониженіе ставокъ не вызывалось соображеніями экономическаго характера: скарбъ назначалъ размѣры пошлины, преслѣдуя чисто фискальныя цѣли. Сознаніе того, что таможенная политика можетъ служить цѣлямъ промышленнаго развитія страны, было почти чуждо представителямъ скарба; по другимъ новодамъ были приведены указанія на правительственное вмѣшательство въ область организаціи вывоза нѣкоторыхъ предметовъ потребленія¹⁾, но эти факты имѣютъ слишкомъ малую связь съ таможенною политикою въ смыслѣ поддержанія производства.

¹⁾ Ср. стр. 366.

10. Льготы и привилегіи населеній по платежу мыта.

Дѣйствіе таможеннаго тарифа по отношенію къ разнымъ группамъ населенія подверглось существеннымъ измѣненіямъ и ограниченіямъ. Изъятія эти носили или прекарный характеръ, потому что основывались на „яндости и ласкѣ“ господара великаго князя, или же представляли собою иммунитетъ, находившій оправданіе въ основанныхъ законахъ страны. Изъятія имѣли или временный характеръ или же представляли собою вѣчное право извѣстныхъ группъ населенія, составляли ихъ вольность. Изъятія могли падать на отдѣльныхъ лицъ или на цѣлыя корпораціи. Всакаго рода мыта, т. е. вѣшнія, внутреннія и торговая, могли быть предметомъ иммунитета. Они часто объединяются и въ источникахъ, такъ что нѣтъ нужды разсматривать отдѣльно льготы по платежу мыта торговыхъ, профѣзжныхъ, голонныхъ, старыхъ и новыхъ. Льготы на разные виды мыта будутъ видны изъ изложенія, но интересъ заключается не въ томъ, отъ какихъ видовъ мыта господа давали освобожденіе, а въ выясненіи причинъ, формъ и роста иммунитетовъ.

Укажемъ сначала на простыя льготы, имѣвшія характеръ временныхъ. Такия льготы давались какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и цѣлымъ корпораціямъ. Такъ, бургграфъ гданскій, Маттей Цимерманъ получилъ въ 1507 году „вольность“ отъ платежа мыта по всему великому княжеству литовскому до „живота“¹⁾; эта привилегія освобождала его отъ торговаго мыта по всей господарской „отчинѣ“²⁾. Конецъ Болеманъ получилъ въ 1566 году отъ Сигизмунда Августа привилегію на безмытный провозъ по 500 лаштовъ соли ежегодно тоже до „живота“³⁾ и т. д. Но громадная масса привилеевъ выдавалась на провозъ товара черезъ границу въ одинъ разъ⁴⁾. Иногда безмытный провозъ товаровъ вызывался какимъ-нибудь особымъ условіемъ; такъ, татаринъ Барко получилъ освобожденіе у короля Александра отъ мыта и обѣтки, за что король велѣлъ ему „служити у зброи

¹⁾ Кн. Зап. Лит., VIII, л. 162.

²⁾ Ibidem, л. 181 об.

³⁾ Кн. Зап. Лит., I, л. 86 об.

⁴⁾ См. напр. списокъ лицъ, которымъ разрѣшено вывозъ воска, въ Актахъ Лит.-рус. госуд., I, р. 141 и др. Кн. Судн. Дѣлъ Лит., I, III, л. 16 об., 17 об., 18 об., 68 об., 41 об., 57 об. Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 104 об., 329 об., 371, 388, 431.

на кони⁴⁾; эта льгота была подтверждена татарину въ 1507 году королемъ Сигизмундомъ I¹⁾. Это—дача за службу; заслуги разныхъ лицъ очень часто награждались выдачею безмытныхъ листовъ²⁾. Иногда также давались листы и по инымъ поводамъ. Турецкій купецъ Андрей грекъ получилъ въ 1540 году сбавку по платежу мытъ отъ своихъ товаровъ, — „для призыва себе брата нашего царя турецкаго“, говорить по этому поводу въ своемъ листѣ король³⁾. Нужно замѣтить здѣсь же, что льготы давались на безмытный провѣздъ не только по господарскимъ мытамъ, но также и по „князскимъ и по панскимъ и по боярскимъ“⁴⁾. Это все льготы, даваемые отдѣльнымъ лицамъ по частнымъ поводамъ.

Но иногда города или цѣлыя повѣты исплохивали себѣ льготы отъ мытъ на болѣе или менѣе продолжительное время. При этомъ различались безмытные листы на внутреннїя и внѣшнїя мыта. Обычная причина выдачи такихъ привилегій заключалась въ желанїи господари облегчить жителей вслѣдствїе потерь, понесенныхъ ими, напр., въ военное время, отъ неурожаа, пожаровъ и т. п. Такъ, Владимирскїе мѣщане получили въ 1560 г., вслѣдствїе пожара, на десять лѣтъ освобожденїе отъ мыта господарскаго и частновладельческаго со всякихъ товаровъ; по той же причинѣ льгота была въ

¹⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, p. 124.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 388 (кн. К. Острожскому), л. 431 (кн. Збаражскому) и др.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 33. Или вотъ еще приведемъ для приѣбра универсалъ кор. Сигизмунда I о свободной торговлѣ въ Литвѣ купцу турецкою Сергїю Хачимовичу: „О томъ же и послѣ нашъ великій ординскїй... Оливек Горюстай и иные послы наши ординскїи насъ за низъ желазы и повелили, какъ, гдѣ они отъ насъ въ поселстве были посланы до Орды къ царю Переконскому въ справахъ нашихъ господарскихъ и земскихъ, такъ донъ тотъ купецъ царя Турецкаго его милости Сергїю живиши призываи и новольности имъ чинити и въ многїхъ речахъ къ намъ ся у потребахъ ихъ складанствъ, тотъ товаръ его, который онъ теперь при себе имеетъ и што тѣхъ часовъ съ паньета нашего на границу до Ками повезеть, дозволили ему добровольно безмытне черезъ паньство наше провезти и впередъ коли козвекъ будетъ вози его съ товари своими ехати торговати въ паньство наше Великое князьство Литовское, тогда заведы дозволили семо ему тотъ товаръ свой, который будетъ шалункомъ на триста копъ грошей стоати добровольно и безмытне до паньета нашего привозити и торговати“ (Кн. Зап. Лит., XXVIII, л. 30).

⁴⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, p. 124. Ср. Акты Ю. Зап. Рос., I, № 81. Листы писались на имя мытниковъ, господарскихъ дворницъ, князей, лановъ, землянъ, духовенства. Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 10, ср. л. 61 об.

1563 г. продолжена еще на четыре года¹⁾. Многие изъ городовъ на восточной границѣ получали льготы отъ мытъ, потому что на тамошнемъ населенїи тяжело отзывалась подводная повинность. Мѣщане оршанскїе въ 1551 году указывали господарю, — „штошь—дей они тѣхъ часовъ лу великому знищенью и вбоству пришли съ тѣхъ причинъ, изъ частокротъ черезъ тое мѣсто нашо гонцы и послы наши великїи и московскїе до насъ господаря и отъ насъ до Москвы зъ немалыми почты ходитъ, а они подводы заведы имъ дають кромъ жадное помочи людей тѣхъ, которые за предковъ нашихъ славное помети королей ихъ милостей суть даны нѣкоторымъ княземъ, паномъ и земляномъ нашимъ“; при этомъ, въ прошлые годы въ краѣ былъ большой неурожай. На этомъ основанїи мѣщане хлопочуть о выдачѣ имъ привилегїи на нѣсколько лѣтъ безмытной торговли. Король, согласно ихъ челобятїю, даетъ имъ на десять лѣтъ „добровольне а безмытне торговати у панствѣ нашемъ великомъ князьствѣ литовскомъ, где козвекъ похочуть по ярмарочъ нашимъ, и князскимъ, и панскимъ, и духовнымъ, воевымъ и сухимъ путемъ“²⁾. Ливонская война на востокѣ и татарскїе набѣги на южной Украинѣ дали поводъ къ выдачѣ безмытныхъ листовъ тамошнимъ городамъ. Такъ, мѣщане Мстиславскїе по этой причинѣ освобождены были въ 1567 г. на 3 года отъ мыта съ такимъ условїемъ, что каждый мѣщанинъ освобождался отъ платежа мыта по всему государству (отъ мыта головного, мостоваго, гробельнаго и подужнаго) на сумму товаровъ до 100 копъ грошей³⁾. По той же причинѣ мѣщане Кричевскїе, — „для упадку, знищенья и шкоды ихъ, которые-жь они отъ людей неприятельскихъ приняли“, тоже получили льготу по платежу мытъ; они получили льготу по платежу мыта „звышлого“, набору новоставленнаго, шажчого, мостоваго и др. „до ласки господарской“; однако районъ безмытной ихъ торговли былъ ограниченъ бассейномъ Дибра, Припяти и Сожи⁴⁾. Городъ Любечъ получалъ льготу по платежу мыта всякаго рода отъ тѣхъ товаровъ, которые покупались мѣщанами „на потребу до места тамашнаго“⁵⁾. Суражае, вслѣдствїе

¹⁾ Бершадскїй, II, 131—133 и др. приѣбри въ томъ же сборникѣ и въ Актахъ Лит.-рус. гос.

²⁾ Акты Ю. Зап. Рос., I, p. 129. Ср. Кн. Зап. Лит., XXVII, л. 163.

³⁾ Кн. Суд. Дѣль Лит., I, III, л. 161. Ср. Кн. Суд. Дѣль Лит., I, III, л. 183 об.

⁴⁾ Акты Ю. Зап. Рос., I, p. 179.

⁵⁾ Грамоты Антоновича, p. 92.

„знищенія и шкоды ихъ которую они отъ непрітели нашего московскаго принали“, получили въ 1563 г. льготу отъ мытъ звышлыхъ и побору новоустановленого на два года.— „ходеча сухимъ путемъ и воденымъ великими товара окромъ восковичаго и солиничаго“¹⁾. Гомельца около того же времени получили на четыре года льготу отъ платежа мыта съ купеческихъ товаровъ²⁾. Жители новооснованнаго Ленепа освобождена отъ мыта на десять лѣтъ³⁾. Диска, основывавшаяся около того же времени, получила въ 1566 г. на восемь лѣтъ безмытный листъ „сухимъ путемъ и воденымъ великими товары, а особливо солью и воскомъ торговати, не даючи отъ того мыта звачлаго и побору нововстановленого и тежъ мостового, подужного и нажчого и пописованья товаровъ“⁴⁾. Въ 1569 г. мѣщанамъ разъяснено, что ихъ льгота дѣйствительна не только въ Литвѣ, но и въ предѣлахъ Ливоніи; при Дасненскомъ замкѣ была особая группа военно-служившихъ людей—казалковъ; они тоже могутъ пользоваться вольностью, но при томъ условіи, если помогаютъ мѣщанамъ въ отбываніи городской повинности⁵⁾.

Въ концѣ 50 годовъ всѣ южные украинскіе замки получали право на безмытный провозъ „живности“, привозимой ими въ свои города, а также и отъ тѣхъ своихъ товаровъ, которые мѣщане везли, ѣдучи за покупкою живности. Такую привилегію получили мѣщане Канева⁶⁾, Черкасск⁷⁾, Бѣлой-Церкви⁸⁾; города Вянища и Брацлавль получили тогда-же привилегіи болѣе общаго характера⁹⁾. Такое облегченіе названнымъ городамъ сдѣлано, по словамъ привилегіи, потому что здѣшніе мѣщане—люди украинные и имъ приходится ѣздить въ далекіе края за покупкою живности. Мѣстнымъ жителямъ приходилось терять и еще особыя „шкоды“. Въ 1560 г. мѣщане Брацлавскіе жаловались государю, „и въ тихъ часовъ татарове, уторгнувши подъ замокъ нашъ Брацлавль, великие шкоды имъ въ частностяхъ

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 74.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 325 об.

³⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., I, л. 263.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 97 об.

⁵⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., I, л. 222 об.

⁶⁾ Акты Ю. Зап. Рос., II, р. 149.

⁷⁾ Ibidem, р. 150.

⁸⁾ Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 44 об.

⁹⁾ Акты Ю. З. Р., II, р. 150 и 152.

ихъ почивили и немало братьи ихъ въ полонѣ побравши, до Орды поведи, зачымъ они ку великому вбозству и знищенію пришли“. Они просили объ освобожденіи отъ мытъ, и государь освободилъ ихъ „отъ плаченья мытъ нашихъ и тежъ князьскихъ, паньскихъ, духовныхъ и земныхъ въ томъ павствѣ нашемъ великомъ князствѣ Литовскомъ и въ земли Волынской отъ великихъ товаровъ“; и льгота эта дается „до певного часу“¹⁾.

Разсмотрѣнныя льготы (число подобныхъ примѣровъ можно было-бы весьма значительно увеличить, но въ этомъ едвали есть какая-нибудь надобность), хотя и предоставляются цѣлымъ группамъ населенія, но являются лишь частными изъятіями временнаго характера.

Однако, среди городовъ были и такіе, которые не платили мыта на основаніи своихъ основныхъ привилегій. Нѣкоторые изъ этихъ городовъ пользовались абсолютной свободой отъ платежа мыта, другіе же пользовались частичными изъятіями. Къ числу послѣднихъ относятся города Смоленскъ, Луцкъ, Ковно. Такъ, по уставной грамотѣ Смоленску, мѣстные горожане не платили тамъ; послѣдняя взымалась только съ иногороднихъ гостей²⁾. Это была, конечно, сравнительно незначительная льгота. Однако, въ 1500 году Смоленскіе мѣщане, согласно своему челобитію, получили свободу отъ платежа мыта по всему государству въ теченіе 15-ти лѣтъ; каждый смолянинъ долженъ быть пропускаемъ черезъ таможену при предъявленіи „листа мѣстекоего подъ ихъ печатью мѣстекоею“³⁾.

Весьма интересна длинная исторія борьбы Луцкихъ горожанъ за пользованіе своими привилегіями по платежу мыта; эта борьба съ шляхтою отличалась весьма своеобразнымъ характеромъ. Старина мѣщанъ Луцкихъ заключалась въ томъ, что они не обязаны были платить вновь-устанавливаемыхъ мытъ. Эту привилегію мѣщане получили отъ короля Казимира по слѣдующему поводу. Волынская шляхта установила въ своихъ имѣніяхъ частный мытъ—такія, которыхъ не было при великомъ князѣ Витовтѣ. Король Казимиръ, обсудивъ жалобу мѣщанъ, „отложилъ“ новоустановленныя мыта на всѣхъ заставахъ, которыя установлены послѣ великаго князя Витовта. Но это,

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 405 об.—406.

²⁾ Яевскій, р. 152.

³⁾ Акты Зап. Рос., I, р. 209.

конечно, освобождение только от частных митъ, а не от головного¹⁾. Великий князь Александр подтвердил мѣщанамъ грамоту своего отца: „не надобѣ имъ гдѣ новыхъ митъ платити“; они платятъ тамъ, гдѣ „зъ вѣку мита плачивали“²⁾. Однако, и въ послѣдующее время мѣщанамъ Луцкимъ приходилось жаловаться на установление волынскою шляхтою новыхъ митъ и взиманіе ихъ съ мѣщанъ. По ихъ жалобѣ король Сигизмундъ I разсматривалъ вопросъ о правѣ шляхты на мита³⁾. Когда въ 1545 году ревизоры, по предписанію молодого великаго князя Сигизмунда Августа, составляли описаніе волынскихъ замковъ, то мѣщане Луцкіе представили имъ жалобу на установленіе нова „незвычайна“ мита; ревизоры сдѣлали съ своей стороны постановленіе, утверждавшее грамоты Казимира, а по отношенію къ новымъ митамъ потребовали предъизвѣщенія шляхтою королевскихъ привилеевъ, чего тѣ, однако, не пожелали сдѣлать⁴⁾. Нѣсколько раньше мѣщане Луцкіе усѣли себѣ исклѣпотать „вольность“ отъ платежа мита въ Городкѣ. Дѣло въ томъ, что съ утвержденіемъ этого послѣдняго мита мѣщане Луцкіе, при своихъ торговыхъ сношеніяхъ съ центральными областями государства, должны были платить головное мито на двухъ таможахъ—въ Луцкѣ и въ Городкѣ. По ихъ челобитію королева Бона освободила луцкихъ мѣщанъ отъ уплаты мита въ Городкѣ, за исключеніемъ стараго городецкаго соляного мита⁵⁾. Основную привилегію луцкіе мѣщане получили въ 1552 году, когда король Сигизмундъ Августъ освободилъ ихъ отъ уплаты мита старомъ по всемъ путямъ государства, за исключеніемъ соляничнаго и восковничаго; по словамъ привилея, они получили такую же вольность, какъ мѣщане Вильна и Кіева⁶⁾, т. е. они освобождались отъ уплаты стараго головного мита. Къ этому мы прибавимъ, что вольностью по платежу митъ долгое время пользовались только мѣщане Луцкіе православнаго и католическаго вѣроповѣданія, такъ какъ армяне и евреи обязаны были платить пошлины еще по привилею Луцкой землѣ, выданномъ королемъ Ягайлою въ 1432

¹⁾ Памятники Кіев. Арх. Ком. т. IV, отд. II, р. 125.

²⁾ Акты Зап. Рос., I, р. 175; ср. Арх. Ю.-З. Рос., ч. V, т. I, р. 19.

³⁾ Памятники, I, с., р. 136.

⁴⁾ Ibidem, р. 123.

⁵⁾ Кн. Зап. Лит., XVIII, а. 38 об.—39.

⁶⁾ Архивъ Юго-Зап. Рос., т. V, ч. I, р. 222.

году¹⁾. Въ 1556 г. луцкіе евреи получили такую же льготную грамоту, какъ и остальные мѣщане²⁾.

Привилегія Кіева, Вильна, Трокъ, Полоцка и Витебска отличались болѣе общимъ характеромъ. Въ 1497 году кіевскіе мѣщане исклѣпотали себѣ у великаго князя Александра „вольность“ отъ платежа митъ по всему великому княжеству, какъ на сухихъ путяхъ, такъ и на водныхъ; эта льгота дана имъ потому, что мѣщане „не мають чимъ поживити ся и въспомочи“ вследствие татарскихъ набѣговъ³⁾. Сигизмундъ I подтвердилъ мѣщанамъ эту льготу въ 1506 году⁴⁾; кіевскимъ мѣщанамъ были отпущены „мита наши, и тежъ вси мита князскія, панскія и боярскія, духовныхъ и свѣтскихъ, сухимъ путемъ и водою, по всей отчизнѣ нашей великому князству Литовскому, вѣчно“⁵⁾. Подъ этимъ, несомнѣнно, разумѣлась льгота и отъ платежа головного мита. Это разъясняется латинскимъ текстомъ привилея, выданнаго въ 1516 г. (*theloneum nostrum, quod solet exigi in finibus, ipsis praefatis civibus remittimus eisdem ex huiusmodi theloniei ex solutione eripimus*)⁶⁾. Въслѣдствіе эта льгота была распространена и на мито въ Коронѣ Польской; однимъ словомъ, мѣщане кіевскіе „подле правъ и вольностей своихъ, отъ предковъ нашихъ славною памяти и отъ насъ господара имъ наданныхъ, мита отъ товаровъ своихъ не повинны нигде давати, и яко въ Корунѣ Польской, такъ и въ тугошнемъ панствѣ нашемъ великомъ князствѣ Литовскомъ за тою вольностью правилима предковъ нашихъ они не дають“⁷⁾. Впрочемъ, несмотря на свои льготы, мѣщане кіевскіе не разъ должны были прибѣгать къ содѣйствию великокняжеской власти для того, чтобы избѣгать платежа митъ при проѣздѣ черезъ шляхетскія имѣнія. Въ 1545 году великий князь Сигизмундъ-Августъ издалъ грозный универсалъ съ запрещеніемъ взимать отъ кіевлян мито⁸⁾. Капитула вилескаго костела св. Станислава взяла въ своемъ имѣніи Стрешинѣ мито на кіевлянахъ, „не дбаючи о росказань, и листы

¹⁾ Ibidem, р. 2.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XXV, а. 69 об.

³⁾ Акты Зап. Рос., I, р. 173.

⁴⁾ Ibidem, II, р. 2.

⁵⁾ Акты Ю.-Зап. Рос., I, р. 127.

⁶⁾ Adam Chmiel, Zbiór i пр., р. 60—66.

⁷⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, а. 158.

⁸⁾ Акты Ю.-Зап. Рос., I, р. 120.

господарские". Когда киевляне затѣли въ 1558 году съ капитулою тяжбу объ этихъ „незвычайныхъ“ мытахъ, то капитула все-таки отчасти добилась своего, такъ какъ государь, не желая уменьшать костельныхъ доходовъ, позволилъ ей взимать мыто съ киевлянъ по опредѣленной имъ самимъ таксѣ; за неисполненіе послѣдней государь угрожаетъ каноникамъ виленскимъ штрафомъ въ 300 ковъ грошей¹⁾. Впрочемъ надо замѣтить, что широкая привилегія киевлянъ относится къ тѣмъ мытамъ, — по крайней мѣрѣ на частныхъ земляхъ, — которыхъ они не платили до полученія привилей 1497 года; это ясно изъ вырока 1511 года по дѣлу о взиманіи мытъ съ киевлянъ на клишторъ киевскій: это мыто было дано клиштору еще Александромъ Владимировичемъ; киевляне не протестуютъ противъ взиманія мыта, оспаривая только „пованы“, введенныя пріоромъ; король утвердилъ способъ взиманія мыта „подлугъ давного обычая“²⁾. Добавимъ, что несмотря на ясный смыслъ магдебургскаго привилей, за киевлянами не всегда признавалась свобода отъ платежа мыта — именно на церковныхъ земляхъ; такое толкованіе исходило изъ высшихъ судебныхъ мѣстъ³⁾.

Привилегія города Вильны очень древняго происхожденія. Грамота великаго князя Сигизмунда Кейстутевича 1432 года касается на то, что виленцы „издавна“ не платили мыта; поэтому и великій князь освобождаетъ мѣщанъ отъ мыта и торговыхъ пошлинъ въ слѣдующихъ городахъ: въ Луцкѣ, Киевѣ, въ Подольской землѣ, Смоленскѣ, Берестя, Минскѣ, Новгородкѣ и Ковнѣ „и по инымъ пакъ мѣстамъ, по рекамъ и по мостомъ, гдѣ николи будутъ мыта“⁴⁾. Грамота великаго князя Казимира, подтверждавшая вышеизложенную, разъясняетъ, что виленцы не платятъ мытъ согласно пожалованію великаго князя Ольгерда и Ягайла⁵⁾. Дальнѣйшіе привилей разъясняютъ и еще болѣе расширяютъ права виленцевъ. Грамота великаго князя Казимира 1443 года предписываетъ свободный пропускъ торговыхъ судовъ, принадлежащихъ мѣщанамъ, по рѣкѣ Вилии — отъ Вильны до Ковна, а также разрѣшаетъ имъ тинуть суда по обоимъ берегамъ этой рѣки, какъ на земляхъ частныхъ лицъ, такъ и

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 158.

²⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, р. 148.

³⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XL, л. 94 об.

⁴⁾ Собраніе древн. гр. и актовъ городовъ Вильны, Ковна и пр. Вильно, I, р. 2.

⁵⁾ Ibidem, р. 6.

на господарскихъ¹⁾. Подтвердительная грамота на магдебургію 1441 года даетъ вольность мѣщанамъ въ Литвѣ, на Волыни, въ Подляхн и русскихъ городахъ (послѣднее — исключительныя льготы для XV вѣка) — *liberam facultatem emendi et vendendi* въ розницу²⁾. Вскорѣ по вступленіи на польскій престолъ, Казимиръ въ 1452 году даетъ виленцамъ право безмытной торговли въ предѣлахъ Корони³⁾. Послѣдующіе господа литовскіе неоднократно подтверждали права Вильны⁴⁾. Виленцы были освобождены отъ всякаго рода таможенныхъ и торговыхъ пошлинъ, но привилегія ихъ относилась только къ мѣщанамъ католическаго и православнаго исповѣданія. Соедѣніе съ Вильной Троки тоже пользовалось привилегіями, по видимому, такими же, какъ и Вильно⁵⁾ и тоже съ очень древняго времени; великій князь Александръ сравнивалъ права трокевскихъ евреевъ по безмытной торговлѣ съ правами мѣщанъ виленскихъ и троцкихъ⁶⁾. Вольность отъ мытъ городовъ Вильны и Троки цѣлилась только какъ свобода отъ торговыхъ и проѣзжихъ пошлинъ и какъ свобода розничной торговли: оба города платили пограничное мыто⁷⁾.

Названные города получили свои льготы въ силу великокняжеской привилегіи.

Иное происхожденіе имѣли „вольности“ городовъ Витебска и Полоцка: онѣ основывались на областной „старинѣ“ этихъ земель и такимъ образомъ, отражаютъ въ себѣ порядки до-литовскаго періода. Полочане и Витебляне продолжали вести сношенія по торговымъ дѣламъ съ мѣщанами вполнѣ самостоятельно; мытными доходами пользовалась сама городская община. Это видно не только изъ ея права сношеній, но также и изъ того мѣста Смоленской уставной грамоты, которое указываетъ, что Полочане могли палатать мыто на Смольнцѣ⁸⁾. Уставная грамота категорически освобождаетъ Витеблянъ и Полочанъ отъ платежа мытъ „вѣчно“ „по всей нашей державѣ“⁹⁾. Это

¹⁾ Ibidem, р. 10.

²⁾ Ibidem, р. 9.

³⁾ Ibidem, р. 16.

⁴⁾ Напр., *ibidem*, р. 14, 23.

⁵⁾ Ibidem, II, р. 166.

⁶⁾ Бершадекій, I, р. 131.

⁷⁾ Акты Ю.-З. Р.; I, р. 26.

⁸⁾ Девицкій, р. 156.

⁹⁾ Ibidem, р. 352; ср. прим. 247.

означало именно освобождение от провозных пошлин. В привилегии 1510 года городу Полоцку на магдебургское право разъясняется, что мещане полоцкие вольны „от мыта сухимъ путемъ и водою, черезъ все князьство великое Литовское, какъ же Вильневы и Трочане“¹⁾. Здѣсь также необходимо обратить вниманіе, что обѣимъ общинамъ отпущалось мыто въ вотчинѣ, державѣ господарской; этимъ давалась льгота по платежу мыта въ предѣлахъ литовскихъ областей. Въ предѣлахъ же своихъ областей Полочане и Витебляне платили мыта; такъ, въ Полоцкой землѣ на иѣкоторыхъ мѣстахъ взималось мыто къ воеводству, а Полочане обязаны были „здавна“ его платить²⁾.

Практика показываетъ однако, что съ развитіемъ объектов обложения устанавливались въ Витебскѣ и Полоцкѣ такіе таможенные сборы, которые не входили въ понятіе „старина“ областей. Признавая законность льготъ Полочанъ и Витеблянъ по платежу мыта, скарбъ всегда вималъ здѣсь восковничее и солничее мыто. Такимъ образомъ „вольность“ Полочанъ заключалась въ свободѣ отъ платежа мыта старого на всѣхъ коморахъ и прикоморахъ вел. кн. Литовскаго³⁾, а привилегія Витеблянъ освобождали ихъ отъ платежа того же мыта въ Литвѣ, Польшѣ и Ливоніи⁴⁾.

Эти привилегія не освобождали мѣщанъ Витебска и Полоцка отъ платежа пошлинъ, не входившихъ въ понятіе „старого“ мыта. Такъ, при королѣ Александрѣ въ обоихъ городахъ появляются солонья и восковыи коморы, и съ тѣхъ поръ Витебляне и Полочане платили восковничее и солничее⁵⁾.

Новыя мыта, установленныя королемъ Сигизмундомъ I, повидимому, не коснулись Полочанъ и Витеблянъ. Но въ самомъ концѣ пятидесятыхъ годовъ королемъ Сигизмундомъ Августомъ была сдѣлана попытка нарушить старину этихъ городовъ и привлечь ихъ къ болѣе широкому участию въ платежѣ мыта. Въ одной изъ книгъ Метрики есть замѣтка о трехъ листахъ, выданныхъ въ 1559 году изъ сварбовой канцеляріи мытнику полоцкому и витебскому; содержаніемъ перваго листа было предписаніе Полочанамъ и Витеблянамъ платить мыта по господарской установѣ такъ же, какъ его платятъ во всемъ госу-

¹⁾ Акты Зап. Рос., т. I, р. 78.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XIV, л. 107. Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XI, л. 214—215.

³⁾ Акты Виленскіе, VIII, р. 235.

⁴⁾ Акты З. Р., IV, р. 167.

⁵⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XI, л. 214—215.

дарствѣ; если же у мѣщанъ имѣются „вызволенье“ листы, то они должны быть представлены на рассмотрѣніе государя; второй листъ заключалъ въ себѣ предписаніе „всѣмъ подданнымъ господарскимъ, княжескимъ, панскимъ и купцамъ“ платить мыто „водѣ уставы“, а третій листъ заключалъ въ себѣ такое же предписаніе иностранцамъ¹⁾. Послѣдніе два листа носятъ общій характеръ; всѣ обыватели этихъ земель, не принадлежащіе къ мѣстному праву, привлекались къ платежу мыта; первый листъ дѣлаетъ попытку обложить и мѣщанство названныхъ городовъ. Это распоряженіе вызвало протесты со стороны населенія и тѣлобы его съ мытниками. Во время одного процесса мѣщане заявляли, что „водѣ давного обычая мещане витебскіе неповинны тамъ у Полоцку мыто отъ товаровъ платити, только восковничее а солничее; по тому же и зъ Ыфлянтъ купцы мыто не платятъ тамъ“²⁾. Пани Кициная жаловалась на мытниковъ за взиманіе мыта отъ ея подданныхъ: „а они дѣй,—жаловалась пани,—только отъ воску а отъ соли мыто давати повинни потому, яко то во всей землѣ Полоцкой заховывають“; король приказалъ мытникамъ руководиться стариной³⁾.

Наибольшимъ интересомъ отличается господарскій вырокъ 1559 года между мѣщанами витебскими и мытникомъ Феликсомъ. Такъ какъ мѣщане не желали платить мыто, то мытникъ обратился съ жалобою къ королю. Послѣдній велѣлъ навеститъ справки. Витебляне представили листы Александра и Сигизмунда I, коими имъ отпущено мыто по всей отчинѣ великому князеству Литовскому; они представили также и судебный вырокъ пана Ивана Горностая, разсматривающаго болѣе раннее дѣло по такому же поводу и вынесшаго рѣшеніе, что Витебляне не обязаны платить мыто отъ своихъ товаровъ, за исключеніемъ воска и соли. Въ разсматриваемомъ вырокѣ король, между прочимъ, заявляетъ, что въ привилегіяхъ нѣтъ указаній на вольность отъ мыта „на границу до Риги“. Однако король рѣшилъ держать Витеблянъ при старинѣ; онъ освободилъ ихъ отъ мыта со всякихъ товаровъ и отъ пелуды, выработаннаго въ собственныхъ мѣщанскихъ дѣсахъ или вообще въ частновладѣльческихъ; только солонья-

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 222. Полныхъ текстовъ этихъ листовъ нѣтъ въ книгахъ Метрики; разъ въ книгахъ отмѣчается записъ о выдачѣ листа изъ канцеляріи, то копія листа въ книгу не заносится.

²⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XI, л. 39.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 338 об.

чие и восковичее мито мѣщане обязаны „по давному“ платить¹⁾. Такимъ образомъ, эти старинные русскіе города не платили старого мита до конца изучаемаго періода.

Весьма понятно, что „вольность“ отъ старого мита не избавляла мѣщанъ и всѣхъ жителей Полоцкой и Витебской земель отъ платежа новаго мита, установленнаго въ 1561 году и послѣдующіе годы. Но тутъ правительство попало въ затруднительное положеніе: какъ-разъ театръ военныхъ дѣйствій локализовался въ районѣ обнхъ областей. Жителямъ не легко приходилось особенно потому еще, что Витебскіе и Полоцкіе мѣщане ввели военную службу. Господарю пришлось предоставить имъ большія льготы по платежу новаго побора.

4 июня 1561 г. Витебскіе мѣщане получили грамоту на льготу по платежу новаго побору. Мѣщане прислали бурмистровъ и радцевъ къ господарю съ просьбою не взымать съ нихъ новоустановленнаго побора. „Ино вѣтъ тотъ поборъ на потребу Речи Посполитое поставленъ, прото ачь негодилось его королевской милости того побору отпускати“, но „для службы ихъ“ на замѣнъ вельдѣстие шведы, принесенныхъ имъ московскими войсками, господарь уменьшаетъ имъ поборъ. Именно отъ постановилъ взымать съ Витеблянъ: отъ лашту пепеху, идущаго къ Ригѣ, по 1 талеру, отъ носку, лою, конопель, сельдей, прѣсваго меду, кожъ и отъ всякихъ другихъ товаровъ, привозимыхъ изъ-за границы или ввозимыхъ въ государство, дають по оцѣнкѣ—по 3 гроша отъ копы грошей. При продажѣ товаровъ внутри государства Витебляне не платятъ мита. Отъ желѣзныхъ товаровъ, пороха и др. предметовъ, необходимыхъ въ военномъ дѣлѣ,—пошлины не взымаются; но отъ стали и желѣза на „домовые потреби“ и отъ олова—должны платить пошлины по той же разцѣнкѣ. Отъ произведеній ремесленниковъ, продаваемыхъ внутри государства, пошлины не платятъ. Однако Витебляне не свободны отъ уплаты тѣхъ же пошлинъ при торговлѣ иностранными товарами на внутреннихъ рынкахъ, но платятъ налогъ всего одинъ разъ²⁾. 9 июня того же года такой же листъ получили и Полочане и по той же причинѣ³⁾; затѣмъ 9 сентября князь Мстиславскіе для мѣщанъ ихъ города Друи⁴⁾ и 23 ноября Киевскіе мѣщане⁵⁾.

¹⁾ Кн. Зап. Лит., ХLI, з. 74—75.

²⁾ Кн. Судн. Дѣл. Лит., ХLV, з. 18 об.—20 об.

³⁾ Ibidem, з. 20 об.—22 Ср. з. 44 об.

⁴⁾ Ibidem, з. 39—41.

⁵⁾ Ibidem, з. 42—43 об.

Вообще при введеніи новыхъ митъ, по существу гораздо болѣе тяжелыхъ, чѣмъ старыя, купцы попадали въ затруднительное положеніе. Дясна, какъ мы знаемъ, имѣла широкія льготы по платежу митъ. Поборъ 1566 г. увичтожалъ всякія изытїя. Господарь требовалъ къ себѣ представителей города для обсужденія того, какую бы льготу предоставить Дяснѣ, потому что мѣщанамъ приходится платить новыя пошлины¹⁾; но, не дожидаясь прїѣзда уполномоченныхъ, господарь издалъ слѣд. постановленіе: поборцы будутъ ежегодно передавать извѣстную сумму денегъ мѣстному старостѣ для распределенїя ея среди мѣщанъ, взымать потерь мѣщанъ по платежу новаго побору²⁾ (выдаваемый сузма, очевидно, шла на счетъ господарскаго скарба). Впрочемъ, мѣщане въ слѣдующемъ 1567 г. добились освобожденїя отъ митъ³⁾.

Разсмотрѣнные виды льготъ по платежу мита даютъ примѣры изытїй или для отдѣльныхъ лицъ, или для отдѣльныхъ городскихъ общинъ, за исключенїемъ „старинца“ Витебской и Полоцкой областей. Но съ теченїемъ времени цѣлое шляхетское сословіе добилось освобожденїя отъ платежа пошлинъ.

Землянство добилось въ свою пользу извѣстныхъ изытїй по платежу пошлинъ только къ концу изучаемаго періода, такъ что до этого времени товары, принадлежавшіе шляхтѣ, означивались митами. Достаточно сослаться на тотъ общезвѣстный фактъ, что шляхта провозила свои товары черезъ границу безъ мита только по спеціальнымъ господарскимъ листамъ. Первый Статутъ совсѣмъ молчитъ о какихъ бы то не было привилегїяхъ шляхтѣ по платежу мита, и это потому, конечно, что таковыхъ не было. Только въ періодъ между первыми и вторыми Статутами шляхта начинаетъ усиленно добиваться безмытнаго пропуски товаровъ. До этого времени мы встрѣчаемъ только отдѣльныя изытїя для шляхты нѣкоторыхъ областей; такъ, напримѣръ, паны и князья Волынской земли по уставной грамотѣ имѣли привилегїю такого рода, что люди ихъ не обязаны платить торговыхъ митъ на „новыхъ торгахъ“, но платятъ старыя мита⁴⁾; здѣсь ничего еще не говорится о свободѣ самой шляхты. Подобную льготу выхлопотали себѣ бояре, князья и все землянство

¹⁾ Кн. Зап. Лит., ХLVII, з. 92 об.

²⁾ Ibidem, з. 93.

³⁾ Кн. Судн. Дѣл. Лит., LIII, з. 82.

⁴⁾ Киевскій, р. 157.

Мстиславского и Радомского повитовъ: люди ихъ освобождены были Сигизмундомъ I въ 1541 году отъ торговыхъ сборовъ¹⁾. Излѣтіе въ пользу собственно земянства мы встрѣчаемъ только по отношенію къ полоцкому боярству, и это вполнѣ понятно, такъ какъ вольность отъ мыта, по уставной грамотѣ, получена всюю землею. Однако, по отношенію къ горожанамъ вольность отъ мыта понималась болѣе широко, чѣмъ по отношенію къ боярству. Въ этомъ легко убѣдиться изъ грамоты великаго князя Александра 1499 года: она разрѣшаетъ боярству вывозъ въ Ригу хлѣба, пепелу и смолы подъ тѣмъ условіемъ, если эти продукты выработаны на ихъ собственныхъ земляхъ²⁾. Это постановленіе интересно еще и въ томъ смыслѣ, что оно является прототиномъ послѣдующихъ обще-шляхетскихъ вольностей.

Шляхта добилась нѣкоторыхъ льготъ путемъ частныхъ обращеній на сеймахъ къ королевской власти объ облегченіи отъ мыта или о полномъ отъ нихъ освобожденіи. Уже въ 1542 году жмудская шляхта жаловалась на пошленіе „ново установленныхъ мыта“³⁾, которыхъ не было „за предковъ господарскихъ“⁴⁾; не трудно догадаться, на какия мыта въ данномъ случаѣ жаловалась чуткая къ своимъ правамъ жмудская шляхта: она, конечно, имѣла въ виду мытныя коморы, устроенныя на земляхъ королевы Боны. На сеймѣ 1551 года шляхта подняла вопросъ о безмытномъ пропускѣ зобжы изъ шляхетскихъ гукменъ, и также о вольномъ пропускѣ лѣсныхъ товаровъ изъ шляхетскихъ имѣній. По первому пункту король отвѣтилъ весьма уклончиво, обѣщая навести справки, „яко ся передъ тымъ тыя рѣчи заховывали“ и отложилъ свой отвѣтъ; по второму пункту король постановилъ, что шляхта можетъ вывозить лѣсные товары, сработанные собственнымъ „накладомъ“ шляхтою и въ ея же имѣніяхъ, отягивая такимъ образомъ въ известной мѣрѣ монополію лѣсной торговли, установленную въ 1548 году⁵⁾. На томъ же сеймѣ волынская шляхта подняла даже вопросъ о полной отбѣгѣ мыта „зъ речей власныхъ князьскихъ и панскихъ и землянскихъ“. Король однако отвѣтилъ, что онъ согласенъ отбѣгнѣть мыто съ тѣхъ предметовъ, съ которыхъ и раньше оно не взималось, и обѣщавъ отдать приказаніе мытны-

¹⁾ Акты Ю.-Зав. Рос., I, p. 131.

²⁾ Акты Зав. Рос., I, p. 200.

³⁾ Ibidem, II, p. 387.

⁴⁾ Ibidem, p. 29.

камъ, чтобы они брали мыто согласно уставу¹⁾. Жомойтская шляхта на томъ же сеймѣ ограничилась болѣе скромной просьбой—объ уничтоженіи частно-владѣльческихъ мыта; но господарь оставилъ дѣло „по старому“²⁾. На сеймѣ 1554 года вопросъ о мытахъ подымался нѣсколько разъ. Волынская шляхта просила о безмытномъ пропускѣ въ Данцигъ хлѣбовъ и лѣсныхъ товаровъ, въ чемъ однако ей было отказано. За то ея подданные, согласно другой просьбѣ, освобождены отъ торговаго мыта съ зерноваго хлѣба въ Луцкѣ, Владимірѣ и Торчинѣ³⁾. Жомойтская шляхта просила объ освобожденіи отъ мыта на границѣ съ вывозимыхъ продуктовъ изъ ея собственныхъ имѣній и отъ ввозимыхъ ею изъ за границы товаровъ на свой „пожитокъ“; господарь однако довольно идовито на это отвѣтилъ, что шляхетское званіе не совмѣстимо съ занятіемъ торговлею. Такимъ же характеромъ отличается и отвѣтъ господаря по поводу просьбы о безмытномъ переѣздѣ на перевозѣ на Виліи подъ Ковною⁴⁾. И въ общемъ сеймовомъ рецессѣ мы встрѣчаемся съ тѣми же вопросами, причѣмъ однако господарь остался при старинѣ⁵⁾. Не добавившись желательныхъ результатовъ на предшествующихъ сеймахъ, шляхта продолжаетъ свои просьбы и на сеймѣ въ 1559 году. По теперь только что начавшаяся Ливонская война сдѣлала короля уступчивѣе. Въ рецессѣ этого сейма мы встрѣчаемъ весьма важное постановленіе по интересующему насъ вопросу. Король согласился совершенно освободить шляхту отъ уплаты таможенныхъ пошлинъ за вывозимые ею продукты собственного производства—лѣсъ, збожье и скотъ, подъ условіемъ шляхетской присяги, свидѣтельствующей о происхожденіи товаровъ⁶⁾. По поводу отдѣльной просьбы Жомойтской земли король пояснилъ, что шляхта обязана однако уплачивать мыто съ ввозимыхъ ею товаровъ изъ-за границы, кромѣ „речей шляхетскихъ“—оружія и лошадей⁷⁾. Постановленіе сейма 1559 года вошло дѣлкомъ въ составъ основныхъ законовъ страны и закрѣплено вторымъ Статутомъ (Раз. I, арт. 26). Никакія отклоненія отъ этого постановленія не

¹⁾ Ibidem, p. 42.

²⁾ Ibidem, p. 39.

³⁾ Ibidem, p. 66.

⁴⁾ Ibidem, p. 62.

⁵⁾ Ibidem, p. 54.

⁶⁾ Ibidem, p. 98.

⁷⁾ Ibidem, p. 162.

допускались¹⁾. На коморах установилась сложная процедура разблюдания о томъ, принадлежать ли товаръ дѣйствительно шляхтичу. Такимъ образомъ развитіе шляхетскихъ вольностей отразилось и въ данномъ случаѣ: шляхта освободилась отъ платежа *старого* господарскаго мыта.

Разумѣется, всеі классы общества, не обладавше общими или частными привилегіями, обязаны были платить пошлины. Это само собою разумѣлось, хотя иногда для некоторыхъ классовъ общества встречаемъ отдѣльные указы на эту обязанность. Такъ, напримѣръ, великій князь Витовтъ въ извѣстномъ своемъ привилегіи литовскими евреямъ подтверждаетъ обязанность послѣднихъ платить мыто²⁾. Король Ягайло въ своемъ привилегіи Луцкой землѣ 1432 года обязываетъ мѣстныхъ евреевъ и армянъ платить мыто³⁾.

Свобода отъ платежа мыта, кому-бы она не давалась и законы бы не были ея условіемъ, всегда была личнымъ правомъ; это право не переходило на подданныхъ и вообще на людей зависящихъ отъ лицъ, которые имъ пользовались; поэтому подданные шляхты платили мыто⁴⁾. Въ этомъ отношеніи мы встречаемъ очень рѣдкія исклю-

¹⁾ Вотъ, напр., какія условія ставятся въ этомъ отношеніи арестанты контракты: отъ шляхетскихъ товаровъ не берутъ мыта—такъ какъ изгравитъ въ Великого князства пропустить тежъ отъ великого збожя и товаровъ лесныхъ и иныхъ великихъ товаровъ, которые бы воюю проущены были и которые бы закуплены або куплены были въ нуцъ и з гумень чуждыхъ а з Великого князства Литовского за границу были проважены або воюю спущаны, отъ таковыхъ велихъ товаровъ лесныхъ и гумешныхъ масть быти давано першый поборъ и повоустановленній у Бересті; нынѣ бы хто купецкое або чужое роботы товаровъ лесныхъ або иныхъ колвекъ иныхъ товаровъ проущилъ безъ мыта и побору за свое властное, тотъ три томы и свои товары тратитъ, хотя бы ихъ и продалъ бытъ. Гдѣбы тежъ свои гумиш або збожя в гумень куницъ або кому волвекъ завредалъ, а тотъ потому за свое властное проущилъ, таковой кождый также все то тратитъ; а естли бы который шляхтичъ и кого збожя або нуцъ ку роботу товаровъ лесныхъ купилъ або закупилъ, тогда и тотъ таковой шляхтичъ, ако и кождый купецъ, повиненъ будетъ мыто и поборъ дати. Ведже хто жъ колвекъ а становъ большихъ и меньшихъ з своихъ властныхъ и чужихъ купленныхъ и составленныхъ въ нуцахъ своихъ, товары роботы властными своимъ наклады а не складавшимъ съ купцомъ и съ князъ иными, або збожя зъ властныхъ гумешъ своихъ и сами за границу исукали, таковые отъ товаровъ своихъ и чуждыхъ того побору уставленого давати не мають" (Кн. Пер. Лит., X, л. 4 об.—6).

²⁾ Вершадскій, I, р. 11.

³⁾ Архивъ Ю.-Вост. Рос., ч. V, т. I, р. 2.

⁴⁾ Напр., въ тамож. Берестейской книгѣ встречаемъ Случайна. Вид. Арх. Сборникъ, IV, р. 254 и т. д.

ченія. Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій имѣлъ особая привилегіи, по которымъ онъ самъ собиралъ головное мыто съ своихъ подданныхъ¹⁾. Впрочемъ, эта льгота была частью уступлена княземъ господарю, такъ какъ по заключенному между ними условію подданные князя должны были платить мыто отъ воска и скота²⁾; дѣйствительно уже съ 40 годовъ мытники польскіе собираютъ мыто тамъ, гдѣ князь Константинъ до имѣній своихъ на себе бралъ старое, восковое и соденое³⁾. Въ предѣлахъ Полоцкой и Витебской земель, какъ мы уже видѣли, привилегіи всей земли распространились и на земскихъ подданныхъ. Впрочемъ, и здѣсь землевладельцы иногда вехлохатывали себѣ особые привилегіи: такъ князь Масальскіе имѣли освобожденіе отъ короля Александра по платежу ихъ подданными воеводскихъ мыта на Сожѣ и Диснѣ⁴⁾.

Если принять въ расчетъ групповыя и классовыя вольности отъ мыта, а въ особенности все частныя изыткія, которыя выдавались иногда очень щедро, то не трудно предвидѣть, что все эти льготы не легко отзывались на таможенныхъ доходахъ. Учетъ потерь, которыя несъ скарбъ, производился такимъ образомъ, что мытники получали изъ арендной платы ту сумму, которую они потеряли на пропускѣ товаровъ по безмытнымъ листамъ. Такой расчетъ дѣ-

¹⁾ Привилегіи князей Острожскихъ такъ опредѣляетъ одна грамота: князьмы дѣла замку Острожскому мыто своеюю тридцатое лодано, ако и въ мѣстѣ нашомъ Луцкомъ, и то привилегіе короля его милости наша отъ нашего имѣ погвержено и три армарки тамъ же увъ Острожѣ: одинъ на день святого Олофрея, а другой на святыи Миколай передъ Божыимъ Нароженьемъ, а третій армарокъ на Три Крози, на которомъ погвержено его милости тежъ описано, ажь до того замку ихъ Острога на тѣхъ армарки и безъ армарковъ мають куницы съ куницами своимыио Ягюра, съ Каменца, съ Києва, съ Волоское земли и зъ иныхъ замковъ и земель нашихъ и тежъ съ чужихъ сторонъ едичи дорогами вечными стародавними безъ жадного нагабалъ матиниковъ луцкихъ водуць стародавнього обычаю такъ часу армарковъ, ако и безъ армарковъ зиме и летѣ волвекъ мѣти прихати и отъехати безъ владченя мыта луцкого, а которымъ вечными стародавними армарки свои уи Острожѣ, до княства нашего князства Великого Литовского стародавнюю дорогомъ черезъ землю и черезъ села полету Луцкого шлю, по мѣтнучиою замку и мѣста Луцкого, тѣе мають волное проеханье отъ матиниковъ луцкихъ, ажь матиники не мають ихъ тамовати и мыта на нихъ выгратати, и которые бы купцы ехали мимо Острожъ, а запади имень и земель острожскихъ, тѣи мають острожское мыто заплатити" (Кн. Запис. Лит., XXX, л. 82 об.—88; ср. л. 118 об.).

²⁾ Вершадскій, I, р. 210.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 137 об.

⁴⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XXXIV, л. 100.

лазла обыкновенно по листамъ частного характера: „а коли кому зъ ласки нашею отпустятъ мыта Луцкаго въ тыхъ чотырехъ годехъ, масть онъ (т. е. мытникъ) то записати и што мело того мыта принѣти, то масть ему отпустити въ тые наши цены въ тую суму“,—говорить одинъ изъ арендныхъ контрактовъ¹⁾. Иногда опредѣляется форма безмытныхъ листовъ, по которымъ оплачивается скарбъ²⁾. Такого рода условія мы встрѣчаемъ и въ массѣ другихъ контрактовъ, иногда съ тѣми или иными ограниченіями; напримѣръ, по контракту 1563 года на аренду волынскихъ мытъ скарбъ обязанъ оплатить всѣ безмытные листы, выданныхъ турецкими купцамъ³⁾. По контракту 1569 г. оплачивались листы купцовъ турец-

¹⁾ Кн. Зап. Лит., V, з. 327.

²⁾ Такъ, напр., въ контрактѣ на аренду мытъ Воловичу и Ходкевичу король обязываетъ не выдавать впередъ безмытныхъ листовъ, но „ведже кому быхмо зъ особливое ласки нашею таковую волюсть на листехъ нашихъ съ подписью руки нашею дали и штобы справды ихъ милости и тотъ мытникъ нашъ за таковыми листы нашими пропустити, тогда мы то все за оными листы нашими, або за квитками тыхъ, кому за тою волюстью што пропустимъ и штобы отъ тыхъ речей побору пришло, на листе и скарбе нашемъ то прийматъ казати маемъ; однако жъ на которомъ листе нашемъ на таковую волюсть и того доложено не будетъ, же то, на што волюсть дана, на листѣ въ скарбе нашемъ будетъ принѣто, на таковыя листы не повинни пропускати, такъ же и на иные листы, которые бы безъ подписеу руки нашею господарское до нихъ были выданы, не маемъ никому ничего пропускати безъ зазаты поборовъ званыхъ“ (Кн. Переп. Лит., X, з. 4 об.—6 об.).

³⁾ Кн. Зап. Лит., XII, з. 289 об. Вотъе сложное по тому же вопросу встрѣчаемъ постановленіе въ одномъ контрактѣ 1569 г.: „а где бы въ томъ часе авенны ихъ купецъ неспара Турецкого або воеводи Волоского за листы писавемъ ихъ до насъ черезъ наместо наше до Москвы або въ Москву едучи притрафилася, въ таковыхъ товаровъ владетныхъ неспара Турецкого и воеводи Волоского иного побору брати и въ скарбе нашемъ стучати за то ничего не маемъ; ведже иже купецъ турецкии и волоскии, которые при поездехъ зъ своими товарами шти будуть, тотъ побору увесъ сивали, яко иные купцы, давати будутъ повинни, не чинилися повинни. Ктому иже купцы московскии, которые при поездехъ и гоньдохъ до наместа нашего приходять и не дають поборовъ отъ товаровъ своихъ, въ чомъ бы виднаа шкода мучила быти, где бы си тому обычай нашомъ, ижеко въ чиненіи повинни купцомъ московскимъ въ наместе нашемъ для нашихъ купцовъ въ земли Московской,—прото хто бы полезъ зъ нашихъ подданныхъ купцовъ московскихъ на черекъ товаровъ возуникъ, которые при поездехъ приедутъ, таковыя повинни будутъ тотъ товаръ кушаній передъ справками поборовыми оноедати и побору отъ нихъ дати водне уставы нашею. А хтобы полезъ споводне побору не плативши на кожорахъ и прикоморахъ вытнхъ и поборовыхъ динныхъ и полахъ уставленыхъ не оноедалиши справкамъ поборовымъ ку шкодо скарбу нашому до товаромъ за границу поехалъ, таковой увесъ товаръ, яко промятъ, масть даبرانъ быти, которое промятъ позволю до скарбу нашому тратитъ, и позволюща ихъ милости, яко арендаромъ, масть приходити“ (Кн. Переп. Лит., X, з. 4 об.—6 об.).

кихъ, миталковъ и пушварей, а за шляхетскіе—общій счетъ¹⁾. По контракту 1568 года на аренду Полоцкой коморы, оплачиваются только такіе листы, въ которыхъ дается льгота по вывозу и ввозу товаровъ и т. д.²⁾. Но въ контрактахъ обыкновенно не оговариваются тѣ безмытные пропуски товаровъ, которые принадлежать цѣлымъ корпораціямъ и составляютъ ихъ право, напримѣръ, Полочанамъ и др.: за нихъ скарбъ не дѣлалъ вычета, такъ какъ существованіе всѣхъ такихъ льготъ было извѣстно заранее и, слѣдовательно, принималось въ расчетъ при заключеніи аренды. Шляхетскіе безмытные листы подлежали оплатѣ изъ скарба до 1569 г.³⁾, т. е. даже въ теченіи тѣхъ годовъ, когда свобода отъ платежа мыта была уже правомъ шляхты. Но такой порядокъ признавъ быть неудобнымъ, и скарбъ сталъ уменьшать арендную плату съ мыта⁴⁾.

Зато въ арендныхъ контрактахъ мы находимъ условія, по которымъ правительство въ той или иной мѣрѣ уничтожаетъ силу безмытныхъ листовъ,—иногда на извѣстное только время, а иногда совсѣмъ; послѣднее относится обычно только къ частнымъ привилегіямъ, но отиѣна льготъ иногда распространялась и на основныя привилегіи городовъ. Такъ, при арендѣ въ 1505 г. луцкаго мыта была отмѣнена (на срокъ аренды) льгота городамъ: „Тежъ которымъ

¹⁾ Кн. Пер. Лит., X, з. 28 об.

²⁾ Кн. Пер. Лит., X, з. 14 об.

³⁾ Ibidem, з. 19.

⁴⁾ Контрактъ 1569 г. на аренду Подлянскихъ мытъ объясняетъ эту перемену слѣд. образомъ: „Але иже водне звичаю стародавного отъ збожы и товаровъ лесныхъ шляхетскихъ мыта старое было данаво, и почемъ, уфалами собою, вымъ дати мыта отъ збожы и выншихъ товаровъ, владетныхъ шляхетскихъ домовыхъ а не купцовыхъ, зъ ласки нашею господарское зложено и яко возноу товари шляхетские водне квитовъ шляхетскихъ неспавую суму воляней стучали и оные квиты шляхетские ижемо готовыхъ пенялоу въ скарбе нашемъ клани, въ чомъ си виднаа шкодо до скарбу нашому джала, а праве мало не вси сумы аренда мытное таковыми квитами гинули, тогда мы, господарь, то иже первой и товари шляхетские въ шацуюкъ мытъ укладны бывали, а теперь иже за вознесемъ ихъ въ скарбе нашемъ водне квитовъ шляхетскихъ съ плаченя аренды нежекое вытручаны бывають, бачечи а болшей затрудненя и шкодо таковымъ вытрученымъ скарбу нашому не змачамъ съ той сумы за мыта верку помененнае обрахуноное и въ семь листе нашомъ суюю вышею описаное выгядомъ, такъ волюстей шляхетскихъ на кождый годъ по шести сотъ колъ грошей вытручаниши возстануть повинни“ (Ibidem, з. 30).

есмо местомъ нашимъ первой того были мыта наши отпустили, иио и тихъ местъ мещане⁴⁾ должны будутъ платить, за исключеніемъ, однако, Смоленска⁵⁾. Иногда отъзна „вольностей“ объявлялась „земскою потребою“. Заключая контрактъ въ 1507 г. на аренду берестейскаго мыта, Сигизмундъ I оговариваетъ, что арендная сумма должна быть повышена, — „если повстагнемъ вольностей, кажемъ ли для иинешнее потреби земское тымъ мѣстомъ нашимъ зася мыто дати, которымъ братъ нашъ Александръ король его милость мыто отпустилъ“. Вычетъ изъ арендной суммы король обѣщаетъ только на тѣ купеческіе безмытные листы, которые онъ выдаетъ „отъ его часу“⁶⁾, т. е. всѣ болѣе ранніе льготные листы въ счетъ не идутъ. Иногда уничтоженіе льготы дѣлается только по отношенію къ лицамъ, выданнымъ не позже того или иного года, или по отношенію къ извѣстной категоріи лицъ. Такъ, въ арендныхъ контрактахъ, начиная съ 20-хъ годовъ, очень обычно условіе, которымъ уничтожаются безмытные листы, выданные Смольникамъ и Полочанамъ, не живущимъ въ Полоцкѣ; эти листы „ни во што оборачуются“⁷⁾. Или встрѣчаемъ условіе, по которому признаются недействительными листы выданные ранѣ извѣстнаго срока — „отъ десяти и отъ шести лѣтъ“⁸⁾. Иногда контракты предоставляютъ право мытникамъ не только взимать мыто не смотря на безмытные листы, но и отнимать самые листы, кромѣ листовъ, выдаваемыхъ въ теченіи аренднаго срока⁹⁾. Такимъ путемъ правительство вынуждало въ тиражъ безмытные листы.

Указанные пути ликвидаціи безмытныхъ листовъ относятся къ старому мыту. По отношенію же къ новымъ мытамъ и набору правительства поступало гораздо рѣзче; тутъ авторитетъ сейма уничтожалъ всякаго рода классовыя и частныя привилегіи. Это уже намъ извѣстно изъ содержанія универсала 1561 г. и сеймоваго рецесса 1566 г., которыми уничтожались всѣ льготы по платежу мыта, такъ что и шляхта платила новое мыто. Насколько строго соблюдалось это постановленіе, можетъ служить доказательствомъ и незначитель-

⁴⁾ Кв. Зап. Лит., VI, з. 259 об. — 260.

⁵⁾ Акты Ю.-З. Рос., II, р. 118.

⁶⁾ Бернадскій, I, 107; Кв. Зап. Лит., XVII, з. 139 об.; Кв. Зап. Лит., XXXI, з. 135.

⁷⁾ Бернадскій, I, 107; Кв. Зап. Лит., XVII, з. 139 об.

⁸⁾ Кв. Зап. Лит., XXXI, з. 135; Бернадскій, I, р. 136; Кв. Зап. Лит., XXXV, з. 232 об.

ное число выданныхъ кородемъ льготныхъ грамотъ и обстоятельствъ, вслѣдствіе которыхъ онѣ были выданы городамъ.

Таковы тѣ льготы и привилегіи по платежу мыта, которыми пользовались различные классы населенія или отдѣльныя лица. Среди этихъ льготъ мы наблюдали дѣй различныя группы, изъ которыхъ одна имѣетъ характеръ временныхъ изыатій, другая же представляетъ собою право цѣлыхъ группъ населенія, городовъ, областей и шляхетскаго сословія. Въ послѣдней можно различить, по своему происхожденію, троякаго рода привилегіи: одни изъ нихъ имѣютъ корень въ процессѣ сложенія государства, другіе появились вслѣдствіе особаго акта верховной власти и, наконецъ, третьи — привилегіи шляхетства выросла органически, вмѣстѣ съ ростомъ шляхетскихъ правъ. Однако-жь всѣ эти изыатія имѣютъ силу только по отношенію къ старому господарскому мыту и не касаются новыхъ мыта, устанавливаемыхъ сеймомъ. Въ общемъ, къ концу изучаемаго періода всѣ эти льготы, не смотря на массу пользующихся ими лицъ, не могли слишкомъ значительно ослабить скорбной доходъ, потому что само старое мыто, въ сравненіи съ ставками новаго, представляеть собою не очень значительный источникъ дохода.

II. Таможня, ея округъ и управленіе.

Въ собраніи таможенныхъ пошлинъ обычаи, выработанныя вѣками, имѣли большое примѣненіе. Когда великій князь отдавалъ сборъ пошлинъ на откупъ или посылалъ для управленія ими довѣренное лицо, то ему не было надобности опредѣлять порядокъ сбора, размѣръ пошлинъ и проч.: и порядокъ сбора, и размѣръ пошлинъ на каждой таможнѣ устанавливались въ силу обычая; поэтому, въ арендныхъ контрактахъ, великій князь только напоминалъ о томъ, чтобы заведываніе мытомъ, было „по давному, какъ издавна было за великаго князя Витовта и за Жигимонта“¹⁾.

Въ силу того-же исконнаго обычая выработалась извѣстная традиція, по которой купцы съ своими товарами ѣздили по разъ установленнымъ дорогамъ. Литовско-русское правительство настоятельно требовало, чтобы товары передвигались „по старымъ“ дорогамъ, по-

¹⁾ Бернадскій, I, 39, 42, 44, 47 и др.

тому что въ противномъ случаѣ купцы могли обѣзжать таможенные заставы. Объ этомъ обычно говорятъ арендные контракты. Такъ, король Казимиръ, извѣщая въ 1487 году намѣстника берестейскаго объ отдачѣ мѣстныхъ таможенъ на откупъ компаніи евреевъ, между прочимъ требуетъ отъ намѣстника: „а который бы гости хотѣли мыто наше обѣздчати новыми дорогами, минуючи мыто наше и тыбы ихъ оттого стегаль, нехай бы ѣздили старыми дорогами и мыто наше платили по старому. И во всемъ бы еси мыту нашему были помочень, какъ бы еси мыто наше не понижало“¹⁾. Вообще мытники и старосты обязаны были слѣдить за тѣмъ, чтобы купцы не пролагали новыхъ дорогъ: „ажъ бы мыту нашему ни въ земь шкоды не было“²⁾, или чтобы „мыго наше не понижало“³⁾.

Господари иногда издавали спеціальныя постановленія, касающіяся „гостинцовъ старыхъ“, опредѣляли направленіе путей или указывали, какіе купцы и по какимъ дорогамъ должны ѣздить. Такіе господарскіе листы писались иногда при отдачѣ таможенъ въ аренду; такъ, въ 1558 году король Сигизмундъ Августъ, извѣщая населеніе Жомойтской земли объ отдачѣ мытъ въ аренду компаніи евреевъ, приказывалъ всему шляхетству „ажъ бы есте всякихъ купцовъ съ товары ихъ дорогами невзычайными черезъ ямѣны свои не пропускали“⁴⁾. Иногда такіе господарскіе листы взыскались тѣмъ, что господарю становилось извѣстнымъ о нарушении купцами старыхъ извѣстныхъ дорогъ. Такъ, король Сигизмундъ I подтвердилъ дорогу изъ Вильны въ Повтородъ⁵⁾ и дорогу изъ Ригу на Солокъ⁶⁾, а также дороги изъ Польши въ ямѣны князей Острожскихъ⁷⁾; Сигизмундъ Августъ подтвердилъ въ 1569 г. старую великую дорогу изъ Ковно въ Вильно черезъ Троки⁸⁾. Если учреждались новыя таможенные заставы, то слѣдовало и опредѣленіе дорогъ въ районѣ новой таможи. Такъ, напримѣръ, при установленіи въ 1525 году мыта „головного“ въ Городкѣ на Припяти, принадлежавшемъ королевѣ Бошѣ

¹⁾ Ibidem, p. 43.

²⁾ Ibidem, p. 37.

³⁾ Ibidem, p. 49. Ср. еще Акты Лит.-рус. тог. I, p. 82, 88 и др.

⁴⁾ Виз. Архив. Собр., III, p. 28.

⁵⁾ Кн. Зап. Лит., XIV, л. 298 об.

⁶⁾ Ibidem, л. 298.

⁷⁾ Ibidem, л. 169 об.

⁸⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LII, л. 148 об.

(само мыто было установлено королемъ Сигизмундомъ I въ Городкѣ по просьбѣ Боша), опредѣлены были торговля дороги въ Городецкомъ повѣтѣ; рѣчной путь указанъ по рѣкѣ Припяти, Вѣтницѣ и Горыни; иностранные купцы могли проѣзжать таможенную заставу въ Луцкѣ безъ платежа мыта, но за то обязаны были его платить въ Городкѣ или Пинскѣ¹⁾. Иногда и самое появленіе новыхъ коморъ объясняется необходимостью слѣдить за купцами, чтобы они не обѣзжали старыхъ дорогъ. Такъ, въ 1540 году были учреждены таможи въ Юрборгѣ и въ Горждахъ на прусской границѣ. Въ листѣ по этому поводу Сигизмундъ I объясняетъ, что Ковенское мыто терпитъ большую „шкоду“ и „переказу“ „для многихъ дорогъ, которыя суть невзычайные во земли Жомойтской положены, и теми дорогами многіе купцы наши и чужоземцы съ товары своими, минуючи мыто комору нашу Ковенскую проѣзжаютъ, и шкоды и злодѣйства всякіе ся становять“; поэтому король, вмѣстѣ съ панами радами, на Виленскомъ сеймѣ постановилъ уничтожить всѣ „невзычайныя“ дороги въ Пруссію. Король устанавливаетъ двѣ дороги изъ Латы въ прусской границѣ: одна идетъ по рѣкѣ Неману въ ямѣны Горжды, а другая сухимъ путемъ—на Юрборгъ. Нѣсколько ранѣе прокладка купцами новыхъ дорогъ мимо Ковна принудила Сигизмунда I установить таможи въ Тыкогнѣ и Техановцахъ на Бугѣ. Это было въ 1520 году. Въ листѣ по этому поводу король объясняетъ, что дорога съ юга въ Ковно „загамована“—и соль и другіе товары, которые шли сюда, „все ся обернули въ Бугъ и въ Наревъ у отчизну нашу великое князство Литовское“. Поэтому король издаетъ приказъ объ учрежденіи коморъ въ Техановцахъ и въ Высокомъ на Бугѣ и въ Тыкогнѣ на Наревѣ.

Вообще принципъ установленія опредѣленныхъ дорогъ твердо укоренился въ сознаніи литовско-русскаго правительства. На сеймѣ въ 1551 году состоялось даже, вслѣдствіе просьбы волискихъ пословъ, общее постановленіе о запрещеніи купцамъ ѣздить по новымъ дорогамъ. Нужно при этомъ замѣтить, что купцы должны были не только ѣздить по старымъ или вообще по разъ установленнымъ дорогамъ, но, сверхъ того, соблюдалось правило, по которому купцы того

¹⁾ А. Ю.-В. Р., I, p. 75.

²⁾ А. З. Р., II, p. 366.

³⁾ Любавскій, вѣст. № 32.

⁴⁾ А. З. Р., III, p. 42.

или иного города пользовались определенным путем. В этом отношении весьма любопытно письмо бывшего откупщика мита Данила Бельковича къ откупщику-же Михалу Езофовичу. Въ немъ онъ, напр., сообщаетъ, что кievляне, черниговцы, мозыряне и пиняне исконо вѣдизли въ Польшу на Люблинъ, Познань, Варшаву и Гцѣзно только черезъ Бересте; они никогда не имѣли дороги на Ратно или на Холмъ. Изъ Кобринской волости и города прѣзжаютъ за покупкою соли въ Бересте; если кто хотѣлъ направиться въ Польшу, или во Владиміръ на Волыни, тотъ обязательно провѣзжалъ черезъ Бересте, если-же купецъ направлялся на Ратно, „таковыхъ мы зъ рѣку въ промать господарскомъ забирывали“. Литовскіе купцы, а также виленицы и гродненцы имѣли дорогу въ Польшу на Познань, Варшаву, Гцѣзно, Рославль только черезъ Дорогичинъ. На рѣкѣ Бугѣ всѣ купцы обязаны были перевозить черезъ рѣку на господарскихъ перевозахъ¹⁾. Такимъ образомъ обычай и правительственная регламентация поддерживала известную систему торговыхъ путей²⁾.

Другую особенностью практики таможенныхъ сборовъ явились таможенные округа. Правда, при вел. кн. Александрѣ и Казимирѣ районы таможенныхъ округовъ не всегда строго выдерживались; такъ, напр., на Волыни отдѣльно шли на откупъ мита во Владиміръ и въ Луцкъ; въ Подляхія тоже иногда отдѣльно сдавались коморы. Но со времени Сигизмунда I таможенные районы дѣлаются болѣе устойчивыми; этотъ король держался принципа, чтобы „мита наши не разрывали водлѣ давного обычая“³⁾. Дѣйствительно, при немъ мы видимъ сдачу на откупъ не только по районамъ, но даже соединеніе въ рукахъ одного откупщика нѣсколькихъ округовъ; такъ, напр., отдача на откупъ волынскихъ и подляшскихъ таможенныхъ округовъ компаніи евреевъ съ Михалемъ Езофовичемъ по главѣ съ 1523 года, а королева Бона сосредоточила въ своихъ рукахъ таможи по южной, западной и сѣверной границѣ.

Въ центрѣ каждаго таможеннаго района находилась комора, т. е. главная таможня; эти коморы были въ наиболѣе крупныхъ городахъ.

¹⁾ Берташевъ, I, р. 89—90, 91.

²⁾ О дорогахъ съ этой точки зрѣнія сообщается свидѣнія у Михалона Литвина, Мемуары по исторіи юго-западной Россіи, р. 51, у Яромешевича, *Obraz Litwy*, II, р. 96, у г. А. Яблоновскаго въ ст. *Handel Ukrainy w XVI wieku*, „Ateneum“, 1895.

³⁾ Берташевъ, I, р. 107.

Въ различныхъ частяхъ округа, на самой границѣ или на „гостинцахъ“, стояли прикоморки, т. е. отдѣленія главной таможни. Затѣмъ, въ различныхъ мѣстечкахъ, селахъ были поства, гдѣ „лежала“ таможенная стража; на польскомъ пограничьи стража находилась и въ соединенныхъ польскихъ мѣстечкахъ,—вѣроятно, для наблюденія за направленіемъ товарныхъ транспортовъ. Впрочемъ, надо оговориться, что иногда, особенно въ древнѣйшихъ актахъ, отдѣленія главныхъ таможенъ назывались тоже коморами, а главная таможня иногда называется „головною коморою“. Король отдавалъ на откупъ или въ управленіе цѣлой округъ какому нибудь лицу, а это послѣднее уже отъ себя назначало своихъ слугъ—„справдцевъ“ на прикоморки. Таможенная повинина взималась или на главныхъ коморахъ, или на прикоморкахъ.

Главные таможенные центры уже намѣтились въ XV вѣкѣ; такъ, въ расходной книгѣ вел. кн. Казимира встрѣчаются ассигновки на получение жалованья на слѣдующія мита: берестейское, ковенское, луцкое, владимірское, повгородское, маявское, смоленское, кievское, нутавальское и бринское¹⁾. Это только главные таможни, къ которымъ „прислухали“ прикоморки. Большинство послѣднихъ тоже древняго происхожденія.

Теперь мы опредѣлимъ въ частности составъ таможенныхъ округовъ.

Начнемъ съ Волыни. Вся группа коморъ и прикоморскихъ, находившихся здѣсь, составляла районъ мита волынскихъ. Здѣсь собственно было двѣ главные коморы—Луцкая и Владимірская. Къ этому району тянулись двѣ пограничныя линіи—со стороны Польши и на южной Украинѣ, на торговыхъ дорогахъ изъ Крыма и Турціи. Надо замѣтить, что извѣстія о волынскихъ прикоморкахъ на Украинѣ относятся приблизительно къ половинѣ XVI вѣка; вѣроятно, въ XV и въ началѣ XVI вѣка южная торговля направлялась исключительно на Кіевъ и только съ ослабленіемъ торговаго значенія Кіева, а также съ передачей кievскаго мита на воеводство, таможенная застава передвинулась къ украинскимъ городамъ и вошла въ составъ волынскихъ митъ. Такъ, въ составѣ волынскаго округа мы встрѣчаемъ слѣдующіе прикоморки: въ Кременѣ, Дубнѣ, Ковелѣ, Горуховѣ, Дубровнцѣ, Корцѣ, Жестлавлѣ, Жабчѣ, Перемилѣ, Литовляжѣ, Берестечкѣ—

¹⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, расходная книга

это—на польскомъ пограничьи. На Украинѣ прикоморки были въ Браславѣ и въ Винницѣ¹⁾.

Къ сѣверо-западу отъ волынскихъ мытъ находился большой районъ мытъ подлишскихъ съ цѣлымъ рядомъ прикоморковъ. Здѣсь можно тоже считать двѣ главныя коморы—въ Берестѣ и въ Бѣльскѣ. Уже упомянутый нами раньше Даныо Еськовичъ свидѣтельствуетъ, что въ берестейскому мыту „прислухало“ мыто въ Дорогичинѣ, Лосичахъ и Техановцахъ, т. е. это были берестейскіе прикоморки²⁾. Въ началѣ XVI вѣка изъ подлянскихъ мытъ выдѣлялось еще мыто городенское, какъ самостоятельная таможня, по послѣдствію и оно слѣловъ вмѣстѣ съ бѣльскимъ въ одинъ подлишскій округъ. Въ подляшскомъ округѣ коморы и прикоморки выходили въ слѣдующихъ городахъ и мѣстечкахъ: въ Берестѣ, Бѣльскѣ, Гроднѣ, Мстисловѣ, Дорогичинѣ, Мельникѣ, Каменцѣ, Лосичахъ, Воинѣ, Двиннѣ, Милейчицахъ, Яновѣ, Межирѣчьи, Суражѣ, Венгровѣ, Техановцѣ, Тикотинѣ, Высокомѣ, Владыкѣ; кромѣ того къ подлянскимъ мытамъ почти всегда причислялось и мыто мостовое въ мѣстечкѣ Мостахъ. За границею, въ предѣлахъ Польши, находилась стража въ городахъ: Парчовѣ, Ломжѣ и Лицѣ³⁾.

Далье на Западной границѣ встрѣчаемъ Ковенскую таможню. Такъ какъ главная цѣль этой таможни состояла въ сборѣ пошлинъ съ товаровъ, идущихъ по рѣкѣ Неману, то она имѣла мало особыхъ прикоморковъ—акты упоминаютъ о Жеймелѣ, Жагорахъ⁴⁾. Въ 1540 году, какъ мы уже знаемъ, были выдвинуты впереди Ковна таможни въ Горждахъ и Юрборкѣ; они находились въ ковенскомъ районѣ. Съ начала второй половины XVI столѣтія рядомъ съ Ковенскимъ округомъ выдѣляется Жомойскій; центромъ его, вѣроятно, была Горжда⁵⁾.

Рядомъ съ этимъ слѣдуетъ упомянуть о коморахъ въ Вильнѣ, Минскѣ и Новгородѣ. Къ концу изучаемаго періода эти коморы

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 137 об.—140, XXXV, л. 127—131; Бершадскій I, р. 48, Кн. Пер. Лит., X, л. 17.

²⁾ Бершадскій, I, р. 89.

³⁾ Акты Ю.-З. Р., II, р. 118. Кн. Пер. Лит., X, л. 28 об.—31 об. и 32—34; Бершадскій, I, р. 106, II, р. 146.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., XXI, л. 12 об. Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 135—137 об. и л. 158. Варш. Арх. Каз. Пал., кн. 14 В.

⁵⁾ Цит. книга 14 В.

⁶⁾ Ibidem, I, с.

сдавались вмѣстѣ и составляли одинъ округъ¹⁾. При нихъ были прикоморками Бобруйскъ, Красное Село, Радонковичи, Ошмяны²⁾. Изъ этого видно, что эти коморы и прикоморки прикрывали собою Виленскій районъ на востокъ и на западъ. Дѣйствительно, Вильна была центромъ торговли съ Московскимъ государствомъ; при королѣ Казимирѣ Минское мыто иногда сдавалось отдѣльно, но затѣмъ не имѣло самостоятельнаго значенія. Новгородское же мыто почти до половины XVI в. представляло собою самостоятельный округъ и сдавалось отдѣльно.

Перейдемъ теперь къ таможеннымъ районамъ, расположеннымъ на сѣверной и восточной границахъ государства. Въ началѣ XV вѣка, здѣсь упоминаются уже таможни въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Смоленскѣ, Дорогубужѣ и Визьмѣ³⁾. Но, такъ какъ главные города этого района Полоцкъ, Витебскъ и Смоленскъ, пользовались большими торговыми льготами, то сборъ таможенныхъ пошлинъ пріобрѣлъ здѣсь нѣсколько особня черту. Въ Витебскѣ и Полоцкѣ въ началѣ XVI вѣка собирались пошлины только отъ воска и соли. Только въ годы Ливонской войны собиралось здѣсь новоустановленное мыто, также и мыто зыцкое въ землѣ Полоцкой со всеми мыты посторонними по замкахъ навныхъ пограничныхъ и во именіяхъ князскихъ, панскихъ, духовныхъ и землянскихъ, къ мыту, коморы Полоцкое прислухаютими, где и передъ тѣмъ мыта стерегивали⁴⁾. Впрочемъ, Орша въ нѣкоторыхъ актахъ считается прикоморкомъ моголевскимъ и сдается вмѣстѣ съ этой послѣдней въ аренду. Въ семидесятыхъ годахъ въ этомъ районѣ еще возникаетъ Дисненская комора съ прикоморками въ Дянемборкѣ, Кирхгольмѣ и въ др. портахъ р. Двины⁵⁾.

Въ Могилевѣ собиралось мыто головное, но при сдачахъ въ управленіе или на откупъ оно всегда объединялось съ корчмами и торговыми мытами. Такое-же соединеніе мытъ и корчемъ мы обычно встрѣчаемъ и въ другихъ восточныхъ городахъ, напр., въ Смоленскѣ, Путявлѣ и Брисскѣ.

До 1507 года на господарскій скарбъ взималось еще мыто въ киевскомъ районѣ; къ этому мыту были прикоморки въ Вышгородѣ

¹⁾ Кн. Пер. Лит., X, л. 28 об.

²⁾ Арх. Варш. Каз. Пал., кн. 14 В.

³⁾ Акты З. Р., I, р. 47.

⁴⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 7 об., Кн. Зап. Лит., XXXV, л. 235 об.

⁵⁾ Варш. Каз. Пал., кн. 14 В.

и Житомир¹⁾). Главнейшею составною частью киевских таможенных сборов было мыто съ каравановъ или оргиша, приходившаго съ юга; сверхъ того здѣсь же собиралось и торговое мыто. Въ 1507 году Сигизмундъ I передалъ киевскому воеводѣ пану Юрію Михайловичу Монготовичу „на поживеніе“ къ воеводству киевское мыто, кромѣ оргишоваго; къ составу переданнаго мыта, вѣроятно, было не одно торговое, но и пограничное, кромѣ каравана²⁾. Впрочемъ, и это послѣднее мыто также передавалось киевскому воеводѣ; такъ, оно было отдано въ 1541 году справцѣ киевскаго воеводы князю Андрею Коширскому³⁾. Оргишное мыто въ 1542 году еще находилось въ распоряженіи скарба⁴⁾, но впоследствии и оргишь перешелъ къ воеводѣ князю К. К. Острожскому: около 1560 года князь Острожскій уступилъ это мыто королю, взявъ 200 копъ грошей; назначенныхъ воеводѣ королемъ изъ лудскаго мыта⁵⁾. Замѣтимъ, что крайнимъ южнымъ пунктомъ киевскаго мыта въ XV в. была Таванъ на Днѣпрѣ, гдѣ были господарскіе перевозы и ввозилось мыто⁶⁾. Итакъ таможенные округа охватывали со всѣхъ сторонъ границы государства.

Коморы находились въ господарскихъ городахъ, а прикоморки въ господарскихъ частновладѣльческихъ имѣніяхъ. Въ предшествующемъ изложеніи не разъ приходилось указывать на широкую компетенцію велико-княжеской власти въ вопросѣ объ установленіи мытъ; было указано, что компетенція велико-княжеской власти распространялась даже на удѣльно-княжескую территорию. Однако ростъ шляхетскихъ привилегій сказался въ данномъ вопросѣ тѣмъ, что шляхта дѣлала попытки иммунизировать свои земли отъ установленія на нихъ государственной таможенной стражи. Мы уже знаемъ, что земли шляхты были свободны отъ установленія торговыхъ и проѣзжихъ господарскихъ мытъ. Очевидно шляхта стремилась поставить свои имѣнія въ такое же положеніе и по отношенію къ вышнимъ

¹⁾ Бернадскій, I, p. 38.

²⁾ Любавскій, прил. № 15.

³⁾ Ки. Зап. Лиг., XXIV, л. 95.

⁴⁾ Акты Ю.-З. Р., I, p. 117.

⁵⁾ Ки. Зап. Лиг., XXXVII, л. 418 об.

⁶⁾ Акты З. Р. II, p. 362. Михаилъ Литвинъ. Мемуары и прил., p. 51. Докум. Моск. Арх. Ман. Юст., I.

таможеннымъ пошлинамъ. Шляхта нѣсколько разъ просила на сеймахъ господамъ объ освобожденіи ея имѣній отъ мытной стражи; съ такою, напр., просьбой обратилась къ господарю шляхта на сеймѣ 1544 г., но получила отказъ¹⁾. Съ такою же просьбой обратилась шляхта къ королю и на сеймѣ 1551 г., но получила разъясненіе въ томъ смыслѣ, что господарское мыто можетъ обратиться „въ нивель“, если мытники не будутъ сѣдѣть на панскихъ земляхъ за проматой; сеймовой речессы настойчиво утверждаетъ: „хочетъ то его королемъ-сквай милость конечный мѣти, абы коморы мытные по имѣніяхъ вышнихъ, на мѣстцѣхъ потребныхъ были и сторожи бы тамъ для проматы мѣшкали“²⁾.

Въ этомъ случаѣ король высказывалъ свой принципиальный взглядъ на данный вопросъ; на практикѣ же правительству приходилось вести борьбу съ шляхтой, а сеймы, какъ высшая власть въ государствѣ, издавалъ постановленія объ установленіи новыхъ коморъ на частно-владѣльческихъ земляхъ. Такой декретъ былъ, напр., изданъ сеймомъ 1566 г.³⁾. Фактически не всегда помогали и сеймовые декреты. Новый наборъ 1566 г. данъ былъ сначала въ аренду сврейямъ Исаку Борозавскіи и Давиду Шмерлевичу; но они отказались отъ аренды, потому что шляхтичи, владѣвшіе имѣніями въ пограничныхъ мѣстностяхъ, не допустили мытниковъ къ сбору мытъ въ предѣлахъ своихъ имѣній. Аренда набора была сдана поэтому такимъ сильнымъ людямъ, какъ панъ Иеронимъ Ходкевичъ и Остафій Воловичъ, въ распоряженіи которыхъ было войско и влияние⁴⁾. Однако къ наибо-

¹⁾ Dziatynski, Zbiór praw lit., p. 406.

²⁾ Акты Зап. Рос., III, p. 29 и p. 41.

³⁾ Док. Моск. Арх. Ман. Юст., I, p. 199.

⁴⁾ Объ этомъ король рассказываетъ въ арендномъ контрактѣ съ Ходкевичемъ и Воловичемъ: „Што которые сборы... отъ всякихъ товаровъ первой сего постановили есмо на потребу Речи Посполитое... а потомъ наполе руда нашихъ милость духовные и светскіе со всеми станами соими наизначили, будучи на прошломъ сойме Берестейскомъ на оборону земли Лифляндской, не уменьшачи, але еще причинили того набору болшей надъ первой отъ каждого товару меновити невную дѣльбу постановивши, избирати, для чего въ мѣстехъ, селлахъ и вменельхъ своихъ на избирание того набору коморы и прикоморковъ поступили“. Однако сврей арендаторы должны были отказаться отъ аренды, потому что многие изъ „князей, пановъ и землянъ вышнихъхъ сполхъ, ку границамъ придегачхъ, не допустить того набору на потребу Речи Посполитое избирати отъ своихъ и передежчихъ купцовъ, пожитки некие себе привозаючи“. Новымъ арендаторамъ, т. е. Ходкевичу и Воловичу предоставляется „мощь коморы и прикоморки за

лде сильным панамъ король долженъ былъ писать особые листы съ требованіемъ устроить на ихъ земляхъ коморы, даже и тогда, когда мыта находились въ арендѣ у Ходкевича и Воловича¹⁾. Впрочемъ и по поводу взиманія побора 1561 г. королю пришлось писать особые листы съ требованіемъ, чтобы земьяне не воспрещали мытникамъ взимать мыто и поборы со своихъ подданныхъ²⁾. Упорство, оказываемое шляхтою, доходило до того, что король иногда давалъ льготы шляхтѣ за ея согласіе на устройство коморъ на ея земляхъ³⁾, или же испрашивать у нея разрѣшенія на сборъ новыхъ мытъ съ подданныхъ шляхты⁴⁾.

Познакомившись съ таможенными округами, перейдемъ къ вопросу объ управленіи ими. Втеченіе всего изучаемаго періода практиковался двойного рода способъ управленія мытами и коморами. Для заведыванія ими скарбъ или назначалъ особахъ сиривцевъ, которые собирали мыто и поборы, заведывали восковичимъ и солиничимъ „въ вѣрной рудѣ“, или же сдавалъ въ аренду одному или нѣсколькимъ капиталистамъ. При вел. кн. Александрѣ и Сигизмундѣ I мыта сдавались въ управленіе или въ аренду спорадически и скарбъ переходилъ отъ одной въ другой системѣ управленія. При Казимарѣ же и Сигизмундѣ Августѣ скарбъ почти исключительно пользовался арендой.

Въ правленіе великаго князя Александра скарбъ переходилъ отъ одного къ другому способу управленія подъ влияніемъ случайныхъ соображеній, въ его дѣйствіяхъ нѣтъ опредѣленной системы. Напротивъ, въ правленіе Сигизмунда I переходы къ тому или иному способу управленія носятъ болѣе общій характеръ: въ дѣятельности скарба замѣчается стремленіе найти наиболѣе выгодный способъ управленія таможенными сборами. Первые годы правленія этого короля обозначается тѣмъ, что скарбъ переходитъ отъ откуповъ къ

листы и дворяны панями установити, пристрѣгавчи шюды пенское, иъ бы постановлено соблювому на воше домотъ ся стало“ (Въ Пер. Лит., X, з. 1—3аб).

¹⁾ Такие листы, напр., король послалъ пану Ольбраху Ласкому и князю Роману Сангушкѣ (Кн. Зап. Лит., XLV, з. 120 об.—123 и з. 123—124).

²⁾ Напр., султанъ-подданы паня Кашчиной водъ ея вкромнѣтствомъ проведла товары, не уилатиъ побора въ розмірѣ 5000 конь грошей. Король требуетъ отъ самой паня уилатиъ пошаниъ за ея купцовъ (ibidem, з. 86).

³⁾ Вилем. Арх. Сборн., III, р. 14.

⁴⁾ Акты Ю.-В. Рос., I, р. 211.

системѣ управленія черезъ довѣренныхъ лицъ; такой поворотъ скарбовой политики принадлежитъ времени подскарбства извѣстнаго Аврама Езофовича¹⁾. Въ эти годы въ управленіи восковыми и соляными коморами замѣчается и еще одна особенность: сборъ денегъ отъ завѣдующихъ Волынскими и Подлянскими восковыми и соляными коморами поручается Михею Ребинковичу и такимъ образомъ упорядочивается движеніе суммъ²⁾. Однако съ началомъ 20-хъ годовъ вѣрная система управленія замѣняется откупомъ. Въ 1523 г. компанія капиталистовъ во главѣ съ Михеємъ Езофовичемъ беретъ на откупъ все мыта и коморы въ Подляхн и на Волынн³⁾. Такимъ образомъ скарбъ снова перешелъ къ откупу, но въ этомъ переходѣ надо видѣть не случайность, а попытку установить новую систему управленія. Въ XV вѣкѣ, а также и до 1509 г., т. е. до подскарбства Аврама Езофовича таможи одного и того же округа сдавались въ аренду разнымъ лицамъ такъ, часто въ отдѣльности или въ аренду таможи въ Луцкѣ, Владимірѣ, Дорогичинѣ, Бѣльскѣ, Берестинѣ, не говоря уже объ особомъ управленіи таможенъ въ Ковнѣ, Смоленскѣ, Могилевѣ; иногда сосѣднія таможи сдавались въ одніи руки, но это происходило совершенно случайно. При Александрѣ восковыи и соляныи коморы всегда сдавались въ управленіе или на откупъ отдѣльно отъ мытныхъ. Аренда 1523 г. отличается отъ предшествующихъ весьма существенными чертами: въ ней сгруппированы все коморы и мыта двухъ обширнѣйшихъ таможенныхъ округовъ. Такихъ образомъ, кромѣ Ковенской и Могилевской таможи, въ рукахъ Михея и К^о сосредоточивается сборъ таможенныхъ пошлинъ на южной и западной границахъ. Мнѣская таможа, тогда очень незначительная, находилась до 1522 г. въ вѣрномъ управленіи⁴⁾, но въ 1525 г. и она переходитъ къ Михею⁵⁾. Въ томъ же году и Могилевское мыто переходитъ къ нему⁶⁾. У него же въ арендѣ было и Новгородское мыто⁷⁾. Такимъ образомъ Михея сосредоточилъ въ своихъ рукахъ все таможенныя пошлины за исключеніемъ Ковенскаго округа (Киев-

¹⁾ Бернадскій, „Авраамъ Езофовичъ“, „Киевская Старина“ 1888 г., дек., р. 432.

²⁾ Бернадскій, I, р. 75; Акты Ю.-Зап. Рос., II, р. 124.

³⁾ Бернадскій, I, р. 106.

⁴⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., IV, з. 24.

⁵⁾ Бернадскій, I, р. 135.

⁶⁾ Ibidem, р. 133.

⁷⁾ Ibidem, р. 165.

ское мыто тогда было у мѣстнаго воєводи, Смоленскъ уже не принадлежалъ Литвѣ, а въ Витебскѣ и Полоцкѣ собиралось только восковичее и солничее). Но этотъ поридокъ продолжался только до конца 20-хъ годовъ, когда мыта опять сдаются въ аренду (впрочемъ уже цѣлыми округами) разнымъ компаніямъ откупщиковъ.

Очевидно, у скарбовыхъ дѣлателей является мысль о сосредоточеніи всего таможеннаго управленія въ однихъ рукахъ. Въ 30-хъ годахъ она возродилась при новой обстановкѣ: королева Бона сосредоточила управленіе таможенными сборами въ своихъ рукахъ. Припомнимъ, что къ этому именно времени относится установленіе новыхъ мытъ и устройство таможень въ Горждахъ и Юрборгѣ.

Въ половинѣ 30-хъ годовъ королева Бона получаетъ „въ аренду“ почти все мыта; собственно говоря, это не была аренда таможенныхъ сборовъ въ томъ смыслѣ, какъ она тогда понималась: арендная сумма не была обозначена, также какъ и срокъ аренды и другія условія. Поэтому періодъ управленія таможнями королевю надо считать не арендой, а именно завѣдываніемъ. Это доказывается еще и тѣмъ, что вел. кн. Сигизмундъ I въ тотъ-же періодъ принималъ самое дѣлательное участіе въ управленіи; назначеніе сиривцевъ мытныхъ исходило отъ него и отъ королевы. Все важнѣйшія распоряженія по управленію мытами тоже писались отъ его имени. Изъ списка сиривцевъ на коморахъ и мытахъ, назначенныхъ кородемъ и королевою въ 1536 году, видно, что въ ея распоряженіи находились все таможни, за исключеніемъ волыскихъ, впоследствии тоже перешедшихъ къ ней. Королева Бона завѣдывала мытами почти до конца сороковыхъ годовъ, когда мы снова встрѣчаемъ арендные листы на отдачу мытъ разнымъ лицамъ. Для управленія мытными коморами назначалось обыкновенно три лица, среди которыхъ мы встрѣчаемъ по крайней мѣрѣ одного изъ дворянъ господарскихъ, скарбныхъ писарей или мѣстнаго плебана, двое другихъ почти всегда—изъ мѣстныхъ бурмистровъ. Въ листахъ, разосланныхъ въ 1536 году сиривцамъ при ихъ назначеніи, король требуетъ, чтобы сиривцы были въ полномъ подчиненіи у подскарбіа земскаго; король поручаетъ имъ управленіе мытами, полагаясь въ исправности службы на ихъ „дичоты и на души и на горла ваши, абы есте никоторое речі намъ ку шкоде не впустили, але верне, правдиве намъ служили“¹⁾. Но кромѣ того среди лицъ, завѣдывав-

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XXI, л. 12 об.—14.

шихъ коморами при королевѣ Бонѣ, мы встрѣчаемъ и болѣе значительныхъ, чѣмъ дворяне и плебаны, напр. бискупа Луцкаго Юрія Хвалчевскаго, завѣдывавшаго Волыскими мытами²⁾. Завѣдующіе мытами находились въ полномъ распоряженіи подскарбіа земскаго; они слѣдили за тѣмъ, чтобы купцы не переходили таможню безмытно и все проходящія товары записывали въ реестръ, равно какъ и сумму золота отъ нихъ мыта³⁾.

Все деньги, собранныя сборщиками, передавались ими подскарбію земскаго, или же раздавались на мѣста по ассигновкамъ все скарба. Окончательный счетъ съ мытниками сводила лица, специально на то назначенныя кородемъ; среди нихъ былъ и подскарбіи земскій (при Казимирѣ и Александрѣ не всегда⁴⁾). Какъ въ некоторую особенность управленія, „къ вѣрной рудѣ“ слѣдуетъ отмѣтить такіе случаи, когда комора сдавалась въ управленіе для погашенія скарбнаго долга лицу, къ которому переходило управленіе⁵⁾.

Нѣсколько въ иное отношеніе ставились скарбы, когда они сдавались мыто въ аренду. Подскарбіи земскій не касался тогда внутренней жизни таможни: съ арендаторами отъ имени короля заключалось условіе, на основаніи котораго они завѣдывали мытомъ. Познакомимся съ характеромъ и условіями этихъ арендныхъ контрактовъ. При короляхъ Казимирѣ и Александрѣ, а отчасти и въ первые годы правленія Сигизмунда Перваго, практиковалась нѣсколько иная форма объявленія о сдачѣ мытъ, чѣмъ та, которая установилась впоследствии; тогда король просто писалъ извѣщеніе къ аренднику и всему посольству мытнаго округа о сдачѣ въ аренду мытъ, съ краткимъ изложеніемъ условій аренды. Съ этимъ листомъ мытникъ являлся на мѣсто, предъявлялъ его яраду и вступалъ въ управленіе таможней. Въ позднѣйшее время мытникъ получалъ на руки листъ, носившій уже и по формѣ характеръ контракта; на мѣсто король уже послалъ краткія извѣщенія объ отдачѣ мыта⁶⁾. Общій характеръ арендныхъ контрактовъ на мыта довольно однообразенъ за весь изучаемый періодъ: измѣненіямъ подвержены только тѣ статьи контрактовъ,

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XXIII, л. 50 об.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XVII, л. 43 об.

³⁾ Литв. Лит.-рус. рос., I, р. 78, 79, 80 и др.

⁴⁾ Ibidem, р. 134.

⁵⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., I, л. л. 102; Грамоты Антоновича, р. 137, 146 и др.

которые устанавливають объемъ арендуемыхъ статей, способы расплаты, наконецъ такіа, которые могутъ вліять на уменьшеніе или на увеличеніе доходныхъ статей; въ древнѣйшихъ же актахъ король просто ссылался на „старину“; мытникъ во всемя обязанъ ею руководствоваться.

Мы уважемъ вкратцѣ на общія черты условій, заключавшихся скарбомъ съ арендаторами.

Каждый такой контрактъ неизбѣжно содержитъ въ себѣ опредѣленіе объема арендуемыхъ статей, сумму аренды, срокъ ея и сроки, въ которые должна быть вносима арендная плата. Въ позднѣйшее время арендная плата вносилась почти исключительно наличными деньгами и притомъ непосредственно въ скарбъ, но въ древнѣйшее время арендная плата вносилась частью деньгами, частью сукнами. Иногда въ арендныхъ контрактахъ мы встрѣчаемъ опредѣленіе, какую именно часть мытники должны уплатить сукнами¹⁾; но, съ другой стороны, если скарбъ предполагалъ взять арендную плату наличными деньгами, то онъ всегда оговариваетъ это въ контрактахъ: мытникъ долженъ платить „готовизною“²⁾, или мытникъ даетъ въ скарбъ „готовыми пѣвязми, а не сукны, или иными которыми фанты“³⁾. Крозь того, арендная плата вносилась частью литовскою монетою, частью золотыми угорскими. Последнее условіе тоже всегда оговаривается въ контрактахъ⁴⁾. Въ актахъ времени Казимира и Александра встрѣчается еще составная часть арендной платы—челобитіе великому князю, т. е. подарокъ, который мытники обязательно вносили господарю; челобитіе состояло или изъ матерій—суконъ, камки, одомашки, иногда изъ лошадей, а иногда и изъ наличныхъ денегъ; господарскіе листы предупредительно опредѣляютъ стоимость подарковъ: „а также намъ мають дати челобитія на годъ по пяти куфгеровъ короткихъ, а по пяти коней, а по камцѣ, што-бы стояла за двадцать копъ грошей“⁵⁾. Арендная плата вносилась обыкновенно два раза въ годъ по полугодіямъ⁶⁾, а иногда (впрочемъ очень рѣдко) разъ въ годъ⁷⁾; иногда контракты опре-

¹⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, p. 218.

²⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, p. 82.

³⁾ Въ Зап. Лит., XV, s. 160.

⁴⁾ Навр., Кн. Зап. Лит., XXXI, s. 135.

⁵⁾ Бершадскій, I, pp. 44, 47, 51 и др.

⁶⁾ Кн. Зап. Лит., XLI, s. 289 об.

⁷⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, p. 82.

дѣляли, что плата должна даваться въ скарбъ только черезъ подскарбія земскаго¹⁾, а иногда указываютъ на то, что плата должна быть внесена въ скарбъ „дабо тамъ обернути, гдѣ отъ насъ разсказано будетъ яко то изъ панъ подскарбій земскій листомъ ознаимать“²⁾. Последнее условіе имѣетъ то значеніе, что скарбъ не всегда самъ получалъ арендную плату отъ мытниковъ; при Казимирѣ и Александрѣ вообще въ скарбъ рѣдко доходили остатки арендныхъ денегъ, такъ какъ мытники тутъ же на мѣстѣ раздавали ихъ по скарбовымъ ассигновкамъ—„квитаціямъ“. Иногда контракты опредѣляютъ точно ту сумму, которую арендаторъ долженъ вносить въ скарбъ наличными деньгами и что онъ долженъ давать на квитаціи,—„а иныи пѣвязы мають давати на квитаціи, кому што жазованыя нашего изъ него дадимъ на квитаціяхъ; а досталъ тыхъ пѣвязей чого не выдасть за сесъ годъ на квитаціи, то мають намъ готовизною платити“³⁾.

Расплата мытниковъ по квитаціямъ происходила примѣнительно къ указаннымъ въ контрактѣ срокамъ уплаты; но получившіе квитаціи часто требовали деньги вѣкъ срокомъ, поэтому господарскіе листы съ своей стороны требуютъ, чтобы намѣстники охраняли мытниковъ отъ тѣхъ, кто будетъ требовать уплаты по квитаціямъ вѣкъ срока: „про тожъ,—говорить одинъ изъ такихъ листовъ—кому коли въ него подаемъ пенязи на квитацяхъ зъ мыта, тыи бы пехай року ждали, а до року бы его не габали, и силою квитацен на него не наметывали, и моцно въ него пенязи не брали; пакъ ли бы который року не дожидуючи хотели его въ томъ габати, и силою на него квитацен наметывати и моцно въ него пенези брати, и ты бы его отъ тыхъ боронилъ и не далъ бы еси ему никому ни въ чомъ кривды чинити“⁴⁾. Съ скарбовыми квитаціями, которые выдавались служилымъ людямъ черезъ руки скарбовыхъ чиновниковъ дѣлыми сотнями⁵⁾, нерѣдко происходили злоупотребленія, отчего мы въ контрактахъ иногда встрѣчаемъ условія, которыми со-всѣмъ запрещается выдача мытныхъ денегъ на квитаціи, за исполненіемъ листовъ за подписью самого господари или подскарбіа земскаго⁶⁾. Съ квитаціями не разъ бывало и такъ, что ихъ на то, или

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XXXI, s. 135.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XLI, s. 289 об.

³⁾ Акты Зап. Рос., I, p. 1.

⁴⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, p. 82.

⁵⁾ Ibidem, p. 120.

⁶⁾ Бершадскій, I, p. 181.

иное мыто выдавали гораздо больше, чѣмъ арендная плата съ мыта¹⁾. Все эти неудобства побудили скарбъ прекратить выдачу квитанцій на мыто: уже во второй половине книженій Сигизмунда I встрѣчаемъ только ассигновки за королевскою подписью или за подписью подскарбія земскаго, но и то въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ.

Но кромѣ раздѣла по квитанціямъ мытники производили еще расхода двойнаго рода: или по выдачѣ жалованья учрежденіямъ и лицамъ (напр., монахамъ, церквамъ, стрѣльцамъ, пушкарямъ и пр.), жалованье которыхъ было обезпечено на мытъ²⁾, или по закупкамъ за счетъ скарба³⁾.

Нужно замѣтить, что первѣе мытныя коморы сдавались при такихъ условіяхъ, что арендаторы вносили болѣе или менѣе значительныя суммы въ счетъ арендной платы впередъ, иногда вначалѣ аренднаго срока, а иногда и задолго до его наступленія; разумѣется, это обстоятельство тоже заносилось въ контракты⁴⁾. Въ годы войны скарбъ старался какъ можно болѣе получать такихъ задатковъ, иногда явно терял на суммѣ арендной платы. Вслѣдствіе превращенія ассигновокъ на мытныя коморы или вслѣдствіе того, что скарбъ занималъ у арендаторовъ деньги, мыта часто сдавались въ аренду на условіи погашенія части или всего долга изъ арендной платы; разумѣется, и эти условія⁵⁾ тщательно вносились въ контрактъ. Съ этимъ послѣд-

¹⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, p. 68.

²⁾ Такие постоиные расходы декали почти на всѣхъ мытныхъ коморахъ; напр., на Берестейской: „Пожли которые расхода и впередъ тѣмъ изъ мыта нашего берестейскаго мытникомъ канавникомъ и пушкаромъ были, тогда они и теперь жалать имъ тѣе денега съ того мыта нашего давати потому, яко и впередъ тѣмъ было. А нынѣ подскарбіи земскій мають ихъ на личбе отъ нихъ принять“ (Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 135). Съ 1529 года въ Луцкѣ съ солончого выдавалось мѣщанамъ по 300, а потомъ по 200 копѣ грошей на „оправу“ города (Акты Ю.-З. Рос., II, p. 186). „А шлоя дотычетъ, говорить одинъ контрактъ, законниковъ обоюго закону рижского и греческого и техъ стрѣльцовъ, пушкаровъ и иныхъ ремесляныхъ занловъ нашихъ, которыхъ воде фундаторъ костельныхъ и ремесляныхъ воде зываюу а умови давное перше мытники наши платити въ каждый рокъ або кварталъ, тогда и тѣе мытники наши мають денягъ мытныхъ аренды своее таковымъ всякъ дуодна задлату чинити, а то чинъ воде реестровъ давныхъ мають въ скарбе нашемъ на личбе приймовано быти“ (Кн. Переп. Лит., X, л. 19).

³⁾ Кн. Зап. Лит., XII, л. 281, XLV, л. 131 об.; Акты Лит.-рус. гос., I, p. 104.

⁴⁾ Бершадскій, I, p. 43 и др.

⁵⁾ Бершадскій, I, p. 48, 43; Акты Ю.-З. Рос., II, № 86. Или вотъ какъ говорить объ этомъ одно условіе на отдачу волынского мыта: „Пожли шлоя тычетъ

имъ весьма сходны рѣдкіе случаи залога мытныхъ коморъ. Такой залогъ, напримеръ, былъ совершенною подскарбію земскому Дираму Елефониту въ 1518 году за скарбонный долгъ ему въ 8.000 копѣ грошей. Залогъ совершенно на 8 лѣтъ съ расчетомъ уплаты долга по 1.000 копѣ грошей въ годъ. При этомъ господамъ обещать не давать никакихъ ассигновокъ на Берестейское мыто, а за безмытные мыты платить изъ скарба¹⁾. Въ годы Ливонской войны Ковельское мыто выходило въ залогъ у купцовъ данцискихъ, а воеводичее Виленьское—у мѣщанъ пшевенскихъ.

Въ числѣ другихъ условій арендные контракты огораиваютъ также все, что касается безмытныхъ мытовъ, т. е. условія ихъ погашенія, отбыва, уплаты за пропущенные безмытно товары по подареннымъ листамъ и т. д.: объ этомъ мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ; слѣдуетъ только прибавить, что въ арендныхъ контрактахъ первѣе огораивается безмытный пропускъ тѣхъ или иныхъ господарскихъ товаровъ²⁾. Та или иная постановка вопроса о безмытныхъ

тѣе сумы первое тысячъ тысячъ копѣ грошей, яко есмо продали были Ермозе тѣе мыта на три тысячѣ копѣ грошей есново, тѣхъ часовъ оттрутили есмо с тѣе сумы на каждый годъ Ивану Ермоличу по ету копѣ грошей за мыто мостовое, которое порозедалъ есъ вилость наши матка наша ку Мостомъ мають. И мають онъ платити намъ за тѣе мыта на две тысячѣ и по денегисотѣ копѣ грошей и по ету золотыхъ червонныхъ на годъ—разсчитать по полугодіямъ (Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 158—161).

¹⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, p. 164—165.

²⁾ Такъ, при арендѣ Айвану Елефониту мыты волыньскіе и подлянскіе, городъ выговариваетъ слѣдующее условіе: „а которыхъ бы купци черезъ тѣе мыта наши возили воски, або иныхъ которыхъ речей зъ листы нашими безмытными, тѣмъ купци жалеть тѣмъ мытникомъ нашимъ прислугу чинити—хрестяне подлугъ своего права, и ежели на десятеро Боже приказаніе, ихъ то товаръ князю коуго, або явоа, але не нашѣ“ (Акты Лит.-рус. гос., I, p. 220). Или вотъ еще пунктъ изъ аренды 1569 г. на подлянскія мыта: „Можья тежѣ изъ фольварковъ нашихъ и лесные товары, которые съ вущѣ нашихъ господарскихъ на насъ виробленіе будуть и цимѣ речѣ власные на речѣ нашихъ властностейъ рукою нашимъ подскарбіемъ мають безъ бриваиъ воборовъ яко за границу Великого князства“ (Кн. Пер. Лит., X, л. 5). Иногда въ условіяхъ встрѣчаемъ особую огороку относительно дѣсныхъ товаровъ. Такъ, въ арендномъ листѣ Ивану Ермоличу на подлянскія мыта въ 1547 году ставится такое условіе: воски на господамъ провозятся безмытно по господарскимъ листамъ; „дечь што ся дотычетъ вущѣ нашихъ господарскихъ, въ которыхъ бы на властный пожитокъ нашъ буди бы роблены и тѣе работы лесные до Киданьскя были спущены, тогда они мають то добровольно черезъ тѣе мыта и коморы наши пропускати и каждого мыта отъ тѣхъ речей яко отъ властной потребности нашео господарское не брати“ (Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 135).

листахъ, разумеется, вліяла на размѣры арендной платы. То же замечаніе имѣло и обезпеченіе арендаторовъ на случай какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, которые могли повліять на уменьшеніе таможеннаго дохода. Оттого контракты иногда оговариваютъ, что въ случаѣ войны, повальной болѣзни арендаторъ получаетъ скидку изъ арендной платы соотвѣтственно размѣру повесенныхъ имъ убытковъ. Такое условіе мы неизменно встрѣчаемъ во всѣхъ контрактахъ времени Сигизмунда Августа ¹⁾. Въ подобныхъ случаяхъ расчетъ производился такимъ образомъ: или средняя сумма за нѣсколько лѣтъ дѣйствительныхъ поступлений пошла на 12 мѣсяцевъ и изъ арендной платы отсчитывалось то количество поступлений, которое могло бы получиться за время застоя въ торговлѣ, или такой же расчетъ производился по одному предшествующему году (при чемъ брались изъ расчета соотвѣтственные мѣсяцы), или наконецъ арендная годичная плата дѣлилась на число недѣль въ году и дѣлилась учетъ за соотвѣтственное число недѣль застоя ²⁾. Иногда учетъ, вслѣдствіе непредвидѣнныхъ случайностей и застоя въ торговлѣ, достигалъ солидной суммы: напримеръ, Бородавка и Исаковичъ въ 1567 году получали скидку съ арендной платы на сумму въ 16.000 копъ грошей ³⁾. Иногда мытники терпѣли ущербъ еще и потому, что правительство запрещало вывозъ товаровъ изъ государства ввиду разныхъ соображеній; напримеръ, въ арендномъ контрактѣ на аренду мытъ Мевделю Исаковичу государь оговариваетъ, что арендатору будетъ отсчитано изъ арендной платы въ томъ случаѣ, „если бы тебѣ для лѣтъ припалыхъ потребъ земскихъ и для перехованья людей служебныхъ приказано было отъ насъ вывозити живность за границу, ино то подлугъ слушного уваженья, колко бы за то учинило ошачованья ихъ милости вытучноно быти масть“ ⁴⁾. Арендаторъ подлишскихъ мытъ Пванъ Ермоличъ проситъ въ 1548 году господари продолжать ему аренду мытъ еще на три года, такъ какъ ему грозитъ разореніе вслѣдствіе

¹⁾ „А если бы которого чаю у трехъ тыхъ годехъ, того Боже не дай, пала быти война або поветрее въ томъ краю у тѣхъ местехъ нашихъ, где они гдѣ мыта будутъ заведати, тогда водле оного часу колко онаи пала або поветрее стояти будутъ, съ тос сумы штося будутъ годити, масть имъ быти отгучноно, або толкожъ масть имъ дати додержати, колко бы оное поветрее, або война была“ (Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 135) (ср. Кн. Зап. Лит., LI, л. 130, XII, л. 289 и др.)

²⁾ Кн. Зап. Лит., XIV, л. 71.

³⁾ Кн. Судн. Дѣл. Лит., I, III, л. 92 об.

⁴⁾ Кн. Переи. Лит., X, л. 4 об. — 6 об.

потерь въ предшествующую аренду отъ повальной болѣзни и того, что серебро было „загамовано“ у купцовъ для господарской мынцы ¹⁾. Но, если правительство дѣлало уступки арендаторамъ на случай потерь съ ихъ стороны, то оно выговаривало иногда условіе, по которому арендаторъ долженъ повысити арендную плату въ случаѣ, если мыто „поленится“ ²⁾.

При полученіи аренды мытника долженъ былъ представить за себя поручительство — „рукометство“ какихъ-нибудь лицъ, заслуживавшихъ довѣріе скарба ³⁾, или „приреченіе“ ⁴⁾. Такими „рукоемыми“ часто бывалъ кто-нибудь изъ наповъ рады или самъ подскарбій. Иногда мытники должны были вносить арендную плату черезъ своихъ поручителей ⁵⁾. Если мытники оказывались неисправными плательщиками, то король обращался къ „рукоемцѣ“ ⁶⁾. Въ случаѣ неуплаты, подскарбій долженъ былъ „скинуть“ арендатора съ таможи. Такие случаи бывали; напримеръ, Бородавка и Исаковичъ „омѣшкивали“ вносить арендную плату, почему государь отнялъ у нихъ волынскія мыта и передалъ Загоровскому и Малинскому ⁷⁾. Иногда контракты содержатъ въ себѣ условіе, по которому, въ случаѣ неуплаты арендныхъ денегъ, подскарбій земскій не только можетъ „скинуть“ воевъ арендаторовъ, но и „можно тую суму отпирати“ на имѣніяхъ ихъ и на „статкахъ“ ⁸⁾. Вѣроятно, такое обезпеченіе имущества принималось въ томъ случаѣ, если скарбъ видѣлъ достаточную гарантію исправности плательщика въ его имущественномъ положеніи. Зато скарбъ рѣдко гарантировалъ арендаторамъ соблюденіе аренднаго контракта съ своей стороны; только въ немногихъ условіяхъ встрѣчаемъ обіщаніе, что государь не запродаетъ мыта до истеченія аренднаго срока ⁹⁾. И дѣйствительно можно указать случаи, когда государь нарушалъ арендные контракты, когда новые соискатели арендъ „повышали плату“ ¹⁰⁾.

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 158.

²⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, р. 82.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XXXV, л. 282 об.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., XVII, л. 128 об.

⁵⁾ Кн. Судн. Дѣл. Лит., VII, л. 15 об.

⁶⁾ Ibidem, л. 15.

⁷⁾ Кн. Зап. Лит., XII, л. 289 об.

⁸⁾ Кн. Зап. Лит., XV, л. 167. книга XVII, л. 139.

⁹⁾ Бершадскій, I, р. 179; Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 135.

¹⁰⁾ См. напр. въ изложеніи аренды, контрактовъ, которое приводится въ прил.

Добавимъ, что среди арендныхъ условий встрѣчаемъ иногда также требованіе отъ мытника не дѣлать жителямъ „утисковъ“ при сборѣ пошлины¹⁾. Въ свою очередь, государь бралъ мытника во всѣхъ дѣлахъ, касающихся мыта, подъ свой присудъ, а, въ случаѣ отсутствія, мытника и его слугъ судить подскарбій земскій; только нѣкоторые уголовныя преступленія, совершенныя мытниками, подлежали суду замковыхъ вридинковъ²⁾. Условіе объ изыятіи мытниковъ отъ общихъ государственныхъ судовъ неизмѣнно встрѣчается во всѣхъ контрактахъ и, конечно, имѣло важное практическое значеніе ввиду извѣстнаго неприязненнаго отношенія со стороны населенія къ сборщикамъ пошлинъ. Столь же неизмѣнно мы встрѣчаемъ въ арендныхъ контрактахъ еще одно условіе, именно о проматѣ т. е. о контрабандѣ. Промата дѣлилась пополамъ между мытниками и государемъ; въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ промата дѣлилась пополамъ между мытниками и мѣстнымъ замковымъ вридомъ. Всѣ дѣла, касающіяся споровъ о проматѣ или раздѣленія ея рѣшались подскарбіемъ земскимъ³⁾.

Онаконецъ пришли къ формамъ управленія мытными сборами, перейдемъ теперь къ изложенію порядковъ, существовавшихъ на то-
можныхъ.

Когда государь сдавалъ въ аренду или въ управленіе мыто, то онъ писалъ грамоты на имя намѣстниковъ, мѣщанъ и шляхты съ извѣщеніемъ о продажѣ мыта; въ этихъ государскихъ листахъ заключалось требованіе, чтобы вридины и частныя лица оказывали содѣйствіе мытникамъ и не нарушали-бы ихъ правъ; такія грамоты выдавались на руки мытникамъ, а они уже являлись листы къ жмет-

¹⁾ Кн. Судн. Дѣл. Лит., I, III, з. 7 об.

²⁾ Это условіе довольно однообразно повторилось во всѣхъ контрактахъ. Приведемъ его для примѣра: „Ктому тебѣ онъ, мытникъ нашъ, слугъ своихъ, которыхъ будутъ на месту своемъ на коморахъ головныхъ и на прикоморахъ зоставати и кому бы колѣнъ якая потреба до нихъ была, мають ихъ сами судити, а воеводы, старости, державцы, ихъ намѣстники войты, бурмистры до ихъ слугъ ничего мети не мають, зваши въ речахъ мытныхъ и при мытныхъ звычавати, окромя кривавыхъ чотырохъ причынь,—стали бы съ отъ слугъ ихъ кивати або забойство або пожога або нахъ розбой кому стати, таковыхъ вридинъ замковъ и дворовъ нашихъ мають и вольны будуть судити,—а радити воле ихъ правъ и привилеєвъ жидонскихъ; вѣдже самихъ тыхъ мытниковъ нашихъ особы во великихъ речахъ будь кувецкихъ и мытныхъ, або и кривавыхъ якося вышей поменило, не мають никто зъ воеводъ, старости, державцевъ и ихъ намѣстниковъ судити одно мы, государь, або подскарбій нашъ земскій“ (Кн. Перея. Лит., X, з. 13).

³⁾ Кн. Перея. Лит., X, з. 28, 31 об.

ницъ гродскія книги¹⁾. Кроме того, государь давалъ на каждую таможенную такеу пошлину²⁾; впрочемъ, уставы на пошлины давались только въ случаяхъ повшенія налоговъ, такъ какъ „звычайный“ пошлины вимавались по старинѣ и только въ 60 годахъ XVI столѣтія и эти пошлины вносились въ уставу и тоже записались мытниками въ мѣстныя гродскія книги. На каждой таможенѣ сидѣли особые сирацы³⁾ и писари мытные, назначаемые самими мытниками⁴⁾; всѣ эти слуги вимали „водлѣ уфалы и постановенія соймового мыта и поборы звычайне берутъ и за невѣданіемъ отъ насъ мыта, и поборовъ, говары наши въ проматѣ сабирають“⁵⁾. Кроме личныхъ слугъ, мытники получали еще въ помощь собоѣ государскихъ дворянъ. Съ установленіемъ поборовъ новыхъ и монополюной продажи соли, дворяне государскіе всегда посылались на коморы въ качествѣ полицейскихъ агентовъ—для помощи мытникамъ; такъ, напримѣръ, арендаторамъ солиного склада въ Пинскѣ былъ въ 1561 году приданъ государскій дворникъ⁶⁾. При мытахъ государскіе дворяне въ это время исполняли самыя разнообразныя порученія; въ особенности имъ часто приходилось дѣйствовать при поимкѣ и висканіи контрабанды; такъ, когда въ проматѣ были уличены въ 1562 году подданные владыки Пинскаго, то слѣдствіе по этому дѣлу мытники начали при дворникѣ государскомъ⁷⁾. Мытники по аренднымъ контрактамъ иногда получали право „розложити“ государскихъ дворянъ въ соседнихъ коронныхъ городахъ для наблюденія за движеніемъ товаровъ и поимки проматчиковъ⁸⁾.

Такимъ образомъ, помощь со стороны дворянъ откупщикамъ выражалась въ содѣйствіи при сборѣ мыта. Само же собраніе пошлинъ лежало на мытникахъ и ихъ слугахъ. Изъ послѣднихъ дѣлъ или мытный писарь „пописывалъ“ мыто, т. е. велъ записи приходныхъ товаровъ и количества вимавемыхъ съ нихъ пошлинъ.

¹⁾ Папр. Антоновичъ и Козловскій, Грамоты, р. 110.

²⁾ Кн. Пер. Лит., X, з. 3 обор.

³⁾ Грамоты Антоновича, р. 106.

⁴⁾ Ibidem, р. 89.

⁵⁾ Ibidem, р. 105.

⁶⁾ Бершаевскій, II, р. 92.

⁷⁾ Ibidem, р. 95. Ср. Грамоты Антоновича, р. 107, 108 и т. д.

⁸⁾ Кн. Зап. Лит., XXXI, з. 135.

Сверх того на каждой коморѣ у мытниковъ были свои печати ¹⁾.

Если мыта сдавались въ управленіе, то сборомъ мытъ заведывали особые справцы. Ихъ обыкновенно бывало нѣсколько человекъ: одинъ или двое справцесъ изъ мѣстныхъ жителей, дворянинъ господарскій и дякъ или писарь мытный. Такъ, въ 1530 году Ковенскою таможенною заведывали мѣстный плебаниъ ксендъ Остафьюсъ, еврей Агронъ и дворянинъ господарскій Андрей Прокоповичъ; Сигизмундъ I написалъ къ нимъ листъ, характеризующій внутренніе порядки на таможенныхъ: „видело си намъ, ажъ бы вы вси одинъ цехъ въ себе вели, и цехай бы ты, Остафьюсу, своимъ сигнетомъ цехи давали, а ты, Андрею съ Огропомъ, ажъ бы есте въ своимъ рукахъ пивези вы бирали“, другихъ печатей они не должны имѣть и всѣ собранныя пошлины обязаны записывать въ реестръ ²⁾. Въ 1532 г. Виленскою восковою коморой заведывали скарбные Андрей Ставковичъ и дякъ Мановскій, но послѣдній былъ смѣненъ Ескомъ Несахоничемъ ³⁾. Когда въ 1536 г. розданы были въ управленіе таможи, то на каждой изъ нихъ былъ одинъ или нѣсколько человекъ изъ мѣстныхъ жителей и дворянинъ господарскій: всѣ они обязаны были „съ великою пильностью“ стеречь мыто, никому не дѣлать никакихъ поблажекъ, — „какъ бяхмо ни въ чемъ шкоды не мели“, справцы обязаны объѣзжать мыто и имѣть „коло нихъ великую сторожу, ошатриость и чуйность“ ⁴⁾. Изъ этого видно распределеніе обязанностей среди мытниковъ справцесъ. Дворяне господарскіе несли полицейскія обязанности и имѣли контроль надъ сборщиками, а послѣдніе собирали пошлины и ссылали деньги въ особую „скриню“ ⁵⁾. Всѣ вѣстѣ были ответственны за общій ходъ дѣла.

Когда купецъ съ своимъ товаромъ прѣѣзжалъ въ городъ, то прежде всего онъ обязанъ былъ предъявить свой товаръ мытникамъ; послѣдніе осматривали товаръ, — „шацовали“ его и накладывали таможенную печать; это называлось власть на товары „цехи“ ⁶⁾; но уплатѣ таможеннаго сбора купецъ получалъ отъ мытника „квнтъ“ ⁷⁾. Если

¹⁾ Грамоты Антоновича, р. 134.

²⁾ Кн. Зап. Лиг., XVII, л. 43 об.

³⁾ Ibidem, л. 121.

⁴⁾ Кн. Зап. Лиг., XXI, л. 12 об.—14.

⁵⁾ Любавскій, Приложение № 32.

⁶⁾ Кн. З. Лиг., XXX, л. 25 обор.

⁷⁾ Кн. З. Лиг., XXXV, л. 127.

въ городѣ былъ гостинный домъ, то купецъ обязанъ былъ принести свои товары сюда; если въ городѣ не было гостиннаго дома, то купцамъ запрещалось останавливаться по квартирамъ у частныхъ лицъ, пока товаръ ихъ не будетъ осмотренъ мытниками, а частнымъ лицамъ воспрещалось принимать къ себѣ купцовъ. Такъ, король Сигизмундъ Августъ издалъ въ 1567 году универсалъ къ мѣщанамъ всѣхъ городовъ; въ немъ король излагаетъ жалобу Мендела Иаконовича: „ажъ дей вы (т. е. мѣщане) гостей, купцовъ, чужеземцовъ и тубыльцовъ, которые съ товары своими до мѣстъ прѣѣзжаютъ, не оповѣдавши справцамъ поборнымъ и мытнымъ на поборъ, кроме ведомости, ихъ въ домѣхъ своихъ на господахъ ставите, и за тымъ дей они товары свои развязываючи, съ возовъ выкладываютъ и итайвають, а въ томъ си намъ не малая шкода скарбу нашему дееть“. Поэтому король строжайшимъ образомъ запрещаетъ принимать въ дома такихъ купцовъ подъ зарукою въ 500 копѣ грошей ¹⁾. Вообще таможенные порядки отличались большою сложностью и рядомъ формальностей ²⁾. Существовалъ рядъ условій относительно того, гдѣ купецъ долженъ былъ „обѣстити“ свой товаръ, получить „квнтъ“ отъ мытниковъ и т. д. ³⁾. Купцы уплачивали мыто наличными деньгами, но, по условію съ мытниками, расплачивались и иностранными продуктами, привозимыми на тѣхъ же судахъ или телегахъ, на которыхъ были вывезены мѣстные произведенія ⁴⁾.

Когда старое и новое мыто сдавалось въ аренду разнымъ лицамъ, то товаръ осматривали писари обоихъ мытъ. Такъ одинъ документъ слѣдующимъ образомъ описываетъ процедуру осмотра привезенныхъ въ городъ товаровъ. Купецъ Вингольдъ привезъ свои товары въ Вильно; онъ послалъ къ писарю приглашеніе явиться къ нему въ „камениду“ и списать на реестръ двѣ кипы товаровъ, прішедшихъ изъ Германіи; товары уже были опечатаны въ Ковнѣ печатями сборщиковъ стараго мыта, такъ какъ въ Вильнѣ внамалось только новое мыто. Деньги по обоимъ мытамъ купецъ долженъ былъ уплатить въ Вильнѣ. Въ „каменидѣ“ Вингольда должны были сой-

¹⁾ Грамоты Антоновича, р. 109.

²⁾ Объ этомъ см. въ Лиг. Ю. З. Р., I, р. 26, а также Кн. Суд. Дѣл. Лиг., XI, л. 214—215 и др.

³⁾ Ср. еще Кн. Суд. Дѣл. Лиг., XI, л. 38.

⁴⁾ Ibidem, л. 35 об.

тись писари обоех мыт, снять печати съ товара и составить ему реестръ¹⁾.

Взиманіе поборовъ новыхъ, декретированныхъ сеймами 1561 и 1566 гг., отличалось очень большою сложностью, которая увеличивалась еще отъ того, что оба побора падали и на товары ранее введенные въ государство, но еще не распроданные кушачами. Въ виду этого господарскій универсалъ разрабатываетъ порядокъ сбора мыта отъ „залежалыхъ“ товаровъ и отъ товаровъ, провозимыхъ черезъ границу²⁾. Относительно товаровъ, предназначенныхъ къ вывозу, господарскіе универсалы стремятся къ тому, чтобы взимать съ нихъ пошлины не на самой границѣ, но еще тогда, когда товаръ находится въ складахъ³⁾ или же въ моментъ продажи ихъ для экспорта⁴⁾.

Лица, имѣвшіе безмытные листы, тоже должны были выполнять извѣстныя таможенныя формальности. Они являлись на таможену съ копиями безмытныхъ листовъ и предъявляли ее мытникамъ⁵⁾. Сверхъ того на таможену изъ господарской канцеляріи посылались извѣщенія о выданныхъ безмытныхъ листахъ⁶⁾. Если мытники не получали такого извѣщенія, то они отказывали въ пропускѣ товаровъ⁷⁾. Кушачи тѣхъ городовъ, которые имѣли безмытныя привилегіи, должны были предъявлять на таможенныхъ коняхъ этихъ привилегій⁸⁾.

Пропускъ шляхетскихъ товаровъ, когда шляхта добилась извѣстныхъ привилегій, отличался большими формальностями. Помѣщикъ, сдавая кушачу сработанные его людьми и въ его имѣніи товары, посылалъ вмѣстѣ съ тѣмъ своего слугу-шляхтича „съ листомъ своимъ для одмыченія отъ поборовъ и отъ всякихъ мытъ старыхъ и новыхъ въ коморахъ господарскихъ... головныхъ... и вездѣ по дороге путемъ воденнымъ“⁹⁾. На таможенныхъ были особые дворяне или слуги, передъ

¹⁾ Акты Вил., VIII, р. 484.

²⁾ Изложене разныхъ таможенныхъ формальностей въ тебѣ было бы затруднительно. См. приложеніа.

³⁾ Кн. Зап. Лит., LVII, з. 26.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., XLIV, з. 94 об.

⁵⁾ Кн. Суд. Дѣлъ Лит., LIII, з. 83 и з. 224.

⁶⁾ Ibidem, з. 16 об.

⁷⁾ Кн. Зап. Лит., XLVII, з. 39 об.

⁸⁾ Кн. Зап. Лит., XIX, з. 70 об.

⁹⁾ Кн. Суд. Дѣлъ Лит., LIV, з. 216.

которыми должны были приносить присягу служебники шляхты, сопровождавшіе ея товары¹⁾.

Мытники принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы не оплаченные пошлинами товары не переходили границу. Съ этой цѣлью они не только держали пограничную стражу, но и имѣли своихъ „шиговъ“ на рынкахъ²⁾. Черезъ рѣки протягивались цѣпи для того, чтобы задерживать суда съ неоплаченнымъ товаромъ³⁾. Если мытники предполагали провозъ контрабанды, то таможенная стража вмѣстѣ съ урядовымъ вождемъ и „людьми посторонними“, т. е. понатыми, производила обыскъ у заповодорѣннаго въ контрабандѣ лица⁴⁾. Заповодорѣнный въ контрабандѣ товаръ запечатывали и „брали на господара“ до явленія дѣла судебнымъ порядкомъ⁵⁾. Иногда мытники, для того чтобы услѣдить за контрабандистами, прибѣгали къ разнаго рода уловкамъ⁶⁾.

Но, не смотря на зоркость самихъ мытниковъ, на содѣйствіе дворянъ и другихъ мѣры „прокрадываніе“ черезъ мыто было дѣломъ обычнымъ въ то время, равно какъ и всякаго рода обманы. Особенно смѣлостью отличалась шляхта, какъ вѣсмаа, такъ и низшая.

¹⁾ Привожу описаніе этихъ формальностей по арендному контракту 1567 г.:

„А што есмо съ уфалы соймное доподили князатомъ аванатомъ и всей шляхтѣ тугошнего панства ишого провадити безмытне до Кганьска всякое озбоде въ тумель изъ властного господарства ихъ и товары несеме въ кушачъ ихъ и наклады ихъ выробозше,—тогда, гды подекарбий земскій маєть дворянъ нашихъ або слугъ своихъ веридовити и статечныхъ на коморахъ мытныхъ водныхъ при тыхъ мытникахъ нашихъ воложити, передъ которыми въ замкахъ и двѣрехъ нашихъ слуги кушачей и пановъ духовныхъ и светскихъ обонателей панства нашего Вадного князства Литовского стану шляхетского, а не людей кушачныхъ слуги тежъ и шляхта мають присягу чинити, ижъ съ властныхъ тумель и лесовъ такового товары провадити будутъ, и не купленные; зачымъ кды будетъ присяга чинена, маєть тотъ посланецъ нава подекарбего до реестру выслати тые збожы и товары добровольне пропускати, маючи равные реестра съ ними, мытниками нашими; а ктому еще и квати отъ тыхъ, кому што за присягами безмытне провадити, отъ нихъ братъ мають, за которыми кнѣтами, ижъ они такъ немалую суму на тые мыта повишли, хочомъ и обещуеъ такъ явного, кзко безмытне шляхетскихъ товаровъ за присягами провадити, ижъ на злобу въ скарбе нашемъ властни приймати то все што бы за збожы и товары черезъ нихъ провадити мыта имъ прийти мого и въ скарбе ихъ вытручовати“ (Кн. Переа. Лит., X, з. 19).

²⁾ Кн. Суд. Дѣлъ Лит., XI, з. 38.

³⁾ Бершадскій, II, р. 215.

⁴⁾ Кн. Суд. Дѣлъ Лит., I, II, з. 12 и з. 337; Кн. Суд. Дѣлъ Лит., XI, з. 36.

⁵⁾ Бершадскій, I, р. 296 и Кн. Суд. Дѣлъ Лит., XI, з. 36.

⁶⁾ Кн. Суд. Дѣлъ Лит., XXXIV, з. 8.

Въ 1554 г. король поручилъ цѣлой комиссіи, состоявшей изъ державцы ясовианскаго и. Ивана Кунцевича, Ульриха Гозиа и дворянина Николая Шембеля, завѣдывавшихъ Ковенскимъ мытомъ, объѣхать Жомойтскую границу и опредѣлить тѣ „шкгоды“¹⁾, которыя несетъ смарбъ вслѣдствіе контрабанды, узавать тѣ „вельичайныя дороги“, которыми кушцы провозили контрабанду. Комиссія исполнила порученіе, но при этомъ сама натолкнулась на нѣсколько случаевъ контрабанды, провозимой подъ покровительствомъ мѣстной шляхты, въ томъ числѣ и тивуновъ; докладъ очень ярко описываетъ борьбу стражи съ промытчиками, но онъ также показаваетъ, какъ трудно было суду уловить виновныхъ²⁾.

Укажемъ и еще на нѣкоторые факты того же рода.

Въ 1569 г. берестейскій мытникъ Липманъ Шмерлевичъ явился на замокъ Берестейскій съ заявленіемъ, что служебникъ Ольбрахта Лаского, воевода сирадскаго, вѣвѣ Туровскій силою провель свои коматы съ пелеломъ черезъ таможенную заставу; при этомъ онъ провель и двѣ коматы какихъ то другихъ землячъ „и отпавы жадное ани кивту на вольное проущеніе на поборѣ господарскомъ, тутъ, на коморѣ поборовой Берестейской, въ него, яко у поборцы, не вавши, и наполнившися воли свое, модно квалтомъ со всеми тыми чотырнадцатма коматами, съ пелеломъ прѣйхавши на спускъ замковый“³⁾, Туровскій отбилъ замокъ, провель цѣль и провель свои суда⁴⁾. При проходѣ черезъ мыто торговцы употребили не только силу, но и хитрость. Одна грамота великаго князя Александра разсказываетъ, что кушцы при провадѣ черезъ мыто въ Кіевъ, накладывали очень тяжелые возы для того, чтобы число ихъ было меньше; но за это они платились большимъ штрафомъ: „и въ котораго кушца возъ поломаются съ товаромъ, на одну сторону по Золотыя ворота, а на другую сторону по Почайну рѣку, ино тотъ возъ съ товаромъ биривали на воеводу цѣлескаго“⁵⁾. Иногда проведенные черезъ мыто товары достигали весьма большихъ размѣровъ; напримѣръ, одинъ купецъ изъ Острога, подданный князя Острожскаго, провель нѣсколько тысячъ головъ скота по территоріи великаго княжества, не уплативъ слѣдующихъ съ него таможенныхъ пошлинъ; впрочемъ, эти пошлины были потребованы

¹⁾ Берзаленскій, II, р. 215.

²⁾ Акты Зап. Рос., I, р. 195.

королемъ съ князя Шлы, какъ поручителя за своего подданого¹⁾. Шляхта въ особенности злоупотребляла своими привилегіями съ цѣлью избѣжанія платежа пошлинъ. Иногда, напримѣръ, шляхтичъ продавалъ свой товаръ—лѣсъ или хлѣбъ другому шляхтичу и проводилъ черезъ таможену подъ видомъ надѣльі своего имѣнія²⁾. Иногда шляхтичи входили въ сдѣлки съ кушцами и проводили ихъ товары, подъ видомъ своихъ собственныхъ³⁾. Въ 1565 году мытники жаловались королю на то, что многіе изъ шляхты избѣгаютъ платежа мыта отъ товаровъ лѣсныхъ и жита „укривавши побору и мыта, а менуючи своимъ власнымъ, въ именій шляхетскихъ и работы своею, простыхъ хлопковъ за слуги устанавлиють ку присягѣ. А многіе, арендовавши фольварки людемъ купецкимъ, и за се съ фольварьовъ на мытѣхъ и на поборѣхъ заступають оныхъ арендаровъ своихъ, купцовъ и иного стану людей, и добровольные, за свои власнае товары менуючи, такъовымъ же обычаемъ присягать велють“. Это наносило большой вредъ казнѣ. Поэтому король предписываетъ, чтобы присяжное показаніе о происхожденіи вывозимаго продукта давалось исключительно шляхтичами, угрожая строгою отвѣтственностью тѣмъ, кто приноситъ шляхецкую присягу, не имѣя на то права. Изъ этого же листа мы узнаемъ, что и шляхта брала у подскарбіа земскаго листа на провозъ хлѣба и лѣса, сработанныхъ въ ея собственныхъ имѣніяхъ. При не исполненіи какого нибудь изъ названныхъ условій мытники задерживаютъ товаръ⁴⁾.

Актовые книги сохранили массу тяжбныхъ дѣлъ между сборщиками налоговъ и населеніемъ; и чѣмъ тяжелѣе становились налоги, тѣмъ отношенія между обѣими сторонами принимали болѣе острый характеръ не смотря на то, что мытники находились подъ юрисдикцію самого господара. Королевская канцеларія выдала въ 60 годахъ XVI вѣка не мало листовъ къ вридикамъ и земниству съ требованіемъ не чинить обидъ мытникамъ, спрацамъ ихъ давать помощь,—говорить одинъ изъ такихъ универсаловъ—„и завжды, яко въ речи нашей и земской, отъ всихъ кривдъ боронити, а сами въ справахъ ихъ поборовые уступоватися, и имъ въ нихъ шкгоды и перешкоды впа-

¹⁾ Берзаленскій, I, р. 206—211.

²⁾ Берзаленскій, II, р. 214.

³⁾ Кв. Пуб. Дѣлъ Лит., IX, т. 66.

⁴⁾ Кв. Зап. Лит., XLV, т. 81.

которые чинити, и ихъ кривдити и утыскати ничымъ ни смели аде—
ся кутымъ поборцамъ нашимъ, и справцамъ ихъ по всемъ спокойне
а пристойне заховали конечно¹⁾. Въ другихъ универсалахъ велико-
княжеское правительство требуетъ отъ своихъ агентовъ и отъ шляхты
„не притягивать²⁾ мытниковъ въ мѣстные суды и не дѣлать имъ „вели-
кихъ трудностей“, потому что всемъ этимъ „о шкоды въ мыте
тымъ ихъ (т. е. мытниковъ) приправуете“, что на будущее время
строго воспрещается³⁾. Иногда государь валагалъ громадна заруки
для защиты мытниковъ въ виду „похвалокъ“ на ихъ здоровье⁴⁾; даже
обивненіе евреевъ въ употребленіи христіанской крови для своихъ
обрядовъ относилось преимущественно къ сборщикамъ мыта⁴⁾.

12. Таможенные доходы.

Свѣдѣнія о доходахъ можно извлечь изъ государскихъ листовъ
на аренду мытъ и коморъ. Благодаря этому матеріалу можно состав-
ить себѣ довольно полную картину роста и развитія таможенныхъ
доходовъ. Недостатокъ матеріала чувствуется только за тотъ періодъ,
когда мыта сдавались въ управленіе: отчеты сборщиковъ не дошли
до насъ, какъ не дошли и скарбовыя книги. Извлеченный нами ста-
тистическій матеріалъ имѣетъ впрочемъ нѣкоторые недостатки. Свѣ-
дѣнія о солянскихъ и восковыхъ коморахъ вообще весьма скудны, по-
тому что онѣ сдавались почти исключительно въ управленіе въ пер-
вый періодъ ихъ существованія, а затѣмъ слились съ таможенными
пошлинами; правда нѣкоторые изъ коморъ управлялись отдѣльно—
Виленская до конца изучаемаго періода, а о Витебской, Полоцкой и
др. свѣдѣнія доходятъ только до 30-хъ годовъ; но о первой мы имѣ-
емъ свѣдѣнія только за самыя послѣдніе годы, и о вторыхъ дан-
ныя скудны. Есть въ нашихъ свѣдѣніяхъ и нѣкоторые пропуски.
Однако, не смотря на эти недостатки, исторія таможенныхъ доходовъ
сама по себѣ представляеть не мало интереса. Цифры даютъ поня-
тіе не только о ростѣ доходовъ, но представляютъ собою матеріалъ,

¹⁾ Грамоты Антоновича, р. 148.

²⁾ Ibidem, р. 89.

³⁾ Ibidem, р. 112.

⁴⁾ Ibidem, р. 94 сл.

интересный для исторіи торговли и вообще для экономическаго раз-
витія страны. Последнее особенно удобно можно прослѣдить на исто-
ріи стараго мыта, потому что тарифъ его, измѣнившись нѣсколько
къ 30-мъ годамъ, потомъ не подымался.

Здѣсь мы сообщимъ только краткія свѣдѣнія о таможенныхъ до-
ходахъ, въ особомъ же приложеніи можно найти подробныя свѣдѣ-
нія о доходахъ по каждой таможенѣ. Тамъ указанъ объемъ сдавае-
мыхъ въ аренду мытъ, условія, влиявшія на повышеніе или пониже-
ніе арендной платы, и другія свѣдѣнія, необходимыя для полной оцѣн-
ки приводимыхъ ниже цифровыхъ данныхъ.

За время долголѣтняго правленія короля Казимира свѣдѣнія о
таможенныхъ доходахъ очень не полны. До насъ дошли арендные
листы только за 3—4 послѣдніе года его правленія (1489—1492 гг.,
а первое упоминаніе на доходъ отъ Ковенскаго мыта относится уже къ
1496 году); мы приведемъ эти данныя, отбросивъ члѣобытя, дава-
вшіяся мытниками королю, и переведемъ различную монету того времени
на обычный литовскій грошъ въ 10 пенязей.

Такимъ образомъ въ этотъ періодъ таможенные доходы ежегодно
давали скарбу слѣдующія суммы:

Луцкое . . .	мыто давало ежегодно	2100	копѣ грошей.
Владимирское . . .	„ „ „	140	„ „
Берестейское . . .	„ „ „	1100	„ „
Новгородское . . .	„ „ „	322	„ „
Минское . . .	„ „ „	250	„ „
Ковенское . . .	„ „ „	250	„ „
Смоленское . . .	„ „ „	200	„ „
Путыльское . . .	„ „ „	366	„ „
Киенское . . .	„ „ „	950	„ „

Такимъ образомъ доходъ отъ мытъ при королѣ Казимирѣ еже-
годно доставлялъ скарбу до 5678 копѣ грошей.

Въ первые же годы правленія Александра Ягеллона замѣтно
сильное паденіе таможенныхъ доходовъ. Вообще доходъ въ его время
весьма колебался и только къ концу періода сталъ нѣсколько поды-
маться. Мы возьмемъ три періода этого правленія,—такіе періоды,
за которые сохранились данныя обо всѣхъ таможенныхъ, а именно на
1495—1498 гг., за 1500—1501 гг. и 1504—1505 гг.; какъ разъ
эти періоды приближаются къ началу, срединѣ и концу правленія
этого великаго князя. Такимъ образомъ получаемъ:

Мыта	1-ый периодъ.	2-ой периодъ.	3-я периодъ.
Луцкое . . .	500 копъ грошей	—	800 копъ грошей.
Владимирское . . .	50 " "	—	60 " "
Берестейское . . .	700 " "	400 " "	500 " "
Новгородское . . .	50 " "	50 " "	100 " "
Минское . . .	120 " "	200-300 " "	200 " "
Ковенское . . .	250 " "	—	600 " "
Смоленское . . .	200 " "	200 " "	360 " "
Путувильское . . .	366 " "	300 " "	— " "
Кіевское около. . .	450 " "	—	— " "

Такимъ образомъ въ началѣ правленія великаго князя Александра таможенные доходы давали ежегодно 2676 копъ гр., а въ копѣ 2620 копъ грошей (безъ Кіевского). Погодно подсчитать за весь периодъ не можеть быть сдѣлать по отсутствію данныхъ. Впрочемъ приведенныя данныя показываютъ сказанное нами раньше о повышеніи и пониженіи дохода отъ пошлинъ за это время. Эти колебанія объясняются какъ внѣшними причинами, такъ и вообще большою безпорядочностью финансоваго управленія при Александрѣ. Учрежденіе восковыхъ и солиныхъ коморъ едва ли заполнило дефицитъ по мытамъ; намъ неизвѣстенъ размѣръ доходовъ съ коморъ за это время, но о немъ можно до нѣкоторой степени судить по доходамъ первыхъ годовъ правленія Сигизмунда I.

Переходимъ теперь къ таможеннымъ доходамъ времени Сигизмунда I. Наши данныя за это время наиболѣе слабы, потому что периодъ откупной системы въ это правленіе былъ продолжителенъ. Съ трудомъ можно выбрать три періода въ правленіе Сигизмунда I, за которые можно указать размѣръ таможенныхъ доходовъ. Такъ при немъ таможи приносили:

	1507—1509 гг.	1519—1524 гг.	1529—1532 гг.
Кіевское . . .	700 копъ грошей	—	—
Луцкое . . .	800 " "	3000 копъ гр.	282½ копъ гр.
Берестейское . . .	400 " "		—2048 к. гр.
Ковенское . . .	666 " "	424 " "	— " "
Минское . . .	200 " "	150 " "	550 " "
Полоцкое . . .	— " "	— " "	933 " "
Новгородское . . .	— " "	— " "	110 " "
Могилевское . . .	— " "	333 " "	300 " "

Не забудемъ, что со второго періода солиныя и восковыя коморы сдаются уже вмѣстѣ съ мытами. Общій доходъ отъ мытъ въ первое трехлѣтіе составлялъ въ годъ до 2766 копъ гр., около 1520 г.—до 3900 копъ гр., и около 1530 г.—до 3700 копъ гр. (безъ Смоленскаго).

Къ этимъ доходамъ надо еще прибавить доходы отъ солиничяго и восковничяго; коморы давали въ это время (1507—1509 г.) въ годъ слѣд. суммы: Владимирская—ок. 75 копъ гр., Луцкая—ок. 388 копъ гр., Берестейская—750 копъ, Городенская—90 копъ, Дорогичская—35 копъ, Ковенская дала 4800 копъ за одну соль, Смоленская—831 копу; доходы Виленской неизвѣстны, а Полоцкая дала очень разный ежегодный доходъ въ 1133 коны (1506—7 г.), 2732 коны (1508) и 1204 коны (1509 г.). Въ среднемъ, слѣдовательно, коморы въ первые три года Сигизмундова правленія ежегодно доставляли скарбу отъ 8000 до 8600 копъ гр. (кроме Виленской).

Въ подскарбство Аврама Езофовича (1510—1511 гг. его отчетъ) все мыта и коморы виленскія и подляшскія давали въ годъ въ среднемъ 10170 копъ гр. Но вообще въ его управленіе мыта давали экстраординарные доходы; такъ напр. мыта и коморы въ Смоленскѣ и Ковнѣ принесли въ 1508 г. 3495 копъ гр. въ теченіи 4 мѣсяцевъ, между тѣмъ срокъ заведенія даже не охватывалъ всего навигаціоннаго періода (для Ковна). Въ 7 мѣсяцевъ 1510 г. Ковенская таможа дала почти 4000 копъ гр. Это необыкновенное повышение доходовъ, и притомъ спорадическое, надо объяснить не только добросовѣстностью администраціи, но, вѣроятно, и какими нибудь удачными торговыми операціями. Однако для исторіи сборовъ эти цифры мало пригодны какъ случайныя.

При королевѣ Бонѣ, державшей въ своемъ заведеніи мыто около 10 лѣтъ, таможи получили большое развитіе, хотя о доходахъ за это время свѣдѣній не сохранилось, но такое утвержденіе необходимо вытекаетъ изъ знакомства съ арендными контрактами первыхъ годовъ Сигизмунда Августа.

Мы приведемъ сначала цифровыя данныя по каждому отдѣльному округу съ обозначеніемъ периодовъ, въ которые мыто давало тотъ или иной ежегодный доходъ. Такимъ образомъ годичный доходъ таможенныхъ откуповъ выражался въ слѣдующихъ цифрахъ:

Мыта.	Годы.	Ежегодный доход.
Волыньское:	1544—1550	1800 копъ грошей.
"	1553—1555	2000 " "
"	1556—1559	1800 " "
"	1560—1565	1300 " "
"	1566—1569	2400 " "
"	1570—1573	2700 " "
Подляшское:	1546—1548	3066 " "
"	1549—1550	2966 " "
"	1553—1562	3308 " "
"	1563—1567	4000 " "
"	1568—1570	2200 " "
Новгородское:	1548—1549	250 " "
"	1553—1562	400 " "
"	1563—1570	530 " "
Ковенское:	1559—1561	4000 " "
"	1562—1570	5520 " "
Жмудское:	1559—1561	700 " "
"	1562—1564	800 " "
Мнское:	1553—1555	1500 " "
"	1556—1558	1200 " "
Виленское и		
Мнское:	1560—1562	1500 " "
"	1563—1570	2200 " "
Полоцкое:	1556—1558	2164 " "
"	1567—1571 ¹⁾	2200 " "
Могилевское:	1570—1575	1150 " "

На основаніи вышеуказанныхъ данныхъ можно составить слѣд. таблицу роста таможенныхъ доходовъ съ конца XV в. по 1570 г., т. е. почти за цѣлое столѣтіе. Мы возьмемъ группы годовъ, въ которыхъ намъ наибѣесть ежегодный доходъ отъ мытъ и коморъ. Такихъ образомъ получаемъ:

¹⁾ Сюда входили и старая и новая мыта (Кв. Пер. Лит., X, з. 14 об и сл.).

Годы	доходъ отъ мытъ.
около 1490	5700 копъ грошей.
" 1495	2700 " "
" 1500 ¹⁾	3000 " "
" 1505 ²⁾	3300 " "
" 1508 ³⁾	3200 " "
" 1520 ⁴⁾	4000 " "
" 1546 ⁵⁾	13000 " "
" 1553	14300 " "
" 1560	14300 " "
" 1563	17500 " "
" 1570	15600 " "

Къ даннымъ за 1546—1570 г. надо бы присоединить около 2000 копъ гр. за восковничее виленское, такъ какъ оно въ среднемъ давало именно этотъ доходъ. Конечно, эти цифры не обладаютъ абсолютною точностью, но все же даютъ известное представленіе о постепенномъ развитіи таможенного дохода старыхъ мытъ. Надо, напр. помнить, что съ 1501 по 1520-ые годы собиралось особо восковничее и солиничее; въ первые годы Сигизмундова правленія эти доходы составляли болѣе 8000 копъ грошей. Судя по отдѣльнымъ фактамъ, доходъ отъ коморъ въ послѣдующее время нѣсколько понижился, такъ что къ моменту объединенія мытъ и коморъ въ одною управленію доходъ отъ послѣднихъ едва ли доходилъ до 8000 копъ.

Если разсматривать настоящую таблицу съ точки зрѣнія общаго государственнаго бюджета, то выводъ, на который она уполномочиваетъ, сводится къ тому, что ростъ таможенного дохода приблизительно

¹⁾ Недостающія данныя о нѣкоторыхъ таможенныхъ мытахъ изъ послѣдующихъ годовъ.

²⁾ Для виленскаго мыта принято 700 копъ гр.

³⁾ Смоленское давало несомнѣнно 450—500 копъ гр.

⁴⁾ Причислено и новгородское мыто.

⁵⁾ Относительно данныхъ за 1546—1570 г. надо имѣть ввиду слѣд. замѣчанія: во всѣхъ итогахъ (кроме 1570 г.) прибавлено 1000 копъ гр. на могилевское мыто. Итогъ 1546 г. известенъ намъ безъ полоцкаго, ковенско-жмудскаго и мнско-виленскаго округовъ, но они давали минимумъ 7000 копъ. Итогъ 1553 г.—безъ ковенско-жмудскаго мыта, которое даетъ около 4000 копъ. Итогъ 1560 г.—безъ полоцкаго, но оно доставляло минимумъ 2000 копъ. Итогъ 1563 г.—тоже безъ полоцкаго. Итогъ 1570—безъ жмудскаго, дававшего 800 копъ. Эти цифры присоединены къ итогамъ.

на последние 60—65 летъ шель весьма умеренно (въ мытному доходу 1508 и др. годовъ надо прибавить доходъ коморный). Но наше заключеніе будетъ инымъ, если мы примемъ во вниманіе слѣд. факты: Кіевская таможенная съ 1507 г. перешла отъ скарба на „пожитое“ воеводѣ (до 700 копъ гр.), потеря Смоленской таможи обошлась бюджету по крайней мѣрѣ въ 1300 копъ (въ 1508 г. одна комора давала 831 копу); эта потеря не была возмѣщена могилевскимъ мытомъ, но и оно стало поступать въ скарбъ только съ 20-хъ годовъ; впрочемъ, могилевское мыто было соединено съ корчмами и торговымъ мытомъ. Такимъ образомъ, скарбъ съ потерей Смоленска и отдачей кіевского мыта, теряя около пятой части дохода, считая мыта съ восковыми и соляными коморами. Изъ этого слѣдуетъ, что къ пятидесятымъ годамъ таможенные и коморные доходы возвысились приблизительно болѣе чѣмъ на 50%, а въ шестидесятыхъ годахъ они поднялись (сравнительно съ 1508 г.) даже болѣе, чѣмъ на 100% (принимая въ расчетъ и виленское восковичное). Это повышение объясняется какъ надбавками „нового“ мыта тридцатыхъ годовъ, такъ и ростомъ торговыхъ сношеній. Что послѣдній тутъ играть крупную роль, можно судить по повышенію доходовъ послѣ 1546 г. Только послѣ введенія тарифа новаго мыта 1566 г. замѣтно нѣкоторое паденіе доходовъ стараго мыта.

Ростъ стараго мыта еще рельефнѣе выступаетъ при разсмотрѣніи доходности отдѣльныхъ таможенъ. Это легко прослѣдить по списку таможенныхъ доходовъ: въ теченіе подусольствіа доходность отдѣльныхъ таможенъ увеличилась въ два-три раза.

Таковъ ростъ стараго мыта. Новое мыто 1561 и послѣдующихъ годовъ вызывалось особыми обстоятельствами. Ставки его были очень высоки. Отъ него ожидали большаго дохода, но ожиданія эти оправдались далеко не вполне.

О результатахъ побора 1561 г. намъ ничего неизвѣстно. Судя по отрывочнымъ даннымъ, онъ собирался въ большинствѣ округовъ специальными поборщиками, т. е. сборъ его былъ устроенъ въ дѣйствительности на началахъ, указанныхъ универсалами. Поборъ 1566 г. сдать былъ въ аренду двумъ самымъ вліятельнымъ въ государствѣ лицамъ—Ину Геронимовичу Ходкевичу, гетману и администратору Ливоніи, и Остафію Воловичу, подканцлеру, только что сложившему съ себя подскарбство земское; намъ уже извѣстна причина, побудившая короля обратиться именно къ этимъ лицамъ. Новый поборъ,

утвержденный Берестейскимъ сеймомъ, сдать былъ въ аренду съ перваго побора того же года на одинъ годъ за сумму въ 52000 копъ грошей. Сюда входило и предполагаемое мыто съ товаромъ „залежалыхъ“. За этотъ товаръ, по словамъ контракта 1567 г., было выручено около 10000 копъ грошей. Однако, эта сумма не дошла до скарба: въ листѣ отъ 18 февраля король объясняетъ, что арендаторы доложили ему о повесеніяхъ или убыткахъ по случаю повившихся поцальныхъ болѣзаней, почему король рѣшилъ отчислить имъ извѣстную сумму на убытки. 7 іюня 1567 г. король заключаетъ съ важными лицами уже новый контрактъ на аренду мыта (по 1 ноября 1568 г.). Такъ какъ мыто отъ „залежалаго“ товара уже израсходовано, а сверхъ того, такъ какъ скарбу нужны были деньги впередъ, а доставать ихъ, по словамъ Ходкевича, было очень затруднительно, то повал аренда сдана была всего за 42000 копъ грошей. Сюда не входило однако мыто по Двинѣ въ районѣ Полоцкаго таможеннаго округа. Разузнется, Ходкевичъ и Воловичъ упрятали мытими черезъ своихъ компаніоновъ Менделя Исаковича и Н. Бородавку. Первый изъ нихъ уже 9 января 1568 г. заключилъ съ королемъ условіе на аренду новыхъ мытъ съ 1 ноября того же года за прежнюю сумму въ 42000 копъ гр. Замѣтимъ, что и въ этомъ послѣднемъ контрактѣ не принимается въ расчетъ Полоцкое мыто. Столь раннѣе, задолго до истеченія срока аренды, заключеніе контрактныхъ обязательствъ острою нуждою скарба въ деньгахъ: значительныя суммы арендаторы обязывались внести впередъ, до наступленія срока аренды. Какъ извѣстно, вслѣдствіе представленія ставовъ на Гродненскомъ сеймѣ 1568 г., нововведенное мыто 1561—1566 гг. было формально отиѣвлено, но государь повысилъ таможенныя ставки собственною властью. Это новое мыто было сдано служебнику господарскому Валентину Иберфельту и его компаніону Исаку Бородавкѣ по контракту, заключенному 15 августа 1568 г. въ Книшинѣ. Срокъ аренды начинается 1 ноября 1569 г. и аренда сдается на три года. Арендная плата установлена въ 26000 копъ гр. дит. въ годъ. Въ случаѣ окончанія Московской войны, аренда повышается на 2000 копъ гр.

Хотя Иберфельту и Бородавкѣ было обѣщано, что государь ихъ не „рушитъ“ съ мыта, однако оба компаніона держали новое мыто меньше года. Дѣло въ томъ, что Мендель Исаковичъ и самъ Бородавка держали въ предшествующій арендный періодъ мыто съ согласія О. Воловича. Этотъ послѣдній вмѣстѣ съ подскарбіемъ зем-

свами и П. Нарушевичемъ зняли для скарба 36000 злот. пол. при помощи и за поручительствомъ Мендела Изаковича и Липмана Шмерлевича (его компаніона) и имѣли обезпеченіе на старыхъ и новыхъ мытахъ подъ условіемъ частичнаго погашенія долга изъ мыт. Поэтому О. Воловичъ сдѣлалъ Сигизмунду Августу представленіе въ томъ смыслѣ, что „никто иной только его милость съ паномъ подскарбіемъ мели тые новые мыта выбирать, платежа певную суму пенезей до скарбу“. Между тѣмъ, Иберфельтъ не принимаетъ на себя уплату долга Изаковичу и Липману. Поэтому государь варушилъ прежній контрактъ, находи объясненіе этому и въ неисправности платежа со стороны Иберфельта. По новому контракту, написанному 1 іюня 1570 г., аренда новыхъ мытъ предоставляется на три года п. О. Воловичу и П. Бородавѣ пополамъ. Ежегодная арендная плата устанавливается однако въ 20000 копъ гр., потому что 6000 копъ гр., отчтены изъ прежней аренды вслѣдствіе присоединенія Волыни и Подляхія къ Коронѣ. Впрочемъ, п. О. Воловичъ скоро передалъ свою „половицу“ мыта двумъ капиталистамъ бурмистру виленскому Фронцу Станиславовичу и радцѣ виленскому Собестіану Мисевичу, которые приняли на себя обязательство Воловича по отношенію къ М. Изаковичу и Липману. Станиславовичъ и Мисевичъ соединили въ своихъ рукахъ и старыя мыта. Однако, выданный имъ 20 сентября 1570 г. господарскій листъ заявляетъ, что мыта поступаютъ къ нимъ не въ аренду, но „въ вѣрной рудцѣ“, т. е. въ управленіе, съ обезпеченіемъ скарбоваго долга, занятаго при поручительствѣ О. Воловича. Однако, новые справцы, т. е. Станиславовичъ, Мисевичъ и Бородавка,—не внесли полной суммы за мыта въ 1571 г.: вслѣдствіе морского повѣтрія государь „отпустилъ“ имъ 8000 копъ гр. изъ аренды за этотъ годъ.

Такимъ образомъ къ доходамъ, которые дало мыто старое, надо еще прибавить въ шестидесятыхъ годахъ и доходъ отъ мыта новаго. Въ общемъ скарбъ могъ получить въ 1567—1568 гг. около 59000 копъ грошей лит., а въ 1569 г. около 41000 копъ грошей вмѣстѣ съ подлясскими таможенями.

Познакомившись съ налагами на потребленіе въ Литовско-русскомъ государствѣ, остановимся на тѣхъ общихъ заключеніяхъ, на которыя уполномочиваетъ истолщія глава.

Обширная область косвенныхъ налоговъ дѣлилась въ Литовско-русскомъ государствѣ на три группы: къ первой относятся внутреннія таможенныя пошлины съ торговыми сборами; ко второй—монопольи, послѣднія вообще вотчинный характеръ, за исключеніемъ ѣлькоторыхъ (напр., соляной и дѣсовой торговли). Съ первыми неразрывно связаны и акцизы, возникшіе съ 1561 г. Третью группу составляютъ вѣнныя таможенныя пошлины.

Несмотря на свое разнообразіе, косвенные налоги въ своемъ историческомъ развитіи проникнуты общими началами.

Въ общемъ, происхожденіе таможенныхъ и торговыхъ сборовъ относится, въ русскихъ областяхъ, еще къ до-литовскому періоду. Въ основѣ ихъ лежатъ идея оплаты частными лицами услугъ, предоставляемыхъ имъ при торговомъ обмѣнѣ и передвиженіи товаровъ государствомъ, общинами или частными лицами. Выросши изъ этой основной идеи и превратившись въ изучаемый нами періодъ въ орудіе фиска, мытные сборы и тогда еще не исполнѣ утрачиваютъ свою изначальную окраску. Такъ какъ услуги могутъ быть оказываемы и государствомъ, и общинами, и частными лицами, то естественно, что само установленіе сборовъ и таможенныхъ заставъ первоначально разсѣивается въ средѣ названныхъ элементовъ: торговое и въ особенности проѣзжее мыто является достоиніемъ вотчинника, на ряду съ государственной властью. Разумѣется, государство имѣетъ въ этомъ отношеніи преобладающее значеніе. Съ теченіемъ времени вотчинный характеръ проѣзжихъ и торговыхъ мытъ нарушается, но съ расширеніемъ ея въ другую сторону: шлехтичъ является *regulus* въ своемъ земскомъ имѣніи.

Въ смыслѣ взаимія и распределенія среди различныхъ элементовъ общества, мытные сборы, не смотря на свое раздѣленіе на вѣнныя, торговые, проѣзжіе и проч., проникнуты общими началами. Вообще весь таможенный обрядъ держится на старинѣ—обычѣй, сложившемся вѣками. Эта старина регулируетъ обложеніе, дороги, управленіе и проч. Въ разныхъ мѣстностяхъ государства она имѣетъ тѣ или иные отличія. Но вообще обычно-правовой порядкомъ создается разнообразіе поводовъ къ взиманію мытъ, названія пошлинъ и въ особенности разнообразіе тарифовъ. Торговецъ, передвигаясь по странѣ съ товарами, встрѣчается на своемъ пути цѣлую серію сборовъ различныхъ наименованій, хотя часто и аналогичныхъ по своему содер-

жанию. Самые способы взаимия отличаются вообще весьма рудиментарными приемами. Чаще преобладает такия сборовъ, определяемая тѣми транспортами, въ которыхъ передвигается товаръ, такъ что цѣнность товара не всегда принимается въ расчетъ; такъ, кое-гдѣ отличаютъ мыто дровяное, рыбное, скотное и т. п. Соотношенія между раамбрами обложения и цѣнностью облагаемаго продукта принимается въ расчетъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Такимъ образомъ, вообще древнѣйшая система косвеннаго обложения держалась на обычаяхъ, отличающихся вмѣстѣ съ тѣмъ всегда сопряженной съ общеправовымъ порядкомъ косностью и рудиментарностью техническихъ приемовъ.

Такой порядокъ вещей подвергается постепенному измѣненію въ зависимости отъ роста государственной власти, социальной дифференціи и измѣненій въ экономическомъ строеѣ страны.

Ростъ государственной власти сталъ сказываться прежде всего въ томъ, что государство ограничиваетъ права вотчинника на установленіе таможенныхъ заставъ и права населенія вообще на продажу, и загімъ и на производство спиртныхъ напитковъ. Разрѣшеніе на устройство таможенныхъ заставъ, держаніе кортежъ пилетей возможнымъ только подъ условіемъ разрѣшенія со стороны государственной власти.

Государство оставляетъ внѣ своего контроля владѣческую вотчину, сельскую или городскую общину во всемъ томъ, что относится до элементовъ, связанныхъ съ самой вотчиной или общиной. Но разнати отношеній переходить на обще-государственную почву, великокняжеская власть считаетъ нужнымъ свое вмѣшательство. Правда, она не настолько сильна, чтобы проявить себя реально, но для насъ важенъ самый фактъ признанія компетенціи верховной власти въ установленіи и контролѣ за таможенными заставами на частновладѣческихъ земляхъ. Это былъ первый шагъ къ развитію государственныхъ отношеній въ области таможенныхъ сборовъ. Такъ какъ верховная власть въ государствѣ, въ данный періодъ, постепенно переходитъ отъ господара—великаго князя, правящаго подъ контролемъ рады, къ сеймовымъ станамъ, т. е. къ господарю, радѣ и посольской вѣдѣ, то въ исторіи косвенныхъ налоговъ—сказался и этотъ процессъ развитія государства: тарифы новаго мита 1561, 1566 гг. уже декретируются властью сейма.

Съ другой стороны, процессъ сословной дифференціи сказался на распределеніи обложения косвенными налогами различныхъ классовъ общества. До половины XVI столѣтія все элементы общества должны были уплачивать таможенные и торговые пошлины, собиравшіяся господарскимъ скарбамъ. Господарь могъ освобождать то или иное лицо или цѣлую общину отъ всѣхъ или нѣкоторыхъ пошлинъ: это было въ его „милости и ласці“, такъ какъ самое взиманіе таможенныхъ пошлинъ носило еще, въ извѣстной мѣрѣ, частный характеръ. Ростъ шляхетскихъ привилегій сказался на томъ, что шляхта была освобождена отъ уплаты государственныхъ таможенныхъ сборовъ при провозѣ нѣкоторыхъ товаровъ. Такъ на исторію косвенныхъ налоговъ сказался процессъ развитія государственно-правовыхъ идей.

Переходя къ чисто фискальной сторонѣ вопроса, нельзя не замѣтить, что и въ данномъ случаѣ замѣчается тоже стремленіе къ развитію финансовыхъ средствъ въ странѣ, какое мы встрѣтили въ исторіи господарскихъ доменовъ. Одна общая тенденція проникаетъ въ дѣятельность скарба со второй половины правленія Сигизмунда I. Старина, обычай, въ податныхъ отношеніяхъ, рушится и на его мѣсто воздвигается скарбомъ довольно своеобразная комбинація старыхъ и новыхъ податныхъ отношеній. При посредствѣ специальныхъ ревизоровъ и мѣстныхъ административныхъ агентовъ скарбъ собираетъ старыя „пожитки“ и устанавливаетъ новыя. Новыя пожитки находятъ свое основаніе въ вотчинной власти великаго князя, въ господарскихъ добрахъ. Такими новыми пожитками являются монополія мельницъ и производства спиртныхъ напитковъ; загімъ скарбъ охватываетъ торговыми и монопольными сборами и сельскую территорию, ранѣе имъ не подлежащую. На этой почвѣ вырастаютъ цѣлая сѣть поборовъ вотчиннаго характера. Господарскіе подданные оказываются опутанными весьма разнообразными сборами. Это уже вносить нездоровое зерно въ фискальную политику скарба. Скарбъ коснулся и способа взиманія налоговъ. Въ старыя сборы, напр., въ торговое проѣзжее мыто, онъ вносилъ больше ясности, опредѣленности; въ смыслѣ системы взаимия онъ окончательно склонился къ отдачѣ доходныхъ статей въ аренду. Что касется пограничныхъ таможенныхъ сборовъ, то скарбъ оставляетъ старое мыто на прежнихъ основаніяхъ, но для новаго мита имъ уже задается особый, общій для всего государства тарифъ. Правда, и этотъ послѣдній мало сообразуется съ цѣною товара; только нѣкоторые предметы облагаются ad valorem. Всѣмъ

этим носится известное улучшение в способах обложения косвенными налогами.

Ливонская война явилась могущественным фактором в деле развития косвенного обложения. Подъ ее влиянием скарбь напирала платящими силы населения до таких предель, что в некоторых случаях онъ или достигал обратного явленія, т. е. пониженія сборовъ, какъ это случилось в годы Люблинской униі, или, наконецъ, господскіе универсалы оказывались недействительными.

Но продолжительная война не давала возможности скарбу действовать съ той осмотрительностью и постепенностью, которыми отличается его работа в другихъ областяхъ финансовой политики, напр., в проведеніи волочной системы. Однако, было-бы весьма ошибочно приписывать Ливонской войнѣ самый импульсъ в деле изысканія скарбовыхъ позитковъ в области косвенныхъ налоговъ. Ливонская война придала этимъ поискамъ лишь ускоренный и неравномерный темпъ. Скарбъ сталъ на почву реформа в этой области, какъ и в другихъ, подъ влияниемъ измѣненій, испытываемыхъ государствомъ в сферѣ экономической жизни. Найдя источникъ дохода в монополияхъ и другихъ косвенныхъ сборахъ, скарбъ, подъ влияниемъ критическаго состоянія казны, сталъ слишкомъ неумѣренно его эксплуатировать. В этомъ отношеніи онъ становился на ту же почву в развитіи вотчинныхъ монополій (въ сферѣ общегосударственной оно оказалось не осуществимымъ), на какой в XVI в. стояли многіе пѣмекія государства¹⁾.

Это усиленное вниманіе къ косвеннымъ сборамъ уже начало вести къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ они приводили и в другихъ государствахъ, в смыслѣ несправедлива введенія къ этому виду податного тягла.

Вообще, исторія косвенныхъ налоговъ имѣетъ большое сходство, даже в отдѣльныхъ фазахъ своего развитія полное тождество, съ исторіей тѣхъ же формъ обложения в западно-европейскихъ государствахъ. Прежде всего ихъ объединяетъ происхожденіе, такъ какъ таможенные сборы и в древне-германскихъ государствахъ понимались какъ оплата за услуги, предоставляемыя устройствомъ мостовъ, перевозовъ и пр.²⁾ Уже канцллярій Карла Великаго, выданный

¹⁾ И. И. Явгуль, Основныя начала финансовой науки, изд. 1890 г., p. 115.

²⁾ Clamageran, Histoire de l'impôt en France, I, p. 161.

въ 803 г., воспрещалъ взиманіе пошлинъ не на рѣкахъ и не на мостахъ, такъ какъ в данномъ случаѣ торговецъ не получалъ никакихъ услугъ со стороны владѣльца земли¹⁾.

Въ древнѣйшей стадіи своего развитія таможенныя пошлины здѣсь отличались разнообразіемъ названій поводовъ для взиманія, и падали на самые разнообразныя предметы при ихъ передвиженіи по странѣ²⁾. Наконецъ, феодальная эпоха отличается весьма грубыми формами тарифа³⁾. Государственная власть, хотя и весьма слабая въ феодальный періодъ, борется съ незаконнымъ устройствомъ и взиманіемъ таможенныхъ пошлинъ⁴⁾. И здѣсь „новомышленныя“ и „невысказанныя“ мыта (употребляя литовско-русскій терминъ) составляли большое зло⁵⁾, противъ которыхъ государственная власть выступаетъ съ большаимъ успѣхомъ въ исходѣ среднихъ вѣковъ⁶⁾, и уже къ началу XVI в. выказываетъ большую заботливость о порядкѣ сборовъ пошлинъ, устанавливаетъ опредѣленные таксы и проч.⁷⁾ Этихъ бѣглыхъ указаній достаточно для подтвержденія самаго факта существованія указанного сходства в исторіи таможенной пошлины в Литовско-русскомъ государствѣ и в феодальной Европѣ.

Намъ еще остается вспомнить, что сравнительная доходность разныхъ видовъ косвеннаго обложения была весьма неодинакова: торговое мыто и внутреннія провозныя пошлины давали вообще ничтожный доходъ скарбу, такъ какъ эти сборы расплачивались по общинамъ. Въ известной мѣрѣ, столь же не велика была и доходность отъ канцисны. Зато пограничное мыто уже в древнѣйшее время занимаетъ почетное мѣсто в государственномъ бюджетѣ, на ряду съ доходами отъ соляничнаго и восковничнаго. Весьма замѣчательнъ ростъ доходовъ отъ монополій и акцизовъ. Новыя мыта почти въ три раза дали больший доходъ, чѣмъ старыя, но это уже вызвало непоправимое напряженіе со стороны плательщиковъ, такъ что сейчасъ же стало замѣтнымъ и паденіе торговой дѣятельности, отразившееся и на арендной платѣ за новыя и старыя мыта.

¹⁾ Falke I, Die Geschichte des deutschen Zollwesens, Leipzig, 1869, p. 16.

²⁾ Clamageran, о. с., p. 167.

³⁾ Ibidem, p. 205.

⁴⁾ Falke, о. с., p. 21 и др.

⁵⁾ Ibidem, p. 51.

⁶⁾ Clamageran, о. с., II, p. 7; Falke, о. с., p. 56.

⁷⁾ Clamageran, о. с., II, p. 117.

О томъ, что таможенная пошлина, монополія и акцизы шестидесятих годовъ были подняты для некоторыхъ предметовъ на высоту, грозившую сокращеніемъ торгово-промышленной дѣятельности, можно судить по отношенію тарифныхъ ставокъ къ цѣнамъ товаровъ. Для примѣра мы возьмемъ только цѣны на некоторые товары, при томъ цѣны, относящіяся къ тому же времени, когда дѣйствовали тарифы новаго мыта. Наши указанія будутъ носить, къ сожалѣнію, спорадическій характеръ, потому что источники представляютъ довольно скудные данныя по исторіи цѣнъ.

Особое вниманіе новый тарифъ оказывалъ предметамъ вывоза. Такъ, старое и новое мыто съ лѣсныхъ товаровъ достигало весьма крупныхъ размѣровъ. Лаштъ пепелу, при продажѣ въ рѣчныхъ портахъ, шель въ 1547—1568 гг. въ 2—2¹/₅ копейки лит.; сотня клепокъ шла по 2 копейки лит. въ 1547 г., сотня вачосу—въ 2¹/₂ копейки лит. (суда по цѣнамъ мела, слѣдуетъ думать, что къ концу шестидесятих годовъ цѣна на лѣсные товары не могла рѣзко увеличиться; это вѣроятно и потому, что предложеніе ихъ сильно возростало). Это цѣны за товары лучшихъ сортовъ, худшіе сорта падали до 1¹/₂ копейки. Между тѣмъ старое мыто взималось со всѣхъ трехъ названныхъ товаровъ по 8 гр. 7 пен. съ каждаго. Присоединяя къ этой таксѣ новое мыто оказывается, что въ 1561—1567 гг. съ лашты пепелу взималось 104 гр. 7 пен., съ сотни вачосу 50 гр. 7 пен. и съ сотни клепокъ тоже 104 гр. 7 пен., т. е. таможенная пошлина съ худшихъ сортовъ товара даже нѣсколько превышала ихъ продажную цѣну, а сравнительно съ цѣной лучшихъ сортовъ пошлина была немногимъ ниже цѣны товара. Въ 1568—1569 гг. новое мыто съ каждаго изъ этихъ товаровъ было понижено на 24 гр. лит. Цѣны на воскъ, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны за шестидесятые годы. Въ 1527 г. штука воску продавалась по 20 копѣекъ гр., а въ штукѣ бывало до 58 камней, т. е. камень воску продавался около 20¹/₂ гр. Между тѣмъ, старое мыто съ камня взималось въ размѣрѣ 6 гр., въ 1561 г. прибавлено еще 12 гр., въ 1566 г. прибавлено къ этому еще 12 гр., т. е. таможенная пошлина въ 1¹/₂ раза превышала цѣну товара. Локоть простого литовскаго сукна продавался въ шестидесятих годахъ по 2 гр., а между тѣмъ съ него была назначено въ 1568 г. по 2 гр. польскихъ, кроѣ стараго мыта.

Высокимъ тарифомъ были обложены и жизненные припасы, вывозимые изъ Литвы. Цѣны на скотъ въ шестидесятих годахъ были

довольно устойчивы. Въ нашемъ распоряженіи имѣются казенныя цѣны, по которымъ покупался скотъ и хлѣбъ у крестьянъ для довольствія войскъ. Это цѣны принудительная и минимальная.

Казенная цѣна скота весьма мало понижена сравнительно съ волевыми торговыми цѣнами. Цѣны на хлѣбъ, судя по волевымъ цѣнамъ, были очень неравнобѣжны, и казенныя цѣны оказываются иногда вдвое ниже частныхъ. Такимъ образомъ, казенныя цѣны ниже дѣйствительныхъ, но, вѣроятно, онѣ болѣе и менѣе приближались къ тѣмъ цѣнамъ, по которымъ шель хлѣбъ на мѣстѣ производства, въ селахъ, и по которымъ здѣсь же продавался скотъ. Принимая въ расчетъ эти оговорки, мы сопоставимъ *максимальныя* казенныя цѣны шестидесятих годовъ на скотъ и хлѣбъ съ тарифами стараго и новаго мыта. Такимъ образомъ получаемъ:

Цѣна.	Взималось стараго и новаго мыта		
	въ 1561—	въ 1566—	въ 1568—
	1566 гт.	1567 гт.	1569 гт.
волъ „оремий“	80 гр.	16 гр.	19 гр.
яловца	36 гр.	13 гр.	16 гр.
бочка жита	12 гр.	3 гр.	3 гр.
бочка пшеницы	12,8 гр.	4 гр.	4 гр.
бочка овса	8 гр.	1,2 гр.	1,2 гр.
бочка ячменя	10 гр.	2,5 гр.	2,5 гр.
бочка гороху	28 гр.	3 гр.	3 гр.

Такимъ образомъ таможенная пошлина съ жизненныхъ припасовъ, въ большинствѣ случаевъ, достигала четвертой части стоимости самаго товара. Правда, мы имѣемъ въ нашемъ распоряженіи минимальныя цѣны продукта.

Обратимся теперь къ ввозу. На мѣхъ и на некоторые другіе товары, какъ мы уже знаемъ, падалъ десятипроцентный сборъ ad valorem. Эта ставка уже ниже тарифа на предметы вывоза. И вообще, ввозныя пошлины были гораздо ниже вывозныхъ. Такъ, поставъ лунскаго сукна продавался въ Литвѣ, въ концѣ шестидесятих годовъ, по 12 копѣекъ гр., между тѣмъ на границѣ съ поставъ этого сукна взималось 24 гр. стараго мыта и 12 гр. новаго (въ 1568 г.—18, 4 гр.); значить, пошлина составляла одну двадцатую цѣны товара, по которой онъ шель къ потребителю. Болѣе дорогіе ввозные товары облагались еще меньше, такъ какъ съ нихъ взимался десятый грошъ.

Зато такой необходимый предмет потреблений как соль облагалась высоким тарифомъ. Такъ бочка соли, стоявшая въ Бельзѣ, при оптовой продажѣ, 2 талера, т. е. 66 гр. лит., облагалась соленичямъ въ 3 гр., по тарифу 1561 г.—въ 9 гр. и по тарифу 1566 г.—въ 13 гр.

Такимъ образомъ, новый тарифъ всею своею тяжестью ложился преимущественно на мѣстное производство.

Остается указать на соотношеніе товарныхъ цѣнъ съ размѣрами акциза 1561 г. Такъ, бочка ржаной муки стояла 12 гр. 8 пен., а съ нее взималось акцизу 12 пен., т. е. болѣе одной десятой. Вообще, повидимому, акцизы на помолы имѣли въ виду взимать десятую часть стоимости продукта послѣ помола. Зато акцизы, падавшій на паняты, были высоки: отъ бочки солоду взималось 3 гр., между тѣмъ какъ продажная цѣна продукта была отъ 6 („посполитаго“) до 12 гр. (пшеничного и ячяного).

ГЛАВА V.

Монетная регалія.

Въ Литовско-русскомъ государствѣ чеканка монеты представляла собой государственную регалію. Нѣкоторые изъ удѣльныхъ князей, правда, пользовались правомъ чеканки монеты¹⁾. Но, повидимому, такимъ правомъ пользовались не все удѣльные князья и притомъ они скоро лишились этого права, почему безошибочно можно утверждать, что чеканка монеты рано приобрѣла характеръ государственной регаліи. Дѣйствительно, великіе князья литовскіе пользуются этимъ правомъ уже въ очень ранній періодъ существованія государства. По мнѣнію Чацкого²⁾, литовскіе великіе князья не чеканили монеты до Ягайлы; впрочемъ, Нарбутъ утвердилъ, что ему извѣстна монета временъ Миндовга, но такому утвержденію небезопасно вѣрять³⁾. При Ягайлѣ въ Литвѣ чеканились полугрошка и, кажется, гроши; извѣстны также полугрошки великихъ князей Свидригайлы и Сигизмунда Кейстутевича⁴⁾.

Такимъ образомъ, чеканка монеты рано усвоена была великими князьями литовскими.

Обращаясь къ исторіи монетной регаліи въ ея отношеніи къ государственнымъ финансамъ, замѣтимъ, что для насъ этотъ вопросъ имѣть значеніе только какъ источникъ государственнаго дохода.

¹⁾ В. Б. Антоновичъ, Монографія, I, p. 255.

²⁾ Dzieła, III, p. 444.

³⁾ Jaroszewicz, Obr. Litwy, I, 113.

⁴⁾ Czacki, III, p. 444.

Интерес монетной реглации, как источника доходов, заключается в цифрах, показывающих, сколько чеканено монеты, какой доход она давала, какого качества чеканилась монета. Къ сожалѣнню, дошедшія до насъ данныя очень отрывочны. Мы рѣшаемся изложить здѣсь то, что намъ удалось найти въ источникахъ по этому вопросу, потому что и эти данныя могутъ представить нѣкоторый интересъ въ финансовой исторіи государства и, быть можетъ, дадутъ вообще небезполезныя указанія для монетнаго дѣла въ Литвѣ.

Древѣйшею чеканною монетою были, какъ уже указано, полугрошки и, быть можетъ, гроши; это—монета сравнительно мелкая, такъ какъ крупную монету въ XV вѣкѣ и отчасти въ XVI в. замѣняла иностранная (золотые угорскіе, талеры и пр.). О чеканкѣ монеты при королѣ Казимирѣ у насъ нѣтъ свѣдѣній. Въ правленіе Александра чеканились полугрошки ¹⁾ и очень мелкая монета—пенязи ²⁾. До насъ дошли два отчета, касающіеся чеканки монеты въ это время. 9 июня 1499 г. панъ Литаворъ Хребтовичъ представлялъ отчетъ по управленію монетнымъ дворомъ за 4 предшествующіе года. Расходъ монетнаго двора состоялъ изъ 56041 коны 26 гр. лит.—на серебро, работу и другія надобности для чеканки монеты. Прибыль отъ этой работы выразилась въ 22704 коны гр. ³⁾. Второй отчетъ по управленію монетнымъ дворомъ сдавалъ въ 1506 г. уже Сигизмунду I известный князь Михаилъ Глинскій. Однако по этому отчету нельзя составить себѣ полнаго представленія о ходѣ монетнаго дѣла. Глинскій завѣдывалъ монетнымъ дворомъ въ теченіе почти пяти съ половиной лѣтъ; но кромѣ чеканки монеты, онъ еще завѣдывалъ торговлей господарскимъ воскомъ; поэтому-то отчетъ сливается завѣдываніе воскомъ съ монетнымъ дѣломъ ⁴⁾.

Время правленія Сигизмунда I было довольно богато мѣропріятіями въ области монетныхъ операцій. Но и объ этомъ періодѣ наши свѣдѣнія также очень скудны. При Сигизмундѣ I чеканились гроши и полугрошки ⁵⁾. Чеканка монеты началась съ 1509 г., по

¹⁾ Bandtkie, Numismatika krajowa, War., 1839, I, p. 33.

²⁾ Comte Emeric Hatten-Czapski, Catalogue de la collection des medailles et monnaies polonaises, t. I, p. 19.

³⁾ Акты Лит.-рус. roc., I, p. 92.

⁴⁾ Акты Зап. Рос., II, p. 3.

⁵⁾ Zagórski Ignacy, Monety dawnej Polski, jako też prowincyi i miast niegdy do niej należących, War. 1845, p. 6.

уже до этого времени чувствовалась, видимо, потребность въ монетѣ, что показывается универсалъ 1508 г. о приѣмѣ польской монеты ¹⁾. Съ 1509 г. монета непрерывно чеканилась по 1529 г. включительно, зачѣмъ въ 1535 и 1536 гг. Объ этомъ можно судить какъ по каталогамъ монетъ, такъ и по письменнымъ даннымъ.

Въ 1509 г. чеканка монеты была поручена известному Ульриху Гозію. Онъ завѣдывалъ монетнымъ дворомъ съ 9-го февраля 1509 г. по 24 августа 1510 г. На монетный дворъ за это время пошло 13619 гривенъ 12 лотовъ серебра, а чистой прибыли получено 6000 коны грошей, т. е. скарбъ получилъ дохода 18% ²⁾. Этотъ однако отчетъ весьма слабо характеризуетъ монетныя операціи того времени. Дѣятельность Аврама Елофовича по управленію монетнымъ дворомъ несомнѣнно способствовала развитію его операцій; самъ Аврамъ вноситъ крупную сумму въ 1000 гривенъ серебра для чеканки монеты ³⁾. Доставшееся королю Сигизмунду по наследству отъ королевы Елены серебро тоже пошло на монетный дворъ ⁴⁾. Однако, намъ не известно прибыль отъ этихъ операцій. Вѣроятно, съ окончаніемъ Московской войны дѣятельность скарба по выпуску новой монеты сдѣлалась менѣе интенсивною. Можно также сдѣлать и такое наблюденіе, что со временемъ Сигизмунда I качество монеты постепенно ухудшается: оно падаетъ къ 1528 году ⁵⁾. Вѣроятно, чеканъ плоскихъ грошей 1535 г. отличался весьма низкою пробою, потому что королю пришлось писать грозные универсалы противъ тѣхъ, которые не хотѣли принимать новой монеты ⁶⁾.

Наши свѣдѣнія о монетныхъ операціяхъ короля Сигизмунда Августа болѣе подробны; при немъ чеканилась весьма разнообразная монета, а именно: пенязи, полугрошки, гроши, двугрошки (по 30 грошей на кону), троаки (по 20 грошей на кону), четвертаки (почворные гроши—по 15 на кону), шостаки (по 10 на кону), полталеры, талеры, полуконы, червоныя злотые ⁷⁾, шелляги. Первая литовскія

¹⁾ Акты Зап. Рос., II, p. 36.

²⁾ Кн. Зап. Лит., VIII, з. 114.

³⁾ Бернадскій, I, p. 76.

⁴⁾ Акты Лит.-рус. roc., I, p. 153.

⁵⁾ Czacki, I, таблица.

⁶⁾ Кн. Зап. Лит., XIX, з. 11—12.

⁷⁾ Zagórski, o. c., p. 10—13.

монеты со штемпелем Сигизмунда Августа были выпущены в 1545 г.

Въ этомъ году въ скарбѣ явилась мысль оставить монетное дѣло на прочную почву. Предшествующее положеніе монетнаго двора было таково, что въ немъ не было даже инструментовъ для работы; ихъ пришлось приобрести въ Краковѣ и доставить въ Вильну. Не было не только серебра, но и денегъ на его покупку. Завѣдываніе мнццою взяла на себя господарская рада, и отъ ея имени управлялъ дѣломъ подскарбій земскій Иванъ Горностай. Фактическое управленіе монетнымъ дворомъ было поручено Северину Бонарю (онъ давалъ отчетъ въ скарбѣ), агентами котораго были Яковъ и Юсть Децин. Съ самаго уже начала были затрачены крупный капиталы: подскарбій земскій командировалъ въ Краковъ для закупки серебра скарбнаго писаря Федора Мановскаго, которому былъ данъ капиталъ въ 11,973 коны грошей. Онъ закупилъ 3780 гривенъ 1 лотъ серебра на 27311 злот. польскихъ; сверхъ того, приобрѣлъ разные материалы для литатуры, инструменты для чеканки, израсходовавъ всего 28348 злотыхъ пол. (значитъ, осталось неизрасходованныхъ 1584 зол.). Небольшое число серебра было прикуплено въ Вильнѣ. На монетный дворъ поступило 3376 гривенъ серебра, изъ котораго пошло въ чеканку 3314 гривенъ.

Изъ этого серебра монета чеканилась съ 14 октября 1545 г. по 29 мая 1546 года. Въ общемъ, вычеканено новой монеты на сумму въ 10,917 копъ 19 грошей 1 пенязь; чеканилась пштинрошка, большіе и малые денаріи и тройные полугрошки. Расходи по управленію пошлоли 910½ копъ грошей. Въ общемъ отчетъ, представленный 8 апрѣля 1546 г., сведенъ съ весьма незначительною прибылью въ 61 зол. 2 гр. 1 пен., да сверхъ того изъ разныхъ остатковъ на монетномъ дворѣ (серебро, испорченная при чеканкѣ смѣсь и пр.), небольшое количество серебра, взятое великамъ княземъ, остатки отъ расходовъ—числится въ 3392 золот.¹⁾ Такимъ образомъ, отчетъ 1546 г. показалъ очень малую прибыль. Вѣроятно, это обстоятельство вызвало недовольство молодого великаго князя и лицъ, окружавшихъ его и не сочувствовавшихъ управленію мнццою при посредствѣ пановъ рады. Въ замѣткѣ, которою сопровождается паны Янъ Литовскій свой отчетъ 1549 г., рассказано, что паны рады не пожелали вѣдать

¹⁾ Кн. Переллсей Лят., Отчеты монетнаго двора.

чеканку монеты вѣдѣствие незначительности прибыли отъ операций и недостатка въ серебрѣ, такъ какъ его трудно было приобретать. Поэтому великій князь ввелъ монетную операцію въ свои руки не ради ея прибыльности (объясняетъ Литовскій), но для того чтобы была чеканена хорошая литовская монета. Завѣдываніе мнццою поручено было названному пану Яну Литовскому, подскарбію дворному, при которомъ оставленъ былъ также Яковъ Децинъ.

Для чеканки монетъ панъ администраціи получила слѣдующую сумму:

сумму, выданную на операцію при завѣдываніи дѣломъ радю (свѣтъ 1546 г.)	33267	зол.	20	гр.	2¼	пен.
вновь получено отъ Горностая изъ скарба	41300	„	—	—	—	—
серебро, занятое в. кн. у кн. Слудскихъ	17500	„	—	—	—	—
всего	92067	„	20	„	2¼	„

Изъ этой суммы отсчитано серебро, изъ-тое вел. кн. и испорченное при чеканкѣ, такъ что въ наличности принято 90198 „ 12 „ 1½ „

Получивъ означенную сумму, Литовскій пустил ее въ оборотъ и чеканилъ монету съ 12 іюля 1546 г. по 30 декабря 1549 г. За это время онъ купилъ серебра 35509 гривенъ на сумму 258289 зол., 12 гр. 17 пен. (капитальная сумма такимъ образомъ вѣсколько разъ была въ оборотѣ). Вмѣстѣ съ закупкою литатуры и расходами по управленію, имъ израсходовано за все время 277033 зол. п. Онъ чеканилъ монету (гроши литовскіе и польскіе, пенязи) преимущественно мелкую, изъ крупной шли тратрошки и шостаки. Всего отчеканено на сумму въ 281722 зол. п., такъ что весь операціонный періодъ заключенъ опять таки съ незначительною прибылью въ 4689 зол. п. Литовскому скарбу возвращено при этомъ только 7500 зол., а остальная сумма записана на личный счетъ короля.

Въ періодъ этой монетной операціи подверглась выкупу такъ наз. свидницкая монета, что значительно уменьшило количество обращающейся въ странѣ низкопробной иностранной монеты. Въ обращеніе же было пущено значительное количество болѣе добротачественной монеты.

Болѣе крупная монета чеканилась высокой пробы. Такъ тройки и шостаки чеканились по 14 лотовъ частаго серебра на гривну (въ

гравия 16 лотов), т. е. 84°, но мелкая монета была низкой пробы: на гривну силава для денариевъ брали 3½ лота, а для оболонъ всего 1¼ лота чистаго серебра, т. е. мелкая монета уже не была серебряной.

Таковы результаты монетной операціи 1546—1549 гг.¹⁾

Въ пятнадцатіи 1550—1555 г. монетнымъ дворомъ заведывали Юсты Децій и Мартянъ Кондратовичъ. Для чеканки они употребили 11358 гривенъ серебра стоимостью въ 82912 зол. и. Они получили всего монеты на 38769 копъ 40 гр. 2 пен. или на 96924 зол. 5 гр. 4½ пен. Общій расходъ, т. е. стоимость серебра и расходы по управленію составили 94783 зол. 8 гр. 14¼ пен., такъ что чистая прибыль выразилась въ скромной цифрѣ 2140 зол. 26 гр. 8½ пен.²⁾

Мелкая монета по прежнему выпускалась весьма низкой пробы. Вѣроятно, управленіе мундую при непосредственномъ распоряженіи короля вызвало разные неблагоприятныя толки³⁾, хотя въ общемъ чеканка ея въ періодъ управленія пановъ рады и королевскаго не отражалась существеннымъ образомъ на качествѣ монеты.

Такимъ образомъ, изложенные отчеты свидѣлствуютъ, что монетная регалия приносила за указанный періодъ незначительный доходъ; крупная монета выпускалась хорошаго качества.

Дальнѣйшія наши свѣдѣнія о монетныхъ операціяхъ очень скудны. Ливонская война усилила, повидимому, общій ходъ чеканки монеты. Въ 1562 г. чеканились тройки и шестки вѣсомъ въ 10 большихъ пиваевъ въ грошѣ⁴⁾. Присутствіе въ странѣ и на театрѣ войны большого количества наемныхъ иностранныхъ солдатъ, преимущественно нѣмцевъ, побудило, вѣроятно, скарбъ къ чеканкѣ талеровъ; первые экземпляры ихъ, впрочемъ очень рѣдко встрѣчающіеся въ нумизматическихъ собраніяхъ, относятся къ 1563—4 гг.⁵⁾ Присутствіе иноземныхъ войскъ и походы въ Ливонію вызвали наплывъ въ страну иностранной монеты, такъ что король особымъ универсаломъ фиксировалъ въ 1567 г. курсъ старыхъ и новыхъ иностранныхъ та-

¹⁾ Арх. Варш. Кан. Пал., отд. 45, кн. № 3.

²⁾ Ibidem, кн. 4/B.

³⁾ Iaschowiez, Pamiętniki do dz. Polski, Wilno 1842, p. 89.

⁴⁾ Кн. Переп. Лит., VII, з. 122.

⁵⁾ В. А. Уляницкій, о талерахъ Сигизмунда-Августа, въ Трудяхъ Московскаго Нумизматическаго Общ., томъ I.

леровъ¹⁾. Еще въ 1565 г. скарбъ, по сеймовому постановленію, стали покупать такъ наз. „филики“²⁾. Рядомъ съ наплывомъ иностранной монеты началъ чувствоваться недостатокъ въ мѣстной литовской. Скарбъ поэтому старался выбирать въ странѣ старую монету лучшаго достоинства сравнительно съ новымъ чеканомъ: это видно изъ того, что при залоговыхъ государскихъ державъ скарбъ обязательно бралъ у залогодержателей ссуду старыми большими грошами³⁾. Подать съ евреевъ собиралась серебромъ въ дѣлѣ⁴⁾. Сеймъ 1569 г. (литовскій) уже предупредительно просить короля не уменьшать дѣйности литовской монеты, на что правительство согласилось⁵⁾.

Вѣроятно, на Люблинскомъ сеймѣ вопросъ о монетѣ сильно занималъ пословъ и правительство, но такъ же можно утверждать и то, что на немъ не было сдѣлано болѣе подробныхъ по этому поводу постановленій: на это именно указываетъ король въ одномъ изъ своихъ листовъ и это обстоятельство подало ему поводъ устроить дѣло собственной власти. Онъ заключилъ условіе съ Вал. Иберфельдомъ и Ис. Бородавкой на устройство „талеровой мундую“ въ Вильнѣ. Оба обязались вложить въ дѣло 15000 гривенъ чистаго серебра по 16 лотовъ въ гривнѣ. Талеры чеканились 12,5° (т. е. 75 пробы на нашъ фунтъ). Гривна смѣси давала 7 талеровъ, т. е. 231 грошъ пол. Сверхъ талеровъ чеканились еще „подвойные ценою“ литовскіе⁶⁾. Выпускъ талеровой монеты долженъ былъ доставить 59136 копъ гр. лит. Такимъ образомъ, въ этотъ разъ качество монеты значительно было понижено въ сравненіи съ 50-ми годами. Скарбовую прибыль отъ этой операціи опредѣлить трудно: употребленное въ дѣло серебро могло стоить не менѣе 52000 копъ гр. (скарбъ считалъ въ 1563 гривну серебра въ дѣлѣ по 3¼ копа гр.: гривна въ дѣлѣ обыкновенно приравнивалась 15 лотамъ чистаго серебра, хотя бывала и меньшей пробы) и смѣсь для лиатуры болѣе 800 коп. гр. Къ этому слѣдуетъ прибавить расходы по управленію (всегда довольно значительные), порчу и пр.

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XLVII, л. 109.

²⁾ Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 165.

³⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 260 и др. контракты на залого.

⁴⁾ Бершадскій, II, 118.

⁵⁾ Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, 500.

⁶⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 236 об.

Разказанная операция съ монетой имѣла цѣлью увеличить выпускъ монеты въ обращеніе. Но уже здѣсь замѣтно пониженіе цѣнности монеты. Однако потребность скарба въ деньгахъ привела его къ необходимости выпуска малоцѣнной монеты.

Скарбъ долженъ былъ уплатить крупную сумму наемникамъ, составлявшимъ гарнизонъ Чернова, за ихъ службу. Ввиду полного отсутствія въ скарбѣ денегъ, король заключилъ 27 сентября 1570 г. съ Иберфельтомъ и Якубомъ Гинцой контрактъ, предоставлявшій послѣднему устроить въ Кирхгольмѣ¹⁾ монетный дворъ для чеканки такъ наз. клинговъ²⁾. Иберфельтъ съ компаньонами должны были на свой счетъ устроить мынцу и чеканить монету. На клинговы имъ предоставлялось перечеканить 20000 гривенъ чистаго серебра. На гривну металла, приготовленнаго для чекана, полагалось по 10 лотовъ серебра и 6 лотовъ лагатуры. Такая гривна должна была давать по 10 клинговъ, каждый стоимостью въ 30 гр. пол. или 4 гривны рижскихъ, т. е. гривна серебра десятой пробы (на нашъ фунтъ 60) давала 300 гр. польскихъ, или 4 коны литов. грошей. Арендаторы должны покрыть свои расходы новою монетою и сверхъ того дать скарбу для расплаты съ наемниками и на покрытія др. долговъ, 936000 зол. 20 гр. пол.³⁾

Легко видѣть, что мынцари не могли получить для себя прибыли отъ этой операціи (они должны были получить всей монеты 320,000 зол. пол. при затратѣ на одно серебро,—предполагая самую дешевую для него цѣну,—въ 163555 зол. пол.). Вотъ почему король предоставилъ въ 1571 г. обоимъ мынцарямъ право перечеканить при клинговой мынцѣ еще 6000 гривенъ серебра въ очень мелкую и малоцѣнную монету—преимущественно на шеляговую монету. Эта монета была нѣсколькихъ родовъ. На первомъ планѣ стоить шеляги. Изъ гривны смѣси, въ которой полагалось полтора лота серебра, чеканили 200 шеляговъ, нарицательною стоимостью по 6 шеляговъ въ одинъ грошъ литов. Далѣе идетъ тоже шеляговая монета по 36 шеляговъ каждая; такой монеты чеканилось изъ гривны смѣси, въ которой было по 5 лотовъ серебра, 18 монетъ. Третій видъ

¹⁾ Устройство монетнаго двора для клинговой мынцы въ предѣлахъ Ливоніи объясняется постановленіемъ Ливонскаго сейма.

²⁾ О значеніи клинговъ см. у Чацкого, Dzieła, t. I.

³⁾ Кн. Зап. Лит., I, V, л. 11—13 об. Очевидно, завохъ серебра предполагалось пустить 3 раза.

монеты стоимостью въ 15 шеляговъ каждая, т. е. тройкъ литовскій, и четвертый—по 9 шеляговъ, т. е. по 1½ гр. лит. Оба послѣдніе вида монеты заключали въ себя столько же серебра, сколько и второй типъ ея, т. е. по 5 лотовъ на гривну смѣси. На каждый видъ монеты мынцари должны были израсходовать по 1500 гривенъ серебра. Такимъ образомъ, монеты трехъ послѣднихъ родовъ давали каждый по 8640 конь гр. лит., а перваго рода—нѣсколько больше (8888⅔ коны лит.), т. е. мынцарямъ позволено было выпустить почти 34800 конь гр., которыя и послужили имъ въ возмѣщеніе за убытки по первой операціи⁴⁾. Низкое качество послѣдней монеты, сравнительно даже съ клинговою, видно изъ приведенныхъ выше данныхъ.

Таковы скудные свѣдѣнія по исторіи монетной регаліи. Литовскій скарбъ, какъ видимъ, не избѣжалъ и обычнаго въ то время средства для увеличенія количества денежныхъ знаковъ—порчи монетъ. Изъ предыдущаго также видно, что въ чеканкѣ монеты прибывали преимущественно въ экстренныхъ случаяхъ, попытки же правительственнаго выпуска монетъ для упорядоченія денежнаго обращенія, незначительны; за такую мѣру можно признать, не безъ огорокъ впрочемъ, чеканку монеты съ 1545 по 1555 гг. Скарбъ вообще мало обращалъ вниманія на этотъ источникъ дохода, по его малоприбыльности, до конца 60-хъ годовъ, когда критическое положеніе государственныхъ финансовъ заставило скарбъ обратиться къ усиленному выпуску малоцѣнной монеты.

⁴⁾ Документъ вывѣстанъ у Bandkic, о. с., I, p. 74.

прямая подать съ сдеевъ и, наконецъ, совершались принудительные займы.

Въ понятіе земскаго обложенія входили и повинности.

Главною изъ нихъ была земская военная служба, которую шляхетство отбывало лично и черезъ своихъ слугъ, т. е. тоже шляхтичей, бояръ, которые сидѣли на земляхъ своихъ патроновъ или находились у нихъ на службѣ. Земская военная служба покоилась на земельна-дѣльнѣ: она была обязательна для князя, пана, землянина, боярина и проч., если онъ владѣлъ имѣніемъ на земскомъ правѣ; разнѣвъ вы-водимаго на войну „почота“ находилась въ зависимости отъ населенности земскаго имѣнія.

Наконецъ, къ земскимъ же повинностямъ относились такіе какъ подводная, дорожная, мостовая, городское дѣло, замковая сторожа. Онѣ отбывались населеніемъ съ земскихъ имѣній.

Такимъ образомъ, земскія повинности и земская подать были объединены рядомъ признаковъ, дѣлающихъ необходимымъ совмѣстное ихъ изученіе. Прежде всего мы имѣемъ дѣло съ формами прямого обложенія, главнымъ основаніемъ котораго является поземельная собственность. Затѣмъ, всѣ эти формы обложенія имѣютъ общегосударственный дѣльн, т. е. являются податью и повинностями государственно-правового характера, съ полнымъ исключеніемъ частно-правныхъ элементовъ. Наконецъ, земское обложеніе объединилось въ законѣ и въ мѣнѣи общества того времени. Все это побуждаетъ насъ объединить въ одну главу изложеніе историческаго процесса и земской подати и военно-земской службы и другихъ земскихъ повинностей.

Однако область прямого обложенія является весьма обширной и весьма важной частью настоящаго изслѣдованія. Въ этомъ вопросѣ есть двѣ стороны: во-первыхъ, исторія обложенія и во-вторыхъ, его организація. Послѣдній вопросъ дѣлькомъ отнесемъ нами во второй томъ настоящей книги.

Въ данное время намъ нужно прослѣдить происхожденіе и развитіе земскаго обложенія. Такъ какъ оно покоится на земельна-дѣльнѣ и находится въ неразрывной связи съ ростомъ шляхетскаго сословія, то намъ предстоитъ выяснитъ вопросъ о формахъ земельна-дѣльнѣ и установить повинностное отличіе шляхетскаго сословія отъ другихъ, тяглыхъ классовъ общества¹⁾. Измѣненія въ социальномъ строеѣ ихъ

¹⁾ Терминъ *тяглыя* въ широкомъ значеніи податнаго субъекта, безъ отношенія къ виду тягла, какъ онъ употребляется въ Московской Руси, неаппlicable.

ГЛАВА VI.

Земскія подати и повинности.

Въ понятіе земскаго права въ Литовско-Русскомъ государствѣ входила вся та совокупность правовыхъ опредѣленій, которую регулировала отношеніе государственныхъ установленій къ высшему, т. е. шляхетскому, сословію въ государствѣ. Терминъ земства употреблялся въ данномъ случаѣ потому, что шляхетство уже къ половинѣ XVI столѣтія считало себя единымъ правовымъ сословіемъ въ государствѣ. Отсюда земское право противопоставлялось господарскому и городскому или мѣстскому. По отношенію къ обложенію, подѣ терминомъ земской подати, земской службы, земской повинности, разумѣли такіе виды обложенія, въ которыхъ участіе принимала шляхта лично или черезъ ея подданныхъ; къ этимъ повинностямъ, съ теченіемъ времени, были привлечены господарскія добра и церковныя имущества. Поэтому подѣ земскою податью и повинностью разумѣлось обложеніе населенія, шедшее исключительно на обще-государственныя нужды, — въ томъ смыслѣ, какъ тогда онѣ понимались шляхтою. Въ понятіе земской подати входила прямая подать (поголовщина или серебрящина — въ зависимости отъ способовъ обложенія), носившая поэтому названіе „податка земскаго“. Этотъ „податокъ“ декретировался сеймомъ и ко времени Люблинской униі уже и расходваніе его подлежало контролю сейма. Эта подать, по понятіямъ того времени, могла быть расходована только на обще-государственныя нужды, т. е. почти исключительно на оборону страны. Сверхъ того на общегосударственныя нужды собиралась ординщина, специальная

последних нами будут сгруппированы в главы, посвященной организации прямого обложения.

1. *Формы служилого землевладения.*

Формы поземельных отношений в Литовско-русском государстве давно составляли предмет исследования многих ученых; не смотря на это до сих пор высказываются весьма различные мнѣнія по данному вопросу. В особенности это разногласие касается кардинального вопроса о правѣ поземельной собственности, между тѣмъ какъ многія частности уже не возбуждаютъ сомнѣній. Писатели, исходящіе изъ воззрѣнія на Литовско-русское государство, какъ происшедшее изъ завоеванія, даютъ весьма опредѣленный отвѣтъ: государство было построено на феодальныхъ началахъ, хотя и имѣющихъ самопроизвольное развитіе. При такихъ условіяхъ аллодіальной собственности не могло быть, или по крайней мѣрѣ она должна была исчезнуть. Такую формулировку данного вопроса мы встречаемъ у проф. В. Б. Антоновича, Ярошевича¹⁾ и др.²⁾ Наиболее полную формулировку этотъ вопросъ получалъ въ сочиненіи Незабитовскаго о формахъ чиншевого землевладѣнія. Это пока единственная работа, въ которой вопросъ рассматривается во всей его полнотѣ; со свойственной автору проницательностью, здѣсь подмѣнены наиболее важныя стороны вопроса и освѣщены убѣдительными фактами памятниковъ.

Незабитовскій исходитъ изъ того общаго положенія, что въ строе Литовско-русскаго государства „не было мѣста ни для частной поземельной собственности, ни для отдѣльнаго отъ собственности вещнаго права на землю: право поземельной собственности принадлежало только великому князю и пользованіе землею частными лицами носило прекарный характеръ, хотя бы формула пожалованія носила бе-

литовско-русскимъ источникамъ. Поэтому говорившемся, что этотъ терминъ иногда употребляется нами именно въ томъ его значеніи, какое онъ имѣлъ въ восточной Руси.

¹⁾ Jaroszewicz, *Obraz Litwy*, I, p. 122—128.

²⁾ Ср. утвержденіе Незабитовскаго, *Собраніе сочиненій*, Киевъ 1884, p. 308, прилѣжанія.

Рембовскій, *Исторія и значеніе чиншевого владѣнія*, p. 30.

зусловный характеръ³⁾. Правда, на практикѣ въ волѣ господара не было произвола⁴⁾. Сближеніе съ Польшей способствовало имѣненію коренныхъ воззрѣній на право поземельной собственности. На смѣну господарскаго права явилось шляхетское, а вмѣстѣ съ нимъ и частное право на землю. Поворотнымъ правовымъ пунктомъ въ этомъ отношеніи является Люблинская унія⁵⁾. Незабитовскій даетъ слѣдующую замѣчательную по своей полнотѣ характеристику земскаго права: „Землянинъ, владѣлецъ земельной маестности, былъ въ своемъ родѣ римскій квиритъ, владѣвшій какъ бы *ex jure quiritium*: на земскомъ, шляхетскомъ правѣ. Онъ держалъ землю въ своей власти не въ качествѣ служебной силы, не за службу и не для службы, а какъ вольный обыватель, властелинъ себя самого, *vigore juris sui*. Его право на землю было вещнымъ правомъ противъ всѣхъ и всякаго, и такой характеръ сохранило оно, не только оставаясь въ цѣлостномъ видѣ какъ *dominium plenum*, но и въ раздробленіи на *dominium directum* (*titulus haereditatis*) и права въ чужой маестности, *jura in re aliena*“⁶⁾.

Не смотря на рядъ убѣдительныхъ доказательствъ, приведенныхъ Незабитовскимъ, покойнымъ профессоромъ Бершадскимъ было высказано мнѣніе какъ разъ противоположное: онъ признаетъ существованіе въ Литовско-русскомъ государствѣ неограниченнаго права частной поземельной собственности⁷⁾. Столь противоположный выводъ Бершадскаго получился вслѣдствіе того, что названный исследователь построилъ свои заключенія на фактахъ, опредѣляющихъ права расширенія поземельной собственности, недостаточно оцѣнивъ факты, опредѣляющіе право владѣнія.

Но мнѣнія названныхъ авторовъ представляютъ собою схему вопроса, нуждающуюся изъ значительныхъ дополненій. Эти дополненія по частямъ составили предметъ другихъ исследованийъ. Такъ уже Новицкимъ было обращено вниманіе на аналогію между формами поземельной собственности въ Литовской Руси съ помѣстнымъ землевладѣніемъ Московской. Онъ указалъ на служебныя и новинщныя отношенія земле-

¹⁾ *Собраніе сочиненій*, p. 292—6.

²⁾ *Ibidem*, p. 309.

³⁾ *Ibidem*, p. 309—313.

⁴⁾ *Собраніе сочиненій*, p. 319.

⁵⁾ *Литовскій Статутъ и Польскій Конституціи*, Сѣб., 1893, p. 25.

владѣнія, а также на то что въ достаточный періодъ земельвладѣнія, „будучи одинаково условнымъ для всѣхъ частныхъ лицъ безъ исключенія, не составляло вмѣстѣ съ тѣмъ ничьей привилегіи“¹⁾). Въ изслѣдованіи проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова о помѣстьяхъ Литовскаго государства впервые подверглись опредѣленію различныя формы земельвладѣнія (выслуги, отчины, помѣстья и др.) и прослѣжены рядъ условий, при которыхъ условная поземельная собственность переходила въ полную. Проф. М. Ф. Владимірскаго-Будановъ, какъ извѣстно, отрицаетъ завоевательную теорію, но это обстоятельство не мѣшаетъ признанію съ его стороны ограниченности въ правѣ поземельной собственности частныхъ лицъ. „Привилегіать,—говоритъ онъ, есть только пользователь, или срочный, или пожизненный, или съ правомъ передачи имущества дѣтямъ, и, наконецъ, съ правомъ передачи его въ наслѣдство безъ ограниченій. Ни въ какомъ изъ этихъ случаевъ онъ не распоряжается имуществомъ и не гарантированъ отъ произвольныхъ распоряженій имъ со стороны государя“²⁾).

Изслѣдованіе М. Ф. Владимірскаго-Буданова не было по достоинству оценено М. К. Любавскимъ³⁾. Последній помѣстилъ въ своей книгѣ, весьма пространной этюдъ именно съ цѣлью подорвать цѣнность выводовъ и впечатлѣніе, произведенное статьей проф. Владимірскаго-Буданова. Дѣйствительно, М. К. Любавскій собралъ громадный матеріалъ по данному вопросу, выискивалъ бытовныя его частности, но въ последнемъ случаѣ шелъ по стопамъ своего предшественника. Къ сожалѣнію, весьма не легко суммировать взглядъ самого М. К. Любавскаго; болѣе того, онъ какъ будто уклоняется отъ выясненія общихъ понятій о правѣ поземельной собственности и не даетъ отчетливо отвѣта, чѣмъ отличалось отчинное владѣніе отъ другихъ формъ. Исходя изъ признанія *haereditas paterna* у древнихъ литовцевъ⁴⁾, авторъ естественно долженъ былъ бы прятнъ вслѣдъ за г. Владимірскаго-Будановымъ къ тому, что типъ полного вотчиннаго владѣнія поникъ въ литовскую эпоху⁵⁾; но и это онъ отрицаетъ⁶⁾. Та-

¹⁾ Статья о престолахъ въ Архивѣ Юго-Зап. Рус., ч. VI, т. I, с. 6—7, 9—15.

²⁾ Очерки изъ Исторіи Литовско-русскаго права. Помѣстья Литовскаго государства. Киевъ, 1889.

³⁾ Областное дѣланіе, с. 600.

⁴⁾ *Ibidem*, с. 550.

⁵⁾ Христоватіа по Исторіи рус. права, к. II, с. 28, примѣчаніе.

⁶⁾ Областное дѣланіе, с. 561.

кой выводъ вполнѣ былъ бы понятенъ потому, что М. К. Любавскій признаетъ, что „великіе князья до извѣстной степени считали себя собственниками земель, съ которыхъ шла военная боярская служба“¹⁾. Весь вопросъ М. К. Любавскій сводитъ къ причинамъ,—почему и какъ отходили у военно-служилыхъ людей отчины, но въ числѣ причинъ оказывается и то, что великіе князья не церемонились съ боярскими отчинами, и то, что они смѣшивали отчины съ формами временнаго владѣнія и, наконецъ, плохое состояніе государственной регистраціи, вслѣдствіе чего возможны были частые обманы²⁾. Эти бытовныя факты не поясняютъ сути дѣла. Зато весьма важна наблюденія, сдѣланныя авторомъ относительно вліянія родовыхъ интересовъ на ограниченіе права распоряженія отчиной.

Таково состояніе вопроса о формахъ служилого земельвладѣнія въ Литовско-русскомъ государствѣ. Каждая изъ отиѣченныхъ работъ въ отдѣльности не обладаетъ столь широкой постановкой вопроса, съ которой можно было бы согласиться; однако, принявъ во вниманіе сдѣланное отдѣльными авторами, можно уже представить попытку болѣе всесторонняго рѣшенія данного вопроса. Въ послѣдующемъ изложеніи вамъ неоднократно придется обращаться къ выводамъ и указаніямъ названныхъ авторовъ, почему мы и сочли неизбежнымъ сдѣлать этотъ предварительный обзоръ литературы предмета. Разумѣется, формы земельвладѣнія насъ будутъ интересовать преимущественно въ ихъ соотношеніи къ главнѣйшей изъ повинностей—военной службѣ.

Небезинтересно прежде всего отиѣтить, что уже въ эпоху сложенія Литовско-русскаго государства можно указать на формы условнаго владѣнія, извѣстныя послѣдующему времени. Первые грамоты на владѣніе землею принадлежатъ Миндовгу. Въ 1254 г. онъ даетъ епископу Христіану половину Россіенъ, Бетиголы и Лукова *in corporalem possessionem etiam pro dote*³⁾. Изъ этого ясно, что епископъ получаетъ города въ личное владѣніе. Другія грамоты того же князя, выданныя Ордену, представляютъ собою пожалованія въ личное владѣніе, но при условіи военной помощи⁴⁾.

¹⁾ *Ibidem*, с. 551.

²⁾ С. 551, № 4, 554, 557.

³⁾ Narbutt, Pomniejsze pisma historyczne, с. 40.

⁴⁾ Raczynski, Kodex dyplomatyczny Litwy, 1845, с. 11.

Одна из грамотъ слѣдующимъ образомъ обуславливаетъ военную службу: „ut ipsi Fratres per se ac suos in expensis propriis materiali gladio auxilio et consilio nobis ac regni nostri legitimis successoribus assistant perpetuo contra nostros ac Fidei inimicos“¹⁾. Наконецъ, небезинтересно и еще отмѣтить, что грамота того же князя 1259 года предоставляетъ Ордену владѣніе Жмудью, при чемъ подданнымъ Миндова не воспрещается дарить и завѣщать Ордену движимое и недвижимое имущество²⁾. Напоминаю, что и Гедимины, вызывая военно-служилыхъ людей изъ Германіи, обещалъ въ своихъ грамотахъ обезпечить ихъ службу землею³⁾.

Эти столь ранніе извѣстія хорошо разъясняютъ, что уже тогда господа литовскіе усваиваютъ принципъ пожалованія землею въ вѣчно потомственное владѣніе на условіи военной службы, что тогда же они отличали потомственное владѣніе на службѣ отъ личнаго владѣнія. Но интересна оговорка одной изъ грамотъ относительно права даренія Жмудинями Орденскимъ братьямъ недвижимости; значить, жмудини владѣли такою недвижимою собственностью, которая, хотя бы при нашествіяхъ усиліяхъ, могла быть ими отчуждаема. Дѣйствительно, свидѣтельство хроникъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ древнѣйшей Литвѣ не было безыавѣстныхъ типъ полной поземельной собственности: достаточно напомнить о значеніи Литовской знати, объ ихъ bona paternaia, haereditates paternaе и въ особенности объ alodia, каковой терминъ часто употребляется Дюсбургомъ. Несомнѣнно, западно-европейскіе наблюдатели въ этихъ терминахъ отмѣтили особенности литовскаго землевладѣнія и отличили его отъ владѣнія in feudo. И это вполне понятно, если принять во вниманіе условія сложенаго Литовскаго княжества изъ группы родовыхъ союзовъ: родовое владѣніе до возникновенія государственнаго союза естественно должно было носить въ себѣ всѣ права полной собственности. Однако образованіе государства нарушило эту полноту владѣнія: подчиненіе господарю Литвы было немислимо безъ службы ему. Отсюда происходитъ вмѣшательство государства въ поземельныя отношенія, такъ какъ оно объединяетъ въ себѣ не только отдѣльныхъ лицъ, но и ихъ имущества, служація обезпеченіемъ службы. Исный примѣръ тому

¹⁾ Ibidem, p. 12.

²⁾ Ibidem, p. 16.

³⁾ Ibidem, p. 28.

можно наблюдать въ способахъ подчиненія русскихъ князей съ ихъ вотчинами великому князю Литовскому: подобно послѣднимъ и Литовскіе родовые князья и бояре оказались въ служебномъ подчиненіи великому князю. И русскіе князья вотчинники не только лично должны были служить, но съ извѣстнымъ контингентомъ военныхъ людей. Это обстоятельство заставляло и ихъ обвязывать военною службою подчиненныхъ имъ людей или же искать такихъ слугъ на условіи земельного жалованія (единственно въ то время возможнаго). Военныя потребности нарастающаго и расширяющагося государства не могли быть удовлетворены объединеніемъ и присоединеніемъ служилыхъ вотчинниковъ: великіе князья усердно привлекали новыхъ слугъ, обезпечивая ихъ земельнымъ жалованіемъ. Это можно заключить изъ приведенныхъ уже выше указаній и подтвердить фактами массовыхъ раздачъ земель, сдѣланныхъ при Витовтѣ, Свидригайлѣ и Сигизмундѣ Кейстутевичѣ. Дѣйствительно, великимъ князьямъ Литовскимъ нуженъ былъ въ XIV и въ началѣ XV вѣка военно-служилый элементъ въ большомъ размѣрѣ: Витовтъ уже прибѣгалъ къ найму конницы¹⁾, въ Грюнвальденской битвѣ со стороны Литвы было выставлено 40 хоругвей (18 Литовскихъ и 22 отъ удѣльныхъ русскихъ князей), при чемъ въ каждой конной хоругви было отъ 100 до 200 всадниковъ и небольшое количество пѣшихъ воиновъ, а въ пѣшей хоругви до 1000 воиновъ²⁾. И въ болѣе раніе время великіе князья Литовскіе выступали въ походы съ большими контингентами³⁾. Вообще военное напряженіе въ эпоху образованія государства было велико и для исторіи землевладѣнія имѣть нужду придавать особое значеніе самому факту завоеванія русскихъ земель⁴⁾.

По отсюда становится понятнымъ преобладаніе служебной зависимости землевладѣнія и то, что типъ полнаго вотчиннаго права, несомнѣнно существовавшій какъ въ Литвѣ, такъ и въ древней Руси⁵⁾, уступилъ мѣсто условному и ограниченному. Высшее господарское право поглотило право частныхъ лицъ, и послѣднее своеобразно возродилось въ земскомъ правѣ, выросшемъ къ концу узу-

¹⁾ Danilowicz, Skarbee, № 661.

²⁾ Szajhocha, o. c., III, 359, 362, 363.

³⁾ См. выше, p. 9.

⁴⁾ См. выше, p. 12.

⁵⁾ Невозинъ, Исторія рос. гражд. законовъ. Собраніе соч. т. IV, p. 129.

чаемого периода. Понижение частного права касается права распоряжения и пользования, так как широта послѣднего обуславливалась привилегией. Препарный характер земельнаго права обуславливает разнообразіе форм его.

Вообще формы служилого землевладѣнія въ Литовско-русскомъ государствѣ можно раздѣлить на двѣ большія группы: въ 1-й можно отнести всѣ срочныя и несрочныя держанія, ко 2-й вѣчныя держанія, отчуждаемыя „купи“. Характернымъ признакомъ перваго рода держаній является отсутствіе у держателя права распоряженія землею; держатель распоряжается своимъ имуществомъ только въ той мѣрѣ, въ какой это допускаетъ „воля и ласка“ господара великаго князя; въ некоторыхъ изъ такого рода держаній допускается и извѣстная форма наследованія. Ко 2-й группѣ относятся владѣнія на исключительномъ правѣ.

Великаго рода господарская данина есть прежде всего „жалованье“ за прошлую, текущую или будущую службу¹⁾. Великій свободный человекъ, если хотѣлъ служить, могъ подыскать себѣ село, пустошь, вообще земельный участокъ, — „съ чего бы могъ послужити“, — и просилъ господара объ утвержденіи за нимъ этого участка на службѣ. Требовалось только удостовѣреніе, что проситель — человекъ „годный“ къ службѣ. Многихъ господарь самъ звалъ, за другихъ хлопотали намѣстники и паны рада; иногда господарь выдавалъ грамоту условно — „аки будетъ сгожо, а не будетъ никакого жалованья“, — очевидно, предоставляли окончательное рѣшеніе вопросу самому намѣстнику. Множество раздачъ производилось намѣстниками, старостами, ревизорами и господарская канцеларія только впоследствии выдавала листы на такого рода раздачу земель.

Въ господарское жалованье шли разнообразныя виды и формы поземельной собственности. Помѣстья, имѣнія (общее названіе) — села, дворы, пашни, поля, различныя угодья, рыбныя ловли, бобровыя гоны, дѣсь, сѣнокосы, огороды и даже дома въ городахъ, церкви и монастыри; земли давались иногда ненаселенныя, но чаще владѣлецъ получалъ службу, дань и полатки жившаго на землѣ населенія. Большею частію господарскіе листы не опредѣляютъ, за какую именно службу данное лицо получаетъ землю, потому что во всѣхъ этихъ случаяхъ разумѣлась обыкновенная земская служба, т. е. обязанность служить

¹⁾ Документы Моск. Архива Мин. Юст., I, р. 22.

въ войскѣ. Иногда впрочемъ встрѣчаемъ опредѣленіе причинъ пожалованія земли такого рода, какъ раны и увѣчья, полученныя на войнѣ, сидѣніе въ плѣну, за дипломатическую, канцеларскую службу и пр.²⁾ Господарское поземельное жалованье могло быть съ обозначеніемъ извѣстныхъ сроковъ или безъ такого обозначенія. Простейшимъ видомъ его была данна „на хлѣбокормленіе“ или „на пожалованіе“, что собственно имѣло одно и то же значеніе³⁾. Это была временная раздача дворовъ, селъ и вообще другихъ доходовъ, пока жалующій подыскивалъ себѣ болѣе опредѣленный источникъ службы. Поэтому хлѣбокормленія отащались отъ данины — держанія въ собственномъ смыслѣ⁴⁾. Такъ напр., хлѣбокормленія давались обычно москвитянамъ, перебѣжавшимъ въ Литву, пока имъ подыскивались постоянныя служебныя земли, или жителямъ литовскихъ окраинъ, когда во время войны ихъ имѣнія переходили въ руки непріятеля. Послѣднимъ давалось временно хлѣбокормленіе, а когда выяснялось, что непріятель окончательно завладѣлъ землями бѣглецовъ, то за ними утверждались или земли, данины имъ въ хлѣбокормленіе, или другія „до очищенія“ захваченныхъ непріятелемъ земель. Разумѣется, въ послѣднемъ случаѣ, съ теченіемъ времени, данины, пожалованныя „до очищенія“, превращались въ вѣчныя держанія и отчины. Употреблялся и еще терминъ пожалованія — „до осмотра“. Это тоже временное пожалованіе землею, пока подыскивался болѣе опредѣленный источникъ службы.

Однако, громадное большинство держаній отдавалось на условіи „до воли и ласки господарской“; если такого опредѣленія не было, то оно во всякомъ случаѣ подразумевалось. Великокняжеская власть, передавая имѣнія „до воли“, ничѣмъ не ограничивала срока владѣнія и оставляла его всецѣло на свое усмотрѣніе. Но съ теченіемъ времени вырабатываются формы владѣнія съ извѣстнымъ срокомъ; это такъ называемыя данины „на доживотья“ и на леиномъ правѣ. Впервые терминъ „доживотья“ подыскается, кажется, не ранѣе конца XV и первыхъ годовъ XVI вѣка⁴⁾. Но только въ эпоху обоихъ Си-

¹⁾ Напримѣръ, Акты Зап. Рос., II, р. 67. Кн. Зап. Лит., XLI, л. 86, 99 об., 332—324, 364 об. и др.

²⁾ В. В. Антоновичъ, Грамоты и пр., р. 162.

³⁾ Игавицкій, Князья Пузыри — историко-генеалогическіе матеріалы Сиб., 1890, р. 48.

⁴⁾ Акты Леонтовича, № 594.

гизмундовъ Игеллоновъ эта форма отдачи земель приобретает довольно широкое применение. Отдача на условіи „доживотья“ обозначала право жалуемого владѣть землею до своей смерти. Иногда доживотье жаловалось „до живота“ (т. е. до конца жизни) мужа и жены, или до двухъ, трехъ животовъ, т. е. до смерти сына и внука; иногда земля доставалась въ личное владѣніе, но съ условіемъ, что если у жалуемого будетъ сынъ, то владѣніе перейдетъ къ нему ¹⁾. Эти условія доживотій естественно приводили къ условіямъ владѣнія на ленномъ правѣ. Владѣнія на ленномъ правѣ получаютъ примѣненія въ эпоху между первымъ и вторымъ Статутами. Господари весьма охотно раздають на этомъ правѣ земли на окраинахъ государства для обезпеченія ихъ военными силами. Ленная владѣнія иногда фактически выходили изъ доживотій ²⁾. Леннымъ правомъ называлось владѣніе, обставленное слѣдующимъ условіемъ: жалуемый получаетъ землю въ вѣчное владѣніе, но при условіи наследованія „въ мужскомъ рождѣ“, при чемъ рѣзко подчеркивалось обязательство земской военной службы; интересно, что въ некоторыхъ актахъ вслѣдственность въ мужскомъ родѣ ограничивалась еще „лаской“ господарской ³⁾. Грамоты однако нигдѣ не говорятъ, предполагается ли при ленномъ правѣ единонаследіе или нѣтъ; вѣроятно, надо предположить послѣднее, такъ какъ акты говорятъ о переходѣ жалуемого имущества къ дѣтямъ мужского рода.

Таковы формы служилого землевладѣнія, отнесенныя нами къ первой группѣ. Только въ условіяхъ леннаго права или доживотія великокняжеская власть предоставляла некоторыя права владѣльцамъ въ смыслѣ обезпеченія срочна владѣнія, гарантируя тѣмъ самымъ извѣстную прочность его; но и въ этомъ случаѣ владѣлецъ не могъ свободно распорядиться своею землею, напр. не имѣлъ права отчуждать владѣнія безъ господарскаго разрѣшенія.

Вообще, великокняжеская власть твердо держалась принципа, что всякое владѣніе, отданное до воли господарской, находилось „въ нашої (т. е. господарской) воли“ ⁴⁾. Это общій принципъ, которымъ

¹⁾ Ibidem, № 469.

²⁾ Ки. Зап. Лѣт., XLII, л. 35.

³⁾ Ки. Зап. Лѣт., XLII л. 113, л. 114, л. 149—152, л. 156 об., 157, л. 244 об. Акты Зап. Рос., III, р. 216, Акты Юго-Зап. Рос., I, р. 227.

⁴⁾ Arch. ks. Lubart. Sang., I, р. 118.

руководствовались господами. Изъ него прежде всего вытекало право господара распоряжаться владѣніемъ по собственному усмотрѣнію. Правда, обычай въ извѣстной мѣрѣ стѣсняетъ это усмотрѣніе да и самому господарю было бы невыгодно дѣлать слишкомъ неустойчивую столь удобную для службы форму владѣнія. Однако, акты представляютъ достаточно случаевъ перехода данинъ по личному усмотрѣнію великаго князя. Поэтому встрѣчаются владѣнія, которыя въ короткое время по нѣскольку разъ переходятъ изъ рукъ въ руки ¹⁾. Великій князь можетъ во всякое время отнять у владѣльца его держанье и передать другому. Такъ Витовтъ отдавалъ на вѣчность Дерезинъ Любскому Коначу на такихъ условіяхъ, какъ держалъ „ябій Дремуть“, прибавляеть: „а Дремутю тамъ (въ Дерезинѣ) десять мужей казаль ему дати“ ²⁾, т. е. только часть прежняго держанья. Или, напр. витебскій намѣстникъ Юрій Глѣбовичъ проситъ въ 1508 году у короля ямѣніе, раньше принадлежавшее ямѣшнику Василію Глинскому и въ моментъ просьбы уже находящееся въ рукахъ А. Казантаева, и король даетъ это ямѣніе просителю „на пожизненіе до нашої воли“ ³⁾. Это отнятіе данинъ ничѣмъ не мотивировано, да и не могло быть мотивировано, потому что сама данина есть актъ ласки господарской.

Но на ряду съ этимъ существовали и иногда законныя поводы, вслѣдствіе которыхъ верховная власть считала необходимымъ отнятіе данинъ. Такъ какъ земельное жалованье давалось за службу, то неисполненіе ея влекло за собою отнятіе владѣнія. Такъ, уходя боарина ео службы, переходя къ удѣльному князю или пану, быство ео службы, уходя въ монастырь, болѣзнь, уголовныя преступленія, — все подобнаго рода факты служили поводомъ къ отнятію данинъ ⁴⁾. Держатель не имѣлъ правъ свободнаго распоряженія землею. Господарь могъ разрѣшить куплю или продажу своего „данья“ ⁵⁾. Если держатель не испроситъ на продажу господарскаго разрѣшенія, то ямѣніе подвергалось конфискаціи ⁶⁾. Держатель не имѣлъ права заложить дожи-

¹⁾ Акты Леонтовича, № 450.

²⁾ Arch. ks. Lub. Sang., I, р. 24.

³⁾ А. З. Р., II, р. 47.

⁴⁾ Факты см. въ книгѣ данинъ господара Казимира: р. 45 (§ 2), р. 62 (§ 9), р. 46, р. 5, р. 54 (§ 5), р. 34 (§ 2), р. 47 (§ 13), р. 57 (§ 15), р. 31 (§ 26) (Документы Моск. Арх. Мин. Юст.); Леонтовичъ, Акты, № 651.

⁵⁾ Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., р. 46, § 2.

⁶⁾ Ки. Зап. Лѣт., XVII, л. 278—279.

воле, данье, хлѣбкормленіе¹⁾. Всякія такого рода понятія незаконнаго распоряженія государскими даними вызвали со стороны государя великаго князя не только карательныя мѣры, но и разясненія принципиальнаго характера. Такъ на москвитина З. Пятаго введено было обвиненіе (1564 г.) въ томъ, что онъ хотѣтъ „запнсти“ въ залогъ подученное имъ на хлѣбкормленіе имѣніе въ Кременецкомъ повітѣ. Сигизмундъ Августъ слѣдующимъ образомъ излагаетъ въ грамотѣ взглядъ на сущность такой дачи: „воля и восстановление“ великаго князя заключается въ томъ, чтобы придерживаться стариннаго обычая, существовавшаго еще „за предковъ нашихъ“; этотъ обычай запрещаетъ москвитинамъ въ особенности тѣмъ, которымъ земли даны не на вѣчность, продавать и закладывать пожалованныя имъ имѣнія; даже лицо, давшее подъ залогъ имѣніи деньги, утрачиваетъ ихъ. Держатель наказывается отнятіемъ имѣнія: „якожъ хочемъ мети; который именя на хлѣбкормленіе оуде въ повеге Кременецкомъ Москве зъ ласки наше даны суть, жебы ихъ никому не заставляли, ни продавали, але сами ихъ держали и того уживаючи службу земскую съ того служили. А естли бы который зъ нихъ хотевъ тые именя свои заставляти, або продавати и кому иному то въ руки, безъ воли и ведомости наше, заводити, альбо зъ нихъ службы земское военное не служили“, то староста обязанъ немедленно отнять на государя такое имѣніе²⁾. Здѣсь ясно сказанъ взглядъ правительства относительно правъ распоряженія тѣми имѣніями, которыя давались въ хлѣбкормленіе. Сопшемъ еще на одинъ фактъ (ихъ много можно указать въ книгахъ Метрихи); еще болѣе сложный. Вдова Василья Сдарбожца продала безъ государскаго разрѣшенія купленное ей мужемъ съ государскаго дозволенія имѣніе Сандыковщину; имѣніе продано на вѣчность дворянину государскому Данилу Семеновичу. Государскій листъ разъясняетъ, что и покупатель и продавецъ поступили неправильно, совершивъ сдѣлку: „якъ никому неволью данинъ нашихъ продати, ни записывати“; имѣніе должно бы подвергнуться конфискаціи, но покупатель далъ государю такую же сумму денегъ, какую самъ заплатилъ за имѣніе, почему государь, принимая во вниманіе особая заслуги Семеновича, отдаетъ ему и его жейфъ въ доживотье названное имѣніе³⁾. Такимъ

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XVII, з. 192; XLI, з. 342 об.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XLI, з. 342 об.—343.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XVII, з. 278.

образомъ, государская данина, уже перешедшая изъ рукъ въ руки посредствомъ купли, всетаки сохраняетъ свое первоначальное свойство и владѣлецъ ея не имѣетъ полныхъ правъ распоряженія. Правда, практика была нѣсколько мягче. Подобно приведенному случаю государь иногда утверждалъ незаконную продажу данины, переводя однако имѣніи на ленное право, т. е. ставилъ покупателя въ гораздо менѣе удобныя условія—владѣльца на ленномъ правѣ, тѣмъ владѣльца на правѣ купли¹⁾, или возирадая проданную данину обратно продавцу²⁾. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что и данины на ленномъ правѣ также ограничивали владѣльца. Разумѣется, данина „до воли и ласки государской“ не могла перейти къ наследникамъ, даже къ сыновьямъ владѣльца (кроме леннаго права), и по смерти владѣльца могла быть передана государемъ кому угодно³⁾. Держатель данины не имѣлъ также права записывать ея на своей жейфѣ⁴⁾. Въ подтвержденіе послѣдняго оставимъ вниманіе на одномъ фактѣ, разъясняющемъ, между прочимъ, одну особенность въ служебномъ положеніи государскихъ данинъ. Нѣкто Третьякъ, „чужоземецъ“, былъ убитъ своими поддаными. Наслѣдники убитаго просили оставить имѣніе за ними, при чемъ оказалось, что Третьякъ успѣлъ записать на данинѣ ея на своей жейфѣ. Сигизмундъ Августъ согласился на просьбу наслѣдниковъ, но оговариваетъ въ своемъ листѣ: „а то мы бачахи то, якъ ачюлвекъ его королевская милость (т. е. Сигизмундъ I) тому Третьяку яко чужоземцу оное имене яко дати рачитъ до воли и ласки государское, для чого жъ онъ жадное мочи мети не могъ на томъ именью дочаспомъ вена жене своей описывати, мы не у вобычай того, але з особливое ласки наше государское“—дать имѣніе дѣтямъ Третьяка⁵⁾.

Такимъ образомъ, всякое имѣніе, пожалованное до воли и ласки государской было *очаснымъ* владѣніемъ; право распоряженія имъ всецѣло зависѣло отъ усмотрѣнія верховной власти. Ленное право было въ этомъ отношеніи извѣстнаго рода коррективомъ, такъ какъ не выводило поземельное имущество изъ ближайшаго вѣдѣнія вер-

¹⁾ Вильярдр, Кн. Зап. Лит., XXXVIII, з. 447, Кн. Зап. Лит., XLI, з. 254.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVIII, з. 98 об.

³⁾ Акты Леопольдича, № 587.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., XLI, з. 125.

⁵⁾ Кн. Зап. Лит., XLI, з. 106.

ховной власти, оно в тоже время гарантировало владѣльцу извѣстную устойчивость владѣнія и наследованія. Основное назначеніе данины—обезпеченіе земской конной службы. Дочасныя данины могли быть жалуемы даже и иностранцамъ, тогда какъ основные законы страны воспрещали иностранцамъ пріобрѣтать землю на правахъ собственности.

Но съ другой стороны столь неустойчивое владѣніе землею имѣло неудобства и для государства и для частныхъ лицъ: частное лицо хотѣло покрѣпче усесться на землѣ, а государству нуженъ былъ большой контингентъ военно-служащихъ людей. Такимъ образомъ, интересы и государства и частныхъ собственниковъ одинаково сложились въ формѣ болѣе устойчиваго землевладѣнія. Такой формой явилось вѣчное держанье, „вѣчность“, т. е. наследственное владѣніе при условіи службы. Разумѣется, временное владѣніе могло перейти въ вѣчное тоже только на основаніи милости и воли господари великаго князя. Жизнь выработала цѣлый рядъ условій, при которыхъ временное владѣніе могло перейти къ наследникамъ держателя, или къ потомственному владѣнію. Такъ, въ актахъ можно встрѣтить многочисленные случаи выдачи государскихъ листовъ на переходъ держаній отъ отца къ сыну, когда отецъ дѣлается „лѣтнимъ“ (т. е. старшимъ), на переходъ держаній къ штыямъ, если у держателя нѣтъ сыновей, а есть дочери, къ племянникамъ и другимъ родственникамъ. Вообще, уже въ началѣ XVI в., кажется, считалось общепринятымъ, что дочасныя держанья переходятъ съ государскаго разрѣшенія къ кому либо изъ дѣтей держателя. Вотъ любопытное свидѣтельство документа. Нѣкто Ивасковичъ проситъ у Сигизмунда I землю въ Лидскомъ повѣтѣ и при этомъ рассказываетъ слѣдующее: просила земля отдана государемъ Мартиновичу „не на вечность, какъ же дей онъ и potvrzenъ нашего на то въ себе не маеть. И вжо тотъ Янъ (Мартиновичъ) и жена его при старости, а дѣтей дей въ нихъ нѣтъ,—только одна дочка и таи вжо замужъ выдана“. Разъ имѣніе дано не на вѣчность, то проситель долженъ былъ только хлопотать о „ласкѣ“ государской; но онъ всетаки находитъ нужнымъ пояснить, что даже и не существуетъ такихъ претендентовъ, которые въ силу установившагося обычая имѣли преимущество въ соисканіи государской заски; и государь, въ свою очередь, разрѣшая Васковичу получить землю по смерти Мартиновича, отовариваетъ: „ио гдѣжь есть онъ при старости, а сыновъ у него

нѣтъ, а potvrzenъ на то въ себе не маеть“¹⁾. Вообще интересы службы давали широкій просторъ для перехода данины по наследству,—„абы не гинула служба князя великаго“, какъ объясняютъ акты²⁾.

Но такой переходъ не превращалъ еще государскую данину въ наследственное владѣніе; иногда нѣсколько поколѣній преемственно владѣють даниною не на наследственномъ правѣ³⁾. Только специальное государское подтверженіе могло превратить дочасное держанье въ „вѣчное“, сообщать ей свойства „вѣчности“. Такъ образуется вѣчная данина, выслуга. Литовскіе господаи массами выдавали такіа подтверженія временныхъ держаній на вѣчность, иногда такимъ путемъ списывая себѣ сторонниковъ⁴⁾. Передавая землю въ вѣчное потомственное владѣніе, великокняжеская власть тѣмъ самымъ не отказывалась отъ верховныхъ правъ собственности на пожалованное имущество и, слѣдовательно, не предоставляла владѣльцу неограниченнаго права собственности. Прежде всего обязательство земской службы или прямо указывалось⁵⁾ въ государскомъ привилее или подраумывалось. Такимъ образомъ, земля не выходила изъ службы. Широта правъ распоряженія обуславливается государскими привилеемъ. Различіе въ правахъ заключается въ томъ, что принадлежатъ получать пожалованіе въ вѣчное потомственное владѣніе (дѣтнимъ, внукамъ, близкимъ и сродкамъ); чаще всего право наследованія переходить и на жену; но привилегіать не всегда получаютъ право продажи, залога и даренія полученнаго имущества⁶⁾. Сравнительно въ весьма рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаемъ и разрѣшеніе отдать имущество на деревъ⁷⁾. Такимъ образомъ, широта правъ распоряженія зависѣла отъ условій пожалованія. Замѣтимъ однако, что вообще всякаго рода

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XII, л. 308.

²⁾ Документы Моск. Арх. Муи. Юст., р. 537.

³⁾ Акты Леонтовича, № 727.

⁴⁾ Ср. рассказъ Орденскаго вождя о подтверженіи Сигизмундомъ Кейтугевичемъ левыхъ данинъ великаго князя Витовта, Danilowicz, Skarbec, № 1623.

⁵⁾ Напримеръ, Arch. ks. Lub. Sang., I, р. 28, 40; Акты Леонтовича, № 617; Грамоты В. В. Антоновича, р. 16; Док. Моск. Арх. Муи. Юст., р. 28; Акты Зап. Рос., I, р. 49, 59; Кн. Зап. Лит., XII, л. 140, л. 172 об., л. 200 об., л. 202, л. 217 об.; Кн. Зап. Лит., II, л. 7 и др.

⁶⁾ Напримеръ, Грамоты В. В. Антоновича, р. 42, 60, 62; Акты Леонтовича, №№ 626, 715, 730.

⁷⁾ Грамоты В. В. Антоновича, р. 34 и 35.

продажа, закупа или дарение, хотя бы и обезпеченная частными привилегиями, разрывались не иначе, как съ согласия господара или прада, какъ это известно изъ обще-земскихъ привилегий.

Но важно, что торжественныя записки частныхъ грамотъ на право потомственного владѣнія фактически не гарантировали его прочно: великій князь могъ отнять по своему личному усмотрѣнiю и вѣчное владѣнiе съ закупной его дружиной или безъ таковой. И это было не злоупотребленiе властью, по правомъ великаго князя или вообще лица, которое жаловало землю. Великій князь Свидригайло даетъ своему слугѣ Михайлу Олехновичу вѣсколько селъ въ Кременецкомъ поветѣ вѣчно и непорушно¹⁾, ему самому, дѣтямъ и потомству— „безъ великого подвиженя“²⁾, т. е. обшцаетъ не отнимать у него пожалованiя. Такое обшцанiе было понятно только при признанiи, что князь могъ отнять свое пожалованiе. Поэтому-то верховная власть иногда и ограничивала себя,—не смотря на общыя увѣренiя грамотъ въ вѣчности потомственного владѣнiя, еще особыми обязательствами вродѣ указаннаго. Великій князь Александръ жалуетъ въ 1505 году Василію Глинскому дворъ Лососиную, валагаетъ самъ на себя такое родъ обязательство: если намъ понадобится названный дворъ, то мы обшцаемся предварительно дать князю Василію лучшее имѣнiе, чѣмъ Лососиное, и, давъ ему такое лучшее имѣнiе, можемъ у него влечь этотъ дворъ³⁾. Или напр. известны факты, когда пожалованiе на вѣчность обезпечивается еще известною суммою: въ случаѣ нарушенiя владѣнiя, великій князь или его преемники обязаны уплатить ее привилегіату или его преемникамъ⁴⁾. И дѣйствительно, можно указать на факты отнятія или закупы вѣчныхъ владѣнiй. Уже упомянутый нами великій князь Свидригайло отнял у пановъ Чоботовъ ихъ „вѣчную отчину“, присоединилъ къ своему двору, давъ имъ въ закупъ другія земли⁵⁾.

Таковы особенности вѣчнаго потомственного владѣнiя, „вѣчно-сти“, „вѣчной данины“, „вѣчной вилуги“. Но онѣ обозначаются еще лучше при сравненiи этой формы съ вотчиною.

Переходъ къ вотчинному землевладѣнiю, приходится прежде всего поставить вопросъ о томъ, чѣмъ отличалась отчина отъ вѣчнаго вла-

¹⁾ Arch. ks. Lub-Saug, I, p. 40.

²⁾ Акты Зап. Рос., I, p. 366.

³⁾ Arch. ks. Lub-Saug, I, p. 35.

⁴⁾ Акты Зап. Рос., I, p. 59.

дѣнiю. Какъ ни ограничено количество фактовъ, касающихся отчиннаго владѣнiя въ древнѣйшее время, всетаки чувствуется разница между отчиною и вѣчнымъ владѣнiемъ. По мнѣнiю проф. Владимірскаго-Будилова отчиною вызывается „имущество, передаваемое по наследству, каковы ни были права владѣльца на это имущество, т. е. хотя бы они вовсе не равнялись правамъ собственности“. Такимъ образомъ, пожалованiе въ вотчину вовсе не означало полныхъ правъ собственности¹⁾. Дальнѣйшее слѣдствiе изъ такого вывода заключается въ томъ, что отчина могла быть менѣе крепкимъ владѣнiемъ, чѣмъ потомственная вѣчность. Изъ изложенiя вопроса, представленнаго М. К. Любавскимъ, слѣдуетъ вывести заключенiе, что отчиною владѣнiе отличалось отъ другихъ видовъ тѣмъ, что владѣлецъ могъ продать безъ согласiя родныхъ только третью часть отчины и что родъ отчинника имѣлъ право выкупить отчину; владѣлецъ не могъ передать своей женой отчину, по завѣщанiю, имѣлъ право завѣщать ей только третью часть и то не на вѣчность; за отсутствiемъ сыновей дочери считались наследницами отчины. Такимъ образомъ, отчина являлась родовымъ владѣнiемъ. Оставаясь на различiи вѣчной вилуги отъ отчины, М. К. Любавскій дѣлаетъ предположенiе, что для перваго владѣльца отчина была только вилугою, на которой (т. е. на вилугѣ) не было ограниченiй въ наследованiи и продажѣ, каковыя свойственны вотчинному владѣнiю. Вилуга прiобрѣтала всѣ свойства отчины только послѣ того, какъ она переходила къ законнымъ наследникамъ обычнымъ путемъ,—не по завѣщанiю²⁾. Иными словами, всякая вилуга превращалась въ вотчину только послѣ ея перехода по наследству.

Дѣйствительно, вышеприведенное объясненiе подмѣчаетъ несомнѣнный бытовой фактъ: разъ вилуга переходила къ наследникамъ безъ завѣщанiя, она поступала въ оборотъ рода на тѣхъ же основанiяхъ, какъ и отчина. Такое отношенiе „близкихъ“ къ наследованiю или имуществу можно объяснить еще и тѣмъ общимъ соображенiемъ, что по укоренившимся возрѣнiямъ право распоряженiя имуществомъ определялось тѣмъ лицомъ, которое его передавало; такъ завѣщатель устанавливалъ „вольность“ продажи, закупы, даренiя передаваемого имущества наследникамъ³⁾, продавецъ дѣлалъ съ своей

¹⁾ Пошеветъ Лит. госуд., p. 31.

²⁾ Областное дѣленіе, p. 598—599.

³⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, p. 37.

стороны подобного же рода определения прав будущего владельца¹⁾ и т. п. Если поэтому владелец выслуги или купли не оставал завещания, то его наследники вступали во владение наследственным имуществом на основании общеустановленных норм наследования, хотя круг родичей по выслуге был иным, чем по вотчине. В актах можно найти и подтверждение того, что выслуга переходила по наследству к близким и делится между ними на тех же основаниях, как и вотчинная владения и что „близкие“ получают право „поискивать“ выслугу на тех же основаниях, как и вотчину. Достаточно сослаться на следующую примѣру. Никто Дремутъ еще при Витовтѣ держалъ часть Деречина²⁾. Впоследствии великій князь Казимиръ позволилъ писарю своему Василію Павловичу жениться на дочкѣ внука Дремутева и пожаловалъ ему на вѣчность имѣніе Деречинъ; великій князь Александръ, подтвердилъ въ 1505 году эту данину, объясняя дѣло следующимъ образомъ: „Тебѣ отдаемъ всѣхъ твоихъ, чтобы кольека данность близкостю хотѣлъ того имѣня подъ нимъ поискивати, розумѣючи, какъ отецъ нашъ, славно памети король Казимеръ тое имѣніе вышней стороне Деречинъ въ немалымъ розумѣніемъ и въ доброю порадую, вземши къ своей рудѣ, отцу его за его службу далъ и дозволилъ поняти жону Богдана Дремутенича съ тымъ имѣніемъ Деречиномъ, которое жъ мы писарю нашему Никольскому Василевичу тымъ то нашимъ листомъ подтверждаемъ вѣчно и на вѣки“³⁾. Изъ этого ясно, что вѣнственный кругъ близкихъ имѣлъ право въ наследованіи выслугою, очевидно, на техъ же основанияхъ, какъ и вотчиною; для того, чтобы аннулировать это право рода, государь долженъ былъ взять выслугу „въ своимъ рукамъ“ и „отдалитъ всѣхъ близкихъ“; это было нарушеніемъ установившагося обычая (только обычая, такъ какъ верховное право на землю государь имѣлъ), которое государь сдѣлалъ не безъ колебанія. Вместе съ тымъ вышеприведенный актъ указываетъ на порядокъ, который устанавливался при наследованіи вотчинъ⁴⁾.

¹⁾ Акты Леонтовича, № 635.

²⁾ Arch. Lub.-Sang., I, p. 24.

³⁾ Акты Леонтовича, № 728.

⁴⁾ Вотъ еще фактъ, определенно подтверждающій вышеизложенное: великій князь Казимиръ далъ двумъ городскимъ дворянамъ полицемъ Пантелѣю и Андранору дѣя земли. Андраноръ умеръ, не оставивъ дѣтей, и тогда наследники Пантелѣя завладѣли его дѣлянницею. Но у названныхъ дворянъ былъ еще братъ

Неудивительно поэтому, что сыновья считаютъ выслугу своихъ отцовъ „отчиною своею“, а себя „отчицами“¹⁾, или что въ обществѣ выслуженныхъ земли называются и выслугою и отчиною²⁾. Съ точки зрѣнія правъ наследованія понятию также и различіе между отчиною, дѣдиной и материзною, т. е. какъ владѣній, и дущихъ отъ дѣда, отца³⁾ и матери. Отсюда естественно предположить, что и кругъ „близкихъ“, опредѣлялся происхожденіемъ отъ отца, дѣда, матери, дяди (дядизна); наследованіе допускалось по прямой нисходящей линіи и, кажется, въ боковой⁴⁾.

Но переходъ недвижимаго имущества въ порядкѣ наследованія не объясняетъ намъ еще того различія, которое дѣлалось между вотчиною и вѣнстною даниною. Если бы всякая выслуга путемъ перехода по наследству могла превратиться въ вотчину, то нелегко было бы объяснить, чѣмъ отличалось пожалованіе въ вотчину отъ пожалованія на вѣчность; между тымъ акты XV вѣка отчетливо различаютъ пожалованіе въ вотчину и не въ вотчину⁵⁾, продажу въ вотчину⁶⁾, мѣну среди частныхъ лицъ „въ вотчину“ и „на вотчину“⁷⁾ и т. д. Очевидно, трудно было бы объяснить простою случайностью или незначимымъ юридическою терминологіею со стороны верховной власти, когда она, при одинаковыхъ условіяхъ, одному лицу жалуетъ имѣніе въ вотчину, а другому на вѣчность⁸⁾. Надо, впрочемъ, сдѣлать одну существенную оговорку, прежде чѣмъ перейти къ дальнейшимъ заключеніямъ: хотя вотчины, какъ вѣнстная форма земельнаго владѣнія, из-

Иванъ. Сыновья востаного предъавили искъ къ сыновьямъ Пантелѣю и великій князь Александръ приговорилъ раздѣлитъ наследство между Пантелѣевичами и Ивановичами, такъ какъ Ивановичи „къ тому такъ близкии суть, какъ и они сами (т. е. Пантелѣевичи) къ той дѣлянцѣ дядка ихъ Андраноровое“ (ibidem, № 176). Мы не говоримъ уже объ обычныхъ подтвержденіяхъ сыновьями и другими наследниками выслугъ ихъ отцовъ и дѣдовъ.

¹⁾ Акты Юго-Зап. Рос., I, p. 121. Дѣло ильгъ о выслугѣ, ср. p. 118.

²⁾ Arch. Юго-Зап. Рос., ч. VII, т. I, p. 48, 49, 51.

³⁾ Ср. определение дѣдныи и отчины въ Актахъ Леонтовича, № 624: „листомъ дѣдныи и отчины“. Arch. Юго-Зап. Рос., ч. VII, т. I, p. 74.

⁴⁾ См. прим. 4 на пред. стр.

⁵⁾ Напр., въ книгѣ данинъ Казимира: „Князю Юрю Семенивичу Небле и Дружковичи не у отчиною“ (Док. М. Арх. М. Ю., I, p. 49). Князю Федору Ворогтискому пожалованна земля „у вотчину и его дѣтемъ“ (ibidem, p. 27 и ми. др.).

⁶⁾ Arch. Lub.-Sang., I, 60.

⁷⁾ Акты Леонтовича, № 190.

⁸⁾ Акты Зап. Рос., I, p. 68.

вѣсти въ теченіе всего изучаемаго періода, по господарскій пожалованій въ вотчину, хорошо извѣстныхъ въ XIV и XV вѣкахъ, почти исчезаютъ при великомъ князѣ Александрѣ и при обояхъ его преемникахъ; такимъ образомъ, пожалованіе въ вотчину вышло изъ правительственной практики, что, разумеется, не отменило самой формы вотчиннаго владѣнія.

Прежде всего необходимо отмѣтить тотъ важный фактъ, что юридическая терминологія того времени вовсе не смѣшивала выслугу, находящихся во владѣніи сыновей и внуковъ лицъ, получившихъ вѣчестыя дачины; разумеется, это не касается правъ наследованія, какъ раньше было указано, и того случайнаго смѣшенія терминовъ, которое происходило вълѣдствіе общности правъ наследованія вотчинной и выслугой; послѣднее—бытовой фактъ, уступающій мѣсто строго юридическимъ опредѣленіямъ. Акты очень ясно отличаютъ выслугу дѣда, отца и т. д.; и господарскія подтверждающія грамоты не называютъ такихъ выслугъ вотчинами, а санкціонируютъ лишь вѣчность владѣнія и правъ распоряженія¹⁾. Оставила въ сторонѣ отдѣльные акты, слѣдуетъ обратить вниманіе на замѣчанія ревизій земель, производившихся въ 1552 году. Здѣсь мы неизменно встрѣчаемся съ тѣмъ, что ревизоры не разъ отличаютъ выслуги отцовъ и дѣдовъ, выслуги при великихъ князяхъ Александрѣ и Сигизмундѣ I отъ вотчинъ и купленныхъ земель; таковы напр. замѣчанія ревизоровъ въ ревизіяхъ Полоцкой земли²⁾, Житомирскаго староства³⁾, Мозыря⁴⁾. И мы увидимъ впоследствии, что отмѣтка ревизоровъ о выслуженныхъ и вотчинныхъ имѣніяхъ имѣла практическое значеніе. Итакъ, въ памятникахъ, имѣющихъ юридическое и финансово-административное значеніе, выслуга отцовъ (не говоря о личныя выслугахъ) отличается отъ вотчинъ.

Для опредѣленія сущности замѣченнаго отличія между вотчинной и выслугой, естественно, прежде всего обратиться къ основнымъ памятникамъ литовско-русскаго законодательства, т. е. къ уставнымъ грамотамъ и Статуту. Здѣсь мы действительно встрѣчаемъ рядъ указаній относительно правъ владѣнія и распоряженія вотчинами, вы-

¹⁾ Наибольше рельефнаго указанія сд. напр. въ Актахъ Леопольвичъ, № 507, 727, 597.

²⁾ Script. Regum Pol., V, p. 215, 217, 230 и др.

³⁾ Арх. Юго-Зап. Рос., ч. VII, т. I, p. 126 и др.

⁴⁾ Ibidem, p. 644.

слугами и купленными имѣніями. Такъ, Полоцкая и Витебская уставныя грамоты гарантируютъ вѣчному посвященію право собственности на вотчину и купленныя; Жмудская грамота гарантируетъ право собственности на земли, которыя находятся „въ стародавнемъ владѣніи“; очевидно приравнивая ихъ къ тѣмъ землямъ, которыя въ другихъ грамотахъ обозначаются подъ именемъ вотчинъ. Но тѣ же грамоты говорятъ и о выслугахъ: у Витебскихъ государей общаеся не отнимать выслугу, выслуженныхъ „на предкохъ нашихъ“, у Полоцкихъ—пожалованій Витовта и послѣдующихъ государей до Сигизмунда I включительно, у Жмудиновъ—выслугу Витовта, Свидригайла, Сигизмунда и Казимира. Весьма интересно постановленіе Кіевской уставной грамоты 1507 года: она подтверждаетъ вѣчныя отчины и выслуги великихъ князей Витовта, Казимира, Сигизмунда и Александра, общаеся „не рушить“ выслугу, полученныхъ отъ удѣльныхъ князей Александра и Свена, но при условіи, если эти выслуги „не отчины чуждыя, и съ того ихъ не рушаемъ, а оглядѣвши листовъ, нашими пакъ листы то подтвердимъ въ ласки нашею, и то вже будетъ дано дане“. Такимъ образомъ, выслуга кіевлянъ на удѣльныхъ князьяхъ терять свое первоначальное значеніе; служебныя отношенія этихъ лицъ къ потомкамъ удѣльныхъ князей прекращаются и источникомъ пожалованія становится великій князь; впоследствии мы увидимъ, что такая постановка дѣла объясняется особыми условіями выслугъ. Въ грамотахъ Волынской и Смоленской земель мы не встрѣчаемъ особыхъ постановленій касательно правъ собственности. Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что великій князь Казимиръ, по присоединеніи Волыни послѣ смерти Свидригайла и по подавленіи двѣднѣстнаго возстанія въ Смоленскѣ, произвелъ разборку вѣстныхъ поземельныхъ отношеній и выдалъ вѣстнымъ землевладѣльцамъ свои пожалованныя грамоты; каждый, слѣдовательно, владѣлъ на основаніи грамотъ и потому въ общемъ подтвержденія правъ на земли не было нужды. Въ отношеніи правъ распоряженія уставныя грамоты очень неполны. Витебская и Полоцкая грамоты разрѣшаютъ продажу или дареніе „имѣній“, при условіи объявленія объ этомъ актѣ самому государю или его намѣстнику. „Имѣніе“, судя по употребленію его въ первомъ Статутѣ, означаетъ, вѣроятно, вотчину. Бѣльская грамота разрѣшаетъ, при тѣхъ же условіяхъ, распоряженіе купленными имѣніями и дѣдичинами. Кіевская грамота говоритъ только о выслугахъ (какъ видно изъ предыдущаго здѣсь и могла быть только выслуга):

сь господарскаго „приволенія“, выслугу можно было продать, подарить, обмянуть и отдать на церковь в томъ случаѣ, если эти права распоряженія оговорены въ подтвердительномъ привилеѣ (такъ надо понимать соответственное мѣсто грамоты). Въ отношеніи правъ наследованія грамоты обеспечиваютъ право наследованія за дѣтьми, а при ихъ отсутствіи за „близкими“, условіе занесеніи посага и вины, положеніе вдовъ по смерти мужей. Во всѣхъ этихъ случаяхъ постановленіе грамоты отличается общимъ характеромъ, очевидно потому, что онѣ опираются на нормы общаго права ¹⁾.

Итакъ, уставныя грамоты, подтверждая права собственности на земли, ясно отличаютъ выслуги и вотчины. Выслуги—земли, пожалованныя великими князьями; что такое вотчины—грамоты не объясняютъ, но, очевидно, онѣ разумѣются подъ вотчинами земли, которыми искони владѣли ихъ собственники, земли, которыя не являются актомъ „милости и ласки“ государя великаго князя.

Областные привилеи имѣли обязательную силу только для областей—ангелковъ. Привилеи, выданные государями для собственной Литвы, постепенно расширяли кругъ лицъ, по отношенію къ которымъ государственная власть налагала на себя известнаго рода ограниченія и предоставляла землевладѣльцамъ известныя права распоряженія поземельной собственностью. Привилеи 1386 года предоставляли всѣмъ боярамъ или рыцарству широкое право распоряженія всякаго рода поземельнымъ имуществомъ, полученнымъ по наследству (*omnia quae ex successione paterna*). Впрочемъ, предоставляемая боярству права распоряженія обуславливаются согласіемъ государя великаго князя на совершеніе сдѣлокъ; хотя объ этомъ не говорится въ привилеѣ, но это естественно вытекаетъ изъ тогдашней уже практики и послѣдующихъ узаконеній ²⁾. Городельскій привилей гораздо обстоятельнѣе излагаетъ вопросъ о правахъ собственности и формахъ ея. Онъ подтверждаетъ право собственности высшаго сословія на вотчины и вѣчныя данниа, разрѣшал отчужденіе ихъ; въ послѣднемъ случаѣ однако обязательно заявленіе объ отчужденіи, сдѣланное предъ самимъ государемъ или передъ вѣдомъ. Бездѣствие вѣдомой неясности контекста шестой статьи Городельскаго привилея, можетъ воз-

¹⁾ Въ вложеніи уставныхъ грамотъ показуется сводомъ т. Лавинскаго, р. 160 и слѣд.

²⁾ *Żródło praw*, р. 1.

никнуть сомнѣніе относительно способовъ выдачи разрѣшенія на отчужденіе выслугъ и вотчинъ; это мѣсто, какъ намъ кажется, надо понимать въ томъ смыслѣ, что на отчужденіе выслугъ требовалось разрѣшеніе самого государя (*nostro tamen consensu*), а для отчужденія вотчинъ достаточно было простого заявленія предъ государемъ или вѣдомъ. Привилей 1413 года разрѣшаетъ записывать вѣно женомъ на вотчинахъ и вѣчныхъ выслугахъ и подтверждаетъ права дѣтей на наследованіе имущества отцовъ ихъ ³⁾. Привилей Ягайлы и Сигизмунда Кейстутевича 1432 и 1434 годовъ не вносятъ существенно новыхъ разъясненій въ данномъ вопросѣ, сравнительно съ предшествующими. Соответственное мѣсто редактировано въ нихъ въ весьма общихъ выраженіяхъ: государь подтверждаетъ право на владѣніе вотчинами на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ имъ владѣть польская шляхта (такая оговорка приводится и въ предшествующихъ привилеяхъ); подтвержденіе владѣній данными носить чрезчуръ общій характеръ, вызванный, очевидно, тревожными событіями того времени, когда выданы были грамоты: законное владѣніе господарскими данными, т. е. конечно только на основаніи господарскаго или намѣстническаго листа, даетъ широкое право распоряженія ими наравнѣ съ вотчинами ⁴⁾. Иными словами, этимъ привилеемъ подтверждены всѣ данниа не только на вѣчность, но и „до воли и ласки господарской“. Дѣйствительно, въ источникахъ того времени мы находимъ подтвержденіе тому, что Сигизмундъ Кейстутевичъ широко раздавалъ грамоты, укрѣпляющія права собственности (отдѣльныя лица, конечно, стремились выхлопотать себѣ особыя грамоты), и это производило известное впечатлѣніе на его приверженцевъ ⁵⁾. Такое пониманіе привилея Сигизмунда Кейстутевича подтверждается и Казимировскимъ статутомъ 1447 года. Онъ даетъ болѣе полное определеніе по интересующему насъ вопросу. Во первыхъ онъ подтверждаетъ право поземельной собственности не только ограниченного круга литовской знати, но и всего князья, шляхетства и мѣщанства. Подъ данными статутъ 1417 года разумѣть пожалованія великихъ князей Витовта и Сигизмунда Кейстутевича, права на владѣніе кото-

¹⁾ *Ibidem*, р. 12—13.

²⁾ *Codex epistolarius* sec. XV, т. III, р. 523 и 529—530. Физевичъ, Отчетъ ограниченной командировки въ 1892 г. Варш., 1893 г., р. 23.

³⁾ Даниловичъ, № 1623.

ыми может быть подтверждено привилегиями или свидетельскими показаниями. Весьма замѣчательно, что латинскій текст привилеи называется пожалованіем Витовта—*bona concessa*, что, по нашему мнѣнію, соответствует только вѣчнымъ услугамъ, а пожалованіи Сигизмунда—*donaciones*, т. е. данины. Относительно правъ отчужденія и наследованія статутъ 1447 г. повторить въ общемъ Городельскій привилей¹⁾. Статья Казимировскаго статута съ подтвержденіемъ правъ на вотчины и услуги дѣлкомъ перешла въ конституцію 1492 г. Но сверхъ того здѣсь встрѣчается статья касательно пожалованій великаго князя Казимира и самаго Александра. Въ ней нельзя не подмѣтить существеннаго различія, происшедшаго по видахъ правительства: вѣсто огульнаго подтвержденія всякаго рода пожалованій великихъ князей Витовта и Сигизмунда, даже подтверждаемыхъ только свидетельскими показаніями, конституція 1492 года подтверждаетъ только тѣ пожалованія Казимира, которыя подтверждены имъ привилеями, т. е. вѣчными данями. Всѣ же пожалованія Казимира „до воли и ласки господарской“ остаются и Александромъ на тѣхъ же основаніяхъ. Великій князь Александръ общаетъ данать и самъ „до воли господарской“, по подтвержденіи на вѣчность какъ тѣхъ, такъ и другихъ остаются въ господарской волѣ²⁾. Въ общемъ подтвержденіемъ привилей 1506 года находимъ подтвержденіе статьи о данинахъ при Витовтѣ и Сигизмундѣ Кейстутевичѣ, но въ немъ нѣтъ статьи, которая соответствовала бы 29-й статьѣ статута 1492 года (привилей 1506 года дошла до насъ, впрочемъ, въ неисправномъ спискѣ). Здѣсь мы встрѣчаемъ одну новую статью относительно правъ владѣнія: право собственности признается на основаніи давности владѣнія, если давность простирается на время княженія Витовта, Сигизмунда или Казимира³⁾.

Какъ извѣстно, статутъ 1447 года съ теченіемъ времени сталъ дѣйствующимъ правомъ для всѣхъ областей государства, а привилей 1492 года и 1506 г. уже и были изданы для всѣхъ областей; такимъ образомъ, эти законодательные памятники покрыли собою и земскія уставныя грамоты, не отмѣнивъ впрочемъ послѣднихъ.

Сображая все вышесказанное, можно придти къ слѣдующимъ

¹⁾ Działyński, Zbiór praw, p. 31—32; Акты З. Р., I, p. 75.

²⁾ Działyński, Zbiór praw, p. 60 и 64.

³⁾ Ibidem, p. 98.

общимъ выводомъ. Основные законодательные памятники Литовско-русскаго государства въ достаточный періодъ не опредѣляютъ съ полной точностью всѣхъ особенностей въ правахъ владѣнія поземельной собственностью, напр. подробностей относительно наследованія, записей вѣна и проч.; очевидно, въ этомъ отношеніи они имѣютъ въ виду нормы обычнаго права, прослѣдить которыя не трудно по актамъ. Памятники отличаютъ вотчины, услуги и купленные. Происхожденіе услугъ и купленныхъ ясно. Памятники не объясняютъ происхожденія вотчинъ; но, очевидно, подъ ними разудются земли, находившіяся въ исконномъ владѣніи, незапованныя и некупленные (это не исключаетъ пожалованія господамъ въ вотчину); къ такому пониманію приводитъ и указанная статья привилей 1506 года. Сохраняя на себѣ отпечатокъ происхожденія, вѣчистыя услуги, пожалованныя великими князьями Витовтомъ и Сигизмундомъ, сливаются въ правахъ распоряженія съ вотчинами при Казимирѣ, т. е. въ половинѣ XV вѣка. Права распоряженія состоятъ въ правѣ отчужденія при условіи совершить такое предъ господами и урядомъ. Конституція великаго князя Александра удостовѣряетъ въ поворотѣ, который произошелъ въ великокняжеской политикѣ по отношенію къ заслуженнымъ землямъ: очевидно, уже со времени Казимира перестали сдѣлать вотчины съ услугами, и съ конца XV вѣка до изданія второго Статута существовало не малое различіе между обими формами землевладѣнія; мало того, статутъ 1492 г. въ извѣстной мѣрѣ налагаетъ даже ограниченіе на господа въ дѣлѣ раздачи вѣчистыхъ услугъ. Указанный поворотъ въ поземельной политикѣ какъ разъ сходитъ съ отмѣченнымъ уже выше изложеніемъ, а именно, что услуги въ XVI вѣкѣ считаются только со времени великаго князя Александра и что съ того же періода прекращается раздача земель въ вотчину; перемѣна въ поземельной политикѣ, по всей вѣроятности, объясняется тѣмъ вліяніемъ, которое стала оказывать къ концу XV в. идея о неотчуждаемости государственныхъ имуществъ¹⁾; теоретическое обоснованіе этихъ идей вполне подтверждалось интересами службы и государственныхъ повинностей.

Намъ нѣтъ нужды останавливаться на законодательствѣ перваго Статута. Онъ повторяетъ основы предшествующихъ законоположеній, детализируя ихъ общно-правовыми нормами (въ нѣкоторыхъ слу-

¹⁾ Ср. выше, p. 149.

чаях, быть может, восходящими к эпохѣ Русской Правды). Постановленіи Статута сводятся къ слѣдующему. Различая отчины и выслуги, онѣ къ числу первыхъ относятся и такія имѣнія, которыя находятся во владѣніи на основаніи давности, простираемой на великокняженіе Казимира и его предшественниковъ (разд. I, арт. 19). Изъ отчинъ можно отчуждить только третью часть, при чемъ достаточно заявленія о совершаемой сдѣлкѣ передъ господаремъ или мѣстными врядомъ. Остальная двѣ части разрѣшается только отдавать въ залогъ: „ближкіе“ получаютъ право выкупа заложенаго имѣнія (разд. I, арт. 15, 16 и 17). Продажа или дареніе данины господарской однако должна быть совершаема предъ самимъ господаремъ „зъ волю паную господарскою“ (разд. I, арт. 15). Не смотря на иѣкоторую неясность контекста, слѣдуетъ предположить, что только для отчужденія отчина устанавливается опредѣленная часть: „шафоновиче“ выслугой, очевидно, лежить исключительно въ господарской волѣ, т. е. требуетъ его фактическаго разрѣшенія. Въно женамъ разрѣшается записывать только на третьей части вѣщихъ имѣній (разд. I, арт. 1). Вопросы, касающіеся права наследованія, Статутами разсматриваются довольно подробно. Нормы, появившіяся впервые въ Статутѣ, напр. о записи вѣна женамъ, въ которыхъ наследуютъ братья и сестры, о правѣ продажи только третьей части вотчины, — установились до Статута. Въ особенности важно ограниченіе касательно отчужденія вотчинъ. „Право земское“, какъ это можно прослѣдить по актамъ отъ начала XIV в.¹⁾, требовало согласія вѣщихъ „ближкихъ“, на отчужденіе отчины, даже третьей ея части²⁾. „Ближкіе“ имѣютъ право выкупа вотчины, отчужденной безъ ихъ согласія. Очень вѣрно подмѣчено, что это право преслѣдуетъ именно интересы рода³⁾, т. е. всего круга лицъ, которые могутъ наследовать въ случаѣ безсѣстной смерти владѣльца вотчины: вотчина такимъ образомъ принадлежитъ цѣлому роду и переходъ ея изъ владѣнія одного лица во владѣніе другого совершается по строго опредѣленнымъ правиламъ.

Отсюда понятно, что всякое распоряженіе вотчиной терзало свою силу, если оно не было согласно съ закономъ и обычаемъ. Поэтому

¹⁾ Акты Юго-Зал., т. II, р. 103.

²⁾ Акты Леонтовича, № 157, 311.

³⁾ Любавскій, Обл. дѣл., р. 598.

мы встрѣчаемъ случаи нарушенія духовныхъ завѣщаній, если они противорѣчатъ правамъ рода¹⁾.

Вотчина не могла быть передана по завѣщанію, если владѣлецъ ея не имѣлъ потомства и „ближкихъ“ къ вотчинѣ, такая отчина переходила къ господарю великому князю²⁾. Завѣщатель можетъ отдать свою выслугу кому угодно, но вотчина поступаетъ въ родъ завѣщателя, и составленное въ противномъ духѣ духовное завѣщаніе не подлежитъ признанію со стороны суда³⁾. Права „ближкихъ“ могутъ быть нарушены только изданіемъ спеціальнаго законодательнаго акта, въ исключительныхъ случаяхъ. Такъ, Оливаръ Шиловичъ получилъ отъ великаго князя Казимира въ 1450 г. въ вотчину имѣнія въ Луцкомъ пов. Любче, Горюховѣ, Серники и др.⁴⁾ Это была, слѣдовательно, уже выслуженная вотчина, но всетаки вотчина. По духовному завѣщанію О. Шиловичъ отказалъ своей женѣ Федкѣ им. Здобицу, Горюховѣ и Любче съ правомъ „кому хочетъ обернута“, т. е. помимо ближнихъ. Но, чтобы имѣть возможность привести въ исполненіе волю завѣщателя, п. Оливарова подарила два изъ этихъ имѣній вел. кн. Казимиру, а на „вольное шафонованье“ третимъ (Любче) должна была получить спеціальное разрѣшеніе⁵⁾. Родичи отказываются отъ наследованія вотчины только по какимъ нибудь исключительно уважительнымъ поводамъ и только актомъ верховной власти⁶⁾. Такъ какъ зависимость вотчины отъ рода была стѣснительной и побуждала иногда къ нарушеніямъ этого права, то великокняжеская политика со второй половины XV в. начинаетъ болѣе настойчиво поддерживать интересы рода⁷⁾. Свободно распорядившись выслугой, владѣ-

¹⁾ Акты Леонтовича, № 256.

²⁾ Ibidem, № 80.

³⁾ Ibidem, № 85.

⁴⁾ Акты 3. Р., I, р. 67.

⁵⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, к. I, р. 37. Ср. Arch. ks. Lub.-Sang., III, р. 30.

⁶⁾ Акты Леонтовича, № 454.

⁷⁾ На это отвѣтъ вѣзываетъ слѣдующій господарскій вырокъ. Въ 1486 г. великому князю Казимиру пришлось разбирать дѣло Агафін Пугачевой, представившей духовное завѣщаніе Ивана Зеновьевича и оспариваемое сыномъ Ивана Юриемъ. Иванъ Зеновьевичъ отказалъ своему племяннику Пугачу свою отчину, а сыну выдѣлилъ въ ней нѣсколько человекъ. Юрій утверждалъ, что духовное завѣщаніе, представленное вдовой его двоюроднаго брата, — подложное. Но вызванные на судъ свидѣтели, званіе лицъ, присутствовавшихъ при завѣщаніи и помѣченныхъ въ актѣ, удостовѣрили подлинность послѣдняго. Въ числѣ свидѣтелей упоминается и навл. Андрей Савоничъ, умершій около 1455 г. По аналогіи съ другими судеб-

лець можетъ отдѣлить отъ нея весь родъ свой¹⁾. Правда, и при продажѣ выслуги встрѣчается упоминаніе, что такое отчужденіе совершается съ согласія ближайшихъ наслѣдниковъ²⁾, но въ этомъ случаѣ едва ли не слѣдуетъ видѣть простую аналогію съ вотчиной. Разумѣется, „шафованье“ выслугою находится въ зависимости отъ широты правъ распоряженія, обусловленныхъ жалованною грамотою³⁾. Разумѣется, также и то, что какъ отчужденіе выслуги, такъ и переходъ ея по наслѣдству совершается съ согласія великаго князя⁴⁾.

Но согласіе великокняжеской власти на отчужденіе выслуги разумѣлось въ предѣлахъ привилегіи. Такъ, извѣстный Остафій Дашковичъ записалъ свою выслугу Николаевскому Пустынскому монастырю въ Кіевѣ⁵⁾. При подтвержденіи ея монастырю въ 1536 г. король Сигизмундъ I разъясняетъ, что покойный палецъ Остафій имѣние Колтегаевъ „на насъ выслужилъ, а змеръ, *детей и потомковъ* по собѣ не оставивши“. Поэтому, имѣние должно бы „спасти“ на господара, но великій князь, принимая во вниманіе заслуги покойнаго и просьбы пановъ радъ и еще то, что другія выслуги Дашковича перешли въ составъ господарскихъ имѣній, утвердилъ Колтегаевъ за монасты-

рами рѣшеніями, выданными въ то время, слѣдовало бы ожидать нарушенія духовнаго завѣданія: оно было несогласно съ „правомъ земскимъ“, потому что отчина перешла по завѣданію къ племяннику помно сына. Однако Казимиръ съ намами радой оказался въ затруднительномъ положеніи и присудилъ землю Пугачевой, мотивируя свое рѣшеніе слѣдующимъ соображеніемъ: „И досмотревши есмо о томъ з паны радой паномъ, и видѣдо се вамъ и паномъ раде вашей, изъ то речъ естъ давная, а передъ тымъ люди, одишь другому такинъ записи *незвычайные* давали, а то было межъ люди держано, а собѣ въ томъ вѣрилъ“ (Акты Левоневича, № 46). Такимъ образомъ великокняжескій судъ стоялъ на сторонѣ земскаго права; среди же общества замѣчается стремленіе уклониться отъ этого права. Изъ привилегій, что въ болѣе давнее время (т. е. до половины XV стол.), практиковались *незвычайные* акты распоряженія поземельною собственностию, надо заключить, что правительственная власть при Казимирѣ стала болѣе твердо на почвѣ земскаго права, что взгляды на этотъ предметъ получили болѣе ясности и опредѣленности. Быть можетъ и издано было соответствующее постановленіе, формулирующее земское право, потому что акты иногда осмыляются на статутъ права земскаго; нодь такой статутъ нельзя подвести принама 1447 г. и 1468 г.

¹⁾ Акты Ю.-З. Р., I, р. 45.

²⁾ Ibidem, р. 60.

³⁾ Ibidem, р. 118.

⁴⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. УІІ, т. I, р. 23.

⁵⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. I, т. VI, р. 14.

ремь¹⁾. Дѣйствительно, всѣ *выслуги* Дашковича перешли къ господарю, а отчины—къ единственной представительницѣ этого рода—къ сестрѣ старосты²⁾. Изъ этого вытекаетъ еще одно и весьма существенное различіе между выслугою и вотчиной: выслуга жаловалась лицу, ее выслужившему, его женѣ дѣтямъ и падкамъ, потомкамъ. Слѣдовательно, наслѣдованія по восходящей степени такое условіе пожалованія недопускало.

Такимъ образомъ, между вотчиной и выслугою существовало немаловажное различіе въ правахъ распоряженія. Оно сохранилось до второго Статута, которымъ и было отмѣнено. Благодаря счастливой случайности, второй Статутъ содержитъ въ себѣ отраженіе и стараго и новаго порядка въ распоряженіи вотчинами и выслугами. Первый артикулъ седьмого раздѣла рассказываетъ, что на Берестейскомъ сеймѣ въ 1566 году всѣ станы просили господара о полной отмѣнѣ первыхъ четырехъ артикуловъ этого же раздѣла въ проектѣ Статута, и вмѣсто этихъ четырехъ артикуловъ рѣшено ввести одинъ, излагающій порядкомъ записей для отчужденія всякаго рода имѣній. Но вслѣдъ за этимъ первымъ артикуломъ въ Статутъ внесены и отмѣненные имъ четыре артикула, излагающіе такимъ образомъ порядокъ вещей, дѣйствовавшій до 1566 года и внесенный составителями проекта Статута въ законодательный кодексъ, какъ дѣйствующее право. Такимъ образомъ, второй, третій, четвертый и пятый артикулы этого раздѣла находятся въ противорѣчій съ первымъ артикуломъ и имъ отмѣнены. Второй артикулъ говоритъ о срокахъ совершенія записей. Третій и четвертый говорятъ о „записи“ отчизныхъ имѣній: отчизное имѣніе можно продать или заложить, сдѣлавъ заявленіе объ этой сдѣлкѣ передъ господаремъ или вридомъ земскымъ; отчизное имѣніе разрѣшается продать только въ третьей части, а заложить можно и остальная часть; однако сумма залога не должна превышать статутной оцѣнки: въ противномъ случаѣ, ислѣдники имѣютъ право выкупить имѣніе только по статутной оцѣнкѣ, если залоговая сумма выше ея. Пятый артикулъ говоритъ о продажѣ купленныхъ имѣній и выслуженныхъ, причемъ разрѣшается такія имѣнія дарить и продавать кому угодно, не стѣняясь постановленіями Статута объ отчужденіи третьей части отчинныхъ имѣній, и съ правомъ отдаденія дѣтей и „близкихъ“. Такъ

¹⁾ Ibidem, ч. VII, т. I, р. 72.

²⁾ Кн. Зап. Лвт., XIX, з. 81 об.

опредѣляютъ эти статьи порядокъ дѣйствовавшей до второго Статута; онъ представлялъ собою право, выработавшееся еще до перваго Статута, что можно прослѣдить на отдѣльныхъ актахъ и отчасти въ самомъ первомъ Статутѣ. Этотъ порядокъ отмѣняется первымъ артикуломъ того-же раздѣла, по которому великаго рода имѣнія (отчины и земскія, материстыя, выслуженныя и купленныя и „какъ въ колѣнѣхъ бычаемъ набытыя и названныя“) могутъ быть отчуждаемы, независимо отъ постановленій о третьей части („какъ передъ тѣмъ бывало въ статутѣ бычаемъ стародавними“), съ правомъ отдаленія дѣтей и „близкихъ“. Такимъ образомъ этими постановленіемъ окончательно сравнялось различіе между отчиной, куплей и вѣчной выслугой. Здѣсь рѣчь идетъ только именно о вѣчныхъ выслугахъ, пожалованныхъ съ правомъ отчужденія, что подтверждается тридцать четвертымъ артикуломъ третьяго раздѣла. Этотъ артикулъ приравниваетъ выслугу, пожалованную съ правомъ отчужденія, къ отчинѣ и куплѣ. Выслуга безъ этого права можетъ быть отчуждаема только передъ самими государемъ, хотя онъ и обѣщаетъ „не боронити“ подобнаго рода сдѣлокъ. Данины на ленномъ правѣ, доживотья и данины „до воли и ласки господарской“ остаются въ распоряженіи государя.

Такимъ образомъ второй Статутъ отмѣнилъ ограниченіе, лежавшее на вотчинѣ и исходившее со стороны рода, и на выслугѣ, исходившее отъ воли государя; въ виду этого положеніе купленныхъ земель также должно было сдѣлаться болѣе независимымъ, такъ какъ полное отождествленіе „купленныя“ съ вотчинными и выслугами должно было повлечь за собою ограниченія, лежавшія на нѣкоторыхъ купленныхъ земляхъ.

Но отмѣченными признаками не ограничивалось различіе указанныхъ формъ землевладѣнія¹⁾. Различіе еще сказывалось въ повинностномъ отношеніи, но объ этомъ намъ придется говорить ниже; теперь же обратимся къ послѣдней изъ формъ землевладѣнія—къ „куплѣ“, т. е. къ поземельной собственности, источникомъ которой была купля.

Обыкновенно утверждаютъ, что „купленныя“, „купля“, т. е. земли, переходяща къ новымъ владѣльцамъ на основаніи купли-про-

¹⁾ Здѣсь возникаетъ еще одинъ очень важный вопросъ о томъ, сравнены ли были вотчины съ выслугами въ порядкѣ наследованія. Мы оставимъ въ сторонѣ этотъ спорный вопросъ, какъ выходящій за предѣлы нашего изслѣдованія.

дажи, признавались полною собственностью владѣльца¹⁾, которую онъ могъ продать, отдать, подарить, записать на церковь. Первый Статутъ даже приравниваетъ куплю къ „рухомымъ речамъ“ (разд. V, арт. 18). Дѣйствительно, уставныя грамоты оговариваютъ права собственности на „купленныя“ частныя лица; отчужденіе ихъ совершается такимъ-же порядкомъ, какъ и отчужденіе вотчинъ²⁾. Однако купленные земли различались по своему происхожденію и продолжали носить на себѣ тѣ же повинности, которыя лежали на землѣ, пока она считалась выслуженой. Отсюда различіе между купленными землями по ихъ происхожденію.

Такъ, напримѣръ, мы встрѣчаемъ куплю „у вотчины и дѣдину“³⁾, или продавецъ предоставляетъ покупателю право распоряжаться приобретаемымъ владѣніемъ „какъ свое кже отчиное“⁴⁾, или „вѣчно держати и вживати какъ яко то свою властную отчину“⁵⁾. Въ данномъ случаѣ въ продажу идутъ отчины, почему и покупатель приобретаетъ на нихъ вотчинныя права. Но если на приобретаемой землѣ лежать въ известномъ размѣрѣ службы, то покупатель обязывался ихъ нести въ томъ же объемѣ, въ какомъ служба шла при первомъ владѣльцѣ земли. Определенный размѣръ службы, какъ увидимъ, въ древнѣйшее время могъ лежать только на выслугахъ, почему подобнаго рода ограниченіе и могло быть предъавляемо только къ выслугѣ. Поэтому и послѣ продажи съ купленою землей идетъ служба „по тому какъ и первой будетъ служба наша съ того шла“⁶⁾. Отсюда понятны встрѣчаемыя въ государскихъ подтвердительныхъ грамотахъ на куплю указанія на обязанность новыхъ владѣльцевъ нести службу съ купленныхъ ими земель⁷⁾, или же освобожденіе новыхъ владѣльцевъ отъ повинностей, шедшихъ раньше съ покупаемой ими земли⁸⁾. Встрѣчаемъ и обратное явленіе, когда покупатель, получая отъ государя разрѣшеніе купить землю, обязуется нести службу въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ раньше она шла съ той же земли⁹⁾.

¹⁾ Любавскій, Областное отдѣленіе, р. 585.

²⁾ Яценскій, Уставныя грамоты, р. 161, 164.

³⁾ Акты Ю.-З. Р., I, р. 293.

⁴⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, р. 54.

⁵⁾ Ibidem, р. 53.

⁶⁾ Акты Леонтовича, № 154; Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 26, 31.

⁷⁾ Акты Леонтовича, №№ 224, 261, 477; Arch. Sang., t. III, р. 89.

⁸⁾ Акты Ю.-З. Р., I, р. 63.

⁹⁾ Акты Леонтовича, № 48.

Такимъ образомъ съ купли продолжали идти повинности въ томъ объемѣ, въ какомъ ихъ несъ владѣлецъ имѣнія до продажи. Земля поэтому не выходила изъ своихъ повинностей и службы и при переходѣ посредствомъ купли отъ одного лица къ другому⁴⁾. Разумѣется, по отношенію къ „набытымъ“ землямъ родъ владѣльца не имѣлъ никакихъ правъ⁵⁾. Легко себѣ представить, что такого рода порядокъ могъ вводиться, и въ дѣйствительности вводился, извѣстнаго рода путаницу въ отбываніе повинностей, почему сеймавъ приходилось дѣлать напоминанія о томъ, чтобы государь требовалъ службы съ купленныхъ земель въ томъ объемѣ, въ какомъ она и раньше шла⁶⁾.

Мы рассмотрѣли различія, лежащія между вотчиной и выслугой въ правахъ владѣнія, отмѣчалъ лишь самую общія черты этихъ правъ. Формы земельнаго владѣнія имѣютъ для насъ значеніе потому, что онѣ вліяютъ на формы и размѣры повинностей, отбываемыхъ землевладѣльцами въ пользу государства.

Элементомъ, объединяющимъ всѣ формы земельнаго владѣнія, является земская военная служба. Она обязательно идетъ, какъ со всякаго рода пожалованной земли, такъ и съ вотчины. Условія ея одинаковы въ томъ и другомъ случаѣ. Вѣчность владѣнія предполагается въ данномъ случаѣ лишь въ томъ смыслѣ, что владѣлецъ земли обязуется самъ лично и въ лицѣ своихъ потомковъ служить государю великому князю. Прекрасной аналогіей, разъясняющей сущность служебныхъ отношеній, можетъ служить записъ на службу, данная князю Ивану Васильевичу Острожскому Янкомъ Чапличемъ. Хотя здѣсь дѣло касается частныхъ лицъ, но нельзя сомнѣваться въ томъ, что подобнаго рода отношенія проникали весь государственный строй и сплывали не только частныхъ лицъ между собою, но и поданныхъ съ ихъ государемъ. Янко Чапличъ промѣнялъ князю Острожскому свою „правую отчину“ Гольче на дворъ князя Межирѣчье. Съ этимъ вы-

⁴⁾ Это и оговаривается въ господарскихъ листахъ съ разрѣшеніемъ купли земель. Татары Олей и Абрамъ Бахтіаровичи получаютъ разрѣшеніе на покупку земель у разныхъ новгородскихъ татаръ, но при условіи: „мають они намъ государю службу нашу земскую повинную служити и всякие повинности полонити и заступовати потому, ако будетъ передъ тымъ съ тыхъ имень и тебъ а людей и земель служба наша и земская росная служова и велике повинности полонити и заступовати“ Кн. Зап. Лит., XXXIX, л. 142 (1560 г.).

⁵⁾ Акты Ю.-З. Р., II, р. 105.

⁶⁾ Акты З. Р., III, р. 54.

мѣненнымъ дворомъ Чапличъ переходитъ на службу къ князю Острожскому: онъ обязуется служить князю „вѣчно“ до смерти и дѣти его обязаны „вѣчно“ служить дѣтямъ князя. Чапличъ отказывается отъ права продать, промѣнять или отдать на деревъ свое имѣніе, такъ какъ оно вѣчно должно тинуть къ отчиму князю—Острогу. Если Чапличъ или его дѣти захотятъ отъѣхать отъ князя, то они могутъ это сдѣлать, но имѣніе остается во власти князя Острожскаго¹⁾. Такимъ образомъ вѣчность владѣнія обуславливается вѣчностью службы, и съ превращеніемъ послѣдней владѣлецъ лишается земли. Землевладѣлецъ и его потомство являются слугами лица, отъ котораго они получили землю; такой слуга долженъ служить князю „вѣрно безо лести и хитрости“²⁾. Слуга можетъ прервать эти вѣчно-обязательственныя отношенія, но въ такомъ случаѣ онъ обязанъ продать свое держаніе такому лицу, которое могло-бы нести службу верховному собственнику земли на прежнихъ условіяхъ³⁾; для этого-то и требуется согласіе верховнаго собственника на отчужденіе земли. Если слуга превращаетъ свои служебныя отношенія къ государю, то онъ лишается и своей поземельной собственности. Не говоря о дочасномъ пожалованіи, подобнаго рода служебно-договорныя отношенія лежатъ какъ на отчиму, такъ и на выслугѣ. Служебное отношеніе выслуги вполне понятно, точно также какъ и положеніе пожалованной вотчины. Но въ условіяхъ образованія государства нетрудно найти объясненіе тому, какимъ образомъ и родовымъ вотчиннымъ владѣніемъ приобрѣли служебное положеніе. Собственная Литва объединилась путемъ соединенія подъ властью великаго князя представителей родового земельнаго владѣнія; русскія земли были частью присоединены путемъ завоеваній, частью мирнымъ образомъ. Но ясно, что такого рода объединеніе государства требовало служебныхъ отношеній вотчинниковъ къ великому князю. Это можно прослѣдить и на договорно-служебныхъ отношеніяхъ между удѣльными князьями и великимъ княземъ. Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе развитія военныхъ силъ государства, выслуга является преобладающей формой земельнаго владѣнія. Но такъ какъ выслуга является всетаки для великаго князя болѣе зависимою формою служебнаго земельнаго владѣнія, чѣмъ отчина, то въ исторіи литовско-русской

¹⁾ Arch. Sang., t. I, p. 60.

²⁾ Ibidem, p. 40.

³⁾ Ibidem, p. 22.

поземельной политики можно указать на такі правительственные мѣры, которыя содѣйствовали преобразованію вотчинъ въ выслуги. Въ качествѣ такой мѣры нельзя, напримѣръ, не признать постановленія Киевской уставной грамоты: согласно послѣдней, всѣ вотчины, которыми мѣстные элементы владѣли при князьяхъ, подтверждаются за нихъ прежними владѣльцами, но превращаются при этомъ, по словамъ грамоты, въ „нашо данье“, т. е. великій князь обязуется подтверждать эти вотчины въ качествѣ выслугъ на великомъ князѣ литовскомъ. Эта мѣра касалась дѣлой крупной области государства. Тотъ-же характеръ, очевидно, носили и массовыя подтвержденія земельных владѣній, сдѣланныя великимъ княземъ Казимиромъ по присоединеніи къ Литвѣ Волыни и Смоленской области: и здѣсь литовско-русское правительство стремилось превратить пожалованія прежнихъ князей и родовых владѣній въ „данье“ государя великаго князя Литовскаго для установленія болѣе крѣпкой служебной связи мѣстныхъ землевладѣльцевъ съ центромъ. Такимъ образомъ, болѣе прочнымъ способомъ достиглось установленіе верховнаго права государя на поземельную собственность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ происходило и сліяніе потомственной выслуги съ отчиною. Первая форма для частныхъ лицъ представляла собою болѣе удобствъ, такъ какъ мобилизація выслугъ была менѣ затруднительна; поэтому мы не рѣдко встречаемъ подтвержденіе отчинъ на вѣчность, т. е. превращеніе ихъ въ вѣчное держаніе. Съ другой стороны, акты въ половинѣ XVI столѣтія изобилуютъ продажными сдѣлками фиктивного характера, напримѣръ: продажами равночынныхъ имѣній мужьямъ женъ и обратно. Это указываетъ на стремленіе общества превратить родовыя отчины въ купленные земли для избѣжанія затрудненій, встречаемыхъ при отчужденіи и завѣщаніи родовыхъ имуществъ. Все это указываетъ намъ ту почву, на которой готовилось сліяніе отчинъ, купленныхъ и выслугъ, закрѣпленное вторымъ Статутомъ. И это сліяніе было тѣмъ легче еще и потому, что постепенно утрачивалось и запутывалось повинностное различіе между этими формами землевладѣнія, равно какъ расширялся и объемъ тѣхъ правъ, которыми владѣлецъ пользовался въ своемъ имѣніи.

Дѣйствительно, между вотчинами и другими формами землевладѣнія существовало не маловажное различіе въ объемѣ повинностей, шедшихъ съ земли въ пользу государства. Это объясняется тѣми правами, которыя вотчинникъ имѣлъ по распоряженію вотчиннымъ иму-

ществомъ. Вотчинникъ являлся полнымъ хозяиномъ въ своей вотчинѣ. Права вотчинника хорошо разъясняетъ цитированная нами въ другомъ мѣстѣ господарская грамота, разрешающая споръ между князьями мѣщанами и княземъ ихъ Феодоромъ Ярославичемъ.

На различіе между вотчиною и другими формами землевладѣнія по платежу прямой подати даетъ указанія известная грамота о смоленской посочищѣ. Она отражаетъ въ себѣ порядки, существовавшие при великомъ князѣ Витовтѣ. Здѣсь говорится, что съ родовыхъ боярскихъ отчинъ, а также и съ купленныхъ боярскихъ отчинъ не дается посочина. Между тѣмъ съ „приданія“ великаго князя, т. е. съ пожалованной земли, взимается посочина. Относительно данейъ при Витовтѣ существовало одно только ограниченіе: если бояринъ садился на пустою посочиномъ селищѣ, съ котораго шла только одна служба, то и въ такомъ случаѣ посочина не взималась, если бояринъ самъ сидѣлъ на этомъ селищѣ, осаживалъ его людьми и несъ съ него службу; если же бояринъ, сверхъ своего одного служебнаго селища, бралъ еще другое посочное, то съ такого дávalъ посочину; были и посочныя селища, получившія специальное освобожденіе отъ посочки¹⁾. Такимъ образомъ, родовыя отчины, составившія участокъ, съ котораго шла личная служба владѣльца, не подлежали платежу государственной подати, каковою въ Смоленской землѣ была посочина. Изъ этого факта не слѣдуетъ дѣлать широкаго обобщенія: мы имѣемъ дѣло съ мѣстнымъ явленіемъ (можетъ быть, бытовавшимъ и не въ одной Смоленской землѣ) и по отношенію къ ограниченному кругу вотчинъ. Происхожденіе военной службы съ вотчинъ, какъ и платежа даней великому князю, лежало въ условіяхъ образованія государства. Иное положеніе занимали вотчины и выслуги по отношенію къ другимъ земскимъ повинностямъ.

Еще въ половинѣ XVI вѣка существовало различіе между отчиною и другими формами землевладѣнія въ отношеніи отбыванія повинностей: замковой, дорожной, сторожевой и мостовой. Такое, напр., различіе проводится въ ревизіи Полоцкой земли 1552 года. Какъ общее правило здѣсь всѣ отчины не несутъ названныхъ повинностей, за исключеніемъ нѣкоторыхъ повинностей мѣстнаго характера (напримѣръ, плата за перевозъ, мостовая). Напротивъ, съ выслугъ идетъ сторожевщина, станья, стація и мостовая повинность. Нѣкоторыя вы-

¹⁾ Акты 3. Р. I, p. 69.

слуги не несут повинностей, но въ ревизіи приводятся ссылки на то, что освобожденіе выслугъ отъ тѣхъ или иныхъ повинностей основывается на спеціальныхъ господарскихъ листахъ. Что касается купленныхъ земель, то съ однихъ изъ нихъ идутъ повинности, съ другихъ нѣтъ; всегда съ купленныхъ земель идутъ повинности, если эти земли раньше принадлежали мѣщанамъ и слугамъ путникамъ¹⁾. Такимъ образомъ, на купленныхъ земляхъ продолжали лежать повинности, сообразно происхожденію этихъ земель.

Въ ревизіи Житомирскаго староства 1545 г. мы встречаемся съ тѣмъ же явленіемъ. Отбываніе земскихъ повинностей здѣсь носитъ весьма архаичный характеръ. Владѣльцы вотчинъ оправдываютъ только свои „отчизны“ городни, въ которыхъ они имѣютъ, вмѣстѣ со своими подданными, „схованье“ на случай нападенія непріятелей. Напротивъ, съ выслугъ идетъ замковая работа не только для сооруженій, принадлежавшихъ въ замкѣ владѣльцамъ имѣній, но также и для непринадлежащихъ имъ. Если землевладѣльцы не несутъ повинностей по opravъ замка, то ревизоры рассматриваютъ вопросъ: имѣютъ ли землевладѣльцы освобожденіе отъ повинностей въ своихъ прилезахъ. Только владельцу, повидимому, должны отбывать со всѣхъ владѣльческихъ имѣній. Съ выслугъ обязательно также отбываются подводы и стаціи. Напротивъ, владѣльцы вотчинъ заявляютъ: „мы дей з вѣковъ, з праѣдовъ и дѣдовъ нашихъ, стаціи и подводы не давали и теперь не повинны есмо давати, а гдѣ дей господарь тую неволю на насъ кажетъ уложити, мы вси и з людьми нашими прочь повочемся“. Едва ли нужно болѣе категорическое свидѣтельство о свободѣ вотчинныхъ имѣній отъ государственныхъ повинностей. Интересно, что мѣстные земные князья ревизорамъ, что если бы господарь пожелалъ пораздавать свободныя господарскія селница, хотя бы по два селница на одну городню, то они охотно взяли бы эти выслуги и выполняли бы повинности²⁾.

Не менѣе определенное свидѣтельство представляетъ намъ грамота Сигизмунда Августа 1560 г. о правахъ въ некоторыхъ бояръ Кричевскаго повѣта. Между боярами и волостью Кричевской возникъ споръ по поводу отбыванія боярскими людьми повинностей—включен-

¹⁾ Scriptores rerum polonicarum, t. V, рек. Пол. земли.

²⁾ Арх. Ю.-З., ч. VII, I, р. 125, 127, 128, 129, 133, 135, 136, 139.

щины, сторожи и подводы. Волочане тинули боярскихъ людей въ тягло по отбыванію этихъ повинностей. Господарь по этому поводу даетъ мѣстному державцѣ такое предисловіе. Некоторые изъ бояръ имѣли выслуга со времени великихъ князей Казимира и Александра: господарь запрещаетъ подданнымъ этихъ боярскихъ людей „давно выслужонныхъ ку повинности тыхъ примунать“, такъ какъ будутъ отпращены особые посланцы для расслѣдованія, дѣйствительно ли эти бояре обязаны нести повинности. Что же касается „иныхъ всихъ бояръ, которые на выслугъ сѣдять, за отца нашего и за насъ господаря, и хотяжъ бы и пустошныи волостные выслужили и людьми осадили, таковыя вси люди ихъ той повинности замковой досить чинити мають“¹⁾.

Очевидно, центральное правительство не сомнѣвалось въ томъ, что выслуги, шедшія со времени великихъ князей Казимира и Александра, не обязаны отбывать повинностей, такъ какъ онѣ, какъ это мы уже знаемъ, слились съ вотчинами; впрочемъ, правительство обещало послать особыхъ посланцовъ для изслѣдованія заявленій обѣихъ сторонъ. Относительно выслугъ въ собственномъ смыслѣ, правительство держится того взгляда, что съ нихъ должны идти повинности. Подтвержденіе указаннаго взгляда правительство давало и въ другихъ случаяхъ²⁾. Наконецъ, когда на сеймахъ съ 1547 г. сталъ подниматься вопросъ о реорганизаціи повинностей, то и заявленіе шляхты и самого господаря стоять на одной и той же точкѣ зрѣнія³⁾. Вообще только отчинное право или спеціальные привилегіи могли освободить владѣльца отъ отбыванія повинностей⁴⁾.

Указанныхъ факторовъ для насъ достаточно, для того чтобы имѣть возможность высказать убѣжденіе, что между отчиной, выслугой и

¹⁾ Акты Вил. Ком., XIII, р. 30—31.

²⁾ Акты Вил. Ком., XXIV, р. 216.

³⁾ Акты З. Р., III, р. 14. Объ этомъ намъ еще придется говорить ниже.

⁴⁾ Сомаяса, наприкѣрѣ, на слѣдующій господарскій вырокъ, Свислонецкая волость жаловалась въ 1529 г. на подданныхъ Григорія Громьки Лещинскихъ о томъ, что они не несутъ съ волостью сторожевой и подводной повинностей. На судѣ Громька заявилъ, что его уже судили съ волочанами панъ Ольбрахтъ Гаштольдъ и ввелъ „воздугъ даннинъ и привилыя нашего“, что люди ему пожалованы „со земей какъ на насъ (т. е. на господаря) держаны“, т. е. со всѣми господарскими и земскими повинностями. Поэтому Гаштольдъ освободилъ Лещинцевъ отъ подводовъ и сторожи, но „делаетъ въ замку Свислонецкомъ городню свою часть поправати и мосты мостити, где передъ тымъ мостывали“. Господарь утвердилъ подобное рѣшеніе Гаштольда. Кн. Суд. Дѣл. Лит., IV, з. 250.

данной лежало еще различие повинностнаго и податнаго характера. Съ известныхъ участковъ отчины не взымалась прямая государственная подать въ тотъ періодъ, когда она была общеобязательной. Съ отчины не шли государственныя повинности, какъ то сторожевая, замковая, дорожная—постольку, поскольку эти повинности носили государственный характеръ. Поэтому отчины принимаютъ участіе только въ частно мѣстной повинности, напр., мостовой, перевозѣ. Владѣльцы вотчинъ строить въ замкѣ города только для своей нужды, но они не обязаны принимать участія въ тѣхъ замковыхъ сооруженіяхъ, которые ихъ лично не касаются и носятъ уже характеръ обще-государственной повинности; они не отбываютъ и сторожевщины.

Но, сверхъ того, между отчиной и разными формами выслуги существовало еще различіе и въ отбываніи главнѣйшей изъ повинностей—военной земской службы. Какъ частныя грамоты великихъ князей, такъ и обще-законодательные памятники не говорятъ о различіяхъ службы, идущей съ отчины. Личная служба, конечно, была обязательна, но въ какомъ числѣ ратниковъ долженъ былъ отбывать владѣлецъ господарскую службу,—объ этомъ грамоты не говорятъ. Напротивъ, относительно выслуги и данины можно указать на рядъ такихъ фактовъ, изъ которыхъ видно, что получающій выслугу объявлялся вставлять на службу известное количество конныхъ ратниковъ¹⁾ или вообще служить „гдѣ потребно“²⁾. Съ теченіемъ времени, когда съ конца XVI вѣка на сеймѣ устанавливается размѣръ земской военной службы, въ подобнаго рода ея опредѣленіяхъ въ частныхъ грамотахъ не было нужды. Господарь иногда выговариваетъ опредѣленный размѣръ службы только съ данины, жалующихъ „до воли и ласки“ господарской. Напр., бояринъ проситъ землю и предлагаетъ ставить 5 коней „коли ся пригодитъ“³⁾. Или, напр. боярину могилевскому Ермилѣ Стародубцеву ревизоры дали въ 1562 г. 10 волей земли, сѣнокосы и паша въ Могилевѣ, но при этомъ обставили его слѣд. условіями: „немаеть онъ нисотрыхъ подачокъ дати и повинностей къ замку тамошнему Могилевскому волнати, одно съ того всего службу земскую военную самофторъ конно, збройно служити по-

¹⁾ Arch. Sang., I, p. 28; Акты З. Р., I, p. 49, 59; Грамоты В. В. Антоновича, p. 16; Акты Ю.-З. Р., I, p. 66.

²⁾ Arch. ks. Lub.-Sang., I, p. 35.

³⁾ Акты Леопольвича, № 528.

виненъ будетъ; а часу безпечного отъ неприятеля, гдѣ служба земская военная не будетъ, маеть онъ чотырохъ молодцовъ зъ ручницами установице при замку нашомъ тамошнемъ Могилевскомъ мети“⁴⁾. И такого рода раздачи, особенно на окраинахъ, учащаются въ половинѣ XVI ст., т. е. какъ разъ тогда, когда послолитоє рушеніе является деморализованнымъ и правительство начинаетъ сознавать, что рискованно полагаться на готовность къ войнѣ шляхты,—на то, что она будетъ исполнять сеймовыя ухваты.

Что касается остальныхъ повинностей и другихъ правъ по эксплоатации доходовъ съ выслугъ и данины, то объемъ ихъ всецѣло заключался въ условіяхъ пожалованія. Въ этомъ отношеніи мы встречаемъ весьма большое разнообразіе. Господарь могъ съ пожалованной земли сохранить въ пользу скарба какъ повинности, идущія въ господарскій скарбъ, такъ и повинности государственнаго характера. Но вообще жалующее лицо обычно получало доходы, собиравшіеся въ господарскій скарбъ; относительно же государственныхъ повинностей льготы давались сравнительно рѣже. Такія частныя изытія встрѣчаемъ напр. относительно стацій, подводной повинности и проч. На ряду съ изытіемъ отъ тѣхъ или другихъ повинностей и данинъ, встречаемъ и вѣчныя данины, жалующая „со всѣмъ правомъ и панствомъ“⁵⁾. Объемъ правъ пользования такими данинами, разумѣется, ничѣмъ не отличался отъ отчиннаго права; владѣлецъ такого имѣнія былъ въ немъ отчичемъ, такъ какъ обладалъ вотчиннымъ правомъ во всемъ его объемѣ. Онъ обязанъ былъ только нести въ пользу государства военную земскую службу.

Вообще мы не признаемъ необходимымъ останавливаться на характерѣ тѣхъ частныхъ изытія, которые давались господарями литовскими, считая этотъ фактъ слишкомъ общезвѣстнымъ. Подтвержденіе ему можно найти въ любомъ сборникѣ жалованныхъ грамотъ. Широка права зависитъ именно отъ того объема ихъ, который указавъ въ грамотѣ. Оттого послѣдніи съ большою точностію высчитываютъ всѣ существующіе доходы съ жалующихъ земель, а также и такіе, которые владѣлецъ можетъ развить въ своемъ имѣніи⁶⁾. Недовольствуясь перечнемъ, грамоты иногда заявляютъ, что имѣніе дается „вѣчно, со всѣмъ правомъ и панствомъ, и пожиткомъ, ничево не оставляючи на себѣ и на

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 27 об.—28.

⁵⁾ Напримѣръ, Грамоты В. В. Антоновича, p. 45; Arch. ks. Lub. Sang., III, p. 65.

наши наследки¹⁾; или проще—и со всякими иными податки и полатки, которымъ кольвекъ именовъ могутъ названы або именовъ быти²⁾, „какъ намъ служивали“³⁾. Формула „какъ намъ служили“, „какъ на насъ держано“ понималась въ смыслъ полного освобожденія не только отъ скарбовыхъ платовъ, но и отъ государственныхъ повинностей⁴⁾. Иногда грамотами предполагалось только освобожденіе отъ прежнихъ лежавшихъ на землѣ пошлинъ и уже выполнявшихся владѣльцами⁵⁾. Но вообще, если въ привилеѣ не обозначено право панства и владности, или широта правъ пользования не опредѣлена равнозначущими имъ выраженіями, то разумѣлся переходъ въ привилегіату всѣхъ тѣхъ повинностей и платежей, которые шли въ господарскій скарбъ съ жалуемыхъ людей; иногда это опредѣленно отмѣчается грамотами⁶⁾, или же перечисляются только эти статьи пожалованія. Въ такомъ случаѣ привилегіатъ обязанъ былъ выполнять земскія повинности. Но встрѣчаемъ и многочисленные факты освобожденія отъ поднодь, стацій⁷⁾, замковой работы, мостовой, сторожи⁸⁾ и даже отъ земской военной службы—льгота чрезвычайно рѣдкая и никогда не дававшаяся „на вѣчность“⁹⁾. Господарь могъ оставить съ жалуемой земли и нѣкоторые доходы или повинности, шедшіе въ скарбъ господарскій, напр. медовую дань, стаціи, право на охоту и проч.¹⁰⁾. Объемъ правъ распоряженія и пользования, сообщаемый грамотою, имѣлъ поэтому большое значеніе: въ случаѣ возникновенія какихъ либо споровъ, судъ тщательно разслѣдовалъ вопросъ: „съ чьимъ дана“ земля¹¹⁾.

Перенесеніе вотчинныхъ правъ на выслуженія имѣнія дѣлало незначительнымъ то различіе, которое существовало между вотчиной о выслугой. Повинностное отношеніе выслугѣ съ теченіемъ вре-

¹⁾ Напр., Акты Леонтовича, № 462.

²⁾ Акты З. Р., II, р. 12.

³⁾ Акты Ю.-З. Р., I, р. 56.

⁴⁾ Кн. Суд. Дѣл. Лит., IV, з. 250.

⁵⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, р. 150.

⁶⁾ Кн. Зап. Лит., XLI, з. 118 и з. 27 об.

⁷⁾ Акты Леонтовича, №№ 618, 679, 753.

⁸⁾ Кн. Зап. Лит., XXX, з. 188 об.; Кн. Зап. Лит., XLI, з. 244 об.

⁹⁾ Кн. Зап. Лит., XXLVIII, з. 279 об.

¹⁰⁾ Акты Леонтовича, №№ 430, 523, 617; Кн. Зап. Лит., IX, з. 6; Акты Лит.-рус. гос., р. 56, 69.

¹¹⁾ Акты Леонтовича, № 480.

мени сильно запутывалось, переплетаясь настолько, что различіе переходило лишь въ юридическую формулу. Для скарба это переплетеніе было крайне невыгодно, потому что владѣльцы выслуженныхъ имѣній старались разсматривать ихъ повинностныя отношенія какъ вотчинныя и не несли съ нихъ повинностей. Все это, какъ увидимъ, вело къ необходимости реформъ въ отбытіи повинностей, и въ то же время вело за собой сдвинутіе и въ этомъ отношеніи вотчинныя и выслугѣ. Такимъ образомъ, постепенно сливаясь, вотчинная и жалованная потомственная формы землевладѣнія оказывались въ известномъ взаимодействіи: въ правахъ распоряженія вотчинны стремились слиться съ вѣчными выслугами, а послѣднія стремились къ такому же сдвинутію съ вотчинами въ правахъ пользования.

Такимъ образомъ, государственному строю Литовской Руси было известно нѣсколько формъ служилого землевладѣнія. Къ первой группѣ относится „дочасное“ держаніе, т. е. данныя „до воли и ласки господарской“, хлѣбокормленія, доживотья и, какъ известный коррективъ этихъ формъ, пожалованія на ленномъ правѣ. Слѣдующую форму служилого землевладѣнія составляетъ вѣчная выслуга и, наконецъ, третью—вотчинна: „купленна“ является средней между двумя послѣдними формами землевладѣнія: выхода изъ области семейственного права, такъ какъ родовой выкупъ не имѣлъ мѣста по отношенію къ землѣ, приобретенной посредствомъ купли, купля между тѣмъ удерживала повинностныя отношенія, лежавшія на выслугахъ. Раздѣленіе и различіе этихъ формъ служилого землевладѣнія основывается на ихъ происхожденіи: дочасная держанія—это пожалованія господара, великаго князя, актъ его милости и ласки, почему я сумма правъ владѣнія зависитъ отъ той широты ея, которую предоставляет грамота. Отсюда возникаетъ различіе въ правахъ пользования, такъ какъ грамотою могутъ быть предоставлены землевладѣльцу тѣ или иные доходи съ земли и сдачаго на ней населенія, и въ правахъ распоряженія, такъ какъ грамотою можетъ быть предоставлено или не предоставлено право продажи выслуги, зашиел ея на церковь и т. п. Земля дается за службу и въ интересахъ службы. Если, поэтому, держатель нарушаетъ послѣдніе, то земля у него можетъ быть отнята великимъ княземъ. Отсюда, всякаго рода акты „шафанья“ выслугою и держаніемъ подлежатъ контролю правительственной власти. По отношенію къ вѣчнымъ выслугамъ внимательство правительственной власти есть только контроль, имѣющій цѣлью наблюдать, чтобы земля

не избегала службы; по отношению же к державным—все акты распоряжения ими подлежат фактическому разрешению со стороны великого князя. Как общее правило, державные не переходят по наследству, выслуга же, как потомственная форма владения, переходит по наследству, но в пределах, указанных грамотою, и с ограничением прав рода. Таким образом, владлец не только державный, но и взыскной выслуги не имеет полного права собственности на землю, которою он владеть: верховным собственником всей земли является государь, великий князь.

Вотчина, в основе своей, есть земля пожалованная, земля из старин находящихся во владении того или иного лица и, следовательно, не налагающая на владельца никаких отношений к государственной власти. Но условия, в которых создавалось Литовско-русское государство, подчинили и вотчину земской военной службе. Однако, вотчинник не обязан был никакими другими повинностями к государству по своей вотчине; служба была его личной повинностью, как акт подчинения частного лица государственному началу. Итак, в выслуге заметен договорный элемент между государем и его слугами, т. е. элемент частноправный; в вотчине же кроется уже зародыш государственного начала.

Но и права вотчинника, в распоряжении своим имением, являются в известной мере ограниченными, только не государем, а „родом“ самого вотчинника, конечно, потому, что изначальное происхождение вотчины есть родовая собственность. Владлец вотчины является поэтому обладателем права собственности на землю.

Из основного различия между вотчиною, выслугою и державным вытекают и их повинностные отношения к государству. Объединяющим элементом всех форм землевладения является личная служба владельца, источник которой не однороден по своему происхождению. Однако, в отношении остальных служебных обязанностей вотчина вполне свободна, выслуга же и державные несут в пользу государства еще и повинности.

Как выслуга, так и отчина являются на лицо уже в эпоху сложения государства и представляют собою формы землевладения, корень которых кроется в строе до-литовского периода и дальнейшее развитие которых определяется условиями образования государства и наконец не прекращающейся в нем потребностью в военно-слу-

жломъ элементъ. Все эти формы дожили до второго Статута, когда произошла дифференциация взыскной выслуги от более условных форм служилого землевладения. Это слияние есть результат почти полтора-вѣкового процесса въ формахъ западно-русскаго землевладения. Оно является результатомъ двухъ факторовъ: ассимиляции, происходившей между выслугою и вотчиною, и правительственной политики. Разъ вотчина пошла въ оборотъ службы, то право собственности владельца тѣмъ самымъ въ известной мѣрѣ повышается. Верховная власть государя великаго князя распространяется и на вотчину: становятся возможными факты замѣны или даже конфискации великими князьями поводами—по законнымъ и даже незаконнымъ (съ точки зрѣнія службы) поводамъ. Съ другой стороны становится возможнымъ и фактъ жалованной вотчины, что уже тѣсно связываетъ ее съ выслугою. Наконецъ, право родовой собственности дѣлаетъ успѣхи въ томъ смыслѣ, что многочисленный и неопредѣленный кругъ „близкихъ“ людей стремится фактически претворить выслугу въ вотчину, хотя въ правовомъ отношеніи выслуга едва-ли подходила подъ условія наследованія вотчиною. Въ отношеніи широты правъ пользованія многочисленныя иммунитеты, предоставляемые государями владѣльцамъ выслугъ, дѣлаютъ въ этомъ смыслѣ нечувствительною разницу между вотчиною и выслугою: владѣльцы какъ тѣхъ такъ и другихъ, имѣютъ въ своихъ владѣніяхъ полное право „панства“ и „владности“.

Процессъ слиянія идетъ еще дальше и быстрѣе потому, что на ряду съ иммунитетами, даруемыми отдельнымъ лицамъ, все вообще шляхта добивается освобожденія отъ государственныхъ податей. Свобода отъ податей и иммунизация выслугъ отъ повинностей (сюда надо присоединить и фактическое неисполненіе шляхтою повинностей, если онѣ оставались на землѣ) дѣлаетъ разницу между обѣими формами землевладенія не замѣтной. За выслугою даже остается известное преимущество въ смыслѣ широты правъ распоряженія. Съ другой стороны, господа литовскіе, имѣя въ виду основную идею въ различіи вотчины и взыскной выслуги, стараются провести, въ особенности въ окраинныхъ областяхъ, замѣну вотчинъ выслугою. Въ смыслѣ службы и подчиненія владѣльца государственной власти выслуга, даже одаренная всѣми правами „панства“ и „владности“, была болѣе удобной для верховной власти формою землевладенія. Древнѣйшіе господа идутъ на этомъ пути еще дальше, признавая массами слияніе вотчинъ съ выслугами (въ обще-государственныхъ привилегіяхъ Сигиз-

мунда Кейстутевича, Казимира и Александра). Рядом съ вотчинами, такимъ образомъ, становились шлодѣ имунизованныя выслуги.

Если, въ смыслѣ широты правъ пользования, на выслугѣ замѣчается вліяніе вотчинъ, то въ смыслѣ права распоряженія наблюдается обратное явленіе. И это явленіе, т. е. стремленіе освободить вотчину отъ вліянія родового начала, предоставить поземельной собственности полную свободу мобилизаціи, должно быть отнесено на долю того фактора, на почвѣ котораго происходятъ всякія замѣненія въ поземельномъ строѣ: замѣненія экономическихъ отношеній вымачиваютъ потребности въ быстрой мобилизаціи поземельной собственности.

Второй Статутъ сравниваетъ вѣчные выслуги и вотчины, предоставляя владѣльцамъ ихъ право продавать, мѣнять, закладывать и проч. Тѣмъ самымъ вотчины были экспропрированы отъ рода владѣльцевъ, а выслуги—отъ вѣнчателства государственной власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ реформами въ области отбыванія земскихъ повинностей сдѣланы были дальнѣйшіе шаги въ сближеніи вотчинъ и выслугъ, хотя еще и не было проведено въ этомъ отношеніи полного единства.

Такимъ образомъ государь литовскій, подобно своему соотечественнику и великому князю Московскому, владѣтелю остальной Руси, въ идеѣ считался верховнымъ собственникомъ не только общинныхъ земель, но и земель, находящихся во владѣніи служилого элемента. Вообще, между формами землевладѣнія восточной и западной Руси есть известные пункты сходства, хотя сходство это не такъ велико, какъ иногда желаютъ провести его. Въ обоихъ государствахъ развитіе землевладѣнія исходило изъ одного и того же основнаго источника—интересовъ службы. Но въ обоихъ частяхъ Руси дальнѣйшее развитіе получили ни одні и тѣ же формы землевладѣнія. Основная причина въ зарожденіи и развитіи помѣстья Московской Руси и служилого землевладѣнія западной заключается въ состояніи народнаго хозяйства: при господствѣ натурального хозяйства, государство могло оплачивать службу только раздачей земель или доходовъ, шедшихъ съ тяглаго населенія ¹⁾. Помѣстья имѣютъ поэтому одинаковое происхожденіе и назначеніе съ данной и выслугой. Но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, раздача помѣстій въ Московскомъ государствѣ отличалась отъ стройную систему, съ ея окладами, перестаніями. Съ

¹⁾ Ср. Н. А. Рожковъ, *Сельское хозяйство въ Московской Руси въ XVI в.*, М. 1899, р. 468.

Московскимъ помѣстьемъ можно сопоставить только дочасное держаніе въ Литовской Руси, но оно не получило здѣсь той стройности, которую обладала помѣстная система; это замѣчаніе относится къ изучаемому періоду потому, что реформы Сигизмунда III ввели извѣстный порядокъ въ дѣло раздачи и владѣнія государственными имѣніями на условіяхъ службы. Въ Московской Руси съ теченіемъ времени землевладѣніе отлилось въ двѣ опредѣленные формы—вотчину и помѣстье. Въ Литовской Руси, напротивъ, мы наблюдаемъ большее разнообразіе формъ служилого землевладѣнія, и развитіе здѣсь получаетъ средня между вотчиной и помѣстьемъ форма—вѣчная выслуга. Последняя форма не безвѣстна Московской Руси XVI вѣка: ее нельзя не признать въ такъ называемыхъ земляхъ служилыхъ, впервые описанныхъ П. П. Липпо ¹⁾. Это тоже вѣчное владѣніе на условіяхъ службы. Дѣлая такое сопоставленіе, надо однако имѣть ввиду поправку, введенную г. Рождественскимъ по отношенію къ служилымъ землямъ, и заключающуюся въ томъ, что эти земли не стоятъ въ непреклонной связи съ землевладѣльцемъ слугъ-холоповъ, какъ это полагаетъ г. Липпо: земли служилыхъ раздавались и вольнымъ людямъ въ послѣдственное владѣніе на условіяхъ службы ²⁾. Въ Литовской Руси выслуги постепенно сливались съ отчинами, и при томъ такъ, что отчины получаютъ окраску служебныхъ земель; есть и жалованныя вотчины. Въ Московскомъ государствѣ, на ряду съ родовой вотчиной, исследователи наблюдаютъ и такой типъ ея, который можно бы сопоставить съ западнорусской жалованной вотчиной или даже съ выслугой: это—вотчины съ правомъ послѣдственнаго владѣнія на условіяхъ службы ³⁾. Такая вотчина дается князьями своимъ слугамъ при условіи, что она будетъ находиться въ частномъ владѣніи „доколѣ служить мнѣ и моимъ дѣтемъ“, какъ говоритъ князь Борисъ Васильевичъ Волоцкой въ своей грамотѣ 1477 г. ⁴⁾. Такая вотчина могла быть ограничена и въ правѣ наследованія ⁵⁾.

¹⁾ Тверской уѣздъ, М. 1895, р. 78 слѣд.

²⁾ Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI в. Сиб. 1897, р. 36.

³⁾ *Ibidem*, р. 51.

⁴⁾ Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, I, р. 252.

⁵⁾ Собранный приговоръ 1573 г. восстанавливаетъ: „да у которого (вотчинника) въ грамотѣ будетъ ему одному вотчина написана, и послѣ его та вотчина на го-

Поэтому, подобно тому какъ изъ помѣстныхъ земель—дочаснаго владѣнія, выдѣлялся типъ наследственнаго служебнаго землевладѣнія—служивыхъ земель и вслугъ, такъ и вотчина выдѣлила изъ себя аналогичную форму служебно-зависимаго наследственнаго землевладѣнія. Это была мостъ, на которомъ форма полной поземельной собственности сходилась съ условнымъ землевладѣніемъ. Слѣдательно, и въ данномъ случаѣ различіе между вотчиной и помѣстьемъ надо бы искать не только въ правахъ распоряженія, но и въ правѣ пользованія. При столь сходномъ генезисѣ, мы наблюдаемъ известное различіе въ развитіи формъ землевладѣнія въ Московской и Литовской Руси въ томъ, что въ первой преобладающее значеніе получила вотчина съ ея родовымъ правомъ наследованія, а во второй вѣнчата вслуга. И объясненіе этого различія надо искать въ болѣе интенсивномъ ростѣ экономическаго развитія въ Литовской Руси¹⁾.

2. *Отношеніе различныхъ элементовъ общества къ земскому землевладѣнію и земской службѣ.*

Познакомившись съ формами землевладѣнія на земскомъ правѣ, можно уже перейти къ разсмотрѣнію тѣхъ элементовъ общества, которые владѣли землею на земскомъ правѣ и, слѣдательно, несли съ нея земскія повинности. Но кромѣ различныхъ элементовъ общества, въ Литовско-Русскомъ государствѣ были еще два института, по отношенію къ которымъ необходимо предварительно выяснить: какое положеніе занимали они въ вопросѣ о земской службѣ. Эти два института—добра государскія и добра церковныя.

Государскія добра, занимавшія огромныя пространства земель, не подлежали земской военной службѣ на ряду съ шляхетскими имѣніями. Разумѣется, бодрство, слуги пугивые и панцирные и даже вѣ-

оудари" (М. Ф. Владивіревъ-Будавовъ, Хрестоматія, III, р. 32). И въ Западной Руси князь Федоръ Воротынской бѣгъ челомъ великому князю Казимиру о томъ, что въ пожалованной ему вотчинѣ "детей не писано". Государь "узрѣвши его первую службу и чинъ, то учинил: его дотемъ также съ тѣмъ верно чинъ служити" (Документы Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 27).

¹⁾ По своему историческому развитію, форма западно-русскаго землевладѣнія находить въ себѣ новую аналогію въ Польшѣ (П. А. Ливинченко, Черты и проч., р. 33) и въ Чехіи (А. Н. Искеній, Паденіе земскаго строя въ Чехіи, р. 144—151).

которые низшіе разряды дворовыхъ слугъ (напр. стрѣльцы, бобровники) высылались на войну и даже занесены въ переписи 1528 году. Но въѣмъ этимъ служба съ государскихъ имѣній далеко не приравнивалась къ службѣ съ имѣній шляхетскихъ. Врядниа государскихъ державъ и дворовъ также не выходили на земскую службу. Если государственное имѣніе поступало въ залогъ, то въ такомъ случаѣ залогодержатель не несъ съ находящагося у него имѣнія земской службы (первый Статутъ, разд. II, артикулъ 1, второй Статутъ разд. II, арт. 1). Мало того, даже имѣнія, принадлежавшія членамъ королевской семьи, т. е. уже незащищенныя государскимъ правомъ, фактически набѣгали высылали на войну почтovsky: такъ напр., въ свое время уклонялась отъ земской службы со своихъ имѣній королева Бона, что вызвало ропотъ въ Литвѣ¹⁾. Но это было прямое уклоненіе. Даже имѣнія, переходившія къ государю въ качествѣ вымороченныхъ, не несли земской повинности парави съ шляхетскими.

Такое привилегированное положеніе государскихъ добръ по отношенію къ земской военной службѣ вызвало неудовольствіе въ шляхтѣ, что выражалось въ запросахъ ей къ королю на сеймахъ. Впервые такой запросъ со стороны шляхты былъ сдѣланъ на сеймѣ 1544 года. Она, въ довольно скромной формѣ, наметнула государю о необходимости съ его стороны ставить почти съ имѣній спадковухъ, какъ съ такихъ, съ которыхъ и раньше шла земская служба. Сигизмундъ I былъ очень недоволенъ такимъ запросомъ; онъ удивлялся тому, какъ шляхта "сѣбѣ" приравнивать его имѣнія къ своимъ, потому что такое приравниваніе государя къ шляхтѣ—"речь невзычайная или пристойная"; нестася король сдѣлать, подъ давленіемъ этого запроса, двѣ уступки: во первыхъ, онъ обѣщаль выставить на предстоящую войну съ турками "выприву" изъ своихъ имѣній, какую онъ признаеть нужною. Во вторыхъ, на особую просьбу шляхты о томъ, чтобы военную земскую службу лично служили воеводы, старосты и другіе вридини, въ распоряженіи которыхъ находилса государскія имѣнія, государь обѣщаль установить, службу со всѣхъ вридовъ; съ длиннаго-же времени на службу должны были обязательно выступать воеводы, старосты, намѣстники, державца, войскіе, таевики, тивуны жмудекіе и вообще всѣ вридини, за исключеніемъ тивуновъ виленскаго и троцкаго²⁾. Такимъ образомъ, послѣднимъ постановленіемъ

¹⁾ Niemcewicz, Pamiętniki, t. IV, p. 39.

²⁾ Dziatyński, Zbiór praw, p. 402, 403, 404.

призывались въ службу изъ своихъ урядовыхъ имѣній всѣ ярдники. Это уже была сравнительно большая уступка со стороны государя великаго князя. Но шляхта не добилась самаго важнаго — того, чтобы земская служба шла по крайней мѣрѣ съ спадковыхъ господарскихъ имѣній. О томъ-же и также безъ результатно хлопотала шляхта на сеймѣ 1554 г. ¹⁾.

Однако, съ введеніемъ волоочной поморы въ господарскихъ дѣбрахъ, осажены господарскіе бояре, на обязанности которыхъ лежало несеніе военной службы. Такимъ образомъ изъ господарскихъ имѣній выступала на войну извѣстный почетъ, по распоряженію изъ находилось всецѣло во власти государя, и въ количественномъ отношеніи этотъ почетъ не ставился въ соотвѣтствіе съ количествомъ волокъ или службъ даннаго господарскаго имѣнія. Законодательные акты также нигдѣ не говорятъ объ обязанностяхъ государя выставлять почетъ со своихъ державъ, какого бы происхожденія онъ не былъ. Такимъ образомъ, попытки шляхты уравнять господарскія имѣнія съ земскими въ области военной службы оказались безуспѣшны.

Гораздо интенсивнѣе были стремленія шляхты добиться выполненія земской повинности съ церковныхъ имѣній.

Вообще среди поземельныхъ имуществъ, находившихся во владѣніи членовъ духовнаго сословія, какъ католическаго, такъ и православнаго, надо различать поземельныя имущества троякаго происхожденія. Во первыхъ, въ распоряженіи церкви, какъ учрежденія находились поземельныя имущества, пожалованныя великими и удѣльными князьями при условіи полнаго освобожденія ихъ отъ всякаго рода повинностей и податей, въ томъ числѣ и отъ военной земской службы; такого рода пожалованія относятся большею частью къ древнѣйшему времени. Сюда-же надо отнести также и даренія на церковныя, сдѣланныя частными лицами съ разрѣшенія великихъ князей, но съ полнымъ освобоженіемъ поступающихъ къ церкви имуществъ отъ всякаго рода государственныхъ податей и повинностей. Кромѣ того, во владѣніи церкви находились еще имущества, пожалованныя ей великими князьями или записанныя частными лицами, но съ условіемъ отбыванія государственныхъ повинностей и платежа податей. Это — церковныя земли въ собственномъ смыслѣ. Но кромѣ того члены духовнаго сословія владѣли еще землями, принадлежавшими имъ лично.

¹⁾ Акты 3. Р., III, р. 60.

Хотя это были частныя владѣнія членовъ духовнаго сословія, однако на практикѣ и они, въ повинностномъ отношеніи, стремились воспользоваться широкими льготами, принадлежавшими собственно церковнымъ землямъ. Это обстоятельство вызывало справедливое неудовольствіе со стороны шляхетскаго стана.

Приваизей короля Ягайлы, выданной духовенству въ 1387 году, освобождаютъ земли духовенства отъ всякаго рода повинностей и податей ¹⁾. Великокняжескія грамоты, дающія или утверждающія удѣльныя права церковныхъ имуществъ, содержатъ въ себѣ столь широкія извѣтствія отъ податей и повинностей, что едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что церковныя земли этими частными актами не освобождались отъ всѣхъ повинностей ²⁾. Грамоты удѣльныхъ русскихъ князей, содержащія въ себѣ пожалованія православному духовенству, точно также составлены въ столь абсолютной формѣ, что едва-ли можно сомнѣваться въ полномъ освобожденіи этихъ земель отъ повинностей въ пользу государства ³⁾.

Такое положеніе церковныхъ земель по отношенію къ государственнымъ податямъ и повинностямъ дѣлало великокняжескую поземельную политику весьма осторожною, когда дѣло касалось перехода земли во владѣніе церкви. Такъ, въ частныхъ жалованьяхъ и грамотахъ очень рѣдко встрѣчается въ числѣ правъ распоряженія и право записать земли на церковь. Землевладелецъ могъ продать и подарить свою землю, но не могъ ее отдать церкви, если не имѣлъ на то спеціальнаго господарскаго разрѣшенія ⁴⁾. При разрѣшеніи даренія, продажи и завѣщанія земель на церковь, господа обыкновенно оговариваютъ, чтобы данная земля не попала въ разрядъ такихъ церковныхъ земель, которыя не несутъ повинностей. Такъ великій князь Александръ, жалуя въ 1498 году смоленскому епископу Іосифу имѣніе Ярковичи, обуславливаетъ однако свое пожалованіе тѣмъ, чтобы это имѣніе не было „прилащено“ и „записано“ епископомъ къ церкви, но чтобы съ него отиралилась земская служба также, какъ и раньше ⁵⁾. Изъ этого факта не только видно, что собственно церковныя земли не несли военной службы, но также и ясна тенденція не-

¹⁾ Skarbiec Daniłowicza, № 540.

²⁾ Папшицъ, *ibidem*, № 538, 544, 856, 915; Акты Лит.-рус. гос., р. 5, 7.

³⁾ Акты 3. Р., I, р. 27, 77 и др.

⁴⁾ Акты Леонтовича, № 449.

⁵⁾ Акты 3. Р., I, № 161.

ликовнижеской власти удержать службы съ земель, переходящих въ руки духовнаго сословія ¹⁾. Вплоть понятию поэтому оговорки великокняжеской власти о службѣ съ имѣній, переходящихъ во владѣніе церкви. Такъ, когда епископъ луцкій Кирилль просилъ въ 1508 году у Сигизмунда I о подтвержденіи на имѣніе, записанное старостою володимирскимъ Оедоромъ Янушевичемъ къ Луцкой церкви Св. Іоанна Богослова, то король подтвердилъ это наданіе съ условіемъ: „А владыко Кирилль и по немъ будущи епископы мають съ тыхъ имѣній людей своихъ на службу земскую посылати, поспоу съ князьми и шаны и землы противъ всякого неприятеля нашего, подлугъ устаны и ухвалы земли Волынской“ ²⁾. И частный лада, написанный свое имѣніе на церковь, оговаривають, что съ него должна идти земская военная служба ³⁾. Весьма понятно также, что если монастырь или другое церковное учрежденіе получало боярскую или панцарную службу безъ освобожденія отъ лежащей на ней повинностей, то такая повинность продолжала идти съ пожалованной земли ⁴⁾.

Изъ этого ясно, что въ распоряженіи церкви находились земли, съ которыхъ отбывалась служба, и земли, съ которыхъ она не шла. Такъ напр. въ Киевскомъ воеводствѣ съ земель митрополита выходило на службу 146 панцарей, хотя эти села и опустѣли къ рѣшви 1552 года ⁵⁾. Печерскій монастырь посылалъ на службу земскую десять воиныхъ ратниковъ ⁶⁾. На земляхъ владыкъ и монастырей сидѣли бояры, которые обязаны были нести земскую службу за своихъ владѣльцевъ ⁷⁾.

Положеніе церковной земли зависѣло отъ того, съ какимъ правомъ она перешла къ церкви. Привилегированное положеніе известной части церковныхъ поземельныхъ имуществъ объясняется не только общими привилегіями 1387 г., данными католическому духовенству, и соблюденіемъ частныхъ грамотъ, выданныхъ удѣльными и великими князьми православному духовенству, но также и общими взглядами,

¹⁾ Акты Леонтовича, № 449, 448.

²⁾ Акты З. Р., II, № 32.

³⁾ Кв. Зап. Лнт., XXXVIII, 4, 429 об.

⁴⁾ Кв. Зап. Лнт., VIII, 4, 157 об.

⁵⁾ Арх. Ю.-З. Р., в. VII, т. 1, р. 121.

⁶⁾ Акты Ю.-З. Р., I, р. 167; Акты З. Р., II, р. 141. Ср. Описание Архива гродно-униатскихъ митрополитовъ, р. 28.

⁷⁾ Акты З. Р., III, р. 160.

который установился по отношенію къ церкви. Церковь обезпечивалась государемъ, потому что она находилась въ „поданьи“ великаго князя ¹⁾, почему и церковная земля представляла „власть“ государекую ²⁾ и, слѣдовательно какъ таковая, пользовалась тѣми же привилегіями, какъ и государскія земли. Отсюда понятны и развившіеся впоследствии взгляды на церковныя имущества, какъ на собственность государства ³⁾.

Привилегированное положеніе церковныхъ владѣній и въ особенности то обстоятельство, что личные владѣніи членовъ духовнаго сословія сливались съ церковными, вызвало неудовольствие со стороны шляхты, и побуждало ее на сеймахъ просить великаго князя о требованіи съ церковныхъ имѣній отбыванія земской службы наравнѣ со шляхтой. Иногда шляхта стремилась обложить въ цѣляхъ военной службы и церковную десятину. Впервые было поднято объ этомъ вопросъ на сеймѣ 1544 года. Шляхта просила, чтобы духовенство какъ православное, такъ и католическое принимало участіе въ оборонѣ страны съ своихъ имѣній какъ церковныхъ, такъ и отчужденныхъ, а равно и съ десятины. На это государь отбѣтилъ, что съ личныхъ владѣній духовенства обязано нести службу, но что касается церковныхъ имѣній, то государь велъ переговоры съ князьми баскунами; послѣдніе обѣщали дать свой отвѣтъ послѣ церковнаго собора, который долженъ былъ собраться въ Петроковѣ: они послѣдуютъ въ данномъ случаѣ тому рѣшенію, которое будетъ принято духовенствомъ въ Коронѣ ⁴⁾. Такимъ образомъ, этотъ первый запросъ шляхты не далъ удовлетворительныхъ результатовъ точно также, какъ и послѣдующія ея просьбы. На сеймѣ 1551 года государь отложилъ до „слушнаго часу“ просьбу шляхты, поданную отъ имени всего сейма, о службѣ съ церковныхъ имѣній ⁵⁾. Однако на частную просьбу, поданную шляхтой Жмудской земли, объ отправленіи военной службы съ купленныхъ духовенствомъ у шляхты земель, государь поручилъ старостѣ исследовать этотъ вопросъ для того, чтобы отъ земской службы не „отходили“ земскія имѣнія ⁶⁾. Сеймъ 1554 года не обошелъ безъ напомни-

¹⁾ Arch. ks. Lub-Sang, III, p. 79.

²⁾ Грамоты В. В. Антоновича, № 51.

³⁾ Незабитовскій, Собраніе сочиненій, р. 315—517, примѣч.

⁴⁾ Dziatyński, Zbiór praw, p. 402.

⁵⁾ Акты З. Р., III, р. 29.

⁶⁾ Ibidem, p. 29.

панія шляхты абъ отбываніи военной службы съ имѣній церковныхъ. Сигизмундъ Августъ снова по этому поводу велъ переговоры съ представителями католическаго духовенства и получалъ отъ нихъ обѣщаніе, что они обсудятъ вопросъ и дадутъ на него отвѣтъ по „пригоду“; относительно же имѣній, съ которыхъ раньше шла земская служба, то господа въ своемъ отвѣтѣ заявили, что съ такихъ имѣній обязательно должна идти и впередъ служба земская и другія государственныя повинности¹⁾. Этимъ возстановился общій принципъ, по которому имѣнія, бывшія подъ правомъ земскимъ, не должны быть отъ него отдалены. Такое же принципиальное заявленіе дано было господаремъ и на сеймѣ 1559 года²⁾. Липовская война заставила шляхту настоятельно требовать участія духовенства въ оборонѣ земской. На сеймѣ 1563 года Сигизмунду Августу въслѣдствіе соответственной просьбы шляхты, снова удалось получить отъ католическаго духовенства обѣщаніе обсудить этотъ вопросъ на синодѣ и дать особую подать вмѣсто высылки почота, „прикладомъ“ духовенства въ Коронѣ Польской; съ личныхъ же имѣній духовенство должно было выставить ратниковъ³⁾. На послѣднихъ сеймахъ, какъ видимъ, вопросъ возбуждался преимущественно о земляхъ католическаго духовенства, очевидно, потому, что въ этой средѣ онъ встрѣчалъ наибольшую оппозицію и эта среда имѣла больше преимуществъ, сравнительно съ православнымъ, для уклоненія отъ службы. Обѣщанія духовенства совать синодъ ни къ чему не приводили, копчались только обѣщаніемъ. На сеймѣ 1567 года и сеймовая шляхта и самъ Сигизмундъ Августъ болѣе внимательно отнеслись къ данному вопросу. Король обѣщавалъ обратиться къ представителямъ католическаго и православнаго духовенства съ тѣмъ, чтобы тѣ и другіе устроили немедленно совѣщаніе для выясненія той помощи, которую духовенство можетъ оказать въ оборонѣ земли; во всякомъ случаѣ пользующіеся „паданіемъ“ изъ церковныхъ имѣній обязаны съ нихъ отбывать военную службу наравнѣ съ шляхтою⁴⁾.

Такимъ образомъ, настоящіе сейма привлечь церковныя поземельныя имущества къ отбыванію земской военной службы не увѣчались

¹⁾ Ibidem, p. 60.

²⁾ Ibidem, p. 99.

³⁾ Ibidem, p. 125.

⁴⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 458.

успѣхомъ, но зато настоящіе шляхты пришли къ тому, что членамъ духовнаго сословія трудно было уклониться отъ военной выправы съ лично принадлежащихъ имъ имѣній, а также и съ тѣхъ земель, которыя перешли къ церкви отъ шляхты, т. е. съ земскаго права. Въ этомъ надо видѣть только осуществленіе общаго принципа, по которому имѣніе, находящееся подъ земскимъ общимъ правомъ и обязанное земской службой, не могло быть изъ него изъято. Единственный положительный результатъ, котораго добилась шляхта, это было постановленіе сейма 1567 года о привлеченіи къ земской службѣ земель, розданныхъ церковью въ видѣ „паданій“ частнымъ лицамъ.

Замѣтимъ, что во всѣхъ этихъ требованіяхъ шляхты по отношенію къ имѣніямъ, находящимся во владѣніи лицъ духовнаго сословія, она стоитъ только на общей точкѣ зрѣнія, разлагаемой и статутнымъ законодательствомъ. Такъ, по первому Статуту лица духовнаго сана должны выправлять почетъ со своихъ дединыхъ имѣній, а съ купельныхъ имѣній даже должны выступать своею „парсуною“ (разд. II, арт. 3). Согласно второму Статуту, лица духовнаго сана обязаны нести службу съ лично имъ принадлежащихъ имѣній, а также и со всѣхъ церковныхъ имѣній, съ которыхъ шла служба до ихъ перехода во владѣніе церкви (разд. II, арт. 9, разд. VIII, арт. 2).

Ознакомившись съ положеніемъ, которое занимали по отношенію къ земской службѣ и землевладѣнію на земскомъ права земли, входившія въ составъ государскихъ и церковныхъ, намъ теперь удобно перейти къ разсмотрѣнію тѣхъ элементовъ общества, которые могли владѣть землями на земскомъ правѣ. Дѣло въ томъ, что служилое землевладѣніе не составляло въ изучаемый періодъ права или обязанности какого нибудь одного класса общества. Правда, шляхетское сословіе было основой служилого класса, но и само оно представляло весьма пестрый составъ; и только къ концу изучаемаго періода оно успѣло дифференцироваться отъ другихъ сословій, и доступъ въ него сдѣлался довольно затрудненнымъ. Но въ общемъ до Люблинской уніи господствовалъ принципъ, по которому земскую службу и повинности отбывалъ тотъ, кто держалъ имѣніе на правѣ земскомъ. Оттого мы видимъ въ этой средѣ мѣщанъ, татаръ, иноземцевъ, евреевъ и значительную группу простолюдиновъ. Процессъ дифференціи шляхетскаго сословія одни изъ этихъ элементовъ отбросилъ отъ земскаго землевладѣнія, другіе впитались въ шляхетскую сословную среду. Обратимся прежде всего къ мѣщанству.

Отношение мѣщанства къ военной повинности было трѣхлкого рода. Во первыхъ, мѣщане владѣли землями или другими недвижными имуществомъ на условіяхъ земской службы; въ этомъ случаѣ они разсматривались какъ владѣльцы земскихъ имѣній, хотя и не терпѣли связи съ городомъ, состояли членами городской общины и находились подъ городскимъ присудомъ¹⁾. Во вторыхъ, мѣщане несли военную службу отъ городовъ, какъ члены городскихъ общинъ. Въ третьихъ, мѣщане обязаны были принимать участіе въ мѣстной сторожевой службѣ и оборонѣ. Здѣсь намъ будетъ интересоватъ только первый родъ военной службы, какъ связанный съ земскимъ правомъ.

Мѣщанство могло пріобрѣтать земскую поземельную собственность такими же способами, какъ и дворянство. Такимъ образомъ мѣщане получаютъ землю отъ господара на условіи земской службы²⁾ или посредствомъ купли у землянъ³⁾. Напоминаемъ, что Витебская и Полоцкая уставныя грамоты подтверждаютъ права мѣщанъ на выслуги, а привилегіи 1447 и 1492 года помѣщаютъ въ число классовъ общества, которымъ гарантируются права владѣнія землею, и мѣщанъ⁴⁾; то же мы встрѣчаемъ и въ Статутѣ. Насколько было распространено мѣщанское землевладѣніе на земскомъ правѣ еще въ первой половинѣ XVI вѣка, можно заключить изъ того, что мѣщанство крупныхъ городовъ выходило на земскую службу подъ особою хоругвою. Объ этомъ говоритъ челобитіе къ господарю Тимы и Ивана Сименовичей: эти мѣщане виленьскіе выслужили на господарѣ имѣніе въ Троицкомъ поветѣ: „ино дей они съ того имени не мають съ нимъ ку службѣ нашей земской где подъ хоругвъ ставити. И били намъ чоломъ, абыхмо съ того имени казали имъ послать съ мѣщанами Виленьскими службу нашу заступовати... дозволивши имъ съ мѣщанами Виленьскими службу нашу заступовати. И коли мѣщане Виленьские съ своихъ име-

¹⁾ *Scriptores rerum polonicarum*, V, p. 197.

²⁾ Така мѣщанины витебскій просить сядло замковое „обедующи и подлуживше при замку... новемъ служити и два человека пещихъ съ ружьцами при конѣ ставити...“ *Кн. Зап. Лит.*, XXXVIII, т. 4⁶ об.; ср. т. 458; *Кн. Зап. Лит.*, I, т. 165 об., т. 215 об.; *Кн. Зап. Лит.*, LI, т. 215 об.—216 об.; *Кн. Зап. Лит.*, XLII, т. 260 и т. 353; *Кн. Зап. Лит.*, XLII, т. 76 об.; *Акты Леонтовича*, № 630 и др. *Док. Моск. Арх. Мин. Юст.*, p. 34.

³⁾ „Ревнѣяи нунъ и переходовъ збиривахъ“, p. 307—308; *Акты З. Р.*, I, p. 346; *Кн. Зап. Лит.*, XLIV, т. 85; *Кн. Зап. Лит.*, XVII, т. 336.

⁴⁾ *Исникскій, Уставныя грамоты*, p. 161.

ній шляхетскимъ послать съ шляхтою, подданными нашими, на службу нашу и земскую пошлютъ, тогда они тежъ мають съ того имени своего съ мѣщанами Виленьскими на службу нашу послати и послоду съ ними подъ одною хоругвою ставити¹⁾. Мѣщане Полоцкаго воеводства по ревнѣи 1552 года вставляли на земскую службу со своихъ имѣній 47 конныхъ ратниковъ²⁾. Въ Витебскѣ были мѣщане, которые несли конную и пѣшую службу³⁾, — „кошо ездятъ, а иные неше съ ружьцею, рогатиною и сагайдакомъ при конныхъ“⁴⁾. Мѣщане витебскіе имѣли тоже свою мѣстную хоругву, которая на войнѣ становилась рядомъ съ земскою⁵⁾. Впрочемъ, въ Витебскѣ, какъ и въ Полоцкѣ, обязаны были, вѣроятно, отбывать земскую службу не только мѣщане, земледѣльцы на земскомъ правѣ, но также и нѣкоторые изъ мѣщанъ, жившіе въ городѣ, повинности которыхъ заключались въ земской службѣ, хотя они и не владѣли земскимъ имѣніемъ.

Изъ этого ясно, что среди мѣщанства можно отащить группу земледѣльцевъ, владѣвшихъ землею на земскомъ правѣ и несшихъ земскую военную службу. Вообще, разъясняетъ грамота 1510 г. Полоцку на магдебургію, если мѣщане пріобрѣтаютъ земли у бояръ, сельскихъ нутниковъ, дворянскихъ и пригонскихъ людей, то они обязаны нести съ этихъ земель военную службу⁶⁾. Мѣщане, владѣя шляхетскими имѣніями, оставались однако лично подъ городскимъ правомъ. Это право само по себѣ не требовало личной службы. Очень возможно поэтому, что мѣщанство не прочь было прикрыться городскими привилегіями въ отбываніи самой тяжелой изъ повинностей, притомъ далеко несобственной занятіемъ городскихъ жителей. Весьма вѣроятно поэтому, что жалоба шляхетства на уклоненіе мѣщанъ отъ службы съ ихъ имѣній имѣли вѣдѣтное основаніе. Несомнѣно однако и то, что шляхетство, постепенно дифференцируясь какъ сословіе, стремилось къ тому, чтобы не шляхетскіе элементы не владѣли землями на земскомъ правѣ. Принципы, которые шляхта приводила на сеймахъ по отношенію къ мѣщанскому землевладѣнію, аналогичны тѣмъ, которые она приводила по отношенію къ землямъ духовенства.

¹⁾ *Кн. Зап. Лит.*, XVII, т. 68.

²⁾ *Scriptores rerum polonicarum*, V, p. 197.

³⁾ *Кн. Судн. Дѣль Лит.*, II, т. 32.

⁴⁾ *Кн. Судн. Дѣль Лит.*, I, III, т. 67 об.; *Акты Ю.-З. Р.*, I, p. 221.

⁵⁾ *Акты З. Р.*, IV, p. 166.

⁶⁾ *Акты З. Р.*, II, p. 76.

Сеймовыя просьбы указывают на то, что въ отношеніи къ городскому сословию шляхта поставила себѣ задачу двойнаго рода: съ одной стороны добиться уничтоженія мѣщанскаго землевладѣнія, съ другой стороны привлечь городскихъ общины въ возможно большихъ размѣрахъ къ тѣмъ же военной службѣ.

На сеймѣ 1544 года шляхта просила короля, чтобы онъ заставилъ мѣщанъ или продать ихъ земскія имѣнія, или нести службу швахтѣ съ шляхтою, а также принудить мѣщанъ „помогать“ шляхтѣ въ военной службѣ „съ куплей и маестностей своихъ подле шапунку и розказанья его милости господарского“. Сигизмундъ I удовлетворилъ обѣ просьбы шляхты, подтвердивъ, что мѣщане должны являться на попись къ тѣмъ воеводамъ, въ повѣтахъ которыхъ они владѣютъ имѣніями, а съ имуществомъ своихъ они будутъ исправлять на службу¹⁾. Въ томъ и другомъ случаѣ здѣсь, очевидно, разумѣются порядки, уже издавна установившіеся въ государствѣ, т. е. служба мѣщанъ съ земскихъ имѣній и служба отъ городскихъ общинъ. Тотъ же вопросъ былъ повторенъ шляхтою и на сеймѣ 1547 года: въ своемъ отвѣтѣ Сигизмундъ Августъ, опираясь на постановленіе прошлаго сейма, далъ такое же самое разъясненіе. Однако онъ добавилъ, что городскія фольварковыя земли, охраняемыя городскими правителями, не подлежатъ земской службѣ. Что касается обложенія мѣщанъ съ ихъ маестностей, то король охотно обещалъ это сдѣлать и даже выразилъ по этому поводу намѣреніе издать особую уставу²⁾.

Подъ уставой, которую обещалъ издать Сигизмундъ Августъ, вѣроятно, надо разумѣть росписаніе, сдѣланное королемъ на сеймѣ 1551 года, количества ратниковъ, которое должны были поставлять города, и размѣръ денежныхъ взносовъ, которые должны были дѣлать города взаменъ этой натуральной повинности. По крайней мѣрѣ когда шляхта на сеймѣ въ 1551 году обратилась къ королю съ просьбой, чтобы мѣщане исправляли съ городовъ на войну съ пяти домовъ одного вѣхотница, а съ имѣній, владѣемыхъ ими на земскомъ правѣ, отбывали службу, король заявилъ, что первая просьба не можетъ быть удовлетворена, потому что мѣщане и купцы уже обложены для обороны земской „двуми плати“; а относительно земскихъ имѣній король повторилъ, что съ нихъ служба должна идти „по давному“³⁾.

¹⁾ Dziatyński, Zbiór praw, p. 403.

²⁾ Акты З. Р., III, p. 12.

³⁾ Ibidem, p. 30.

На послѣдующихъ сеймахъ шляхта также добивалась увеличить обложеніе городскихъ общинъ, но Сигизмундъ Августъ отстранялъ эти просьбы, какъ дѣло, касающееся лично господари⁴⁾.

Такимъ образомъ, тенденція шляхты отстранить мѣщанство отъ земской службы ясна⁵⁾, точно также какъ и ясно стремленіе шляхетства усилить обложеніе съ городскихъ общинъ. Очевидно, въ Литовско-русскомъ государствѣ происходилъ тотъ же процессъ, что и въ Польшѣ, гдѣ уже на рубежѣ XVI столѣтія мѣщанамъ было запрещено приобрѣтати земскія имѣнія⁶⁾ и гдѣ города съ начала XVI столѣтія постепенно увольняются отъ поставки рекрутъ, взаменъ чего облагаются особыми налогами⁷⁾. Дѣйствительно, и въ Литвѣ мы замѣчаемъ вѣкоторое стремленіе съ начала XVI столѣтія заградить распространеніе мѣщанскаго землевладѣнія⁸⁾. А въ годы проведенія волочной реформы мѣщанскія земли въ большинствѣ случаевъ захватывались волочнымъ намѣреніемъ и, следовательно, переходили на чинш⁹⁾. Такимъ образомъ, сокращалась площадь мѣщанскаго землевладѣнія, и само мѣщанство вытѣснялось изъ земской службы.

Кромѣ мѣщанства, къ земскому землевладѣнію допускались еще два элемента литовско-русскаго общества — татары и евреи. Подобно мѣщанамъ, оба эти элемента, владѣя землями, не теряли связи съ своими общинами, такъ какъ для нихъ эта связь закрѣплялась не только правами и привилегіями, но и національностью и религіею.

Литовско-русскіе татары представляли собою особый элементъ общества, не сличившійся съ остальными. Во многихъ литовскихъ городахъ (въ Вильнѣ, Трокахъ, Минскѣ, Августовѣ и др.) были особня улицы, заселенныя исключительно татарами¹⁾. Татары имѣли свое особое устройство военное и судебное. Они имѣли своихъ маршалковъ, на обязанности которыхъ было въ „стигу ся ридити и справовати“²⁾, особахъ хоружихъ³⁾. Ихъ хоружіе составляли попись

⁴⁾ Ibidem, p. 126.

⁵⁾ Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 491.

⁶⁾ Любавскій, Литовско-русскій сеймъ, p. 532.

⁷⁾ Rembowski, Konfederacja i kokosz, Wag., p. 181.

⁸⁾ Акты З. Р., I, p. 346.

⁹⁾ Акты З. Р., III, p. 56; Вид. Арх. Сборникъ, III, p. 182.

¹⁾ Teka Wileńska, Ст. Муслинскаго, p. 23 и 69.

²⁾ Ibidem, p. 69.

³⁾ Ibidem, p. 105.

служивших татарь⁴⁾. При приготовлениях на войну татарскими стигами разсылались особые господарские листы⁵⁾. Интересно, что пашинные татары раздавались литовским же татарамъ и такимъ образомъ освобождали ихъ кадры⁶⁾. Наконецъ, татары были отдѣлены въ судебномъ отношеніи, такъ какъ судились у своихъ царевичей⁷⁾. Въ своемъ кругу литовскіе татары строго держались родового мѣстичества⁸⁾. Татары владѣли землями и съ нихъ несли конную земскую службу; наравнѣ съ шляхтой, они были свободны отъ всякихъ другихъ податей⁹⁾ (за исключеніемъ, конечно, серебрянки). Высшій кругъ татарской аристократіи состоялъ изъ царевичей, узниковъ, муръ, князей, маршалковъ, хоружихъ¹⁰⁾. Среди татаръ была также группа казначей татарскихъ, которые несли при дворахъ королей и воеводъ службу по разсылкѣ листовъ, кромѣ земской службы¹¹⁾. Среди татаръ были и безземельные, занимавшіеся торговлей и ремеслами¹²⁾. Къ концу изучаемаго періода положеніе татаръ въ Литвѣ становилось все болѣе и болѣе стѣснительнымъ. Ничъ не разъ приходилось жаловаться на притѣсненія со стороны мѣстнаго уряда¹³⁾. Сеймовые станы также враждебно относились къ татарамъ, что отразилось и на нѣкоторыхъ артикулахъ второго Статута и въ нѣкоторыхъ сеймовыхъ постановленіяхъ, изъ чего горько жаловались представители татаръ на сеймѣ 1568 года¹⁴⁾. Велѣдніемъ настоящаго сейма 1565 г. Сигизмундъ Августъ запретилъ шляхтѣ держать на своей службѣ татаръ, имѣющихъ „оселости“ отъ короля: такіе татары должны лично нести земскую военную службу¹⁵⁾. Кромѣ того, татарское землевладѣніе къ концу XVI столѣтія стало быстро таять и переходить въ руки шляхетства, что видно изъ сравненія двухъ ревизій татарскихъ поземель-

⁴⁾ Ibidem, p. 102.

⁵⁾ Ibidem, p. 97.

⁶⁾ Ibidem, p. 24.

⁷⁾ Ibidem, p. 99.

⁸⁾ Кв. Зап. Лит., XII, л. 232.

⁹⁾ Мухлинскій, о. с., р. 22—23.

¹⁰⁾ Ibidem, p. 101.

¹¹⁾ Ibidem, p. 65; Кв. Зап. Лит., XXIV, л. 36.

¹²⁾ Мухлинскій, о. с., р. 23.

¹³⁾ Ibidem, p. 15, 97; Кв. Судн. Дѣлъ Лит., VII, л. 118; Кв. Зап. Лит., XX, л. 32 об.; Зап. Лит., XXIV, л. 35 об.

¹⁴⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 481, 494.

¹⁵⁾ Ibidem, p. 172.

ныхъ владѣній—Огневскаго (1559 г.) и Кирдея (1631 г.). Такимъ образомъ, татары подвергались той же участи, какъ и другіе не шляхетскіе элементы.

Что касается землевладѣнія евреевъ, то въ книгѣ покойнаго Бернадского приведено достаточно данныхъ для того, чтобы можно было рѣшить этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. Тамъ собраны факты, показывающіе, что въ періодъ до Люблинской униі, евреи могли владѣть населенными землями и держать ихъ въ залогѣ¹⁾. Такъ какъ евреи приобретаютъ и берутъ землю въ залогъ у шляхты, то вполнѣ естественно, что они должны были выставить земскую службу съ этихъ имѣній²⁾. Разумѣется, еврейское землевладѣніе было очень незначительно, и отношеніе другихъ элементовъ общества къ евреямъ было таково, что не могло способствовать развитію еврейскаго землевладѣнія.

Таково было отношеніе къ земскому землевладѣнію и военной службѣ не земскихъ становъ и классовъ общества. Шляхетство, на пути дифференціаціи отъ другихъ сословій, отнеслось къ этимъ элементамъ не одинаковымъ образомъ. Земли господарскія и церковныя оно стремится привлечь къ отбыванію воинской повинности, сравнить ихъ съ шляхетскими. По отношенію къ господарскимъ добрамъ, шляхетство добавило того, что приданки обязаны были отбывать службу съ своихъ урядовыхъ имѣній, а въ добрахъ господарскихъ неплательщикъ низшей боярскаго элемента, обязанный отбывать службу. По отношенію къ церковнымъ землямъ шляхетство также достигло одной уступки, хотя и маловажной. На основаніи многочисленныхъ сеймовыхъ разрѣшеній, духовенство не могло уклоняться отъ отбыванія службы съ тѣхъ имѣній, которыя перешли къ церкви путемъ залоговъ, купли и даренія отъ шляхты; однимъ словомъ съ тѣхъ, на которыхъ и раньше лежала земская служба. Тѣ же сеймовыя разрѣшенія должны были способствовать тому, что земли, лично принадлежащія членамъ духовнаго сословія, не могли уклониться отъ несенія военной повинности. Представительство духовенства отстояло, однако, обѣщаніями

¹⁾ Литовскіе евреи, Спб., 1893, р. 444—407.

²⁾ Леонтовичъ, Историческое изслѣдованіе о правахъ Литовско-русскаго еврейства, К., 1864, р. 25, и ср. возраженіе Пезабитовскаго, Собраніе сочиненій, р. 321. Ср. Виш. Арх. Сб., III, р. 30. Считаемо нужнымъ сдѣлать оговорку: источники не даютъ такихъ указаній, на основаніи которыхъ можно было бы заключить о полнотѣ земснаго права принадлежавшихъ евреямъ имѣній.

ршить дело на синоде, собственно церковной земли, издавна принадлежавшей церкви и не несшей повинностей. Таким образом, в динном вопросе шляхта добилась лишь того, чтобы земские владения не выходили из земских повинностей, т. е. утвердила старинный, исконный владык на вещи, по которому повинности лежат на землях, а не на людях, ею владящих. По отношению к служилому мещанству и татарам шляхта действовала более агрессивным образом и более успешно. Настаивая на широком участии городских общин и более успешно, она в то же время вытесняет мещанство из сферы служилого землевладения. И татарский элемент начинаешь чахнуть в период расцвета шляхетского става.

Но сама шляхта, отторгшая от земского права не шляхетские элементы, отличавшаяся в плотную сословную группу, более или менее юридически однородную, только к концу изучаемого периода. Шляхетское сословие, в его историческом развитии, представляет собой конгломерат весьма разнородных элементов — от простого мужика или какого нибудь иностранца весьма сомнительного происхождения до потомка удельных и владетельных князей величественно.

Всё, кто пробирался к владению землей на земском праве или вообще к земельной военной службе, переходил в конце концов в ряды бояръ — шляхты. С ростом шляхетских прав и привилегий вырастает и понятие о шляхетстве, как высшем благородном сословии, доступ в ряды которого оказывается затрудненным: быть шляхтичем — значило пользоваться широкими политическими и гражданскими правами. Но в древнейшее время, когда великокняжеская политика в привлечении служилого люда руководствовалась исключительно интересами службы, потребностями обороны — великий доступ в ряды служилого класса, так как служба данного лица определялась не его принадлежностью к тому или иному классу общества, но повинностями, лежащими на землях.

Вследствие указанных условий кадры военно-служилого люда постоянно пополнялись самыми разнородными элементами общества, иногда очень сомнительного происхождения. Один судебный акт половины XV века рассказывает, что великий князь Витовт посадил на военную службу пскового Круноска. Круносъ „ходил съ великим князем Витовтомъ и заслужил великому князю“, почему и получил освобождение от дани, всякаго рода повинностей, съ обязательством служить великому князю „досишкомъ и конемъ, какъ же то

добрые слуги“; тогда же Круносъ получал отъ великаго князя нѣсколько человекъ — своихъ „сусѣдъ“. Сохранился еще и другой актъ, касавшійся потомковъ того же Круноска. Оказывается, что данине Круносъ великимъ княземъ Витовтомъ „сусѣды“ были искусными, т. е. людьми несвободными¹⁾. Дело Круновичей приводитъ къ очень любопытному заключенію: очевидно, и самъ Круносъ тоже принадлежалъ къ числу искусней; онъ былъ не только освобожденъ Витовтомъ, но и посаженъ на военную службу. Такимъ образомъ, въ число военно-служилого люда могли входить и невольные слуги. Но этотъ элементъ былъ, по всей видимости, очень незначителенъ. Зато свободные элементы легко переходили на военную службу. Такихъ фактовъ можно указать много въ теченіе изучаемаго периода. Вербовка служилого люда или престонароды уже замѣтна, какъ мы только что видѣли, при Витовтѣ. Дѣйствительно, акты сохранили нѣкоторыя на этотъ счетъ указанія. Такъ, тотъ же великій князь за службу „вызволитъ“ нѣкоего Яновича „со всѣхъ службъ и почтой и дачекъ“ и даетъ на то свой листъ; этимъ листомъ Витовтъ приказалъ Яновичу „служити досишкомъ и конемъ“²⁾.

Такие же переводы на военную службу съ освобожденіемъ отъ тягла, повинностей и дачекъ дѣлали и блаженныя Витовта, а также и удѣльные князья³⁾. Великій князь Александръ, напр. освобождаетъ коптоховъ и велитъ имъ служить конной службой⁴⁾. Великій князь Сигизмундъ Августъ, освобождая машталера отъ его машталерской службы, даетъ ему шляхетство съ обязательствомъ земской службы⁵⁾. Иногда переводъ подданныхъ на конную службу происходилъ цѣлыми массами. Сама шляхетская братія иногда просила господари о переводѣ слугъ пунныхъ на земскую службу⁶⁾ и наблюдала за тѣмъ, чтобы обѣдѣнная шляхта сохранила свою „почтиность“ и служебное положеніе⁷⁾. Такимъ путемъ, напр. усиленно колонизовались восточныя окраины государства въ годы Ливонской войны⁸⁾.

¹⁾ Акты Ю-З. Р., I, p. 15.

²⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, p. 65.

³⁾ М. К. Лобавеній, Областное дѣленіе, p. 541; Кв. Зап. Лит., XLII, л. 69.

⁴⁾ Кв. Зап. Лит., XIV, л. 234.

⁵⁾ Кв. Зап. Лит., XXXI, л. 190 об.

⁶⁾ Акты З. Р., III, p. 99.

⁷⁾ Док. Моск. Арх., М. Ю., I, p. 153.

⁸⁾ Кв. Зап. Лит., XXXVII, л. 428 об.; Кв. Зап. Лит., XXXIX, л. 431, л. 432.

Въ то время шла усиленная вербовка военно-служивыхъ людей, потому что, по словамъ одного ревизорскаго листа, „таковыхъ слугъ (т. е. бояръ) замку нашему тамошнему немалая потреба вказуеть“¹⁾. Эта потреба очень часто и объясняется въ государственныхъ листахъ. Такъ, воевода полоцкій Станиславъ Довойна просить господара о подтвержденіи земли казаку полоцкому Варигѣ, данной ему за службу взаимно отчичи, отомедней къ Москвѣ, заклиня, „же оны есть (казаки) слугою нашимъ добрымъ и землямъ Себежскимъ есть звездомъ“²⁾. На тѣхъ же основаніяхъ вербовались подданы не только на боярскую службу, но и на низшіе разряды ея—панцирную и путную. Такъ, по объясненію одного листа, подданный мозырскій Шиничъ получаетъ на панцирной службѣ домъ въ Мозырѣ и одну волоку земли.—„Кгдажъ оны къ той службѣ тахъ на Украинѣ съ оного дому и земли вышешенное военною конною есть потребнейшии и политочнейшии, анигдажъ мѣтъ динши съ того платити, служити намъ можетъ“³⁾. На такихъ же основаніяхъ и другіе мѣщане мозырскіе переводились на панцирную службу. Въ томъ же Мозырѣ нѣсколько разѣ мѣстные ясаичики были осажены воеводой на конной службѣ⁴⁾; тамъ же нѣсколько тяглыхъ мѣщанъ переведены на путную службу⁵⁾. Въ 70-хъ годахъ XVI столѣтія цѣлая группа Озерницкихъ путныхъ бояръ была переведена на панцирную службу⁶⁾.

Иностранцы, преимущественно поляки, также получали земли на условіяхъ земской службѣ. Объ этомъ говоритъ Статутъ. Иностранцы, получая данины на земской службѣ, не могли однако получать земли на вѣчность. Среди иностранцевъ, получавшихъ данины на службѣ, были и лица, не принадлежавшіе къ шляхетству; вмѣстѣ съ даниной на службѣ они получали иногда и шляхетство⁷⁾.

Этихъ близкихъ указаній достаточно, какъ намъ кажется, для заключенія въ томъ смыслѣ, что владѣніе земскимъ имѣніемъ на условіяхъ земской службѣ, въ основѣ своей, не было принадлежностью

¹⁾ Кн. Зап. Лит., ХLI, л. 110, л. 95 об.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XXX, л. 4 об. Такие же листы казакамъ володчимъ см. въ Кн. Зап. Лит., ХLI, л. 180 об., 181 об.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVIII, л. 339 (1562 г.).

⁴⁾ Архивъ Юго Зап. Рос., ч. VII, т. I, р. 590.

⁵⁾ Ibidem, р. 625.

⁶⁾ Акты З. Р., III, р. 247.

⁷⁾ Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 27 об.

одного опредѣленнаго класса общества,—служба лежала на землѣ, а не на ея владѣльцѣ. Поэтому лица духовнаго званія, мѣщане, различные разряды земледѣльческаго класса и хозяйственныя службѣ могли владѣть земскими имѣніями, или перевести свои земли въ разрядъ земель на земской службѣ. Владѣніе земскимъ имѣніемъ могло быть слѣдствіемъ или приобрѣтенія его посредствомъ купли или пожалованія господара великаго князя.

Но указанный принципъ является наследіемъ древнѣйшаго порядка вещей и съ теченіемъ времени замѣняется инымъ, при которомъ земская служба и владѣніе земскими имѣніями сдѣлались повинностью и правомъ шляхетскаго сословія.

Таковъ былъ нестрой составъ низовъ шляхетскаго сословія. Но такимъ худороднымъ составомъ отличались только низы. Верхы шляхетства вели свой родъ отъ русскихъ или литовскихъ князей. Не титулованные уже въ раннее время обратились къ мнѣшечкой генеалогіи и охотно возводили свой родъ къ рыцарскимъ выходцамъ. Вышее шляхетство было сравнительно не многочисленно, за исключеніемъ князя, которое, впрочемъ, сильно понизилось съ теченіемъ времени въ матеріальномъ отношеніи, такъ что стало незамѣтно слагаться съ средними и даже низшими рядами боярства. Между верхомъ и низомъ шляхетства было громадное различіе въ экономическомъ положеніи. Тогда какъ верхніе его слои владѣли огромными латифундіями, такъ что выставляли отряды въ нѣсколько сотъ человекъ, нижніе слои были настолько бѣдны, что цѣлымъ родомъ ставили одного коннаго ратника, а иногда совсѣмъ должны были бросать службу, переходить къ панямъ, или же садиться на крестьянское тягло.

Кромѣ различія по происхожденію, слои шляхетскаго общества раздѣлялись въ отношеніи правъ политическихъ, гражданскихъ (подсудность) и въ способѣ отбытія военной службѣ. Въ общемъ, вся масса шляхетская раздѣлялась на двѣ отличныя другъ отъ друга группы: пановъ хоругвиныхъ и простыхъ повѣтниковъ. Панамъ хоругвиные выводили на войну почти подъ своею хоругвою. Въ судебномъ отношеніи они не танули къ повѣтамъ и судились самими господами или лицами, кому этотъ судъ былъ порученъ. Видѣлась знатностью и богатствомъ, они занимали высшія мѣста въ свѣтской и духовной (въ католической церкви) іерархіи и фактически были господами великаго княжества. Этотъ слой состоялъ изъ немногочисленнаго количества родовъ. Это тѣ самые роды, которые строили

государство, когда великие князья съ ихъ помощью добывали соебдія княжества и вели борьбу за его цѣлость и самостоятельность. Когда со времени Витовта началась ломка удѣльно-княжескаго порядка—эти паны по своему экономическому положенію и гражданскимъ правамъ подннлись до удѣльныхъ князей; и въ политическомъ отношеніи, по привилею 1413 года, они получаютъ преобладающее значеніе въ государствѣ. Но, выдѣлившись столь высоко надъ остальными элементами служилаго класса, паны постепенно теряютъ свое исключительное положеніе въ государствѣ, такъ какъ и низшее шляхетство добивается тѣхъ же правъ, какими обладаетъ высшее. Земская реформа 1565 года подвела итогу этому росту низшихъ элементовъ шляхетства, потому что она подвела въ повѣты и подъ земскую хоругви знать и сверхъ того къ этому же времени вся шляхта, при посредствѣ повѣтовыхъ сеймиковъ и правильно избранныхъ сеймовыхъ пословъ, получила законченную политическую организацію. Такимъ образомъ, юридически шляхта dorosла до пановъ. Но это было только юридически, потому что знатность и матеріальное превосходство и въ послѣдующее время продолжали играть роль фактора, доставляющаго знати власть и вліяніе въ странѣ.

Такимъ, въ общахъ чертахъ, процессъ сліянія различныхъ элементовъ служилаго класса въ одно цѣльное шляхетское сословіе.

Важная сторона вопроса заключается въ томъ, чѣмъ отличались низшіе слои военно-служилаго люда отъ тѣхъ классовъ населенія. Различіе между обоими элементами общества состояло именно не въ ихъ экономическомъ положеніи, не въ занятіяхъ, такъ какъ боярскіе надѣлы были часто столь незначительны, что земледѣльческій трудъ составлялъ основное занятіе боярина, а крестьяне часто сами имѣли своихъ людей, и въ матеріальномъ отношеніи среди нихъ встрѣчаются весьма живучиыя группы. Различіе между служилымъ элементомъ и тѣми сводилось къ податнымъ отношеніямъ, ведшимъ за собою, какъ необходимое слѣдствіе, и сословное отлнчіе. Боярское званіе посылъ тотъ, кто несъ земскую военную службу и владѣть землею на правѣ земскомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и его земля была свободна отъ тяглыхъ службъ и дачекъ. Такимъ образомъ, переходъ съ тяглою службы на земскую сопровождался освобожденіемъ отъ тягла.

Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные акты, устанавливающіе доказательство боярскаго происхожденія тѣхъ или другихъ лицъ, или жалованныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей на переходъ съ

тяглою службы на земскую или на землю на условіяхъ службы. Когда намѣстникъ городицкій С. Оленскій сталъ притѣснять землянъ до-рогнцкихъ, Сабленыхъ и Головепосъ, и «вернуть» ихъ въ тягловую службу, то земле обратилсъ въ 1530 году съ жалобою къ королю. На судѣ они представили грамоты великихъ князей Казимира и Александра; въ первомъ изъ этихъ листовъ пагалалась грамота великаго князя Витовта, по которой названные бояре «не мають ннкого-торое службы городовое съ тяглыми людьми служити, ани порубовъ, ани днса давати, только мають однимъ коветъ на войну ходити, какъ и нншии бояре ходитъ». Великій князь Александръ, разбирая жалобу тѣхъ же бояръ на привлеченіе ихъ въ тягло, точно также утвердилъ за ними боярство «и велелъ имъ земскою службою служити—на войну ходити какъ и нншии земле». Такое же подтвержденіе было дано и Сигизмундомъ 1⁴⁾. Когда шелъ споръ о боярствѣ, то на судѣ старались строго установить, действительно ли ищущіе боярство «досподу зъ бояръ службу земскую служивали, а нншихъ жадныхъ служобъ и подачекъ не знавали» 2). Разъ доказано, что бояре служили земскую службу и не давали никакихъ другихъ подачекъ и даней, то тѣмъ самымъ восстанавливалась старина за боярами, подтверждавшая за ними боярская служба и освобожденіе отъ тягла 3). Это самый общій способъ доказательства боярства 4). Съ другою

4) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., IV, л. 330 об.—332.

2) Кн. Зап. Лит., XXI, л. 28—29 об.

3) Акты Лит.-рус. гос., р. 208.

4) Изъ множества подобнаго рода процессовъ достаточно привести для усиленія сказаннаго, еще одинъ—другой фактъ. Бояре радомскіе Олекса Андреевичъ и Андрей Нещевичъ съ братіею жаловались на намѣстника радомскаго о томъ, что онъ заставляеть ихъ снво носить, днса давати, и за это держать ихъ въ заключеніи, а они, бояре «отъ роду». На судѣ вышвеніеца многолѣтнее мнтарство, которое вынесли эти бояре, отсталая свое боярское происхожденіе. Сначала старался притавить ихъ въ тягло притавъ радомскій и вызывалъ ихъ на судѣ передъ лицомъ воеводъ троцнскихъ Ивановъ Саконичемъ, но Саконичъ «овравилъ» ихъ. Во второй разъ воевода Радомская повзвалъ названныхъ бояръ на судѣ къ королю Казимиру, привлекая ихъ въ волеетное тягло. Затѣмъ судилъ ихъ воевода троцнскій палеъ Петръ Яновичъ по вѣку тоже притавъ радомскаго и призвалъ за ними боярство. Рассмотрнваемое дѣло, разбиравшееся въ 1496 году,—уже четвертый пекъ о привлеченіи тѣхъ же бояръ въ тягло, слона признало ихъ боярское право. Такимъ образомъ, на протяжении мѣсяце дозустолѣтія, бояре Андреевичъ и Нещевичъ съ братіею должны были четыре раза доказывать равнымъ судебнымъ учрежденіямъ свое боярское происхожденіе (Кн. Зап. Лит., т. VI, л. 73 об.).—Трое бояръ жнжморскіихъ жаловались на городничаго троцкаго за то, что

сторону, такимъ доказательствомъ служило занесеніе бояръ въ военно-служивые списки. Эти списки составлялись по разнымъ поводамъ и довольно часто. Когда войско собиралось на назначенное для его сбора мѣсто, то гетманъ производилъ „попись“ его; наконецъ, такіе „пописи“ производились и въ мирное время для проверки наличности служиваго класса. Занесеніе бояръ въ такіе реестры было также доказательствомъ принадлежности ихъ къ служивому классу. Наконецъ, въ свербѣ составлялись ревизіи и инвентари тяглаго населенія; слѣдательно, отсутствіе въ этихъ послѣднихъ спискахъ боярскихъ именъ, служило косвеннымъ доказательствомъ ихъ принадлежности къ сословію. При составленіи ревизій и инвентарей, составители ихъ, писари, разбирались въ томъ, кто принадлежалъ къ тому или другому классу населенія. Сомнительныхъ бояръ, „исувавшихся“ на бодрство изъ послѣднихъ, они заносили въ число тяглыхъ. Но всякому предоставлялась полная возможность доказывать свою принадлежность къ

онъ принадлежать ихъ къ тяглу, и на пристава жемчужного за то, что онъ ставляетъ ихъ выходить на сторону господарскаго сварба въ Трояхъ. Между тѣмъ они дѣлѣ передѣ тягъ изаина дала по даннаи и сына не кончили и въ дѣставу до сварбу нашего не хоживали“. Свидѣтели подтвердили ихъ показанія, и рединій князь Александръ признавъ въ 1496 г. бодрство жалобниковъ (Кн. Зап. Лит., V, з. 26). Съ другой стороны истин. т. е. волесть, жѣсткая администрація или частная лица, осмарила бодрство противной стороны, строятся привести факты, которые свидѣльствовали бы о несеніи тягла отбѣтчиками: „ако бы они были послѣднии“, завязать въ одномъ случаѣ жѣсткая власти: „зъ давнихъ часовъ яко отцено ихъ, такъ и они сами съ повинности наложъ старостамъ жемчужнымъ, тивуномъ и нажѣтникомъ ихъ милости носеди долавала и велики рожителіи прочіисие давали“ (Кн. Зап. Лит., XXIV, з. 226). Нажѣтникъ дорожничій Петршко Пашковичъ разсматривалъ въ 1533 году жалобу Сеньки Васковича на волесть Дорожничью: „Смотрели есмо Сенка изъ жеребью Васковича а сына его Панно, а жаловали на Сенка а на сына его Пашка русъ Дорожничал волесть, а хотели, абы Сенко Васковича а сына его Пашко съ жеребью а низи погляжъ тивунал, ведели естерели, а на городѣ изаинали“. Но Васковичи жаловались королю и по его приказанію нажѣтники разбирали дѣло. Онъ спрашиваетъ старцевъ: „А тие старцы русъ а ляхове такъ сознали передо мвою и на то хотели присагнути, што еще отцѣ ихъ Васко хоруговъ повинвалъ за великого князя Витолта а за Жикимонта, Сенко Васковичъ изъ жеребъ а сына его Пашко потяжи не вини не тивунал, ведели не естерели, на городѣ не изаинавали и на потяжи не тягивали, и а секировъ не хоживали, а дѣлозъ не давали, подводи не служивали за великого князя Витолта и за великого князя Жикимонта“, Кн. Зап. Лит., XXV, з. 238—239. Ср. *ibidem*, з. 233, 128, з. 135, з. 127, з. 225; Акты Лит.-рус. гоо., т. 18, 65; Собраніе грамотъ г. Вильны, т. I, р. 192; Кн. Зап. Лит., XXXVII, з. 372; Акты Леонтовича, № 593 и др.

бодрству¹⁾. Такимъ образомъ, ревизіи тяглаго населенія способствовали дифференціи шляхетскаго сословія²⁾.

Доказательство шляхетства реестрами пописи является лишь вариантомъ юридическихъ доказательствъ перваго рода, т. е. несенія земской службы въ связи съ освобожденіемъ отъ тягла, податей и повинностей; здѣсь берется только одна сторона дѣла, доказывается фактъ земской службы наравнѣ съ другими бодрами—шляхтою, такъ какъ отсюда уже вытекаетъ и свобода отъ господарскаго или частновладѣльческаго тягла. Такимъ образомъ, въ основѣ своей различіе между тяглыми и не тяглыми элементами сводится къ различію въ повинностномъ отношеніи землевладѣнія. Дѣло идетъ не о лицѣ, такъ какъ оно свободно, а о тѣхъ повинностяхъ, которыми облагается данная земля. Нажѣтную службу несетъ не лицо, а земля, которую владѣть оно. Шляхтчацъ, не имѣющій людей или земли, не обязанъ никакими повинностями въ пользу государства. И по Статуту, и по военнымъ и

¹⁾ Когда нажѣтникъ высокодворскій князь Ядвигъ сталъ призывать мѣстноричъ изъ мѣстныхъ бояръ къ тяглу, то на судѣ рѣшилось значение имѣло показаніе хоружаго и ссылка на реестры; оказалось, что бояры „за его хоружаго послузу аъ ничъ на службу земскую ездывали и тѣ реестрахъ гетманскихъ попису шляхты они стоятъ писаны... и показати передѣ нами выписъ съ книгъ сварбныхъ въ реестрахъ земскихъ водѣ писанью нашимъ и съ подписомъ руки подкарбего земского“ (Кн. Зап. Лит., XXI, з. 90, 1537 г.). Бояре Сенковичи въ томъ же году доказывали свое шляхетство тѣмъ, что въ реестрахъ писаны всей шляхты (1528 г.) „ихъ саугами нутными, ани тяглыми“ людьми не мовано, „зѣти писано бояры въ тотъ же реестры, въ которомъ суть бояре Остренские писаны, и по тымъ годѣ бывали они на службахъ земскихъ... у реестры гетманскіи писывали и годѣ, одною хоружою зъ ними стоивати“. Чтобы проверить эти показанія, господарь поручилъ подкарбю земскому: „абы еси тии реестры, въ которомъ писано, не злыбѣ писанство пописывано, которые у тебе суть, яко у подкарбеа нашего, не передѣ собою отворилъ, а къ тому въ реестры гетманскіи услужитъ и попису бояры Остренскихъ оглядзти“ (*ibidem*, з. 28 об., 29 об.). Такъ и бояре жемчужскіе Пашко Довсень и Юрдъ Мейгойтисъ выводили свое бодрство тѣмъ, что „даваши етъ бояре—шляхта и на розныхъ мѣстнахъ мають свои имени и службу земскую съ отчани, своихъ заступаютъ и яко в даннихъ именей бояры и реестрахъ писано, отъ даннихъ часовъ в той бодрской службѣ они етъ захочаны“ (Кн. Зап. Лит., XVII, з. 218—219, 1532 г.). Реестры и въ другихъ случаяхъ принимались къ разсчету: „а они суть, —говорится въ одномъ вырочѣ о боярахъ, въ реестрахъ первыхъ гетмановъ нашихъ и въ генеральнаго нава вѣнскаго суть описаны, же давши службу земскую намъ служати, яко и низша шляхта“ (Кн. Зап. Лит., XXIV, з. 128 об., ср. з. 225 об., з. 227, з. 233, 1540 г.). О разборахъ бодрства при ревизіяхъ см. Акты З. Р., I, р. 183. III, р. 61; Акты Вил. Ком., XIII, р. 30, XXV, р. 20, 21; Кн. Зап. Лит., XXVIII, з. 76 об.

²⁾ М. К. Любавскій, Литовско-русскій союзъ, р. 492.

поборным универсалам служба идет не съ лицъ, но съ земель, отчизныхъ, выслуги, данивъ господарскихъ и пр. Этой тѣсной связи повинности съ землею и объясняется тотъ широко проводимый принципъ, по которому самые разнородные элементы могли владѣть землею на условіи земской службы. Широкое проведеніе въ жизнь указаннаго принципа было уже отмѣчено нами на предыдущихъ страницахъ. Точно также нѣсколько ранѣе была выяснена тѣсная связь характера повинностей съ землевлѣдіемъ¹⁾ и здѣсь достаточно добавить одно—другое указаніе.

Королева Бона переводитъ въ 1526 году нѣкоего Полоуха съ тяглою службы на военную, причѣмъ освобождаетъ его отъ всѣхъ потяглей: Полоуха обязанъ съ своей отчизны служить „посполу зъ иными бояры нашими пинскими, мезы, которыхъ ихъ (т. е. Полоуху съ братією) на бодрство поличаемъ, иъ на то служить“²⁾. Такимъ образомъ Полоуха возводителъ королевой Боной въ бодрство, но это возведеніе не относится только къ лицу, оно связано съ землею, такъ какъ тяглая земля становится бодрскою; возведенный только съ этой своей бодрской земли не обязанъ нести тягла, и шляхетство ему лично, въ связи съ этою отчизною, не даетъ никакихъ привилегій въ повинностномъ отношеніи. Дѣйствительно, изъ другой грамоты той же королевы видно, что Полоуха владѣлъ еще подворницею тяглою земли, давалъ съ нее урочистый платъ и только по специальному листу, выданному черезъ десять лѣтъ послѣ перваго, оброчное дворце присоединено къ его отчизнѣ и слито съ нею въ служебномъ отношеніи³⁾. Съ другой стороны, въ томъ же Пинскомъ княжествѣ, еще при послѣднихъ удѣльныхъ князьяхъ, встрѣчаемъ и обратное явленіе: сынъ бодрскій сидитъ на служебномъ дворницѣ, несетъ тягло и былъ освобожденъ отъ него только специальнымъ листомъ княгини Маріи⁴⁾. Даже уже въ годы втораго Статута ставилось неизмѣннымъ условіемъ, по которому шляхтичъ могъ держать имѣніе на земскомъ правѣ только въ томъ случаѣ, если сама земля находилась въ „правѣ шляхетскомъ“⁵⁾. Такимъ образомъ, шляхтичъ не обязанъ тяглою земли, садясь на нее⁶⁾. Бо-

¹⁾ Ср. выше, р. 205.

²⁾ Ревизія пушъ и переходовъ лабринныхъ, р. 285—287. Ср. Акты Леонтинача, № 528.

³⁾ Ревизія и проч., р. 82.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., II, а. 9 об.

⁵⁾ Ср. выше, р. 205. Приведемъ еще слѣдующій фактъ. Бояринъ Новгородскаго повета Петръ Григорьевичъ получилъ разрѣшеніе отъ государя выкупить

ривъ—шляхтичъ могъ оставить служебную землю, продать ее и тогда онъ порывалъ новизностныя связи съ государствомъ, дѣлался вольнымъ, челоукомъ, подобно вольному похожему крестьянину, и могъ нести службы у любого папа или даже нести ее съ своей же прелюбей земли, по не какъ владѣлецъ, а какъ служебникъ¹⁾. Отсюда основнымъ принципомъ должно быть признано не возведеніе того или иного лица въ шляхетское право, но освобожденіе жалуемой ему земли или владѣемой имъ отъ тягла и переводъ на земскую повинность. И дѣйствительно, этотъ древній принципъ признавался достаточноымъ мотивомъ для принадлежности къ шляхетскому сословію даже въ шестидесятыхъ годахъ²⁾. И даже въ половинѣ XVI вѣка, когда побилитация начинаеть смѣнить собою простое пожалованіе земель съ освобожденіемъ отъ тягла и съ приказаніемъ служить коземъ, она все-таки связывается съ пожалованіемъ земли: и побилитованный шляхтичъ съ гербомъ еще не мыслимъ безъ земли, съ которой онъ несетъ свою шляхетскую службу; весьма сомнительно, чтобы въ актахъ всего изучаемаго періода можно было встрѣтить побилитацию безъ пожалованія или имунизація поземельной собственности³⁾.

у сокольничьихъ села Осташина земля потому, что подданные продавали и завладѣвали свои земли. Выкупить эти земли, Григорьевичъ держалъ ихъ „на службу сокоденной“, и только въ 1562 г. получилъ разрѣшеніе перейти съ этими землями съ сокольничьей службы на земскую. Кн. Зап. Лит., XLIV, а. 81. Ср. Док. Арх. Мин. Юст., р. 10.

¹⁾ Такъ бояринъ, продавая свою землю, называетъ на себя такое обязательство: „и службу земскую съ тое земли а иъ (продоволь) маю заступовати, а иванъ, жена и дети его (покупатель) являть отъ тое службы господарское суноконь быти“ (Кн. Зап. Лит., XXXVIII, а. 93 об., 1525 г.).

²⁾ Акты Волонской Ком., т. VII, р. 81. Въ 1560 г. бояре словниские Ельчине жаловались королю на волонскихъ ревизоровъ, которые при повѣрѣ записали ихъ въ тягло. Они представили листъ короля Александра. Въ послѣднемъ говорилось, что Ельчине представили королю листъ каминара съ слѣдующимъ его разрѣшеніемъ: „пштожъ какъ они ново пришли къ месту Слоновское, а земли наивное ничего подъ собою не держалъ, а отецъ нашъ для того не казати имъ носель а Слоновыми подводу давати а серебряными платити, нишли только казати имъ коземъ служить, на войну ходити, а иными видокорихъ поминать и службу не возети имъ алати“. Король Александръ подтвердилъ Ельчинамъ листъ своего предшественника, что сдѣлалъ въ 1560 году и Сигизмундъ Августъ съ названіи радокъ: освободивъ бояръ отъ тягла, онъ посадилъ ихъ на земской службѣ, тѣмъ самымъ утвердивъ за ними шляхетство (Кн. Зап. Лит., XXXVII, а. 353 об.). Эти бояре владѣли городскими домами; находившіеся въ ихъ владѣніи городские дома были изъ права вѣтснато переведены на шляхетское.

³⁾ Поэтому, при побилитации поземельная собственность побилитованнаго переводится подъ право шляхетское. Такъ панциривъ бояринъ Варшавичъ ку-

Но въ это служебно-поземельное начало постепенно проникает сознание сословности, лично связующей общими правами и привилегиями всѣхъ членовъ шляхетства. Шляхтичъ, оставляя земельнаго дѣла на земской службѣ, всетаки не выходилъ изъ шляхетскаго права. Но шляхетское право представляло много личнаго, а затѣмъ и политическихъ привилегій. Въ сознании общества проникаетъ понятие о связи этихъ привилегій съ благородствомъ происхождения и рыцарскихъ занятій. Высшіе элементы общества рано прониклись, подъ польскимъ вліяніемъ, аристократическими тенденціями. За ними шли и низшіе ряды того же сословія. Постепенно распространяется сознание необходимости имѣть для шляхтича и вышней отличіе—гербъ. Съ момента Городельской уніи гербы дѣлаются дѣломъ достоинствомъ большого круга аристократическихъ родовъ, но съ теченіемъ времени

и въ у псарювъ витебскихъ ихъ псарекія земли и прости въ 1563 г. королю объ утвержденіи за ними этихъ земель на шляхетскомъ правѣ съ дарованіемъ и ему самому шляхетства—на службу земскую военную и „ого самого присутствіи въ титулу права, польности и свободѣ шляхетскою“ (Кн. Зап. Лит., XXXVIII, з. 431; ср. Кн. Зап. Лит., XXX, з. 4 об.). Вотъ еще интересная формулировка нобилитационныхъ грамотъ, которыя выданы были въ шестидесятыхъ годахъ вѣномскими князьями: „Што козакъ тамошній Казимъ Осташковичъ въ земли своей, которую въ землі Полоцкой маєт, но будучи подъ правомъ шляхетскимъ, между тѣмъ аважды, яко иные нутники тамошние суживался. Ино какъ твоа милость (воевода), будучи при немъ господари давъ намъ справу, же онъ черезъ весь часъ тамъ при замку и въ службахъ нашихъ добре и верно заховался, мы (господари), чинячи ему замку нашу господарскую, прилашаемъ и поддаемъ его подъ право шляхетское“ (Кн. Зап. Лит., XII, з. 180 об., з. 181, з. 181 об.). Даже пожалованіе домовъ въ городахъ и льгота по платежу вѣнщины сопровождалось переводомъ накупленнаго имущества и правъ подъ шляхетское право. Достаточно привести слѣдующій фактъ, интересный по многимъ отношеніямъ. Въ 1547 г. подданный господарскій Станиславъ Вязковичъ излагалъ слѣдующимъ образомъ свое челобітіе предъ господаремъ: „Ино онъ приедавши с панства нашего Коруня Польское тутъ до великого князства Литовского и служивши на замкохъ нашихъ украинныхъ намъ господарю и Речи Посполитой земской, приидъ оселость и повалъ за себе жону... у мѣсто паномъ Медниохъ“. Жена его имѣла въ городѣ домы, огородъ и корчму, съ чего дасть подати и пестецъ повинности. Поэтому Вязковскій проситъ господаря: „дѣлхмо заслу нашу чинили и съ тое канцелярии медовое, и винное, и торелковное, и въ давнина пододѣ подѣ носли и говды наши и чужоземские его и тувъ жону его Ганну ваволани, и казалъ быхмо имъ съ того дому и земли ихъ служити намъ службу земскую военную потому, какъ и иные бояре шляхта, службу земскую служатъ“ (Кн. Зап. Лит., XXXI, з. 27 об.).

вкусъ къ гербамъ развивается и нобилитация сопровождается дарованіемъ или принятіемъ какого нибудь герба. Въ шестидесятыхъ годахъ даже города и повѣтовые хоругви были снабжены гербами. Каждый повѣтъ представляетъ собою общину, объединенную въ военноподчинительномъ, судебномъ и политическомъ отношеніяхъ. Въ свою очередь повѣты разбиваются на шляхетскіе роды, состоящіе изъ гербовой братіи. Уже староста жмудскій панъ Станиславъ Яновичъ полагалъ, что великій князь Сигизмундъ Кейстутевичъ не раздавалъ земель „простымъ людямъ“, но только боярамъ¹⁾ (мы знаемъ, на сколько это мнѣніе сходялось съ дѣйствительностью), и вообще въ его глазахъ шляхетскій родъ имѣлъ большое значеніе²⁾. Отсюда возникаетъ и новый родъ доказательствъ принадлежности къ шляхетскому сословию—родовитость и свидѣтельство шляхетской братіи. Въ эпоху первого Статута оно еще проявляется на ряду съ доказательствомъ участія въ военной службѣ и свободы отъ титла³⁾, но съ теченіемъ времени оно приобретаетъ господствующее значеніе. Уже съ двадцатыхъ годовъ XVI вѣка законодательная власть, удовлетворяя сословнымъ потребностямъ шляхты, издаетъ законы относительно „вывода“ шляхетства⁴⁾, обставленнаго весьма сложною процедурою, въ которой родовитость играетъ столь важную роль⁵⁾.

Такимъ образомъ, процессъ образованія шляхетскаго сословія въ его соотношеніи съ земельнаго дѣломъ и земскою военною службою. Ко второму Статуту вышіе ряды шляхетства окончательно слились съ высшими, отбрасывая отъ себя всѣ элементы, но тѣмъ или другимъ причинамъ не вошедшіе въ ряды шляхты.

Однако между шляхтою и тѣлыми мѣщанскимъ и крестьянскимъ сословіями осталось еще промежуточное звено, состоявшее изъ боярства, не попавшаго въ повѣты. Это-то самое шляхетство, которое

¹⁾ Кн. Суды, Дѣлъ Лит., VI, з. 311.

²⁾ Ibidem, з. 313 об.

³⁾ Ср. напр. Кн. Зап. Лит., XXXIX, з. 606 об.; Кн. Зап. Лит., XVI, з. 473; Кн. Зап. Лит., XXIV, з. 92; Кн. Зап. Лит., XVII, з. 218; Акты Лит.-рус. гос., 221.

⁴⁾ Любавскій, Литовско-русскій сеймъ, р. 439. Вообще М. К. Любавскій придаетъ слишкомъ большое значеніе принципу родовитости въ средѣ шляхетскаго сословія для ранняго періода въ его развитіи. Съ этимъ, какъ намъ кажется, нельзя вполне согласиться, такъ какъ этотъ принципъ является позднѣйшимъ наслоеніемъ, проникающимъ постепенно въ ряды низшаго шляхетства.

⁵⁾ Процедура вывода шляхетства въ шестидесятыхъ годахъ, видна, напр., изъ слѣдующихъ актовъ: Кн. Зап. Лит., XII, з. 251; Акты Визьскіе, XIII, р. 36.

приобрѣло въ послѣдующее время нѣсколько пролическое названіе „застѣнковой“ шляхты. Къ пей, во второй половинѣ XVI вѣка, акты изобилуютъ предлагать терминъ шляхты, называя преимущественно боярствомъ. Дѣло въ томъ, что государь въ своихъ государскихъ добрахъ осаживалъ боярство на военной службѣ (но не на земской); это — путные бояре. Сверхъ того, съ сороковыхъ годовъ XVI вѣка къ государю переходятъ обширныя снадковья имѣнія (Гаштольдское и др.). Боярство этихъ частно-владѣльческихъ вотчинъ Сигизмундъ Августъ старался не переводить къ повѣты, оставляя на замковѣхъ земляхъ и подъ замковыми присудомъ. Шляхта снадковѣхъ имѣній продолжала служить съ своихъ земель также, какъ она служила своимъ панамъ, оставаясь подъ замковыми присудомъ¹⁾; вслѣдствіе этого, въ значительной мѣрѣ эта шляхта не пользовалась тѣми правами, какими пользовалась повѣтоваля, и стремилась добиться привилегій послѣдней²⁾. Въ этомъ ее поддерживала, хотя и безуспѣшно, сѣймовая шляхта³⁾. Однако второй Статутъ оставляетъ эту шляхту вполнѣ въ зависѣмости отъ государя: она выходила изъ замка въ повѣты только въ томъ случаѣ, если великій князь подтверждаетъ своимъ приписемъ отдѣльнымъ лицамъ данныя прежнихъ государей

¹⁾ Шляхта Герановицкая жаловалась на введеніе на ея земляхъ волочной по-мѣры. По этому поводу Сигизмундъ Августъ въ 1560 году издалъ такое постановленіе: „всѣхъ бояръ шляхту тамошнюю Герановицкую доставимъ, же которые въ нихъ за неботчина пана Кланшота службу шляхетскую земскую военную въ имени своихъ служивали, тѣмъ и теперь такую службу нехай служить и именей своихъ уживавать, потому какъ за пана Кланшота было. А иже есею именей ихъ на волочку номерити казали, то чинимъ не въ тотъ обычай, абыхъ именей шляхетские мѣри бѣги такъ, яко путныхъ бояръ земли подде уставы нашею въ порадокъ и въ повинности справы волочное приведены, одно хотячи ведомость ижеи о широкости именей ихъ“. Такой же листъ получили Трабскіе бояры. Но и тѣ и другіе должны были, нехай бы они во всемъ захованы были такъ, яко и въ шляхтѣхъ замковѣхъ и дворцахъ нашихъ снадковѣхъ бояре шляхта пана меншавать и именей своихъ уживавать“ (Кв. Зап. Лит., XII, з. 45 и 49—50).

²⁾ Такъ бояре Лиховицкіе не хотѣли оставаться съ своими имѣніями подъ замкомъ и присудомъ замковыми. Въ 1567 г. государь писалъ имъ по этому поводу: „и на войну при немъ ездати не хочете (т. е. при державѣ), у право и присуду повету Новгородского вдетесея и передъ судъ тамошней ся позышаете и на службу земскую при хоружомъ новгородскомъ ездати и подъ хоружовью земскую новгородскую становитесея хочете. Или кидыте съ тѣмъ замкомъ Лиховицкіимъ снадкомъ намъ государю пришли, а правомъ и судомъ новотовимъ неподадеги и отъ насъ, государя, не поданы“, т. е. въ повѣты (Кв. Суан. Дѣлъ Лит., I, з. 33, ср. Док. Моск. Мин. Юст., I, р. 494).

³⁾ Акты З. Р., III, р. 31.

(разд. III, арт. 4). Этотъ разрядъ шляхты въ государскихъ имѣніяхъ оказался, слѣдовательно, въ томъ положеніи, въ какомъ находилось вообще не мобилизованное боярство въ имѣніяхъ частныхъ лицъ.

Для полноты настоящаго обзора намъ остается упомянуть о тѣхъ немногихъ фактахъ, которые говорятъ о земской шляхетской службѣ съ городскихъ домовъ.

Вообще количество лицъ, владѣвшихъ городскими домами на условіи военной службы, было весьма немногочисленно. Основой земской службы въ такомъ случаѣ считались городскіе дома, огороды, иногда вольныя корчмы. Эти владѣнія освобождались господаремъ отъ городскихъ и скарбовыхъ платежей и повинностей съ переводомъ подъ присуду и право шляхетское¹⁾. Конечно, этихъ городскихъ бояръ надо строго отличать отъ тѣхъ, которые, владѣя земскими имѣніями, въ то же время имѣли дома и огороды въ городахъ, равнымъ образомъ и отъ лѣщанъ, несшихъ военную земскую службу.

3. *Повинностный характеръ земской военной службы.*

Предшествующія страницы посвящены выясненію тѣхъ соотношеній, которыя вытекаютъ изъ землевладѣнія на земскомъ правѣ. Выше указаны тѣ соціальныя элементы, которые владѣли землею на этомъ правѣ. Но тѣмъ самымъ еще далеко не все разъяснено въ вопросѣ, касающемся военной службы, какъ повинности. Необходимо еще разъяснить и подтвердить выводы, вытекающіе изъ предыдущаго изложенія, обзоромъ относящихся сюда основныхъ законовъ страны. Обзоръ этого рода данныхъ можетъ показать соответствие частныхъ проявленій государственной дѣятельности съ общимъ духомъ Статута и предшествующихъ ему конституцій. Въ этомъ есть еще одна сторона, требующая выясненія. Уже изъ предыдущаго замѣтна нѣкоторая связь между земскимъ землевладѣніемъ и другими земскими повинностями, кромѣ военной службы. Военную службу землевладѣлецъ обязанъ былъ отбывать лично во главѣ известнаго почота всадниковъ. Но сверхъ того населеніе владѣльческихъ имѣній обязано было отбывать нѣкоторыми государственными повинностями, которыя тоже называются земскими; къ нимъ относились: замковая работа, подводная повинность съ поставкою корма гонцамъ и постанъ, мостовая и стороженая. Эти повинности, ведшія съ населенныхъ имѣній, стоятъ въ

¹⁾ Кв. Зап. Лит., XII, з. 27 об.; Кв. Зап. Лит., XXXVII, з. 353 об.; Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 617.

тѣсной и неразрывной связи съ военной. Намъ остается только привести данныя, подтверждающія обязанность шляхты нести эти повинности.

Но это только одна сторона вопроса. Обязательность службы, какъ повинности, регулируется, по отношенію къ землевладѣльцамъ, юридическими актами двойнаго рода: частными пожалованными грамотами и общими законодательными актами—уставными земскими грамотами, шляхетскими привилегіями и Статутами. Но эти памятники не охватываютъ повинностныхъ отношеній еще одного служилого элемента, который, въ древнѣйшее время, игралъ крупную роль. Элементъ этотъ—удѣльное князье.

Мы уже видѣли какъ сложилась служебная зависимость частнаго землевладѣнія. Служба удѣльнаго князья первоначально основывалась на тѣхъ договорныхъ или присяжныхъ грамотахъ, которыя писались между великимъ и удѣльнымъ княземъ¹⁾. Господство этихъ сенаратныхъ грамотъ прекращается приблизительно около половины XV в.; послѣ этого времени мы только встрѣчаемъ договорныя грамоты Сѣверскихъ князей, переходящихъ изъ Москвы; это вполнѣ понятно, такъ какъ тѣмъ самымъ литовское правительство хотѣло привлечь на свою сторону это пограничное князье. Удѣлы внутри государства исчезаютъ во второй половинѣ XV в., а доживающіе удѣлы (какъ Турово-Пинскій, Мстиславскій и Слуцкій) устанавливаютъ свои отношенія къ великому князю не на основаніи договорныхъ грамотъ, но получаютъ пожалованныя грамоты. Такъ удѣлы постепенно превращаются въ обыкновенныя вотчины, которыя и въ повинностномъ отношеніи регулируются общеземскимъ законодательствомъ. Въ дѣлѣ подведеніи удѣльнаго князья подъ общую норму земства, несомнѣнно крупную роль сыграли приказы 1432 и 1447 гг. Въ обоихъ права, даруемыя всей шляхтѣ, распространяются и на князей. Можно сомнѣваться въ томъ эффектѣ, который произведенъ былъ въ этомъ отношеніи, привилегіей 1432 г.; но въ значеніи конституціи 1447 г. колебаній не можетъ быть. Распространеніе его дѣйствіе и на князей, правительство идетъ дальше и стремится сознательно къ уничтоженію удѣловъ. Такъ исчезаютъ особенности въ положеніи князей. Поэтому намъ придется, въ самыхъ общихъ чертахъ, познакомиться съ служебнымъ положеніемъ удѣльныхъ князей

¹⁾ Ср. выше, p. 40.

до ихъ сліянія съ остальнымъ шляхетствомъ. Замѣтимъ, что интересъ этихъ отношеній заключается еще и въ томъ, что переходъ удѣльно-княжескихъ вотчинъ въ служебныя имѣетъ навѣтную аналогию съ такимъ же процессомъ въ сферѣ частнаго землевладѣнія.

Удѣльныя княженія бывали, какъ извѣстно, двойнаго происхожденія: одни изъ нихъ являлись пожалованными государя великаго князя, каковы, напримѣръ, удѣлы Гедиминовичей, другіе—старыя вотчины Рюриковичей; съ теченіемъ времени Гедиминовичи осѣдаютъ въ своихъ удѣлахъ и являются такими же вотчинниками. Великій князь, передавалъ удѣлы, ставилъ удѣльнаго князя въ непосредственную отъ себя зависимость: онъ могъ отнять удѣлы по своему усмотрѣнію, потому что такое пожалованіе было *ad placitum suae voluntatis*¹⁾.

Но службу великому князю удѣльные князья обязаны были исполнять, независимо отъ условій пожалованія. Въ этомъ случаѣ князья оказывались въ аналогичномъ положеніи съ областными, присоединяемыми къ Литвѣ.

Сущность отношеній земель и удѣльныхъ княженій къ центральному правительству заключалось въ томъ, что тѣ и другія должны были доставлять великому князю *auxilium*; князья помогали великому еще и советомъ. Когда присяжныя грамоты говорятъ о помощи, которую должны доставлять удѣльные князья великому, то онѣ не всегда обязываютъ, въ чемъ должна заключаться эта помощь. Но ясно, конечно, что она состоитъ, прежде всего, въ вѣрности и службѣ великому князю. Эта служба выражается въ обязанности „стоять за одинъ“—*contra quemlibet hominem mundi*²⁾. И дѣйствительно, стоять присматривается къ расказу древнѣйшей литовскія, чтобы убѣдиться въ томъ, что эта *auxilium* состояла прежде всего въ поставкѣ, по требованію великаго князя, извѣстнаго контингента войскъ.

Когда великій князь Витовтъ съѣхъ на великокняжескій столъ, то Корнубугъ Ольгердовичъ Новгородъ-Сѣверскій не захотѣлъ быть „в послушенствѣ“ у Витовта, за что и былъ изгнанъ имъ со своего стола. Когда тотъ же князь шелъ на Витовтскій противъ Свидригайлы, то князья Друцкіе встрѣтили Витовта и „оударилъ емоу чоловъ и

¹⁾ A. Prochaska, Przyczynki krytyczne do dziejów Unii, Rozprawy Akademji Umiejętności, wyd. Hist.-fil., XXXIII, p. 70. Ср. выше, p. 41.

²⁾ Monumenta Poloniae, Cod. epist., II, p. 11.

службу¹⁾, т. е. признали его своим государемъ и обещали ему служить. Литовскъ литовскъ сейчас же и разделился, въ чемъ заключалась эта служба: тогда же пришелъ къ Витовту „на помощь“ Смоленскій князь Глебъ Святославичъ, ударилъ великому князю челомъ въ службу, и всѣ вмѣстѣ стали добывать Витебскъ²⁾. Изъ этого ясно, въ чемъ должно заключаться „послушенство“, „попора“ и „служба“ удѣльнаго князя великому: та же служба, которую уже въ концѣ XV в. по отношенію къ остаткамъ удѣльнаго княжества, акты называютъ „земскою службой“³⁾.

Но такая же служба требовалась великимъ княземъ не только отъ удѣльныхъ князей, но и отъ покоряемыхъ областей и городов. Литовская литовскъ сохранила въ этомъ отношеніи любопытный рассказъ о томъ, какъ захватилъ Витовтъ Кременецъ: Витовтъ послалъ сказать горожанамъ: „Передайтеся мнѣ служить“, и горожане впустили Витовта⁴⁾. И дѣйствительно, контингенты русскихъ областей выступаютъ въ войнахъ на ряду съ княжескими хоругвами.

По отношенію къ присоединяемымъ областямъ великокняжеское правительство поступало двоякимъ образомъ: оно или регулировало мѣстные повинности отношеніемъ областной уставной грамотой, или выдавало отдѣльныя жалованныя грамоты частнымъ лицамъ, иногда объединяя въ вопросахъ, касающихся землевладѣнія, оба принципа.

Обратимся прежде всего къ областнымъ привилегіямъ.

Областные привилегіи и до-статочная конституція двумя способами развиваютъ идею о государственныхъ повинностяхъ съ шляхетскихъ имѣній. Съ одной стороны, они утверждаютъ, что шляхта лично свободна отъ всѣхъ повинностей, за исключеніемъ военной службы; съ другой стороны, они объявляютъ, какія повинности идутъ съ шляхетскихъ земель. Начнемъ съ областныхъ уставныхъ грамотъ.

Такъ Жмудская уставная грамота освобождаетъ боярство отъ замковыхъ работъ и отъ гарнизонной службы. Киевская уставная грамота освобождаетъ боярство отъ поѣздокъ въ Орду за исключеніемъ, впрочемъ, тѣхъ случаевъ, когда государь своимъ листомъ обязываетъ идти кого-нибудь въ Орду въ посольствѣ. Въ другихъ грамотахъ даже нѣтъ упоминанія о личной свободѣ шляхты отъ натураль-

¹⁾ Литовская литовскъ по списку Красивскихъ, р. 26.

²⁾ Акты 3. Р., т. 1, р. 186.

³⁾ Литовская литовскъ, р. 33.

ныхъ повинностей, очевидно потому, что это само собой вытекало изъ общихъ условій государственнаго строя. За то грамоты тщательно оговариваютъ всякаго рода льготы населенія владѣльческихъ имѣній. Полоцкая уставная грамота говоритъ объ освобожденіи частновладѣльческихъ подданныхъ отъ всякаго тягла къ великокняжескимъ дворамъ. Волынская грамота освобождаетъ частновладѣльческихъ подданныхъ отъ барщины на господарскихъ дворахъ. Киевская—освобождаетъ отъ ездовъ, обланъ, сторожи сокольныхъ гнѣздъ, сѣнокоса и другихъ частнопровивныхъ работъ. Освобожденіе отъ господарскихъ повинностей частнопровивнаго характера указываетъ на то, что эти повинности дѣйствительно раньше шли съ владѣльческихъ земель. Это видно повѣстно, и вытекаетъ изъ хорошо уже известнаго намъ положенія, по которому государь могъ пожаловать выслугу съ тѣмъ или инымъ объемомъ недѣвшихъ съ нея доходовъ. Поэтому, напр., Жмудская уставная грамота, абсолютно освобождая отъ однихъ господарскихъ повинностей, оставляетъ нѣкоторыя за государемъ—тѣ, которыя и раньше на него отбывались¹⁾. По отношенію къ государственнымъ повинностямъ, уставныя грамоты дѣлаютъ слѣдующее постановленіе. Въ Полоцкѣ и въ Витебскѣ были освобождены отъ подводъ мѣщане и сельскіе путники. Съ Смоленскихъ горожанъ государь сохранилъ подводную повинность только на случай своего прѣзда, а частновладѣльческіе люди Киевской земли—совсѣмъ освобождены отъ этой повинности. Замковая работа является обязательной повинностью въ Киевской землѣ, а сторожевая повинность—въ Киевской и Бѣльской. Относительно военной службы—только Полоцкая и Витебская грамоты подтверждаютъ обязательность ея для мѣтнаго населенія²⁾.

Такимъ образомъ, уставныя грамоты далеко не охватываютъ всего повиннаго строя земель. Но это объясняется тѣмъ, что грамоты говорятъ собственно о льготахъ населенія или о повинностяхъ его по случаю какихъ либо правонарушеній. Поэтому, если онѣ умалчиваютъ о нѣкоторыхъ повинностяхъ, то это надо понимать въ томъ смыслѣ, что исполненіе ихъ разумѣлось какъ обязательное. Общее отношеніе къ государственнымъ повинностямъ въ Литовско-русскомъ государствѣ было таково, что всякаго рода повинности, уста-

¹⁾ Яценскій, Уставныя грамоты, р. 132, 133, 132, 153, 154, 155.

²⁾ Ibidem, р. 154—156.

новившихся изстари и неотъемлемых государскими листами, подлежали обязательному исполнению. Поэтому положительное значение имѣють лишь иммунитет, даруемые грамотами. Въ этомъ отношеніи нельзя не подмѣтить разнообразія, вводимого грамотами въ повинностныя отношенія подданныхъ къ государству.

Но уставныя грамоты постепенно подрывались общеземскими привилегіями и Статутами.

Уже привилегія Литовской землѣ 1387 года дѣласть очень определенное постановленіе относительно двухъ главнѣйшихъ повинностей—замковой и военной службы. Всякій военнотрудовой челоуѣкъ обязанъ, согласно старинному обычаю, выходить на войну, когда-бы она не случилась, снаряжаясь на свои средства. Землевладельцы, конечно черезъ своихъ подданныхъ,—обязаны строить заново и поправлять уже существующіе замки. Для постройки же новыхъ замковъ совмѣщается вся Литовская земля. Слѣдовательно первое постановленіе относится къ укрѣпленію мѣстныхъ замковъ; второе-же разлагаетъ повинность по постройкѣ новыхъ замковъ на все государство, какъ дѣло общегосударственное¹⁾. Этими постановленіями намѣчается дальнѣйшій ходъ законодательства, и разъясняетъ указанное положеніе. Привилегія 1413 года не разъ говоритъ объ обязанности шляхты служить мечемъ и собитомъ своему государю. Она утверждаетъ также обязательства по подоходной и замковой повинностямъ, согласно древнему обычаю²⁾. Грамоты 1432—1434 годовъ говорятъ о тѣхъ-же обязанностяхъ шляхетскаго сословія³⁾. Какъ извѣстно, первые два привилегіи были даны очень ограниченному кругу Литовской знати, тогда какъ привилегія Сигизмунда Кебюттвичевича расширяетъ даруемыя имъ льготы на русское православное князье и боярство. Казимировская конституція 1447 года имѣетъ ввиду не отдѣльныя области государства, не собственную Литву, но все великое княжество; она опредѣляетъ права и обязанности всѣхъ классовъ служилого сословія—князей, пановъ, шляхты, бояръ и мѣщанъ, а также и духовенства. И въ опредѣленіи повинностей эта конституція стоитъ на болѣе широкой общегосударственной точкѣ зрѣнія. Обязанность военной службы шляхетства косвенно вытекаетъ изъ статьи

¹⁾ Działynski, Zbiór praw, p. 2.

²⁾ Ibidem, p. 13.

³⁾ Филевичъ, Огнестъ и проч., p. 23.

этого привилегіи, опредѣляющей службу съ имѣній тѣхъ лицъ, которые выѣзжаютъ за границу. Что касается повинностей, то нельзя сомнѣваться въ томъ, что статья о замковыхъ работахъ имѣетъ ввиду вотчинныя имѣнія и выслуги на прежнихъ князьяхъ, сравненныя уже съ вотчинами. Дѣло въ томъ, что окончаніе этой статьи выдѣляетъ въ повинностномъ отношеніи давныя самого великаго князя Казимира: послѣдніи обязаны выполнять старыя повинности—поправлять дороги, мосты, давать стаціи и поборы,—очевидно, сверхъ замковой работы, обязательной для всѣхъ⁴⁾.

Конституція 1492 г.⁵⁾, равно какъ и привилегія 1506 года⁶⁾ подтверждаютъ указанную статью привилегія 1447 г. Первый Статутъ повторяетъ постановленія, созданныя предшествующимъ законодательствомъ. Земскую службу обязаны нести всѣ владѣльцы земскихъ имѣній съ отчизныхъ, выслуженныхъ и купленныхъ; служба отправляется согласно ухвалѣ земской (разд. II, арт. I). Относительно повинностей, первый Статутъ тоже повторяетъ привилегія 1447 г. (разд. I, арт. 22). Что касается второго Статута, то обязанность нести службу со всякаго рода земскихъ имѣній вытекаетъ изъ многихъ мѣстъ его. Въ числѣ владѣльцевъ земскихъ имѣній онъ перечисляетъ князей, пановъ, духовенство, дворянъ государскихъ, болръ, вдовъ, татаръ и мѣщанъ (разд. II, арт. I). По первому Статуту отъ военной службы освобождаются залогодержатели государскихъ имѣній; то же повторяетъ и второй Статутъ, но за то онъ требуетъ службы съ шляхетскихъ заставныхъ имѣній (разд. II, арт. 4). Освобожденіе отъ военной службы оказывается совершенно затруднительнымъ: государъ обязуется никого не освобождать отъ нея, за исключеніемъ нѣкоторыхъ лицъ, остающихся въ государствѣ для исполненія нѣкоторыхъ родовъ службы; украинные старосты не выходятъ на сборные военные пункты; однако, освобожденные отъ службы вриадники обязаны исправлять свои почоты (разд. II, арт. 3). Въ отношеніи отбыванія повинностей восстанавливается во всемъ старина: гдѣ давались подводы, стаціи, мостились мосты, укрѣплялись замки, тамъ эти повинности должны и впредь отправляться по старому (разд. III, арт. 24).

Такимъ образомъ, въ вопросѣ объ отбываніи службы, разсмотрѣнные памятники стоятъ на той же точкѣ зрѣнія, которая отмѣчена и

⁴⁾ Działynski, o. c., p. 33.

⁵⁾ Ibidem, p. 60.

⁶⁾ Ibidem, p. 97.

раньше: служба идетъ съ земскаго имѣнія. По отношенію къ земскимъ повинностямъ законодательство не отличается полностью: второй Статутъ ссылается на старину; эта ссылка, однако, какъ увидимъ, не вполне соответствовала порядку, установленному къ этому времени сеймовыми ухвалами. За то здѣсь мы встрѣчаемъ указанія, что объемъ повинностей имѣть известное соотношеніе съ формами землевладѣнія и, такимъ образомъ, въ этомъ мы находимъ подтвержденіе ранѣе высказанному взгляду¹⁾.

4. Окладъ земской военной службы.

Зналъ, кто служилъ земскую службу, мы можемъ теперь перейти къ опредѣленію оклада ея.

До конца XV вѣка, т. е. до великокирженія Александра, не было установлено какого-либо оклада для опредѣленія размѣровъ отбыванія военной службы. Во всякомъ случаѣ размѣръ службы, т. е. число выставляемыхъ ратниковъ, не имѣлъ никакого отношенія къ наличному составу семьи владѣльца поземельнаго участка. Такимъ образомъ, служба падала не на лицо, а на землю съ ея тяглами населеніемъ. Это справедливо не только по отношенію къ послѣдующему времени, когда можно прослѣдить на дѣломъ рядъ сеймовыхъ постановленій, не только совпадаетъ со всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ о характерѣ обложенія, но можетъ быть и обосновано еще слѣд. указаніями. Достаточно сослаться на обширный повѣсь Смоленской земли, составленной въ концѣ правленія великаго князя Казимира. Это переченъ служилого класса всей области (князей, бояръ панцирныхъ и слугъ путныхъ). Въ этомъ описаніи не показано, къ сожалѣнію, размѣровъ поземельныхъ участковъ, принадлежащихъ владѣльцамъ. Въ немъ показано, сколько службъ должна отбывать каждая семья. Количество службъ не имѣетъ никакого соотношенія съ количествомъ мужского населенія семьи или даже дѣлаго рода, сидячаго на одномъ участкѣ. Слѣдовательно окладъ службы измѣрялся землею или тяглымъ населеніемъ ея. Но и въ этомъ отношеніи, зналъ, какъ образовывались боярскіе и всякіе другіе служебные участки²⁾, нельзя ожидать, чтобы размѣры поземельныхъ участковъ или число тяглаго населенія этихъ

¹⁾ Ср. Док. Моск. Мн. Юст., I, p. 460.

²⁾ Ср. выше, p. 220.

участковъ находилось-бы въ правильномъ соответствіи съ окладомъ земской службы. Принимавшій на земской службѣ участокъ земли расчитывался: „съ чего могъ послужити“. Если размѣръ этотъ оказывался слишкомъ ничтоженъ, то владѣлецъ просилъ прибавки земельнаго надѣла¹⁾, какого-нибудь дохода или бросалъ землю. Въ книгѣ даиннъ великаго князя Казимира встрѣчаемъ массу родовъ боярскихъ по одной тяглой семьѣ или по одному двору. Два замѣтна объясняетъ намъ, что „одинъ дворъ—одна служба“²⁾. Очевидно, около половины XV вѣка одинъ тяглый дворъ считался достаточнымъ окладомъ для несенія одной службы. Въ той же книгѣ мы встрѣчаемъ раздачу слѣдовъ, селець, различныхъ по размѣру земельныхъ участковъ и угодій, но вообще размѣръ службы не опредѣляется, очевидно потому, что онъ держался на старинѣ, или устанавливался въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Съ большого участка шло двѣ и болѣе службы³⁾; иногда участокъ въ одну службу дѣлился на двѣ части и, очевидно, признавался достаточнымъ для несенія полной службы съ каждой его половиною⁴⁾. Въслѣдствіе раздѣла, участки мельчали, такъ что съ нѣкоторыхъ шла только часть службы и иногда весьма дробная⁵⁾. Если бояринъ уже имѣлъ служебную землю, но получалъ еще участокъ, то съ послѣдняго онъ несъ „особую“, „опришную“ службу⁶⁾. Въ общемъ въ различныхъ областяхъ, весьма иѣроятно, существовали болѣе или менѣе опредѣленные размѣры участковъ, сообразно экономическимъ условіямъ мѣстности, считавшіеся достаточнымъ для несенія одной службы. Но вообще въ этомъ отношеніи разнообразіе было весьма значительно. Великіе князья, какъ мы уже знаемъ, иногда въ своихъ грамотахъ на выслуги опредѣляютъ количество подлежащихъ выставленію службъ съ жалуетаго имѣнія. И въ этомъ отношеніи нельзя замѣтить какого-бы то ни было однообразія. Свидригайло даетъ боярамъ Чоботамъ село Рычеговъ и обязываетъ ихъ выставять двухъ ратниковъ⁷⁾, а вел. кн. Казимиръ жалуетъ Горностаю Романовича однимъ „человѣкомъ“ и требуетъ въ службу одного коня⁸⁾ и т. д.

¹⁾ Акты Леоптовича, №№ 170, 185 и др.

²⁾ Док. Моск. Арх. Мн. Юст., I, p. 43.

³⁾ Ibidem, p. 27.

⁴⁾ Ibidem, p. 5.

⁵⁾ Акты З. Р., II, p. 26.

⁶⁾ Акты Лит.-рус. гос., p. 16, 57 и др.

⁷⁾ Акты З. Р., I, p. 53.

⁸⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, p. 55.

Когда проводилась волочная помѣра, то ревизоры раздавали на земской службѣ далеко неодинаковые участки земли. Такъ, подъ Могилевомъ бояре Митковичи получили на службѣ однимъ всадникомъ десять волокъ земли¹⁾. Въ Мозырѣ подданный Шиничъ получалъ домъ и одну волоку земли на службѣ панцирной²⁾. Одинъ подданный посаженъ на земскую конную службу въ Немонйтской волости на трехъ волокахъ служебныхъ съ придачею трехъ волокъ на чиншѣ³⁾. Въ Василишской волости мѣстный хоружій Яновичъ получалъ двѣ волюки пустыхъ⁴⁾. Въ Новгородскомъ погѣтѣ одинъ бояринъ купилъ двѣ волюки земли и получалъ еще три волюки на одной конной службѣ⁵⁾. Иногда акты говорятъ о раздачѣ земель на одного, на полтора „воли“, ссылались съ этимъ только размѣръ службъ, но не объёмъ поземельной собственности⁶⁾. Встрѣчаются и такіе факты, когда получающій служебную землю обязуется нести съ нея большую службу, чѣмъ та, которая раньше шла; напримѣръ, одинъ бояринъ купилъ одну панцирную службу и, прося великаго князя Казимира подтвердить эту куплю, обязуется впредь выставлять три панциря⁷⁾. Вообще при выборѣ или пожалованіи служебнаго участка руководствовались общимъ соображеніемъ: можно ли послужить съ данной дѣльницей⁸⁾.

Отсутствие опредѣленнаго служебнаго оклада можетъ быть показано на множествѣ фактовъ. Мы обратимъ вниманіе еще на одинъ. Послѣ взятія Смоленска Москвитинами, правительство роздало множеству Смоленскъ земли въ центральныхъ мѣстностяхъ государства. Въ одномъ спискѣ, заключающемъ въ себѣ около сотни именъ, показаны оклады 90 лицъ. Всѣ получаютъ господаревое жалованіе службами людей и пустошницами, т. е. незаселенными службами. Въ этомъ перечнѣ оказывается такое распредѣленіе поземельныхъ дачъ⁹⁾:

¹⁾ Кв. Зап. Лит., ХLI, л. 110.

²⁾ Кв. Зап. Лит., XXXVIII, л. 339 об.

³⁾ Кв. Зап. Лит., ХLI, л. 95 об.

⁴⁾ Ibidem, л. 345.

⁵⁾ Кв. Зап. Лит., ХLIV, л. 81.

⁶⁾ Кв. Зап. Лит., LV, л. 50.

⁷⁾ Акты Леонтовича, № 48.

⁸⁾ Ibidem, № 154.

⁹⁾ Кв. Зап. Лит., VII, л. 589 об.—691. Ср. Записи раздачи имѣній Полоцканимъ въ 1563 г. (Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 140—143) и размѣры боярскихъ селъ въ Гомельскомъ староствѣ (Акты Виз. Княж., XIII, р. 348, 360, 361, 375, 376)

1	лицо	получило	по	1	службѣ	людей	и	1	пустошницѣ.
1	"	"	"	1	"	"	"	2	"
4	"	"	"	2	"	"	"	1	"
15	"	"	"	2	"	"	"	2	"
15	"	"	"	3	"	"	"	2	"
13	"	"	"	4	"	"	"	2	"
1	"	"	"	4	"	"	"	3	"
1	"	"	"	4	"	"	"	4	"
1	"	"	"	5	"	"	"	1	"
9	"	"	"	5	"	"	"	2	"
5	"	"	"	6	"	"	"	3	"
1	"	"	"	7	"	"	"	3	"
1	"	"	"	8	"	"	"	2	"
1	"	"	"	8	"	"	"	3	"
5	"	"	"	10	"	"	"	3	"
1	"	"	"	10	"	"	"	4	"
3	"	"	"	15	"	"	"	3	"
7	"	"	"	15	"	"	"	4	"
1	"	"	"	20	"	"	"	4	"
1	"	"	"	30	"	"	"	5	"
1	"	"	"	30	"	"	"	6	"
1	"	"	"	30	"	"	"	7	"

Такъ какъ въ это время размѣръ военной службы уже регулировался особыми ухвалами, то громадное большинство лицъ получило окладъ меньшій, чѣмъ тотъ, который полагался на выправу одного коня.

Такимъ образомъ, въ Литовской Руси практика не выработала опредѣленныхъ служебныхъ окладовъ. Вслѣдствіе этого возможны были и такіе факты, когда разросшаяся боярская семья сидѣла въ количествѣ 5—6 шляхтичей на одной волокѣ, какъ это случилось рядомъ бывало въ Подляхив¹⁾. Если шляхетская семья разрослась настолько, что служебный участок оказывался совершенно недостаточнымъ или, если участок оказывался столь незначительнымъ, что бояринъ не могъ вытнать съ него службы, то онъ продавалъ свою слу-

¹⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 533.

жебную землю¹⁾, или просто бросать землю и уходить в поисках лучшей службы²⁾. Конечно, такой обдѣлившій бояринъ могъ излопотать прибавку къ своему участку, но вообще правительственная власть не вмѣшивалась въ условія экономической жизни служилого люда.

Кромѣ отсутствія опредѣленнаго служебнаго оклада, въ отбываніи воинской службы было еще одно существенное неудобство. Между участкомъ мелкаго боярина, который едва могъ вытнуть одну конную службу со своей земли, и вотчиной крупнаго пана или удѣльнаго князя была громаднѣя разница. Князья, паны и вообще крупные землевладѣльцы не только лично должны были отбывать военную службу, но еще обязаны были выставлять имѣнный почетъ военнослужилыхъ людей. Источники не даютъ рѣшительно никакихъ указаний относительно того, какъ рассчитывался въ періодъ до конца XV в. этотъ почетъ людей, выставлявшихся съ крупныхъ маетностей. Мы имѣемъ кое-какія свѣдѣнія объ участкахъ земель, съ которыхъ владѣлецъ долженъ былъ лично нести службу: все это очень незначительные участки земли, иногда ненаселенные, иногда съ населеніемъ въ одну, двѣ, три службы. Знаемъ также, что сверхъ участковъ за личную службу иногда раздавались земли на „особной“ службѣ. Но все это не разъясняетъ намъ, были-ли предъявляемы какія-нибудь опредѣленные требованія къ удѣльнымъ князьямъ и крупнымъ землевладѣльцамъ, во владѣніи которыхъ находились земли, способныя вынести десятки и сотни конныхъ службъ. Весьма вѣроятно, что опредѣленныхъ постановленій на этотъ счетъ и вовсе не было, и каждый выходилъ на службу съ такимъ почетомъ, какой онъ считалъ достаточнымъ для того, чтобы не вызвать гнѣва господря.

Во всякомъ случаѣ землевладѣлецъ обязанъ былъ лично отбывать военную службу со всего своего имущества. Поэтому съ перадѣленныхъ имѣній, находившихся во владѣніи одной семьи, службу несли только одинъ изъ ея представителей. Этотъ принципъ, извѣстный въ XV в., закрѣпленъ и первымъ Статутомъ³⁾. Духовенство, какъ мы знаемъ, выставляло со своихъ и церковныхъ имѣній почеты. Съ

¹⁾ Акты Ю.-З. Р., II, р. 108.

²⁾ Любавскій, Областное дѣленіе, р. 777.

³⁾ Кн. Зап. Лтв., VI, л. 53; Акты Виз. Ком., XIII, р. 14; Перв. Стат., разд. II, арт. I.

имѣній, принадлежавшихъ женщинамъ, также выставлялись почеты. Женщины могли двоякимъ образомъ приобретать земскія имѣнія: или путемъ государскаго пожалованія на условіяхъ земской военной службы¹⁾, или путемъ наслѣдованія. Во всякомъ случаѣ, съ этихъ имѣній идти служба (первый Статутъ, разд. II, арт. I).

Указанный порядокъ вещей, при которомъ отсутствовало распредѣленіе размѣровъ военной службы, легко могъ оказываться на практикѣ весьма неудобнымъ вслѣдствіе своей неопредѣленности. Поэтому уже въ великокняжескіе Александра Казимировича на Новгородскомъ сеймѣ состоялось весьма важное постановленіе, касающееся порядковъ отбыванія службы. По этой ухвалѣ каждый князь, панъ, дворянинъ и землянинъ обязанъ былъ ставить со своего имѣнія съ каждыхъ пяти службъ одного „пахолка у зброи на кони въ дрецемъ“²⁾. На Новгородскомъ сеймѣ, опредѣленъ былъ окладъ съ населенныхъ имѣній, потому что съ ненаселеннаго, или съ имѣнія, населеніе котораго не достигало оклада, владѣлецъ выступалъ лично. Само собою разумѣется, что во главѣ почета съ своего имѣнія владѣлецъ обязанъ былъ выступать лично.

Въ началѣ первой Московской войны при Сигизмундѣ I этотъ окладъ казался новому вел. князю весьма недостаточнымъ. Онъ распорядился произвести перепись шляхты, съ цѣлю установитъ новый окладъ службы³⁾ и, действительно, предлагалъ панамъ радѣ удвоить, по случаю войны, окладъ, т. е. выдать ухвалу, по которой бы съ десяти службъ выставлялось два пахолка⁴⁾. Успѣлъ ли провести на сеймѣ Сигизмундъ I свой проектъ, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, даже и для послѣдующаго времени, предложенный Сигизмундомъ I размѣръ оклада былъ весьма тяжекъ.

Наиболѣе обстоятельное постановленіе объ отбываніи службы сдѣлано было при Сигизмундѣ I ухвалою Виленскаго сейма 1528 г., въ связи съ произведенной въ это же время переписью всего шляхетскаго сословія. На этомъ сеймѣ ухвалою, состоявшейся пераго мая, было установлено, что на войну съ каждыхъ восьми службъ людей долженъ быть выставляемъ пахолкъ—на добромъ кони,

¹⁾ Бернадскій, I, р. 60.

²⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 507.

³⁾ Акты З. Р., II, р. 9.

⁴⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., р. 507.

из сброи, из древои, съ прапорои, на которомъ бы былъ панцерь, прильбидъ, мечъ або кордъ, сукня цвѣтная, наивла и остроги двѣ¹⁾. Эта устава была нѣсколько видоизмѣнена постановленіемъ Виленскаго сейма 1529 г., состоявшимся 21 января. Эта устава впервые сообщаетъ намъ любопытныя подробности касательно способа оклада военно-земскои службы. Она дѣлитъ все шляхетское население по способамъ обложения на пять разрядовъ. Къ первому она относитъ тѣхъ князей и пановъ, которые владѣютъ имѣніями не менѣе, чѣмъ въ семьсотъ службъ; они выставляють на войну почетъ въ 100 нахолковъ. Владѣльцы нѣбній, съ населеніемъ не менѣе 400 службъ, выставляютъ на войну 50 нахолковъ; это второй разрядъ. Къ третьему, очевидно, относится всѣ тѣ, население нѣбній которыхъ не достигаетъ 400 службъ; они ставятъ съ каждыхъ восьми службъ по одному нахолку. Имѣющей восемь службъ выходитъ лично на войну; съ ними сравнены и владѣльцы, имѣющие менѣе восьми службъ. И тѣ и другіе выступаютъ на войну лично въ томъ снаряженіи, какое предписывается уставомъ. Послѣдній разрядъ составляетъ убогую шляхту, не имѣющая людей; она выступаетъ на войну лично «воде возможности своеи»²⁾.

Замѣтимъ, что владѣльцы, отбывающей службу лично, считались въ составѣ своего почета³⁾.

Устава 1529 г. даетъ достаточное объясненіе и тому, что она разумѣетъ подъ службою людей, т. е. какіе элементы крестьянскаго общества входятъ въ это понятіе. Такимъ образомъ въ „личбу“ службъ или: службы тиглыхъ людей, данниковъ, службы тиглыя въ Подляхѣи (они были по размѣрамъ мельче, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ) и мѣстечки на волочныхъ осадахъ въ той же области. Въ окладъ не входятъ: мѣщане частновладѣльческихъ городовъ, живущіе на частновладѣльческихъ земляхъ бояре и шляхта, дворяне господскіе слуги, имѣющие дома, и огородники⁴⁾. Изъ этого видно, что обложение далеко не отличалось равномерностью, такъ какъ понятіе службы, въ особенности въ различныхъ мѣстностяхъ государства, при томъ службы различныхъ категорій крестьянства, было весьма неоднороднымъ.

¹⁾ Акты З. Р., II, р. 188.

²⁾ Акты Лит.-рус. гос., р. 204.

³⁾ Акты Лит.-рус. гос., р. 232.

⁴⁾ Акты З. Р., II, р. 204; Акты Лит.-рус. гос., р. 232.

Какъ видно изъ постановленій 1528 г. и изъ показаній перваго Статута (разд. II, арт. I-ый), дѣйствіе изложенной устава предполагалось въ теченіе десяти лѣтъ. Въ дѣйствительности эта устава поддержалась въ теченіе большаго періода, хотя шляхта и подымала въ 1531 г. вопросъ объ уменьшеніи размѣровъ почета, по случаю поѣтившаго Литву мороваго повѣтрія въ 1530 г.¹⁾ На сеймѣ 1544 г. вопросъ о размѣрахъ оклада былъ возбужденъ Сигизмундомъ I совместно съ господарскою радюю. Его проектъ, не безъ труда принятый шляхтою, заключался въ томъ, чтобы на службу выходилъ „съ девяти—десяти“²⁾. По предложенію короля такой окладъ уменьшитъ войско на цѣлую треть, сравнительно съ уставами 1528—1529 гг.³⁾ Новая устава дана была на восемь лѣтъ.

Принципы обложения и въ данномъ случаѣ, очевидно, разумѣлись такіе-же, какіе были установлены предыдущей уставомъ.

Когда истекалъ срокъ дѣйствія устава 1544 г., то на сеймѣ 1551 г. снова былъ поднятъ вопросъ о пересмотрѣ размѣровъ обложения. Этотъ сеймъ, впрочемъ, подтвердилъ постановленія сейма 1544 г.⁴⁾; а на сеймѣ 1554 года было постановлено пропавести новый пописъ война⁵⁾. Сеймъ 1563 года подтвердилъ, срокомъ до слѣдующаго сейма, постановленія прежнихъ сеймовъ о размѣрѣ службы, при чемъ сдѣлалъ рядъ другихъ касательно ея отпращиванія. Такъ онъ потребовалъ, чтобы шляхта, имѣющая землю въ повѣтахъ и служащая у пановъ, явилась на службу въ повѣты; однако подъ повѣтскою хоругвою долженъ служить только одинъ изъ нераздѣлившихся братьевъ. Тогда же было постановлено, чтобы лошади, на которой выѣзжалъ шляхтичъ, стоила не менѣе шести копъ грошей; подъ страхомъ смертной казни запрещалось шляхтѣ высылать въ войско на свое мѣсто слугъ „пріймаки“, т. е. мужья, принятые въ имѣніи и домъ своихъ женъ, въ особенности полки, подвергаются такому же наказанію, если не выйдутъ лично на войну; подтверждено, чтобы служба отпращивалась съ имѣній, кулениныхъ панами, духовенствомъ. Совѣтъ бѣдная шляхта, обрабатывающая землю личнымъ трудомъ и пахущая менѣе, чѣмъ четырьмя сохами, совѣтъ освобождена отъ службы, а пахущая болѣе, чѣмъ четырьмя сохами освобож-

¹⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, р. 238.

²⁾ Dziatyński, Zbiór praw, р. 400.

³⁾ Акты З. Р., III, р. 43.

⁴⁾ Ibidem, р. 58.

дена отъ личной службы взаменъ особаго взноса¹⁾. На сеймѣ 1563 г., очевидно, имѣлось ввиду подробно заняться вопросомъ объ обложении земской службой. Но сеймъ не успѣлъ сдѣлать надлежащихъ постановленій, почему онъ подтвердилъ ухвалу прошлаго сейма съ разъясненіемъ, что окладъ въ десять службъ равенъ пятнадцати волокамъ. Сеймъ былъ занятъ вопросомъ о новомъ пописѣ службъ шляхты, но господарь обещалъ назначить этотъ пописъ уже послѣ Московской войны.

Какъ видно изъ предыдущихъ сеймовъ, станы весьма интересовались вопросомъ о бѣдной шляхтѣ. На сеймѣ 1565 г. они высказали мысль, чтобы бѣдная шляхта, имѣющая менѣе одной окладной единицы, складывалась въ окладъ и ставила по одному коню съ пятнадцати волокъ; для этого земли убогой шляхты должны быть размѣрены на волоки. Но господарь оставилъ этотъ вопросъ до окончанія войны „по давнему и звичному обычаю“²⁾. Сеймъ 1566 г. выставлялъ шляхту на войну по той же раскладкѣ³⁾. Однако сеймъ 1567 г. декретировалъ на два послѣдующіе года нѣсколько увеличенную раскладку службы. Такъ, онъ постановилъ выставлять одного коня съ десяти литовскихъ службъ или съ десяти осѣлыхъ волокъ, приравнявъ такимъ образомъ службу къ волокѣ. По отношенію къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ были распространены не службы и волоки, а дворница и слѣды (какъ то въ Подлесьи, въ Подишровы, на Волани и въ Киевской землѣ) сеймъ постановилъ считать не тамошнія дворница, которая гораздо населеннѣе службъ, но димы съ такимъ расчетомъ, чтобы съ двадцати димовъ выставлялся одинъ конь⁴⁾. На этотъ разъ вся мелкая Подлянская шляхта и вообще вся „убогая“ шляхта потребована на войну „въ диму подлугъ прекоженъа своего на войну ехати маети, не смотряи чергъ своихъ звичныхъ“⁵⁾. Ей обидно, согласно постановленіямъ предыдущихъ сеймовъ, имѣреніе волокъ послѣ войны и упорядоченіе ея службъ⁶⁾. Такія постановленія сдѣланы ввиду особо тяжелаго положенія государства въ Московскую войну, а также потому, что господарь обещалъ лично двинуться съ войскомъ.

¹⁾ Ibidem, № 33.

²⁾ Док. Моск. Арх. Муз. Юст., р. 164.

³⁾ Ibidem, р. 99.

⁴⁾ Ibidem, р. 452.

⁵⁾ Ibidem, р. 452—453, 459.

Вообще на войну обязана выѣзжать вся шляхта, которая имѣла „особливой домъ и хлебъ свой въ имени своего“¹⁾.

Изложенныя постановленія послѣднихъ сеймовъ представляють нормальный окладъ военной службы, нѣсколько увеличенный въ послѣдніе годы вѣдѣтвіе пораженій отъ Московскихъ войскъ. Размѣръ службъ, декретированный сеймами, составлялъ повинность шляхты которую она обязана была выполнять „подъ горлохъ, потчивостью и утратою имений“²⁾. Какъ эти постановленія выполнялись на практикѣ—это иной вопросъ, который будетъ разсмотрѣнъ нами впоследствии.

Разматривая способы раскладки, устанавливаемой каждый разъ сеймомъ, нельзя не замѣтить, что этотъ вопросъ въ смыслѣ улучшенія способовъ обложения, уравниенія его, мало подвинулся въ теченіе всего изучаемаго періода. Опредѣленіе числа выставляемыхъ ратниковъ въ соотвѣтствіи съ количествомъ службъ, сдѣланное въ концѣ XV в., была, конечно, большимъ шагомъ впередъ. Но дальше этого вопросъ не подвинулся. Тяжелая служба такъ и осталась основнымъ объектомъ обложения. Неравномерность такого объекта имѣла попятна, такъ какъ службы не сообразовались ни съ количествомъ населенія, ни съ размѣрами земельной площади. Но и само дѣленіе тяглаго населенія на службы преобладало только въ самой Литвѣ. Такъ, въ Полоцкой землѣ, гдѣ среди мѣстнаго населенія было много вольныхъ похожихъ людей, двѣ службы похожихъ считались въ одну отчужденную, такъ что съ двадцати похожихъ службъ ставили одного коня. Въ Витебской землѣ это обстоятельство не было принимаемо во вниманіе, чѣмъ была недовольна мѣстная шляхта³⁾. На Волани еще въ 1564 г. мѣстные димы, съ которыхъ владѣльцамъ шло двѣнадцать грошей в володы оса, приравнены были къ литовской службѣ; такихъ димовъ бывало въ службѣ обычно два, а иногда одинъ⁴⁾. Сеймъ 1567 г. опредѣлялъ, какъ мы видѣли, соотвѣтствіе различныхъ крестьянскихъ поселковъ литовской службѣ, но имѣть сомнѣнія, что такое глазомѣрное опредѣленіе мало соотвѣтствовало хотя бы приблизительному равенству службъ, дворницъ и димовъ. Волынская шляхта считала, напр., свои дворница менше литовскихъ службъ, а южная шляхта справедливо жаловалась на неустойчивость живущаго на земляхъ тяглаго населенія. Недостатокъ обложения заключался и въ

¹⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LI, т. 106 об.

²⁾ Акты З. Р., III, р. 106.

³⁾ Ibidem, р. 65.

томъ, что цѣлыя группы владѣльческихъ подданныхъ не подлежали ему, какъ-то: мѣщане, огородники и въ особенности бояре и шляхта на владѣльческихъ земляхъ; не всѣ-же они выходили на войну въ почотахъ своихъ пановъ, когда, напр., у пановъ Борсаковъ въ Полоцкой землѣ числилось 400 бояръ, или когда, напр., паны въ шестидесятихъ годахъ поставляли почоты въ размѣрѣ, значительно превышавшемъ ихъ окладъ. Наконецъ, нельзя не замѣтить и того неопредѣленнаго положенія, въ которомъ находилась малоземельная шляхта. Для нея служба была тяжела, что слѣдуетъ заключить изъ многихъ мѣстъ сеймовыхъ рецессовъ. Сеймовые станы создавали это, имѣли виду реформу, выполнить которую однако помѣшала война. Шляхтичъ выступалъ на войну одинъ безъ почота, если на своей землѣ онъ не имѣлъ „осѣлыхъ“ людей, или населеніе ея было меньше оклада; фактической объемъ поземельной собственности въ данномъ случаѣ не играла никакой роли. Это было тоже весьма несправедливо, потому что въ южныхъ старостахъ, гдѣ на уходящихъ преобладало пришлое населеніе, и ненаселенная собственность имѣла большую цѣнность¹⁾.

Нечего говорить о томъ, что кадастръ шляхетскихъ имѣній былъ весьма неудовлетворителенъ; шляхта представляла сама хоружимъ реестры своихъ имѣній. Правда, въ сеймовыхъ рецессахъ есть указанія на то, что станы имѣли виду произвеста пописъ, въ чемъ онъ долженъ былъ заключаться для бѣдной шляхты—это мы знаемъ, но каковы были намѣренія сейма по общему урегулированію оклада военной службы и его характера, опредѣлить невозможно. Такимъ образомъ, обложеніе земскою службою отличалось большими недостатками, которые не были устранены сеймомъ и даже не могли быть устранены по случаю Ливонской войны, хотя и создавались станы, начавъ уже съ сейма 1544 г.

Сверхъ службы на войнѣ, владѣніе земскою маетностью влекло на собою еще видъ военной службы, когда требовались войска для

¹⁾ Въведеніе указанной неопредѣленности, ревизорамъ приходилось, напримѣръ, сталкиваться съ слѣдующими фактами. Въ Каменскомъ старостѣ земщины Драби захватили четыре мѣщанскихъ ухвалокъ да служить.—замѣчаетъ ревизоръ, въ томъ отношеніи самъ только одною особою, понадеваетъ, изъ тамъ возмунду мало“ (Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 101). Такимъ образомъ, развѣ не былъ опредѣленъ размѣръ ненаселеннаго участка земли и угодій, то ревизорамъ приходилось довольствоваться „попеданьемъ“ самого владѣльца о томъ, каковы пожитки съ земли и сколько службъ онъ можетъ нести.

установленія порядка внутри государства. Это называлось „рушенемъ повѣта“, и такое рушеніе употреблялось противъ лицъ, оказывающихъ неповиновеніе волѣ короля или судебнымъ рѣшеніямъ. Для того, чтобы полнѣе сказанное, приведемъ слѣдующій примѣръ. Въ 1530 г. бискупъ жемойтеій Николай Радзивиль отказалъ по завѣщанію Сигизмунду I и его сыну Сигизмунду Августу свое имѣніе Галязь и др. Король, по смерти бискупа, послалъ въ Квишинъ государскихъ дворянъ для ввода во владѣніе имѣніемъ, но Станиславъ Николаевичъ Радзивиль не допустилъ короля вступить во владѣніе Галяземъ. Поэтому король издаетъ универсалъ шляхтѣ Бѣльскаго повѣта рунить противъ непослушнаго. Державца, говорится въ этомъ универсалѣ и „въ земпе со всемъ почотомъ тымъ, какъ маєте имяъ служить водне попену земского, конно а збройно тамъ съ тымъ дворяннотомъ нашимъ ехали тые именья Квишинъ со всеми селы и дворы моцно въземши и пану старосте беретейскому подали“¹⁾.

Служба на войнѣ, точно также какъ и повѣтовое рушеніе на непослушныхъ, составляють повинность шляхты, которую она несетъ въ размѣрѣ, указанномъ ухвалою земскою. Но кромѣ того, въ самомъ порядкѣ отбыванія службы различныя земли пользовались тѣми или иными изыткіями, напримѣръ, по отношенію къ гарнизонной службѣ и проч. Въ порядкѣ отбыванія службы можно указать еще и ту особенность, что рѣдъ иногда выступала съ своими почотами, въ особенности ввиду слуховъ о неприятелѣ, ранѣ остальной шляхты; иногда же рада одна посылала свои почоты, тогда какъ шляхта не была призываема въ рушенію. Такимъ образомъ, служба пановъ радныхъ была тяжелѣе обычной земской службы.

Но насъ эти особенности теперь не могутъ интересовать, такъ какъ онѣ относятся уже къ организаціи изучаемой повинности. Намъ необходимо отмѣтить только двѣ особенности, тѣсно связанныя съ исторіею военной повинности. Первая особенность заключается въ томъ, что согласно сеймовымъ декретамъ, шляхта иногда обязывалась выводить на войну почоты въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ это требовалось сеймовою ухвалою. Вторая особенность заключалась въ замѣнѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ, выплаты почота денежною платою—поконвенциной.

Ливонская война вызвала еще рядъ экстраординарныхъ мѣръ, которыя сеймъ принималъ „не у вобычай“ и которыя шляхта несла

¹⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., IV, л. 305.

„по доброй воли своей“. Такъ, сеймъ 1563 г. постановилъ, чтобы всякій, кто имѣетъ болѣе десяти службъ, сверхъ двухъ всадниковъ, которыя приходится на каждыя двадцать службъ, ставилъ-бы одного пѣхотинца съ ружьемъ и сѣкирою или съ рогатиною и сѣкирою. Это входило только на одинъ предстоищій походъ. Сверхъ того, семья, въ которыхъ есть нѣсколько неразрѣдшихся имѣніями братьевъ или нѣсколько сыновей при отцѣ, должны были выправить съ имѣнія въ войско „одного старшого, або годнейшого“ съ почотомъ коннымъ и пѣшимъ; всѣ-же остальные, способные къ военной службѣ, должны отправиться на войну на коняхъ, или въ пѣхотѣ или въ почотѣ панновъ, за денежную плату, определенную сеймомъ. Впрочемъ, разрѣшалось одному изъ братьевъ или одного изъ сыновей при престарѣломъ отцѣ оставаться дома. Сеймовая ухвала постановила: кто останется дома, не смотря на эту уставу, наказывается годичнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ—наказаніе, которое налагалось за убійство. Господарь торжественно объявлялъ, что эти экстраординарныя служба не войдетъ въ обычай и обычай, не будетъ „искодить“ правамъ шляхты и Статуту¹⁾.

Въ концѣ 1565 г. всѣ станы, слѣзавшись на сеймъ въ Трабахъ, сдѣлали здѣсь важное постановленіе относительно увеличенія войска на 4000 человекъ. Некоторые изъ панновъ рѣди предложили выставить почоты за плату, и сеймъ постановилъ, что если предложенныхъ ими почотовъ окажется меньше предполагаемой цифры войска, то король долженъ обратиться еще къ другимъ паннамъ съ просьбою. Станы объявили на слѣдующемъ сеймѣ декретировать подать на уплату этимъ панникамъ, а господамъ поручился собственными имѣніями. Хотя панны выставили почоты за плату, но въ сущности это постановленіе имѣло принудительный характеръ, и панны выставили почоты „за просьбою всѣхъ становъ“²⁾.

Ливонская война вызвала еще дважды экстраординарную выправу почотовъ.

Сеймъ 1566 г. уже гораздо легче приглашалъ шляхту выставить на службы почоты сверхъ того, что полагалось сеймовою ухвалою, предлагая оплатить службу изъ поборовыхъ пенялей, а король обѣ-

¹⁾ Акты З. Р., III, р. 131, Кв. Зап. Лит., XLII, л. 76 об.—78; Кв. Пер. Лит., VII, л. 8 об.—9.

²⁾ Кв. Зап. Лит., XLV, л. 129 об.

щаль такимъ лицамъ отъ себя „нагородити“¹⁾. Сеймъ 1567 г. снова постановилъ, чтобы шляхта выставила также не „у побычай“ одного пѣхотинца среди двухъ всадниковъ²⁾.

Поконевщина въ сущности была также мѣрою экстраординарною. Поконевскими пенялями или поконевщиной назывались „пеняли за неслужение войнѣ“. Этотъ сборъ взымался при обстоятельствахъ троякаго рода.

Во-первыхъ, поконевщина взымалась свидѣ штрафъ со шляхты, не вышедшей на войну. Такъ, напримѣръ, въ 1520 г. рада предлагала господамъ наложить поконевщину на тѣхъ, кто не вышелъ въ войско въ 1519 г., въ размѣрѣ полукопы грошей „съ каждаго человека“, не вышедшаго на войну³⁾. Такъ какъ не вышедшіе на войну подвергались конфискаціи своихъ имѣній, то поконевщиной замѣнялось, такимъ образомъ, это наказаніе. Такъ, на сеймѣ 1567 г. были установлены штрафы съ тѣхъ, которые не участвовали въ предпринявшемъ военномъ сборѣ, по восьми конь грошей отъ „доли“, а съ шляхты, не имѣющей людей—по пяти конь грошей⁴⁾.

Во-вторыхъ, поконевщина иногда взымалась съ бѣдной шляхты, которая освобождалась отъ службы взаменъ этого платежа⁵⁾.

Наконецъ, въ третьихъ, поконевщина иногда взымалась со всѣхъ тѣхъ, кто не желалъ лично или съ своимъ почотомъ выступить на войну. Въ такихъ случаяхъ господа въ военнымъ или поборовыхъ универсалахъ предлагали шляхтѣ или явиться на сборный пунктъ, или уплатить поконевщину въ предлагаемомъ господамъ размѣрѣ. Такую поконевщину шляхта платила въ 1561 году, когда Литовское войско двинулось подъ вѣдѣтельствомъ пана Г. А. Ходкевича въ Ливонскую землю. По словамъ универсала, разосланнаго 8-го декабря, въ Ливонію трудно будетъ довольствоваться, вслѣдствіи опустошенія, столь большому войску. Поэтому король предлагаетъ шляхтѣ на ея усмотрѣніе: или выступить лично съ почотами, согласно сеймовой ухвалѣ, или уплатить по двѣ кони отъ „доли“, выставляемаго въ войскѣ⁶⁾.

¹⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., р. 199.

²⁾ Ibidem, р. 433.

³⁾ Кв. Зап. Лит., VII, л. 379 об., 383 об.

⁴⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 475.

⁵⁾ Ibidem, р. 475.

⁶⁾ Кв. Пер. Лит., VII, л. 47 об.—78.

5. Земскія повинности: подводная, дорожная, замковая, сторожевая и постоянная.

Земскія повинности состояли въ подводной повинности, соединенной съ поставкою стадій, т. е. коряя для проезжающих на казенныхъ лошадяхъ, въ мостовой, состоявшей въ постройкѣ и исправленіи мостовъ и связанной съ дорожной повинностью, т. е. исправленіемъ дороги; дагѣе идетъ группа повинностей, относящихся къ работамъ по постройкѣ укрѣпленій и сторожѣ крѣпостей (городъ, замокъ); эта повинность состояла изъ замковой или городской работы, сторожи, т. е. сторожевой службы и кнѣвщины или „застана“, т. е. ночной стражи у замковыхъ воротъ. Сторожа раздѣлялась на „польную“, существовавшую на южной Украинѣ, гдѣ наблюдать за неприятелемъ стража выѣзжала въ поле, и „остроговую“ — на замкѣ въ острогѣ. Сверхъ того население еще обязано было выходить на замковый „гвалтъ“, напр. во время наводненій, сибѣжныхъ запоровъ и т. п. Подводная повинность въ древнѣйшее время называлась ямомъ или ямщиной¹⁾, — но крайней мѣрѣ, на южныхъ и восточныхъ окраинахъ. Подводная повинность дѣлилась еще на подводку подъ пословъ господарскихъ, подъ гонцевъ господарскихъ или княжескихъ и павскихъ, подъ пословъ татарскихъ и московскихъ и, наконецъ, для самихъ воеводъ и старостъ или ихъ посланцевъ.

Это — повинности, объединившіяся подъ именемъ земскихъ. Къ нимъ мы присоедишимъ и еще дѣль, не называвшіяся земскими, но тѣмъ не менѣе носившія публичный характеръ, — постоянную повинность и повинность, состоявшую въ поставкѣ хлѣба на замкѣ.

Подводная и городская повинности съ сторожей представляютъ собою древнее наследіе, которое литовско-русской государственной строй получила отъ удѣльно-земскаго. Уже самое названіе ямомъ указываетъ, что подводная повинность существовала по крайней мѣрѣ въ татарскую эпоху²⁾. Постройка крѣпостей и сторожевая въ нихъ

¹⁾ Акты З. Р., I, p. 103; Акты Лит.-рус. гос., p. 3.

²⁾ Уже во времена Витолта и Ягайлы подводная повинность издается прочно установленною. Ягайло вноситъ въ одномъ письмѣ Витолта дѣль подвода иному Андрейю: quod sibi darentur in terris vestris equi podwodorum sine mora. Codex epist. Vitoldi, p. 834. Ср. Акты Лит.-рус. гос., I, p. 8. Другомъ въ изд. 1711 г., I, p. 551—552; Акты З. Р., I, p. 226 и др.

служба практиковались и въ эпоху до сложенія государства³⁾; способъ распределенія городской работы въ литовско-русскихъ городахъ весьма сходенъ съ раскладкой ея въ старинныхъ русскихъ городахъ напр. въ Псковѣ⁴⁾.

Положеніе подводной и городской повинностей было неодинаково. Последняя въ изучаемый періодъ носила болѣе мѣстный характеръ, тѣмъ общегосударственный⁵⁾. Въ общемъ, она распределялась такимъ образомъ, что повинность по укрѣпленію замковъ и сторожѣ лежала на мѣстныхъ владѣльческихъ имѣніяхъ, равно какъ и на господарскихъ волостяхъ и городахъ. Участіе въ этой повинности землевладѣльцевъ находилось въ зависимости отъ объема тѣхъ правъ, на основаніи которыхъ они владѣли имѣніями. Такимъ образомъ, съ отчужденія имѣній шла только работа по укрѣпленію тѣхъ частей замка, которая отводилась владѣльцамъ и ихъ людямъ для того, чтобы укрыться на случай нападенія неприятеля. Господарскіе же подданные и подданные владѣльцевъ выслугъ обязаны были обстраивать не только тѣ части замковыхъ укрѣпленій, которыя нужны были для ихъ собственной безопасности, но также и такія, которыя необходимо было воздвигать изъ соображеній техническихъ. Нѣкоторыя части замковыхъ сооруженій сверхъ того дежали прямо на господарскомъ скарбѣ. Изъ такого распределенія работъ выходило иногда и то, что въ замкахъ бывали городни, о которыхъ совсѣмъ неизвѣстно было, кто ихъ долженъ дѣлать. Кромѣ того для постройки должныхъ украинскихъ замковъ и восточныхъ въ Поддѣпровыи вызывались рабочіе изъ господарскихъ Поддѣпровскихъ волостей; эта работа составляла ихъ исконную долюину. Въ XV в. на постройку южныхъ замковъ (волыньскихъ) вызывались люди изъ центральныхъ Литовскихъ волостей⁶⁾, но въ XVI в. этого порядка уже не практиковался. Изъ указанного распределенія замковыхъ работъ вытекаетъ, что постройка во-

³⁾ Jaroszewicz, Obraz Litwy, I, p. 127.

⁴⁾ Навитскій, Очеркъ внутренней исторіи Пскова, 1873 г., p. 109.

⁵⁾ Этотъ взглядъ иногда проскальзываетъ въ жалобахъ подданныхъ на пригнѣненія при замковой работѣ. Въ 1536 г. нѣкоторые изъ подданныхъ Червонольскаго замка жаловались на державцевъ: „поведни передъ нами, штожь она посоль зъ нашими подданными нашими тамошними острогѣ, робать и перекорѣ копать, а замку роботи не повинни, бо дей тамъ въ замку городень, али мѣстечъ своихъ они не мають; лѣчь до которыхъ городни свои тамъ въ замку мають, тамъ тежъ и замку робать“. Кн. Зап. Лит., XIX, а. 86 об. — 87.

⁶⁾ Памятникъ, изд. Киев. Ком., IV, p. 14 (ревалъ замковъ).

выхъ укрѣпленій была дѣломъ трудно осуществимымъ. На практикѣ население частновладельческихъ имѣній не только не принимало участія въ постройкѣ новыхъ крѣпостей, но даже и крупная перестройка и исправленія старинныхъ замковъ требовали тяжелыхъ жертвъ со стороны господарскаго двора и большихъ усилій со стороны господарскихъ подданныхъ восточныхъ волостей, такъ какъ отсюда выгоняли рабочихъ для укрѣпленія Кіева, Браслава, Випицы и др.

Надо къ этому добавить, что если потчивникъ исключалъ себя привилегію на постройку замка въ своемъ имѣніи, то люди его не были обязаны выходить на постройку и сторожу господарскаго замка.

Подводная повинность ранѣе стала усваивать себѣ черты общегосударственной. Освобожденіе отъ отбыванія ея составляло весьма рѣдкую льготу, дававшуюся великими князьями. Даже въ удѣльныхъ потчивнахъ подводка давалась на государственныя нужды, мостились мосты и исправлялись дороги тамъ, гдѣ эта повинность отбывалась издавна¹⁾.

Но вообще годнодѣство общая въ отбываніи повинностей, иммунитетовъ, въ особенности съ раздѣленіемъ поземельныхъ имѣній на вилуды и потчины, создавало большія затрудненія и для государственной власти и для того постоянно служащагося круга тягловцовъ, которые не были избавлены отъ ихъ отбыванія. Наростающія усилія обороны страши съ самаго начала XVI в. стали требовать усилія городской повинности и подводной, потому что пограничье требовало усиленной обороны, а сообщеніе съ окраинами дѣлалось все болѣе и болѣе оживленнымъ. Между тѣмъ усиливалось развитіе вольностей шляхты, все замѣтнѣе и замѣтнѣе стравшее различіе между потчиной и вилудой, дѣлали землевладельцевъ весьма мало склонными къ отбыванію повинностей; въ то же время господарскія волости таяли отъ распада.

Ввиду всего этого повинностными отношеніями сильно занутивались. Еще при великомъ князѣ Александрѣ подымался вопросъ объ унорядоченіи подводной повинности²⁾, но даже и въ послѣдующее великокняженіе въ этой области не произведено было серьезныхъ ре-

¹⁾ Акты З. Р., I, р. 186, 227; Кв. Зап. Лит., XII, л. 194 об.

²⁾ Акты Леонтовича, № 676.

формъ. Сигизмундъ I въ этомъ отношеніи держался своей обычной тактики, полагал возможнымъ возстановить повинностную старину и водворить порядокъ путемъ изданія отдѣльныхъ судебныхъ вырочковъ и уставъ. Эти частичныя поправки закрѣплены многими актами, возникновеніе которыхъ исходило или отъ мѣстныхъ правительственныхъ органовъ или отъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ городскихъ и волостныхъ общинъ. Выдавалъ акты по частнымъ поводамъ, регламентировалъ мѣстныя отношенія, правительственнымъ властью имѣла не мало поводовъ высказать и свое принципиальное воззрѣніе на данныя вопросы. Такъ, Сигизмундъ I разсматривалъ жалобу мѣщанъ и волостанъ Свислочкой волости на ихъ потужниковъ, подданныхъ князей Вишневецкихъ и пановъ Котовичовъ—Оравъ, Бродчанъ и Максимовичей. Господарскіе подданные жаловались на частновладельческихъ потому, что послѣдніе не хотѣли отбывать съ ними городской работы въ Свислочи и Кіевѣ „и иныхъ городовъ, где мы ихъ работи посылаетъ, и мостовъ мостити подле данного обчача³⁾. Въ свое оправданіе Вишневецкіе и Котовичи положили свою привилею на людей. Однако, въ этихъ привилеяхъ обозначено было, что владѣльческіе подданные освобождены отъ „старыхъ“ пошлинъ—дубачина, колошница, отъ косыби сѣна въ Рудоминскому двору и отъ наметничихъ доходовъ; но отъ городской работы и мостовой къ привилеяхъ освобожденія не было. „А такъ мы, говоритъ въ заключеніе Сигизмундъ I, огледавши того привилея ихъ и бачача, и въ земскомъ привилеи жадныхъ подданныхъ нашихъ отъ работъ городовыхъ не шивовлено“, почему и подданные Вишневецкихъ и Котовичей должны отбывать повинность вмѣстѣ съ Свислочкой волостью, а Свислочане получаютъ право высказывать съ этихъ подданныхъ ту часть работы, которую они не сдѣлали въ предшествующіе годы⁴⁾. Интересно, что этотъ господарскій вырочекъ издается по отношенію къ подданнымъ не впервые: вел. кн. Александръ еще въ 1499 г. издалъ вырочекъ въ томъ же смыслѣ и наложилъ вину въ сто рублей⁵⁾.

Въ 1529 г. представители Бобруйской волости жаловались тому же великому князю на подданныхъ пана Яна Николаевича Радзивила и пана Вацлава Костевича Зубаревичей и Колчичанъ о томъ, что послѣдніе, еще со временъ короля Казимира, отбывали вмѣстѣ съ

¹⁾ Кв. Зап. Лит., XV, л. 13.

²⁾ Акты Лит.-рус. гос., р. 87.

Бобруйской волостью подводой, городскую и мостовую работу и вообще участвовали во всяких городских разметах, но теперь отказываются. Господарь съ панамъ рядою панель Бобрунъ правыми и потребовать отбыванія повинностей Зубаревичами и Колчицами¹⁾.

Въ господарскихъ уставахъ отдѣльными волостямъ, которыя, какъ мы знаемъ, въ большинствѣ числѣ были изданы Сигизмундомъ I, во многихъ случаяхъ разсматривается вопросъ о совместномъ отбываніи повинностей частновладельческими и господарскими подданными. Въ особенности господарскіе подданные часто жалуются на „тяжкость“, которую они терпятъ вслѣдствіе раздачи ихъ потужниковъ, почему государю приходилось или уменьшать размѣры повинностей²⁾, или при этомъ издавать приказанія, чтобы частновладельческіе подданные принимали участіе въ волостныхъ повинностяхъ³⁾, призывать разслѣдованій и т. п.⁴⁾ Разумѣется, послѣднее было возможно только въ тѣхъ случаяхъ, если земледѣльцы уклонялись отъ исполненія повинностей, не имѣя на то основаній въ своихъ привилегіяхъ. Иногда въ этомъ отношеніи происходили большія затрудненія. Такъ, для Могилевской волости господаремъ была издана устава, по которой иречь государь обѣщала не раздавать имѣній въ предѣлахъ волости съ освобожденіемъ отъ повинностей. Но и послѣ этой ustawy земледѣльцы продолжали получать привилегіи съ извѣтнями отъ повинностей. Такъ какъ государь выдаетъ всякаго рода привилегіи такъ, „какъ хто въ насъ просить“, то онъ уставомъ 1528 г. отымкнулъ всѣ льготы, дарованныя послѣ изданія первой ustawy⁵⁾. Разумѣется, такого рода постановленія не способны были фактически принудить земледѣльцевъ къ исполненію повинностей, что можно хорошо прослѣдить на практикѣ⁶⁾.

Въ особенности тяжело приходилось господарскимъ волостямъ въ отбываніи подводной повинности. Подводными и стадами слишкомъ широко пользовались всѣ тѣ, кто имѣлъ на это право, а часто и тѣ, кто не имѣлъ его, о чемъ свидѣтельствуетъ такой компетентный наблюдатель, какъ Михалонъ Литвинъ⁷⁾. Его слова подтверждаются жалобами

¹⁾ Ibidem, p. 298.

²⁾ Ibidem, p. 185.

³⁾ Ibidem, p. 197.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., XXI, листъ мѣщанамъ Мединичамъ.

⁵⁾ Ibidem, p. 207.

⁶⁾ Архивъ Ю.-В. Р., 4. VII, I, напр., см. ревизіи Могилевскаго замка.

⁷⁾ Мемуары и пр., т. I, p. 46.

на тяготу подводной повинности, такъ какъ жители часто указываютъ на свое „вбожество“ и „зпиченіе“ вслѣдствіе отбыванія подвод¹⁾. Сигизмундъ I ограничилъ только регламентаціей волостной старшины въ отбываніи повинностей и установленіемъ срока, на какой изъ господарскихъ канцелярій выдавались подводные листы²⁾; послѣднее, очевидно, имѣло цѣлью предотвратить различныя злоупотребленія со стороны посланцевъ.

Однако сама жизнь выдвигала нѣсколько иныхъ основаній въ способѣ обложенія повинностями. Этотъ путь былъ указанъ самими тугледами. Отбываніе повинностей въ натурѣ наиболѣе тяжело на нихъ ложилось, такъ какъ давало поводъ ко всевозможнымъ злоупотре-

¹⁾ Такъ Волковыскіе мѣщане черезъ войта, бурунстроя и радцѣвъ жаловались въ 1526 г. вел. кн. Сигизмунду I: „какъ они давна подь пословъ и тугледей нашихъ подводой данаши пословъ и волостью нашу Волковыское волость дей поднимывали три недѣли, а мѣщане Волковыскіе четвертую недѣлю поднимывали. А теперь дей тамъ людей нашихъ волостныхъ много волости наше Волковыское роздано княземъ и паномъ и дворяномъ нашими. И которые дей послы и тугледей тыхъ часонъ черезъ Волковыскъ ездать, тѣи дей вси и мѣщанъ нашихъ на волостныхъ недѣлахъ копи ихъ можно брать и грабить. И для дей тугледей частыи подводой шкодо и втиски великии мѣщане наши Волковыские мають, а инае в мѣста прочѣ съ расходять. И были намъ чоломъ, абыхъмо тыи два гроши, которые они с права своего на насъ, государя, дивали, имъ отпустили. Ино мы тѣи два гроши, што они с права своего давали, имъ отпустили до волы наше. И ты бы (наметивъ) ако при ихъ правѣ судги своего не мѣть и дѣвнихъ своихъ не носызали и далъ имъ въ томъ покои. А што ея дотичеть тамъ поднимать подводой пословъ и тугледей, ино штобы еси помочь имъ казай учинити в волости наше: мѣщане бы нехай поднимали три недѣли, а люди наши вси волостные нехай бы поднимали недѣлю“ (Кн. Зап. Лит., XII, л. 291). О томъ же были 1551 г. мѣщане и волостные Ровскіе: они „ку великому зпиченю и вбоеству пригали съ тыхъ причинъ, имъ частокротъ черезъ тое место наше соуды и послы наши великие и московские до насъ, государя и отъ насъ до Москвы и немалыми почты ходять, а они подводой имъ завязки дають, кромѣ жалное помочи людей тыхъ, которые за предкою нашихъ... суть даны некоторымъ княземъ паномъ и земляномъ нашими“. Поэтому волость просить объ освобожденіи ихъ отъ мыта. Король освобождаетъ ихъ отъ мыта „для усвоженія ихъ на тотъ часъ, покуда постановенье слушное изъ тыхъ подводохъ учинимъ съ князи, паномъ и земани, которые потужниковъ ихъ въ повете Ровскомъ на предкою нашихъ королехъ ихъ милости выслужили и ако около тое повинности на давнихъ своихъ описано мають“. Кн. Зап. Лит., XVIII, л. 100—103 об.

²⁾ Въ Кн. Зап. Лит., XIX, л. 127 об. встрѣчаемъ такое постановленіе: „дѣла Бож. 1536 мѣсяца мая 15 день виднѣть 9. Господарь король его милость, напомявши о паны раданы своими, рачывъ росказати, абы яко вси листы подводныхъ съ канцелярій были даваны на одиѣ мѣсяцъ на чотыри недѣли подь такъ обычаемъ, ако ниже описано“. Далѣе приводится формула открытаго листа.

треблениям. Это обстоятельство и было причиной того, что многие волости входили в соглашение с державцами и старостами: староста получал известную сумму с волостей — „платя“, за что и обзывается „поднимать“ подводами и кормами пословъ и гонцовъ. Эти соглашения зафиксированы уставами Сигизмунда I и ревизією¹⁾. Иногда сами общины выдѣляли изъ себя известную группу лицъ, обязанную нести подводную повинность и освобожденную отъ другихъ; такъ въ Витобскѣ были „подводные“ люди, несшіе подводную повинность. И другія натуральная повинности, какъ сторожевица, кликовщина и проч. въ отдѣльных мѣстностяхъ переведены были на денежные.

Эти частныя сдѣлки между населеніемъ и областной администраціей подготавливали тотъ путь, по которому отчасти пошло правительство Сигизмунда Августа. Во всякомъ случаѣ необходимость улучшить въ области отбыванія повинностей, явилась къ его времени мѣрой настолько необходимой; это хорошо тогда совпадалось²⁾. Вопросъ могъ быть только въ выборѣ того или иного средства. Правительство Сигизмунда Августа скомбинировало старину съ частными улучшениями въ данной области.

Еще въ послѣдніе годы жизни Сигизмунда I правительство молодого великаго князя предприняло описаніе Волынскихъ и южныхъ замковъ. Главная цѣль этого описанія состояла не только въ ознакомленіи центрального правительства съ положеніемъ дѣлъ на югѣ, но и въ регистраціи платежей и повинностей мѣстнаго населенія. Результаты этого ознакомленія дали показанія о весьма плачевномъ состояніи украинскихъ замковъ, а шляхта почти поголовно выказала полное нежеланіе нести повинности съ своихъ имѣній. Вслѣдствіе ея упорства, ревизія замковъ 1545 г. не дала положительныхъ результатовъ въ смыслѣ упорядоченія повинностныхъ отношеній. Шляхта отказалась дать показанія о своихъ повинностяхъ, а записи ревизоровъ не могли имѣть официального значенія, такъ какъ шляхта не признала полномочій самихъ ревизоровъ. Сама цѣль ревизіи — регламентированіе повинностной старины и связь ея съ дѣятельностью Берестейскаго сейма 1544 г., указываетъ на то, что она

¹⁾ Акты Лит.-рус. гос. р. 146; Кн. Зап. Лит., XII, л. 58 — 59; Кн. Зап. Лит., XIX, л. 68 — 69 и 173 — 175; Акты З. Р., I, р. 362; Архивъ Ю.-З. Р., т. VII, 8 р. 595, 589.

²⁾ Niemcewicz, Pamiętniki, IV, р. 40.

является послѣднимъ аккордомъ финансовой политики Сигизмунда I.

Уже первый сеймъ при Сигизмундѣ Августѣ поднялъ вопросъ о повинностяхъ. Предложеніе сеймовымъ станамъ было сдѣлано королемъ. Подлиннаго текста этого предложенія мы не имѣемъ, но изъ отбѣта шляхты можно предположить, что оно касалось какъ вотчинъ, такъ и вассалтъ, имунизированныхъ государскими привилегіями по отношенію къ тѣмъ или инымъ повинностямъ. Шляхта заявила, что она не отказывается отъ выполненія повинностей съ тѣхъ имѣній, съ которыхъ онѣ издавна идутъ, но просить о сохраненіи имунитетовъ. Поэтому сеймъ просилъ короля и государскую раду рассмотреть результаты ревизіи старосты и потребовать отъ шляхты предъявленія листовъ на тѣ или иныя льготы для того, чтобы разбраться въ томъ, кто обязанъ и кто не обязанъ отбывать повинность¹⁾.

На сеймѣ 1551 года вопросъ о повинностяхъ подвергся обстоятельному обсужденію. Сеймовые послы, вѣрнѣе, на основаніи приказовъ, полученныхъ нами отъ своей повѣтовой братіи, подняли было вопросъ о полномъ освобожденіи шляхты отъ сторожевой на замкахъ, сторожи пѣнныхъ Москвичей и подводной повинности, а также и отъ косебы сѣна. Господарь отбѣтилъ на это, что онъ какъ ни желаетъ ничего новаго вводить въ государствѣ, такъ не желаетъ и нарушать старину; поэтому, оставая все по старому, господарь однако предложилъ сеймовымъ станамъ заштыть вопросомъ объ упорядоченіи въ отбываніи повинностей, если отбываніе ихъ по старому считается тягостнымъ²⁾. Это предложеніе короля подверглось обсужденію на сеймѣ, и когда онъ присутствовалъ, по полученіи отбѣта отъ господаря на всѣ просьбы шляхты, къ обсужденію мѣръ по оборонѣ страны и другимъ важнѣйшимъ нуждамъ, то состоялось постановленіе и о повинностяхъ. Король обратилъ вниманіе всѣхъ становъ на печальное состояніе оградныхъ замковъ: одни изъ нихъ нужно ремонтировать, а другіе нужно выстроить на новыхъ мѣстахъ. Свѣдѣнія о состояніи замковъ господарь позерпнулъ изъ ревизіи ихъ, составленной послѣ Берестейскаго сейма 1544 г. Господарю также сдѣлалось известнымъ „въ многихъ книгъ и реестровъ“ о томъ, гдѣ и какія повинности должны отправляться шляхтою. Нужно только все это привести въ порядокъ. Передавшій въ такомъ видѣ на обсужденіе сейма коро-

¹⁾ Акты З. Р., III, р. 14.

²⁾ Акты З. Р., III, р. 28.

левский вопрос обсуждался всеми станами и вынесенное ими решение вошло въ сеймовую конституцію. Станы „добровольно“, согласились выполнять повинности съ тѣхъ людей своихъ, „которые къ тѣмъ работамъ и пошлинамъ городовымъ и мостовымъ здана были повинны, и подъ то ся поддали“. Съ этого времени и на „вѣчные часы“ всѣ подданные князей, пановъ, шляхты, католическаго и православнаго духовенства обязаны, если они и раньше отбывали, нести слѣдующія повинности: дѣлать новые замки, опрaвлять старые, мостить мосты, устраивать тати тамъ, гдѣ это необходимо, исполнять городовую сторожу, и давать станы и стаціи пробажающимъ посламъ и гонцамъ. Господарю предоставляется право „мощю“ принуждать къ повинностямъ тѣхъ, которые выкажутъ неповиновеніе. Для исполненія настоящей сеймовой ухвалы господаремъ должны быть избраны особые ревизоры, которые обязаны будутъ ежегодно обѣзживать замки какъ пограничные, такъ и лежащіе внутри страны, и давать господарю и панамъ радать отчетъ о сдѣланныхъ ими наблюденіяхъ. Съ своей стороны воеводы и старосты обязаны наблюдать за исполненіемъ повинностей. Если же исполненіе старыхъ повинностей окажется недостаточнымъ, то господарю съ панями радая предоставляется обсудить этотъ вопросъ.

На томъ же сеймѣ было сдѣлано очень важное постановленіе относительно подводной повинности. Повторено обязательство давать подводы и стаціи со всѣхъ тѣхъ имѣній, съ которыхъ и раньше они шли. Но при этомъ обсуждался и вопросъ о замѣнѣ натуральной повинности денежною. Не всѣ члены сейма были довольны проектомъ постановленія о введеніи особаго подводнаго платъ, и сеймовое меньшинство даже отъѣхало съ сейма, не желая „зволати“ на подводный платъ. Но господарь остановился на томъ рѣшеніи, къ которому пришло на сеймѣ большинство, и постановилъ ввести особый подводный платъ со всѣхъ земскихъ „подводныхъ“ людей, въ размѣрѣ шести грошей отъ каждой службы людей. Платъ долженъ поступать въ распоряженіе влады, который уже будетъ отбывать подводами и стаціей послы и гонцовъ¹⁾.

Такимъ образомъ на Виленскомъ сеймѣ 1551 года съ вѣстной стороны подтверждены изстаринный порядки вещей по отношенію къ отбыванію замковой, сторожевой и мостовой сторожи, и владѣнъ

¹⁾ Ibidem. p. 45.

подводной ввести специальный налогъ. Эта сеймовая ухвала, опирающаяся на старину, имѣла однако весьма важное значеніе. Къ этому времени шляхтичи уже успѣли свыкнуться съ той идеей, что они обязаны выполнять только тѣ повинности и платить только тѣ подати, на которыя самъ выразилъ свое согласіе въ лицѣ сеймовыхъ представителей. Господарскіе листы и старина потеряли свою обязательную силу. Поэтому, торжественное завѣреніе шляхты о ея „добровольномъ согласіи“ на несеніе повинностей было важнымъ орудіемъ въ рукахъ административной власти. И дѣйствительно, въ своей дѣятельности она оперлась на ухвалу 1551 г. и даже постаралась расширить область ея примѣненія: господарь не только потребовалъ отъ шляхты исполненія повинностей и взносов подводнаго платъ, но и объявилъ потерявшими силу всѣ господарскіе „вызволненіе“ листы, т. е. призналъ уничтоженіе всѣхъ льготъ¹⁾. Хотя сеймъ настаивалъ на исполненіи повинностей старинны, однако король могъ отмѣнить дарованныя имъ и его предшественниками льготы по ея отбыванію, такъ какъ великокняжеская власть сама была источникомъ этихъ льготъ. Другой вопросъ, насколько удалось господарю провести на практикѣ уничтоженіе повинностныхъ льготъ.

На практикѣ шляхта не охотно соглашалась нести ея же признанныя государственныя обязанности. На сеймѣ 1554 г. она уже подымаетъ вопросъ о полномъ освобожденіи отъ подводы и стаціи, ссылалась на стародавній обычай и привилегіи, по которымъ обычно господарь ничего не оставлялъ въ свою пользу при пожалованіи имѣній. На такую мотивировку господарь возражалъ и ссылкою на постановленіе прошлаго сейма и указаніемъ на то, что подводная

¹⁾ Разомая въ 1551 г. универсалы о сборѣ серебра, декретированной на сеймѣ, господарь требовалъ отъ шляхты и исполненія повинностей. Положивъ содержание сеймовой ухвалы по послѣднему пункту, универсалы продолжали: „а пехай бы вси князи, панове и державцы той повинности земской (подводной) не выламывали, досытѣ мыслили, яко въ уставѣ сеймовой на то описано есть, и подданнымъ своимъ будовати замки и мосты и ставей давати князямъ, а за подводные невели на тѣмъ роки вышешмененце до влады, отъ котораго кому возвѣсть, таковоє люди отдави, а первой того оновъ повинностью обявлени были, ничимъ съ того не выламывали платити велели, бо хота бы хто листы выволненіе мѣлъ, то ему ку оборонѣ ити не можеть, идижъ мы, господарь, зъ ласки панове дельмѣ тые пожитки, што на насъ и на влады наши приходать, а земскихъ повинностей никому не отдаемъ“. Поэтому, всѣ должны отбывать повинности, а съ неовинующихся влады должны возмещать съ дековациемъ (Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 50 об.—51 об.).

повинность „не есть пожитокъ скарбу его королевской милости, але особый пожитокъ и потреба Речи Посполитое“. Поэтому, государь еще разъ разъяснилъ шляхтѣ, что ея люди или обязаны давать подводный платъ или отбывать подводу натурою. Эта повинность должна лежать только на тѣхъ людяхъ, которые и раньше были обязаны съ тому же; ее не обязаны отбывать также и люди, пожалованные съ королевскими столовыми имѣніями, если и раньше они не отбывали той же повинности¹⁾. Такимъ образомъ, королю пришлось пойти назадъ въ своихъ планахъ потребовать выполнения повинностей съ тѣхъ шляхетскихъ имѣній, которыя были отъ нихъ освобождены.

Но подводный платъ скарбу не удавалось собирать и въ томъ ограниченномъ размѣрѣ, въ какомъ онъ былъ вотиорованъ на сеймѣ. Изъ сеймового рецесса 1559 г. оказывается, во-первыхъ, что король было сдѣлано уменьшеніе размѣра подводнаго плата съ шести грошей на три, и во-вторыхъ, что большинство шляхты совѣмъ не вносило этой подати; а гдѣ она и была уплачена, то далеко не такъ, какъ бы это слѣдовало; шляхта, напримѣръ, со своихъ мѣстечекъ вносила подводный платъ не по той раскладкѣ, по какой онъ былъ установленъ въ государскихъ мѣстахъ, но съ службъ, заявляя, что показываемое количество службъ выслужено шляхтою въ тѣхъ ея имѣніяхъ, въ которыхъ потомъ осѣли мѣстечка. Королю пришлось снова напоминать о томъ, что подводная повинность касается всего государства и настаивать на ея выполнении²⁾. И въ послѣдующіе сеймы государю пришлось разъяснять и напоминать о значеніи для государства земскихъ повинностей и настаивать на ихъ выполнении³⁾, и въ результатѣ онъ выслушалъ на сеймѣ 1569 г. новую просьбу шляхты о полномъ освобожденіи ея подданныхъ отъ мостовой и замковой повинностей, на что король отвѣтилъ отказомъ⁴⁾.

Такимъ образомъ, въ концѣ изучаемаго періода правительство добилось введенія особаго налога взаимѣмъ натуральной подводной повинности и согласія шляхты на несеніе ея людьми замковой, сторожевой и мостовой повинностей. Ревизіи замковъ, составленная въ 1552 г. представляютъ собою регистрацію повинностей, отбываемыхъ

¹⁾ Акты З. Р., III, р. 54.

²⁾ Ibidem, р. 100.

³⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, 146, 160.

⁴⁾ Ibidem, р. 500.

государскими и шляхетскими подданными. Въ нѣкоторыхъ областяхъ дѣло регистраціи обошлось безъ недоразумѣній, напр. въ Полоцкой землѣ, въ другихъ шляхта не высказала готовности предъявить свои привилег. Во всякомъ случаѣ, составленное ревизорами описаніе старостъ послужило для правительства такимъ реестромъ, на основаніи которыхъ оно начало требовать отъ шляхты выполнения повинностей. Но вообще мы очень мало знаемъ, какъ организованы были повинности съ шляхетскихъ подданныхъ. Можно только высказать предположеніе, что великовѣжеское правительство, несмотря на многочисленныя обещанія на сеймахъ, всетаки стремилось объявить сеймовое постановленіе 1551 г. въ смыслѣ уничтоженія частныхъ льготъ¹⁾.

Болѣе подробныя свѣдѣнія мы имѣемъ касательно южной Украины. Здѣсь замковая сторожа и подводная повинность играли весьма важную роль. Между тѣмъ, правительству было весьма не легко, виду оппозиціи со стороны шляхты, слѣдить за выполненіемъ повинностей на крайнемъ югѣ. Осенью 1560 г. правительство отправило на Южную Украину спеціальнаго агента—искономію вилеискаго державцу вельишскаго пана Яна Юревича Волчовича. Его миссія состояла въ введеніи новыхъ порядковъ отбыванія повинностей въ Брацлавскомъ и Веніцкомъ повѣтахъ. Онъ долженъ былъ дѣйствовать соимѣстно съ тамошнимъ старостой княземъ Богуслѣмъ Федоровичемъ Корецкимъ. При отправленіи Волчовича ему дана была особая инструкція, излагающая тѣ порядки, которые ему надо было завести на югѣ. Уже ревизоры намѣтили рядъ улучшеній, которыя, по ихъ мнѣнію, нужны на югѣ для унорядоченія отно-

¹⁾ Объ этомъ свидѣтельствуютъ государскія листы извѣстному пану Филому Кшишъ и нѣкоторымъ другимъ землянамъ вилеицкимъ по поводу выполнения ихъ людьми повинностей. Эти земляне уклонялись отъ повинностей, такъ какъ получили государскіе „вызволенье“ листы. Сигизмундъ Августъ однако разъясняетъ: „Ино вызволеньк листы наши одержали есте за сиравою и пробами своими въ неведомости, што въ томъ належитъ потребе земской и овому замку панскому, также безвѣщности простереженю и вораку тѣмъ тое гераны ку шкоде потребамъ земскимъ, с чого мы николи выволодити, или того речи посполитой ублжати не можемъ, и хоти бы не только листы, але и правильныи отъ насъ и отъ предковъ нашихъ былъ хто отъ таковыхъ повинностей, то есть ино отъ подвождъ, работъ замковыхъ, востовъ, татей вызволень, тогда на сеймахъ великихъ вышлыхъ зъ уфалы нашею и всякъ становъ, таковыи привилег на сторожу отъложоны а вожди тому, на што былъ въ томъ повиненъ, досить чыпати влестъ“. Кн. Зап. Лут., XLII, а. 54 об. — 56.

шей помѣщиковъ къ крестьянамъ и отбыванія повинностей ⁴⁾. Можетъ быть, эти донесенія и послужили матеріаломъ для проектированной въ 1560 г. повинностной устави. Образцомъ для устройства Украины послужила Польша. Интересно, что Волчковичъ не только долженъ былъ завести новые порядки, касающіеся государственныхъ повинностей, но и вторгнуться въ отношенія землицъ къ ихъ подданнымъ. Первый пунктъ данной ему инструкціи предлагаетъ, чтобы онъ возложилъ на частновладѣльческихъ подданныхъ такіе же платы, какіе они даютъ своимъ панамъ въ Польшѣ,—только въ нѣсколько меньшемъ размѣрѣ; при этомъ тѣ платы, которые въ Польшѣ подданные даютъ натурою, и здѣсь должны быть оплачиваемы натурою, а что въ Польшѣ оплачивается деньгами, то и на Украинѣ оплачивается деньгами же. Если бы правительство могло провести этотъ первый пунктъ инструкціи, то оно произвело бы цѣлую реформу въ экономическомъ и социальномъ строѣ Украины. Правда, инструкція не называетъ той части Польшы, которая должна была послужить образцомъ для литовской Украины. Но если даже предположить, что такимъ образомъ была польская Подолія или Галиція, то и въ такомъ случаѣ установленіе платежей по нормамъ, существовавшимъ въ послѣднихъ областяхъ, должно было повести къ преобладанію на Украинѣ земледѣлія и скотоводства, вмѣстѣ господствовавшихъ здѣсь пчеловодства и рыболовства. Въ социальномъ отношеніи введеніе польскихъ порядковъ могло бы привести въ прикрѣпленію крестьянства и уничтоженію полного казачества. Все эти экономическія и социальныя мѣры дѣйствительно были проводимы, но уже въ послѣдующее время и притомъ самими помѣщиками. Правительство же Сигизмунда Августа было слишкомъ безсильно для столь радикальныхъ мѣропріятій. Хотя попытка Сигизмунда Августа и не удалась, однако интересно, что уже и тогда задумывались надъ тѣмъ, какъ измѣнить социальное устройство южной Украины, и уже тогда приходили къ мысли, выработанной до извѣстной степени той широкой колонизаціонной волной, которая полилась послѣ уніи 1569 г.

Другіе пункты данной Волчковичу инструкціи касались установленія новаго порядка въ отбываніи полевой сторожи и подводной повинности. Ему предложено выбрать по одной службѣ изъ каждого

⁴⁾ Źródła dziejowe, VI, p. 116, 124, 125, 126.

десятка, специально для полевой сторожи. Эти люди должны быть отданы въ распоряженіе заѣзжающей сторожей въ обояхъ повѣтахъ Мискѣ Петвичанскому. Онъ обязанъ установить очередь, опредѣлить мѣста, гдѣ должна стоять стража, и вообще устроить все такъ, чтобы непріятель не могъ безвѣстно пробраться въ предѣлы государства. Если шляхта не захочетъ назначить сторожу въ такомъ видѣ, то господарь предлагаетъ установить съ ея людей особый платъ, которымъ можно было бы оплатить наемную стражу, такъ какъ господарь не намѣренъ давать изъ своего скарба болѣе тѣхъ 30 коней грошей, которые и раньше были выдаваемы, и такъ какъ здѣшніе шляхетскіе подданные не платятъ серебрины.

Что касается подводъ, то инструкція предлагаетъ установить съ шляхетскихъ подданныхъ уже извѣстный намъ подводной платъ; платъ здѣсь предложено вимать не съ службъ, но съ ульевъ, по одному грошу съ каждаго десятка пасечныхъ ульевъ. Изъ этой подати, взимаемой съ мѣщанъ, господарскихъ и землевладѣльческихъ подданныхъ, должны быть уплачиваемы гонцами и посланцами прогоны тѣмъ изъ подданныхъ, на обязанность которыхъ будетъ возложено держать для подводъ лошадей. Староста вмѣстѣ съ Волчковичемъ должны установить почтовые перегоны. Однако замковыя слуги по прежнему должны отбывать подводную повинность, потому что они рассылаются для вѣстей въ Черкасы.

Были приняты мѣры также и относительно снабженія замковъ провіантомъ: съ этою цѣлю Волчковичу предложено составить реестръ всѣхъ оброчныхъ господарскихъ полей и съ нихъ назначить сборъ десятины хлѣбомъ, который и обращается для „наспіжованья“ замковыхъ маганновъ.

Наконецъ, послѣдній пунктъ инструкціи запрещаетъ вывозъ и продажу за границу господарскими и частновладѣльческими подданными прѣсноваго меду: медъ скупается по вольной цѣнѣ старостами въ замкахъ.

Эта инструкція представляетъ большой интересъ, такъ какъ отражаетъ въ себѣ взгляды правительства. Но не менѣе интересны и тѣ практическіе результаты, къ которымъ привела масса Волчковича. Они были довольно плачевны.

Въ началѣ января 1561 г. Волчковичъ составилъ въ присутствіи мѣстныхъ земанъ актъ, въ которомъ наложилъ свое „поставовенне“⁶⁾. Означивается, что какъ на установленіе платогъ съ подданныхъ по поль-

скому образцу, такъ и на новый порядокъ сторожа, мѣстные земледельцы не согласились, за исключениемъ одного князя Матвея Четвертискаго. Поэтому Волчковичъ постановилъ, что съ этого времени должна быть взимаема съ здѣшнихъ землевладельцевъ людей серебица, согласно сеймовымъ уфаламъ. На эти то средства и будетъ организована полевая сторожа, во главѣ которой остается уже упомянутый нами Петичанскій. Что касается подводъ, то земледельцы не пожелали замѣнить ихъ подводнымъ платомъ, предпочитая выставлять подводы по старому. Но такъ какъ это зависитъ отъ воли господарской, то Волчковичъ составилъ постановление о подводномъ платѣ, согласно съ господарской инструкціей. Затѣмъ, согласно съ той же инструкціей, Волчковичъ составилъ списокъ оброчныхъ земель и уставу касательно продажи меда ¹⁾.

Изъ этого видно, что едва ли правительство Сигизмунда Августа успѣло фактически ввести въ дѣйствіе на южной Украинѣ реформу нѣдво дной повинности, установленную на сеймѣ 1551 г. Неудачной оказалась также его попытка реорганизовать сторожевую повинность, столь важную для южной границы: но крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи оно не добилося того, что считало наиболее удобнымъ. Что касается замковой повинности, то на этотъ счетъ скарбъ былъ пока спокоенъ, такъ какъ южные замки были заново построены на его же средства въ началѣ пятидесятихъ годовъ.

Такъ стоялъ въ концѣ изучаемаго періода, вопросъ объ отбываніи повинностей съ частновладельческихъ земель; но одновременно и по тому же типу правительство реформировало повинностную систему въ господарскихъ волостяхъ и державкахъ. Здѣсь дѣло касалось собственно подводной повинности и отчасти сторожевой, такъ какъ ревизіи и волостныя уставы регистрировали и распределяли замковую работу. Дѣло касалось только мѣстныхъ особенностей въ организаціи повинностей послѣдняго рода.

Въ общемъ, правительство руководствовалось одинаковыми принципами какъ по отношенію къ тѣмъ державамъ, которыя были переведены на волоки, такъ и по отношенію къ русскимъ волостямъ.

Такъ какъ волочная устава была проведена въ западныхъ и центральныхъ державахъ, то сторожа и замковая повинность имѣли здѣсь характеръ барщины ²⁾, наравнѣ съ работою во дворахъ и под-

¹⁾ Ка. Зал. Лиг., XLIV, т. 35 об. — 41 об.

²⁾ Акты 3. Р., III, р. 87.

водами для нужды эконоіи. Въ восточныхъ волостяхъ господарскіе подданные отбывали объ повинности на ряду съ частновладельческими людьми. Но замковая повинность здѣсь сдѣлалась исключительно мѣстной. До изданія устава русскимъ волостямъ, мѣстные подданные „выговались“ на работу южныхъ замковъ. Теперь же они должны были нести работы по постройкѣ только своихъ мѣстныхъ замковъ. Объясненіе этому надо искать въ томъ, что въ Подоѣйрови къ шестидесятымъ годамъ возникаетъ рядъ замковъ въ центрахъ здѣшнихъ волостей. Съ другой стороны, опасность отъ непрітели стала угрожать государству не только со стороны юга, но и съ востока. Поэтому рабочія руки были направлены на мѣстную оборону. Что касается сторожевой повинности, то здѣсь она обыкновенно отбывалась не натурою, но оплачивалась особымъ податкомъ, который имѣлъ чисто мѣстный характеръ. Въ городахъ, съ этой дѣлью, были обложены торговныя заведенія ¹⁾.

Подводная повинность въ господарскихъ волостяхъ была усвоена согласно сеймовому постановленію. Каждая волока была обложена шестью подводными грошами. Только въ русскихъ волостяхъ, гдѣ волочное измѣреніе не прошло, эта подать была разложена иначе: она взималась здѣсь съ дыму, съ бортиныхъ деревьевъ и съ огородовъ. Всякій отдѣленный домохозяинъ платилъ по два гроша съ дыму; съ лѣзна бортиныхъ деревьевъ платился по три гроша (разумеется независимо отъ платы съ дыма). Съ владѣющихъ только однимъ огородомъ взималась одна грошь, а съ немѣющихъ даже огорода брали по полъ-гроша ²⁾.

Въ городахъ также была введена особая раскладка подводной подати. Она состояла изъ слѣдующаго: въ большихъ городахъ были введены промышленныя налоги, который надаютъ на производство торговли и промысла. Къ этому налогу привлечены не только лица, постоянно

¹⁾ Акты 3. Р., III, р. 111; Акты 3. Р., IV, р. 129.

²⁾ Приведемъ также, во которой были обложены торговно-промышленныя заведенія въ городахъ. Торговцы шелковыми товарами платили по четыре гроша. Съ торговли сукнами и вообще красными товарами (крапчатые товары) взималось по два гроша. Отъ торговли золотыми издѣльями и въ то же время золотыхъ дѣлъ мастеровъ (золотари) также платалось по 2 гроша. Рѣшники платили по 2 гр. Въ корчмахъ налогъ взимался отдѣльно, отъ торговли медомъ и пивомъ — по одному грошу отъ каждого, отъ вина — по два гроша. Всякаго рода ремесленники должны были платить по одному грошу „за ремесло“. Акты 3. Р., III, р. 91, 92, 93.

торгующие или занимающиеся ремеслами в городах, но также и все те, кто „на один раз в мѣсяцъ торговалъ, альбо ремесла упражнялъ“. Этими путемъ должны быть привлечены къ уплатѣ налоговъ все лица, временно появляющіеся на городскихъ рынкахъ съ означенными въ уставѣ предметами торговли, ремесленными издѣльями и проч.; слѣдовательно, уплачивать налогъ должны бы иноподданные купцы и иностранцы. Впрочемъ, по отношенію къ послѣднимъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ изданія волочной устави, было сдѣлано раздѣленіе въ томъ смыслѣ, что они освобождаются отъ подводнаго налога, если не владѣютъ нигдѣ въ государствѣ городскою недвижимостью. Для регистраціи плательщиковъ составлялся „реестръ урядовой“; если кто будетъ уличенъ въ торговлѣ предметами, незаписавшись въ реестръ, то обязанъ внести налогъ и за торгъ этими товарами. Сборъ налога порученъ замковому уряду и взимается въ два срока въ году. Частовладѣльческіе люди уплачиваютъ налогъ по шести грошей отъ службы, при чемъ объемъ этой городской службы нигдѣ не опредѣленъ. На обязанности уряда лежитъ передача налога въ скарбъ. Разложенный такимъ образомъ налогъ падалъ именно только на промыселъ, такъ что если одно и то же лицо имѣло нѣсколько промысловыхъ заведеній, то оно платило налогъ отъ каждаго изъ нихъ. Въ общемъ, этотъ налогъ охватывалъ всякаго рода ремесла, продажу напитковъ, а изъ предметовъ торговли—только наиболѣе крупныя формы ея (торговлю шелковыми, суконными и золотыми издѣльями), такъ что мелочная городская торговля не подлежала этому налогу, въ томъ числѣ и жизненные продукты.

Такъ былъ разложенъ подводный налогъ въ привилегированныхъ городахъ. Въ остальныхъ городахъ гдѣ была введена волочная система, объектомъ обложенія признава городская недвижимость и городскіе земельныя угодія. Здѣсь платили по два гроша отъ дому, по три гроша отъ волюки. А въ городахъ, въ которыхъ еще не прошла волочное измѣненіе, платили съ дома по два гроша, съ фольварковъ по шести грошей, отъ службы людей тоже по шести грошей и отъ огородинка по 2 гр. ¹⁾

Такъ была установлена въ 1557 г. раскладка спеціального налога, который замѣнялъ собою, въ извѣстной мѣрѣ, натуральную по-

¹⁾ Акты 3. Р., III, р. 95.

винность. Дѣло въ томъ, что сама подводная повинность не была вполне отменена. Какъ было на практикѣ устроено почтовое дѣло, разъясняется уставомъ о подводахъ, изданной въ томъ же 1557 г.

Эта устава вводитъ совсѣмъ новые порядки въ дѣло отбаванія повинности. Такъ какъ часть городовъ была совсѣмъ освобождена спеціальными привилегіями отъ подвода, то устава предписываетъ держать на предмѣстьяхъ этихъ городовъ подводы. Въ городахъ, сидящихъ на волюкахъ, также должны быть содержимы почтовые лошади, и подводная повинность распределяется между жителями. Раздѣчно подводу заведуютъ городскіе и сельскіе войты. Отъ Вильны по всея концы государства должны быть опредѣлены почтовые дороги и на нихъ установлены почтовые станціи, разстояніемъ отъ трехъ до семи миль другъ отъ друга. Мѣщане и крестьяне тѣхъ селъ и городовъ, гдѣ устроены почтовые станціи, обязаны вести отъ станціи до станціи лицъ, слѣдующихъ по казенной надобности и имѣющихъ особые листы, разрѣшающіе имъ пользоваться почтою. Но почтари за свой трудъ получаютъ плату по опредѣленной таксѣ— „помилное“. Помилная плата назначена въ слѣдующемъ размѣрѣ: отъ верховой лошади платилось по одному грошу на милю; также оплачивалась и лошадь проводника. За одну лошадь, выраженную въ экипажъ, полагалось по 1½ гроша на милю, а отъ парнаго экипажа—по два съ половиною гроша; если слѣдующій на казенной почтѣ имѣетъ свой экипажъ, то—три гроша отъ мили. Если гонецъ возвращается на той же подводѣ обратно, то снова платитъ по той же таксѣ. Гонецъ обязанъ дать плату за подводы впередъ на каждой станціи. Очевидно, по избѣжанію излишнихъ требованій со стороны проѣжающихъ, установлена довольно сложная процедура для полученія почтовыхъ лошадей: гонецъ предъизлечь „подводный листъ“ сначала господарскому уряду, а послѣдній уже отъ себя даетъ распоряженіе отпустить подводу. Отмѣтка о выдачѣ подвода дѣлается на самомъ листѣ, во избѣжаніе многократнаго пользованія почтовыми лошадьми по одному и тому же открытому листу. Господарскимъ дворянамъ строго воспрещено, подъ угрозой тюремнаго заключенія, гнать лошадей болѣе одного перегона. Дворяне и гонцы получаютъ деньги на почтовые расходы изъ господарскаго скарба. Для этого при господарскомъ дворѣ и при скарбѣ устанавливаются особые чиновники, на обязанности которыхъ должна лежать отправка гонцовъ и посланцовъ. Послѣдніе получаютъ почтовые расходы по одному грошу

на мило на одну лошадь и по одному же грошу от мали на харчи; если съ гонцом ѣдет пѣсколько слугъ, то каждому изъ нихъ полагается также по одному грошу на мило суточныхъ. Будущимъ въ экипажахъ полагается по полтора гроша на мило суточныхъ. Впрочемъ, вообще, суточные могутъ быть выдаваемы „воде особы и потребности“, по усмотрѣнію заведующаго почтою чиновника и съ согласія господари. Изъ украинскихъ городовъ гонцовъ съ листами отправляли воеводы и старосты и снабжали ихъ деньгами на почтовые расходы. Гонецъ являлся въ господарскую канцелярію и, если оказывалось, что онъ дѣйствительно приѣзжалъ по государственнымъ дѣламъ, а не по личнымъ дѣламъ воеводу и старосты, то скарбъ оплачивалъ почтовые расходы¹⁾.

Такимъ образомъ была организована почтовая гоньба. Важнымъ фактомъ въ финансовой исторіи государства является отмена бесплатнаго отбаванія подводной повинности и введеніе specialнаго государственнаго налога²⁾. Были установлены особые тракты и по нимъ, болѣе или менѣе равномерно распределены почтовые станціи. Были, наконецъ, приняты мѣры къ тому, чтобы прекратить злоупотребленія въ пользованіи почтовыми лошадьми, что такъ тяжело отзывалось на подданныхъ до введенія подводной реформы. Правда, для городовъ и селъ, расположенныхъ на станахъ, подводная повинность оставалась еще въ известной мѣрѣ натуральной повинностью, потому что здѣсь обязательно содержались лошади и давались люди для почтовой гоньбы.

Таковы результаты историческаго развитія земскихъ повинностей въ Литовско-русскомъ государствѣ. Важная сторона этого процесса заключается въ переводѣ важнѣйшихъ изъ натуральныхъ повинностей на деньги. Такой переходъ произошелъ съ подводной повинностью и отчасти съ сторожевой.—по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ этого удалось достигнуть. Городовая работа также въ известной мѣрѣ измѣнила свой первоначальный характеръ: сдѣлавшись мѣстной, она въ тоже время на практикѣ отчасти переводится на деньги, потому

¹⁾ Ibidem, p. 92—93.

²⁾ Правительственная сфера и само общество того времени считали подводный налогъ государственнымъ. Это видно и изъ того, что онъ смѣнилъ собою земскую подводную повинность, и подтверждается частными заявлениями актовъ. Освобождая 1560 г. германскихъ загармистра и бальвера отъ чина и канцелярии, государь заявляетъ: „одной описи подводные предсе будутъ они повинни поддугъ устави наше до скарбу нашего двати: съ того имъ ихъ, яко съ потреби и поддугу речи посолитое, не вызволяемъ“. Ки. Зап. Лит., XLII, з. 57.

что скарбъ начинаетъ отпускать значительныя суммы изъ общихъ государственныхъ средствъ на устройство поныхъ и исправленіе старыхъ укрѣпленій. Сами повинности приобрѣтаютъ строго-государственный характеръ, не допускающій никакихъ изыатій.

Поднякоминиши съ тѣмъ кругомъ повинностей, который по терминологіи того времени назывался земскимъ и за которымъ быть признается современниками общегосударственный характеръ, мы можемъ закончить нашъ обзоръ указаніемъ еще на двѣ повинности, имѣвшія сравнительно меньшее значеніе и распространеніе, но тоже носившія государственный характеръ. Мы имѣемъ виду постоянную повинность и сборъ хлѣба для пополненія провинтскихъ магазиновъ въ украинскихъ замкахъ.

Постоянная повинность обыкновенно называлась „столяе гостей“. Право на такое „столяе“ въ домахъ частныхъ обывателей имѣли различные представители администраціи и ихъ слуги; вѣроятно, эта повинность находилась въ тѣсной связи со станціею. Въ древнѣйшее время эта повинность имѣла болѣе широкое распространеніе, но съ теченіемъ времени утрачиваетъ свой обязательный характеръ вълѣдствіе льготъ, даруемыхъ общими и частными великокняжескими грамотами, освобождающими населеніе отъ постоя въ его домахъ воеводу, старосты и ихъ слугъ¹⁾. Съ теченіемъ времени эта повинность осталась, повидному, только въ Вильнѣ; для сохраненія ея въ столицѣ, конечно, было не мало поводовъ. На практикѣ, при отводѣ помѣщеній въ домахъ частныхъ лицъ, здѣсь происходили весьма частыя злоупотребленія, отъ которыхъ страдало мѣстное посольство, такъ какъ становичіе, т. е. вриадники, занимавшіеся раздачей квартиръ, допускали разнаго рода вымогательства. Вълѣдствіе этого, по жалобѣ виленаго посольства, Спигзмундъ Августъ издалъ въ 1568 г. особую уставу, опредѣляющую порядокъ постоянной повинности. Право на постоя получаютъ только господарскіе дворяне и слуги какъ господа, такъ и пановъ радъ и вриадниковъ. Никто другой не можетъ пользоваться даровымъ постоемъ. Квартиры для постоевъ могутъ быть отводимы только тогда, когда государь лично находится въ Вильнѣ. При отводѣ квартиръ господарскими или маршалковскими становичими, вриадничю должны съ этого времени присутствовать двое городскихъ радцевъ. Постой

¹⁾ М. Н. Денискій, Уставныя грамоты, р. 144; Акты Лит.-рус. гос. I, р. 91.

не может быть отведенъ въ той квартирѣ, гдѣ живетъ самъ домохозяинъ, и каждая отведенная квартира должна имѣть отдѣльный ходъ и особый запоръ¹⁾. Сверхъ того, господамъ довольно часто освобождалъ отдѣльные дома отъ этой повинности²⁾. Въ Вильнѣ эта повинность терла свой прежній тяжелый характеръ. Съ 1568 г. послы земскіе получили право пользоваться „господами“ въ домахъ частныхъ лицъ³⁾, но этимъ правомъ они могли воспользоваться только въ годы паденія Речи Посполитой.

Что касается повинности по поставкѣ хлѣба въ провіантскіе магазины, то она сравнительно весьма поздняго происхожденія. Она возникла въ шестидесятихъ годахъ XVI в. и находится въ связи вообще съ реорганизаціей замковыхъ повинностей. Впрочемъ, быть можетъ „житщина“, собиравшаяся и ранѣе въ этихъ волостяхъ, явилась предшественницей этого сбора⁴⁾. Свѣдѣнія, попадающіяся въ источникахъ по поводу сбора хлѣбныхъ „долей“ (такъ наз. эта повинность), весьма отрывочны и случайны. Въ некоторыхъ мѣстностяхъ этотъ сборъ „долей“ не подходитъ и подъ повліяніе повинностей: напр. въ южной Украинѣ замковые шпихлеры наполняли десятиннымъ сборомъ съ господарскихъ оброчныхъ полей⁵⁾. Трудно сказать, какой характеръ носило собраніе „долей“ въ восточныхъ волостяхъ, т. е. были ли и здѣсь этотъ сборъ оброкомъ, или же принялъ характеръ натуральной повинности⁶⁾.

6. *Татарщина, ордынщина, посочина, подымщина, поголовщина, половащина, сребщина и происхожденіе податка земскаго.*

Прямыхъ подати въ Литовско-русскомъ государствѣ имѣютъ двойное происхожденіе. Одна изъ податей—ордынщина имѣетъ своимъ началомъ тѣ отношенія, въ которыя государство стало къ Крымской

¹⁾ Собраніе грамотъ г. Вильны, I, р. 114—116.

²⁾ Выпрашѣръ, Кв. Зап. Лит., XXXVII, л. 498; Кв. Зап. Лит., XXXI, л. 129 об.; Кв. Зап. Лит., XLVIII, л. 168 и др. Иногда лица, которымъ отводились въ домахъ мѣстныя квартиры, выпрашивали себѣ разрѣшеніе на сооруженіе особой пристройки при домѣ, въ которомъ имъ отведена „господа“ (Кв. Зап. Лит., XXXVI, л. 331). Вотъ одна изъ причинъ появленія въ Вильнѣ такъ наз. эскандиторскихъ домовъ.

³⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 481.

⁴⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, р. 207; Кв. Зап. Лит., XIV, л. 205—206.

⁵⁾ Кв. Зап. Лит., XLIV, л.

⁶⁾ Кв. Зап. Лит., XLV, л. 49 об., XLIV, л. 49 об.

ордѣ. Происхожденіе другой подати, носившей названіе сребщины или поголовщины, кроется въ условіяхъ образованія Литовско-русскаго государства; объ послѣдній подати вѣдѣлись не одновременно; такъ сеймъ декретировалъ или поголовщину или сребщину, предпочтя послѣднюю первой. Въ понятіяхъ того времени сребщина или поголовщина была государственная прімакъ подати въ собственномъ смыслѣ; поэтому онѣ носили общее названіе „податка земскаго“, или „плата посполитаго земскаго“, или „плата“ „на потребу Речи Посполитой уфаленого“.

Вопросъ о происхожденіи прямой подати намъ удобнѣе всего начать съ податей имѣвшихъ своимъ происхожденіемъ татарскія отношенія. Такая постановка даетъ намъ возможность устранивъ предположеніе о связи земскаго податка съ татарскими податями. Въ исторіи подати, имѣвшей своимъ источникомъ отношенія къ татарамъ, намѣчается два періода: первый періодъ—это время татарскаго владычества надъ некоторыми изъ русскихъ областей, вошедшихъ потомъ въ составъ Литовско-русскаго государства, и второй періодъ, охватывающій время съ конца XV в. и продолжающійся приблизительно до половины XVI в. Какъ намъ кажется, въ оба указанные періода собиралась дань, не одинаковая по своему происхожденію и различная въ своихъ цѣляхъ.

Подъ властью татаръ находились въ XIII и частью въ началѣ XIV в. южная и восточная области Литовской Руси. Здѣсь, какъ и въ восточныхъ частяхъ Руси, татарскіе ханы собирали съ подчиненныхъ имъ земель дань. Такъ Смоленская земля подчинялась татарамъ въ 1274 г.: въ ней жили ханскіе чиновники, хотя фактически владычество Золотой Орды едва-ли продолжалось здѣсь долѣе половины XIV столѣтія¹⁾. Надъ Кіевской землей, столь сильно опустошенной татарами, зависимость отъ татаръ хотя въ значительной мѣрѣ и чисто номинальная, тяготѣла еще въ концѣ XIV в. и, по крайней мѣрѣ до Одыгерды, выражалась въ платежѣ даней²⁾. Волинская земля во второй половинѣ XIII в. платила завоевателямъ дань подъ названіемъ „татарщины“³⁾. Волоховская земля также, какъ извѣстно, состояла въ данническихъ отношеніяхъ къ татарамъ⁴⁾. Подольская

¹⁾ П. В. Голубовскій, Исторія Смоленской земли, р. 304—305, 314—315.

²⁾ М. С. Грушевскій, Очеркъ исторіи Кіевской земли, р. 496.

³⁾ Ипат. лѣт., р. 495.

⁴⁾ Н. П. Дашкевичъ—въ извѣстной монографіи о Волоховской землѣ.

земля была освобождена от уплаты дани татарамъ жившимся сюда Кориатовичами; послѣдніе, овладѣвъ Подолією „почали ихъ боронити отъ татаръ, и данн татаромъ не почали дати“¹⁾. Однако, судя по грамотамъ, выданнымъ Александромъ и Федоромъ Кориатовичами, освобожденіе Подольской земли отъ этой дани было или неполное, или же Кориатовичи въ немъ не были увѣрены. Г. Молчановскій склоненъ думать, что съ приходомъ Кориатовичей давнишскія отношенія къ Орду не прекратились²⁾. Проф. Леонтовичъ высказалъ мнѣніе, что эти грамоты говорятъ не о старомъ ордынскомъ выходѣ, но о временныхъ сборахъ съ населенія, установившихся „на случай татарскихъ набѣговъ, на исправленія замковъ и наемъ солдатъ, иногда также на выкупъ плѣнниковъ, зачастую въ то время попадавшихъ въ татарскую неволю“; онъ даже готовъ сравнить эту татарщину съ поздненичными деньгами³⁾. Такимъ образомъ, довѣряя свидѣтельству лѣтописи о прекращеніи Кориатовичами платежа татарской дани, проф. Леонтовичъ слишкомъ расширяетъ назначеніе собиравшейся князьями татарщины. На такое широкое пониманіе грамоты, однако, не упоминаютъ. Въ грамотахъ обоеихъ Кориатовичей говорится о томъ, что Смотрищскіе Доминикане и слуга Берданика должны давать серебряную дань въ томъ случаѣ, если всѣ земляне будутъ давать „дань у татары“⁴⁾. Очевидно, князья сами не были увѣрены въ томъ, что имъ не придется платить татарской дани и потому не желали уменьшать числа ея плательщиковъ на случай, если татары потребуютъ. Уже сама условность, допускаемая грамотами, указываетъ на то, что татарская дань не платилась, но въ полномъ освобожденіи отъ нея ни князья, ни населеніе не были увѣрены. Но разъ князья освободили Подолію отъ дани татарамъ, то это вовсе не значитъ, что населеніе перестало платить татарщину: она теперь шла въ княжескую казну. Такое предположеніе можно сдѣлать на томъ основаніи, что вообще всякаго рода древніе сборы отличались большою косою. И въ Московской Руси даннн деньги, взимавшіеся съ населенія на уплату татарскаго выхода, по прекращеніи послѣднлаго перешли въ княжескую казну⁵⁾. И по отношенію къ татарщине, такое предположеніе оправдывается довольно определенными свидѣтель-

¹⁾ Литовскія лѣтописи по св. Красивскихъ, р. 29.

²⁾ Очеркъ исторіи Подольской земли, р. 179, 182, 226.

³⁾ Очерки по исторіи литовско-русскаго права, р. 358—359.

⁴⁾ А. С. Лавно-Давидовскій, Организация прямого обложенія, р. 14.

ствами источниковъ. Такъ, въ грамотѣ Свидригайла тому же Смотрицкому доминиканскому монастырю 1405 г. упоминается tributum thartharogum въ числѣ другихъ consuetudines Подольской земли. И, что еще важнѣе, извѣстія о татарщине, татарской дани, встрѣчаются даже въ концѣ XV в. въ грамотахъ удѣльныхъ Пинскихъ князей¹⁾. Разумѣется, эта татарщина, которую въ XIII вѣкѣ Турово-Пинская земля платила вмѣстѣ съ Волынью, теперь въ XV в. поступала въ княжескую казну.

Такимъ образомъ большинство русскихъ земель, вошедшихъ въ составъ Литовской Руси, платило дань татарамъ. Какъ былъ организованъ сборъ этой дани, мы не знаемъ. Эти давнишскія отношенія продолжались приблизительно до половины XIV в. и затѣмъ, вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ условий, прекращаются. Русскія земли попадаютъ подъ власть литовскихъ князей: Возань и Киевица находится подъ протекторатомъ великаго князя Литовскаго, Подолія — въ рукахъ Кориатовичей, Смоленскъ усиливается въ это время и выгодно граничитъ между Москвой и Вильной. Вторая половина XIV в. доставила такимъ образомъ южно-русскимъ землямъ спокойствіе отъ татарскихъ набѣговъ²⁾ и освобожденіе отъ татарской дани. Правда населеніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ продолжало еще платить татарщину, но она поступала въ княжескую казну.

Такъ татарская дань была общегосударственной податью, которую впервые начали уплачивать иноземному завоевателю.

Собранные выше факты касательно прекращенія татарскаго владѣнія въ русскихъ земляхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прекращенія давнишскихъ отношеній имѣютъ для насъ еще тотъ интересъ, что наводятъ на мысль объ отсутствіи преемственной связи между старою татарскою данью и ордынщиною, которая шла на подарки и ушники крымскому хану.

Дѣйствительно, первое извѣстіе, въ которомъ встрѣчается терминъ „ордынщина“ относится къ 1499 г.³⁾ Впервые великій князь литовскій посылаетъ подарки ханамъ Крымской и Волжской Орды въ 1496 г.⁴⁾, а въ 1501 году акты сообщаютъ впервые же о раскладкѣ

¹⁾ Ревизія книгъ и переходовъ лѣтнихъ, р. 330, 340—348.

²⁾ М. Ф. Владимирскій-Будановъ, Населеніе Юго-Зап. Россіи, Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 59, 73, 76.

³⁾ Акты Лит.-рус. гос., р. 87.

⁴⁾ Акты З. Р., I, р. 165.

на города ордынщины¹⁾. Конечно, отсутствие известий еще не служит доказательством, но момент, когда возникает в числе податей ордынщина как раз совпадает с периодом самых жестоких нападений недавно образовавшейся Крымской Орды на Литовскую Украину: это восьмидесятые годы XV в.²⁾, а в результате одного из самых жестоких нападений Орды (1499 г.) является предложение Менгли-Гирею со стороны великаго князя Александра платить хану за мир и союз поголовную подать с населений Киевщины, Волыни и Подолія³⁾. Поэтому вполне возможно, что агрессивныя дѣйствія со стороны Крымской Орды побудили великокняжеское правительство установить особый налог на покрытие издержек, сопряженных съ дипломатическими отношениями съ Ордою. Вислѣдствіи при Сигизмундѣ I эти отношенія повели къ установленію правильной дани, которую король польскій и великій князь литовскій уплачивали татарскому хану подъ видомъ уюминокъ, т. е. подарковъ⁴⁾. На праву уюминокъ и собиралась ордынщина.

Сверхъ того что между татарской данью и ордынщиной лежатъ хронологическія перерывы, нельзя не замѣтить между обѣими и различія въ приемахъ сбора. Если бы ордынщина была преемницей татарской дани, то несомѣнно можно было бы между обѣими подмѣтить хотя бы слабую традиціонную связь. Между тѣмъ этой традиціи, столь неизбежной въ исторіи налоговъ, мы въ данномъ случаѣ не наблюдаемъ. Какъ ни скудны наши свѣдѣнія о способахъ собиранія татарской дани, мы всетаки знаемъ, что она налагалась и на землянскихъ и монастырскихъ людей. Между тѣмъ ордынщина падала только на города и на Подиѣровскія волости. Далѣе, въ спискахъ городовъ, на которые налагалась ордынщина, встрѣчаемъ рядъ такихъ городовъ, которые никоимъ образомъ не могли принимать участія въ платежѣ дани татарамъ, наиримѣръ, Вильна, Новгородокъ, Полоцкъ и др.

Вообще наши свѣдѣнія объ ордынщинѣ очень скудны. До насъ дошли двѣ росписи ордынщины (1501 и 1530 гг.) и общія упоминанія о сборахъ ея въ городахъ. Послѣднія отрывочныя известія о сборахъ ордынщина относятся къ шестидесятымъ годамъ XVI ст.⁵⁾; но

¹⁾ Акты З. Р., I, p. 343.

²⁾ М. Ф. Владимірскаго-Буданова, Населеніе, Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, p. 7.

³⁾ Акты З. Р., I, p. 211.

⁴⁾ Довнар-Запольскій, Литовскіе упоминанія татарскимъ ордамъ, p. 1—18.

⁵⁾ Бермакскій, Док. II, 131—133; Ки. Зап. Лит., XXXVII, з. 488, з. 451.

трудно сказать, какой характеръ носилъ сборъ этой подати въ это время, когда опасность отъ Орды сдѣлалась не столь настоятельной и когда вновь возведенныя укрѣпленія замки сдѣлались болѣе надежной защитой отъ татарскихъ нападений, чѣмъ дипломатическія завѣренія хановъ.

Какъ выше было уже сказано, ордынщина налагалась только на города и на Подиѣровскія волости. Это доказывается какъ списками ордынщины, такъ и отдѣльными о ней упоминаніями въ актахъ. Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы въ платежѣ ордынщины участвовали частновладельческіе подданные¹⁾. Ордынщина налагалась на города въ видѣ опредѣленнаго оклада, причѣмъ городамъ предоставлялось или уплачивать этотъ налогъ изъ „скринки хѣстекон“²⁾ или, если въ городской казнѣ не хватало наличныхъ суммъ, то горожанамъ предоставлялось производить разверстку среди жителей³⁾. Такимъ образомъ, этотъ налогъ носилъ репарационный характеръ. Надо еще замѣтить, что вниманіе о вниманіи великокняжескимъ правительствомъ ордынщины только въ тѣ годы, когда не собиралась серебрящина, какъ намъ кажется, не можетъ быть принято⁴⁾.

По сравненію съ серебрящиной, ордынщина вообще носила весьма скромныя размѣры, такъ какъ многие города, платившіе серебрящину въ размѣрѣ нѣсколькихъ десятковъ копѣ грошей, въ платежѣ ордынщины участвовали нѣсколькими конами. Повидимому, окладъ ордынщины, наложенный на города, отличался также большою неподвижностью⁵⁾, а для Вильны онъ былъ фиксированъ государскимъ приписемъ⁶⁾.

¹⁾ Впрочемъ, одно судебное дѣло между волостью Свислочною и людьми бояръ Котоничей говоритъ объ обязанности этихъ частновладельческихъ подданныхъ нести вмѣстѣ съ волостью, на ряду съ другимъ потагалимъ, и ордынщину. Но здѣсь дѣло касается такихъ подданныхъ, которые были пожалованы королемъ боярамъ безъ освобожденія ихъ отъ какого бы то ни было вида волостного тягла, въ томъ числѣ и отъ ордынщины. Разумеется, такія исключенія могли имѣть мѣсто. Акты З. Р., I, p. 87.

²⁾ Ibidem, p. 182.

³⁾ Акты З. Р., II, p. 11.

⁴⁾ Такое предположеніе высказано М. К. Любавскимъ (Общественное дѣленіе и пр., p. 487) на основаніи устава, выданнаго Бобруйской волости въ 1353 г. Объ этомъ см. ниже въ прим. при обзорѣ серебрящины съ государскихъ державъ.

⁵⁾ То и другое можно проверить при просмотрѣ данныхъ, помѣщаемыхъ въ приложеніи.

⁶⁾ Собраніе грамотъ г. Вильны и пр., I, p. 62.

Таким образом, древнѣйшія отношенія къ татарамъ породили подать, известную подъ именемъ татарской дани, татарщины, серебра, которую население русскихъ областей, покоренныхъ татарами, уплачивало до полов. XIV в.; смѣнившее татаръ литовское владичество освободило населеніе отъ татарской дани. Но набѣги со стороны Крымской Орды, начинавшея съ половины XV в., вызвали къ жизни подать, известную подъ именемъ ордыщины, которая, видѣвъ рента-тиціоннаго налога, падала на города и господарскія Подѣйровскія волости.

Какъ мы уже высказали предположеніе, источникомъ податна земскаго служатъ тѣ отношенія, которыя выработывались въ періодъ сложенаго государства. Доказательство этого надо видѣть въ отсутствіи непосредственной связи между древнерусскою данью и серебряною, существовавшей въ Литовско-русскомъ государствѣ. Прежде всего, весьма сомнительна общественно-правовая характеръ первой ¹⁾. Въ древней Руси сборъ дани носилъ двойной характеръ. Среди древнѣйшихъ набѣговъ мы встречаемъ такіа, какъ, напримѣръ, рассказы лѣтописи о платежѣ Вятичами дани Хазарамъ, объ обложеніи Новгородцевъ на наемъ варяжскаго ополченія въ борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ, объ установленіи дани и оброковъ великою княгинею Ольгою и т. п. Въ этихъ фактахъ мы имѣемъ полное основаніе видѣть такого рода подать, которая носитъ признаки общественно-правовой. Но съ теченіемъ времени, съ развѣтвленіемъ Руси на отдѣльныя земли, съ постепеннымъ осѣданіемъ на землѣ дружинныхъ элементовъ и съ развитіемъ частнаго княжескаго хозяйства, потребности въ такихъ сборахъ прекращаются. Очевидно, осѣвшій дружинный элементъ удовлетворяетъ, съ помощью земскаго ополченія, потребностямъ защиты, а развивающееся княжеское хозяйство удовлетворяетъ нужды двора. Князья поэтому уже не прибѣгаютъ къ сбору съ населенія экстраординарныхъ налоговъ. Дани, которыя князья собираютъ съ земледѣльческаго населенія, являются не столько общественно-правовою податью, сколько такою данью, которую и впоследствии получалъ вотчинникъ съ земледѣльцевъ, садившихся на его землѣ. Отсюда, кто не сидѣлъ на княжеской землѣ или не пользовался княжескими угодіями, тотъ и не платилъ дани, оброковъ. Князь могъ передать въ

¹⁾ А. С. Лавно-Давыдовскій, Организация прямого обложенія въ Московск. госуд., р. 13—14

частное пользованіе собираемыми имъ дани. Отсюда ясно, что въ древней Руси весьма трудно указать такой налогъ, который можно было бы признать прямымъ публичнымъ налогомъ, и въ особенности такой, въ которомъ можно видѣть прототипъ прямого налога Литовской Руси. Этихъ однако мы вовсе не хотимъ сказать, что древне-русская дань не имѣла никакого отношенія къ податной системѣ литовскаго періода; напротивъ, по нашему мнѣнію, эта дань могла послужить образцомъ, которымъ воспользовались въ литовскій періодъ.

Мы уже знаемъ, что элементы, на которые расчленилось государство въ періодъ его образованія, т. е. боярство собственной Литвы, области, присоединенныя къ великому князю и удѣльными князьями обязаны были великому князю нести военную службу: князья и земли обязаны были давать великому князю „помощь“, *auxilium*, о чемъ говорятъ и лѣтописи и присяжныя грамоты. Военно-служебный характеръ этой помощи лежалъ изъ множества данихъ, но въ отношеніяхъ великихъ князей къ подвластнымъ имъ удѣльнымъ князьямъ и областямъ проскальзываетъ еще одна черта, которую трудно уловить и въ особенности обобщить на основаніи имѣющихся въ нашемъ распоряженіи источниковъ: эта черта заключается въ томъ, что подчиненіе великому князю выражается, кромѣ военной службы, еще нѣкоторыми особыми интригами,—такими, которые показываютъ подчиненное отношеніе удѣльнаго князя великому: таковы, напримѣръ, обычай давать великому князю подарки, корми ¹⁾. Значитъ, служба, покора, послушенство удѣльнаго князя не ограничивалось одной поставкой военнаго контингента: обычай ставилъ еще нѣкоторыя условія, не оговариваемыя въ присяжныхъ грамотахъ, хотя и упоминаемыя въ уставныхъ земскихъ привилегіяхъ. Такое же замалчиваніе въ присяжныхъ грамотахъ мы встречаемъ и относительно денежной помощи, доставлявшейся удѣльными князьями великому, о дани. Такъ, присяжныя грамоты удѣльныхъ князей, выданныя въ 1385 и послѣдующихъ годахъ, ничего не говорятъ о томъ, обязаны ли удѣльные князья платить дань великому князю. Это обстоятельство даже подало поводъ высказать мнѣніе, что литовскіе удѣльные князья перестали съ этого времени платить подати великому князю ²⁾. Однако, едва ли такое утвержденіе вѣрно. Умолчаніе грамотъ не свидѣтель-

¹⁾ Ср. выше, р. во 2 гл.

²⁾ М. К. Любавскій, Литовско-русскій союзъ, р. 20.

ствуешь объ исчезновеніи обычая, извѣстнаго раньше и дѣйствовавшаго, какъ при Витовтѣ такъ и въ послѣдующее время.

Мы сейчасъ соберемъ тѣ свѣдѣнія, которыя встрѣчаются въ источникахъ касательно данническихъ отношеній удѣльныхъ князей къ великому. Но здѣсь же должно замѣтить, что и обобщать эти отношенія было бы рискованнымъ: надо помнить ту сложную связь междукняжескихъ отношеній, которая установилась во второй половинѣ XIV в. Рядомъ съ правомъ и обычаемъ, дѣйствуютъ и личныя отношенія и отношенія, устанавливаемые путемъ дипломатическимъ. Такъ Бестужевъ-Рюминъ высказалъ мнѣніе, что всѣ удѣльные князья платили дань великому. На это весьма основательно возражаетъ М. К. Любавскій указаніемъ, что такіе князья, какъ Кейстутъ, Скиргайло и Витовтъ не платили дани¹⁾. Такое предположеніе вполне вѣроятно и его можно подтвердить документальнымъ свидѣтельствомъ, касающимся Сигизмунда Кейстутевича. Онъ находился въ положеніи сходномъ съ тѣмъ, которое занимали названные три его предшественника, хотя и въ менѣе выгодномъ, чѣмъ Кейстутъ и Витовтъ. Однако, въ заключенномъ имъ съ Ягайломъ договорѣ встрѣчается категорическое заявленіе о томъ, что Сигизмундъ и его преемники не обязаны будутъ давать Ягайлѣ и его преемникамъ *ratione hujusmodi subsidii pro quibuscumque dampnis admonere (non debemus)*; впрочемъ, Сигизмундъ обязывается доставлять стаціи лично королю²⁾. Фактъ этотъ весьма важенъ. Значеніе его заключается не въ томъ, что великій князь литовскій не платилъ *subsidium* своему сюзерену, королю польскому. Для насъ важно, что эта грамота тѣмъ самымъ указываетъ, что платежъ дани является обычнымъ фактомъ въ отношеніяхъ служебнаго князя къ главѣ государства: необходима специальная оговорка о неплатежѣ дани даже въ договорной грамотѣ великаго князя литовскаго съ его сюзереномъ, королемъ польскимъ. Отсюда ясно вытекаетъ предположеніе, что въ отношеніяхъ удѣльныхъ князей къ великому взносъ дани, *subsidium*, является фактомъ обычнымъ, хотя могли допускаться и исключенія.

Такимъ образомъ, въ междукняжескихъ отношеніяхъ существовали условія, въ силу которыхъ зависимые князья платили дань. Но

¹⁾ Въ статьѣ о распределеніи столовъ и пр., лит. изд. Моск. истор. общества, р. 94.

²⁾ Дзюгоча, *Historia*, въ *Asdanis* 1711 г., I, р. 614.

есть свидѣтельства, говоряція объ этихъ отношеніяхъ болѣе определеннымъ образомъ. Орденскій лѣтописецъ, рассказывая о походѣ Кейстута на князя Корибуто Новгородѣверскаго, указываетъ на отношенія, существовавшія между Ягайломъ и Корибутомъ — *die seyne sines hatten uf gehalten*¹⁾. Такимъ образомъ, Новгородѣверскій князь платилъ великому извѣстную подать. Сохранившіеся въ нѣсколькихъ спискахъ присяжная грамота князя Феодора Львовича Новосильскаго и Одоевского великому князю Казимиру (1447 г.) содержитъ, между прочимъ, и слѣдующее обязательство удѣльнаго князя: „подѣнее мнѣ давати *по старинѣ*“²⁾, или, какъ гласитъ ея латинскій текстъ — *solitum annuum censuum*³⁾. Ссылка на старину въ данномъ случаѣ приобретаетъ особый интересъ, такъ какъ свидѣствуетъ, что платежъ дани — явление не случайное и, очевидно, не единичное. Такого рода показаніе приводитъ къ убѣжденію, что дань входила въ составъ тѣхъ *servicia*, которыя удѣльные князья должны были выносить по отношенію къ великому князю (*ab antiquo dominorum servivisse*, какъ говоритъ жалованная грамота короля Ягайла князю Феодору Острожскому)⁴⁾. Подъ *servicia* разумѣлась, по всей видимости, не только военная служба, но и уплата субсидій, дани. Дѣйствительно, кромѣ фактовъ, касающихся отдѣльныхъ князей, въ договорѣ великихъ князей Казимира и Василія Васильевича Московскаго 1449 г. встрѣчаемъ указаніе, свидѣтельствующее о томъ, что удѣльные князья, удѣлы которыхъ были расположены на Московскомъ рубежѣ, платили дань великому князю: „А Верховскіи князя што будутъ издавна давали въ Литву, то имъ и нынѣчи давати, а большы того не примышлати“⁵⁾. Среди этихъ Верховскихъ князей были и князья Вяземскіе, Новосильскіе, Одоевскіе, Можайскіе, Мстиславскіе и др. Слѣдовательно, всѣ они платили дань великому князю, но только въ присяжныхъ грамотахъ князя Новосильскаго и Одоевского встрѣчаемъ извѣстіе о платежѣ дани. Въ книгѣ данины великаго князя Казимира сохранилась еще въ высшей степени интересная для насъ замѣтка о платежѣ посолщины княземъ Вяземскимъ: „князю Костян-

¹⁾ Любавскій, *Статьи о распределеніи столовъ*, р. 94.

²⁾ Сборникъ Мухомова № 4; *Акты 3. Р.*, I, р. 55 и 77.

³⁾ *Monumenta Poloniae medii aevi*, II, р. 13, ирпа.

⁴⁾ *Arch. ks. Lub-Sang.*, I, р. 5.

⁵⁾ *Акты 3. Р.*, I, р. 65.

тину Вяземскому самому посоцину на своих людех имати, а давати ему въ годъ на годъ по тридцати рублей къ Смоленску у нашу казну¹⁾. Въ этой запискѣ проскальзываетъ одна черта, которой совершенно нельзя подмѣтить въ приведенныхъ выше фактахъ: князю Вяземскому разрѣшается самому собирать посоцину съ своихъ людей. Можно только пожалѣть о томъ, что до насъ не дошла подлинная грамота, выданная князю и что настоящее свидѣтельство стоитъ въ ряду другихъ слишкомъ уединенно. Но не смотря на это, имѣть нужды не доврять ясному смыслу приведеннаго текста. Льгота, данная князю Вяземскому, заключается въ томъ, что дань съ его удѣла назначена въ определенномъ размѣрѣ и что сборъ ея предоставленъ самому князю. Разъ это—льгота, то значить среди удѣльных князей бывали и такіе, изъ которыхъ дань поступала непосредственно отъ населенія въ центральную или областную казну.

Таковы данныя, которыя можно привести касательно податныхъ отношеній удѣльнаго князя къ центральному правительству. Нельзя не сознаться, что имѣющіеся факты довольно скудны. Но все же они даютъ основаніе для нѣкоторыхъ положительныхъ выводовъ. Надо еще обратить вниманіе, что факты эти охватываютъ почти весь періодъ сложенія государства: начинаясь эпохой Кейстута—Дгайлы, они доходятъ до половины XV в., т. е. до того момента, когда всѣ землевладѣльцы, въ томъ числѣ и князья, получили освобожденіе (впрочемъ, не всездѣ) отъ платежа государственной прямой подати. Наши факты не даютъ права на выводъ въ томъ смыслѣ, чтобы всегда и всѣ подчиненные великому князю удѣльные князья платили дань. Прежде всего, мы навѣрно можемъ утверждать, что великіе князья литовскіе не платили дани своему сюзерену, королю польскому. Далѣе, можно считать вполне вѣроятнымъ предположеніе, что и нѣкоторые изъ сильнѣйшихъ литовскихъ князей не платили дани великому, напримѣръ, Кейстутъ—Ольгерду. Но это уже составляло исключеніе. Въ общемъ же, въ междукняжескихъ отношеніяхъ господствовали обычаи, по которому удѣльный князь не только давалъ въ помощь великому военный контингентъ, но и вносилъ въ его казну известную подать. Очень вѣроятно, что эта подать стоитъ въ связи съ дарами, челобитіемъ великому князю, и такимъ образомъ явилась однимъ изъ актовъ подчиненія удѣльнаго князя великому.

¹⁾ Документъ Моск. Арх. Мин. Юст., р. 36.

Удѣльнокняжеская дань не носила во всемъ государствѣ определеннаго термина. Въ нѣкоторыхъ областяхъ эта дань собиралась ежегодно. Но весьма замѣчательны терминъ, которымъ названа эта дань въ грамотѣ Сигизмунда Кейстутевича: здѣсь она названа феодальнымъ терминомъ *subsidium*: это какъ бы указываетъ на право великаго князя требовать себѣ денежной помощи отъ покоренныхъ удѣльныхъ князей.

Таковы были податныя отношенія удѣльныхъ князей къ великокняжескому правительству.

Если удѣльные князья несли навѣстныя податныя обязанности, то вполне естественно предположить, что в области, входившія въ составъ государства, также вносили на себѣ податное бремя. И это можно утверждать не только на основаніи аналогіи. Въ Смоленскѣ была особая казна, въ которую стекались прямая подать—посоцина и корабельники; корабельники, вѣроятно, денежная дань, собиравшаяся съ горожанъ и, очевидно, соответствующая посоцинѣ. До самаго перехода къ Москвѣ существовала даже особая должность князевича Смоленскаго, вѣдавашаго этой мѣстной казной. Есть навѣстия также объ особомъ сборѣ, который находился въ Кіевѣ. Въ обоихъ случаяхъ финансовое управленіе было даже оставлено въ областномъ городѣ. Но по расходнымъ запискамъ видно, что мѣстными средствами распорядилось центральное правительство и что эти средства шли и на мѣстныя и на общегосударственныя нужды. Въ данномъ случаѣ, мы видимъ рѣдкій фактъ финансовой децентрализаціи. Относительно же другихъ областей, центральное правительство поступало такимъ образомъ, что собирало подати въ центральную казну. Подать, которую собирало правительство въ областяхъ, не носила одного общаго названія: она сохраняла мѣстные терминъ, напримѣръ, посоцина, подымщина, поголовщина, воловщина и серебрящина. Эти подати надо однако отличать отъ тѣхъ даней и полатковъ, которые собирались скрѣпомъ съ государскихъ волостей и городовъ. Основное различіе ихъ заключается въ томъ, что названныя подати платились не только государскими подданными, но шли и съ частновладѣльческихъ людей. Такимъ образомъ, онѣ могутъ быть названы податями, имѣвшими въ данной области публичный характеръ. Посоцина, подымщина и т. д. могутъ, конечно, переходить, по государскому пожалованію, къ частнымъ лицамъ, но, тѣмъ не менѣе, онѣ не входятъ въ составъ государскихъ доходовъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. доходовъ частныхъ.

Характеръ мѣстныхъ податей будетъ ясенъ, когда мы рассмотримъ ихъ по областямъ.

Прежде всего, обратимся къ *посоцини*. Эта подать была известна преимущественно въ предѣлахъ Смоленскаго княженія. Такъ, князь Михаилъ Ивановичъ Мстиславскій, жаловалъ нѣкоторыя села Никольскому Пагорному монастырю въ 1507 г., передать ему и право сбора съ жалюемыхъ людей посоцины ¹⁾. Тотъ же князь, надѣляя нѣкоторыхъ изъ своихъ бояръ землями на панцирной службѣ, обѣщаетъ не взымать съ нихъ посоцины ²⁾. Контекстъ этихъ жалованныхъ грамотъ уже даетъ нѣкоторое указаніе на то, что посоцина, рядомъ съ подимщиной и тамщиной (вѣроятно лмщиной), считалась такими сборами въ этомъ княженіи, которыя состояли въ числѣ податей, шедшихъ на князя и выходящихъ такимъ образомъ изъ ряда тѣхъ платовъ, которые давались помѣщикамъ. Такъ, въ грамотѣ Пагорному монастырю перечислены данн, которыя идутъ съ монастырскихъ людей; это—дань медовая и грошовая. Люди обязаны давать монастырю эти данн, но свободны отъ службъ и податей на князя: „И тымъ людямъ вышейписаннымъ нѣкоторой службы нашею и намѣстникомъ нашимъ не служити, ни посоцины и подимщины и тамщины тымъ людямъ не давати“³⁾. Почти въ такихъ же выраженіяхъ выдѣляется посоцина и въ другихъ жалованныхъ грамотахъ.

Характеръ посоцины раскрывается изъ известной записи о Смоленской посоцинѣ. Эта записъ свидетельствуетъ о порядкахъ, существовавшихъ еще при великомъ князѣ Витовтѣ. По словамъ этой записи, посоцина не взымалась съ родовыхъ боярскихъ отчинъ, съ купленийъ и съ пустошскихъ селницъ, пожалованныхъ великимъ княземъ боярину на службѣ. Зато со всякаго великокняжескаго „приданья“ къ основному служилому окладу или съ припятаго сверхъ оклада селница посоцина собиралась въ великокняжескую казну; только новыя распахн въ лѣсу не подлежали обложенію. Записъ предвидитъ также и такой элементъ среди боярства, который освобожденъ великокняжескими грамотами отъ уплаты посоцины ⁴⁾.

Записъ воспроизводитъ порядки времени великаго князя Витовта, и сама она записана со словъ „старыхъ старцевъ“ и старыхъ

¹⁾ Акты З. Р., II, р. 29.

²⁾ Акты Ю.-З. Р., I, р. 60, 236.

³⁾ Акты З. Р., I, р. 69.

путниковъ. Изъ этого ясно, что самый принципъ платежа данн въ великокняжескую казну былъ установленъ самимъ Витовтомъ послѣ покоренія имъ Смоленской области. Такъ какъ подать вносилась въ великокняжескую казну, то записъ указываетъ на льготы по платежу ей. Вообще весь податной порядокъ былъ установленъ самимъ великимъ княземъ. Для насъ это свидѣтельство—фактъ первостепенной важности, такъ какъ имъ подтверждаются два предположенія, высказанные нами раньше: во-первыхъ, что посоцина носитъ характеръ публичной подати и, во-вторыхъ, что великіе князья литовскіе, при подчиненіи областей, налагали на населеніе ихъ податное тягло. Посоцина собиралась въ Смоленскую казну до начала XVI в.: позднѣйшія свѣдѣнія о ней относятся къ 1503 г. ¹⁾, такъ что, быть можетъ, она уплачивалась Смоленскими землевладѣльцами до самаго перехода Смоленска къ Москвѣ. Какъ уже видно изъ записи о посоцинѣ, съ служебно-окладныхъ вотчинъ она не платилась, съ другихъ—одни изъ землевладѣльцевъ обязаны были давать посоцину ²⁾, другіе не платили ей ³⁾, такъ какъ имѣли специальное господарское освобожденіе ⁴⁾.

Въ ту же Смоленскую казну собиралась еще подать, которая лежала только на горожангахъ и, вѣроятно, была такою же податью съ горожанъ, какъ посоцина съ земледѣльцевъ. Книга дани великаго князя Казимира говоритъ о людяхъ, которые тянули данью съ горожанамъ: „у Смоленску, говоритъ одна записъ, Михайлу Бороде два человека Юрко съ суседомъ у Котошевичъ селе, а дан къ городу“ ⁵⁾; „Митьку Володесвичу видблянину село Лучино, ая будетъ недалное, а къ городу не тягло“ ⁶⁾. Отдѣльные лица освобождались отъ потяглей и даней вмѣстѣ съ городомъ, но за это платили особую дань въ казну—корабельники ⁷⁾.

Мы закончимъ нашъ обзоръ тѣхъ скудныхъ свѣдѣній, которыя сохранились въ источникахъ касательно посоцины, указавшемъ на то, что подя такая же названіемъ была известна подать, собиравшаяся

¹⁾ Акты Леонтовича, № 659 и 695.

²⁾ Ibidem, № 481.

³⁾ Ibidem, № 453.

⁴⁾ Акты Лит.-рус. гос., р. 89.

⁵⁾ Док. Арх. Мин. Юст., I, р. 21.

⁶⁾ Ibidem, р. 16.

⁷⁾ Ibidem, р. 21.

въ противоположномъ концѣ западно-русскихъ земель, именно въ Пинскомъ княжествѣ; здѣсь она собиралась въ казну удѣльныхъ князей¹⁾.

Рядомъ съ Смоленскимъ княжествомъ въ некоторыхъ Сѣверскихъ княженіяхъ и волостяхъ встрѣчаемъ *поголовщину*. О ней мы знаемъ очень мало, потому что эти области рано стали отходить къ Москвѣ. Такъ, эта дань при великомъ князѣ Казимирѣ собиралась въ Брисскомъ княженіи. Въ расходныхъ записяхъ этого господари находится замѣтка, что князю Дмитрію Шутачичу назначена ежегодная выдача по двадцати копѣ грошей съ брисской поголовщины²⁾. Поголовщина не смѣшивалась со сборами частнаго характера, что можно заключить изъ жалованной грамоты 1496 г. князю Тимофею Канустѣ на дворъ Лопашѣ въ Брисскомъ повѣтѣ: ему дается давникъ съ данью „составляемъ потому, што давна к тому двору Лопашу и в Спичичу прислухало; а и поголовщину с тѣхъ людей отпустили есмо ему“³⁾. Изъ этого ясно, что поголовщина выдѣляется изъ того круга податей, который тягнетъ къ двору, и выходитъ изъ предѣловъ двора. Еще въ началѣ XVI в. поголовщина собиралась во всѣхъ тѣхъ городахъ, которые отошли къ Москвѣ послѣ первой войны при Сигизмундѣ I. Поголовщина получила свое названіе, очевидно, отъ способа обложенія, но необходимо обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Въ реестрѣ пограничныхъ сѣверскихъ городовъ, отошедшихъ къ Москвѣ, писцы вездѣ записываютъ количество дымовъ, но не плательщиковъ, какъ бы слѣдовало ожидать при поголовной раскладкѣ. Такъ, въ Мглинѣ насчитано 500 дымовъ, съ которыхъ „хожывало“ 50 кадей меду и 50 копѣ грошей поголовщина широкою дачею⁴⁾. Регистрація по дымамъ и кратное соотношеніе ихъ съ данями даютъ поводъ предположить, что поголовщина налагалась собственно на дыма, причѣмъ субъектомъ обложенія былъ представитель дыма, домохозяинъ⁵⁾. Такое предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что поголовное обложеніе въ собственномъ смыслѣ вовсе не свойственно старому обложенію.

¹⁾ Писцовая книга Запрана Войны, II, passim.

²⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, p. 40.

³⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, p. 78.

⁴⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 65.

⁵⁾ Ibidem, p. 67.

Въ виду связаннаго, поголовщина, быть можетъ, очень близка къ *подымщине*. Эта подать была известна преимущественно въ предѣлахъ Киевской области. Подымщина вѣрнѣе фигурируетъ въ расходныхъ записяхъ великаго князя Казимира¹⁾. Наиболее интересныя свѣдѣнія о подымщинѣ встрѣчаются въ люстраціи Киевской земли 1471 г. Опытъ мы встрѣчаемся съ очень важной для насъ чертой: люстраторъ вездѣ замѣчаетъ, что „подымщину давали за великаго князя Витовта“²⁾. Такимъ образомъ, и здѣсь установленіе подати восходитъ къ періоду начала литовскаго владычества. Въ Киевщинѣ подымщина уплачивалась не всеми классами населенія; такъ, оброчники и данники не платили ее, зато слуги почти всѣ платятъ подымщину. Эта подать взималась здѣсь разъ въ три года и притомъ съ слугъ, которые обязаны были военною службою; подымщина бралась только тогда, когда они не выходили на войну³⁾. Не забудемъ, что люстрація 1471 г. описываетъ порядки, существовавшіе въ періодъ управления землей удѣльными князьями.

Несмотря на то, что въ Киевской землѣ была уничтожена дѣлая и введены общегосударственные порядки, и послѣ изданія привилегіи 1447 г. сборъ подымщины здѣсь продолжался. Освобожденіе отъ нея получалось путемъ specialнаго упоминанія въ жалованной грамотѣ⁴⁾. Еще въ 1528 г. государь издалъ постановленіе о совмѣстной разверсткѣ подымщины между городомъ, волостями и частновладельческими людьми Мозырскаго староства. Волость и мѣщане жаловались на то, что частновладельческие люди отказываются имъ „помочни бити и подымщине, и въ работѣ замковой, и въ житѣ и въ грошахъ, которыя они даютъ на замокъ нашъ Мозырскій подде листу и вставы наше“⁵⁾. Поэтому государь издаетъ уставу, по которой всѣ частновладельческие люди обязаны участвовать, вмѣстѣ съ волостью и городомъ, въ разверсткѣ подымщины, если владѣльцы ихъ не имѣютъ specialныхъ льготныхъ грамотъ⁶⁾.

Землевладельцы, какъ мы видимъ, стараются избавиться отъ уплаты подымщины или путемъ получения особыхъ привилегій, или просто уклоненіемъ отъ волостной разверстки. Въ 1507 г. земане одного изъ южныхъ повѣтовъ Киевской земли, именно Браславскаго,

¹⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, p. 40, 45.

²⁾ Архивъ Ю.-В. Р., ч. VII, I, p. 1 и слѣд.

³⁾ Акты Лит.-рус. гос., p. 71.

⁴⁾ Акты Лит.-рус. гос., p. 207.

били челомъ господарю и просили о полномъ освобожденіи людей ихъ отъ уплаты подымщины; при этомъ они указывали на то, что села ихъ опустошены татарами, а прихожіе люди не хотятъ у нихъ селиться, не желая платить подымщины. По словамъ землянъ, съ Браславскаго повѣта, еще до татарскаго опустошенія, собиралось не болѣе тридцати копъ гр. этого налога. Господарь освободилъ Браславскихъ землянъ отъ подымщины, но съ условіемъ, что земляне не будутъ держать по своимъ селамъ корчемъ¹⁾. Не только отдѣльные повѣты, но и вся земля Киевская вполнѣдствіи получила освобожденіе отъ подымщины. Еще уставная грамота 1507 г. подтверждаетъ обязанность Киевскихъ землянъ давать подымщину: „а о подымщинѣ какъ будетъ было за великаго князя Витовта“, говоритъ она, т. е. подымщина продолжала взиматься каждые три года²⁾. Только въ 1529 г. Киевскіе земляне получили полное освобожденіе отъ подымщины: „а подымщину людемъ ихъ намъ господарю не давати: нижли мають они паномъ своимъ давати, хто кому служитъ“³⁾. Форма, въ которой сдѣлано это освобожденіе, интересна еще тѣмъ, что прямо указываетъ на переходъ этой дани въ руки землевладѣльца. Здѣсь выразительно закрѣпленъ общій порядокъ вещей, по которому, разъ туглое населеніе освобождалось отъ дани, собираемой въ скарбъ, то она поступала въ руки помѣщиковъ. Это общее правило, которое можно наблюдать и по отношенію къ другимъ старымъ данямъ—посощницѣ и воловщинѣ.

Извѣстія о подымщинѣ выходятъ за предѣлы Киевской земли. Такъ, мы встрѣчаемъ отрывочныя указанія о взиманіи ея въ началѣ XVI в. въ Дорогичской области⁴⁾. Въ Мстиславскомъ княжествѣ тоже собиралась подымщина, и здѣсь, въ перечнѣ дани, она фигурируетъ рядомъ съ посощницей или серебщиной⁵⁾. Не легко опредѣлить, каково было отношеніе подымщины къ послѣднимъ двумъ податямъ, но для исторіи старыхъ податей, какъ намъ кажется, не бесполезно отмѣтить слѣдующій фактъ.

До насъ дошли двѣ грамоты Лангвиновичей Онуфриевскому монастырю. Въ первой изъ нихъ, выданной Юріемъ Семеновичемъ въ

¹⁾ Акты З. Р., II, р. 28; Акты Лит.-рус. гос., р. 128.

²⁾ Киевскій. Уставная грамота, р. 150.

³⁾ Акты З. Р., II, р. 210.

⁴⁾ Кв. Зап. Лит., VIII, л. 387; Кв. Зап. Лит., X, л. 92.

⁵⁾ Акты Ю.-З. Р., I, р. 60, 236; Акты З. Р., II, р. 29.

1443 г., монастырю дается дань медовая, серебряная, бобровые гоны и бортиная земля со всѣми „приходами“; но затѣмъ князь, освобождая монастырскія земли отъ всякаго вмѣшательства своихъ „заказниковъ“, даетъ имъ возность и отъ платежа „дани“ въ свою пользу—отъ серебщины, ямщины и всякаго рода „наметовъ“; о подымщинѣ здѣсь не упомянуто¹⁾. Князь Иванъ Юрьевичъ, подтверждавъ въ 1483 г. „наданье“ своихъ дѣда и отца, прибавляетъ еще отъ себя монастырю нѣсколько службъ людей; перечень службъ сопровождается увазаніемъ платимыхъ людьми дани—позема, грошовой дани, накладныхъ и варныхъ пеней и разныхъ натуральныхъ сборовъ. Въ заключеніе и этотъ князь повторяетъ освобожденіе отъ всякихъ дачъ въ свою пользу, въ томъ числѣ и отъ серебщины, подымщины и всякихъ „наметовъ“²⁾. Изъ этого слѣдуетъ, прежде всего, что подымщина находилась въ числѣ княжескихъ „наметовъ“; затѣмъ не трудно отсюда же вывести, что серебщина является лишь синонимомъ подымщины и обѣ упоминаются одна рядомъ съ другой во весьма повѣтныхъ причинахъ: подымщина указываетъ на способъ раскладки, серебщина—на матеріалъ, которымъ взимается подать. Предположеніе о томъ, что во второй грамотѣ монастырскіе люди освобождаются еще и отъ серебщины, должно быть устранено, потому что обѣ грамоты вполнѣ опредѣленно освобождаютъ монастырь отъ всякаго рода платежей и повинностей въ пользу князя.

Намъ еще остается прослѣдить за одной изъ старыхъ податей, областью взиманія которой была Волынская земля,—за *волощинной*. Уже великій князь Витовтъ, выдавая грамоту Ильѣ Вичковичу на разныхъ селахъ въ Волынской землѣ, отпускаетъ ему и воловщину. Но въ грамотѣ она стоитъ особо отъ пожитковъ и податей, тинувшихъ къ селамъ, и самое освобожденіе отъ воловщины выдѣлено, какъ особая милость со стороны князя и поставлено рядомъ съ освобожденіемъ отъ яма, въ публичномъ характерѣ котораго, какъ мы уже знаемъ, сомнѣваться нельзя: „А ещо в нашей ласки для его верной службы отпустили есмо воловщину и ямъ вечно пану Ильи и его близкимъ“³⁾. И такое отношеніе со стороны великаго князя къ воловщинѣ—не случайное. Въ другой грамотѣ того же Витовта находится еще болѣе

¹⁾ Акты З. Р., I, р. 57.

²⁾ Ibidem, р. 102.

³⁾ Акты Лит.-рус. гос., р. 3.

категорическое разъяснение характера воловщины. Надьял въ 1428 г. епископскую католическую коендру въ Луцкѣ дѣлалъ рядомъ селеній и освобождая костельныхъ подданныхъ отъ повинностей и податей, великій князь дѣлаетъ слѣдующее постановление: *sed tantum incollae et censuales hereditatum praedictarum ad exactionem terrestrem generalem wolowszcyna dictam nobis et nostris successoribus annis singulis dandum perpetuo sunt astricti* ¹⁾. Такимъ образомъ, воловщина составляла подать, которую обязаны были платить землевладельцы Волынской земли. Она вносилась въ скарбъ ежегодно. Самый терминъ, которымъ названа здѣсь подать—*exactio generalis*—тотъ самый, который прилагался и къ серебцинѣ для обозначенія ея государственнаго характера. Судя по расходнымъ записямъ великаго князя Казимира, воловщина расходовалась на оплату службы ²⁾. Иногда при пожалованіи или подтвержденіи имѣній, господа освобождали владельцевъ ихъ отъ уплаты воловщины ³⁾. Такъ, въ 1509 г. Сигизмундъ I освободилъ князя Константина Ивановича Острожскаго отъ уплаты съ его имѣній воловщины: этому освобожденію подлежали не только люди самаго князя Острожскаго, но и подданные княжескихъ бояръ ⁴⁾. Впрочемъ, въ томъ же году Сигизмундъ I освободилъ и всѣхъ землякъ отъ уплаты воловщины. Еще въ 1503 г. Волынская земля исключила себя привилею на свободу отъ платежа воловщины въ теченіе 14 лѣтъ, по случаю разоренія отъ татаръ ⁵⁾; при подтвержденіи же уставной грамоты въ 1509 г., Сигизмундъ I освободилъ волынскихъ землевладельцевъ „на вѣчность“ отъ воловщины, съ условіемъ однако: „коли панове рада наша великого князства Литовского, для которой великой потребности земской, зовольтъ который платъ съ своихъ людей дати; тогда князи и панове и вся шляхта Волынской земли мають намъ такожъ тотъ платъ съ своихъ людей давати“ ⁶⁾. Такимъ образомъ, Волынская земля была освобождена отъ уплаты мѣстной подати и слилась, въ податномъ отношеніи, съ остальными частями государства. И послѣ этого во-

¹⁾ Ibidem, p. 8.

²⁾ Ibidem, p. 41, 51.

³⁾ Ibidem, p. 118; Arch. ks. Sang., I, p. 241.

⁴⁾ Arch. ks. Lub-Sang., III, p. 70.

⁵⁾ Акты З. Р., I, p. 360.

⁶⁾ М. Н. Исневскій, Уставная грамота, p. 151.

ловщина переходить въ составъ частновладельческихъ доходовъ ¹⁾, какъ это случилось и съ другими податями.

Что касается названія воловщины и способовъ ея раскладки, то хотя источники не объясняютъ характера этой подати, однако и въ ней слѣдуетъ предполагать подать, падавшую на землю. Самое названіе могло бы подать поводъ искать объектъ обложенія въ скотѣ. Но такое предположеніе не имѣло бы никакихъ основаній въ способахъ тогдашняго обложенія. Вѣрнѣе, подъ воловщиной надо разумѣть обложеніе „воловою сохи“, т. е. того пространства земли, которое можетъ быть вспахано при помощи одной сохи. Такой объектъ обложенія былъ общепотребителенъ, такъ какъ соха была основной единицей и при взиманіи серебцины. Одноименно очень хорошо разъясняетъ смыслъ этой терминологіи: онъ говоритъ о сборѣ оброка въ помѣщичьемъ хозяйствѣ: „отъ сохи воловое серебцины“ ²⁾.

Мы познакомились съ податями, которыя до начала XVI в. платились въ трехъ областяхъ Литовско-русскаго государства—въ Смоленской, Кіевской и Волынской земляхъ.

Въ другихъ областяхъ государства, т. е. въ княжествахъ Литовскомъ (въ тѣсномъ значеніи этого термина), въ Полоцкой и Витебской земляхъ, рабѣ другихъ соединившихся съ Литвою, такою же мѣстной податью, носившею однако публичный характеръ, была серебцина. Надо, впрочемъ, замѣтить, что этотъ терминъ имѣлъ широкое географическое распространеніе, и не трудно догадаться о причинахъ этого явления: подъ серебциной разумѣли вообще дань, собиравшуюся серебромъ, и даже вообще всякаго рода денежные сборы; напримѣръ, въ Полоцкѣ подъ серебциной разумѣлись сборы, налагаемые городской общиной ³⁾. Серебцина известна и въ грамотахъ, относящихся къ Метиславскому князю ⁴⁾.

Въ источникахъ серебцина встрѣчается съ очень ранняго времени. Такъ, въ договорѣ 1387 г. между королемъ Ягайлою и великимъ княземъ Скиргайлою, въ которомъ перечисляются доходы съ волостей, отходившихъ къ Скиргайлѣ, упоминается среди платежей серебряная дань ⁵⁾. Въ рукахъ Стрыйковскаго былъ документъ, по

¹⁾ Акты Лит.-рус. гос., p. 200.

²⁾ Кн. Суд. Дѣлъ Лит., т. 10 об. — 11 об.

³⁾ Исневскій, Уставная грамота, p. 140.

⁴⁾ Акты З. Р., I, p. 192, 365.

⁵⁾ Danilowicz, Skarbiec, № 542.

которому вновь основанные костелы освобождены были, между прочим, и от серебщины¹⁾. Несомненно, та же подать имбется ввиду и подь exactiones и contributiones, отъ которыхъ освободилъ въ 1430 г. епископскій имѣніи король Ягайло²⁾.

Довольно трудно опредѣлить, когда получила освобождение отъ серебщины Полоцкая земля. Въ уставной грамотѣ, подтвержденной въ 1511 г., есть намекъ на то, что земля получила отъ нея специальное освобождение. Какъ известно, уставныя грамоты составлялись постепенно, такъ что на старыя льготы ложились новыя. Въ Полоцкой грамотѣ мы встрѣчаемъ двоякаго рода указанія, касательно серебщины; въ одномъ мѣстѣ ея подтверждается, что господарь освободилъ Полоцанъ на вѣчность отъ серебщины; въ другомъ мѣстѣ говорится о церковныхъ слугахъ и закладныхъ, что они должны платить серебщину извѣстъ съ городомъ³⁾. Послѣдній пунктъ можетъ относиться и ко времени послѣ изданія привилея 1447 г., такъ какъ онъ говоритъ не объ обязанности платить, а о способахъ раскладки. Первый же пунктъ могъ войти въ текстъ грамоты только до привилея 1447 г., но важно его утверждение о существованіи областной подати въ Полоцкой землѣ.

Въ Витебской грамотѣ мы не встрѣчаемъ никакихъ постановленій, касающихся публичной подати. Въ Жмудскомъ привилеѣ есть замѣтка, которая, по нашему мнѣнію, говоритъ объ общей подати: здѣсь эта подать, установленная со времени Витовта, уплачивалась не серебромъ, а кунницами⁴⁾.

Что касается собственной Литвы, то о податныхъ обязанностяхъ ея населенія говорить уже первые привилеи, выданные мѣстному боярству. По словамъ привилея 1413 г., уплата податей (tributum) составляетъ старый обычай⁵⁾. Изъ того факта, что привилеѣ 1447 г. называется этотъ tributum серебщиной, можно сдѣлать предположеніе, что таково же было названіе его и въ болѣе древнее время.

Уже изъ предыдущаго изложенія можно замѣтить, что шляхетство повсемѣстно стремится къ освобожденію отъ уплаты податей. То же имѣло мѣсто и въ собственной Литвѣ. Статутъ 1447 г. имѣлъ

¹⁾ Хроника, въ изданіи 1766 г., р. 446.

²⁾ Лугошъ, Historia, въ изданіи 1711 г., кн. XI, р. 551.

³⁾ Ясневскій, о. с., р. 138, 151.

⁴⁾ Ibidem, р. 151.

⁵⁾ Działyński, Zbiór praw, р. 13.

громкое значеніе и въ податной исторіи государства. Одной изъ статей его подданіе шляхты освобождается отъ „всѣхъ подачейъ и платежу, побору, або серебщины“, а также отъ дѣла; изъ этого исключаются только земли, пожалованныя самимъ великимъ княземъ Казимиромъ; онѣ платятъ поборъ и выполняютъ разныя другія повинности¹⁾. Однако, подъ поборомъ въ послѣднемъ случаѣ разумѣется не серебщина въ собственномъ смыслѣ, но, очевидно, тѣ платежи частновладельческихъ людей, отъ которыхъ они не были освобождены при пожалованіи помѣщикамъ; мы уже знаемъ, насколько разнообразны были условія пожалованія даннѣй. Для такого предположенія основаніемъ можетъ служить то обстоятельство, что мы нигдѣ не встрѣчаемъ никакого различія между формами поземельнаго владѣнія по отношенію къ уплатѣ серебщины; если бы была какая нибудь разница въ этомъ смыслѣ, то она, несомнѣнно, сказалась бы въ поборовыхъ универсалахъ и въ массѣ другихъ документовъ, касающихся сбора земскихъ податей. По отношенію къ земской подати нѣтъ никакого различія между формами землевладѣнія, классами общества и держателями поземельной собственности. Все это указываетъ на то, что въ 1447 г. шляхта получила освобождение отъ принудительнаго взноса земской подати и конституція 1447 г. имѣла ввиду всѣ элементы общества, владѣвшіе землею на условіяхъ службы. Разсматриваемая статья вошла въ конституціи послѣдующаго времени и въ Статуты и сдѣлалась такимъ образомъ основнымъ закономъ страны.

Привилеѣ 1447 г. освобождаетъ населеніе отъ уплаты податей, которыя объединялись подъ именемъ серебщины. Хотя дѣйствіе его распространилось на все государство, но такъ какъ онѣ освобождалъ только отъ серебщины, то въ тѣхъ областяхъ государства, гдѣ собиралась не серебщина, а посощина, подымщина или волощина, послѣднія продолжали собираться, пока и здѣшніе земледѣльцы не получили отъ нихъ освобожденія, т. е. до начала XVI в. Однако въ послѣднихъ областяхъ собиралась и серебщина, когда она назначалась на сеймѣ²⁾.

По освобожденіи земледѣльцевъ центра и Подвинья, серебщина перешла въ руки самихъ земледѣльцевъ. Какъ частновладельческой доходъ, она встрѣчается въ различныхъ мѣстахъ государ-

¹⁾ Ibidem, р. 33.

²⁾ Акты З. Р., I, р. 167.

ства. Такъ, въ некоторыхъ селахъ Пинскаго повѣта серебщина ежегодно взималась съ дыма ¹⁾. На Волыни серебщина бралась помѣщиками ежегодно отъ сохи ²⁾. И въ другихъ мѣстностяхъ серебщина взималась помѣщиками посошно ³⁾. Но терминъ серебщины вообще рѣдко встрѣчается среди помѣщичьихъ сборовъ, сравнительно съ огромнымъ пространствомъ, на которомъ въ древнѣйшее время употреблялась эта подать. Это вполнѣ понятно, такъ какъ двоенный частновладельческій сборъ итѣсьвился государственною податью, собиравшеюся по сеймовому постановленію и сливался, вѣроятно, съ грошевою данью.

Мы рассмотрѣли составъ старыхъ податей. Этотъ обзоръ, прежде всего, уполномочиваетъ на весьма важное заключеніе: свидетельства, касающіяся посощины въ Смоленской землѣ, подымщины въ Киевской, волощины въ Волынской, дань въ Жмудской, говорятъ о томъ, что эти подати введены были здѣсь великимъ княземъ Витовтомъ, т. е. какъ разъ въ моментъ воссоединенія этихъ областей съ центромъ. Собственная Литва тоже платила дань своему государю, какъ и Полоцкая и (вѣроятно) Витебская. Такимъ образомъ, этотъ слой податей принадлежитъ къ эпохѣ объединенія государства. Съ теченіемъ времени, землевладельцы освобождаются отъ взноса податей со своихъ людей въ великокняжескую казну, и она поступаетъ въ число вотчинныхъ сборовъ. Подать въ великокняжескую казну собиралась не только съ областей, непосредственно зависящихъ отъ центра, но также и съ удѣльныхъ князей. Удѣльный князь вноситъ въ центральную казну ту же самую подать, которую великокняжеское правительство собирало въ данной мѣстности, ели не было удѣла, или по уничтоженіи удѣла: такъ, князь Виземскій вносилъ посощину, тогда какъ подать подъ этимъ названіемъ взималась во всей Смоленской землѣ; Витовтъ установилъ подымщину въ Киевской землѣ, и эта подать собиралась и послѣ Витовта, т. е. когда въ Киевѣ сидѣлъ удѣльный князь; волощина, какъ великокняжеская подать, известна на Волыни до появленія здѣсь Сандригайлы, и вполнѣ вѣроятно, что она и при немъ собиралась отсюда въ великокняжескую казну (несколько замѣчательно,

¹⁾ Акты Виленскіе. XIII, p. 339.

²⁾ Акты Ю.-З. Р., I, p. 127.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XI, л. 45; Кн. Зап. Лит., XXXIV, л. 36; ср. Script. rer. polonicarum, V, p. 212.

что въ самыхъ широкихъ пожалованіяхъ этого князя нѣтъ изъятія отъ волощины: онъ не могъ освобождать отъ нея, потому что это была дань великому князю), какъ она шла въ господарскій скарбъ и послѣ 1455 г. Изъ сказаннаго нельзя также сомнѣваться въ публичномъ характерѣ этого слоя податей.

Разсматривая названія подати въ смыслѣ способовъ обложенія, нельзя не замѣтить между ними большого сходства. Раньше уже высказано предположеніе о тождествѣ поголовщины и подымщины. Различіе между посощиной, волощиной и серебщиной едва лишло дальше самаго названія. Волощина, какъ уже было сдѣлано предположеніе и какъ можно думать потому, что въ частновладельческихъ имѣніяхъ она разлагается по сохамъ, — является податью, единицею обложенія которой была соха. То же слѣдуетъ сказать и о посощинѣ, что видно и по ея названію и по приемамъ раскладки въ частновладельческихъ имѣніяхъ ¹⁾. Серебщина — та же серебряная дань, разлагавшаяся тоже посошно: это очевидно изъ послѣдующей исторіи серебщины, какъ государственной подати. Слѣдовательно, единицею обложенія для всѣхъ трехъ податей была соха. Въ чемъ заключался, ближайшимъ образомъ, объектъ обложенія — источники не говорятъ. Но въ данномъ случаѣ можно руководствоваться аналогіей двѣнчанаго рода: во-первыхъ, посохой Московской Руси и во-вторыхъ, податной практикой по отношенію къ серебщинѣ, какъ подати общегосударственной. Такимъ образомъ, всѣ три подати, несмотря на различіе въ названіяхъ и областяхъ, гдѣ онѣ собирались, имѣли одинъ и тотъ же объектъ обложенія: подѣ сохой разумѣлась пашня, обрабатываемая сохою.

Подымщина и поголовщина имѣли своимъ объектомъ обложенія дымъ. Источники не даютъ намъ болѣе детальнаго разъясненія касательно этого объекта; но о немъ можно судить по тому значенію, которое имѣлъ дымъ, какъ крестьянскій поселокъ. Въ послѣднемъ смыслѣ подѣ дымомъ источники разумѣютъ известную форму земельческаго поселка съ полями, сенокосомъ и другими угодьями. Преобладаніе этой формы поселеній на югѣ объясняется условіями мѣстнаго хозяйства и мѣстныхъ особенностей жизни. Еще въ XVI в.

¹⁾ Напр., въ Полоцкой землѣ: „съ тѣхъ людей ему (кн. Т. Ю. Соловнискому) приходитъ черезъ годъ отъ каждой сохи, колѣнъ ихъ мети бюджетъ, посощину по 15 грошей“. Scriptores rerum polonicarum, V, p. 227.

преобладающим типом хозяйства здесь было не земледелие, но эксплуатация ухажавей; къ дыму, поэтому, могли тянуть ухажав, разбросанные на большом расстоянии, и дымъ не представлялъ собою сколько нибудь округленной поземельной единицы, какъ это можно наблюдать по отношенію къ дворцамъ и службамъ, въ особенности — къ первымъ. Съ другой стороны, южное население безпрестанно повязалось колонизационными волнами, почему оно здесь не сдѣло компактными родами, какъ на восточныхъ службахъ. Но если принять во вниманіе такое значеніе дыма, то легко видѣть, что и подымщина въ сущности была поземельнымъ налогомъ, какъ и посощина, серебщина и волощина.

Между послѣдними податями и подымщиной и поголовщиной было и еще одно связующее звено: всѣ онѣ были податями, уплачиваемыми деньгами, серебряною данью. Этотъ вѣднѣйшій признакъ въ исторіи древнѣйшей податной организаціи имѣетъ немаловажное значеніе, такъ какъ традиція охватываетъ изстаринныя повинностныя отношенія. Съ другой стороны, въ этой особенноти надо искать объясненіе тому, что названіе серебщины утвердилось именно за податью, налагаемую на все государство: во-первыхъ, это названіе обозначало характеръ платежнаго матеріала, а во-вторыхъ, оно шло изъ центра.

Мы рассмотрѣли исторію прямой подати до того момента, когда она изъ постоянной дани великому князю превращается въ податъ, налагаемую правительствомъ съ согласія самихъ плательщиковъ. Древнѣйшій слогъ этой подати составляетъ дань, которую население платило древнерусскому князю. Однѣ изъ русскихъ земель подвергались сначала владычеству татаръ, а потомъ — Литвы, другія непосредственно подпадаютъ подъ власть великаго князя литовскаго. И то и другое иноземное владычество влечетъ за собою установленіе новой дани; съ появленіемъ татаръ вводится татарщина, съ появленіемъ литовцевъ вводится подати, носившія различныя областныя названія. Хотя иногда стремятся свести начало всѣхъ названныхъ податей къ татарскому игу¹⁾, но намъ кажется, что для такого мнѣнія нѣтъ достаточныхъ основаній: нѣтъ ни одного штриха, который бы связывалъ посощину и другія подати съ татарскою данью и, напротивъ, есть соображенія, говоряція въ обратномъ смыслѣ. Допустимъ, что свидѣтельства объ установленіи дани великимъ княземъ Витовтомъ говорить лишь о

¹⁾ М. К. Любискій, Областное дѣленіе, р. 482.

томъ, что этотъ князь обратилъ въ свою казну подати, шедшія раньше татарамъ. Но такое объясненіе не имѣетъ мѣста по отношенію къ землямъ Полоцкой и Жмудской, гдѣ тоже давали дань великому князю, не говоря о собственной Литвѣ; слѣдовательно, великимъ князьямъ литовскимъ не приходилось заимствовать отъ татаръ податного принципа. Съ другой стороны, поземельный характеръ посощины, подымщины и волощины сближаетъ ихъ съ серебщиной, о существованіи которой въ Литвѣ мы знаемъ въ такое время, когда литовскіе князья и не владѣли еще нѣкоторыми изъ окраинныхъ русскихъ земель (например, Смоленской), да и вообще повѣтіе о серебщинѣ не могло быть занесено въ Литву вслѣдствіе знакомства ея съ землями, платившими ранее дань татарамъ. Наконецъ, отсутствіе связи между татарскою данью и податями, шедшими въ казну литовскаго князя, доказывается еще и тѣмъ, что татарщина не исчезла въ земляхъ съ появленіемъ литовскихъ податей. Такъ, въ Пинскомъ княжествѣ татарщина существовала вмѣстѣ съ посощиной еще въ XV в.; не менѣе важно также показаніе грамоты Свидригайлы 1495 г., въ которой татарщина стоитъ рядомъ съ подымщиной: изъ этого видно, что литовскіе князья налагали новую дань въ свою пользу, а не брали тѣ, которыми облагали населеніе татары.

Такимъ образомъ, нельзя связывать податей литовскаго періода съ татарскимъ. Такой связи нельзя предполагать еще и потому, что поземельный характеръ литовской подати идетъ въ разрѣзъ съ приемами обложенія „числомъ“, устанавливавшимся татарамъ.

Итакъ, литовскія подати являются третьимъ податнымъ слоемъ, легшимъ на древнерусскія земли. Для литовскихъ князей и не нужно было брать въ образецъ подати татарскаго происхожденія (да это было бы и неполитично): въ этомъ отношенія для нихъ откровенно гонимою мысли послужить та дань, которую древнерусскіе князья собирали въ свою пользу. Однако, литовскіе князья не взяли въ свою казну именно той дани, которая уже собиралась удѣльными князьями въ свою пользу, но установили новую дань. Въ грамотахъ удѣльных князей продолжаетъ фигурировать дань грошовая, — очевидно, та самая, которую они и ихъ предшественники собирали съ населенія; такъ какъ собраніе великокняжеской дани обыкновенно находилось въ рукахъ тѣхъ же удѣльных князей (это ясно изъ извѣстныхъ намъ уже актовъ о томъ, что князья платили дань великому), то въ тѣхъ же грамотахъ мы встрѣчаемъ и упоминаніе о посощинѣ, подымщинѣ

и проч. Если дѣло касалось области, въ которой не было удѣльнаго князя, то съ частновладѣльческихъ земель въ великокняжескую казну шла только посощина, подымщина, или воловщина, а старую дань собирала сама помѣщикъ въ свою пользу; съ господарскихъ же волостей въ великокняжескую казну шли и эти дань и дань грошовая. Мелькаетъ кое гдѣ и татарщина въ качествѣ частновладѣльческаго податка ¹⁾.

Таковы, по нашему мнѣнью, наслѣнія старой податной системы, постепенно смѣнявшейся послѣ 1447 г. въ податокъ земскій. Статутъ 1447 г. освободилъ шляхетство отъ уплаты подати, налагаемой самимъ великимъ княземъ. Эта „польность“²⁾ шляхты понималась не въ смыслѣ полной свободы отъ государственныхъ податей, но въ томъ, что великій князь можетъ брать съ шляхетскихъ имѣній прямую подать, только испросивъ согласіе самого шляхетства. Это ясно изъ всей послѣдующей исторіи земскаго податка. Сверхъ того, подтвержденіе сказанному можно найти въ компетентныхъ заявленіяхъ самого государя. Такъ, Сигизмундъ I въ своей грамотѣ шляхетству по поводу выкупа изъ залога господарскихъ державъ, объясняетъ, что доходи господарскаго скарба не достаточны для уплаты жалованія наемнымъ жолнерамъ; между тѣмъ онъ, государь, на основаніи привилегій, данныхъ шляхтѣ имъ самимъ и его предшественниками, *не можетъ принудить* подданныхъ, противъ ихъ воли, къ уплатѣ какихъ бы то ни было податей ³⁾. По разъясненію короля Сигизмунда Августа, шляхта даетъ подати не только по собственному согласію, но и не обязана давать подати на нужды самого государя ⁴⁾.

Таковъ характеръ прямой государственной подати, смѣнявшей собою подать мѣстнаго происхожденія. Это уже четвертый податный слѣдъ. Теперь является вопросъ, въ какомъ соотношеніи находится податокъ земскій съ старыми областными податями?

Этотъ податокъ носилъ во все изучаемое время названіе серебщины; и этотъ терминъ прилагался къ нему тогда, когда сама подать

¹⁾ Въ этомъ отношеніи суждѣ татарской дани въ Литовской Руси имѣть некоторую аналогію съ Московской: въ послѣней татарскій данила деньги оставались въ рукахъ князя съ прекращеніемъ платежа выхода въ Орду. Осковикъ. О повятіи промысловаго шалога и объ историческомъ его развитіи въ Россіи, Казань, 1856, р. 37, ср. р. 43.

²⁾ Hr. de Broel-Plater. Zbiór Pamiętników do dziejów polskich, I, p. 146. Warszawa, 1858.

³⁾ Acta 3. P., III, p. 51.

падала на основной объектъ обложенія—крестьянскія сохи. Въ этомъ отношеніи весьма понятна связь серебщины, ухваливаемой на сеймахъ, съ областными податями. Не менѣе понятна также и причина, по которой за общегосударственной податю утвердилось названіе серебщины: такъ называлась подать, платившаяся въ центральныхъ областяхъ государства. Ввиду сказаннаго казалось бы вполне естественнымъ предположеніе, что серебщина, какъ податокъ земскій, является простамъ распространеніемъ подати, уплачиваемой въ центрѣ до 1447 г., на все области государства. Это вѣрно, но только отчасти—постольку, поскольку дѣло касается самого названія серебщины и способъ ея взиманія. Но то и другое—лишь важнѣйшіе признаки, объединяющіе новую подать съ старыми. Въ основу податка земскаго положена идея, придающая всему обложенію новый характеръ. Этой идеи литовскіе князья не могли заимствовать изъ духа старой подати. Идея старой подати состояла въ томъ, что подчиненная область платитъ дань своему господину, великому князю литовскому. Податокъ земскій сноситъ эту идею подчиненія: свободный челоуѣкъ даетъ подать своему государю добровольно и только на государственный нужды, какъ онъ тогда понимался; поэтому и сама подать является не постоянной, но вѣтруется сеймомъ вслѣдъ за разъ особо, когда государству нужны средства. Эта идея, проникающая западно-европейскій феодальный строй, очевидно, и могла имѣть своимъ основаніемъ званкомство литовско-русскаго правительства и общества съ феодальными порядками. Въ этомъ отношеніи Литва опередила и Польшу, гдѣ сборъ по два гроша съ лана земли остался пережиткомъ болѣе ранняго государственнаго строя.

Весьма замѣчательно, что податокъ земскій не возникъ непосредственно изъ привилег 1447 г.: во второй половинѣ XV в. онъ не являлся абсолютною новостью, такъ какъ и до этого времени былъ въ употребленіи на ряду съ старыми податями. Объ этомъ мы встрѣчаемъ нѣсколько характерныхъ указаній. Такъ орденскій ландтучинъ рассказываетъ, что Витовтъ, утвердившись на Трокахъ, наложили въ 1396 г. большія подати на весь край, ему подвластный; эту подать должны были платить, сообразно своему ямушеству, все классы общества, какъ бояре, такъ и мѣщане и крестьянство ¹⁾. Что это не была обыкновенная серебщина, но особая подать, налагаемая на го-

¹⁾ Daniłowicz, Skarbiec, № 661.

сударство въ исключительныхъ случаяхъ и, быть можетъ, налагаемая съ согласія великокняжеской рады (въ томъ же сообщеніи орленскаго лазутчика говорится, что Витовтъ часто совѣтовался съ паномъ Монивидомъ и другими панами: можетъ быть, и по поводу подати), доказывається однимъ мѣстомъ грамоты великаго князя Казимира, данной въ 1441 г. Троцкимъ евреямъ. Великій князь Казимиръ, освобождая этихъ евреевъ отъ всякаго рода податей, за исключеніемъ ежегоднаго чинша, обязываетъ ихъ однако платить, вмѣстѣ съ другими городами, подать, если она будетъ наложена на государство ¹⁾. Это упоминаніе о государственной подати, налагаемой въ случаѣ крайней необходимости, ясно указываетъ, что сверхъ серебряины, какъ постоянного налога, была известна и еще подать, налагаемая въ экстраординарныхъ случаяхъ. Эта подать, упоминаемая въ актѣ 1441 г., безъ сомнѣнія, является предшественницей серебряины, какъ податка земскаго ²⁾.

Какъ намъ кажется, есть еще одно свидѣтельство, говорящее о тѣхъ экстраординарныхъ податяхъ, которыя валагались великими князьями литовскими. Мы имѣемъ ввиду грамоту короля Казимира, данную жителямъ Полоцка въ 1456 г. ³⁾. Господарь разсматривалъ споръ бояръ Полоцкихъ со всѣми городскими людьми. Мѣщане жаловались на бояръ, что они мало помогаютъ мѣщанамъ, когда господарь налагаетъ „помочь“ з мѣста Полоцкаго для потребизны земскоѣ“. Мѣщане донаивали, что согласно листа господарскаго „помочь“ раскладывалась по присягѣ. Бояре утверждали, что „данна“ этой присяги не было, и господаремъ данъ листъ, гдѣ говорится о присягѣ, только „до часу“; поэтому бояре просить господаря держать ихъ „подлѣ правъ великаго князя Витовтовыхъ и подлѣ нашего права, которое мы имъ дали“.

¹⁾ Приведемъ текстъ Казимировскаго привилея: „eo excepto, quod dum, necessitate ingruente, generalis exactio super totam terram poneretur, tunc quod aliae civitates in eodem jure theutonico existentes, darent hoc Nobis, et ipsi Julani, elepa et christi libertate, quam ipsis concessimus, solvere sint adstricti“ (Бернадскій, I, p. 31).

²⁾ На это намекаетъ и подтвержденіе Казимировскоѣ грамоты Сигизмундомъ I, данное въ 1507 г. (ibidem, p. 32). Ср. грамоты тѣхъ же евреямъ 1485 г. (ibidem, p. 37); она говоритъ о раскладкѣ серебряины въ Трокахъ, но такъ какъ, согласно привилею Троцкимъ евреямъ, они платятъ только чиншъ и exactio generalis, то въ этой грамотѣ названа серебряиной та самая exactio, которую при Витовтѣ и Сигизмундѣ Кейстутовичѣхъ евреи платили necessitate ingruente.

³⁾ Актъ 3. Р., I, p. 72.

Господарь съ панами радою разсмотрѣлъ оба листа, и Витовтовъ и свой собственный. Подъ первымъ, конечно, разумеется устная грамота, а подъ вторымъ—Статутъ 1447 г. Господарь рѣшилъ дѣло такимъ образомъ, что бояре должны давать „помочь“ подѣ сумнѣиэмъ, безъ нашего шкоднаго, каждый по силѣ“, а мѣщане даютъ подѣ присягою. Эта грамота воспроизводитъ порядки, практиковавшіеся, какъ это видно изъ самаго текста, издавна, и бояре ссылаются на грамоту Витовта. Ясно поэтому, что помощь, о которой здѣсь говорится, не разъ была собираема въ Полоцкой землѣ, и здѣсь даже твердо установился порядокъ ея раскладки. Въ грамотѣ не можетъ быть рѣчи о серебряинѣ, собиравшейся послѣ 1447 г., такъ какъ едва ли она и была собираема до 1456—71 гг., то къ ней не могли быть приложены тѣ заявленія о старинѣ, ссылки на которыя встрѣчаются въ грамотѣ.

Для насъ важно въ данной грамотѣ не только подтвержденіе самаго факта экстраординарной подати, но и некоторыя подробности ея. Очень важнымъ представляется намъ самое названіе подати—„помочь“. Это прекрасно характеризуетъ суть дѣла, такъ какъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ subsidium charitativum. Эта „помочь“ и по существу своему соответствуетъ subsidium: она дается каждымъ „по силѣ“ и „подѣ сумнѣиэмъ“. Такимъ образомъ, она носитъ еще слѣды добровольнаго дара, который вассалъ даетъ своему сюзерену. Это, безъ сомнѣнія, связываетъ „помочь“ съ тѣми дарами, которые удѣльные князья и паны давали великому князю. Это вполне соответствуетъ фактамъ. Такъ, напримѣръ, Стрыйковскій рассказываетъ, что король Казимиръ обязывалъ литовскихъ пановъ и самъ собиралъ съ нихъ контрибуцію ¹⁾. Очень вѣроятно, что здѣсь дѣло идетъ именно о сборѣ такой же „помочи“, о которой говоритъ Полоцкая грамота ²⁾.

Такимъ образомъ, происхожденіе прямой подати въ Литовско-русскомъ государствѣ можетъ быть резюмировано въ слѣдующихъ общихъ чертахъ. Какъ въ собственно литовскихъ, такъ и въ русскихъ областяхъ еще въ до-литовскій періодъ населеніе платило дань своимъ князьямъ. Когда литовскіе князья стали присоединять русскія области, то они внагали на мѣстное населеніе подати. Какъ удѣльные князья,

¹⁾ Narbutt, Dzieje narodu litewskiego, VIII, p. 152; Стрыйковскій, въ изданіи 1766 г., p. 610.

²⁾ Ср. выше, p. 49, 102, 105, 123.

такъ и области должны были платить дани великому князю Литовскому. Эти дани въ различныхъ областяхъ имѣли разныя названія, но въ сущности носили поземельный характеръ. Эти дани Литовскаго періода не заимствованы отъ татаръ и не представляютъ собою тѣхъ даней, которыя собирались древнерусскими князьями до ихъ соединенія съ Литвою. Поэтому, дани Литовскаго періода являются порожденіемъ тѣхъ условий, въ которыхъ сложилось государство: это подать, которую покоренная область платитъ своему государю. Съ теченіемъ времени, послѣдствія отдѣльныхъ областей успѣваютъ получить государственныя грамоты, которыми освобождаются отъ уплаты податей. Тѣмъ самымъ, государство подчиняется принципу, выраженному въ Статутѣ 1447 г. По идее податейъ земскій противоположенъ тому принципу, который лежитъ въ основаніи податей литовскаго происхожденія. Но и сама идея податей земскаго не является новостью въ половинѣ XV в., такъ какъ понятіе о *subsidiis charitativum* проливается въ болѣе раннее время и оно являлось гармоничнымъ съ ростомъ шляхетскаго сословія.

7. Развитие земскаго обложенія.

Доходы отъ таможенныхъ пошлинъ, съ государскихъ державъ и другіе, собиравшіеся въ господарскій скарбъ, не могли удовлетворить всѣхъ государственныхъ потребностей, въ особенности тѣхъ, которыя вызывались войнами и устройствомъ оборонительныхъ средствъ страны. Поэтому, съ момента освобожденія шляхты отъ постоянной подати, великокняжеское правительство принуждено было обращаться къ ней съ предложеніемъ вотивовать подать всякій разъ, когда того требовали нужды государства. Для того, чтобы получить согласіе шляхетскаго сословія, правительство оказывалось въ необходимости разлпнить шляхтъ, для чего требуется новый налогъ и выискивать причины, побуждающія правительство прибѣгнуть къ сбору подати. Если не было специальныхъ потребностей, то въ такомъ случаѣ и не собирався податокъ земскій. Изъ такого порядка вещей вытекаютъ двѣ особенности, характеризующія прямую подать въ Литовско-русскомъ государствѣ: во-первыхъ, податокъ земскій является податкомъ экстраординарнымъ, а во-вторыхъ—цѣлевымъ.

Скаланное весьма легко подтвердить обзоромъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ сеймы вотивовали подать, и ссылками на то

назначеніе, которое сами собой давали декретироваемымъ имъ налогамъ.

Военныя нужды и содержаніе гарнизоновъ въ пограничныхъ крѣпостяхъ, въ особенности въ южныхъ замкахъ, представляли собою тѣ нужды, ради которыхъ были вотивованы всѣ серебрянныя и поголовщины. Впервые (несколько позволяють судить источники) великнзъ Казимиръ просилъ шляхту о вотивованіи субсидій въ 1473 г. для помощи въ войнѣ съ Пруссіею¹⁾. Затѣмъ идетъ рядъ серебрянныхъ для военно-оборонительныхъ нуждъ. Спасомъ этихъ серебрянныхъ начинается съ 1507 г., т. е. съ первой Московской войны при Сигизмундѣ I²⁾. Та же война дала поводъ къ сбору поголовщины въ 1514 г. 3). Этотъ налогъ ушелъ на уплату жалованья 7000 наемныхъ жолнеровъ, съ помощью которыхъ Литва намѣревалась избѣгнуть повторнаго мира послѣ взятія Смоленска. Эта же война вызвала и еще налоги, декретированные въ 1519 и въ 1522 гг.: въ 1519 г. была вотивована поголовщина, ближайшею цѣлю которой была оплата гарнизонныхъ, стоявшихъ на Московскомъ пограничьи⁴⁾. Хотя въ 1521 г. возобновились переговоры между Москвою и Литвою о заключеніи перемирія⁵⁾, однако въ Литвѣ готовились къ войнѣ⁶⁾, и на Городенскомъ сеймѣ въ началѣ 1522 г. была назначена серебрянная⁷⁾, которая и ушла на оплату ротмистровъ, дѣйствовавшихъ въ Московской войнѣ⁸⁾. Поэтому, въ концѣ 1522 г. понадобился вторичный сборъ серебрянныхъ на оплату гарнизоновъ, которые стояли на южной Украинѣ: туда было послано 2000 государскихъ дворянъ⁹⁾. Вообще, около этого времени на южной Украинѣ содержались постоянные гарнизоны, почему сеймы

¹⁾ Стрыйковскій, Хроника въ изд. 1766 г., р. 626.

²⁾ Литы 3, Р., II, р. 9.

³⁾ М. К. Лыбаевскій, Литовско-рус. сеймы, р. 198. Авторы полагаютъ, что въ 1515 г. была еще собрана серебрянная съ государскихъ державъ (ibidem, р. 206). Но намъ кажется, что цитировавъ имъ записки о сборѣ серебрянныхъ въ этомъ году вовсе не указываютъ на то, что дѣло идетъ о сборѣ новой серебрянныя: очевидно, это распоряженіе, касающіяся сбора серебряннаго прошлаго году; имъ тою, что Лета Томісана называютъ налогомъ 1514 г. поголовщиной, еще не слѣдуетъ, что въ такой же формѣ онъ собирався и въ государскихъ державкахъ, такъ какъ являлся онъ назывался и въ 1514 г. серебрянной (ibidem, р. 198, прим. 86).

⁴⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 519.

⁵⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. I (изд. 1-е—на „Общ. П.“), р. 1633.

⁶⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 509.

⁷⁾ Литы 3, Р., II, р. 18; Лыбаевскій, Литовско-рус. сеймы, р. 226.

⁸⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 512.

⁹⁾ Ibidem, р. 521.

принужден довольно часто собирать подать на их содержание. Так, серебщина 1524 г. тоже пошла на расплату с этими гарнизонами¹⁾. Сь той же целью были декретированы платы въ 1529 г. на Вилевском сеймѣ²⁾. Вторая война съ Москвою вызвала сборъ серебщины, назначенной въ 1534 г. на три года, когда литовцы стали мобилизовать военныя силы противъ Москвы³⁾. По окончаніи безплодной второй Московской войны, у правительства явилась замѣчательная, по своему времени, мысль установить постоянный налогъ для постепеннаго накопленія средствъ на случай войны съ Москвою. Предшествующая практика хорошо вывѣсила недостатки установившагося въ сборѣ подати порядка: налогъ назначался тогда, когда объявлялась война или во время самой войны. Такимъ образомъ, государство начинало военныя дѣйствія безъ средствъ и безъ наемныхъ солдатъ, не имѣя при томъ крѣпостей, способныхъ задержать движеніе непріятеля. Это очень хорошо сознавалъ Сигизмундъ I, и свои мысли онъ изложилъ намъ радѣ въ посланіи 1538 г. Въ этомъ посланіи онъ предлагалъ намъ радѣ обсудить этотъ вопросъ. По мнѣнію самого короля необходимо назначить въ теченіе трехъ годовъ, на которые заключено перемиріе съ Москвою, подать, цѣль которой должна заключаться въ наймъ жолнеровъ въ случай будущей войны съ Москвою: ни на какия другія „потребы“ эти деньги не могутъ быть употреблены⁴⁾. Однако, въ 1538 г. шляхта не успѣла обсудить предложеніе короля, такъ какъ раздѣхалась съ Новгородскаго сейма⁵⁾.

¹⁾ Ibidem, p. 522, 524, Любавскій, о. с., p. 234.

²⁾ Объ этомъ платѣ говорится въ посланіи Сигизмунда I къ господарской радѣ черезъ подкармія земскаго и Павла Горностая (Док. Моск. Арх. Мн. Юст., I, p. 529). М. К. Любавскій предполагаетъ, что этотъ платъ былъ назначенъ осенью 1529 г., т. е. послѣ того какъ сеймъ, собранный въ Вильнѣ въ 1528 г. и продолжавшійся въ 1529 г., т. е. тотъ самый сеймъ, на которомъ была потиронана подать для выкупа изъ залоговъ господарскихъ державъ, былъ прерванъ (о. с., p. 355). Однако, вътъ основанія предполагать, что декретированіе этого налога состоялось на второмъ Вилевскомъ сеймѣ (коронаціонномъ) 1529 г.: уѣзда земскаго 1529 г. говорить, что въ 1529 г. было назначено: „до которой сумѣ непавай съ службы платъ имѣть данъ быти на окупеніе замковъ и дворовъ и воевостей господарскихъ, тебѣ на заплату служебнымъ за ихъ службу“. Далѣе слѣдуютъ штеги о службѣ и о налогѣ для выкупа державъ (Акты Лит.-рус. гос., p. 231). Изъ этой замѣтки ясно, что оба налога были декретированы въ одно время, слѣдовательно на сеймѣ 1528—1529 гг. но собирались отдѣльно.

³⁾ Любавскій, о. с., p. 264.

⁴⁾ Акты 3. Р., II, p. 343.

⁵⁾ М. К. Любавскій, о. с., p. 273.

Тѣмъ не менѣе оно не было оставлено, такъ какъ серебщина, назначенная въ 1540 г., преслѣдовала цѣли, указанныя въ посланіи Сигизмунда I.

Несмотря на непрочность отношеній къ Москвѣ, Сигизмунду I не пришлось уже съ нею воевать: миръ между обоими государствами нарушился только съ началомъ Ливонской войны. Но въ теченіе этого мирнаго промежутка со стороны Москвы, Литовско-русское государство потерѣло большія потери на крайнемъ югѣ: въ 1550 г. татары разорили Брацлавль и нанесли тяжелое пораженіе всей Украинѣ. Отсюда начались новыя заботы объ укрѣпленіи и снаряженіи замковъ, а также о снабженіи ихъ гарнизонами, которые, повидимому, въ послѣднее время были оттуда выведены. Эти обстоятельства и вызвали новыя сборы серебщины. Въ 1551 г. была декретирована на три года серебщина „для обороны земской, и для покою посполитого, и для невѣрной безвѣрности своеѣ и маестостей своихъ“¹⁾. Поборные универсалы указываютъ также на „безбѣзечество“ отъ татар²⁾. Несмотря на это, рада, въ которой король обратился въ началѣ 1552 г. за совѣтомъ относительно того, гдѣ найти средства для оплаты жолнеровъ, затруднилась въ отвѣтъ, и король приказалъ выдать деньги изъ господарскаго скарба³⁾. Это затрудненіе повело къ сбору особаго экстраординарнаго налога съ служебнаго коша, хотя въ томъ же 1552 г. взымалась и серебщина. Ту же цѣль имѣла серебщина, назначенная въ 1554 г.⁴⁾ Ливонская война вызвала нѣсколько налоговъ, которые собирались для оплаты наемниковъ. Сеймовые рецессы не только объясняютъ, что подать взымается именно войною и имѣеть цѣлью покрытіе военныхъ издержекъ, но болышую часть точно опредѣляютъ, на какое именно количество наемныхъ людей назначается подать. Сеймъ 1563 г. декретировалъ серебщину подъ вліяніемъ снѣжной потери Полоцка и при условіи, если Москва будетъ воевать съ Литвою не изъ-за интересовъ, связанныхъ съ Ливонією; если въ теченіе трехлѣтняго періода, на который назначена подать, не будетъ войны, то налогъ за этотъ годъ не взымается; изъ серебщинныхъ пенязей имѣютъ быть покрыты расходы по найму солдатъ, начиная съ 1563 г., а

¹⁾ Акты 3. Р., III, p. 43.

²⁾ Ки. Зап. Лит., XXVIII, л. 125—127.

³⁾ Ки. Зап. Лит., XXXVII, л. 7 об.—10.

⁴⁾ Акты 3. Р., III, p. 59.

старые долги ими не должны быть оплачиваемы¹⁾. Нѣсколько темнаго оговорка относительно причинъ, которая признается законными въ смыслѣ пользованія денежною субсидіею, укладываетъ на то, что шляхта дѣлала попытку отказаться отъ войны изъ-за Ливоніи и оберегать только литовскіе интересы. Сигизмундъ Августъ въ письмѣ къ маршалу земскому и канцлеру Миколу Радзивилу жестоко проинизировалъ надъ этимъ постановленіемъ²⁾, но долженъ былъ согласиться. Городенскій сеймъ 1567 г. назначилъ подать на наемъ 6000 конныхъ ратниковъ и 4000 пѣхотинцевъ, и тоже обставлялъ эту подать слѣдующими условіями: война должна перейти въ наступательную и вестись въ Московскихъ предѣлахъ, при условіи, что самъ государь выступитъ съ войскомъ; если же онъ не двинется въ непріятельскую землю, или заключитъ перемиріе въ теченіе двухъ лѣтъ, на которые назначена подать, то налогъ не можетъ быть взимаемъ³⁾. Однако, въ слѣдующемъ 1568 г. снова былъ декретированъ податокъ, вмѣсто послѣдствіаго рушенія: шляхта не отказывалась выступить на войну только въ томъ случаѣ, если непріятель войдетъ въ предѣлы государства. Но за то она потребовала отъ государя „варунка“, т. е. обѣщанія, въ томъ, что вопрошанная ею подать не пойдетъ въ помшину, что отчетъ по приходу и расходу серебрины 1567 и 1568 гг. будетъ данъ сейму, и что, наконецъ, государь позаботится объ исправленіи новаго Статута⁴⁾.

Таковы причины, побуждавшія сеймъ вопрошать подати на военныя нужды⁵⁾. Тѣсную связь съ ними имѣетъ налогъ, декретированный на Виленскомъ сеймѣ 1528—1529 гг. По окончаніи первой Московской войны, государственныя финансы находились въ крайне плачевномъ состояніи: война не только поглотила дажъ серебрины и одну поголовщину, но сверхъ того большая часть государственныхъ державъ оказалась заложеною, и, такимъ образомъ, главнѣйшіи источники государственныхъ средствъ не давали дохода. Въ виду этого, король

¹⁾ Акты З. Р., III, р. 129.

²⁾ Lachowicz, Pamiętniki, Wilno, 1842, р. 100. Это письмо здѣсь ошибочно отнесено къ 1561 г.

³⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, 454.

⁴⁾ Ibidem, р. 467.

⁵⁾ Подробности относительно причинъ, побуждавшихъ великокняжеское правительство созывать сеймы и на нихъ обращаться къ шляхтѣ за субсидіями приведены въ книгѣ М. К. Любавскаго, Литовско-русскій сеймъ, М. 1901.

обратился къ шляхтѣ съ предложеніемъ вопрошать налогъ для выкупа державъ; шляхта согласилась, но обставила свое согласіе весьма существенными условіями касательно государственныхъ добръ¹⁾.

Военныя нужды исключительно поглотили налоги, вопрошанные сеймомъ. Изъ нуждъ, касавшихся другихъ сторонъ государственной жизни, только одна удовлетворялась назначаемымъ сеймомъ налогомъ: земскимъ податкомъ оплачивались труды комиссій, работавшей надъ проектомъ новаго Статута. Такой налогъ былъ назначенъ, по одному пеннизо отъ сохи, на сеймѣ 1551 г.²⁾ Въ известной мѣрѣ, къ налогамъ, шедшимъ на управленіе, можно отнести и сборы въ качествѣ „чистого и бирного“, которые собирались головными и повѣтовыми бирчами, т. е. сборщиками подати. Сюда же, и тоже не безъ оговорокъ, слѣдуетъ отнести спеціальныя налоги, собираемыя повѣтвовой шляхтою „на траву“ посылать, отправляемымъ ею на сеймы. Этотъ вопросъ не разъ подымался на сеймахъ, такъ какъ шляхта дѣлала попытки перенести дѣты своими посылать на господарскій скарбъ, но король отклонилъ эти попытки³⁾. Однако, въ 1569 г. мнѣе посылы получили дѣты изъ господарскаго скарба; впрочемъ, Сигизмундъ Августъ издалъ универсалы къ повѣтвовой шляхтѣ, приказывая ей возратить скарбу то, что имъ выдано на посылы, разверстать потребную сумму между повѣтвовой шляхтою⁴⁾. Разумѣется, этотъ налогъ носилъ чисто мѣстный характеръ.

Такимъ образомъ, краткій обзоръ той обстановки, при которой сеймы вопрошали прямыя налоги, показываетъ, что прямая подать не была постоянной и что она носила цѣлевой характеръ.

Съ точки зрѣнія способовъ взиманія прямой налогъ раздѣлялся на поголовщину и серебрину. Такъ какъ послѣдняя падала преимущественно на земледѣльческую классъ, то ее, по способамъ взиманія, можно раздѣлить на серебрину, основной единицей обложенія которой была крестьянская соха, и на серебрину, основой которой были служба, дымъ.

Поголовщина взималась весьма рѣдко, всего три раза въ теченіе изучаемаго періода, въ 1514, въ 1519 и въ 1565 гг. Поголов-

¹⁾ Broel-Plater, Zbiór pamiętników, I, р. 144—149.

²⁾ Акты З. Р., III, р. 43.

³⁾ Акты З. Р., III, р. 100.

⁴⁾ Вн. Публ. Дѣлъ Лит., IX, з. 156 (извѣстна въ у Любавскаго, о. с., прил. № 74).

щина 1514 г. была собрана въ размѣрѣ одного гроша съ крестьянъ обоаго пола и всѣхъ возрастовъ, двухъ грошей съ бояръ и одного золотого съ вридиковъ и пановъ¹⁾. Въ такомъ же размѣрѣ была назначена поголовщина и въ 1519 г.: каждый панъ „съ своей головы“, а также за жену и дѣтей обязанъ былъ внести по одному золотому (т. е. 30 грошей литовскихъ); каждый шляхтецъ за себя и членовъ своего семейства даетъ по два гроша съ головы; „простые люди“, „вольные“ и „невольные“, безъ различія пола и возраста—„съ каждое души“,—по одному грошу; съ дворовыхъ слугъ—съ шляхтичей по два гроша и съ простыхъ людей—по одному грошу²⁾. Наконецъ, въ 1565 г. была въ послѣдній разъ поголовщина. Прежде всего надо замѣтить, что она пала только на тѣхъ элементы общества, охвативъ все населеніе ихъ, безъ различія пола и возраста, за исключеніемъ грудныхъ младенцевъ. Такъ мѣщане какъ господарскихъ, такъ и частновладѣльческихъ городовъ, какъ старшихъ, такъ и тѣхъ, въ которыхъ еще не высибли воли, раздѣлены на четыре группы. Къ первой отнесены мѣщане, занимающіеся торговлей и ремеслами; они платятъ по шести грошей. Ко второй группѣ отнесены корчмы и перекупники, которые даютъ по четыре гроша. Въ третью группу причислены всѣ остальные, т. е. не занимающіеся торговлей, ремеслами, шинками и перекупничествомъ; они платятъ по три гроша. Къ четвертой группѣ отнесены люди „люзные“, т. е. не имѣющіе опредѣленныхъ занятій, а также всѣ „мушны“ (медвѣдники, лудники, скрипки, грубачи) и вообще всѣ, не имѣющіе постоянной службы; они даютъ по восьми грошей. Такимъ образомъ, на послѣднюю категорию падаетъ самый высокій налогъ, но вообще вридь долженъ былъ наблюдать, чтобы „люзные“ люди совсѣмъ не жили въ городахъ безъ дѣла. Надо еще замѣтить, что подать падала не только на самостоятельныхъ хозяевъ и ихъ семьи („домовыхъ господарей“), но также „на сусѣдовъ“, не имѣющихъ самостоятельнаго хозяйства, и на наемниковъ; за послѣднихъ должны платить ихъ господа по 3 гроша „съ каждое головы“, вычитая изъ ихъ наемной платы. Подать должна быть внесена вначалѣ февраля 1566 г., а для несостоятельныхъ плательщиковъ подскарбію земскому предоставляется назначить особые сроки³⁾. Въ особая категорию городскихъ жителей выдѣлены

¹⁾ Acta Tomiciana, III, № 47, М. К. Любанскій, о. с., р. 198.

²⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., II, л. 582 об.—284; Skarbice Danilowicza, № 2279.

³⁾ Кн. Пер. Лит., VII, л. 86 об.—88.

евреи и татары. Всѣ евреи должны платить по пятнадцати грошей отъ „головы“, а за челядь и служащихъ у нихъ наймитовъ христіанъ—по два гроша. Татары не даютъ подати, если несутъ земскую службу, или служатъ у пановъ, но и въ такомъ случаѣ платятъ отъ челяди и наймитовъ по три гроша. Тѣ же татары, которые занимаются извозомъ, торговлей и ремесломъ, платятъ за себя по десяти грошей, а за женъ и дѣтей—по пяти грошей. Что касается земледѣльческаго населенія, то оно раздѣлено на четыре группы. Къ первой группѣ отнесены подданные господарскихъ и частновладѣльческихъ сель—„домовые господари“, которые за себя, свою семью, живущихъ у нихъ коморниковъ, наймитовъ, платятъ по два гроша. Люди, сидящіе на воляхъ, даютъ по пяти грошей. Ко второй группѣ отнесены огородники, дающіе по одному грошу. Третью группу составляетъ челядь невольная: съ нея взимаются по пяти грошей, если она имѣетъ дома и надѣлы земли („присѣвки“); съ челяди, живущей только на дворовомъ хлѣбѣ, ничего не вималось. Наконецъ, въ четвертую группу отнесены бояре путные, которые ничего не платятъ за себя и за членовъ своего семейства, но обязаны платить отъ своихъ людей и наймитовъ по два гроша, а отъ челяди невольной—по полгроша. Точно также и шляхта, не имѣющая людей, даетъ за челядь и наймитовъ¹⁾. Какъ видно изъ этого обзора, наименьшая податная тягота пала на крестьянъ-земледѣльцевъ и на огородниковъ, и наибольшая на татаръ, евреевъ и лицъ безъ опредѣленныхъ занятій. Такое отношеніе къ первымъ двумъ категориямъ объясняется тѣмъ, что на этихъ плательщикахъ еще въ томъ же 1565 году лежала серебряная, decretированная въ 1563 г. Поэтому главной своей тяжестью налогъ 1565 г. палъ на городскіе элементы.

Ваносъ поголевой подати былъ назначенъ 5 февраля, но уже 1 февраля разосланы городамъ повие поборовые универсалы, въ которыхъ рассказывается, что на предшествующемъ сеймѣ рѣшено увеличить подать въ половинномъ размѣрѣ въ случаѣ, если поголовщина не хватитъ на оплату наемниковъ; этотъ вопросъ долженъ обсуждаться на повѣтовыхъ сеймикахъ²⁾; слѣдовательно, города приглашены ко второй уплатѣ поголовщины прежде, чѣмъ выяснятся результаты первой. Въ мартовскихъ универсалахъ, обращенныхъ къ шляхтѣ съ приглашеніемъ на повѣто-

¹⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 166.

²⁾ Кн. Публ. Дѣлъ Лит., VII, л. 90.

вые сеймики, которые должны были собраться передъ валънымъ сеймомъ, назначенномъ въ Берестинъ черезъ двѣ недѣли послѣ Пасхи, король объясняетъ, что собранной поголовщины не хватаетъ на уплату наемникамъ, почему и предлагаетъ сеймикамъ обсудить вопросъ о сборѣ новой поголовщины въ половинномъ размѣрѣ сравнительно съ прежней, какъ это предвидѣлось въ прошломъ Виленскомъ сеймѣ¹⁾. Такимъ образомъ въ томъ же году была собрана еще вторая поголовщина. Замѣтимъ, что въ государскихъ державахъ вторично въ 1566 г. налогъ былъ собранъ не въ видѣ поголовщины, но въ качествѣ серебщины по 15 гр. отъ волоки, или по столько же отъ воловой сохи и съ неимѣющихъ скота „отъ воротъ“ по 4 гр.²⁾; это не касалось привилегированныхъ городовъ, гдѣ платили вторую поголовщину. Замѣна поголовщины серебщиной въ государскихъ державахъ сдѣлана была, вѣроятно, потому, что по подсчетамъ скарба серебщина всегда давала болѣе доходъ, чѣмъ поголовщина³⁾.

Размѣры, въ которыхъ опредѣлялась поголовщина, показываютъ, что при назначеніи ея считались, въ известной мѣрѣ, съ имущественнымъ состояніемъ плательщика. Этотъ принципъ, нарушенный въ подати 1565 г. введеніемъ особой квоты по національнымъ (на евреевъ и татаръ) и поцещескимъ (на „поцещскихъ“ людей) побужденіямъ и тѣмъ, что на крестьянствѣ скопилось два сбора, рѣзко подчеркнуть въ поголовщинѣ 1519 г.; дѣленіе плательщиковъ на категоріи преслѣдуетъ здѣсь цѣль помущественнаго обложенія. Это кромѣ того хорошо подтверждается тѣмъ еще, что пана рада давала не поголовщину съ собственномъ смыслѣ, но „серебщину съ своихъ пеней“; пана рада уплатили отъ 30 до 100 золотыхъ—каждый сообразно своему богатству. По цитуемой замѣткѣ нельзя судить, былъ ли примѣненъ налогъ подоходный или помущественный, по отношенію къ самымъ богатымъ людямъ въ государствѣ, засѣдавшимъ въ государственномъ совѣтѣ, но ясно, что при обложеніи принято во вниманіе имущество ихъ положеніе⁴⁾.

¹⁾ Кв. Публ. Дѣлъ Лит., VII, л. 92—94 и л. 116 об., ср. Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 168.

²⁾ Кв. Зап. Лит., XLVII, л. 93 об.—94.

³⁾ Кв. Публ. Дѣлъ Лит., VII, л. 116 об.

⁴⁾ Кв. Судн. Дѣлъ Лит., II, л. 320—321. Этотъ списокъ наповнъ радъ похвощенъ въ книгѣ безъ даты. М. К. Любанскій относитъ этотъ фактъ къ 1522 г., когда была собрана серебщина (Литовско-русскій сеймъ, р. 230). По такое опредѣленіе ошибочно, потому что г. Любомірскій цитуетъ тотъ же списокъ по Ва-

Теперь перейдемъ къ сборамъ серебщины. Какъ уже было указано, по приемамъ сбора серебщина взымалась двоякимъ образомъ. Мы прежде всего остановимся на томъ видѣ обложенія, единицей котораго была служба людей. Въ такой формѣ серебщина была воструема шесть разъ; сюда же отчасти относится и податокъ земскій, назначенный на сеймѣ 1569 г., по его мы рассмотримъ особо, такъ какъ вообще съ момента Люблинской унии приемы обложенія сильно измѣнились.

Впервые разложеніе податка земскаго по службамъ было сдѣлано въ 1517 г., когда наложено было по 43 гр. отъ службы¹⁾, и во вторыхъ на Виленскомъ сеймѣ 1528—1529 гг. Это та самая подать, которая была назначена на выкупъ изъ залога государскихъ добръ²⁾. Этотъ платъ въ основѣ своей былъ разложенъ на тѣ единицы, съ которыхъ шла военная земская служба. Такимъ образомъ расцѣпъ веленъ по „конамъ“, выставленнымъ на войну: съ такого „кона“ взымалось по полторы копы грошей, т. е. по одиннадцати грошей и два съ половиною пенни отъ службы, такъ какъ одинъ ратникъ выставлялся съ восьми службъ. Обложенію подлежали всѣ тѣ крестьянскія службы, съ которыхъ исключилось военное обложеніе, т. е. службы тяглыхъ людей, данниковъ и путныхъ. Съ ними сравнены волоки въ Подляхін. Налогъ взымался только съ частновладѣльческихъ подданныхъ, такъ что шляхта, не имѣющая людей, была свободна отъ платежа этой подати. На государскіе города подать была наложена особо: каждый городъ обязанъ былъ внести положенный на него платежъ. Подать 1528 г. была наложена на всѣхъ подданныхъ, какъ государскихъ, такъ и частновладѣльческихъ, принадлежащихъ свѣтскимъ и духовнымъ лицамъ. Однако частновладѣльческіе города не подлежали обложенію, за исключеніемъ волочныхъ мѣстечекъ въ Подляхін, въ которыхъ городскія волоки приравнены къ службамъ; впрочемъ въ этихъ городахъ обложенію не подлежали мѣщане, сидѣвшіе только на огородахъ или на „малыхъ землицахъ“. Точно также особо были

chunkam skarbowym (къ сожалѣнію, эти книги въ настоящее время неизвестны) подъ 1519 г. и, естественно, въ рублинскихъ скарбахъ отъ встрѣчались точная дата (Trzy rozdziały z hist. skarbowości, р. 57).

¹⁾ Trzy rozdziały, р. 57.

²⁾ Аналогичная операція была выношена въ Познани въ 1507—1508 гг. А. Blumenstok, Planu reformi skarbu-wojskowych. Przewodnik naukowy i literacki, 1888, в. III, р. 209.

обложены евреи господарскихъ городовъ: на нихъ была положена общая сумма въ 1000 копъ грошей ¹⁾.

Затѣмъ подать на службы пала въ 1529 году: тогда было назначено по два гроша отъ службы, т. е. по шестнадцать грошей съ „кона“²⁾; обложенію подлежали подданные господарскіе и частновладѣльческіе ³⁾. Кромѣ того на сеймѣ 1538 г. была вотирована серебщина по 20 гр. отъ служилаго „кона“⁴⁾, т. е. съ 8 службъ, для наема гарнизонъ въ южныхъ зѣмкахъ ⁵⁾.

Наконецъ, такимъ же образомъ были разложены податокъ, назначенный на сеймахъ 1567 и 1568 гг. Въ 1567 г. все государство было обложено усиленными податями по случаю выступленія самого короля съ войскомъ противъ Москвы. Тогда каждая служба или полока была обложена 30-тью грошами, каждый дымъ (въ областяхъ Кіевской, Волынской, въ Подлесьи, въ Подишорьяхъ и Подвиньи) 15-тью грошами, огородники—3-ми грошами. Обложенію подлежали всѣ тяглыя службы. Серебщина 1567 г. была вотирована на два года; первый сборъ ея назначенъ на апрѣль 1567 г., а вторичный сборъ—на тотъ же мѣсяць 1568 г. ⁶⁾. Въ первый разъ серебщина была выбрана своевременно, но въ октябрѣ 1567 г., когда король былъ въ войскѣ, собрался военно-полевой сеймъ въ Лебедевѣ и перенесъ серебщину 1568 г. на тотъ же 1567 г. и срокъ взноса ея назначенъ за недѣлю до 25-го декабря. Это сдѣлано потому, что наемныя роты не хотѣли больше оставаться на службѣ безъ уплаты имъ жалованія, а въ скарбѣ денегъ уже не было ⁷⁾. Такимъ образомъ налогъ въ одинъ годъ былъ собранъ дважды и при томъ въ первый разъ въ очень неудобное для земледѣльцевъ время, раннюю весною.

Нужно еще отмѣтить, что въ господарскихъ державахъ, сидѣвшихъ на волокахъ, первый налогъ 1567 г. былъ собранъ по нѣсколькой иной раскладкѣ, чѣмъ это объявлено въ сеймовомъ рецессѣ. Господарь приказалъ взимать съ волоки по 20 грошей, а идѣ волоки не были отхѣрены—по 10 грошей съ даму. Въ мѣстечкахъ, имѣющіе дома и огороды платили по 5 грошей, а имѣющіе только дома—по 2 гроша отъ „воротъ“; огородники при дворахъ господарскихъ платили по 3 гроша; перекутники и люди „люзные“ давали съ головы согласно

¹⁾ Акты З. Р., II, р. 205; Акты Лит.-рус. гос., I, р. 231—233.

²⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 529.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XXVII, з. 32.

⁴⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 454; Кн. Пер. Лит., VII, з. 139 об—139.

⁵⁾ Кн. Перев. Лит., VII, з. 170; Кн. Пуб. Лит., IX, з. 7—8.

ухвалѣ 1566 г. ¹⁾. Пониженіе плата съ господарскихъ державъ объясняется тѣмъ, что господарскіе подданные уплатили въ томъ же 1567 г. еще разъ, сверхъ саймовой, серебщину по приказанію господари ²⁾. Но вторая серебщина собрана съ господарскихъ подданныхъ въ размѣрѣ и въ сроки, установленные въ Лебедевѣ и Молодечѣ ³⁾.

Хотя налогъ, назначенный къ сбору въ 1568 г. былъ собранъ уже въ 1567 году, однако Городенскій сеймъ, созванный лѣтомъ 1568 г., вынужденъ былъ назначить вновь подать. Она декретирована была въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ предыдущая, а именно съ службы или волоки брали по 48 грошей и съ дыма по 24 гроша; на огородниковъ наложено по 4 гроша. При этомъ сеймъ сдѣлалъ любопытное разъясненіе о соотношеніи дымовъ въ Литвѣ къ службамъ. Сеймовой рецессъ заявляетъ, что, судя по отчетамъ поборщевъ, литовскія службы содержатъ не одинаковое количество дымовъ; поэтому декретируемый теперь налогъ разсчитанъ такимъ образомъ, что служба людей приравнивается тремъ дымамъ, такъ что съ каждаго дыма взималось по 16 грошей; но если служба содержитъ въ себѣ менѣе трехъ дымовъ, то съ нее взимается какъ съ полной службы; если же въ службѣ будетъ болѣе трехъ дымовъ, то съ каждаго лишняго взимается по 16 грошей ⁴⁾. Такимъ образомъ сеймъ пытался уравнивать размѣры службъ. Но это постановленіе только относится къ литовскимъ областямъ; русскія же волости: Кіевщина, Волынь и Подлесье платятъ подымовой налогъ. Это сдѣлано, очевидно, въ томъ разчетѣ, что адѣшнія большія службы и дворца признаны были уже въ 1567 году слишкомъ неудобной единицей обложенія вследствие различія службъ и дворцовъ, о чемъ намъ уже приходилось говорить. Серебщина этого года собиралась въ одинаковомъ размѣрѣ какъ съ частновладѣльческихъ подданныхъ, такъ и съ господарскихъ ⁵⁾.

Въ 1568 г. къ обложенію были привлечены всѣ земледѣльцы. Такъ духовенство должно было вносить податокъ съ своихъ церковныхъ и частныхъ имѣній. Даже шляхта, не имѣющая людей, была

¹⁾ Кн. Судн. Дѣль Лит., LI, з. 52.

²⁾ Кн. Публ. Дѣль Лит., IX, з. 59—60.

³⁾ Ibidem, I, с.

⁴⁾ Впрочемъ, вѣроятно, разсчетъ излишнихъ дымовъ дѣлался не отъ каждой службы, но по отношенію къ цѣлому селу или имѣнію, потому что сеймовой рецессъ такъ говоритъ объ этомъ: „а если *надъ вси службы*, або въ одной дымѣ, або два сбывати будуть“.

⁵⁾ Кн. Публ. Дѣль Лит., VII, з. 180—182 об.

привлечена къ платежу налога. Такая шляхта обязана была платить съ „кони“ по копѣ грошей, при чемъ для уплаты этой суммы должны были складываться всѣ тѣ шляхтичи, которые сообща складывались на выправу одного коня; даже шляхта, выходящая за бѣдность въ пѣхотномъ войскѣ, платила подать по такому расчету, по какому она должна бы была поставить коня. Огородники этой бѣдной шляхты, сидѣвшіе за дворами, платили по 4 гроша. Было сдѣлано еще специальное постановленіе относительно бѣдной шляхты, сидѣвшей на землѣ, разбѣренной на волоки; такой шляхты было много на Подлиннѣ. Эта шляхта платила съ заселенной людьми волоки по 48 грошей, а шляхта, сама сидѣвшая на пахатныхъ волокахъ и вовсе не имѣвшая людей, должна была давать по 30 гр. съ волоки, независимо отъ количества дымовъ, бывшихъ на такой волокѣ. Огородники, сидѣвщіе на волокахъ такой шляхты, ничего не платили. Освобождена отъ налога также и челядь, живущая въ господскихъ дворахъ. Сеймовой речесью разъясняется, что и татары платятъ подать точно также, какъ и остальная шляхта, т. е. или съ людей, или съ „кони“. Что касается городовъ, то частновладельческія мѣстечки, сидѣвшіе на волокахъ, обложены были съ волоки по 48 грошей, огородники по 4 гроша, а не имѣющіе земли платили по 2 гроша отъ воротъ. Если въ городахъ земли не разбѣрены на волоки, то имѣвшіе менѣе десяти бочекъ земли приравнивались къ огородникамъ, а надѣлы остальныхъ переводились приблизительно къ волочному размѣру. Населеніе какъ сельское такъ и городское, сидѣвшее на воллахъ, должно было также уплачивать подать. Евреи были обложены особой поголовной податью по 12 грошей съ каждаго ¹⁾.

Таковы способы обложенія тѣмъ платомъ, который основною единицею имѣть службу земли. Въ данномъ случаѣ мы можемъ говорить о службѣ или волокѣ только какъ объ основной единицѣ. Поборные универсалы податковъ 1529 г. держатся только службы, но сеймы 1567 и 1568 гг. уже признаютъ такую единицу недостаточно эластичной; поэтому они, сообразно хозяйственнымъ условіямъ различныхъ мѣстностей, комбинируютъ поземельный налогъ съ подымнымъ; сеймъ 1568 г. даже сдѣлалъ попытку уравнивать податную лиготу на службахъ земли опредѣленіемъ количества дымовъ нормальной службы. Такимъ образомъ налогъ этого года уже носить болѣе

¹⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., р. 464—467; Кн. Пер. Лит., VII, л. 176—179; Кн. Публ. Дѣлъ Лит., IX, л. 85.

подымный характеръ, чѣмъ часто поземельный. Что касается обложенія огородниковъ, то оно отличается большою неопредѣленностью; въ общемъ, это поземельный налогъ, потому что въ основу его кладется извѣстный размѣръ земли, но самый размѣръ не подлежитъ точному опредѣленію также, какъ и размѣры службъ и дворищъ. Замѣтимъ еще, что въ платежѣ разсмотрѣннаго налога принимаютъ участіе всѣ станы, т. е. господа, духовенство и земянство. Изъ податныхъ классовъ—онъ ложится на тѣлое крестьянство, данниковъ и мѣщанство мелкихъ мѣстечекъ, главнымъ занятіемъ которыхъ было земледѣліе; впрочемъ, въ 1529 г. это мѣщанство не подлежало обложенію, а путные слуги, привлеченные къ платежу налога въ этомъ году, не были имъ обложены въ 1567 г. ¹⁾ и, вѣроятно, и въ слѣдующемъ ²⁾.

Теперь намъ остается познакомиться съ тою податью, къ которой неизбѣжно примѣняется терминъ серебщины. Она собиралась чаще тѣхъ двухъ видовъ подати, которые мы только что рассмотрѣли. Такъ въ промежуткѣ девяти лѣтъ (1473—1563 гг.) она была назначена пятнадцать разъ, и собиралась въ теченіе 26-ти годовъ, а именно: въ 1473 ³⁾, 1507 ⁴⁾, 1520 ⁵⁾, въ мартѣ 1522 ⁶⁾, въ ноябрѣ того же 1522 ⁷⁾, 1524—1525 ⁸⁾, 1534 (на три года) ⁹⁾, 1540 (на три года) ¹⁰⁾, 1551 (на три года) ¹¹⁾, 1554 (на три года) ¹²⁾,

¹⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 455.

²⁾ Надо сдѣлать оговорку, что поборные универсалы и сеймовыя речесы избѣгаютъ прилагать къ налогамъ 1528—1529, 1567, 1568 гг., названіе серебщины, опредѣляя ихъ словами „платъ“, „податокъ“ и тѣмъ, такъ сказать, выдѣляя ихъ отъ серебщины въ собственномъ смыслѣ. Однако, называя эту подать иногда серебщиной, мы имѣемъ ввиду не только аналогию ея съ серебщиною вѣдственнаго единства обложенія, но также и то, что и источники называютъ ее иногда серебщиной (напримѣръ, Книга Публ. Дѣлъ Лит., VII, л. 170).

³⁾ Стрийковскій, Хроника, въ изд. 1766 г., р. 634.

⁴⁾ Акты З. Р., II, р. 9.

⁵⁾ М. К. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ, р. 218. Впрочемъ, сборъ серебщины въ этомъ году подлежалъ большому сомнѣнію, такъ какъ въ источникахъ встрѣчается очень неясное упоминаніе о серебщинѣ этого года.

⁶⁾ Акты З. Р., II, р. 18. Дата исправлена М. К. Любавскимъ, ор. с.

⁷⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, р. 186.

⁸⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 522, 524. Tryz rozdzialy, р. 65.

⁹⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., VIII, л. 125—162 и лл. 165—467.

¹⁰⁾ Кн. Зап. Лит., XXVIII, л. 24—26 (напечат. у Любавскаго, о. с. прил.).

¹¹⁾ Акты З. Р., III, р. 48; Кн. Зап. Лит., XXVIII, л. 125—127.

¹²⁾ Акты З. Р., III, р. 58; Акты Вил. Ком., VIII, р. 355.

1559 (на два года)¹⁾, 1561 (только съ господарскихъ державъ)²⁾, 1563 (на три года)³⁾, въ 1566 г. (только съ господарскихъ державъ⁴⁾).

Такимъ образомъ серебщина собиралась гораздо чаще, чѣмъ другіе виды земской подати. Это объясняется какъ тѣмъ, что эта форма подати представляеть собою исконный способъ, такъ и часто финансовыми соображеніями. Дѣло въ томъ, что серебщина давала больше, чѣмъ поголовщина, о чемъ свидѣтельствуетъ универсалъ Сигизмунда Августа на поѣздовые сеймики передъ Берестейскихъ сеймомъ 1566 г.; здѣсь онъ заявляетъ, что поголовщина, собранной въ въ началѣ 1566 года никоимъ образомъ не хватить на расплату съ жолнерами, потому что государь убѣдился: „съ податковъ именовъ своихъ господарскихъ знати рачить, идижъ нигде такъ много (поголовщина) не вчинить, яко серебщина выносила“⁵⁾.

Основной единицей обложенія при сборѣ серебщины была соха, въ которую впрягалось для пахоты два вола; къ этой сохѣ приравнивались меньшія единицы обложенія. Соха илется такимъ образомъ признакомъ, которымъ опредѣляется количество запахиваемой въ крестьянскомъ хозяйствѣ земли. Для характеристики этой единицы обложенія мы приведемъ нѣкоторые показанія источниковъ. Такъ, серебщина 1534 г. бралась „съ каждого человека и со всяко сохи волово“; воловою сохою универсалъ называетъ такую, „кто двема вола ореть“; кто пахать однимъ воломъ, тотъ платитъ за полсохи; „конская“ соха, т. е. такая, въ которую впрягали пару лошадей, полагалась также въ полную соху. Что конская соха полагалась въ двѣ лошади, разъясняется универсаломъ 1540 г., въ которомъ говорится: „а кто двема влчачи сохою одною ореть“, даетъ полную повозную подать, а кто пахать однимъ воломъ или одною лошадыю, тотъ платитъ половину оклада. Въ рецессѣ 1551 г. находимъ такое же разъясненіе: по окладу этого года волова соха въ два вола считалась, какъ всегда, полною единицей, конская облагалась половиной; однако „кто бы мель одного вола або одну влчачу, тотъ маєть дати, яко отъ полсохи“⁶⁾. Такимъ образомъ конская соха полная считается и въ данномъ случаѣ въ двѣ лошади. Такое же разъясненіе встрѣ-

¹⁾ Кн. Пер. Лит., VII, л. 119—120, 123.

²⁾ Акты З. Р., III, р. 99.

³⁾ Акты З. Р., III, р. 129; Кн. Пер. Лит., VII, л. 13; Кн. Зап. Лит., XLV, л. 30—30 об.; Кн. Публ. Дѣлъ Лит., VII, л. 70.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., XLVII, л. 93 об.—94.

⁵⁾ Кн. Публ. Дѣлъ Лит., VII, л. 116 об. (напечатана у Любавскаго въ прил.).

чаемъ и въ универсалахъ 1563 г. Поборные универсалы и сеймовые рецессы, когда говорятъ о полусохѣ, то обыкновенно выражаются: „кто маєть одного вола або одну влчачу“; только универсалъ 1534 г. опредѣляетъ полсоху „кто воломъ пахать“⁷⁾. Крестьяне, имѣвшие одного вола или одну лошады, не всегда впрягали въ соху одно рабочее животное, припрягая къ своему еще нанятаго вола или коня; но и такая соха полагалась въ полсоху⁸⁾. Однако въ соху впрягали и по одному рабочему животному, какъ это видно изъ приведенной ссылки на универсалъ 1534 г., а также и изъ слѣдующаго мѣста универсала 1555 г.: „съ сохи воловое и конское по десяти грошей, то-есть отъ двухъ воловъ десять грошей, а отъ коня одного, хто-бы имъ орать, также десять грошей, а отъ полсохи отъ одного вола пять грошей“⁹⁾. Въ Полоцкой землѣ, гдѣ преобладали работы лошадыми, считалось двѣ лошади въ одну соху, и одна въ полсоху¹⁰⁾. То обстоятельство, что въ поборныхъ универсалахъ конская соха обыкновенно приравнивается полусохѣ и только въ нѣкоторыхъ выдѣляется особо конская соха въ двѣ лошади, сравниваемая съ воловою, вовсе не означаетъ, по нашему мнѣнію, что въ нѣкоторые годы отъ конской сохи въ двѣ лошади бралась половинная подать (какъ это можно бы было думать, если-бы на умолчаніе источниковъ). Дѣло въ томъ, что и въ настоящее время во всей Бѣлоруссіи, гдѣ еще сохранялись сохи, въ соху впрягаютъ обыкновенно по одной лошады, и упряжка въ двѣ лошады—малозначства; только соха, употребляемая для заправки лошадыю, пускается мельче въ почву, чѣмъ при пахотѣ волами, или же сошники дѣлаются уже и короче, чѣмъ для сохъ, въ которыхъ идутъ вола.

Изъ этого ясно видно, что подать падала на соху, какъ орудіе производства, которымъ опредѣлялось плѣбное пространство пашни, фактически обрабатываемой плательщикомъ. Въ конечномъ итогѣ, слѣдовательно, подать падала на земли, подвергающіяся обработкѣ. Количество рабочаго скота опредѣляетъ собою, въ известной мѣрѣ, имущественное состояніе плательщика, рабочій силы его семьи и, въ особенности, главную часть его дохода. Слѣдовательно, въ серебщину, какъ поземельную подать, вводимъ былъ, въ видѣ нѣкотораго коэффиціента, элементъ поимущественный и частью подоходный. Эту по-

⁷⁾ Кн. Перен. Лит., VII, л. 119.

⁸⁾ Акты Вил. Ком., VIII, р. 265.

⁹⁾ Акты З. Р., III, р. 105.

правку необходимо принять во внимание для выяснения истинного значения серебщины.

Из сказанного о характере сохи следует еще и другой вывод в том смысле, что под нею не разумелась какая-нибудь определенная поземельная площадь: дело идет только об орудиях производства, с помощью которых может быть вспахано известное пространство земли, но фактическая величина его никогда не принималась в расчет. И это верно не только по отношению к правительственной раскладке, но также и к тем фактам, когда соха является признаком для определения даней и оброков в имениях частных землевладельцев¹⁾. Но само собою разумеется, что пространство земли, которое можно обработать одной сохой в два вола или в две лошади, не могло быть слишком растяжимо, но крайней мере в местности однородной по почвенным условиям. Отсюда ясно, что в некоторых местностях с понятием сохи соединилось и известное реальное представление о поземельной площади. Это иногда подходит к тому невысокому состоянию сельскохозяйственной метрологии, когда обычной в хозяйствах поземельной меры являются бочки хлебного посева, стога и конны сена или, наконец, еще более неопределенная мера ухажалми, „землею“, службами. А эти меры господствовали на всем пространстве государства до введения волочной меры. Вот почему мы, например на Волини, встречаем определение поземельной площади частями сохи²⁾. С другой стороны, следует обратить внимание на следующую важную

¹⁾ Такого рода указания встречаем, например, в предьях Пинского княжества. Так, в изданных грамотах удельных князей встречаем такое определение доходов: „А чим коли будут пахати, и они мають з сохи давати по волод' овеа“ (Ревлянн пуща и проч., р. 130, стр. 296). Ср., например, определение оброков жмудских кувячинов. Акты В. Р., II, р. 183—185, р. 200. К этому можно присоединить и постановления ревлянских уставов о том, что с проведением волочной меры, серебщина вперед никогда не должна быть взимаема с волов или лошадей, но с земли (Арх. Ю-З. Р., ч. VII, т. II, р. 111). Следовательно, до введения волочной меры признаком для обложения считали не определенную площадь, но орудия обработки.

²⁾ В выданной писане Льва Соколенского Киево-Печерскому монастырю на данинов в сел Стариницкй встречается такая записка: „А земли под тими людьми все пашной на познати сохи, и на кождый годь они с тых познати сохи серебщину платити, по чому которого году на них взохотеть господни архимандрит Печерскй серебщину возложити, то они повинни каждого году от сохь серебщину платити“ (Акты Ю-З. Р., I, р. 127).

факт, который разъясняет нам, какую поземельную площадь считалось в то время возможным обработать при помощи сохи с упряжкой в два вола и две лошади; это относится по крайней мере к центральным Литовским областям. Так в Браславль Литовском в 1562 г. серебщина собиралась с волоки по 20 грошей; а где волоки не были размерены, там бралось от воловой или конской сохи тоже по 20 гр.; значит, волока приравнена к сохе, т. е. участку в 19 с лишним десятин, обрабатываемому при трехпольной системе¹⁾. Иными словами: при работе одной сохой вырабатывалось около 20 бочек земли ежегодно, считал на до-волочная единицы, так как в волоку полагалось около 30 бочек земли. Такирование волоки сохой встречаем и в поборовом листе 1566 г.²⁾

Легко заметить, что такой признак обложения как соха не мог охватить всех сторон крестьянского хозяйства, так как оно не было исключительно сельскохозяйственным; при земледелии крестьянское хозяйство могло обходиться наемными сохами и, следовательно, в некоторой части плательщиков могла ускользать от обложения. Правда, к платежу податей привлекалась такая хозяйственная разновидность, как группа огородников. Таким образом, всегда подать платилась с тяглых, имевших рабочий скот, и огороднических хозяйств. Но кроме того, серебщина во многие годы падала и на другие типы крестьянского хозяйства. В таком случае податной единицей была земля; эта единица в разные годы неодинаково определялась. Так в 1522 г. серебщина бралась „от земли“ с хозяйства, не имевших рабочего скота. Универсалы 1534 и 1540 гг. различают хозяйства, не имеющие скота, но имеющие землю, и дворцы хозяйства, имеющие скот, но не имеющие земли. Иногда подать налагалась „от земли“ вообще на те хозяйства, которые имеют с земли „пожитку“, во определяла однако, в чем она должна заключаться (например, в 1507 г.). Однако облагаемый „пожитком“ имел в виду исключительно сельскохозяйственную промышленность. Это видно уже из того, что главным признаком для обложения служить рабочий скот. Если универсалы и говорят о земле в таких хозяйствах, в которых нет рабочего скота, то все-таки они разумют не ухажал

¹⁾ Ки. Перен. Лит., VII, т. 119 об. (напечат. у Любавского, о. с., р. 118 прил.)

²⁾ Ки. Зап. Лит., XLVII, т. 93 об.

Представленная таблица указывает прежде всего на колебания въ размѣрахъ обложенія: опредѣленнаго размѣра не было, и подать подымалась и понижалась сообразно тому, насколько государство нуждалось въ деньгахъ. Въ годы, когда подать вызывалась военнымъ временемъ, размѣръ ея подымался; когда же подать собиралась на нужды обороны, она назначалась въ меньшемъ размѣрѣ. Въ общемъ, размѣръ подати увеличился въ теченіе девяностолѣтняго періода въ 5 разъ.

Однако общія нормы подати, установленныя сеймами, требуютъ еще нѣкоторыхъ разъясненій, такъ какъ на практикѣ при взиманіи налоговъ дѣлались отступленія, которыя необходимо имѣть виду при разсмотрѣніи вопроса о размѣрахъ серебницы. Намъ известны особенности въ порядкѣ сбора только относительно позднѣйшихъ серебницъ.

Такъ серебница, назначенная въ началѣ 1534 г. въ размѣрѣ 12 грошей отъ сохи, была собрана весной того же года¹⁾. Но въ ноябрѣ того же года государь разослалъ универсалы о сборѣ второго взноса серебницы къ дню св. Крещенія 1535 г., причемъ на этотъ разъ должно быть собрано по 15 грошей отъ сохи, по 7½ грошей отъ полусохи, отъ „земли“ по 7½ грошей, столько же отъ тѣхъ, кто не имѣетъ земли, но имѣетъ скотъ, и по 3 гроша отъ огороженнаго. Такъ какъ такой размѣръ серебницы превшалъ назначенный сеймомъ, то въ своихъ универсалахъ Сигизмундъ I объясняетъ, что увеличеніе платы сдѣлано „для великой потребности“, ввиду предположенной „моцнейшей вальки“ противъ непріятеля; поэтому третій сборъ серебницы будетъ собранъ уже въ размѣрѣ 10 грошей отъ сохи²⁾, слѣдовательно, вѣснѣи въ общемъ государь увеличилъ плату въ 1 грошъ отъ сохи на одномъ сборѣ подати. Серебница 1551 г. тоже была собрана съ нѣкоторыми отступленіями. Первый сборъ ея, ввиду неурожаа и голода, постигшаго государство, былъ назначенъ только на день Рождества Богородицы 1552 г.³⁾ Но и это серебница была неаккуратно внесена. Вторая и третья серебницы были назначены на тѣ же числа 1553 и 1554 г.г.⁴⁾ Однако въ октябрѣ 1552 г. уже

¹⁾ Кн. Судб. Дѣлъ Лит., VIII, л. 125.

²⁾ Кн. Судб. Дѣлъ Лит., VIII, л. 166—167 об.

³⁾ Акты З. Р., III, р. 43.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., XXVIII, л. 125.

разосланы универсалы, приказывающіе собрать вторую серебницу на Громницы 1553 г.¹⁾ Но къ концу того же 1552 г. скарбъ уже не могъ оплатить наемныхъ ротъ, стоявшихъ на Украинѣ, хотя первая серебница была совсѣмъ выбрана и ожидался сборъ второй. Поэтому на сеймѣ 1552 г. была декретирована прибавка къ тремъ серебницамъ, назначеннымъ на сеймѣ 1551 г. Прибавка эта заключалась въ уплатѣ съ каждаго кова, выставляемаго на службу, по одной копѣ грошей, а съ нѣмнѣй церковныхъ—по 6 грошей отъ службы людей. Сборъ этихъ поковенскихъ копѣ былъ назначенъ на середоцкѣ 1553 г., а взносъ послѣдней серебницы, декретированной въ 1551 г., на день Рождества Богородицы того же 1553 г.²⁾ Такимъ образомъ въ этомъ году былъ назначенъ взносъ трехъ податей и при такихъ условіяхъ, что поборовые универсалы разсылались только 26 декабря. Нужно замѣтить, что хотя универсалы о сборѣ поковенскихъ копѣ указываютъ на согласіе пановъ радныхъ „и всѣхъ къ сейму прислухающихъ“³⁾, но тѣмъ не менѣе шляхетство было весьма недовольно постановленіемъ о копахъ. Дѣло въ томъ, что на этомъ сеймѣ были только паны рада, вридинки и хоружіе. Поэтому сеймъ, собравшійся въ Вильнѣ въ 1554 г., упрекала короля въ томъ, что вопросъ о копахъ былъ рѣшенъ „не на вальномъ сеймѣ“, т. е. не на законно собранномъ, и королю пришлось имѣть весьма непріятное объясненіе съ шляхетскимъ посольствомъ⁴⁾, а жмудины не только просили о томъ, чтобы впредь такой подати не было назначено, но даже о возвращеніи имъ собранныхъ денегъ⁵⁾. Вообще, среди шляхты этотъ сборъ вызвалъ сильный ропотъ⁶⁾, тѣмъ болѣе, что самый налогъ сдавался въ скарбъ, а не выборнымъ поборцамъ⁷⁾.

При сборѣ серебницы, назначенной въ 1554 г. на три года, первый взносъ былъ потребованъ въ 1555 г.⁸⁾, но остальные два взноса серебницы совсѣмъ не собирались до 1559 г.; въ ноябрѣ 1558 г. разосланы универсалы съ разъясненіемъ, что государь сдѣ-

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 41 об.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XXXV, л. 51 об.

³⁾ Объ этомъ сеймѣ см. у Дубавскаго, о. с., р. 575.

⁴⁾ Акты З. Р., III, р. 51.

⁵⁾ Ibidem, р. 60.

⁶⁾ Albert Wijuk-Koialowicz, *Historiae Lituaniae pars altera*. Авторевень, 1869, р. 421.

⁷⁾ Хроника Стрыйковскаго въ изданіи 1766 г., р. 751.

⁸⁾ Акты Виленской Комиссіи, VIII, р. 255.

дать „фольгу“ населенію, и до этого времени не брали серебщины, теперь же ввиду скрбовыхъ нуждъ, господарь назначаетъ сборъ подати на Громницы 1559 и 1560 г.г., но въ половинномъ размѣрѣ сравнительно съ сеймовой ухвалою, т. е. по пяти грошей отъ сохи ¹⁾. Съ господарскихъ державъ серебщина однако собиралась безъ всякой сбавки ²⁾. Поэтому сеймъ 1559 г., декретируя подать на 1560 и 1561 г.г., прибавилъ къ той серебщинѣ, которая должна быть собранной о Громницахъ 1560 г. (на основаніи ухвалы 1554 г.) еще по 5 грошей отъ сохи, а въ 1561 г. назначилъ полный сборъ въ 10 гр. ³⁾. Такъ сложился налогъ 1560 г. Однако съ господарскихъ подданныхъ въ 1561 г. серебщина собиралась по 15 гр. отъ сохи ⁴⁾. Серебщина 1563 г. тоже не была собрана въ томъ размѣрѣ, въ какомъ это предположено декретомъ. Последніе два сбора ея назначены были на половину января 1566 г. Но сеймъ, заседавшій въ Берестѣ въ декабрь 1565 г., просилъ господари о льготахъ по сбору этихъ двухъ серебщинъ. На сеймѣ было рѣшено, ввиду назначенія поголовщины на 1566 г., совсѣмъ отменить взносъ третьей серебщины по ухвалѣ 1563 г., а кто успѣлъ внести ее, тому этотъ взносъ вычитается изъ поголовщины ⁵⁾. Относительно второго взноса той же серебщины было рѣшено такъ: кто не успѣлъ его сдать, тотъ обязанъ былъ внести „вдолгу преможенъ“ своего, принеси присягу передъ барчимъ въ томъ, что онъ не могъ собрать съ своихъ подданныхъ, вслѣдствіе ихъ разоренія, больше того, что вносить теперь ⁶⁾. Изъ этого видно, что согласно ухвалѣ сейма 1563 года былъ собранъ только одинъ взносъ подати; второй былъ собираемъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ землевладельцы желали, или могли его внести, а третій совсѣмъ былъ отмененъ. Но эта льгота коснулась только частновладельческихъ людей потому, что и сами сеймовые рецессы говорятъ о нихъ, и, наконецъ, господарскіе листы, разосланные лѣтомъ 1565 г., требовали отъ господарскихъ подданныхъ немедленнаго взноса уже третьей серебщины, такъ какъ вторая была отъ нихъ собрана въ предыдущемъ году; изъ этихъ листовъ также видно, что взносъ третьей серебщины для господарскихъ под-

¹⁾ Любавскій, о. с., р. 91 прил.

²⁾ М. К. Любавскій, о. с., прил., р. 94.

³⁾ Акты 3 Р., III, р. 99.

⁴⁾ Ка. Перев. Лит., VII, л. 41 об.

⁵⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 166.

⁶⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 161; Ка. Публ. Дѣлъ Лит., VII, л. 96.

данныхъ былъ назначенъ на день св. Михаила 1565 г., но затребованъ нѣсколькими мѣсяцами раньше ¹⁾.

Такимъ образомъ, назначаемыя сеймами подати не всегда поступали въ казну въ томъ размѣрѣ, въ какомъ онѣ вотивались; правда, бывали случаи дополнительныхъ сборовъ, но гораздо чаще шляхта успѣвала уменьшить размѣръ подати.

Разсмотрѣніе тѣхъ нормъ, въ которыхъ опредѣлялась подать, далеко не все еще выясняетъ въ ея исторіи. Уже при обзорѣ поголовщины и плата, падавшая на службы, можно было замѣтить, что не всегда всѣ элементы общества подлежали обложенію. По отношенію къ серебщинѣ эта сторона гораздо сложнѣе. При томъ порядкѣ вещей, когда посредникомъ между государствомъ и платящимъ налогомъ является помѣщикъ, въ сущности оказывается какъ бы два податныхъ субъекта, къ которымъ государство обращается за податью: во-первыхъ, помѣщикъ, во-вторыхъ, его подданные. Поэтому приходится разсмотрѣть и тѣ классы подданныхъ, на которые подать падала, и тѣ станы землевладельческаго общества, съ людей которыхъ подать собиралась; наконецъ совсѣмъ особая группа составляютъ привилегированные города и еврейскія общины.

По отношенію къ тѣмъ классамъ, уже въ предыдущаго ясно, что подать, въ размѣрѣ, налагаемомъ сеймами, падаетъ на земледѣльцевъ. Частновладельческіе города совсѣмъ не подлежали платежу серебщины, на господарскіе же города она налагалась особо. Въ самомъ земледѣльческомъ населеніи есть группы, не одинаковыя по своему повинностному положенію и основному типу хозяйства. Группы слугъ путныхъ и бояръ панцирныхъ представляютъ собою верхъ крестьянскаго общества, обязанные военною службою. Занятые идеть рядъ хозяйственныхъ службъ при господскихъ дворахъ, люди тяглые, главнымъ занятіемъ которыхъ были земледѣльческой промыселъ, данники, занятые которыхъ были и земледѣліе и лѣсные промыслы, наконецъ, разные виды челды,—дворовой и задворной, сидѣвшей на земельныхъ участкахъ. Вообще, на частновладельческихъ земляхъ сидѣли тѣ же группы населенія, какія можно наблюдать въ господарскихъ державкахъ ²⁾. Такимъ образомъ, податной крестьянскій

¹⁾ Ка. Публ. Дѣлъ Лит., VII, л. 70; Ка. Зап. Лит., XLV, л. 88—90 (напечат. у Любавскаго, о. с., р. 147, прил.).

²⁾ См. выше, въ 3 гл.

миръ былъ весьма не однороденъ. Не смотря на это, податная система игнорировать указанное явленіе. Это видно уже изъ опредѣленій, даваемыхъ универсалами и другими вѣсточниками податнымъ субъектамъ: обложению подлежатъ только тотъ, „кто што панеть“. Слѣдовательно, промысловыя занятія деревенскаго люда въ это опредѣленіе не входятъ и центръ обложений падаетъ на крестьянъ-пахатниковъ. Если универсалы называютъ разряды облагаемаго крестьянскаго населенія, то они всегда говорятъ о тяглохъ крестьянствѣ. Такъ, постановленіе 1551 г. говоритъ, что серебщина наложена на людей тяглыхъ, серебщина 1554 года тоже налагается на людей тяглыхъ. Слѣдовательно, этотъ разрядъ крестьянъ и былъ главнымъ плательщикомъ прямой подати, а другіе принадлежали къ платежу ея по-стольку, поскольку они занимались земледѣліемъ. Что касается слугъ путныхъ и бояръ панцирныхъ, то въ этомъ отношеніи установленнаго порядка не было. Такъ въ 1540 году серебщина взымалась съ слугъ путныхъ и конюховъ, жившихъ на земляхъ государскихъ и королевы Бони, но съ частновладѣльческихъ путныхъ слугъ, бояръ и слугъ боярскихъ серебщина не была взята, такъ какъ эти элементы выходятъ на войну; но люди ихъ платили: въ 1554 г. путные слуги государскихъ державъ тоже были обложены податью; путные слуги воеводскихъ державъ, равно какъ и живущіе на земляхъ самихъ воеводъ, платили подать, тогда какъ остальные земледельцы платили только съ тяглыхъ людей своихъ¹⁾. Въ 1554 году панцирные слуги государскихъ державъ не платили серебщины²⁾, а также и путные слуги на частновладѣльческихъ земляхъ³⁾. Такимъ образомъ запашка, производившаяся самими слугами путными, не подлежала обложению, если слуги жили на частновладѣльческихъ земляхъ; если же они жи-

¹⁾ Такъ слѣдуетъ думать потому, что универсалъ говоритъ о сборѣ подати „подле устами зъ людей земныхихъ съ каждого повѣтника“, совершенно умалчиваетъ о земныхихъ боярахъ и слугахъ путныхъ; о сборѣ съ государскихъ подданныхъ универсалъ говоритъ особо, въ томъ числѣ и съ слугъ путныхъ; и затѣмъ встрѣчаемъ приниску, специально касающуюся воеводства: въ дворахъ воеводскихъ приказывается „бояръ шляхты и ихъ людей повѣсывать и тотъ платъ podle устами зъ людей ихъ отъ сохъ воловыхъ и конскихъ выбирать, а зъ людей путныхъ и тяглыхъ у воеводствахъ ихъ и по ихъ именьяхъ мають вридини ихъ сохъ платъ выбирать“.

²⁾ Акты Визел. Ком., VIII, р. 255.

³⁾ Акты З. Р., III, р. 59.

ли на государскихъ земляхъ, то большею частью подлежали обложению.

Въ такомъ же полу-привилегированномъ положеніи находились „служебники“ государскіе, т. е. лица, исполнявшія при дворѣ разныя службы: они, какъ и шляхта, не платили серебщины съ своихъ дворовыхъ сохъ, а съ людей своихъ давали только тогда, когда серебщина налагалась на шляхетскихъ подданныхъ¹⁾.

Такъ разлагалась прямая подать въ средѣ земледѣльческаго класса.

Но серебщина падала на соху; слѣдовательно, является еще вопросъ, подлежала ли ей господская пашня, какъ обрабатываемая крѣпостнымъ трудомъ, такъ и лично самой шляхтой, если она не имѣла людей. Эти вопросы несомнѣнно рѣшаются въ отрицательномъ смыслѣ, и прежде всего на основаніи прямого смысла постановленій сеймовыхъ рецессовъ, которые опредѣленно назначаютъ подать съ людей государскихъ, земныхихъ, церковныхъ; слѣдовательно, дворовая запашка въ этотъ счетъ входить не могла. Но такъ какъ на практикѣ иногда на этотъ счетъ происходили недоразумѣнія, въ особенности по отношенію къ бѣдной шляхтѣ, не имѣвшей своихъ людей, то встрѣчаются по тому же поводу и частныя разъясненія. Такъ въ 1530 г. земные всей Дорогичской земли жаловались на своего хоружаго о томъ, что онъ беретъ подать „зъ земанъ, которые людей въ себе не мають“, и государъ разъяснилъ, что подать должна взыматься только съ земныхихъ людей²⁾. Въ уставѣ о наложеніи платы 1529 г. специально разъяснено, что та шляхта, которая не имѣетъ людей, свободна отъ подати³⁾. Въ 1534 году дѣланъ группа Клецкихъ бояръ приѣзжала къ королеви Бонѣ жаловаться на мѣстнаго старосту, который правитъ на нихъ серебщину. Королева Бона обратилась по этому поводу за разъясненіемъ къ королю и тотъ заявилъ ей, что тѣ бояре, которые несутъ военную земскую службу „боямемъ“, не обязаны платить серебщины; но если такіе бояре имѣютъ своихъ людей, или огородниковъ, то они должны давать серебщину съ своихъ людей⁴⁾. Положеніе такой бѣднѣйшей шляхты иног-

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 96 об.

²⁾ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., IV, л. 330.

³⁾ Акты З. Р., II, р. 204.

⁴⁾ Ровная путь и проч., р. 363.

да, впрочем, определялось и сеймовыми рецессами. Так рецесс 1554 г. объясняет, что земледельческая шляхта не должна платить съ своих дворных сохъ¹⁾. По постановлению сейма 1563 г. такая шляхта была освобождена отъ серебницы въ томъ случай, если она владѣть менѣе четырехъ сохъ; съ четырехъ и большаго количества сохъ вималась копа грошей „отъ копа“,— слѣдовательно всетаки не съ сохъ²⁾; мы уже знаемъ, что и въ 1568 г. земледельческая шляхта была такимъ же образомъ привлечена къ платежу подати.

Выяснивъ отношеніе прямой подати къ барской запискѣ, намъ теперь остается указать на участіе различныхъ элементовъ земледѣльческаго класса въ платежѣ прямой подати³⁾. Поборные универ-

¹⁾ Акты З. Р., III, р. 59.

²⁾ Ibidem, р. 130.

³⁾ Главнымъ доказательствомъ участія въ платежѣ прямой подати различныхъ слоевъ земянства, духовенства и государскихъ добръ служатъ сеймовые рецессы и поборные универсалы. Такъ какъ для насъ эти показанія имѣютъ весьма важное значеніе, то мы приведемъ здѣсь соответственные мѣста источниковъ.

Такъ на сеймѣ 1507 г. серебница была дана: „И тежъ ихъ милость князь бискупъ и панове рада, восводи, княжата, земине, дворян, и всѣхъ носозлите шляхты, которые на тотъ часъ на томъ сеймѣ были, зводили“. Земля Жомойтская также не отказывалась на этомъ сеймѣ дать серебницу, но представителю ея не могли здѣсь же согласиться на подать потому, что на сеймѣ не было „старшихъ пановъ“; рѣшено было, что король напишетъ о серебницѣ старостѣ жомойтскому (Акты З. Р., II, р. 9—10).

Поборные универсалы, разсланыя въ январѣ 1519 г. о сборѣ поголовщины, говорятъ не только о сборѣ ея со всѣхъ новгородскихъ классовъ общества, гдѣскихъ и ветягскихъ, но также и о сборѣ „въ посредку“ государства и по украинскимъ землямъ (Кн. Судн. Дѣл. Лит., II, л. 262 об.—264). Рада указала особо.

Поборные универсалы, разсланыя въ мартѣ 1522 г., обращены были къ магистринамъ и тивунамъ государскихъ державъ, князьямъ, панамъ, боярамъ, дворянамъ, татарамъ и слугамъ нутнымъ, называя серебницу на земли свѣтскихъ и духовныхъ земледѣльцевъ по всему великому княжеству и по украинскимъ землямъ (Акты З. Р., II, р. 18).

Съ тѣхъ же становъ, т. е. съ пановъ, шляхетства, духовенства и государскихъ державъ вѣла была вторая серебница 1522 г. (Акты Лит.-рус. гос., I, р. 186).

Платъ, наложенный въ 1529 г. напантеи съ земель государскихъ, свѣтскихъ и духовныхъ земледѣльцевъ (Акты З. Р., II, р. 203—205).

Серебница, ухваленная въ 1534 г. вималась съ государскихъ державъ, паній королевъ Бона, съ земель шляхетства и духовенства (Кн. Судн. Дѣл. Лит., VIII, л. 163).

Въ 1540 г. серебница назначена на подданныхъ государскихъ державъ, королевъ Бона, бискупскихъ, княжескихъ, панскихъ, боярскихъ, греческаго и римскаго духовенства (Кн. Зап. Лит., XXVIII, л. 24 об.).

сама совершенно ясно въ этомъ отношеніи указываютъ, что участіе въ платежѣ подати принимали оба стана, призывавшіеся на сеймъ, т. е. всѣ элементы шляхетства и католическое духовенство, а также и подданные государскихъ державъ. Относительно земель духовенства надо замѣтить, что рецессы и универсалы иногда опускаютъ упоминаніе о земляхъ греческаго духовенства и о томъ, налагается ли серебница на земли церковныя и принадлежащія духовенству лично. Но это только случайное умолчаніе, вовсе не свидѣтельствующее о томъ, что тѣ или другія группы земель, находящихся во владѣніи духовенства, не всегда привлекались къ платежу подати. Такъ, сеймовой рецессъ 1559 г. вовсе не говоритъ о группахъ земледѣльцевъ, обязанныхъ по сеймовой ухвалѣ платить подать; однако она собрана была въ митрополичьихъ имѣніяхъ¹⁾. И вообще подданные греческаго духовенства должны были платить серебницу, когда она падала на все государство²⁾. Точно также имѣнія, принадлежавшія церкви, подлежали платѣ серебницы ларавнѣ съ находившимися во владѣніи лицъ духовнаго сословія на правѣ частной собственности³⁾. Однако, къ концу изучаемаго періода шляхетство уже стало по отношенію къ духовенству предъявлять требованія, чтобы оно вносило подати не только съ имѣній, но и съ доходовъ своихъ и въ этомъ отношеніи, повидимому, достигло успѣха на сеймѣ 1565 г.⁴⁾

Различныя группы шляхетскаго стана одинаковымъ образомъ подлежали платежу съ своихъ имѣній серебницы; различіе заключа-

Сеймъ 1551 г. декретировалъ серебницу „со всѣхъ подданныхъ панскихъ и королевскихъ ея милости панскихъ князей Бона, панъ магистр панскихъ, и тежъ съ подданныхъ пановъ радъ панскихъ духовныхъ и свѣтскихъ, князьскихъ, панскихъ и землянскихъ“ (Кн. Зап. Лит., XXVIII, л. 125).

Въ 1554 г. серебница также пала на всѣ три стана, т. е. на государскія добра, шляхетства и духовенства греческаго и римскаго (Акты З. Р., III, р. 59).

На тѣ же станы пала и подать 1559 г., потому что она является продолженіемъ первой (сеймовой) рецессъ не говоритъ о станахъ, а универсаловъ не сохранилось).

Подать 1562 г., какъ мы уже знаемъ, была собрана только съ государскихъ державъ. Въ платежѣ серебницы 1563 г. принимали участіе всѣ станы (Кн. Зап. Лит., XLV, л. 30—30 об.), а объ участіи ихъ въ податяхъ, декретированныхъ въ 1565, 1567 и 1568 гг., мы уже знаемъ.

¹⁾ Описание Арх. греко-уніатскихъ митрополитовъ, р. 33.

²⁾ Ср. еще ibidem, р. 27; Акты З. Р., I, р. 167 и 189—192.

³⁾ Кн. Публ. Дѣл. Лит., IX, л. 85; Акты З. Р., III, р. 60; Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 165.

⁴⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 168.

лось только въ приѣмахъ ея вымаганіа, такъ какъ папи „предложеніе“, хоругоныне, передавали подать непосредственно въ центральное казначейство, а не въ повѣты.

Если въ средѣ шляхетства нельзя указать такихъ элементовъ, которые были бы свободны отъ серебщины, то зато надо отмѣтить нѣсколько особое положеніе украинскихъ областей. Въ нѣкоторыхъ поборовыхъ универсалахъ съ особымъ удареніемъ подчеркивается тотъ фактъ, что серебщина должна быть собрана не только въ центральныхъ областяхъ государства, но также и на окраинахъ. Дѣйствительно, окраинныя земли весьма неохотно платили серебщину, а на южной Украинѣ—она вовсе не взымалась. Объ этомъ мы уже знаемъ изъ постановленій, сдѣланнаго Яномъ Волчковичемъ: онъ прямо говоритъ, что въ южныхъ повѣтахъ серебщина не собиралась и такъ какъ здѣшніе земляне не пожелали установить сторожевой повинности, согласно сдѣланнаго вмѣстѣ со стороны правительства предложенія, то съ 1561 г. на нихъ должна налагаться серебщина въ тѣ годы, когда назначалась сеймомъ, но она обращалась на оплату сторожевой повинности¹⁾. (Однако, въ 1569 г. мѣщане Черкасскіе успѣли пехлопотать себѣ господарскій листъ, освобождающій ихъ навсегда отъ уплаты земскаго податка, налагаемаго сеймами, такъ какъ мѣщане держатъ сторожу на замкѣхъ и подвержены частымъ „шкортамъ и небезпеченству“ вследствие нападений отъ татаръ²⁾.) Свобода отъ подати, распространившаяся на Украину, побуждала иногда сеймы обращаться съ просьбами къ господарю о привлеченіи украинскихъ воеводъ, старостъ и землянства къ платежу податей³⁾. Однако на другихъ окраинахъ серебщина взымалась, хотя представители Полоцкой и Витебской земель сдѣлали въ 1559 году попытку освободиться навсегда отъ уплаты серебщины, въ чемъ получили отказъ⁴⁾.

Такимъ образомъ, землянство представляется однороднымъ по отношенію къ платежу земской подати, что вполнѣ естественно. Весьма рѣдки даже льготы, даруемыя господаремъ частнымъ лицамъ или городскимъ и волостнымъ общинамъ; онѣ давались только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, напримѣръ, вследствие повальныхъ

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 35 об.

²⁾ Кн. Публ. Дѣлъ Лит., X, л. 22 об.—23.

³⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 161.

⁴⁾ Акты З. Р., III, р. 104, 105.

болѣзней¹⁾, пожара²⁾, разоренія отъ непріятеля³⁾, „накладовъ“ при постройкѣ замковъ⁴⁾, въ борьбѣ съ непріятелемъ⁵⁾ и т. п. Вообще освобожденіе отъ серебщины было крайне затруднено, что видно изъ объясненій въ господарскихъ листахъ тѣхъ причинъ, которыя послужили для выдачи грамоты⁶⁾. Льготы давались чаще всего на одинъ, два взноса. Нередко господа отклоняли просьбы объ освобожденіи отъ серебщины⁷⁾, а сеймовыя рещенія постановляли, чтобы „жданая особа“ не уклонилась отъ подати⁸⁾.

Остается не рассмотрѣнной еще послѣдняя категория плательщиковъ налоговъ—подданные господарскихъ державъ и привилегированные города; евреи, жившіе какъ въ господарскихъ городахъ, такъ и въ частновладѣльческихъ, составили особую группу плательщиковъ, которая и будетъ рассмотрѣна отдѣльно.

Есть нѣкоторыя указанія на то, что серебщина приблизительно до первой четверти XVI столѣтія оставалась постояннымъ налогомъ, уплачиваемымъ подданными господарскихъ державъ⁹⁾. И это вполнѣ

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XIV, л. 214 об.—Листъ мѣщанамъ и волостанамъ Кричевскимъ. Въ 1554 г. Виленскіе мѣщане получили такое же освобожденіе. Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 310.

²⁾ Такой листъ получил Виленскіе мѣщане въ 1559 г. (Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 222 об.). Въ 1560 г. дана льгота на десять лѣтъ Володимирскимъ мѣщанамъ, продолженная въ 1563 г. вследствие новаго пожара еще на четыре года (Бершадскій, II, р. 131).

³⁾ Акты З. Р., I, р. 347, грамота Смолденку.

⁴⁾ Въ 1560 г. Усвятской и Озерницкой волостямъ отпущена серебщина, потому что онѣ повесли большіе „наклады“ при постройкѣ замка въ Озерницахъ (Кн. Зап. Лит., XXVII, л. 333).

⁵⁾ Ibidem, л. 457.

⁶⁾ Вотъ, напримѣръ, объясненіе данное при освобожденіи отъ серебщины въ 1560 г. вѣдній князь Кроминскій: „Ино онъ (Кроминскій) тыхъ часовъ присматрѣ до насъ, поведаючи, изъ имени его отъ воевса нашего великій уады и заныщеные иривали, и не могутъ въ нихъ тое серебщичины vybrati, бѣль намъ чоломъ, аблхмо... отпущаю, о чомъ и отъ пановъ радъ и вранникотъ нашихъ, которые у воевса нашего были, ведомость семо вали, же тие имени его отъ воевса нашего скажоты“ (Кн. Зап. Лит., XLV, л. 58 об.).

⁷⁾ Акты З. Р., III, р. 100.

⁸⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 167—169. Однако „вимова“ предоставляена только Мстиславнамъ и Витеблчанамъ, пострадавшимъ отъ нашествія непріятелей.

⁹⁾ Такъ въ Кричевской волости „серебщину и пши полатни намъ давали по данному“ (Акты Лит. рус. гос., I, р. 137). Въ Могилевской вол. „серебщину жаротъ намъ завжди на третей годъ давати, колько мы, господарь, на нихъ позо-

поштно, такъ какъ привилеемъ 1447 г. освобождены отъ серебщины только имѣнія, состоявшія на правѣ земскомъ. Но это обстоятельство нисколько не исключало того, что государь налагать и на свои державы серебщину тогда, когда она собиралась во всемъ государствѣ; такіе сборы налога начинаются съ 1522 г. (о болѣе раннихъ серебщинахъ у насъ нѣтъ свѣдѣній). Источники не даютъ однако никакихъ свѣдѣній о томъ, исключала ли серебщина, собранная въ государскихъ державкахъ въ размѣрѣ, указанномъ сеймовымъ декретомъ, ординарную серебщину. Однако приблизительно послѣ тридцатыхъ годовъ XVI ст. нигдѣ уже не встрѣчается никакихъ намековъ касательно сборовъ въ государскихъ державкахъ ординарной серебщины, изъ чего слѣдуетъ заключить, что такіе сборы прекратились и замѣнились тѣми, которые налагались сеймами. Впрочемъ и послѣдствіи государь, какъ это мы уже знаемъ, налагать серебщину на свои державы и тогда, когда сеймы не вотировали ея на всю землю. Наложение серебщины государемъ на своихъ подданныхъ имѣло тотъ смыслъ, что государь присоединялъ этотъ налогъ на тѣ же нужды, на которыя онъ вотированъ былъ сеймомъ. Но это зависѣло отъ воли и ласки государской. Такъ податокъ 1529 года, какъ съ государскихъ такъ и съ частновладѣльческихъ державъ, пошелъ на выкупъ

жить* (устава 1521 г. *ibidem*, p. 173; Акты З. Р., II, p. 113—устава 1514 г.). Съ уставу Торопецкой вол., М. К. Любаевскій, *Общ. дѣл., прил.*, p. 10. Когда имѣстникъ Кораевской вол. кн. Андрей Мелешковскій сталъ собирать (около 1530 г.) въ волости серебщину, то волостяне жаловались: „а серебщину у насъ брали, то намъ новину чинили“ (Кн. Зап. Лит., XVI, з. 284 об.—285). Присоединимъ еще очень важное свидѣтельство о взносахъ серебщины въ Бобруйской волости. Въ 1533 г. волостяне жаловались на государскихъ писарей за разныя вымогательства и между прочимъ говорили: „а серебщина тебѣ на третій годъ изъ нихъ была бирма“ и просили сдѣлать имъ какое нибудь облегченіе въ дингахъ, такъ какъ писари въ этомъ году выбрали въ волости ордыщину и другія дани. Поэтому Сигизмундъ I написалъ подскарбію земскому о томъ, чтобы онъ не велѣлъ собирать съ волостянъ серебщину, если въ этомъ году уже собрана ордыщина (Кн. Зап. Лит., XV, з. 102—103). Изъ этого ясно, что серебщина собиралась регулярно разъ въ три года. Замѣтимъ, что на основаніи приведеннаго мѣста, никакъ нельзя сдѣлать заключенія въ томъ смыслѣ, что Подилярскія волости платили серебщину только тогда, когда не платили ордыщину, какъ это думаетъ М. К. Любаевскій (Областное дѣленіе, p. 487); приведи государское распоряженіе подскарбію земскому, онъ опуститъ изъ виду, что въ своей просьбѣ волостяне просить объ облегченіи въ платежѣ податей; такое облегченіе и сдѣлано на одинъ годъ государемъ.

заложенныхъ имѣній. Въ 1551 г. серебщина съ государскихъ державъ пошла, вмѣстѣ съ земляскою, на наемъ жолнеровъ. Очевидно, на этотъ предметъ государская серебщина пошла впервые, о чемъ записано на сеймѣ 1554 г. самъ великій князь. Когда шляхта уверяла великаго князя въ томъ, что онъ незаконно собралъ въ 1552 г. „копы“ отъ служебныхъ коней, то ей дано было такое объясненіе, что самый сборъ „копъ“ надо понимать какъ освобожденіе отъ личной службы, т. е. ихъ обязаны были внести только тѣ, кто не хотѣлъ выступить лично въ войскѣ¹⁾; что собранныя деньги пошли на государственныя нужды и что наконецъ самъ государь „оставилъ“ подать на своихъ подданныхъ и „обернулъ“ ее на тѣ же нужды; этого никогда раньше не бывало, но сдѣлано теперь, такъ какъ государь пожелалъ „въ самоѣ ласки своеѣ“ дать облегченіе земляскимъ подданнымъ²⁾. Итакъ, еще въ 1551 г. государь великій князь считалъ большою жертвою съ своей стороны обращеніе земской подати съ своихъ державъ на тѣ же нужды, на которыя она вотировалась сеймомъ. Но съ этого времени сами сеймы просить государя о наложеніи на его державы серебщины. Такъ въ 1554 г. государь „рачиль“ дать подать въ размѣрѣ, назначенномъ сеймомъ съ своихъ державъ и мѣстечекъ и съ имѣній королевы Бони, а съ привилегированныхъ городовъ платъ долженъ быть внесенъ „подѣ постановленія давнаго“³⁾. Въ 1565 г. сеймовые депутаты били государю челомъ объ установленіи поголовщины съ государскихъ подданныхъ, на что и получили согласіе отъ государя⁴⁾. Вообще до 1569 г. обращеніе земской подати съ государскихъ державъ въ скарбъ земскій было „волею и ласкою“ государя великаго князя, но не его обязанностью.

Очевидно въ такомъ же положеніи находились и привилегированные города. Изъ приведеннаго выше компетентнаго разъясненія, даннаго государемъ на сеймѣ 1554 г., ясно, что къ платежу сереб-

¹⁾ Въ 1552 г. сборъ войска былъ назначенъ, впрочемъ только Волынской землѣ, къ Брацлаву для охраны грозящаго воево замка (Кн. Зап. Лит., XXXVII, з. 22 об.—28). Въ действительности, въ поборныхъ универсалахъ 1522 г. новое не упоминалось о томъ, что „копы“ должны замѣнить службу.

²⁾ Акты З. Р., III, p. 51.

³⁾ *ibidem*, p. 69.

⁴⁾ Кн. Публ. Дѣлъ Лит., VII, p. 87.

июль 1563 г.¹⁾, в мае 1565 г.²⁾ и в сентябре 1567 г. Разыскав в 1561 г. листы о займах, господарь требовал от городов взноса „позычки“; если же город не пожелает этого сделать, то король предписывал, чтобы каждый мѣщанин объявлял передь урядомъ размѣръ своей „мастности“, т. е. всего имущества и внести бы съ него „пенный податокъ“ по 6 гр. отъ копы, т. е. десятипроцентный поимущественный налогъ³⁾. Господарь обещалъ возратить изъ скарба „позычку“, но, очевидно, если городъ ея не внесетъ, то угрожаетъ ему сборъ подати, уже не подлежащей возврату. В 1563 г. „позычка“ бралась только до сбора земской подати, изъ которой обещано возвращение займовъ⁴⁾. В 1567 г. господарь разыскал по городамъ листы о немедленномъ взносе опредѣленныхъ на каждый городъ суммъ— „податокъ—пенную суму пенязей“, обещалъ возратить этотъ „податокъ“ изъ скарба, или же отчислить изъ городскихъ сборовъ, шедшихъ въ скарбъ⁵⁾. Съ такими требованіями разосланы были листы къ привилегированнымъ городамъ, но тогда же былъ назначенъ особый сборъ и съ непривилегированныхъ городовъ. Причины его объясняются слѣдующимъ образомъ: господарь приказалъ выправить въ войско съ провіантомъ известное количество людей изъ городовъ и державъ; но затѣмъ отмѣнилъ это распоряженіе по отношенію къ непривилегированнымъ городамъ и замѣнилъ его особымъ податкомъ⁶⁾.

Что касается раскладки податей на отдѣльные города, то по этому поводу надо замѣтить, что списокъ поселеній, на который назначалась подать по городскому окладу, въ разные годы былъ далеко не одинаковъ. Дѣло въ томъ, что понятіе городского поселенія, какъ известно, было весьма растяжимо: на официальномъ языкѣ того времени „мѣстомъ“ называли и крупный городской центръ, привилегированный или непривилегированный, и мелкое мѣстечко, сидящее на волокахъ, иногда впрочемъ имѣвшее широкія привилегіи (напримѣръ Нарва, Лосичи, Порозовъ и нѣкоторые др.). Въ мелкихъ мѣстечкахъ подать удобно раскладывалась по сохамъ или по волокамъ, почему въ

¹⁾ Ibidem, з. 10 об.—11.

²⁾ Ibidem, з. 71 об.—73.

³⁾ Кн. Перев. Лит. VII, з. 12 об.

⁴⁾ Кн. Пер. Лит. VII, з. 10—11.

⁵⁾ Кн. Публ. Дѣлъ Лит., IX, з. 1.

⁶⁾ Ibidem, з. 1 об.

привлеченія ихъ къ налогу въ репартиціонной формѣ не было особой нужды. Поэтому опредѣленный податной окладъ назначался обыкновенно только на „привилегіи мѣста“; въ это опредѣленіе входили всѣ города привилегированные, независимо отъ ихъ величины и размѣровъ платимой ими подати; сюда же причислялись и нѣкоторые изъ непривилегированныхъ городовъ, напр. Пинскъ, Кобринъ, Слонынь, Могилевъ и др. На эти „привилегіи мѣста“ падали всѣ серебрянины и позычки; изъ остальныхъ мѣстечекъ налогъ по окладу платился далеко не всегда. Такъ въ 1529 г. были привлечены къ налогу многіе изъ мѣстечекъ. Самые подробные списки мѣстечекъ составлены при сборѣ серебрянина въ 1551 г. и въ особенности для экстраординарнаго налога 1567 г. Позычки 1561, 1563 и 1565 г. уплачены только „привилегіи мѣстами“. Просматривая размѣры окладовъ, налагаемыхъ въ видѣ серебрянина или позычекъ, нельзя замѣтить какой нибудь правильности въ ихъ распредѣленіи. Такъ, позычка 1561 г. для многихъ городовъ въ десять разъ превышаетъ окладъ серебрянина, уплаченной въ 1534 или 1551 г.г., для другихъ— только въ четыре, пять разъ больше. Вообще чувствуется большая случайность какъ въ распредѣленіи серебрянинныхъ окладовъ на города, такъ и позычекъ.

Таковъ характеръ земской подати, налагавшейся на города.

Такимъ образомъ земская прямая подать Литовско-русскаго государства носила экстраординарный характеръ. Она налагалась каждый разъ тогда, когда къ тому побуждали какія нибудь особыя государственныя потребности; этими потребностями исключительно были военныя нужды. Въ смыслѣ пріемовъ обложенія подать входилась въ видѣ поголовщины или въ видѣ поземельнаго налога, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ подоходнаго. Платежу подати подлежали только тяжелые элементы общества, т. е. крестьянство и мѣщанство. По отношенію къ послѣднему подать носила характеръ репартиціоннаго налога, назначаемого на цѣлую городскую общину, а по отношенію къ крестьянству—квотативнаго. Ливонская война вызвала сильный ростъ податнаго оклада, но и онъ мало удовлетворялъ военнымъ потребностямъ, почему великокняжеское правительство стало прибѣгать къ принудительному займу у городовъ.

Такъ какъ подать входилась исключительно на военныя нужды, то интересно отмѣтить, что въ представленіяхъ шляхетскаго общества

земская подать иногда является взаимной отбыванием военной службы¹⁾. Этот, правда, рѣдко пробивающійся взглядъ указываетъ, что известная часть шляхетскаго вѣдѣнья имѣла еще весьма смутное представленіе о публичномъ характерѣ подати.

Люблинская унія произвела весьма большія измѣненія въ способахъ оклада и въ самую понятіи о податяхъ; то и другое подчиняется порядкамъ, выработаннымъ въ Польшѣ. Сеймъ является единственнымъ органомъ, который налагаетъ подать не только на частновладельческихъ людей, но и на города и подданныхъ государскихъ державъ. Мелкія классовыя различія теряютъ свое вѣстаринное значеніе, такъ что всѣ не шляхетскіе элементы должны участвовать въ ея платежѣ. Подать охватываетъ не только недвижимую собственность плательщика, но и его занятіе, отчасти и доходъ; эти принципы прилагаются къ различнымъ категоріямъ плательщиковъ, т. е. подать стремится удвоить тѣ стороны, изъ которыхъ видно имущественное положеніе или доходъ податнаго субъекта. Все это можно прослѣдить уже на первомъ вѣбовомъ универсалѣ, выданномъ на Люблинскомъ сеймѣ²⁾. Онъ отмѣчаетъ значительную высоту, на которую подымается подать, хотя опредѣленіе единицъ обложенія облагаетъ еще большую рудиментарность понятій. По универсалу 1569 г. крестьяне (хметы) платятъ поземельный налогъ съ воловь, слѣда, жеребья, лана, службы, дыма, т. е. рядомъ съ опредѣленными поземельными единицами фигурируютъ еще и не опредѣленныя; сверхъ того, они платятъ налогъ и съ десятины, хлѣбныхъ или скотомъ, даваемыхъ помѣщикамъ. Къ платежу налога пришекаются не только крестьяне земледѣльцы, но и другія категоріи, напр., отбывающіе своимъ панамъ „послуги“³⁾, т. е. дворовые службы, ловчіе, солтысы, войты, путные бовары. Огородники раздѣлены на три категоріи по имущественнымъ признакамъ. Даже комерики, т. е. люди не имѣющіе домовъ, причтены къ уплатѣ налога, если они имѣютъ скотъ. Не оставлены безъ обложенія и „люзине“ люди. Наконецъ, самымъ подробнымъ образомъ опредѣлена подать съ сельскихъ торговцевъ, ремесленниковъ, подмастерьевъ, шин-

¹⁾ Док. Мос. Арх. М. Ю. I, p. 510; Акты З. Р., II, p. 387.

²⁾ Объ обложеніи въ городахъ. См. Pawinski Ad., Skarbowości w Polsce, War., 1881, p. 154 и сл.

карей, мельниковъ и пр. Въ городахъ введенъ подошовой налогъ и сверхъ того обложены различные виды промысла¹⁾.

Такіе приемы указываютъ, что обложеніе сдѣлало крупный шагъ впередъ, но это случилось вслѣдствіе перенесенія въ Литовско-русское государство податной практики, выработанной въ Польшѣ.

8. Специальныя подати съ евреевъ.

По отношенію къ платежу земскаго податнаго необходимо выдѣлить одну группу населенія—евреевъ. Условія участія ихъ въ платежѣ общегосударственной подати съ теченіемъ времени измѣнялись. Они то платили вмѣстѣ съ городскими общинами серебницу и ординцину, то выдѣлялись изъ общинъ, подъ условіемъ платежа особаго сбора. Эти разнообразныя приемы зависѣли и отъ обстоятельствъ и отъ отношенія къ еврейскому элементу со стороны правительства.

Едва ли не самое древнее свидѣтельство объ участіи евреевъ въ общегосударственной подати встрѣчается въ грамотѣ вел. кн. Базиліа Трокенскаго еврейскъ 1441 г. Здѣсь говорится, что евреи этого города обязаны разъ въ годъ уплачивать census, sive exactiones, подобно другимъ городамъ на магдебургскомъ правѣ; однако, если необходимость заставитъ наложить generalis exactio, то, сверхъ census'a, евреи обязаны и ее уплачивать²⁾. Изъ послѣдующей грамоты того-же господара, оказывается, что Трокскіе евреи платили половину всей серебницы, налагаемой на городъ, и—что всего интереснѣе,—этотъ порядокъ существовалъ уже при Витовтѣ и Сигизмундѣ Кейстутевичѣ³⁾, т. е. съ самаго появленія евреевъ въ Литвѣ; хотя эти данныя относятся только къ Трокской еврейской общинѣ, но весьма вѣроятно, что таково-же было въ принципѣ положеніе и другихъ общинъ, т. е. каждая изъ нихъ обязана была уплачивать серебницу въ известной пропорціи, вмѣстѣ съ городомъ, и чинить.

¹⁾ Док. Мос. Арх. М. Ю. I, p. 502, 505; Акты З. Р., III, p. 138.

²⁾ Бернадскій, Документы и Регесты, I, p. 31.

³⁾ Ibidem, p. 37.

Такъ было до конца XV в., т. е. до известнаго момента изгнанія евреевъ изъ Литвы. Но въ скоромъ времени тотъ-же Александръ позволилъ евреямъ возвратиться въ Литву подъ условіемъ поставки 1000 человекъ конницы въ военное время¹⁾. Однако евреи успѣли себя выпросить освобожденіе отъ этой повинности, взявъ участія въ общегородскомъ вносе серебщины, отбываніи подводъ и др. городскихъ потяглей. Это освобожденіе дано Александромъ и подтверждено Сигизмундомъ I въ 1514 г. Такимъ образомъ, евреи въ податномъ отношеніи сравнялись съ остальными мѣщанами и до начала правленія Сигизмунда Августа ничѣмъ отъ нихъ не отличались²⁾; фиксирована была только та часть общеземской подати, которую давали евреи. Такъ въ Луцкѣ евреи съ другими мѣщанами платили серебщину и ординщину³⁾, въ Гроднѣ—тоже⁴⁾ и пр.⁵⁾.

Однако въ положеніи евреевъ была та особенность, что при Сигизмундѣ I опредѣлена доли участія еврейской общины въ платежи подати городомъ. Это понадобилось, вѣроятно, потому, что между ними и остальными горожанами нерѣдко происходили споры о размѣрахъ участія въ городскихъ вольностях⁶⁾. Такіе споры бывали и въслѣдствіи и даже вели къ заключенію между христианами и евреями одной и той же общины формальныхъ договоровъ; немало терпѣли евреи и отъ сборщиковъ податей: такъ, при Сигизмундѣ Августѣ евреи, сравнивая свое положеніе при немъ съ временемъ отца его, заявляли королю о томъ, что они: „передъ тымъ деи они болше не плачивали, однакожъ якій податокъ земскій на места у Великомъ Князствѣ Литовскомъ положонъ былъ, тогда они четвертую часть того, што на места покладано бывало, давати были повинни, на што и привилей короли его милости славное памети Жигимонта, отца нашего... передъ нами покладали“⁷⁾. Подлинная грамота Сигизмунда I до насъ не дошла, но можно думать что привилей былъ имъ выданъ до 1529 г., когда собиралась упомянутая нами поголовщина. Выдѣленіе еврей-

¹⁾ Бернадскій, Литовскіе евреи, р. 264.

²⁾ Бернадскій, Док. и Рег. I, р. 86—87.

³⁾ Бернадскій, Док. и Рег. I, р. 148.

⁴⁾ Ibidem, р. 199.

⁵⁾ Подробности объ отношеніи еврейской общины въ христіанской см. въ главѣ о городской общинѣ.

⁶⁾ Бернадскій, Док. и Рег. I, р. 147, 188.

⁷⁾ Ibidem, р. 399.

скихъ общинъ въ этомъ году можетъ быть ею же и объяснено; кромѣ того, 1000 конь гр., наложенныхъ на евреевъ, какъ разъ составляютъ четвертую часть (всего наложено 4081 конь гр.). Впрочемъ, въ послѣдующее время это отношеніе не соблюдалось, что видно какъ изъ только что приведенной грамоты, такъ и изъ другихъ фактовъ. Замѣтимъ, что приведенная выдержки еще разъ свидѣтельствуютъ объ отсутствіи при Сигизмундѣ I какого-либо specialнаго сбора съ евреевъ.

При Сигизмундѣ Августѣ податное положеніе евреевъ постепенно измѣняется; правительство начинаетъ смотрѣть на нихъ, какъ на удобно эксплуатируемый элементъ и не стѣсняется въ наложеніи болѣе тяжелыхъ податей. Въ 1549 г. въ Польшѣ былъ установленъ особый поголовный сборъ съ евреевъ по одному золотому¹⁾,—сверхъ другихъ налоговъ. Литва не заставила себя долго ждать: на сеймѣ 1551 г. шляхта просила короля, „абы жидове всихъ мѣстъ по черленому золотому на оборону земскую давати“. Король оказался весьма предупредительнымъ на этотъ счетъ, потому что имѣлъ возможность не только отвѣтить шляхтѣ согласіемъ, но и сообщить о сдѣланномъ имъ распоряженіи переписать всѣхъ евреевъ для установленія на нихъ особаго налога. Впрочемъ, въ извѣстныхъ королеви Боны еще до этого времени уже собирався золотой черлений съ евреевъ²⁾.

Сеймовый рецессъ весьма лаконически говоритъ о вновь вводимомъ налогѣ. Но другіе акты разъясняютъ, что на этомъ Виленскомъ сеймѣ былъ установленъ особый платъ. Уже въ 1552 г. Берестейскіе евреи получаютъ, въслѣдствіе пожара, освобожденіе „отъ того плату нашего, который на нихъ съ сейму Виленского недавно минузого уставленъ, съ господара домового и жоны его по золотому черленому платити“³⁾. Этотъ платъ вносился евреями ежегодно⁴⁾. Постановленіе 1551 г. выводило евреевъ, по отношенію къ земской подати, изъ тяглой городской общины, такъ что росписаніе по городамъ серебщины за тотъ же годъ сдѣлано „кромѣ жидовъ“⁵⁾.

¹⁾ Czacki, Dziela, III, р. 184 (изданіе 1845 г.); ср. Бернадскій, Литовскіе евреи, р. 384.

²⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. V, т. I, р. 49—50; Бернадскій, Док. и Рег. II, р. 6.

³⁾ Бл. Зап. Лит., XXXVII, з. 40.

⁴⁾ Бернадскій, Док. и Рег. II, р. 26.

⁵⁾ Акты Ю. З. Р., I, р. 133.

Въ некоторыхъ мѣстностяхъ установленіе особаго плата съ евреевъ вызвало недоразумѣніе. Такъ, Гродненскіе мѣщане требовали, чтобы мѣстная еврейская община принимала, по старому, участіе въ платежѣ серебряными выѣстѣ съ городомъ; но евреи отказывались платить серебрянину выѣстѣ съ мѣщанами, ввиду наложеннаго на нихъ „дѣшного и особливаго“ плата, съ чѣмъ согласилась королева Бона, на судѣ которой это дѣло разбиралось¹⁾.

Сверхъ установленнаго червчанаго золотого, шедшаго въ господарскій скарбъ, въ годы Ливонской войны на евреевъ налагались еще подати по сеймонымъ постановленіямъ. Такъ, въ 1563 г. шляхетство просило выправить за счетъ евреевъ 2000 всадниковъ, но король обѣщалъ наложить на еврейскія общины особый платъ²⁾. Оказывается, что въ этомъ году король наложилъ на евреевъ 12000 копѣ гр., но долженъ былъ уменьшить эту сумму до 4000 копѣ гр., такъ какъ еврейскіе „старшіе“ донесли ему, что такаа сумма будетъ для евреевъ „съ обтяженьемъ“. При уплатѣ этого налога король разрешалъ не имѣющимъ наличныхъ денегъ давать серебро. Если же еврейскій покажется и эта сумма слишкомъ большой, то король предлагаетъ нести со всѣхъ евреевъ поголовный сборъ по золотому и, кромѣ того, десятипроцентный сборъ съ имущества³⁾. Евреи привлекались къ уплатѣ налоговъ и на основаніи сеймоваго постановленія 1565 г.⁴⁾ Однако, собраніе его оказалось неуспѣшнымъ, почему на Берестейскомъ сеймѣ 1566 г. на евреевъ была наложена подать въ общей суммѣ въ количествѣ 6000 копѣ грошей⁵⁾.

На Городненскомъ сеймѣ 1567 г. снова наложена на евреевъ подать въ 6000 копѣ грошей со всѣхъ евреевъ⁶⁾. Еврейскія общины въ половинѣ 1567 г. оцѣтились въ весьма затрудненномъ положеніи: онѣ только что уплатили поголовщину 1565 г. по 15 гр., вторую въ 8 гр., сборъ въ 6000 копѣ гр., назначенный въ 1566 г. и еще имъ предстояло платить въ такомъ же размѣрѣ сборъ по назначенію въ 1567 г., а между тѣмъ евреи своимъ чередомъ платили червчанные золотые.

¹⁾ Бершадскій, Док. и Рег., II, р. 42—43.

²⁾ Акты З. Р., III, р. 127.

³⁾ Бершадскій, Док. и Рег., II, р. 118.

⁴⁾ Док. Моск. Арх. М. Ю., I, р. 196.

⁵⁾ Бершадскій, Док. и Рег., II, р. 183.

⁶⁾ Ibidem, р. 193.

Евреи жаловались королю на эту массу поборовъ, „прекладючи вѣзбовство и недостатокъ свой“ и просили объ „ульженью и фольгѣ“. Король убавлялъ имъ съ послѣдняго сбора 2000 копѣ и еще 1000 копѣ оставить на своей „дасцѣ“ и къ уплатѣ ея „примунать ихъ не велѣво“¹⁾, т. е. иными словами оставлять за собою право взыскать эту 1000 копѣ гр. въ случаѣ надобности, или не взыскивать. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что съ евреевъ въ 1567 г. взыскивалась еще „позычка“, т. е. принудительный заемъ особо отъ христіанъ²⁾.

Такимъ образомъ, сборы съ евреевъ разрослись, и неудвительно если они жалуются на тяготу и многочисленность податей. Въ 1567 г. евреи указывали королю Сигизмунду Августу „на великіе и неопосные податки для потребъ земскихъ и Речи Посполитой... действу великому анищеню и упаду пришли, и болше таковыхъ податковъ нести и досыть имъ чинити не могутъ“. При сборѣ податей они терпѣли отъ прѣзвѣжающихъ къ нимъ дворянъ. Указавъ на порядки, существовавшіе при Сигизмундѣ I, евреи просили или возвращенія къ нимъ, или назначенія на ихъ „сбора“ опредѣленной суммы, которую они готовы платить всякій разъ, когда подать будетъ налагаться на города. Господарь согласился, назначивъ 3000 копѣ гр. со всѣхъ евреевъ, въ качествѣ земской подати, когда она будетъ назначаться, независимо отъ червчанаго золотого; эту общую подать предполагалось взымать только до окончанія войны, послѣ чего евреи снова будутъ пользоваться своими старыми „вольностями“³⁾. Однако эта грамота не была обязательствомъ со стороны господари взымать подать съ евреевъ только въ этой формѣ: предполагалось возможнымъ и назначеніе поголовщины⁴⁾. Такъ, на сеймѣ 1568 г. съ евреевъ было положено по 12 гр. съ головы⁵⁾; сборщики пытались собрать оба налога, но, повидимому, евреи протестовали противъ этого, и господарь рѣшилъ взять налогъ въ той формѣ, въ какой онъ дастъ большую сумму⁶⁾.

¹⁾ Бершадскій, Док. и Рег., II, р. 193.

²⁾ Ibidem, р. 197.

³⁾ Бершадскій, Док. и Рег., II, р. 199.

⁴⁾ Док. Моск. Арх. М. Ю., I, р. 467.

⁵⁾ Бершадскій, Док. и Рег., II, р. 208.

⁶⁾ Ibidem, р. 212.

Это был последний фазис в развитии специальных податей съ евреев. Следует еще заметить, что участие в платежѣ земской подати въ 3000 копѣ гр. должны были принимать и евреи, жившіе въ частновладельческихъ городахъ¹⁾.

Такова судьба податнаго обложенія евреевъ въ изучаемый періодъ.

9. Сводный о сборѣ земской подати.

Сводныя, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи относительно разбора, въ какихъ прямыхъ подати поступали въ скарбъ, отличаются столь отрывочнымъ характеромъ, что не даютъ никакой возможности прослѣдить за этой стороной государственнаго бюджета. Наши данныя могутъ имѣть некоторое значеніе только при сравненіи съ росписью остальныхъ статей бюджета. Поэтому здѣсь намъ придется ограничиться лишь самыми близкими указаніями на то, что можно найти въ источникахъ относительно разбора сребреницъ и позачекъ.

Прежде всего надо имѣть виду, что земская подать поступала въ скарбъ весьма неаккуратно. Въ источникахъ встрѣчаются жалобы на нежеланіе шляхты платить сребреницу на строгія зѣвры, принимаемая великопольскимъ правительствомъ, чтобы заставить шляхту платить подати: почти о каждой сребреницѣ можно утверждать, что она не вполне попала въ казну²⁾. А между тѣмъ до насъ дошло нѣсколько отчетовъ о собранныхъ сребреницахъ, следовательно, мы имѣемъ нѣсколько данныхъ о томъ, что фактически дошло до скарба, и поэтому при каждомъ отчетѣ надо имѣть виду некоторое количество подати, недобранное у плательщиковъ, или расплывшееся по карманамъ сборщиковъ.

Первый отчетъ о сборахъ сребреницъ, который до насъ дошелъ, относится къ 1535 г. Этотъ отчетъ сдавалъ подекарбой земскій и. Иванъ Горностай. Отчетъ относится къ сбору первой сребреницы, назна-

¹⁾ Ibidem, p. 212.

²⁾ Напр., М. К. Любавскій, Литовско-русскій союзъ, въ прил., р. 13, 61, 201, 202. Сдала отчетъ въ 1546 г. о сборѣ сребреницъ, подекарбой земскій и. Иванъ Горностай представилъ королю „реестръ немалый“, изъ котораго видно, что многіе изъ пановъ радъ, князей, земель и другихъ не уплатили сребреницы, назначенной на 1542 г. (Кн. Зап. Лит., XXXI, з. 155—156). Сребреница 1551 и 1552 гг.

ченной въ 1534 г.¹⁾ Въ общемъ отчетѣ, сданнымъ тѣмъ же подекарбомъ въ 1542 г., находится и дѣлба по „четыремъ“ сребреницамъ²⁾. Отчетъ относится къ сребреницамъ, назначеннымъ въ 1535, 1536, 1540 и 1541 гг.³⁾ Датѣ до насъ дошелъ отчетъ о сребреницѣ

собиравшая весьма туго, вслѣдствіе чего государю пришлось писать особые листы и рассылать дворянъ для взова во владѣніе на государя въ имѣнія тѣхъ, которые не уплатили сребреницы (Кн. Зап. Лит., XXXVII, з. 63). Тогда же оказалось, что ни одна изъ еврейскихъ общинъ не уплатила подати на 1551 г. Въ листѣ сохранилась любопытная записка, составленная, вѣроятно, подекарбомъ или кѣмъ нибудь изъ его помощниковъ: „Што тымъ чинити? Послать дворянъ Бохана, Явора, Ялка—ничего. Тымъ часомъ послать бытъ Зуваня,—и бити хотели, и поводить не дали, и вешого назадъ отаравили, а въ Берестѣ сами громы побрали, ни кукнути не дали“. Составленный тогда же отчетъ вѣдомость на еврейскихъ общинахъ, показавъ, что многіе изъ нихъ не уплатили подати еще и за предшліе годы (ibidem, з. 35 об.). Въ 1558 г. многими панамъ радимъ были разосланы „наименованія“ и тогда же отправлены листы во многія державы (Кн. Переп. Лит., VII, з. 2). Въ листѣ къ радѣ по вифлянтскимъ дѣламъ отъ 22 апрѣля 1559 г. король между прочимъ жалуется: „А особливо о томъ, абы ваша милость обиславилы къ намъ отисали, яко бы и чьмъ Полоцко и Витебско и другіе замки въ томъ краи послати, кидажъ нечужей съ податковъ нервныхъ земскихъ не сводевалися въ скарбе и вѣдомостъ того маемъ, иль многіе, зылаща особы значные, еще не выдали нервныхъ податковъ, а за прошлый рокъ ильдесять осмый мало штеъ дано, чому абы есте обычаи вашан, жебы таковыя подати не дошлище выданы; такъ же где бы который изъ нихъ милости пановъ радъ нашыхъ не выдать еще того податку, абы отдать, помячи на то, што есте обещали вывъ вередъ выеханцеъ нашимъ: а тымъ и другимъ прикладъ будетъ“ (Кн. Зап. Лит., XXXVII, з. 237—238). Въ апрѣлѣ 1561 г. разосланы листы въ 74 державы о взносѣ сребреницы, назначенной къ платежу въ 1560 г. (ibidem, з. 19), а въ октябрѣ того же года встрѣчаемъ реестръ 138 недвижимковъ (ibidem, з. 70). Въ сентябрѣ 1563 г. сборщики подати заявили королю, что къ нимъ весьма немойто явились съ взносами подати, а другіе „выламываются“, указывая на невозможность собрать такъ скоро съ своихъ людей подати (Кн. Публ. Дѣлъ Лит., VII, з. 45; ср. з. 159 об., 160 об., 171 об.; Вил. Арх. Сб., I, р. 142). Правда, скарбъ давалъ весьма малые сроки для сбора, и универсалы о выколачиваніи вѣдомокъ писались иногда черезъ два, три мѣсяца по разсылкѣ поборовыхъ универсаловъ (Кн. Публ. Дѣлъ Лит., VII, з. 103 об.), но эта торопливость скарбанаго механизма нисколько не содѣйствовала уменьшенію безидежныхъ вѣдомокъ.

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XV, з. 200—201.

²⁾ Листы 3, Р., II, р. 3:6.

³⁾ Отчетъ данъ за 6 лѣтъ и 4 мѣс. 1 мая 1542 г. Предшествовавшій отчетъ сданъ 20 мая 1535 г., следовательно между обоими отчетами былъ еще сданъ отчетъ за 7½ мѣсяцевъ (быть можетъ, это періодъ отставки Горностая). Поэтому хотя отчетъ 1542 г. нигдѣ не упоминается, о какихъ сребреницахъ въ немъ идетъ рѣчь, но слѣдуетъ предположить, что онъ говоритъ о сребреницахъ, назначенныхъ на 1535, 1536, 1540 и 1541 гг., по слѣдующимъ основаниямъ: отчеты за 1534 и

1542 г.¹⁾ и затѣм отчеты за 1565—1569 гг. Прежде чѣмъ познакомиться съ цифрами отчетовъ, надо имѣть въ виду, что они представляютъ суммы, дѣйствительно перешедшія въ скарбъ; сколько осталось невыплаченыхъ недоимокъ—неизвѣстно. Изъ заявленій подскарбіа земскаго о сборѣ 1542 г. мы уже знаемъ, что такихъ лицъ былъ „реестръ не малый“. Весьма возможно, что то же относится и къ предыдущимъ годамъ.

Относительно отчетовъ 1565—1569 гг. надо войти въ нѣкоторыя подробности, чтобы оцѣнить сообщаемыя ими цифры. Это—„реестръ слушања личбы податковъ земскихъ“, составленный особой комиссіей на основаніи сеймового постановленія 1570 г. Въ комиссію вошли: канцлеръ п. Остафій Воловичъ, п. Янъ Ходкевичъ и подскарбій земскій п. Миколай Нарушевичъ; они представили свой отчетъ къ 1574 г. Отчетъ расположенъ погодно. Подъ каждымъ годомъ поименованы повѣты съ показаніемъ полученной съ нихъ подати. По окончаніи счета повѣтовъ приведенъ подъ каждымъ годомъ списокъ лицъ, не уплатившихъ подати, а въ 1569 г. в списокъ городовъ, не уплатившихъ чювого; къ сожалѣнію, нигдѣ не показано, сколько числятся плательщиковъ за недоимщиками, а списокъ именъ въ данномъ случаѣ имѣетъ мало значенія. Вообще отчетъ комиссаровъ представляеть печальную картину взыманія податей: позналъ безпомощность высшей администраціи, деморализація шляхты и солидарности повѣтовыхъ поборцевъ съ земствомъ—проходить рѣзкою чертой по отчетамъ. Такъ, въ 1565 г. нѣкоторые повѣты не додали серебщины, другіе (такихъ девять) совсѣмъ не представили ни отчетовъ, ни денегъ. Гарабурда не желалъ представить ни денегъ, ни поборовыхъ книгъ по Слюминскому повѣту, подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ истрачены всѣ поборовые деньги, когда онъ ѣхалъ изъ московскаго посольства къ королю; Гарабурда обвинять возвратитъ со-

1542 г. намъ извѣстны, слѣдовательно данный отчетъ говорить о четырехъ промежуткахъ серебщины; въ 7½ мѣсяцъ, назначенныхъ отчетомъ, обрещина едва ли могла быть собрана, приведена въ извѣстность и дана въ отчетъ; предположеніе о томъ, что отчетъ 1542 г. говорить о двухъ „ратахъ“ по сбору серебщины въ 1540 и въ 1541 г.г., не можетъ имѣть мѣста, потому что серебщина 1540 г. разлагалась на три сроча (возможны о срочахъ 1541 г. намъ не извѣстно) и главнымъ образомъ потому, что сумма ежегоднаго взноса стоить велика, что она, судя по другимъ отчетамъ, должна относиться въ цѣлому году.

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 155—156. (См. приложеніе).

бранный имъ поборъ въ томъ случаѣ, если ему возвратитъ расходы по повѣдсѣ. Плябанъ Габріель Кожахувскій, позванный королевскимъ мандатомъ къ головнымъ поборцамъ за всѣхъ 35 плябановъ, не уплатившихъ побору, явился въ Вильно, но оцѣхалъ, не учинивъ личбы. Земскіе комиссары выражаютъ недоумѣніе по поводу того, что неизвѣстно, кто собиралъ поборъ въ Браславскомъ и Венцикомъ повѣтахъ. Головные поборцы представили реестръ „въ червонной шкурѣ“ всѣхъ тѣхъ лицъ, которые не уплатили поголовщина 1565 г.; въ этомъ реестрѣ среди мелкаго шляхетства встрѣчаются и имена такихъ лицъ, какъ князь Острожскій, княгиня Чарторыйская, князь Александръ Полубенскій и мног. друг. При представленіи отчета за 1567 годъ, одни изъ повѣтовыхъ поборцевъ совсѣмъ не пожелали представить головнымъ реестровъ недоимщиковъ, другіе—принести узаконенной присяги подъ тѣмъ предлогомъ, что они не обрѣзавали всего повѣта. Ошменскіе поборцы удержали въ свою пользу лишнихъ 46½ копъ грошей, желая получить по 2 копы бирлага отъ каждой сотни копъ побору вмѣсто одной копы, назначенной въ пользу поборцевъ сеймовою конституціею. Поборцы Жмудской земли заявили, что самъ панъ староста не позволилъ имъ ревизовать шляхетскихъ имѣній; слѣдовательно они брали податъ безъ провѣрки. Пинскіе поборцы заявили, что никто изъ мѣстной шляхты не пожелалъ уплатить поконевицны, — штрафа, вложеннаго на невплатившихъ въ войско. Шляхта не допустила „узынанья“ въ имѣнія недоимщиковъ и „недбала“ на королевскіе листы. По поводу поконевицны 1567 г. берестейскіе поборцы заявили, что мѣстная шляхта ее не уплатила подъ тѣмъ предлогомъ, будто у однихъ есть „вызванные“ королевскіе листы, у другихъ—гетманскіе, но самихъ листовъ предъявлено не было. Дорогичская шляхта совсѣмъ не уплатила штрафовъ, изъ которыхъ могла бы составить сумма до 2000 копъ грошей. Нѣкоторые повѣты совсѣмъ не представили личбы. Въ повѣтахъ Волюнскомъ, Мельницкомъ и Рѣчицкомъ сами поборцы не дали побору со своихъ имѣній. Реестръ въ „червонной шкурѣ“ за 1567 г. насчитываетъ 638 шляхетскихъ именъ и 172 воеводы, не уплатившихъ податей (кромя тѣхъ повѣтовъ, о которыхъ свѣдѣнія неполны или вовсе не представлены). Отчетъ за 1568 г. составленъ такъ, что изъ него нельзя извлечь какихъ нибудь опредѣленныхъ данныхъ, такъ какъ въ этомъ году, согласно сеймовой конституціи, повѣтовые поборцы собирали налогъ и сами отдавали его ротмистрамъ, которымъ назва-

чено было жалованіе, а также выдавали деньги на основаніи гетманских листов. Поборцы сдавали отчетъ мѣстной повѣтой шляхтѣ, почему они не пожелали явиться съ отчетомъ къ сеймовымъ комиссарамъ: явилось всего четверо поборцевъ. Впрочемъ, до насъ дошли изъ другого источника свѣдѣнія о размѣрахъ побора 1568 г. Сохранилось росписаніе ротъ, которымъ назначены повѣты или крупные ваны для полученія отъ нихъ своего „заслуженнаго“ изъ серебщины. Такимъ образомъ это, очевидно, сѣкта, но она не полна¹⁾. Наконецъ, слѣдуетъ добавить, что и отчетъ за 1569 г. отражаетъ тѣми же недостатками: большинство поборцевъ не пожелало принести присяги, нѣкоторые сдали деньги головнымъ бирчимъ, но безъ реестровъ плательщиковъ, другіе совсѣмъ не сдали денегъ. Впрочемъ, наличный списокъ недомщиковъ 1569 г. сравнительно не великъ, что, вѣроятно, объясняется неполнотою его.

При такихъ условіяхъ собирались прямыя налоги въ Литовско-русскомъ государствѣ. Выясняющійся изъ сказаннаго порядокъ вещей показываетъ, какъ мало можно доврѣтъ, въ смыслъ полноты сбора, слѣдуемаго къ поступленію, даже и тѣмъ нѣсколькимъ цифрамъ, которыя дошли до насъ.

Такимъ образомъ результаты земской подати выразились въ слѣдующихъ суммахъ:

въ 1534 г. собрано	26345	копѣ	40	гр.
За чепаре серебщины 1535, 1536, 1540, 1541 г.г.	89000	„	40,8	„
(т. е. въ среднемъ въ годъ по 22000 копѣ гр.)				
въ 1542 г. собрано	21928	„	42	„
въ 1565 г. „	62167	„	31,3	„
въ 1567 г. „	105448	„	16,9	„
въ 1569 г. „	123568	злот.	24	„ 5 неп.

Надо еще замѣтить, что въ итогъ подати за 1567 г. входятъ штрафы за „неслуженье“ войны, а въ итогъ за 1569 г.—чеповое съ городовъ.

¹⁾ Кв. Публ. Дѣль Лит., IX, л. 13—16. Всего расписано по ротамъ около 35000 копѣ гр.

Небезынтересными могутъ быть нѣкоторыя показанія касательно участія отдѣльных областей въ податной тяготѣ, а также соотношеніе между размѣрами податей, собранныхъ въ городахъ и селахъ. Такъ, городскіе жители въ 1529 г. уплатили 3081 копу гр., въ 1534 г. 2085 копѣ гр., въ 1551 г. 2461 копѣ гр. (за исключеніемъ центральныхъ городовъ въ Подлябровы). Такимъ образомъ въ 1534 г. городами внесено немного менѣе четырнадцатой части налога, паваго на все государство. Когда съ 1561 г. города стали давать позывки, то размѣръ ихъ выразился въ слѣдующихъ суммахъ: въ 1561 г. взято 15120 копѣ гр., въ 1563 г.—7040 копѣ гр., въ 1565 г.—3840 копѣ гр., въ 1567 г.—12870 копѣ гр. Впрочемъ эти свѣдѣнія не совсѣмъ полны, потому что сборы съ нѣкоторыхъ городовъ не обозначены. Что касается отношенія налоговъ къ различнымъ областямъ государства, то наши свѣдѣнія объ этомъ относятся только къ 1565—1669 г.г. Оказывается, что по количеству уплаченнаго налога на первомъ мѣстѣ стоятъ подлянскіе и нѣкоторые изъ центральныхъ повѣтовъ (напр. Городевскій, Берестейскій, Новгородскій, Минскій, Жмудская земля, Ошневскій, Унитскій, Виленскій, Тродскій); окраинные же повѣты (напр. Брѣмянецкій, Володимирскій, Кіевскій, Мстиславскій, Вендскій, Браславскій) давали меньшія, или даже совсѣмъ незначительныя цифры доходовъ.

Какъ не скудны и не полны наши свѣдѣнія о количествѣ поступаваго налога, все же они даютъ нѣкоторое понятіе о ростѣ податнаго бремени, въ особенности подъ вліяніемъ Ливонской войны. Такъ подать, собранная въ 1569 г. вдвое превысила подать 1564 г.; съ другой стороны за тридцатилѣтній промежутокъ времени (съ 1534 по 1565 г.) подать увеличилась почти въ три раза, а въ слѣдующіе годы—въ пять и шесть разъ, не говоря о сильномъ увеличеніи косвенныхъ налоговъ и о сборѣ позмечекъ отъ городовъ.

Таковы скудныя свѣдѣнія, какія можно извлечь изъ источниковъ о сборахъ земской подати.

10. *Участіе въ военной повинности мѣщанства и крестьянства.*

Предшующіе параграфы посвящены уясненію тѣхъ государственныхъ податей и повинностей, которыя носили, по терминологіи того времени, названіе земскихъ. Какъ мы видѣли онѣ распределяются между социальными элементами такимъ образомъ, что военная по-

винность составляла личную службу держателей земельных имений; подать же и остальные повинности падали на туглые классы. Но повинностными отношениями последних къ государству не ограничивались тѣмъ кругомъ обязанностей, который опредѣлялся понятіемъ земскаго дѣла. Туглые классы принимали еще участіе въ оборонѣ страны двоякимъ образомъ: во-первыхъ, среди нихъ были особыя группы, которая несли лично военную службу, или какія нибудь другія обязанности, связанныя съ обороной страны; во-вторыхъ, все мѣщанское населеніе и отчасти крестьянство принимало участіе въ мѣстной оборонѣ, т. е. въ случаѣ нападенія непріятелей, а также вызывалось на театр военных дѣйствій для различныхъ работъ. Разумѣется, эти обязанности лежали только на подданныхъ государственныхъ державъ и на мѣщанахъ привилегированныхъ городовъ. Соответственныя указаннымъ группамъ подданные частныхъ земельвладѣльцевъ несли такіа же повинности по отношенію къ своимъ помѣщикамъ. Участіе мѣщанъ или крестьянъ въ мѣстной оборонѣ, бодрѣ панцарныхъ и путныхъ, стрѣльцовъ, слугъ и проч. въ походахъ не считалось однако земскою службою, хотя, съ точки зрѣнія современной, такого рода обязанности относятся къ разряду государственныхъ. Это обстоятельство побуждаетъ насъ заняться обзоромъ указанного вида повинностныхъ отношеній. Прежде всего начнемъ съ городскихъ классовъ.

Въ военной повинности городскихъ общинъ надо различать два вида: во-первыхъ, обязанность общинъ выставлять известное количество ратниковъ въ земское ополченіе, и во-вторыхъ, службу по мѣстной оборонѣ. О посылкѣ ратниковъ въ земское ополченіе имѣются довольно многочисленныя свидетельства. Такъ въ 1507 г., выдавая городу Волковыску привилей на магдебургское право, Сигизмундъ I опредѣляетъ и военную повинность горожанъ: „а мѣщанамъ Волковыскимъ велѣлъ его милость на службу свою, на войну ходити, *вогда устанутъ, какъ и изъ иныхъ мѣстъ*“¹⁾. По свидетельству одного акта, мѣщане Здитовскіе еще со времени Витовта несли военную службу²⁾. Мѣщане Валенскіе выходили на войну съ князьями панами и всею землею³⁾. Въ подтвержденіи Полоцку на магдебургское право, данномъ въ 1510 г., также встрѣчается постановленіе, касающееся во-

¹⁾ Акты З. Р., II, р. 71.

²⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, р. 170.

³⁾ Собраніе грамотъ г. Вильны, I, р. 18.

енной службы мѣщанъ⁴⁾. Впрочемъ отбываніе службы съ городовъ иногда замѣнялось уплатой известной суммы за каждаго причитающагося отъ города „кона“. Такъ въ 1512 г. Сигизмундъ I предоставилъ на усмотрѣніе рады рѣшить вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли съ городовъ потребовать на войну ратниковъ, или же уплаты известной суммы денегъ⁵⁾. На этотъ разъ рѣшено было взять съ городовъ поконевщину⁶⁾. Списокъ поконевщины 1513 г., а также и списокъ „конъ“, выятыхъ съ городовъ въ 1552 г., показываютъ, что въ военную службу должны были направлять ратниковъ только привилегированные города; при этомъ освобождались отъ военной выправы только города, лежащіе внутри страны, окранные же несли службу. Окладъ военной службы, назначенной съ городовъ, отличался большою неподвижностью, судя по крайней мѣрѣ по двумъ дошедшимъ до насъ спискамъ. Довольно трудно прослѣдить, какъ часто городскія общины призывались въ службу. Въ 1567 г. сдѣлано было сеймовое постановленіе о наборѣ пѣшихъ ратниковъ съ городовъ, а также о высылкѣ городами провіанта⁷⁾. Но это распоряженіе было замѣнено (по крайней мѣрѣ для государскихъ неprivилегированныхъ мѣстечекъ), какъ мы уже знаемъ, особымъ податкомъ. На этотъ разъ были призваны мѣщане частновладѣльческихъ городовъ, но этотъ фактъ надо разсматривать какъ исключительный, вызванный тревожными обстоятельствами. Вообще же частновладѣльческіе города не отбывали никакой службы⁸⁾. Есть много оснований также полагать, что въ XVI в. городскія общины рѣдко призывались въ службу; по крайней мѣрѣ шляхетство на сеймахъ не разъ высказываетъ недовольство тѣмъ, что города не несутъ службы по оборонѣ страны⁹⁾, а податные универсалы объясняютъ увеличеніе податей тѣмъ, что торговые люди не несутъ той же повинности¹⁰⁾. Поэтому очень вѣроятно, что литовско-русскіе города уже къ концу изучаемаго періода постепенно отстаютъ отъ фактической службы, какъ это наблюдается и въ Польшѣ. Однако такое замѣчаніе должно быть отнесено, повидимому, только

⁴⁾ Акты З. Р., II, р. 78.

⁵⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 507.

⁶⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, р. 152.

⁷⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 453.

⁸⁾ Акты З. Р., II, р. 204.

⁹⁾ Ср. выше, р. 640.

¹⁰⁾ Пааръ въ 1561 г.

къ центральнымъ городамъ, такъ какъ окраинные, въ силу своего географическаго положенія, не могли избывать военной службы.

Такъ какъ военная служба отъ городовъ выставлялась по известному окладу, то отбываніе ея происходило двоякимъ образомъ. Иногда городская община вступала въ соглашеніе съ отдельными лицами объ отбываніи ими военной повинности¹⁾. Въ окраинныхъ же городахъ, о которыхъ наши свидѣнія болѣе обширны, были особый классъ бояръ или досидѣнныхъ мѣщанъ, которые несли отъ города военную службу. Такіе, напримѣръ, досидѣнные мѣщане были въ Смоленскѣ²⁾. Въ Могилевѣ были бояре, которые „здавна за Витовта зъ мѣстомъ и зъ волостью подачокъ и тяглей некоторыхъ съ имзи не служивали, только служивали службою панцерною на дорогу, гдѣ потреба“³⁾. Такихъ же мѣщанъ источники знаютъ и въ Полоцкѣ⁴⁾

¹⁾ Объ этомъ можно судить по одному дѣлу, разбиравшемуся на судѣ старосты Дорогичинскаго Ива Миколаевича Радвила. Мѣщанинъ Янъ Блажко жаловался на мѣщанину Гренишину за то, что она „увязалась“ въ его дѣлѣ и возила подъ тѣмъ предлогомъ, будто отецъ Блажко сговорилъ ея покойнаго мужа нести службу за все мѣсто Дорогичинское. Очевидно, отецъ Блажко, уже покойный, не возложилъ условной найма, будучи должностнымъ лицомъ въ городѣ. Смыслъ его Янъ доказывалъ на судѣ, что отецъ его договаривалъ мужа Гренишину „отъ всего мѣста, какъ же и мѣщане вси съ нимъ о туо службу змовляли и листъ свой подъ печатю неспаскою ему дали: онъ мѣлъ на всихъ тое службу свое смотрети“. Онъ обязавъ былъ ставить шестнадцать коней за 40 конъ грошей. Такъ какъ обязательство это касалось всей городской общины, то староста предложилъ Гренишину нести удовлетвореніа на всей общинѣ (Кн. Судн. Дѣль Лит., III, л. 35—35 об.).

²⁾ Акты, З. Р., I, p. 362.

³⁾ Акты Леонтовича, № 522.

⁴⁾ Такъ великіе князья Александръ и Сигизмундъ I подтвердили мѣщанамъ Полоцкими Звѣтеннымъ освобожденіе отъ становъ и подволей, потому что они обязавъ служить конную службу „поспозу зъ мѣщани Полоцкими, бо дей они сугъ здавна мѣщане Полоцкии (Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 231). Иногда такихъ мѣщанъ осаживали въ городахъ и древнѣйшіе великіе князья. Объ этомъ рассказывается въ челобитіи мѣщанъ Полоцкихъ Селивестровичей. Они въ 1530 г. представили „листъ дяди нашего Витовта предку его дачий, изъ мѣлъ прадѣдъ ихъ Селивестри жити во внокои в мѣсте нашемъ Полоцкомъ, али никто не мѣлъ выводити, какъ жо дѣды ихъ и отцы и они сами отъ того часу служили намъ поспозу зъ мѣщани Полоцкими военною службою“. Они просили короля о подтвержденіи ихъ правъ, что и было сдѣлано Сигизмундомъ I „животъ они въ мѣсте нашемъ Полоцкомъ мѣшчати и намъ служити военною службою конно и дробно, поспозу зъ мѣщани Полоцкими“ (Кн. Судн. Дѣль Лит., IV, л. 324). Такимъ образомъ въ Полоцкѣ, несмотря на введеніе магдебургскаго права, оставались еще конные мѣщане, заширеніе спеціальными привилегіями.

и въ Витебскѣ, въ Киевѣ¹⁾. Такое раздѣленіе мѣщанъ на „конныхъ“ и посполетство было повидимому старымъ русскимъ обычаемъ, который съ введеніемъ магдебургскаго права выводился, и все мѣщанство подводилось подъ одну „кондацію“²⁾.

Такимъ образомъ, мѣщане литовско-русскихъ городовъ привлекались къ участию въ военной службѣ. Эта повинность ихъ закрѣплена и Статутомъ. Такъ второй Статутъ требуетъ, чтобы мѣщане выходили на войну „вси“ „ку валной потребе“ или, съ господарскаго разрѣшенія, выставляли на войну известное число ратниковъ, согласно господарскому же постановленію (разд. II арт. 1). Разсмотрѣнная повинность представляеть участіе городского класса въ общей военной службѣ. Рядомъ съ этимъ надо отмѣтить и службу городскихъ и сельскихъ войтовъ. Мы имѣемъ очень мало данныхъ для сужденія о томъ, въ какомъ отношеніи находилась войтовская служба къ службѣ городскихъ общинъ, т. е. замѣняла ли она службу отъ города, или являлась самостоятельной. Вѣроятно надо предположить послѣднее: такъ войтъ дорогичинскій обязанъ былъ нести военную службу, а между тѣмъ Дорогичинъ стоитъ въ спискахъ городовъ, съ которыхъ выставлялись ратники (съ него шло 50 всадниковъ), и только что нами приведенъ фактъ, изъ котораго видно, что „все мѣсто“ занимало людей для воинской службы. Тоже надо сказать и о войтовствѣ Володимирскомъ³⁾. Съ другой стороны, такъ какъ сельскіе войты тоже несли военную службу, то этотъ фактъ можетъ служить косвеннымъ доказательствомъ того, что войтовская осада сама по себѣ принималась за основаніе для военной службы.

Въ XV в. служба войтовъ была явленіемъ обычнымъ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ источники. Напримѣръ, въ грамотѣ Станиславу Дзядку на войтовство въ Дорогичинъ великій князь Витовтъ ставитъ обязательнымъ условіемъ военную службу войта, какъ ее выправляютъ и другіе войты сель и городовъ⁴⁾. Огдавалъ въ 1430 г. войтов-

¹⁾ Въ уставной грамотѣ 1494 г. мѣщанамъ разрѣшается высѣзывать изъ города для торговли „вижлы которые люди на службѣ сѣдять неспасчи, а кони вѣсть зайдеть о попанствѣ“, то они должны оставаться на свое мѣсто лица, которая обязаны нести за нихъ службу (Акты З. Р., I, p. 146). Очевидно, одинъ изъ мѣщанъ сѣдѣлъ на службѣ, а другіе не сѣдѣли.

²⁾ Акты З. Р., IV, p. 169.

³⁾ Акты З. Р., I, p. 146.

⁴⁾ Акты Лит.-рус. гос., p. 10.

ство въ Перемилѣ пѣкому Верукопу, тотъ же князь обзываетъ его выступать въ походы съ двумя стрѣлками ¹⁾.

Подобно городскимъ войтамъ, военную земскую службу отбывали и сельскіе войты. Объ этомъ, напр., говоритъ привилей Сигизмунда I 1507 г. Еску Ивановичу на войтовство въ Бѣльскомъ погѣтѣ: „а медь онъ съ того службу земскую заступовати потому, какъ иные войтове мѣсть нашихъ тамошняго краю службу земскую заступають“ ²⁾. Это указываетъ на то, что всѣ вообще сельскіе войты обязаны были нести земскую службу „посподу зъ нашими землями белскими водле вставы и хвалы земское“ ³⁾. Сословныя различія въ этомъ случаѣ не имѣли мѣста, такъ какъ такую службу несли и войты, вышедшіе изъ крестьянства ⁴⁾. Крестьянство сельскихъ войтовствъ, вѣроятно, и мѣщанство въ городахъ давало войту, при выправленіи его на войну, особый сборъ, называвшійся военщиной ⁵⁾.

Но вообще извѣстія о службѣ городскихъ и сельскихъ войтовъ къ половинѣ XIV в. почти прекращаются. Очень возможно поэтому, что самое отбываніе военной службы съ войтовствъ прекращается. И это вполнѣ понятно ввиду того, что процессъ дифференціаціи шляхетскаго сословія постепенно отбрасывалъ отъ участія въ посполитомъ рушеніи всѣ не шляхетскіе элементы. Кромѣ того надо имѣть ввиду, что правительство Сигизмунда Августа, какъ это мы знаемъ ⁶⁾,

¹⁾ Ibidem, p. 11. Ср. Акты З. Р., I, p. 111, 146; Чарнецкій, Исторія Литовскаго Статута и пр., p. 68 (изъ Киев. Унив. Изв., 1866 и 1867 гг.).

²⁾ Акты Лит.-рус. гос., p. 126.

³⁾ Ibidem, p. 127.

⁴⁾ Подданный господарскій Ст. Кухель обратился въ 1561 г. къ господарю съ слѣдующими челобитіемъ. Его предки и онъ самъ получили отъ предковъ Ольбрахта Гамголда десять волокъ въ селѣ Тростанскомъ Тикотинской державы на войтовство; двойтами были и на тое войтовство Трестяское десять волокъ тамъ же въ Тростаной державы, съ которыхъ службу земскую военную служили“ (Кн. Зап. Лит., XXXIX, з. 171 об.).

⁵⁾ Такъ въ привилей Сигизмунда I Альберту Ясенскому на войтовство въ селѣ Вобровицъ слѣдующимъ образомъ говорится о военной службѣ войта и о аюенщицѣ: „Tenebitur idem Albertus Jasienski advocatus et eius successores advocati tenebuntur et sint obligati ex ipsa advocatia sua in uno equo bono et robusto bellicum servitorium quoties indictum fuerit obire et ad illud more aliorum advocatorum nostrorum proficisci. Contributionem etiam wojenszczyna quoties ad bellicum servetium ibit advocatus praedictus a suis kmetonibus advocatibus libere et sine ullo impedimento factorum nostrorum pro se exhibet“ (Кн. Зап. Лит., XXXI, з. 123 об.—124 об.).

⁶⁾ Ср. выше, p. 301.

стремилось выкупить сельскія войтовства; слѣдовательно, исчезновеніе сельскихъ войтовъ въ посполитомъ рушеніи находятъ себѣ объясненіе въ этомъ фактѣ.

Хотя войты выступали въ составѣ посполитого рушенія, но тѣмъ не менѣе осада, находившаяся во владѣніи войта, не пользовалась правомъ шляхетскимъ потому, что какъ войтовское право, такъ и участіе, отводившіеся войту, находились подъ правомъ нѣмецкимъ.

Но сверхъ общей военной службы городскія общины съ ихъ представителями войтами обязаны были нести службу по мѣстной оборонѣ, въ случаѣ нападенія со стороны непріятелей. Поэтому сама городская община обязана была заботиться о томъ, чтобы мѣщанство было готово къ оборонѣ города. Такъ въ актулахъ, которые опредѣляютъ порядки г. Вильны, находится статья, требующая, чтобы городская рада держала въ готовности пушки, ружья и все необходимое къ оборонѣ, а каждый мѣщанинъ обязанъ имѣть военное оружіе (ручница, рогатина, ведро и сѣкеры, т. е. оружіе для отраженія непріятеля и снаряды для тушенія пожара, какъ въ мирное такъ и военное время) и за этимъ тоже обязана наблюдать городская рада ¹⁾. Впрочемъ о боевой готовности центральныхъ городовъ источники говорятъ очень рѣдко, конечно потому, что въ центрѣ на это дѣло не обращали никакого вниманія.

Гораздо сложнѣе была служба въ пограничныхъ городахъ, въ особенности на югѣ. Такъ въ Кіевѣ, хотя была извѣстная группа мѣщанъ, которые сидѣли на службѣ, однако и всѣ остальные мѣщане должны были принимать участіе въ оборонѣ: отпраздниться съ старостою въ погоню за непріятелью, выходить на защиту замка ²⁾. Вообще такого же рода повинности лежали на мѣщанахъ всѣхъ

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XIX, з. 217—224.

²⁾ Уставная грамота 1494 г. сначала говоритъ о разрѣшеніи служебными мѣщанами увѣзать для торговли изъ города, но въ концѣ говоритъ о всѣхъ вообще мѣщанахъ (Акты З. Р., I, p. 146). Что служба требовалась отъ всѣхъ мѣщанъ, ясно между прочимъ изъ выроча 1525 г., гдѣ не дѣлается различія между служебными и неслужебными мѣщанами (Акты Ю.-З. Р., II, p. 132). Очевидно, сидѣніе на службѣ отличалось отъ несидѣнцнхъ только служебными особенностями, но повинность равно падала на всѣхъ. Ср. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, p. 111. Впрочемъ о военной службѣ городовъ разсматривается въ изслѣдованіи о городахъ В. В. Литовича, Монографія, I, p. 147 и въ ст. г. Пузаскаго, Powinności wojkowe mieszczan w dawnych miastach na Rusi, Biblioteka Warszawska, 1872, t. IV, p. 254.

южных замков. Такъ въ Каневѣ мѣщане, городскіе бояре, ихъ подданые, церковные люди и даже пришлые („гости“) отправляются въ погону за неприятелемъ „копно, збройно“, подъ предводительствомъ старосты или безъ него; однако тѣмъ же мѣщане, дающіе подводы и стаціи, выступаютъ въ погону только при старостѣ¹⁾; такое же постановленіе было въ Браславѣ²⁾ и въ Вивницѣ³⁾. Въ Черкасахъ мѣщане выступали въ погону за неприятелемъ только при старостѣ, но потому, что они платили разныя подачки на замокъ⁴⁾. Въ Житомирѣ мѣщане и путные люди выходили въ погону со старостою, или его намѣстникомъ, но не обязаны были „лежать“ съ нимъ въ полѣ⁵⁾. Въ Кременцѣ мѣщане были расписаны на случай обороны по десятинамъ⁶⁾. Впрочемъ въ соседнемъ Владимирѣ существовала служба только по оборонѣ замка⁷⁾. Разумѣется, для погони за неприятелемъ и обороны замка мѣщане держали оружіе⁸⁾. Когда въ шестидесятыхъ годахъ проводилась реформа въ восточныхъ городахъ, то и здѣсь устава предписываетъ мѣщанамъ имѣть для обороны оружіе⁹⁾. Но интересно, что тѣ же уставы уже нигдѣ не содержатъ предписаній касательно выправы съ городовъ на войну; этимъ еще разъ подтверждается высказанное нами предположеніе, что военная служба отъ городскихъ общинъ постепенно выходитъ изъ примѣненія.

Такова служба городскихъ общинъ по мѣстной оборонѣ. Въ различныхъ городахъ она отличалась нѣкоторыми особенностями, но въ общемъ состояла въ обязанности отвѣщаться отъ неприятеля во время осады, выступать за нимъ въ погону и содержать необходимое на тотъ и другой случай оружіе. Указанная служба приравнилена къ экстраординарнымъ случаямъ. Но пограничное положеніе замковъ вызвало еще потребность въ особомъ контингентѣ военнотрудовыхъ людей, на обязанности которыхъ лежала не только военная служба при нападеніи неприятелей, но также развѣдочная и разсылочная служба въ военное и мирное время. Военное дѣло не было специаль-

¹⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 95.

²⁾ Ibidem, ч. VII, т. II, р. 22.

³⁾ Бл. Зап. Лвт., XXXVII, з. 4—6.

⁴⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. II, т. I, р. 82.

⁵⁾ Ibidem, р. 145.

⁶⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, р. 80.

⁷⁾ Ibidem, ч. V, т. I, р. 80.

⁸⁾ Намѣтники Кіев. Коз., IV, р. 38 (о рѣшій замковъ).

⁹⁾ Акты З. Р., III, р. 112.

нымъ занятіемъ мѣщанскимъ, и онъ брался за оружіе только тогда, когда наступала опасность. Напротивъ, замковые слуги или путные несли спеціальныя военнотрудовые обязанности.

Слуги или городские, замковые слуги представляли собою частью сельское, частью городское населеніе, т. е. они выполняли свою повинность или послѣдствіе того, что владѣли домами, огородами и землями въ городской чертѣ, или же сидѣли на замковой пашиѣ. Подъ указаннымъ названіемъ военнотрудовой элементъ извѣстенъ на всей южной Украинѣ. Въ XV в. они занимали рядъ селъ въ Кіевской землѣ. Повинность ихъ состояла въ томъ, что они ходили на войну, въ лѣвы, а также платили подамцину, болкуновцину и другія подачки; въ каждомъ селѣ былъ атаманъ и подъ нимъ выходили слуги, жившіе въ этомъ селѣ. Однако и тогда уже слуги жили не только въ селлахъ, но и въ городахъ¹⁾. Но съ кіевскими слугами произошло тоже самое, что случилось съ такимъ же классомъ населенія слугъ путныхъ въ Полоцкой землѣ, т. е. они были розданы земледѣльцамъ. Къ половинѣ XVI в. Кіевское воеводство, какъ мы знаемъ²⁾, было очень бѣдно замковыми селами, а господарскихъ державъ въ Кіевской землѣ совсѣмъ не было. Слѣдовательно и села, населенныя слугами, пошли въ раздачу частнымъ лицамъ, почему въ половинѣ XVI в. контингентъ этихъ слугъ весьма сократился: при каждомъ замкѣ ихъ было всего по нѣсколькимъ человѣкамъ. Главная обязанность этихъ слугъ теперь заключалась уже не только въ борьбѣ съ неприятелемъ въ случаѣ его появленія, но также въ „догляднѣннѣ вѣстей“; вообще они употреблялись во всякихъ замковыхъ „потребахъ“, — „где козельки имъ скажутъ староста, або вранчикъ его ехати“. Если староста съ ними выступалъ въ дальній походъ, то обязанъ былъ докладывать слугѣ провіантомъ³⁾. За свою службу слуги освобождались отъ подачекъ на замокъ; впрочемъ, слуги, державшіе господарскіе земли, не были свободны отъ дани⁴⁾. Сверхъ разсылочной и военной службъ, слуги еще употреблялись для замковой сторожи, выходя съ щитою и рогатиною⁵⁾. Въ нѣкоторыхъ замкахъ кромѣ слугъ

¹⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, № 1.

²⁾ Ср. выше, р. 166.

³⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 148.

⁴⁾ Ibidem, р. 185.

⁵⁾ Бл. Зап. Лвт., XI, III, з. 1—3.

были еще и стрельцы¹⁾. Иногда в актах встречаются еще ордынские слуги, которые несли „ордынскую“ службу; но, впрочем, это те же самые замковые слуги, а название их службы ордынской объясняется темъ, что весь характер их повинности сводился къ береженію отъ Орды²⁾. Какъ уже было указано, замковые слуги или несли свою службу съ городскихъ держаний, или же съ сельскихъ. Такъ Капеевскіе слуги имѣли за свою службу езъ на рѣкѣ Роси³⁾. Въ Кременѣ, по распоряженію королевы Бони, тиглые мужики учинены слугами „для посыланья и доведанья вестей и для ношенья листовъ где жъ кольбекъ“; они имѣли земельные надѣлы такіе же, какъ у прочихъ волостныхъ людей; только въ некоторымъ прибавлено земли⁴⁾. Напротгивъ, въ Мозырѣ слуги назначены изъ тяглыхъ мѣщанъ⁵⁾.

При нѣкоторыхъ замкахъ встрѣчается еще разрядъ десачныхъ слугъ, которые, наряду съ конною или сторожевою службою, исполняли еще и тиглыя замковыя работы и давали платы⁶⁾.

Слуги и ясаичики составляли военно-служилый контингентъ въ южныхъ замкахъ. Такія же обязанности въ Подвинскихъ замкахъ выполняли слуги путные и казаки. Путные слуги центральныхъ и восточныхъ областей являются вполне тождественнымъ элементомъ съ замковыми слугами на югѣ⁷⁾.

Въ изучаемый періодъ южное казачество еще не было официально привлечено къ военной службѣ; это случилось нѣсколько поздне. Слуги, о которыхъ мы только что говорили, никоимъ образомъ не могутъ быть смѣшиваемы съ казаками; слуги вербуется изъ городскихъ и сельскихъ тяглыхъ элементовъ, или же несутъ свою службу „по давному“, т. е. являются потомками тѣхъ слугъ, которыхъ перечисляетъ люстраторъ XV в. и которые въ небольшомъ чи-

¹⁾ Въ Житомирѣ, Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 127; Zródła dz., VI, р. 131, 139; въ Мстиславѣ, Кв. Судн. Дѣлъ Лит., з. II.

²⁾ Такъ въ Овручѣ были ордынскіе слуги (Кв. Зап. Лит., XLIV, з. 223), но въ другихъ случаяхъ акты говорятъ прямо о замковой службѣ въ томъ же городѣ (Кв. Зап. Лит., XLIII, з. 1—3). Объ ордынскихъ ср. замчаніи Ф. П. Леонтовича, Крестыанскій дворъ, Ж. М. П. Пр., № 5, р. 8.

³⁾ Кв. Зап. Лит., XXXIX, з. 537 об—538 об.

⁴⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, р. 29.

⁵⁾ Ibidem, т. I, р. 625.

⁶⁾ Ibidem, р. 590.

⁷⁾ Люстрація южныхъ замковъ иногда называлась дѣвиныхъ слугъ путными, Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 138, р. 617 и 625.

елѣ удрѣбли отъ раздачь землевладѣльцамъ, или не успѣли „заложиться“ за нихъ. Люстрація южныхъ замковъ и господарскіе уставы старательно подбирающія всякого рода повинностнымъ отношенія мѣстныхъ общественныхъ группъ, нигдѣ и ничего не говорятъ о повинностяхъ казаковъ какъ соціальнаго элемента; казакъ—вольный человекъ, онъ никому не служитъ и поэтому не несетъ никакихъ повинностей¹⁾. Интересно, что въ Подвини раньше пришли къ заключенію о пользѣ привлеченія къ землевладѣнію, а слѣдовательно и къ повинностямъ этого вольнаго военного элемента. На столько можно судить, немногочисленное казачество въ дѣвиныхъ замкахъ является новымъ элементомъ и едва ли занесеннымъ изъ московскихъ областей, такъ какъ наиболее раннее упоминаніе о казакахъ относится къ выходцамъ изъ Великихъ Лукъ. Такъ при Полоцкомъ замкѣ люстрація 1552 г. насчитываетъ шесть казацкихъ службъ; всѣ эти казаки получили свои земли на казацкую службу отъ воеводы п. Станислава Довойны (1542—1563) и одинъ отъ п. Яна Юрьевича Глѣбовича (1532—1542); впрочемъ, встрѣчаемъ и болѣе раннее пожалованіе земель Полоцкимъ казакамъ²⁾. Со своихъ земель казаки ставили въ службу по коню³⁾. Но судя по другимъ даннымъ, въ томъ элементѣ, который назывался казаками, дѣлилась не только военная воинская служба, но въ особенности знаніе порубельной мѣстности⁴⁾. По своему правовому положенію казаки были наравнѣ съ путными людьми и судились подъ однимъ присудомъ съ ними⁵⁾. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ казаки могли быть привлекаемы и къ замковымъ повинностямъ; такъ, при пожалованія въ 1569 г. льготной грамоты по платежу мыта Дисненскимъ мѣщанамъ, Сигизмундъ Августъ распространяетъ ее и на мѣстныхъ „осѣлахъ“ казаковъ въ томъ случаѣ, если они будутъ принимать участіе, вмѣстѣ съ Дисненскими мѣщанами, въ укрѣпленіи замка, который тогда отстраивался⁶⁾. Какъ уже указывалось, нѣкоторые изъ Полоцкихъ казаковъ за свои заслуги переводились въ шляхетство. Интересно что въ такомъ случаѣ не всегда утрачивалось ихъ

¹⁾ Впрочемъ ср. Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 87, 97. Но это не въ тяглой службѣ.

²⁾ Кв. Зап. Лит., XII, з. 21 об. (1522 г.)

³⁾ Scriptores rerum polonicarum, V, р. 197.

⁴⁾ Кв. Зап. Лит., XXX, з. 4 об.

⁵⁾ Кв. Зап. Лит., XII, з. 180 об.

⁶⁾ Кв. Судн. Дѣлъ Лит., I, III, з. 223 об.

происхождение: казаки встречаются в числѣ дворянъ государскихъ¹⁾.

Казаки сѣверо-восточныхъ замочъ—новой и немногочисленный служебный элементъ. Они несутъ конную службу и свободны отъ тяглыхъ платовъ и повинностей. Низшее положеніе занималъ многочисленный и старинный разрядъ путныхъ бояръ или слугъ путныхъ. Это были разрядъ сельскаго населенія, извѣстный во всѣхъ областяхъ государства. Путнае слуги состояли членами волостной общины²⁾, но главная ихъ служба заключалась не въ волостномъ тягѣ (хотя они и исполняли тяглыя повинности³⁾), а въ военной и разсылочной службахъ: путники выставляють на службу коней и обязаны ѣздить съ листами, куда ихъ пошлютъ⁴⁾. Путная служба была выше тяглой и разныхъ дворовыхъ службъ, такъ что, напримѣръ, съ конюшеской⁵⁾, тяглой и другихъ службъ переводились на путную, и наоборотъ „привожавшіе“ путники привлекались къ полному крестьянскому тяглу⁶⁾. Путники были людьми вольными, т. е. лично свободными, но за ними, какъ и за другими крестьянскими разрядами, не признавалось право собственности на земли, которыми они владѣють; поэтому при пожалованіи путниковъ съ ихъ землями, имъ предоставлялось или остаться на службѣ у вана, или оставить свои отчины, забрать свои „статки“ и искать гдѣ-нибудь себѣ „помѣстья ку мѣшканью“⁷⁾. Подоцкіе путники, хотя и пользовались на основаніи уставной грамоты, куда и они были занесены, тѣмъ правомъ, что они, какъ люди вольные, не могутъ быть жалуемы съ своими землями, однако фактически массами переходили въ разрядъ частновладельческихъ подданныхъ, потому что по отношенію къ нимъ грамота постоянно нарушалась.

Высшимъ разрядомъ въ средѣ крестьянскаго населенія является панцирное боярство, или панцирные слуги. Они стояли выше слугъ путныхъ, потому что господа, „вызволивъ“ путниковъ отъ ихъ служ-

¹⁾ Кв. Зап. Лит., XV, л. 208 об.

²⁾ Кв. Зап. Лит., XLIV, л. 135.

³⁾ Ср. выше, р. 235.

⁴⁾ Док. Моск. Арх. Мин. Вѣст., I, р. 113.

⁵⁾ Кв. Зап. Лит., XVII, л. 47 об.

⁶⁾ Акты Леонтовича, № 122.

⁷⁾ Кв. Зап. Лит., XLІ, л. 99 об.; Кв. Судн. Дѣлъ Лит., XXXV, л. 14; Акты Леонтовича, №№ 231, 757; Акты З. Р., II, р. 86; Кв. Зап. Лит., XXIX, л. 72 об.—74 и др.

бы, переводили на панцирную¹⁾. Впрочемъ и изъ другихъ низшихъ разрядовъ переходили на панцирную, напримѣръ, съ тяглой²⁾, зовечкой³⁾; иногда мѣщане и земляне получали панцирную или дослѣшную службу⁴⁾. Подымался высоко въ крестьянской средѣ, панцирная служба однако не была земскою и для перехода на послѣднюю требовалось спеціальное господарское пожалованіе⁵⁾. Служба панцирныхъ состояла въ конной службѣ „панцеромъ съ бояры нашими посполите, гдѣ ся польвекъ пригодить“; они не обязаны выѣзжать въ качествѣ слугъ „съ бояры“ (такъ выражается грамота М. И. Мстиславскаго, т. е. при воеводахъ и намѣстникахъ). Но на войну они отправляются „поспозу“ съ боярами, т. е. паравиѣ съ ними; они не обязаны также ходить въ лоня; вообще положеніе панцирнаго боярина въ древнѣйшее время мало отличалось отъ земскаго боярства⁶⁾, хотя все-таки отличіе было⁷⁾. Панцирные слуги не несли съ городомъ и волостью тягла⁸⁾, хотя иногда и притягивались къ нѣкоторымъ дворовымъ службамъ⁹⁾. Въ Ватечей землѣ панцирные бояры пользовались вольностями паравиѣ съ вилхтою и за ними здѣсь признавалось право „вольнаго шифованья“ своими имѣніями¹⁰⁾. Эта особенность, будучи чисто мѣстной, сохранилась за ватечскими панцирными боярами до конца Речи Посполитой и была впоследствии признача русскимъ правительствомъ. Такимъ образомъ, панцирные бояры стояли ниже землянства, но выдвигались надъ своими путными собратьями. Послѣднее отличіе заключалось въ томъ, что панцирные бояры не ходили въ лоня съ воеводами и намѣстниками и не несли разсылочной службы. Кажется, можно высказать довольно вѣроятное предположеніе о томъ,

¹⁾ Scriptores rerum polonicarum, V, p. 198.

²⁾ Кв. Зап. Лит., XVII, л. 31.

³⁾ Акты Леонтовича, № 584.

⁴⁾ Акты Леонтовича, № 588; Акты Лит.-рус. гос., р. 75.

⁵⁾ Кв. Зап. Лит., XXXVIII, л. 282 об., л. 431.

⁶⁾ Акты Ю.-З. Р., I, р. 236.

⁷⁾ Такъ въ 1511 г. Сигизмундъ I, переводя одного союзника съ союзницкой службы на панцирную, такъ объясняетъ послѣднюю: „нехай они служатъ намъ панцерною службою, на войну ходитъ потому, какъ и выи слуги наши панцирныи послонъ з бояры намъ служатъ“ (Акты Лит.-рус. гос., I, р. 149).

⁸⁾ Акты З. Р., I, р. 266; Кв. Зап. Лит., XVI, л. 69. Историко-юридическіе матеріалы извлеч. изъ акт. ил. Вѣст. и Мол. т. II, р. 230, 232.

⁹⁾ Кв. Судн. Дѣлъ Лит., IV, л. 12 об.—13.

¹⁰⁾ Историко-юридическіе матеріалы, II, р. 222.

на чем зиждилось это отличие панцирных и путных слуг: впрочем, оно обуславливалось особенностями вооружения, въ котором выходили на войну панцирные слуги, такъ какъ при всякомъ опредѣленіи панцирной службы объясняется, что это служба—на конѣ въ доспѣхѣ, панцирѣ, т. е. въ тяжеломъ вооруженіи; между тѣмъ путные слуги выходили на войну въ легкомъ вооруженіи¹⁾.

Слуги замковые, путные, панцирные и казаки являлись специальными военно-службыми элементами²⁾; это верхи крестьянскаго общества. Но кромѣ нихъ къ военной службѣ призывались и въ некоторые разряды дворовыхъ и хозяйственныхъ службъ при государскихъ дворахъ: это слуги, специальность которыхъ приучала ихъ къ обращенію съ оружіемъ, или же оказывалась пригодной для какихъ нибудь надобностей въ войсѣ. Таковы бобровники, стрѣльцы, осочники, ковалы, сокольники, клепахи, соленики, зонцы и др. др.³⁾.

Что касается рядового крестьянства, то участіе его въ службахъ въ войсѣ и вообще въ военной повинности было незначительно. Вообще крестьянство никогда не вышало къ службѣ. Только въ войнахъ повѣтахъ государскія уставы требуютъ выхода частновладельческихъ людей противъ непріятеля⁴⁾. Но такая повинность создавалась только въ югѣ ввиду его исключительнаго положенія, и она неизвестна нигдѣ въ другихъ областяхъ. Однако въ годы Ливонской войны въ войско вызывались тяжелые крестьяне государскихъ державъ для подвоза провіанта и разныхъ работъ, необходимыхъ въ войсѣ⁵⁾. Но это опять таки не составляло ordinarily повинности крестьянскаго сословія. Гораздо интереснѣе было бы опредѣлить, принимали ли участіе подданные въ снаряженіи въ походъ своихъ господъ. Въ Польшѣ, какъ извѣстно, существовала особая повинность, состоявшая въ томъ, что подданные при отпращиваніи ихъ господина на войну давали „военное“ (*bellicalium*)⁶⁾. Нѣкоторые слѣды этого обы-

¹⁾ Иногда въ истѣхъ панцирныхъ слугъ является синонимомъ путныхъ. Такъ, поводъ Паршова въ шляхетство, Сигизмундъ Августъ называетъ его „службой панцирныхъ путныхъ“ (Кн. Зап. Лит., XXXVIII, з. 431).

²⁾ Разряды этихъ службъ довольно разнообразны. О нихъ см. М. К. Любавскаго. Обл. дѣленіе, р. 343 слѣд.

³⁾ Ibidem, р. 525, стр. 323 и сл.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, з. 2—3.

⁵⁾ Кн. Нов. Лит., VII, з. 13—14; Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LI, з. 52.

⁶⁾ Tęzy rozdziału z historyi skarbowości w Polsce 1507—1532 przez Lubomirskiego, Kraków, 1868 г., р. 8. Plany reform skarbowo-wójskowych, przez A. Blumensztaka, Przewodnik naukowy i literacki, 1888, zeszyt I, р. 23.

чая можно найти и въ предѣлахъ Литовско-русскаго государства: такъ мѣщане давали войтамъ „военщину“ или „вырадь“¹⁾. Кое-гдѣ, по видимому только въ Подлинскихъ мѣстностяхъ, въ числѣ сборовъ въ частновладельческихъ мѣстностяхъ встрѣчаемъ также „военщину“²⁾; въ Пинскомъ княжествѣ въ удѣльный періодъ вимался „повозъ“ или „возъ“³⁾—древне-русская повинность⁴⁾, по видимому, соответствующая военщине. Быть можетъ, сюда же слѣдовало бы привлечь и плату на хоружаго, собиравшагося въ Позоцкой землѣ, какъ оплата военной выправы должностнаго лица (въ воеводскихъ волостяхъ)⁵⁾. Но все это столь отрывочныя указанія, которыя не позволяютъ предполагать, что на повинности подданныхъ лежала обязанность содѣйствовать снаряженію ихъ господина на войну; изъ этихъ отрывочныхъ указаній явствуетъ только, что этотъ обычай дѣйствительно существовалъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, но широкаго распространенія онъ не имѣлъ; сборъ военщины на войтовъ понятенъ, такъ какъ онъ, вмѣстѣ съ вѣщанкамъ правомъ, перешелъ изъ Польши.

Такимъ образомъ мѣщанскій и крестьянскій элементъ принадлежалъ къ военной службѣ. Мѣщанство обязано было защищать замокъ, выходить въ погоню за непріятелемъ. Это—мѣстная служба и она относится только къ украиннымъ городамъ, безъ различія на привилегированные и непривилегированные. Но на привилегированныхъ городахъ, какъ я на нѣкоторыхъ изъ „предѣльныхъ“, лежала еще повинность выправки въ войско извѣстнаго военнаго контингента. Ни того ни другого рода службы не лежало на всемъ крестьянскомъ классѣ, но зато верхіе ряды его обязаны были военною повинностью; только въ исключительныхъ случаяхъ крестьянство вызывалось въ войско для военно-хозяйственныхъ надобностей.

Знакомство съ исторіей прямого обложенія въ Литовско-русскомъ государствѣ приводитъ къ нижеслѣдующимъ общимъ выводамъ. Прежде всего, тотъ кругъ повинностныхъ обязанностей, который носилъ каз-

¹⁾ См. выше, р. 780 прим.

²⁾ Док. Моск. Арх. Муз. Общ., I, р. 158.

³⁾ См. прим., № I.

⁴⁾ Лешковъ. Русскіе древніе законы о сохраненіи народнаго богатства. Временникъ Н. М. О. И. и Др. Е., XVIII, р. 11.

⁵⁾ Кн. Зап. Лит., XVI, з. 114 об.-115.

вание земских повинностей и податей, быть направлено почти исключительно на удовлетворение военных потребностей государства и только отчасти на административные нужды; последним делом служили подводная и дорожная повинности, а изъ податей—та, которая назначена была для оплаты членов комиссий, работавшей над составлением Статута. Все остальные повинности, т. е. военная земская служба, замковал и сторожевая повинности, а также земская подать служили для военных целей. Из этого ясно, что гражданская, дипломатическая и придворная службы не имели повинностного характера, как это известно относительно Московской Руси. Правда, шляхта и на этих поприщах несла службу государю великому князю и даже получала за нее земельные пожалования, но это не входило в круг ее обязанностей.

Вообще податной и повинностной строй носил дворовый характер: земская подать декретируется только тогда, когда государственные нужды не могут быть удовлетворены постоянными источниками дохода, т. е. военными налогами и доходами господарского хозяйства. Военная земская служба отправлялась только тогда, когда поспешное ружье призывалось против неприятеля: даже на южной Украинской службе не была постоянной, и население призывалось в оружие только во время нападений неприятеля, или в ожидании такового; гарнизонную службу несли здесь военные роты; наконец, в очень редких случаях призывалось повальное ружье для административных целей. Таким образом, и военная земская служба не была господиной и поспешное ружье созывалось только для известных целей.

Литовско-русский государственный строй не знает, однако, никаких ограничений сроков военной службы, или разделения ее на службу для защиты страны от нападающего неприятеля и для походов въ неприятельскую землю; впрочем, Литовско-русскому государству и не приходилось вести наступательных войн (знавшие Литовцы трудно считать такой войной). Остальные земские повинности имели то отличие от военной службы, что являлись постоянными, но в то же время они гармонизировались со всеми повинностными строем, в том смысле, что отличались дворовым характером: последний можно усмотреть в том, что предметы, составлявшие повинности населения, были строго распределены на основании местных обычаев, равно как и в строгом распределении работ между общинами.

Различные стороны прямого обложения не одинаковым образом распределялись между классами населения. Во общем, население делится на две, неодинаковые в правовом и экономическом отношении, группы—на землевладельцев и их подданных, т. е. зависящих от землевладельцев сельских и городских жителей (свободных и несвободных). Землевладельческий класс распределяется на три станы: во главе этих станов стоит государь великий князь с своими обширными державами и зависящими от него городскими общинами, затем идут станы „духовный“ и „свѣтскій“. Все три станы дают подать с своих людей, несут повинности с своих имений и отбывают военную службу. Однако, есть большая разница в формах, в которых выражалось участие их в несении повинностной тяготы; впрочем, это различие почти сглаживается фактически к концу изучаемого периода. Так, наложение подати на господарских подданных в том размере и тогда, когда она декретирована сеймомъ, зависит от государя; но онъ налагает подать по „просьбѣ“ станомъ, пока в этом отношении государский добра не уравнились с шляхетскими с момента унии 1569 г. Только в отношении военной службы государский добра не подчинились тем условиям, в какие были поставлены земские имения, так как старосты и военеды выводили почти без отношения к размерам, установленным ухвалами. Что касается имений, находившихся в распоряжении духовенства, то они были поставлены в повинностном отношении таким образом: подать, декретированная на сейме, падала на всякого рода имения, бывшие во владении церкви или вообще членом духовного сословия; касательно же повинностей и в особенности военной службы, шляхетство достигло того, что переходившие во владение церкви повсеместные имущества, состоявшие на праве земскомъ, в повинностном отношении оставались на этом праве; а имущества, находившиеся в личном владении членом духовного сословия, не могли уклониться от лежащих на них повинностей. Таким образом, в Литовско-русском государстве в этом отношении установился тот же порядок, какой выработался в Польше еще при Казимире Великом⁴⁾.

⁴⁾ Blamensztoł, Plany reform, „Przewodnik naukowy i literacki“, 1888, I, p. 26, 31.

Отношение къ государственнѣмъ повинностямъ и податямъ того класса, который владѣлъ имѣніями на правѣ земскомъ, находилось въ зависимости отъ формъ землевладѣнія. Хотя еще въ до-литовскій періодъ можно отмѣтить группу боярства, какъ въ литовскихъ такъ и русскихъ областяхъ¹⁾, хотя вся исторія Литовско-русскаго государства представляетъ рядъ фактовъ, весьма способствовавшихъ развитію шляхетскихъ вольностей, однако окончательная дифференціация дворянскаго сословія и утвержденіе за нимъ господствующаго положенія въ государствѣ могутъ быть отнесены только къ періоду второго Статута, т. е. къ тому времени, когда повѣтовое шляхетство является вполне оформившимся сословно-политическимъ тѣломъ. И это легко объяснить тѣмъ, что, съ одной стороны, положеніе привилегированнаго класса было неразрывно связано съ землевладѣніемъ и военной службой, а съ другой стороны, тѣмъ, что въ тѣсный кругъ знати постепенно входятъ новые волны меньшаго боярства. Первые привилегіи были получены весьма ограниченными кругомъ родовой аристократіи, но уже къ половинѣ XV в. всѣ вообще военнослужилые элементы пользуются широкими привилегіями. Знать не слѣдила удерживать за собою свое исключительное положеніе потому, что она сама опиралась на многочисленныя ряды низшаго боярства; послѣднее оказалось сильнымъ, потому что оно составляло военный оплотъ государства. Оно оказало оппозицію знати, потому что замкнутое привилегированное положеніе небольшого кружка родовъ оказалось въ противорѣчіи съ исконными принципами, выработавшимися на литовско-русской почвѣ до сближенія съ Польшею. Эти принципы заключались въ отсутствіи классовой замкнутости и въ томъ, что социальное положеніе даннаго лица опредѣлялось не привилегіями личнаго характера, но его служебно-поземельнымъ положеніемъ. Принципъ личной привилегированности, основанной на знатности происхождения, былъ заимствованъ литовскою аристократіею изъ Польши. Пересаженный на новую почву онъ не могъ здѣсь сразу принятъ и встрѣтилъ сильную оппозицію.

Вся дальнѣйшая исторія шляхетскаго сословія представляетъ собою борьбу послѣднѣго принципа съ указанными исконными взглядами, постепенное ихъ исчезновеніе и проширивеніе шляхетскаго общества понятиемъ строгой сословности, основанной на знатности при-

¹⁾ См. выше, р. 57.

исхожденія. Въ общемъ, произошла своеобразная демократизація шляхетскаго сословія. И этотъ процессъ не слѣдуетъ считать простымъ перенесеніемъ польскихъ порядковъ, такъ какъ во внутренней жизни было достаточно условий, которыя способствовали дифференціаціи шляхетскаго сословія; разумѣется тѣмъ самымъ вовсе не отрицается извѣстное влияніе польскаго общественнаго строя на развитіе социальной жизни въ Литовско-русскомъ государствѣ.

Выдѣлившись окончательно, шляхетское сословіе представляетъ притязанія на исключительное владѣніе имѣніями на земскомъ правѣ. Въ повинностномъ отношеніи владѣніе на этомъ правѣ влекло за собою личное (или черезъ представителей, въ извѣстныхъ случаяхъ) несеніе военной земской службы и во главѣ извѣстнаго почта въ томъ случаѣ, если землевладѣлецъ выступалъ съ имѣніемъ, населеннымъ количествомъ службъ, превышавшимъ окладъ въ одного „кона“; сверхъ того, землевладѣлецъ давалъ съ своихъ людей земскую подать, принятую на сеймѣ, съ согласія представителей шляхетства. Подать и служба являлись безусловными обязанностями землевладѣческаго класса.

Отношеніе частновладѣльческихъ людей къ другимъ повинностямъ является далеко не безусловнымъ: оно находится въ зависимости отъ формъ землевладѣнія. Несмотря на сближеніе, во времени второго Статута, почти съ выслугами, несмотря на реформу въ подводной повинности, шляхетское сословіе всегдѣ стремится удерживать принципъ, по которому частновладѣльческіе люди съ вотчинныхъ земель, или съ амундированныхъ выслугъ не обязаны отбывать повинностей. Такимъ образомъ, въ частновладѣльческихъ подданныхъ, къ концу изучаемаго періода, падаютъ повинности сторожевая и замковая и подводный налогъ. Была однако еще нѣкоторая неясность по отношенію къ формамъ землевладѣнія: она устранила третьимъ Статутомъ. Онъ признаетъ подводную повинность (конечно, выраженную въ подводномъ налогѣ) обязательной для шляхетскихъ подданныхъ (но не для церковныхъ), но освобождаетъ ихъ отъ стачій и мостовой работы, равно какъ и отъ замковыхъ работъ. Замковыя работы должны отбываться съ новоподвиженныхъ мытныхъ пошливъ, а постройка и починка мостовъ ложатся на обязанности подданныхъ тѣхъ землевладѣльцевъ, въ имѣніяхъ которыхъ находится мосты; такая же повинность лежитъ и на подданныхъ государственныхъ державъ. Освобожденіе отъ стачій, мостовой и замковой работъ не касается жителей госпо-

дарскихъ державъ и городовъ: все это они отбываютъ на ряду съ подводами (раздѣлъ III, артикулъ 29). Статутъ не говоритъ о сторожевой повинности, но онъ вполне опредѣленно освобождаетъ землевладельцевъ отъ всякихъ податей, „потеглей“ и повинностей, такъ какъ, разъясняетъ Статутъ, по основнымъ законамъ шляхта несетъ только тѣ подати и повинности, на которыя она сама „добровольно“ согласилась и утвердила сеймовою ухвалою. Слѣдовательно, на ней остается только подовная повинность, утвержденная сеймовою конституціею, такъ что съ третьяго Статута шляхетскіе подданные дѣлаются свободными отъ замковой и сторожевой повинностей, а мостовую отбываютъ только въ предѣлахъ панской мѣстности.

Такое повинностное отношеніе къ государству шляхетскаго сословія, какъ личное такъ и съ тѣхъ имѣній, которыя находились въ его владѣніи. Къ этому слѣдуетъ прибавить то, что говорилось нами въ предыдущихъ главахъ объ освобожденіи шляхты отъ таможенныхъ пошлинъ при вывозѣ продуктовъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства, а также объ освобожденіи ея отъ уплаты судебныхъ пошлинъ господарю великому князю и панамъ раднымъ. Изъ этого ясно, что шляхетское сословіе пользовалось весьма широкими повинностными льготами, падающими какъ лично на него, такъ и на его подданныхъ. Это привилегированное положеніе шляхты образовалось постепенно и тѣсно связано съ политическимъ ростомъ цѣлаго шляхетскаго сословія. Но и это, сравнительно несложное податное бремя, притомъ устанавливаемое такимъ образомъ, что оно вполне зависѣло отъ усмотрѣнія самой шляхты и, слѣдовательно, назначаемое въ мѣру фактической и настоятельной потребности положенія, занимаемаго государствомъ, было носимо шляхетскимъ сословіемъ съ большою охотою и съ большими нареканіями. Недовольство шляхты особенно усилилось въ годы Ливонской войны. Безспорно, эта война требовала большого финансоваго и военнаго напряженія, къ чему государственное хозяйство не было въ достаточной мѣрѣ подготовлено, но безспорно также и то, что успешность окончанія этой войны сулила неисчислимыя выгоды государству вообще и въ особенности привилегированному въ немъ сословію. Несмотря на это шляхта, роища на чрезмерность обложенія какъ службою, такъ и налогами, уклонилась фактически отъ выполнения обязательствъ, принимаемыхъ ею же на сеймахъ, стремилась воспользоваться войною, какъ орудіемъ политическимъ: она успѣла именно въ этотъ періодъ вымѣнить наибольшія политическія

прерогативы на свои военныя услуги и въ то же время стала проявлять наклонность къ тому, чтобы свалить военно-податное бремя на другіе классы общества—на купцовъ, духовенство, евреевъ, безъ желанія однако дѣлиться съ ними привилегіями и выгодами. Мы знакомы уже съ этими аппетитами шляхты по исторіи косвенныхъ налоговъ. Тѣ же тенденціи проявляются и тогда, когда на сеймахъ подымалась рѣчь объ изысканіи источниковъ для оплаты военной службы.

Переходимъ теперь къ податному и повинностному положенію другихъ сословій въ государствѣ. Въ значительной мѣрѣ положеніе ихъ обусловливается указанными особенностями шляхетскаго стана. Шляхетскіе подданные несли тѣ подати и повинности, которыя обложены были давать ихъ господа съ своихъ имѣній, или господа съ своихъ державъ и съ привилегированныхъ городовъ. Остается поэтому только отмѣтить тѣ особенности, въ которыхъ находились обѣ послѣднія группы населенія. Мѣщанство оказалось отторгнутымъ отъ земскаго землевладѣнія. Хотя третій Статутъ еще знаетъ земскія имѣнія, находившіяся во владѣніи мѣщанъ (разд. III, артикулъ I), однако вольность „шафованья“ имѣніями признана только за шляхетскимъ станомъ (разд. III, артикулъ II). Слѣдовательно, тѣмъ самымъ мѣщанскія имѣнія подпадаютъ тому праву, на которомъ держали земли зависимыя элементы и по которому земельное имущество подданнаго находилось въ распоряженіи его господина. Городскія общины, кромѣ податей, налагаемыхъ на нихъ господамъ съ панами радюю, общихъ тѣмъ, которыя назначались сеймами на все государство и сверхъ общегосударскихъ повинностей, обязаны были еще выставить военную „выправу“ людьми, или давать вмѣсто нея повоневщину, отбывать мѣстную оборону, исправлять на войну провинтъ и ремесленниковъ и давать принудительные государственныя займы; одніи изъ этихъ повинностей приходились на долю привилегированныхъ городовъ, другія падали на непривилегированные. Участіе крестьянства, въ его цѣломъ, въ военной оборонѣ незначительно, но зато военную службу несли верхніе ряды его, а также нѣкоторые спеціальныя службы¹⁾.

Такое было соотношеніе сословій Литовско-русскаго государства въ области прямого обложенія. Какъ распределялось податное бремя

¹⁾ Наростаніемъ военно-служилого сословія были вытѣснены древній обычай призыва вѣскаго означенія (ср. р. 9): въ изучаемый періодъ о немъ нѣтъ никакихъ уже упоминаній.

въ средѣ городскихъ и сельскихъ общинъ,—этотъ вопросъ не входитъ сейчасъ въ нашу задачу. Намъ важно еще указать на общія черты, характеризующія строй прямого обложения.

Въ общемъ, принципы, лежащіе въ основу для опредѣленія податного субъекта и единицъ обложения, отличались большою рудиментарностью, свойственною старымъ системамъ обложения. Поэтому весь податный механизмъ далеко не соответствовалъ принципамъ справедливости, полагаемымъ въ основу равномернаго обложения. Такаа единица какъ служба людей, употреблявшаяся для опредѣленія военной повинности, а частью и для податей, представляла собою грубую единицу и неохватывавшую всѣхъ разрядовъ тяглаго населенія, потому что сеймовыя конституціи знаютъ только службы тяглыхъ людей, дворянскія и пунныхъ, опуская, такимъ образомъ, спеціальныя дворянскія службы. Правда, распределеніе военной повинности по службамъ, сдѣланное впервые въ концѣ XV вѣка, было уже шагомъ впередъ сравнительно съ болѣе древнимъ временемъ, когда эта служба отбывалась, какъ и въ Польсѣ¹⁾, secundum facultatem bonorum. Но въ дальнѣйшій періодъ не было сдѣлано ничего для того, чтобы достигнуть болѣе правильной раскладки этой повинности. Въ обложении податью замѣтно колебаніе между поголовнымъ и поземельнымъ обложениемъ; но податная практика чаще обращается къ послѣднему и по многимъ причинамъ—потому, что податная техника не выработала никакихъ приемовъ для установленія личнаго кадастра. Поэтому земля была тѣмъ объектомъ, на который почти исключительно надала подать, но она не увличивала всѣхъ податныхъ субъектовъ, потому что надала на землю, подлежащую фактической разработкѣ; такъ отъ серебщины ускользали промыслы населенія. Однако въ военной раскладкѣ нельзя не отмѣтить одной хорошей стороны: принималъ въ расчетъ соху²⁾ какъ признакъ, по которому печалась обложение, раскладка тѣмъ самымъ стремилась достигнуть известной справедливости—уловить доходъ. Но, съ другой стороны, прижизненіе одного этого принципа имѣло и отрицательныя стороны, потому что обложение не знало раздѣленія земель по ихъ качеству, не считалось съ условіями различныхъ мѣстностей и грубо отдѣлило арендныя земли

¹⁾ Wilmensztek, Plany reform, „Przewodnik naukowy i literacki“, 1888, I, p. 33.

²⁾ Ксераги замѣтилъ, что литовско-русская соха, какъ орудіе, описана съ указаніемъ на древнюю ея форму, въ брошюрѣ Tymonensa Luniewskiego, Socha litewska v. podlaska, War. 1890 (изд. „Gazety Rolniczej“).

отъ держаній, находившихся въ собственности плательщиковъ. Обложение арендныхъ земель и подворное только зарѣдка приходило, какъ известныя коррективы, въ поземную раскладку.

Такимъ образомъ, обложение, какъ повинностями такъ и податью, носило въ общемъ поземельный характеръ (за исключеніемъ привилегированныхъ городовъ и податей съ евреевъ); отступленія отъ него незначительны. Но къ концу изучаемаго періода замѣчаются признаки, указывающіе на стремленіе охватить обложениемъ капиталъ и занятіе плательщика, т. е. наблюдаемъ зачатки государственнаго промышленнаго обложения. Эти зачатки, прежде всего, слѣдуетъ видѣть въ налогѣ 1562 г., формахъ установленія подвоятнаго налога, въ опредѣленіи налога 1565 г. (съ известными исключеніями) и въ особеннсти съ введеніемъ шеса и чоноваго съ 1569 г. Тѣмъ самымъ оставились принципъ репартиціонной раскладки въ городахъ, и казна становилась ближе къ городскому плательщику, началал на него известную плоту.

Таковъ былъ status прямого обложения.

Происхожденіе податей и повинностей было уже достаточно суммировано и въ общей характеристикѣ этого вопроса имѣть нужды. Обязательность военной службы и уплаты податей лежитъ въ условіяхъ образованія государства; остальные же повинности связаны съ формами поземельной собственности. Поэтому подать не является заимствованной; она только измѣнила свой принципиальный характеръ, такъ какъ изъ данн, уплачиваемой различными областями великому князю, превратилась въ налогъ добровольно декретаруемой шляхтою; но и въ этомъ отношеніи она имѣла известную опору въ русской древности.

Исторія прямого обложения, въ особенности земской подати, въ Литовско-русскомъ государствѣ имѣетъ большое сходство съ податной исторіей многихъ западно-европейскихъ государствъ. И здѣсь происхожденіе общегосударственныхъ податей вызывалось болѣею частью внѣшними обстоятельствами. Такъ, старѣйшій въ Европѣ изъ примыхъ государственныхъ налоговъ англійскій, известный подъ именемъ данегелдъ, образовался въ концѣ X в., какъ дань завоевателямъ датчанамъ¹⁾. Возникновеніе новыхъ формъ военнаго строя въ Германіи повело къ установленію здѣсь прямого налога²⁾. Нѣмецкій налогъ,

¹⁾ Оперови, Подходящій налогъ въ Англии, М. 1898, p. 4.

²⁾ Ibidem, p. 33; Эггербергъ, Финансовое право (перев. Свиридовскаго), p. 42. Wagner, Fw., III, p. 48.

известный под именем *Turkensteuer* имѣть большую аналогію съ литовско-русской орданщиной ¹⁾. Такое же сходство наблюдается иногда и въ некоторых частностях полатной исторіи. Сходство наблюдается и въ томъ, что древнѣйшіе налоги имѣютъ въ основѣ обложенія землю ²⁾, и только постепенно переходятъ къ обложенію капитала и труда, положенныхъ въ промыселъ ³⁾. Съ переходомъ къ новому времени литовско-русскій финансовый строй закрѣпилъ среднѣвѣковъ принципъ, по которому налогъ является *librement voté* ⁴⁾. Но разница заключалась въ томъ, что подать въ Литовско-русскомъ государствѣ не превратилась въ замѣну военной службы дворянскаго сословія ⁵⁾. Посполитое руненъ, состоявшее изъ коннаго войска, не получившаго спеціальной военной подготовки, оставалось основнымъ оборонительнымъ средствомъ страны въ то время, когда въ Западной Европѣ совершался переходъ къ постоянному пѣхотному войску и къ артиллеріи. Немногочисленные гарнизоны и жалкая артиллерія пограничныхъ крѣпостей не могли замѣнить собою правильно обученнаго войска, были незначительны въ количественномъ отношеніи и, наконецъ, въ эпоху третьяго Статута подпали ревизивому контролю сейма, такъ что не могли выростить постоянного войска. Само посполитое руненъ въ концѣ концовъ обратилось не столько въ оборону страны отъ непріятелей, сколько въ охранителя шляхетскихъ вольностей. Подобное положеніе вещей составило серьезную опасность для цѣлости государства при вѣбшихъ столкновеніяхъ и для внутренняго спокойствія.

¹⁾ Но ничего общаго съ татарскими выходцами, какъ полагаютъ г. Лашно-Дашлевскій (Организація прямого обложенія, р. 17, прим.).

²⁾ Rau, Основныя начала финансовой науки, II, р. 27.

³⁾ Ibidem, р. 82; Краткой исторіи промышленнаго налога посвящена книга г. Львова (Промысловый налогъ и методы его установленія въ западно-европейскихъ государствахъ и въ Россіи, М. 1880 г.), впрочемъ слабая въ рѣхъ частяхъ, которая касается исторіи налога въ Россіи.

⁴⁾ Clamegeran, Histoire de l'impôt, I, р. 497, г. IX.

⁵⁾ Сигизмундъ I въ Польшѣ стремился осуществить подобныя идеи, но это ему не удалось (Blumenszok, Plany reform, Przewodnik naukowy, 1888, IV, р. 313, V, р. 398). Собравшіеся несколько разъ въ Литвѣ при томъ же королѣ поборы, въ основу котораго полагался служебный „донъ“, является, конечно, отголоскомъ той же политики, хотя литовско-русскіе источники не даютъ никакихъ указаній на великопольскую политику въ этомъ смыслѣ.

ГЛАВА VII.

Заключеніе.

Изученіе государственнаго хозяйства распадается на нѣсколько составныхъ частей, т. е. на исторію прямыхъ налоговъ и повинностей, косвенныхъ податей, доменовъ. Каждая изъ этихъ частей представляетъ собою известное цѣлое и заслуживаетъ сама по себѣ полнаго вниманія со стороны историка. Въ настоящемъ изслѣдованіи, при изученіи каждой изъ составныхъ частей предмета, подведены итоги, сдѣланы заключенія, вытекающія изъ историческаго обзора даннаго отдѣла. Поэтому, имѣть нужды повторять здѣсь, въ заключеніи къ книгѣ, выводы, вытекающихъ изъ отдѣльныхъ ея главъ. Но общій обзоръ вопросовъ, составляющихъ предметъ государственнаго хозяйства, приводить къ известному ряду общихъ заключеній: исторія государственнаго хозяйства тѣсно связывается съ исторіей всего государственнаго строя, вліяла на него и сама подвергалась общимъ историческимъ условіямъ, въ которыхъ развивается государственная жизнь; различныя отрасли хозяйства развиваются вслѣдствіе единообразныхъ причинъ, и это поступательное движеніе выражается въ аналогичныхъ формахъ. Мы считаемъ уместнымъ указать здѣсь на эту связь и взаимодѣйствіе прослѣженнаго нами историческаго фактора съ другими дѣяніями; а въ данномъ отношеніи наши замѣчанія

будут очень кратки, потому что, как нам кажется, и эти вопросы в достаточной мере выяснены на предыдущих страницах.

Литовско-русское государство, в момент объединения, представляло собою весьма пестрый состав земских общин, удельных князей и вотчины великого князя литовского, сложившейся в свою очередь путем соединения родовых и частью племенных групп литовского племени. Весь этот конгломерат территорий объединяется под властью великого князя литовского. Но это объединение в первое время не было органическим: земли находились под властью господара, и каждая из них считала его своим князем, а князь являлся вотчинником каждой отдельной земли; земская община вступает в особое соглашение с своим князем. По отношению к удельным князьям между великим князем и удельными устанавливаются личные договорные начала. Та же черта пронизывает в отношении отчасти всей Литовской земли к отдельным родовым группам ее населения (роды, которые выступают в первых шлахетских привилегиях). Податная обязанность населения этого слагающегося государства носит двойственный характер: один из податей в повинностей вытекают из сущности прекарного землевладения, другие являются компенсацией судебно-административных функций правительственной власти¹⁾. Такого рода фискальные отношения носят характер личных; это отношения, которые связывают каждое данное лицо в отдельности с представителем власти, вообще с более сильным лицом (такого рода отношения устанавливаются между частными лицами и зависимыми от них людьми — служилыми, закладчиками, и другими „подданными“, как это хорошо выражалось этим термином).

¹⁾ Выводы некоторые из налогов вли вменены услугом (некоторые виды военных сборов, судебная повинность), мы однако считаем нужным сделать оговорку, что такое происхождение мы не распространяем на происхождение всей податной системы; это видно из тех разъяснений, которые даны нами по поводу происхождения прямой подати, военной и др. земских повинностей, капланы, таможенных пошлин и др. Вообще соглашались с принципом фискальной науки, что всякий налог является пожертвованием со стороны подданных, мы однако, ссылаясь на историческое происхождение налогов, не можем не заметить, что некоторые из них являются фактически оплатой услуг и что есть таковая оплата они понимались в то время. Следовательно, несправедливо было бы признавать однообразное происхождение налогов и приписывать современному теоретическому взгляду тому времени, когда фактически выработались податная система.

Такого рода отношения не отражают в себе общих начал государственного единения и носят вотчинный характер. Но в то же время не трудно уловить зачатки повинностных отношений государственного порядка: они заключаются в обычаях давать дань великому князю, доставлять ему стада и подводы при перебедах, наконец, с особенной яркостью выясняются в первоначальной истории прямой подати и в обязанностях военной службы с вотчины и др. повинностей.

Этот федеративный строй характеризуется широкой автономией территориальных единиц, составляющих государство; основным права каждой земли является в установленную грамоту. В каждой земле течет своя особая социальная жизнь при широком участии местных элементов в управлении землею. Общество еще не разбито на определенные сословные группы, имеющие правовое разделение; но в нем уже заметна в достаточной мере социальная группировка, основанная на экономической почве, т. е. на распределении собственности и занятий населения. Эта первичная социальная группировка дает уже заметное первенство в земских отношениях классу крупного боярства. Таким образом отношение каждого индивидуума к окружающему его строю определяется тем, чем обладает данное лицо. Отсюда в полном смысле отношения данного лица определяются не его социальным положением, но повинностным положением объекта владения; это совершенно ясно вытекает из того принципа, что повинности вдут в зависимость от служебного положения земли. Но то же относится и к членам городской и волостной общины, потому что и здесь повинностное положение субъекта определяется объектом владения; в городской общине принимается еще во внимание и торговый капитал или доход, наряду с владением городской недвижимостью или общинными угодьями, но это обстоятельство проводится только при раскладе в среде общины. В основе указанных общественно-правовых отношений лежит строй, выработанный древне-русскою жизнью и зафиксированный областными конституциями. Установленный порядок вещей характеризуется принципом, которым проникнуто и общество, и власть — принципом „старина“. Но эпоха образования государства наложила свою печать, дав толчок к развитию некоторым особенностям в этом строе: условия военного времени на первый план поставили военно-служебный элемент, который вскоре добился сословных привилегий.

Составленное при таких условиях государство не могло быть единым и сплоченным цѣлымъ: ему предстоял или путь распада или же путь организационной работы на почвѣ объединенія. Исторія политических движеній въ Литовско-русскомъ государствѣ представляет собою достаточно данныхъ, показывающихъ, что центробѣжные силы проявляли свою дѣятельность, и бывали моменты, когда только что сложившееся государство колебалось. Однако перевѣсъ оказался на сторонѣ объединенія. Дѣйствительно, вновь сложившееся государство, несмотря на различіе территориальнаго и этнографическаго состава, имѣло достаточно скрѣпляющихъ элементовъ въ общемъ духѣ древне-русской культуры, общности экономическихъ началъ и, наконецъ, въ вытекавшей изъ отношеній къ сосѣдямъ необходимости вести сообща борьбу.

Дальнѣйшая исторія сложившагося государства посвящена развитію территориальнаго и социально-политическаго единенія на почвѣ выработки общихъ правовыхъ нормъ. Этотъ новый государственный и общественный строй создается на основахъ древне-русскаго. Общій вышній ходъ этой организационной работы заключается прежде всего въ уничтоженіи факторовъ, способствовавшихъ разобщенію. Такъ отпадаютъ удѣльные княженія, военно-служилый элементъ сплочивается, объединяясь въ политической борьбѣ, въ одно сословіе, социально-политическія права котораго закрѣпляются конституціями. Дифференцируясь въ особую социальную группу, военно-служилый классъ тѣмъ самымъ порываетъ связи съ древне-русской земской общиной и въ силу своихъ преимуществъ самъ становится „земствомъ“. Параллельно съ этимъ процессомъ старинный строй земли распадается, социально-правовое положеніе остальныхъ ея элементовъ понижается и старое земство, какъ элементъ центробѣжный, распадается: городъ выдѣляется изъ земской и волостной общины. Этотъ распадъ стараго порядка и простѣе говоря является слѣдствіемъ не только прироста политическихъ, но и совершается на почвѣ коренныхъ измѣненій въ экономическомъ строѣ страны. Осуществленіе политической идеи не требовало порабощенія низшихъ классовъ высшему, распада и антагонизма между городской и сельской общинами. Сложная цѣль экономическихъ отношеній оказалась нарушенной въ тотъ самый періодъ, когда происходила организационная политическая работа. Экономическія измѣненія произошли въ сферѣ производственныхъ формъ и перераспределенія поземельной собственности. Дѣло въ томъ, что

промисловое по преимуществу хозяйство переходило къ земледію, лѣсному хозяйству и отчасти къ скотоводству; вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется характеръ торговли и наивысшими признаки перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному. Этотъ переворотъ находится въ тѣсной связи съ тѣми измѣненіями въ экономической области, которыми одновременно поколебали западно-европейскій экономической строй. Перераспределеніе въ сферѣ поземельной собственности получило толчокъ въ раздачѣ земель на условіяхъ службы. Государство покрывалось массою земельныхъ собственниковъ, число которыхъ и владѣній которыхъ стали быстро разрастаться. Пока основной хозяйствъ были промысла, помещикъ являлся только сборщикомъ даней, но когда экспортъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ сталъ получать все большее и большее развитіе, помещикъ превращается въ сельскаго хозяина, и тогда поземельное владѣніе пріобрѣтаетъ совершенно иной смыслъ и характеръ. Указывая на преобладающее значеніе экономическаго фактора, должно сдѣлать оговорку, что въ первомъ томѣ настоящаго изслѣдованія этотъ вопросъ еще не развитъ въ полной мѣрѣ, хотя и затронуты многія и существенныя его стороны; предваряя такимъ образомъ, въ извѣстной мѣрѣ, выводы, къ которымъ приводитъ изученіе организационнаго государственнаго хозяйства, мы считаемъ нужнымъ суммировать значеніе экономическаго фактора для поясненія той роли, которая выпадаетъ на долю социально-политической эволюціи.

Наставивъ на коренномъ значеніи древне-русскихъ началъ въ дѣлѣ образованія Литовско-русскаго государства, указывая на воздѣйствіе въ дѣлѣ его организационнаго политическаго и экономическаго факторовъ, мы не думаемъ отрицать извѣстнаго вліянія на созданіе литовско-русскаго строя со стороны польской и нѣмецкой культуры. Но мы не представляемъ себѣ это вліяніе какъ образецъ, къ которому безусловно шло Литовско-русское государство въ своемъ развитіи. Воздѣйствіе все болѣе и болѣе расширявшагося общенія съ польской и нѣмецкой культурами, Литовско-русское государство успѣло много заимствовать отъ нихъ въ смыслѣ формы, въ которую отличались уже наивышніе измѣненія вѣснаго быта; вотъ почему политическое устройство великаго княжества Литовскаго въ конечномъ результатѣ своего развитія приняло формы Речи Посполитой Польской. Однако, всѣ существенныя измѣненія въ социально-экономическомъ и политическомъ строѣ приходили только тогда, когда почва на мѣстѣ

была достаточно подготовлена. Таким образом происходило претворение, переработка старых начал, когда они делались уже неподходящими, в новые. Сь обратной стороны эти послѣднія могутъ дѣйствительно казаться элементарнымъ заимствованіемъ, подражаніемъ, но въ дѣйствительности они являются плодомъ самостоятельной культурной работы. Такая переработка шла интенсивно и по многимъ понятнымъ причинамъ: государство, только что сложившееся, находилось въ періодѣ организационной работы, слѣдовательно въ такомъ періодѣ, когда политическая мысль усиленно работала. Какъ разъ на тотъ же періодъ приходится два крупныхъ явленія въ области западно-европейской жизни: одно явленіе, происходившее въ сферѣ экономической, и другое, съ нимъ связанное — реформація, происходившее въ религиозной сферѣ, т. е. въ такой области, которая въ то время охватывала все идейное содержаніе общества. Несомнѣнно, оба явленія вызвали болѣе быстрое общеніе литовско-русскаго общества съ западно-европейской культурой. Это легко замѣтить не только по произведеніяхъ литературы (религиозной и экономико-политической), но также и на усиленномъ ростѣ политической жизни. Литовская война и въ этомъ отношеніи имѣла крупное значеніе, такъ какъ усилила непосредственное общеніе Литовско-русскаго общества и съ поляками и съ нѣмцами. И однако, извѣщая идейное содержаніе западно-русской культуры предъ реформаціоннымъ движеніемъ и экономическое состояніе государства передъ тѣмъ, какъ оно вошло въ кругъ экономической эволюціи, охватившей Западную Европу, все таки нельзя не признать, что извѣстная жизнь Литовско-русскаго государства представляла готовую почву и въ томъ и въ другомъ отношеніи. Вотъ почему, наблюдая быструю переработку государственнаго строя въ половинѣ XVI вѣка, мы и въ данномъ случаѣ склонны видѣть въ этой дѣйствительности не простое заимствованіе, но претвореніе старыхъ началъ, согласно нарождающимся новымъ условіямъ жизни.

Эту особенность исторической работы не трудно прослѣдить на многихъ явленіяхъ. Напомнимъ хотя бы фактъ распространенія нѣмецкаго права; большей частью думаютъ, что оно перенесилось въ Западную Русь искусственнымъ образомъ. Первоначально нѣмецкое право появляется въ городахъ ольгасян; оно вводится въ отдѣльныхъ центрахъ въ силу соображеній финансово-экономическихъ и административно-правовыхъ; но съ теченіемъ времени разрывъ города съ землей, волостью становится неизбежнымъ фактомъ вследствие усло-

вій, выдвигаемыхъ новымъ социально-экономическимъ строемъ, и тогда широкое волною кивается нѣмецкое право; но теперь оно уже оказывается въ переработанномъ видѣ, почему прочно встраивается въ жизнь. Въ области сельскаго хозяйства и управленія также легко замѣтить постепенность, переработку, прилаживаніе къ жизни формъ нѣмецкаго хозяйства и сельскаго управленія; и опять эти формы являются на смѣну старымъ только тогда, когда послѣдніе изжились, когда измѣнилось правовое и хозяйственное положеніе села. Такимъ образомъ происходитъ освоеніе и переработка иностраннаго вліянія на мѣстной почвѣ. Мы склонны такъ же понимать и переносъ социально-политическихъ учрежденій, о чемъ намъ приходится уже не разъ высказываться.

Спеціальная область государственной жизни — повинностный и податной строй — наилучшимъ образомъ отражаетъ въ себѣ историческій ходъ государственной жизни во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ. Финансовый строй имѣетъ такіе особенности въ своемъ развитіи, которые поддерживаютъ изслѣдователя отъ уклоненій въ сторону легкаго механическаго объясненія новыхъ жизненныхъ явленій путемъ заимствованія. Въ области идей него писатели и рѣчь оратора легко поддаются разнымъ вліяніямъ; если бы судить только по литературному общенію и по рѣчамъ политиковъ объ отношеніяхъ Польша къ Литвѣ, то объясненіе исторіи послѣдней во многомъ упростилось бы. Но карманъ налогоплательщика не такъ легко и безпринципно раскрывается предъ новыми вѣяніями, а податной механизмъ, отличающийся необыкновенною рутинностью и сложностью, не легко поддается новому порядку вещей. Вотъ почему въ финансовой сферѣ наилучшимъ образомъ отражается жизнь государства: повинностно-податной строй, медленно измѣнялся, на ряду съ новыми формами долго удерживается, въ качествѣ пережитка, встаринные пріемы обложенія. Отражая въ себѣ старое и новое, онъ даетъ возможность опредѣлять какъ первоисточникъ стараго, такъ и причину появленія новыхъ наростовъ. Наше изслѣдованіе, какъ намъ кажется, даетъ полное основаніе связывать всѣ существеннѣйшія особенности повинностно-податнаго строя съ древне-русскою жизнью. Такъ, вновь сложившееся государство восприняло отъ древней Руси идею оплаты административныхъ и судебныхъ функций князя и его наместниковъ, зачатки мытныхъ сборовъ, княжеское хозяйство. Нѣкоторые изъ сборовъ теряютъ свое реальное значеніе, остаются въ

виды переживаний еще в течение долгого времени. В общем старая система отличалась сдвинутым вогнистым и государственным принципом, обеспечивая разнообразием приемов обложения; это разнообразие объясняется как способностью самих старых налогов дифференцироваться, так и особенностями территориального деления. В общем она охватывалась принципом, по которому служба и подать идут по объекту владения и пользования (в косвенных налогах и пошлинах). С течением времени принцип единения на почве государственной берет перевес. Многие сборы, по своему вогнистому характеру, государственная власть стремится превратить в реталии, как например установление мытных застав, продажу и производство спиртных напитков, торговая пошлина и пр. Прямая подать из территориальных дани великому князю превращается в единую земскую подать на потребу Речи Посполитой. Военная служба, из службы за земельное жалование от великого князя, превращается в повинность, отбываемую согласно законодательным постановлениям, на потребу Речи Посполитой. Происходит объединение в отбывании остальных земских повинностей. Таможенные пошлины, а также и часть монополии переходят из области вогнистого хозяйства великого князя в распоряжение государственной власти. Наконец, во взгляде на домену происходит также перелом в том смысле, что утверждается взгляд на государственные имущества, как на такие, которые принадлежат государству, но не лично великому князю. Таким образом, по мѣрѣ превращенія государя—вотчинника в государя—владѣ Речи Посполитой происходит и государственное повинностно-податное строю. Тот же процесс наблюдается и в соотношениях этого строя с развитием социальных отношений, как это видно на постепенном распределении повинностей и податей из среды востаривших сословий. Остается при этом еще напомнить, что такое же соотношение финансового строя наблюдается и в связи с изменениями в экономической жизни страны. Подати, оплачиваемая натурою (напр., таможенная, ордацкая, не говоря уже о многих извѣстиях доменнаго хозяйства), превращаются в денежная. По мѣрѣ появления новых особенностей экономического быта растут и новые налоги, удалявая появляющиеся объекты обложения. По мѣрѣ этих изменений происходит важная перемена в сферѣ самой повинностно-податной системы. На мѣсто разнообразия названий налогов, признаков обложения, различнаго отношенія къ

субъектам обложения, устанавливается значительное единообразие. Признаки обложения дѣлаются болѣе точными и эластичными, расширяется кругъ предметовъ, на которые падаетъ налогъ; весь скарбовый механизмъ приобретаетъ новый видъ.

Такъ постепенно вырабатывался новый повинностно-податной строй в связи съ общей организаціонной работой, происходившей по всей области государственной жизни. Но этотъ строй, окончательно отившійся въ послѣдніе годы правленія послѣдняго Ягеллона и нѣсколько дополненный при его ближайшихъ преемникахъ, имѣлъ крупные недостатки, обличавъ въ себѣ уже признаки разложениа. Это замѣчаніе относится, не столько къ собственно финансовому строю, сколько къ общей организаціи социально-политическихъ отношеній, которая сдѣлала бесплодными нѣкоторыя здоровыя начала, заложенныя въ скарбовый механизмъ финансистами половины XVI вѣка. Дѣло въ томъ, что выработанный въ теченіе полутора столѣтій государственный строй, слившись съ Речью Посполитой Польской, застылъ въ новыхъ формахъ какъ разъ тогда, когда въ Западной Европѣ шла переработка средне-вѣковыхъ формъ жизни. Признаки этого застоя сказываются уже къ концу длинаго періода въ изученной нами области: слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что успѣхи, сдѣланные финансовой политикой въ области доменнаго хозяйства и косвеннаго обложения, далеко не соответствуютъ формамъ земскаго обложения какъ въ области военной службы, такъ и въ сферѣ прямой подати: шляхетская повинность явилась въ данномъ случаѣ тормазомъ для болѣе интенсивнаго и правильнаго развитія финансовыхъ средствъ государства. Мы ограничимся этимъ общимъ указаніемъ на недостатки выработанаго строя, такъ какъ эти факты уже выходятъ за предѣлы изученныхъ нами вопросовъ: недостатки повинностной организаціи могутъ быть вполне выяснены только при изученіи организаціи же.

и мельницы въ волостяхъ староства на 3 года по 339 копъ 11 грошей въ годъ ¹⁾).

Въ Гроднѣ солодовни были отданы въ аренду съ 1559 г. по 1563 г. по 150 копъ грошей въ годъ ²⁾. На трехлѣтіе 1563—1566 гг. тѣ же солодовни сданы по 200 копъ грошей въ годъ ³⁾. За ту же арендную плату солодовни сдавались въ 1571—1573 гг. ⁴⁾. Въ послѣднее трехлѣтіе бровары отдѣльно шли по 30 копъ грошей въ годъ ⁵⁾.

Въ 1567 г. сданы на 3 года (1568—1571 гг.) бровары и солодовни въ дворахъ: *Новомъ Дворѣ, Кузинѣ, Крынкахъ* за 300 копъ грошей въ годъ ⁶⁾.

Въ 1559 г. въ *Скидель* и *Мостахъ* сдавались въ аренду слѣдующіе пожитки: мостовое, обѣстка и мыто торговое по 150 копъ грошей въ годъ ⁷⁾.

Поборы малые въ городѣ и волости *Городенской* сдавались въ 1566—1568 гг. по 850 копъ грошей въ годъ. Млановое, шинковое и жорновое (кромя жернововъ на волости) сдано въ слѣдующихъ дворахъ: *Городиѣ, Новомъ Дворѣ, Вертилишкахъ, Озерахъ, Кузинѣ, Одельскѣ, Мостахъ, Бержинкахъ, Луной и Новомъ Дворѣ Свѣтницкаго*; акцизъ съ корчемъ сельскихъ въ ту же сумму шелъ въ слѣдующихъ дворахъ: *Брынкахъ, Озерахъ, Салатахъ, Когрѣ, Скидель, Лабѣ, Перстухахъ, Квасовѣ, Красникѣ*; въ эту аренду не входили корчмы въ самомъ Гроднѣ и Крынкахъ ⁸⁾.

Отдѣльно въ *Крынкахъ* въ 1570—1573 гг. поборы „отъ пива, горѣлки, меду, млановъ и жернововъ городскихъ“ шли за 120 копъ грошей въ годъ ⁹⁾.

Въ 1567—1570 гг. сданы были въ *Куренинѣ* слѣдующіе сборы: корчма медовая, пивная, горѣлчаная и мыто торговое; арендная плата была назначена въ первый годъ 100 копъ грошей, во 2-ой—110 копъ и въ 3-ій—120 копъ ¹⁰⁾. Тѣ же пожитки сдавались на тѣхъ же условіяхъ и раньше.

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XLV, л. 33 об.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, лл. 218—219 об.

³⁾ Ibidem, л. 440 об.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., LIII, л. 55.

⁵⁾ Ibidem, л. 56.

⁶⁾ Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 114 об.

⁷⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 245.

⁸⁾ Кн. Зап. Лит., XLVIII, лл. 23—25 об.

⁹⁾ Кн. Зап. Лит., LI, л. 142.

¹⁰⁾ Кн. Зап. Лит., XLV, лл. 126—127.

Въ 1558—1561 гг. въ *Шерешовѣ* сданы въ аренду шинки горѣлчаный и медовый, млыны, торговое и помѣрное по 100 копъ грошей въ годъ ¹⁾.

Въ 1561—1563 гг. солодовни, бровары, мостовое, торговое и помѣрное арендованы въ томъ же *Шерешовѣ* по 126 копъ грошей въ годъ ²⁾.

Въ 1559—1561 гг. млыны и корчмы горѣлчаные въ *Каменинѣ* сданы по 140 копъ грошей въ годъ; въ той же суммѣ эти пожитки шли и раньше ³⁾.

Въ 1561—1565 гг. тамъ же сданы были въ аренду поборы малые по 110 копъ грошей въ годъ и особо солодовни, млыны и горѣлка по 220 копъ грошей въ годъ. Въ трехлѣтіе 1565—1568 гг. первые пожитки сданы по 130 копъ грошей въ годъ, а вторые по 230 копъ грошей въ годъ ⁴⁾.

Въ 1569—1572 гг. въ *Тыкошинѣ* сдавались млыны, солодовни, мостовое, корчмы, въ городѣ и селахъ по 300 копъ грошей въ годъ. Въ той же суммѣ они сдавались и въ предшествующее трехлѣтіе ⁵⁾.

Въ 1569 г. въ *Авустовѣ* поборы малый, кромѣ броварнаго и жорнового въ селахъ, сдавался по 120 копъ грошей въ годъ ⁶⁾. Въ слѣдующемъ году всѣ поборы малые въ томъ же городѣ сданы за 320 копъ грошей ⁷⁾.

Въ 1559—1566 гг. солодовни въ *Кобринѣ* шли по 10 копъ грошей въ годъ, а въ *Добучинѣ* по 20 копъ грошей въ годъ ⁸⁾.

Въ 1558—1561 гг. въ *Пинскѣ* мыто пивное съ мытами сельскими, корчма медовая, горѣлчаная, пивная и перевозъ сдавались за 550 копъ грошей въ годъ ⁹⁾. Въ 1563—1565 гг. корчмы городскихя, мыто спонное и подужное, помѣрное, вальное, перевозъ, воскобойня, корчмы въ *Нобелѣ, Ногоствѣ, Моголѣ, броварное* въ городѣ шли тоже

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 186 об.

²⁾ Ibidem, л. 424 об.

³⁾ Ibidem, л. 266 об.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., LIII, л. 98.

⁵⁾ Кн. Зап. Лит., LIII, л. 8.

⁶⁾ Кн. Зап. Лит., LIII, л. 21 об., LI, л. 74.

⁷⁾ Кн. Зап. Лит., LI, л. 72 об.

⁸⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 381 об.

⁹⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, лл. 205—206 об.

по 550 копъ грошей въ годъ; но въ 1565—1568 гг. отданы по 600 копъ грошей въ годъ¹⁾.

Въ 1570—1574 гг. тѣ же покятки съ жерновымъ въ Пинскѣ отдавались по 500 копъ грошей въ годъ²⁾.

Тамъ же въ Пинскѣ въ 1564—1565 гг. сданы въ аренду поборы малые (въ томъ числѣ и въ Бездежѣ, Мотолѣ и Публѣ) по 200 копъ грошей въ годъ, а съ 1565 г. по 220 копъ грошей въ годъ³⁾.

Въ 1561—1564 гг. солодовни и бровары въ *Мостахъ* сданы по 16 копъ грошей въ годъ⁴⁾.

Въ 1558—1561 гг. въ *Слонимѣ* отданы бровары и шинки горѣланый на слѣдующихъ условіяхъ: арендаторъ обязанъ построить броварь и брать по 1 грошу отъ бочки свареннаго солода; дрова для варки онъ покупаетъ самъ, аренды платитъ въ годъ 30 копъ грошей⁵⁾. Передъ 1565 г. корчма медовая и горѣланая, мыто на рѣкѣ *Щарѣ*, 7 мельницъ, солодовни и бровары шли по 400 копъ грошей въ годъ. Въ 1565 г. мѣщанамъ слонимскимъ арендованы корчма медовая, горѣланая, мѣстное на *Щарѣ*, 6 мельницъ, солодовни и бровары за 360 копъ грошей въ годъ. Мѣщане должны поправлять котлы горѣланые и кромя того отъ нихъ отошелъ одинъ млынъ⁶⁾.

Въ томъ же Слонимѣ и сосѣднихъ мѣстечкахъ *Локницѣ* и *Молчади* сдавались въ 1567 г. поборы малые (въ томъ числѣ и въ селахъ) за 300 копъ грошей⁷⁾.

Въ 1558 г. были построены солодовни и бровары въ *Метибоцкѣ* и отданы въ распоряженіе Григорію Воловичу на 5 лѣтъ безъ всякой платы въ скарбъ⁸⁾.

Въ 1567 г. сданы въ *Волы* на 3 года поборы малые и сверхъ того корчма горѣланая, солодовни, броварь и 2 млына за 300 копъ

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XLV, лл. 94—95 об.

²⁾ Кн. Зап. Лит., LI, л. 139 об.

³⁾ Ibidem, л. 47.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 382.

⁵⁾ Ibidem, л. 187.

⁶⁾ Кн. Зап. Лит., XLV, лл. 48—50.

⁷⁾ Кн. Зап. Лит., XLVIII, лл. 17 об.—19.

⁸⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 168.

грошей въ годъ¹⁾. Въ 1569 г. тѣ же покятки сданы уже за 320 копъ грошей въ годъ²⁾.

Въ 1561—1563 гг. въ *Остринѣ* корчмы медовыя и горѣланый сданы по 30 копъ грошей въ годъ³⁾. Тамъ же мѣщане получили въ 1561 г. на 3 года право варить пиво и солоды за 4 копи грошей въ годъ⁴⁾.

Въ 1565 г. поборы малые въ *Остринѣ* шли за 65 копъ грошей въ годъ, а съ 1566 г. они сданы на 2 года по 75 копъ грошей въ годъ⁵⁾.

Въ *Ошменѣ* въ 1561 г. мѣщане выпросили себѣ право держать бровары и солодовни за 8 копъ грошей въ годъ⁶⁾.

Въ *Василишковѣ* солодовни и млыны были въ рукахъ державцевъ⁷⁾.

Въ *Минскѣ* такую же льготу на 3 года получилъ староста *Василій Тинкевичъ*⁸⁾.

На 1557 г. въ *Кременцѣ* запроданы мыто (торговое), млыны и корчмы (кромя горѣланыхъ) за 300 копъ грошей въ годъ⁹⁾. Въ 1559—1561 гг. тѣ же покятки были заарендованы за 350 копъ грошей въ годъ¹⁰⁾. Въ 1557—1561 гг. горѣланая корчма шла въ первый годъ по 200 копъ грошей, а въ остальные два по 120 копъ грошей въ годъ¹¹⁾. Съ 1-го января 1561 г. по 31-е декабря 1563 г. въ *Кременцѣ* отданы „мыто кременецкое въ млыны, вымелками всякими, бровары въ мерцаи солодовыми, корчмы медовые, пивные и горѣланые и гребельное при млынахъ“ по 600 копъ грошей въ годъ¹²⁾. Въ 1564—1567 гг. мыто замковое, млыны съ вымелками и мѣрками, солодовни, бровары, корчмы медовыя, шинныя и горѣланый, въ городѣ и селахъ, а также гребельное сдавалось по 500 копъ гро-

¹⁾ Кн. Зап. Лит., LIII, л. 126 об.

²⁾ Кн. Зап. Лит., LI, л. 72 об.

³⁾ Бернадский, II, р. 81.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 460 об.

⁵⁾ Кн. Зап. Лит., XLV, лл. 95 об.—96.

⁶⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 381 об.

⁷⁾ Ibidem, лл. 437 об.—438 об.

⁸⁾ Кн. Зап. Лит., XLV, л. 128.

⁹⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVIII, л. 57 об.

¹⁰⁾ Ibidem, лл. 226—227.

¹¹⁾ Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 128 об.

¹²⁾ Ibidem, л. 399 об.—400 об.

шей въ годъ¹⁾. Тѣ же поборы въ 1572—1575 гг. были арендованы самими мѣщанами по 500 копъ грошей въ годъ²⁾,

Въ двухъ селахъ Кременецкаго повета *Лепесовкѣ* и *Вороповѣ* въ 1561—1563 гг. сдавалось „мыто гребельное, торговое и ятки промъ армарковъ и мыто всякое армарочное отъ кони, быдла, только ане голошное, и къ тому корчмы медовыя, пивныя, горьлчаные“ и млынъ въ *Лепесовкѣ* по 50 копъ грошей въ годъ³⁾.

Поборы малые въ *Ковиѣ* въ 1570 г. шли въ аренду за 400 копъ грошей въ годъ⁴⁾.

Въ 1567 г. виленскіе мѣщане получали аренду поборовъ малыхъ въ *Вильнѣ* „до выбраца 8000 копъ грошей, которые даны были имъ въ скарбъ“⁵⁾. Къ сожалѣнію, въ арендѣ не показано, по скольку разсчитывалось доходу въ годъ. Впрочемъ, въ концѣ изучаемаго періода доходъ отъ капщваны въ *Вильнѣ* исчислялся въ 491 копу 56 грошей, а отъ мельницъ—въ 168 копъ 45 грошей⁶⁾.

Въ *Брѣславѣ* (Литовскомъ) и *Перебротѣ* въ 1571 г. корчмы шли за 60 копъ грошей въ годъ⁷⁾.

Извѣстія о размѣрахъ сборовъ въ восточныхъ областяхъ весьма немногочисленны. Такъ торговое мыто и млынъ въ *Ридошковицахъ* шли въ 1569 г. по 300 копъ грошей въ годъ⁸⁾. Въ *Бобрыйскѣ* корчмы медовыя, пивныя и горьлчаныя съ правомъ заведенія корчемъ въ селахъ въ 1562—1565 гг. шли по 130 копъ грошей въ годъ⁹⁾. Въ *Гомель* корчмы медовыя, пивныя, горьлчаныя (въ городѣ и селахъ) мыто, воскобойня и важное сдавались въ 1560—1563 гг. по 400 копъ грошей¹⁰⁾. Въ *Мозырѣ* въ 1567—1570 гг. сдавался по 50 копъ грошей въ годъ цѣлый рядъ сборовъ (мыто, корчмы, мыто рыбное, озера съ сзаями, воскобойня, помѣрное, вожчее, поветчина,

¹⁾ Кв. Зап. Лит., XLV, з. 92 об.—93 об.

²⁾ Кв. Зап. Лит., LIII, з. 38.

³⁾ Кв. Зап. Лит., XXXVII, з. 401 об.—402 об.

⁴⁾ Кв. Зап. Лит., XLV, з. 19.

⁵⁾ Кв. Зап. Лит., XLVIII, з. 128.

⁶⁾ Арх. Варш. Каз. Пат., кн. 14В.

⁷⁾ Кв. Зап. Лит., XLVIII, з. 390, кн. Судн. Дѣлъ Лит., з. 288.

⁸⁾ Кв. Зап. Лит., LIII, з. 8 об.

⁹⁾ Кв. Зап. Лит., XXXVII, з. 468.

¹⁰⁾ Ibidem, з. 315 об.

подужчина, гонтура)¹⁾. Сборы въ *Мстиславѣ*, *Радомяхъ*, *Россиенахъ* и *Красномъ Селѣ* (важница, мыто, воскобойня, подужное, головщина) сдавались въ 1560—1563 гг. по 500 копъ грошей въ годъ²⁾.

¹⁾ Кв. Суд. Дѣл. Лит., LIII, з. 125.

²⁾ Кв. Зап. Лит., XXXVII, з. 342 об.

Таможенные доходы.

Ниже нами приводится в систематическом порядке перечень данных из арендных контрактов, отчетов и пр. для характеристики постепенного роста таможенных доходов.

Данные до начала правления Сигизмунда I приведены по округам, а с 1507 г. уже соблюдены хронологический порядок. В виду особого характера Могилевского округа, он выделен из других мыт. Особо изложены и данные касательно доходов от соляничного и восковичного.

Первое известие о *луцком* мыте относится к 1487-му году. Король Казимиръ сдает его в аренду Шахну Пейсаховичу и Сеньку Момоглявскому на три года от „сихъ святокъ што прйдуть“ (послѣ 30-го мая) по 1521 копъ грошей широкыхъ въ годъ. Арендаторы даютъ по 1000 зол. угорскихъ ежегодно въ счетъ арендной платы. сверхъ того ежегодно они даютъ королю „челобитье“ въ размѣрѣ „по пяти кухтерей короткихъ, а по пяти коней, а по камцѣ, што бы стояла за двадцать копъ грошей“. Выдачи по квитанціямъ производится по наступленіи срока уплаты аренды, за исключеніемъ тѣхъ, кто получаетъ квитанцію „на вострау“: тѣмъ деньги выдаются „не ждучи року“. Король обязуется при окончательномъ расчетѣ уплатить арендаторамъ долгъ отъ прежней аренды въ 225 копъ грошей¹⁾. Объемъ арендныхъ статей не известенъ болѣе точнымъ образомъ. За слѣдующее десятилѣтіе свѣдѣній не имѣется. Изъ одной грамоты 1498-го года мы узнаемъ, что луцкое мыто и вага сданы въ

¹⁾ Бернадскій, Документы и Регесты, I, p. 43—44.

аренду королемъ краковичину Лерину Герешу на три года (отъ седьмой субботы индикта первого) по 500 копъ грошей въ годъ. Такимъ образомъ арендная плата за мыто сильно пала, что объясняется двумя обстоятельствами: нападѣніями татаръ въ концѣ XV в. и переменнымъ изгнаніемъ евреевъ. Контрактъ содержитъ въ себѣ условіе, что если бы по истеченіи аренднаго срока мыто „ся возвышило, тогда маеть (арендаторъ) намъ тое цены повышити“, въ противномъ случаѣ арендаторъ можетъ отказаться отъ продолженія контракта. За отпущенное королемъ мыто съ товаровъ арендатору отчисляется изъ арендной платы¹⁾. Однако Герешъ не отказался отъ продолженія аренды и съ 1501-го года получилъ луцкое мыто и вагу на слѣдующее четарехлѣтіе, тоже по 500 копъ гр. въ годъ, на прежнихъ условіяхъ²⁾. 29-го марта 1503-го года Герешъ уже вторично сводилъ счета, по приказанію короля, съ княземъ Михаиломъ Глинскимъ, по луцкому и берестейскому мытамъ и, по заключеніи счетовъ, король остался ему должнымъ³⁾. На слѣдующее трехлѣтіе аренда луцкаго мыта перешла въ руки Никела Прокоповича и Шамака Даниловича (1505—1508-й годы) по 800 копъ гр. въ годъ. Повышеніе арендной платы надо отнести къ тому, что воевода предоставилъ откупщикамъ право взымать мыто съ мѣщанъ и тѣхъ городовъ, „которымъ есая лнстомъ нашимъ первой того были мыта нами отпустили“; исключеніе сдѣлано только для Смольнян⁴⁾. По этой арендѣ уплата должна была производиться по 500 коп. гр. въ годъ на квитанціи и по 300 коп. грош. наличными. 17-го іюня 1505 года Прокоповичъ получилъ уже удостовѣреніе господара въ томъ, что онъ внесъ всю арендную плату за первый годъ и еще сверхъ того далъ 41½ копъ гр.⁵⁾ Въ ноябрѣ 1506 года мытникъ Шамакъ Даниловичъ представилъ Сигизмунду I квитанціи уже на 2570 копъ гр.⁶⁾ Надо замѣтить, что Даниловичъ и Прокоповичъ держали, вѣроятно, только одно мыто безъ ваги, такъ какъ о послѣдней нигдѣ не упоминается.

До Сигизмунда I соединенъ съ луцкимъ *волимерское* мыто сдавалось отдѣльно, хотя свѣдѣній о немъ очень неполны. Первое извѣ-

¹⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, p. 81.

²⁾ Кв. Зап. Лит., V, 327; тоже въ кн. VI, лл. 180—181 об.

³⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, p. 103.

⁴⁾ Кв. Зап. Лит., VI, лл. 259 об.—260.

⁵⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, p. 116.

⁶⁾ Кв. Зап. Лит. VIII, л. 84.

стие объ отдахъ этого мита относится къ 1489-му году. Король Казимиръ 12-го мая отдалъ въ аренду евреямъ Есю и Аврааму и др. „мито володимерское и перемыльское и литовижское и тые мита вси, которые прислухаютъ къ володимерскому миту“. Арендная плата установлена въ 100 копъ гр. широкихъ; срокъ установленъ въ четыре года. Изъ арендной платы двадцать копъ гр. ежегодно поступаетъ Есю въ уплату долга¹⁾. Въ 90-хъ годахъ мито находилось въ завѣдованіи владимирскаго войта Луда и др. Однако въ нихъ завѣдованіе мито давало гораздо меньше: 10 ноября 1496-го года завѣдующіе сдали личбу въ скарбъ и представили всего 75 копъ и 12 грошей за полтора года²⁾; впрочемъ убытки на митѣ объясняются отчасти „повѣтріемъ“³⁾. Въ июль 1505-го года мито володимерское выто въ аренду уже извѣстнымъ намъ Никелемъ Прокоповичемъ на одинъ годъ всего за 60 коп. гр.⁴⁾.

Объ арендѣ *берестейскаго* мита впервые упоминаетъ книга даянъ короли Казимира. Среди раздачъ, сдѣланныхъ этимъ королемъ на Волыни вѣроятно вкорѣ по ея присоединенію къ Литвѣ (по смерти кн. Свидригайла), мы встрѣчаемъ такую замѣтку: „Берестейское мито Бенку Шаневичу вечно на каждый годъ по триста копъ грошей, а коли мито полегшится, ему повишати, а подъ нимъ никому не подкупати“⁵⁾. Не знаемъ, сколько времени продолжалась эта аренда, относящаяся къ началу второй половины XV в., но только въ 1487 году берестейское мито съ соседними подлешскими сдается въ аренду уже на обычныхъ въ то время условіяхъ. Въ этомъ году лучшие евреи Останко и Ованашъ Иличичи и Олькона взяли это мито на три года по 1100 копъ гр. въ годъ. Разсчитъ производится золотыми угорскими. Сверхъ того король получаетъ ежегодно челобиты въ 40 локтей адамашки. Въ этотъ разъ отдается мито берестейское, дорогицкое, бѣльское и городенское⁶⁾. Тѣ же мита отданы въ 1494 году вел. кн. Александромъ брестскимъ евреямъ Говашу Огроновичу, Игудѣ, Рабею и Исаву Имшичу на три года по 700 копъ грошей въ годъ. Мито продается съ перевозами, вагою

¹⁾ Бернадскій, I, 48.

²⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, p. 78.

³⁾ Ibidem, 79.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., VI, з. I.

⁵⁾ Документы Моск. Арх. М. Ю., I, p. 54.

⁶⁾ Бернадскій, I, 42.

„и со всеми доходы, што сдавна къ миту имъ слухаетъ“¹⁾. Вел. кн. обязуется никому не „отпускать“ пошлаивъ. Вѣроятно, эти же митники держали таможи и при королѣ Казимирѣ, такъ какъ по новому условію они получаютъ изъ арендной суммы по 200 копъ ежегодно за долгъ короли Казимира²⁾. Однако арендаторы не додержали своей аренды, вѣроятно по случаю временнаго патнанія евреевъ изъ государства. Въ 1496 году эти мита переходятъ къ войту берестейскому Павлу частью въ уплату долга³⁾, но и онъ, вѣроятно, не держалъ мито, потому что есть замѣтка о томъ, что тогда же оно находилось въ завѣдованіи ключника берестейскаго Левки Боговитиновича и Нимиры; отчетъ ихъ составленъ такъ, что изъ него нельзя извлечь данныхъ о доходности таможенъ⁴⁾. Въ 1498 году мито берестейское, дорогицкое, бѣльское и городенское сданы вел. кн. Александромъ воеводину Генриху Карловичу съ перваго сентября этого года по 1501 году; арендная плата опредѣлена такъ: въ первый годъ въ 400 копъ грош., а въ остальные два по 500 копъ грошей. Въ случаѣ если бы въ теченіе перваго года мита „ся надказали“, то арендаторы имѣютъ право оставить аренду⁵⁾. Оба слѣдующія трѣхлѣтнія подлешскія мита находятся въ арендѣ у Лерина Гереша, но размѣръ аренды неизвѣстенъ.

Теперь перейдемъ къ таможнямъ на западной границѣ, т. е. къ Повгородской, Милеской и Ковенской.

Повгородское мито было продано королемъ Казимиромъ въ 1484 году евреямъ троцкимъ Ильѣ Моисевичу и др. на три года за 230 копъ грошей широкихъ и два сорока соболой⁶⁾. Слѣдующая аренда относится къ 1495 году. Въ этомъ году мито продано на три года по 50 копъ грошей въ годъ⁷⁾. Въ 1501 году повгородское мито отдано фрижину Равею съ 23 апрѣля на пять лѣтъ тоже по 50 копъ гр. въ годъ; впрочемъ арендаторы вносятъ въ скарбъ только по 35 копъ грошей, а остальные идутъ на уплату долга⁸⁾. Среди актовъ 1504 года встрѣчается аренда на то же мито, данная Мартину

¹⁾ Бернадскій, I, 52.

²⁾ Кн. Зап. Лит., VI, з. 170.

³⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, 79.

⁴⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, 82—83.

⁵⁾ Бернадскій, I, 36.

⁶⁾ Кн. Зап. Лит., VI, з. 160 об.

⁷⁾ Ibidem, з. 188 об.

Ячелевичу (по истеченіи срока предыдущаго) на три года по 100 копъ грош. въ годъ¹⁾.

Въ 1489 году встрѣчаемъ первое извѣстіе объ отдачѣ въ аренду *минскаго* мыта. Король Казимиръ отдалъ его на три года еврею трюцкому Михаилу Даниловичу по 250 копъ грошей въ годъ. Уплата производится зол. угорскими²⁾. Въ 1495 году вел. кн. Александръ продалъ это же мыто мѣщанамъ минскимъ Ф. Процкевичу и Евлашку Степановичу на три года по 120 копъ гр. широкихъ. Вел. кн. обѣщаетъ никому не давать кватицій на мыто³⁾. Съ 20 іюля 1498 года это мыто переходитъ къ М. Ячелевичу на три года по 200 копъ грошей въ годъ⁴⁾. Въ 1501 году на слѣдующее трехлѣтіе мыто переходитъ къ Ф. Есковичу, но уже по 300 копъ грошей въ годъ⁵⁾. Въ слѣдующее трехлѣтіе съ 1504 года его снова беретъ М. Ячелевичъ по 200 копъ грошей въ годъ⁶⁾.

Аренда *ковенскаго* мыта извѣстна съ 1496 года, когда оно отдало было вел. кн. Александромъ на три года по 250 копъ грошей⁷⁾. Слѣдующее извѣстіе объ арендѣ мыта ковенскаго относится къ 1504 году: въ этомъ году на трехлѣтіе 1504—1507 гг. Г. Шлагеръ арендовалъ мыто по 600 копъ грошей въ годъ⁸⁾. За смертью Г. Шлагера мытами завѣдывали его наслѣдники, послѣ которыхъ мыто перешло, на трехлѣтіе отъ 1507—1510 къ Аврааму Езофовичу по 602 копъ 50 грош. и 20 поставовъ суана лунскаго и новогонскаго⁹⁾.

Теперь разсмотримъ мыта на восточной и юговосточной границѣ.

Смоленское мыто до 1495 года было въ рукахъ Шамаса Даниловича, который держалъ его въ теченіе трехлѣтія и платилъ по 200 копъ грошей въ годъ¹⁰⁾. На трехлѣтіе 1495—1498 года мыто отдано М. Ячелевичу (съ 20 іюля) по 200 копъ грошей въ годъ, причѣмъ 100 копъ арендаторъ платилъ наличными, а 100 шло на

¹⁾ Ibidem, з. 289 об.

²⁾ Вершадскій, I, 47.

³⁾ Кн. Зап. Лит., VI, з. 166.

⁴⁾ Ibidem, з. 175 об. (ср. Кн. V, з. 325 об.).

⁵⁾ Ibidem, з. 265.

⁶⁾ Ibidem, з. 290.

⁷⁾ Ibidem, з. 169.

⁸⁾ Кн. Зап. Лит., VI, з. 290 об.

⁹⁾ Кн. Зап. Лит., V, з. 326 об.

¹⁰⁾ Кн. Зап. Лит., VI, з. 164 об.

уплату ему же долга¹⁾. Въ 1498 году Ячелевичъ снова получалъ аренду на слѣдующее трехлѣтіе на тѣхъ же условіяхъ²⁾, но онъ не додержалъ своего срока аренды. 12 марта 1499 года мытвики путивльскіе Ф. Новокрещенный съ братьями выпросили у вел. кн. и смоленское мыто на томъ основаніи, что „трида и никола имъ деться у мыте путивльскомъ: которыхъ бы мели ехать на Путинъ и мыто давать, тыи дей обезчаютъ на Смоленскъ, а имъ мыта путивльскаго не платять“; при этомъ Новокрещенные набавили 300 золотыхъ. Вел. князь отдастъ имъ мыто съ 20 іюля 1499 года срокомъ на три года, по 200 копъ грошей и 100 золот. въ годъ³⁾. Въ трехлѣтіе 1504—1507 гг. смоленское мыто взялъ въ аренду Авраамъ Езофовичъ по 360 копъ грош. въ годъ⁴⁾. Авраамъ перекупилъ такимъ образомъ мыто, которое двумя мѣсяцами раньше уже сдано было королемъ Андрею Тихому вмѣстѣ съ корчмами⁵⁾. Черезъ вѣкоторое время (актъ сохранился безъ даты) Авраамъ соединилъ и мыта и корчмы въ Смоленскѣ и платилъ въ годъ уже 800 копъ грошей⁶⁾. Слѣдующее трехлѣтіе (1507—1510 гг.) Авраамъ уже въ компаніи съ Тихимъ снова арендуетъ мыта и корчмы въ Смоленскѣ тоже по 800 копъ гр. въ годъ⁷⁾. Въ іюль мѣсяцѣ 1507 года у нихъ уже взято впередъ 860 копъ грошей⁸⁾.

Главное значеніе въ концѣ XV в. на восточной границѣ имѣло не смоленское мыто, но *путивльское*. Въ послѣдніе годы короля Казимира это мыто приносило крупный доходъ.

Въ 1486 году король Казимиръ сдалъ въ аренду мыто и корчму въ Путинвлѣ кіевскимъ евреямъ Симеѣ, Рабею, Шамалу Даниловичу и др. на три года (съ 20 іюля) по 366²/₃ копъ гр. и по 50 локтей адаманки въ годъ. При этомъ арендаторы держатъ мыта по окончаніи аренднаго срока еще четыре лишнихъ мѣсяца (вонечно безъ платы); эта льгота имъ дана „для сказы поганское, што мыто нашо уменьшилося“. Придача адаманки здѣсь, очевидно, „челобитъ“. Въ

¹⁾ Ibidem, з. 167 об.

²⁾ Ibidem, з. 175 об.—176.

³⁾ Акты Лит.-рус. гос., I, р. 83.

⁴⁾ Кн. Зап. Лит., VI, з. 262 об.—263.

⁵⁾ Ibidem, з. 262—262 об.

⁶⁾ Ibidem, з. 265—265 об.

⁷⁾ Кн. Зап. Лит., VIII, з. 87.

⁸⁾ Ibidem, з. 95 об.—96.

течение арендного срока король обязается не перепродавать мыта 1). В следующее трехлетие мыто и корчма в Путывль взяты уже другими откупщиками по 333½ копы грошей в годъ съ надбавкою 50 локтей адамански; наличными они даютъ по 100 золотыхъ угорскихъ 2). Въ годъ 1495 года мыта и корчма сданы Ф. Новокрещенному по 266½ копы грошей въ годъ 3). Черезъ двѣ недѣли королемъ былъ „припущенъ“ къ мыту еще и Иванъ Новокрещенный, но условія остались прежнія 4). На следующее трехлетие (1498—1501 годъ) мыта и корчма сданы въ аренду тому же Федору по 300 копъ гр. въ годъ 5).

Первая аренда *киевскаго* мыта относится къ 1486 году. Король Казимиръ продалъ его въ этомъ году тѣмъ же арендаторамъ, которые держали путывльское мыто; контрактъ заключенъ на три года. Сверхъ того по окончании аренднаго срока мытники пользуются доходами въ течение четырехъ мѣсяцевъ „для изъезды поганское“; они платятъ по 950 копъ гр. въ годъ. Король обязуется не перепродавать мыта. Районъ Киевскаго мыта опредѣлялся Киевомъ, Вышгородомъ и Житомиромъ 6). Въ половинѣ 90 годовъ мы уже видимъ киевское мыто въ управленіи мѣстнаго ключника Сеиши Полозовича 7). Неизвѣстно, сколько оно тогда приносило доходу. За полтора года въ 1497—1498 г.г. мыто дало 659 копъ и 1 грошъ 8). У того же ключника мы находимъ мыто въ управленіи около 1500 г.г., но доходъ неизвѣстенъ 9).

Переходимъ теперь къ обзору мытныхъ доходовъ при Сигизмундѣ I.

4 марта 1507 года Шамакъ Даниловичъ получилъ въ аренду *киевское* мыто по 700 копъ грошей въ годъ. Арендный срокъ по контракту начинался съ 25 декабря 1506 года и оканчивался 25 декабря 1508 года. По условію, арендаторъ долженъ выдавать ежегодно

1) Бернадскій, I, p. 41.

2) Ibidem, 51.

3) Кв. Зап. Лит., VI, s. 168.

4) Ibidem, s. 168 об. — 169.

5) Ibidem, 173.

6) Бернадскій, I, p. 38.

7) Акты Лит.-рус. рос., I, p. 59.

8) Ibidem, 80.

9) Ibidem, 90.

впередъ по 200 золотыхъ угорскихъ 1). Впрочемъ, мыто отъ „орвиша“, уже пришедшаго въ Киевъ, король оставилъ себѣ 2).

Луцкое мыто находилось въ арендѣ у того же Шамака. 6 марта 1507 г. Сигизмундъ I издаетъ листъ на имя старосты, маршалка и всѣхъ землей луцкихъ, въ которомъ рассказываетъ слѣдующее. Шамакъ Даниловичъ съ Никлемъ Прокоповичемъ держали на арендѣ отъ короля Александра Луцкое мыто; арендный срокъ былъ назначенъ съ 4 марта 1505 года по 1508 годъ, съ ежегодной уплатой по 800 копъ грошей. Однако Шамакъ уступилъ свое право на аренду въ течение послѣдняго ея года бурмистру краковскому извѣстному Бонарю и просилъ короля объ утвержденіи этой передачи. Король объявляетъ всѣмъ врядамъ Волынской земли о своемъ согласіи на переходъ мыта къ Бонарю и между прочимъ обязуется не давать никому квитацій во время аренды Бонара, потому что деньги уже получены сполна 3). Однако черезъ нѣсколько дней послѣ выдачи этой грамоты, король навѣщаетъ старосту и шляхту Волынской земли о новомъ контрактѣ на луцкое мыто, заключенномъ съ Шамакомъ Даниловичемъ и Нисономъ Козкой; срокъ новой аренды долженъ начаться съ середины 1508 года. Мыто сдается на два года по 800 копъ грошей въ годъ. Арендаторы вносятъ о Пасхѣ 1507 года впередъ часть арендной платы—300 золотыхъ угорскихъ въ золотѣ; а остальное они выдаютъ въ течение аренды на квитаціи. При началѣ втораго года мытники дѣлаютъ такой же взносъ впередъ. При этомъ король обязуется уплатить Шамаку старбовый долгъ въ 530 копъ грошей изъ арендной суммы 4). Однако этого долга король не уплатилъ еще 13 апрѣля 1508 года: на киевскомъ мытѣ король остался долженъ Шамаку еще 130 копъ, такъ что несъ долгъ возросъ до 660 копъ; Шамакъ опять получалъ обещаніе уплаты и этого долга съ оргиноваго мыта 5).

21 мая 1507 года Леринъ Гереншъ получалъ *берестейское* мыто по 400 копъ грошей въ годъ. Срокъ аренды начинался съ Пасхи 1507 года. Король былъ долженъ Гереншу 2000 копъ грошей и потому отдать мытную комору на такомъ условіи, что вся сумма аренды,

1) А. Ю.-З. Р., II, p. 115.

2) А. З. Р., II, p. I.

3) А. Ю.-З. Р., II, p. 116.

4) Ibidem, 116.

5) Ibidem, 120.

за покрытие необходимых местных выдач, идет на уплату долга. Король обязуется не давать берестейскому старосте, а также панам и дворянам квитанций на мыто, освобождая мытника также и от приема квитанций, выданных королею Александром. Из обязательных расходов Герешь ежегодно уплачивается по 20 копъ всендям берестейским. Таким образом в уплату долга идет 380 копъ грошей ежегодно и следовательно срок аренды предполагался на пять съ лишнимъ лѣтъ. Въ случаѣ смерти арендатора, въ завѣдованіе мытомъ вступаютъ его законные наследники. Впрочемъ мытник получаетъ право отказаться отъ аренды по истеченіи каждаго года. Король также можетъ продать мыто тому, кто предложитъ болѣе выгодную плату, но однако при томъ условіи, что новымъ арендаторамъ будетъ уплаченъ долгъ Лерину сполна. За безмытные листы, выданные королею послѣ заключенія контракта, Леринъ получаетъ пошлины изъ скарба. Арендная плата можетъ быть повышена въ томъ случаѣ, если король для „земской потребности“ остановитъ дѣйствіе тѣхъ „вольностей“ по безмытному провозу товаровъ, которыя далъ король Александръ. Таможенный округъ, кромѣ Берестія, включаетъ еще Дорогичень и Лосичи; Городно сюда не входило¹⁾.

Въ томъ же году отъ середности было отдано на три года *ковенское* мыто Грегелю за 2000 копъ грошей, т. е. по 666²/₃ копъ грошей въ годъ²⁾.

19 февраля 1507 года войтъ минскій Авраамъ Езофовичъ и Ицъ Дитриховичъ взяли въ аренду *минское* мыто срокомъ на три года отъ середности 1507 года, по 200 копъ грошей въ годъ съ условіемъ давать въ этой суммѣ ежегодно по 100 золотыхъ угорскихъ³⁾.

5 октября 1508 года король отдалъ въ завѣдованіе Аврааму Езофовичу комору соляную въ *Ковно*, поковую комору въ *Смоленскѣ* и мыто въ обоихъ городахъ на одинъ годъ, отъ 12 іюля 1508 года. Эти коморы сданы Аврааму съ предоставленіемъ ему права избрать скарбовый долгъ въ 2960 копъ грошей. „А што называють своихъ пенязей въ тотъ годъ возьметъ съ мыта и съ коморъ тыхъ, то маєть намъ вернути“,—говоритъ король въ своемъ листѣ, очевидно предполагал, что сдаваемые доходные статьи могутъ дать и

¹⁾ Ibidem, 118.

²⁾ Кв. Зап. Лит., VIII, л. 85 об.

³⁾ А. Ю.-З. Р., II, р. 115.

болѣе 2960 копъ грошей. Дѣйствительно, 30 ноября того же года Авраамъ получаетъ уже отъ короля листъ, въ которомъ сказано, что имъ не только возмѣщенъ долгъ изъ доходовъ, но и сверхъ того внесено въ скарбъ 535 копъ грошей. Коморы находились у Авраама въ завѣдованіи всего около 4 мѣсяцевъ (отъ дня св. Маргариты и до дня Юрія Зимиго). Авраамъ продолжаетъ завѣдывать мытомъ на господаря „къ вѣрвой рудѣ“¹⁾.

Въ 1508 году *луцкое* мыто было отдано Яну Бонарю на два года отъ середности 1508 года по 800 копъ грошей въ годъ. Король уже впередъ получалъ изъ арендной суммы 632 копъ грошей. Мытники обязаны уплатить въ теченіе срока аренды старостѣ луцкому вв. К. П. Острожескому 400 копъ грошей, и сверхъ того уплачивать старостѣ луцкому, всендямъ и пушкарямъ то жалованье, какое на нихъ шло при Александрѣ²⁾.

Въ 1509 году Авраамъ Езофовичъ получилъ въ аренду на три года (отъ трехъ Крузей 1509 года) *минское* мыто по 300 копъ грошей въ годъ. Мытникъ выдаетъ деньги только на квитанціи. Безмытные листы, выданные послѣ заключенія аренднаго контракта, оплачиваются изъ скарба³⁾.

То же *минское* мыто въ 1510 году отдано со второй недѣли поста этого года Шамаку Давидовичу, тоже по 300 копъ грошей⁴⁾.

Дальнѣшнія свѣдѣнія о доходахъ съ коморъ мытныхъ весьма отрывочны, потому что коморы сдаются въ управленіе, а счетовъ съ справками не сохранилось.

Изъ времени управленія скарбомъ Авраамомъ Езофовичемъ можно извлечь за 1510—1511 г. слѣд. данныя о доходности коморъ и мытъ. Въ своемъ отчетѣ Авраамъ показываеъ доходъ за неодинаковое время для каждой коморы и мыта. Приводимъ эти цифры съ показаніемъ количества мѣсяцевъ, за которые полученъ доходъ⁵⁾:

Ковенская	комора и мыто за	7 мѣ.	дали	3960 копъ гр.
Вилейская	„ „ „ „	20 „	„	1000 „ „
Полоцкая	„ „ „ „	18 „	„	1350 „ „

¹⁾ Бернадскій, Документы и регесты, I, 76—77.

²⁾ А. Ю.-З. Р., II, р. 143.

³⁾ Ibidem, 121.

⁴⁾ Кв. Зап. Лит., VIII, л. 111 об.

⁵⁾ Акты Лит.-р. гос., I, р. 151.

Смоленская	комора и мыто за	22 мѣс.	дала	798½ коп. гр.
Берестейская и Луцкая	" " "	13 " "	" "	1000 " "
Еще отъ Луцкой же	" " "	13 " "	" "	195 " "
Владимирская	" " "	13 " "	" "	67 " "
Бѣльская	" " "	13 " "	" "	200 " "
Дорогичная	" " "	13 " "	" "	24 " "

За послѣдующее время до самого вступленія на престолъ Сигизмунда Августа, встрѣчаются свидѣнія только о слѣдующихъ слѣдахъ въ аренду мытныхъ сборовъ.

Въ 1513 г. справцы мыта и коморъ въ Берестыи и на Волыни давали въ скарбъ личбу за предшествующіе два года и сдали всего 4895 копъ 40 гр., слѣдовательно за одинъ годъ доходъ равнялся 2445 копъ 50 гр. ¹⁾

Въ 1522 г. справцы *ковенскаго* мыта дѣлали личбу за предшествующіе четыре года. Мыто отъ лѣсныхъ матеріаловъ дало за это время 1461 копу, мыто отъ суконъ—245 копъ гр., слѣдовательно всего по 424 копы гр. въ годъ, хотя по годамъ доходъ былъ весьма различенъ ²⁾.

Въ 1519 году было отдано на три года мыто *берестейское* съ коморой соляной и восковой Михелю Шинсу въ компаніи съ мѣщанами берестейскими по 1300 копъ грошей въ годъ ³⁾. Это мыто нѣсколько раньше было отдано Авраму Езофовичу въ держаніе для уплаты скарбового долга въ 8000 копъ грошей, но Авраамъ переступилъ Михелю, причемъ послѣдній обязанъ уплатить ему скарбовый долгъ ⁴⁾.

Въ 1519 году Нисанъ Есковичъ получилъ въ аренду *минское* мыто на два года, отъ запускъ русскихъ предѣ св. Петромъ, за 150 копъ гр. въ годъ. Въ господарской книгѣ разсказана и судьба минскаго мыта за послѣднее десятилѣтіе. По смерти короля Александра оно было отдано Ш. Даниловичу на 3 года по 400 копъ гр. въ годъ, половина которыхъ шла въ уплату долга Александра; но тогда не было войны и торговали московскіе купцы. Съ началомъ войны Шамакъ уступилъ мыто Нисану, но по 60 коп. гр. въ годъ, на 4 года;

¹⁾ Бернадскій, I, 81.

²⁾ Литв. Лит.-р. гос., I, р. 173.

³⁾ Кв. Зап. Лит., XI, ст. 37—38.

⁴⁾ Литв. Лит.-р. гос., I, 164.

по истеченіи этого срока мыто пошло ему же уже въ 240 копъ гр. въ годъ, а въ 1519 г.—въ 150 копъ гр. ¹⁾.

Въ 1523 году 9 декабря король сдалъ на откупъ всѣ *волыніскія* и *подляскія* мыта и коморы Михелю Езофовичу и компаніи; при этомъ былъ сгруппированъ цѣлый рядъ мытныхъ сборовъ, а именно въ аренду король отдастъ: „мыто старое берестейское и коморы наши восковую и соляную, и мыто старое дорогичное и комору нашу восковую и соляную, и мыто наше старое городенское и съ коморами городенскими восковою и соляною, и каменецкимъ, и лосицкимъ, и мельницкимъ, и бѣльскимъ, и съ коморою Бѣльскою восковою и соляною, и съ коморами Луцкою и Володимирскою, соляными и восковыми, и со всими мыты по дорогамъ и перевозамъ сухими путемъ и водою потому, какъ бывало здавна“. Михель обязуется вносить ежегодно, въ два срока по полугодіямъ, 3000 копъ грошей наличными деньгами. Начало аренды—Громицы 12 индикта. Откупъ сдается на три года. Всѣ безмытные листы, выданные Смоленцамъ и Полоцанамъ, не живущимъ въ Полоцкѣ, уничтожаются. Равнымъ образомъ и всѣ другіе льготные листы, выданные лѣтъ 6—10 назадъ; впредь король обязуется не выдавать льготныхъ листовъ, или отчислить за выданные пошлины изъ скарба. Новая комора соляная и восковая не будутъ устраиваемы въ теченіе аренднаго срока. Къ арендаторамъ переходить и бѣльское мыто старое, если оно придетъ въ распоряженіе короля; если и не придетъ, то всетаки имъ завѣдуютъ арендаторы, но уплачиваютъ 50 копъ грошей тому, кто будетъ имѣть право на это мыто (очевидно оно было въ доживотьи). Сверхъ того король обязуется никому не перепродавать мыта до истеченія аренднаго срока ²⁾. Впрочемъ въ слѣдующемъ же году Михель Езофовичъ пригласилъ къ себѣ въ компаньоны Михеля Шинса, при чемъ оба они взяли аренду пополамъ ³⁾.

Только вапшское мыто въ Дорогичнѣ шло въ 1525—1528 г.г. отдѣльно по 30 копъ гр. въ годъ ⁴⁾.

Въ 1525 году сдано въ аренду *минское* мыто тому же Михелю Езофовичу съ Огровомъ Нахимовичемъ за 450 копъ грошей въ годъ,

¹⁾ Кв. Зап. Лит., XI, л. 51 об.

²⁾ Бернадскій, Документы и указы, I, 106.

³⁾ Ibidem, 115.

⁴⁾ Бернадскій, I, 132.

на два года. Если начнется война с Москвой, то из арендной суммы будут отсчитаны убытки. Условия относительно безмытных листов те же, что и в предыдущем контракте¹⁾.

12 января 1529 года все *подляшскія* и *волинскія* мыта сь коморами въ такомъ же объемѣ, въ какомъ сдавались въ 1523 году, уже сосредоточиваются въ рукахъ Айзика Езофовича. Онъ беретъ все доходныя статьи на три года (отъ Громницъ 1529 года) съ уплатою по 2600 копъ грошей въ годъ и по 333 золотыхъ угорскихъ²⁾.

Тотъ же мытникъ возобновилъ аренду и на слѣдующее трехлѣтiе (отъ Громницъ 1532 года), но съ ежегодною платою по 1900 копъ грошей и 222 золотыхъ и 10¹/₂ гр. угорскихъ. Условія остаются прежнія³⁾.

Въ 1530-хъ гг., вѣроятно, было предположеніе отдать *волинскія мыта* компаніи евреевъ по 1200 копъ гр. и по 130 золотыхъ угорскихъ въ годъ, потому что въ книгахъ Мегрика встрѣчается начало черновой аренды этихъ мытъ⁴⁾. Однако эта сдѣлка не осуществилась, и мыта были арендованы королевой Боной. Эта аренда состоялась въ 1531 г. (точной даты въ документѣ нѣтъ). Королева Бона получаетъ въ аренду слѣд. статьи: „комору нашу Луцкую, Володимирскую и Кременецкую восковую и соленую и мыто старое луцкое и володимирское и кременецкое со всеми мыты нашими волинскими, што передъ тымъ здавна къ тымъ коморамъ Луцкой и Володимирской и Кременецкой пристуhalо и в деревнянымъ мытомъ володимирскимъ и со всеми потому яко ся здавна тыи коморы наши за отца нашего... бывало, и съ тымъ мытомъ нашимъ, которое небожчикъ князь Константинъ Ивановичъ Острозскій, воевода троцкій, по имевалъ своимъ на себе—биралъ старое восковое и соленое и мыто старое, ничого на насъ не вымуючи“. Срокъ аренды неопредѣленъ; Бона завѣдуетъ мытомъ и платитъ ежегодно въ скарбъ по 1300 копъ грошей. По отношенію къ безмытнымъ листамъ, встрѣчаемъ условіе, весьма благоприятное для арендатора: все листы, выданные купцамъ и мѣщанамъ, обращаются „ни во што“—„маеть предя королева ея милость казать мыто зъ нихъ брати, а тыи листы безмытныи у нихъ отби-

¹⁾ Ibidem, 136.

²⁾ Акты Лит.-р. гос. I, p. 218.

³⁾ Кн. Зап. Лит., т. 185.

⁴⁾ Ibidem, т. 167 об.

рати; а хотя бы хто отъ шести летъ листы наши безмытныи у себе меть, и на таковыи маеть сполна мыто звычайное брано бити“; впредь король обѣщаетъ не выдавать безмытныхъ листовъ, а за выданные—отсчитывать въ скарбѣ. Безмытные листы, выданные панамъ, сохраняютъ свою силу. Въ случаѣ войны и повѣтрія—скарбъ взыскивается потери арендатора. Замѣтимъ, что начало аренднаго срока устанавливается съ 29 іюня 12 индикта, но индиктъ поставленъ ошибочно, потому что въ 1524 г. Бона еще не держала мытъ въ арендѣ и этотъ документъ находится среди актовъ 1531—1532 гг. Съ этого времени въ руки Боны стали стекаться и другія мыта.

Въ 1532 году *минское* мыто продано Ильѣ Мошеевичу, Пейсаху Айзаковичу и Шахну Голашкевичу на три года по 550 копъ грошей въ годъ, срокомъ съ 6 декабря 1531 года¹⁾.

Тѣ же три мытника получили въ аренду на три года (отъ Громницъ платого индикта) *полоцкіи* коморы, соляную и воскобойню съ мытомъ пограничнымъ *витебскимъ* и оршанскимъ по 933¹/₂ копъ грошей и по 100 зол. черв. въ годъ. Безмытные листы, выданные Полоцканимъ и Смольяниамъ, не живущимъ въ Полоцкѣ, признаются недѣйствительными, равно какъ и листы, выданные болѣе шести лѣтъ тому назадъ; по новымъ листамъ оплата пошлинъ производится въ скарбѣ²⁾.

Компанія, взявшая въ аренду названное мыто, находилась, вѣроятно, въ связи съ компаніей, арендовавшей корчмы въ Могилевѣ, такъ какъ въ другомъ листѣ, выданномъ въ Краковѣ въ, король разъясняетъ, что компанія не хотѣла „поспошу“ держать всехъ мытъ и раздѣлилась. Илья Мошеевичъ и Пейсахъ Айзаковичъ берутъ мыто полоцкое въ 900 копахъ гр. въ годъ, минское—въ 550 копъ гр. и комору Могилевскую въ 300 копъ гр.³⁾

Агрокъ Нахичевичъ, Е. Пейсахевичъ и Мошеевичъ получили въ аренду въ 1532 году *новгородское* мыто на три года (за двѣ недѣли отъ Громницъ этого индикта) по 90 копъ гр. и по 30 зол. черв. Условія относительно безмытныхъ листовъ те же, что и въ предыдущихъ контрактахъ; въ случаѣ неуплаты въ срокъ арендной суммы, они лишаются аренды и неуплата взыскивается съ нихъ имуще-

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XVII, т. 137.

²⁾ Ibidem, т. 139 об.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XV, т. 167.

ства. Мытникам строго воспрещается выдавать деньги на квитанции. В случае „повітрял“ имъ отсчитывается соответственный убытокъ. Господарь обязуется въ теченіе аренды не перепродавать мыта¹⁾.

Съ перваго января 1544 года Красноставскіе гунцы Иванъ и Олехно Борзобогатые получаютъ въ аренду *волинскія* мыта срокомъ на три года съ платой по 1800 копъ гр. въ годъ. По окончаніи срока этой аренды контрактъ возобновленъ на три года на тѣхъ же условіяхъ; при этомъ король такъ опредѣляетъ объемъ аренды. „А такъ мы за ся по томъ выдержанью ихъ тую комору нашу Луцкую и Володимирскую восковую и соляную и мыто старое володимирское зо всеми мыты нашими волинскими, што передъ тымъ здавна къ тымъ коморамъ Луцкой и Володимирской прислухало и со всеми тымъ по тому, какъ ся передъ (тымъ) здавна тия коморы наши на деда нашего Казимира и диди нашего Александра, славное памяти королей и великихъ князей ихъ милости, бывали, и съ тымъ мытомъ нашимъ, которое неволицъ князь Костянтинъ Острожскій по имениамъ своимъ на себе биралъ, старое восковое и солиное и мыто старое“. Арендаторамъ предоставляется право держать стражу во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ она и раньше была. Безмытные листы теряютъ свое значеніе²⁾.

Съ перваго апрѣля 1546 года по первое апрѣля 1548 года *берестейское* мыто со всеми *подляшскими* находилось въ арендѣ у дворянина господарскаго Ивана Ермолича съ платой по 3000 копъ гр. и 100 зол. черв. въ годъ. По окончаніи этой аренды мыто было продано тѣмъ же Борзобогатымъ на три года (по первое апрѣля 1550 года) за 8700 копъ гр. и 300 зол. черв. угорскихъ, т. е. по 2900 копъ гр. и по 100 зол. въ годъ. Предметъ аренды Борзобогатымъ опредѣленъ такъ же какъ и Ермоличу, т. е.: „мыто старое берестейское и коморы наши восковыя и соляныя и мыто старое дорогичское и комору нашу восковую и соляную изъ вандошнымъ дорогичскимъ и съ коморю Воинскою восковою и соляною и со всеми мыты подляшскими, што стародавна к коморе Берестейской прислухаютъ и мыто наше старое городенское и съ коморами Городенскими восковыми и соляными и со всеми мыты, врозь мыты мостовского, по дорогамъ и по перевозамъ сухимъ путемъ и водою потому, какъ бы

¹⁾ Бершадскій, Документы и речеты, I, p. 179—182.

²⁾ Кв. Зап. Лит., XXXI, лл. 137 об.—140 об.

вало здавна на деда нашего Казимира и диди нашего Александра королей и великихъ князей ихъ милости и тежъ за частного паншаванъ короліа его милости отца нашего и за насъ“. Такъ какъ мыто на перевозѣ въ Мостахъ, издавна принадлежавшее къ району подляшскихъ, находилось въ завѣдваніи королевы Боны, то за это мыто арендаторы не доплачиваютъ въ скарбъ по 100 копъ гр. ежегодно. Контрактъ составленъ весьма подробно въ такихъ выраженіяхъ, въ какихъ составленъ и контрактъ имъ же на аренду мыта волинскихъ. Арендная плата вносится по полугодіямъ впередъ названными деньгами и исключительно въ руки подскарбіа земскаго. Встрѣчаемъ и обычное условіе относительно безмытныхъ листовъ; половина промыты идетъ на арендаторовъ, другая на короля, а не на старостъ. Арендаторы ставятъ въ пограничныхъ мѣстностяхъ стражу. Цѣлый рядъ особыхъ условій встрѣчаемъ о провозѣ воска, соли и льняныхъ товаровъ. Мытники несутъ обычные расходы по уплатѣ пушкарямъ и ксендзамъ въ Бересты. Въ случаѣ повальныхъ болѣзней скарбъ обязанъ сдѣлать вычетъ соответственно потеря мытниковъ. Въ случаѣ несвоевременной уплаты арендныхъ денегъ, подскарбіи лишаются арендаторовъ права продолжать аренду и выкииваетъ недоплату съ ихъ имущества. Великій князь обязуется не перепродавать никому мыта въ теченіе аренднаго срока¹⁾.

Съ перваго января 1548 года по первое января 1550 года Иванъ Ермоличъ получилъ въ аренду *потуродское* мыто „зо всеми посторонними“ по 250 копъ гр. въ годъ. Условія отдачи тѣ же, что и Борзобогатымъ²⁾.

Въ 1553 году даны въ аренду Олехну и Ивану Борзобогатымъ коморы и мыта въ *Подляси*, на *Волини*, въ *Минскѣ* и *Потуродскѣ* срокомъ на три года. Въ частности заарендованыя мыта и коморы даны на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Волинскія мыта, а именно: коморы Луцкая, Володимирская, восковая и соляная, мыто старое володимирское со всеми къ нему „прислухающими“, (въ томъ числѣ и съ прикоморками, гдѣ собиралъ мыто кн. К. Острожскій) даны по двѣ тысячи копъ гр. въ годъ.

2) Подляшскія мыта—мыто старое берестейское, комора соляная и восковая съ вандошнымъ Дорогичскимъ, съ коморю восковою

¹⁾ Кв. Зап. Лит., XXXI, лл. 135—137 об.

²⁾ Ibidem, лл. 136—137 об.

и соляною въ Войнѣ, мыто камсенецкое, лосицкое, комору восковую и соляную Бѣльскую, мыто старое Городенское съ коморами восковыми и соляными и со всѣми мытами Городенскими, кромѣ мостового въ Городѣ,—сданы по три тысячи копѣ грошей и по триста золотыхъ угорскихъ.

3) Минское мыто сдано по тысяча пятьсотъ копѣ грошей въ годъ.

4) Новгородское мыто—за 400 копѣ грошей.

Арендная плата вносится только „готовыми пенязми“ по полугодіямъ. Встрѣчаемъ обычное условіе относительно безмытныхъ листовъ, промоты, производства обычныхъ расходовъ изъ мыта и проч. Государскіе лѣсные товары проходятъ безмытно. Въ случаѣ войны и повѣтрія, производится вычетъ¹⁾.

Въ 1556 году были сданы Борзобогатямъ на три года мыта *волинскія, подлишскія, минское и новгородское*. Условія аренды тѣ же самыя, какъ и въ 1553 году. Только арендная плата съ мыта волинскихъ уменьшена на двѣсти копѣ грошей, т. е. эти мыта отданы за тысячу восемьсотъ копѣ грошей.

Уменьшеніе арендной платы мотивировано тѣмъ, что въ прежніе годы король возвращалъ мытникамъ то количество пошлинъ, на какое провезено было товару въ теченіе каждаго года лудскими мѣщанами, такъ какъ эти мѣщане имѣли льготу по платежу пошлинъ; по новому же условію король не будетъ дѣлать отчисленій изъ арендной суммы за провезенные лудскими мѣщанами товары. Изъ послѣдняго условія между прочимъ ясно, что средній ежегодный ввозъ товаровъ въ Лудку мѣстными мѣщанами оцѣнивался въ двѣсти копѣ грошей. Подлишскія мыта пошли въ 3100 копѣ гр. и 300 золотыхъ черленихъ въ годъ, минское—за 1200 копѣ, и новгородское—за 400 копѣ гр.²⁾

Съ перваго января 1556 года по первое января 1559 года сданы въ аренду еврею Счастному слѣдующія коморы: *Полоцкая, Витебская, Друцкая*—восковыя и соляныя, съ мытомъ пограничнымъ. Арендная плата установлена по 2164 копы грошей и по 5 кунныхъ шубъ въ годъ. Одно изъ условій аренды предоставляетъ мытникамъ отнимать у кунцовъ льготные листы по платежу мыта; однако,

¹⁾ Кн. Зап. Лнт., XXXV, лл. 127—131.

²⁾ Ibidem, лл. 240—245.

если листы будутъ даны послѣ заключенія аренднаго контракта, то за провезенные по такимъ листамъ товары арендаторамъ будутъ уличены пошлина изъ скарба. Государскіе лѣсные товары пропускаются безмытно. Въ случаѣ неуплаты въ срокъ аренды, отвѣчаютъ „рукоемцы“¹⁾.

Съ 29 іюня 1558 года по 29 іюня 1561 года сдано въ аренду Д. Шмерлевичу и Е. Шломичу мыто *ковенское* съ солоничимъ и восковичимъ,—все што кольвекъ ку коморе и прикоморкамъ ковенскимъ съ восковичимъ и солоничимъ принадлежить. Арендная плата опредѣлена въ 4900 копѣ грошей въ годъ. Государскіе товары пропускаются арендаторами безмытно, но арендаторы предъявляютъ скарбу „кварты“ за товары, за что и отсчитывается имъ соответствующая сумма²⁾.

Отъ св. Никиты 1558 г. по 1561 г. сданы въ аренду тѣмъ же евреямъ и Авраму Длугачу мыта на коморахъ и прикоморкахъ въ *Жмурской* землѣ, съ уплатой по 700 копѣ гр. въ годъ³⁾.

Съ перваго января 1562 года по первое января 1565 года Давидъ Шмерлевичъ, Еско Шломичъ и Аврамъ Длугачъ получили въ аренду *жмоитскія* мыта съ солоничимъ и восковичимъ. Арендная плата установлена по 800 копѣ гр. въ годъ. Арендаторы впрочемъ передали аренду, съ разрѣшенія короля, дворянину Андрею Ильговскому и хорунжему Яну Выдрѣ. Въ числѣ условій можно отмѣтить, что королевскіе товары пропускаются безмытно, но съ условіемъ уплаты изъ скарба соответственныхъ пошлинъ⁴⁾.

Волинскія мыта до 1563 года были въ арендѣ у владыки владимирскаго Ивана Борзобогатаго и его племянника Ивана Олехновича. Намъ не пришлось встрѣтить аренднаго контракта, заключеннаго ими съ королемъ на 1559—1563 гг. Арендная плата была на этотъ разъ уже значительно ниже предшествующихъ годовъ,—всего въ 1300 копѣ грошей. Однако Борзобогатые весьма несправно вносили и эту плату въ скарбъ. Поэтому король отнялъ у нихъ аренду и передать ее дворянамъ государскимъ Михайлу Еловичу Малинскому и Василію Петровичу Загоровскому. По новому арендному контракту

¹⁾ Ibidem, лл. 232 об.—236.

²⁾ Кн. Зап. Лнт., XXXVII, лл. 161—162 об.

³⁾ Ibidem, л. 176 об.

⁴⁾ Кн. Зап. Лнт., XLIV, лл. 16—18.

срокъ аренды начинается съ перваго января 1563 года и продолжается по первое января 1566 года¹⁾. Однако Малаискій и Загоревскій продержали мыта всего въ теченіе года и передали ихъ, съ согласія короля, евреямъ Д. Шмерлевичу и А. Бородавкѣ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ и сами получили, т. е. до 1566 года и по 1300 копѣ грошей въ годъ²⁾.

Компанія брестскихъ евреевъ въ лицѣ Давида Шмерлевича, Исаака Бородавкѣ и Авраама Дугача съ перваго января 1560 года держала въ арендѣ мыта *подлясскія, минское, виленское и новгородское*. Арендный контрактъ былъ заключенъ срокомъ на 7 лѣтъ, т. е. до перваго января 1567 года. Арендная плата была установлена слѣдующая: съ Подлясской коморы—3308 копѣ грошей, съ Минской и Виленской—по 1500 копѣ грошей, съ Новгородской—по 400 копѣ гр.; сверхъ того арендаторы вносили ежегодно въ видѣ добавки по 100 копѣ грошей; слѣдовательно общія сумма арендной платы равнялась 5308 копѣ грошей. Черезъ три года арендаторы предложили увеличить арендную плату: на Подлясской коморѣ на 692 копы гр. въ годъ, т. е. до 4000 копѣ грошей; съ Минской и Виленской—на 700 копѣ грошей, т. е. до 2200, съ Новгородской—на 130 копѣ, т. е. до 530 копѣ грошей въ годъ, уплачивая по прежнему по 100 копѣ грошей со всѣхъ коморъ; въ этой арендѣ было присоединено мостовое въ Мостахъ за 170 копѣ гр. Слѣдовательно общія сумма арендной платы состояла въ 6830 копахъ гр.

При заключеніи контракта мытники вносятъ 2200 копѣ гр. въ счетъ аренды перваго года. Въ случаѣ голода и повѣтрія въ странѣ, а также вторженія неприятелей,—изъ арендной платы будетъ сдѣланы вычеты. Шляхта при провозѣ собственныхъ лѣса и сжогна должна имѣть безмытные листы, за которые также производится учетъ³⁾.

Уже въ сентябрѣ 1565 года арендаторы волынскихъ таможенъ Д. Шмерлевичъ и И. Бородавка получаютъ въ аренду *болынской* мыта, срокомъ съ перваго января 1566 года до перваго января 1570 года. При этомъ они повысили арендную плату до 2400 копѣ грошей въ годъ однако съ условіемъ, если въ годъ ихъ откупа не будетъ война:

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XLV, лл. 289 об.—291 об.; тоже Кн. Зап. Лит., XLIV, лл. 78—80 об.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 108 об.

³⁾ Кн. Зап. Лит., XLV, л. 99 об.—102 об.

въ противномъ случаѣ изъ арендной суммы должны быть отчитаны убытки, которые можетъ принести военное время. Господарскій лѣсъ пропускается безмытно и всѣ безмытные листы должны быть за королевскую подписью. При заключеніи контракта арендаторы вносятъ впередъ 800 копѣ грошей¹⁾.

Съ Пасхи 1566 года слано въ аренду срокомъ на три года Давиду Шмерлевичу и Исааку Бородавкѣ мыто *полоцкое*. Арендная плата установлена въ 2000 копѣ грошей въ томъ случаѣ, если война будетъ продолжаться; если война прекратится, то арендная плата повышается до 3000 копѣ гр. Въ аренду идетъ мыто „завылое“ и „новоустановленное“ со лѣсами „мыты посторонними по замкахъ нашихъ пограничныхъ и по именьяхъ князскихъ, паньскихъ, духовныхъ и землевскихъ ку мыту коморы Полоцкое прислушачными, гдѣ и передъ мыту мита стерегивала“²⁾.

Съ 1566 года идетъ въ аренду какъ мыто старое, такъ и новое, установленное на Берестейскомъ сеймѣ 1566 года. Арендные контракты заключаются сначала отдѣльно на новыя мыта, такъ какъ почти всѣ старыя были уже сланы на откупъ.

Первый арендный контрактъ на отдачу мыта новаго былъ заключенъ сейчасъ послѣ сейма съ перваго ноября 1566 года.

Въ качествѣ откупщиковъ явились такіе сильные люди, какъ староста жмудскій и администраторъ Ливоніи Янъ Геронимовичъ Ходкевичъ и подканцлеръ нашъ Остафій Воловичъ. Появленіе этихъ лицъ въ качествѣ откупщиковъ объясняется тѣмъ, что шляхта, представители которой дали на сеймѣ согласіе на сборъ новаго мыта, часто препятствовала однако его собираю по кушцовъ, проѣзжающихъ по частновладельческимъ имѣніямъ. Вотъ почему для взисканія пошлины понадобилось участіе самихъ видныхъ людей того времени при томъ, имѣющихъ въ своихъ рукахъ военныя силы и капиталы. Впрочемъ Ходкевичъ и Воловичъ имѣли своими компаньонами уже известныхъ намъ капиталистовъ Давида Шмерлевича и Исаака Бородавку.

Въ 1566 году новыя мыта были взяты Ходкевичемъ и Воловичемъ на откупъ на одинъ годъ (съ перваго ноября 1566 года) за сумму 52000 копѣ грошей. Въ аренду Ходкевича и Воловича по-

¹⁾ Ibidem, л. 103—105 об.

²⁾ Кн. Суд. Дѣлъ Лит., LIII лл. 7 об.

стучили сборъ новаго мыта съ товаровъ, которые будутъ провезены черезъ пограничную таможену, а также и мыта съ товара „залежалаго“. Сборъ пошлины съ этихъ товаровъ, повидному, вызвалъ не мало затрудненій, на что указываютъ арендные контракты послѣдующаго времени. Однако и откупная сумма въ 52000 копъ грошей не дошла цѣлкомъ въ казначейство. 18 февраля 1567 года король издалъ листъ на имя Воловича и Ходкевича, въ которомъ разъясняетъ слѣдующее. Въ теченіе второй половины 1566 года въ государствѣ „поветріе сѣ размножило бѣдо“, особенно въ крупныхъ городахъ гдѣ находятся „головниа коморы“—Вильнѣ, Новгородѣ, Луцкѣ; въ Ковнѣ же „для тое небезопасности жадиде товари купецкае за границу, али зъ заграничя провожоны быти не могли“; поэтому арендаторы просили о соответственномъ уменьшеніи арендной платы. Король сдѣлалъ распоряженіе о вычетѣ изъ откупной суммы такого количества, какое могло бы соответствовать средней доходности за прежніе доходы коморъ за періодъ „повѣтріа“¹⁾. Въ сожалѣнію, до насъ не дошли расчеты, по которымъ можно было бы судить о размѣрахъ нанесеннаго скарбомъ убытка.

7 іюня 1567 года король заключаетъ съ Ходкевичомъ и Воловичемъ, официальнымъ компаньонамъ которыхъ уже является Мендель Исаковичъ (Д. Шмерлевичъ уже умеръ), новый контрактъ на аренду мыта стараго и новаго на одинъ годъ съ перваго ноября 1567 года по первое ноября 1568 года. Общая арендная сумма за всѣ мыта теперь исчислена всего въ 42000 копъ грошей. Такое уменьшеніе арендной платы было сдѣлано, вслѣдствіи представленія Ходкевича, на томъ основаніи, что пошлины „за залежалый“ товаръ уже взискали, а съ остальнаго взискать не легко, если онѣ еще не взискали; сверхъ того скарбъ требовалъ довольно крупную сумму впередъ до начала аренды, между тѣмъ, по словамъ Ходкевича, трудно доставать деняги. Этими обстоятельствами контрактъ объясняетъ уменьшеніе арендной платы. Дѣйствительно, скарбъ въ это время испытывалъ острую нужду въ деньгахъ, вслѣдствіе угрозъ со стороны наемныхъ ротъ, стоявшихъ въ Перновѣ; скарбъ давно не платилъ жалованья солдатамъ и они угрожали отказомъ отъ службы и захватомъ города. По условію новаго контракта, арендаторы вносятъ 2000 копъ грошей польской монетой въ день его заключенія, 29-го

¹⁾ Кн. Суд. Дѣлъ Лит., I, III, лл. 79—80.

іюня уплачиваютъ 3000 копъ гр. Перновскому гарнизону; перваго ноября вносятъ въ скарбъ 4000 копъ грошей и остальная сумма вносится въ два срока—29-го іюня и перваго ноября 1568 года. Изъ остальныхъ условій контракта надо прежде всего отмѣтить, что безмытные листы не имѣютъ силы въ теченіе всего контрактнаго срока. Отъ пошлины освобождаются московскіе купцы, если они придутъ вмѣстѣ съ послани; однако съ привезенныхъ ими товаровъ уплачивается таможенная пошлина тѣмъ, кто купитъ этотъ товаръ. Необходимо такъ же помнить, что полоцкая комора¹⁾ со всѣмъ ей округомъ еще въ 1566 году, сдава была въ аренду Бородавкѣ съ новыми и съ старыми мытами, почему этотъ районъ не былъ въ вѣдѣніи Ходкевича и Воловича. Далѣе контрактъ предоставляетъ мытникамъ сборъ мыта стараго и „новаго“, но не опредѣляетъ точно таможеннаго района: контрактъ говоритъ о сдачѣ „всѣхъ“ мытъ, исключая Полоцкой коморы. Однако арендную сумму въ 42000 копъ грошей надо понимать исключительно какъ плату за новыя мыта, потому что таможенные округа стараго мыта находятся особо въ арендѣ, и по истеченіи срока въ первомъ январѣ 1568 года контракты эти возобновлены. Упоминаніе же въ контрактѣ 1568 года, какъ и въ контрактѣ слѣдующаго года, о старыхъ мытахъ слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что въ рукахъ компаньоновъ Ходкевича и Воловича находились почти всѣ откупа и стараго мыта. Слѣдовательно, фактически она собирали и то и другое.

9 января 1568 года, т. е. почти за десять мѣсяцевъ до окончанія срока аренды новаго мыта Мендель Исаковичъ уже одинъ, безъ другихъ компаньоновъ, заключаетъ новый контрактъ на аренду того же „повноводвишеннаго мыта“, срокомъ съ перваго ноября 1568 года по первое ноября 1569 года. Арендная плата остается прежнею, т. е. 42000 копъ грошей. Комора Полоцкая по прежнему отдѣлена. Новый контрактъ объясняется крайне стѣсненнымъ положеніемъ скарба: „потребуючи въ скарбъ нашъ пильно пени и суконъ и иныхъ товаровъ за тымъ вытѣпненіемъ особы нашего господарское седе у войско, на выправу дѣлъ подъ замкѣ непрятельскіе, и залаца на отпаву посла и гонцовъ татарскихъ... и для иныхъ потребъ земскихъ“. Исаковичъ поэтому даетъ до наступленія аренднаго срока 15000 копъ

¹⁾ Кн. Переп. Лит., X, лл. 1—5.

грошей частью товарами, частью деньгами, первого ноября 1568 года вносить 6000 копъ гр., а остальные первого ноября 1569 года ¹⁾).

Съ первого января 1568 года по первое января 1571 года тотъ же Мендель Исаковичъ въ компаніи съ Ливманомъ Шмерлевичемъ получаютъ въ аренду старое мито на слѣдующихъ коморахъ: *Подляскія*, со всѣмъ округомъ за 2200 копъ грошей въ годъ, *Новгородская* за 530 копъ грошей въ годъ, *волинскія* коморы (въ Луцкѣ, Владимирѣ и Кіевѣ) за 1270 копъ грошей; мостовое мито въ Мостахъ за 170 копъ грошей; сверхъ того на всѣхъ митахъ арендаторы прибавляютъ въ годъ по 100 копъ грошей. Такимъ образомъ, всѣ эти коморы давали въ годъ 4270 копъ грошей ²⁾).

Однако Шмерлевичъ и Исаковичъ не додержали своей аренды. 7 декабря 1569 года волинскія мита проданы уже коронною канцлерією Иберфельду и Бородавкѣ на четыре года съ первого января 1570 по 1574 годъ. Арендная плата опредѣлена въ 3200 копъ гр. въ годъ. Однако фактически коронный скарбъ долженъ былъ получать всего 2700 копъ грошей въ годъ, потому что остальные 500 копъ должны быть отчислены за провозъ лѣса и хлѣба, принадлежащаго шляхтѣ ³⁾.

Въ 1568 году возобновлена аренда *Полонкой* коморы на прежнихъ условіяхъ. Арендаторами явились Исаакъ Бородавка и Мендель Исаковичъ. Мита сданы съ Паехи 1568 года срокомъ на три года, до 1571 года. Арендная плата опредѣлена въ 2200 копъ грошей; если же война прекратится въ теченіи аренднаго срока, то плата повышнется до 3300 копъ грошей ⁴⁾.

Тѣ же В. Иберфельдъ, М. Исаковичъ и Бородавка получаютъ съ первого января 1571 по 1 января 1573 года въ аренду коморы *подляскія*, *Минскую*, *Новгородскую*, *Валынскую* и *Динабургскую* за 2630 копъ грошей въ годъ; сверхъ того, имъ же отдано мостовое въ Мостахъ за 170 копъ грошей въ годъ. Въ Подлїхїи имъ дается комора Берестейская съ восковничимъ и соланичимъ и комора Каменецкая и Горденская; нѣкоторые изъ второстепенныхъ подляскихъ коморъ теперь уже отошли къ Коронѣ, а именно: Бѣльскія, Саражская, Доро-

¹⁾ *Ibidem*, ст. 8—14.

²⁾ *Ibidem*, ст. 17.

³⁾ *Ibidem*, ст. 32—34.

⁴⁾ *Ibidem*, ст. 14 об—15 об.

гичская, Лосицкая, Венгровская и Техоновская: онѣ не входятъ въ работу сдаваемыхъ подляскихъ митъ. Надо замѣтить, что, въ сущности, контрактъ весьма неясенъ (вроятно это черновая). Онъ указываетъ только сумму аренды съ подляскихъ митъ, но затѣмъ общій размѣръ арендной платы считается въ 5000 копъ грошей. Вроятно, въ остальной суммѣ, т. е. въ 2200 копахъ грошей послитаны остальные коморы. Впрочемъ, фактически въ скарбъ должно было приходиться всего 4400 копъ грошей, такъ какъ 600 копъ, по условію, должно быть отчислено за шляхетскіе товары ¹⁾.

Изъ аренднаго контракта, заключеннаго въ 1568 году королемъ съ тѣмъ же откупщикомъ, мы узнаемъ интересную судьбу ковенскаго мита. Старое ковенское мито было заложено г. Данцигу въ 44000 копахъ грошей. По всей вроятности, залогъ этотъ состоялся въ 1562 г., т. е. по окончаніи аренднаго контракта 1558 года. Мѣщане г. Данцига отдали эти мита въ завѣдываніе Д. Шмерлевича, И. Бородавки и А. Даугана на такихъ условіяхъ: компаньоны собираютъ мито, изъ котораго 4300 копъ гр. ежегодно уплачиваютъ въ счетъ долга Данцигу, а 1220 копъ грош. сдаютъ въ господарскій скарбъ. Теперь король, въ интересахъ скарба, поручаетъ отъ себя завѣдываніе ковенскимъ митомъ своему секретарю В. Иберфельду и тѣмъ же И. Бородавкѣ и М. Исаковичу, срокомъ съ первого января 1570-го года по 1573-й годъ. Условіи остаются прежніе. За пропускъ товаровъ по безмытнымъ листамъ скарбъ дѣлаетъ вычеты изъ арендной суммы. Сборщики по прежнему обязаны платить установленное жалованіе монахамъ католическимъ и православнымъ, а также мѣстнымъ пушкарямъ ²⁾. Это собственно не аренда, а отдача въ завѣдываніе мита, при чемъ Иберфельдъ является здѣсь, очевидно, въ качествѣ представителя скарба тогда, какъ остальные сборщики являются повѣренными Данцига.

Мито, поднятое королемъ въ 1569 г., сдано въ ноябѣ 1570 г. Остафію Воловичу, подканцлеру, въ уплату ему скарбованаго долга, за 26000 копъ грошей ³⁾, а въ сентябрѣ того же года перезаложено имъ же бурмистру вилнскому Францу Станиславичу и райцѣ вилнскому Собестіану Масевичу ⁴⁾.

¹⁾ *Ibidem*, ст. 28 об—31 об.

²⁾ *Ibidem*, ст. 26 об.

³⁾ *Ibidem*, ст. 34—36 об.

⁴⁾ *Ibidem*, ст. 39 об.

Теперь обратимся къ исторіи *Могилевскаго* мыта; управленіе его отличается нѣкоторыми особенностями, и прежде всего тѣмъ, что здѣсь искони сдавались въ аренду вмѣстѣ разныя сборы какъ то: корчмы, воскобойня, вага и др. сборы; здѣсь же несомѣнно собирався и пограничное мыто; довольно трудно опредѣлить, какую сумму приносили каждый изъ сдававшихся здѣсь въ аренду сборовъ. Грамоты на отдачу разнаго вида мытъ въ Могилевѣ показывають, что мѣстная практика плохо различала внѣшнія таможенныя пошлины отъ торговыхъ.

Первое извѣстіе объ арендѣ сборовъ въ Могилевѣ относится къ 1518 г. Въ этомъ году Михель Езофовичъ получилъ въ аренду Могилевскія корчмы на два года по 260 копъ грошей въ годъ¹⁾. Вѣроятно, Михель перекупилъ въ данномъ случаѣ корчмы отъ получившаго нѣсколько ранѣе тѣ же сборы Богдана Орменчика²⁾. Въ томъ же году Михель заключаетъ съ королемъ новый контрактъ на 3 года на аренду корчемъ ваги и воскобойни по 333 $\frac{1}{2}$ копъ гр. въ годъ³⁾. Въ 1522 г. тотъ же мытникъ снова возобновляетъ аренду на 3 года; онъ получаетъ корчмы медовыя, пивныя, воскобойное, вѣсовое „и со всемъ тѣмъ, што къ тому вѣсовому прислухало“⁴⁾. Арендная плата та же, т. е. 333 $\frac{1}{2}$ коны грошей въ годъ⁵⁾. Въ 1525 г. Михель возобновляетъ аренду на тотъ же срокъ и съ тою же арендною платой⁶⁾. Въ 1528 году сборы въ Могилевѣ беретъ на откупъ уже компанія евреевъ съ Айнякомъ Езофовичемъ во главѣ; срокъ аренды 3 года, но плата всего по 250 копъ грошей въ годъ⁷⁾. Въ 1531 г. могилевское мыто и корчмы шли въ 300 конахъ грошей⁸⁾; въ той же суммѣ они были отданы на откупъ еще на 3 года⁹⁾. Какъ извѣстно съ начала 30-хъ годовъ система откупа замѣнена была управленіемъ. Поэтому дальнѣйшія свѣдѣнія о могилевскомъ мытѣ относятся къ 1548 г. Въ этомъ году мыто и корчмы въ Могилевѣ получаютъ въ аренду воевода троцкій князь Янушъ Гольшанскій¹⁰⁾.

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XI, з. 42.

²⁾ Ibidem, з. 26.

³⁾ Ibidem, з. 183 об.—184 об.

⁴⁾ Бернадскій, I, р. 191.

⁵⁾ Ibidem, р. 134.

⁶⁾ Кн. Суд. Дѣлъ Лит., IV, з. 180.

⁷⁾ Кн. Зап. Лит., XV, з. 167.

⁸⁾ Бернадскій, I, р. 178.

⁹⁾ Кн. Зап. Лит., XXXI, з.

Съ этого времени Могилевская комора становится уже центромъ пограничнаго таможеннаго округа. Въ 1555 г. берестейскіе евреи Еско Шломичъ и Аврамъ Длугачъ получили въ аренду мыто Могилевское „со всеми мыты посторонними по замкамъ нашимъ пограничнымъ къ мыту коморы Могилевское прислухающимъ“ а также важнее, воскобойню, восковничое, корчмы медовыя, пивныя и горѣзачныя. Срокъ аренды 1556—1559 г.г. Арендная плата достигла очень большихъ размѣровъ: арендаторы платили въ годъ 1000 копъ грошей и сверхъ того давали на 40 копъ мѣхами¹⁾. Увеличеніе арендной платы объясняется тѣмъ, что въ составѣ могилевскаго мыта появляются новыя доходныя статьи. Судьба Могилевской коморы и корчемъ въ теченіе всего послѣдующаго десятилѣтія неизвѣстна. Судя по одной замѣткѣ оно въ 1568 г. шло на арендѣ²⁾. Вѣроятно, первые годы Ливонской войны были неблагоприятны для таможенныя и корчемныя сборовъ на восточной окраинѣ. Намъ извѣстна только контрактъ 1571 г. изъ котораго видно что передъ этимъ годомъ могилевское мыто шло въ 1150 копъ грошей—во время войны; если же былъ бы заключенъ съ московскимъ царемъ миръ, то размѣръ арендной платы повышался до 1500 копъ грошей. Въ это время объемъ арендныхъ сборовъ въ Могилевѣ еще болѣе расширился. Въ составъ его входили: мыто скопное въ Могилевѣ, мыто пограничное на коморѣ Могилевской, въ Оршѣ и другихъ сосѣднихъ прикоморнахъ, корчмы, важнее, воскобойни, восковничое и поборъ малый. Въ этомъ объемѣ и за ту же арендную плату сборы въ Могилевѣ сданы и на 1572—1575 г.г.³⁾.

Доходы отъ соляничого и восковничого.

Теперь обратимся къ доходамъ съ соляныхъ и восковныхъ коморъ за тотъ краткій періодъ ихъ существованія, когда онѣ управлялись отдѣльно отъ мытъ. Свѣдѣнія наши въ данномъ случаѣ далеко не полны.

Начнемъ съ *Полоцкой* коморы.

¹⁾ Кн. Зап. Лит., XXXV, з. 236—238.

²⁾ Кн. Зап. Лит., XLVIII, з. 187.

³⁾ Кн. Перег. Лит., X, з. 41 об.

Первый отчет сборщиков намъ извѣстенъ отъ 10 индикта; срокъ, обнимаемый отчетомъ—съ 6 декабря по 22 июля, т. е. за 8½ мѣсяцевъ; за какой годъ данъ отчетъ—не ясно,—вѣроятно за 9—10 индикты, 1506—1507 г. Второй отчетъ сданъ 12 индикта за 2 полные года, слѣдовательно за 10—12 индикты (1507—1509 г.г.). Въ общемъ за всѣ три отчетные годы доходъ коморы выразился въ слѣд. цифрахъ ¹).

Время.	Привезено:	
	воску	соли
Первые 8½ мѣсяц.	—	—
Годъ 10—11 инд.	14411	камней 19374 мѣх.
Годъ 11—12 инд.	4812	" 10850 "
Итого . . .	19223	" 30224 "

Время.	Взято пошлинъ:		
	отъ воска	отъ соли	всего.
Первые 8½ мѣсяц.	— копъ — гр.	— копъ — гр.	1089 копъ 15 гр.
Годъ 10—11 инд.	1441 " 6 "	1291 " 40 "	2732 " 46 "
Годъ 11—12 инд.	481 " 12 "	723 " 20 "	1204 " 32 "
Итого . . .	1922 " 18 "	2015 " — "	3937 " 18 "

Ковенская комора.

По этой коморѣ имѣются отчеты за слѣдующіе 3 періода: съ 12 июля 1507 г. по 25 декабря 1508 г., т. е. почти за 17½ мѣсяцевъ ²), за полные годы индикта 6, 7, 8, 9 и за 3 мѣсяца индикта 10 (1518—1522 г.г.) (вмѣстѣ съ другими мытами, но доходъ отъ соли показанъ отдѣльно) ³), за два года съ 1 февраля индикта 14 по 1-е февраля индикта 1 (1526—1528 г.г.) ⁴). За эти три періода получено.

Время	Пропущено:		Взято мыта:	
	воску	соли	отъ воска	отъ соли всего.
12 июля 1507 г.	—	—	—	—
—25 декабря	—	—	—	—
1508 г. . . .	—	—	отъ соли	7000 копъ гр.

¹) Акты Лит.-р. гос., I, p. 121 и 140.

²) Ibidem, p. 140.

³) Ibidem, p. 177—179.

⁴) Бернадскій, I, 169.

6 индикта за					
13 мѣсяцевъ .	2623	камня	—		
7 индикта . .	1424	"	6120	лештовъ и 7 боч.	654 копа гр. 9301 копа 12 грошей. 10195 копъ 19 ½ грошей.
8 индикта . .	500	"	1721	" 7 "	
10 индикта .	2062	"	3658	" 15 "¹)	
Въ Техановцахъ и Тыботинѣ сверхъ того взято: въ					
9 индикт. . .	—	"	954	" 22 "	
За періодъ 6—10 инд. пропущено безмытно 2401 камень и 10 восковъ на сумму 240 копъ 7½ грошей.					
За 14—15 инд. 6808 к. 49½ гр.					

Поближскія коморы.

Свѣдѣнія объ этихъ коморахъ весьма не полны: о Берестейской только за два года 1507—1508 г. ²), приблизительно за тотъ же періодъ по Городенской и за одинъ годъ по Дорогицкой ³).

Взято мыта:

Берестейская:	отъ воска:	отъ соли:	всего.
За 2 года отъ Громн. 10 инд.			
до 12 инд. . .	1012	копъ 15 гр.	500 копъ 19 гр. 1512 копъ 34 гр.
Городенская: отъ 28 ноября 10 инд. по 12 января 12 инд.	177	" — " — " —	177 " — "
Дорогицкая: За 1 г. инд. 10.	35	" — " — " —	35 " — "

Волыніскія коморы.

Свѣдѣнія о нихъ болѣе полны: по объѣмъ коморамъ имѣются свѣдѣнія за 10—12 инд. (1507—1509) ⁴), за 7—10 индикты (1517—1521 г.г.) ⁵), и аренда за 1521—1524 г.г. ⁶).

¹) За три мѣсяца.

²) А. Ю.-З. Р., II, p. 121 и Бернадскій, I, p. 80.

³) А. Ю.-З. Р., II, p. 122.

⁴) А. Ю.-З. Р., II, p. 122.

⁵) Акты Лит.-р. гос., I, p. 171—174.

⁶) Бернадскій, I, p. 99.

	Взято мыта:			всего.
	отъ воску	отъ соли		
Луцкая:				
1) Отъ 2 ноября				
10 инд. по				
12 января 12				
инд.	528 копь 21 гр.	309 копь 46 гр.	838 копь 7 гр.	
2) За годъ отъ				
7 субб. инд. 7	— " — "	— " — "	206 " 43 "	
3) За второй				
годъ	— " — "	— " — "	210 " 17 "	
4) За третій годъ				
9 инд. — не-				
полный	46 " 33 "	— " — "	— " — "	
Владимірская:				
1)	25 " 36 "	141 " 45 "	167 " 21 "	
2)	10 " 58 "	62 " 29 "	73 " 27 "	
3)	7 " — "	38 " 42 "	45 " 42 "	
4)	— " — "	— " — "	— " — "	
Сверхъ того				
на обѣихъ комор-				
рахъ пропущен-				
но безмытного				
воску за 7—10				
индикты на	150 " — "	— " — "	— " — "	
Объ коморы				
въ арендѣ 1521				
—1524 гг. по	— " — "	— " — "	300 к. гр. въ годъ.	

По Смоленской коморѣ имѣется одно показаніе за періодъ въ 20 мѣсяцевъ съ 15 янв. 1507 г. по 8 сент. 1508 г. Доходъ отъ воска выразился за это время въ суммѣ 1386 копь и 10 грошей¹⁾.

Виленская комора приносила большой доходъ, по свѣдѣнію о ней весьма отрывочны; имѣется отчетъ за 6—9 индикты при управленіи Гануса Судормана (1518—1522 гг.). Въ первый изъ этихъ годовъ прошло черезъ комору воску 20,004½ камня, во второй—14281½ камня, въ третій—15180 камней, въ четвертый—15481 камень, т. е. всего

¹⁾ Акты Лит.-р. гос., I, р. 138. Что это Смоленская комора, видно изъ списка расходовъ.

65387 камней; доходъ въ эти четыре года послѣдовательно составлялъ: 2000 копь 27 гр., 1464 копы 49 гр., 1518 копь, 1546 копь 6 гр.,— всего 6538 копь 42 гр.¹⁾ Доходъ отъ восковничого виленскаго за послѣдующее время неизвѣстенъ до 1566 г. Съ 1 янв. этого года оно было отдано въ завѣдываніе скарбному Ивану Зарѣцкому на 5 лѣтъ. Онъ долженъ былъ выплачивать себѣ изъ доходовъ восковничого по 2000 копь грошей ежегодно²⁾. Но эта арендная сумма несомнѣнно была исключительно высокой: собрать 2000 копь въ годъ съ восковничого виленскаго могъ разсчитывать только такой опытный дѣлецъ и самъ крупный купецъ, какъ Ив. Зарѣцкій. Дѣйствительно, за десятилѣтіе 1573—1582 гг. доходъ отъ восковничого только разъ подымался до 1700 копь гр. въ годъ, а въ остальные годы былъ значительно ниже. Мы приведемъ данныя за названное десятилѣтіе. Тогда восковничее виленское приносило въ годъ³⁾:

въ 1573 году	1480 копь 14¼ гр.
" 1574 "	1714 " 59,4 "
" 1575 "	1675 " 1,7 "
" 1576 "	1559 " 19,5 "
" 1577 "	1309 " 38,5 "
" 1578 "	1448 " 56,5 "
" 1579 "	1213 " 10,9 "
" 1580 "	1087 " — "
" 1581 "	1189 " 45 "
" 1582 "	1062 " 56,5 "

Неодинаковыя суммы копь и грошей показываютъ, что восковничее находилось въ завѣдываніи, а не въ арендѣ. Интересно, что въ теченіе цѣлаго пятидесятилѣтія доходъ отъ восковничого, въ среднемъ, оставался довольно устойчивымъ—около полутора тысячи (вспомнимъ данныя двадцатыхъ годовъ). Къ 80 годамъ замѣчается паденіе доходности, и это уже не случайное явленіе: въ началѣ XVII в. (1605—1606 гг.) оно давало всего 800 копь гр. въ годъ⁴⁾, что свидѣтельствуетъ о паденіи торговли воскомъ.

¹⁾ Ibidem, p. 178.

²⁾ Кн. Суд. Дѣлъ Лит., ЛШ, л. 1—2.

³⁾ Архивъ Варш. Каз. Пал., отд. 54, ил. 14/В.

⁴⁾ Имп. Пуб. Библ., Поэ. Ф., IV, 110, л. 7 об., 8.

Для полноты данных намъ остается напомнить о доходахъ съ Пинскаго и Берестейскаго соляного склада и соляничного городского. Пинскій складъ давалъ въ 1561—1563 гг. 600 копъ гр. аренды въ годъ, а съ 1563 г.—500 копъ гр.; отъ Берестейскаго склада казна ничего не собрала; соляничное городенское въ 1565—7 гг. давало по 100 копъ гр., а въ 1568—71 гг.—по 130 копъ гр.

Въ 1565 г. Пинскій складъ давалъ 500 копъ гр. аренды въ годъ, а съ 1563 г.—500 копъ гр.; отъ Берестейскаго склада казна ничего не собрала; соляничное городенское въ 1565—7 гг. давало по 100 копъ гр., а въ 1568—71 гг.—по 130 копъ гр.

1561	600	1562	500
1563	500	1564	500
1565	100	1566	100
1567	100	1568	130
1569	130	1570	130
1571	130	1572	130

Въ 1565 г. Пинскій складъ давалъ 500 копъ гр. аренды въ годъ, а съ 1563 г.—500 копъ гр.; отъ Берестейскаго склада казна ничего не собрала; соляничное городенское въ 1565—7 гг. давало по 100 копъ гр., а въ 1568—71 гг.—по 130 копъ гр.

Въ 1565 г. Пинскій складъ давалъ 500 копъ гр. аренды въ годъ, а съ 1563 г.—500 копъ гр.; отъ Берестейскаго склада казна ничего не собрала; соляничное городенское въ 1565—7 гг. давало по 100 копъ гр., а въ 1568—71 гг.—по 130 копъ гр.

Нѣкоторые данныя къ исторіи тарифа.

1¹⁾.

Ustawa po czemu od czego myta na komorze a komozze (sic) Kowieńskiej biory.

Od lasztu soli	gr. 45
Od kamienia vosku	gr. 6
Od wolnego vosku kamienia iednego	gr. 1
Od lasztu popiołu	gr. 8
Od kamienia pieprzu	gr. 6
Od postawu sukna lunskiego y purpuryanu	gr. 12
Od postawu sukna koltryzowego zerynku (?) y meszynskiego	gr. 6
Od postawu sukna Ostrodомского	gr. 9
Od postawu sukna Jaroslawskiego	gr. 3
Od postawu sukna Samborskiego	gr. 2
Od szescidziesiętł łokci sukna prostego litewskiego	gr. 1
Od polsztuczki sztamieta	gr. 6
Od łockia aksamitu	gr. 1
Od beczki piwa gdanskiego	gr. 1
Od beczki sledzi	gr. 1
Od beczki gorzałki	gr. 1
Od kamienia chmielю	gr. 13
Od zachciku przendze	den. 2

¹⁾ См. стр. 507 примѣч.

Od skury wołowej y ialowiczey	den.	1
Od skury kozłowej barani y cimcowey	den.	1/2
Od kamienia loiu	den.	3
Od beczki dzieciu	den.	1
Od beczki ryb słonych	gr.	1
Od sta wanczosa abo klepek	gr.	8
Od beczki żyta	gr.	1
Od kamienia loiu	den.	3
Od fasy wina	gr.	10
Od funta szafranu	gr.	2
Od beczki octu	gr.	1
Od wołu, którego za granice pędzą	gr.	12
Od ialowice którą za granice pędzą	gr.	8
Od beczki mięsa słonego	gr.	3

Insze wszystkie rzeczy kramne, iedwabne kosmate, korzenie y cokolwie na myto bywa przywieziono, tedy szacuią mytnicy słusnie a pobożnie, a na wiele kop który thowar oszacuią, tedy then którego iest thowar, płacić powinien od koźdej kopy mytha po gr. 1.

(Кн. Зап. Лит. XXXVII, л. 48).

2¹⁾.

Тарифъ старою мыта, утвержденный въ 1569 г.

Этотъ тарифъ находится въ Кн. Переп. Лит. X, лл. 37—39 об. Устава написана по-польски. Передъ уставой находится слѣд. „рѣсказанье“ короля: Желая, чтобы во взиманіи мыта государскихъ на коморахъ y прикоморкахъ не было притѣсненій купеческому люду, чтобы съ кунцовъ не брали больше, чѣмъ полагается по уставѣ, король приказалъ выдать настоящую уставу старою государскаго мыта, — „мыта старою звычайного“, съ опредѣленіемъ, какъ и поскольку должно взимать отъ всякихъ товаровъ. Устава дается на Подлишскую комору y подъ коронною печатью. При взиманіи мыта соблюдается слѣд. общее правило: отъ тѣхъ товаровъ, которые раздѣиваются на копы, взимается отъ поляка, москвитина, турка y др. чужеземцевъ

¹⁾ Ср. стр. 507, примѣч.

отъ копы литовской по 2 гроша лит., а отъ подданныхъ господарскихъ вел. кн. Литовскаго, равно какъ y отъ Волинннхъ y Подляшанъ взимается по половинѣ „цѣлаго“ мыта, т. е. по одному грошу отъ копы

Далѣе, приводится списокъ товаровъ съ показаніемъ *цѣлаго* мыта.

Взимается мыто.

Московскіе товары:

	Грошей	Пенязей
Отъ тысячи московской попельцы	50	—
т. е. отъ каждого сорока	2	—
Отъ попельцы обыкновенной могилевской y отъ др. отъ тысячи	24	—
Отъ юхти	1	—
„ сотни тмцовъ	12	—
„ сорока кунъ	20	—
„ „ горностаевъ	3	—
„ „ норекъ	6	—
„ выдры	—	8
„ медвѣжьяго мѣха	1	—
„ боброваго	2	—
„ волчьяго	1	—
„ сорока бѣлыхъ песцовъ	20	—
„ черной собаки	1	—
„ фунта рыбаго зуба	1	—
„ сорока соболей цѣною ниже 30 копъ взимается мыто „по стародавнему обычаю“ по 1 зол. черленому.	—	—
Болѣе дорогой соболь идетъ по оцннѣ съ копы по 2 гроша	—	—
Отъ соболей шубы	30	—
„ шубы „пунковой“ соболей	6	—
„ „ „ковнеровъ“ (очевидно собольихъ)	15	—
„ „ куньей	24	—
„ „ лисьей	12	—
„ „ песцовой	20	—
„ „ кроличьей	1	—
„ „ бѣлнцной	2	—
„ „ лисьей „носковой“	4	—

<i>Товарь турецкій:</i>		Грошей	Пен- язей
Отъ кисака китайки „бробихи“		10	—
„ камки шамской		10	—
„ камня мицдалю		2	—
„ „ рису		2	—
„ „ ладану		4	—
„ фунта лазури		1	—
„ „ лаку		1	—
„ сафіану		1	—
„ камня хлопва		3	—
„ рыся		2	—
„ росомахи		1	грошь польскій
„ лисы мурмарки		2	—
„ камня перцу		20	—
„ „ тмину		3	—
„ фунта шафрану турецкаго		2	—
„ „ муравскаго		5	—
„ „ цинамону		1 1/2	—
„ „ гвоздки		1	—
„ „ мускату		1	—
„ „ кілсібови (?)		1	—
„ „ краски, клею		1	—
„ камня ящеричныхъ головокъ		80	—
„ ковра		6	—
„ чамлета		4	—
„ мухойра		3	—
„ 100 локтей фаррару		40	—
„ кисака китайки турецкой величины въ 100 локтей		40	—
„ литра шелку бурскаго		3	—
„ „ царьградскаго		2	—
„ банюхи (кобчика?)		6	—
„ байберка (bajorka—золотистая нитка?)		2	—
„ киндзка		1	—
„ куфтера		10	—

<i>Товарь нѣмецкій:</i>		Грошей	Пен- язей
Отъ локтя парчи		4	—
„ „ альтабаасу		4	—
„ „ аксамиту ригованнаго		2	—
„ „ атласа разнаго цвѣта взимается по цѣнѣ аксамита гладкаго		—	—
„ „ адамашку хорошаго		1	—
„ „ „ худшаго		—	8
„ поставка сукна лунскаго		24	—
„ „ „ колтришу		12	—
„ „ „ рикетого		10	—
„ локтя атласа кармысону		1 1/2	—
„ поставка сукна чешскаго		6	—
„ „ „ цвикаускаго		8	—
„ „ „ быковского		4	—
„ „ „ шамбарскаго		4	—
„ „ „ ватрадамскаго		12	—
„ „ „ махальскаго		18	—
„ „ „ штамету		24	—
„ 60 локтей пурпурьяну		50	—
„ поставка полотва коленскаго		4	—
„ „ „ трубами (?)		12	—
„ поставка гарасу		10	—
„ 100 локтей polodlasia		20	—
„ поставка swilihu		2	—
„ 1000 ножей		24	—
„ воза желѣза		—	15
„ „ гарцевъ		5	—
„ „ стекла		6	—

Литовскіе товары:

Отъ 100 кожъ яловичныхъ	24	—
„ 1000 локтей полотна	16	—
„ 1000 „ сукна мѣстнаго	40	—
„ 5 сермягъ	2	—
„ 4 кожуховъ бараньихъ	2	—
„ 3 опорковъ	2	—

	Грошей	Пен- налей
Отъ кобеника червонаго	2	—
„ „ бѣлаго	1	—
„ вода	4	—
„ яловяцы	3	—
„ телеги соли, привозимой изъ-за границы кушцами,	7	—
а при покункѣ мѣщаниномъ у кунца возъ въ двѣ лошади оплачивается еще	40	—
а возъ въ одну лошадь еъ	20	—
При этомъ „одвѣски“ на писаря (отъ вѣса или отъ обѣстки?)	1 1/2	—
Отъ воза соли ледоватой въ одну лошадь	6	—
„ камня воску	6	—
„ Однако воскочичее и солоничее за мыто не должно считаться, но на obiedwie гупшу солоничее и воскочичее должно быть взимаемо“	—	—
Отъ камня лѣоу шмальцованаго	—	4
„ „ „ суроваго	—	2
„ лашту пенеу какъ отъ панскаго такъ и отъ купеческаго	8	7
„ 100 пачосу какъ отъ панскаго, такъ и отъ купеческаго	8	7
„ 100 клепокъ—какъ панскихъ, такъ и купеческихъ	8	7
„ лашту смолы	7	7
„ 100 клепокъ какъ панскихъ такъ и купеческихъ	8	7
„ комяги жита	180	—
„ шкута жита	360	—
„ „ пшеницы	360	—
„ „ ячменя	360	—
„ „ гороху	360	—
„ „ овса	360	—

3.

Листъ королевы Боны старостѣ пинскому и клецкому п. Ивану Михайловичу.

Бона, болю милостью королева польская великая княгиня литовская, руская, пруская, жомойтская, мазовецкая и иныхъ.

Старосте нашему пинскому и кобринскому, клецкому, городецкому и рогацовекому пану Ивану Михайловичу. Били намъ чоломъ

мещане Луцкие все посолитство о томъ, ижъ которое мыто головное король его милость панъ а малжовѣкъ нашъ ласкавий далъ и доустигъ намъ въ нашому пожитку уставити и выбирати въ замку нашомъ Городку подлугъ обычая ишихъ его милости мыть головныхъ со всякъ кушцовъ такъ его милости панства, ижъ тежъ и чужоземцовъ, которыи бы черезъ тотъ замокъ нашъ Городекъ, або черезъ поветъ Городецкій сухомъ и воденымъ путемъ с товары своими шли, ошачованныи товаръ отъ кажде конь по 2 грошы, а отъ соли, которая бы соль, альбо комяги, альбо тежъ возы проважена была, отъ кожде телеги, колько ихъ въ которой комязе, альбо возе, альбо в иномъ которомъ сене будетъ зложено, по 20 грошей, а кожъ привилей его милости на то намъ отъ его милости даный ширей того описуетъ. Ино они в своемъ мѣсте Луцку мыто головное дають, надъ которое если бы дей они тамъ у Городку также головное мыто подавати мели, тогда дей то з обтяжливости ихъ было. Где жъ льбковекъ у томъ привилей, на то намъ даномъ, нихто с нахъ вызволить не естъ, хто бы и намъ того мыта головного в томъ замку нашомъ давати повиненъ не былъ, а вежде мы, мяочи в томъ к нимъ ласковий узглядъ нашъ, дали и положили есмо тую речъ ихъ на воли короля его милости. Ино его милость в томъ такъ ся видело: ижъ егда они в месте своемъ Луцку отъ товаровъ своихъ и отъ соли мыто головное дають, тогда бы с трудностю было имъ тамъ у Городку другое такое же головное мыто давати; в чомъ же, егда ся его милости пану а малжонку нашому такъ видело, приказуемъ тебе, ажъ бы еси черезъ то отъ нихъ всякъ мещанъ Луцкихъ в томъ замку нашомъ Городку и в повете Городецкомъ, на сухомъ и на воденомъ пути, головного мыта также и солейничого того, которое бы они мыто и солейничое въ Луцку заплатили и на то квати митниковъ луцкихъ к нашимъ митникомъ привесли, не бразъ и митникомъ нашимъ того брати не сказали, ижъли бразъ бы твои милость съ нихъ отъ товаровъ ихъ и отъ соли мыто старое, которое тамъ у Городку астародавна передъ тамъ было и теперъ естъ, отъ которого жъ есмо мыта старого и на тотъ часъ ихъ ничимъ не вызволити. Писать у Кракове, подъ лето бож. нарож. 1532, мѣсяца ок. 3 день, виднѣтъ 6.—Валериявъ писарь.

(Кн. Зап. Лит. XVIII в. 38 об.—39).

Листъ кор. Сигизмунда I подскарбію земскому и. Ив. Горностая о мытѣ въ Ковнѣ.

Жиггимонтъ божию милостью король.

Подскарбему земскому маршалку и писарю нашему державци едонимскому и дорсуншискому пану Ивану Горностая. Прислала до насъ войтъ и бурмистры и рядцы и вси мещане места нашего Ковеньского чоломъ быючи о томъ, што есмо установили были мыто въ тамошнемъ паньстве нашемъ великомъ князествѣ Литовскомъ новое, почему бы мели купцы отъ кожъ, и отъ юфтей, отъ тымцовъ, отъ быдла, отъ пражи, отъ лозю и отъ иныхъ речей купецкихъ, хто бы таковыми куплями торговати мель, мыта намъ платити. Ино дей в божего допущенья того году прошлаго поветрие тамъ стояло, тогда дей многия въ томъ месте нашемъ Ковеньскомъ вымерли и немалый дей впадъ тое место ваше пришло, для чого жъ дей не мають они того мыта намъ платити, о чомъ же и панове рада наша ихъ милость великого князевца Литовского за ними къ намъ писали, абыхмо въ томъ мыте новымъ ласку нашу имъ вчинили. А къ тому тежъ тѣмъ жъ мещане Ковеньски били намъ чоломъ, што жъ которы роботы по цущамъ нашимъ, и князьскимъ и паньскимъ они мають, которыми жъ цущи князевки и паньскии з нашими цущами господарскимъ зривали и казали имъ ровно мыто со всихъ цущъ платити отъ ста дерева по пятнадцати грошей, а отъ застыка по пятнадцати копъ грошей, а отъ лашту по пятнадцати грошей. Ино дей въ томъ мыте тапезъ тяжесть ся имъ десть, бо дей передъ тымъ въ цущъ князевки и паньскиихъ меньшее мыто отъ нихъ было бараво, абыхмо и въ томъ имъ полегьку вчинили. Ино што ся дотычетъ того мыта нового, которое были есмо отъ кожъ, отъ юфтей, и отъ иныхъ купецкихъ речей на нихъ установили, мы для такового впаду ихъ, который тое место наше з божего допущенья у поветрие пришло, ласку нашу въ томъ имъ вчинили, — тое мыто новое отъ кожъ, и отъ юфтей, отъ тымцовъ и отъ иныхъ купецкихъ речей имъ есмо отпустили до нашего, ажъ дасть Богъ щастного првеханья къ паньству нашему великому князству Литовскому, и ты бы яко того мыта нового з нихъ брати не велель. А што се тежъ дотычетъ того мыта, которое есмо

яко з нашихъ цущъ господарскихъ такъ и з князевки и паньскиихъ отъ роботъ ихъ ровно были положили отъ ста дерева по пятнадцати грошей, а отъ ваньчосу по пятнадцати грошей, а отъ застыку по пятнадцати копъ грошей, а отъ лашту пошелу по пятнадцати грошей, ино мы для чоломъ бытия ихъ въ томъ имъ полегьку вчинили: тое мыто, якъ з нашихъ цущъ господарскихъ такъ, и князевки и паньскиихъ зривали, и покладаемъ на нихъ отъ тыхъ роботъ мыта отъ ста дерева по осми грошей, отъ ваньчосу по осми грошей, отъ застыка по осми копъ грошей, отъ лашту пошелу по осми грошей; а по семи грошей отъ того мыта, яко з нашихъ цущъ такъ и князевки и паньскиихъ имъ есмо отпустили. И ты бы яко оное мыто съ цущъ нашихъ, и князевки и паньскиихъ ровно на нихъ казалъ брати подле теперешнее уставы наше конечно. Писать у Крылове, под лет. бож. нарож. 1532, мѣсца сен. 24, индиктъ шостий. Михайло писарь.

(Кн. Зап. Лит. XVII, лл. 242 об.—243 об.).

Листъ кор. Сигизмунда I о платежѣ мыта митцанами Витебскимъ.

Жиггимонтъ Августъ, Божию милостью король польскій великай князь литовскій, прусскій, лембютецкій, мазовецкій и иныхъ.

Митнику нашему полоцкому и витебскому Федиску и инымъ митникомъ полоцкимъ, хто и на потомъ мыто коморы Полоцкое у Витебску отъ насъ заведати будеть. Привезли до насъ войтъ, бурмистры, рядцы и вси подданные наши мещане места Витебского, обтежлив жалуючи о томъ, яко што первое сего маючи справу отъ тебе, же они за границу с паньства нашего великого князевства Литовского дороги с товари своими ездить, тебе, яко митнику нашему, не оповедавшися и мыта не платячи, писати есмо казали до нихъ листъ нашъ, абы мыто платили, а где бы платити не хотели, велели есмо всякие товари ихъ, которыми бы дороги або где инде ездили, дьяку нашему Луксану Гарабурде списати, а имъ права и вольности передъ нами положить, если бы отъ дананья мыта вызволены были. То пакъ дей ты не только ихъ переписываешь, але и мыто в нихъ берешь и служи твои мыто беруть, мелячи мель на то отъ тебе порученье, где они покладали передъ нами копию листу дяди нашего

славное памяти великого князя Казимира королевича, который деи листы в нихъ с церкви вкраденъ, и тежъ листы дяди нашего Александра и отца нашего Жигимонта, королей и великихъ князей ихъ милости, на которыхъ то меновите описано и доложено есть, ижъ ихъ милость мыта имъ отпустили по всей отчизне великомъ князстве Литовскомъ, што и мы привилеємъ нашимъ имъ подтвердили. Якожъ перно сего за жалобю ихъ воевода новгородский, маршалокъ дворный подскарбий земский, староста слонимский небожынкъ Иванъ Горностай очевидно тебе с ними смотрель, ижъ з волею а ведомостью нашою господарскою заставуючи ихъ водле привилеязъ и листовъ предковъ нашихъ ихъ милости, такъ межъ нами всказалъ, ижъ яко ты а ни справцы твои некоторого мыта з жадныхъ ихъ товаровъ а ни с поделовъ, которые бы зъ заграничъ купованы въ князскихъ паньскихъ пуцахъ, а ни нашихъ брати з нихъ не мелъ, только отъ посуку и соли, яко жъ и листъ судовый пана воеводы новгородского при тыхъ правахъ и вольностяхъ своихъ передъ нами они поклаждали, бьючи намъ чоломъ, абыхмо ихъ по давному обычаю в томъ заховали и кривды в бранью мыта делати и товаровъ ихъ списывати не веледи. Ино ачьдольвекъ в тыхъ листахъ предковъ нашихъ ихъ милости того не описано, абы они за границу до Риги с товари своими добровольно ходити мели, одно в нашоу паньстве великомъ князстве Литовскомъ, а ижъ тежъ мытъ нигде не берутъ, только у отчизне нашей, про то мы з ласки наше господарское за ихъ верноу к намъ службою, которую намъ, господарю, чинять и яко замокъ тамошний нижний робить, такъ и гору сыплютъ, перекопъ копають в сторожу замковую держать и на войну часу потреби посполъ з бояри, шляхтоу ездеть и иные повинности выноляютъ, заставили ихъ при тыхъ листахъ: даемъ вольность имъ отъ плаченъя мыта отъ всехъ товаровъ ихъ, которые бы за границу спущали, и яко перно сего вырокъ нашъ черезъ пана новгородского чинили есмо и на листе его есть описанъ, такъ и на сесь часъ тебе, Филиксе, и напотомъ будущимъ митникомъ тамошнимъ призывемъ, ажъ бы есте от жадныхъ ихъ товаровъ ихъ, ани отъ поделовъ, которые не в нашихъ лесехъ будутъ выробены, черезъ то некоторого мыта сухимъ путемъ и водою, а ни обести в нихъ не брали и слугамъ своимъ брати и таковыхъ товаровъ ихъ списывати закалили и трудности имъ о мыто некоторое не чинили, але во всемъ заховали бы ся есте къ нимъ водле листовъ привилеязъ предковъ нашихъ и водле сего теперешнего росказанъя

и листу нашего господарского, ижели што ся дотычетъ мыта воевоного и созяного, то они водле обычаю стародавного давати повинни, лечъ если бы они в своихъ властныхъ лесехъ поцелы себе робили, або зъ заграничъ в чужомеццовъ куповали, вы бы добровольно то имъ проущали, жадного мыта не беручи; а в князскихъ и паньскихъ пуцахъ если бы наймуючи себе поцелы паньши, тогда при слагу вделати мають, же то робили и куповали в князскихъ и паньскихъ лесехъ, а не в нашихъ господарскихъ. А хто бы в нашихъ пуцахъ поцелы робилъ, отъ таковыхъ яко повиненъ будетъ мыто на насъ платити потому, яко в иныхъ местехъ нашихъ платять, вгды жъ безъ воли и ведомости наше господарское ихто товаровъ лесныхъ в пуцахъ нашихъ даремне робити не маеть. И веджо такъ только мещане Ватекские вольности отъ плаченъя мыта вживати мають, которые и вси повинности помененые з мещани посполъ выноляютъ, а которые тыхъ повинностей на себе не посятъ, тие тежъ и вольности на листахъ предковъ нашихъ и на сесь теперешнемъ листе нашоу описаное не мають вживати. А отъ которыхъ товаровъ ихъ будешъ ли ты, Филиксе, самъ або слуги твои на мыто вставленые мыто в нихъ брали, абы еси то все передъ тымъ дякомъ нашимъ Лукашомъ Гарабурдоу, которому есмы товари ихъ списывати были веледи, в целости поворочалъ и заплатилъ и за все то имъ досать чинилъ конечно, же бы они черезъ то з жалобами о то к намъ не приходили. Писанъ у Вильни лет. Вож. Нарож. 1569 мѣнца сент. 20 дни.—Подпись руки господарское.—Остафей, маршалокъ, писарь.
(Кн. Зап. Лит. ХLI лл. 74—75).

Универсалъ о новомъ мытѣ и акцизѣ 1561 г.

Воеводе подляшскому старосте менскому, державцямъ... Оннаймуемъ твоей милости, ижъ тыхъ часомъ, чинячи намомъ с паны рядами нашими ихъ милостью духовными и светскими коло обороны земское и уваживши же многие обыватели паньства нашихъ и прибылые люди не малые пожитки с паньства выносить а выхованье и выживенье мають, в томъ отчизномъ паньстве нашоу великомъ князстве Литовскомъ перемещиваючи, а ничия до службы земское не прикладуются, которые вгды бы водлугъ повинности своее и статуту правъ

земскихъ служить речи посполитой обернены, мусели бы купецкие люди гавдлевъ, а иные въ становъ меншихъ дома и маестности своя позооставити на тотъ часъ и выживенья а обешты своего вехати, а виды жъ за обороную пашною господарскою речи посполитое войски нашими народу шляхетского убезпечены, каждый в томъ волюнтьте удживаетъ водугу своего пополанья, про то видело ся намъ и паномъ радамъ нашимъ на тую теверешнюю потребу реча посполитое и къ обороне земли Ифляиское, поколи война стоять, на всяхъ таковыхъ, которые не повинни войны служить, певный платъ уставити в местехъ и при коморахъ мытныхъ нашихъ господарскихъ, то есть от речей, што за границу провадять: от камня воску 12 грошей, от камня лону 2½ грошей, от скури воловое 3 гроши, от скури зловиче 2 гроши, отъ скури козовое 15 пенязей, а отъ иныхъ дробныхъ по 8 пенязей, отъ юхти 3 гроши, от тимца 1 грошь, от скури звериныхъ водле того, яко будетъ ошачовано, масть бати плачено от каждое коня десятый грошь, то есть от скури лосья и медвежое, зубриное, оленья, сериное и иныхъ всякихъ и звериныхъ скури. А от камня конопель 2 гроши, от камня льна 3 гроши, от заццка црацва 5 пенязей, от камня хмелю 2 гроши, от солинки жита 2 гроши, от солинки пшевицы 3 гроши, отъ солинки еммено 15 пенязей, от солянки овса 2 пенязи, от солянки гороху 2 гроши, от солянки крупъ 2 гроши, от солянки шпона 3 гроши, от солянки гречихи 1 грошь, от вода 12 грошей, от зловиды 10 грошей, от вепра 6 грошей от быдлнги малого 3 гроши, от кандуна 2 пенязи, от курицы 1 пенязь, от гуся 2 пенязи, от бочки мяса 12 грошей, от колты вепрового мяса 3 гроши, отъ бочки меду пресного 24 гроши, от бочки меду кислого 12 грошей, от локтя простого сукна 2 пенязи, от локтя полотна всякого 2 пенязи. А попель, вавчюсы, клепки, васильки и вся товары лесныхъ аби кунца волно провадила, не складючи на коморахъ, ведже повинни платити монетою польское личбы въ золотай по 24 гроши литовскихъ: которое до Куданьска до Брелевца провадять, от лашту попелу 4 золотые, от 100 клепокъ 4 золотые, от 100 вавчюсу 2 золотые, от васильковъ 6 золотыхъ, от кони цамру 3 золотые, от кони дызевъ 1 золотый, от балки дубовое 2 гроши, от лашту смолы вареное 3 золотые, от лашту не вареное смолы 2 золотые; а хто Двиною пускаеть, тотъ от того всего половицею менше платити масть, кроме от лашту попелу по 3 золотые тое жъ личбы по 24 гроши в золотай. А ведже от всихъ тыхъ товаровъ лес-

ныхъ шляхта з своихъ цущъ и лесовъ выробиши и спущаючи своихъ накладомъ, также збожъя с своихъ властныхъ гумень провадечи, не мають платити того податку, одножъ черезъ свранцу альбо слугу своего, который то провадити будетъ, присягу чинити масть, възъ своего имени выробиъ и провадити своимъ накладомъ, а не купецкимъ. А от речей привозныхъ з заграниччи—пшты, соли, рябъ, селедцовъ по тому мають давати: от берковеску соли 12 грошей, от бочки соли крупяное 9 грошей, от 1000 соли толпяное 1 грошь, от бочки селедцовъ 24 гроши, от воза рябъ мералыхъ 4 гроши, от гарица вина игорского 5 пенязей, от гарица малмазии 8 пенязей, от гарица вина ринского 4 пенязи, от гарица мупкатели 7 пенязей, от бочки вина куданьского 8 грошей, от фасы пива того жъ 16 грошей, от карица горелки 2 гроши, от фунта перцу 1½ гроша, от фунта шиберу 1½ гроша, от фунта гвоздиковъ 2 гроши, от фунта пшамову 2 гроши, от фунта мупкату 2 гроши, от фунта галгану 4 гроши, от фунта шафрану 4 гроши, от камня конару цукру 8 грошей, от камня кромьсу цукру 4 гроши, от олавы, фарбу оводу и иныхъ дробныхъ речей крамяныхъ и кунецкихъ и от косматыхъ товаровъ—соболей, кунъ, рисей, лисовъ, волковъ, белки сибирки, росомахи, также от всихъ едванныхъ речей и злоголавовъ крамяныхъ всякихъ товаровъ и от сукон, которые дорожны, шизли зноньския альбо нуриурианы водле шацунку десятый грошь, ижъ тыхъ суконъ нижей менешныхъ потребе въ земли, про то меншыя устава на нихъ: от локтя нуриуриану 5 пенезей, от локтя сукна люнскаго 4 пенези, от колтришу миньенского и цыковского 2 пенези, от подлейшихъ по 1 пенезю: отъ железа, меди и всего того, што ку стрельбе и войне належить, не повинни ничого платити, але аби копей, зброй железа нигде не выпускано за границу хочемъ мети и грозно приказуемъ. А ктому з млыновъ и с корчомъ в местехъ нашихъ, на предметяхъ такъ машы, яко князские, паньские и духовныхъ люди, хто кольвекъ якого стану будучи и удживаючи шинковъ або гавдлю, либо ремесла, альбо иныхъ местскихъ пожитковъ и обешты, повинни платити в млынехъ нашихъ, духовныхъ, и воеводскихъ: от солинки муки ржаное 12 пенезей, от солинки муки пшеяичное 15 пенезей, от солинки солоду 12 пенезей, от солинки крупъ 12 пенезей; а хто дома месеть жорнами, на млынъ не везучи, тотъ повиненъ дати отъ жорновъ на тыдень по 2 гроши, а на сельхъ по 2 пенези от жорновъ на тыдень. А въ корчмахъ хто бы на шанкъ медъ сытилъ,

пиво варягъ и горелку палить, от солоду посполитого каждое соляки 3 гроши, отъ каждое мединца меду пресного 2 гроши, а от пуда штерного 12 пенезей, отъ камня 12 пенезей, отъ кварта горелки одинъ разъ перепусканое 2 пенезей, от литрованное 5 пенезей. И в тыхъ мянцехъ, с корчомъ и отъ жорноу в местехъ, по волостяхъ и на селехъ в тыхъ державахъ нашихъ, где не есть право маятборское, ижъ бы выбирали тотъ поборъ черезъ войтовъ и лавниковъ и мужовъ на то уставленныхъ. А в местахъ презатовъ духовныхъ тотъ платъ отъ товаровъ и отъ мянновъ и жорноу и с корчомъ маеть бити бранъ на тую жъ потребу речи посполитое черезъ нашихъ посланцовъ; а килзи панове, боаре, шляхта въ всихъ местахъ и именьяхъ мають то брати на себе, абы тымъ можней и пособней на службу речи посполитое выправовалися и абы каждый на войну ехалъ в одинакой барве, слуги маючи и кони рослые, а на каждомъ пахолку зброд, тарть, древо съ прапорцомъ подле статуу; а хто бы не хотелъ брати въ своихъ именьяхъ такового побору, фольктуючи тому, абы в иншихъ мествъ нашихъ, князьскихъ, паньскихъ, где тотъ поборъ будеть бранъ, до него люди сходили и тамъ перемешивали, въ такового имени и на тую жъ потребу речи посполитое маеть бити бранъ поборъ черезъ нашихъ поборцовъ. Якожъ послали есмымо до тыхъ мествъ нашихъ дворянина нашего и хочемъ мети, абы вы, войтове, посполу в радою местною того жъ часу, скоро сесь нашъ листъ оказавъ намъ будеть, установили в местехъ сотники, пятидесятники и десятники, ижъ бы каждый сотникъ, пятидесятникъ и десятникъ, где в которой улицы подъ ихъ справу и ведомость дома местские поручочны будуть, всихъ господарей домовыхъ и ихъ гостей, што въ домехъ ихъ торгують, у ведомости своей маючи, моцю вראду нашего на ратуши ставили, а таковыя вси абы каждый подъ присягою товаръ свой оповедали и, въ реестръ вписавши, даль яко много товаровъ своихъ до оныхъ мествъ нашихъ в заграничя привозныхъ в себе маеть, и подали передъ врадъ вашъ. На што абы вы, войтове и мещане, къ тому посланцу нашему съ посродку рады местское обрали и установили особъ людей добрыхъ и побожныхъ по три, а она абы с тымъ дворяникомъ нашимъ всимъ товаромъ, што шацовати описано, шацунокъ чинили а посполу с тымъ, чего не потреба шацовати, яко выше описано, возле уфалы тотъ податокъ подъ ихъ присягами справедливе выбирали со всихъ мещанъ нашихъ и тежъ князьскихъ, паньскихъ и духовныхъ и зъ гостей прееждныхъ, хто кольвекъ в

тыхъ местехъ и на предместыхъ тыхъ замковъ и дворовъ нашихъ выше описанныхъ перемешивають, и до скарбу земского отдавали с тыхъ товаровъ, што описано в личбе привозныхъ, на певный рокъ, на день Трехъ Кролей, половицу, а другую половицу вступивши въ постъ въ великий тысьденъ. А если бы которые купцы, поданные наши и тежъ чужоземскии, оселостей в местехъ нашихъ не мели, таковой каждый пехай бы певное рукоемство по себе даль по заплате на тыи часы менованые, альбо заразъ ижъ бы по ошачованью тотъ поборъ отдалъ; а с тыхъ товаровъ, што в земли вывозить на тотъ часть, игда за границу попровадять, повинни платити. А з мянновъ, от жорноу и съ корчомъ ижъ бы почали брати тотъ податокъ третего дня по ошачованью замъ того листу нашего; а такъ каждого году будуть выбирать и отдавати тотъ податокъ на часы названеныя, покуда война ся успокоитъ. И штося дотичеть мествъ нашихъ и волостей въ тыхъ державахъ нашихъ выше мененыхъ, где не есть упривилежавны, тамъ пехай бы враники наши с тымъ посланцомъ нашимъ становили тымъ порядкомъ поборъ и черезъ войтовъ и иныхъ врадъ местский, а в селехъ къ войтомъ и лавникомъ придаючи по двухъ мужовъ вери годныхъ, и пехай бы веде посполите выбирали и до того посланца нашего отдавали завжды в чотири недели. Нишли по выданью податку, который на тотъ часъ придетъ водлугъ реестру списанья, а з новопривозныхъ товаровъ, от чего при границахъ тотъ поборъ илачонъ будеть, повторей ижъ давати невадобе хотя бы и до иной земли за границу проважонъ товаръ; а где бы тежъ и пронадли и паньство, не могъ заплатити на границы побору, альбо шацунокъ не могъ вынень бити про трудность людей купецкихъ, ино ися товары достаточне списати в реестръ поборцовъ, граничныхъ, ничего не утаиваючи и квитъ на то взяти за печатью в скарбу на то даюю, за которымъ квитомъ тыхъ поборцовъ, при границахъ коморахъ мытныхъ уставленныхъ, маеть бити шацунокъ, и отдаванье побору на местцу у Вильни, альбо до которого места и комори голошное купецъ провадитъ товаръ; а ижъ бы в томъ некоторая помылка и помешанье не делалосъ, про то мытники наши не мають товаръ купецкихъ шацовати безъ поборцовъ, а поборцы безъ нихъ, але спозные шацовати и в реестра мытные и поборные писати; а ижъ бы тежъ никто не смель утаити ничего с товаровъ, што кольвекъ ихъ в себе мети будеть и все справедливе в реестра писалъ и выдалъ поборъ, то бы вы, яко врадъ нашъ в местехъ тамошнихъ, обволати и опоне-

дати казали, бо где бы што кольвекъ найдено в кого надъ тое, што оповедаетъ и в ресстръ упишетъ, таковой, яко шкодникъ добра речи посполитое, маеть быти карашъ забраньемъ всея маестности лежачое и рухомое на потребу речи посполитое, што черезъ тыхъ же бирчихъ маеть быти забрано и до скарбу земского отдавано. А бирчие и томъ и во всей той справе нѣкому фольгованья чинити не мають подь караньемъ таковое жъ вини и забраньемъ всея маестности ихъ на потребу речи посполитое; а ижъ в техъ местахъ нашихъ некоторая часть отъ князьскихъ, паньскихъ, землянскихъ и духовныхъ людей, про то нехай бы духовныхъ люди передь вradoмъ духовнымъ, а князьские и паньские передь вашимъ вradoмъ подь присегами каждый товари свои при тыхъ же бирчихъ оповедали, и въ ихъ реистра вписавши, до тыхъ же бирчихъ платили, во всемъ тымъ же порядкомъ справуючися на тые раты разложонные. Также отъ млынновъ броварное, отъ жорновъ, хто вхочеть и дому своемъ держати, же бы отъ дна назачонного платити яко почали и справедливе отдавали за дозрениемъ тыхъ бирчихъ и вradу, чого они повинни будуть такъ доглядати, абы яко отъ товаровъ, такъ въ млынехъ и отъ жорновъ и домехъ и отъ броваровъ все достаточне до скарбу земского на потребу речи посполитое справедливе выдавано, ничого не утаиваючи, подъ виною вышей описанною. А где бы при тыхъ местехъ нашихъ князьские, паньские и землянские млыны были, а мещане бы для недостатку млива у нашихъ млынехъ на млыны таковые збожтѣ свои провадили, таковымъ, отданши тотъ поборъ вышей описаный, вольно то имъ маеть быти допущено. А ижъ бы ся отъ того податку каждая парсуна, в местехъ и на передместью мешкаячи, и рунцы приездные правы и вольностями жадными боронити и закрывати и напередъ таковыхъ вольностей держивати не смели, про то вшелякны листы, якимъ кольвекъ обичаемъ на вольности даные, подносить с тое теперешнее потребы речи посполитое и на сторону откладаемъ до часу уснovenныя войны. И такъ мети хочемъ, абы никто противу той уфале ничимъ стояти не смель, бо хто бы чимъ кольвекъ переказу чинилъ и противитися сей уставе нашей смель, абы вольностями якими закрываючися, упорне того податку не выдалъ, таковой маеть быти карашъ, яко сказца добра речи посполитое, страченьемъ всея маестности своея лежачое, рухомое. А для того, абы есте в урадовъ своихъ в тыхъ державаныхъ нашихъ пильности о томъ чинили, ижъ бы того жъ часу, яко сесь листъ нашъ до которого а насъ принесено будетъ, тыхъ бирчихъ с посродку рады в

местехъ установеной ку той справе и службѣ речи посполитое на выбраване того побору и онымъ поборцомъ, где бы потреба вижеть и слугъ правыхъ и записыванья до книгъ, безъ заплаты додавали и помочь на непослушныхъ давали и до того ся с пильностью причинили, яко бы ся той потребе речи посполитое ничого не омешкивало и слушние а порадные водде тое науки нашея выбирая тотъ податокъ; особливе абы черезъ поборцовъ утискъ нѣкому не былъ чиненъ, того бы есте в ураду своего пригледали, бо где бы в томъ икая недбалость черезъ вradу стала, тогда шкоду речи посполитое, которая бы чого Боже вхогай, пришла в незаплатченя службы служебнымъ, каждый вradу недбале постунаючи в томъ повиненъ будетъ намъ, господару, справоватися. А ижъ бы поборцы тии не даро ирацовали, таковымъ с того жъ побору, воудугъ важности працы ихъ, в скарбу земского будуть плачово и нагрожано, яко того шкодни не будуть, а для того, абыся жадець не смель вымовляти, хто на то обратъ будетъ. Притомъ тежъ есть того потреба, абы есте в державаныхъ своихъ хоружимъ своимъ и всимъ земнымъ шляхте оповедали, абы они у своихъ именияхъ по той уставе нашей аховалися, а в нашихъ местъ и волостей подданныхъ на своя имения не приймали конечю. Писанъ у Тыкотинѣ лета 1561, мѣсца декабря 7 день.

(Юн. Переп. Лит., VII, лл. 82—86).

7.

Листъ побскарбемъ земскому пану Остафью Воловичу на выбиране поборовъ местскихъ.

Озваймуемъ сямъ листомъ нашимъ. Што тыхъ часовъ с пани радами нашими духовными и светскими уфалили и поставили есько поборъ на потребу речи посполитое лу обороне земли Лифлянтское в местахъ нашихъ господарскихъ и духовныхъ, который яко вышейменованый поборъ маеть быти бранъ до скарбу господарского земского черезъ справецъ, уставенныхъ на то отъ маршалка дворного подскарбего земского писаря нашего державца могилевского пана Остафия Воловича. Если бы хто якого стану будучи на таковой податокъ повинный, таковце вольности передь тымъ одержалъ отъ насъ, або отъ предковъ нашихъ поборъ на потребу речи посполитое уфаленныхъ не платити, тыхъ листовъ подскарбий земский приймвати и ихъ держати

немаеть, вдыжь есьмо таковыи листы и права постановеныи в уфалою с паны радами нашими съ потребы квалтовное и выправы противю неприятелеи до часу певного на сторону отложили и откладаемъ и хочемъ мети, абы ни хто таковыми ся листы не щитилъ и хотя жь бы съ канцлери нашеи листы хто одержалъ напротивю той уставе нашеи, тыхъ держати подскарбий земский неповинентъ, але подле уставы и листовъ нашихъ, на то выданныхъ, справуютися маеть на веихъ посолите выбирати. И естли бы на которого поборцу о таковую вину поборную жалоба к намъ господару пришла, або до пановъ радъ нашихъ, таковыхъ веихъ маеть судити и радити подскарбий земский и въ кождый речи, штося будетъ стегати около поборовъ, поборцы мають науку брати и послушенство чинити ку нему, подскарбеу, а наши листы в таковыхъ справахъ немають быти даваны ни до кого иного, только до подскарбега земского, абы в ведомомъ вси тые sprawy его поборовъ справованы; особливе естли быхмо хотели арендовати кому таковыи поборы, тогда в ведомомъ пана подскарбега маеть то чинити и никому иному того в руки и справу пуццати немаемъ, одно хто бы од него, подскарбега земского нашеи, намъ зацепонъ на то. А на тотъ часъ онъ, подскарбий, и заведение маеть то мети и того доглядати, яко бы слушне и радие во веихъ поборцы справовалися, которыхъ, дознавши черности и службы ихъ, с тыхъ поборовыхъ пенязей маеть на выхованье имъ и за працу ихъ ошатровати, водле баченья своего, а несправныхъ и недбалыхъ отменити и вныхъ на ихъ местце уставлати, во всемъ подле баченья своего справуютися, не отступуючи уставы нашеи. А естли где хто выбирати не допуститъ, алыбо про убожество и скаженье отъ служебныхъ, або отъ войска не можеть быти тотъ поборъ бранъ, то онъ маеть намъ озваймовати и в наукою нашею таковымъ фольгу чинити. А тые пенези поборные и вси платы скарбу паному в дворовъ, волостей, в митъ и вныхъ пожитковъ, до скарбу нашеи приходячие, маеть панъ подскарбий выдавати на служебные до земли Лифлянтское и на замки украинные и на иные вси потребы наши господарские и земские в нашеи приказанья, а в небытность, насъ господари, в тутошнемъ панетве иное (sic) в сполное намои с паны радами ихъ милости водле баченья своего. А што выдасть и на реестре покажетъ, хотя и безъ листовъ нашихъ и пановъ радъ нашихъ, то маемъ на личбе приймвати, водле его реестровъ. Тежь даемъ ему воцъ фольварки дворовъ нашихъ прадникомъ нашимъ в суме пенезей арендовати на

пожитокъ скарбу нашеи; и кому онъ фольварки наши арендовати будетъ, таковой тую аренду держати маеть и рушонъ съ того не будетъ. И на то есьмо пану подскарбеу дали сесь нашъ листы в нашеи печатю и с подписомъ руки нашеи господарское. Писаны в Городие. Лето Бож. Нарож. 1561, месяца декабря 7 дня.

(Кн. Зап. Лит., XLV; л. 12—13).

8.

Универсалъ о поборъ 1562 г.

Войту, бурмистромъ, радцамъ и всему посольству мещаномъ местъ нашихъ Вольвийского, Здетовского, Молчадиньского, Пороловского и Новодворского. Што который поборъ с паны радами нашими духовными и свецкими на оборону земли Ифлянтское постановили есьмо во всемъ панетве нашеи Великомъ князестве Литовскомъ в гандлевъ и шинюкъ, иво маемъ того справу, же многие, опустивши гандли, пенези на лифу дають и збожы на перекупъ купують, также и солодовники на солоды оборочують и подле воли своеи цену на продаванье уставляютъ, штога за меншею працою, не ездечи в места ни где, большой пожитокъ мають; ктому золотники золото и серебро робленое и неробленое, каменьи и перлы на перекупъ ховають и такимъ же обычаемъ пожитковъ великихъ уживаючи, а ничимъ ся до потребы речи посолитое не прикладають, але еще таковую дорожествою шкоду немалую двору паному и всемъ людемъ ридерскимъ чинять. Про то виделосъ намъ, абы веи тые однако на потребу речи посолитое складався и десятый грошь давали зо всего, хто што на лифу дасть, также и солодовники и веи тые, яко кольвекъ будъ ставу и хто збожы и на перекупъ купуетъ, тежь и золотники, хто золото и серебро и яко кольвекъ клейноты на продажу держать, абы от того всего поборъ платили десятый грошь, штобы есте у местахъ казали выволати и веимъ то озваймили, ижъ бы каждый оноведилъ под присягою, што кольвекъ монеты, серебра и золота и ишихъ речей в лифу дасть, также и солодовники и вси иные, хто збожы на перекупъ купилъ и по чому куплено, от того нехай бы поборъ давали, абы водлугъ цены купна, яко куплено и колько хто побору дасть, постановити, по чому мають збожы ишлиское и солоды продавати и по колку грошей надъ свою цену на мере

в месте зылкой приймавати, яко бы без шкоды ихъ и безъ обтяжливости людское продавано; тежь золотники отъ золота и серебра робленого и неробленого, отъ клеветовъ виелякихъ, што на продажу ховають, абы также десятый грошь платили, онаповавши все; а хто бы што кольець утаилъ съ таковое маетности, которую на продажу ховалъ, а не оповедалъ и побору отъ того не далъ, таковой при томъ всю маетность свою рухомую и лежачую, яко в першихъ листехъ описано, тратить. Воде которыхъ листовъ и росказања нашего абы ся есте заховали, и тотъ поборъ выдавати всимъ казали и платити велели отъ показанья вамъ сего листу нашего за тыидень до дворянина нашего и до иныхъ поборцовъ, на то уставленныхъ в тихъ местахъ нашихъ Волковыскомъ, Здетовскомъ, Молчади, Порозовскомъ, Новодворскомъ. И впередь солодовники и вси тые, хто на перекупъ збожья кушуютъ, и збы пение особы были, которые бы в реестрахъ граду нашего и поборовыхъ описаны, ижъ бы отъ того поборъ платили, не подымали цены по воли своей, одно яко коли будетъ постановена цена отъ насъ з ураду продаванья воде уваженья, по чому которое збожье куплено будетъ въ торгу; а хто бы инший якого козвель стану будъ на перекупъ збожья куповалъ, а не тотъ, который поборъ платитъ и въ реестре нашемъ поборовомъ не описанъ будетъ, таковой всю маетность свою лежачую и рухомую тратитъ; вежде на живность и выхованье дому своего всимъ обывателямъ тамошнихъ местъ и приездчимъ гостемъ волю куповати в рынку; такъ тежь шляхта, которые з имение своихъ и тежь подданне збожья свои до места на продаю возить, отъ того побору не повинни давати, але поборъ мають давати солодовники и перекупни, яко вышей описано. А в томъ бы есте таковую опатрность чинили з урадомъ замковымъ таковыхъ всякъ перекупшевъ, хто бы у реестрахъ поборовыхъ не былъ описанъ, якого козвель стану будъ и чий козвель подданный, всю маетность рухомую и лежачую забирали и половину до скарбу нашего земского давали, а другую половину на ураду, або и за працу свою брати будете и тымъ, хто доводитъ и высветитъ того, бо такового безрадья в местехъ должей терпеть не хочемъ, а тежь у нашихъ господарскихъ местехъ не можеть никто такового безрадья ку школе двору нашего и людей приездчихъ чинити, а дешево купучи въ часи погодные, з дорожностью подде воли своее, а не воде уставы нашео продавати. Писанъ у Вильни. Лет. Бож. Нарож 1562 месяца апреля 29 дна.

(Кн. Перег. Лит., VII, лл. 107 об.—109).

Листъ кор. Сигизмунда Августина объ арендѣ мыта новаго въ 1566 г.

Жигимонть Августъ, Божю милостью король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, жомойтскій, мазовецкій, лифляндскій и иныхъ.

Подскарбему земскому Великого князства Литовского, писару нашему, державцы марковскому и миделскому пану Миколю Наручеву. Ознаймуемъ твоей милости, ижъ што есмы арендовали поборы по всемъ панстве нашемъ Великомъ князстве Литовскомъ, дажные и новые на сойме прошломъ Берестейскомъ уфаление, старосте жомойтскому маршалку земскому Великому князства Литовского сирваши архидиакунства Ризского, гетману земли Лифлянтское, державцы вилельскому и тельшовскому пану Яну Яронимовичу Ходкевичу а подканцлеру нашему Великому князства Литовского маршалку дворному, старосте берестейскому и кобрыскому пану Остафу Воловичу на одинъ годъ зуполный отъ дня Всехъ Светыхъ, то есть месяца повбря первого в року 66-мъ ажъ до того жъ свята Всехъ Светыхъ в року 67-мъ. Нижли ижъ в томъ году в воли Божое в тугошнемъ панстве нашемъ Великомъ князстве Литовскомъ поветрие ся замножило, звланча в местехъ нашихъ, где ся поборы на коморахъ головныхъ выбираютъ въ Вильни, в Новогородку, в Луцку, в Ковне, же дав тое небезпечности жадные товары купецкие за границу а ни з заграничя проважоны быти не могли, на чомъ ихъ милость мусили бы нискодovati, кды бы аренду сиолна до скарбу нашего платити мели, и для того жадали насъ, абыхмо за таковыми значными причинами левкое сужденье въ той аренде ихъ чинити велели. Ино ижъ за таковыми прищадками слушнаго уваженья нашего господарского была потреба, тогда чинечи фолку ихъ милости в томъ, абы своимъ не платили, кды жъ то мають на бранде нашей обваровано, такъ есмы постановили, ижъ колько недель, або месяцев поветрие в местехъ нашихъ господарскихъ, князьскихъ, паньскихъ, духовныхъ и светскихъ панства нашего Великого князства Литовского было за держанья аренды ихъ, почовши отъ Всехъ Светыхъ, за только недель, або месепей, обраховавши мыто и увесь поборъ новий и старий, за якую сумму до году держати, и розложивши на кождый тыидень роаую суму ажъ до году много увесь поборъ учинитъ, за только не-

дель маеть быти имъ в скарбе нашомъ вытручено такъ много, яко на тыйденъ рахуба побору водле оранды в скарбе нашомъ обрахована будеть. При томъ яко есмо перво сего на сойме корупномъ постановили, же воски, которые отколь кольвекъ до Польски проважоны, тогда абы были вожоны частие литроваше сукрого воску, для того в дозренье до одныхъ рукъ гандель восковой в Коруне Польской есть пушчотъ, а ижъ воски в Великого князства Литовского не вси литрованине до Польски идуть, ино яко тамъ таковыхъ бы не принято, за чымъ бы купцы жаднымъ обычаемъ остоятиса и таковыхъ воскомъ вынущати ку зинщечню своему не могли, бо мыта, поборы и восковничое платечи, мусили бы того гандлю своего воскомъ захехати, с чого бы великаа шкода скарбу нашего уросла, где бы тотъ поборъ и восковничое мезо отийти. Про то уважаючи шкоду скарбу нашего и яко бы купцы не ушали, такъ есмо постановили, ижъ твоя милость, пане подскарбий, теперь яко заразомъ маешъ послати по всехъ коморахъ мытныхъ до сиравецъ пана старости жомойтского и пана подканцлерого и до мытничковъ нашихъ Изака Бродавки а Мендела Изаковича, которые в оранде нашей суть при ихъ милости описаны; а такъ на коморахъ и прикоморахъ передъ твоей милости, пане подскарбий, справцы поборовые мають подъ присегами своими показати: только черезъ тотъ чьсь от початья аренды ихъ милости отъ Всихъ Светыхъ воску за границу вышло и то на реистръ свисати тые посланцы мають, ку личбе ведомости доносачи. А потомъ твоя милость, постерегаючи шкоды скарбу нашего, тымъ же своимъ посланцомъ, або сиравцамъ поборовымъ, або кому ся то будеть зидело, маешъ того зверяти и в дозренье поручити, которые на коморахъ и прикоморахъ мають стеречи с пильностью и пописовати на особливые противные реистра, колько воскомъ за границу выйдеть з Великого князства Литовского до выйтыя аренды до Всихъ Светыхъ в року 67-мъ и колько ся покажетъ в реистровъ тыхъ, кому твоя милость доглядати поручитъ, ино зинши рокъ середний навадъ межъ техъ годовъ, в которые поветрие лебило, в скарбе нашомъ тотъ средний годъ маеть быти справедливе без шкоды наше обрахованъ: колько воску в томъ среднемъ року за границу з Великого князства Литовского вывезено и сколько бы воску в томъ году 67-мъ теперешнее аранды до оное личбы в року среднемъ не доставало, тогда маеть ся пану старосте жомойтскому и пану подканцлерому и жидомъ мытничомъ нашимъ вытрутити и на личбе приняти от каждого каменя

по полуконью грошей такъ много побору и восковничого от воску, яко платати до скарбу нашего. Твоя бы милость о томъ ведала, а в тыхъ двухъ сиравахъ около пофолькованья от поветрия и о воскъ уменьшения такъ ся противно ихъ заховалъ, яко выше в томъ нашомъ листе описано. Писанъ у Кнышине лет. Бож. Нарож. 1563 месеци февр. 18 деиъ.—Подпись руки господарекое.

(Кн. Зап. Лит., LIII, лл. 79—81).

Постановление короля Стефана Баторія о новомъ тарифь, илаицующее тарифь 1569 г.

Стефанъ, Божью милостью король полеквй, великий князь литовский.

Воеводе новгородскому пану Палу Ивановичу Сопезе. Што которое постановление продка нашего короля его милости Жигимоята Августа славное намевъ сталося есть около поднесенья мытъ поныхъ, учинивши ульжение людемъ купецкимъ за зложеньемъ поборовъ, для чого яко вси станы, не закривляючи вольностями мели таковое мыто постановление давати, якожъ по смерти его кр. милости панове рады Корунь Подское и Великого князства Литовского, зъехавшиися до Кнышина, своимъ листомъ тое постановление мыта утвєривши, тымъ же мытничомъ Великого князства Литовского поручали некоторое речы скарбу належные съ тыхъ пенязей мытныхъ способити, значимъ повторе и по третий разъ зъездчались панове рады польские и литовские, особливыми листы своими то онимъ мытничомъ утвєрвали, але потомъ зъехавшиися только сами одно панове рады и ридерство Великого князства Литовского до Руднику поднесенье тыхъ мытъ намовили а на Виленскомъ зъезде зложили. Але панъ троцкий подканцлерый Великого князства Литовского староста берестейский и кобрынский панъ Остафей Воловичъ, маючи немалую суму пенязей въ скарбе, за которую по мытникахъ освечался, и указывалъ въ томъ на тридцать тысячъ золотыхъ шкоды своее, за чымъ не одно мытничковъ упадъ, зинщечие, але и шкода скарбная передъ нами при бытности твоей милости, пановъ радъ нашихъ, предложена и ачъ некоторые зъ наше милости давали есте причыну, для чого тое новое мыто поднесено было зъваца, абы въ продканыи речей купецкихъ

станамъ шляхецкимъ узженея какое ся стало за такимъ зменшенемъ мыта, аде и того есте ваша милость докладали, же ничимъ ся не амнейшала дороговиза продаваныхъ товаровъ и овшемъ еще въ большую цену товары купецкихъ людей поднесены, эжкожь ижъ ся той потребе стану рыцарского не ужыло, а въ скарбе шода немалая передъ нами оказана. И намовляючися о томъ зъ вашою милостью павы радами нашими показалося то, ижъ поднесены таковыхъ речей не можетъ быти, толко на вальномъ сойме. А ижъ ся то безъ сойму вадного стало, мы за жеданьемъ вапей милости, хотечы досыть чинити тому, што ся черезъ продка вашого постановило, на пожитокъ речи посполитое, рассказали есмо тое мыто постановленное уезде на коморахъ мытныхъ и прикоморкахъ до вишого застановенья нашего зъ вашою милостью павы радами нашими и до намовы въ потребехъ, скарбу земскому належачихъ подскарбему земскому и писарю нашему Великого князства Литовского, старосте нискому, державци олитскому и квисовскому пану Лавриану Войне черезъ справецъ его, которыхъ где онъ на коморахъ мытныхъ постановитъ, некоторыхъ оборонъ и жадныхъ вымовъ волюностей съ плаченя того мыта не приемуючи, таковымъ способомъ брати, лео нижеи описано, то естъ мыта старому, которое здавна отъ всихъ товаровъ звычайемъ своимъ и деть, мыта подвышнаемъ тымъ обычаемъ, ижъ люди купецкие ишелакого стану тутошние и чужоземцы отъ всихъ товаровъ, которые зъ границъ князства нашего Великого князства Литовского до иныхъ князствъ будутъ провадити што товаровъ ивнихъ, на одного пависса зъ нихъ не выимуючи, кромъ золота, серебра, клейнотовъ, отъ чого и передъ тымъ мыта и поборъ отъ того не даванъ, отъ таковыхъ товаровъ купецкихъ и таконше люди всякого стану, хто бы се купецствомъ бавялъ, повиненъ будетъ отъ шацованого товару на коморахъ граничныхъ, альбо головныхъ теперь подвышного мыта дати отъ каждое коня по чотыри гроши литовскихъ, то естъ отъ олавъ, фарбъ и коцу и отъ платна колениского и иныхъ дробныхъ вещей купецкихъ, отъ косматыхъ товаровъ соболевъ, кушь, лисовъ, волковъ, белки сибирки, росмаки, такъ же и отъ всихъ еднанныхъ речей и злотоглявъ и крапныхъ всякихъ товаровъ и отъ суконъ, которые дорожей купать, ивжи сукна люнские, альбо нурпурьяны,—тые вси мають на шацупокъ ити, отъ которыхъ мають брати по чотыри гроши съ кони. Отъ суконъ отъ постану вгеранцы по три гроши и по два пенези отъ киты целое,

въ которой бы было поставовъ двадцать пять, маеть быти плачово по грошей осмдесати, отъ тивковского сукна также и отъ постану сукна шведедисского и ерияку муровского по грошей осми, отъ постану лонского сукна грошей осмнадцати пенези чотыри, отъ локтя нурпурьяну по шести пенезей, отъ сукна филского отъ локти по пяти пенезей, отъ настрадамского отъ локти по чотыри пенези, отъ сукна сермяжного отъ локти по три пенези, отъ локти полотна простого по два пенези, отъ воску камена грошей двадцать чотыри, отъ камена лоу грошей три пенезей пять, отъ бочки селедцовъ грошей десать; а ведже шляхтичъ, который бы на свою потребу домовую што селедцовъ провадити хотель, тогда до трехъ и чотырохъ бочокъ будетъ волю провадити. Отъ соли бочки грошей по дванадцати, отъ бирковиска соли грошей шеснадцати, отъ тысяча соли тогънястое по грошу одному, отъ каменъ хмелю по три гроши, отъ камена лыу по чотыри гроши, отъ камена конопель по три гроши, отъ бочки рябъ грошей шестъ; отъ бидла, хто за границу на продажу жеветь, кождый купецкий человекъ повиненъ дати мыта нового подвышного: отъ вола по грошей дванадцать, отъ яловницы по гроши шестъ, отъ барана грошь одинъ, отъ козла грошь одинъ пенезей пять, отъ бочки мяса солоного, которое бы люди купецкие за границу возили, грошей по дванадцати, отъ полти жаса свиного грошей три, отъ коза мерзлое рыбы грошей пять, отъ скуры воловое и отъ яловичное грошей по чотыри, отъ тымца кожного, што за границу возать, грошь одинъ, отъ скуры козловое грошь одинъ пенезей шестъ, отъ юхти, што за границу возать, грошей чотыри, отъ бочки меду пресного грошей дванадцати, отъ бочки меду кислого грошей шестъ; а отъ збожьи, што бы зъ людей купецкихъ кушывны за границу провадилъ, теперь новоподвышного мыта: отъ жыта каждое бочки три гроша, отъ бочки пшеници гроши чотыри, отъ бочки ечемю по два гроши, отъ бочки пшева по три гроши, отъ бочки овса по грошу одному, отъ бочки гречяны по грошу одному; отъ товаровъ лесныхъ, хто бы также зъ людей купецкихъ въ нуцахъ нашихъ господарскихъ, князьскихъ, павьскихъ, духовныхъ и шведскихъ выробилъ и за границу провадилъ, маеть быти брано мыта теперь подвышного: отъ лашту попелу по три грошей золотыхъ польскихихъ, отъ ста пленокъ по три золотыхъ, отъ ста ванчосу по два золотыхъ, отъ ста васильковъ по чотыри золотыхъ, отъ кони чамру по три золотые, отъ кони дилевъ по одному золотому, отъ лашта смолы вароное по три золотые, отъ не вароное

смоли по два золотых; а хто Двиною таковые товары лесные провадити будеть, тотъ только по половине того мыта платити маеть. Отъ вина угорского отъ ксарца по шести пенезей, отъ вина башгарту, романей по шести пенезей, отъ ксарца малмазыи мушкатели по одному грошу, отъ ксарца вина ринского по пяти пенезей, отъ кварта горелки по пяти пенезей; коренье: отъ фунта пепру грошь одинь, отъ фунта имберу грошь одинь пенезей пять, отъ фунта мущбагу грошь одинь пенезей пять, отъ фунта кгалкгану грошь одинь пенезей пять, отъ фунта гвоздиковъ грошь одинь пенезей пять, отъ фунта цинамону грошь одинь пенезей пять, отъ фунта мушкатового квету грошь одинь пенезей шть, отъ фунта шафрану грошей чотыри, отъ камня цукру кавару грошей шесть, отъ камня цукру томау грошей чотыри. Старое мыто повинни платити подданные его кр. милости обыватели Великого князства Литовского люди купецкие яко козвекъ стану отъ товаровъ шпелыкихъ и шацованыихъ отъ копы по грошу одному, которые вольности отъ его кр. милости продка нашего на старое мыто не мають, а которые вольности мають, тые старого мыта платити повинни, одно отъ камня воску восковичного по грошей шести, отъ бочки соли по три гроши, отъ берковиска соли по чотыри гроши; а люди купецкие шпелыкие, которые зъ чужое земли присьждчають, повинни платити отъ товару шацованого по два гроши зъ большое руки. Накли бы хто зъ людей купецкихъ, маючи сее поставовенье наше, того мыта новоподвижного платити не хотечы, альбо мыто утаиваючи того мыта нового до справецъ, отъ подскарбего земского на то установенихъ, отъ всего товару, альбо отъ части его не отдавши и не заплативши, комору мытную промпуль, тогда кожного такового вси товары забираючи быти мають, которыхъ половина до скарбу нашего, а другая половина на врадъ, которому то заданна належить; а въ томъ свовольномъ жадная шкода чынена бати не маеть, для чого ку дешшой осторожности тыхъ всихъ пожитковъ нашихъ панъ подскарбий земский везде, где бы того потребу ку перестерегальи тыхъ мытъ быти розумель справецъ своихъ поставовити маеть. А якъ немало тыхъ товаровъ, отъ которыхъ тое мыто новое водле сего постановенья нашего приходитъ, теперь межи людьми купецкими есть, тогда абасы и въ томъ значнал шкода скарбу нашему не стала, рассказали сьмо подскарбему нашему земскому зъ урадомъ твоє м. и зъ врадомъ местскимъ вси таковые товары въ домехъ, крамехъ и увезде, где бы были, достаточне спасавши водле

шауцну по тому жъ тое мыто брати, яко и отъ тыхъ, которые зъ заграници товары провадити будутъ. А хто зъ людей купецкихъ того мыта, занесавши въ дому товары свои, заплатити и квитъ отъ сиравецъ мытныхъ пана подскарбего одержитъ, тотъ яко на коморахъ мытныхъ того мыта платити повинненъ будетъ, о которыхъ всихъ товарахъ, въ домехъ лежалыхъ, конечно абы кождый съ подданныхъ нашихъ справцамъ пана подскарбего земского, на коморахъ мытныхъ постановенихъ, подъ присягою достаточную и певную ведомость давалъ и въ регистра мытъ новыхъ вписоваль до дня певного свята святаго Балтромаея, а надалей до Нароженья Панны Марии въ року ипешнемъ 76-мъ приплыхъ святъ; а хто бы до святаго Балтромаея, а надалей до Нароженья Панны Марии, якоя вышей поменило, о товарахъ въ дому залежалыхъ сиравцамъ мытнымъ, отъ пана подскарбего земского на то установенимъ, не оповедилъ и въ регистра скарбные не вписаль, а того мыта черезъ продка нашего постановленого не заплатилъ, таковой кождый вси товары свои, кроме жадное фольги до скарбу нашего, яко въ промыте, тратити маеть. А которые купцы яко въ дорозе суть, тые теперь заразомъ на коморахъ отдавати мають, яко вышей въ постановенью есть описано, до справецъ подскарбего земского то, што имъ належить, а то, што давали мытникомъ першымъ, потомужъ до нихъ отдавати мають; а то повиненъ чынити будетъ, выстерегаючися, жебы за промытою всихъ товаровъ своихъ не тратили, кды жъ въ таковыхъ речахъ никому жадная фольга делана не будетъ. Твои бы милость, пане воеводу новгородской, обославши сюю волю и росказанье наше, имъ оповедаль и на непослушныхъ и уиорныхъ, которые бы того мыта платити не хотели, где бы того справца пана подскарбего потребовали, помочь зъ ураду твоє милости давалъ и врадъ твоє милости ку пописованью задерживаныихъ товаровъ давати казалъ, а то зъ местца владности твоєи милости постерегаль, якобы жадеть ку шкоде скарбу земского свовольности жадного въ той сираве чынити не смель. Прото штобы твоа милость увезде у воеводстве своемъ сее поставовенье наше обволати казалъ, абы купецкие люди, ведаючи о томъ, ку шкоде за промытами не приходили, але водле сего листу и уставы наше, до скарбу земского Великого князства Литовского на письме и съ подписомъ руки наше на комора мытные выданое, одъ шпелыкихъ товаровъ тое мыто новое, жадными вольностями отъ того ся неборожичи, такъ места вольные упрывильеваные, яко и иные вси, хто

гаждю и купецтва уживають, отдавали и во всемъ си подлугъ сего листу нашего заховали. А вѣкъ бы сее постановенье наше во всемъ безъ мешканья skutokъ свой праймовало, тогда, въ небытности наша воеводи новгородского въ Новгородку, вамъ, наместникомъ, подстаростимъ и вradiникомъ его милости у воеводстве Новгородскомъ, приказуемъ, ижды есте въ той справе митной зъ урадовъ вашыхъ пильное старанье чинили и вшелакую помочъ давали, постерегаючи того, дабы ся во всемъ тому постановенью нашему безъ мешканья досить стало. Писанъ у Книшине лета Божяго Нарож. тисеча пятсотъ семдесятъ шестого мѣсеца июля 27 дня. Stephanus Rex.—Матей Савицкий, вашталнъ подляшский, писар Великого князства Литовского.

(Кн. Запис. Лит. LVI, лл. 23 об.—27).

10.

Thelonea Magni Ducatus Litwaniæ antiqua et nova in A. 1576 instituta.

Camera Vilnen. Minscen. Nowogrodën. una cum adcameris Bobruisk, Kraszne Siolo, Radoskowiszze, Osmiana.

In anno 1577 percepti ex eisdem cameris fl. 31870/15.

Exceptis quibusdam debitis a mercatoribus non exactis.

Exceptis libertatibus ab antiquo theloneo civitatibus concessis, videlicet Vilnensibus, Minscensibus, Radoskowiensibus.

Exceptis libertatibus a mercimoniis nobilium quod totum ad fl. 4000 aestimari possit.

Camera Caunensis cum adcameris Jurborg, Rudleiel (?), Tregi, Zagory, Zeymielle.

In anno 1577 percepti fl. 32000.

Exceptis debitis et a mercibus nobilium videlicet frumento, sale, mercibus sylvestribus.

Exceptis mercibus civium libertate gaudentium videlicet Cownensis, Grodnensis quod facit fl. 9747/15.

Camera Brestensis cum suis adcameris Wlodawa, Woyn, Lomazy, Dewyn, Kamieniecz, Mieleczycze, Janow, Miedzyrzecz.

In anno 1577 percepti fl. 12000.

Exceptis debitis et libertatibus civium Brestensium.

Exceptis mercibus Iudaeorum Brestensium, Pincensium ad literas Sac. Mth. R. a mercium libere demissorum, in mercibus sylvestribus Polonis et Wolynensib. libere missorum taxat ad fl. 3367/19/8.

Adcamera Pinszk.

In anno 1577 percepti fl. 2550.

Exceptis Iudaeis libertate gaudentibus.

Camera Dzisnen. cum adcameris Dynemborek, Kiercholm, cum aliis ad portum Dunensem locatis. Primae tantum navigationis antequam Moschus occupaverat portum Dunensem percepti R. 5700.

Et in anno ter navigationes cum frumento et sale fiebant.

Exceptis mercibus sylvestribus nobilium dimissorum, a quibus plus minus fl. 1500.

Camera Witepseen. cum adcameris.

Ex prima tantum deflutione in A. 1587 percepti fl. 4500.

Aliae deflutiones impeditae erant per Moschum qui portum Dunen. ademerat et occupaverat.

Exceptis mercibus nobilium, a quibus solutio thelonei nulla citra fl. 1130.

Camera Mohylow cum adcameris.

In anno 1577 percepti fl. 5300.

Exceptis debitis in eadem camera non exactis.

Camera Grodnen. et Msczibowien. cum adcameris.

In anno 1577 percepti fl. 8250.

Exceptis mercibus nobilium et mercatorum quorundam immunitate a quibus detract. fl. 1500.

Camera Terrae Samogitiae.

Si a libertatibus nobilium non impediretur novi thelonej proveniret plus minus fl. 2000.

Exceptis bobus ducis Prusiae. № 500 libere abactis.

Summa thelonej antiqui et novi percepti pro anno Dai 1577 facit fl. 105970/15.

Exceptis immunitatibus nobilium quae si non impedirent provenirent super fl. 20615/4/8.

Exceptis propter occupationem Portus Dunen, in cam. Disnen, et Witebscen, diminutione fl. 20000.

P-to Debitorum.

In salaria et pensiones notariis camerarum et adcamerarum iuxta ordinationem Regiam una cum pensionibus Iudaeorum quotannis citra ultra fl. 4617.

Residunt ad Thesaurum Magni Duc. Lyt. fl. 101353/15.

Notandum: Thelonei antiqui in Lythwa, antequam theloneum nondum institueretur, proveniebat summa ex rationibus notariorum pro 1577 fl. 25000, ex quibus modo arendae Iudaei ad Thesaurum inferrebant tantum fl. 17000.

Usthawa nowego mytha w W. X. Lith. na seymie w Torunia przez Cro. Je. Meczij Stephana uczyniona.

Od thowarow ktore z zagranicza y z roznych stron do W. X. Lyth. bywaią prowadzone y od zalezalych, iedwabnych rzeczy, zlohoglowow ukrajnych wszelakych thowarow, od szukien, ktore drozey nisz luńskie przedaią, od szoboly, kun, lyszow, biciek sibierek, rozszomakow y od kosmatych wszelakich thowarow, od oływy, farb, plotna kolenskie., flamszkie, oszczozowawszy od kazdey kopy po lyth. gr. 2/5.

Od postawu Gerlicze po lyth. gr. 1/6.

Od szukien Loiebodzinszkie., Czyhowszkie., Morawskiego, Mytficzkie. od postawu po gr. 4/2.

Od postawu Lunszkiego takze purpurianu po gr. 9/2.

Od sukna Flamszkie. od lokczia . . . po gr. p. 0/3.

Od Nastradamskie. od lokczia	po gr. p.	0/2 ¹ / ₂ .
Od sukna Siermiazne. od lokczia	po gr. p.	0/1 ¹ / ₂ .
Od lokczia plotna prostego	po gr. p.	0/1.
Od beczky siedzy	po gr. p.	5/8.
Od beczky soly	po gr. p.	7/5.
Od bierkowiska soly	po gr.	10.
Od 1000 soly tolpiastey	po gr.	0/7.
Od malego 1000 soly	po gr.	0/3 ¹ / ₂ .
Od kamienia chmielu	po gr.	1/5.

Od korzenia:

Od kamienia pieprzu	gr.	12.
Od funtha pieprzu	gr.	0/5.
Od funtha imbieru	gr.	0/5.
Od funtha gosdzykow	gr.	0/7 ¹ / ₂ .
Od funtha czynamonu	gr.	0/7 ¹ / ₂ .
Od funtha muskathu	gr.	0/7 ¹ / ₂ .
Od funtha galganu	gr.	0/7 ¹ / ₂ .
Od funtha szafranu	gr.	3/5.
Od kamienia czukru canaru	gr.	3.
Od kamienia czukru thomasu	gr.	2.

Od piezia y trunkow roznych:

Od kufy wina Węgierszkie.	gr.	0/35 lyth.
Od beczky wina rynszkie. y francz.	gr.	0/20 lyth.
Od kufy malwaziey y muskatelley	gr.	0/80 lyth.
Od faszy piwa Gdanskie.	gr.	10.
Od kwarty gorzalky.	gr.	0/2.

Od thowarow lesznych od ludzy kupieczkich krom towarow slacheznych:

Od lasthu popiolu	gr.	30.
Od stha klepek.	gr.	30.
Od stha wanczosu	gr.	24.
Od stha waszilkow	gr.	48.
Od kopy czamru	gr.	40.
Od kopy dylow	gr.	20.

LXXIV

Od lasthu smoły warzoney	gr. 30.
Od lasthu smoły niewarzoney	gr. 26.
Od białki dębowey	gr. 0/5.

Od towarow ktore za granicze W. X^a L^o prowadzone bywaią:

Od kamienia wozku	gr. 17/5.
Od kamienia loynu	gr. 2/5.
Od kamienia konopy	gr. 2/5.
Od kamienia lnu	gr. 3.
Od beczki ryb.	gr. 3.

Od bydła:

Od wołu	gr. 10.
Od jałowicze	gr. 5.
Od barana	gr. 1.
Od kozła	gr. 1/2.
Od beczki mięsza słonego	gr. 5.
Od polezia mięsza	gr. 1/5.
Od woza ryb zmarzłych	gr. 2/5.

Od skor rozmaitych:

Od skory wołowej	gr. 3/5.
Od skory iałowiczey	gr. 2.
Od czymcza	gr. 0/5.
Od skory łosiey.	gr. 5.
Od skory sarniey	gr. 0/5.
Od skory iuchtowey	gr. 4.
Od skory dublenney	gr. 3.
Od kozłyny więksey	gr. 1.
Od kozłyny maley	gr. 0/5.
Od skory baraniey	gr. 0/2.

Od miodu:

Od beczki miodu przasnego	gr. 12.
Od beczki miodu kyslego	gr. 3.

LXXV

Od zboża:

Od beczky zytha	gr. 1/5.
Od beczky pszenicze	gr. 2.
Od beczky jeczmienia	gr. 1/2.
Od beczky pszona	gr. 1/2.
Od beczky hreczyki	gr. 0/5.
Od gorzalky choez kapszizna od niey bywa dawana, yednak ysz zytha niemalo na nie wywarzaią, od ktorego czlo yusz niemoze bydz brane, thedy od kwarty gorzalky po	gr. 0/2.

Poprawa they to ustawy miastu Wilenskiemu dana:

Od kamienia wozku	gr. 16.
Od kamienia loinu	gr. 2/5.
Od funtha pieprzu	gr. 0/5.
Od kamienia pieprzu	gr. 15.
Od kamienia konopy	gr. 2/2.
Od kamienia lnu	gr. 2/5.
Od skor wołowych iałowiczych	gr. 2/5.
Od juchtury pary	gr. 6.
Od skory łosziey	gr. 4/5.
Od kozłyny wężseyy	gr. 0/8.
Od maley kozłyny	gr. 0/5.

(Apr. Вapу. Каз. Пал., omł. 54, кн. B).

Роспись справцевъ коморъ мытныхъ по всему вел. кн. Литовскому съ листомъ, который разосланъ къ мытникамъ.

То есть срана мытнал, которыхъ дворницъ виделося господарю, королевои и королю его милости по всахъ мытомъ у Великомъ князствѣ Литовскомъ розложити и поручити имъ тыхъ мыт справцами быти о теперешнемъ свате пришломъ о новомъ лете, то есть по Божьемъ Нароженьи и тыйденъ, лета Бож. Нарож. 1536, мѣа декабра 27 дня, видикта 10.

А то тие росписаны суть, хто бы намъ тыхъ справцами былъ.

На Виленскую комору Микита скарбный, а мещанинъ виленскій Степанъ Вилкевичъ а съ ними Янъ Урлиховичъ маеть на той же коморе быти и квиты господарскни роздавати, яко король его милость самъ уставилъ и квиты на то ему дать.

На Ковенской коморѣ маеть быти князь Еустахвусъ, канонистъ виленскій, а Иванъ Гушцовичъ, вридинъ королевое ея милости юрборскій, а служебникъ подскарбего земского пана Ивана Горюстаевъ, не оседлый, водде воли и науки королевое ея милости.

На Городенской и Мостовской коморе дворенинъ королевое ея милости Войтехъ Требскій а бурмистры два городенскни Романъ Кудавичъ а Грышко Ходыкевичъ.

На Бельскую комору и по всимъ мытамъ бельскимъ положонъ дворенинъ королевое ея милости Матей Левицкій а бурмистры два Екимъ Ожаровичъ а Еско.

А к тому Дорогицкая камора со всеми мыты к ней прислухачами привернена к Бельской коморе и маеть ея заведати Левицкій жо а Войташко бурмистръ дорогицкій.

На Берестейской коморе маеть мешкаты дворанинъ Григорей Воловичъ а два бурмистры берестейскни Протасъ а Михно Калиховичъ.

На Менскомъ мыте положонъ дворанинъ Гринашко Шолуничъ а два бурмистры Федько Цицуло а Семень Калениковичъ, тии жъ мають заведати Бобруйское мыто и половицу Воложинского.

На Новгородскомъ мыте маеть быти дворанинъ королевое ея милости Александръ Шпарка а бурмистръ новгородскій Васко Миткевичъ.

На Полоцкую и Витебскую комору намъ Глебъ Ивановичъ Зеновевича а бурмистры Давидъ Панковичъ а Иванъ Становича, тии жъ мають заведати и у Витебску и на Друи.

У Могилеве к тому жъ мыту Полоцкому пограничныи мыта, але особныи мають положоны быти Тарасъ Германовичъ, бодринъ могилевскій, а два мещанины Павелъ Оршаникъ а Гаврило Смолнанинъ, мають быти у Могилеве.

А (пропускъ) к тому жъ мыту Могилевскому маеть стеречи бодринъ королевескій дякъ Бурий, который тамъ мешкаеть, и тии пеняи маеть и мытникомъ могилевскимъ относити и с ними порозуменье мети.

А тымъ обычаемъ листи господарскне до тыхъ всихъ справцевъ мытныхъ до каждого поособну писаны.

Жыкгимонтъ, Божью милостью король и великий князь.

Водрицу полоцкому пану Глебу Ивановичу Зеновевича, а бурмистру места Полоцкого Давиду Панковичу, а Ивану Становичу. Што семо полетили заведати и в справе своей мети вси коморы и мыта по Великому князству Литовскому королевой нашой и великой кветини Боне, ино виделосе ея милости на той коморе Полоцкой и Витебской и на всихъ мытлахъ, который к коморе Полоцкой прислухаютъ, вась установити; прото приказуемъ вамъ, абы есте на росказанье и на листы ея милости королевое наше на тыхъ мытлахъ сами справцами были, а у Витебску кому полетили тамошнимъ мещаномъ и верне справедливе бы есте намъ служили и позытку нашего з великою пильностью на тыхъ мытлахъ стерегли, никому не фольгуючы тагъ, какъ быхмо ни в чомъ шкодо не мели, а на местцы одномъ не дежали, але мыта объездчали и коло нихъ великую сторожу, опатреность и чубность мели, а предъ ся въ послушестве были бы есте подскарбего нашего земского пана Ивана Горюстаа и в кождую пол-

года до него приезджали и реистра и пенязи относили и личбу чинили, а за працу вамъ ты бы, Глебе, бралъ на тыйденъ по двадцати грошей, а вы, мещане, по десяти грошей на тотъ часъ до воли нашею, а больши того абы есте ни одного пенязя себе не брали; а звераемъ вамъ тую комору Полоцкую и Витебскую держати на насъ к верной рудѣ на ваши цноты и на души и на горла ваши, абы есте никоторое речи намъ бу шкоде не впустили, але верие, правдиве намъ служили, а иначей бы то не было. А што ся дотычетъ жидовъ, на томъ есмо с королевою ее милости zostались, черезъ то на тыхъ справахъ мытныхъ ни одного с нихъ мети не хочемъ, и вы бы ихъ съ тое коморы, якъ рокъ придетъ новое лето, сослали и черезъ то ихъ въ той справе тамъ при себе не мели конечно. Писанъ у Кракове под лет. Бож. Нарож. 1536 месяца ноября 8 день, индикъ 10.

(Кн. Зап. Лит. XXI, лл. 12 об.—14).

Съ мыту малому и съ монополіи.

1.

Листъ кор. Боямъ объ арендѣ мытъ малыхъ въ Пинскѣ.

Бова, Божью милостью ете.

Озваймусемъ тымъ нашимъ листомъ. Штожь били намъ челома подданне наши жидова нинские Израило а Нахимъ Песаховичи, Тяюшко Мошеевичъ, икъ быхмо имъ мыта нани и корчмы всякые и иныи некоторые пожитки, што к мытомъ здавна прислухаютъ у замкохъ нашихъ Пиньску, Клецку и Городку арендовали, якожъ теажъ первой сего староста нашъ пиньскій, клецкій и городецкій панъ Петръ Кирдеевичъ Мильскій послотъ с каноникомъ виленскимъ писаромъ нашимъ Войтехомъ Ленартовичемъ Нарбутомъ тые мыты и корчмы и пожитки вси ныншніе, которые здавна к мытомъ прислухаютъ, тымъ же жидомъ нашимъ запродали от светого Михайла Архангела, недавно прошлого римского свята, тые мыта имъ в моцъ и в справу ихъ поручили, инажи з ними никоторое певное змовы не вчинили, што бы с тыхъ мытъ до скарбу нашего на рокъ платити были повинни и до насъ то били отложили. Где мы тыхъ часомъ с тими жиды певное постановене и вмову вчинити о тыхъ мытэхъ кавали и з ними есмо взо певную речъ поставили тымъ обычаемъ, икъ тые жидова верхуписане от светого Михайла Архангела, недавно прошлого римского свята, которое было в року отъ Божьего Нарожени тислячъ пятьсотъ сорокъ осмого, ажъ до такогояъ другого свята светого Михайла Архангела, которое будет в року отъ Бож. Нарож. тислячъ пятьсотъ сорокъ девятомъ, черезъ одинъ зуполный рокъ мають еские

мыта и понизовое и корчмы наши пивные и медовые з воскомъ, што с корчомъ медонныхъ приходитъ, и горелку и корчмы поселские, торговое, важное, полозное, воскобойню, перевозки в Нинску и Городку и иные пожитки, если которые ку тымъ мытомъ нашимъ здавна прислухали и по тые лета ихъ ку скарбу нашему выбираю в тыхъ замкахъ и волостяхъ нашихъ Нинскомъ, Клецкомъ и Городецкомъ, держати и водлугъ звывлого обычая и справы тамошнее, яко ся здавна до сихъ часовъ заховывало, на местцахъ звывлыхъ выбирать и справовати и тымъ пожиткомъ водлугъ воли своее шафовати. А за тотъ рокъ супольный верхуписаный отъ тыхъ мыт, корчомъ и иныхъ пожитковъ, к тому прислухарочихъ, мають осмысогъ конь семдесятъ пять копъ грошей на литовскую личбу и к тому двадцать и пять каменей поску топленого на вагу пивскую до скарбу нашего, то есть половице той сумы о середности придучомъ, которое будетъ в индикте семоу, а другую половицу и остатокъ тойже сумы посылъ из воскомъ при выдержаньи року на святой Михаль до рукъ старости нашего пивского пана Петра Кирдеевича Мыльского сполна монетою доброю, ничимъ тыхъ роковъ не оменчиваючи, отдати. А к тому такъ купцомъ постороннимъ, яко тежъ и поданнымъ нашимъ, в тыхъ мытехъ ладного облаженья над звывчай стародавний чинити не мыють. А што ся дотычетъ промыты, если бы ся на тыхъ мытехъ, которая в томъ году притрафала, с той водлугъ заховалого обычая половица на замокъ нашъ, а другая на нихъ, яко мытникомъ приходитъ и делана (делена) быти маеть. Псапъ у Варшаве, под лето Бож. Нарож. 1548 мѣсяца ноября 20 ден, индикта 7.

(Кн. Зап. Лит. XXXII, л. 22—22).

2.

Листъ королевы Боги на аренду мытъ малыхъ въ Кремницъ.

(Бона).

Ознаймуемъ сямъ нашимъ листомъ. Иже што которые доходы наши замку Кремницкого, то есть мыта гребельное водлугъ старого звывчаю и на местцахъ звывлахъ, также мерки солодоные и бровары местные и млыны на реце Ниве, з воли а розказанья нашего, маршалокъ короля его милости староста нашъ кремницкий державца довгалинскый панъ Псапъ Богушевичъ посылъ въ дворанножь на-

шимъ Себестьяномъ Дибовскимъ отъ нового лета, теперъ в року отъ Божего Нароженья тысяча пятьсогъ сорокъ девятого недавно прошлого, ажъ до другого нового лета впередъ придучого через одинъ зупольный годъ запродали и арендовали мещанину нашему кремницкому Михайлу Скуйбеде за триста копъ грошей личбы и монеты литовское. А такъ мы, водлугъ постановени и арендованя того старости нашего кремницкого и Себестьяна Дибовского, оного Михайла Скуйбеду при тыхъ доходехъ нашихъ замковыхъ кремницкихъ заставляемъ и заховываемъ такъ, иже онъ вся мыта наши замковые кремницкие на местцахъ стародавна звывлыхъ и водлугъ стародавнего звывчаю и захованья и иже ихъ держано было, тамъ выбирать и къ рукамъ своимъ посылъ съ гребельнымъ Дунаевскимъ и с Пановскимъ держати и мети маеть. А если бы где на которыхъ местцахъ водлугъ звывчаю и повинности стародавние ему хто допустити не хотель мыта нашего замкового выбирать, тогда староста нашъ кремницкий повинень будетъ ему в томъ з уряду своего допомогати и его боронити, то есть видъ дати и слугъ замковыхъ путныхъ, где будетъ ему потреба, изъ помощи послати. А где бы ся хто с товаромъ своимъ промышля, таковое промыты на замокъ нашъ Кремницкий половица, а на Скуйбеду другая приходитъ маеть. Такъ же тежъ тотъ Скуйбеда мерки солодоные, которые отъ мещанъ нашихъ Кремницкихъ на замокъ нашъ приходять, к рукамъ своимъ держати и выбирать маеть, окромъ тыхъ мещанъ, которые бы листи нашими отъ плаченья, тыхъ мерокъ слодовыхъ з ласки нашее вызволени были. К тому броварцизну, которая тыхъ же мещанъ нашихъ кремницкихъ отъ пива и меду на замокъ нашъ водлугъ звывчаю приходитъ, тотъ же Скуйбеда къ рукамъ своимъ держати и выбирать маеть. А хто бы з мещанъ нашихъ тамошнихъ кремницкихъ, ему не оповеданьяся, пиво варилъ, або медъ сыгилъ, або тежъ, мерки солодоные не отдавши, и млине солодь молодь, таковыхъ водлугъ стародавнего звывчаю на замокъ нашъ Кремницкий вина три кони грошей, а Скуйбеде истизну заплатити маеть. А однакожь в тыхъ броварехъ волюно маеть быти на замокъ нашъ Кремницкий пиво варити. А тотъ часъ, згда на замокъ пиво будеть варити, пивоваромъ изъ замку страву мають дивати. А (съ) которыми ставяи и начинями тотъ Скуйбеда опье бровары наши темеречи в модъ и справу свою звалъ, с такими же статьи и начинями и водъ тою личбою по выдержаньи аренды своее тые бровары наши намъ здати повинень будетъ. При томъ тежъ

мльни наши замковые кремляцкие, которые суть на реце Пкве, то ест Кокоревский, Дунаевский, Подлесецкий и Сатаповский со всеми вымелы и пожитки и з валидбы (sic) тотъ же Скуйбеда к рукамъ своимъ держати маеть. А если бы ку тымъ мльномъ камня потреба была, тогда подданые наши Подлесецкие, водлугъ стародавнего обычая и повинности, мають камень с потребу до тыхъ мльновъ на его дѣй части, а мельники третью давати. А мельники тежъ водлугъ старого звачю на третей мерце в тыхъ мльнехъ захованы быти мають; а того с пильностью мельники стеречи мають, абыс Скуйбеде в тыхъ мльнехъ жадная шкода не дела. А если бы си ему за ихъ недбалостью и непатрностью в тыхъ мльнехъ шкода которая стала, тогда с права повинни они будутъ то ему нагородити, яко бы онъ в томъ нешкодовалъ. А староста нашъ Кремляцкий повиненъ будетъ гребель в тыхъ мльновъ казати оправовати. А если бы, чего Боже уховай, у которого с трехъ мльновъ гребли отъ воды иквалтовне была порвана, тогда маемъ Скуйбеде водлугъ речи слушное ласку нашу при плаценоу аренды иделати. Ставъ Дунаевский, на которомъ спускъ ест, староста нашъ Кремляцкий маеть казати, кгда того часу будетъ, заспнати, а отъ которого часу оный мльнъ замелеть, одъ того часу маеть его Скуйбеда зуполный рокъ выдержати. А наши такъ мещане, яко и селане Кремляцкие водлугъ повинности стародавние в мльнехъ нашихъ, а не в чужихъ збожьи всякие свои и солоды молоти мають под винною на замокъ нашъ Кремляцкий тремя копами грошей и подъ втраченемъ збожьи своего до Скуйбеда. А ку тымъ мльномъ коваль подлесецкий водлугъ повинности свое стародавние вси потребы железные маеть робити и поправляти зъ железа замкового. А за то въ мльне мерка отъ збожьи его, водде обычай, не маеть брана быти. Такъ же тежъ корчмы две поселские у Кокорове и у Дунаеве тотъ же Скуйбеда держати маеть; яко напередъ розумеючи ку пожитку своему ихъ привести можеть тые вси пожитки и доходы наши, то ест мыта всякие стародавние, мерка солодоние, броварцину и мльни на Пкве и две корчмы поселские, водлугъ постановенья и арендованья старосты нашего кремляцкого и Себестьяна Дыбовского, тому мещанину нашему кремляцкому Михайлу Скуйбеде, почавши отъ нового лета теперъ прошлого ажъ до другого нового лета впередъ прийдущого, замкаючи аренду оставочнымъ днемъ м-ца декабря черезъ одинъ зуполный рокъ, который ся пишеть (sic) отъ Бож. Нарож. тысячя штысьсотъ сорокъ девятого, за тую суму верху писаную за триста

копъ грошей личбы литовское симъ листомъ нашимъ арендуемъ и описуемъ. Маеть тотъ Михайло Скуйбеда тые вси доходы наши верхуписаные к рукамъ своимъ держати и черезъ тотъ зуполный рокъ, яко у верху описано ест, ими ку пожитку своему справовати, а намъ за то до скарбу нашего водлугъ ямовы, которую с тымъ старостою нашимъ кремляцкимъ и з Себестьяномъ Дыбовскимъ вделаъ, черезъ руки того жъ старосты нашего кремляцкого триста копъ грошей личбы литовское, то ест: первую сто копъ на Громниццы, другую сто копъ на свято светыхъ апостоловъ Петра и Павла, а третью сто копъ при выдержавы аренды за три недели передъ Божьимъ Нароженьемъ в року нынешнемъ дати и заплатити будетъ повиненъ. А к тому тежъ маеть дати тотъ Скуйбеда на себе тамъ старосте нашему кремляцкому рукоеметю слушное, або листъ свой записный, такъ, яко естъ обычай, подъ своею и людей добрыхъ печатывъ, такъ и за котрымъ рукоеметвомъ, або листъ его певные бы есмо были тое заплаты отъ него трехлсотъ копъ грошей водлугъ тое аренды наше. И на то есмо тому Михайлу Скуйбеде сес нашъ листъ дати казали а нашею печатую. Псац у Варшовѣ под лет. Бож. Нарож. 1549, м-ца ген. 13 ден, штыдкты 7.

(Ки. Зап. Лист. XXXII, лл. 47 об.,—50).

3.

Берестейская устан о продажъ солода.

Подскарбій земскій О. Воловичъ разсматривалъ жалобу войта и мѣщанъ Троцкихъ на мѣстнаго арендатора солодовень Еска Мордухаевича о томъ, что послѣдній поступаетъ не „водлугъ аренды“ и не „водлугъ устаны Берестейской“, продаетъ имъ солоды дороже и меньше мѣроу, чѣмъ самъ покупаетъ на торгу, на что представлены выписы изъ книгъ придовыхъ, посвидѣтельствоваыя вѣжемъ; арендаторъ, въ свою очередь, представилъ выписы изъ книгъ замковыхъ, что онъ продаетъ солодъ настоящею бочкою. Въслѣдствіе этого О. Воловичъ, по приказанію господари, „а сесъ мой листъ устану берестейскую казаль есьми описати“. Приводимъ выписъ этой устаны.

Напервей. Жндъ арендаръ збожтє на солодъ потребное маеть а ринку и с торгу места Троцкого кувовати ценоу слушное, которую цену збожтєа кождого торгу тые, которые на то уставлены будутъ, то

есть одинъ изъ въ уряду замкового Троцкаго и другой человекъ присиленный къ уряду местскаго Троцкаго, а жидъ арендарь самъ, або кто на своемъ месту къ той справе постановить, и каждого дня торгового цену збожья, на солоды згожого, згодливе у реестра свои мають писати, а почему яко збожье на солоды згожое которого дня торгового будетъ, потому и по той же цене отъ торгу до торгу жидъ арендарь солоды оного збожья продавати таковою жъ мерою, яко и которымъ обычаемъ с торгу збожье прииметь, то есть: если зверхомъ с торгу збожье прииметь, тогда солоды зверхомъ тежъ продавати мають, а если збожье подъ стрыхъ збожье прииметь, тогда тежъ солоды подъ стрыхъ продавати будетъ. А жидъ арендарь не имеетъ мети розныхъ и неспристойныхъ меръ в бочкахъ къ скупованью збожья и продаванью солодовикъ, солодовинки, которые у солодовни его солоды робить, мають приежные быти и присигу вделати передъ урядомъ замковымъ Троцкимъ, а ведомостью вряду местскаго Троцкаго на томъ, жидъ солодовъ мешаныхъ з розного збожья немають робить, солоды кожного збожья пшеничний особно, пшый особно, житный пшочъ збожьи; а естли бы арендарь солодовинковъ къ тому тиснуть и примушалъ, жидъ бы солоды з розного збожья робили и его надъ звычайъ вырасчали, тогда солодовинки мають то безъ мешанья оповедати на вrade Троцкомъ замковомъ, а вrade замковый маєт того заборонити делати оному арендарю. Тыжежъ солодовинки подъ тою жъ присигою мають доглядати, абы жидъ арендарь не нишою мерою, только звычайною торговою збожьемъ с торгу до солодовни куповалъ и таковоюжъ мерою солоды мешавалъ и жидать подлугъ того, яко вышей описано есть, продавалъ, того стерегучи, абы шугки великни в ономъ солоде надъ звычайъ не были; а естли бы жидъ арендарь на которого мешанина, або жидъ о верыхлое заплаченье солоду справедливостъ жадалъ, тогда вrade до которого жидъ своего виноватого подлугъ присуду позоветь, маєт на ономъ виноватомъ мешанине, або жиде заплату отъ бранья солоду в чотырехъ неделехъ всказати готовыми грошми, а не фанти, кгдажъ жидъ готовыми грошми аренду платити повиненъ. А хто бы з мешанъ, або жидовъ на боркъ у жидъ солоды вазалъ, тогда кождю бочку грошомъ однимъ литовскимъ надъ цену торговую ему платити будетъ повиненъ, также в чотырехъ неделехъ. А якъ се то притрафяеть, жидъ одного збожья розныя цены бывають на торгу одного дня, то есть: иныя цена збожья порану, иныя о полудни, а иныя в вечеру, тогда где бы ся то притрафило, цена

середня полуденная маєт до реестру вписана быти и подлугъ того солоды отъ оного торгу до другого продаваный быти мають.

(Кн. Судн. Дьяк. Лист. XLV, л. 17—18 об.).

4.

Къ исторіи солянаго склада въ Бересты.

Маршалку и писарю нашему старосте тыкотиньскому пану Ину Шимковичу. Што перво сего, бачечи быти розмноженье пожитку сварбу нашего, рассказали есьмо складъ соли белое в Бересты постановивши выволати, абы за Немонъ соль крупнестал не шла подле данного обычая, але жидъ бы вси въ томъ край перемешкивалюче от Бересты до Немна по Городню крупнесте соли провадити не смели, але тое соли белое складу Берестейского вживали, ино жидъ мзгоче (съ) подданныхъ нашихъ набеганье чинили намъ, кгда есьмо до Корунъ Польское тыхъ часомъ ехали, и били намъ чолонъ, абы соль крупнестал быти пуцова по реку Наревъ, поступувочи за пожитокъ, который съ складу Берестейского мель быти, до скарбу нашего отъ кождое бочки по 6 грошей, на што призволавши, такъ постановляемъ: хто бы хотель черезъ Немонъ соль крупнестую провадити по Наревъ реку до Яседы во все старство и хоружество Слонимское ажъ до Мостовъ, а зъ Мостовъ ажъ до Городня по великую дорогу Лидскую до границы Прусское, а границю Прускою в реку Бобръ, а зъ Бобри в Наревъ и вверхъ Нарви по Яседу ажъ до того жъ назначеного места стороства Слонимского, таковымъ вольно будетъ в старомъ мыте и въ поборе, давши 6 грошей от бочки соли крупнестое, провадити ее черезъ Немонъ с Прусь по вышшеназначеномъ местцамъ. Ижидъ черезъ реку Наревъ и Яседу жаденъ не маєт упорне провадити и вживати тое соли подъ тымъ же закладомъ нашимъ, на листехъ нашихъ выданныхъ. Ведже хто бы хотель черезъ Наревъ до Немна белую соль провадити, тымъ вольно водле першого рассказанья нашего справоватися. Для того прицауемъ тебе, албы еси подданнымъ тыкотинскимъ староства своего заказалъ, жебы никто в нихъ черезъ Немонъ, провадечи соль, албы с Прусь, не смель провадывати побору мыта и соляничого вышшеназначеного подъ утратою всеи маестности, што кольвекъ при немъ зайдено будетъ, жидъ заплативши мыто в поборъ, а соляничое тому, хто будетъ уставленъ от мар. двор.

за листомъ его: а хто бы ся кольве важиль пропрадываючи провадити соль за Немонтъ и с Прусъ черезъ Мазовею по реку Наревъ, альбо черезъ Наревъ, таковыхъ подданныхъ нашихъ забирати абы еси тому дворянину нашему Богуфалу допустилъ и на иншихъ постороннихъ людей помочь давати ему велель. И где бы ся трафило в небытности того дворянина нашего, абы еси самъ гамовалъ и ираднику своему того стеречи и забирати казалъ, а за то половицу оное маестности загамованое тебе, если кого кольве тамъ у Тыкотине загамовано будетъ, казали есьмо давати, а другую половицу до скарбу нашего, для того абы еси подданнымъ нашимъ обвести велель, ижъ бы за неведомостью у шкоду не приходили, а если бы еси не допустилъ таковыхъ тамъ у Тыкотине гамовати и помочи давати не хотеть, тогда повинешъ будешъ справоватися намъ, господарю, и закладъ перво сего положений и о всю шкоду скарбу вашего, которая ся за тымъ стаетъ, того абы еси и выстерегался, кгда жъ то вамъ, ирадникомъ нашимъ, належитъ постерегати пожитковъ з скарбу нашего и розмножати, а не перекажати ихъ. Писавъ у Вильни лет. Бож. Нарою 1562 м-ца волябра 23 д.

(Ки. Перев. Лит., VII, лл. 142 об.—143 об.).

5.

Къ исторіи соленого склада въ Пинскъ.

Жыггимонтъ Августъ, Божю милостыю король польскіи.

Княземъ, паномъ, воеводамъ, старостамъ, державцамъ, кнегинямъ, панямъ идовамъ и ихъ наместиникамъ, земляномъ и дворяномъ нашимъ, войтомъ, бурянистромъ, радцамъ и всемъ закаванкомъ мѣстъ нашихъ господарскихъ и князьскихъ, паньскихъ, землинскихъ, духовныхъ и тежъ жидомъ и татаромъ и паньстве нашемъ Великомъ князьстве Литовскомъ. Што есьмо перво сего веимъ вамъ черезъ листъ нашъ овзвѣднати казали, ижъ которая соль толщія белая идетъ до мѣста нашего Лудскаго с Коломыи, з Долины и з иншихъ мѣстъ, а з Лудка ея до мѣста нашего Пиньского подданные нами мѣщане пиньские и околичные мѣщане и волощане обователи иншихъ мѣстъ и селъ нашихъ господарскихъ, также и князьскихъ, паньскихъ, земляновихъ и духовныхъ, которыхъ именья ку замку Пиньскому прислухаютъ, на продажу провадитъ, а с того некоторого пожитку до скарбу нашего

не было. Ино мы, порадоу хотечи ичинити, арандовали тотъ складъ соленый в мѣсте Пиньскомъ подданнымъ нашимъ войту пиньскому Андрею Ивановичу и мѣщаномъ пиньскимъ Сеху Рацевичу, Степану Лычковичу, Петру Лазорковичу, Полному Левониковичу, Олексею Кушелевичу, Богдану Кочановичу, Нестеру Лунковичу, Ивану Бережечкому, Олешку Козорезу, Мартину Бобару, Костюку Лугичу, Богдану Логанику, Федку Демьяновичу, Якубу Стаиславовичу, Юшку Горевичу, Кондрату Бубновичу, Ждану Соинце от светого Мартина пришедого света, которое будетъ в року теперешнемъ 63-мъ, то есть на пять годъ за левную суму испезей. И яко отъ того света и дна помещеного продавати имъ велели в мѣсте и во всемъ повете Пиньскомъ ни большъ, не меньшъ, одно важды до выдержанья тое аранды по 15 грошей литовскихъ каждую тысячу толъ соли белой, а иншие мѣщане пиньские и жидове и иншихъ местечокъ и селъ замку Пиньского, а подданные наши, также князи, панове, земляне и духовные, которыхъ кольве именья в повете Пиньскомъ есть, и подданные ихъ, которые перемешиваючи в Пинску, соль продавали и шивковали, яко отъ того часу свята помещеного светого Мартина не мають ея в Лудку и нигде инде на продажу и на властную потребу свою куповати, одно в тыхъ вышепоименныхъ арандаровъ нашихъ в мѣсте Пиньскомъ мають тую соль куповати по той уставе вышепомещеной, о чомъ же есьмо и первой сего листъ нашъ о то до васъ писати казали; ижили далъ вамъ тую справу дворянинъ нашъ, на тое солничное приданый, же вы и подданные ваши предъся соль в домехъ своихъ з иншихъ мѣстъ препроважоную и не в нихъ купленную держите и ею шивкуете, не дбаючи ничего на листъ и росказанье наше господарское. Што еесли бы такъ было, того бы есьмо не ради слышали и не з ласкою нашою то отъ васъ приймали, для чого жъ и теперъ приказуемъ всемъ становъ духовнымъ и светскимъ, подъ закладомъ нашимъ десятима тысячя конами грошей, абы вы сами на потребу свою инде нигде, кромъ ихъ, соли не куповали и в томъ имъ некоторое переказы не чинили и людемъ местечокъ и именей селъ нашихъ, которые в Пиньскомъ повете маете, грозие приказали, жебы они нигде соли куповати и на потребу свою оборочати и продавати не смели; и по которыхъ местечкахъ и именыхъ в селлахъ нашихъ господарскихъ, также князьскихъ, паньскихъ, земляновихъ и духовныхъ будуть они сторожу для проваженья тое соли держати, вы бы имъ того не забороняли и некоторое не безначности здоровью

того дворянина нашего, имъ на то приданого, и слугъ его и тыхъ арендарей нашихъ самихъ и справецъ ихъ не чинили и чинити не казали и во всемъ сподобиве ся къ намъ заховали подъ тою жъ зарукою вышей менепю. А особливе подданнымъ своимъ, подъ забраньемъ все маетности ихъ, приказали, жебы они соли, промъ ихъ—арандаровъ вашихъ, ни в кого аше и потаеине не куповали, ани откуль провадили и ее не продавали и на властную потребу свою не держали. А где бы в кого колвекъ с подданныхъ нашихъ, мещанъ и холодатъ, къ Пинску прислухоушихъ, такъ тежъ и въ вась самихъ князей, пановъ и землявъ, шляхты въ именьяхъ в дворехъ вашихъ, в повете Пинскомъ лежачихъ, такъ светскихъ яко и духовныхъ и тежъ с подданныхъ нашихъ где инде, а не в нихъ такъ на властную потребу, яко и на продажу купленал соль звайдена была, такоую мы тому дворянину нашему забирати казали и за ведомостью вряду тамошнего тал соль забиралал половица на замокъ, а другая половина тымъ арандаромъ маеть быти, чего вы, врядинки наши, также войтове, бурмистры и радцы аби есте, не вымываючи ся ничимъ с повинности своее, пылае пристерегали. И естан бы сл тые арандари, справцы и слуги ихъ в той справе солиной которого колвекъ вряду нашего господарского, або до врядинковъ вашихъ утеклися, аби есте имъ оборону и помочъ чинили. А хто бы сему росказанью нашему спротивеные уделалъ, в таковыхъ упорныхъ ажъ бы есте намъ, господарю, ошаймовали, а мы, маючи отъ вась певную ведомость, учинимъ с тымъ, што сл намъ, господарю, слушного в томъ видети будетъ. Писаць у Ковне лет. Бож. Нарож. 1563 и-ца июль 3 дня.—Подпись рѹки господарское.—Остафей Воловичъ.

(Книг. Зап. Лит. XLIV, л. 70—72).

6.

Господарскій листъ объ обложениі рыбной торговли въ Пинскѣ.

Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ, ижъ мы, господарь, примножаючи пожитокъ скарбу нашего а беручи прикладъ з иныхъ мествъ нашихъ господарскихъ и з мествъ князскихъ, панскихъ, земныхъ и духовныхъ, в панстве нашемъ Великомъ князстве Литовскомъ будучихъ, ижъ во многихъ местечкахъ от купцовъ, которые рыбами перекупууютъ, немалые пожитки бывають, который пожитокъ и в месте

нашомъ Пинскомъ за слушнымъ и без обтяженья подданныхъ нашихъ быти разумючи, установили есмо платъ новый отъ рыбы, которые в месте Пинскомъ у волости староства Пинского розные купцы продають, таковымъ обычаемъ, ижъ вси купцы и рыболове в месте Пинскомъ и в местечкахъ, в Нобли и в Мотולי, также и во всехъ селлахъ нашихъ волости Пинское, хто бы колвекъ такъ в торгу на рынку, яко и на воде и на которомъ колвекъ меству въ старостве Пинскомъ рыбы великие, малые, живые и вялые, осетри, щуки, уюны и всякие иные рыбы великие и малые продавалъ и ими перекуповалъ, тотъ каждый повиненъ будетъ на вась господара давати десятую рыбу; а естан бы хто рыбы, в бочки посоливши, бочками где инде з места и з волости Пинское рыбу продавати хотель, тотъ каждый повиненъ будетъ тому, кому то отъ вась дождедати адецоно будетъ, то ижъ с тымъ товаромъ до иныхъ мествъ, або волостей ехати маеть опонедати и бочки дати нацеховати и квиты отъ справцы, на то установленого взяти, а отъ того цехового грошь одинъ, а отъ квитку другой грошь давати повиненъ; а где бы тежъ хто кольцо бочокъ рыбъ салонныхъ до места Пинского привезши, з бочокъ пинковати хотель, або до иныхъ мествъ везти хотель, таковой каждый также десятую бочку рыбы, або десятую рыбу до справцы, на то установленого, давати повинни будутъ. И для лепшого и певнейшого в томъ пожитку скарбу нашего арендовали есмо тотъ платъ, водле постановенья в семъ листе нашомъ выписаного, подданому нашему жиду пинскому Маеру Мошевичу, почавши отъ дня и року певного Громницъ, которое свето будетъ в року нынешнемъ 68-мъ, на три годы зуполныхъ по себе идучихъ до такового жъ року дня и света, которое будетъ в року 71-мъ, за певную суму пенезей на каждый годъ по 100 кошь грошей. Маеть впрядъ речоный Маерь Мошевичъ тотъ платъ десятую рыбу и отъ бочокъ поквитное, цеховое и покопное водле сее устава наше само чрезъ себе и черезъ слугъ своихъ в месте Пинскомъ и в местечкахъ в Нобли и в Мотולי и во всей волости Пинской в подданныхъ нашихъ господарскихъ, князьскихъ, панскихъ, владичинскихъ, кгардянскихъ, архимандричихъ, вгуменскихъ и всякихъ духовныхъ, хто бы колвекъ рыбою перекуповалъ, избирати и къ пожитку своему оборочати, а с того до скарбу нашего на каждый годъ по ету кошь грошей платити, которыхъ пенезей на каждый годъ на день светого Петра по 50 кошь грошей, а додерживаючи року на день Громницъ по другому 50 кошь грошей отдавати повиненъ бу-

дети. А подданные наши господарские, князские, паньские, земские, владичицкие и духовныхъ тую десятую рыбу и плать непезный водде поставовенья, в семь листе нашомъ описаного, тому арендару нашому Маеру Мошеевичу завжди платити и отдавати повинни будуть, некоторые трудности в томъ ему и справцамъ его не задаючи; а где бы хто с подданныхъ нашихъ господарскихъ, князскихъ, паньскихъ, земскихъ и духовныхъ в месте Пиньскомъ и в местечкахъ Побли и Моголи, также и по всей волости Пиньской десятое рыбы, албо цехового, поквитного и покошного, водде уставы нашего, давати не хотель, албо тому арендару не оповедавшия и не нацеховавши, рыбу продавати смель, тотъ будеть повиненъ заплатити вини на врадъ замку Пиньского 30 копъ грошей, а тому арендару 20 копъ грошей, а таковое рыбы, яко промычовое, половица на замокъ нашъ, а половина на того арендара взята быти маеть. А старостове наши пиньские и ихъ наместники пильне того доглядати и постерегати мають, якъ бы вси куцы и рыболове десятую рыбу и пенязь от рыбъ, водде поставовенья нашего, до рукъ того арендара отдавали и по всемъ напротивъ ему, водде сего поставовенья нашего, заховали. И на то есмо тому Маеру Мошеевичу дали семь нашъ листъ а нашою печатью. Писавъ у Квишине лет. Бож. Нарож. 1568 м-ца февраля 17 дня.

(*Южн. Зап. Лит. XLVIII, сл. 182—183 об.*)

Еъ исторіи монетнаго дѣла.

1.

Дворанину нашему пану Миколаю Нарбуту, который тотчасъ естъ у земли Жомойтской отъ старосты жомойтского пана Яна Миколаевича Радзивиловича на местцы его милости, и тежъ всихъ тивуномъ земли Жомойтской, которые теперъ у тивуновъ своихъ мешкають, а сыновъ своихъ на службу земскую за себе на войну послали, и который тивунове на службѣ земской суть, тыхъ владичиковъ, хто будеть отъ нихъ на тивуновъ ихъ заставель. Што есмо, намовивши с паны радами нашими, рассказали в тамошнемъ панстве нашомъ Великому князвѣ Литовскомъ новую монету у мыщы нашей бити, грошы плоски, которые бы были браны по два полугрошки, албо по десяти пезезей первное монеты, и велели по всимъ землямъ и местомъ того панства нашего выволати и велде оповедити, аби вся земля, подданыи наши, тую новую монету, водде уставы нашего а важности ее, каждый грошь брали по два полугрошки, албо по десяти пезезей и за всякии речы оную монету приймавали и ничимъ ее не обегали подъ грознымъ караньемъ нашимъ, яко жъ тыи грошы плоски по всему панству нашему, водде уставы, идуть и вси подданыи наши ихъ беруть. Нижли дей въ земли Жомойтской оное монеты новое потому, яко естъ устава наша, приймавати не хочуть и тыхъ пезезей обегаютъ, в чомъ же ся не малая трудность и шкода инымъ подданнымъ нашимъ дееть; а залаца противъ воли наше то они смеють делати, не маючи бачности въ росказанье наше, яко естъ по всей земли росказанье наше на то ячиено. Прото жъ штобы

есте всиѣхъ подданныхъ нашихъ земли Жомойтское кождоу стану грозно приказали, ажбы они тыи гроши плоскии новеи монети подде уставы брали, кождый грошь по два полугрошки, або по десяти пенязей, и за всякия речи ихъ принимовали, ничимъ не обегаячи, яко по всему панству нашему тыи пенези бывють браны. А естли бы хто с подданныхъ нашихъ земли Жомойтское подде росказанье пашого въ томъ ея не справоваль и оное монеты потому, яко есть устава, брати не хотель, вы бы в таковыхъ оные речи и товары, што будетъ в кого за колко сторговаль, а оны заплаты тыи пенезыи новою монетою принимовати не хотель, мощно на насъ забирали, жадному з нихъ в томъ не фолгуячи и никому того каранья не опуцаючи, абы они в дешшой бачности росказанье пашо меля; и того бы есте смотрели, абы тая монета везде, по всей земли Жомойтской, была брана водде уставы и теперешнего росказанья пашого, а нихто бы явчей не смель того чиняти.

Безъ даты. Среди октовъ 1535 г.

(Кн. Зап. Лит. XIX. лл. 11—12.)

2.

Старосте луцкому, brasлавскому и вепицкому князю Богусу Федоровичу Корецкому. Изъ потреби великия земские для обороны градиць панства и подданныхъ нашихъ на скарбъ нашъ пришли, про то абы в мынци робота воепнейшая была, за чимъ бы тежъ, даючи пенези служебнымъ и на яные земские потреби, не омешкивалосъ, для того росказали есмы въ мынци пашой монету другую бити с такового жъ пактаменту, яко и на тотъ часъ мынца идеть, пошестные и потраггрошине гроши, то есть в одномъ ваги выноситъ 6 грошей литовскихъ вышлое монеты, в кождомъ гроши по 10 пенезей большихъ, другие половицею меньшыя, то есть по 3 гроши тажежъ литовскихъ, на которой мынци тварь наша господарская, а з другое стороны погоня, а особно потраггрошине гроши вышного пактаменту талпроного сребра велели есмы бити в той же мынци, а на немъ с одной стороны два перше слова, которыми ся починаеть писать ямъ пашо господарское, а з другое стороны таковой же гербъ погоня, — ваги не большое, ани меньшее, одно по 3 гроши жъ литовскихъ, в кождый грошь по 10 пенязей большихъ. Ты бы, пане староста, о томъ ведаячи, въ томъ месте пашомъ Луцкомъ то ознаяити и всиѣмъ

явне объявати велель, абы яко от сего часу тое мынца водде личбы вышнейназначеное кождый вживаль, принимоваль и отбываль безъ всякого затрудненья, кудыжъ одинакую вагу несеть, яко и нынешная мынца вышей менованою ценою, а хто бы, ведаячи тое объявенье, о туу мынцу вчинене, оное монеты принимовати не хотель, таковой товари свой, о што бы торгъ шоль, тратити маеть и тые товари на насъ, господара, сабарани будуть; прото абы нихто не смель вжпнтися тое мынца обегати и людемъ вышелько стану куповати и продавати потребнымъ для тое монеты трудности чинити не зажалися.

Писанъ у Вильни лет. Бож. Нарож. 1562 м-ца августа 18 дн.

(Кн. Переп. Литов. VII. л. 122.)

2.

Жыгымонтъ Августъ, Божю милостью король польскій, великий князь литовский, пруский, жомойтский, мазовецкий, вфлянтский и иныхъ.

Княземъ, паномъ, воеводамъ, каштеляномъ, маршалкомъ, княгинямъ, панямъ вдовамъ, старостамъ, державцамъ и врандикомъ нашимъ господарскимъ и земскимъ и тежъ войтомъ, бурмистромъ, радцамъ в местехъ нашихъ господарскихъ, княвскихъ, панскихъ и духовныхъ по всему панству пашому Великому князеству Литовскому. Што в тыхъ часехъ многие а розные мынци з земель постороннихъ в панстве пашомъ входить, ино обегаячи ма, господарь, то ижъ за вынесенемъ талпроновъ новыхъ, которые ваги зуполное, яко старие таллари, в себе не мають, не малая шкода в скарбе пашомъ и межы всиѣми станы воебъ десть, а то для того, ижъ в земляхъ постороннихъ таковыя таллары только по золотому польскому беруть, а в панствехъ нашихъ за ровно з старими по золотому и по 3 гроши, и хочечи тому в часъ забечи, абы яко напередъ тымъ большъ, яко скарбъ земский, такъ и кождый з обоватлей тамошнего панства пашого Великого князества Литовского в бранью оныхъ новыхъ талпроновъ шкоды не принимоваль, такъ есмы постановили, ижъ тые таллары новыя, которые зъ земель посторонныхъ до панства пашого вынесени, не мають в большой цене браны быти, только по 30 грошей польскихъ и по 4 пенязи белыхъ, а старие таллары водде обычаю данного, то есть по 33 грошей польскихъ; прото, абы есте о томъ ведаячи сами в большой цене над сее росказанье пашо тыхъ новыхъ талпроновъ не брали

и яко по местамъ нашимъ господарскимъ, такъ и по всемъ князскимъ, панскимъ и духовнымъ обволнвати веде велели таковыя новыя талары брати, розказуючи не большъ, одно по 30 грошей польскихихъ и по 4 пензвей белыхъ, бо где бы хто не заховываючися в томъ водле того листу и розказанья нашего оныя талары новыя и большой цене, а выкли яко в семъ листе нашомъ вышей описано, брадъ, нехай о томъ каждый ведаеть, же з ничнею шкодою, только зъ своею то на себе понесеть. Писанъ въ Люблинѣ лет. Бож. Нарож. 1567 месяца сентабря 4 дня.

(Кн. Зап. Лит. XLVII, л. 109).

Къ исторіи прямой подати.

1.

Листъ о серебщизнѣ и о высылкѣ подданныхъ въ войско въ 1563 г.

Тые листы тымъ обычаемъ писаны о серебщизну.

Тянуу земли Жомойтской волости Дирмяньское Яну Крадовскому. Икъ для потреби речи посполитое уфалили и поставовили есмо серебщизну, яко съ подданныхъ нашихъ, такъ зъ людей князскихъ, панскихъ и духовныхъ съ каждое сохи воловое и конское по полукопу грошей, а съ полсохи, то есть одного вола, або одное клячи по петнадцати грошей, а хто бы воловъ, ани клячъ не мезъ, тогда зъ земли суполное службу, которую пашуть, по петнадцати грошей, а зъ огородинка по пяти грошей, а въ местехъ, которые пашни не мають, ани огородовъ, отъ воротъ по три гроши, якожъ одвесеню и одданью тое серебщизны рокъ певный на день свята Нароженья Панны Марии въ року теперешнемъ шестьдесятъ третемъ месеца сентабра осмого дня назначовъ. А такъ приказуемъ тебе, ажбы еси до тое серебщизны рокъ подданнымъ нашимъ державы своее зложитъ и самъ, або черезъ урядника своего тую серебщизну по тому, яко вышей ознаймено, съ подданныхъ нашихъ выбравши, до скарбу нашего отдать, ничимъ того року назначоного дня Нароженья Панны Марии не омешкываючи, а, выбраючи тую серебщизну, не брадъ бы еси въ нихъ большей, только отъ каждое сохи бирчого пенязъ одинъ, а пшчого такожъ пенязъ одинъ; а мы до бойтовъ, десятниковъ и всихъ подданныхъ нашихъ тамошнихъ листъ нашъ писати казали, же бы они на рокъ, отъ тебе назначоный, тую серебщизну до тебе, або до

врадника твоего отдали, сложенства и некоторое проволоки въ томъ не чинили. Ктому ижъ мы сами, господарь, особюю нашою господарскою, дасть ли Богъ, у войску бити маемъ, прото хочемъ мети, абы вси подданше наши тамошние люди волостные зъ двадцати волокъ двухъ чловековъ и возъ двема клячами добрыми выправили, давши имъ у войско провадити живность на хлебъ сухой, муки бочку, гороху два корца, крупъ овсяныхъ два жъ корца, або только также два корца, шпона корецъ, лошаины два камня, соли два камня, чюспоку корецъ, сировъ десеть. А тые два чловеки, которыхъ выправить, абы мели по рогатине и по сокери и сами тежъ для себе ижъ бы они приложилися живностью такъ, якобы на полрока зъ собою живности мели. А за то имъ всякъ съ каждое волоки што повинни на годъ отъ жорновъ давати по десети грошей и по чотыри пенези, ажъ бы еси отпустилъ. А будутъ ли они за теперешний рокъ тые пенези одъ жорновъ ижо выдали, ино серебрячизныхъ пенезей отъ каждое волоки по десети грошей и по чотыри пенези абы еси въ нихъ не добиралъ. И со всеми тыми людьми, которыхъ они за росказаньемъ нашимъ выправить, же бы еси на часъ пенези, на который и войску нашоу у Криве збиратися есмо росказали, тамъ до войска былъ, ничимъ того часу и дня не оменьшавючи; а того бы еси съ пылностью досмотреть, яко бы врадники и войты некоторыхъ пожитковъ зъ выправы тыхъ людей не привлачили. А особливе росказали есмо мешчаномъ волости Дирманское зъ девяти чловековъ десятого направити, которые абы скупючи за пенези свои живность ишелакую и тежъ тою живностью, где на которыхъ местцахъ за пенези наши господарские скуплена будетъ, беручи въ пенезехъ, отвозили до войска, а то въ нихъ у войску куповано будетъ не уставоу, але торгомъ, не чинечи некоторое кривды. А ижъ есмо тыхъ часовъ тивуну тверскому Николаю Стапыевичу зъ ласки наше господарское дали тивунство Оврагольское, для того росказали есмо ему тивунство Тверское тебе въ моцъ подати, а такъ привауемъ тебе, ажъ бы еси, яко ренизоръ земли Жомонское, тое тивунство Тверское въ него зъ моцъ оземши, у справе своей мель до науки наше и съ подданыхъ того тивунства серебрячизну выбиравши, на тотъ же рокъ назначонный посполь зъ ишими пенезями серебрячизными до скарбу нашего отдать и якую есмо выправу на войну и инымъ подданымъ нашимъ чинити росказали, по тому жъ бы еси и съ того тивунства людямъ въ томъ захватися велеть, справучися подлусъ листу нашего, о сереб-

речизну и о той выправе до нихъ писаного, который до тебе послати есмо казали. Писанъ у Вильни лет. Бож. Нарож. 1563 м-ца июля 14 дня.

(Кн. Переп. Литовск., VII, л. 12 об.—14).

Тые листы такъ писаны о данье пенезей водле вложениа соймного съ каждоею места.

Войту и всемъ мешчаномъ места Бобруйского. Ижъ великие, пыльные, пране квалтовные потреби на сесь часъ припали, на которые пенезей до скарбу нашего есть потреба, а податокъ на потребу речи посполитое, по сойме теперъ недавно минуломъ уфаленный серебрячизна, еше не выбрана, прото покладемъ на тое место нашо на всякъ васъ суму пенезей двесте копь грошей, якожъ и дворянина нашего... о томъ до васъ послали и приказуемъ вамъ, ажъ бы есте отъ оказанья вамъ сего листу нашего за тыдень тые пенези до поборца тамошняго Стоми Микеевича отдали, проволоки некоторое въ томъ не чинечи и того часу и для назначонного ничимъ оменьвати не смелючи; а поборца ижо тые пенези до скарбу нашего отоплеть. А кгда податокъ, на потребу речи посполитое удаленный выбравши, до скарбу нашего отнесутъ, на онъ часъ тые пенези вамъ отъ бирчихъ земскихъ, на отбирание серебрячизны уставленныхъ, отданы будутъ. А если бы которые сложенства и проволоку увъ отдаючи тыхъ пенезей чинечи, а того, што на кого зъ нихъ отъ владу нашего местского уложено будетъ, на часъ назначонный не отдасть, въ того врадъ нашъ местский нехай то, што на него положено, моцно оземть и ижо каждому такому непослушному того съ податку земского не отдаючи, на потребу места тамошняго то обернути роскажемъ. Писанъ у Ковне лет. Бож. 1563 м-ца июля 4 день.

(Кн. Переп. Лит., VII, л. 10—11).

Листъ къ „сборамъ“ еврейскимъ относительно половинцамъ 1568 г.

Жикгимонтъ Августъ.

Ко всемъ жидомъ збору ихъ жидовскаго Острозскаго такъ подданнымъ нашимъ, господарскимъ, яко тежъ князьскимъ, панскимъ, шляхетскимъ и духовнымъ. Што на теперешнемъ прошломъ вальномъ сойма Городенскомъ съ потребы речи посполитое панства вашего Великаго князства Литовскаго, за сполнимъ зволенемъ пановъ радъ нашихъ ихъ милости духовныхъ и свецкихъ и тежъ вранниковъ нашихъ земскихъ и дворныхъ, и пословъ земскихъ, и всихъ становъ, сойму належачихъ, при насъ, господарю, уфалено и постановлено есть податокъ на людъ служебный ку оборону земскую со всихъ подданныхъ князьскихъ, панскихъ и шляхетскихъ, такъ духовныхъ, яко и свецкихъ зъ волоки, або службы, людьми оселое, по сороку осми грошей на две рате отдати, то есть половицу двадцать чотыри гроши у шести неделяхъ по выволаню сойму, которое выволане дошло мѣсяца июля второнадцать дни, а другую такуюю жъ половицу по святомъ Мартине у чотырохъ неделихъ въ року, теперъ идучомъ шестидесять осмомъ, гдежъ и на всихъ насъ, жидовъ въ панстве нашемъ Великомъ князстве Литовскомъ мешкающихъ, для тое жъ потребы речи посполитое на оборону земскую уфалено и положено есть съ каждое головы жидовское мужское и женское и детей ихъ по дванадцати грошей на тые жъ поменение две рате по половицы, то есть на каждую рату по шести грошей отдати, веде не до бирчихъ поветовныхъ, але до сварбу нашего господарскаго, кды жъ вси жидова зданна властному попытку и сварбу нашему господарскому належать. То пакъ ижъ тые обедне, вышей меновите описанне раты, на отдаване оного податку положенне, вже минули, а вы, въ недбалость то себе положивши, ажъ и до сего часу того податку до сварбу нашего не отдали и не заплатили, за чимъ пезалое омищанье въ отправахъ, яко людей служебныхъ на замки украинне, такъ и иныхъ многыхъ а велико важныхъ потребъ нашихъ господарскихъ и земскихъ се дееть. А такъ послали семо тамъ дворянина нашего князя Павла Полтева, а росказали ему оный податокъ на его першую рату, то есть у шесть неделъ за выволаню сойму, такъ и за

другую рату въ чотырохъ неделяхъ по светомъ Мартине минуую, на насъ vybrати и до сварбу нашего што наборзей отвести и отдати. А прото приказуемъ вамъ, ажъ бы есте, о томъ ведаючи, оный податокъ за присагою трехъ старшихъ за збору вашего, ижъ есте ничего не утаили и никому фольки въ томъ не уделали, до рукъ того дворянина нашего отдали и заплатили безъ всякое проволокы, ничимъ се не вымывлючи и выкотога сполненства въ томъ не чинечи ковенчи. А где бы есте тому досать чыщити не хотели и которую проволоку, або омищанье въ томъ делали, мы росказали тому дворянину нашему за тые обедне, вышей меновите описанне раты, оный податокъ на насъ самихъ и на маестностяхъ вашихъ мощно а зъ децкованьемъ отправити. Ва бы, о томъ ведаючи, ничимъ сему росказанью и дворянину нашему въ томъ противни не были подъ заруюю на каждого ветослужного и сему листу и росказанью нашему противного влететь (sic?) рублями грошей. Писанъ у Воиню року Божья. Нароженья тысяча патсотъ шестидесять осмого мѣца декабря девятаго дня.

Таковыя писани до збору жидовскаго то есть Острозскаго, Луцкаго, Володимирскаго, Кремленскаго, Пинскаго, Городенскаго, Берестебскаго, Вилевскаго, Тропскаго.

(Кн. Публичн. Дрлѣ Литовскихъ, XI, л. 121—122).

Листъ о сборъ серебцины съ господарскихъ державъ въ 1567 г.

Жикгимонтъ Августъ, Божью милостью король Польский, великий князь Литовский, Руский, Прускай, Жомонтский, Мазовецкий, Лифлянтский и иныхъ.

Подскарбему нашему дворному, державци кышинскому, забелскому, алыгустовскому пану Станиславу Захарьевичу Влошку, а въ побытности его самого на тотъ часъ въ Кышине, въ Забелю и Алыгустове, ино вранникомъ его и тежъ войту, мешаюмъ, слугамъ путныхъ и всемъ подданнымъ нашимъ волостнымъ, твглымъ и осаднымъ тыхъ волостей помененныхъ. Што с постановленя на прошломъ вальномъ сойма Городенскомъ уфалена есть серебцизна по всемъ панстве нашемъ Великомъ князстве Литовскомъ на два годы, то есть въ року теперешнемъ шестидесять осмомъ отъ свята Трехъ Кролей за дванад-

цать недель меда бати выбрана и отдана во всях именовъ князскихъ, панскихъ, шляхетскихъ и духовныхъ, яко тое постановление на уфале соймовой и на листехъ нашихъ достаточное описано есть, якоже и мы, господарь, такъ же зъ именовъ столу нашего тые обиде серебцизны постановили, и яко первшая серебцизна выбрана, виждали о вторую серебцизну, и якъ за теперешнихъ рупенемъ на войну пильныхъ а важныхъ потребъ речи посолитое того панства нашего вси станы, зъехавши до Молодечна, добровольне зводили тую вторую серебцизну лборзде выдати, то есть передъ теперешнихъ святкомъ Божого Нароженья за тийдень. А такъ и мы тежъ за таковыми жъ пильными а важными потребами нашими господарскими и земскими отдавю второе серебцизны зъ именовъ нашихъ господарскихъ въ скарбъ нашъ земский складаемъ рокъ певный отъ нового лета свята близко пришлого съ початя року шестдесять осмого въ чотырехъ неделяхъ. А якъ есмо въ первой серебцизне фолегу подданнымъ нашимъ чинили и менши десетьма грошей на нихъ брати казали, вижали на сойме постановило ее съ тое причина, якъ тежъ первой въ ономъ же року особливъ зъ именовъ нашихъ серебцизна до скарбу нашего выбрана и выдана, але таа теперешня серебцизна абы сполна водде постановенья соймового была выбрана и до скарбу нашего на тотъ вышей помененый часть, отъ насъ зложонный, отдана, то есть съ кождохе волоки резаное, або моркговиное по трыдцати грошей, а где воюки не мерони, яко на Руси, на Полеси, и въ земли Киевской, и въ волостяхъ Поднепрскихъ, и въ земли Волынской, зъ дыму кожного по петнадцати грошей, а зъ мещанъ, которые волокъ не мають, але огороды и дома держать, съ тыхъ по чети грошей, а которые только домами въ месте живутъ, а огородовъ не мають,—отъ воротъ по два гроши, а зъ огородниковъ при дворехъ нашихъ отъ кожного по три гроши, тежъ люди люзные и черкушники, которые по местяхъ мешкають, або за дворомъ нашимъ господарскимъ, такъ тежъ и за панскими двора сидятъ, особливъ мають податокъ давати отъ головы, подлугъ уфалы сойму у Вильни прошлого въ року минуломъ шестдесять постомъ. А про то штобы ты, пане Влошчу, а въ небытности его у Книшине, въ Забелы и Августове, ино замъ, вradiкомъ тамошнимъ, приказуемъ, якъ бы есте тотъ податокъ серебцизны со всяхъ подданныхъ нашихъ тыхъ державъ водде постановенья нашего вышей описаного, яко наборздей выбравши, до скарбу нашего земского на оный рокъ, отъ насъ зложонный въ чотырехъ неделяхъ, отдасть и личбу

учинять и присегу, яко справедливъ избрано а ничего не утаево аделати велеть, вычимъ того року не оменшкываючи. Также намъ, мещаномъ и всемъ подданнымъ нашимъ волостнымъ приказуемъ, алыбы есте во всемъ подде сего росказаши и дсту нашего въ отдаю того податку заховаши и справовали ся, вычимъ ся не вымоляючи и жалного силошенства и оменшканы изъ томъ не чинячи подъ каранемъ нашимъ господарскимъ конечно. Писавъ у Койдачове. Лета Божьего Нароженья тысяча пятсотъ шестдесять осмого (оч. ош.: семого) и на декабры двадцать чотвертого дни.

(Кн. Публ. Дневъ Литовскихъ IX, л. 59—60).

Отчетъ по сбору серебцизны 1542 г.

Книшмонты etc.

Чинимъ явно симъ нашимъ листомъ. Чинили передъ нами личбу маршалокъ дворный подскарбий земский писарь нашъ, староста слонимский и мстибоговский, державца биртанский дорсунишский и зельвельский панъ Иванъ Горностабъ а другое серебцизны, которая положона была лети Божьего Нароженья тысяча пятсотъ чотырдесятъ второго, року видикта пятнадцатого со все земли с подданныхъ нашихъ и зъ духовныхъ и светскихъ во всемъ Великомъ князьстве Литовскомъ изъ сохи по дванадцати грошей, которой серебцизны положить передъ нами на личбе приходу всего двадцать одна тысяча копъ грошей и девять сотъ копъ и двадцать осмъ копъ и сорокъ два гроши. А за росказанемъ нашимъ выдать тое серебцизны второе на росходи многне, яко то на кони двораномъ нашимъ, такъ и на отправки пословъ в речахъ земскихъ до короля его милости старшого до Кракова, и тежъ за коронаны купцомъ турецкимъ и татарскимъ и на потреби до мынды наше, яко дому купленья, такъ и на будованья и на истраву даванья на мыщеры и на иные многне росмантые росходи, што за волею и росказанемъ нашимъ господарскимъ выдавалъ. Того всего росходу положить зъ личбы своей, што выдать скарбу нашего с тое второе серебцизны петнадцатъ тысячъ и сто копъ и осмдесять три копы и осмъ грошей и одинъ пенез. Мы, обачивши достаточное с тое личбы его, якъ онъ за волею и роска-

заньем нашимъ тые пенези выдавалъ с тое сумы росходу пенезей его самого, жону и детей и потомковъ его пине и на потомные часы вечные квитуемъ и добровольнымъ его с тое сумы чинимъ и на то даемъ ему сес нашъ квитъ с подписью руки наше господарское и з нашу печато. Нижи кромъ того росходу его ещо застало в него в скарбе нашимъ тоежь серебцины второе, что ещо не выдал, и повиненъ впередъ намъ личбу вчинити з остатку тыхъ пенезей шести тысячъ конъ и семи сотъ конъ сорока пяти конъ тридцати трехъ грошей и девети пенезей. При томъ тежь поведить передъ нами очевисте, реестръ немалый слово у слово передъ нами чотъ, изъ многие панове рады наши, и князи, и панята, и дворане, и земляне, и вдовы, и духовные немало в себе тое серебцины задержали и до скарбу нашего не отдали, о чомъ жо панъ Иванъ Горностай и на великомъ вальномъ сойме передъ отцомъ нашимъ королемъ старшимъ его милостью и передъ нами тотъ же реестръ серебцины оказывалъ и потому неоднократно передъ нами упоминалъ и о то не молчалъ и многократно то сознавалъ и мовилъ передъ нами, изъ тое серебцины многие не малыхъ сумъ не отдали. Штожь мы тую пильность пана подскарбего и немолчанье и мовенье его частое о тых, хто не отдавъ серебцины тое, в томъ ките напомятъ ознаймуемъ, изъ онъ досаждъ себе в томъ чинилъ и о то ся напомянать и многократно мовилъ радамъ нашимъ, што естъ намъ зведено, и будеть то впередъ на воли нашей господарской, што маемъ с тымъ чинити. При томъ были вси панове рады наши великого князьства Литовского. Писанъ у Вильни под лет Бож. Нарож. 1546, м-ца августа 1 ден, видикъ 4. Sigismundus rex. Валерыян писар.

(Кн. Зап. Лит. XXXI, л. 155—156).

6. Свѣдѣнія о сборахъ податей.

Ниже въ 3 таблицахъ собраны свѣдѣнія о прямой подати, позычкахъ, поконевициѣ и ордынициѣ, наложенныхъ въ разные годы на города; одна таблица представляетъ сводъ данныхъ о податахъ 1565, 1567, 1569 гг., собранныхъ въ повѣстахъ.

Въ первыхъ двухъ таблицахъ сведены данныя касательно податка земскаго, позычекъ и поконевицины. Раздѣленіе городовъ на двѣ таблицы сдѣлано по чисто техническимъ соображеніямъ: въ *первой таблицѣ* сведены данныя касательно городовъ и волостей въ Поддѣпровыи: въ нѣкоторые годы подать налагалась на эти волости вмѣстѣ съ городомъ, въ другіе—города и волости платили отдѣльно; поэтому, оказалось болѣе удобнымъ выдѣлить эту группу въ особую таблицу. Во *второй таблицѣ* сведены города и мѣстечки, о которыхъ сохранились данныя за 1529—1567 гг.; въ началѣ этой таблицы (до г. Одельска) вдутъ города, названные въ росписи 1567 г. привилегированными (Витебска и Полоцка въ этой росписи совсѣтъ нѣтъ), всѣ остальные названы въ этой росписи неправилегированными¹⁾.

¹⁾ Эти двѣ таблицы составлены на основаніи слѣд. источниковъ: Акты 3. Р., II, № 168 (податокъ 1529 г.), Кн. Судн. Дѣлъ Лит., VIII, л. 164 (серебщина 1534 г.), Акты Ю.-З. Р., I, р. 133, Кн. Перев. Лит., VII, лл. 12 об.—13 (розписка 1561 г.), *Ibidem*, лл. 10 об.—11 (то же 1563 г.), *Ibidem*, лл. 71 об.—72 об. (1565 г.), *Ibidem*, лл. 153—155 об. и Кн. Публ. Дѣлъ Лит., IX, л. 1—1 об. (1567 г.), Кн. Пер. Лит., VII, л. 6 (заемъ у г. Вильны), Акты Лит.-рус. гос., р. 152 (1513 г.), Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 46 (1552 г.).

А. Таблица сборов съ Подвижаровскихъ волостей и городовъ.

Названіе подати	Податокъ земскій.					Позычки.				Поговевщина.	
	1529		1534		1551	1561	1563	1565	1567	1513	1552
Г о д н .	Городаъ.	Городаъ.	Волостъ.	Городаъ.	Волостъ.	Городаъ.	Городаъ.	Городаъ.	Городаъ.	Копъ гр.	Копъ гр.
Могилевъ	100 к. гр.	40 руб.	60 р.	100 к.	—	1000 к.	600 к.	—	150 к.	—	150
Пронейскъ	—	20 к. гр.	—	—	40 к.	—	—	—	—	—	20
Чичерскъ	—	20 к. гр.	—	—	40 к.	—	—	—	—	—	20
Кричевъ	—	15 р.	—	—	50 к.	—	—	—	—	—	20
Мозырь	—	40 р.	—	50 к.	50 к.	100 к.	—	100 к.	100 к.	—	60
Влчкъ	—		—	—	20 к.	—	—	—	—	—	
Борисовъ	—	30 р.	—	30 к.	50 к.	—	—	—	20 к.	—	20
Бобруйскъ	—	40 р.	—	30 к.	50 к.	100 к.	200 к.	100 к.	80 к.	—	60
Свислочь	—	30 р.	—	60 к.		—	—	—	60 к.	—	50
Горволя	—	10 р.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Рѣчица	—	15 р.	—	50 к.		—	—	—	—	—	30
Озерине	—	15 р.	—	40 к.	—	—	—	—	—	—	—
Усвятъ	—		—		—	—	—	—	—	—	—
Орша	—	—	—	20 к. гр.	—	500 к.	—	—	—	—	—
Мегиславъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Львобаны	—	—	—	50 к.		—	—	—	15 к.	—	—
Радомковичи	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	—	3350 к. 40 гр.			780 к.	1700	800	200	325	—	480

Примъ: Поговевщина 1552 г. взята съ волости и города.

В. Таблица податка, позычекъ и поговевщины съ городовъ.

Названіе сборовъ.	Податокъ земскій.			Позычки.				Количество копей.	
	1529	1534	1551	1561	1563	1565	1567	1513	1552
Г о д н .	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копей.	копей.
Вильна	1500	500	500	—	—	—	8000	500	500
Ковно	300	250	100	—	—	300	1000	50	50
Трокя	10	50	20	—	—	200	100	10	10
Городно	180	100	51	2000	800	400	120	20	50
Вѣзьскъ	100	100	100	1000	800	—	150	50	50
Тавоганъ	—	—	30	200	160	80	60	—	—
Дорогичинъ	100	100	60	—	200	150	60	60	60
Мехлискъ	20	100	30	—	100	80	50	20	20
Лосича	15	15	20	—	—	—	50	15	—
Клецка	10	20	20	—	30	30	50	—	—
Нарва	5	—	15	—	40	40	30	—	10
Луцкъ	30	60	60	200	400	400	150	30	30
Володимиръ	20	60	50	—	200	150	60	30	30
Кременецъ	—	—	40	200	200	150	50	—	—
Кіевъ	—	—	100	1000	—	—	200	—	—
Минскъ	50	—	50	500	500	100	150	10	—
Полгордокъ	50	60	60	500	400	200	100	20	20
Волковыскъ	20	20	—	500	300	100	50	20	15
Каменскъ	100	60	50	200	200	100	60	50	50
Берестій	150	200	100	300	600	300	200	150	150
Вошь	—	—	—	—	—	—	30	—	—
Милейчицы	10	—	20	—	—	50	30	—	—
Бранскъ	10	20	50	200	200	100	60	15	15
Саража	20	20	30	200	200	100	40	15	15
Порозовъ	10	—	20	100	100	30	20	15	10
Полоцкъ	5 (2)	100	100	3000	—	—	—	—	—

Название сборовъ.	Податокъ земскій.			Позачкн.				Количество коней.	
	1529	1534	1551	1561	1563	1565	1567	1518	1552
Годы.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	„ко-ней“.	„ко-ней“.
Названія городовъ.	гр.	гр.	гр.	гр.	гр.	гр.	гр.	ней ^а .	ней ^б .
Витебскъ	10	50	100	3000	—	—	—	—	—
Одельскъ	15	—	5	—	—	—	12	—	—
Кринки		—	10	—	—	—	30	—	—
Кобрынь	10	—	40	200	150	—	50	—	20
Панскъ	50	100	100	500	400	—	150	—	—
Клецкъ	10	—	30	—	—	—	—	—	—
Слонимъ	20	60	30	100	200	100	50	20	10
Лида	10	—	20	—	—	—	30	30	—
Васляшки	5	—	10	—	—	—	15	8	—
Радувъ	5	—	10	—	—	—	15	—	—
Ейшишка	5	—	15	—	—	—	15	10	—
Конецво	5	—	—	—	—	—	—	—	—
Дубичи		—	—	—	—	—	—	—	—
Довги	5	—	5	—	—	—	15	—	—
Меречь	15	30	20	—	—	—	40	20	20
Пупи	10	—	15	—	—	—	30	20	20
Жижморы	5	—	—	—	—	—	15	—	—
Высокій Дворъ	5	—	—	—	—	—	—	—	—
Кернови	5	—	5	—	—	—	20	—	—
Мойшагола	5	—	5	—	—	—	—	—	—
Вилькомиръ	5	—	10	—	—	—	15	10	—
Оништы	10	—	10	—	—	—	8	10	—
Утена	5	—	10	—	—	—	16	5	—
Ушполы	10	—	10	—	—	—	—	—	—
Куняшки		—	—	—	—	—	10	—	—
Ведена	10	—	10	—	—	—	15	10	10
Вилькед	5	—	10	—	—	—	15	10	10

Название сборовъ.	Податокъ земскій.			Позачкн.				Количество коней.	
	1529	1534	1551	1561	1563	1565	1567	1518	1552
Годы.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	„ко-ней“.	„ко-ней“.
Названія городовъ.	гр.	гр.	гр.	гр.	гр.	гр.	гр.	ней ^а .	ней ^б .
Обрагола	10	—	—	—	—	—	20	—	—
Ошмена	5	—	5	—	—	—	—	—	—
Крево	5	—	5	—	—	—	—	—	—
Мосты	3	—	10	—	—	—	—	15	—
Ожа	3	—	5	—	—	—	—	—	—
Ляховичи	—	—	—	20	60	—	40	—	—
Мстисловъ	—	—	—	20	100	—	100	30	—
Шерешовъ	—	—	—	—	50	—	50	30	15
Ковель	—	—	—	100	—	100	—	—	—
Переломъ	—	—	—	—	50	—	—	—	—
Кашинь	—	—	—	30	200	—	80	—	—
Августовъ	—	—	—	—	—	—	50	20	—
Городель (Кобр. стар.)	—	—	—	20	—	100	10	—	—
Воложинъ	—	—	—	10	—	—	—	—	—
Перелая	—	—	—	—	—	—	20	—	—
Шавли	—	—	—	—	—	—	30	—	—
Янчики	—	—	—	—	—	—	20	—	—
Вешевы	—	—	—	—	—	—	15	—	—
Годикъ	—	—	—	—	—	—	15	—	—
Тельши	—	—	—	—	—	—	15	—	—
Плотеги	—	—	—	10	—	—	15	—	—
Варболово	—	—	—	—	—	—	40	—	—
Сомлишино	—	—	—	—	—	—	8	—	—
Герашовиы	—	—	—	—	—	—	15	—	—
Линишка	—	—	—	—	—	—	15	—	—
Вастинель	—	—	—	—	—	—	8	—	—
Лозда	—	—	—	—	—	—	8	—	—

Название сборовъ.	Податокъ земскій.			Позычки.				Количество коней.	
	Годы.	1529	1534	1551	1561	1563	1565	1567	1513
Названія городовъ.	копѣ гр.	копѣ гр.	копѣ гр.	копѣ гр.	копѣ гр.	копѣ гр.	копѣ гр.	„копей“.	„копей“.
Озита	—	—	15	—	—	—	—	20	—
Коптяжичь	—	—	—	—	—	—	—	5	—
Шадово	—	—	—	—	—	—	—	40	—
Поверевкѣ	—	—	—	—	—	—	—	30	—
Двигляни	—	—	—	—	—	—	—	6	—
Крожи	—	—	—	—	—	—	—	8	—
Довгалички	—	—	—	—	—	—	—	20	—
Высоцкое	—	—	20	—	—	—	—	30	—
Добучинь	—	—	—	—	—	—	—	40	—
Селець	—	—	20	—	—	—	—	15	10
Льсково	—	—	—	—	—	—	—	6	—
Жосли	—	—	10	—	—	—	—	15	—
Вольна	—	—	—	—	—	—	—	20	—
Новый Дворъ	—	—	—	—	—	—	—	20	—
Кузница	—	—	—	—	—	—	—	15	—
Рожаное	—	—	5	—	—	—	—	—	—
Трабы	—	—	10	—	—	—	—	—	—
Пруданы	—	—	15	—	—	—	—	—	15
Пешны	—	—	10	—	—	—	—	—	—
Вѣлица	—	—	15	—	—	—	—	—	—
Волквичи	—	—	5	—	—	—	—	—	—
Пеляжа	—	—	10	—	—	—	—	—	—
Россеина	—	—	5	—	—	—	—	—	15
Скерегомонь	—	—	5	—	—	—	—	—	—
Болвица	—	—	10	—	—	—	—	15	—
Браславъ Лиг.	—	—	20	—	—	—	—	15	20
Ломзы	—	—	—	—	—	—	—	10	—
Молдадь	—	—	5	—	—	—	—	10	—

Название сборовъ.	Податокъ земскій.			Позычки.				Количество коней.	
	Годы.	1529	1534	1551	1561	1563	1565	1567	1513
Названія городовъ.	копѣ гр.	копѣ гр.	копѣ гр.	копѣ гр.	копѣ гр.	копѣ гр.	копѣ гр.	„копей“.	„копей“.
Здатовъ	—	—	—	—	—	—	—	10	—
Цыринь (Новг. в.)	—	—	—	—	—	—	—	10	—
Осгриня	—	—	—	—	—	—	—	10	—
Нежовойти	—	—	—	—	—	—	—	10	—
Бирштань	—	—	—	—	—	—	—	10	—
Обези	—	—	5	—	—	—	—	10	—
Радивиллинъ	—	—	—	—	—	—	—	10	—
Ужвены	—	—	—	—	—	—	—	10	—
Биржаны	—	—	—	—	—	—	—	10	—
Полонга	—	—	—	—	—	—	—	10	—
Крепича	—	—	—	—	—	—	—	10	—
Дорсушица	—	—	—	—	—	—	—	10	—
Березиня	—	—	—	—	—	—	—	10	—
Луковница	—	—	—	—	—	—	—	8	—
Ботоки	—	—	—	—	—	—	—	8	—
Симно	—	—	—	—	—	—	—	8	—
Швинтаны	—	—	—	—	—	—	—	8	—
Межуръчье	—	—	—	—	—	—	—	6	—
Мельковъ	—	—	5	—	—	—	—	6	—
Луцкое	—	—	—	—	—	—	—	6	—
Новый Дворъ (Свентинцаго)	—	—	—	—	—	—	—	6	—
Итого	2981	2085	2461	13420	6240	3640	12345	1253	1280

Примѣчаніе: Покопевица взиалась по одной копѣ за выставлемого коня, следовательно количество коней равно количеству копѣ грошей. Въ видѣ исключенія „отлучено“ въ 1552 г. Вильнѣ 200 копѣ гр. Берестій тогда же далъ только 50 копѣ гр. Въ 1513 г. съ Вильны назначено 150 копѣ гр. деньгами и небольшою суммою сукнами, Берестій далъ 100 копѣ гр., а Володимиръ уплатилъ 40 копѣ гр.

Велеса—15 копъ гр., Волковыскъ—15 копъ гр., Васильшинъ 10 копъ, Городно—50 копъ, Луцкъ—50 копъ, Мерець—15 копъ, Бранскъ и Сараяъ по 30 копъ каждый.

Серебрина 1561 г. взата въ некоторыхъ городахъ „кроме жидовъ“: въ Геродидъ, Троякахъ, Тыкотинь, Новгородкъ, Слоинь, Мстабоговъ, Полоцкъ, Витебскъ, Бересты, Пинскъ, Мереца.

Въ Луцкъ, Володимиръ, Кремень и Клецкъ—серебрина взата „кроме жидовъ и жидовъ“.

Въ 1529 г., равно и позычпи, евреи платили отдѣльно.

Въ списки 1529 г. стоитъ „Парчовъ“—очевидно, ошибка вмѣсто Порозовъ.

Въ росписи 1563 г. на Тыкотинь разъ положено 150 копъ, другой—200 в.; вбродяго, ошибка.

По отдѣльнымъ свидѣнiямъ о некоторыхъ городахъ за другiе годы оказывается: въ 1554 году на Бранскъ положено 50 копъ гр. (Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 332 об.), на Луцкъ—въ 1540 г.—60 копъ (Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 86 об.), на Оряу—въ 1568 г.—40 копъ, на Каменьць—100 копъ (Кн. Публ. Д. Лит., IX, лл. 102 об. и 110), въ 1554 г.—на Мозырь—50 копъ, на Лиду—20 копъ, на Вильцу—15 копъ (Любавскiй, Л.-р. сейма, прил., р. 94).

С. Таблица, показывающая сборъ земской подати по повѣстямъ за 1565, 1567, 1569 гг.

Название по- вѣтовъ.	1565 г.			1567 г.			1569 г.		
	копъ	гр.	пен.	копъ	гр.	пен.	воло- тыкъ	гр.	пен.
Виленьскій . . .	1398	41	$\frac{1}{2}$	3974	15	2	7016	10	—
Троцкiй	729	47	—	1942	56	$8\frac{1}{2}$	4425	—	—
Ошмянскiй . . .	3345	38	9	7383	44	1	9064	9	$5\frac{1}{2}$
	—	—	—	(461 ^р)	(30)	(8)	—	—	—
Витебскiй	214	28	5	25	5	1	—	—	—
	(25)	—	—	—	—	—	—	—	—
Оршанскiй . . .	2947	56	$5\frac{1}{2}$	7045	43	2	5150	8	$4\frac{1}{2}$
Гродненскiй . .	2178	48	$5\frac{1}{2}$	4565	50	9	11164	11	5
Берестейскiй . .	3820	33	9	6697	35	5	10434	5	—
Пинскiй	1450	23	5	1895	6	4	2575	—	—
Волковыскiй . .	1581	50	$9\frac{1}{2}$	3400	20	$8\frac{1}{2}$	2525	—	—
Ковельскiй . . .	840	17	1	1578	2	—	4399	18	6
Ушицкiй	955	—	—	3056	50	—	7054	—	—
Вилькомирскiй .	2362	17	$2\frac{1}{2}$	5785	22	$7\frac{1}{2}$	6736	3	—
	(101 ^с)	(14)	—	—	—	—	—	—	—
Дорогинскiй . . .	1212	39	2	2981	9	$5\frac{1}{2}$	—	—	—
Мельницкiй . . .	542	39	6	568	23	4	—	—	—
Новгородскiй . .	4516	24	$2\frac{1}{2}$	10923	32	$3\frac{1}{2}$	10806	3	7
Кременецкiй . .	1814	9	2	1926	35	6	—	—	—
	(29 ^с)	(55)	—	—	—	—	—	—	—
Володимирскiй .	1182	23	4	2628	19	4	—	—	—
Кіевскiй	1607	34	$2\frac{1}{2}$	1402	—	9	—	—	—
Минскiй	3598	49	3	6209	24	$8\frac{1}{2}$	9660	45	8
Слоинскiй	3024	22	$\frac{1}{2}$	3920	39	$5\frac{1}{2}$	4683	15	—
Браславъ Лит. .	533	28	$\frac{1}{2}$	1186	46	9	1907	28	$4\frac{1}{2}$
Вильскiй	961	9	3	2292	48	—	—	—	—

Название по- ветовъ.	1565 г.			1567 г.			1569 г.		
	копѣ	гр.	пен.	копѣ	гр.	пен.	золото- грѣхъ	гр.	пен.
Литскій	902	53	8	5040	56	—	4475	15	6
Жмудская земля	8134	37	7 ¹ / ₂	5637	22	2 ¹ / ₂	14080	17	5
Мстиславскій	—	—	—	128	42	—	17	18	5 ¹ / ₂
Рѣвнскій	—	—	—	127	18	—	—	—	—
Луцкій	—	—	—	7137	26	6	—	—	—
Мозирскій	—	—	—	769	54	4	—	—	—
Браславскій и Велицкій	—	—	—	171	57	—	—	—	—
Возлесть Убор- ская	—	—	—	(539)	(48)	—	—	—	—
Держава Упит- ская	—	—	—	—	—	—	1686	22	4
Держ. Полоцка, Крестина и Горзе- ды	—	—	—	—	—	—	759	10	4
<i>Кромѣ того:</i>									
Изъ разныхъ пов. поступило прямо къ голомъ бирчимъ	1330	15	5	12994	12	3 ¹ / ₂	—	—	—
Получено по за- ключенію счета	—	—	—	5127	30	4	—	—	—
Взято у жидовъ подъ залогъ ве- шей и гетмана	—	—	—	—	—	—	5000	—	—
Итого	50187	28	4	110576	11	3 ¹ / ₂	123766	4	9
	(51851)	(24)	(7)	(111162)	(30)	1 ¹ / ₂	—	—	—

Примечанія.

^{1) 2) 3)} Въ скобкахъ поставлены суммы „режты на поборахъ“.

¹⁾ Отданныхъ поборами гетману.

²⁾ Взяты поборами въ свою пользу.

³⁾ Упущены поборами по листамъ гетмана.

По нашей проверкѣ сборовъ по повѣстямъ, итоговъ не сходится съ итогомъ комиссаровъ. Въ текстѣ на страницѣ 774 приведены итоги послѣднихъ, потому что они ближе къ суммѣ расходовъ. Въ итогахъ настоящей таблицы видная цифра въ скобкахъ обозначаетъ итоговъ дохода съ суммами, происхождение коихъ объяснено въ выше приведенныхъ примѣчаніяхъ.

Отчетъ о серебрищѣ 1565—1569 г.г. находится въ Архивѣ Варшав. Казен. Паз., отд. I, н.п. 111.

ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
3	10 св.	степавніеся	степавніеся
17	8 св.	въ ней	въ немъ
18	прим. 1	Кенесзну	Кенесзну
27	12 св.	„Въ Витебскѣ судять по своему праву“	Въ Витебскѣ судять „по своему праву“.
31	9 св.	въ грамотахъ, называются	въ грамотахъ называются
34	12 св.	Смоляне	Смоляне
36	3 св.	магдебургскаго	магдебургскаго
57	11 св.	организованность	организованность
57	10 св.	столько	столь
65	4 св.	и полякамъ	и къ полякамъ
68	прим. 4	Лялюшъ	Лялюшъ
75	14 св.	отчней	отчней
79	прим. 3	Вялковичу	Вялковичу
90	10 св.	квотативнаго	репартиціоннаго
95	прим. 1	вляки	вляки
105	прим. 1	роіітцслужз	роіітцслужз
124	прим. 6	А. Ю. З. Р.	А. Ю. З. Р., т. I, р. 75.
137	15 св.	право подданнаго	положеніе подданнаго
197	13 св.	въ отношеніи разрядовъ населенія.	въ отношеніи разрядовъ населенія къ скарбу
203	8 св.	различныхъ	различныхъ
204	16 св.	во дла	то дла
213	10 св.	что	то
232	8 св.	они не яхъли	они имѣли
235	8 св.	слѣдующіе служебники	слѣдующіе служебники: слуги путнае, соловники, сазовники, кушари
239	1 св.	Незабитовскаго	Незабитовскаго
241	6 св.	Дорожничаго	Дорожничаго
242	1 прим., стр. 3 св.	намы	намы
252	2 св.	амфитеузу	амфитеузу

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	СЛЕДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
256	прим. 4	А. Ю. З. Р.	А. Ю. З. Р., т. II, р. 120.
256	прим. 5	А. З. Р., II, р.	А. З. Р., II, р. 99.
260	11 стр.	налогоспособностей	налогоспособности
278	прим. 4	равныхъ отношеній	арендныхъ отношеній
284	прим. 1	осаживаючи, поручиль, зачимъ	осаживаючи", поручиль „зачимъ.
309	прим. 1	Кн. Публ. Д. Л.	Кн. Публ. Д. Л., VI.
315	прим. 1	А. З. Р., III, р.	А. З. Р., III, р. 79.
329	8 стр.	съ теоріей	съ исторіей
336	12 стр.	вымовли	вымовы
341	10 стр.	всегда	иногда
343	9 стр.	тысячу	тысячи
362	10 стр.	хотя и	такъ что
367	прим. 3, стр. 10 стр.	торговата	торговати
373	9 стр.	только въ періодъ	въ періодъ
387	10 стр.	переплавиваніе воска	вереталиваніе
389	11 стр.	полокотная	полокотное
417	3 стр.	рѣзкій	рѣзкій
443	1 стр.	арендной платы по устройству	расхода по устройству
447	прим. 2	1664 г.	1564 г.
454	3 стр.	объ ограниченіи производства	объ ограниченіи частнаго произ- водства
468	прим. 6	Скумилъ	Скумилъ
584	5 стр.	ушп	ушп
590	18 стр.	условіяхъ	условіяхъ
610	3 стр.	по завѣщанію, если	по завѣщанію; если
613	6 стр.	по восходящей степени	по восходящей и боковой степени
632	7 стр.	помѣры	помѣры
633	14 стр.	и грамоты	грамоты
643	1 пр.	407	447
604	11 стр.	составленной	составленный
725	13 стр.	новш	инов
727	12 стр.	едва ли	если

Въ приложенияхъ ошучено прим. къ стр. 703, прим. 5: оно будетъ помѣщено
при второмъ томѣ.

Отдѣльныя изданія того же автора:

Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столѣтія. Кіевъ, 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Очерки обычнаго семейственнаго права крестьянъ Минской губ. М. 1887 г.

Западно-русская сельская община въ XVI в. СПб. 1897 г. (изъ Ж. М. Н. Пр.).

Бѣлорусская свадьба и свадебныя пѣсни. Этнографическія этюды. К. 1888 г.

Бѣлорусское Полѣсье. Сборникъ этнографическихъ матеріаловъ. Пѣсни Пинчуковъ. Съ приложеніемъ карты и статьи о говорѣ. К. 1895 г. Ц. 2 р.

Литовскіе упоминки татарскимъ ордамъ. Скарбовая книга Метрики Литовской 1502—1509 гг. Симферополь. 1898 г.

Польско-литовская унія на сеймахъ до 1569 г. М. 1897 г.

Къ исторіи поземельной реформы въ Ливоніи въ 1580—1592 гг. М. 1899 г.

Изъ исторіи польско-литовской борьбы за Вольшь. Договоры 1366 г. К. 1896 г.

В. Н. Тининскій, переводчикъ евангелія на бѣлорусское нарѣчіе. СПб. 1899 г.

Изъ исторіи бюджета Разряднаго Приказа, М. 1900 г.

Спорные вопросы въ исторіи Литовско-русскаго сейма. СПб. 1901 г. (изъ Ж. Мин. Нар. Пр.).

Акты Литовско-русскаго государства, издачныя М. Довнаръ-Запольскимъ. М. 1900 г.

Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи. Т. I. М. 1897 г. Ц. 3 р. (Документы изъ Метрики Литовской, издачныя М. Довнаръ-Запольскимъ).

